

НАУЧНОЕ
НАСЛЕДСТВО

СЕРГЕЙ
ИВАНОВИЧ
ВАВИЛОВ

ДНЕВНИКИ

СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ ВАВИЛОВ

Книга

1

С. У. Керемек

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ
ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ
им. С.И. ВАВИЛОВА

АРХИВ

НАУЧНОЕ НАСЛЕДСТВО

Серия основана
академиком С. И. ВАВИЛОВЫМ в 1948 г.

Возобновлена в 1980 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

академик РАН В. С. Мясников (председатель),
академик РАН В. Г. Барановский,
член-корреспондент РАН Ю. М. Батурин,
академик РАН В. М. Баутин,
кандидат исторических наук Н. В. Бойко (ученый секретарь),
доктор исторических наук М. Д. Бухарин,
член-корреспондент РАН В. И. Васильев,
член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков,
член-корреспондент РАН А. В. Дыбо,
академик РАН Ю. А. Золотов,
член-корреспондент РАН В. П. Козлов,
член-корреспондент РАН Е. И. Пивовар,
доктор исторических наук И. Ф. Попова,
доктор философских наук А. Я. Рубинштейн,
академик РАН А. С. Сигов,
доктор исторических наук Г. И. Смагина,
доктор исторических наук И. В. Тункина

МОСКВА НАУКА

2016

НАУЧНОЕ НАСЛЕДСТВО

Том 35

СЕРГЕЙ
ИВАНОВИЧ
ВАВИЛОВ

ДНЕВНИКИ
1909–1951

В двух книгах

Книга 1

1909–1916

Ответственный редактор
доктор экономических наук В.М. ОРЕЛ

Составитель и хранитель личного архива
академика С.И. Вавилова
В.В. ВАВИЛОВА

Редактор-составитель Ю.И. КРИВОНОСОВ

МОСКВА НАУКА

2016

УДК 53(093.3)
ББК 2
В12

Редакционная коллегия тома:
И.М. АДУЛО, А.В. АНДРЕЕВ, Ю.И. КРИВОНОСОВ, В.М. ОРЕЛ,
Е.И. ПОГРЕБЫССКАЯ, К.А. ТОМИЛИН

Рецензенты:
ученый секретарь Комиссии
по сохранению и разработке научного наследия
академика Н.И. Вавилова
Т.Б. АВРУЦКАЯ,
доктор физико-математических наук
В.П. ВИЗГИН

Вавилов Сергей Иванович

Дневники, 1909–1951 : в 2 кн. / Сергей Иванович Вавилов ; сост. В.В. Вавилова ; редактор-составитель Ю.И. Кривонос ; отв. ред. В.М. Орел. – М. : Наука, 2012 – . – (Научное наследие ; Т. 35 : в 2 кн.). – ISBN 978-5-02-037639-7

Кн. 1: 1909–1916. – 2016. – 655 с.: ил. – ISBN 978-5-02-039172-7

Материалы дневников являются уникальными документами исторического значения, повествующими о внутреннем мире этого выдающегося мыслителя, крупного ученого и организатора отечественной науки. Дневник 1909 г. – это период окончания коммерческого училища и поступления в Московский университет. В это время Вавилов знакомится с рядом выдающихся ученых, с постановкой научной работы. Непререкаемым авторитетом для него становится крупнейший отечественный физик П.Н. Лебедев, в лаборатории которого началась научная деятельность С.И. Вавилова. Дневники 1910–1914 гг. содержат интересные материалы о жизни студента Вавилова, московском студенчестве, важных общественных событиях, о литературе, живописи, музыке, в частности в связи с поездками в европейские страны и особенно в Италию. В 1914–1916 гг. С.И. Вавилов – участник Первой мировой войны. Его свидетельства представляют чрезвычайный интерес для истории. В книгу включены все рисунки, находящиеся в дневниках этого периода.

Для историков и читателей, интересующихся событиями нашего прошлого.

ISBN 978-5-02-037639-7
ISBN 978-5-02-039172-7 (кн. 1)

- © Вавилова В.В., составление, 2016
- © Кривонос Ю.И., редактор-составитель, 2016
- © Российская академия наук и издательство «Наука», серия «Научное наследие» (разработка, оформление), 1948 (год основания), 1980 (год возобновления), 2016
- © ФГУП «Академиздатцентр “Наука”», 2016

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Благодарю Бога за то, что веду дневник. Каждый день, на сон грядущий можно опомниться, умерить восторги и укротить печали. Жизнь каждого дня – хаотично разбросанная на “экспериментальные” точки. Но вот берешь лекало и проводишь между этими точками плавную, стройную кривую, хаос точек сразу пропадает и становится ясно и спокойно на душе. Дневник – лекало».

*С.И. Вавилов. Дневник, запись
25 мая 1916 г.*

Сергей Иванович Вавилов – выдающийся ученый, крупнейший организатор и историк науки, видный общественный и государственный деятель оставил нам в своих дневниках свидетельство жизни стран, людей и человека в различные периоды неизмеримо сложного, трагического и героического для России XX века.

Дневники охватывают два самостоятельных периода в жизни автора – предреволюционные годы, годы становления личности, годы поиска своего предназначения и своего пути в науку и годы уже зрелого ученого и организатора науки. В связи с этим и две книги дневников включают эти два периода: первая книга – 1909–1916 гг., вторая – 1920 и 1935–1951 гг.

По сохранившимся в дневниковых записях свидетельствам свой дневник Сергей Иванович Вавилов начал вести лет с 13. В разное время он неоднократно возвращается к осмыслению своего отношения к дневнику. В силу характера, особенностей натуры этого неординарного человека дневник был не только и не столько способом запечатлеть и сохранить хронологию различных событий, сколько, главным образом, местом для размышлений о себе самом, о своем отношении к окружающему. Дневник – это его друг и собеседник, позволяющий лучше разобраться в себе самом. Свои записи он именует «письмами к самому себе».

С юных лет у Сергея Ивановича сформировалась любовь к собирательству, к созданию своего архива, к приобретению книг, особенно антикварных, различных произведений искусства. В зрелые годы это вылилось в собирание огромной личной библиотеки с уникальными изданиями. А тогда студент первого курса Московского университета отмечает в своем дневнике 1910 года: «Разбирался я как-то в своем архиве. Архив небольшой, а интересный, особенно, чем древнее бумаги. Нашел в одном старом дневнике, кажется 1905 года, даже что-то в таком роде: “Вот уже четыре месяца, как я не верю в Бога”».

К сожалению эти «древние» бумаги не сохранились. В 1914 г. после окончания Московского университета, собираясь поступать в военную службу в качестве вольноопределяющегося, перед отправлением «в Любецкое в саперный батальон» Сергей Иванович записывает в дневнике: «Привожусь в порядок, т.е. отдаю визиты, разбираю книги... Сегодня несколько часов рвал и уничтожал всякие плоды вдохновений, времени, когда мне было 13–14 лет. Сколько глупости и шаблонов, просто ужас, и главное, все написано было за полгода 1904–1905. Но теперь много уничтожил, “искоренил”...».

Таким образом, сознательно Сергей Иванович оставил дневники, только начиная с 1909 г. Правда, через много лет, начав работу над своими воспоминаниями, он высказывает недовольство содержанием этих своих первых оставленных тогда дневников.

В дневнике 1951 г. он, будучи на лечении в санатории Барвиха, записывает 8 января незадолго до своей кончины: «Вчера, занявшись “Воспоминаниями”, заглянул в свои дневники 1909 и 1910 гг. Не понравились они мне. Хаос, схоластика, снобизм, глупые стихи. Под этим впечатлением прошел вечер».

В самом тексте «Воспоминаний» он возвращается к оценке своих ранних дневников: «Передо мной старый дневник 1909 г. Писал его 18-ти лет. Все решительно, резко и грубо, и приходится теперь, через 41 год, через эту жесткую решетку [времени] угадывать правду. В этом дневнике я для будущих воспоминаний записал краткие характеристики товарищей. Теперь придется их приводить с громадными коррективами, иногда даже негативы превращать в позитив...» (1 января 1951 г.).

В этом фрагменте важно отметить фразу: «В этом дневнике я для будущих воспоминаний записал...». Выходит, что уже тогда 18-летний юноша думал о «воспоминаниях» и вел дневник с учетом его использования в будущем?!

А вот запись от 7 января 1951 г.: «Перелистал я сейчас мой дневник за 1909 г. Читать его малоприятно. Видно внутреннее брожение, свойственное интеллигенции после 1905 г. Прочел там очень резкие строчки о школе. “...чужая она мне, холодная, неприятная... ученики безмозглые, глупые мужики, купцы или приказчики мелкой руки. Нет юношеского пыла, идеалов...”. Думаю, что преувеличено все это, но большая доля правды была».

Чуть дальше он уточняет: «Коротко написал я про школу. На самом деле эти восемь лет были огромного значения формирующим периодом. Еропкинский дом на Остоженке. Часто езжу и теперь мимо него, сколько душ в нем выросло!».

То, что дневник для Сергея Ивановича был постоянным «собеседником», свидетельствуют и следующие записи. Первая 31 мая 1910 г.: «Пересмотрел я сейчас все, что написал в мае... Нет, это совсем не то, совсем не я, какая-то одна из моих масок, но не я, и потом маска-то какая-то скверная: да, mon cher, дневник».

Вторая, сделанная 31 декабря 1913 г.: «Ну, вот он и финал. Расстаюсь с 1913 г[одом] и с этой книжкой. К моему удивлению, вижу, что все три года, которые я здесь описывал [,] одного типа и окончание книжки совпадает с окончанием периода. Лучше не назовешь этого периода как наивным. Наивное непонимание самого себя, наивное увлечение многой чепухой, наивная философия».

А начиная дневник 1914 г., он намечает внести коррективы и записывает: «В дневнике хочу писать много фактического». И действительно, в сохранившихся дневниках 1914–1916 гг. мы находим массу интереснейших подробностей армейской жизни, будней военного времени и, конечно, в духе автора, много размышлений «о времени и о себе». Следует отметить, что когда Сергей Иванович поступал в качестве вольноопределяющегося на годичную военную службу, ничего не предвещало скорого начала войны. Отправляясь в июне 1914 г. в военный лагерь, он взял с собой много книг, в том числе по физике, и планировал ежедневно «часов пять» посвящать продолжению и углублению своего физического образования. Но этим его планам не пришлось осуществиться. Началась Первая мировая война, и уже в августе он записывает: «Самое интересное для “через сто лет после нас”, пожалуй, солдатское настроение, о нем нужно написать, а сейчас пока сидим у Вульки Орловской на биваке, слушаем пальбу и ожидаем свою судьбу».

Продолжая свои размышления о значении своих дневников для себя самого, он записывает в июне 1915 г.: «То, о чем я пишу в дневнике, для меня, в сущности, “все”. Это книги, которые я читаю, вести, мечты, окружающая обстановка. С точки зрения какого-нибудь генерала или будущего историка – все это только “часы досуга”, промежуточная, соединительная ткань, нужная, чтобы я не умер от скуки, и время не рассыпалось бы».

А позднее, в ноябре 1916 г., находясь в г. Луцке, он возвращается к мыслям о предназначении своих дневниковых записей: «Для кого я это все записываю, не знаю. Пожалуй, только для себя. “Потомкам”, конечно, будет скучно читать эти “страдания молодого Вертера”, и лучше бы оставить им пикантную летопись с анекдотами и сплетнями “наших дней”, с описанием луцких обитателей и обитательниц, но писать эпически не умею, хотя и хотел бы».

Но это не так. То, что осталось в дневниках, – это подлинная история тех событий, запечатленная и переосмысленная их наблюдателем.

Наиболее четко свое отношение к написанию дневников в этот период он сформулировал в записи в мае 1916 г.: «Благодарю Бога за то, что веду дневник. Каждый день, на сон грядущий можно опомниться, умерить восторги и укротить печали. Жизнь каждого дня – хаотично разбросанная на “экспериментальные” точки. Но вот берешь лекало и проводишь между этими точками плавную, стройную кривую, хаос точек сразу пропадает и становится ясно и спокойно на душе. Дневник – лекало».

Военные дневники 1914–1916 годов сохранились, по всей видимости, именно потому, что Вавилов имел возможность в январе–феврале и декабре 1916 г. получать краткий отпуск и приезжать в Москву к родным. Перед возвращением в действующую армию 28 декабря 1916 г. он записывает: «...эту книжку в Луцк не повезу, а тут оставляю...». И предыдущие книжки военных дневников, которые он отправлял почтой в Москву, сохранились в его домашнем архиве. Можно с большой долей уверенности предполагать, что Сергей Иванович вел или начинал вести дневник и в 1917 г. Но об этом времени сохранились лишь отрывочные сведения, не подкрепленные документальными источниками и трактуемые по-разному и у различных авторов биографий С.И. Вавилова и в воспоминаниях о нем. Сам Сергей Иванович в своей автобиографии очень кратко упоминает, что «в феврале 1918 г. взят в плен

немцами в г. Двинске, но через два дня бежал...»¹. А этому, вероятно, способствовало хорошее знание немецкого языка и, по одной из версий, встреча с немецким офицером, также физиком. В этих условиях дневник, если он велся, мог быть утрачен или сознательно уничтожен. В Москву Сергей Иванович возвратился в начале 1918 г., когда и началась его научная и преподавательская деятельность. К написанию дневников он вернулся на краткое время в 1920 г., а затем после длительного перерыва – в 1935 г. Однако о своем отношении к дневникам и их значении для него он писал многократно и в последующие годы. Так, возобновив в 1920 г. ведение дневника, Сергей Иванович записывает: «Опять я принялся за дневник. На это есть причины. Хотя можно ли и стоит ли об этом писать? И для кого? Опять письма к самому себе»².

11 июня 1942 г. он отмечает: «Для чего все это пишется? Какая-то, очевидно, самому неясная надежда на то, что кто-нибудь прочтет, и так ускользнуть со всеми несчастиями своими на некоторое время от разрушения?»

Эта же мысль выражена в записи 1 января 1946 г., когда он начинает новую тетрадь: «Дневники, записи вел почти непрерывно лет с 15, правда, с перерывами. Зачем? По-видимому, бессознательная попытка осуществить... повторение Хеопсовой пирамиды в микромасштабе.

Сейчас это больше условный рефлекс. Привык. Польза некоторая: иногда можно на себя оглянуться...». Наиболее ясно надежда на то, что дневник будет прочитан и будет понят весь трагизм его состояния, отразилась в записи 16 ноября 1943 г., когда он заполнял последние страницы большого толстого блокнота, начатого еще в 1935 г. и включавшего помимо дневника раздел с научными заметками.

Сергей Иванович записывает: «Кончается книга. На ней остались следы целой эпохи...

Замена убегающей памяти. Жалкий призрак надежды поймать уходящее.

Если книжку не сожгут, не выбросят, не изорвут и она дойдет до человека с душой и умом – он, наверное, кое-что из нее поймет относительно трагедии человеческого сознания».

Мысль о том, что дневники могут представлять историческую ценность, Сергей Иванович отмечает в записи 7 сентября 1941 г.: «Если бы уметь эпически спокойно излагать все виденное и слышанное, получились бы записи немаловажные для будущего историка». Однако он сомневается в объективности «будущих историков», «судя по настоящим... выворачивающих [факты] на все возможные манеры в зависимости от показаний барометра и термометра». Поэтому и многочисленные пометки, встречающиеся в дневниках в разное время: «Стоит ли все это записывать»; «Для чего и кому нужны эти записи»; «Ни к чему»; «Для чего все это писать, никому и ни для чего это не нужно». К счастью, дневники сохранились, и уже первые выборочные их публикации оказались очень востребованными, они открыли целый новый пласт уникальной информации не только о личной жизни этого выдающегося

¹ См.: Физики о себе / Отв. ред. В.Я. Френкель. Л.: Наука, 1990.

² Речь тогда в завуалированной форме шла о внутреннем состоянии Сергея Ивановича в дни принятия важнейшего для него решения о женитьбе (см. книгу 2 – Сергей Иванович Вавилов. Дневники. М.: Наука, 2012).

мыслителя, но и жизни общества, о человеческих отношениях, судьбах страны, истории науки.

Интересны сами тетради и блокноты, в которых делались записи. Первый дневник 1909 г. – это школьная тетрадь в мягком черном дерматиновом переплете размером $22 \times 17,5$ см объемом 140 страниц. В правом верхнем углу черной обложки юный Вавилов бритвой вырезал дату – 1909. На титульном листе в виде эпитафии приведены стихи Тютчева и указано время написания – «31 декабря 1908 г. 12 часов ночи». По какой-то причине в этой тетради вырваны 103 и 104 страницы. В дневниковой тетради 1910 г. размером $22 \times 18,7$ см в твердом переплете на титуле написаны стихи С.И. Вавилова, помеченные 31 декабря 1909 г. На стр. 41–42, запись 8 апреля, оторваны нижние части листов, примерно четыре строки. Всего в тетради 119 страниц.

Дневники 1911–1913 годов записаны в толстом черном блокноте с золотым тиснением размером $21,5 \times 14$ см. На титульном листе на немецком языке записан фрагмент из «Фауста» Гете, помеченный 1 часом ночи 1 января 1911 г. В блокноте отсутствуют 11 и 12 страницы, оторвана часть 9-й страницы, примерно 5 строк. После 21 страницы нумерация отсутствует.

В записях 1912 г. вшиты полупрозрачные листы из другого блокнота меньшего формата ($19 \times 12,5$ см), а в эту вставку в свою очередь вшиты листы из блокнота еще меньшего формата ($17,5 \times 10,5$ см). Вероятно, эти записи были сделаны тогда, когда основной блокнот был не доступен, а переписывать их автор не захотел и сделал такую вставку. В блокнот вложен рисунок головы человека с бородой и большими усами, похожий на школьного учителя И.Е. Евсеева. Рисунок, вероятно, принадлежит перу С.И. Вавилова.

В разделе 1913 г. на первой странице эпитафия из Пушкина и дата: 1 января 1913 г., 1-й час ночи. Запись 22 июля сделана на отдельном листочке, вложенном перед записью 25 июля. Всего в блокноте 160 стр.

Дневник 1914 г. записан в блокноте в темно-коричневом кожаном переплете с карманом для карандаша. Размер $19,5 \times 12,5$ см. В нем также сделана вставка из блокнота меньшего размера ($17,8 \times 11$ см), которым и начинается 1914 г. К дате 9 июля вклеена вкладка с рисунком из перекидного календаря – девочка на шаре и надписью: «Моментальная фотография моего теперешнего положения. Может все случиться». Перед записями этого года эпитафия из Пушкина и время – $\frac{1}{2}$ 1 ч. ночи 1 янв. 1914 г. Первая запись в большом блокноте – 28 июля. В конце записей на последней странице нарисована карта-схема с маршрутом передвижения воинской части, в которой служил Сергей Иванович, а также вклеена карта Польского Королевства издания 1914 г. Всего в блокноте 316 стр.

В 1915–1916 годах С.И. Вавилов использовал блокноты небольшого формата. Это, несомненно, было связано с тем, что в походных условиях ими было удобнее пользоваться, храня в кармане одежды. В кожаном светло-коричневом блокноте, размером $15,5 \times 9,5$ см, содержащем записи с 1 января по 30 июня 1915 г., на развороте титульного листа сделана запись: «Сергей Иванович Вавилов 25 саперный батальон». На левом развороте строчка из Гамлета и стихи Лермонтова и дата: 1 января, 1915 Кельцы. В этом блокноте 148 стр. В блокноте с записями июль–сентябрь 1915 г. на титульной странице 2 фрагмента из Фауста, внизу запись: Лисов, 1 июля 1915. На первой странице в тексте вырезано какое-то слово, аналогично автор поступил с записями

на 3-й и 9-й страницах. На нескольких страницах оторвана часть текстов. Сам блокнот в светло-серой бумажной обложке размером 16,5 × 10 см. Супербложка, в которую он вставлялся, была, видимо, утрачена. На последней странице подсчеты каких-то расходов в рублях и копейках. Блокнот содержит 108 стр.

Дневниковые записи с октября 1915 г. по октябрь 1916 г. сделаны в темно-красном (под кожу) блокноте с «позолоченным» срезом и пеналом для карандаша. Его размер 17,5 × 11,5 см, объем 393 страницы. На корешке блокнота надпись с указанием даты начала и окончания записей (1915. 1 октября – 1 октября 1916). На левой титульной странице наискосок сделана запись: «Мой постоянный адрес: Москва, Средняя Пресня, 13 А.М. Вавиловой». На правой титульной странице эпитафия из Гете и Пушкина. Там же внизу страницы надпись: «д. Торплец 1 октября 1915 г.». Записи в блокноте сделаны разными чернилами и карандашом. В блокноте вложена открытка с портретом старого человека работы польского художника Л. Левандовского. На стр. 123 сохранились засушенные лепестки цветов. На последней странице обложки блокнота записаны наименования прочитанных книг.

Последний военный блокнот содержит записи с 1 октября по 28 декабря 1916 г. Это тонкий черный блокнотик с золотой окантовкой. Размер 14 × 8,5 см. В нем заполнена 51 страница. В конце последней записи сделана подпись: «С.И. Вавилов», чего раньше не встречалось³.

В дневниках, описывающих путешествия молодого Сергея Ивановича по Италии, много зарисовок, сделанных на ходу, прямо в музеях или на улицах городов. В военных дневниках 1914–1916 годов много цветных рисунков, на которых изображены места проживания – «халупы», сельские и городские пейзажи, архитектурные достопримечательности. Все рисунки воспроизводятся в соответствующих местах публикуемых дневников⁴.

При подготовке текстов к публикации возникали в ряде случаев большие трудности, связанные с тем, что иногда для записей использовалась полупрозрачная бумага, записи делались карандашом, слова и фразы были неразборчивы. Это в свою очередь может объясняться тем, что тексты записывались не только за столом, а и в походных условиях, в дороге, иногда при дефиците времени. Определенные сложности возникали и в связи с тем, что Сергей Иванович очень часто использовал в записях различные языки – немецкий, английский, итальянский, французский, польский, латынь.

В военных дневниках, писавшихся на территории Польши и прилегающих районах Украины и Белоруссии, автором употреблялись слова, которые могут вызвать неправильные толкования – жид, хохол, пан. Надо иметь в виду, что в то время и в тех местах это были общепринятые и постоянно употреблявшиеся в обиходе названия групп населения (евреев, украинцев, поляков), в частности евреев, проживавших в так называемой «черте оседлости». На польском языке еврей – *żyd*. Это словоупотребление использовалось

³ Описание тетрадей и блокнотов дневников 1920, 1935–1951 гг. см. в книге 2 – Сергей Иванович Вавилов. Дневники. М.: Наука, 2012.

⁴ Те же рисунки в подлинном цветном изображении см.: Альбом «Смотрю на войну...». Академик Сергей Иванович Вавилов, Президент АН СССР (1945–1951). Фотографии и рисунки из дневников 1914–1916 гг. РАН, ИИЕТ им. С.И. Вавилова, АРАН. М.: РТСофт, 2011.

в том числе самим еврейским населением. Такие слова не носили у Сергея Ивановича каких-либо элементов антисемитизма или шовинизма, они были общепотребительными.

* * *

Дневники Сергея Ивановича Вавилова после его кончины сохранялись в домашнем архиве семьи. Супруга Сергея Ивановича – Ольга Михайловна Вавилова-Багриновская в 1956 г. передала в архив Академии наук СССР большое количество различных документов, служебную переписку, некоторые рукописи. Однако личные дневники, а это 16 блокнотов и тетрадей, остались в семейном архиве. После смерти О.М. Вавиловой дневники хранил их сын Виктор Сергеевич. Когда наступило время перемен и возникла возможность обнаружения дневников без купюр, Виктор Сергеевич, уже, будучи больным, дал согласие на подготовку рукописей к публикации. За эту огромную работу взялась его супруга Валерия Васильевна Вавилова, доктор химических наук, являющаяся сейчас хранителем личного архива Сергея Ивановича Вавилова. Подготовка дневников к изданию осуществлялась при ее непосредственном участии. В.В. Вавилова внесла определяющий вклад в эту работу, провела поиск и анализ документов, хранящихся в архиве, первичную расшифровку ряда текстов, подбор фотографий и документов.

* * *

Тексты дневниковых записей С.И. Вавилова приводятся без каких-либо изъятий. Нераспознанные слова отмечены ⟨нрзб.⟩. В квадратных скобках помещены раскрытия авторских сокращений. Слова, расшифровываемые неоднозначно, отмечаются в подстрочнике. В подстрочнике же помещены переводы иностранных слов и текстов. Орфография и пунктуация за редкими исключениями приведены в соответствие с действующими в настоящее время правилами. Научно-справочный аппарат содержит комментарии и примечания, а также именной указатель. В книге, в соответствии с подлинниками дневников, сохранена датировка событий по «старому стилю», употреблявшемуся до реформы 1918 г.

В стихах как самого С.И. Вавилова, так и в цитируемых им поэтических произведениях, сохранена пунктуация С.И. Транскрипция иностранных фамилий, упоминаемых в текстах С.И. Вавилова, приведена в конце Указателя имен.

Следует иметь в виду, что в ряде текстов, написанных на иностранных языках, содержатся неточности, связанные с тем, что С.И. Вавилов, как отмечалось в самих дневниках, находился в процессе их освоения. Говоря его словами, «все эти французы в течение восьми лет (учебы в коммерческом училище. – *Ред.*) все-таки не могли научить языку», а с немецким «получилось еще хуже», а с английским «еще хуже, чем с остальными». Поэтому составители вынуждены были при их переводах учитывать эти обстоятельства.

Подготовка рукописных дневников С.И. Вавилова к публикации, их текстологический анализ, расшифровка трудночитаемых текстов и слов, переводы текстов, написанных на иностранных языках, составление примечаний, комментариев и указателей, отбор фотографий и иллюстраций проведены

рабочей группой, созданной Институтом истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук. Руководитель группы – Ю.И. Кривонос (тексты предисловия, биографии, фотографии), члены группы – И.М. Адуло (дневники 1914), А.В. Андреев (дневники 1915–1916), Т.С. Костромина (дневники 1909–1914, 1916), И.А. Петропавловская (дневники 1915–1916), Е.И. Погребысская (дневники 1909–1913), Б.А. Старостин (основные переводы текстов на иностранных языках). Научно-справочный аппарат является результатом коллективной работы членов группы при окончательной редакции Е.И. Погребынской. Компьютерная подготовка макета рукописи осуществлена А.В. Андреевым, К.А. Томилиным и Т.М. Гавриловой.

Важное значение для расшифровки трудночитаемых слов и выражений, а также переводов с разных языков имели консультации сотрудников ИИЕТ – Д.А. Баюка, Н.В. Вдовиченко, В.П. Визгина, Е.А. Зайцева, А.В. Кессениха, О.Б. Федоровой. Особую благодарность выражаем кандидату филологических наук, зав. отделом ИНИОН РАН В.И. Герасимову, доктору философских наук С.С. Неретиной и доктору филологических наук А.В. Топоровой.

Большую помощь в работе по подготовке дневников С.И. Вавилова оказала рабочей группе ученый секретарь серии «Научное наследство» кандидат исторических наук Н.В. Бойко. Ее методологические рекомендации, организационные и редакторские советы, участие в расшифровке ряда текстов во многом помогли подготовке издания.

Постоянное внимание и необходимую помощь в работе по поиску архивных документов и подготовке издания оказывали директор Архива РАН кандидат исторических наук В.Ю. Афиани, а также заведующая читальным залом кандидат исторических наук И.Г. Тараканова.

Наша глубокая благодарность и признательность академику В.С. Мясникову – председателю редколлегии серии «Научное наследство», поддержавшему работу по изданию дневников С.И. Вавилова на всех ее этапах, а также В.В. Вавиловой, Т.Б. Авруцкой и В.М. Березанской, предоставившим фотографии из личных и музейных архивов.

Выход дневников С.И. Вавилова в свет стал возможен благодаря непосредственному участию на решающей стадии завершения работ члена-корреспондента РАН, директора ИИЕТ им. С.И. Вавилова РАН (2010–2015) Ю.М. Батурина.

На начальной стадии работа выполнялась при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 06-03-00058а, руководитель проекта В.М. Орел).

СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ ВАВИЛОВ (биографический очерк¹)

Сергей Иванович Вавилов родился 12(24) марта 1891 г. в Москве. Его отец Иван Ильич Вавилов прошел сложный путь от «мальчика» у купца Сапрыкина и певчего в церковном хоре до купца 2-й гильдии, гласного Московской городской думы, личного почетного гражданина, члена комиссии думы и попечительского совета приюта. Его деятельность была связана с крупной текстильной Прохоровской мануфактурой, в которой он, начав с рядового приказчика, стал одним из главных руководителей, а затем, как писал в своих воспоминаниях² Сергей Иванович, самостоятельным торговцем «красным товаром». Характеризуя отца, С.И. Вавилов свидетельствовал: «Был он человек умный, вполне самоучка, но много читал и писал и, несомненно, был интеллигентным человеком. По-видимому, он был отличный организатор, “дела” его шли всегда в порядке, он был очень смел, не боялся новых начинаний. Общественник, либерал, настоящий патриот, религиозный человек. Его уважали и любили... человек он, несомненно, был незаурядный по сравнению с окружающими его». И далее в другом месте воспоминаний: «У него была, несомненно, довольно сложная внутренняя жизнь».

Мать Сергея Ивановича Александра Михайловна Постникова происходила из семьи художников Прохоровской мануфактуры, ее отец был и резчиком по дереву, и гравером, как и три брата Александры Михайловны, по рисункам которых расписывались ткани, выпускавшиеся мануфактурой. О матери Сергей Иванович всегда вспоминал с большой любовью и глубоким трепетным чувством. В своих воспоминаниях он писал: «Мать, замечательная, редкостная по нравственной высоте, родом была из интересной семьи... окончила только начальную школу, и весь смысл жизни ее была семья. Собственных интересов у нее не было никогда, всегда жила для других. Мать любил я всегда глубоко и, помню, мальчиком с ужасом представлял себе, а вдруг мама умрет, это казалось равносильным концу мира... [она] была земная, чуткая и по-своему особенно (пленительная). Мало таких женщин видел я на свете... Обе семьи, и отцовская и материнская, были талантливыми и незаурядными (по общему русскому масштабу). Деловитость, организационные таланты, склонность к искусству – все это было у предков и родственников в большой дозе».

¹ При подготовке биографии использованы разработки сотрудников группы ИИЕТ РАН по изданию дневников С.И. Вавилова в связи с подготовкой электронной публикации на сайте Российской академии наук к 120-летию со дня рождения С.И. Вавилова.

² Подробнее см.: Сергей Иванович Вавилов. Очерки и воспоминания. 3-е изд. М., 1991.

Несомненно, эти семейные корни и сделали возможным рождение в семье двух выдающихся ученых и организаторов науки и их талантливых сестер. Отцу и матери пришлось пережить семейные трагедии, смерть двух первенцев в младенчестве. В семилетнем возрасте от аппендицита умер самый младший в семье сын Илья, которого мать называла «особенным». Кем бы он мог стать?

Младшая сестра Лидия, окончившая с золотой медалью Московское филармоническое училище по классу фортепиано и учившаяся на Московских высших женских курсах по медицине, мечтавшая стать детским врачом, заразилась черной оспой на занятиях в клинике и умерла осенью 1914 г. Погиб и не родившийся еще ее ребенок. Всю свою любовь и заботу Александра Михайловна переносила на оставшихся членов семьи и появившихся внуков.

Вспоминая о детстве, Сергей Иванович писал, что «сознание, память стали вполне ясно формироваться на четвертом-пятом году... Память сохранила многие подробности... Но все это осколки, в целое не срастающиеся. Фон занят матерью, ангелом-хранителем, без нее все остальное невысказано. Отец где-то вдали и знаю его плохо».

Читать Сергея Ивановича «научила матушка по азбуке Толстого». С семи лет он продолжал учебу в частной школе Войлошниковой, задачей которой являлась подготовка к экзаменам в среднюю школу. Ученики обучались чистописанию, грамматике, арифметике, закону божьему, немецкому и французскому языкам. Об этой начальной школе и ее учителях у Сергея Ивановича сохранились очень хорошие воспоминания. Как и старшего брата Николая, Сергея готовили к поступлению в Московское коммерческое училище. Отец надеялся, что сыновья продолжат его дело, но они выбрали другой путь и посвятили свою жизнь науке. В 1901 г., сдав вступительные экзамены, Сергей Иванович поступил в первый класс училища.

Об училище он вспоминал: «Оглядываясь на прошлое, вижу теперь, что к[оммерческое] у[чилище] было хорошей средней школой. Программа была правильная, реальная, но с большой дозой естествознания, физики, химии, технологии. Имелись совсем недурные кабинеты-лаборатории, каковых сейчас иногда не найдешь и в столичных высших школах. Отличная химическая и технологическая лаборатории. Великолепный чертежный и рисовальный классы, большой гимнастический зал, почтенная и большая старая библиотека. Учителя и воспитатели подбирались с толком».

Характеризуя своих учителей, Сергей Иванович особо выделяет И.Е. Евсеева, учителя рисования, который, по его свидетельству, «был в порядочной мере душой всего училища». Евсеев устраивал выставки, экскурсии по достопримечательным местам Москвы и Подмосковья, поездки учеников в другие города – Петербург, Киев, Ростов, Псков и Новгород, непременным участником которых был Сергей Вавилов.

В училище Сергей Вавилов отличался от своих одноклассников широтой интересов, духовными исканиями, стремлениями к углубленному познанию окружающей действительности. В воспоминаниях он писал: «Вижу, что с первого класса я начал выделяться особым складом мысли и литературными способностями». Это отмечали и некоторые преподаватели. По примеру старшего брата Николая, он устроил кружок из своих соучеников, который

собирался в основном у него дома. «Диапазон вопросов был громадный: философия, литература, искусство и политика (правда, в очень умеренном виде) (...) Но вывозить приходилось мне. Я писал рефераты о Толстом, Гоголе, Тютчеве, Махе, о декадентах, о самоубийствах как общественном явлении. Я писал, читал и говорил, остальные слушали». Постепенно кружок таял, но, как отмечал Сергей Иванович, «несмотря на всю его незначительность и узость, кружок служил облагораживающим звеном».

Осмысливая формирование своего миропонимания, молодой 19-летний Сергей Вавилов «по свежим следам» записывал: «До 10 лет, до поступления в школу, был я ребенком трусливым, одиноким, мистиком, мечтателем. До 15 лет был учеником и опять мистиком, мечтавшим об алхимии, чудесах, колдунах, любившим играть в магию, много и без толку читавшим и глубоко верующим. С 1905 г. я стал себя понимать, сначала грубо и странно; пытался сделаться поэтом, философом, мирозерцателем и стал выделяться среди других. Я узнал, точнее – почувствовал и пессимизм и оптимизм, и радость и отчаяние, и “научную религию”. Моим первым учителем была книга Мечникова, но я никогда глубоко не интересовался чужой современной жизнью, хотя кругом все и кипело».

Критически анализируя уровень преподавания в училище различных важных для будущего ученого дисциплин, он сожалеет о том, что не мог в полной мере получить глубокие знания по математике, физиком становился благодаря тяге к этому предмету и самостоятельной работе, «своею собственной рукой». А вот химию, которой, как и физикой, Сергей Вавилов увлекался, при наличии хорошего преподавателя и лабораторной базы он освоил в училище глубоко, что позволило ему, по собственному признанию, создать хороший фундамент для будущего. Увлекался он естествознанием и «к 15 годам был уже готовым естествознателем с широкими интересами и горизонтами».

Ко времени завершения учебы в училище Сергей Иванович окончательно решил для себя кем быть, преодолев колебания между занятиями наукой, физикой и искусствоведением, или, как он писал, «эстетизмом».

Подводя своеобразный итог своим размышлениям об учебе в коммерческом училище, он записывает: «Коротко написал я про школу. На самом деле эти восемь лет были огромного значения формирующим периодом. Еропкинский дом на Остоженке. Часто езжу и теперь мимо него, сколько душ в нем выросло!»

В этом Еропкинском доме в марте 1909 г. состоялось первое научное выступление выпускника училища Сергея Вавилова, о котором сохранились воспоминания. Его доклад «Электронная теория строения вещества», как значилось в объявлении, сопровождался различными опытами и содержал самые новые результаты европейской науки.

В 1909 г., окончив училище, Сергей Вавилов поступал на физико-математическое отделение Московского университета. Для этого ему понадобилось сдать еще один дополнительный экзамен по латинскому языку, который не преподавался в коммерческом училище и который он осваивал «в значительной мере самостоятельно». Студенческие годы были важным периодом исканий, годами активного дополнительного самообразования, участия в физических исследованиях, в работе различных научных форумов, годами знакомства с работой выдающихся ученых, облик которых помогал формировать собст-

венные убеждения и нравственные принципы. В дневнике 1909 г. находим такие упоминания: «Был вчера на Мечникове... в восторге – это умный, простой и как-то необыкновенно ясно чувствуется – особенный человек». После первых посещений лекций выдающегося физика профессора П.Н. Лебедева Сергей Иванович записывает: «Вчера и сегодня слушал Лебедева; впечатление хорошее; это первый виденный мною пока здесь “ученый”. От него-то узнал я и как трудна наука; сколько усилий нужно, чтобы быть ученым...».

В первые студенческие годы, когда Сергей Иванович все более втягивался в научно-исследовательскую работу, в Московском университете (в 1910–1911 гг.) произошло важное политическое событие – уход группы ведущих профессоров в знак протеста против ущемления академических свобод и ввода в университет полиции по решению министра просвещения Л.А. Кассо. В числе покинувших университет был и П.Н. Лебедев, в университетской лаборатории которого начал свои первые исследования Вавилов. После ухода Лебедева Сергею Ивановичу пришлось постоянно курсировать между старыми и новыми лабораторными точками, разбросанными по Москве, чтобы продолжить свою научную работу.

В дневнике 1912 г. он записывает: «Я занят, ношусь с Пресни на Моховую, на Волхонку, на Тверскую и т.д.». Работа новой Лебедевской лаборатории стала возможной благодаря поддержке Городского народного университета им. А.Л. Шанявского и материальной помощи Леденцовского общества. Вавилов вскоре стал одним из активных участников организованного П.Н. Лебедевым, а после его кончины руководимого П.П. Лазаревым физического коллоквиума. Его одаренность и способности, знание языков, глубокий интерес к физике сделали его выступления одними из самых значимых в работе коллоквиума. Уже в 1913 г. в журнале Русского физико-химического общества была опубликована его первая обзорная статья «Фотометрия разноцветных источников». За работу по исследованию процессов выцветания красителей в сравнении с кинетикой фотохимических реакций, выполненную Вавиловым в 1914 г., в следующем году ему была присуждена золотая медаль Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. Стремление стать «настоящим физиком» было главным стимулом учебы и исследовательской работы Вавилова, о чем он неоднократно указывал в своих дневниках того периода.

Помимо учебы университетские годы были для Сергея Ивановича важнейшим этапом познания мировой культуры. Ежегодно с 1910 по 1913 год он предпринимал длительные поездки по городам и странам Европы, посетив Германию, Италию, Францию и др.

Огромное впечатление на него произвели старинные итальянские города, руины древних храмов и архитектурных сооружений, музеи, картинные галереи. О городах Верона и Арrezzo он позднее напишет блестящие историко-искусствоведческие очерки. Его воспоминания о Риме, Венеции, особенно Флоренции, других городах Италии полны любви и серьезного анализа. Особое место в размышлениях об итальянской живописи и художниках занимает Леонардо да Винчи. Он неоднократно упоминал в своих дневниках о желании написать книгу о Леонардо, стремлении глубже проникнуть в тайны личности этого гения. В зрелые годы Сергей Иванович в своей богатейшей библиотеке собрал все доступные издания книг о Леонардо. Выше других

итальянских художников он ставил Джорджоне. Правда, ранние, иногда излишне категоричные, характеристики он позднее уточнял, пытаясь познать замыслы великих мастеров прошлого. При посещении Лувра он описывал впечатление о своем знакомстве с подлинной Джокондой: «... когда увидел ее настоящую, ожила, руки, руки стали настоящими и ее поразительный такт во всем [–] в позе, в улыбке, в пейзаже...».

Наряду с глубокой любовью к Пушкину и Толстому, к русской культуре, путешествия по Европе в студенческие годы заложили мощный фундамент, на котором в дальнейшем формировался высочайший уровень культуры, понимания красот музыки, живописи, литературы, высокой поэзии.

Ко времени окончания университета в 1914 г. перед Вавиловым встал вопрос о выборе дальнейшей деятельности. Он мог остаться в университете для подготовки к профессорскому званию или отслужить в армии. Несмотря на желание П.П. Лазарева оставить С.И. в университете, Вавилов тем не менее, руководствуясь своими нравственными принципами, предпочел пойти на военную службу. В дневнике 1914 г. он так описал обстоятельства своего выбора: «1го же января, “как некий дух лукавы” явился ко мне в лабораторию П.П. и делал довольно прозрачные намеки на счет того, что не желаю ли я остаться при университете... В глубине души у меня абсолютно ничего не было против этого – того, чтобы мне быть оставленным при университете, это означало бы очень многое, но теперь я знаю, что фактически стал физиком-профессионалом, а до тех пор был дилетантом. Но было стыдно, и я отказался».

Таким образом, по собственному выбору после окончания университета С.И. Вавилов был призван в армию. Университетский диплом давал возможность получить предпочтение в выборе части самому для прохождения службы, окончивший университет нес ее в качестве вольноопределяющегося на льготных условиях (сокращенный срок службы, право жить на собственные средства вне казармы и др.). Сергей Иванович рассчитывал использовать свободное от службы время для продолжения углубленного изучения проблем физики и смежных направлений науки. Он взял с собой много книг, заготовил специальные тетради, различные пособия. Разумеется, ни он, ни его окружение не могли себе и представить, что совсем скоро начнется война и всем его научным замыслам и надеждам не суждено будет сбыться.

В конце июня 1914 г. Вавилов прибыл в 25-й саперный батальон 6-й саперной бригады Московского военного округа, расквартированной около г. Старицы Тверской губернии в поселке Любецкое. А 19 июля началась Первая мировая война. Военная часть, в которой служил Вавилов, была направлена в Польшу, и начались долгие странствия по дорогам войны. Вначале он служил в шестовой роте, занимавшейся прокладкой линий связи, пройдя путь от рядового до унтер-офицера. С апреля 1915 г., когда он был произведен в прапорщики – первое офицерское звание, его переводят в военно-дорожный отряд, где Вавилов участвовал и руководил ремонтом и строительством дорог, сооружением мостов, помещений для расквартирования боевых частей.

В апреле 1916 г. его переводят на учебу на радиотелеграфные курсы, которые Вавилов закончил, как отмечено в дневнике, «первым». После завершения учебы продолжается новая служба в «искровой» (радиотелеграфной) роте, в радиодивизионах, начальником «искровой» станции. За военный

период ему пришлось участвовать в походах на Западном и Северо-Западном фронтах, побывать в Галиции, Польше, Белоруссии, Литве, Австрии.

В годы войны Вавилов постоянно размышлял о роли искусства, в дни затишья читал книги разных авторов, получал большую корреспонденцию из дома. Присланный из Москвы небольшой томик Гёте на немецком языке он, будучи на постое в городке Кельцы, заключил в кожаный переплет и вставил чистые страницы, на которых записывал свои размышления о Фаусте и Вагнере, анализировал события и действия героев, часто возвращаясь к этому тексту. Томик Гёте стал постоянным спутником в его странствиях по дорогам войны. И через много лет во время Великой Отечественной войны он вновь вернулся к этому томику Гёте и продолжил свои записи, но уже в новом осмыслении событий.

Находясь в армии, С.И. Вавилов подготовил и несколько небольших физических научных работ: «Об одном возможном выводе из опыта Майкельсона и других», «Частота колебаний нагруженной антенны», а также разработал и испытал на практике оригинальный способ пеленгации радиопередатчика по интенсивности принимаемого другими станциями сигнала. По мере возможности он следил в годы войны за научными публикациями, за работой московских физиков, группировавшихся вокруг лаборатории Лазарева, и сам в 1917 г. опубликовал несколько рефератов по радиотехнике.

Публикуемые в этой книге военные дневники – интереснейшее свидетельство быта и будней войны, тяжелых невзгод и кратких радостей жизни солдата и младшего офицера Вавилова, его постоянного стремления вернуться в науку, в любимую физику.

И в то же время он гордится тем, что находится в действующей армии, участвует в защите Родины. Находясь в кратком отпуске в Москве в январе 1916 г., сравнивая себя с коллегами, работавшими в тылу, он записывает в дневнике: «Наконец-то начинаю различать “нас” и “их”. Мы здоровые, бодрые, свежие, а они заморыши и нытики. Дела их какие-то бирюльки – а у нас громкое, почетное, славное, благородное дело. И поневоле начинаю гордиться тем, что я “с фронта”».

В феврале 1918 г. Вавилов попал в плен, но через два дня бежал, используя, в частности, свое знание немецкого языка. Демобилизовавшись, он вернулся в Москву.

С этого времени началась его исследовательская и преподавательская деятельность. Он работал в отделе физической оптики в Институте физики и биофизики, которым руководил ученик П.Н. Лебедева академик П.П. Лазарев, читал лекции в Московском университете, Высшем техническом училище, Московском высшем зоотехническом институте, получил профессорское звание.

Главным направлением своих собственных научных работ Сергей Иванович выбрал физическую оптику, и важнейшими для него стали исследования в области люминесценции. Уже в эти годы закладывалась получившая в дальнейшем общее признание его научная школа.

В 1926 г. С.И. Вавилов был направлен Институтом физики и биофизики на полугодовую научную стажировку в Германию, где работал в лаборатории ведущего в то время специалиста по люминесценции П. Прингсгейма. Работая в лаборатории Прингсгейма, сначала в Берлине, потом в Геттингене,

Сергей Иванович познакомился и общался с целым рядом ведущих физиков, включая Эйнштейна, Макса Планка, Вальтера Нернста, участвовал в работе физического коллоквиума, которым руководил лауреат Нобелевской премии Макс фон Лауэ.

Признанием научных заслуг стало избрание в 1931 г. С.И. Вавилова членом-корреспондентом Академии наук СССР, а в 1932 г. академиком.

С 1932 г. он, переехав в Ленинград, возглавил физическую лабораторию, а с 1934 г. образованный на ее основе Физический институт Академии наук, выделившийся в самостоятельное учреждение из Физико-математического института. По предложению С.И. Вавилова Физический институт стал носить имя П.Н. Лебедева, выдающегося физика, сыгравшего важную роль в становлении российской физической науки.

По инициативе основателя Государственного оптического института (ГОИ) академика Д.С. Рождественского в 1932 г. С.И. Вавилов был назначен научным руководителем этого института.

Его деятельность на этом посту была чрезвычайно плодотворной и на многие годы предопределила структуру и главные направления работ этого крупнейшего научного центра, охватывавшие все основные проблемы оптики, включая приготовление оптического стекла, создание сложнейших оптических приборов, ставшего основным разработчиком оптических средств оборонного значения. С участием С.И. Вавилова ГОИ осуществлял решение огромного комплекса важнейших прикладных научных задач и теоретических вопросов оптики. Для развития собственных исследований в ГОИ им была создана специальная лаборатория, которой он руководил многие годы, даже после того как из-за огромной нагрузки по другим работам был вынужден отказаться от научного руководства институтом.

После перевода в 1934 г. Академии наук из Ленинграда в Москву Физический институт, также перебазированный в Москву, под руководством С.И. Вавилова быстро превратился в крупнейший многопрофильный физический научный центр. Главной заботой С.И. Вавилова в процессе развития ФИАНа было привлечение высококвалифицированных научных кадров. В институт были приглашены выдающиеся физики – Л.И. Мандельштам, Г.С. Ландсберг, Н.Д. Папалекси, И.Е. Тамм, Н.Н. Андреев, Д.В. Скобельцын и др. Особое внимание С.И. Вавилов уделял подготовке молодых кадров в различных направлениях физической науки. Среди представителей молодого поколения физиков довоенного призыва, прошедших фиановскую школу при С.И. Вавилове, можно назвать будущих членов Академии – И.М. Франка, В.Л. Гинзбурга, П.А. Черенкова, Е.Л. Фейнберга и др. В ФИАНе трудами С.И. Вавилова был создан выдающийся коллектив исследователей в области физической оптики и, в частности, люминесценции. В числе его учеников были В.В. Антонов-Романовский, В.Л. Левшин, М.А. Аленцев, М.А. Константинова-Шлезингер, А.А. Черепнев и др.

Люминесценция стала той областью физической оптики, в которой С.И. Вавилов получил наиболее значительные результаты, и той областью, в которой им была создана ведущая научная школа мирового уровня.

Если сравнить состояние исследований по люминесценции к началу 1920-х годов, времени первых работ Сергея Ивановича по этой проблеме, с тем, что было достигнуто к 1951 г., когда он ушел из жизни, то окажется,

что вместо разрозненных исследований отдельных веществ и весьма неясных представлений о механизме процессов, в них происходящих, мы видим вполне сформировавшуюся область исследований, основанную на четко сформулированных основаниях – законах, что позволило целенаправленно использовать полученные результаты и для технических приложений, таких как люминесцентный анализ, производства люминесцентных ламп и других важных направлений. Определяющую роль в этом сыграла квантовая механика, которая начала формироваться в первое десятилетие XX в. Тогда же стало ясно, что люминесценция – сугубо квантовое явление, объяснение которому не могло быть дано в рамках классической волновой оптики, что подтверждали основные работы Вавилова.

Одним из важнейших результатов в работах С.И. Вавилова, его научно-го предвидения и глубокого понимания физических процессов было открытие эффекта Вавилова–Черенкова. За это открытие С.И. Вавилов и его сотрудники П.А. Черенков, И.М. Франк и И.Е. Тамм в 1946 г. были удостоены Государственной премии I^й степени, а в 1958 г., спустя 7 лет после смерти С.И. Вавилова, эти ученые получили Нобелевскую премию. И.Е. Тамм в своей Нобелевской лекции сказал: «...Мы в СССР употребляем наименование “Вавилова–Черенкова излучение” вместо “Черенковское излучение” с целью подчеркнуть определяющую роль покойного профессора С. Вавилова в открытии этого изучения».

П.А. Черенков в своей статье о Сергее Ивановиче Вавилове отмечал, что «это открытие могло осуществиться только в такой научной школе, как школа С.И. Вавилова, где были изучены и определены основные признаки люминесценции и где были разработаны строгие критерии различения люминесценции от других видов излучения. Не случайно поэтому, что даже в такой крупнейшей школе физиков, как парижская, прошли мимо этого явления, приняв его за обычную люминесценцию».

Научное предвидение С.И. Вавилова позволило ему уже в первые годы существования ФИАНа организовать исследования в области ядерной физики. Из-за отсутствия подготовленных специалистов он сам до 1938 г. возглавлял отдел физики атомного ядра и тщательно подбирал ученых для работы в этом направлении.

В 1938 г. по докладу С.И. Вавилова Президиум Академии наук создал Комиссию по ядерной физике под его председательством, в которую входили А.Ф. Иоффе, И.В. Курчатов, А.И. Алиханов, В.И. Векслер, И.М. Франк. Впоследствии сотрудники теоретического отдела института И.Е. Тамм, В.Л. Гинзбург, А.Д. Сахаров, рекомендованные С.И. Вавиловым, сыграли ведущую роль в развитии ядерного направления в ФИАНе и создании водородного оружия.

В годы Великой отечественной войны, несмотря на эвакуацию институтов, которыми руководил С.И. Вавилов, в разные города – ГОИ в Йошкар-Олу, где он жил, а ФИАН в Казань, он продолжал работать в обоих институтах. И это притом, что в военное время ему приходилось преодолевать невероятные трудности при постоянных переездах между этими городами. В 1943 г. С.И. Вавилов был назначен уполномоченным Государственного Комитета Обороны по оптической промышленности. Круг его обязанностей и объем исследовательских, прикладных и внедренческих работ, которые ему при-

шлось организовывать, еще более расширился, как и необходимость участвовавших переездов, особенно в треугольнике Йошкар-Ола–Казань–Москва.

В результате работ, проводившихся в ГОИ, для нужд армии были созданы новые образцы дальномеров, стереотруб, приборов для аэрофотосъемки, разработаны специальные методы светомаскировки военных объектов. Продолжались работы по вычислительной оптике, созданию новых видов оптических стекол, разработке методов спектрального анализа и многих других прикладных направлений для оборонных заводов и других отраслей промышленности.

Большие работы оборонного значения велись под руководством С.И. Вавилова и в ФИАНе. О результатах этих работ он говорил, что без всякого принуждения лаборатории изменили свои темы так, чтобы они помогали Красной Армии, военной промышленности, госпиталям. Институт помог в Казани запустить производство светящихся составов постоянного действия, разработал и внедрил в производство методы приготовления керамической массы для радиоконденсаторов, создал и передал в промышленность дефектоскопические приборы, для госпиталей был сделан новый рентгеновский стереоприбор. Теоретики института участвовали в работах по борьбе с магнитными и акустическими минами.

Прозорливость С.И. Вавилова нашла отражение и в том, что в 1941 г. он организовал эвакуацию библиотеки ФИАНа, и она оказалась единственной академической библиотекой, которой пользовались все институты, находившиеся в Казани.

За работы оборонной направленности в 1943 г. С.И. Вавилов был награжден Орденом Ленина, и ему была присуждена Государственная премия.

В 1943–1945 годах В.И. Вавилов руководил возвращением ФИАНа, а затем ГОИ в Москву и Ленинград, приложив огромные усилия для восстановления институтской инфраструктуры и возобновления нормальной научной работы.

В июле 1945 г. в связи с болезнью и по “личной просьбе” был освобожден от поста Президента АН СССР В.Л. Комаров. Президентом был избран С.И. Вавилов. Делая свой выбор, правительство руководствовалось прагматическими интересами. С.И. Вавилов обладал уникальным положительным опытом одновременного руководства работой института, занимавшегося в основном фундаментальными исследованиями (ФИАН), и института, занимавшегося в значительной степени прикладными разработками, связанными с потребностями промышленности и обороны (ГОИ). Так, еще в 1939 г. он был награжден орденом Трудового Красного знамени «за выполнение правительственных заданий и освоение новых образцов вооружения и укрепления боевой мощи Красной Армии и Военно-Морского Флота».

Он хорошо проявил себя в роли уполномоченного ГКО по оптической промышленности, ему пришлось часто взаимодействовать с руководством страны, в частности с Г.М. Маленковым. Важно и другое. В 1945 г. Сергею Ивановичу было только 54 года и по сравнению с другими возможными кандидатами он был одним из самых молодых.

О встрече в Кремле с В.М. Молотовым и Г.М. Маленковым и о своей реакции на решение руководства страны Сергей Иванович записал в дневнике: «Предложено стать академическим президентом вместо В.Л. Комарова.

Нечувствительность, развившаяся за последние годы, вероятно, как самозащита, дошла до того, что я не очень удивился этому предложению. Оно совершенно разрушает мою жизнь и внутреннее естество. Это значит ужас современной Москвы в самом концентрированном виде на меня. Это значит расстаться с Ленинградом. Это значит исчезнет последняя надежда опять вернуться к своему прямому опыту.

А сумею ли я что-нибудь сделать для страны, для людей? Повернуть ход науки?

Неуютно, смутно, тяжело».

Он мечтал совсем о другой жизни. В начале 1945 г. он сформулировал свои мечты о жизни в мирной, послевоенной стране: «Что нужно мне для спокойного существования до конца? 1) Творчество (новые мысли, новые факты, новые формы) 2) Хорошие интересные книги 3) Умные, добрые, честные, нетрусливые люди кругом...». Вот почему он считал, что работа на посту президента разрушит весь уклад его жизни и «внутреннее естество». И здесь он оказался прав. Но в этой записи есть и другой важный мотив. Он задал себе вопрос, что он может сделать для страны, сможет ли повернуть ход науки? Этот вопрос в дальнейшем на посту президента стал главным мотивом в его повседневной деятельности. Он хорошо понимал (хотя фактически он был поставлен перед фактом), что, давая согласие на занятие должности президента Академии, он вынужден будет идти на тяжелейшие компромиссы, поступаться своими нравственными принципами.

На посту Президента Академии перед ним встали новые огромные проблемы, связанные с необходимостью ускоренного развития науки в обескровленной войной стране. В одном из выступлений в начале своей работы на новом посту С.И. Вавилов сформулировал «ряд условий, совершенно необходимых для правильного и быстрого роста науки...». К ним он относил:

«1. Кадры, т.е. большое число хорошо обученных людей, умеющих вести научную работу, владеющих техникой специальных областей;

2. Большие удобные институты и лаборатории, иногда с весьма специализированными помещениями;

3. Разнообразное научное оборудование,.. хорошие специальные библиотеки, в которых представлена мировая научная литература по данной области знания;

4. Вспомогательные мастерские...;

5. Широкое и своевременное внедрение научных работ технического значения и возможность быстро публиковать научные результаты, не составляющие секрета;

6. Правильную систему научно-исследовательских учреждений;

7. Бытовую обеспеченность ученого, возможность для него сосредоточить свою энергию и знания на решении научных задач».

Несмотря на труднейшую обстановку послевоенной разрухи, С.И. Вавилову удавалось последовательно осуществлять выполнение намеченных задач, организовать восстановление и строительство многих новых научных институтов, обсерваторий и горных станций по изучению космических лучей, крупных установок, в числе которых синхротрон ФИАНа, первый ядерный реактор и многие другие. Хотя сам С.И. Вавилов не был специали-

стом в области ядерной физики, тем не менее, он оставил заметный след в истории советского атомного проекта (САП). С его именем связаны такие аспекты этого грандиозного предприятия, как создание институционального и научного ядерного «задела» в довоенный период.

Ядерный «задел» восходит к первым годам работы ФИАНа, в котором с самого начала велись исследования по атомному ядру и космическим лучам группой молодых исследователей (Л.В. Грошев, П.А. Черенков, Н.А. Добротин, И.М. Франк, несколько позже – С.Н. Вернов, В.И. Векслер, Е.Л. Фейнберг). В ноябре 1938 г. С.И. Вавилов возглавил воссозданную академическую Комиссию по атомному ядру (ученым секретарем Комиссии стал фиановец В.И. Векслер). В 1944 г. В.И. Векслер и Е.Л. Фейнберг разработали принцип автофазировки – теоретическую основу мощных ускорителей нового поколения, в 1940–1950-е годы на основе эффекта Вавилова–Черенкова были созданы «черенковские счетчики» заряженных частиц, получившие большое распространение в экспериментальной ядерной физике.

Годы президентства С.И.Вавилова были решающими в истории САП. В 1945 г. были созданы Спецкомитет и ПГУ – руководящие структуры советского проекта; в 1949 г. проходит успешное испытание первой атомной бомбы, в 1950 г. принимается правительственное решение о создании водородной бомбы. С.И. Вавилов как глава Академии наук несет ответственность за научное обеспечение САП со стороны ведущих академических институтов. По этой проблеме он неоднократно принимает участие в заседаниях Спецкомитета и Научно-технического совета ПГУ.

Он инициирует подключение ФИАНа к термоядерной фазе САП, прежде всего, создание фиановской группы под руководством И.Е. Тамма (в середине 1948 г.), которая внесла решающий вклад в создание термоядерного оружия.

Наряду с И.В. Курчатовым С.И. Вавилов стал ключевой фигурой в иницировании работ по «мирному атому». В записке о проблеме использования энергии атомного ядра (П.И.Э.А.Я. – аббревиатура Вавилова), датированной 22 апреля 1946 г., программа по использованию атомной энергии в мирных целях намечается им с учетом взаимного плодотворного взаимодействия академических и отраслевых институтов с ядерно-оружейной отраслью. Особое внимание С.И.Вавилов уделил подключению к проекту академической математики и ускоренной разработке ЭВМ. Осенью 1946 г. С.И. Вавилов предложил 42 темы по проблеме «мирного атома», разработкой которых должны были заняться 30 научных учреждений, в основном академических, а уже 16 декабря 1946 г. было принято Постановление Правительства СССР об утверждении скорректированного плана работ по «мирному атому» и о создании Ученого совета при Президенте Академии наук СССР, который должен был руководить этими работами. «Вавиловский» Ученый совет координировал работу по фундаментальным исследованиям в области ядерной физики и космическим лучам, а также по применению радиоактивных препаратов в технике, химии, биологии и др.

Обладея выдающимися способностями организатора науки, С.И. Вавилов создал систему связей региональных научных центров и республиканских академий наук и возглавил Совет по координации научной деятельности академий союзных республик. Он способствовал развитию в республиках исследований в наиболее важных в то время новых научно-технических направле-

ниях, связанных с использованием ядерной энергии в народном хозяйстве и с развитием ракетной техники.

Еще в 1933 г. С.И. Вавилов возглавил комиссию по изучению стратосферы; в послевоенные годы диапазон исследований расширился, проводились работы по изучению верхних слоев атмосферы, а затем космического пространства. При участии С.И. Вавилова при Президиуме АН была создана комиссия по космосу, в которую входили академики С.П. Королев, М.В. Келдыш и др., а под председательством С.И. Вавилова проводились специальные совещания, обеспечивавшие координацию усилий различных академических организаций, привлекавшихся к этим исследованиям.

Широкий диапазон интересов и высокая культура сделали С.И. Вавилова признанным авторитетом в области истории и философии науки и техники. Знание иностранных языков позволило ему осуществить переводы и написать оригинальные научные исследования о деятельности выдающихся мыслителей прошлого – Лукреция, Ньютона, Галилея, Эйлера, Ломоносова. Им были написаны работы по философским проблемам современной физики, в частности, книга «Экспериментальные основания теории относительности».

Работая как профессиональный историк науки, т.е. опираясь на первоисточники и воссоздавая соответствующие им исторические контексты, С.И. Вавилов всегда стремился к их осмыслению, по существу философскому. Суть историографической концепции С.И. Вавилова, которую он формулировал в работах философско-методологического содержания, можно свести к комбинации нескольких положений, которые подтверждаются и дневниковыми записями:

– История науки должна приобрести черты настоящей науки, преодолев, с одной стороны, эмпирическую фактографичность, а с другой – упрощенный логический схематизм. Если это удастся, то история науки станет необходимой и, пожалуй, даже достаточной предпосылкой планирования науки, а, значит, и развития основанного на ней общества.

– Путь к научности истории науки следует начинать с выявления доминирующих «факторов кинетики развития науки». Примером такого рода факторов в развитии точного естествознания в XVII в., связанного с именами Галилея, Кеплера, Ньютона, С.И. Вавилов считал создание телескопов.

– Отдавая должное идее непрерывности, преемственности в развитии научного знания, С.И. Вавилов считал, что это непрерывное движение неравномерно, что существуют краткие периоды «научных переворотов», когда свершаются радикальные преобразования оснований науки. Такими «переворотами» он считал галилей-ньютоновскую и квантово-релятивистскую научные революции. Эти революции, или перевороты, С.И. Вавилов называл также «особыми точками» на непрерывной линии развития науки, подчеркивая тем самым определенный приоритет непрерывности над идеей дискретности. Эти мысли неоднократно встречаются и конкретизируются в дневнике С.И. Вавилова (см., например, записи от 14 июня 1942 г. и 27 апреля 1947 г.).

Изучение истории физики привело С.И. Вавилова к мысли о том, что фундаментальными системными единицами научного знания являются теории и что существуют, по крайней мере, в области точного естествознания, три главных метода их построения: метод гипотез-моделей, метод принципов и

метод математической гипотезы, или математической экстраполяции. Каждый из этих методов сыграл свою роль в истории физики.

Важной проблемой в истории науки, считал С.И. Вавилов, является осмысление процесса восприятия нового научного знания. Он называл этот процесс «внедрением научной истины». Истина, новое научное знание, становится достоянием научного сообщества, «благодаря ее применению, новым, понятным всем аргументам вследствие активной борьбы за нее». Галилей, по мнению Вавилова, был эффективным «внедрителем» истины. Научное творчество Леонардо да Винчи и М.В. Ломоносова – это примеры далеко не полной восприимчивости их достижений научным сообществом.

С.И. Вавилов уже в 1913 г. писал в дневнике: «Несмотря на всю мою апатию к философии, я философ...». В дальнейшем он всегда проявлял интерес к философским проблемам естествознания, хотя в тот период всякие философские построения были деформированы жестким идеологическим давлением, необходимостью использования только диалектико-материалистической терминологии при сугубо догматических установках и методах официальной философии.

Философия науки, полагал С.И. Вавилов, должна опираться не на наивные, упрощенные схемы, а на живую и полнокровную историю науки. «История науки, – писал он еще в 1933 г., – может и должна стать истинной и единственной теорией познания взамен многих искусственных гносеологических построений». Историографическая концепция Вавилова является важным вкладом в теорию научного познания и, тем самым, в философию естествознания.

В дневниках С.И. Вавилова содержится ряд глубоких идей, разработка которых могла бы дополнить его историографическую концепцию, например, мысли о том, что «на ошибках вырастает наука» (запись от 31 июля 1938 г.), или о том, что «история науки – это история редчайших флуктуаций, развивающихся одна из другой и направленных в одну сторону» (запись от 14 февраля 1943 г.).

Особая заслуга принадлежит С.И. Вавилову в развитии издательского дела в Академии наук, им были основаны новые серийные издания «Классики науки», «Научное наследство», «Литературные памятники», он возглавлял редактирование «Материалов и биографий ученых», был главным редактором нового издания «Большой Советской Энциклопедии».

С.И. Вавилов придавал большое значение популяризации научных знаний и успехов в развитии науки и техники. Им был написан ряд блестящих научно-популярных работ, включая ставшую классической книгу «Глаз и солнце» (первое издание 1927 г.), отмеченную Государственной премией и неоднократно переиздававшуюся.

Помимо книг С.И. Вавилов опубликовал более 70 статей о науке в массовой и периодической печати. На протяжении долгого времени он был главным редактором научно-популярных журналов «Природа» и «Наука и жизнь». С 1933 г. он также возглавлял Комиссию АН СССР по изданию научно-популярной литературы.

Параллельно с огромной научной и организаторской работой на посту Президента Академии наук СССР С.И. Вавилов проявил себя и как выдающийся общественный и государственный деятель. При его участии было

организовано Всесоюзное Общество по распространению политических и научных знаний, которое он возглавлял с момента создания. На заседании оргкомитета в 1947 г. Вавилов говорил о важности естественнонаучной тематики в лекционной работе Общества: «...в дальнейшем наша роль будет заключаться в том, чтобы довести эту область примерно до 50%... В этом направлении предстоит самая большая работа». Этот план Вавилову не удалось осуществить из-за превалирования политико-идеологизированной тематики, под давлением властных структур. Доля лекций по любой из естественнонаучных дисциплин во все годы не превышала одного-двух процентов от политико-идеологической тематики. К сожалению, «Общество» всегда оставалось, прежде всего, механизмом идеологической пропаганды. Тем не менее, выраженная в абсолютных числах – многие миллионы лекций о достижениях науки, сотни миллионов слушателей – деятельность «Общества» по популяризации науки в СССР не имеет аналогов. Всесоюзное общество «Знание», у истоков которого стоял С.И. Вавилов, несомненно, сыграло выдающуюся роль в формировании у гражданского общества особого отношения к науке.

Большую работу он выполнял как депутат Ленсовета и Моссовета, Верховного Совета, вначале РСФСР, потом СССР, председатель и член многих академических и общественных комиссий и комитетов. Причем это, как правило, не было формальным членством, во все дела, в которых ему приходилось участвовать, он вносил свой весомый вклад.

Деятельность С.И.Вавилова на постах руководителя двух крупных институтов и особенно на посту Президента АН СССР проходила в сложной политической обстановке, под постоянным идеологическим прессом, в годы репрессий и разгула политико-идеологических кампаний. В 1940 г. был арестован и погиб в 1943 г. в тюрьме брат Сергея Ивановича, выдающийся ученый-генетик, организатор сельскохозяйственной науки в стране Николай Иванович Вавилов. И то, что Сергей Иванович ушел из жизни в день очередной годовщины гибели брата, не просто роковое совпадение, а подтверждение того, что в его памяти эта самая большая для него утрата, бессмысленная и жестокая, не давала ему покоя, лишала жизненной энергии. Арестам и преследованиям подвергались и ближайшие сотрудники из лаборатории С.И. Вавилова, и академики – руководители ряда академических институтов.

Неимоверные моральные страдания и осознание собственного бессилия причиняли Сергею Ивановичу идеологические процессы наподобие печально знаменитой сессии ВАСХНИЛ в 1948 г., следовавшие за ней спровоцированные властью другие негативные явления в науке. С большим трудом здоровые силы в физическом сообществе при непосредственном участии С.И. Вавилова предотвратили идеологический погром в физике. В этих условиях С.И. Вавилову приходилось идти на компромиссы, искать пути минимизации отрицательных последствий политико-идеологического диктата власти, находить возможности помощи ученым – жертвам политических репрессий.

При огромной рабочей нагрузке директора двух институтов, члена многочисленных академических комиссий, государственных и общественных структур, а в последние пять лет жизни и на посту Президента Академии наук у Сергея Ивановича практически не оставалось времени на личную жизнь и нормальный отдых. В дневниковых записях часто встречаются фразы о работе по 12–14 часов в сутки, о многочисленных заседаниях в правительственных

органах, оканчивавшихся, как правило, далеко за полночь. В краткие часы воскресного отдыха, в отпусках Сергей Иванович «спасался искусством». Он был страстным библиофилом, собирателем уникальных книг, постоянным посетителем букинистических магазинов. Его личная библиотека насчитывала более тридцати семи тысяч книг. О его вкусах знали букинисты и специально оставляли для него редкие книги, которые могли его заинтересовать. Чтение книг было способом переключить сознание от непрерывной текучки, от необходимости постоянного решения тысяч нескончаемых рутинных проблем. В дневниках он регулярно записывал, какие книги читал, часто давал краткие характеристики авторам и содержанию прочитанного. Уже будучи Президентом АН СССР Вавилов в среднем за месяц успевал прочесть до 6 книг, 4–5 из которых были на иностранных языках (немецком, английском, итальянском). Причем это не статьи и книги по физике, а книги по истории культуры, философские трактаты, мемуары, художественная литература. Вавилов читает Платона (как в русских переводах, так и на немецком), Д. Юма, новейшие работы по философии, в том числе по философии естествознания (Эддингтон, Шрёдингер, Леметр, Иордан, Борн, Ф. Франк, Б. Рассел и др.), книги о Галилее, Спинозе, Парацельсе, А. Бергсоне, Ф. Бэконе, оригинальные работы классиков науки (Ньютон, Дж. Бруно и др.), монографии по истории искусств (о Леонардо да Винчи, Микеланджело, Боттичелли, Дюрере, Вермеере и др.), произведения классиков (Достоевского, Тургенева, Лескова и др., Гёте, Гофмана, А. Франса и др.), современную литературу, как отечественную, так и зарубежную (Айн Рэнд, Метерлинк, Томас Карлейль), вплоть до беллетристики – исторических, фантастических и детективных романов (Дюма, Агата Кристи, Рекс Стаут, Габорио, Гастон Леру, Эжен Сю, Сименон – все в оригинале). Подобные книги Вавилов читал, когда совсем уже не оставалось сил для более серьезной литературы: не читать в свободное время он просто не умел.

В домашних кабинетах в Москве и Ленинграде у Сергея Ивановича было несколько любимых им картин, гравюр и скульптур, глядя на которые он тоже отдыхал от ежедневной суеты, часто слушая классическую музыку, которую знал и любил. Вот одна из записей в дневнике от 6 марта 1947 г.: «Сейчас передо мною синяя стена, на ней в старых золотых рамах Santa Cecilia Domenichino, Лютер – Л. Кранаха, «Фауст» – гравюра псевдо-Рембрандта. Чечилия переливается старинными итальянскими красно-оранжево-желтыми колерами. Лютер и Фауст – немецкая загадка. На этой стене – дух человеческий на самых вершинах. Красота, глубина, ум, история (старина). Человеком себя чувствую. И так хорошо просидеть хоть 10 минут перед этой стеной...». В дневниках мы часто находим упоминание композиторов, музыка которых так нужна была Сергею Ивановичу для поддержания внутренних сил, – особенно Баха, Гайдна, Вивальди, Шопена, Скрябина. Последняя запись в дневнике 1951 г. тоже связана с музыкой, с любимой природой вокруг дачного поселка Мозжинка, где иногда удавалось отдохнуть от груза московских дел, наслаждаясь рекой и соснами, собирая грибы, любуясь цветами, слушая пение птиц. А в тот поздний вечер за несколько дней до кончины он записывает: «Музыка Генделя. Ели в снегу. Снег. Луна в облаках. Как хорошо бы сразу незаметно умереть и улечься вот здесь в овраге под елями навсегда...».

Публикуемые дневники приоткрывают нам внутренний мир этой неординарной личности, мир, который остался практически неизвестным даже его ближайшим сотрудникам и окружению разных уровней – от высших руководителей страны до простых посетителей депутатских приемов и лаборантов институтов, с которыми он постоянно взаимодействовал. Трудно представить, как человек, после ареста брата постоянно мечтавший о тихом уходе в небытие, мог выполнять такую титаническую научную и организационную работу на благо своей страны. В дневниках содержатся и резкие высказывания о положении дел в Академии наук в различные периоды, а также в отношении отдельных известных деятелей науки. Будучи человеком высочайшей порядочности и честности, С.И. Вавилов остро реагировал на проявления отклонений от этических и моральных норм даже в тот тяжелейший период в жизни науки и страны. Несомненное влияние на восприятие окружавшей его действительности и поведение отдельных людей оказала трагедия брата Николая Ивановича Вавилова, ощущение которой постоянно присутствовало и в памяти, и в действиях, и в дневниках Сергея Ивановича.

В истории отечественной науки и в истории нашей страны С.И. Вавилов останется выдающимся ученым и руководителем научных коллективов и Академии наук в целом, который смог, подавляя свои внутренние трагические переживания, постоянный моральный прессинг, внести неоценимый вклад в развитие науки, основать свою научную школу, способствовать развитию новых научных направлений, воспитать учеников и последователей.

1909

«Все во мне, и я во всем...

Сумрак тихий, сумрак сонный
Лейся в глубь моей души
Тихий, томный, благовонный
Все залей и утиши.
Чувства мглой самозабвенья
Переполни через край
Дай вкусить уничтоженья
С миром дремлющим смешая!¹

Тютчев

31 декабря 1908
12 часов ночи

1 января 1909 г., 1 час ночи¹

Тихо тикают часы,
Равномерно отмечая
И минуты и часы,
Ничего не пропуская
Календарь за ними вслед
Лист за листом опадает,
Дни, недели, толпы лет
Равнодушно пропускает
Вы часы, ты календарь
В вашем время ведь владеньи
Переменной вы своей
Знаменуете движенье
Время – жизни яркий знак,
Время – символ обновленья
Без него – покой и мрак
С ним-же вечное движенье
Пусть быстрее оно течет
Год за годом отмечает
К смерти всех нас приближает,
Но мир двигает вперед!

1 января, 12 ч. н[очи]

Хотел было начать год по-новому, но нового-то вышло немного; всему виной праздничный день, с гостями, разговорами, чаями, с обедами и пр[очим] и отвлекают, и сам отвлекся; день прошел как-то формально, внешне без большого желанья работать, чуть-чуть почитал Маха¹ (нового ничего не вынес), немножко переписал «элек[трические] теории»², весьма скучная операция, кое-как занялся по л[итературе], а серьезного-то открыл одно,

прочел «Бога и черта» Мережковского³; книжка стихов глубокая, особенно во второй части, жалко только односторонняя: сам же Мережковский мечтает о соединении Духа с плотью, но сам почему-то в своих критических статьях из религи[озного] Духа не выходит, не затрагивая других не менее важных вопросов литературы.

2 января, 10 ч. в[ечера]

Мелькнула сегодня в голове мысль о школе¹, совсем было позабыл ее; и такая оказалась она мне чужая, холодная, неприятная и притом как-то особенно неприятная, запах потного мужичьего тела напомнила. Бог с ними, со всеми этими неурядицами, беспорядками, педагогами-лентяями; все это не так страшно, как они, ученики, безмозглые, глупые мужики или приказчики мелкой руки по всем замашкам; ни у кого нет умственных интересов, все только разврат, пьянство, борьба, Наты Пинкертоны²; все помыслы теперь у таких препрепрепротивнейших людей, как Разсохин, только вокруг будущей практической деятельности с ее барышами; где юношеский пыл, идеалы, вместо крови – чай, вместо мозга медный пятак, нет ни детского задора, ни старческого разума – гнилой задор, гнилой разум. Даже эти лучшие [–] Себенцов, Рычков, Филимонов, Яковлев [–] все только роль исполняют, на безрыбье рыбью должность. Себенцов с умом, но не с разумом, Рычков то же, Темерин – дурак, Филимонов хочет быть умным, Яковлев умен – не хочет быть умным. Все уроды [–] все, все, все. Разве только Марков, в нем есть кое-что человеческое. И все это пропахло приказчиком, жуликом, дураком, мерзавцем. Все – грязь, вонь, безобразие. Как же тут самому не возгордиться. И какая же радость, что через 5 месяцев – *jamais, jamais**. Вон из этой выгребной ямы купеческих нечистот³.

4 января, 12 ч.

Опять о школе, но только [о] педагогах; если ученики болото, то бессознательное, а это уж сознательное, что, может быть, намного хуже¹. Конечно, среди них больше исключений, чем среди учеников, но в общем наиболее подходящее им имя – подлецы. Полнейший индифферентизм, лень, мечтание только о жалованьи – вот и все; из тех 50–60 педагогов, которых я знаю, 10–15 думают о школе, другие 30–40 думают, как бы не думать о ней; вот «историк» Покровский – Демосфен, не умеющий связать двух слов, дубина, подлец, превращающий свой предмет в нечто немислимое; вот «Рыжий» – Турнье, музыкант, поэт, жулик, вояжер, купец, спортсмен, подлец, специалист по «парижскому жанру» – но не учитель. Вот, да что, все на один манер. Ученики бегут от учителей, учителя от учеников. Одно казалось бы спасение в начальстве, но и тут несчастье горшее, пожалуй, первых двух. Безмозглый, бесхарактерный идиот «отец семейства», тряпка, а не человек, покровительствующий и учащимся и учащим². И вот школа; кто [в] лес, кто под* дрова, а никто в школу. Опять и опять повторяю свое [–] слава Богу.

* Никогда, никогда (*фр.*).

* Так у Вавилова.

5 января, 12 ч.

Сегодня почти дома не был. Ушел с 10 ч. утра, пришел в 5, был в музейчике Алек[сандровского] военного училища (жалкое учреждение), [на] строгановской выставке и выставке Ш[колы] Ж[ивописи] и В[аяния]. Резкий и здоровый перелом происходит сейчас в живописи, поворот от всяких идейностей реализма в сторону чистой красоты. У Строганцев 94/100 – орнаменты – вот истинная живопись, вот первоисточник, и последний, и потому-то здесь чувствуешь себя великолепно. Стоишь перед рисунком, не ломаешь себе головы, не разрешаешь загадок, а только наслаждаешься, и не устаешь, все равно что запах сирени вдыхаешь, хорошо и без потуги на умствование. Как-никак, а все же «сапожник, знай, свои колодки», уж искусство так искусство, в философию лезть незачем. На другой выставке впечатление много хуже – тут подражатели-пейзажисты, жанристы и пр[очие], все это, конечно, хорошо, но зачем природа, когда и без нее можно сделать многое. Нет, опять повторя[ю], идеал – живопись-орнаментика, альфа и омега искусства, это же не пройдено. Прочел книжку Томпсона¹ о добывании света – отличная, дельная, умная, без воды. Чувствую себя скверно.

6 января, 10 ч.

Болит голова, живот, все как-то противно, а тут еще перспектива школы: завтра идти. Никогда мне не была так противна школа. Бывало, после лета, Рождества, Пасхи в школу идешь ободренный, с надеждой на лучшее, с желанием работать; теперь вижу, осталось 4–5 месяцев, ничего нового не будет, все по-старому, то же безобразие идешь доканчивать. Грустно и противно, словно осужденный на смерть, которому осталось жить 3–4 дня, но за которым ухаживают как за живым, [так] представляется мне сейчас школа. А вместе с тем эти 4 месяца последние; в них как бы сконцентрируется все, чему «свидетелем Господь меня поставил»¹ за восемь лет. Повторяю, проживаю, но грустно.

7 января, 12 ч.

Сегодня именины отца; гости, т.е. противнее чего себе представить нельзя. Все дутое, ложное, показное, ничего искреннего. Говорят, спорят, чтобы только провести время, говорят, спорят о вещах никому не интересных; стараются быть веселыми – гадость. И никому никакого дела ни до отца, ни до его именин, все чужие. Это такая мерзкая ложь и ерунда, что писать даже противно.

8 января, 12 ч.

Хочу писать для кружка¹ статейку о Тютчеве, поэте, которого я буквально открыл нечаянно на Рождестве, и поэт, который стал теперь моим любимым поэтом. В нем я услышал такие яркие, полные мотивы отрицания личности, проповедь саморастворения в природе, в сравнении с которыми блекнет иногда Пушкин. Мне кажется, что литературе и «литературной» поэзии, как ничему другому под стать проблема личности. Наука – это абсолютное познание, философия – это познание в интересах личности. Искусство –

вид наслаждения личности; и только художественная литература [–] выражение самой жизни, самой личности, в которой все эти элементы (да и другие) борются, живут. Литература – жизнь человека, приуроченная к изучению самых сложных вопросов бытия, а потому и вопрос о личности в окончательной своей форме, думается, получит разрешение в литературе (сознаю еще смутно).

9 января, 10 [часов]

Сегодня с попом¹ вел ожесточенный спор, целый час; глупый, бесцельный как всегда. Ведь все равно доказать ему ничего нельзя, так как ведь* представить только его положение; раз ему доказано, значит рясу долой, само собой хоть иезуитством да выезжать. Я – конечно, другое дело, мне переменить мысль стоит не большого. Весь сыр-бор загорелся из-за классного сочинения, писанного пред Рождеством на тему о «Логике и чуде». Для меня всегда противной казалась «научная» религия с «гипотезами», «теориями», «проблемами», «доказательствами» и пр[очим] в кавычках, ведь это ворона в павлиньих перьях², нечто жалкое, безобразное. А тут еще как на грех чудо стали доказывать (!!!), ну не абсурд ли это, не глупость. И я, хотя иносказательно, изругал попа, оплевал его. Ну, само собой пошли доводы и пр. Но за этими доводами мне всегда видна ряса, которую нельзя снять. Он меня чуть-чуть запутал, но, в конце концов, дело как будто обошлось, как и не было, как и всегда происходило.

Ваня, Ваня перед спором
Пред поповским ты собором
Свою гриву остриги
Рясу в клочья разорви
А потом уж говори.

10 января, 10 ч.

Сегодня было, выражаясь громко, «собрание кружка»¹. Боже мой, какое смешное и грустное положение он теперь занимает, во что он обратился[:] из тех 9 человек, которые в нем перебивали (т.е. Я, Сысоев, Яковлев, Рычков, Смыслов, Себенцов, Темерин, Филимонов, Марков), осталось всего 4. Я, Темерин, Себенцов и Филимонов. О себе не говорю, но что касается остальных, то, увы и ах, люди не глупые, но «молчальники» – слова не вымолвят. Все вывозится только мною, я и читаю, и пишу, и говорю, иначе говоря, кружок – это я, они же гости, слушатели. Те, улетучившиеся, были иногда, быть может, и не умнее этих, но зато с языком, так что спорили, орали, ругались и пр. и пр. (необходимости кружка). Что касаясь факта улетучивания, то, как мне думается, здесь, прежде всего, подействовала отравляющая атмосфера школы, с ее ленью, бездельем, хулиганством, развратом, она служила как бы минус притягательной силой, действовавшей в противовес + силе кружка. И, в самом деле, гляжу я на всех этих «отошедших», ведь на самом деле они засосаны; что сделалось с Яковлевым, Смысловым, Сысоевым, мне думается, погибли. Несмотря на всю свою незначительность, узость – кружок служил некоторым облагораживающим звеном. И я вовсе

* Так у Вавилова.

не думаю о прекращении кружка, «на безрыбье и рак рыба», он хоть одно, связанное со школой место, где говорят по-человечески. Да, кроме того, кружок является некоторой связью между нами, а потом вне школы явится еще полезнее.

12 января

Вчера и сегодня – праздники; гуляю и внешне и внутренне. Оба дня целиком посвятил искусству. Вчера был на концерте, на «Аиде», читал Белинского, сегодня читал Маковского¹, Чуковского и Мережковского – целиком искусство. Само собой и голова все время занята была вопросами искусства. В самом деле, вот уже три года, как я более или менее сильно занимаюсь этими вопросами, и главным, конечно, о сущности искусства, но, увы, плоды пока ничтожные. Конечно, не прав был я ранее, отрицая искусство; искусство столь же для человека нужно, как вкусная пища, искусство поистине духовная пища человека. Выяснил себе я и положение искусства, его границы. Я не могу, напр[имер], считать искусством поэзию Лермонтова, Пушкина, Тютчева, Гоголя, Толстого, Чехова, Достоевского и пр. (несмотря на то, что обыкновенно ее считают искусством) потому, что искусство действует непосредственно на чувства, помимо разума; эта же поэзия неизбежно идет, чтобы для понимания слов к разуму*, конечно, многие стихи Бальмонта, некоторые Пушкина (вроде «Ночного зефира») – искусство, так как в них интересна только музыка их, но что касается остального, то повторяю – это не искусство – это 4-я область духовной жизни человека. Пока для меня существует два признака искусства 1) красота и 2) непосредственное действие чувства. Самый трудный вопрос в искусстве, это, конечно, вызываемое им «настроение», почему красота и чувства – только формы вызывают что-то содержательное. Думается, что потому это понятие формы слишком условно, ведь, в конце концов, и разум только комбинация представлений и чувств; т.е. содержание – комбинация формы. Надо над этим подумать.

13 января

Обдумывал сегодня русское сочинение о «Ревизоре». Кажется, наиболее характерная черта всех героев комедии [–] отсутствие всякого понятия общественности. Никто не думает о благе или хотя бы покое другого, все какие-то не эгоисты, а дикари; они только боятся ближнего, в этом вся их общественность. И, что особенно интересно, Гоголь выводит не крестьян, не купцов, не высший свет, а чиновников, т.е. лиц, как бы специально обязанных носить в себе инстинкты общественности; но мы видим совершенно обратное. Не умышленно, даже, как видимо, не зная о существовании общественности, чиновники нарушают ее; всяк знает только себя, и в результате не общество, а стадо разнородных животных. Отсутствие общественности [–] черта для русского общества особенно характерная. Никогда общества у нас не было, а было лишь стадо, ведомое грубыми пастухами. И как ни безобразны, как ни «не общественны» дикари эти сами по себе, все же они зло меньшее, чем необщественность общества.

* Так у Вавилова.

14 января

Бывают дни, когда голова пустая и писать не хочется; тогда пишу о том, что не хочется писать.

15 января

Опять школа. Да, опять и опять, и, наверное, надолго; она всегда будет странным (но не страшным), глупым, позорным кошмаром моей жизни. Ведь как-никак след школы на мне глуб[окий], сильный. Ведь как ни противлюсь я этой слякоти, все равно она ко мне прилипает. Эта лень, безделье, отсутствие общественности, ведь они хотя и не сильно, но на мне сказываются. Сегодня нечаянно попала на глаза юбилейная книга нашей школы, «Сто лет жизни», и каким-то особенно резким контрастом показалась эта прошлая школа в сравнении с настоящей. Где эти серые, но благородные, спокойные тона; все было как-то цело выдержано, носило, быть может, купеческий характер – но благородный; теперь же грязь, смесь всего, купеческий характер заменился самым мелким приказчицким. Странно, когда читаешь воспоминания о школе, обыкновенно слышишь вопли проклятия однотонности, цельности, сухости; мы же, если будем вспоминать нашу школу, то только проклиная ее беспорядочность, неоднотонность¹.

18 января

Как ни меняется и не менялось во мне многое, думается, основные принципы настоящего мировоззрения останутся теми же на всю жизнь. Миросозерцание – это тоже философия, оно так же определяет отношение личности к миру, как и философия; различие только то, что философия берет личность вообще, миросозерцание же замкнуто данной личностью. С этой точки зрения мое миросозерцание окажется отрицанием всякого миросозерцания, потому что основным принципом его является отрицание личности как чего-то абсолютного, могущего быть противопоставленным внешнему миру. В моем миросозерцании нет ни зла, ни добра, ни хорошего, ни плохого, ни большого, ни малого [–] все это входит в мое практическое миросозерцание (подробности завтра).

19 января

Поскольку возникает у меня потребность теоретического миросозерцания, постольку я не стесняюсь. Для меня отношение личности к миру = 0:∞ и единственным миросозерцанием является наука, как познающая мир без вмешательства личности. Наука чистая от всяких проклятых вопросов о цели жизни, Боге, и пр[очей] ерунде*. Личность – только вещь в мире, не более (в Маховском смысле вещи). Но как только перехожу я в практику, я, конечно, принимаю личность как нечто данное, ценное (поскольку вся практика обусловлена личностью), и ей я начинаю служить, для нее изучаю науку, для нее наслаждаюсь искусством. В науке я иду от личности к миру, в искусстве, наоборот, от мира к личности. Я соединяю в себе два полюса – науку для теории и искусство для практики. Искусство и наука – мой символ веры – основные принципы моего миросозерцания.

* Фраза вписана между строк.

21 января

Сейчас нахожусь в полосе в некотором роде «великих событий» в моей жизни¹. Сегодня окончательно узнал о том, что держать только по латыни, а завтра иду к Николаю Ивановичу [Виноградову]; и страшно, и странно. Завтра решается моя судьба на этот год. Если дело выгорит, то налягу на латынь, если нет, то, увы и ах! Последние дни у меня вообще дело не клеится, ни за что не могу взяться, все опротивело, отталкивает; времени совсем мало, сделать надо многое, а я ничего не делаю.

22 января

Дело выгорело; пока все идет как по маслу – интересно наблюдать сейчас в классе как у всех в голове мысль об окончании, прежде бывшая какою-то чисто внешней, на словах, теперь завладевает мало-помалу всем; особенное какое-то настроение, полупраздничное, все ждут, готовятся. Да и на самом деле стоит ждать и праздновать. Ведь те 8 лет, которые проведены в школе, едва ли не важнее 25 лет, проведенных в жизни; с другой стороны, все это так надоело, опостылело. Уж не думаешь о том, что будет; а знаешь только, что будет нечто новое, совершенно отличное; и то, слава Богу.

24 января, 12 ч.

В странном положении я нахожусь. С одной стороны, я как будто совсем ушел от жизненной практики с ее удовольствиями и неприятностями, а, с другой – и к науке-то, теории не совсем подошел. Читаешь, работаешь, думаешь все как-то «начерно», недочитываешь, недоделываешь, недодумываешь, надеешься на будущее, когда все это будет отделано и отшлифовано, а к самой науке еще не подходишь, а только глядишь на нее с почтительной дистанции. И вот у меня получается странное, безобразное противоречие, отсутствие и жизни, и дела, какое-то своего рода небытие, выражающееся в тоске, хандре, скуке. Порой прорвется жизнь, иногда во всем ее безобразии, иногда как будто подойду к науке. Если так продолжится, получится черт знает что. Необходимо сокращение дистанции.

26 января

Опять приходят в голову мысли об искусстве. Теперь, думается, я разрешил страшный и непонятный ранее для меня вопрос, почему музыка и живопись сильнее действуют, чем поэзия. Потому, что музыка и живопись – истинные искусства, т.е. действуют непосредственно*, являются не отображением, символом жизни, как поэзия, а самую жизнь. Слова, выговоренные, написанные действуют на ум, а затем уж вызывают представления, в музыке и живописи обратно. Дал[e], почему музыка сильнее живописи? Думаю, прежде всего, потому, что музыка действует во времени (т.е. чрезвычайно жизненно), в то время как живопись всецело функция пространства. Музыка даже являет активную деятельность чего-либо, живопись – пассивную. Живопись – жизненная поэзия, но и она символ, лишь музыка – жизнь, а потому, быть может, только музыка и искусство.

* Так у Вавилова.

28 января

Противное состояние: ноет голова, клонит ко сну, жарко, делать ничего не хочется, апатия. Со мной такие штуки часто бывают; переходишь в какую-то нирвану, но ужасно противную. И вся беда, конечно, в отсутствии настоящего, прямого, непосредственного дела, а от жизни с удовольствиями я как будто бы ушел; не рано ли, не возвратиться ли на некоторое время?

1 февраля

1 месяц долой, и, пожалуй, только не фактически, но как «восклицательно», в смысле изгнания. Месяц этот ничего путного, хорошего в моей душе не оставил. В нем есть кой какие фактики, важные, но психологически особенно они на меня не повлияли.

1) получил окончательное подтверждение планов на латынь.

2) Р "ё"* 3) водворил некоторый порядок в своей жизни, вот и все.

Все как-то сухо внешне, носит только переходный, посредственный характер; машина только раскачивается. Раскачается ли, нет ли, увидим, а пока заметно некоторое изменение формы, но не содержания. Читал все более или менее чепуху (т.е. не чепуху, а критику и беллетристику). Ничего особенного не писал. Итак, пока все в будущем.

2 февраля

Между небом и землею
Я повис.
И не знаю вверх лететь мне
Или вниз
Наверху теорий царство,
Знанья рай
А внизу искусства с жизнью
Славный край
Да уж снизу улетел я
Далеко
И упасть туда опять мне
Нелегко
И хоть вижу я науки
Блеск и свет
Но и с нею сильной связи
Также нет
А меж тем своей усладой
Жизнь манит
Но сияние науки
Мой магнит.
Меж наукою и жизнью
Я повис
И не знаю вверх лететь мне
Или вниз

* Так у Вавилова.

4 февраля

Сегодня ужасный день. Трещит голова, ничего не делаю, валяюсь, хожу как безумный снизу вверх, сверху вниз. И теперь-то я уж окончательно понял причину: недостаточно я еще поспел для науки, нужно и жить, жизнь нужна, как соль в кушанье. И уже разве такие противоположности [как] жизнь и наука, разве они исключают друг друга? Нет, нет, я убежден, они различны, но [не] противоположны. Полечимся жизнью.

8 февраля

Удивительно пессимистически кончается у меня масленица, ни одной, кажется, светлой мысли в голове; думаешь... Прошла масленица, пройдет пост, Пасха, лето, зима и т.д. и т.д. и все это как-то без толку, неважно, глупо и под конец околеешь – самые шаблонные мысли, но для меня-то они не шаблон, я их переживаю. Вот конец масленицы, на которую, по обыкновению, было много надежд и по обыкновению же ничего почти не сделано. Наиболее сильное *impression** за все время [–] это «Записки из подполья»; странно как-то совпали они с моими мыслями за это время, и глубоко, думаю, понял я их. Ни в одном произведении Достоевского не казался он мне таким великим знатоком *homo sapiens*'а, как здесь. Записки из подполья – трагедия познавшей личности, ее коллизии с жизнью. Познание отрицает жизнь, личность утверждает и в результате, да что писать, не хочется, после...

10 февраля

Нет в мире загадок
Мир то – что он есть
Хаос иль порядок
В него смог привнесть
Лишь ты Человек
Ты – только загадка
И только – себе.
Всему разрешенье
В твоей же судьбе
Человек
Забыв о себе лишь
Узнаешь ты мир
(Но, впрочем, что мыслишь
Ты сам ведь *my dear**
Человек)

16 февраля

Как-то тут лежал на постели и думал, философствовал, и вдруг в голове, как молния, мелькнула мысль такого рода: «что же это ты, брат, беллетристику-то разводишь, доказываешь необходимость изучения науки, а сам к истинной-то науке и не подступал». В самом деле, сколько ни читал я книг научных – все это были широкие обобщения, выводы, а самой науки не было. Я довольно усердно работал над оправданием, обоснованием науки,

* Впечатление (*фр.*).

* Мой дорогой (*англ.*).

не зная ее самое. Я ругался с философией и литературой, а сам $\frac{3}{4}$ из того, что читал, кажется, посвятил этим двум областям. Отсюда, с одной стороны, отрицание литературы и философии в теории и довольно хорошее изучение их на практике и утверждение науки в теории с полным почти незнанием ее на практике. Я все время (вот уж года 3) философствовал, все мое дьявольское «ни туда, ни сюда» – именно отражение этого. Довольно-с, конечно, философии и литературе оставить место, но обратно одну $\frac{1}{4}$, а науке $\frac{3}{4}$. Думаю, что я нашел истинный путь. Надо подумать о практическом разрешении.

19 февраля

Все как будто бы сон, небылица,
Помертвелье, бледные лица
В этом шуме, свистках и звонках
Смотрит грозным видением страх
Эти улицы, люди, трамваи
Телефоны, театры, дома
Все вы жалко-ничтожные сваи
Над нирваной, где царствует тьма
Все вы умысел глупо-забавный
Сумасшедший, горя[ч]ечный бред
Но смеяся царит он Державный
Он Нирвана, он грозное нет
Жизнь вымысел пустой
Забудем обо всем,
Забудем о себе
И крикнем миру «стой!»

Ведь вот ерунда, а ведь, ей Богу, это мое настроение сегодня.

22 февраля

На днях пришлось не то что спорить, а скорее ругаться с Отцом и Дубининым (дубина подлинный) относительно социализма. Вышло очень глупо, я стоял за социализм, между тем как в сущности противник его; меня возбуждали эти глупые возражения, я горячился и в конце концов казалось, что я сам социалист. Пора выяснить свой взгляд на эту штуку, и в сущности не на нее одну, а вообще на вопросы общественно-экономические. Пока в общем мои взгляды таковы! Государство есть бессознательное общение людей для достижения некоторых целей; потому бессознательное, что всякое государство с точки зрения самой обычной логики – хаос нелепостей и несправедливостей; всякое условие его найдет себе противников в среде членов его, и только некоторое инстинктивное выработанное наследственностью чувство удерживает членов. Раз же к государству начинаешь относиться сознательно, оно рассыпается, гибнет – чему пример всякая революция государства, скажу более, какого бы то ни было согласного общения при сознательности не может быть только потому, что и у самых умных, нравственных, идеальных членов общества всегда возникает спор о справедливости или несправедливости данной нормы; а раз норма оспаривается, она не осуществляется. Общество же без нормы немислимо. Итак, общество основано на социальной бессознательности, и мы при наших общественных идеалах не должны никогда не оставлять без внимания этого основного условия. Конечно, деспотия одной личности – крайнее проявление

этой бессознательности, но и социализм – общение совершенно сознательно немыслимо. Как-никак, а мы должны всегда оставаться на середке, конечно, не октябристской, но, быть может, кадетской или какой-либо другой. Впрочем, никаких партий я хорошо не знаю, никаким не сочувствую, и только потому, что вообще не чувствую[ю] в себе больших обществ[енных] симпатий*.

26 февраля

Еще о школе. Ведь как-никак с нею расстанусь, и время подводить итоги. Попробую дать лаконические исчерпывающ[ие] характеристики всех учеников, конечно, только для будущего, для воспоминаний, надо ведь и об этом позаботиться. Итак, по порядку.

1) Боборыкин – Вот уж восемь лет имею с ним дело, а разгадать едва ли и теперь сумею. Пьяница, развратник, подлец, не дурак, не культурен, печать хулиганства, «подлиза», «купеческого нрава». Подозрителен до крайней степени. От класса как-то отделяется, имеется своя пьяная компания «Союз 3-х» – о нем после.

2) Вельц – немчик. Не дурак и не умен, не благороден, – не подлец, «подлиза», учится старательно. Тихонький, маленький, довольно симпатичный.

3) Воробьев – идиот. Остался из того класса. В голове, по-видимому, полное «растворение воздуха», полнейшее отсутствие ума, находится под влиянием «Союза 3-х», а потому пьяница, развратник и прочее[е].

Голубчиков [-] Вот тоже несколько странная фигура, совсем не глуп, иногда симпатичен, но как-то детски наивно груб. «Большое дите», из него выйдет хороший малый.

Горшков [-] Из породы «безличностей», совсем как бы незаметен, выделяется только картавым голосом, да своеобразным носом.

Горячев [-] Немного чужд мне, потому что, как и предыдущий экземпляр, присоеди[нен] в 4 или 5 классе из параллельного (этот же класс и наш имели характер довольно различный, что отзывается даже теперь), довольно добродушен, не глуп, «зубрила», «дитё» и опять-таки, довольно безличен. Носит кличку «Китайской кобылицы» соответственно компании «жеребчиков», т.е. полу-хулиганчиков, полу-подлиз, «купеческих деток», к которой принадлежит.

27 февраля

Никогда еще не выносил я такого впечатления тоски и безобразия из школы, как сегодня. Дошло до того, что Н.Ф. [Рейнсон]¹ – этот симпатичнейший человек, рассерженный... заговорил и как заговорил. Он чуть не плакал и видно было, до какой глубины школа действительно близка ему. ...слова его как бы открыли мне глаза, еще более показали ужас школы. Раньше я все как-то думал о себе, об учениках и учителях, теперь я увидел общество. Мы, выходя из школы с нашим абсолютным невежеством, но вместе с тем с дипломами и пр., совершаем настоящее преступление... Но, впрочем, словами не передашь, это была не речь, а какой-то вопль, и я глубоко, глубоко его почувствовал.

* Предположительная расшифровка слова.

1 марта

Зевается

И хочется спать
По телу холод пробирается
И ходишь без толку, словно тать
Вместо мыслей в голове какие-то тени,
Бесшумные
С каким-то призраком лени
И не умные
Лампа светит желтым сиянием
Холодно в глаза
Голоден, хочется есть но ничего я не ем
И почему-то нависает слеза
Ни о чем я не мыслю, не чувствую
Кругом ничего
И как будто-то бы в жизни отсутствую
И живет кто-то другой, вместо меня
Он сидит и пишет эту бес[с]мыслицу
Меня же нет
Я не знаю где я, да и живу ли я
Потому что меня нет
И во сне ли я наяву ли я
Не знаю каков ответ
Все и будущее и прошедшее
И настоящее исчезло вдруг
Все печально грустное и ушедшее
И бессмыслия жалкий стук.
Читал сей час «Новое время»¹
О Суворине статейки
И ни тепло, ни холодно мне не стало
Лучше бы окатиться водой из лейки
Сотворили себе подобие, создали себе видение
И сидят им любятояся
Как будто бы это есть творение
И опять керосиновая лампа
В глаза свет бросила
И стало не грустно, ни весело
И не средне, а пусто.

2 марта

Егоров – добродушный малый, не дурак, один из рыцарей «союза 3-х», купецкая натура, купцом насквозь пропах. Терпимое существо.

Ильин – очень и очень странный экземпляр, в последнее время приобрел характерную кличку «Живой Иуда»; своего рода «Гамлет» потому, что полное расхождение мысли и дела, мысль только микроскопична, а душа слишком уж велика. Иногда как будто и по-человечески говорит, а поступает как какой-то наследственный преступник – лжет, ворует, тихо развратничает, завидует всем страшно, и как-то забит; думается, что тип больной.

Кузьмичев – добродушнейшее в мире существо и симпа[ти]чнейшее, весь какой-то мягкий, добрый, не глуп, очень и очень симпатичный.

Курников – глупый идиот, мечтает быть юнкером.

4 марта

Гурьев – купец

Не дурак и не умный

Жаден, хитер и практик большой.

5 марта

Марков, да Марков, вот этого двумя словами не охарактеризуешь; это единственный, кажется, живой человек в классе. Мне кажется, он один меня, хотя и неверно, но понимает. Много раз пытался я с ним сойтись, но никогда это не удавалось, а теперь я окончательно вижу, что это невозможно. Марков – не глуп, но ума в нем как-то незаметно, он весь поглощен ярко выраженной областью чувства; его как-то проходит мимо всякая логика, он непосредственен, за ощущением у него сразу получается рефлекс; он – музыкант и это замечательное совпадение. Да, чувства, масса чувства, самого, быть может, изощренного, утонченного... и это делает его оригинальным. Но ум, хотя и есть, но посредственный; я ранее ошибался, утонченность его чувств принимал за ум, теперь же понял. Как-никак я прежде всего логик, и, думаю, сторона ума все-таки больше развита, чем чувства. Он не понимает моей логики, я – его чувства, и никогда мы друг друга не пойдем. Я его ничуть не порицаю, наоборот, считаю выдающимся явлением в классе, повторяю, это живой человек.

Марков – его однофамилец, первый год еще в классе, так как остался на 2-ой год. По первому впечатлению – преступник, хитрый, практичный и только. Впечатление отталкивающее.

9 марта

Мартанов. Статист, декорация, фон и более ничего, какая-то совершенно не заметная штука, полная безличность; на него и внимания-то, кажется, никогда не обращал.

Мионов – хулиган. Как, видимо, под большой опекой родительской, а потому не выказывается весь.

Митюшин – явление странное весьма. Не то урод, не то больной. Весь какой-то угловатый, грязный внешне и внутренне. Дурак, но не глуп. «Дите». Мечтает о физике и... танцах. Есть некоторая счислительная способность, в остальном же очень большой дурак. Смесь мещанства, подлости, глупости, неразвитости и маленького талантика. Крайне смешное явление.

Морель – ненормальный. Идиот, но не глупый, полублаженный, полуподлец.

Морозов. Самая отвратительная фигура в классе. Ильин в увеличенном размере. Подлец, подлиза, развратник, дурак.

Разсохин. Тоже субъект весьма и весьма несимпатичный. Насквозь протух практической жилкой. Не глуп, но кажется дураком, потому что хочет казаться умным.

Рычков. Хороший парень, умный, симпатичный, особенно не выделяется ничем, это, мне кажется, идеальный ученик.

Савостьянов. «Придворный пекарь». Прогремел в последнее время по одному очень несимпатичному делу. Не глуп, но весь ум поглощается страшно развитою чувственностью и некоторой долей хулиганства.

Себенцов. Из «рычковской» породы. Умный, добрый... но все же не живой человек, и это очень печально.

Нет и истин нет и заблуждений
Нет и счастья так же как и горя
Нет покоя, но нет и движений
Нет и третьего чего-нибудь на свете
Есть же то [о] чем мы позабыли
Что давно мы уже в умах похоронили.
Это – все

11 марта

Нда-с, что ни день, что ни мгновенье
Все далее я от жизни удал[я]юсь
Она – мечта и точно сновиденье ...
В нежизни ж я живым являюсь
Да, в жизни умереть
Вне ж жизни бурно жить
Вот цель моя, вот все мое стремленье
Я в нем найду источник вдохновенья
Без жизни радость жизни буду пить
Соединю я личность с безличностью в одном
В уме, и в отрицании моем.

12 марта

Сегодня, как-никак, а день рожденья,
Пусть будет мне подарок-награжденье
Прожить за сотню (больше даже) лет
Пока же... университет.

19 марта

И не грустно, и не скучно, и не томно мне
Но противно отчего-то
И внутри* меня и во мне
Противно, противно отчего-то.

21 марта

Вчера Гоголя чествовали... А отчего чествовали? оттого, что кумира сотворили, чтут не Н.В. Гоголя, а какую-то* глыбу каменную, понятие отвлеченное, подмени сейчас что-нибудь в его творениях, избеобразь, исковеркай – а скажи, что новая редакция, и они будут в восторге. Не Гоголя славословят, а черт знает что, место какое-то пустое, учебники словесности, где о Гоголе писано. Прочел сейчас с десятков юбилейных газет, и за двумя-тремя исключениями «смех сквозь невидимые миру слезы» и «все эти Чичиковы и городничие живут среди нас». Глупость и тупость, черт с ними с этими слезами, которых мне, да и им не видно, да и у Гоголя-то которых не было, выдумали идиоты своего глупенького, пошленького Гоголя; и нет

* Так у Вавилова.

* У Вавилова «какую ту».

теперь ни Чичиковых, ни городничих, да если бы и были, не стал от этого Гоголь выше. Да черт с ними со всеми общественными идеями Гоголя, не за них люблю я его, сотворили по образу и по подобию своему чучело, наклеили ярлык с надписью «Гоголь» и давай своей же глупости венки возлагать. И как глубоко приходится рыться, чтобы, наконец, за слоем пыли увидеть Гоголя – Гоголя смехотворца. В этом весь он. Этот смех без слез, а просто смех, и без «сатиры». Это блаженство, нирвана малоросса – его счастье. Но Петербург, и все эти «слезы» отрезвили малоросса – хотели получить великоросса с общественными идеями – но вышел просто урод. Да, Гоголь урод – хотя и великий. Настоящий Гоголь – это Гоголь Майской ночи, Сорочинской ярмарки, а Гоголь Ревизора – уже фальшивый, хотя и здесь, в виде смеха, пробивается истина. Творчество Гоголя – это великое злодеяние, пересадка малоросса на великорусскую почву – получение уroda.

Истинному Гоголю

Дремлет как вечная тайна
В лунном сиянье Украина
Как изумруд – небосвод
Смотрится в зеркало вод
Чудится сон упоенья
Счастье самозабвенья
Жизнь великая
Жизнь столикая
Счастьем бурная
Нет желанья
Нет страдания
Весь лазурная
В жизнь – все смотрится
Ты ж – в нее.

23 марта

Смыслов. Ох, ох, ох очень и очень неприятная птица. Не дурак, но и не умен, а мнит себя умником, и, видимо, признанным* к науке. Вышел бы хороший приказчик (только на руку нечист), а мнит быть ученым.

Соловьев. Богатенький дурачок, хотя с некоторым практическим чутьем.

Темерин. Это что-то того. Ни то, что-то есть, ни то ни черта нет. Иной раз не глуп, а иной глуп непроходимо. Видимо, кое-что есть, но надо развивать, а этого-то и нет, и получается какой-то абсурд.

Есть и кой-какие нравственные качества, но они затеняются каким-то напускным, глупым удалством и хулиганством. Вообще навозная куча с жемчужным зерном.

Тимофеев по характеру симпатичный, из пород «Кузьмичевых»¹, но только с более развитой какой-то, кажется, практической стороной ума. Очень неприятен с внешности.

Усков. Купчик-голубчик. Очень и очень не дурак. Все замашки купца I гильдии (то есть не грубые), будет большая шельма, возьмет большое приданое и пр.

* Так у Вавилова.

Филимонов. До сих пор не знаю, что он умен или глуп, нравственен или нет. Молчальник, думается, не из «кузьмичевской» ли породы, только умнее других.

Чувиляев. Ой, ой какой будет купец 2-ой гильдии. Пока мал. Теоретически, кажется, глуп до невероятности, практически ж наоборот, чувствуются чуть заметные ростки большого хулигана и развратника. Вообще все пока еще в будущем.

Яковлев. Яковлев – это странная комбинация двух элементов. 1) Он – умный парень и 2) страшно самолюбивый, самолюбивый до глупости, вранья и пр[очего]... не больше.

25 марта

Что же стоит ли жить?
Если жизнь для тебя
Не мученье не радость а плоскость
Что же стоит – плыть
Если в лодке гребя
Не утонешь, не двинешься дальше.

11 апр[еля]

Крым

Море, дикие утесы,
Синева небес
А кругом благоухает
Мне сосновый лес
И томленья, наслажденья
Радует меня
Все... как странное виденье
Все влечет, маня
И люблюсь, забывая
О себе самом
Тайну счастья разрешая
Жить собой во всем.

12 апр[еля]

Вы понимаете, у меня голова болит
Что-то будто остановилось и стонет, гудит
Все кругом противно, намозолило глаза
Пишу о Гоголе, ни понимая в нем ни аза.

16 апреля

Finita la comedia*. “Кончен, кончен дальний путь... Кончен, а на душе как-то тоскливо и грустно... Кончено, уж не сидеть больше на этих скучных, опостылевших, но родных уроках, не слышать, не видеть всей школьной сутолоки. Исчезает, умирает частица самого меня. Я был в школе и ненавидел ее, теперь выхожу из нее, стою над ней и... едва не плачу... Исчезли в Лету и добродушно строгий Банг и пьяница Мезинг и все, все, растаяли, расплылись,

* Комедия окончена (ит.).

как будто и не было... Школа была для меня жизнью, не образование, не воспитание ее жизнью, а жизнь. Жизнь искусственная, особая – но все же жизнь... Входим в жизнь настоящую, будет весело, но пока почти жалко.

22 апреля

Экзаменуемся
Сильно волнуемся
В счастье играем
С «скаток» сдираем

24 апреля

Но уж волнение
Вот и проходит
Сильного рвения
Ум не находит
Больше другим уж я
Делаюсь занят,
Храбрые Рима мужья
К себе все манят
Цезарь с Вергилием
Ливий с Горацием
Сколько я ⟨нрзб.⟩ ел
Гадости братцы ем

26 апреля

Гоголю памятник¹ сегодня открывали, ходил смотреть. Собрались десятки тысяч старых и малых поглазеть, ³/₄ из них только слышали о Гоголе, тысячи 2000* – имеют о нем самые шаблонные понятия, человек 50 знают Гоголя... И за исключением этих 50, никому и дела до Гоголя нет; откроют ли ему памятник, нет ли, не все ли равно... Но они идут, для них Гоголь стал кумиром, таким же бездушным словом, как Бог или любовь – Гоголь стал формой, сделался предметом культа, идут ему открывать памятник, так же как идут на открытие мощей никому ранее не известного святого, идут только потому, что говорят, что он святой. И вот тысячи голов, колышутся венки, гремит оркестр – но ничего живого искреннего за этим нет. Обмолвился кто-то по шаблону о необходимости памятника, другие по шаблону поддержали, сделали, сладили... Купчина Гучков в Гоголе, как свинья в апельсинах понимающий – во главе, всюду околоточные, городовые, малыши, ученые профессора, шикарные дамы, которым дела нет до Гоголя. Тянутся по инстинкту один за другим и из полного ничтожества отдельных личностей вырастает что-то как будто солидное, на деле же дутое и внешнее... Это бессознательное стадо... И стадо это открывает памятник интимнейшей личности – не ирония ли это. Да и самый памятник, такой интимный, полный раздумья, грусти (мне он очень понравился), полный выражения индивидуального (в противоположность полному безличию, полный угодности на вкус стада памятника Пушкину), не насмешка ли он над всем этим торжеством. Стадо венчает личность... Эта наклоненная, почти плачущая голова, казалось, выговаривала при виде этих

* Надо: тысячи 2.

цилиндров, треуголок, венков – «что вы идиоты делаете?». Да, это правда, андреевский памятник Гоголю – упрек, насмешка поставить памятник обществом... Вот какие не торжественные мысли лезли мне все время в голову сегодня.

29 апреля

Кончились гоголевские «торжества», и так грустно, лучше бы их и не было. Штук десять профессоров с разными интонациями в голосе говорили о «смехе сквозь слезы» и о том, что «мертвые души – живы и среди нас». Почетные гости два раза хорошо поели на рауте и на банкете, в Большом театре поставили «Майскую ночь», которая, право же, к Гоголю не больше имеет отношения, чем сухое печенье, на коробке которого догадливый фабрикант написал «Гоголевское», в консерватории состряпали концерт из полонезов и гопаков, отношение которых в конце концов опять-таки напоминает коробку из-под «Гоголевской» карамели, в Малом театре поставили «Ревизора» с желанием этим удивить... В кантате Гоголю пелась слава «Неделимой России», кн[язь] Трубецкой в своей речи о Гоголе программу октябристов защищал на гоголевском банкете. Марсельезу и папуасский гимн играли, на открытии памятника Гоголю, только и говорили что о трибунах, Н.И. Гучкове и несчастных архитекторах. Идиоты!!! Для кого все это празднество... или это лишний случай погулять и показать свои «умственные» рыла сквозь незримую миру глупость непроходимую... И только один памятник, ставший всем чуждым, ненужным, он один истинная тризна по Гоголю. Третьего дня я еще раз ходил смотреть его и мне он решительно понравился, в нем я понял истинную идею памятника. Памятник Гоголю – воскресение Гоголя из мертвых. Писатель для нас слагаемое из двух элементов 1) личности и 2) творчества. Творчество нам писатель оставил, личность его, его внешний главным образом облик – пропал, но в статуе мы его воскрешаем... Статуя – это почти человек, это совсем не то, что картина, это человек живой, но замерший на одном моменте. Произведения Гоголя, его внешность, его памятник, его личность; это не монумент, как Пушкин, а живой Гоголь, и оттого-то он всех тем отталкивает, тем непонятен всем... Да, Гоголь теперь воскрес, он среди нас, он там на Арбатской площади, он живой покойник. И чем хуже были торжества, тем они торжественнее для Гоголя, потому что настоящая гоголевская торжественность, «хлестаковщина». Н.И. Гучков вместо Н.В. Гоголя.

3 мая*

Был сегодня на панихиде
Федор Никитич умер вчера
И чувствовал себя я, не то что жалостно, а скверно
Потому, что все это грустно, фальшиво и неверно
Смерть, свечи, попы – все это так условно
А для меня условность теперь ничто
и Жизнь, и смерть стоят почти ровно
Но, но и самая-то безусловность условно^{2*}
И мне так скверно и неприятно.

* Здесь и по 11 мая в дневнике С.И. Вавилова ошибочно указывает апрель.

^{2*} Так у Вавилова.

5 мая

Странный перелом начинаю я замечать в своем сознании. Появляется какая-то неустойчивость, я начинаю критически относиться ко всему, у меня теперь нет никакого базиса, я не могу ни на чем остановиться. Задумаю разрешить какой-нибудь вопрос, а по дороге встречаю сотни новых, ранее и не возникавших проблем... получается какой-то сумбур, что-то безрезультатное совершенно... Где искать выхода, пока не знаю, а критицизм все растет и растет.

7 мая

Наше время переходное
Мы пришли на острие
Все усилия бесплодные
И тоска, небытие
Да к чему-то* мы готовимся
А пока... пока гнием
И уныло все поем,
Что к чему-то мы готовимся,
Но, что есть, то есть и истина
А что будет [-] то мечта^{2*} –
Вы почтенные прокисли все
Идиотство – вот черта
В существе вашем единая
Вся ж мечта и поступь львиная
Глупость ваша только лишь
Не прикроешься, шалишь
Всероссийский гражданин
Идиот и сукин сын,
Наше время хулиганское,
Умиравших шабаш
И насмешка идиотская
Все над тем, кто был бог наш

11 мая

Еще новое полу-настроение, полу-мысль (у меня теперь все так). Постепенно моя проповедь антииндивидуализма начинает переходить в самый настоящий индивидуализм и все только потому, что начинаю я понимать всю разницу теории и практики... Учение о[б] эфемерности личности могло явиться только у высокой развитой личности. Антииндивидуализм в теории возможен только при крайнем индивидуализме на практике... Я сам все это как-то плохо сознаю, но инстинктивно чувствую, что в этих положениях ключ, пожалуй, ко всему... Мы не должны теорию прилагать к практике, и практику к теории – они полюсы, в их разобщенности сущность всего человека как homo sapiens'a.

* Первоначально С.И. написал: «Да пока-то».

^{2*} Первоначально написано «мираж».

22 мая

Все горит, ничего не осталось, ни одной прицепки, все обратилось в пар неуловимый, и я как будто жить перестал. Куда исчезает и наука, и искусство, и личность, и безличность и все. Черт знает что такое, что будет, не знаю. Критика, критика, не подожги самуя себя, не рой ямы самой себе.

27 мая

Был вчера на Мечникове и вынес какое-то двойственное впечатление от самого Мечникова и от публики. От Мечникова я в восторге – это умный, простой и [–] как-то необыкновенно ясно чувствуется – особенный человек. Ему совсем не по себе в этой толпе любопытных. Он совсем не искушен славой, он интимен, он, ну одним словом, хочет быть самим собой... Но вот ему pendant* – публика, что же это такое? стадо ослов (да публика-то еще избранная), все пришли смотреть как на чудо, на гешефт-махера лактобациллина, как пошли бы смотреть корову о двух головах или живого кита. Опять то же приходится говорить, что говорил о гоголевском юбилее... Кумира создали себе, создали себе нелепого сверхчеловека [–] творение толпы, стада и, поклоняясь этому кумиру, своему творению, поклоняются самим себе, себя окуривают фимиамом «Вы наш Илья Ильич», «Вы к нам приехали», «Вы наш соотечественник», ты наш, ты – мы, вот и вся суть этих рукоплесканий и адресов... А затем – толпа и... наука, личность, ученый, толпа, стремящаяся все опошлить, а личность, стремящаяся облагородить. «Что им Гекуба» «Что они Гекубе». Как-то особенно переживал я вчера всю трагедию личности и толпы. Толпа старалась замолчать, замусолить, а Мечников вырывался, рвался и как будто говорил

«Подите прочь, какое дело
Поэту мирному до вас»¹.

Мечников первый виденный мною тип ученого – ученого, а не любимца публики.

1 июня

Дело кончено, комедия
Завершилась навсегда
Почему вчера пил я
В животе была бурда
Но гоню я прочь сознание
Чтоб в восторгах не забыть
Все латинское познание
Чтобы 2 не получить
Да, в четверг финал финалов всех
Да, в четверг *moment critique**
Да, в четверг уж нам не будет грех
Видеть в зеркале свой лик
Ах до Ливия б, Горация
Поскорее смог добраться я
И до Цезаря, Вергилия
О прижди *quarta vigilia*¹.

* Дополнение (*фр.*).

* Критический момент (*фр.*).

Июня 4

День долгожданный, торжественный
День наступил
В Лету сегодня надеюсь на век
Я латынь проводил¹
Целых два года меня латынь
Эта томила
Но уж закрыта она и над нею
Воздвиглась могила

Жюля Цезаря и Ливия
Уподоблю старой «Ниве»² я
Брошу в угол иль в помойницу
Помянув латынь покойницу
И не буду за Горация
Jamais* братцы даже браться я

Но... от радости голова болит, писать физически не в силах, до следующего раза, Addio^{2*}, my dear^{3*} Сергей Иванович.

Июня 9

Однако прошло еще только 4 дня, а впечатление почти испарилось и я чувствую себя уже опущенным с седьмого-то неба если не в подвал, то этаж этаж в третий, второй – Голова что-то плохо работает, а время свободное, которое нужно бы использовать; моя беда, неспособность фиксировать мысли, сейчас чувствуется как-то особенно сильно. Чувствую себя расслабленным, экзаменами что ли, черт его знай?

Июня 10

Как я уже писал, по моему мнению, истинное спасение человека в теоретизме, в удалении от практики, или, скорее, в полном разделении практики и теории. Пора объясниться, а посему с завтрашнего дня начнем нечто вроде философского трактата, а пока – опять расслабляюсь.

Июня 16

...Что-то все не ладится. Еду сейчас в Финляндию, а самому, в сущности, как-то инстинктивно не хочется, но не могу, еду. Ах, теория и практика.

Июля 7

Третьего дня приехал обратно. Ничего хорошего из поездки не вынес. Прежде всего эта связанность все время, каждую минуту с хорошими, но скучнейшими И.Е. [Евсеевым] и Л.Е.* Да и я человек скучнейший, потому что не могу, не хочу говорить о том, что меня действительно волнует и интересует. Так и зевали всю дорогу, говорили о погоде, И.Е. еле цедил «прелестное,

* Никогда (*фр.*).

^{2*} Прощайте (*ит.*).

^{3*} Мой дорогой (*англ.*).

* Лицо установить не удалось.

чудное, милое и т.п.», я на все замечания со стоном говорил «Да» и более ничего, хотелось уединиться, подумать, помечтать, почитать – но не было возможности, и я скучал, скучал от безмыслия, от головной безработицы. Это, во-первых, а, во-вторых, ясно понял я теперь, как незначительны все эти «новые впечатления», из-за которых и путешествуют. Что из того, что в Гельсингфорсе* извозчиков зовут свистком, а у нас криком, что у финнов такие картузы, а у нас такие, что у их студентов особые шапочки и пр[очее]. А между тем только это и видимость, только и замечаешь эту верхнюю тоненькую корочку, а сущность остается terra incognita. Скорее спекулятивным, чем наблюдательным путем выработал я себе некоторое понятие о сути всех этих финнов, немцев, татар и пр[очих], которых видел по пути (об этом будет речь особая). Хороша финляндская природа, но, право же, игра не стоит свеч, и у нас в Москве или на Гусевке¹ или на картинах красоты много. Всего больше впечатление оставил Ревель^{2*}, в котором были безбожно мало, потому что очень мрачным показался он милому, чудному и т.д. И.Е. Вот где дух странных средних веков сохранился; непременно туда поехать надо и непременно одному.

Волга... На ней смотреть и подавно нечего, одно хорошо [-] отдыхаешь. Если ехать одному, да с деньгами, да когда не жарко, да с книгой, да от Твери до самой Астрахани, то отдохнешь прекрасно, это всегда в виду иметь буду. Вообще лучше бы не ездить, а сидеть бы, да дело делать, от которого я совсем отбился; писать, читать, переводить, да и голову в порядок привести, а то от сумбурных мыслей чуть с ума не схожу.

Июля 8

Что же это такое. Я запутался совершенно. Дикие страсти, с одной [стороны], и бесконечный спутанный клубок мыслей, с другой стороны. Не на чем остановиться, всюду пропасти, провалы. Книжки прочесть не могу, оттого что каждое слово, фраза вызывает целую череду диких мыслей-призраков. Пью валерьянку, думаю успокоиться, но ничего не выходит. Я все прежнее оставил, разрушил, в новом не разобрался, не имею этого нового, а вижу настоящую жизнь кругом, вижу свои гадости, и положительно с ума схожу, ни на чем не могу сосредоточиться, все тает, исчезает.

Июля 13

Ну что же мне делать? Я в сети непроходимой. Гляжу я в будущее и там не вижу никакого выхода. Университет... наука, но, Боже мой, от всякой науки я отстал, занимаюсь какой-то философской метафизикой, истинно научной книжки года два в руки не брал, и боюсь, прямо боюсь науки, науки-работы; я работать не могу, мысли разбегаются, начинаю философствовать, все обсуждать *ex ovo** и далее, я уж беллетристику-то и то с трудом читаю, на каждом слове, фразе, запятой мысли, чудные, тяжелые, неповоротливые, возьмусь за тригонометрию, задумаюсь о поэзии, о Достоевском и черт знает о чем, читаю Достоевского – думаю о тригонометрии, теории познания и пр.

* Ныне Хельсинки.

^{2*} Ныне Таллинн.

* Сначала (дословно – от яйца) (*лат.*).

Сижу, откинувшись на стуле, лежит передо мною книга, а мысли мои где[-то] далеко, далеко гуляют. Как-то в начале года писал я в шутку, «между небом и землею я повис»¹, но теперь я ясно вижу, что это не шутка, а истинное горе мое.

Я ушел от мира по направлению к мысли, книгам, науке... но, но я слишком поспешил, мне мир нужен, но я от мира отстал, и мир от меня, и я мечтаю, думаю о мире и не могу подойти к науке, к теории. Я еще не окончательно насытился миром, чтобы порвать с ним, я позабыл о возможности согласия мира и теории и не то, что погибаю, но болен серьезно... Бывают страшные эксцессы у меня, когда напряженность неудовлетворенности миром прорывается грубо, страшной электрической искрой – эти дикие страсти, этот взрыв искания дорогого существа в Б.², за который я и теперь краснею. А между тем мир отошел от меня; на меня смотрят или как на чудака, или как дурака, много о себе мнящего; я не нахожу живой души, с которой можно бы было поговорить, высказать себя, показать себя; ведь меня – никто не знает, вот в чем весь ужас; одни думают, что за моей непонятностью что-то есть, другие думают, нет ничего. От меня ждут отчужденности, удаленности от мира, и я, желающий мира, вынуждаюсь казаться нежелающим. Да, меня не знают, я не могу говорить, о чем я буду говорить [-] о погоде, трамвае, шахе персидском, да я же не могу, я говорю машинально, меня волнуют другие мысли, которых никому не понять, которые я сам едва чувствую. И вот в эти-то мгновения, когда я людям далек, а науки не знаю и чужд ей – я одинок совершенно, души нет живой, которая откликнулась бы мне и в эти-то минуты я хочу разорвать это одиночество, но не могу... Кто будет моим другом, моим вторым «Я» – только представителем мира. Все эти Темерины, Себенцовы, Яковлевы – только манекены, с которыми я говорить не могу. Геннадий [Верховцев] – что это не знаю, но и он не годен. Борис [Васильев] – да если бы он был тем, что он есть, он мог бы, он самый истинный «человек», пожалуй, которого я знаю. Это милый, умный и, главное, воспринимающий настроения души человек. Но и он далеко, и я не знаю путей к нему, особенно после того. Что же мне делать, реву и взываю я? Быть может, там, в Университете, найду я душу, приобщившись к которой найду я пути к миру и восприму силы, нужные для науки. Может, может, я сойду с Б., но пока, пока ничего нет и нудно и странно мое висение между небом и землей.

Июля 17

Все о том же, о том, что никто, никто на свете не знает, кто такое я... да и я сам этого не знаю. Ну вот пишу я сейчас дневник, читал сегодня Достоевского, переводил с немецкого, стараюсь сохранять все приличия, каковые общество требует (вот и в этой фразе выразился, как у многих, «с вывертом» выражаться принято), ношу благопристойную студенческую фуражку, чищу ногти и пр., думаю, философствую, разрешаю проблемы, вековечные – все, что «культурному» «*hom'u sapiens'u*» делать полагается – но, но разве это я? Ну, возьмите для примера того же Темерина... ну, заставить его Достоевского прочесть, перевести с немецкого, почистить ногти и т.д., дать ему возможность философствовать, дать ему, наконец, все мое обличье, мои воспоминания и пр. – все же это не я будет, а просто самозванец. Хорошо, но что же такое Я-то? Вот этого-то мне и неизвестно. Бог его знает, оттого ли,

что выше самого себя не будешь или просто я еще не знаю, что же я такое. В обществе разных «миросозерцателей» я философом кажусь, в обществе разных И.Е. [Евсеевых] – очень приличным, скромным молодым человеком, в обществе... ну что и говорить! Но ведь все это корка, а где же сердцевина... Может быть, я просто странный человек, не то что сумасшедший, а с ума сходящий, может быть, под этой коркой, высоким штилем выражаясь, Тор[р]и-челлева пустота скрывается? Едва ли. Что-то есть, за это я ручаюсь.

И[ю]л[я] 21

Увы мне, увы мне
Во власти
Я страсти
Она меня мучит
И истине учит
Что я лишь – мечта
Что разум – мгновенье
Что страсть – сновиденье
Что жизнь вся – пуста
Я – камень понявший
Я звон – услыхавший
Себя самого
И камнем лечу Я
И звоном звучу Я
И мысля, и чуя
Но силы лишен Я
Те звуки направить
Тот камень заставить
Лететь перестать
Я колокол бьющий
Чужою рукою
Себе не дающий
Безмыслия покоя
Я слышу, я знаю
Но сил не имея
В тоске изнываю
А звуки* все сею.

И[юля] 23

Да право, кажется лучшим образом для человека будет летящий камень, свой полет понявший.., но, но все же летящий... И вот это понимание, сознание может быть троякого рода 1) или я согласен с этим движением моим 2) или я не согласен 3) или я ничего не знаю, не могу согласовать полет с сознанием, мучаюсь и ищу... Вот это последнее-то и есть состояние моей души; я сознаю, но я не знаю, как относиться – но я еще* соединения и не нахожу. Два идеала для счастья человеческого есть 1) «Тот счастья полного достиг, кто дух судьбы своей постиг»¹, кто понял свое движение как вещь неизбежную, понял «объективно», понял всю пропасть сознания и движения

* Первоначально С.И. написал: «Удары».

* Описка Вавилова, надо: ищу.

и не ищет связи... идеал этот в науке... А есть, есть же и другое счастье для человека, настроить свое сознание в унисон с полетом, покрыть одно другим, быть homo'm sapiens'ом. Вот финны, которых я так недавно видел, сильно подходят к этому идеалу. Вот, два полюса – homo sapiens и ученый, я же, я посередке, я просто человек, homo да еще русский.

И[ю]л[я] 27

Да я в сущности весь «не я», весь чужое. Вот думаю сейчас, пишу я, но почему, зачем? Не в силу какого-нибудь внутреннего побуждения, а так просто, потому что многие «умные» люди свои дневники пишут, для того чтобы оставить нашим-то (черт бы их побрал) потомкам память о себе... Ну, зачем я читаю книги, думаю, отчего я выдумываю там разные сногшибательные теории о личности, объективизме, субъективизме и пр. Только ради, быть может, утонченной, но все же моды, все это ради получения известного «хорошего» места в общественной группировке. Зачем, наконец, я вот сейчас самого себя балую? Опять затем же, опять по внешним целям и причинам. Самого же себя не вижу, а вижу только внешнее, мне не чуждое, но чужое...

И[ю]л[я] 30

Опять поездка с И.Е. [Евсеевым] в Звенигород и опять неудачная. Я сделался каким-то автоматом, и не по своей воле поехал, и не по своей воле гулял, ел, говорил, я, действительный я, всю дорогу, все время голову ломал, ломал до боли физической... и почти до сумасшествия, и над чем, сам не знаю. Опять какое-то искание оригинальных идей, неспособность совместить объективизм с субъективизмом, тоска по непониманию* и Бог знает что еще, так что Звенигорода-то я собственно и не заметил. Только вот сейчас, когда я дома, начинаю я понемногу находить разрешение своей умственной тоске. Да, на самом деле я почти что с ума сходил, не мог ни на чем остановиться, все исчезало, все плыло, и я чувствовал, как жизнь у меня из-под ног уходит. Мне горе, что не только я в целом, но и моя психика сама по себе раздвоилась. Я в одно и то же время смотрю на ту же вещь двумя глазами [–] объективными и субъективными. Я в одно и то же время и ценю самого себя и отрицаю... То я хочу, чтобы весь мир был моим миром, то хочу уничтожить свой мир, я не могу ни на что смотреть, потому что у меня в психологическом смысле в глазах двоится, и, что главное, двоится так, что в мухе вижу я и муху, и слона. Уж право, не с ума ли я схожу? Одна надежда, что, кажется, сумасшедшие не сознают своего сумасхождения.

3 августа

Дача – Дождик. Дождик – дача.
Скука, холод, неудача
Мысль замерзла. Странно грустно
Что хочу писать – лишь устно
Могу выразить – Чернила
Вражья сила соблазнила
И пишу – что не хочу

* Так у Вавилова. Видимо, описка: надо – пониманию.

И хоть грустно – хохочу
Если ж весело – я плачу
Черт понес меня на дачу
Для чего пишу, не знаю
Только рифмы подбираю
Вот страницу отстрочил
И довольно – я почил
Я хочу ложиться спать
Направляюсь на кровать

Сие образец того, что в голове происходит, когда она забастует.

7 августа

Я живу искусственно, настоящей, естественной моей жизни я не знаю, и очень может быть, что моя естественность-то и заключается в искусственности. Для меня почти всегда моя собственная (т.е. мною самим измышленная) система, разделение, делается, несмотря на всю свою искусственность, естественной. Завтра я съезжаю с дачи и для меня это не только факт, а событие, потому что я знаю, что многое переменится. Кончился один период и резко начинается другой, а поэтому первому пора подводить итоги. На три периода можно разделить это лето в отношении ко мне 1) экзамены 2) voyage* и 3) оседлое существование на даче, и ни одним я не доволен. Во всех трех в отдельности отсутствовало то, [что] на мне бы след оставило. Экзамены, как им и следовало, – только «были», voyage – был бестолков и бессмыслен, дача – она была слишком микроскопична [–] не больше месяца, то есть за вычетом всех дней с «дачными гостями» и с поездками в Москву – дней 20. Сделал я в эти дни мало, но в голове все же кое-что прибавилось. Было ли лето отдыхом? и этого не скажу, потому что отдыхом считаю только то время, когда голова спокойна, а я то искал тем для мыслей, то спотыкался о мысли и т.д. Идеал отдыха для меня – это лежание в жаркий день в тени, под деревом на сене с «Тремя Мушкетерами» – но до этого не доходило. Итак, в результате не плюс, не минус, а нуль передышка, остановка на мгновение после целой, кончившейся эпохи жизни и перед новой, начинающейся эпохой. Теперь до 15 сент[ября] мы кое-как будем подготавливаться к новому, и поскольку нужно в конце концов согласовать теорию с практикой или же оторваться от практики совершенно sperabimus!^{2*}

23 августа

Я до того завертелся, закружился, забыл себя, перестал себя сознавать, что вот уже две недели, как ничего не писал, а это признак скверный, коли из дневника, ежемесячник приходится делать. Приехал я в Москву, дней 8 как безумный разбирался, 2 дня потратил на поездку в Юрьев*, тут цел[ую] неделю с Евсеечем без толку кружился. Фактов, фактов много, слишком много, а мысли нет, как это ни дико. Остановишься иногда на мгновенье, подумаешь; «Да что с тобой, опомнись», но нет, лечу дальше. Пора, опять повторяю, опомниться, но вот и сейчас, даже себя почти не сознаю.

* Путешествие.

^{2*} Будем надеяться (лат.).

* Теперь г. Тарту.

24 августа

Наши критики любят часто приводить первую строчку стихотворения: «Чем ночь темней, тем ярче звезды»¹ для объяснения появления какого-либо яркого таланта среди тьмы и ужаса обыденности; но будем искренни, гораздо точнее смысл этой строчки выражается в пословице «на безрыбье и рак рыба». Оттого эти писатели (я думаю сейчас о Белых, Андреевых и пр.) и ярки, что кругом-то слишком темно, будь чуть-чуть посветлей, их бы мы и не заметили. Не оттого мы так темны, что они так ярки, а, скорее, наоборот: оттого они так заметны, что мы-то слишком темны. – Это образец случайности, несвя[з]-ности моих мыслей, я распадаюсь, растворяюсь, исчезаю, остаются только обрывки мои.

27 августа

Взял я сейчас расписание университетских лекций, за которые примусь первого сентября, и почувствовал, как «на бушующие волны льет примирительный елей»¹ дух науки, та область упорядоченности, в которую, я думаю, наконец, попаду. Нынешнее лето духовно страдал я так, как никогда, я потерял веру во все, мой скептицизм доходил до самосожжения. Я утвердил все и все отверг, я понял, что все безразлично, относительно и даже это самое утверждение относительного... А с другой стороны, мучило меня желание найти что-нибудь, но на всем я обрывался, все рушил, оставлял мираж, разрушая даже свое разрушение. Я понял, что я ничего не понимаю, что и это понятие не понятно; я понял, что все [–] и наука, и религия, и искусство, и общество, и культура чушь и величины как одинаковые нули – равнозначные. И вот только теперь, читая Ан. Франса, начинаю находить я себе спасение и вижу свою путеводную звезду в чудном образе профессора Бержере². Все игра, и даже мысль об этой игре – игра и жизнь игра и игра – жизнь. Игра и жизнь – стороны одной медали, но стороны разные, и вся задача человека в том, чтобы или на жизнь смотреть, как на игру, или на игру, как на жизнь, достигнуть покоя, нирваны. И вот в этом-то последнем, в созерцании науки – игры как жизни, как всего я вижу спасение свое. Буду играть, но не думать, что играю. Это та же прекрасная, единственно, мне кажется, верная мысль, которую я высказал еще довольно давно в этом дневнике в стихах

Да, в жизни умереть
Вне ж жизни бурно жить
Вот цель моя, вот все мое стремленье.

2-го сентября

Не нынче-завтра начнется новая, самая важная и страшная эпоха моей жизни: начнутся университетские занятия. Все это важно, конечно, не само по себе, а потому, как я отношусь. Я, конечно, живу, ем, пью, пассивно или активно участвую в общественной жизни, но странно, все это идет как-то само собой, я отклоняюсь то туда, то сюда без всякого желания моего. Даже в моей активности я пассивен. В жизни я никогда не оригинален, а следую моде, правда, моде меньшинства, но все же моде. В одном я – Я в области теоретизма, в области, на миллионы верст от жизни удаленной. Конечно, с точки зрения биологической, и мой теоретизм окажется практицизмом, но я

теперь стою на точке зренья С.И. Вавилова, которая даже и над биологической возвышается... И вот как никак, а университетские лекции и связанные с ними занятия и являются первым начатием нашего практического теоретизма. Commencements* с Богом. А все-таки я еще себя не понимаю, и вру и говорю шаблонщину. Увы и ах, я человек, т.е. люда.

4 сентября

Сегодня слушал Челпанова. Читал он о том, что такое психология и об ее методе. Увы и ах, только изливал потоки воды, все время открывая Америки вроде того, что «психология – наука о душевных явлениях». Еще потом, говоря об «единстве» сознания и психологическом методе, немного разошелся и кое-что сказал. Но дело не в том: меня с первого же раза поразило отсутствие того, чего я желал найти в университете – истинной науки, т.е. точки зренья, выше жизни стоящей. Ведь мне не нужно т[очки] з[ренья] человека «поумнее» или «пообразованнее», мне нужно в университете только scientia*, нужно ... да вот этого и не скажешь, потому что слов для этого нет, нужно, говоря шаблонно – объективизма – не сидения между двух стульев и парения над всякими стульями, столами, башнями, подвалами, откуда порода hominum sapientium^{2*} смотрит на мир. Челпановский же объективизм как раз сидение между двух стульев.

10 сентября

То, что я прослушал сначала водянистую лекцию Челпанова, было, пожалуй, к лучшему, потому что следующей слышанной мною лекцией была «Высш[ая] алгебра», оценить которую мог я только сравнением. Дряхлый старичок, человек–развалина, еле говорящий, запинаящийся чуть не на каждой букве, кривой – Андреев начал объяснять теорию детерминантов. И со всем этим сколько прекрасного объективизма, сколько искомого мною холодного спокойствия было в этой сухой лекции. Ни слова лишнего, одни определенные математические абстракции. Я прежде думал, что это будет скучно, невыносимо, нет. Я чувствовал себя прекрасно, я чувствовал себя в области науки и челпановское красноречие было...*

...во всем заотчаивался, опять пошла та мозговая суматоха, которая со мною теперь часто происходит, я начал думать о том, что я ничего не смогу сделать и в науке, что вот-де кончу я унив[ерситет], положим, даже сделаюсь профессором, что толку и т.д. и т.д., словом, «запессимизился». Но сегодня ничего, понемногу опомнился и, слава Богу, почувствовал благотворное дыхание работы духовной, отсутствие которой [-] моя главная беда. Все мои дневники заполнены воздыханиями о работе, но ее не было, потому что не было необходимости, потому что ее загораживала ложно – работа-школа. Теперь свободен, мне только одно и можно и должно работать. Тогда я только думал о работе, теперь я ее почувствовал. Посмотрим, что будет.

* Приступим (*фр.*).

* Наука (*лат.*).

^{2*} Ученых людей (*лат.*).

* Далее утрачены две страницы текста дневника.

15 сентября

Вижу, чувствую я направляющую силу, по которой стремлюсь, но пока еле еле двигаюсь по ее направлению и ежеминутно отклоняюсь во все стороны, не понимаю еще всем существом того нового, в которое я попал. Порой... порой и сомнение проскальзывает даже... Выйдет ли что или нет?

16 сентября

Горе и ужас всем совместившим
Света и тьмы две бездны в себе
С истиной вместе в душе утвердивши
Древнюю ложь, в великой борьбе

Ты человек ничто в бесконечном
Но бесконечный пред всяким ничто
Ты – что зовется в мире конечным
Но ни ничто, никогда ни ничто
Все мы забыли, что вместе мы с миром
Что не умрем, что мы вечны как мир
Вечно купаясь, сливаясь с эфиром
Вышли и выйдем в тот же эфир.
Горе и ужас, знание вкусившим,
Пред бесконечным мы только ничто
Но в осмысленьи безумном забывши
Что пред ничем мы великое «что».

18 сентября*

Вчера и сегодня слушал Лебедева; впечатление хорошее; это первый виденный мною пока здесь «ученый». От него-то узнал я и как трудна наука; сколько усилий нужно, чтобы быть ученым, нужно знать языки, математику, нужно работать; от него же получил стимул к работе. «Плох тот казак, который не надеется быть атаманом». Ну, а я надеюсь.

23 сентября

Университет обращается для меня в какую-[то] единственную направляющую, бессознательную силу. Что, в самом деле, у меня есть? Никакого собственно идеала у меня нет, ни семейного, ни какого-либо другого практического. Хочу я быть профессором, но и то вовсе ни для развития наук, ни для собственной славы, ни для просвещения юных умов. Так, одно возможное слово – так. Как? не знаю сам. Вот эта не то притягательная, не то подталкивательная сила науки одна у меня и осталась, и она-то меня и гонит, иногда я не поддаюсь, сворачиваю, но, в конце концов, все же иду. Вот теперь я уже довольно близко подошел к науке; и увидел все ее неизмеримые трудности, но все же не уклоняюсь и иду. Что будет дальше? Не знаю. Мне известно только то, что другого пути мне нет. Буду я ученым, буду, как и теперь, всем недоволен, умру, быть может, совсем, а может и нет, и на этот счет у меня есть сомнения. Повторяю, университет теперь моя α и ω , не потому

* У Вавилова ошибочно указано 18 августа.

что я так умственно решил, а инстинктивно. Думаю, что с университетом будет связана вся моя жизнь, а потому, потому будем думать только о нем. В конце концов, кем не кем, а как-нибудь жить придется, а потому пустим свою ладью по тому течению, которое первое ее подхватило. Нет в этой ладье ни руля и ни ветрил (что это за штука, не знаю, но тем лучше, пусть нашим девизом будет «Вниз по матушке по Волге без руля и без ветрил». Амен.

28 сентября

Мне становится страшно. Каким легким, воздушно легким зданием казалась мне наука, когда я был вне ее. Но теперь вижу, что эта легкость – результат неимоверно страшного труда миллионов поколений. Я вижу, что надо работать, а не только говорить о работе, но, увы, увы и ах. Не знаю причины, быть может, это проклятая неспособность сильно сосредоточивать[ся], быть может... боюсь сказать, да думаю, что это и не так быть может – это просто неспособность работать научно. Не знаю, но пока дело не клеится. А работы все по[д]бавляется; с каждой лекцией растет гряда книг, книг и книг, которые надо прочесть, а я... я теряюсь и ничего не делаю.

2 октября

Бывают минуты... нет даже мгновенья
Когда рвутся пути людского рождения
Когда вдруг, не знаю, иль выше иль ниже
Я вне человека и к космосу ближе
Как камни, как море мне кажутся люди
И головы, руки и ноги и груди
Чужие: не будет ни горя, ни гнева
В их звуках не слышно родного напева
Себя забываю; во мне нет желанья
Ни воли, ни страсти; есть только познание
Немое познание, без горя без счастья
Лишь символ великий, что космоса часть я
И в целом и в малом я есть, жив и вечен
Но я... стал космичен, а мир человечен.

Как-никак, а и в стихах, вижу я, не удается мне выразить овладевшей мною *entièrement** идеи, что мир ни –, ни +, а величина абсолютная.

7 октября

Все меня окружающее как-то сливается в одно, в ощущение одного. Был тут на Анафеме¹ (к слову сказать, глупенькая и пошленькая открытая Америка), а видел и чувствовал то же, что чувствую я, когда сижу в университете на лекции или дома за книгой. То же грустное недоразумение – выставление точки зрения человеческой, субъективной за *conditio sine qua non**. На этой глупости построена глупейшая Анафема; в этом же многие научные недоразумения. Нельзя смешивать эти точки зрения и смотреть сразу с обеих.

* Всецело (*фр.*).

* Необходимое условие (*лат.*).

Само собой, что и субъективная и объективная точки зрения – абсолютны, но не всеобъемлющи и исключают друг друга. Но есть между субъективной и объективной т[очками] з[рения] одна разница, сильно обесценивающая первую. Суб[ъективная] т[очка] з[рения] – это, если выразаться математически, б[есконечно] м[алая], а объективная [-] б[есконечно] б[ольшая]. Объективная включает и субъективную, а субъективная до объективной никакая. Но все это довольно грубо, нужны новые языки, новые слова.

10 октября

Все глубже, все острее входит яд
Уж мысли мало правды говорят
Уж даже в отрицание я веру потерял
И чем-то странно, странно-страшным стал
Нигде, ни в чем не вижу ничего
Забыл я все, не знаю своего
Я стал мертвец, я мертвым камнем стал
Но камнем понимающим, что мертв
Я живо понял смерть свою
О жизни, как мертвец пою
А в смерти я живу, живу.

18 октября

Мое положение теперь таково: из царей я попал не то чтобы в рабы, а так в какие-нибудь коллежские ассесоры¹; т.е. не то чтобы я упал откуда-нибудь или вообще чем-либо переменялся; переменялось меня окружающее. Как будто бы стоял я уже на самой верхушке горы и надо мною мною* были только облака, остальное все расстилалось под мною. Да, со мной ничего не сделалось, но облака-то вдруг растаяли, и я увидел над собой высокие непроходимые кручи, в сравнении с которыми высота, на которой я нахожусь, казалась смешной. Вот тут и надо представить соединение в одном лице еще не ушедшей психологии владыки, а с другой – вновь появившейся психологии младшего дворника. Я чувствую, что мне необходимо делать, трудиться, заниматься, как лошади. Мне нужно проходить и самую элементарную алгебру, геометрию, тригонометрию, нужны и новые науки, нужна физика, нужны языки. Но я был королем, а король был сибарит, любил поумничать, пофилософствовать слегка, с ученым видом знатока хранить молчание в важных спорах², а в общем так, не то чтобы прозябать, но жить легонько, маленько по-общинтеллигентски. Мне казалось, фундамент всего мною постигнут, и я только, смакуя, любовался сливками. Но, увы, на деле оказалось, что я король, но на манер короля монахского, а на деле младший дворник истинных королей. И в том пока мое оправдание временной моей растерянности и бестолковщины. С каждым днем проясняется застилавший глаза туман, становится светлее и, увы, настолько, что ясно вижу, что моя порфира была просто фартуком маляра.

* Так у Вавилова.

20 октября

Как мне сейчас рисуется Петербург? Я его видел мельком, видел его красоты; я читал о нем и читаю, как о городе *empirе`ного** стиля, от которого так и несет патриархальностью помещичьего быта во всей его силе. И вот... я влюблен в Петербург, мне думается, как хороша жизнь в Петербурге с его декадентской утонченностью, я стремлюсь к Петербургу. Но вот, думается мне, что во всех уголках России, да может быть и не ее одной, многие также мечтают о Москве. Они тоже мельком видели Москву, много читали о ней как о какой-то святыне, как об образце и по форме и по духу всего чисто русского. И они стремятся к Москве. Но для меня Москва не то что что-нибудь плохое, а так, ничто, все равно что для рыбы вода, мое чувство притуплено, Москвы я уж больше не ощущаю... Только теперь я «ощущаю» это, только теперь понимаю истинный смысл трагедии человеческой, заключающейся в том, что «там лучше, где нас нет». Я понял, что источник человеческого пессимизма совсем не в невозможности достижения чего-либо, а в том, что достигнутое теряет свое значение. Вот я стремлюсь к науке, но я уверен, потому что знаю на примере других, что потеряю вкус к науке. До сих пор я предлагал и себе и другим рецепт от жизни – теоретизм, но, увы, только сейчас начинаю различать, что теоретизм, раз он достигнут, становится практикой. Теоретизм – это стремление, практика – достижение. Ничего не достигать, а только стремиться, вот, как видимо, основное правило счастливого скептицизма. Достигнутая цель – источник всякой тоски, меланхолии и т.п. Всегда там лучше, где нас нет, и это не шаблонщина, а, увы, как видимо, *conditio sine qua non*. Постараюсь разобраться в этом и приложить к своим мыслям о теоретизме.

24 октября

Нет зацепок
Мир так гладок
Он так крепок
Он так гадок,
Говорю не понимая
Потому что мир – я тоже
Моя жалоба немая
Отблеск гадкого того же
Проклинаю, проклинаяю
Я проклятие свое же
Принимая, принима[ю]
Я проклятие все то же
Неизбежно, неизбежно
Мне, вращаясь в диком круге
Бунтовать, причем мятежно
От себя бежать в испуге
От себя бежать в себя же
Что же хуже, что же гаже.

* Амфир (*фр.*).

4 ноября

Зубы болят; голова не в порядке
Надо писать, а о чем? Темы нет
Время летит, уж ноябрь, скоро святки
Кончится год. А итог? Винегрет
Мысли запутались, да и не хочется
Стройности, ясности, все чепуха
Все, как в мятель*, полоумное носится
Все, как загнившая грязь, шелуха
Зубы болят; вот конец и начало
В этом мне все, иль сознание всего
О если б всюду, как тень не торчало
Грозное око «я» моего.

7 ноября

Если угодно, то, что называется психикой, сознанием, если и существует, то не живет, и вот почему. Настоящего в психике нет, она вся в будущем или прошлом. Психика – нарушенное равновесие, или, вернее, сила, возникающая при нарушении равновесия, и сила, стремящаяся равновесие восстановить, но сама по себе равновесию чуждая. Настоящее – это равновесие; прошлое тоже ряд равновесий, из которых психика выскользнула; будущее – равновесие, к которому сознание стремится. Но по существу дела только равновесие – настоящее, жизнь, всякий момент себе довлеет. Я бы сказал даже более, категории времени в жизни (вернее в существовании) нет, нет момента, есть понятие пространственное, понятие настоящего. Между тем сознание внепространственно, но целиком, функционально обусловлено временем. Скажу более, время есть функция сознания, психики, не в том смысле, что сознание выдумало время, а в том, что сознание и время почти тождество. Вообще, думается мне, исследование понятия времени и пространства по отношению к сознанию может многое объяснить.

11 ноября

«Если спросят тебя, что полезнее солнце или луна? ответствуй луна, поелику солнце светит днем, когда и так светло, а луна ночью». Это изречение Козьмы Пруtkова, несмотря на всю свою ядовитую парадоксальность, в сущности, является образчиком бесконечного ряда подобных же представлений, заполняющих все умы и сердца. Мы никогда не можем увидеть и понять того, что в нас смотрит и в нас понимает. Выше себя самих прыгнуть мы не можем. Мы можем видеть только вне нас, ощущать только поверхность, и совсем не в том, конечно, теоретико-познавательном смысле, воспетом Кантом; я говорю о море: я вижу плоскость верст в 20, плоскость всю в складках и вот все мое представление моря, им исчерпывающее все глубины. Мы заметим что-либо только тогда, когда оно, схематически выражаясь, выше нас, что с нами, что в нас мы не знаем. Мы не живем, или вернее (хотя это то же самое) мы не знаем жизни. Вот сейчас о чем говорят, о чем пишут в газетах «Вестниках жизни» (Проанализировать какой-нибудь случайный № газеты очень и очень любопытно и это я как-нибудь и сделаю) – о полете аэроплана Гюйо, о лекции

* Так у Вавилова.

Чуковского, о статье графа Толстого, об инциденте «Гучков–Уваров»¹ и т.д. Это в общественной жизни, а в личной? Я, другие, третьи все в моменте, все мечтают, все не живут. Мы живем только во сне, когда мы не мечтаем или, вернее, когда наши мечты осуществлены, и (особенность сна) о новых вещах мы не мечтаем. Пожалуй, верно, по общепринятому пониманию, что жизнь есть сон, а сон есть жизнь. Нирвана – не смерть, не покой, она жизнь, жизнь без стремления, жизнь *an und für sich**. И о если бы было возможно совместить жизнь с нежизнью, если бы можно было жизнь – проспать.

13 ноября

Был сегодня на диссертации Плотникова¹. Впечатление скверненькое; не от диссертации самой, ее я не читал, не от диссертанта, а от всей обстановки. Кругом не то что фальшь, внешность, а прямо недоразумение. Дня два тому назад читал я статью Розанова о чиновниках². Защита диссертации – чудная, яркая иллюстрация к этой статье. Всякое общение умерло, умерло *civitas**, осталось «государство», где гражданство уже не право, а обязанность, остались наемные граждане – чиновники, не члены государства, а служащие у государства в наем. Я не политические мысли лелею, не скорблю о потерянных *liberté, égalité et fraternité*^{2*}, все это чушь и ерунда, я скорблю о духовной общественной связи, выраженной в общественной символикe. Публичный диспут... Сколько мудрого при существовании общности и какая жалкая «Вампука»³ без общности. Человек 50 ничего не понимающих курсисток и студентов – публика, покрытый какой-то рваной зеленой тряпкой стол – место высшего ученого судилища, жалкие, глупые возражения для проформы. Исчезло, исчезло навсегда что-то из жизни, а заменить пропавшее нечем... И это всюду, во всех областях. Общность исчезла, а общество растет, растет пошлость, растут трамваи, «Трудовые копейки»⁴, популярно-научные книжки, голос Шалыпина в граммофоне. Жизнь не в качестве, не в количестве, жизнь в жизнеразности; а она тает и тает, на науки хотят смотреть, как на обыденщину, но тогда наука делается обыденностью, а не наукой. Мне кажется, мы идем к вырождению. Все признаки за это.

17 ноября

Прошлый раз я проговорился словом «вырожденье», словом, которого не хотел сказать, словом, которое я еще не усвоил, не понимаю. Это одно из самых непонятных, запутанных, метафизических слов. Здесь как необходимые условия присутствуют 1) вера в прогресс, 2) вера в существование нормальности или, лучше сказать, абсолютной точки зрения, 3) вера в человека как явление чрезвычайное. Почему я боюсь за человека, почему я боюсь вырождения, почему общее* у меня существует инстинкт самосохранения. Почему у меня есть боязнь за нечто меня окружающее, почему у меня есть сознание, понимание его, любовь к нему, почему у меня нет осязательного сознания

* В себе и для себя (*нем.*).

* Общество (*лат.*).

^{2*} Свобода, равенство и братство (*фр.*).

* Так у Вавилова.

мира, любви к нему, почему нет инстинкта сохранения мира, почему я, часть мира, чувствую себя от мира отделенным, почему вообще говоря я – человек, со всеми его особенностями. Вопрос важный.

22 ноября

Странное слово «истина», что им надо обозначать, или вернее, что им обозначается. Что есть «истина», только не в смысле обозначаемого содержания, а обозначающего смысла. Вот по мнению Тимирязева да и еще многих: Истина – то, что есть. Но уже самой фразой задается вопрос горше первого. Истина – то, что есть, эта фраза, следовательно, поскольку она высказывается, или существует в мыслях – есть, то есть – истина, эта одна «истина», но дело в том, что беря предпосылкой тимирязевский афоризм, можно прийти к такому вовсе не тимирязевскому истинному выводу: «Истина – то, чего нет», эта фраза сказана, она есть, она истина логики, тут верна, неверно то, что одному и тому же термину, по существу говоря, дается два разных смысла, имеющих одну начальную точку соприкосновения, но далее бесконечно расходящихся. Вопрос этот тоже важности необыкновенной.

26 ноября

Да, да вопросы все важные. Да, но только вопросы, нет вопросища, частью которого были бы все эти вопросы. Я вопросов не боюсь, раз есть вопрос есть и ответ; но, к сожалению, хоть и есть ответище, но если нет на него вопросища, то ответища разобрать невозможно. Да-с, все развалилось, ничего целого не осталось и главное [–] к чему ни подступишь, все дальше рассыпается... И в конечном счете хочешь поднять голову хоть на микрон выше самого себя, а падаешь вниз. Нельзя, я человек, я камень; вся моя псевдопсихика одно недоразумение; но и эти рассуждения тоже чепуха, только самомнение черт знает, да что черт, бог, никто, слов, слов, нет, понимаешь ли, слов нет. Зеркало не истина*, а зеркало, отражение, психика – только зеркало, которое можно разбить, а истина. Да нет слов.

30 ноября

Прошел и ноябрь... Ноябрь самый рабочий месяц, он лежит посередке, между летним и рождественским бездельем. Он..., ну да хотя это глупо, просто дело в том, что, оглядываясь сейчас на прошедший ноябрь, вижу, что работал. Я забираюсь все выше и выше, а как оглянешься – страшно становится: как бы не свалиться. Дело в том, что я как будто начинаю выкристаллизовываться из всякого бездельного мусора глупых философствований и ничегоделанья*, я начинаю работать, да все три слова в этой фразе важны: во-первых, Я, а не кто-нибудь за меня, во-вторых, начинаю, потому что ранее ничего не делал, а в-третьих, работать – это самое важное... А работы тьма, понадемся и на декабрь.

* Это слово зачеркнуто, возможно, случайно.

* Так у Вавилова.

2 декабря

Был я вчера на лекции Худякова «О происхождении жизни». Дело не в лекции, и не по поводу лекции, а так, мысли непонятные. Меня интересует в вопросе о жизни не биологическая, не химическая, не философско-метафизическая сторона – а чисто физический вопрос. В проблеме происхождения жизни одни придерживаются того мнения, что *omnis vivus ex ovo*^{*}, другие, если и не *omne vivus*^{2*} *ex morto*^{3*}, то, по крайней мере, *primus vivus ex morto*^{4*}. Разбирая дело по существу, увидим, что разница не так велика и даже скорее разницы нет. Для большей ясности можно формулировать второе мнение проще [–] *primus vivus ex atomus*^{5*}. Здесь и там – индивидуумы, там *ovo*, здесь *atomus – individuum*^{6*}. Вот с этой тч. зр[ения] и посмотрим. Из обоих положений вывод тот 1) что мир – агрегат индивидуумов 2) что индивидуумов (в свою очередь определенная агрегация), что есть индивидуумы разных порядков и, наконец, это главное, едва ли существуют индивидуумы первого и последнего порядков. Итак, мой вывод таков. Индивидуум – понятие относительное, т.е. абсолютно неделимого нет. А и[з] этого две задачи науки 1) определить, объяснить устойчивость относительного индивидуума и 2) найти новую точку зрения, вне нелогичного – атома.

7 декабря

Был именинник брат вчера
Он только... Но пьяны были кучера
Но навалило целый дом
Гостей. И было скучно, был содом
И для чего и почему
Они явились все к нему
Пожрать, попить, поговорить
На вечер кашу заварить
Что мне они
И что я им
Они одним
А я другим
Я небо, иль наоборот
Они седьмые небеса
Тогда я только обормот
Они же небесная краса
Они одно
А я далек
Они на дно
Я в потолок
Вот Терехихины, они
Способны отравить одни
Вот belle, красавица, Barbare

* Все живое из яйца (*лат.*).

^{2*} Надо: *vivum (ред.)*.

^{3*} Все живое из неживого (*лат.*).

^{4*} Первое живое из неживого (*лат.*).

^{5*} Первое живое из атома (*лат.*).

^{6*} Атом – индивидуум (*лат.*).

На мостовую, тротуар
На погреб, но беги скорей,
Не видим девицы мудрей
А вот «ученая» Lidie
На рожу только погляди
Увидишь «перезрелый плод»
И скажешь «чистый идиот»
Ученость средство для ловить¹
Для будущих житейских битв.

15 декабря

Как-то писал я кому-то в письме о том, что университет только проходной двор к науке, двор, который для того, чтобы попасть в науку, необходим, но который по существу дела с наукой общего ничего не имеет. Я писал тогда с грустью, и, по совести говоря, мне и сейчас грустно. Но как подумаешь поглубже, грусть-то здесь не о науке, а о чем-то другом. Вся университетская организация (конечно, за исключением практич[еских] занятий и специальных курсов) только палка, только принуждение к науке. Наука же приобретает лично, вне университета, своей работой, и это кажется слишком ясно, до шаблона и зевоты. Свою же роль организованной палки университет исполняет хорошо. Но если так, то чего же жаль, где причина грусти. Сравниваю я вот университет с комм[ерческой] школой. Здесь, в последней, как раз наоборот, учење по теории сосредоточивается в школе, конечно, этого не было ни в школе, ни дома, не было науки, и хотя это так, хотя я неоднократно об этом печаловался, все ж эти печалования были более теоретического свойства, не были живы[е]. В университете же наоборот: наука есть, но что-то выпало, исчезло. В школе была жизнь, здесь с размножением студентов жизнь умерла, приняла окаменелые формы Общ[еств] взаимопомощи, землячеств и пр[очих] экономических организаций. Я начинаю особенно чувствовать и понимать свою тоску, когда читаю воспоминания Аксакова, Сеченова¹ о былой жизни университета, тесной дружбе, общем знакомстве, веселье и рядом с этим все же существовавшей науки. Да, университет – труп, хотя и солидный и внушительный, но все же мертвый. И страшно порой становится, не сгнил бы труп без жизни. Мещанство, заключающее[ся] всецело во множестве студентов, вот яд, отравивший университет. В школе не было науки, но была жизнь, здесь есть наука, но нет жизни, а хотелось бы того и другого. Вот от этого-то и грустно.

20 декабря

Чувствую себя отвратительно. Вот уже дня три, как я к работе никак рук приложить не могу. Ничего не выходит. А между тем кроме работы, т.е. науки, никакого больше желания нет, остальное все так, пустячки. Если бы я мог ну чем-нибудь увлечься, театром что ли, спортом, лыжами и пр., но я ничем. Для меня все это только отдых, только промежуток между работой. Но кроме этого промежутка-отдыха, есть и другой, самый отвратительный, ни отдых, а утомительная трата времени, хождения по комнате, разговоры, «собрания», играение одним пальцем на пианино, чай и пр[очее]... Вот это самое ужасное. Чувствуешь, что ничего не делаешь, чувствуешь, что устаешь, и, главное,

чувствуешь себя виноватым, кругом виноватым... И вот из комбинации-то этих 3-х чувств и складывается то отвратительное* настроение. А тут еще иногда принимаешься за дело, за милую, хорошую математику и ничего не выходит, начинаешь рисовать, есть яблоки, ходить сверху вниз, снизу вверх... Мерзость.

25 декабря

Чувство целый день евшего и евшего без перестановы целый день* шоколад, конфеты, чувство приторности, боли в зубах, боли в голове, пустота в голове – вот и все впечатления праздника. Я знаю, праздник нужен, в каком угодно смысле слова. Праздник по существу своему нечто высокое, праздника нет у животных. Праздник – это род жизни вне жизни; праздник вовсе не праздность. Праздник, если угодно, цель жизни и сам в то же время жизнь... Но... но, в праздник важнее всего сознание праздника, без этого же сознания он только праздность, отдых или проще ничегонеделание... И это все понимают. Я сам помню лет 6–7 назад какая разница была в настроении в воскресенье и в царский день¹, когда не учился. Воскресенье [–] это праздник, а царский день – так, что-то такое, когда можно больше поспать, полениться... Потом, помню я, как постепенно исчезало у меня личное сознание праздника, как чего-то религиозного, но... другие сознавали праздник, и это выражалось во всем, и во мне, и я все же праздновал, а не сидел у праздника... Теперь и во мне и во всех праздник, душа праздника испарилась, остались только конфеты, конфеты, конфеты, визитеры, поросята, гуси, чистка дома... а посмотришь [–] те же хмурые физиономии. Да, праздник вымирает, он уж и теперь труп... А прежде, как хорошо, но и как грустно вспомнить прошлое, веру, счастье, елку, радостные лица, все это в тумане, все это такая радость. Где же это все. Что со мной; что со всеми. Что случилось?

31 декабря

Прошел год... Писать некогда, но нужно. Чем его помянуть? Только хорошим. Это год, начавшийся нелепым махизмом и кончающийся настоящей наукой... Но отчет завтра, а пока вечная память старью и да здравствует молодое.

Это год, конечно, самый выдающийся и хороший в моей жизни.

Отчет в новом году

Amen.

* Так у Вавилова.

* Так у Вавилова.

1910

... Что ни день, что ни мгновенье
Все далее я от жизни удаляюсь
Она мечта, и – точно сновиденье
Вне жизни ж я живым являюсь...
Да в жизни умереть
Вне ж жизни бурно жить
Вот цель моя, вот все мое стремление
Я в нем найду источник вдохновенья
Без жизни буду радость жизни пить...

31 декабря 1909
12 ч. ночи¹

1 января

Новый год не потому для меня конец старого чего-то и начало чего-то нового, что он что-то меняет, а потому, что я сам стараюсь изменяться и приравливаю к этому искусственному сроку. И в этом произвольном изменении, вернее в его возможности, убеждает меня опыт прошлого года. Измениться можно...

Я начинал прошлый год убаюкивающим стихотворением Тютчева... В этих словах я видел выражение всех моих помыслов и желаний, и я искренно просил

«...Дай вкусить уничтоженья
С миром дремлющим смешай»

Я желал только покоя, мне хотелось мечтать, философствовать, и, ничего не делая, думать о нирване. Теперь не то... Я также ищу спасенья от «жизни» в кавычках, но я спасаюсь от нирваны, потому что это только обратная сторона той же «жизни», та же жизнь, но с обратным знаком. Я не хочу и не могу не «жить», но жить я должен и потому:

Да в «жизни» умереть
Вне ж «жизни» бурно жить
Вот цель моя, вот все мое стремление

Этой настоящей жизни, жизни вне «жизни», я достигну наукой. Наука не «миросозерцательная», «фило[со]фская», а наука научная, наука сама по себе, наука – жизнь – вот то, чему я посвящаю этот год... Поворот уж сделан, я уже вижу науку, но крутого поворота, бурной жизни, научной жду я, и пусть то, что съездом естествоиспытателей¹ я кончаю старый и начинаю новый год, послужит мне счастливым предзнаменованием.

6 января

Страшно ненормально начинается для меня этот год... В сущности я даже не начинал еще нового года, до того мне некогда, до того я весь поглощен был съездом. С утра до вечера в университете... Слушаю доклады, хожу бестолку, бегаю за «Дневником»¹, раздаю его и т.д. Дома только сплю и обедаю. Устаю страшно. И так в продолжение почти 2-х недель. За это время забросил и математику, и переводы, и чтение, и газеты читать было некогда. Так что волей-неволей приходится начинать год новый с опозданием против Европы не только на 13, а на целых 20, а то и более дней. Отдохну денек и примусь за усиленную работу. В оставшуюся до занятий в университете [неделю] нужно еще многое сделать... Ну, теперь о съезде. О нем я буду еще писать, о нем нельзя не писать, он то, что называется «эпохой». Да, для меня он эпоха, в том смысле что его влияние, или вернее впечатление на меня очень и очень сильно. Я кончил прошлый раз тем, что счел съезд счастливым предзнаменованием для моих занятий наукой... Но я пересоллил, съезд – не наука и не демонстрация науки, съезд закулисная сторона науки. Съезд общественная сторона науки. Стороны этой я прежде не знал, а теперь увидел, и многое она мне объяснит в понимании науки, жизни науки, но об этом после, сейчас устал страшно...

9 января

Хотя усталость и прошла, но на настоящую колею, на «новый» год никак попасть не могу, дело не идет; математика плохо усваивается, и вместо вычислений начинаешь чертить карикатуры, бродишь без толку, а самому хочется работать. Это состояние самый опасный враг мой... Почему я всегда хочу работать, творю из работы бога? Сам не знаю почему. В работе я чувствую себя здоровым, свежим, без не[е] я делаюсь меланхоликом. В чем загадка[?] Не в глупостях же предопределенности, цели жизни, т.е. не в том, что когда ты работаешь, то праведник, идешь к назначенной цели твоей жизни, а когда ничего не делаешь, то грессишь против этого самого идола. Да, конечно, это чепуха, но что же не чепуха? Это, конечно, вопрос важности большой и надо попробовать, что за ним кроется.

11 января

Коль ум небесный огонь; печь – наша голова,
Что ж наши знания? – солома и дрова!¹

Остроумное двустишие это превосходно формулирует общие взгляды (даже точнее всеобщие взгляды) на науку, знание. Да, для всех, положительно для всех, знание – солома и дрова, разжигающие огонь либо техники, либо «миросозерцания», либо какой-то «экономии»... Между тем тут недоразумение и недоразумение крупнейшее. Без сомнения, конечно, часто и даже очень часто наука является подтопкой в печи техники и «миросозерцания», но это ответом служить не может, ведь бывали случаи, что сам homo sapiens, т.е. и огонь, и печь, и дрова – все вместе служили подтопкой для костров, но ведь это же не резон, что человек есть подтопка. Что из того, что «Великий Цезарь... ныне прах и им замазывают щели»². Цезарь был Цезарем, а что им щели замазывают [–] это уж дело другого рода. Дальше: миросозерцание... Но Боже мой, я даже не понимаю, что такое это за штука. Миросозерцание – это отсутствие знания,

это выдергивание из биологии – дарвинизма, из физики – электронной теории и т.д. Я не знаю человека, имеющего это самое мирозерцание. Дилетант... о нем и речи быть не может. Ученый специалист, но уж [из] этого ясно, что мир заслонен деталью и это будет рыбозерцание, электросозерцание, но во всяком случае не мирозерцание. Да-с, мирозерцание – это дилетантизм, это не огонь, а сырость. Итак, знания – не солома и не дрова. А что же? Может быть, двустороннее надо перевернуть и сказать:

Коли наука – огонь; печь – наша голова
Что ж разум наш? солома и дрова

Я так раньше и думал. Но вот в чем беда: меня пугает метафизичность, обожествление знания; да при том я знаю все-таки, что происхождения-то знание все же соломенного и дровяного, оно возникло из материальных потребностей, оно вначале целью имело и на самом деле экономию, и с правом можно было говорить, что «Ученье сокращает нам опыты быстротекущей жизни»³. Теперь, наоборот, экономия стала средством, знание целью. А как это произошло, объяснить не могу. Может быть, это просто случайность, просто обычная забывчивость, перемещение средства на место цели... Как бы то ни было, возникло конечное наиграндиознейшее построение человека – наука, с соломой и дровами ничего общего не имеющая.

13 января

...И вовсе я познания не жажду
И вовсе не хочу природы быть царем
И от незнания, невежества не стражду
И вовсе не хочу быть людям фонарем
Я то, что есть; наука – жизнь моя
Ни тайн, ни откровений не тая,
Она есть жизнь, и жизнь моя

19 января

Передо мною лежит переплет от книжки, и на переплете виньетка: человек без сюртука и без оных, с выпяченными ребрами и с бычачьими мускулами, с закинутой назад головой и с горящей лучинкой в руках. Фоном служит какой-то полукруг. Переплет от книжки, называющейся «Вселенная и человечество». Итак, картина, по-видимому, аллегория: полукруг – это вселенная, а голый борец с лучинкой [–] человечество... Слова эти тоже аллегория, но у меня голова сейчас плохо работает, чтобы ее комментировать. Ведь дело-то все в том и только в том, что

«Wir durchstudieren gross und kleine Welt¹
Um es am Ende gehn zu lassen
Wie's Gott gefällt»*.

И это не только потому, что «Da mihi punctum et terram movebo»^{2*}, а punctum-то и нет; просто дело в том, [ч]то ведь «я»-то сам тоже terra, которую

* «Мы досконально изучаем мир большой и малый / Чтобы в конце узнать, / Как это угодно Богу» (нем.) // Goethe J.V. Faust. Teil I. Studienzimmer.

^{2*} Дай мне точку [опоры], и я сдвину Землю (лат.).

надо будет *movere*, но увы и ах, выше себя не прыгнешь, а проблема барона Мюнхенгаузена^{3*} неразрешима. *Relativität-prinzip*^{4*} вот α и ω .

23 Januar

Ein interessantes Zusammentreffen. Seit Donnerstag begann ich endlich «Faust» an zu uebersetzen. Und an ersten Seiten sehe ich ger[a]de jene Gedanke[n], die mich so in diesem Monate plagen. Faust, Wagner sind gerade jene zwei Polen, zwischen denen, ich setzen will. Faust – ein der der Weiser (kann auch sein der Toller) die das sogenannte «echte Erkenntnis» suchen, ihr führt die Gehrung zur Wahrheit. Diese Wahrheit aber sehr unbegreiflich ist. Was ist die echte Wahrheit und nicht ganz echte. Ist das, dass eine meiner Bekanten eine Zwillinge geboren hat – eine echte Wahrheit oder ist dass Unwahrheit. Also ist der gelehrte Doktor Faust der Meinung dass etwas hohes, ganzes aus dem Herze gehendes – die echte Wahrheit, und sein nicht so gelehrtes Famulus Wagner dürft nicht träumen um so hohe Grade, und er ist zufrieden seiner Kleiner Wahrheit seiner Pergamenten, Reden und so weiter. Niedrige und hohe Wahrheit dass ist die Formula der beiden armen Tollen. Meine Meinung aber: Es ist nicht Wahrheit, es sind nicht Grauen, es ist nicht Wissen, es ist Erken[n]tnis*.

27 января

Вновь началась университетская жизнь... На этот раз меньше внешних эффектов и впечатлений, но больше науки. И это хорошо; я не люблю начал и концов, я люблю течение, жизнь, и вот такая-то жизнь в науке, как видимо, для меня началась. Когда наука станет для меня обыденщиной, только тогда я буду доволен. Сейчас пока еще «Zwei Seelen wohnen, ach! in meiner Brust»*. Одна «Seele» – это та, что в науку-то настоящую я только вошел, а другая, что уж я вообще не от той науки, в которую вошел, а от науки вообще, в некоторых отношениях прах с ног отрицаю^{2*}... т.е. вернее не науку как прах, а тот прах, который в науке находится, именно от науки как мирозозерцания я отказываюсь (но вместе с тем отказываюсь и от мирозозерцания, не потому, что я де скептик и не хочу ничему доверять, а просто потому, что *Weltanschauung*^{3*} одно только недоразумение, нет в нем ни цели, ни смысла.

^{3*} Так у Вавилова.

^{4*} Принцип относительности (*нем.*).

* Любопытное совпадение. С четверга я, наконец, начал переводить Фауста. И на первых же страницах встречаю те мысли, которые меня так мучили в этом месяце. Фауст и Вагнер – именно те два полюса, между которыми я хотел бы найти свое место. Фауст один из тех мудрецов, а может быть и безумцев, которые стремятся к так называемому «подлинному знанию» и их поиск ведет к истине. Однако эта истина непостижима. Что же тогда подлинная истина, а что не вполне подлинная. Означает ли это, что один из моих знакомцев породил близнецов – подлинную истину либо не-истину? Итак, ученый доктор Фауст того мнения, что все высокое, исходящее из сердца, это и есть истина. А его не столь ученый помощник Вагнер не смеет и мечтать о таком высоком уровне познания и довольствуется мелкими истинами своих рукописей, речей и так далее. Низкая и высокая истина – такова формула обоих несчастных безумцев. Мое же мнение: это не истина, не боязнь ее, это не знание, это познание (*нем.*).

* Две души живут в груди моей (*нем.*) (цит. из «Фауста» И.В. Гете).

^{2*} Так у Вавилова. Надо: отряхаю.

^{3*} Мирозозернение (*нем.*).

Так дело все значит в том, что с окончательным-то résumé^{4*} подождать надо, поелику оное resume требует сначала то, что резюмировать надо. Поближе к науке и подальше от того самого Weltanschauung'a, а то выходит некоторое неприятное contradiction in adjecto^{5*}.

1 февраля

Луна уже успела раз перемениться... Что же во мне-то что-нибудь изменилось? Вы не думайте (т.е. кто такое вы, ну, вы – стены, я сам, другие, ведь нельзя же самому писать и слушать, ну, вы – та часть меня, которая слушает, что ли), да, вы не думайте, что я и правды говорить не могу; увы, к сожалению, в том-то и беда, что говорить-то правду я умею... Да во весь месяц в общем только говорение правды и... Morgen, morgen nur nicht heute* – на деле. Мне надо, необходимо, неизбежно делать. Но я... могу помечтать, могу чуть-чуть поработать, стряпать планы, читать газеты, но мало, слишком мало дела; «вне жизни бурно жить» хотел и хочу я, но право же приходится плакаться по старому, и в жизни жизни нет и вне жизни также. Ну что же делать; говорить опять пышные слова на тему «Работать» u.s.w.^{2*}, но в этих-то словах и беда. Я боюсь снова говорить, но все же хочу говорить, побольше энергии и дела. Что же скажет мне новая луна

О луна
Из окна
На тебя я гляжу
За полетом твоим
Я страдаю слежу
Я лишь только взглянул
Серп твой вдруг потонул
И скрываясь она
Вся насмешкой полна
Зашептала вдруг мне
Позабудь о луне
И часы и луна
Ерунда лишь одна
И разгадку тая
«Сила все ж ведь твоя»
Говорила луна
Вся насмешкой полна.

7 февраля

Еще неделя прошла... И что же? Ничего нового под новой луной. Увы и ах, наука страдает ужасно. Ем, пью, лежу на диване, безобразничаю, играю на рояле, читаю газеты, журналы... когда же тут наукой заниматься. Посидишь, посидишь над аналитической геометрией, а потом дай-де лягу на минутку отдохнуть. Проходит минутка, потом другая, а там, глядь, для ровного счета и все $\frac{1}{4}$ часа, время идти за газетами, сбегашь, принесли какую-нибудь

^{4*} Итог (*фр.*).

^{5*} Противоречие между определяемым словом и определением (*лат.*).

* Завтра, завтра, только не сегодня (*нем.*).

^{2*} Und so weiter (*нем.*) – и так далее.

ерунду, пока ее читаешь, подоспевает ужин, там чай, а там уж 10 ч. и, о ужас, от аналитической геометрии одно воспоминание остается, надо по настоящему отдыхать. Берешься за беллетристику... Впрочем, благодарение Богу, начинаю я от всяких историй литератур, критик, философий и прочей дилетантской мерзости отставать, слава Богу, перестаю понемножку быть «общеобразовательным», «миросозерцателем» и. s. w. Это дело конца, а не начала. Эх, философы, философы, одно вам, пожалуй, и есть оправданье, что де что есть, то есть и истина. Оно, конечно, это истина, но ведь и то истина, что чушь эта философия, а ведь и эта истина тоже есть, так-то, *my dear philosopher**... Ну, да это между прочим. Но все же надо быть Катонем и каждую минуту повторять: Надо серьезно, исключительно серьезно, единственно заниматься наукой. Хорошо быть Катонем, но это одно дело, а вот разрушить Карфаген – это дело другое. С чего начать? Не порвать ли сразу и [с] литературой, и с философией, и с газетами, и с этим главным. С первыми едва ли удастся, но с последним, еще посмотрю.

9 февраля

Плачь! Ори! Кричи! Визжи!
Череп об стол разmozжи
«Две души во мне живут»
И на части меня рвут
И не борятся оне
Обе точно, как во сне
Вместе, рядом, бок о бок
И не знаютя, о Бог!
Может даже третья есть
Но довольно пары несть
Вот вопрос: душа какая,
От которой дурака я
Здесь ломаю из себя
Если б в бой вступили души
Превратились бы все в туши
Или в трупики верней
Жить бы было бы складнее
Воцарилась бы едина
И себя-то я скотина
Почитал за господина
Над собой самим
Ах над собой самим

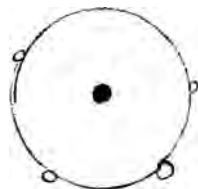
11 февраля

Писал я вот сейчас письмо к Смиуту, в котором упрекаю, или вернее не упрекаю, а намекаю, на то, что он с пути сбился, что он в состоянии неустойчивого равновесия, что он комета, летящая к черту на кулички, в опрокинутую восьмерку. И... приводил себя в пример обратного, в пример планеты, спокойно совершающей свое «*vorgeschiedene Reise*»* по предписанной орбите. Но то было лицо, не *vous regardez du même la*

* Мой дорогой философ (*англ.*).

* Предначертанное путешествие (*нем.*).

«isnanka»^{2*}, да, это верно, что некоторая доля моей жизни «течет предписанным путем», что я совершаю некоторую правильную кривую, замкнутую от математики к переводам и обратно, но будем математиками, которыми мы и есть. Может быть, эллипс большой, может, малый, а, может быть, составлен из ряда последовательно следующих независимых точек, а может быть, геометрическим местом точек касания других кривых, прямых и т.д. Так вот чертеж моего нынешнего жития. Это лучше, чем многоглаголание. Чертеж этот очень знаменателен. Да-с, *heu mihi*^{3*}, но моя наука только касательная самой ненаучной грязи, о которой даже и говорить-то противно. Ну, а вот в *pendant*^{4*} чертеж идеальный. Центр [-] это наука; большой круг [-] моя научная работа, а кружочки-малыши – передышки, соль для приправы. А этот идеал я Смиту и показал за действительность; это неправда; он увидит только чистый эллипс, а не увидит той грязи, которая с ним граничит.

17 февраля

Есть самый умный на свете, есть самый глупый, есть самый высокий, есть самый низкий, есть самая красивая женщина на свете, есть самая безобразная, есть самое большое светило, есть самое малое и т.д. Наконец, все, ну положительно все, о чем мы говорим, думаем, есть всегда в некотором отношении «самое», единственное, неповторяемое. Всякий атом, электрон, человек, муха, солнце, индивидуумы, потому что, если даже не принимать во внимание остального, вполне точно определяются координатами времени и пространства. И никакой науки о природе – «физики» вне индивидуализма не существует. Но есть одна наука, наука, не знаю о чем, не о природе, не о метафизике, а наука наук, не знаю даже, что сказать, может даже наука о самой себе. Это математика. Это самая старая и самая новая, и самая неразрешимая, и самая могущественная область ума человеческого. Я буду, буду всегда пробовать понять, что такое математика, потому, что инстинктивно чувствую, что *hier ist die Hund begraben*^{*}, что это – *scientica scientiarum*^{2*} и даже, что это не наука, а прямо объект. Так вот, думается мне, вся сила математики в ее внеиндивидуализме. От оков времени она свободна, пространство для нее абсолютно однородно, 5 абсолютно равно и $1+4$ и $2+3$, и $2+2+1$, и $1+1+1+1+1$ и $1+1+1+2$, и $1+1+3$, и $2+2+1$ и т.д. Здесь есть части, но нет индивидуальностей. Итак, вот пока исходная точка, с которой начну свою попытку понимания. Повторяю, слышу и вижу я инстинктивно, что математика [-] дверь к науке *ad hoc*^{3*}.

^{2*} Не хотите ли посмотреть также «с изнанки» (*фр.*).

^{3*} Горе мне (*лат.*).

^{4*} Дополнение (*фр.*).

^{*} Вот где собака зарыта (*нем.*).

^{2*} Наука наук (*лат.*).

^{3*} Для этого случая; применительно к этому; кстати (*лат.*).

20 февраля

Каково мое настроение? В какой оно связи с тем, чего я желал... Связь есть, но сложная. Вот, мне каждый день по дороге из дома к трамваю приходится разрешать следующую дилемму. Идти ли мне медленно или быстро. Дело в том, что до трамвая хода мне максимум 3 минуты, а потому ожидания вагона по 10–15 минут особенно скверны. А еще сквернее ожидания, это – увидеть перед глазами улетающий трамвай. Так вот вопрос, что лучше: волноваться и досадовать на уходящий перед самым носом вагон или медленно идя, не волнуясь, немножко досадуя, но спокойно ждать минут 10 трамвая. Психологически как-то понятнее и лучше второе. Так вот, если я пойду быстро, то обыкновенно (из 10, 6–7 случаев) делаюсь свидетелем отвратительной сцены трамвая, из-под носа уходящего, а если я пойду медленно, то, хоть и увижу, может быть, издалека, уходящий трамвай, но не досаую. Здесь очень много интересных вопросов, гораздо более интересных, чем «Бог» и прочая шушера. Я вот теперь ускорил шаг к науке; и, кажется, должен был быть довольным, цель исполнена; но heu mihi пошел-то я пошел, но слишком быстро пришел к скату горы, откуда стала видна вся даль и недосыгаемость конечной цели, и вместо радости вышло горе. Да, heu mihi. Нужно или еще ускорить шаг раза в три, чтобы хоть чего-нибудь достигнуть, или опять heu mihi обратиться вспять. Завожу старую волюнку: дай мол, попробую первого.

26 февраля

Однажды, с «Бранда»¹ кажется вернувшись
Разделся я, и лег спокойно спать
И в миг заснул, в подушку весь уткнувшись
Но... это прическа, не лучше ль уж начать...
Итак... вдруг очутился я пред телескопом
Он бесконечно все светила приближал
И удивлялся я, в восторге весь дрожал
Все было близко, как под микроскопом
Я все кругом забыл, мой глаз слился с стеклом
Я о себе забыл, забыл, что я смотрел
Забыл о времени грядущем и былом
Вне времени, в пространстве я летел
Иль нет, передо мною все кругом летело
Я ж растерял себя, глаза свои и тело
Растаял я, и уж смотрел не я
Бездушная была субстанция моя
А нет! Все видел Я
Все видела субстанция моя
И все лишь врал и вру, скажу уж не тая
И не хочу все врать, Я Я, Я Я

(N.B.)

Чепуху свою, я,
конечно, сознаю

28 февраля

Отчего-то на меня нашло сейчас сладко-меланхоличное настроение. Мне и грустно отчего-то и отчего-то хорошо. Прошла масленица, внизу сестра надрыгает какой-то цыганский романс, лампа тихо и уютно светит... а впереди, впереди настоящая работа. Да, прошел и февраль, в который я хотел очень и очень работать... но; а вот подошел и март, самый мой счастливый

месяц, недаром я в марте родился. Март месяц бодрости, весны; работать я и хочу и должен, я буду понукаться экзаменами... Да, за март я не боюсь, март выручит, март наверстает и февраль, и январь. И запою теперь я по-другому

О луна
Из окна
На тебя я гляжу
За полетом твоим, я с надеждой гляжу

А кругом так хорошо, так многообещающе лежат книги – «кристаллы духа», так завлекающе глядят задачки, бумага, карандаши, чернила

О март, о март,
Я впал в азарт
Тебя пою
Тобой клянусь
Что и в бою
Не убоюсь,
Что смело в бой
Пойду с тобой

4 марта

Четыре дня я ждал, не хотелось разрушать моего отчаянного оптимизма, но, хотя и не «увываю», не впадаю в отчаяннейший же пессимизм, а все ж-таки вместо оптимизма-то оказалось что-то кисленькое, скверненькое, неважное. Опять по-старому хватаешься за журналы, беллетристику, газеты, сидишь, разинув рот, целые часы над анализом, задачками, и ежеминутно отвлекаешься, а потому результаты ничтожные. Но в отчаянье не прихожу. Кое-что все-таки, кое-что хорошего прибавилось, и кое-что из безобразного убавилось... Ну-с и *gewöhnliches** *résumé*. Буду надеяться, что улучшение пойдет геометрической прогрессией... Вот что только меня тяготит; ни мгновения я не помню, когда бы я был доволен, или, вернее, не то, что доволен настоящим, а когда бы мне не хотелось будущего. Это, конечно, старо... Ну, да и глупо. Почему? Да потому, что тут бессмыслица. Работа всегда только работа *nicht weiter*^{2*}... Ну, да надо разобраться, а болит голова.

6 марта

Передо мною лежит старая, старая книжечка Contareni «De elementis ebrumque mixtionibus»* 1564 г. И самые странные мысли возникают у меня о ней. Что такое эта книга. Какая тайна зарыта в ней. Я гляжу на первые строки и читаю: «Nemo est hominum, Matthaeae Dandule, ingenii adeo tardi; ac fere stupidi qui non singularem quadam voluptatem capiat ex rerum naturae contemplatione, cuius vel species ipsa oculis objecta, sui splendore ac pulchritudine summopere nos delectare consuevit»^{2*} и меня охватывает благоговение, радость, я вижу этого чудака кардинала, хоть 350 лет и отделяют нас, нас соединила и объединила эта книжка. Но что же за

* Обычное (*нем.*).

^{2*} Не более того (*нем.*).

* Контарени «Об элементах и их смесях» (*лат.*).

^{2*} «Нет никого из людей, Маттео Дандоло, с умом столь медлительным и едва ли не тупым, кто не получал бы редкостного наслаждения от созерцания природы вещей, чей сам вид, представленный очам, приучает нас всячески восхищаться величием и красотой своей» (*лат.*).

сила в ней сидит, почему я все это понимаю, почему все вижу. Если я положу книжку в огонь, она сгорит, если рассматривать в микроскоп, то увижу разных микробов, сидящих на ней, увижу волокнистое строение бумаги.

10 марта

Наконец заметив некоторую закономерность в чередовании разных червяков-букв я могу предположить очень и очень разное. Теорией вероятности, наконец, найду прямые законы чередования букв... но, но увы книги я прочесть не смогу. Прочесть книжку может только человек, только и только в самой жизни понятен смысл книги. Книга – кристаллы духа, в ней зарыты все тайны души. Говорю я не метафизически, не физически, а утверждаю просто факт, что какой-то недостаток в науке есть. А что, право, не писала ли какая невидимая рука на вселенной, не есть ли все эти земли, солнца, луны, элементы, цветы, звуки просто буквы какой-то неведомой азбуки. *Neu homini**, что угодно может он предположить, гадать, но знать не может. Он знает только волокно бумаги, ее химический состав, закономерность чередования букв. Он знает, но не понимает, не живет книгой-вселенной. Да, но и живущий не знает вселенной. Жить – это понимать книгу, знать – это знать ее. Широкие горизонты здесь открываются,.. но не хочу я понимать вселенной, а знать ее хочу.

13 марта

Со вчерашнего дня мне пошел 20-й год. *Sans doute** я пока еще иду в гору и даже очень круто поднимаюсь. До 10 лет, до поступления в школу я был ребенком, ребенком трусливым, одиноким, мистиком, мечтавшим, мечтавшим и мечтавшим до 15 [лет], я был учеником и опять мистиком, мечтавшим об алхимии, чудесах, колдунах, любившим играть в магию, много и без толку читавшим и глубоко верующим. С 1905 г. я стал себя понимать, сначала грубо и странно; я сделался поэтом, философом, миросозерцателем и... я стал выделяться. Я узнал, точнее, перечувствовал и пессимизм, и оптимизм, и радость, и отчаяние, и научную религию, моим первым учителем была книга Мечникова¹. Но я никогда чуть-чуть глубоко не интересовался чужой современной жизнью, хотя кругом все и кипело. И революция была только толчком, переломившим меня в отношении миросозерцательном. Я никогда не хотел быть ни социалистом, ни кадетом, ничем другим, я всегда бежал внешней жизни. Я всегда любил историю, вернее историю культуры, внешности, любил искусство, любил науку, жизни я никогда не любил, я жил или прошлым, или красивым или абстрактным. Но вот новая эпоха начинается, эпоха отпадения от миросозерцательности, эпоха чистой науки и искусства. Равнодушно спокойно и красиво прожить жизнь ученого – вот *mon idée fixe*^{2*} теперь. Итак, я теперь в начале новой ступени моей жизни. Лестница, по которой я иду – крута, но без излома. От мистицизма, заполненного жизнью, через псевдонауку, миросозерцательство я поднимаюсь к чистой абстрактной науке, и не хочу я идти по другой дороге, не прельщает меня ничто другое, и своей дорогой я доволен вполне. Но одно дело дорога, а другое идущий по ней. Вот собой-то я и недоволен, слишком медленно иду я, слишком близко еще, под ногами

* Горе тебе человек (*лат.*).

* Несомненно (*фр.*).

^{2*} Моя навязчивая идея (*фр.*).

разные эмпириокритицизмы, энергетизмы, дарвинизмы, и слишком высоко еще кристально чистая наука. В прошлом году я пожелал себе жития на сто лет и университета. От первого, конечно, и теперь не откажусь, второе достигнуто, и теперь я желаю себе только одного, прямолинейности трамвая и скорости автомобиля на пути к науке.

16 марта

Прочел сейчас первую лекцию из новой книжки Plan[c]ka «Vorlesungen ueber theoretische Physik»*. По его мнению, прогресс физики – освобождение от антропоморфного – от ощущений приближения физики к математике. Много мыслишек возбуждает это, хотя и немножко староватое, заключение. Прежде всего, классификация наук. На чем ее построить? Человеку дан ряд ощущений, ряд этот дан – содержание его тем самым изучено; можно только изучать закономерности, ту сеть, которая удерживать^{2*} группирует ощущения. Раз ценны сами ощущения – это уже не наука – это искусство, это жизнь. Итак, нижняя ступень дерева наук – искусство. Высшая? Конечно, математика, в математике достигнута полная однозначность, «Einheitlichkeit»^{3*}. Математике нужна только одна какая-нибудь из двух законностей, координаты пространства или времени, эти координаты абсолютно однозначны; вторая ступень сверху: динамика; идеал ее [–] комбинация двух однозначностей, времени и пространства (чистое движение), и свобода от всего прочего. Но, увы, в ней есть пока еще «второе начало[»], направления движения различны не только по знаку, но и по другим свойствам, далее: химия, идеал которой уж прямо грязь предыдущей ступени, т.е. второе начало, а, кроме того, своей грязи счета нет. Ну дальше пойдут астрон[ом]ия, биология, ге[о]логия и прочая сволочь вплоть до сельского хозяйства, географии и... социологии и рядом с ней стоящим искусством. Здесь уж мир ощущений вплелся т[а]к, что выпутаться нет надежды.

21 марта

Я недоволен собою, это безусловно; я недоволен собою вообще; быть может, иногда минутами, при достижении микроскопических целей, решения задачи, перевода странички немецкого я бываю доволен; но всем вообще быть довольным нет никакого основания; этот год (учебный) раскрыл мне глаза на многое, чего раньше я и не знал и не подозревал. Я уж как-то раз об этом говорил; хорошо чувствовать себя под низким потолком, думаешь – всегда достигну этого крайнего предела... но предел-то этот оказался началом начала; проломил я потолок, ан глядь [–] за ним еще свод небесный[:] «вот тебе бабушка и Юрьев день»*.

Мне надо надеяться на усиление работы, но я уже больше не надеюсь; буду надеяться только тогда, когда что-нибудь произойдет, а пока просто буду работать и

пльиви, мой челн
по воле волн

* «Лекции по теоретической физике» Планка (нем.).

^{2*} Так у Вавилова.

^{3*} Единство, единообразие (нем.).

* Далее страница оборвана, а на обороте остался еще один кусок текста – см. следующие два абзаца.

Увы. Мне сейчас очень и очень скверно, до того скверно, что я просто боюсь вспоминать об этом, а то, ей Богу, можно того... и вот произошла гадость и наука где-то в тумане, рассеялась, не утешает... Года за 2 это, кажется, единственное событие в мое[й] жизни, событие отвратительнейшее...

31 марта

Ну, вот и прошел он, март, отвратительно скоро прошел. Что о нем писать, это все та же старая серота, та же постоянная надежда и то же постоянное отвратительное «но». И особенно противно, что так много ждал я от него. А вышло, что – театры, именины, скандал, зубная боль и не то чтобы мало, но как-то незаметно работы. Ни одного подъема за весь месяц, а все время недовольство. Ни эстетики, ни науки, а только что-то пухловато скверное. А что всего горше – и надежды-то исчезли. Многое я стал понимать, и стал я уже не надеяться на себя. Я – во многих отношениях 2–, и, что скверно, наука с эстетикой очень часто просто декорации. Но полно ныть, это старо. Март – это повторяю 2–. Поговорим об апреле. Хорошо звучит название, но надеяться я уж более и не хочу и не могу. Март обманул, обманет и апрель, а мо[же]т... обманет и май, и июнь u.s.w. C'est dom[m]age* или вернее mauvais^{2*}. Что же надеяться, что ли? Нет, черт с ней, с надеждой, попробую просто хоть кое-что сделать.

5 апреля

Revenons à nos moutons* ; опять на счет этого самого Weltanschauung'a^{2*} Вот опять предо мною объявление о каком-то журнале «Neue Weltanschauung»^{3*}, и опять та же самая идиотская виньетка: какой-то полуобезьяна, получеловек без костюма лежит брюхом на скале и в одной руке держит пылающее поле-но: это видите ли homo sariens, проникающий в тайны вселенной. Я ничего не имею против проникания, но я слышать не могу о проникновении. Si vous voulez^{4*}, я даже «Weltanschauung» признаю, но только совершенно одинаково ценю мировоззрение Маха, Галилея, Аристотеля, Моисея, трубочиста, полотера, кошки, курицы, собаки и блохи. Раз есть «standpoint»^{5*}, есть и мирозерцание. Я ненавижу только вот этих мудрецов гривеничной брошюрки, верящих в прогресс, вечную истину и проч[ие] хорошие вещи. В науке вовсе не важно знание, а только познание. Да и эти самые Weltanschauer'ы^{6*}, ну что же, поехали, повздыхали, повосторгались над атомистической гипотезой когда-то, а теперь, теперь и забыли о ней, они забыли о своем знании, что солнце «всходит и заходит», забыли о том, что луна есть шар, все это уж не восторгает. Да, господа мирозерцатели, и вы сами вовсе не мир созерцаете, а только психопатствуете над новыми понятиями. Как бы поторжествовали миросо[зе]рцатели, если бы какому-нибудь Лапласу удалось бы найти урав-

* Жаль (фр.).

^{2*} Дурно, скверно (фр.).

* Вернемся к нашим баранам (фр.).

^{2*} Мировоззрение (нем.).

^{3*} «Новое мировоззрение» (нем.).

^{4*} Если хотите (фр.).

^{5*} Позиция, точка зрения (англ.).

^{6*} Мировоззренцы (нем.).

нение вселенной; решил его и всякая проблема решена, да и к[ак] бы поторжествовали они 3 дня и как бы начали подыхать на 4-й от скуки. Оно, конечно, наука – сила, наука царство, но царство, слава Богу, не знает предела. Наука не мирозерцание, а познание, жизнь, и я, да простят мне мирозерцатели, обеими руками крещусь, когда рушится атомистическая гипотеза, когда рушится и электронная и всякая другая; рушилась одна, народилась другая; все дело в «standpoint'е». От науки до эстетики один шаг, но об этом после.

8 апреля

Я хотел говорить об эстетике, об ней и начну. Дело в том, что я в себе как никак, а умертвил элемент жизни. Ей Богу, совершенно не чувствую я никакого общественного подъема, не волнуюсь* ... ни кадет, не ненавижу черносотенцев, все хороши, или, вернее, все одинаковы. Нет у меня «гуманных, просветительных, либеральных» идей, мечты о прогрессе. Ничего я не люблю, ничего не ненавижу. И это, ей Богу, не слова, это факт, мне иногда страшно за самого [себя] становится, откуда, мол, это все. Но все же ведь я не камень, а абсолютно индифферентен кажется только он, я же вижу и слышу, ем, пью и проч[ее], т.е. все-таки живу и чувствую и безусловно относиться и к[а]к-нибудь к внешнему миру должен. Я объективен к человеку, но, увы, человек по отношению объекта. И вот это-то и есть источник моего «эстетизма»^{2*}.

Я люблю историю, книги, картины потому, что это красиво. Мой эстетизм – это единственно возможное отношение человека с атрофированной социальной стороной к жизни. У меня нет этики, религии, истинной страсти потому, что я не совсем человек, как все человеки; у меня есть эстетика, потому что я еще не совсем «не человек». Итак, эстетический признак моей человечности; я очень рад, что у меня только эстетика (говорю, себя идеализируя, на деле у меня еще многое от человека, даже от обезьяны, с чем я борюсь) и почему я рад? Потому что эстетика у меня в роли служебной, она у меня не на первом, а на втором месте; на первом, выражаясь громко, наука. Для ученого, каким я быть желаю, эстетика вещь самая подходящая, сама[я] нестесняющаяся. Но вот вопрос, каково же мое отношение к науке? Но об этом позже.

11 апреля

Neu mihi, хотел писать, но болят зубы, перо скребет, в голове пусто и, ей Богу, не до эстетики, а поскорее бы валериановых капель.

14 апреля

Ай, ай, ай, как много ерунды, полулогики в моих писаниях о науке и эстетике, все здесь еще не продумано, все сырое и не переваренное. Par exemple* обмолвился изречением мудрых людей на каждый «день» – от эстетики до науки шаг один, и обещался это разъяснить, а теперь вот подумал и вижу, что сболтнул, может, от науки до эстетики и один шаг, да разделяет-то их пропасть, кто, пожалуй, и перешагнул бы, а, пожалуй, и бултыхнулся, вниз головой, так что охотников делать шаг этот очень мало. Да и без метафор дело ясно. Эсте-

* Конец страницы оборван; осталось только две фамилии: «Пуришкевичам... Тарновски!».

^{2*} Конец страницы оборван.

* Например (*фр.*).

тика – только условие, наука – actio^{2*}, действие, безусловна. Можно смотреть эстетично на науку, а можно смотреть научно на эстетику и это, т.е. эстетичная наука и научная эстетика, два вида полярно противоположные. Век живи, век учись: наука есть труд – в смысле работа, эстетика есть удовольствие. Наука есть жизнь, эстетика [–] возможное условие жизни. Вовсе не в родстве науки и эстетики дело, а в их неродстве, противоположности. *Savoir c'est prévoir, être un est[h]ète – c'est voir; science c'est passé et future, l'est[h]étique – c'est présent^{3*}*. Эстетика – это предел этики; наука предел жизни; существуя вместе, они и дают возможность жить без печали и вздыхания. Ну и довольно, надоели мне и эстетика и наука; буду просто учиться и любоваться.

18 апреля

Сегодня Пасха, дворники пьяные, колокола звонят, а мне ужасно не по себе. Почему? Точно не знаю. Я было начал заниматься, как следует на Страстной [неделе], да тут подвернулся Ив[ан] Евсеич. Я люблю и любил красоту страстных служб, но, ей Богу же, ложиться в 5 ч. утра, целый день стоять на ногах, слушать какие-то идиотские «непорочны» – это скверно: а они-то у меня все время отнимали; придешь домой весь разбитый, зеваешь, спишь, только и можно что «Войну и мир» читать, а уж куда тут до математики. Сегодня – окаянные гости, а сейчас болит голова и опять хоть за «Войну и мир». Это *de facto*, а в голове какая-то пессимистическая какофония началась, а дельно голова не работает...

22 апреля

Читал сегодня шлиссельбургские письма Морозова и, ей Богу, позавидовал его участи. Оно, конечно, на 25 лет, это уже слишком, нет, а так годика 3–4 быть заключенным, для меня было бы прямо счастьем. В самом деле, вокруг стоят все нужные книги, приборы, кормят тебя, поят, для отдыха есть романы, вроде «Войны и мир», а главное ни душа к тебе [не] взойдет, ни к кому тебя не пустят. Ох, право, что бы можно наделать. В 2 года бы я постиг то, на что теперь потрачу лет 10. Одиночество вовсе не страшно, есть романы, а их *ohne Menge**. Да-с, а тут на воле то Евсеич позовет, то Генеша сидит часов 5–6 без толку, то газеты надо читать, и ведь на чистые занятия, ей Богу, больше 5–6 часов не выходит. А вот подойдет лето, надо бы много сделать, а ведь знаю, ничего не выйдет, пойдут Евсеичи, Генеши, Италии и т.д., уборки, а надо бы заняться физикой, математикой, языками. Да, ей Богу, мне страстно хотелось бы быть заключенным, или, вернее, отъединенным.

25 апреля

Ох, как мне надоело ныть и ныть все про одно и то же. Ясно дело в чем: доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которое не хочу, делаю! Не хватает усидчивости, напряжения, и с этим я, слава Богу, борюсь, и борюсь не без успеха. И тут не ныть нужно, а именно ДЕЛО. Сегодня последний раз, больше ныть не намерен.

^{2*} Действие (*лат.*).

^{3*} Знать, значит предвидеть, быть эстетом – значит видеть, наука – это прошлое и будущее, эстетика – это настоящее (*фр.*).

* Несть числа (*нем.*).

28 апреля

Это идилия, а вот naturelle

Я смотрю на звезды тихие
И на лунный блеск загадочный
Словно слышу «Свете тихий» я
Словно в (нрзб.) живу балладочный
Вот луна за крышу скрылася
Все кругом, все затаилося!*

Месяц с подбитой щекою
Слышно отходники¹ едут
Пьяный орет за рекою
Я же внимаю с тоскою
Надо бы делом заняться
В алгебре поупражняться
А в голове ералаш
Черти танцуют чардаш

30 апреля

Прочел я в шестой раз «Войну и мир». Я искусство вообще, литературу в частности считаю просто виньеткой, и как-то, ей Богу, не могу назвать музыканта или художника великими, хороши и только. Но Толстой исключение. Толстой вовсе не «литератор», вот те самые, которые теперь съезд устраивают¹. Толстой жил и живет, и вовсе не живет тем, что пишет, а наоборот, пишет о том, чем живет. Толстой тем и хорош, потому я его и великим назвать могу, что он не виньетка, а жизнь. Я говорю донельзя откровенно: и Пушкиным, и Достоевским я доволен, люблю их, но очень часто позевываю, а вот Толстого читаю шестой раз, а, ей Богу, через год опять примусь. Толстой – это сама жизнь, и никакой схемы. Я к тому заговорил о Толстом, [ч]то по-толстовски начинаю многое видеть. Вот прошел апрель, каждым днем в отдельности я недоволен; каждый день был 9 ч. спанья, часа 4 еды, часа 4 беллетристики и газет, часа два зеванья, и часа 4–5 настоящей работы; а то еще, что самое ужасное, это Генеша etc... Но вот смотрю сейчас на весь месяц à vol d'oiseau* и, ей Богу-же, не все плохо; есть вещи и хорошие. Ододел почти всю математику, прочел «Войну и мир», «Кузьминки», «Кремль», а Геняшины визиты, газеты как-то все испарилось, остались одни кристаллы. Вот мне и вспомнился Толстой[:] каждый миг – так пустячен, незначителен – а в результате двенадцатый год во всей его красе. «Каждый свободный поступок настоящего есть необходимый будущего» [–] вот идея Толстого, истинная идея всякой жизни. Одно беда, живем-то мы настоящим, и не перестану я стремиться, чтобы погуще был раствор, чтобы избавиться от влаги и поскорее окристаллизироваться.

Мая 4

За последнее время я начинаю видеть в себе новые черты. У меня является истинное, хорошее отвращение ко всяким Кантам, Авенариусам, Махам, Мережковским и пр[очей], pardonnez l'expression*, сволоте. Я начинал отворачиваться и от кем-то «превостро» облаянного слюнявым гуманизма,

* С начала и до этой строки включительно зачеркнуто Вавиловым.

* С высоты птичьего полета (фр.).

* Простите за выражение (фр.).

либерализма и пр[очего] снятого молока. Мне, ей Богу, начинают нравиться Пуришкеви[чи]¹, Меньшиковы² (серьезно). В области духовной или уж вполне «умная» наука, или же вполне «эстетическое» искусство. Слава Богу, освобождаюсь от тины, топящей от сероты и грязи, от снятого молока. Перехожу в область жития своего, где мне нет дела до 8-ми ч[асового] раб[очего] дня, до Гучкова или Милюкова, а только до себя.

Мая 10

Я держал сегодня химию у Каблука, все прошло благополучно и даже больше [-] с некоторым блеском и эффектом. Я доволен; доволен потому, что напряжение целой недели закончилось так благополучно, доволен исключительно физически, как был бы доволен, купив хорошую книжку; но вот в чем дело: откуда-то далеко, далеко доносятся стихи Полонского:

...И мир лишь тому и не кажется ложью
Кто слышит порой эту музыку Божью

Музыка – это химия, физика, астрономия etc. Так вот вопрос, сдав химию, услышал ли я «музыку Божью» или только прочел Каблука. That is the question and a great and interesting question*. Прежде всего скажу прямо, что музыки этой не слышал: я повторял мне известное, повторял, зазубривал, но музыки, ей же Богу, не было, а если и была, то, во всяком случае, не Божья, а просто барабанная дробь. В чем же дело? Дело в скуке

«Мне скучно бес...
Что делать Фауст [?]
Таков вам положен предел
Его ж никто не преступает
Вся тварь разумная скучает:
Иной от лени, тот от дел;
Кто верит, кто утратил веру
Тот насладиться не успел,
Тот насладился через меру
И всяк зевает, да живет
И всех вас гроб, зевая, ждет
Зевай и ты»¹.

Дело в том, что кроме истины есть скука, повторение. Элементы разложены, найдены электрические атомы, это великая истина, но, повторенная сотни раз, она становится мерзостью, скукой, от которой рот вывихнешь:

Скажи, когда ты не скучал,
Подумай, поищи, тогда ли
Как над Вергилием дремал
А розги ум твой возбуждали

Вот где ist der Hund begraben^{2*}. Музыка-то Божья, да стала-то она как «Господи помилуй», которое дьячок читает без передышки 40 раз. «Помилос,

* Это вопрос и вопрос большой и интересный (англ.).

^{2*} Собака зарыта (нем.).

помилос, помилос, помилос и т.д.». Вся музыка истины в новизне, не вхожу же я в раж от того, что небо синее, а листья зеленые.

«В глубоком знанье^{3*} жизни нет,
Я проклял знаний ложный свет»

Как это ни странно, но я согласен с этим двустижием при подстановке вместо «глубокий» – «абсолютный». Да, в знании и в знании абсолютном [conditio] sine qua non^{4*}, жизни нет; это синее небо, зеленые листья, человек – двуногий... И это не музыка Божья, а ныт[ь]е псаломщика. Да, знание есть скука «Fastidium est quies»^{5*} и только познание, вечная жизнь есть то, чем можно жить. «В глубоком знанье жизни нет» – вот разгадка многого.

22 мая

Я кончил экзамены; опять, как после каблуковского экзамена, хладнокровно о результатах судить не могу; достижение непосредственной ближайшей цели, окончания экзаменов, вот что меня теперь занимает и радует. Я работал последнее время и работал сильно, так что теперь мне необходим отдых и я его достиг: в перспективе занятия физикой, Италия и прочие хорошие вещи. Писать о действительных результатах сейчас не могу – это после.

Мая 28

À vol d'oiseau я сейчас доволен нынешним годом ученья в университете. Как мне кажется, основные преимущества университета перед средней школой и самообразован[ием] следующие: 1) по отношению к средней школе он увеличивает самостоятельность, дает возможность слышать действительно музыку, а не упражнения, 2) по отношению к самообразованию он увеличивает систематичность занятий, а, кроме того, некоторые связывающие начала – экзамены, которые направляют систематичность. ALSO*, идеальный университет соединяет в себе преимущества средней школы и самообразования, он экстракт из лучших составных частей обоих. Средняя школа – это хождение в цепях, иногда хождение бесцельное, самообразование – это бешеное беганье без толку взад и вперед, а университет в идее – это путь по трамбованной дороге, путь прямой и ясный. Все недостатки университета вытекают из его же достоинств, он соединил в себе самостоятельность с ограниченностью и, конечно, идеальная совместимость того и другого невозможна; от учащегося требуется определенная балансировка, и кто ее достиг, тот достиг многого. Это вообще, теперь pro domo sua^{2*}. Сознаюсь, долго я не находил равновесия, но, но все-таки нашел, а потому я ясно сознаю, что 1) приобрел знания 2) научился работать. Да, университетом я доволен и дальше надеюсь и на большее довольство. Наконец-то я вышел на дорогу; путь длинен... но и сила есть, итак, двинемся дальше.

^{3*} У А.С. Пушкина – знания.

^{4*} Непременное условие (лат.).

^{5*} Скука – это покой² (лат.).

* Таким образом (нем.).

^{2*} По поводу себя (лат.).

Мая 31

Пересмотрел я сейчас все, что написал в мае... Нет, это совсем не то, совсем не я, какая-то одна из моих масок, но не я, и потом маска-то какая-то скверная; да, *mon cher*^{*}, дневник.

Куда ты холоден и сух,
Как слог твой чопорен и бледен
Как в изобретеньях ты беден
Как утомляешь ты мой слух¹

Но, *serpendant que faire*^{2*}, мое настроение теперь как-то не «дневниковое». Разбирался я как-то в своем архиве. Архив небольшой, а интересный, особенно чем древнее бумаги. Нашел в одном старом дневнике, кажется, 1905 года, даже что-то в таком роде: «вот уж четыре месяца, как я не верю в Бога». С одной стороны, *c'est ridicule*^{3*}, а с другой – *c'est tres interessant*^{4*}, да и не то что *interessant*, а так как-то ошутительно чувствуешь какую-то идейную лучинку, действительное «миросозерцательство». Да, *mon Dieu*^{5*}, как это смешно и как это романтично. Ах, как я здорово когда-то доказывал небытие Бога арифметической прогрессией, какой я был «жрец науки» и как глубоко я верил, что «царство науки не знает предела, всюду следы ее вечных побед»². 1) Бога нет. 2) Цели жизни нет. 3) Произошли люди от обезьяны и 4) Все подчиняется физико-химическим законам, а потому, да здравствует наука. Ах, как это просто ну, конечно, это не важно, и – глупо. Ну, да и после не умнее. Прочел Ибсена, Мережковского и... Америку опять открыл – все дело в личности, *hier ist die Hund begraben*; личность – это религия, пессимизм, «дисгармонии», а потому долой личность; а тут еще на грех Мах подвернулся, ну и поехало, долой личность, хочу с космосом слиться, «все во мне и я во всем» – а ведь это все в прошлом году, следовательно, недавно. Да, да, глупо, но несомненно горячо. *Maintenant tout est calme*^{6*}. Всякое миросозерцательство исчезло, т.е. не «миросозерцание» исчезло (оно хочешь не хочешь существует), а именно миросозерцательство, горячность, вера в истину. Я стал эстетиком, а это миросозерцание как таковое *contradictio in adjecto*^{7*} и *resume* потому-то, кажется, и не пишется искренно, но, может, и не оттого, может, и ошибаюсь, *Ich kenne nichts*^{8*}, и мой девиз

Ihr durchstudiert das gross und kleine Welt³
Um es am Ende gehn zu lassen
Wie's Gott gefällt

Впрочем, это вовсе не значит, что я в науке отчаялся; вовсе я не отчаялся и верю ей, матушке, по-прежнему, если не больше. Просто именно мне в ней и нравится это «*gehn zu lassen, wie's Gott gefällt*». Ох, боюсь я знания истины

* Мой дорогой (*фр.*).

^{2*} Однако, что делать? (*фр.*).

^{3*} Смешно (*фр.*).

^{4*} Очень интересно (*фр.*).

^{5*} Мой Бог (*фр.*).

^{6*} Теперь все спокойно (*фр.*).

^{7*} Внутреннее противоречие (*лат.*).

^{8*} Я ничего не знаю (*нем.*).

vérité^{9*}, heilige Wahrheit usw^{10*}, боюсь превращения я музыки Божьей в шарманку. Да-с, и в науке, до поры до времени, я пока эстетик, и вся моя холодность-то теперешняя, не мирозерцательство, есть просто почва научная, на которой nous reservons toujours l'esperance^{11*} возрастут не одни плевелы, а и плоды полезные, если и не для других, т.е. minimum, pour moi^{12*}. Теперь время летнее, надо сеять озимые, а я еще не начинал, дай Бог начать.

2 июня

Меня сейчас гложет зависть и досада. «Анна ответила несколько слов дамам, но не предвидя интереса от разговора, попросила Аннушку достать фонарик, прицепила его к ручке кресла и взяла из своей сумочки разрезной ножик и английский роман»... и т.д.

Это в «Анне Карениной»; читаю «Войну и мир» [-] все там говорят по-французски, читаю «Бесы» Достоевского, там то же, читаю научную книжку, журнал, немецкие цитаты и т.д. Я за год, конечно, сделал кой-какие успехи; научные немецкие книжки, французские, даже и английские читаю... но от поэзии «английского романа» – ой как далеко. А главное, беда-то непоправимая. О, why I am not a gentleman, a[s] Tolstoy, Stankevitch*, почему я обречен на незнание целой области, областей жизни. Чуть мелькает только надежда год[а] через 3 поехать за границу, и тогда... может быть, доберусь и я до «английского романа».

9 июня

Перечитывал сегодня последнюю часть «Анны Карениной» и что-то мне за себя страшно стало. Последняя часть А.К. – это дорогая мне часть, по тому, что связано с нею. Отчасти под ее влиянием начал я писать и написал самое мое пока обширное творение «О цели жизни и об оправдании жизни». Творение отчасти глуповатое, отчасти невежественное, но все же для меня-то чрезвычайно ценное, именно оно помогло мне освободиться от самого же себя; оно дало мне случай ясно, твердо высказать все, что в голове философского было, и тогда-то только увидел я глупость, чепуху многого и сумел ото всего этого освободиться. «Трактат» этот был своего рода кровопусканием. Говорю я это все вот почему, что-то я себе настоящего кровопускания не делал, и со многим хорошим, кажется, грязи накопилось уйма! А страшно мне вот почему. Не чувствую я желанья кровь-то пускать, до того я охладел к мирозерцательству. Oui, oui, ce n'est pas un mot, j'effroi, parceque c'est le fait*. Прежде бывало читаешь какого-нибудь Достоевского или того же Толстого и вот мысли ворошатся всякие, глупые мысли, но мысли, а теперь absolument rien. Pourquoi, c'est une question^{2*}. Теперь читаешь, страницы летят за страницами, посмеиваешься над человекобогами и бо-

^{9*} Истина (фр.).

^{10*} Святая правда и т.д. (нем.).

^{11*} Мы всегда сохраняем надежду (фр.).

^{12*} Минимум, для меня (фр.).

* О, почему я не джентльмен, как Толстой, Станкевич (англ.).

* Да, да, это не слово, я боюсь, потому что это факт (фр.).

^{2*} Абсолютно ничего. Почему – это вопрос (фр.).

гочеловеками, над славянскими идеями, подсмеивайся... но и только. С'est tragédie^{3*}. Не поглупел ли я. Или нет, это чепуха, но дело в том, что надо опомниться, т.е., вернее не опомниться, а оглянуться, а то лечу по волнам, по течению не смотря.

12 июня

В жизни помнить одно, мгновенье каждое нужно
Жизнь – океан, у которого нет ни конца ни начала
Плещутся волны; туда и сюда, катятся раздольно
В них стремления нет; они сами и цель и стремленье
Жизнь – океан и как волны в океане, минут в ней бесчечно
Весь океан не живет, живут лишь волны отдельно
Волны творят океан, творят волненья и бури
Жизнь – мечта, живут лишь только минуты

Ну да, гексаметрический опыт, что-то то^{*} не очень удастся, выходит неуклюже, а главное, никак дела-то сказать не могу, все лишние строки выходят, а дело бы хотелось выразить, коротко, ясно и законодательно, одним словом, *donnez un aphorisme, le voilà^{2*}*; идеал жизни, проживать каждый день как последние. *Expliquerons nous un peu^{3*}*. Дело вот в чем, я вот последнее время за что ни возьмусь, делаю все спустя рукава, сделаю, мол, начерно, впоследствии сделаю набело. Я вовсе не хочу повторять того, что то, что можно сделать сегодня, не надо откладывать на завтра. *Jamais^{4*}*. Мне хочется сказать, что вот если бы, положим, сегодня был мой последний день, и, положим, я бы давно примирился со смертью, не отчаивался бы, а только бы желал все, что по моему вкусу лучшее в жизни взять напоследок, как можно в большем количестве; ну *pour moi, le mieux c'est la science, l'esprit, en un mot esprit^{5*}*, так я бы этот последний день прожил бы действительно со славой. И вот если бы *chaque jour etait pour soi^{6*}* (повторяю, опять это не то, что «для каждого дня довольно своей заботы»), тогда бы был рай земной, *parole d'honneur^{7*}*. Да-с, а я, да и все и последний-то день считают не последним; все как будто бы стремится к чему-то, а в результате к 0, «абсолютному». Дурачье, и я дурак, первый, физически жизнь – течение, но психически, сознательно, жизнь топтание. Думают (и думаю), топчемся, топчемся, пока без толку, но все это подготовка к будущему танцу, изящному и грациозному; воображайте, воображайте, о *homines stultissimae^{8*}*; топчетесь вы, а в конце от усталости подохнете. Танцевать, так танцуйте сейчас, и, ей Богу, если бы вы всю жизнь танцевали, и умирать-то было бы приятно, по крайней мере *avec l'honneur^{9*}*.

^{3*} Это трагедия (*фр.*).

^{*} Так у Вавилова.

^{2*} Дайте афоризм, и вот он (*фр.*).

^{3*} Объяснимся немного (*фр.*).

^{4*} Никогда (*фр.*).

^{5*} По мне, лучше всего – наука, дух, одним словом – дух (*фр.*).

^{6*} Каждый день был [бы] сам по себе (*фр.*).

^{7*} Слово чести (*фр.*).

^{8*} Глупейшие люди (*лат.*).

^{9*} С честью (*фр.*).

14 июня

Кончил сегодня «Илиаду», насилию одолел, да, велика, но, говорю откровенно, и велика. Я не могу, конечно, судить *ausser Raum und Zeit*^{*}, да и не знаю вообще, возможно ли такое суждение. Перед мною сейчас вот лежат «Три мушкетера» и «Илиада». Беру на удачу места из того и другого;

... девять человек бросились друг на друга с яростью, что, впрочем, не помешало в то же время им соблюдать известные правила. Атос выбрал себе некоего Каюзака, любимца кардинала, Портос – Бикара, а Арамис очутился сразу между двумя противниками. Д. Артаньяну пришлось драться с самим Жюс[с]аком.. etc

А вот из Гомера:

В час сей Ахеяне силой своей разорвали фаланги
Крикнувши разом дружина к дружине: вперед Агамемнон
Ринулся первый и свер[г]нул владыку мужей Бианора –
Свер[г]нул и друга его Оилая, гонителя коней¹....

ну и то, и Дюма и Гомер оба повествователи деяний, поступков, и в этом они схожи, но также схожи, как глиняный болван с мраморной статуей; то и другое от скульптуры. Или пользуясь Минаевым, можно сказать Дюме^{2*}.

«Не побоюсь сравненья дерзкого
Похож ты с ног до головы
На Аполлона Бельведерского,
Ведь оба каменные вы».

Дело все в том, что мысль повторенная, если и не ложь, то гадость. И, право, становится противно, когда у Дюма читаешь такие строки:

«В самом деле, как странна судьба, заставляющая людей уничтожать друг друга из-за каких-то выгод порою совсем чуждых им людей».

Ведь это «разговор о погоде», чепуха, «общее место» (ужасное слово). И вот чем мне-то и другим ценна «Илиада», это именно отсутствием «общего места». Мысль та же, но слышишь, что это сказано в первый раз, слышишь, что это индивидуально, глубоко, что это Аполлон Бельведерский, а не фаянсовый урод. «Илиада» – непосредственна или не то, она не «линялая», не ситец, а шелк, шелк, тканый рукой художника. Повторяю, вне времени и пространства судить я не могу, да это суждение и было бы неверное, суждением о бумаге, на которой напечатана «Илиада». Существует какое-то тонкое, неосоздаемое отношение, важна не сама величина, а отношение, кроме числителя выступает на сцену какой-то неведомый, но всеми осязаемый знаменатель. И в «Илиаде» этот-то знаменатель и ценен особенно. Ведь слова

«Ибо из тварей всех, которые дышат и ползают впрок,
Истинно в целой вселенной несчастнее нет человека»

почти то же, что и изречение Дюма, но ведь чувствую же я всем существом моим, что за словами Дюма кроются столь многократные повторения на все лады того же, что знаменатель обращается в ∞, а сами слова в 0. А с другой стороны, у Гомера слышу я полную вдохновенность, пафос, душу, ори-

^{*} Вне пространства и времени (*нем.*).

^{2*} Так у Вавилова.

гинальнально[сть] гексаметров, вижу, что знаменатель 0, а само изречение ∞. Да, именно так, Илиада «общее место» со знаменателем 0. Спасение от Дюма, спасение от пошлости в прекрасном чистом первоисточнике пошлости «Илиаде». Я не нашел в «Илиаде» того, что нахожу я в Гете, Пушкине, Толстом, все они от другого начала, они равноправны с Гомером. Но, ей Богу, ведь от Гомера же, не от кого-нибудь другого пошли Дюма, Булгарины, Соловьевы, Пинкертоны. И, только прочитав Гомера, понимаешь, что вся беда именно в том, что мысль повторенная есть пошлость. Для меня, для других Гомер – великий пошляк, но дело-то в том, что не потому он велик, что пошел, а потому пошел, что велик; а это, ведь, уж вина наша. Великое от Гомера, а «пошрое» от нашего преклонения перед ним.

16 июня

Сегодня уезжаю *dahin, wo die Zitronen blühen** и в Германию. Самый *voyage* будто улыбается, жди только одной неприятности, *fastidii*^{2*} от спутника И.Е. [Евсеева]. Человек он так ничего, часика на 2, но больше, ох скучен, и тем же, пожалуй, как я и сам скучен. Но, *vivrones verrons*^{3*}, а пока желаю самому себе *bon voyage*^{4*}. Хочу ехать по-розановски «не с пустым сердцем», хочу пощупать руками истории, искусства, жизни.

27 июля

*C'est fini**; вот уже два дня, как я в Москве.

«Минувшее проходит предо мною...
Давно ль оно несло событий полно...
Теперь оно безмолвно и спокойно...[»]¹

Я устал от этого путешествия, устал и физически, и психически и теперь, очутившись в Москве, за своим столом, с своими книгами, в своей кровати, я наслаждаюсь и отдыхаю. Как и ожидал я, самым напряженным во всем путешествии оказался спутник, каждое мгновение чувствовать за собой тень, тень серую, не оригинальную, без мысли, а лишь с готовыми фразами, тень устающую, ноющую, это действовало по временам до тошноты противно. Все время надо готовить в голове какие-нибудь общие глупые фразы для разговора... и это целый день; говорить, о чем действительно думаешь, о чем хочется думать, я и вообще-то не могу, а с таким абсолютно не оригинальным человеком, я, конечно, был не в силах. Только в редкие минуты, когда я освобождался каким-либо способом от него, я чувствовал себя свободным, думающим, чувствовал себя самим собою – *Ja, das ist streng gesagt*^{2*}; на путешествие сроком более недели с ним в компании я уже больше никогда не отважусь. Я раньше думал о нем по-другому, я вообразил его скучным, но не мешающим, понимающим человеком; теперь я его понял вполне, говорить о нем не стоит, Бог с ним, это уже прочитанная

* Туда, где цветут лимоны¹ (нем.).

^{2*} Насмешки (лат.).

^{3*} Поживем – увидим (фр.).

^{4*} Доброго пути (фр.).

* Кончено (фр.).

^{2*} Да, сильно сказано (нем.).

страница в книге истории моей жизни; поставлю над ней крест и успокоюсь. Поговорив о неприятном, перейду завтра к тому, что видел, приятное ли это, сам еще хорошо не знаю.

30 июля

За границей я очутился в странном положении человека, знающего что надо смотреть, но не знающего как смотреть, в бинокль, в микроскоп, невооруженным глазом, глазами Бедекера¹ и т.д. Я не знал, кем надо мне быть [–] философом, «наблюдателем нравов и типов», естественником, историком, бедекерствующим туристом или еще кем-либо. Передо мною была мозаика, но странная мозаика, в которой часто составляющие камешки были интереснее составленной картины. Я смотрел на мозаику, но каждую секунду моя точка зрения менялась, то я смотрел оком минералога на породы, из которых составлена композиция, то вдруг я делался эстетиком и любовался неувядающими красками мозаики, то становился философом и историком и толковал о сюжете, то вдруг глаза мои разбегались, я терял изображение и видел только одни камешки, странно сложенные, – я смотрел глазами ребенка. И не скажу, чтобы и теперь, когда все уже прошлое, когда должна бы, казалось, найтись точка зрения, я нашел ее – нет, в моей памяти в беспорядке мелькают то одежда итальянского солдата, то итальянские слова, которыми приходилось объясняться, разные «gelati»*, «francobolle» etc.^{2*}, то мелькнет древний Рим, смена времен, какая-нибудь научная или философская догадка и я, ей Богу, не знаю, кем был я [–] философом или туристом. Вот незабываемые для меня минуты. Я в капитолийском музее, один, без моей нудной тени, народу мало, изредка пробежит англичанка, поспешно проверяя по Бедекеру, правильно ли проставлены под статуями нумера; я вышел на балкон и облокотился на решетку; подо мною ограниченный четырьмя стенами дворик, уставленный статуями. Тихо журчит фонтан, выливаясь тонкою струей из фиала в руках громадной фигуры речного бога; статуя вся потемнела, кой-где покрылась ярко-зеленым мохом, но весело журчит струйка воды и одна говорит о жизни; в бассейне весело бегают рыбы, но без звука, жизни нет; а вот по бокам, кто их знает, странная фигура бога Пана; кто он? Бог или черт, он весел, с виноградом... но с козлиными ногами, я бы, даже будучи язычником, богом его считать не смог, да он и не Бог, – он – Пан – все, а кто поймет или понял все, во все можно только верить. Стены двора высоки, но еще выше древняя христианская базилика, каменная, обветшавшая, но уютная, и на ней мозаичная старая икона Божьей матери. А выше, выше небо, синее небо Италии. Ох, как трудно писать, как все прозаично выходит и как это было красиво и велико на самом деле. Внизу – Рим, вверху христианство, а выше Пан – небо; и мысли одна за другой, мягкие побежали в моей голове. Передо мною вьязь, живые Natur und Kultur; природа – вечна, культура – временна, но и культура – природа; и я забывался, упивался этой гармонией природы и культуры, и не мог понять, кто же я [–] от культуры или от природы, я был от культуры, но дышал природой, и обратно, это единственный момент в путешествии, когда я увидел картину, а не видел мозаики; я еще и сейчас не достаточно понимаю, оцениваю необыкновенное, единственное незабываемое впечатление это.

* Мороженое (*um.*).

^{2*} Почтовые марки и т.д. (*um.*).

31 июля

Снова август, дождик, тучи
Рим, Равенна... далеко
Предо мною книжек кучи
Так уютно и легко
Снова будут снег и вьюги
Снова будет бодрый труд
Не мечтаю я об юге
Веселей за книжкой тут
В книге счастье, в жизни – горе
Для чего же в горе жить
И не лучше ль в книжном море
Жизнь живую утопить.

4 августа

Я в Пизанском соборе; несутся торжественно-тоскливые звуки органа; со стен смотрят века... Но ни на что я не смотрю, ничего не слышу... Мое внимание, моя мысль, я весь устремлены на паникадило, паникадило Галилея¹... Здесь для меня прошлое, будущее, здесь для меня олицетворение единой загадки моей жизни – науки; все [–] и стены, и люди, и орган, и паникадило, и истлевшие кости Галилея во Флоренции поют мне великие, загадочные слова Мефистофеля:

Ihr durchstudiert das* gross und kleine Welt²
Um es am Ende gehn zu lassen
Wie's Gott gefällt

Где наука? В этом ли паникадиле, или в черепе Галилея... но (перефразирую)

Великий череп... ныне прах
И им замазывают щели³

Наука тот призрак, который влечет меня, по отношению к которому весь мир кажется декорацией, где ты? Спряталась ли ты в Пизанской Галилеевой башне⁴, или засела в колбах алхимиков в Нюрнберге, или почиваешь в книгах... Мир идет своей чредою, люди учатся, создаются новые университеты, музеи, печатаются книги... наука живет. Но где же она? Наука – не проявление жизни; не могу я науки ставить рядом с искусством или техникою; наука не отдел; она все или ничто; наука заключает в себе жизнь. Заключает ли жизнь в себе науку? Вот вопрос. Паникадила и черепа, и книга, конечно, в жизни. Но в черепках ли наука или паникадилах? Наука – психического происхождения и, как всякая мысль, с одной стороны, в черепе, а с другой – нет. Вот род ответа. Но и это не так. Дело в том, что науку в уме заключать нельзя, можно заключать знание, но не науку. Говорят, наука – отражение мира. Нет, зеркало, но не отражение; зеркало может и отражать, а может и не отражать. Если наука может, она все-таки наука; алхимия столь же наука, как и химия; да, несомненно, дело в зеркале, а не в отражении. Однако что же это за зеркало, где наука?

* Правильно: die.

8 августа

Не по сердцу мне теперь всякие исторические суждения и поэтому все время я стараюсь быть от них по возможности подальше. Во-первых, что такое это самое историческое суждение? Охи и ахи о том, что вот де 1000 лет, как этот самый храм стоит на этом месте; шаблонные думы о скоротечности жизни, быт времени u.s.w; все это весьма туманно, иногда цветисто, иногда глупо, а в общем бестолково. Во-первых, что такое история? Это Kulturwissenschaft* и притом странный, лишенный всяческой научности. Передо мною лежали груды старого мрамора, стояли статуи, я видел Коллизей, Катакомбы, но я не хотел думать (хотя иногда и думал) о греках, римлянах, древних христианах; все это было бы книжным, по картинам Семирадского, по книгам Мережковского. Я не хотел шаблона, во-первых, и жизни, во-вторых, я хотел тени жизни – науку. Я приучил свои глаза и в искусстве не видеть жизни истории, а только красоту. Можно все видеть или так, как оно есть, или так, как оно должно быть, или через чужие очки, Бедекера, Иловайского, Момсена и т.д.; историческая точка зрения последняя, я же, по существу говоря, смотрел не с первой, не со второй и не с третьей; да и смотрел ли я, не знаю? Я прилаживал все к моей мечте – вот что было для меня главное, хотя, конечно, на многое я смотрел и [с] первых трех points de vue^{2*}.

15 августа

Скоро месяц, как я приехал, а в свою колею попасть все-таки никак не могу; заграница еще у меня не выдохлась, не сделалась еще «Abbildung»*, а находится в периоде «Umbildung»^{2*}; очень часто сны мои переносят меня куда-нибудь во Флоренцию или Мюнхен, минутами мне начинает казаться странным, что я слышу русскую речь; впечатления мои перерабатываются, проясняются, облик каждого города выступает рельефно, так что, und das ist sehr möglich^{3*}. Я напишу краткие характеристики – силуэты каждого города. В этом отношении я доволен, заграница произвела на меня громадное впечатление... но, но теперь бы я желал овладеть собою, быть старым. Приближается сентябрь с экзаменами, а главное с новыми занятиями. Нынешний год для меня должен быть чрезвычайно важным – я должен сделаться физиком, до сих пор я им не был. Мне нужно будет читать, читать, столько читать, а, главное, переводить, что прямо «...голова кружится, и мальчики кровавые в глазах¹». Между тем я пока еще в праздничном настроении и все науки запустил. Намереваюсь, и надеюсь исполнить, начать с завтрашнего дня мобилизацию всех частей, да грянет бой, научный бой. Addio e Firenze, e Roma e Pisa e tutti quant[i], salve^{4*} physika et matematika!

* Наука о культуре (нем.).

^{2*} Точек зрения (фр.).

* Иллюстрация (нем.).

^{2*} Преобразование (нем.).

^{3*} И всё это очень возможно (нем.).

^{4*} Прощай и Флоренция, и Рим, и Пиза и все остальные, привет (ит.).

19 августа

РИМ

Рим – это небо, и небо создання людского
Тайны в нем нет, как небо он ясен
Как синее римское небо прекрасен
Как небо – высок и, как небо – безгласен
Нет в нем волненья и шума прилива морского
Рим – это компас, ведущий людей за собою
В небе звезды горят – и Рим весь звездами усеян
Рим, о тобою и Ньютон и Пушкин взлелеян
Духом твоим и я хочу быть обвеян
К Риму стремимся мы все несметной толпою

НЕАПОЛЬ

Грязный и красивый
Рванный и роскошный
Пряный, жаркий, сладкий
Скучно мне с тобою
Есть у тебя сердце
Ты красив собою
Мозга ж нет ни грамма
В голове пустыня
Ты уж ни римлянин
Ты лишь итальяшка
Как Москва, от Рима
Ты далек, Неаполь
Рим – орел крылатый
Ты же лишь букашка,
Милый, вороватый
Смуглый итальяшка

22 августа

ФЛОРЕНЦИЯ

Рим – солнце; ты, Флоренция – луна
При солнце ты безвестна и бледна
Лишь солнце зашло
В права ты вступаешь
И нас освещаешь
Безмолвно, не зло
При матовом блеске
Вся жизнь, как на фреске
Прозрачна легка
Светило – Рим, ты ж зеркало светила
Ты отражала лишь, сама ты не светила
Рим – жизнь и движенье
А ты отраженье
Ты зеркало Рима
Ты Римом творима
С тобой отдыхаешь
И жизни не знаешь
Мне тень Галилея
Дороже, милее
Чем Цезарь и Тит
Кем Рим знаменит

31 августа

Вот уж недели полторы усиленно готовлюсь к экзамену по аналитической геометрии. Экзамены, конечно, крайность, кроме чистого знания, в подготовке к ним есть много и нечистого материала. Идеал [–] чистое познание, но *que faire*^{*}, что делать; вместо музыки приходится заниматься инструментами, но *vivrons – veignons*^{2*}, может быть, услышим когда-нибудь и музыку.

7 сентября

Mais que doit on faire? Moi je ne sais pas. C'est la même question de musique d'un côté et des instruments d'un autre. Hier était l'examin, et j'ai reçu 3. Je sais bien, que je savais bien le sujet, mais c'est fait, j'ai reçu 3. Ce m'a conveçu, hier et aujourd'hui j'étais comme un malade, je ne peux prendre aucun livre, aucune travaille, les pensées sombres, effroyables parcouraient dans ma tête. Enfin, je répète, que doit on faire la musique ou des instruments? Tachons resoudre, que la musique, mais quoiqu'il en soit il ne faut [pas] oublier des instruments. C'est n'est pas ma crime, mais c'est égal c'est moi qui souffre. Le temps arriva; il faut travailler, travailler gravement, comme des maçons. Il faut etudier français, allemagne, anglais, physique, mathematique. Eh bien, j'ai oublié malheureuse trois^{*}.

13 сентября

Да, это правда, 3 я забыл, но для меня она не осталась без последствий; я как-то охладел к работе, опустился, размяк – а это у меня самые скверные минуты. Я очень мало делаю дела, откладываю все «на завтра», читаю романы etc. Надо всегда помнить:

Das ist mein einziges, letztes Streben
Dass jeden meinen Tag durchleben
Wie letzten Tag
Ich immer mag^{*}

Что там ни говори, я и не думал, а ведь это факт, за 2–3 года не было дня, которым бы я был доволен *vollkommen*^{2*}, не было дня, за который с полным сознанием и радостью я мог бы себе поставить «*fünf ohne minus*»^{3*}. Это факт: пока я еще ничего не сделал, все в проектах и в тумане. У меня по существу

^{*} Что делать (*фр.*).

^{2*} Поживем – увидим (*фр.*).

^{*} Но что делать? Что касается меня, то я не знаю. Это тот же вопрос, относящийся к музыке, с одной стороны, и к инструментам – с другой. Вчера был экзамен, который я сдал на тройку. Я убежден, что хорошо знал предмет, но случилось – я получил 3. Это меня убило, и вчера, и сегодня я был как больной, я не мог ни читать, ни работать, – мрачные, пугающие мысли бродили в голове. Я себе повторял, что надо выбрать – либо создавать музыку, либо заниматься инструментами? Решено – музыка, но при этом как бы то ни было надо не забывать об инструментах. Это не мой грех, но все равно страдаю я. Время пришло, надо работать и работать тяжело, как каменщики. Надо учить французский, немецкий, английский, физику, математику. Наконец я забыл эту злосчастную тройку (*фр.*).

^{*} Мое единственное и последнее желанье, / Чтоб каждый день был пережит / Как день последний / Так я всегда хотел (*нем.*).

^{2*} Полностью (*нем.*).

^{3*} Пять без минуса (*нем.*).

нет ни одного ни pro ни contra^{4*}, но «нутром» я что-то сейчас пессимистически настроен. Ведь вся беда-то в том, что кроме науки для меня все пути отрезаны, да и я сам их себе загородил, стою я не на научном пути, надо идти вперед, а я топчусь на одном месте; иногда до того быстро ногами работаю, что получается иллюзия бега; забываешься, думаешь, и впрямь бежишь, но посмотришь, кругом все что было, то и осталось; нда-с, das alles ist sehr trau[e]rig. Soll ich warten dass meine Umgebung selbst anrühren fänge, und ich, immer auf meinem Platze stehend zu meinem Ziele gelangen würde; das ist droll, das sind nur Wörte, aber das auch ist die Tat^{5*}.

Закончу обычным, попробуем-де двинуться; ну что ж, пожалуй, и попробуем. L'espérance c'est ma persévérance^{6*}.

21 сентября

Занятия начались, приходится много ходить, слушать, уставать, а в конце концов чувствую себя прескверно. Не наука виновата, разве может быть виновата наука. Надо говорить правду, я чувствую свое бессилие, ни одной минуты удовлетворенности, это ужасное состояние. Быть может, я преувеличиваю, быть может, силы у меня и есть, не знаю, факт тот, что пока еще не было ни капли того, что мне надо; порой прямо начинает одолевать досада, и начинаешь завидовать людям живущим

«Не хочет ли кто взять труда
Внушить им Оптики законы?
Пожалуйте ко мне сюда
Лаланды, Эйлеры, Невтоны
Скажите им, коль вам досуг,
Как солнце движется в эфире
Как луч его дробится в мире
А я пойду соснуть на луг[»]¹

А что, право, не «пойти ли соснуть на луг», ведь мое единственное спокойное состояние, равновесие – это сон. Не соснуть ли? А? «Плюнь на все и торжествуй». Но, впрочем, я запессимистился, у меня просто голова болит.

26 сентября

Попытаемся воскреснуть
Хоть пришлось бы даже треснуть
Для того
В жизни двух путей мне нету
Иль к науке, или в Лету
Улететь
Стать собой давно уж надо
Хоть пришлось б все силы ада
Вызывать

^{4*} Ни за, ни против (*лат.*).

^{5*} Все это очень печально. Должен ли я ждать, что мое окружение начнет что-нибудь делать и что я, всегда оставаясь на месте, достигну своей цели; смешно так думать, это только слова, но и это тоже дело (*нем.*).

^{6*} Вся надежда на мое упорство (*фр.*).

30 сентября

Сентябрь был хмурым месяцем для меня. Скверно начался он, не особенно хорошо, хотя и лучше, чем начался, кончается он. Было время, когда можно было лежать на постели, играть на пианино, философствовать. Теперь я уже не лежу, на пианино не играю, а работаю, работаю сильно, но в том-то и беда, что когда я на постели-то лежал, я чувствовал себя более работающим, чем теперь. Были плоды, теперь их нет. Может быть, это момент перехода, и если так, то он скоро кончится и... опять можно надеяться. Что же, пожалуй, *superamus*^{*}, но во всяком случае уж не *gaudeamus*^{2*}. Куда уж тут радоваться, в пору плакать. Но лучше не радость и не плач, а среднее.

«Попытаемся воскреснуть!»

5 октября

Es ist schon kein Zweifel; ich erlebe etwas wichtiges, ich bemerke gut einen Wendepunkt in meinem Leben. Alles das, meine Verzweiflung, mein Gram und Schwermut ist ein Omen, ich weisse nicht zum Guten oder zum Mal[he]ur. Die Wolken sind zu dicht gesammelt; ich erwarte (erwarte mit Hoffnung oder Zweif[e]), weisse nicht), erwarte aber mit grossem Interesse. Alles anderes verschwind allmählich und bleibt nur die ungelöste Frage und auf solche oder andere Weise sie wird löst sein^{*}.

9 October

Donnerstag habe ich Муромцев's Leichenbegängniss gesehen. Ich, und and[e]re wie mir schien, haben vergessen, dass hier ein Sarg, eine Leiche, eine starb war. Das war eine grosse, nicht immer gut gespielene Komödie. Es gingen, liefen, marschieren ohne Ende verschiedene Studenten, Advokaten, Deputaten, Proletariern u.s.w. Niergends ein geweintes, trauriges Gesicht, alle nur sahen, und in endlicher Rechnung, mit Ihnen selber ergötzten. Die Begrabung war dumm, flach, ohne jeder Aufregung; für Fotografen das was ein Fest, für Menge Schauspiel, für übrigen einfach eine Spiel. Aber etwas war merkwürdig. Es gingen tausenden die Zehner der Tausende der Studenten. Ja, dass war erstaunlich, war recht furchtbar, tausenden Studenten. Alle sind gebildet, alle wissen Physik, Mathematik, Deutsch, Französisch. Alle weissen. Es verschwind jede Hoffnung, jede Regung. Wenn alle alles weissen, es ist dann keine Wissenschaft. Wissenschaft ist Geheimnis, Gemütlichkeit. Nun verschwand jede Verlockung in Wissenschaft; wo ist verborgenes; alles ist klar, alles is[t] flach, alles ist eine Schablone. Wissenschaft ist Abgeschidenheit, die Menge ist Sterbe der Wissenschaft und wenn

* Преодолеем (лат.).

^{2*} Будем радоваться (лат.).

* Уже нет никакого сомнения; я переживаю нечто важное, я хорошо замечаю некоторый поворотный момент моей жизни. Все это – мое отчаяние, моя грусть и мрачное настроение – является предзнаменованием, не знаю к добру или к несчастью. Тучи сгустились; я жду (жду с надеждой или с опасением – не знаю), жду, однако, с большим интересом. Все прочее мало-помалу исчезает и остается только один нерешенный вопрос, и тем или иным способом он будет решен (нем.).

ich auf unzählige Masse «Studenten» sah, verstand ich gut, dass das Studentum ist gestorben*.

16 октября

Есть традиция и есть мода; между двумя этими вещами много сходства, но еще больше различия, различия духовного; традиция [–] что-то глубокое, благородное, традиция – это та цепь, которой, я чувствую, связан я с Пифагором или Ньютоном, традиция [–] это подражание прошлому; мода – подражание настоящему, мода – неблагородна, мода это не чувство родства с Пифагором, а ужас при виде, что я похож на этого хитрованца-студента. Да, студента, именно по поводу студентов я и начал философствовать насчет моды и традиций. Было когда-то чудное время, когда студент был «исключением», когда из десяти студентов пятеро делались Лобачевскими, Толстыми или Аксаковыми¹. Было время и другое, когда студент старался быть исключением, но на самом деле был уж «типическим исключением», слишком много стало «исключений» и слишком стали они похожи друг на друга. Университет из храма обращался в театр; теперь, теперь он уж фабрика, фабрика, может быть, и образцовая, может быть, лучше храма оборудованная, но только фабрика. Студент стал типом, хуже, самой обычной вещью, медным пятакон. В массе мне студенчество противно: рожи сутенеров, «Русское Слово»² или «Утро»³ под мышкой, в грязной подворотне бредящий Шалапиным и худож[ественным] театром, «миросозерцательствующий», без единой своей мысли в голове, соц[иал]-дем[ократ], нищий. Наука, «scientia», растворяемая в такой громаде мутной, вонючей жижицы, – сама обесцветилась. Наука, конечно, движется, может быть, сильнее чем когда, но, mein Gott*, дело не в науке самой, а в впечатлении от неё. Ньютоном или Галилеем весь мир потряслся, а кого потряс принцип относительн[ости]. Его мусолят, размазывают, растирают, und nicht mehr^{2*}. Да, hei nobis^{3*}, в наше время городской, проститутка и студент на одной доске, это «типы» и, право, пора бы заменить само благородное слово studiosus, studens более подходящим, ничего не говорящим поганеньким «курсист» или прямо стыдент, от глагола стыдиться. В наше время стыдно быть студентом, а ведь было когда-то другое время. Но que faire^{4*}, никто не виноват, виновато лишь размножение, подбор, тут, кажется, в направлении ухудшения.

* В четверг я видел похороны Муромцева. Я и, как мне показалось, другие забыли, что здесь гроб, покойник. Это была значительная, не всегда хорошо разыгранная комедия. Разные студенты, адвокаты, депутаты, пролетарии и т.п. без конца входили, шли, двигались строем. Ни у кого не было заплаканного печального лица. Все только глазели и в конечном счете сами себя забавляли. Похороны были глупые, фальшивые, без какого-либо волнения; для фотографов это был праздник, для толпы – зрелище, для остальных просто игра, но было что-то удивительное, проходили тысячи, десятки тысяч студентов. Да, это было поразительно и даже страшно, тысячи студентов. Все образованны; все знают физику, математику, немецкий, французский. Все знают. Исчезает всякая надежда, всякое стремление. Когда все всё знают, это уже не наука. Наука – это тайна, спокойствие. Теперь же исчезло всякое воодушевление в связи с наукой. Где тайное? Все ясно, все просто, все – некий шаблон. Наука есть уединенность. Толпа – это смерть науки. И когда я увидел бесчисленную толпу «студентов», я хорошо понял, что студенчество умерло (нем.).

* Боже мой (нем.).

^{2*} Не более того (нем.).

^{3*} Горе нам (лат.).

^{4*} Что делать (фр.).

23 октября

Вот уже недели две как я работаю, много и здорово, работаю до усталости и головной боли. Но время, проклятое время течет, а работы уйма. Не хватает временами даже опомниться и многое из рук уж выпускаю, так заброшен английский язык. Но я не унываю, теперь-то я на дороге, и просто не точно некогда, а не хочу опомниться. «Gehe und alles anderes wird zugelegt sein»*.

7 ноября

«Предстала*... И старец великий смежил
Орлиные очи в покое[;]
Почил безмятежно, зане^{2*} совершил
В пределе земном все земное!
Над дивной могилой не плачь, не жалей,
Что гения череп [-] наследье червей»¹.

Толстой – умер. Прозвучали последние стоны великой поэмы. Нет больше Толстого, порвалась великая цепь, не осталось больше «великих», Державин, Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Достоевский и Толстой. Весь девятнадцатый век прожили люди на фоне «великих». С Толстым фон этот исчез. Толстой наш последний и великий бог. Смерть Его [-] символ, символ яркий, очевидный. Мы в поле, в открытом поле, все ясно, гладко, пусто, последняя легенда, сказка улетела, а была живая, всеми чувствуемая сказка. Толстой – гений, и, что главное, очевидный, осязаемый. Если в Лермонтове, а иногда и в Пушкине, колеблешься, то здесь никогда, это Монблан, он велик и этим сказано все. Пушкин был «поэтом», Тургенев – «писателем», Достоевский «психологом», Толстой был «творцом». Подобные Пушкину есть, Толстому нет, он один. Толстой – жизнь, и как антитеза Толстому – наука; да, вот истинный враг Толстого. Литература Толстого – жизнь, проповедь – тоже жизнь, как жизнь велика, и как жизнь нескладна. Пушкин, Достоевский – это наука, ум, а Толстой – это жизнь. Мне противно, когда воют и визжат о Муромцеве и Комиссаржевской. Ведь это пыль и мишура. И вот он лежит мертвый... и мне жалко Его, потому что он жил, а не писал. Смерть Тургенева, Чехова – лишь конец писательства, смерть Толстого [-] настоящая смерть, со всеми ее ужасами, и хоть и хочется сказать и думать

«Над дивной могилой не плачь, не жалей,
Что гения череп наследье червей»,

но все же плачешь и жалеешь. Умер гениальный человек, а не только гений.

15 ноября

Уже неделя прошла, как нет Толстого. Но о нем я хочу писать. Точнее, мне следовало бы начать, что еще только одна неделя прошла, как его нет, но уж его забыли. Никогда еще не чувствовал я такого отвращения, омерзения, гадливости к «обществу», газетам, студентам, курсисткам etc. Вся эта неделя была идиотской вакханалией сумасшедших хулиганов, притворившихся «почитателями», вакханалия на могиле Толстого. Я уж не говорю о глупости, глупы и, конечно, ничего не поделаешь, об этом еще Мефистофель говорил:

* Иди и все остальное приложится (нем.).

* В оригинале «Предстала и старец...»

^{2*} Зане (церковно-слав.) – потому что, так как.

Doch kaum erliegt sie (Semeramis) ungefähr
 Des Todes unversehenem Streiche
 So fliegen gleich von allen Enden her
 Skarteken tausendfach und decken ihre Leiche
 Wer wohl versteht, was so sich schicht und zient
 Versteht auch seiner Zeit ein Kranzchen abzuzeigen
 Doch bist du nur erst hundert Jahr berühmt
 So weiss kein Mensch mehr was von dir zu sagen^{1. *}

Вся кутерьма вышла такой глупой, такой пустой, бессодержательной, неискренней. Ни одной умной статьи, ни одного умного слова, все плоско и ходульно, все на заказ. Синемаатографы потревожили Шопена и Мендельсона, студенты и «зассыхи» (по выражению одного homo в трамвае) потревожили «вечную память»... на том и дело кончилось. Шуму было много, совались с «скорбными соболезнованиями» чуть ли не отходники. Толстой, да кто из этих миллионов знает его; 0,9 знает только, что у Толстого была борода, 0,05 знает только, что Толстой был соц.дем. и ученый (до этого договаривались в университете), 0,02 читало «Крейцерову сонату» (ввиду пикантности трактуемой темы), 0,01 читало Толстого, из приличия хвалила, но в конце концов выходило что-то «не то». И, может быть, какие-нибудь 0,001 истинно знают и понимают Толстого... а они-то именно и молчали. Газетам понравилось набрасываться на разные «Русские знамена»², «Колокола»³ и пр., приводить на память басню о Льве и Осле. Конечно, это резонно, но следовало бы добавить, что и сами-то эти господа газетчики если и не совсем ослы, то какие-нибудь там зеброиды, быть может, копытом Льва и не лягающие, но во всяком случае наполняющие воздух вокруг умирающего нестерпимым «ослиным» зловонием.

21 ноября

Был сегодня в астрономической обсерватории, странное и интересное впечатление. Это не научный музей, учреждение всем, может быть, и полезное, но почти всегда никому не нужное; здесь жизнь и самая настоящая жизнь, но жизнь вся заключенная в рамки науки... Странная астрономия наука, это наука самоочевидная, для кошки или собаки даже – наука... Трава, земля, кам-

* Едва лишь падает она (Семирамида), сраженная
 Ударом непредвиденным случайной смерти,
 Тотчас слетаются со всех концов
 Пустых писулек тысячи и тело покрывают мертвое.
 Кто понимает тех событий строй и внутреннюю связь,
 Тот понимает также то, что за венки бороться надо здесь;
 Лишь первые сто лет с тобой пребудет слава,
 Едва ли кто потом хоть слово сможет о тебе сказать

(Пер. Е.А. Зайцева).

Когда, сраженная внезапным,
 Ударом смерти вдруг она (Семирамида) почует,
 Тысячекратно помянет сожаленьями
 Толпа ее гробницу, И украсит венками,
 Что славы и величия достойны.
 Но сотня лет пройдет – и эта слава
 Померкнет и людьми забудется навеки.

(Пер. А.В. Кессениха).

ни, звери, люди – все это не очевидные «объекты» науки, это субъекты, это жизнь. А звезды... – только объекты, только зрелище для нас, только «наука». И все чтут звезды, для всех они о чем-то высоко говорят. Вот где разрешилась бы трагедия Фауста, он рвется от науки к жизни и стонет:

«Welch Schauspiel! aber ach[!] ein Schauspiel nur
Wo fass ich dich unendliche Natur?
Euch Brüste wo? Ihr Quellen alles Lebens,
An denen Himmel und Erde hängt
Dahin die welke Brust sich drängt
Ihr quellt, ihr tränkt, und schmacht ich so vergebens»*

В звездах слились и Schauspiel^{2*} и Brüste^{3*}; звезды, одни звезды для нас в жизни свободное, великое, внежизненное, заставляющее забыть и воскликнуть: «все во мне и я во всем». Недаром звездам молились, мы и теперь им молимся, астрономия столь же наука, сколько богослужение; и право же, в обсерватории чувствовалось, как в храме: «Euch Brüste wo»^{4*}. Здесь, здесь, не войте люди; пока мы видим небо, wir fassen dich unendliche Natur^{5*}. Физики и математики могло бы и не быть, астрономия же неизбежна. Повторяю, я уверен, что и у зверей есть астрономия, что и они знают солнце, Луну и звезды; это для нас окны в вечное и беспредельное. Все науки в конце концов служат только астрономии, но об этом в другой раз.

30 ноября

Читал сейчас в «Physikalische Zeitschrift»* заметку Planck'а насчет Маховской экономии; очень резонно и основательно доказывает Planck, что эта самая экономия, как цель науки, самое большее если простое недоразумение. Мах принял подойник за корову и серьезно доказывает, что подойник без коровы возможен, а корова без подойника абсурд... Я на прежнюю тему сворочу, на астрономию, вот наука, в которой комар носа не подточит, даже следа экономии не видно; астрономия – скала неприступная, о нее в щепки разбиваются всякие прагматизмы и экономии; она никогда не была «солома и дрова», а всегда небесный огонь. Nu-c genug^{2*} на эту тему.

Как я теперь себе ясно сознаю, есть три науки, три науки об одном: астрономия, физика и математика. Астрономия – наука о вселенной, конкретный

* О, чудный вид! Но только вид – увы!
Мне не обнять природы необъятной!
И где же вы, сосцы природы, – вы,
Дарующие жизнь струёю благодатной,
Которыми живёт и небо и земля,
К которым рвётся так больная грудь моя?
Вы всех питаете – что ж тщетно жажду я?
(Гёте И.В. Фауст. Ч. I. Сцена первая.
Ночь / Пер. Н.А. Холодковского) (нем.).

^{2*} Спектакль, зрелище (нем.).

^{3*} Грудь (нем.).

^{4*} Где вы, сосцы природы (нем.).

^{5*} Мы постигаем тебя, бесконечная природа (нем.).

* «Физический журнал» (нем.).

^{2*} Ну-с, довольно (нем.).

маяк наук, это география вселенной; все, что есть во вселенной, должно быть и в астрономии, и растения и звери и камни – все это лишь детали астрономии. Астрономия – зеркало вселенной. Иду дальше: Физика. Мне, конечно, она милее всего: я не географ, не систематик, я теоретик, а физика есть теория вселенной; математика... Мне думается, будет время, когда математика с физикой сольются, они сестры; физика идет от вселенной к разуму, математика от разума ко вселенной; в математике еще нет координаты времени, в физике еще есть «атом». Физика несовершенная, идеальная математика; математика паст[е]ризованная физика, математика вне времени. Математика и физика – пути к астрономии и все они в конце концов говорят об одном. Остальное: мусор, осколки, иногда разработанные, но все же осколки.

12 декабря

Я не могу себе вообразить Фауста в пиджаке, в зеленом с крапинками галстуке, обремененного супругой и чадами, имеющего и любящего лошадей, читающего газеты, ходящего в театр и т.д. Между тем современные Фаусты именно таковы, современный Фауст похож на всякого, теперь всякий сойдет за Фауста, или, точнее, никого нельзя принять за Фауста. В Фаусте главное не то, что он Doctor, а что он Doctor et non plus ultra^{*}; современные же Фаусты – все что угодно и, между прочим, также Doctores scientiae^{2*}. Я вовсе не считаю Вагнера антитезой Фаусту; Goethe обкарикатурил и того и другого; по существу говоря, Гётевский Фауст *dass ist des echte Faust der sich zu zerlegen begann*^{3*}, ну а Вагнер – замороженный настоящий Фауст. Настоящий Фауст умен, широк, но он все-таки только ученый. Современные Фаусты *sind die Kinder des Goethe's Faustes*^{4*}; это Гётевский Фауст, доведенный до абсурда; надо еще прибавить, что меньшим злом оказались Вагнеры; Вагнер тоже ученый, но только дурачок, в этом и вся разница. Современный Фауст – это Иван Алексеевич Каблуков, и если бы я стал писать трагедию о теперешнем Фаусте, то лучше бы героя не нашел. Теперь вопрос, возможны ли теперь *echte Fauste* и нужны ли они? Распространяться не стану, но скажу, что возможны, а что касаясь до «нужны», то ответить не смогу; по-моему, это красиво и хорошо; для меня Фауст – соц[иал]-дем[ократ] или кадет или еще кто, только грустная картина. Да, вот еще забыл добавить: теперь не только все могут быть Фаустами, но и все на деле Фаусты. Хоть на грош да Фауст, хоть дурак и жулик, но Faust; фауствоство теперь подешевело, его продают оптом и в розницу; дешево и крепко.

18 декабря

«De la musique avant toute chose»¹

Да, музыка, и опять о музыке, потому что музыка загадка – и хочется понять ее. Пишу по поводу 9-й симфонии; я ее услышал, и истинно рад, рад так же, как был рад, прочитав «Фауста». Такой музыки я еще никогда не слышал; в этой музыке совсем мало той «musique», которая «avant toute chose», о кото-

* Доктор и ничего более (лат.).

^{2*} Доктора наук (лат.).

^{3*} Истинный Фауст, который принялся разбирать себя на части (нем.).

^{4*} Дети Гётевского Фауста (нем.).

рой говорит Verlain; это музыка не красоты, а мысли, впечатления; здесь музыка не только поет, но и говорит, недаром наконец музыка не сдерживается и в финале начинает говорить голосом человека; в 9-й симфонии я первый раз понял силу музыки, силу непобедимую, силу неотвратимую. О чем говорит 9-я симфония? О победе над собою и о радости всех; симфония в конце концов только иллюстрация к «Lied der Freude»* Шиллера, в которую она в конце концов и прорывается: «Seid umschlungen Millionen»^{2*}; в конце концов, это скучно. Ведь сто или тысячу раз слышал я это предложение «umschlingen»; ведь это вода; Шиллер написал это стихами, какой-нибудь Сен-Симон научным трактатом... и, в конце концов, скучно; но вот написал Beethoven и я тоже готов кричать:

«Seid umschlungen Millionen».

Здесь такая радость, такой порыв, сознание исчезает, слышишь музыку и понимаешь и сам кричишь:

Душу Божьего творения
Радость вечная поит
Тайной силою брожения
Кубок жизни пламенит
Травку выманила к свету
В солнце хаос развила
И в пространствах, звездочету
Неподвластных разлила

Почему же музыка так сильна[?] Почему ничто не сильнее ее[?] В конце концов, музыка – упражнение в арифметике, но почему $2 \times 2 = 4$ скучно, а музыка сильна? Пока не знаю.

26 декабря

Еще по поводу вопроса «Фауст и Вагнер». Так кто же лучше? По-моему, несомненно и неизбежно Вагнер лучше. Что такое Фауст? Фауст, в конце концов, лишь сплошное противоречие. Я не знаю, хотел ли сделать Goethe Фауста именно таким, или сам в своем Фаусте запутался: «Zwei Seelen leben ach in meiner Brust¹»*. Пожалуй, это и можно принять как объяснение противоречий, но ведь, с другой стороны, основной первый монолог Фауста это сплошное логическое недоразумение. Разберу для примера этот монолог. Противоречие начинается почти с первых строк. Ведь из того, что:

«Da steh ich nun, ich armer Tor
Und bin so klug als wie zuvor»^{2*}

вовсе не следует, «dass wir nichts wissen können»^{3*}. Результат знания ясен Фаусту, он очевиден. «Mich plagen keine Skrupel, noch Zweifel, fürchte mich

* Ода к радости (нем.).

^{2*} Обнимитесь миллионы (нем.).

* Ах, две души живут в груди моей (Гёте И.В. Фауст. Ч. I. Сцена вторая. За городскими воротами / Пер. Н.А. Холодковского) (нем.).

^{2*} И не умней я стал в конце концов, чем прежде был... Глупец я из глупцов! (нем.) (Фауст. Ч. I. Сцена первая. Ночь / Пер. Н.А. Холодковского).

^{3*} Что не дано нам зная (нем.).

weder vor Hölle noch Teufel»^{4*}. Чего же больше надо? Ведь уж слишком большая и фундаментальная ошибка думать, что знанием можно «die Menschen zu bessern und zu bekehren»^{5*}. Беда Фауста (а, может быть, и самого Goethe) в том, что он забывает мудрый совет Шиллера «ты же к богине стремясь, женщины в ней не ищи». К чему, право, всякие «Philosophie, Juristerei und Medecin»^{6*}, когда все дело в том, что:

«Hab ich weder Gut, noch Geld
Noch Ehr und Herrlichkeit der Welt»^{7*}

Для какого черта понесло Фауста в науку, когда этого всего легче добиться сапожным ремеслом. Фауст не понимает науки, я скажу больше, просто Фауст не ученый. Разгадка всей природы Фауста не в «zwei Seelen»^{8*} (тут лишь только загадка), а в словах:

«Welch Schauspiel! aber ach ein Schauspiel nur» usw.^{9*}

Фаусту видите ли захотелось Brüste; об этом он, ведь, весь акт толкует. Но почтенный доктор забывает, что Wissenschaft только и только Schauspiel и только тем-то она и хороша. Goethe сам замечает, что «Ein jeder lebt's, nicht vielen ist's bekannt»^{10*}. Жить-то очень легко, а вот знать об этом не особенно легко. Фауст кончает свою жизнь, по Гёте, совершенно практически, роет каналы (к сожалению, не заводит себе законной Gretchen и не выводит молодых Фаустов). Вывод довольно не остроумный; вся шумиха, все фаустовское «Streben»^{11*} могло закончиться на первых же страницах, сбрось Фауст с себя свою докторскую мантию и не наймись в землекопы. Не к чему было и Мефистофиля тревожить, все бы обошлось тихо и спокойно. Фауст не ученый, вернее, неудавшейся ученый. Гёте слишком увеличил, окаррикатурил Фауста, дав ему глубоко философский ум и Streben, понравились ему некоторые черты в Фаусте, он их и преувеличил до невероятия. Точнее, к настоящему Фаусту подходят ну хотя бы теперешние «сознательные» рабочие. Вот Фауст, вот верные фотографии истинного Фауста, разошедшиеся в миллиардах экземпляров и ставшие пошлостью пошлостей, Фауст не понимает науки, он не ученый и «heisset sich Magister, heisset sich Doctor gar»^{12*} просто по недоразумению. А вот антитеза ему Вагнер, истинный ученый, истинный Magister Doctor scientiarum^{13*}. Конечно, Гёте окаррикатурил Wagner'a, но даже и в карикатуре он хорош. Вот он разговаривает с Фаустом:

^{4*} Пусть не страдаю от пустых сомнений, / Пусть не страшусь ни ада, ни чертей (нем.) (там же).

^{5*} Людей улучшить, научить (нем.).

^{6*} Философия, юриспруденция и медицина (нем.).

^{7*} ...я нищ: не ведаю, бедняк, / Ни почестей людских, ни разных благ (там же).

^{8*} В двух душах (нем.).

^{9*} Какое зрелище! но только зрелище и т.д. (нем.). (Фауст. Ч. I. Сцена первая. Ночь).

^{10*} Не каждый сознает, чем он живет (нем.). (Фауст. Ч. I. Театральный пролог. Пер. Б.Л. Пастернака).

^{11*} Стремление (нем.).

^{12*} Назвался магистром и даже доктором (нем.).

^{13*} Магистр, доктор наук (лат.).

«Ich hatte selbst oft grillenhafte Stunden
Doch solchen Trieb hab ich noch nie empfunden
Man sieht sich leicht an Wald und Feldern satt
Des Vogel's Fittich werd ich nie beneiden
Wie anders tragen uns die Geistesfreuden,
Von Buch zu Buch, von Blatt zu Blatt!
Da werden Winternächte hold und schön
Ein selig Leben wärmet alle Glieder
Und ach! entrollst du gar ein würdig Pergamen
So steigt der ganze Himmel zu dir nieder!^{14*}

Для Вагнера жизнь, радость только в науке; для Фауста в науке только одна радость – жизнь. Кто был Newton – Вагнер; кто был Галилей – Вагнер. Кто был Лобачевский – Вагнер. А фаустами кто был? Были многие, да имена их покоятся в Лете. Вагнер – это тип ученого, а Фауст – неуча в науке, а потому vivat Wagner и к черту фаустов.

31 декабря

Ну, вот он и кончился 1910 г., последние часы доживает. С чем же отпустить его в прошедшее, какой ярлык на него наклеить. Что это, год «неисполненных упований», или исполненных? не знаю. Ни одним днем в целом я не доволен, не было ни одного дня: все дни были лишь приготовлениями к дням, а не самим днем. Но в целом кое-что вышло. Получилась очень характерная кривая «борьбы» за освобождение от «жизни» в кавычках. Часто, ох очень часто «жизнь» побеждала, но в общем все-таки некоторая положительная величина, не потому, чтобы + больше, чем –, а просто потому, что – * не было, а были нули и плюсы. Не могу сказать, что feci quod potui^{2*} потому, что, очевидно, potui много больше, чем сделал, до цели я, очевидно, не дошел, и не только не дошел, но и часто с пути сбивался, но унывать я не намерен и не унываю; я на пути, а это главное, и потому левое плечо вперед и бегом марш по той же дороге. Новый год для меня не новый, а только продолжение, но ist genug, genug gesprochen ich bin schon in 1911^{3*} Jahre^{4*}.

^{14*} Хандрил и я частенько, без сомненья, / Но не испытывал подобного стремленья. / Ведь скоро надоест – в лесах, в полях блуждать... / Нет, что мне крылья и зачем быть птицей! / Ах, то ли дело поглощать / За томом том, страницу за страницей! / И ночи зимние так весело летят, / И сердце так приятно бьётся! / А если редкий мне пергамент попадетсЯ, / Я просто в небесах и бесконечно рад (нем.) / Пер. Н.А. Холодковского. (Фауст. Ч. I. Сцена вторая. За городскими воротами. Реплика Вагнера).

* Следует читать: минусов.

^{2*} Я сделал, что мог (*лат.*).

^{3*} Так у С.И. Вавилова. Надо: 1910.

^{4*} Довольно, довольно я наговорил уже в 1910 году (*нем.*).

«Ich hatte selbst oft grillenhafte Stunden,
 Doch solchen Trieb hab' ich noch nie empfunden.
 Man sieht sich leicht an Wald und Felde[г]n satt[;]
 Das* Vogels Fittig werd' ich nie beneiden.
 Wie anders tragen uns die Geistesfreuden,
 Von Buch zu Buch, von^{2*} Blatt zu Blatt!
 Da werden Winternächte hold und schön,
 Ein selig Leben wärmet alle Glieder,
 Und ach! entrollst du gar ein würdig Pergamen[;]
 So steigt der ganze Himmel zu dir nieder[!«]

Faust
 (Wagner's Worte)^{3*}
 1 января 1911 г.
 1 ч. ночи

1 января

«Von Buch zu Buch, von Blatt zu Blatt» этими строками начинаю я новый год, здесь заключены все мои желания и стремления; большего я не хочу. Жизнь... она пойдет своим чередом, будет свершать свое «vorgeschriebne Reise»* и моим желаниям в этой области делать нечего. Зачем разводить новые виноградники и делать новое вино, когда подвалы ломятся от накопленных веками сосудов с благовонными тончайшими вековыми винами; библиотеки полны, они необъятны, необъятнее, чем сама жизнь; зачем я стану тянуть противное, мутное, не перебродившее сусло, когда я хозяин несметного богатства. Вагнер истинный гурман, понимающий, что «ein würdig Pergamen»^{2*}

* В дневнике ошибочно «des» вместо «das».

^{2*} В дневнике ошибочно «vom» вместо «von».

^{3*} «Хандрил и я частенько, без сомненья,
 Но не испытывал подобного стремленья.
 Ведь скоро надоест – в лесах, в полях блуждать...
 Нет, что мне крылья и зачем быть птицей!
 Ах, то ли дело поглощать
 За томом том, страницу за страницей!
 И ночи зимние так весело летят,
 И сердце так приятно бьётся!
 А если редкий мне пергамент попадетсЯ,
 Я просто в небесах и бесконечно рад».

Фауст

(Слова Вагнера) // *Гёте И.В.* Фауст. Ч. I. Сцена вторая. За городскими воротами / Пер. Н. Холодковского.

* «Вышеописанное путешествие» (*нем.*). В оригинале ошибочно «vorgeschriebene» // *Гёте И.В.* Фауст. Пролог на небесах; в пер. Н. Холодковского: «Течет предписанным путем».

^{2*} «Почтенный пергамент» (*нем.*) // *Гёте И.В.* Фауст, сцена 2; в пер. Н. Холодковского: «Редкий пергамент».

куда интереснее какой-нибудь Гретхен. Фауста потянуло с шампанского на воду, но он «immer strebt»^{3*}, а потому кончает не водой, а баварским квасом; после воды и это хорошо, и Фауст даже до того обрадовался, что крикнул свое «Verweile doch, du bist so schön»^{4*}. Вагнер, конечно, умнее Фауста. Но я увлекся, вернусь опять к новому году. Итак, мои пожелания исключительно в области книг[:] 1) желаю сделаться, насколько возможно основательнее, физиком[:;] 2) желаю постигнуть языки, так, чтобы к январю 1912 г. читать без лексиконов на 3-х языках. Этого и довольно, остальное приложится. Мое вино пусть по-прежнему сопровождается закуской искусства; искусство очень милый компаньон науки, науке не мешающий и науку украшающий.

5 января

О хаосе и о порядке. Что такое хаос? Понимать что ли под ним библейское: «земля была неустроена и Дух Божий носился над водами». Или полагать с Кантом и Laplace'ом, что хаос – это первобытная туманность? Я уже в самом заглавии отметил, что хаос – противоположность порядку, беспорядок. Но вот тут-то и загвоздка, во-первых, никто, в сущности, не представляет себе ясно, что такое беспорядок, а, во-вторых, никто под хаосом истинного беспорядка не подразумевает. Правда «писатели» и «поэты» при случае говорят о «хаотическом беспорядке», что де в комнате у «него» был хаотический беспорядок или что волосы «ее» были в хаотическом беспорядке. Но у меня сейчас речь не о прическах, а потому поэтический «хаос» отложим в сторону. Итак, что же такое беспорядок. Говорят, что молекулы газа находятся в беспорядочном движении, или вот Кант говорит о первичном, «туманном», «небулезном»¹ беспорядке. Конечно, все это полнейший произвол; почему движения земли – порядок, а движение молекулы беспорядок. Слишком уж неосновательный критерий – сложность явления. По-моему, и к этому-то я все и веду, беспорядок – беззаконие, красивей выражаясь, – чудо. По-моему, безвидная и неустроенная земля – именно порядок, закон, и вмешательство Духа Божьего, творение им рыб и птиц, разделение земли на море и сушу именно и есть хаос, беззаконие, беспорядок, чудо. Попробую вообразить себе полный хаос. Это было бы вот что: 1) закон тождества бы исчез[:;] 2) закон непроницаемости также... но, ей-Богу, дальше не могу, одним словом, «плюй на все и торжествуй». Хаос, безусловно, невообразим. Остановлюсь лишь на одной детали, по поводу которой я, собственно, и начал говорить о хаосе. Если бы времени не было, хаос был бы невозможен. Неизбежное условие хаоса [-] время. Ничто хаотическое немыслимо в данный момент. Беспорядок – нарушение порядка, нарушение бывшего уже случая, а это, очевидно, возможно только во времени. В этом интереснейшем обстоятельстве, думается мне, лежит некоторый просвет в область решения о т[а]к наз[ываемых] «законах природы». Эти законы неизбежны и если объяснимы, то в свою очередь «законами». Если дано пространство и время, то хаос, мысленно, возможен; если дано только пространство, а мысленно это возможно, то хаос невозможен; «законы» очевидны. Итак, решение вопроса о «законах природы», может быть, таится в вопросе о «Raumzeitsystem»*. Я этим вопросиком займусь на свободе.

^{3*} «Всегда стремится» (нем.).

^{4*} «Остановись, мгновенье, ты прекрасно» (нем.).

* Система пространства и времени (нем.).

12 января

Сегодня кончил читать самую старинную книгу о Фаусте, изд[ание] 1587 г[ода]¹. Меня Фауст занимает более всяких Гамлетов, Дон-Жуанов, Дон-Кихотов и т.д., т[а]к называемых «мировых типов*». Фауст – это ученый, и именно единственно как над ученым над ним должны производиться различные литературные эксперименты. Экспериментов этих производилось целыми десятками и Goethe, и Lessing, и Klinger, и Пушкин и т.д. Многие из этих экспериментов я еще не знаю (но надеюсь узнать), а тем, что знаю, в общем не доволен. Говорю, конечно, главным образом о Гёте. Гёте слишком немец, чтобы понять Фауста, он ходит вокруг, нащупывает, иногда открывает гениальные прозоры; но в общем его Фауст в конце концов сбивается на Маргариту, Елену, прорывание каналов и прочую чепуху. Его Фауст – это ученый, неведомо почему свихнувшийся с дороги науки и устремившийся в жизнь за разными «Abenteuer'ами»^{2*}, подобные же Abenteuer'ы мог бы свободно проделывать и Дон Жуан (да у А. Толстого² он, кажется, их и проделывает), Дон Кихот etc. В гётевском Фаусте нет главного, фаустовской специфичности, его Фауст только «der Mensch, der immer strebt»^{3*}. Пушкин «Фауста», конечно, написать не мог, уж слишком он сам-то был далек от фаустовства. Его сцена только великолепное приложение к гётевскому «Фаусту». Истинный Фауст вот кто: «er na[h]m an sich Adlers flügel, wollte alle Grund am Himmel und Erde erforschen»^{4*}, как пишет о нем первоисточник. Фауст проводит свое время с чертями и бросается в магию не потому, что он «проклял знания ложный свет»³, а как раз наоборот, потому, что в магии-то этого света он и ищет. Уж вовсе не из-за «жизни» он связался с Мефистофелесом^{5*}, а если у него и есть приключения, пирушки и т.д., так ведь все это дьяволы «штуки», «искушения». Фауст расспрашивает своего черта об устройстве мира, ездит на нем удостовериться самолично, все ли так обстоит на небе, как говорит теория (эта деталь интереснейшая), сочиняет календарь и т.д. Истинный Фауст – истинный ученый, и, увидав своего гётевского однофамильца, он, наверное, покачал бы только укоризненно головою. Мы имеем великого исторического Фауста, Леонардо да Винчи, вот с кого надо писать Фауста. Ученый и художник, всегда зеркало и никогда жизнь. Великое отчуждение от жизни к книге, вселенной или картине – вот неизбежная черта Фауста. Повторяю, пока, кажется, ни один поэт не понял Фауста, не создал его (как создал Дон Жуана, Гамлета и Дон Кихота). Но Фауста создала жизнь и создала слишком en grand^{6*}. И, пожалуй, лучшим Фаустом из написанных является «Леонардо» Мережковского⁴. Но пока ist genug^{7*}, тема неисчерпаемая...

* В оригинале ошибочно «типах».

^{2*} Приключениями (нем.).

^{3*} «Человек, который всегда стремится» (нем.).

^{4*} Он взял себе орлиные крылья, желая до основания исследовать все на небе и земле (Цит. из книги неизвестного автора «Historia von D. Johann Fausten». 1587).

^{5*} Так в оригинале; это калька с нем. яз.

^{6*} В крупном масштабе (фр.).

^{7*} Достаточно (нем.).

20 января

(У меня неудача и заключается она в первых двух слогах этого слова).

В чем существо науки? Что можно назвать наукой и чего нельзя? Это вопросик чрезвычайно запутанный и перепутанный. Если я прочту стихотворение, увижу Аполлона Бельведерского, то я увижу и услышу искусство, искусство передо мною (хотя, конечно, не надо забывать, что всегда искусство – только искусство, т.е. предполагает искусного человека). Относительно науки этого сделать невозможно. Что такое наука? Знание? Познавание? Кто в ней существеннее [–] объект или субъект? Являются ли факты «Волга вливается в Каспийское море», а «человек не об двух головах, а об двух ногах» наукой, или нет? Я как-то сравнивал науку с зеркалом и задавался вопросом, что важнее для нас «Зеркало или изображение в зеркале». Теперь я и к этой формулировке должен внести поправку. В том-то и дело, что и того, что наука – зеркало, мы не знаем. «Наука сокращает нам опыты быстротекущей жизни»¹. Очень хорошо, но ведь это все равно, что сказать: для живописи потребны краски, полотно, кисть и художник. Это определение, как и вся маховская экономия, больше вышеприведенного сравнения ничего не дает. Являются ли разные ученые институты, университеты, лаборатории и ученые, в них работающие – наукой? Не есть ли, наконец, любая библиотека – наука? Я в прошлом году как-то написал на тему двестишестидесяти А. Нахимова:

«Коль ум – небесный огонь, печь – наша голова,
Что ж наши знания? Солома и дрова».

Я этим стихотворением обиделся и переделал его таким образом:

«Коли наука – огонь, печь [–] наша голова
Что ж разум нам? Солома и дрова».

Теперь я с этим не согласен, я сделал бы *

...нет, наука существует в людях, а не в человеке, и потому уж она не есть что-то только идейное. Да, наука, в конце концов, какой-то неуловимый призрак. Ведь вот (возвращаюсь опять к «зеркалу») вопрос-то: я спрашивал прежде, что такое наука, зеркало, или отражение в нем, а теперь я сомневаюсь, что без отражения-то возможно это самое зеркало, или нет. В остальном параллель можно провести очень широко и глубоко: ложная наука – кривое зеркало, гипотезы – разные полировки зеркала и т.д. Но вот в вопросе-то, существует ли это зеркало без изображения, в нем и заковычка. Искусство без произведения искусства – Unmöglichkeit^{2*}, ну а наука? Не знаю.^{3*}

* Далее низ страницы на высоту примерно 5 строк оторван, вдоль неровного отрыва удастся еще прочесть «... ошибку, при...».

^{2*} Невозможность (нем.).

^{3*} Далее низ страницы на высоту примерно 5 строк оторван, после отрыва на следующем листе следует слово «случая».

16 февраля

Я сейчас в странном положении самого неустойчивого равновесия, каждую минуту я могу пойти направо, налево, вознестись на небо или провалиться к черту на кулички: я совсем запутался и заблудился; почва, та точка, за которую я держусь руками и ногами, т.е. университет, сейчас находится в каком-то бешеном танце, студенты разбежались, профессора разбегаются¹. От науки я как-то совсем отстаю, читаю много, но больше беллетристики и в этом роде (старый грех), занятия немецким отвлекают от всего другого, я хожу по театрам, концертам и гостям. Уединения я почти не знаю. Дом стал каким-то porto-franco* [-] поминутно ходят Генаши, мамыши, братцы и сестрицы, чай, обеды u.s.w.^{2*}, разговоры; исчезает «мудрое одиночество». Ужасно и то, что наряду с этим исчезновением одиночества не появляется «истинного друга», моей заветной мечты. Одиночество исчезает, дружба нет, и есть только нелепое «porto-franco», а оно-то и есть фермент разложения. Исчезает глубина взгляда и мысли, я как-то сшлифовываюсь и делаюсь плоским; если работаю, то как-то по инерции, а без внутренних толчков; нет сопротивления [-] я учусь по-немецки, готовлюсь к экзамену, читаю и пр[очее], есть сопротивление – и эта «инерционная» деятельность исчезает, я останавливаюсь. А толчков, внутренней работы нет, как нет, нет поворотов, нету **силы**. И вот в это-то инерционное состояние врывается неустойчивое равновесие, я теряю голову, не знаю, что делать: мечтаю о Берлине, о писании «Фауста», строю замки воздушные et non plus ultra^{3*}. Передо мною стоит портрет Великого Петра: Боже мой! когда же я-то сделаюсь Петром для самого себя. Я погружаюсь в nirvanу: в старину, в искусство, а нужна наука, она единая. Я люблю ее, все остальное сор и мишура перед нею, я молюсь ей, но не вхожу в нее. «Доколь же, доколь». О, явись sancta «vis motricis impressa»^{4*}, помоги inertiae^{5*}.

20 февраля

Как ни живи – жизнь проживется
Как ткань ни тки – нить оборвется

Жизнь себе строю, ломаю, боюсь
Жизни одной, а не смерти боюсь

Смерть окончанье – жизнь есть работа
Смерть беззаботность – жизнь есть забота

Я архитектор? Иль кирпичи я
Повар иль блин у вселенской печи я

* Порто-франко, историческое название портовых свободных таможенных зон; буквально – свободный порт (*ит.*).

^{2*} Und so weiter – и так далее (*нем.*).

^{3*} Дальше некуда; крайний, высший предел (*лат.*).

^{4*} Святая «запечатленная движущая сила» (*лат.*).

^{5*} Инерции (*лат.*); у С.И. Вавилова – «inertria».

Если я – блин, до меня мне нет дел.
Если я – повар, чтоб блин не сгорел
Я наблюдаю

Это все проблемы, проблемы занятные. Но к этим проблемам можно еще приложить одну: может ли блин сделаться поваром и повар блином, кирпич архитектором и архитектор кирпичом. Если сие возможно, то проблемы довольно просто разрешаются. Может дело и так обстоять, что кирпич вообразит себя архитектором или блин поваром. Воображение [–] штука опасная, возможна не только *mania grandiosa**, а и наоборот, т.е. возможно, что повар на масленице вообразит себя блином, а архитектор себя кирпичом. Итак, число возможностей умножается и проблемы весьма запутываются. Мораль сей басни такова:

Чем тратить попусту слова
Примись-ка брат за дело.

4 марта

Я читаю сейчас Пушкина, читаю основательно, хочу его постигнуть, как постиг Толстого, хочу найти формулу, сущность Пушкина; меня занимает довольно странный вопрос: Пушкин и наука... Да, это именно так, я знаю, что всю жизнь буду я под действием двух полюсов «зеркального» существования: наукой и Пушкиным. Сейчас читал «Памятник» и натолкнулся на ранее мною не замеченную деталь:

И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.

Пушкин поэт и истинный поэт, т.е. сказавший своими стихами то, что не поэты не скажут, не могут сказать, да и не поймут. Пушкин славен «доколе жив будет хоть один пиит». Если пиита не будет, умрет и Пушкин. Пушкинская поэзия – не проза в стихах, Пушкин не «стихоткач», Пушкин – пиит. Пушкин идеал поэта, все эти Гёте, Шекспиры и Некрасовы поэты «между прочим», у Пушкина остальное «между прочим». Драма Пушкина, драма жизни и поэзии.

Я пока еще ничто, а ношу форму чего-то; быть ничем я могу, а казаться – не в силах. Но я не ворона в павлиньих перьях, а скорее павлинье чучело, ожидающееся павлиньей души.

Лорд Kelvin объясняет гипотезу неразрушимости, стойкости атома, вихреобразными движениями среды; но всякое *discretum** объяснило бы это лучше (т.е. не лучше, а проще и изящнее). С помощью вращающегося *discretum* можно объяснить к[а]к[ую] угодно степень твердости, кроме того, одно вращающееся *discretum* может для каких угодно воспринимающих инструментов

* Мания величия (лат.).

* Дискретность (лат.).

представлять 1) идеальное *kontinuität*^{2*} и 2) многообразное «*discontinuatät*»^{3*}; атом в движении может явиться 1) атомом 2) средой непрерывной 3) средой прерывной. Все зависит от скорости движения этого атома. Атом с бесконечной скоростью и с бес[онечным] числом степеней свободы может представить нам бесконечную вселенную бесконечной твердости. Атом, вращающийся с конечной, но большой скоростью, мог бы служить моделью (с некоторыми ограничениями) нашей вселенной. Во всяком случае движущийся (или еще лучше в частном случае вращающийся) атом очень серьезная и остроумная вещь. *Da mihi individuum et motio et mundus creabo*^{4*}. Дайте этому атому еще некоторый «дух», так, право, я берусь всю бес[онечно] великую вселенную объяснить движением одного^{5*} бес[конечно] малого атома. Это не так трудно и, право, можно послать к черту всю физику, если бы был уверен в существовании б[есконечно] м[алого] чертика с свободой воли (остальное дано в первом законе Ньютона, к нему нужна маленькая поправка в виде нового 2-го закона, вводящего вместо *vis imp[ri]essa vis intellecta*^{6*}, ну, там, чертика *Deus' a*^{7*} или что-либо подобное).

13 марта

Вчера мне исполнилось 20 лет. Третью жизни, по крайней мере, прожита. До поставленной мною цели – «ученого» в эти 20 лет я еще далеко не достиг, все еще в тумане и иногда бывают даже сомнения, достигну ли когда-нибудь. Последние два года я несомненно поворачиваю и даже довольно круто поворачиваю кривую моей жизни. В сущности я всегда был частью поэтом, мечтателем, философом или ученым. Это я помню отлично. Теперь задача в том, чтоб сделаться ученым всецело, всецело уйти в область «зеркальности». Этот и будущий год для меня во многом решающий. Может очень многое преобразиться. Настроен я сейчас пессимистически, но стараюсь самому себе не верить.

24 марта

«Человеку непокорно
Море синее одно
И свободно, и просторно
И приветливо оно;
И лица не изменила
С дня в который Аполлон
Поднял вечное светило
В первый раз на небосклон»¹.

«Небо Италии, небо Торквата
Прах поэтический древнего Рима
Родина неги славой богата
Будешь ли некогда мною ты зрима?
Рвется душа, нетерпеньем объята,

^{2*} Непрерывность (*нем.*).

^{3*} Прерывность (*нем.*).

^{4*} Дай мне индивидуальное и я создам движение и мир (*лат.*).

^{5*} Слово вписано над строкой.

^{6*} Вместо силы давления силу теоретическую (*лат.*).

^{7*} Бога (*лат.*).

К гордым остаткам падшего Рима
Снятся мне долы, леса благовонны
Снятся упавших чертогов колонны!»²

Баратынский во многом антитеза Пушкину. Если бы я был поэтом, я был бы Баратынским. Пушкин – поэт отражающий, Баратынский – поэт преломляющий. Вся философия Пушкина – поэзия, вся поэзия Баратынского – философия. «Твори прекрасное и пусть другие ломают над ним голову», – коротко и ясно сказал Баратынский Пушкину. Сам же свою поэзию он рассматривал «философически».

Я не люблю людей настоящего и боготворю людей прошлого.

Море и Рим – вот мои два пограничные столба; стихия и красота, науки и искусство.

Никто лучше Баратынского моря, силы его, силы непобедимой и неотвратимой не понял.

А все-таки море не наука, хотя Рим и искусство; море – стихия, но не символ науки.

Кто царь? Наука или искусство; наука вмещает в себя искусство, но и искусство науку и не только в смысле:

«не продается вдохновенье,
но можно рукопись продать»,
а в самом глубоком.

Вот эта самая «рукопись»-то и есть «море» по отношению к науке.

3 апреля

Всех смертных ждет судьба одна:
Всех чередом поглотит Лета
И философа болтуна
И длинноусого корнета
И в молдованке шалуна
И в рубище Анахорета
Познай же цену срочных дней
Лови пролетное мгновенье!
Исчезнет жизни сновиденье
Кто был счастливей, был умней¹

Собственно, дело не в «Лете», черт с нею, хорошо там, где нас нет, или нехорошо [–] ganz egal*. Дело в том, что вот по Баратынскому «Кто был

* Совершенно без разницы (нем.), у Вавилова ошибочно «egale».

счастливей, был умней». Я последнее время собою недоволен весьма. Собственно, это недовольство начинается с августа. Я в себе разочаровываюсь. Но собою-то я давно очаровался и разочаровываться не думаю. Мир весьма хорош и вся моя задача [–] побольше попользоваться миром. Ну-с, а инструмент иногда работать отказывается. Вот тут-то дело и дошло до Баратынского. Он говорит, кто был счастливей – был умней, а по-моему, так кто был умней – тот был счастливей (расширяю понятие умный в пределы понятия «науки»). У меня бывают счастливые ми[нуты]^{2*}

{...}

людей, т.е. точнее «не уважать» людей (живых людей, а не «человечество»), это значит быть индивидуалистом, т.е., заменяя это дрянное и засаленное слово, просто быть «самим собою». Презирать людей – это не то чтобы находить их порочными и дурными, совсем нет, презирать, это просто ставить ниже себя. Для меня особенно понятны пушкинские строки, я органически не могу иметь друга, если я говорю с кем[-то], то слова мои почти чужие, я «не уважаю» ни одного живущего человека, хотя преклоняюсь перед умершими. Я вовсе не пророк и не адвокат этого моего «индивидуализма», он-то и есть моя страшнейшая язва, из него-то и вытекают мои иногда почти фатальные неудачи. Не согласен с Пушкиным, что только «кто жил и мыслил»² презирает людей, по-моему, эти^{3*} «жизнь и мысль» совсем с «презрением» не вяжутся. «Презрение» [–] это просто врожденно чувствовать себя островом среди океана, штука весьма неприятная.

26 апреля

Боже мой, оглянулся я на себя сегодня и ужаснулся. Что я делаю, как я развинтился. Чтение романов, ~~к~~ книжки по искусству, лень и все (готовлюсь еще чуть-чуть к экзаменам). А где же наука-то, а следа ее нет; я это знаю, давно знаю, но ничего, ничего не делаю. Каждый день я собираюсь начинать, откладываю на другой день и не делаю ничего. Да ведь это не слова же и не словами тут поможешь. А время летит, летит невозвратно. Что делать? Не что, а просто «делать», в этом и ответ. Да наука ли мой Бог, не слишком ли моя любовь к ней платонична. О Боже, время идет, еще месяц, два и я опоздал. Что я без науки, я связал себя с нею, а она со мною связываться не хочет. К черту все эти романы и искусства, это яд, медленный, но страшный. Ведь надо же опомниться, я 6-й год ною. О, как желал бы я через недельку или две воскликнуть с Пушкиным:

Познал я тихий труд и жажду размышлений[.]
Владею днем моим; с порядком дружен ум[;]
Учусь удерживать вниманье долгих дум¹

[Ни] покоя я не знаю, ни «тихого труда», нет у меня «жажды размышлений», днем моим я не владею абсолютно. Каждый день мой – потерянный; ум мой в беспорядке и ни на чем сосредоточиться не может. Я хотел быть, ~~но~~ но, Боже мой, я ниже середины, я утопающий и с каждым днем все ниже и ниже. Когда же, наконец, придет день избавления, я сдела[ю]сь физиком

^{2*} Далее в дневнике отсутствует лист или несколько листов.

^{3*} Слово «эти» вписано вместо зачеркнутого «и».

и умным. Не до шуток, право, страшно. Пять лет толчения на месте, когда ясно, что чего-то хочу и к чему-то стремлюсь. Ох, уж эти Гамлеты и поросята гамлетезированные; пожалуй – выдрать, и вылечимся.

16 мая

Я сейчас собою доволен и по самой простой причине: сдал два экзамена. Последние недели две я работал, и если у меня хватит силы действовать в этом же направлении летом, то я буду собой доволен вполне. На очереди три большие задачи 1) физика, 2) языки и 3) освобождение от всякого рода белиберды. Надо только всем существом почувствовать необходимость. В эти две недели я сумел вполне правильно и целесообразно распределить время, т[а]к что при довольно усиленной работе мне хватило времени на Пушкина, Goethe u.s.w. Лето для меня начинается довольно странно, ничего определенного или ясного впереди; это довольно скверно, потому что, следовательно, все будет зависеть от попутного ветра, а ветер-то этот довольно неприятного свойства обыкновенно. Во всяком случае, не унываю.

5 июня

Время разговоров у меня, к[а]к кажется, начинает проходить. Дело приближается к серьезному. Будущий университетский год для меня «пан или пропал». Оглядываюсь на себя, на то, что сделано и что еще надо сделать, и ужасаюсь. В два года университетского ученья сдано 6 экзаменов... и дальше, кажется, ничего; учиться, работать я не научился и учусь только теперь. Эти два года физика моя стояла почти абсолютно. В школе и то я, кажется, работал больше. Вся моя наука за эти два года сводилась к тому, что я смог

«Без принужденья в разговоре
Коснуться до всего слегка;
С ученым видом знатока
Хранить молчанье в важном споре»¹.

Этот Aussehen* сохраняю я и теперь, и теперь держу себя всегда так, что как будто во мне хранятся ключи и реки знания. Моя физика в самом лучшем случае до сих пор была «хаоса бытность довременна»². Сейчас я нахожусь в т[а]к[ой] среде, что поминутно слышу фразы об оставлениях при университете, о профессорах и пр. Меня и зависть и досада гложет. Что-то со мною будет. Gott weiss^{2*}, а я знаю только то, что без науки мне одна дорога либо в литературу, либо в Аид. Как бы хорошо сейчас освободиться от лишнего груза, приставшего за 20 лет бытия, и оставить только физику. Я чувствую, что сделать лично едва ли что в силах, я отдаюсь течению. Куда-то оно меня вынесет?

20 июня

Ну да, вот оно и вынесло, я еду за границу на 3 недели; для чего, никто не знает, тем менее я сам; подул ветер – я и полетел, еду опять с Ев[сеичем], что, конечно, во всей поездке самое неприятное. Что вынесу из этого опять

* (внешний) вид, наружность; видимость (нем.).

^{2*} Бог знает (нем.).

à vol d'oiseau* путешествия, не знаю. Но, однако, was angefangen ist man muss vollenden^{2*}. А у меня только было начала налаживаться физика. Неудачный, кажется, я человек. Такие не особенно веселые перспективы грядущего путешествия рисуются сейчас передо мною. Уж не за[п]еть бы мне:

«Годы за годами проходят года,
Погиб я, мальчишка, погиб навсегда»¹.

Посмотрим.

15 июля

Ну вот, я опять в Москве. Путешествие на этот раз прошло к[а]к-то особенно мимолетно и незаметно. Впечатление осталось только от Парижа. Я этот раз был к[а]к-то особенно равнодушен и бесчувствен ко всему. Главная беда, как я и ожидал, оказался Евс[еич]. Надо же мне понять, что весь смысл и удовольствие путешествия – остаться наедине с самим собой. Тут же кроме шаблонных восхищений и неудовольствий ничего не было. Евс[еич] – плоскость абсолютная, об этом я уже, кажется, писал. Дело-то все в том, что

1) в одну телегу впречь не можно
коня и трепетную лань¹,

а 2) лично для меня не можно впречь и двух коней в телегу. Я хочу быть один. Только наедине я сила, я могу мыслить, могу жить к[а]к я хочу. Во все время путешествия мысли мои вертелись вокруг темы «одиночества». Самое сильное, что осталось от путешествия, – это леонардовская «Джиаконда». Вот чудо из чудес, картина – книга, которую можно читать часами. Я стоял перед нею больше получаса, простоял бы и больше, если бы было можно. Лицо Джиаконды – лицо идеального ученого; это такое безбрежное спокойствие духа. Такой ум и бодрость, о которых можно только мечтать. Эта странная улыбка, вовсе она не «ядовитая», как говорят, нет, это просто улыбка спокойствия, невозмутимости и ума. Как высоко стоит Джиаконда над миром, как она одинока, как она счастлива. Джиаконда – это дух истинной науки, и я стоял перед ней и думал о себе, мечтал, раскаивался, строил планы. Смотри на нее, читай, и ты найдешь свою истинную дорогу. Стоит ли говорить о том, что все картины, все эти Рафаэли и Рембрандты показались просто картинками, виньетками перед великим чудом Леонардо. Что думает Джиаконда? Не знаю, но как она думает, я знаю. Я дал бы ее лицо Ньютону или Максвеллу. И одиночество, ах, это одиночество. Разве можно смотреть Джиаконду вдвоем или втроем. С ней надо быть глаз на глаз, иначе ее не поймешь. Я сбегал от моих компаньонов и долго стоял перед Джиакондой. После Джиаконды мне не хотелось ничего другого. Я нашел, дорога найдена, наука, наука, Sancta scientia*. Скорее домой, к книгам, бумаге и карандашу. Все эти Брюссели, Ан[т]верпены, Гааги и Амстердамы прошли незаметно, я на них и не смотрел. Теперь я дома и сел за книги.

* С высоты птичьего полета (фр.).

^{2*} Коли попался, надо довести до конца (нем.)

* Святая наука (лат.).

28 июля и 29 июля

Как-то тут, на днях, гуляя по лесу и «любуюсь красотой вечерних пейзажей», начал сравнивать живопись и науку. Я беру живопись, без всякого эстетического элемента, не саму по себе, а как «etwas darstellendes»*. Сходство науки и живописи, конечно, самоочевидное, то и другое перевод с действительности. Если эту самую действительность представлять себе, как, положим, стихотворение, то наука будет точным переводом, т[а]к сказать, подстрочником (при том подстрочником хорошим, где каждое слово объяснено, выведены законы образования предложений u.s.w.), живопись будет переводом в стихах, тем же размером, с сохранением соответствующих аллитераций u.s.w. Но дело не в том, а вот в чем. Живопись в своем переводе почти абсолютно свободна, наука же абсолютно связана. В живописи творчество вполне возможно, в науке же оно невозможно совершенно (я, конечно, не говорю о творчестве методическом). Вот тут и ist der Hund begraben^{2*}. Уж очень много с этим связано. Я думал раньше, что наука и природа – вещи разные, что наука есть что-то совершенно самостоятельное, творческое. Вопрос колоссальной важности, возможно ли свести науку к математике, – связан с вопросом о связанности науки всецело. Я не говорю о логике (хотя в конце можно бы было и о логике заговорить). Положим, что логика, *conditio sine qua non est*^{3*}. Положим, что такие же *conditii* будут пространство и время. Кроме геометрии и кинематики мы ничего не создадим и не поймем; в физике и механике (а тем более в других науках) есть всегда что-то третье. Дайте мне массу, я создам механику. Все науки – этим третьим обусловлены. Творчество возможно только в геометрии и кинематике («задачи»), здесь мы свободны в выборе вида функции. В динамике же, положим, мы уже совершенно несвободны. Если мы и задаемся задачками вроде определения траектории тела с массой m , движущегося под влиянием отталкивания массой m' по формуле $\frac{mm'}{r^5}$, то в конце концов это окажется просто даже логическим абсурдом. Итак, присутствие этого «третьего» «данного», этого «положим» делает невозможным сведение всякой науки к математике. Математика может дать нам три реальные величины: время, пространство и скорость, s , t , $\frac{s}{t}$ (не говорю пока ничего о принципе относительности, который и эти величины ограничил действительностью). Ученому приходится черпать в природе, а не в голове своей материал. Отсюда необходимость экспериментальной науки. Я еще не разобрал вопроса, неизбежна ли наука, т.е. можно ли выдумать какую-либо другую науку (т.е. провести ее строго логически): но пока довольно и этого; тема чрезвычайно интересная и над ней подумаю еще. С этой темой, если угодно, можно связать Бога, целесообразность u.s.w. aber jetzt genug^{4*}.

* Нечто изобразительное (нем.)

^{2*} Собака зарыта (нем.); загвоздка.

^{3*} Есть неперемное условие; правильно: *condicio* (лат.).

^{4*} И так далее, но теперь достаточно (нем.).

11 августа

Джиаконда похищена¹. А что если похитителю придет в голову сжечь картину или что-нибудь вроде этого. Ведь девятой симфонии-то уж люди не лишатся, не лишатся они и Фауста и «Principia mathematica»*, а вот Джиаконды могут лишиться. Гибель Джиаконды была бы не гибелью картины, а просто гибелью гения, смертью Ньютона, Пушкина. Джиаконда вовсе не картина, это живое существо, к которому можно пойти, беседовать, коротать дни и ночи. Репродукции, копии с Джиаконды – это то же, что фотографии с живого человека (не с картины). Странная вещь Джиакон[д]а, странная картина; с формальной, внешней стороны в ней все направлено к уничтожению эффекта картины. Ее колорит темно-зелено-желто-синий, вернее, отсутствие всякого колорита, его цель – убить всякую мысль о краске; никаких ассоциаций не возникает в голове при взгляде на нее. Перед вами какой-то молчаливо красноречивый человек, с которым можно вести бесконечную беседу. Впечатление от Джиаконды напоминает впечатление от Quasi una fantasia^{2*} или баховских произведений. В ней нет ничего определенного, спокойствие и ум. На этом лице, открытом, как море, нет островов, и по безбрежному океану мысли можно нестись куда угодно. В ней вас не волнует ни красота, ни ужас. Джиаконда – высшее счастье человеческое, nirvana, наука, спокойствие, равнодушие и размышление. К Джиаконде можно было ходить отдыхать, это был приют от не[в]згод жизни; теперь, быть может, этот приют исчез навсегда.

4 сентября

Я сейчас в самом панпропалствующем положении, у самого что ни на есть Wendepunkt'a* нахожусь. 2-го сдал механику (собирался, но, по-видимому, сдавать не буду физику). Мне надо выходить на настоящую дорогу. Wendepunkt-то уж очень осязательный, недели через 3 поворот должен произойти unentbehrlich^{2*}. Поворот очевидный, конечно, к науке. Надо бросить под печку поэзию, а браться за науку. По самым моим скромным планам должен я прочесть grundsätzlich^{3*} след[ующие] книжки: 1) Wood Physical optics, 2) Drude Lehrbuch d[er] Optik, 3) Planck Wärmestrahlung, 4) Valentiner Vektoranalysis, 5) Starke Elektrizität^{4*}, 6) Эйхенвальд Электричество. Все это почти необходимо. Кроме того, немецкий и английский языки и книжное занятие французским и (авось!) итальянским наверх. В университете^{5*} необходимо попасть в какую-нибудь лабораторию и заняться диффер[енциальными] уравнениями и теорией вероятностей. Это все необходимо, ну а неизбежно будут концерты, театры, Генаша, поэты и пр[очее]. Хорошо бы, если [бы] необходимость перетянула неизбежность. Попробуем.

* «Начала математики» (лат.). Имеется в виду книга И. Ньютона «Математические начала натуральной философии» («Philosophiae naturalis principia mathematica»).

^{2*} Как бы фантазия (ит.).

* Поворотный пункт (нем.).

^{2*} Необходимый (нем.).

^{3*} Принципиальный [о] (нем.).

^{4*} Вуд [Р.] Физическая оптика (англ.), Друде [П.] Учебник по оптике (нем.), Планк [М.] Тепловое излучение (нем.), Валентинер [З.] Векторный анализ (нем.), Штарк [Й.] Электричество (нем.).

^{5*} Слова «В университете» вписаны над строкой.

12 сентября

Тут убили Столыпина¹, но для меня это прошлогодний снег, гораздо важнее и досаднее для меня, что вот получил из-за пустейшего пустяка 4 по физике.

Наука, кроме того, что она наука, т.е. знание, есть настроение, а это научное настроение (самое хорошее, что есть в науке) удивительно как портят все эти Столыпины, Кассо, Станкевичи [...] и четверки.

Я, впрочем, не унываю, а уповаю.

21 октября

«Косматый баловень природы
И математик и поэт,
Буян задумчивый и важный
Хирург, юрист, физиолог,
Идеолог и филолог
Короче вам – студент присяжный»¹

На тему о студентах вообще и, следовательно, о себе самом в частности. Прежде всего в окружающем меня студенчестве keine hervorragende Persönlichkeit*. Пожалуй, в Привалове только есть зачатки чего-то eigenartiges^{2*}. Шаблон в студенчестве удивительный, гораздо больше шаблона средней школы. Студенческий язык, студенческая одежда, студенческая физиономия наконец (души студенческой не знаю), все это штампованное и истертое, как медная монета. Надо, впрочем, оговориться, что напрасно я толкую о современном студенте, таков студент был и во времена пушкинские, только теперь монета, конечно, еще больше стерлась. Говорю прямо, я хочу быть eigenartig, да не только хочу, а просто другого исхода не вижу; по временам затертый в среде засаленных пятаков чувствую себя ужасно. Факт несомненный, что гораздо большее geistliche Verbindung^{3*} чувствовал я в школе. Но дело еще сквернее, даже в избранной-то среде, работающих, оставленных, доцентов u.s.w. шаблон чувствуется. Все мозги работают совершенно однородно, зацепок нигде не происходит. Для меня другого исхода нет, к[а]к барахтанье в этой грязной луже. Наука попала в скверные руки и как тоскуешь, читая о Фаустах, Эразмах и Ньютонах. Наука попала на фабрику, а это последнее дело.

19 ноября

А все-таки я не иду по выбранному направлению, меня все время захватывают разные вихри, крутят и мутят, а куда вынесут, не знаю. Я работаю сейчас в лаборатории на тему, мне по существу неинтересную, и в обстановке университета Шанявского¹, меня не удовлетворяющей. Времени у меня совсем не хватает, устаю я сильно, а толку не особенно чтобы много;

* Нет выдающихся личностей (нем.).

^{2*} Своеобразный, особенный (нем.).

^{3*} Духовная связь (нем.).

я действую пока исключительно как машина с определенным запасом энергии, ничего своего, немашинного пока не являлось. Как и обыкновенно, я не отчаиваюсь, но, право, со мной иногда повторяется история 22-х несчастий, ряд фатальных неудач. Я жду все перелома, но пока только понемножку гнусь и гнусь, что дальше будет, не знаю, может быть, и совсем не переломлюсь. Во всяком случае, сейчас-то о переломе говорить рано. Какой перелом? Да вот какой: во мне энергии порядочно, но вся она в мелочах, в сотне разных видов и толку, эффекта от нее весьма мало; так вот превратить все эти энергии в одну определенную, научную, сделаться машиной экономной, в этом и весь перелом.

12 декабря

Ах эти переломы, Wendepunkt'ы, надежды и т.д., как это надоело, как это попусту постыло. Ведь всю жизнь мою тянется то же, каждую минуту думаешь, что переламаываешь каждый день, говоришь *s'est assais**, а тем не менее жизнь тянется т[а]к же. Все, что случалось, было чисто внешним. Да, и вот теперь это внешнее угрожает меня задавить, *zerquetschen*^{2*}. Бессильным я себя сейчас чувствую как никогда прежде. Меня крутит, давит, встречные течения несут в разные стороны, а я, я винт с сорванной нарезкой. Меня крутит, я кручусь, но не зацепляюсь, ни шага вперед. Среда, в которую этот винт ввертывается, куда несется, и винт, конечно, с нею, но своего-то относительного движения в нем, во мне нет. Что осталось от меня, апатия, убогий леонтьевский эстетизм и бессилие. Что сделать с таким винтом, бросить, другого делать нечего (хотя и вытащить-то его трудно). Мне нужно поступательное прямолинейное движение, а я как белка в колесе прыгаю, кружусь, описываю замысловатые вензеля и на том же месте. И, главное, никто этого не знает, я один, один во всей вселенной; я всегда кажусь, одним [-] ученым, другим [-] простаком, третьим [-] нулем, а я ведь ни то, ни третье и не другое. Я очень сложен, но *zu meinem grössten Bedauern*^{3*} – замкнутая кривая. Я из Достоевского или Но[f]fmann'a, а об этом никто не подозревает. Стою я сейчас, без надежды, без тоски и в бессилии – шепчу:

«Как ни живи, жизнь проживется
Как ткань ни тки, нить оборвется».

«Пифагор говорил, что свет сей так как некоторая ярмонка, на которую съезжаются трех родов люди: одни для покупки, другие для продажи, а третьи, чтобы посмотреть что делается на ярмонке, и последние называл он Философами и счастливейшими от других. Может быть, что в те времена не было такого множества воров и мошенников, сколько оных ныне находится; всеконечно бы Пифагор и об них что-нибудь прибавил» (Смеющийся Демокрит). Так вот, я ни купец, ни покупатель, ни зритель, ни вор на этой ярмарке, а просто какой-то и *Missgeburt*^{4*} и сумасшедший, который не известно зачем ворует, продает и покупает и на все это любит; он убогий купец, плохой покупатель, кривой зритель и глупый вор. Ах, как я желал бы сделаться определенным лицом на мирской ярмарке, все равно кем, только бы не сумасшедшим.

* Достаточно, довольно (*фр.*); правильно: *assez*.

2* Раздавить (*нем.*).

3* К моему большому сожалению (*нем.*).

4* Урод (*нем.*)

31 декабря

Этот год я закончил менделеевским съездом¹ и Gott sei dank*, что закончил, а не начинаю. Съездная «наука», эта та, которой я все время занимался, и от которой стараюсь избавиться; это что-то расплывчатое, туманное, обещающее, но ничего не дающее. Не нахожу более подходящего образа для съезда, как «научный онанизм». Этим кажется все сказано, хоть и грубо. У Goethe есть хорошая эпиграмма:

«Aus einer grossen Gesellschaft heraus
Ging einst ein stiller Gelehrter zu Haus
Man fragte: «Wie seid ihr zefrieden gevesen
«Wären's Bücher» sagt' er» ich würd sie nicht lesen^{2*}

Так вот и на съезде, почти 3/4 докладов такого сорта 1) что wären's Bücher ich werde sie nicht lesen^{3*} и 2) что их во всяком случае лучше и полезнее lesen чем hören^{4*}. Итак, да явится менделеевский съезд предостерегающим omen^{5*} на будущий год, показывающим, от чего надо избавиться. Избавиться надо еще от многого, но это само собой понятно. Теперь, что касается до прошедшего года «à vol d'oiseau»^{6*}, то прежде всего, уже по одному тому, что писал я в дневнике раза в 3 меньше, чем прежде, мне почти с очевидностью ясно, что работал я раза в 3 больше, чем прежде. Общая схема года, определяющая мои направления, такова: 1) январь–май: всевозможные пертурбации в университете, сильно меня волновавшие и похитившие бездну времени, экзамены, концерты, театры u.s.w., 2) июнь–июль: дача, легкие занятия Drude, за границей, 3) август[:] усиленная подготовка к экзаменам, 4) сентябрь–октябрь[:] всякие университетские хлопоты, мастерская Громова², 5) ноябрь–декабрь[:] лаборатория (как кажется, начало науки). Таковы главные исчерпывающие течения, были, конечно, всякие волны, штурмы и штили, много грязи, менее отдыха, бесполезной работы; в результате меня вынесло, кажется, на определенный берег. Таковы факты, что касается настроений, то они почти всегда были мрачны и тревожны. По-прежнему не было дня, которому я не только не мог крикнуть: «Verweile doch, du bist so schön»^{7*}, но и даже «Ich bin mit dir zufrieden»^{8*}. Рулевым я был плохим и, если меня вынесло куда-то, то для этого я сделал немного. Часто повертывал я свою ладью почти на 180° и только бури и волны несли меня куда-то прочь. Мало науки, слишком мало науки, слишком много легковесной дряни в моей ладье и мало драгоценного груза, который бы мог ей дать устойчивость. Итак, вот результат[:] 1) плох рулевой, 2) скверный груз, 3) довольно благоприятные течения. Вот и все. Первое и второе «питаю надежду» исправить, третье, авось, сохранится. Итак, через 2 часа ладья предпринимает новое путешествие, которое, как кажется, посерьезнее всех предыдущих.

10 часов Nachmittag^{9*}

* Слава Богу (нем.).

^{2*} Перевод Саши Черного: «Из общества с коллегой в час ночной / Ученый шел, задумавшись, домой. / «Вам там понравилось?» – Ученый отвечал: / «Будь это книги, – я б их не читал!» (нем.).

^{3*} Будь это книги, я б их не читал (нем.).

^{4*} Читать[, чем] слушать (нем.).

^{5*} Знамение, предзнаменование (лат.).

^{6*} С птичьего полета (фр.).

^{7*} «Остановись, мгновенье, ты прекрасно» (нем.) – цитата из «Фауста» И.В. Гёте.

^{8*} Я тобой доволен (нем.)

^{9*} После полудня (нем.).

1 января

Эпиграфами* я по обычаю своему начертал философскую программу на весь год; на этот раз я был особенно аккуратен и в первом эпиграфе отметил форму, то общее, что должно руководить мною. Во втором я отмечаю частное, то, что Я влагаю в вышеуказанную форму. Эстетика моя этика, этим сказано все. Наиболее эстетическим явлением я считаю науку {хронологически я, конечно, сначала полюбил науку, а уж потом постиг и эстетику}. Это, я думаю, мое последнее «философское» слово, лучшего я не скажу, если не сойду с ума и если не поглупею. Sapienti sat^{2*}.

На новый год я гляжу тревожно, ничего спокойного и ровного в своей жизни я не ожидаю, будут бури и нужен опытный кормчий. Пока этот кормчий был плох, вернее его не было совсем, ладья шла по течению. Попробую взяться за руль, что будет, увидим. И опять-таки sapienti sat.

12 января

Gaudeamus igitur
Juvenes dum sumus*

Ведь это правда, и все эти дикие клики и крики студентов, бесовня, бары, Стрельны и Яры говорят о том же. Юность, бывающая только раз в жизни, вот она; и как она красива на спокойных строгих порт[ик]ах храма Scientiae. Gaudeamus выдумали немцы и тем покрыли себя славою неувядаемой. Gaudeamus и Vivat Academia^{2*}, вот немецкая наука и вот радости жизни. Брать от жизни только ее верхний слой, кипящую юность, а остальн[о] sciencia[e]. Жизнь немецкого студента – вечное сопряжение этих двух начал, для меня это так редко, так исключительно. Почувствовать себя человеком среди людей и в пафосе кричать:

Vivat academia
Vivant professores^{3*}

* Эпиграфы, о которых идет речь, не сохранились – предыдущий лист с ними в дневнике вырван.

^{2*} Для понимающего достаточно (лат.).

* Итак, будем веселиться, / пока мы молоды (лат.) – строки из известного студенческого гимна, по первому слову обычно называемого «Gaudeamus».

^{2*} Да здравствует университет (лат.) – строка из того же гимна.

^{3*} Да здравствует университет, / Да здравствуют профессора (лат.).

так непонятно мне иногда. Но сегодня этот пафос у меня есть, и я с радостью сливаюсь с общим хором и кричу: «Gaudeamus».

Жизнь и наука! Это так тонко
Есть между ними дружба перепонка
Но на сегодня ее разорвем
Жизнь и науку в бокале сольем
Пенятся пусть и, волнуясь, клопочат
Юность смеется, юность хохочет
Пьет и смеется, смеется и пьет
Жизни в науке дорогу дает.

29 февраля

Gott sei dank^{*}, что в этом году одним днем больше, если бы в феврале было 28 дней, может быть, и не написал бы за весь февраль ни строчки. Я занят, ношусь с Пресни на Моховую, на Волхонку¹, на Тверскую и т.д. Конечно, так раньше я не работал, это правда, но все же невесело и как-то беспокойно на душе. Что будет, а пока ведь ничего не было. Не доволен я собою, своими «качествами». Недоволен и другими. Та лабораторная среда, «общество» так прозаично, наука там так буднична, так перемешана со сплетнями, либерализмом, общею тупостью, что иногда тошно становится. У науки здесь исчезла вся ее эстетика, все ее величие и гордость, стояние вне жизни. И Лазарев, и про[чие] только ремесленники науки, собственно, случайно занимающиеся фотохимией и температурными скачками, а не шитьем сапог. И здесь, конечно, философствуют и говорят о том, что так высоко и так прекрасно. Но ведь это те же речи гимназиста, «пылающего страстью к науке». Все это плоско и не эстетично. Университет почти умирает, и так грустно и печально на него глядеть. Вообще вся «общественная» сторона моей жизни как-то печальна стала. Как я плачу о том, что я русский, что навсегда осужден я быть провинциалом земного шара. Россия... ведь такой и нет, все неудачи, неу[д]ачи и бледная немочь, есть только Русь несчастная, милосердная, пьяная, глупая Русь. Еще дальше [-] еще страшнее, мне почти 21 год и ничего не сделано.

Мечты о исчезают, и

«День каждый, каждую годину
Привык я думой провожать
Грядущей смерти годовщину
Меж них стараясь угадать»².

Скучно, страшно и грустно. Петля внешних занятий меня запутывает с каждым днем, я барахтаюсь, хватаюсь за все и не схватываю ничего, и только мой индифферентизм, лень, безволие и эстетизм держат меня на вершине пучины и не дают потонуть.

* Благодарение Богу (нем.).

1 марта

Лебедев умер.

Смертный, силе нас гнетущей
Покоряйся и терпи
Спящий в гробе, мирно спи
Жизнью пользуйся живущий¹.

Ужас на сердце, тоска и тайна смерти перед глазами. Вот он, вытянувшись спокойно, в своей черной бархатной тужурке и в туфлях. Где же душа, душа великого физика:

«Он лежал без движения, как будто по тяжелой работе, руки свои опустив»².

Смерть, ладан, свечи и физик среди этого. О, насмешка и ужас. Наука, где же ты, что ты. Не наука мир объемлет, а мир ее. Нет ужаса ужаснее смерти ученого и поэта. В мире зеркальности в отражение врывается отражаемое, и зеркало разбито. После смерти Илюши эта вторая, производящая во мне ужас и бунт. После первой я очутился вне религии, после этой может*

30 апреля

Да, я не цвету, а выцветаю, и в прямом, и в перепереносном* смысле, занимаюсь выцветанием цианина и сам понемножку выцветаю. Сейчас вот нужно зудить физику, а у меня в голове какая-то безусловная апатия, на романы и то не хватает... только спать. Кое-что у меня осуществляется, я стал физиком, работаю... Но, впрочем, не могу, голова забастовала.

27 мая

Я

Endlich sind die Umstände dringend geworden, endlich fangt sich mein «Leben» an. Nun habe ich die Möglichkeit, mich selbst etwas zu verstehen, nach der Abspiegelung in der Wellen dieses Lebens. Ich bin jung, trotzdem manche Hoffnungen und Ideale sind gelassen und in manchen, manchen Sachen bin ich verzweifelt. Glauben und Vertrauen zu mir selbst verliere ist mit jedem Tage. Wer bin ich als 0? 1) Nach meinem Charakter bin ich eigenartig und ganz nicht typisch, besser zu sagen ich fühle mich immer fremd in der Gesellschaft. S'war mir niemals gelungen eine echte Freundschaft haben. Warum? Was deshalb dass ich 1) keine Sprache finde mit der ich meine, bisweilen sehr fantastische, dumme und exotische Gedanken jemandem anderen aussprechen konnte. 2) Wenn selbst ich eine solche Sprache hätte würde mich niemand verstehen. Meinen Charaktere finde ich etwas ähnlich in den Charakteren von Dostojewskij, Rosanow und Be[c]kford. Warum habe ich einen nicht solchen Charakter kann ich (glaube ich antworten) die Krankheit, die vererbten Stiche des Charakters. Alles sehr möglich. Mir schient ich habe mehr einen dichterischen, als einen wissenschaftlichen Charakter. Ich habe ein

* Текст обрывается, далее вырван один или несколько листов.

* Так в оригинале.

Talent, dass ist zweifellos. Fast zweifellos ist auch, dass ich mit diesem Talente gar nicht machen würde, er schadet mir nur und nichts weiter. Tragisch oder komisch, doch wahr dass der haupt, Leit-Motiv, dionisisches Motiv meines Lebens verband, ich mit der apollonischen, mit der Wissenschaft, der ich mein Leben widmen will. Es ist schwierig voraussagen, aber kann sein hier liegt der Anfang meines Endes. Ja kann sein. Dieser «idealistisches», so zu sagen, Element meines Lebens einerseits und die sch[l]echten Instinkten des Milieu, der Vererbung sind die Grund Bau-Steine meines Lebens. Zu diesem allen muss ich noch beifügen, dass ich ein Russe, ein bourgeois bin. Mein Charakter hat gar nichts klares, dass ist ein Gewimmel der verschiedenarten allmöglichen Elemente aus deren nur bei grossen organisatorische Talente man etwas bauen kann. Ich bin aber ein sehr schlechter Architekt und nur die äussere umstände sind die Arbeiter im Bau meines Wesens. Ich selbst, gehe nah der Linie des kleinstes Widerstandes. Das ist ein ganze genauer Formul meiner praktische Tätigkeit. Also, ich arbeite und wirke, und lebe... stelle mir aber nich[t] vor, was aus mir sich herauswickeln wird. Ich traue dem Fatum, glückliche oder* unglücklichem, ganz egal.

Ich fahre ins Ausland zum dritter Male. Wollen wir sehen, wie's gehen wird.

Maine Examen habe ich bestanden, nicht glänzend doch gut genug und ruhe nun auf den Lorbeerblätter^{2*}.

* Далее зачеркнуто слово «пейн».

^{2*} Наконец, обстоятельства сложились к тому, чтобы наконец началась моя «жизнь». Теперь у меня есть возможность что-то понять в себе по отражению в волнах этой жизни. Я молод, хотя отказался уже от некоторых надежд и идеалов и усомнился во многом. Веру и доверие к себе самому я теряю с каждым днем. Кто я такой, как не чистый ноль? 1) По своему характеру я своеобразен и совершенно не типичен, лучше сказать: в обществе чувствую себя совершенно чужим. Мне никогда не удалось завязать настоящую дружбу. Почему? Потому что я 1) не нахожу языка, чтобы поделиться с другими людьми своими фантастичными, глупыми и экзотическими мыслями, высказать их. 2) Даже если бы я и нашел [такой] язык, меня [все равно] никто не понял бы. По своему характеру я чем-то родственен Достоевскому, Розанову и Бекфорду. Почему у меня нет такого характера? Я полагаю, что ответ таков: причина – болезненность, наследственные особенности характера. Все это очень возможно. Мне кажется, характер у меня больше поэтический, чем научный. Талант у меня есть, это несомненно. Почти несомненно также, что я не умею распорядиться этим талантом, так что он мне только вредит и не более того. Будь это трагично или комично, но связано с главным, дионисическим – как лейтмотив – характером моей жизни – или с аполлоновским, с наукой, которой я хочу посвятить всю свою жизнь. Трудно предсказать заранее, но, может быть, здесь лежит начало моего конца. Это, может быть, так. Этот «идеалистический», так сказать, элемент моей жизни, с одной стороны, и темные инстинкты, порожденные средой, наследственностью – основные строительные элементы моей жизни. Ко всему этому я должен добавить, что я русский и мещанин. В моем характере нет ничего от той ясности, которая служит движущей силой для всевозможных самых различных элементов, из которых только при большом организаторском таланте можно нечто построить. Однако я очень плохой архитектор, и мое бытие строится только под воздействием внешних обстоятельств. Сам же я следую линии наименьшего сопротивления.

Tagebuch der italienischen Reise*
Венеция, 3/17 июля^{2*}

Наука, искусство и природа – это все, это и Венеция, и Рим, и ученая Бол[онья].

Счастья лени и праздника вечного, моря царица.

Внизу шумит пестрая толпа итал[янец] <нрзб.> Лениво-роскошные розово-белые краски Венеции глядят отовсюду. Всюду праздник и лень, какая-то вечная Пасха. Никто не спешит <нрзб.>. Жарко. Какая странная <нрзб.> Вене[ция]. Да <нрзб.> толпы «dolce far niente»^{3*} Только она [?] не только во сне. Эстетизмом жизни [?] пропитано все. Не город, а сон и сказка. Был я 2 года назад, <нрзб.>, совсем все не то. <нрзб.> отелем <нрзб.> и двором. С чем Венеция <нрзб.> и как гудел <нрзб.> наукой

Mare si placido
Vita <нрзб.> lento^{4*}

Я сказал вчера о венецианском эстетизме, это неправда^{5*}, ни о каком таком «эстетизме» здесь нет и помина. Здесь все просто, грубовато, патриархально, именно патриархально и красиво. Как это в самом деле чудесно просто, черные шали венецианок, оранжевая окраска палаццо, оранжевые жалюзи. Конечно, Венеция город чудесный, опровержение какого-то общего правила, правила города, правила обыденности; возможно, приподнятое вдохновение не только в зеркальности жизни, но и в жизни. Венеция, право, город философский, навевающий самую спокойную философию эстетизма. Пахнет кьянти, поют итальянцы, скользят гондолы, грустно и величаво звонят колокола на кампаниле^{6*} и оролоджерии^{7*}. Можно думать о науке и забыть обо всем прочем.

Это вполне точная формула моей практической деятельности. Так я и работаю, действую и живу... но не представляю себе, что из меня разовьется. Я верю в судьбу, счастливую или несчастную, все равно.

—
Еду за границу третий раз. Посмотрим, как пойдут дела.

—
Я сдал свой экзамен, не блестяще, но достаточно хорошо, и теперь почиваю на лаврах (нем.).

* Дневник итальянского путешествия (нем.). – Эта и далее все записи о поездке (до 15 июля) сделаны на листах тонкой бумаги, вшитой впоследствии в дневник.

^{2*} Правильно: 3/16 июня. Далее идут 2 страницы, написанные карандашом.

^{3*} «Сладкое ничегонеделание» (ит.).

^{4*} Море спокойное / Жизнь <нрзб.> медленно (ит.).

^{5*} Далее запись продолжается чернилами.

^{6*} Campanile – колокольня. Имеется в виду колокольня на пл. Св. Марка.

^{7*} Orologeria – часовой магазин, часовой механизм. Имеется в виду Торре-делл'Оролоджи (Torre dell'orologio) – Часовая башня на пл. Св. Марка.

Веронезе (Джорджоне), роскошные Пальма Веккио, Палладио, Сан Марко – все это декорация, все это en grand^{8*} ни в коем случае не миниатюрно и не интимно. Это самое интересное. Венеция вся какой-то живой, невероятный, чудесный театр, где все управляется одним режиссером [–] оранжево-черно-зеленой Венецией. Я сижу сейчас перед раскрытым окном в Capello Nero^{9*}, внизу итальянцы дают что-то вроде оперы, складно поют хором и соло, БОЛЬШИМ хором все вместе, вот венецианки, кухарки, знатные монны, веселые девицы все в черной накидке, всюду согласие и какая-то неведомая гармония. Да, да hier liegt der Hund begraben^{10*}, в гармонии. Венеция – это гармония какая-то странная, нигде не повторившаяся, гармония между народом, морем, небом, искусством. Ах, как страшно, как завидно мне, русскому, при виде этой гармонии. Нет ни немецкого довольства и сытости, ни этой чудной итальянской красоты. Народ горя и печали. Для меня только спасение в эстетизме. Венеция – великое художественное произведение итальянского гения и вся в целом.

Но, Боже мой, и тут чувствуется это проклятье [в] нас. Иногда пахнет гробом. Из печального взора гондольера, из обсыпавшихся палаццо иногда повеет смертью. Важно, что Венеция жива своей «жизнью». Рим, Флоре[нция], они и в смерти своей живут. Венеция – живая, вот что главное и несомненно.

(Поразил потолок у S[an] Pantalon^{11*}, Montegna в Академии^{12*}, архитектура Palladio в San Giorgio Maggiore^{13*} и пр.)

Scrobi^{14*} Feranese [?]

Ritratto che Alessandro Feruffino

Bologna, Pinacotheka^{15*}

^{8*} В большем масштабе (*фр.*).

^{9*} Капелло Неро (*ит.*); видимо, название гостиницы.

^{10*} Вот где собака зарыта (*нем.*).

^{11*} Сан-Панталон (*ит.*), церковь со знаменитой потолочной росписью.

^{12*} Галерея (Галереи) Академии, художественный музей.

^{13*} Палладио ... Сан-Джорджо Маджоре (*ит.*) – собор, возведен архитектором А. Палладио.

^{14*} Дыра (*ит.*), далее одно слово расшифровать не удалось.

^{15*} Портрет Александра Феруффино / Болонья, Пинакотека (*ит.*) – картина Д.Ф. Майнери (1460–1506).

Флоренция, 8 июня

Вся Италия укладывается в мою «idée fixe»*, или наоборот, эта самая «idée» укладывается в Италию. Во всех этих Болло[ньях], Флоренциях u.s.w.^{2*} я ни в коем случае не ищу истории, быта. Все это пустяк и страшно неинтересно. Что из того, что итальянцы заняты сейчас Триполитани[е]й¹, когда вся моя психика занята Галилеем и Джорджоне. Наука и искусство – над их взаимоотношением следует более чем подумать. Это отношение надо почувствовать, а где же иначе его чувствовать, как не в Santo Croce^{3*}, храме Галилея,

Джотто, как не в Болонье – чуде архитектуры и учений. Это взаимоотношение какое-то весьма и весьма странное. Мешают ли они друг другу, или они абсолютно индифферентны. Наука и искусство это два особых отношения к предметам (вернее, не искусство, а эстетизм). Наука заключает в себе, без-

* Навязчивая идея (фр.).

^{2*} Und so weiter – и так далее (нем.).

^{3*} Санта-Кроче, базилика в центре Флоренции.

условно, все искусство, но и наоборот, искусство – наука. Кроме науки и искусства к миру может быть еще одно отношение – жизнь, и оно, в свою очередь, охватывает первые два, и наоборот. В конце концов «истинное», действительное отношение есть, конечно, только жизнь и самое простое пустить себя на волю волн и жить, но я этого не могу: я камень летящий, но понимающий, что лечу, и знающий, что лететь должен. Я должен иметь свое Weltanschauung^{4*}.

– но пока довольно –

На Кампаниле пробило час, а завтра Pitti Museo Physik^{5*} и пр[очее]. Живу какой-то отвлеченной картинной жизнью. Москва становится так далеко во времени и пространстве.

9 июня

Самые сильные впечатления сегодня «Concerto» Giorgione* и Фьезоле¹. Я боюсь пустого, бессодержательного, не философского эстетизма, я его пугаюсь. Мне поверхностно нравится Рафаэль, Веронезе, они красивы, но и пусты, прямо просто пусты. Пусты все эти Тицианы, Тинторетто, Рембрандты и прочие, их-то – несть числа... но вот среди этой пустоты такой же пустой Giorgione. Я видел там около 6–7 его картин и теперь ясно понял, что он первый, что он один. В его «пустой красоте», гармонии темно-красных, черных, желтых благороднейших красок есть что-то опьяняющее ядом эстетизма. Это красота. Да, пока я вижу, кажется, Джорджоне в живописи то же, что Пушкин в поэзии. Абсолютный поэт – абсолютный художник. Его картины все – концерт. (По приезде им займусь, как занимался Леонардо.) Да, Леонардо и Джорджоне, Пушкин и Гёте, вот пока^{2*} мои кумиры. Vivrons – verrons^{3*}, может быть, это и изменится.

Фьезоле, ах, какая это чудная, тихая, благословенная картина. Кипарисы, скромный старый монастырь, скромные красивые монахи. Уют и мир, а внизу далеко-далеко Флоренция. Вспоминаем святого Беато, вспоминаем и Боккаччо, и Беклина, и Франса, какая-то ожившая картина. Только порой странно и грустно... Джорд[ж]оне-то вечен, он будет всегда, и никакие англичане и Бедекеры² его не загадят. Но Фьезоле уже умирает, умирает от англичан, от парламентов, от науки. Но это умирание делает его еще красивее. Чуть бы освободиться от ⟨нрзб.⟩ отелей и проч[его], и явь стала бы сном или наоборот. Фьезоле, Джорджоне, Леонардо, наука – как хорошо, как вечность в одном аккорде.

10 июня

Джорджоне, Рафаэль, Буонаротти – это редкостные живые впечатления, но сколько кроме этого всего здесь во Флоренции грустного, умирающего Беато Анджелико, Джотто, Донателло, церкви, палаццо, быт... все это уми-

^{4*} Мировоззрение (нем.).

^{5*} Музей физики Питти (ит., нем.) – Академия дель Чименто (Академия опыта) во Дворце Питти.

* «Концерт» Джорджоне (ит.) – картина Джорджоне во Дворце Питти.

^{2*} Слово «пока» вписано над строкой.

^{3*} Поживем – увидим (фр.).

рающее. Музеи – это гробницы. Cascine* с трамваями и велосипедами. Триполи, лиры, все это то ужасно живое, говорящее о том, что то прекрасное умерло. Умерло, да, умерло совсем, ведь все эти Or San Michele^{2*}, гробницы Медичи было всерьез, так же, как теперь трамваи и Saeculo и Corriere^{3*}. Флоренция полна гробами, конечно, правда: «что прошло, то будет мило»¹. Но, во-первых, для этого надо, чтобы прошедшее вспомнили, а кроме того, ведь, мило только и есть мило, а ведь все это милое жило. Превращение былого в милое, вот эстетизм. Живет вечно и чудно только наука. Анжелико был свят для меня, он только красив... Все стало нецелесообразными гробами, мешающими жить. Лет через сто... что будет, да будет то же, живое превращ[а]ется в милое.

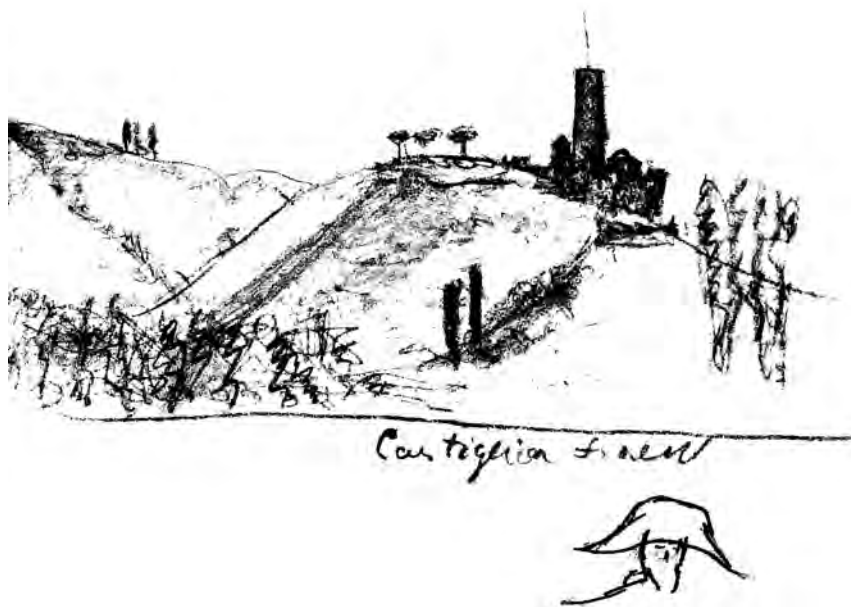
Дорога on Firenzi^{4*}

Горе историков, смешение эстетизма и науки. Собственно «история»-наука противнейшая вещь для меня, это то же, что ботаника, зоология и пр[очая] описанная наука, и только эстетизм истории, история личностей манит и волнует.

Кругом развалины, по которым, конечно, ступала нога Цезаря. Это волнует, почему^{5*}

13 июня

Вновь я пред тобою, Рим. Опять величие и власть тысячелетий меня влекут, и манят, и гнетут. Ты, Рим, постарел на 2 года, я тоже. Ты тот же, но я не тот. Я переменялся, трепет прежнего «историзма» сменился холод-

* Кашине – парк во Флоренции на берегу р. Арно (um.).

^{2*} Орсанмикеле – церковь во Флоренции.

^{3*} Названия газет.

^{4*} На Флоренцию (um.).

^{5*} Так, незавершенно, в оригинале.

ностью «эстетизма». Меня уже немного* и только изредка трогает то, что Колизей стоит уже 2 тысячелетия, или что здесь или там ступал Цезарь. Рядом с холодом эстетизма, холодом прекрасным появился и мороз, мороз жизни, разочарованности. И все ж таки порой трепещешь, трепещешь, когда не так жестоко выступает ужас нецелесообразности и противоречия, капелла среди Бедкеров или Св. Петр и Ascensore^{2*}.

Рим, 15 июня

Неприятно, что на этот раз я уже гляжу на Рим несколько «гадскими» глазами, нет новизны, нет волнения, пораженности. Смотришь на седые стены Колизея и «падших чертогов колонны»¹. Форума без должного внимания и концентрации... мешает и некстати подвернувшийся флюс. Еще прошлое путешествие чувствовал я у себя неустойчивость точки зрения, перескакивающей с науки к истории, археологии к эстетизму, теперь я это чувствую еще резче. О чем, право, думать на осколках этих статуй и колонн, о бренности что ли человеческой жизни, о том, что «всех смертных ждет судьба одна»² или о том, что здесь, мол, ходили патриции и матроны, здесь, мол, в нимфеях они купались и пр[очее]. Вот и сидишь где-нибудь высоко, высоко на Колизее, перед тобой несчастные, грустные, бедные, некрасивые руины, кипарисы и пинии, сидишь, и мысль перескакивает за мыслью. Собственно, все эти вещи, кроме своего безусловного значения в археологии, невольно и так же безусловно заставляют философствовать. Я уже раз говорил, что в общем в Италии должна создаться теперешняя моя философия, научный эстетизм, *so zu zagen*^{*}, кругозор здесь может расширяться необъятно, и видишь, что, безусловно, вся наука, весь ренессанс и пр[очее –] все лишь красивые инкрустации во что-то целое фундаментальное, общественное, а с другой, с другой [–] наоборот, все общество, все искусство только в науке. Да что писать, понятно. Вновь поразили, воистину, Аполлон и Фарн[е]-зина³. Красивее, да, красивее Аполлона ничего я не видал. Какова основа этой красоты, Бог их знает. Скверен Рафаэль в Пинакотеке и чудесен в Фарнезине. Все ж таки он не «интим[ный]» гений, как Леонардо, а *extra*^{2*} грубо выражаясь – маляр. Археология наводи[т] часто на грустные размышления о дилетантизме, о моем дилетантизме. О классицизме, ренессансе, христианстве, «монумент[е]» Витторио Эммануил[а] и оперетке Леонкавалло в другой раз.

16 июня*

Тиволийские каскады, торжественная служба у Св[ятого] Петра и Капитолий ночью, вот, что видел я сегодня. 3 самые разнородные или, если угодно, совершенно однородные вещи. Когда я глядел сегодня на наряженную статую Св[ятого] Петра, на пышное облачение кардинала, слушал несчастн[ый] хор, я думал о религии, о православии и папизме. Водопады Тиволи нисколь не

* Слово «немного» написано над зачеркнутым «редко».

^{2*} Ascensore – лифт (*ит.*).

* Так сказать (*нем.*).

^{2*} Экстра, сверх (*лат.*).

* В оригинале 29 июня (по н. ст.). Далее Вавилов перешел на старый стиль.

возбуждали во мне *der s[o] g[enannte] estetische Emotionen*^{2*}, я думал только о науке, о силе гравитации, движущей все эти воды, о ее объяснении, о материи и ее распыленнос[ти], о кинетической теории материи. Чудная мистическая тишина стен Колизея, освещенных луною, наводила на историко-эстетические мечтания и соображения. Ясное бледное небо с Большой Медведицей говорило опять больше о науке, но вносило тот оттенок историзма, философии и эстетизма, который свойственен астрономии. Странно, дико и смешно[:] те же самые глаза, тот же самый мозг реагирует в общем совершенно различ[но] в однородных случаях. Почему, глядя на пестрое кардинальское облачение, я не думаю о фотохимии, или, [глядя] на стены Колизея, о силе тяжести. О прирожден[ной] *standpoint*^{3*} «вот порча, вот чума, вот язва здешних мест[у]»¹. *Da mihi punctum et terram movebo*^{4*}, да, *terram*, что угодно *movebo*, пойму, постигну и освещу.

18 июня

Болят зубы, это главное основное и отвратительнейшее впечатление последних двух дней. На этом ужасном фоне есть и красивые, [сами] по себе очень сильные впечатления, но на этом фоне, очевидно, кажущиеся тусклыми. Безмятежная и роскошная *L'amore sacro e l'amore profano*^{*} в *Bot[g]-hese*^{2*}, чудное сочетание апельсинно-желтого отлива тел, красных одежд и кипарисно-темных деревьев. В этой картине, безусловно лучшей у Тициана, он становится рядом с Джорджоне, это та же чистая эстетика, та же баховская музыка, без цели и без берегов. Кажущаяся идейность противоположения *L'amore sacro* и *L'amore profano* чисто внешнее и пустое, одна одетая, другая раздетая, вся и разница. Леонардовская Леда, быть может, и не самим им написанная, но вся полная и даже пересыщенная его духом. Бесконечно далека она Тициановскому «ковру», да, именно ковру, а не картине. Леда – нервная, беспокойная, волнующая, интересующая, с той же улыбкой безусловно о чем-то говорящей, но о чем, Бог знает. Неопределенность и загадка. В этой насмешнице и ехидство, и похоть, и ирония. Картина настолько похожа на мою зубную боль. Вообще, Леонардо в строгом величавом Риме так же неуместен, как и в праздной, роскошной и пряной Венеции.

Вечером Аппиева дорога, народный праздник *S[an] Paolo*^{3*}, холодные, мистичные и полные грусти катакомбы. Погиб и Аполлон^{4*}, погибло и христианство. Смотришь печально, как на недавно умершего. От эллинизма к христианству, от христианства к атеизму, от этого уже едва ли будет дальнейший сколок. Начало последнего перехода, конечно, ренессанс. Сикстинская капелла – это уже полное крушение христианства, это анатомия вместо мистицизма. Религия уже, конечно, теперь не серьезна – игрушка. Искусство, Бог знает, что такое оно, но, кажется, даже по существу своему оно – игрушка. Серьезна только – жизнь, и серьезна наука. Это истина. Сегодня в Латеран[ском] музее

^{2*} Так называемых эстетических эмоций (*нем.*).

^{3*} Точка зрения, позиция (*англ.*).

^{4*} Дайте мне точку опоры, и я подвину землю (*лат.*). Апокрифическое изречение Архимеда.

^{*} «Любовь небесная и Любовь земная» (*ит.*), картина Тициана.

^{2*} Боргезе, здесь – художественная галерея.

^{3*} Святого Павла (*ит.*).

^{4*} В оригинале «Апполон».

«поразила» статуя скифа, вот он, наконец, русский, изваянный точной рукой римлянина. Вот мой прадед: сила и дряблость, бесформенность; вон там рядом Caelius Saturninus^{5*}, сколько ясного благородства, целесообразного во всей фигуре; но я понял[, ч]то только из этого скифа можно сделать истинного великого христианина. Римлянин всем своим существом шел к атеизму. Много и других параллелей, но болят зубы. Смотрел вечером с San Pietro in Monte^{6*} на серо-оранжевый Рим неизящный, как нежная фиолетово-розовая Флоренция. И опять унылые мысли о потере цели и о трупe Церкви, палаццо, ⟨нрзб.⟩ все только стены. Жизнь и наука. Вот два царя, которым Рим должен^{7*} покориться и покорился. Флоренция и Венеция, те тихо дремлют в объятьях искусства. Рим спать не может, это *contradictio in adjecto*^{8*}.

19 июня

Сидел в уютном и патриархально милом кафе «Греко»¹, думал о Гоголе, о России и Италии, о скифе и римляnine. Как это странно, Бог один знает, современный итальянец очень близок к русскому, простодушие, юмор, грязь здесь и там. Правда, правильно Розанов схватил, здесь *vinò**, а у нас водка, и, право, эти две жидкости, пожалуй, символы Италии и России. Здесь на все это простодушие и грязь спущен флер культуры, искусства и истории, и как же все это ясно и откровенно. Но я еще сам в этом многое не понимаю. Почти о той же разнице думал я, проходя через пышные залы палаццо и рассуждая о дворянстве. По существу говоря, это вернее [-] дворянство ведь продукт многовекового отбора зеркальной эстетической жизни. Дворянство – это люди другой расы, то же, что итальянцы и русские.

20 июня

Прощай, Рим, вновь после краткого свиданья покидаю я тебя. Желая, чтобы вымерли в тебе все гиды, провалился бы в тартары *monumento Vittorio Emanuele**. Может быть, года через три вновь увижу я тебя, также тихо будет журчать фонтан на *Via Lata*, так же мирно отбивать часы у *Maria Sopra Minerva*. Еще о многом передумал я в тебе и еще не раз возвращусь к тебе успокоиться. Принцип эстетизма, как этический, как прост и ясен кажется он здесь, он уже везде здесь, все им дышит – и камни, и люди. Все, что хорошо, то красиво, и что красиво, то хорошо. Не ты ли это, Рим. Не этим ли принципом двигалась вся твоя жизнь. В Риме нет границы между прекрасным и полезным, то и другое так же слито, как две страницы одного и того же листа. Рим не Венеция и Флоренция, города прихоти, роскоши и эстетизма. Рим город живой, с жизнью, пронизанной красотой. Катакомбы, Аполлон Бельведерский, тиволийские каскады, Колизей, Микельанджело – все это в Риме драгоценные^{2*} камни той чудной мозаики, того великого «творения»,

^{5*} Целий Сатурнин, здесь: римский аристократ (*лат.*).

^{6*} Святого Петра на Горе (*ит.*), церковь.

^{7*} Слово «должен» вписано над строкой.

^{8*} Противоречие в определении (*лат.*).

* Вино (*ит.*).

* Монумент Виктора Эммануила, у С.И. Вавилова ошибочно «*Emmanuele*». Открыт в 1911 г.

^{2*} Слово «драгоценные» вписано над строкой.

которое и есть Рим. Я говорю, конечно, о Риме-мечте. Рим, великий Рим умирает, над гордыми развалинами Форума и Колизея поднимаются уродливые monumenti, но зачем об этом думать, надо не думать и мечтать, потому что Рим есть мечта. Блаженства созерцательной жизни, науки и эстетической этики, где же ее оценить как не в Риме.

Есть Рим – жива душа моя.

Неаполь, 22 июня

Каким прекрасным и гармоничным целым кажется Рим из Неаполя. Как и первый раз, Неаполь мне понравился. Это уже переступление границ. Уж во всяком случае в Неаполе нельзя говорить о гармонии, созданной руками человеческими. Гармония Неаполя – это море, Везувий, бронзовые красивые тела людей, все это не от человека. Я не люблю такой «природы», так же как не люблю чистого сахара. Слишком резко и тесно в Неаполе соприкасаешься с «жизнью» в самых смелых и резких* проявлениях. Уж, конечно, ни о «зеркальности», ни об эстетизме в Неаполе речи быть не может. Его церкви [–] что-то пестрое, яркое, как его море и люди. Раскрашенная веселая готика. Безобразные, грубые восковые и гипсовые куклы святых, рококо и барокко, все говорит о живучести и силе религии в Неаполе, но не о ее красоте. Даже наука неаполитан[ская], и то «живая» в особом, своем смысле, зоология на-пом[инает], ⟨нрзб.⟩ заливы, спруты и камбалы, как это далеко до идеальных высот физики и математики. «Эстетическая», строгая, спокойная Италия кончается в Риме, в нем находит свое завершение, южнее начинается другое.

Помпея, 23 июня*

Что может быть смешнее и чуднее. Сiju я сейчас на станции Помпеи и жду поезда в Неаполь. Только что выдержал несколько баталий с гидами, извозчиками и кельнерами. Одержал несколько побед: 1) не дал кельнеру ни чентезимо¹ на чай, 2) усадил Себенцова на извозчика, 3) отбрил штук 5 гидов. Ни о каких наслаждениях природою, кажется, мне в Неаполе и речи быть не может, все засрано и загажено гидами, курами и пр[очим]. Красота природы – это вещь очень грубая и я[в]ная, с одной стороны, а с другой – весьма и весьма тонкая, потому что громаднейшую роль в восприятии этих красот играет «настроение», но, к сожалению, гиды и пр[очее] настраивают ум и сердце так, что получает[ся] впечатление плохого ватерклозета. Очень может быть, что Неаполь покажется верхом счастья для человека, прожившего в нем месяцы и годы и сумевшего освободиться от мимолетного, но для меня Неаполь неприятен. Неприятен не только по тем «высоким» соображениям, которые я приводил вчера, как город слишком «живой». Неаполь ужасен и как город засранный. Как город живой неприятен и Берлин, но он приятен своей приспособленностью, тем, что дает возможн[ость] и «не жить». В это путешест[вие] я как-то особенно оценил картинные галереи, именно картинные. Вся красота формы в картине, и абсолютно отсутствует все постороннее. Картина – это идеал эстетич[еской] формы. Как высоко цени⟨...⟩^{2*}

* Далее в дневник вшиты 4 листка другого формата, на которых сделана запись от 23 июня.

* Запись за 23 июня сделана карандашом.

^{2*} Окончание слова расшифровать не удалось.

высоту и красоту науки, ее идеальност[ь] и освобожденнос[ть] среди нагромождения индивидуального и неинтересного в Неаполе. Наука, как цель жизни, как весь и ее интерес, как все ее содержание, и как проявление жизни [–] эстетизм. Как хорошо будет нас[е]сть над жизнью, заменив ее зеркалом. Эта моя «философия» дает силу и пока надежду. Проезжаю Италию и проясняю, проверяю свои взгляды и еще тверже убеждаюсь в справедливости своего выбора науки – как всего. Наука серьезна, наконец нашел я это слово, и, право же, всерьез собираюсь я «для науки “жизни” не пощадить[».] Последнее время меня жизнь «теснила». Отец, военная служба, будущая карьера. Надо сражаться и действовать эстетически. Да вот хоть сейчас[:] и мухи кусают, и жарко, и выдержанные баталии в голове, а все-таки приятно. Далеко-далеко где-то Москва, мои книжные шкафы, все, что в голове, представляется туманным и далеким, а здесь свободная голова и никого вокруг, я один. Как редко дается такое счастье. Здесь в одиночестве чувствую себя другим, ни безволия, ни дряблости не вижу. Я создан философом и эстетом. Все остальное только рамка и ненужное.

Как на нитке драгоценной
Ты Италия [связала]
И кораллы и алмазы
Аметисты и рубины
Рим – брильянт кристально чистый
Лунный ты опал – Фиренца
Ты рубин кроваво-гордый
О Венеция золотая
Может быть и ты Неаполь
Из породы драгоценных
Малахитом бирюзой
Может быть и ты блистаешь
Бирюзовых вод равнина
Бирюзовая гладь неба
Малахитовая зелень
Бронза тел и чудо далей
Говорит о том, Неаполь
Но ты грязен, как булыжник
Как булыжник неопрятен
И я с ужасомзираю
На изгаженную прелесть

^{3*} Слово «что» вписано над строкой.

Неаполь, 24 июня

Что может быть выше, проще, глубже и величественнее Пестума¹. Впечатление от него можно сравнить только с впечатлением от Пантеона. Густые заросли чертополоха, папоротника, полыни и других диких трав. Впереди узкая полоса синего моря. Сзади холмистые шапки гор, покрытые зловещими холмами облаков. И среди этого немые, благородные колонны. Смыли и уничтожили волны моря, вихри ветра всякие следы жизни, осталась только природа и храм. Впечатление от Пестума прежде всего религиозное. Ничего, только намеки и полуслова остались от тех греков, которые некогда толпились около этого храма, входили по его ступеням, и только как живой и вечный свидетель силы и величия былого стоит великий храм Посейдона*. Природа и творение рук человеческих, но какое творение, с какой целью. Да, с какой целью, был ли этот храм отзвуком «жизни», отзвуком «науки». Нет, это был отзвук «religionis»^{2*}. Связи между жизнью и зеркальностью, духом. Этот храм [-] та лестница, которая соединяла небо и землю, Бога и мир. Что из того, что забыли Посейдона, что разрушен и полуразвалился его храм, каждый камень носит на нем следы рук человеческих, которые 3000 лет тому назад к небу^{3*}. Нигде не понять так ясно и глубоко смысла религии, как в Пестуме. Человек погиб, осталась только связь, которую он нашел между Богом и миром. Довольно, здесь вся культура, вся «зеркальность».

В Пестуме – вся Эллада, как далеко до нее всегда только «ренессансному», практическому Риму.

В Пестуме человек наедине с Богом и природой, т.е. с космосом. Все строго, все молчит и все полно^{4*} великой, глубокой задумчивости.

На пароходе, 26 июня

Ну что писать еще о море. Глубже Баратынского не скажешь, не придумаешь.

Человеку непокорно
Море синее одно,
И свободно и просторно
И приветливо оно
И лица не изменило
С дня в который Аполлон
Поднял вечное светило
В первый раз на небосклон¹

Опять эти самые красоты природы, вот уже дней 5 как на них только и приходится «любоваться». Везувий, Капри, Неаполитанский залив, море и пр[очее]. Ни «красот природы», ни этнографии я не люблю. Эстетически на меня действует только искусство, в смысле «иск[у]ственности». На природу больше смотришь «научными глазами». Но вот море люблю, за что? Определенно не скажу, за его свободу, простор, прихотливость, или вот именно за то, что оно лица не изменило, что оно полное бесстрашие.

* Здесь и далее у С.И. Вавилова «Поссейдон».

^{2*} Религии (лат.).

^{3*} Так у С.И. Вавилова, вероятно, перед «к небу» пропущено слово вроде «устремлялись».

^{4*} В оригинале «полной».

А propos* как удачна эта фраза:

И лица не изменило
С дня в который Аполлон
Поднял вечное светило
В первый раз на небосклон.

Да, лица не изменило только с этой поры. Лицо моря все от солнца, на нем оно и бирюза, и малахит, и мрамор, без него только шумящая бездна. Так-то глядя на море, думая об Аполлоне, вспоминаю фотохимию, да не только вспоминаю, но и читаю. Да, забыл, сказал, что в природе мне нравится только море, нет, еще и небо, темное, бархатное море^{2*} с великолепными звездами над морем, это еще величавее и красивее моря. Да, море и небо, вот оно, а суши не надо. На суше только культура и эстетика. Еще о культуре, глядел я на народ в Риме, в Неаполе, вот сейчас на пароходе, да, это те же римляне, совсем и совершенно. Культура, слава Богу, только поверхностна. Паки единственная серьезная вещь кроме жизни [-] наука.

Море, около Ливорно 26 июня

Ночь, виден красивый ряд огней Ливорно, наверху опять загорелось вечным светом звезд небо. Те же огни и тут и там, и на набережной Ливорно, и наверху, но, Боже, какая разница. Дни и годы могут смотреть на небо, удивляясь, восхищаясь, находя пищу уму и сердцу. Вечные отвлеченные и такие конкретные огни. Каким трепетом и восторгом одновременно проникаешься при взгляде на небо. Я, я часть этого всего, и во мне же отражение всего; все, и кроме того я; о, великое чудо зеркального «отображения». Я царь, я раб, я червь, я Бог¹, вот чувства при взгляде на небо. Те же огни, но не с неба, а с набережной Ливорно, думаешь о керосиновых и электрических фонарях, световых эффектах, но, во всяком случае, не о «чуде». Почему, да опять, конечно, (нрзб.). Можно и глядя на керосиновые фонари думать о том же, о том же чуде... но вот что-то не думается.

На пароходе едет десятка два простоватых, добрых, неряшливых итальянцев, два глупых немца, насвистывающих свадебный марш из Лоенгри-на, лысый аббат, два-три гордых, но мне нравящихся англичанина, да мы, двое русских. С итальянцами на так называемом «французском языке» объясняешься о красотах Италии, рассказываешь им о «Volga», о «Crimée», о «l'empereur Russe», хвалишь Vittorio Emanuele и его монумент, говоришь о турках, ешь макароны и ризотто и думаешь о грубости жизни, красоте ее «отображения».

Милан, 28 июня

Как это ни странно, но Милан по отношению к «идеальной» Италии во многом то же, что Неаполь. Как Неаполь утрировка, грубость вместо патриархальности, грязь вместо простоты, так Неаполь* утриров[ка] в другом, «немецком» отношении. В Милане итальянского города нимало не чувствуешь.

* Кстати (фр.).

^{2*} Очевидно, описка, должно быть «небо».

* Очевидно, описка, должно быть «Милан».

Все его палаццо и церкви только вкрапления и во всяком случае не суть. Может быть, чудная гармония Венеции, Флоренции и Рима – слияние двух элементов, миланского и неаполитанского. Милан «шикарный» город, иного слова и не подберешь, итальянцам он, может быть, грезится как идеал будущего, но он мне неприятен, как немец в Италии.

И странно, в таком городе вдруг Леонардо, он весь тут. Сена^{2*}, рукописи, все работы учеников, великолепнейший плафон Castello^{3*}. Леонардо... Ведь это один из главных моих «святых», и он... в Милане. Где-нибудь в глухом углу Флоренции, вот ему место. Как подошли, как гармонировали Рафаэль и Буонаротти к Риму, Бот[т]ичелли и Филиппино Липпи к Флоренции, Веронезе и Джорджоне к Венеции, а тут [–] Леонардо и Милан. Может быть, я и ошибаюсь, может быть, это хорошо, что Леонардо в Милане, что и здесь чувствуется заостренная улыбка, диссонанс всех его творений. Может быть, но все-таки с большей радостью увидел бы я Леонардо во Флоренции. Что я люблю в Леонардо, почему каждый штрих его и даже его ученика мне дорог и интересен? Не поганый ли это эстетизм, Волынский и Мережковские. Не без этого, конечно. Но Леонардо я знаю. Для меня Леонардо великий прообраз «зеркального существования», полного и абсолютного эстетизма – как этики и науки, как содержания жизни. Леонардо – вот великое воплощение «истинного Фауста», сказал я как-то уж однажды. С удивлением я смотрел сегодня на Сена'у и старательно искал, кто же льет на эти бушующие волны примирительный елей. Христос – нет, Христос – это только абсолютная покорность. Иоанн, да, в нем есть что-то от Джоконды, есть созерцательность, «эстетическая» примиряющая улыбка. Но Иоанн почти исчез... только намек. Только строгая геометрия комнаты, симметрия, вот то, что все связывает и успокаивает. Да, это странно, но с «леонардовской» точки зрения. Сена [–] картина самая непонятная, слишком много живописи и искусства. А вот и плафон... он, конечно, только гениальная забава, и с этой точки [зрения] он объясним. Портреты д'Эсте и музыкан[та] тоже безличны, высоко живописны, монументальны, но тоже только забава. Джоконда и Леда, вот не забава у Леонардо. Еще рисунки и кодекс. С каким трепетом и восторгом взирал я сегодня на этот «великий» во всех отношениях фолиант, где наука так дивно перемешивается с искусством, где воплощается чудо «зеркальности». Ученики Леонардо – они интересны, они же и смешны. Интересны как отзвук, как скверные, но все же фотографии великого. Нелепы как художники, нелепы и бессмысленны до невероятия. У Леонардо все связано с его личностью, его «улыбки» – неизбежны и нужны, его позы и жесты также, без них Леонардо не Леонардо. У учеников это трафарет, «trade mark»^{4*} и нелепость. Ученики поумнее и поталантливее, вроде Луини^{5*}, стараются объяснить улыб[ку] и жесты мягкостью и сентиментальностью во вкусе Дольче и Сарто, другие просто ни к селу и ни к городу, не понимая и не вдумываясь, ляпают повсюду trade mark. Такова церковь «св. Мавриция», она попросту «живописный абсурд», но интересна.

^{2*} Здесь – «Тайная вечеря» (l'Ultima cena, *ит.*), фреска Леонардо да Винчи в Милане.

^{3*} Замок (*ит.*), здесь – потолочная роспись Леонардо да Винчи в миланском замке Сфорца.

^{4*} Торговая марка (*англ.*).

^{5*} Слова «вроде Луини» вписаны над строкой.

Копенгаген, 6 июля

В 8 дней пролетели перед глазами чистенький ханжа Базель с кнейповским кафе и пустым, но красивым, как вся Швейцария, Гольбейном, Майнц с толстыми, но после швейцарцев все же приятными немцами, Рейн «mit hübschen Schlössern und Ruinen»^{*} и с прелестными городками и деревушками прямо с гравюр Дюрера, приятный Кёльн (немец, разбавленный французом), полезный и удобный, как сосиска^{2*}, Берлин. Образ Италии затуманивае[тся], принимает благородные, идеальные черты. Германия уж, конечно, не «эстетична» всем своим существом, всюю своей жизнью. Во время путешествия по Рейну, глядя на «hübsche Schlösser»^{3*} и пр[очее], думал о Германии, об Италии, и прежде всего вот о чем. Почему в Италии наука не у места, а в Германии она дома, может быть, потому, что Италия [-] эстетика в жизни, а в Германии [-] в науке. Но нет, все это что-то не то. Мне в Германии что-то не нравится, всем существом своим, даже в науке она сосиска, изредка с Brat Wurst Kartoffel Salat^{4*}, даже в науке. Создал же Бог такую страну, такую комическую и так много делающую. Сейчас я в Дании. Здесь есть безусловный эстетизм жизни. Море, белые волосы, архитектура, простота... все это как благородный датский фарфор... бледное голубое и спокойное, как море. Здесь нет пыли жизни, нет крови Италии. Скука, холод и гранит. Это строго и красиво.

А вдали... ждут книги, лаборат[ория]... умел^{5*} Пуанкаре и опять великая загадка двух серьезных вещей – жизни и науки – выступает наружу.

Стокгольм, 8 июля

Скандинавия стильна, красива, благородна и скучна. Все здесь говорит об одном, звучит на одной очень красивой и гордой ноте [-] хмуром, сером севере. Стальные озера, сосны, лиловые скалы, красные избы, холод, Ибсен, Андерсен, Цорн, все, конечно, говорит об одном. Все это – обстановка... стиль. Это не Италия, ах, как далеко это не Италия. Жизнь и стиль – Италия и Скандинавия, но обе, нужно прибавить, эстетичные. Джоконда и датский фарфор – если продолжат[ь] сравнения. Какой, право, странный букет[:] Россия, Австрия, Италия, немцы и скандинавы. Идеальной бы научной обстановкой явилась бы только Скандинавия. Говорю об обстановке, для меня это понятно, для меня все путешествие [-] поиски или, вернее, оценка обстановки. Италия слишком хороша, она самоценна, эстетический кристалл. Швеция и Дания тем и хороши, что они обстановка. ...Ну, немцы, право, смешно о них и думать, увидав Италию и Швецию. Шелк и сталь, а посередине «warme Würstchen»^{*}.

^{*} С красивыми замками и развалинами (нем.).

^{2*} Так у Вавилова.

^{3*} Красивые замки (нем.).

^{4*} Картофельный салат с жареной колбасой (нем.).

^{5*} Надо: умер, так как он умер 17 июля по н. ст., Вавилов же пишет по ст. ст.

^{*} Горячие колбаски (нем.).

Гельсингфорс, 10 июля

Судьба занесла в Гельсинки*. После великолепной Италии, сытой и полной Германии, строгой Швеции впечатление от Финляндии самое несчастное: сухая воля, другого сравнения и придумать не могу. Единственно отрадное – русские лица, речь, солдаты. Дня через 2 уже в Москве. Обычная история, о ней мечтаешь. Это, конечно, хорошо. Там, конечно, постепенно испарится вода внешнего и случайного в этом путешествии и выкристаллизуются уже абсолютно чистые кристаллы образов Италии и севера, а самое важное там – наука. Италия и прочее – только внешнее, только декорация, а суть – наука.

Зависимость энтропии
от времени

$$S = k \log W + C$$

$$W = \frac{\mu}{m} \quad m = \frac{e}{v} \quad (\text{где } e \text{ — параметр системы, а } v \text{ — скорость})$$

$$m = \frac{e}{\frac{\mu}{t}} = \frac{et}{\mu}$$

$$m^2 = et \quad m = \sqrt{et}$$

$$W = \frac{\mu}{\sqrt{et}}$$

невероятно

$$\log W = \log \mu - \frac{1}{2} \log t - \frac{1}{2} \log e$$

$$S = k \log \mu - \frac{k}{2} \log t - \frac{k}{2} \log e + C$$

$$\log t = \frac{\frac{k}{2} \log e - S - k \log \mu + C}{\frac{k}{2}} = \frac{\frac{k}{2} \left\{ \log e - \frac{k}{2} \frac{S - C}{k} - \log \mu \right\}}{\frac{k}{2}}$$

$$t = e^{\frac{\frac{k}{2} \left\{ \log e - \frac{k}{2} \frac{S - C}{k} - \log \mu \right\}}{\frac{k}{2}}}$$

15 июля

Как-то страшно даже писать. До того серьезные минуты приближаются. За 1½ месяца пролетела Италия и Север. Как все это было красиво и просто... чистый эстетизм, мечтательность и, в сущности, наперекор всем дорожным передрягам il dolce far niente*. Теперь меня вновь окружила сложная жизнь, рвущая меня во все стороны. Еще одну^{2*} благодетельную сторону путешествия

* Сейчас принято Хельсинки.

* Сладкое ничегонеделание (ит.).

^{2*} Слово «одну» вписано над строкой.

познаю я теперь – освобожденность, простоту и одиночество. Ехать одному [–] путешествие приближалось бы к идеалу. Впрочем, Себенцов в достаточной степени не мешал. Об Италии, о себе, о науке и о будущем – завтра.

16 июля

От немцев, Швеции и Дании у меня остались только «Reisebilder»^{*}: люди, ландшафты, характеры... осталась ненужная география. Говорю это, прежде всего, чтобы уж окончательно ликвидировать дела с этим балластом.

Italia... волшебный край, страна священнных^{2*} вдохновений... Это не «страна», не «часть света», это великое художественное произведение, это целая философия. Философия эстетизма, отображенности. Не знаю, чем была Италия, и какую философию «возбуждала» (именно возбуждала) она 300, 400 лет назад, может быть, «саре диет»^{3*}, может быть, и другое что, теперь она навевает чистый эстетизм, il dolce far niente и созерцательность.

О пойми, что все проходит,
Что прошедшее – исчезло,
Настоящее – лишь призрак,
А грядущее – исчезнет.
Посмотри и ты увидишь,
Что прошедшее лишь в книгах
Настоящее в картинах
В переливах звуков чудных
И что вечное – наука
Позабудь юдоль земную,
Заведи библиотеку,
И поставь на полках длинных
Томы Пушкина и Гёте
Галилея и Ньютона,
Перелистывай альбомы
Наслаждайся Леонардо
Бот[т]ичелли иль Джорджоне
Или Гаусса раскрой ты
И гармонии науки
Насладишься дивным строем
Позабудь, что есть другие,
Позабудь, что мир вертится,
Что умрешь ты неизбежно.
Сон и явь пусть незаметно
Чередуются друг с другом

Мне было все равно, увижу ли я такую-то церковь, или не увижу, все это только конфеты, эстетизм, серьезное [–] наука. Посмотрел я вскользь на «жизнь» и еще раз понял ее полную Eitelkeit^{4*}. Все, что в этой «жизни»

* Образы путешествия (нем.).

^{2*} Над словом «священных» вписано «(высоких)».

^{3*} Sare diem – дословно «лови день» (лат.), выражение, означающее «насладись моментом», «будь счастлив в эту секунду».

^{4*} Тщеславие, суетность (нем.).

делает[ся,] делается целесообразно, но без сознания цели. Родят, едят, торгуют, работают и все без сознания, без малейшего

«И “жизнь” как посмотришь с холодным вниманьем кругом
Пустая и глупая шутка»¹.

Но не дай Боже, чтобы люди зажили «зеркальной» жизнью, это-то и есть конец этой зеркальности и превращение ее в «жизнь».

Картины... Много прекрасного оценил я на этот раз в них... но ведь это конфеты. Наука, ах, как глубоко и хорошо я понял ее, понял, что это единственное серьезное, оставшееся у человека.

22 июля

Да, картины; нет, далеко они не конфеты; они были главным содержанием путешествия, может быть, его главным результатом. Да, по совести говоря, ничего другого внешнего я так не люблю, как картины. Картины я понимаю и оцениваю почти безошибочно. Но это все а priori*, а главное [–] конфеты картины, или не конфеты? Конечно, вопрос-то глубже, вернее, шире, все искусство – конфеты, или нет, даже еще больше[: Италия-то уж не конфета ли? Есть, конечно, картины-книги (Леонардо), но ведь Джорджоне, Тициан, Веронезе, Hals, Rembrandt, Пуссен. Да, несомненно – конфеты. Но какие же тонкие, какие himmlisch-schmackhafte Konfekten^{2*} эти картины. Самое сильное впечатление от путешествия это Джорджоне, затмивший для меня даже Джоконду. Выше [н]его пока ничего не знаю. Как Пушкин – кристально чистый поэт, так Джорджоне кристально чистый художник. Художник без изломов и вывихов, как Микеланджело, Боттичелли, Леонардо и Греко. А все-таки и Пушкин и Джорджоне – конфеты. Что такое Джорджоновские «Drei Weisen»^{3*}, да коротко выражаясь

$$\int_a^b \int \int \varphi(f, d, o) df dd do$$

т.е. некоторая f от цвета, густоты и места. Сам Джорджоне и его гений скрыты в φ . Но это опять между прочим, а главное-то, Джорджоне – конфета. Тем не менее, это лучшее, что я узнал и понял в Италии. Италия и Джорджоне, или лучше Джорджоне в Италии. (В Вене он по недоразумению «пристал как корове седло»]). Пожалуй, я слишком увлекаюсь картинами, они должны быть Schmuck^{4*}, а не суть, но тем не менее я буду ими^{5*} увлекаться. Почему, и сам себе ясно не представляю.

31 июля

Завтра и 1-е августа, чуть ли не завтра начну и заниматься в лаборатории. Итак, лето прошло, для меня оно было очень коротким. 2 месяца; из них 1½ месяца скитаний, время эстетизма, и 2 недели работы. Фактически,

* Между прочим (*фр.*).

2* Небесно-вкусные кондитерские изделия (*нем.*).

3* Три волхва (*нем.*), по-русски принято называть «Три философа» (1507–1508).

4* Украшение (*нем.*).

5* Слово «ими» вписано над строкой.

за лето прочитал[:] 1) Benrath Photochemie; 2) Richarz Maxwell'sche Theorie; 3) Lorentz The Theory of electrons; 4) Eckermann's Gespräche mit Goethe; 5) Novalis Schriften; 6) Boehn Giorgione u[nd] Palma Vecchio*; 7) Нарежный Бурсак, переписал страниц 150 Лахтинских лекций. Бухгалтерии достаточно, в сущности на этот раз в полном смысле feci quod potui^{2*}, жалко только, что «potui[»]-то не особенно много, в 2 недели не разгуляешься. — Эстетизм я понял наконец, понял глубоко, оценил, полюбил и, может быть, преодолел. Венеция – самый крупный, самый чистый, самый благородный кристалл эстетизма. Джорджоне, Пушкин, Венеция – это спасение от «жизни», и я спасался. Мне есть от чего спастись: ряд фатальных неудач (т.е. подобранных случайностей, это самое ужасное), университетский разгром, смерть Лебедева и огромный ряд досадных и досаднейших мелочей. Но вот что я забыл, я забыл вторую дорогу, дорогу наступления на жизнь, борьбы (неприятным стало теперь это словцо) с нею, я отступал от жизни, я шел по линии наименьшего сопротивления, hier liegt der Hund begraben^{3*}. Так вот, мне кажется, что, посетив Италию, побывав у самых истоков этого «наименьшего сопротивления» эстетизма, я понял всю его красоту и всю его (это верно) могильность, это могила, отступление. Я хочу переходить в наступление. Смешно, конечно, сказать мне хочу, надо это сделать.

Прочитал Novalis'a и доволен. Для немцев и этого достаточно. Novalis и Hofmann это уже сила. Novalis странный и даже смешной, поэт, хотевший быть философом, философ, хотевший быть поэтом, в сущности, не бывший ни тем, ни другим, горевший платоническим жаром к поэзии, к философии и даже к... математике. Есть искры самой глубокой истинной поэзии, есть искры и глубокой философии, много воды, риторики. В сущности, весь Novalis понятен из своей несчастной биографии. Много, конечно, осталось и немца, но глубокая религиозность совсем в духе не немецком. В афоризмах много хорошего, много нашел «своего», есть понимание «эстетизма» поэзии и науки. Novalis'у предстояло или загдохнуть, или перерасти Goethe. Он умер в начале дороги и тем дал еще особый искренний оттенок своим творениям.

6 августа

Из области Gedanken-Experimente*. Предположу, что я помещен в абсолютно замкнутую изолированную систему, т.е. исключено всякое общение с другими системами, но в систему включены все «блага культуры», т.е. книги, картины, музыка, инструменты и пр[очее]. Спрашивается, за что первое я схвачусь, что начну делать и буду делать. Система пусть замкнута абсолютно, т.е. все, что я делаю, остается в настоящем и в будущем только для меня. Одним словом, solo ipso sum^{2*}. Эксперимент очень интересный в смысле понимания себя самого, себя, очищенного от прочего. Писать бы я, конечно,

* 1) Бенрат Фотохимия; 2) Рихарц Теория Максвелла; 3) Лоренц Теория электронов; 4) Эккерман Разговоры с Гёте; 5) Новалис Сочинения; 6) Бен Джорджоне и Пальма Старший [Пальма Веккьо] (нем., англ.); над первым и третьим названием стоят пометки «гл.», над вторым – «г.г.л.л.».

^{2*} Feci quod potui – Я сделал [всё], что смог (лат.).

^{3*} Вот где собака зарыта (нем.).

* Мысленный эксперимент (нем.).

^{2*} Я один (лат.).

ничего не стал, смешно, право, ведь это-то уж, конечно, для других и только изредка для «другого» себя, т.е. как воспоминание. Читать бы я стал, но кого, конечно, не Voigt'a или Plan[c]k'a, а Дюма, Пушкина, Гёте, критиков, эстетов и газеты (я газеты читаю именно как «Дюма», а вовсе не из-за любопытства), одним словом, я стал бы эстетом... Но это не главное, совсем не главное, главное в том, что это опостылело бы довольно скоро, и, безусловно, я взялся бы за науку, и только, конечно, за физику и математику. Почему? Ну, тут уж кажется область биологии, которую я недолюбиваю^{3*}, почему? да потому что математика и физика [-] эстетический труд, а труд (вот тут-то именно и есть биология) *conditio sine qua non est*^{4*}. Между прочим, я сейчас еще не решил, стал бы я ломать стенки своей замкнутой системы, если бы к тому представлялась возможность, может быть – и не стал бы, а, может, сломав и осмотревшись вокруг, опять бы починил. Я вовсе еще не исчерпал (даже не начинал черпать) всех следствий эксперимента, займусь ими после.

13 августа

Что-то много связанных со мною, так или иначе, умирают. Лебедев, Пуанкаре, Настасья Петровна, Суворин, Станкевич, Дедюхина, есть и еще. Господи, что ж может быть трагичнее и ужаснее смерти, а я вот сейчас ничего, сижу и более чем спокоен. Бывают у меня моменты, секунды, когда я становлюсь совершенно на другую точку зрения, чем стоял секундою раньше, все теряет свою цену, или по крайней мере переоценивается. Каждая смерть знакомого всегда во мне возбуждает на короткий миг именно такую перемену точки зрения. Наука, искусство, книги, еда, все становится пустяком. «Умрешь», думаешь о себе, «умрут», думаешь, глядя на мать, сестру, брата и пр[очих]. Я как-то тут видел странный сон, произведший на меня впечатление самое гнетущее. На моих руках умирал брат, определенно до последнего*.

2 октября

С каждым мигом я для себя все более и более и проясняюсь, и... ужащаюсь. Какая-то сплошная неспособность, никакого сопротивления вынести не могу. Порою признаюсь себе в самой ужасной вещи, а не ошибся ли я, сделавшись физиком. Это правда, физику я люблю, для меня это безусловная *prima res*^{*}, но ведь Пушкина-то можно любить, а Пушкиным не быть, любить же физику значит быть физиком. Для меня сейчас все пути закрыты, сопротивляться я не смогу, и остается одно – «Италия». Кроме этой собственной неудачи и неспособности, какой-то кошмарный фатализм целесообразных случайностей. По всему фронту я терплю сейчас поражение, и главное – никаких надежд, а если что и есть, т[а]к только возможность красиво и приятно забыться. Может быть, и этого довольно, не знаю.

Кого мне больше себя сейчас жалко, так это России, все завесы спали с глаз моих и ничего кроме какого-то гноящегося студня я сейчас не вижу. Ни одного бодрого, прямого энергичного лица, все какое-то кривое, мягкое,

^{3*} В оригинале частица «не» вписана позднее карандашом перед чернильным «долюбиваю».

^{4*} Есть обязательное условие (*лат.*).

* Запись обрывается, далее в дневнике вырвано несколько листов.

* Первая вещь (*лат.*).

склизкое, грязное. Счастья нигде нет. Забываются музыкой, водкой, развратом. В сущности, если угодно, не страна, а целая философия, философия безнадежности, отчаянья и полнейшего скептицизма. Абсолютно ни одной талантливой черты. Что-то уж безусловно иррациональное, которое «аршином общим не измерить». Ни в какое возрождение России я не верю, сгниет, растащат немцы, если, конечно, не появится Петра Великого в 5-й степени.

6 октября

В судьбу я поверил, может быть, скоро уверю и в остальное. Что, право, чудней нынешней недели – целого ряда систематических, мелких, но ядовитых неудач – до потери ключа или досадного курцшлюса*, а к этим неудачам еще такая, как Пер-Гюнт¹, которого прочитал, [все это] указало мне в самое нудное время, уж, конечно, перст судьбы. Да, право, не насмешка ли это, уж не псевдоним ли [–] Пер-Гюнт, а под ним скрываюсь я, Сергей Вавилов. Великая кривая – моя линия наименьшего сопротивления, доврский дед – во многих отношениях – Евсеич, Сольвейг – Sancta Fisica^{2*}. Наконец-то нашел я и свое отражение, я – Пер-Гюнт. Хочу самим собою быть, достигаю только порою довольства самим собою. Пожалуй, и «Италия»-то моя не что иное, как это же довольство. Вот вопрос, что же так я Гюнтом и останусь, не лучше ли тогда уж заблаговременно пригласить пуговичника и кончить уж и без меня разыгранную комедию о Пере-Гюнте?

20 октября

А обстоятельства все запутываются, каждый день требует какого-нибудь серьезного решения, у меня же таких решений нет. Писать мне сочинение, или нет? Кончатъ мне нынешний год университет, или нет? Брат женился, Лид[ия] Ив[ановна] собирается выйти замуж за какого-то идиота, внешне условия ставят меня в роль какой-то «опоры семьи», а я сам потерял все опоры, пока еще прыгаю с ноги на ногу и тем поддерживаю подвижное равновесие. Надолго ли? А главное, как же хороша физика и как она заманчива, но, кажется, «видит око, да зуб неймет». Коллизия растет, все «crescendo»*, надо ждать и скорой развязки, какой? Бог знает.

31 октября

Я надежды все-таки не теряю, по крайней мере, «в мечтах». Иной раз само собою напишется что-нибудь вроде:

«Очистившись в горниле испытаний
Огнем судьбы и ядом неудач,
Как самого себя карающий палач
Из царства выйду я волнующих мечтаний! [»]

Выйду? Пока не вышел. Теперь я себя во многом понимаю и как-нибудь себя и опишу. Между прочим, понял я весьма важное, что для меня в жизни, кроме жизни (не «жизни») самой, ничего серьезного нет. *Ars et scientia longae*

* От немецкого Kurzschluss – короткое замыкание.

^{2*} Святая Физика (*ит.*).

* Крещендо – музыкальный термин, обозначающий постепенное увеличение силы звука.

sunt et vita brevis est*. Тут, собственно, конец всякого «для науки жизни не пощажу»¹. Ars и scientia только способ провести жизнь. Прошлый раз писал я об отступлении, для меня, кажется, в отступлении и наступлении разница исчезла. Пока наступаю, и буду наступать, но начинаю (фактически, занявшись итал[ьянским] языком) обеспечивать себе спокойное отступление. Впрочем, подробности после.

21 ноября

Дни мои тянутся и с божеством, и с вдохновением, с слезами, с жизнью, пожалуй только без любви. Столько нагородил я себе занятий, что даже страшно подумать о том, как эту сетку придется расплести по ниточкам. Работа в лаборатории, 2 письменных работы, итальянский язык, чтение физ[ических] книг и журналов, университет, для всего остаются самые ничтожные кусочки времени. Необходимо упроститься. День же мой проходит обыкновенно так, прихожу в 10 часов в лабораторию и начинаю копать, к несчастью, вокруг все разговорчивая публика. Говорят о театрах, сплетничают, скользят a vol d'oiseau* по физике и работать мешают (впрочем, я и сам, и довольно усиленно, в том же самом стиле разговариваю). К примеру, сегодня толковал с Курепиным, не желающим понять того, что такое переменная величина; пришел П.П. [Лазарев] и завел разговор на тему о студенч[еских] забастовках, о неспособности русского народа etc. А propos^{2*} по поводу П.П. Что он такое? Раньше я его считал из породы «приват-доцентов», теперь вижу, что ошибся, он оригинален, умен, но иногда совсем не физик, в нем есть даже что-то больное. Я воспрянул и немного ожил, услышал от него сегодня, что «глупее и бессмысленнее студенческих забастовок придумать что-либо трудно, что уход профессоров из У[ниверсите]та тоже глупость, что Лебедев уходить не хотел, что он ушел только вслед за Лебедевым», наконец-то искренние, хорошие слова (пишу сегодня слогом летописным). Смерть П.Н. [Лебедева] еще большим ужасом отзывается в памяти. Наша лаборатория все же похожа на могилу и порой, особенно когда никогда^{3*} нет никого, и ходишь один, прямо страшно становится: Si gît la physique russe^{4*}. Лебедев пришел, кроме личного таланта, с единственным организаторским талантом, талантом основателя школы, это-то сознавать теперь особенно жутко. Не везет, грустная юность, в будущем перемен не предвидится.

30 ноября

Открытие для меня самое поразительное: по существу своему Чехов был вторым Пушкиным; та же абсолютная честность, правда и полная внутренняя свобода. Быть и изображать у Пушкина и у Чехова 2 вещи разные. Абсолютный оптимизм в жизни – вот черта Чехова, по своей натуре Чехов такое же солнце, как и Пушкин. Удивительно хорошая книга, эти чеховские письма, лучше он не писал ничего.

* Искусство и наука долги, а жизнь коротка (*лат.*).

* С птичьего полета (*фр.*).

2* Между прочим (*фр.*).

3* Вероятно, описка, следует: «иногда».

4* Здесь покоится русская физика (*фр.*).

4 декабря

3 дня вот уже я в довольно взволнованном состоянии; купил на Сухаревой настоящую итальянскую *sessacento**, картина школы Леонардо, некоторые детали написаны превосходно; в состоянии картина очень печальном; антикварий, у которого я покупал картину, находил в ней только хорошим раму. Но я доволен, какой-то новый аромат в окружающей обстановке, что-то совсем живое. Италия и шестнадцатый век теперь со мною. Бог ее знает, может, по этому полотну прошла кисть и самого «*maestro*», ведь духом-то Леонардо она полна. Не знаю, счастье или несчастье для меня эта картина, она-то ведь и есть для меня символ «итальянского» отступления. Но зато отступление станет теперь таким красивым. Впрочем, нет, хорошо бы синтезировать прелесть «отступления» с благородством и красотой наступления. Конечно, хорошо бы.

18 декабря

«Ne avrai la forza?[...]» Io rispondevo a me stesso: «Chi sa!» E aspettavo [...] di giorno in giorno un evento (non sapevo quale) che provocasse la mia risoluzione»*.

26 декабря

*Homo homini lupus [est]**, т.е., не то чтобы совсем *lupus*, а просто чужд, непонятен и неусв[аи]в[а]ем. Вру я, конечно, все эти «эстетизмы», Джорджоне, концерты – все это штампованное, а потому и другим известное. Весь ужас в одиночестве. Или, опять не так, если бы одиночества этого не было бы, не было бы и человека, а была бы просто пространственно-временная частица общей машины. Ведь к чему стремишься? 1) Быть со всеми, 2) быть первым. Все вещи неприятные.

31 декабря,

12-й час ночи

Еще в лучшем случае 1/70 жизни канула в Лету. Слава Богу, или нет, но

«Я пережил свои желанья
Я разлюбил свои мечты[»]¹

* Шестнадцатого века (*ит.*).

* «...Хватит ли у тебя силы сделать это?» И я отвечал самому себе: «Кто знает!» ... ждал со дня на день события (сам не знаю какого), которое вызвало бы мою решимость» // Габриэле д'Аннунцио (1863–1938) «Невинный» (1892); пер. Н. Бронштейна (1910).

* Человек человеку волк (*лат.*).

В этом году у меня ничего катастрофического не случилось, все «тек-ло» – но все же вернее всего это был год отчаянья, каждый день приходилось «переживать свои желанья» и прощаться с мечтами... В чем эти мечты и желанья – теперь, когда они почти пережиты – почти что совестно писать. Главное – в науке я не дома. Эпиграфы, которые я поставил себе верстовыми столбами на 1912-й год – были очень кстати и оправдались. Ведь весь этот год, по крайней мере с 1-го июня по 31 дек[абря] – полон Италией..., эстетизм вошел во все поры души моей (поганое это слово стало теперь, т.е. эстетизм, но все-таки надо признаться, что немножко и в моем эстетизме есть от бритых шей и смокингов). И это было хорошо – Италия меня спасала, была той подушкой, на которую я всегда благополучно сваливался после всякого рода крушений. Теперь с итальянским языком я вступил в еще более крепкую зависимость от Италии. Теперь второе – наука. И в нее я тоже вошел, и ею тоже полно мое существование – но все-таки, кажется, я не ученый. Впрочем, что же, ведь «как ни живи – жизнь проживется» – а в общем схема жизни моей прекрасна, искусство – как этика, а наука [-] как суть. Но пишу-то я пока что не о деле. А дело в том, что я – почти больной человек, я, как уже писал, немножко из Гофмана, Достоевского и Розанова, и вот тут-то моя схема и рушится. Я пока все строю схемы и позабываю о себе. Однако, *basta**.

В общем настроение и прочее у меня сейчас таково, что вот я сейчас думал, а что, если я в 12 ч. ночи «покончу жизнь свою», так это мне страшным и ужасным не показалось. А в конце 1910[-го] или 1911[-го], наверное, показалось бы. Теперь я к этому совершенно равнодушен. Исчезает творческий порыв. Таковы результаты моей эволюции.

Фактическая схема 1912[-го] г[ода] в общем такова. 1) Январь–март Работа с выцветанием. Апрель–май Экзамены. Июнь–Июль/2 Италия. Вторая пол[овина] июля довольно усиленн[ое] чтение (этим временем доволен). Август–декабрь – безрезультатная работа в лаборатории, отнимавшая много времени. Тщетные попытки писать всякого рода сочинения, чтение Planck'a, итальянский язык и мечты об Италии. Даже чего-нибудь «Наполеоновского», чего я втайне ожидал, будучи огромнейшим суевером и фаталистом – не случилось. Итак, *addio*^{2*}. Время необратимо.

* Довольно, хватит (*ит.*).

^{2*} Прощай(те) (*ит.*).

1913

«На свете счастья нет,
а есть покой и воля»¹

*Пушкин
1-й час 1913 г.*

1 января 1913 г.

Звонят, звонят и радостной молитвой
Как перед новой и страшной битвой
Народ
Встречает Новый год

А я сижу один и думаю и пишу. Право, хорошо. Ну что же, и, слава Богу, – что кончено с мечтами и что я, в общем, равнодушен. Чудный эпитафия выискал я себе на этот год; пожалуй, он больше, чем два прошлогодние, не говорит, – но он всему дает совсем новый оттенок – жизни и факта. Счастья – как чего-то самоценного нет – есть покой – Италия и счастье воли, напряженности, и работы. Вот они мои два идеальные полюса, я ничего не хочу, никем быть не желаю, я желаю счастья, воли и покоя. Сбросить все третье – вот задача на этот год. Сбросить все лишнее – усложняющее, упростить жизнь, сделать ее целой и красивой – вот и все. Не хочется говорить о деталях. Простота, ясность, равнодушие, воля и покой. И пусть год будет самоценным – не для других, а для себя. Пусть каждый день будет как последний. Именем Пушкина начинаю я этот год, довольно абстракций Гёте и Леонтьева. Улучшить самого себя – остальное приложится. Итак, мы начинаем.

4 января

Сейчас морозит, градусов 15, а потому невольно мысли улетают в чужедальние края. В Венецию и Неаполь, и, конечно, Венецию летнюю, Неаполь июльский. Этот жар и пекло кажется тогда наказанием Божиим, а теперь он смотрит так поэтически. Обычная история. Впрочем, все это только предлог для переписания виршей, написанных еще в августе прошл[ого] года.

ВЕНЕЦИЯ В ПОЛДЕНЬ

Беспощадно солнце светит
И палит и ослепляет
Воздух жаркий напоет
Золотым своим туманом
Эй вы бронзовые кони!
Слуги верные San Marco
Вам конечно тоже жарко
Там высоко на фронте
Кондотьеру Коллеони

Верно тоже очень тяжко
Восседать в тяжелой брони:
Вот вспотел-то чай бедняжка!
На каналах так пустынно
Дремлют в лодках гондольеры
Только храбрый кондотьеро
На коне сидит так чинно
И покрыва путник ищет
У San Rocco, Тицианом
Замалеван где Джорджоне
Иль у San Pantaleone,
По палаццо старым рыщет.

Для этого недоконченного полдня венецианского нужен бы в *pendant** и вечер, пождем вдохновения, Италия такая штука, что и я иногд[а] вдохновляюсь.

23 января

Для меня нет и не было человека выше всего. Все люди односторонни, кривобоки и ошибаются. Все [-] и Платон, и Леонардо, и Лебедев, и Пушкин – не таковы, чтобы я мог к ним обратиться всякую минуту за руководством; перед каждым человек[ом] я должен играть роль, «представлять», иначе он меня не поймет. Пол-

ной искренности быть не может, это был бы не человек, а нечто вроде маховского «комплекса ощущений». Для меня Я все же искреннее всех, и именно мною и руководствуюсь. Говорю все к тому, что понял теперь, что такое «люди-человеки».

Поразительная вещь, все наши физики (впрочем, может они не физики) – эстеты, скрытые ли, явные ли, но эстеты безусловны. П.Н. [Лебедев] был музыкантом¹, любил Италию etc. П.П. [Лазарев] под шумок читает стихи и романы. Тимирязев[ы] в этом отношении более чем подозрительны [-] и музыка, и картины, и романы, и философия etc. Даже честный Порт и то почитатель Венер. К.А. [Леонтьев?] скрипач etc. Низшая братия, Селяковы, Павловы, Молодой, я – эстеты безусловные. Это более чем правило, это прямо закон. Не то обратная сторона медали, не то необх[одимая] принадлежность лицевой стороны. Наука и искусство (очень редко + философия и прочая дрянь, это очень важно).

А все-таки делу время, а потехе час. Сидеть «живому» человеку в театре часто прямо мучительно, читать романы еще хуже. Для «живого» это, пожалуй, самозаклание.

Мое опрощение далеко не подвигается, пока все еще похоже скорее на метель, чем на ясную погоду.

* Соответствие (фр.).

ФЛОРЕНТИЙСКИЕ ПАЛАЦЦО

В этих каменных, серых палаццо
В час, пылающий огненным зноем
Дышит все тишиной и поко[е]м
И прохладно в них так укрываться
Пусть прошедшее было печально,
Пусть в грядущем конца нет печали
В этих стенах уже замолчали
Звуки радости, звуки печали
И зовут только нежно-прощально
Вечность все эти звуки забыла,
Красотой здесь покрылось бывшее
И здесь мертвое – стало живое
И здесь смерть навсегда отступила
Как в Элизиумходишь священный,
Где прошедшее вечностью стало
Где горят чистотою кристалла
Тишина с красотой нетленной

Опять впечатления далеко не январские, а просто-напросто копия сентябрьских вирш, написанных когда-то на клочке.

9 февраля

Дом наш опустел, Н.И.¹ отъезжает, Л.И.* живет, стала М-ме Макарова, А.И.^{2*} со своими bambini^{3*} уехала. Отца редко видно. Я с матерью остался. Тишина и одиночество. Во всяком одиночестве есть доля скуки, печали и благородства. Именно одиночество-то и есть признак благородства: «Ты царь – живи один». Быть одним – это высшее благородство и высшая печаль. У меня друзей, кроме книг, нет, все мои «дружбы» формальны, т.е. просто как-то скользят. По себе я человека не нахожу, да думаю, и не найду.

26 февраля

Это хорошо, редко на меня стали находить философические моменты, ум специализируется, я приобретаю привычку работать и есть следы силы воли. Впрочем, все не так радужно обстоит, как можно подумать по первым строкам. Работа¹ моя затягивается и усложняется, П.П. какой-то поистине взбалмошный человек и во всяком случае не «физической» складки, в нем слишком много иррационального. С работой гложут мои теоретические занятия. Правда, с интересом читаю научные журналы – но от классиков отстал... Беллетристики тоже значительно сузилось. На моих столах сейчас лежат вот какие книги: Goldhammer Disp[ersion] und Abs[orbition]* (еще читать не начинал и, Бог весть, когда начну, может, и совсем не начну); Nicolai Italien wie es wirklich ist^{2*} (трамвай по[д] белл[етристическое] чтение идет живо,

* Сестра С.И. – Лидия Ивановна.

^{2*} Сестра С.И. – Александра Ивановна.

^{3*} Дети (ит.)

* Гольдгаммер. Дисперсия и абсорбция (нем.).

^{2*} Николаи. Италия, какова она в действительности (нем.).

чепуха страш[ная]). Выб[ранные] м[еста] и[з] пер[еписки] с др[узьями] Го- голя – заст[р]ял на половине; *Planck Wärmestrahlung*^{3*} постыдно застрял у конца (завтра или послез[автра] опять начну). *Voigt Magnetooptik*^{4*} (на эту и взглянуть боюсь, и стыдно, и страшно, и грустно). Лежат также Оствальд и Нернст (собираюсь готовиться к экзамену по физ[ической] химии). Лежат Плотниковские книжки, Weigert и <нрзб.> и Лазарев да еще Беговы логарифмы (орудия фотохим[ических] занятий). На стуле валяется 3^й том писем Чехова – этого урывками читаю с жадностью (5+). Лежит груда журналов проч[и]танн[ых] или пересмотренных (вот по отношению к журн[алам] я чещен – читаю). Лежат разные итальянские вещи, занимаюсь урывками и ими. Такова картина моей текущей литературы.

12 марта

Года идут... И с ужасом гляжу
На то, что пройдено и что пройти осталось
И с трепетом слежу, чтоб не распалась
Мечтаний ткань, которую вяжу.

Мне сегодня 22 года. Печалиться нечего, впереди, наверное, порядочно. Но зачем? Я к этому совсем равнодушен теперь. Сейчас я даже не желаю быть заново рожденным, как когда-то, а просто не рожденным. Просто и хорошо.

28 марта

Почему так мало пишу? И сам не знаю, вернее всего оттого, что стыдно, ни одной веселой ноты. Я удивительнейший оптимист, а пора бы сделаться пессимистом. Себя я теперь и постигаю, и нет. Я, кажется, больной человек, не способный ни к чему целому и, главное, в разладе с роком. Я человек судьбы. В свое «нутро» мне порой страшно заглянуть, такая там каша и неразбериха. Сознаю себя какими-то клочками и урывками. Судьба могла бы меня двинуть вверх, я сам не могу; а судьба, как нарочно, иной раз и в пропасть толкает. Весна, а у меня сейчас самое осеннее настроение, и в Италию разуверился. Снобизм, притом второсортный. Всякие эстетизмы [–] «Старые годы», «Аполлоны»¹ просто противны, как лягушки. Одну науку люблю по-прежнему. Ну вот! Что будет со мной 28-го марта через 3 года? Кем я буду, я не знаю. Рельсы судьба из-под ног у меня вырвала и куда иду, не знаю. Одно утешение, открываю Александра Сергеевича и убаюкиваю[сь].

Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!
В день уныния смирись!
День веселья, верь, настанет.
Сердце в будущем живет;
Настоящее уныло:
Все мгновенно, все пройдет;
Что пройдет, то будет мило.

^{3*} *Планк*. Тепловое излучение (нем.).

^{4*} *Фогт*. Магнитооптика (нем.).

1 апреля

Я решил остаться еще на год в университете. Собственно, решил-то я давно, почти осенью, да теперь-то это бесповоротно. Скорее я не решил, а не решился кончить. Страшно! Что я потом-то делать буду [?]. В университете на мне фуражка с синим околышем, плачу деньги 4 раза в год. Знакомым говорю на вопрос о «делах», что «науку двигаю» etc. А что я буду делать вне университета[?]. Ну отслужу в солдатах. Дальше? Не знаю, темно. Ах, если бы не злосчастная история с Лебедевым¹, был бы я теперь, может, оставленным, был бы горд, спокоен и каждый бы шаг мой был целесообразен. Остаюсь еще на год, потяну еще волюнку, может быть, что-нибудь и вытяну, в тайниках души своей надеюсь на то, что, может быть, найдется место лаборантика или чего-нибудь в этом роде где-нибудь в Варшаве, или в Университете что-нибудь изменится². Авошь! Сейчас никаких рельс нет передо мною, пришлось бы скакать по рытвинам и ухабам и по всей вероятности угодить куда-нибудь в яму. Кроме того, остаюсь на год, чтобы иметь возможность «офизичиться», а посему должен работать вовсю. В общем, конечно, выходит лишь печальная история молодого человека.

На столе у меня все физики стоят [-] Лебедевы да Poincaré, в шкафах глядят Гауссы да Ньютоны, ...и на самом деле как далеко я еще не физик. Да и кто я, Бог знает.

Я ни философ, ни поэт
Я ни ученый, ни художник
Во всех ремеслах я сапожник
И мне на свете клетки нет.

17 апреля

Getto una palma al mare e mi va al fondo
Agli altri vedo il piombo navigare*

Вот именно для такого несчастного существа и нужно найти клетку. А впрочем, basta, остается одно из 2-х 1) найти rimedio^{2*} 2) уйти к праотцам. О втором говорить не буду – дико! О первом же и говорить почти нечего. Целесообразность в работе. Вот и все... Aufheben aller Ausschweifungen^{3*}. Но отчего это зависит, ей Богу, один Бог знает. Вот час тому назад я был полнейшим пессимистом и, потеряв всякие надежды, спасался «Италией». Теперь, хотя Италия у меня по-прежнему на столе, я стал почему-то оптимистом. Низкая температура и то, что Красавин сегодня заперт, подогрели пессимизм... Да не голова у меня на плечах, а testaccio^{4*}. Comincio a immaginare il viaggio. Sicuro in Italia. Questo anno non ho nessuno compagno, perche credo che il viaggio puo essere molto utile. Vedremo dunque^{5*}.

* Я бросил ветку в море, и она утонула

Кто-то, я знаю, прикрепил к ней свинец (*ит.*).

2* Лекарство; способ (*ит.*).

3* Отменить все излишнее (*нем.*).

4* Здесь – глиняный горшок (*ит.*).

5* Начинаю мечтать о путешествии. Конечно, в Италию. В этом году у меня нет никакой компании. Однако полагаю, что путешествие может быть очень полезным. Итак, посмотрим (*ит.*).

26 апреля

Еще одно страшное желание приходится выговаривать, надо постараться покончить с лабораторией. Это какая-то нудная, затяжная игра. Наукой здесь пахнет очень мало, есть ремесло, да и то не высокого качества. Здесь никому нет дела ни до кого. П.П. [Лазарев] – это, кажется, одно недоразумение, он не физик, не врач, а просто неведомо что. Был сегодня в лаборатории. Voigt und ich hatte den Zufall gehabt den echten Wert unseres Laboratoriums zu ersehen. Alles gutes – sind hier einige Überbleibsäle von Lebedew. Alles neues ist hässlich, falsches und dummes. Und das Betrachten von schönen Gestalte von Voigt, dieses echten Physiklers war so lehrreich für mich und in derselben Zeit so traurig. Was kann ich aber machen, s' gibt keine Hoffnungen mehr. Ich selbst kann gar nichts machen einen Führer aber sehe ich auf meinen Wege nicht*.

За целые дни ни одного шага искренне[г]о, все маска, разыгрывание роли физика. «O armen ich, oh armes Russland». Verfault, verdorben, was bist du noch mehr.

O nehme mich,
O nehme mich
Dahin dahin
Nach Göttingen.
Geheimrat Voigt,
O nehme mich
Ich flehe dich^{2*}

12 июня¹

Più che un mese non nivoscritto nessuna riga, e perchè? Sono arrivati i giorni oscuri. Primo l'ammalitia era può darsi imaginaria, era «psicologia». Adesso sono già i veri elementi d'una tragedia. Mio lavoro nel laboratorio (il lavoro di due anni) non mi da nessuna speranza. Alcune volte credo che il vero nome del mio lavoro è «il tempo perduto», io sono débole e nessuno può aiutarmi. La storia sgradévole con l'esame di geometria analitica, la storia pià comica che seria. Iterrizia sospetti – il veleno dei miei ultimi giorni. Una gelosia acuta ai tutti questi. Титушин, Николаев etc. (io – primo sono adesso l'ultimo). Una assoluta assenza – del vero lavoro d'una occupazione, i rimproveri del mio padre le tracce del

* У Фогта и у меня был случай установить подлинную ценность нашей лаборатории¹. Все хорошее здесь – только то, что осталось от Лебедева. Все новое скверно, фальшиво и глупо. Рассмотрение прекрасных схем Фогта, этого настоящего физика, было столь поучительно для меня и в то же время столь печально. Но что я могу сделать, больше никакой надежды не остается. Я сам не могу ничего сделать, но и руководителя не вижу на своем пути (нем).

^{2*} «О бедный я, о бедная Россия». Гниющая, испорченная, какая там еще.

Возьми меня,
Возьми меня,
Туда, туда,
В Геттинген.
Советник тайный Фогт,
Возьми меня,
Молю тебя (нем.).

estetismo stultissimo e infine la coscienza, che sono un uomo ammalato – fanni la mia esistenza davvero tragica. Cosa fare? Sforzaroni, pregare? E chi il cielo è muto, gli uomini cattivi. Accidenti! – No*.

О нет, мне жизнь не надоела,
Я жить хочу, я жизнь люблю!
Душа не вовсе охладела,
Утрата молодость свою.
Еще хранятся наслаждения
Для любопытства моего,
Для милых снов воображения,
Для чувств ... всего
Зачем.....
Могилу темную.....
Что в смерти доброго?*

Con quel sentimento leggo <нрзб.> questa poesia! Sì, cosa c'è di buono nella vita? Anche. E così adesso fra la morte e fra la vita va la mia via. Detto Giugno parto nel estero. E o Iddio. Di nuovo con Евсеич. O davvero sono uomo fatale. Non finisco oggi con i odinarie parole di speranza. Sono adesso uomo disperato^{3*}.

На мне судьбы печать почилa etc.
Боже великий, Тебя я молю
Смерти ль пошли покрывало
Жизни ль возжги вновь святое начало
И призови к Твоему алтарю.

– Перейти в моем дневнике на эпический тон – вот было бы светом надежды.

* Более чем за месяц я не написал ни одной строчки, а почему? Наступили темные дни. Во-первых, болезнь оказалась, быть может, мнимой, «психологической». Сейчас уже имеют место элементы подлинной трагедии. Моя работа в лаборатории (двухлетняя работа) не дает мне никакой надежды. Порой я думаю, что настоящее имя моей работе – «потерянное время», что я лишен способностей и никто не может мне помочь. Неприятная история с экзаменом по аналитической геометрии: история больше комическая, чем серьезная. Подозрения на заболевание желтухой отравили мои последние дни. Острая зависть ко всем этим... Титушкин, Николаев etc (я первый стал теперь последним). Абсолютное отсутствие настоящего труда, занятий; упреки со стороны отца, следы самого глупого эстетизма; и, наконец, сознание, что я больной человек. Все это делает мое существование поистине трагичным. Что делать? Прилагать усилия, молиться? Небо молчит, люди враждебны. Случайность!?! – Нет! (ит.).

^{2*} Так у Вавилова.

^{3*} С каким чувством я читаю <нрзб.> это стихотворение! Да, что есть хорошего в смерти? А что хорошего в жизни? То же самое. И вот между смертью и жизнью пролегает мой путь. В июне этого года я отправляюсь за границу. И, о Боже! Снова с Евсеичем. Или я в самом деле роковой человек. Но сегодня я не заканчиваю обычными словами надежды. Сейчас я отчаянный человек (ит.).

ИЮНЬ–ИЮЛЬ 1913 ГОД

ДНЕВНИК МОИХ ПОСЛЕДНИХ ЭСТЕТИЧЕСКИХ СТРАНСТВИЙ

или трагикомическая МЕМОРИЯ ФИЗИКА,
запряженного волею рока в эстетический хомут¹

Italia.... Addio* и тью-тью.....
25 июля^{2*}

2 июня 1913

Троицын день

«Здравствуй, племя
Младое, незнакомое! не я
Увижу твой могучий поздний возраст,
Когда перерастешь моих знакомцев
И старую главу их заслонишь
От глаз прохожего»¹

Пришлось увидеть это младое племя уже старым и одряхлевшим.

Ехал сегодня на дребезжащей, безрессорной таратайке, подвергаясь истинным мукам, чтобы поклониться великому праху. Поклонился, ах как хорошо, чудный, необыкновенный для России пейзаж Св[ятых] Гор, старая могучая церковь новгородской архитектуры и рядом под прекрасным белым памятником почивают останки поэта.

Закатное солнце, грозно выглядывая из-за тучи, озаряет мрамор памятника. Величественно и грустно.

На уме пушкинские фразы, пушкинские слова. Для меня Пушкин вечная надежда.

«Когда я буду погибать»²

я, быть может, одной рукой схвачусь за Евангелие, другой, несомненно, за творения Пушкина. Какая сила в этих кристально твердых и прозрачных стихах. Сила магическая, беспрекословная и несомненная. Пушкину я верю и Пушкина я люблю.

3 июня

Был в Михайловском и Тригорском, у источников Пушкинской лиры.

Пушкин стал мне родным, это не Гёте и Шекспир, это дорогой Александр Сергеевич. Знаю, что все преувеличено, но Пушкина люблю, его фразы стали законом. Кругом обычная чепуха, «престарелые» в усадьбе вечно юного

* Италия... Прощай (*ит.*).

^{2*} Эти две строки написаны С.И. на обороте первой страницы в Москве по возвращении из путешествия.

Пушкина. «Ведьма» Трахтенберга¹, разодетые аптекарши и трактирщицы – и рядом святое святых русской красоты и духа – Пушкин.

5 июня в поезде¹

«... Не всякого полюбит счастье,
Не все родились для венцов.
Блажен, кто знает сладострастье
Высоких мыслей и стихов!
Кто наслаждение прекрасным
В прекрасный получил удел...»

(Жуковскому [1]818 г.)

14 июня (в поезде)

«Судьба проказница, шалунья»¹ в самом начале путешеств[ия] устроила мне каверзу или ему, не знаю, поместив меня в одном купе с В.И. Романовым.

Чувствую себя все-таки пока прилично.

15 июня

(Нрзб.) и глупее наших разгово[р]о[в] с Роман[овым] ничего не придумаешь. Все вертится у ж[елезной] д[ороги]. Брат его больной лучше.

16 июня

Приехал в Берлин, и о радость, с первого взгляда он мне показался противным. Um 5 morgens bin ich angekommen und Sonntag dazu. Die betrunkenen, die «Damen» [sind die] Hässlichk[eit] der Stadt*. Зато жду Италии.

Берлин 17 июня (утром)

Настроение не особенно веселое. Дождливо–холодная погода, пронизывает насквозь. Вчера был в Dom`e*, в 4^x ресторанах, в F[riedrich] M[useum]¹ и в оперетке Mia sapragna^{2*} штука скверная, во всяком случае, мешает «Philosophieren»^{3*}. Прелестный человек И.А. (опишу после)². Вчера, как вошел в F.M., – обмер[:] и Джорджоне, и Беллини, и Тинторетто, медали, Доменико Венециано, Cima di Sanegliano^{4*} показались красивыми, но пустыми. Они потеряли всякое значение, сделались «Schmucksachen»^{5*}. Берлинские Caffee^{6*}, мостовые, шутцманы^{7*} обращают картины в картинки. Himmel^{8*}, да ведь вся суть–то и прелесть моего путешествия только в картинах. В Берлине со всеми Wertheiman' и Kamp (нрзб.), пошлейшим Luxus`ом^{9*} (не пошл[ым],

* В 5 утра я приехал и к тому же воскресенье. Пьяные, «дамы» – позор города (нем.).

* Кафедральный собор (нем.).

² Моя деревня. Возможно: Моя кампания (ит.).

³ «Философствование» (нем.).

⁴ Правильно: da Conegliano.

⁵ Драгоценности, украшения; здесь – побрякушки (нем.).

⁶ Так у Вавилова.

⁷ От нем. Schutzman – шутцман (полицейский в Германии до 1945 г.).

⁸ О небо (нем.).

⁹ Роскошь (нем.).

потому что не красивым, а потому, что ремесленным). В Berlin`е копирует[ся] Ver Meer не хуже оригинала за 30 марок, это истинно трагично. Берлин – место опошления всех чудес культуры. Ей Богу, Тинторетто со знаком вопрос[а] в музее Мицкевича³ в Пскове смотрит большим Тинторетто, чем чудесные образцы в F.M.

Мünchen, 18 июня¹

Все неприятные люди кругом. Сухие воблы Романов и Н.Е.[Успенский], Евс[еич].

Путешествие с ними обращается в от[д]ельные приятности и неприятности. Скоро отделюсь дней на 8 от Евс[еича]. Vivrons vedrons*.

19 июня

Гурьевская каша мюнхенских впечатлений, лекция Рёнтгена в Ун[иверситете], Пинакотекa, Deutsches Museum¹. «Und das Licht scheint in der Finsternis»*. Самая благодатная тема для всякого Philosophieren^{2*}.

21 июня

Вчера скучнейшая новая пинакотекa с великолепнейшим бриллиантом среди кучи старого хлама [–] картиною Segantini. Все грехи современной Италии можно простить за это чудо. Дальше нелепый мюнхенский Сецессион¹, Mittagessen*, письма, вечером Faustus im Marionettentheater^{2*}. За то, что пошел сюда, ставлю себе 5+. Затем веселое Hofbräuhaus^{3*}, правда, с вечно нудною тенью² позади. Ja München ist eine deutsche Grütze nicht mehr und nicht weniger^{4*}.

Удивительная штука путешествие, весь мир представляется à vol d'oiseau^{5*}. Даже Москва, свой дом, своя комната – как чужие. Наука, искусство все, все не всеобъемлющи, а куски только в жизни. Здесь Университет, здесь Пинакотекa, здесь Hofbräuhaus, здесь трамвай и все это почти равноценно. Когда приеду домой, все от жизни улетучится – но теперь получается именно Grütze.

Немцы, немцы, да что же вы такое, это люди, для которых все возможно. Мне немцам прежде всего завидно. Почему же я не немец? Что я такое – какая-то несчастная смесь хорошего и дурного, смешанная навеки и ни на что неспособная. Завидую каждому студенту с порезанной и с не порезанной^{6*} идеей. Сколько возможностей здесь найти себе другое, alter ego. Немецкая пошлос[т]ь в искусстве, науке и жизни – это спасение мое.

* Поживем – увидим (фр.).

* Свет и во тьме светит (нем.).

2* Философствование (нем.).

* Обед (нем.).

2* Фауст в кукольном театре (нем.).

3* Пивнушка, пивное заведение (нем.).

4* Мюнхен ведь – немецкая мешанина, не более и не менее (нем.).

5* С высоты птичьего полета (фр.).

6* Так у Вавилова.

Thusis¹ Hotel z[um] Post* 23 июня

Ну вот наконец-то. Один... и чувствую ту благодать одиночества, лучше которого на свете ничего нет. Зачем я собственно по свету-то разъезжаю. Не затем же, ей Богу, чтобы путеводители проверять. Чтобы отряхнуться, почувствовать себя новым и свежим, дать место новым мыслям и чувствам, вот зачем. Я не знаю, могу ли я вообще найти человека по себе, alter ego, что касается Е[всеича], то он заставляет меня как-то сжиматься, из меня все улетучивается, я делаюсь шелухой самого себя. Судить о самом себе сейчас не берусь, но полагаю, что в глазах других я в высокой степени нудное существо. Я всегда играю роль и не знаю даже, бываю ли я вообще когда-нибудь самим собою. С другой стороны, это самое играние для меня в высокой степени утомительно.

Когда я остаюсь один – я блаженствую. Вот и сейчас так. Сегодня рано утром в 7.20 уехал из Innsbrucka. Городишка на фоне оснеженной горы с прелестными барочными домами и церквами, с милым провинциализмом впечатление оставил хорошее. Есть, как полагается, и музей, набитый всяким хламом, пылью веков (а, черт возьми, как скучен мир; и здесь в Thusis`е сейчас под окном кто-то насвистывает ⟨нрзб.⟩). Весь этот хлам при внимательном обозрении, конечно, в высокой степени не хлам, но при том обозрении, которое приходится производить (2000 предметов [в] час), впечатление остается хламообразное. Жил в Goldener Adler^{2*}, где во времена оны останавливался Goethe. Всем Goethe хорош – только немец, это источник всех грехов его вольных и невольных. Если бы Пушкина пересадить в Германию, появилось бы какое-нибудь в высшей степени чахлое растение, обратный же эксперимент оказался бы в высокой степени для Goethe полезным. Е[всеич] поехал в Милан, а я дней 8 буду кружить по Швейцарии. Сейчас сижу у раскрытого окна с таким видом

* Тузис, отель у почты (нем).

^{2*} «Золотой орел» (нем).

Идет дождик, но и это все же таки ничего.

На Via mala^{3*}

К этому пейзажу гораздо более пристали Вотаны, Рюбездали и Зигфриды², чем голоногие туристы с кодаками. Они здесь прямо невероятны.

До небес поднялася зем[ля]
И спускается небо на землю
И лиловой щетиною лес.

24 июня

Кладб[ище]
между
Thusis – F
В глубине в неясном шуме
Буйный Рейн ворчит
Свод небес, как ночь угрюмый
Бурей мне грозит
Но иду я твердым шагом
Выше, к небесам
И кудесникам и магам
Воли не отдам.

11-й час

Из-за туч сияет утро
Весело глядит
Как осколок перламутра
Облако летит
Восхищен природой дикой,
Я вперед иду
Объедаюсь земляникой
Ничего не жду

В природе все, что сравнимо (соизмеримо с человеком), беспорядочно (теория вероятности, закон б[ольших] чисел). Только очень малое, атомы и

^{3*} На плохой улице (*ит.*).

электроны, и очень большое, светила и мира порядок. Сколько солнце на- творило здесь в этих горах. Лощины, реки, ели, тучи – все от солнца и ка- кой же здесь хаос. Но где же, природа, твой Закон. Закон природы, кажется, только сохранение энергии. Впрочем, это еще пока. Посмотрим и подумаем дальше.

Bergün¹

Деревушка с отелями. Много ин- тересных старых домов 17 и 18-го веков. Есть игрушечные солдаты, которые вот сейчас мимо моего окна тянутся неведомо зачем с пушками. Гоняют их взад и вперед по грязи. Хо- тят отечество изображать. Ну уж ка- кое тут отечество, если рядом на трех языках разговаривают, если за франки душу продадут. Остановился в отеле Bergünerstein*. Комната моя обита деревом и производит самое дачное впечатление. Идет дождик, холодно и сыро. Под окном вроде селяковская индуктория² шумит Albula.

вечером

Тучи в 3-х измерениях, каковыми они видны на горах, куда страшнее, чем в двух.

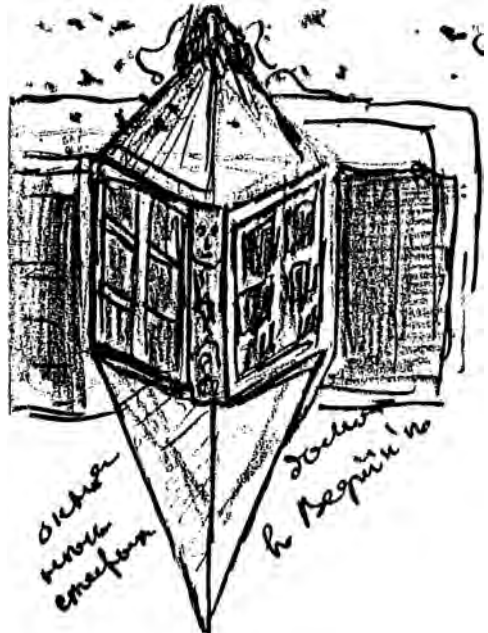
25 июня.

Bergün-Somaden^{1, *}

Иду в тучах и под тучами. В тучах только сыро, дождика почти нет.

Albulapass^{2*}

Малахитовые скалы
Снежные поля
Тучи пропасти, провалы,
Голая земля
И себя я здесь Адамом
Вновь почувствовать готов
Сбросить груз гнилых оков
И природы дивным храмом
Восхищенным быть готов

* Бергюнский камень (нем.).

* Правильно: Samaden.

^{2*} Перевал (горный) Альбула [2315 м] (нем.).

Samaden

Шел я сегодня почти 6 часов от Bergün`а до Ponte². Шел дождь до Albula-Pass. Там начался снег. Чувствовал себя в декабре, руки и ноги мерзнут, глаза слепит. Даже стадо, испуганное снегом, собралось на дороге. От Ponte-Campovasto приехал сюда весь мокрый и продрогший. Остановился в гостинице Zum Hirschen^{3*}. Страна уже полуйтальянская. По-немецки понимают плохо и говорят на каком-то энгадинском наречии – помесь французского, немецкого и итальянского. Дождь льет, картина тоскливая. Сейчас в ресторации читал какую-то энгадинскую газету, в которой приводится такой старинный стих:

«Chi l`Engiadina vuol venir bene
Vegn` una vuota l`an
E que intuor St. Gian»^{4*}.

К сожалению, я не приехал в дни St.-Gian`а. Ну что же, вовсе не так уж скверно, будем читать Möller van den Bruck`а.

26 июня

От St. Moritz–Sils¹

Благословляю я судьбу
Природа вновь мне улыбнулась
Зима вновь летом обернулась
Склонившись на мою мольбу
Во мне надежда вновь проснулась

Majola*

Hotel Post

Наконец-то увидел я Энгадин³ настоящим Engiadino bello^{2*}. Сейчас холодно, горы в снегу, но солнце [–] и все живет и улыбается. Шел сегодня долго, с 10 до 5. Столкнулся по дороге с каким-то баварцем кривым, политиком и любителем женского пола. В Sils`е расстались. Ах вы, немцы, немцы, пойдите вы к черту. Ed ego in Arcadia^{3*}. По-немецки уж не понимают. Вспоминаю уроки Stramucci и говорю по-итальянски. Горы смотрят совсем как на картинах Segantini. Кстати, судьба столкнула сегодня с музеем Сегантини. Много дряни, 4 здоровых полотнища, мало чего прибавляющих к мюнхенской картине. Довольно бы ее одной, создалась бы легенда, а теперь выходит – куча и навозное зерно.

В Majol`е похоронен Сегантини, был на его могиле, нет ни надписи, ни креста, только снежные горы поют ему вечную панихиду. К кладбищам у меня удивительная привязанность. Воздух на кладбищах насыщен какой-то чудной элегической философией. Кладбища всегда красивы и у гробового входа природа всегда сияет вечной красотой. У Сегантини это особенно торжественно и величаво напоминает пушкинскую могилу.

^{3*} «У оленя» (нем.).

^{4*} «Кто хочет хорошо посмотреть Энгадину, / Приезжай раз в год / На праздник святого Иоанна».

* Правильно: Малоја – Малойа².

^{2*} Энгадино прекрасный (ит.).

^{3*} Я в Аркадии (ит., лат.).

Бродил по горам часа 3, зашел поужинать, немцы беседуют о разных Nochtour`ax^{4*}, немчик ахает и охает при рассказах о несчастиях. Слава Богу, нет электричества, керосиновая лампа и свечи горят так уютно. Сортир – тоже в русском стиле. Dav[v]ero ed ego in Arcadia. Credo che domani sarò già in Italia^{5*}.

Италия волшебный край
Страна высоких вдохновений
Я посетю твой древний рай
Твои пророческие сени.

Chiavenna¹, 27 июня

Ну, вот я и в Италии. Сажу в какой-то полуразбойничьей trattoria`e*, куда меня нечистая занесла взять комнату. В комнате висят старые гравюры, иллюстрации к байроновскому Мазепе с подписями на французском и, кажется, испанском языке, висит венчание Петрарки в Капитолии², общий портрет – группа Vittorio-Emanuelle и его сподвижников, портрет самого padrone^{2*} в широкополой шляпе, в очках и с супругой. Вход в мою комнату до того страшен, что даже боязно выйти hinaus^{3*}. Ну и переход же сегодня я сделал, больше 8-ми часов, на ногах, кажется, нет ни одного вершка в порядке, все гудит и ноет. Обедал в Promontagno³ приблизительно на половине пути, беседовал с итальянцем cameriere^{4*} о погоде, за что он, кажется, и слупил с меня 5 fr[anchi]^{5*}. А тем не менее я в Италии, под окном галдят и свищут, ходят пьяные итальянцы.

Albergo^{6*}, в котором я остановился, носит такое название «Ristorante Mora con allog[g]io»^{7*}. По случаю дождя ⟨нрзб.⟩ Киавенны зашел в свою остерию, почитал il Secolo^{8*}, посмотрел типов; особенно один хорош, кажется не итальянец, говорит хорошо на 3-х языках, но пропойца (не понимаю, как это при Chianti etc.^{9*} можно быть пьяницей). Верить ему в долг не хотят, платить он не может, получается пьяная трагедия, где на сцену выступает и Триполи и черт знает что еще. Но как же немцам далеко до этой жизни, и при всей вони и грязи [до] несомненной красоты.

Italia mia, Italia bella. Sono già felice a rivedere te. Tu sei c'è vero paradiso ma non perduto. Tu sei sempre con me o mia bella^{10*}. Завтра еду на Комо. Только проклятая погода! Вот тебе и Chiavenna – в ней прямо Неаполем пахнет, музыка играет, штандарт пляшет. (Впрочем, Неаполь не совсем в моем вкусе).

^{4*} Горная экскурсия (нем.).

^{5*} Поистине, и я в Аркадии. Верю, что завтра уже буду в Италии (ит., лат.).

* Трактир, рестораник (ит.).

^{2*} Хозяин (ит.).

^{3*} Наружу (нем.).

^{4*} Официант (ит.).

^{5*} Франки (ит.).

^{6*} Отель (ит.).

^{7*} Ресторан Остановка с жилым помещением (ит.).

^{8*} «Век» (возможно «Мир») (ит.).

^{9*} Кьянти и т.п. (Кьянти – марка вина.) (ит.).

^{10*} Моя Италия, прекрасная Италия. Я уже счастлив снова видеть тебя. Ты – истинный рай, но не потерянный. Ты всегда со мной, о моя прекрасная (ит.).

Сомо, 28 июня

Сегодня картина довольно пестрая. Утром рано выбрался из своего «отеля», поезд отходил почти через три часа, побродил по сему случаю по Chiavenna`e. San Lorenzo скромное подражание великим образцам, campo santo*. Самая церковь по архитектуре весьма древняя (романско-ломб[ардской]) арх[итектуры] разделана под орех в 18-ом веке в барокко-рококо. Впрочем, красиво. В баттистерии^{2*} замечательная гранитная чаша с великолепнейшей ломбардско-германской скульптурой, есть сцены чуть не из кольца Нибелунга, до того это дико, грубо и древнегерманисто. Впрочем, sehr geehrter Herr Möller van den Bruck^{3*} в глубо[ко]й степени ошибается, желая видеть в итальянизме германизм. Увы, mon cher^{4*}, итальянская история, характер каждого итальянца, каждое его движение говорят как раз об обратном [-] о том, что весь германизм как-то испарился без следа. Не бывать битюгу ясным соколом, а немцы безусловные битюги. Посмотрел я на них сегодня на пароходе – глупее и комичнее фигур не придумаешь. Видел в Chiavenna`e погребение какого-то почтенного Chiavennese, почти весь город провожал в S[an] Lorenzo. Вот уж поистине для всякого мало-мальски выдающегося Chiavennese`a San Lorenzo α и ω. Крестят его в гранитной чаше S.L. и хоронят его на campo santo того же S.L. Как же глубоко и искренне должна любить Chiavenna San Lorenzo. Из Chiavenna`ы приехал в Varenna`у на берегу Сомо. Погулял, пообедал в чисто итальянской трагтории, притом глубоко радовался, понимая почти все в разговорах итальянцев. Сомо красиво, но приторно. Одним глазом посмотрел Mennaggio¹ и приехал сюда в Сомо (2 ч[аса] езды). На этот раз остановился уже в отеле без кавычек «Belle vue»^{5*}. Завтра буду смотреть город.

Milano, 29 июня

Сегодня день тоже довольно пестрый, с трагикомическим финалом. Утром ходил по Сомо, смотрел странный собор – помесь всех стилей от 9–18 веков; поразительного и гениального в нем, пожалуй, и нет, но есть интересность. Посмотрел на памятник Вольты, несчастный опирается на свой столб¹ (похожий на стопку блинов) как на тросточку и изображен как-им-то древним римлянином. Пообедал и уехал [в] Милан. Надеялся, что E[всеич] уехал, угнанный погодой, но, увы, он здесь и начинается[:] вечные сплетни, нытье, разговоры про желудок. Надо от него избавиться. Прелесть одиночества я узнал, и мне она теперь особенно дорога. В Милане зашел к S. Amegagio², посмотрел на хитро-нелепые ломбардские капители и пр[очее], вспомнил опять о M[öller] v[an] d[en] B[ruck], но все же таки сознаю, что в ломб[ардском] стиле есть великая сила и мощь. Затем был в Cinematografo* и смотрел идиотскую переделку Живого трупа «Il cadavere vivente»^{2*}. И смотрят! Просто противно (пора подумать о формулировке).

* Кладбище (*ит.*).

^{2*} От *ит.* battistero – баптистерий (часовня, где проводят крещение).

^{3*} Многоуважаемый господин Мёллер ван ден Брук (*нем.*).

^{4*} Мой дорогой (*фр.*).

^{5*} «Прекрасный вид» (*фр.*).

* Кинематограф (*ит.*).

^{2*} «Живой труп» [пьеса Л.Н.Толстого] (*ит.*).

30 июня

Ходишь по такому музею, как Castello Sforzesco*, и самому себе удивляешься, да как же это можно осматривать! Почти то же, что перелистывать книгу на непонятном языке. Надо взять словарь и не перелистывать, а читать. Natura rerum^{2*} такова, что каждый осколок таит в себе все, а когда он обработан, и тайну души человеческой. Чем меньше музей, чем меньше в нем предметов, тем продуктивнее его посещение. Das ist schon ein Gesetz^{3*}. Да впрочем, пора бы мне, может, и плюнуть совсем на картины... и даже на Италию и заняться физикой. Там единственно несомненное, важное, серьезное и святое, и интересное.

В Castello интересен для меня по-прежнему леонардовский потолок (Ах, Леонардо, Леонардо, как ты заманчив, и сколько во мне карикатуры на тебя, карикатуры самой ужасной). Хорош Больтраффио и Guardi. Il mio campagnono non mi da la possibilità da pensare. Andare, mangiare ed non plus ultra. Eddi nuovo ripeto come sarebbe bene essere solo^{4*}.

Написал письмо Страммуци, т.е. не письмо, а, вернее, упражнение в итальянском языке на тему о погоде, написал для Е[всеича] итальянское письмо в caffè Greco¹, которое, вероятно, будет причиной большого смеха там, погулял по городу, посмотрел чудный двор Ospedale^{5*} и попал в какой-то Music-Hall, где пел тенор (нрзб.), право, лучше всяких Карандиных etc., пелись Maccheroni² etc. Теперь сижу и готовлюсь к завтрашней поездке в Certosa di Pavia^{6*} и в Верону. Е[всеич] кроме своей скучности и нудности к путешествиям совершенно не способен. Лежи и пиши себе, повторяю, в одну телегу впрячь не можно коня и ... корову³. Sic! Путешествие – удаление от ближнего, поднятие на высоту vol d'oiseau^{7*}, запасение новой силой и жизнью, с Е[всеичем] оно превращается в ту же жизнь, только скучнейшую. Я сам никогда не скучаю. Я не знаю, как жить без книги, но я не знаю и скуки. С Е[всеичем] скука появляется. От Милана все по его милости остается в голове что-то бледное и даже не итальянское.

Verona, 1 июля

Милая, милая Верона, «все, что минутно, все, что бrenно, похоронила ты в веках»¹. Что же осталось, мрачные ломбардские храмы, грозно-нелепые памятники Скалигеров, мосты, крепости и как венец всего – Арена. Я был в Арене ночью, при луне и... на цирковом представлении, сотни народа, бывшего там, казались какой-то насмешкой на громаду*. Но толпа – та же, представление то же, что у римлян, те же лошади и акробаты, и народ (но допишу завтра, Е[всеич] мешает).

* Замок Сфорцеско (Сфорца) (*ит.*).

^{2*} Природа вещей (*лат.*).

^{3*} Это уже закон (*нем.*).

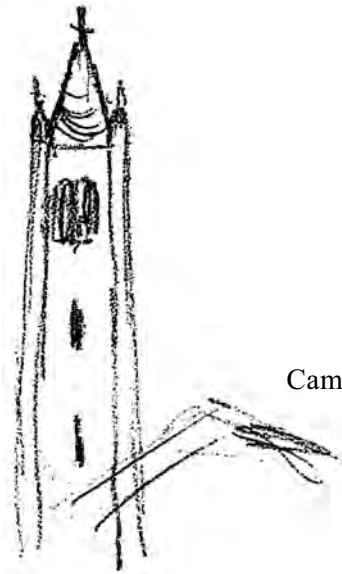
^{4*} Мой компаньон не дает мне возможности думать. Ходить, кушать и не более. И снова повторяю, как хотел бы остаться один (*ит., лат.*).

^{5*} Больница, госпиталь (или приют) (*ит.*).

^{6*} Картезианский монастырь в Павии (*ит.*).

^{7*} Полета птиц (*фр.*).

* Так у Вавилова.

Верона, 2 июля

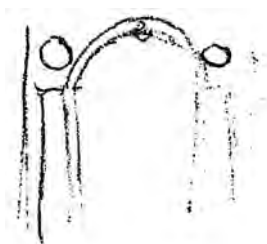
Я сидел в верхнем ряду, один, наверху сияла почти вечная луна, внизу расстился грозными силуэтами город, а подо мной лежала прелестная громадная воронка арены с горсточкой народа, на громадной арене самой выделили маленький кружочек для представления. О, античное, как оно было *überschwenglich**, колоссально и умно. Весь прогресс был вчера здесь в арене только от тоги или туники до фрака. Остальное еще мельче и несчастнее.

Camp[anile] in Verona^{2*}

3 июля, Vicenza

После архаической Вероны (которую опишу подробнее¹, когда найду время) попал в неоклассическую Виченцу, город палаццо и вилл, город строгого гения Палладия.

Учусь понимать красоту архитектуры и ее суть и философию (и Вичен[ц]у опишу после).

Хожу по городу, сейчас в Ch[iesa] di S. Stefano*. Очень хороший – роскошный Palma с Sancta Conversazione^{2*} (но как-то безучастно ⟨нрзб.⟩ у всех взоры, хорош Св. Георгий). У алтаря, говорят, Тинторетто, но это очевиднейший Греко, безусловно и несомненно, мотив тот же – смерть или его ⟨нрзб.⟩, налево тоже подозр[ительно] оти[осительно] Греко. На правой картине даже все лица от Gresco (напрасно, пожалуй, я увлекаюсь Gresco, что мне в нем нр[авится] и сам не знаю.

S. Corona²

Веронезе (i Re Magi)^{3*} прямо 5+. Такой драгоценности тона я у него, кажется, никогда и не встречал, пурпур, белое, желтое, золотое и прелестное azzuro^{4*} Веронезе. Движения магов у о[д]них грациозны, у др[угих] трогательны, у третьих почтительны. Хорош паж в бел[ом] ⟨нрзб.⟩.

Il Battesimo Giovanni Bellini^{5*} с его прелестным тоном (зол[ото] – венец), но композиция нехороша (необык[новенны] для B[ellini] ⟨нрзб.⟩), попугай, прелестно нарис. ⟨нрзб.⟩ в руках Иоанна, красивы одежды ангелов.

* Здесь: чрезмерно (нем.).

2* Колокольня в Вероне (ит.).

* Церковь св. Стефана (ит.).

2* Пальма со Святой беседой (ит.) (последнее слово расшифровано неуверенно).

3* Волхвы (из «Евангелия от Матфея», 2, 1–12).

4* Темно-голубое (ит.).

5* Крещение Христа кисти Джованни Беллини (ит.).

Museo civico

é vero che c'è qualche cose di Mantagna in B. Montagna^{6*} и также кое-что от ⟨фамилия⟩ или ⟨нзрб.⟩ складки.

Tintoretto S. Agostino^{7*}.

Опять что-то от Греко или, наоборот, лица, фигуры, краски (почему так много син[их] одежд).

Verona с высоты арены мне предстала в проекции времени. Меньше всего на свете меняются люди, меняется одежда и дома, но люди совершенно те же. Готизм, классицизм, барокко – вот оно искусство, и как далеко оно от величавой простоты и силы науки, в ней нет ни стиля, ни времени. Классическая наука, безусловно, ниже науки современной. О чем другом можно это сказать, кроме науки. Формы жизни (т.е. искусства) не прогрессируют, только наука вечно несется.

Это все по тому поводу, что несмотря на весь свой архаизм Верона современна. И пусть в St. Zeno фрески XII в. выглядывают из-под фресок XV века, пусть стоят грозные памятники Скалигеров, мосты и башни, все это было – и все это будет. Я не могу увлечься наукой Аристотеля, но я люблю и увлекаюсь венецианцами Беллини, Джорджоне и пр. и уже потому они современны. В Вероне видел многое велик[ое:] St. Zeno, Duomo^{8*} с мозаиками, St. Anastasia, St. Giorgio с Веронезом, музей с Беллини и Buonconsiglio, чудные палаццо Sanmicheli (Maffei и Bevila[c]qua)^{9*}. Но в памяти моей Verona остается городом Scaliger`ов^{10*}, грозных мостов, башен St. Zeno и вечной Aff[abili[tà]]^{11*}.

Палладио красив, мощен, серьезен, прост и разнообразен. Basilica, pal[azzo] Thiene, pal[azzo] Colleoni, Rotonda, все это разные мотивы. Архитектура ближе всех искусств к природе и жизни. Ломбард[ская] архитектура, или вернее германско-готская, ближе всего к природе. Palladio выше и наравне с природой. (Об архитектуре после.)

Музей Vicenza`ы интересен для меня совершенно новы[ми] Buonconsiglio и Montagna и интересны. Инт[ересна] греческая икона. О церквах писал.

Сегодня еду в Падую.

Padova

Конечно, странно в городе Св. Антония, Джотто, Донателло, Мантеньи и науки слушать оперетки, но тем не менее это так, и в ушах звенит задорное Guardiqui guardi là

Son`la prima qu[a]litá^{12*}.

Гаттамелат[a] монументален и велик³.

^{6*} Городской музей. Действительно есть некоторые вещи Мантеньи в Б[артоломео] Монтаньо (um.).

^{7*} [Работа] Тинторетто [в церкви] Св. Августина (um.).

^{8*} Базилика Сан-Дзено, Кафедральный собор (um.).

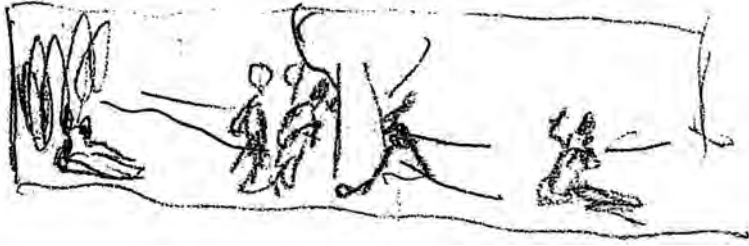
^{9*} [архитектора] Санмикели ([дворец] Маффеи и [дворец] Бевилаква) (um.).

^{10*} Правильно: Scaliger`ов (Скалигеров).

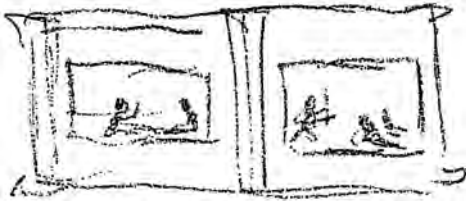
^{11*} Приветливость (um.).

^{12*} Посмотри сюда, посмотри туда! / Все тут первого сорта (um.).

Padova, 4 ию[ля]
Museo Civico

Стою сейчас перед Giorgione. Это он, то же пушкинское начало; музыка красок и движения, смысл мне непонятен [:] у центр[ального] дерева 3 девы, одна бело-желтая, другая син[е]-красн[о]-белая (чудесн[ая] гармония), третья в темном, у одной в руке <нрзб.>, какой-то странный госп[один] что[-то] показыв[ает] рукам[и], налево сидит <нрзб.>, направо <нрзб.>, оказывается, есть и еще Giorgione (впрочем, сомневаюсь). Опять загад[очная] карт[ина] (миниатюра). Краски не хорош[и] и еще, и еще загадочно.

Голая дева стоящая, перед нею сидит другая; направо изоб[ражено] чье-то обезглав[енное] [тело]; а в <нрзб.> краски чудны[е] (из[-за] дерева выглядыв[ает] чья-то голова []). Чудеса!

Andrea Previtali Madonna
<нрзб.> |50| 5x
венец.

подп[ись] Andres Previta G.V. discipulus; ed vedo adesso*, что дальше Тинторетто Гресо не шел (впрочем, разве Лаокоон).

А proros^{2*} {понял Джотто, и не особенно Мантенью в Ерmitаж[е]}.

Музей отличный, ничего подчеркнутого и несть счета перво-классного. (Veronese)

Venezia

Опять я в этом диковинном городе парадоксов. В прошлом году она была прямо логической основой моему эстетизму. Раз есть такое место на земле, чистый эст[етизм] возможен и мне нужен.

* Андре Превита, ученик Дж[ованни] Б[еллини]; и знаю сейчас (лат., *um.*).

^{2*} Кстати (*фр.*).

«Теперь уж я не тот», но чудо вновь покоряет, вновь грация и лень Венеции прот[я]гивает за мною свою руку. Даже в дождь Piazza^{3*} как в сказке. Какое-то заколдованное место. Роскошная, сладкая, нахальная и красивая Венеция.

Венеция, 5 июля

Брожу по Венеции.

Ch[ies]a S. Silvestro, оказывается, в [этом] районе жил когда-то Giorgione. В церкви есть Giorgionesk «S[anta] conversazione»*, по крайней мере, лицо рыцаря и ов^{2*} других (нрзб.) безусловно Дж[орджоне], пейзаж тоже, есть Крещение, похожее на Тинторетто.

S. Polo. В моем гиде нет ни лешего, кроме того что церковь перестр[оена] России, очевиднейший Тинторет[то], который через Gresco становится мой пассия (ах Греко, Греко, жулик Вы, сударь мой!), как не разл[ичаются] страны Тинт[оретто] от G[resco] и Tiz[ian] – кровь одна (в архети[пе] есть схожее с пет[ицией] мир[а] Ал[ександра] III^{3*} []).

Scuola di S. Rocco¹

Опять у Тинторетто. Himmel^{4*}, неужели мое теперешнее пребывание в Венеции пройдет под знаком Тинторетто, а не Giorgione и Bellini. Пока поражен благовещением в против[оположность] Дж[орджоне], Тиц[иану] и пр[очим]. Тинторетто всегда серьезен, а силы у него не меньше, чем у Michel Angelo. В Бл[аговещении] столько внезапного движения, сколько нет во всех картинах (нрзб.) вместе.

Да что же это такое, источники энергии непозволительны, потолок, стены [-] все залито силой, вот надо мною Моисей выводит воду из скалы, уж одна струя чего стоит. А эти грозные краски, манящие и таинственные. Тинторетто, конечно, импрессивен в противоположность некоторому стилю Giorgione и, безусловно, Bellini. Ну и распятие, конечно, самое сильное в мире. Боже мой, и я раньше не любил Тинторетто, теперь полюбил, но через кого же, через карикатуру Gresco.

S. Pantalone, прихожу как к старому знакомому смотреть soffito – Gianantonio Fumiani^{5*}, который, право же, великолепен ed non plus ultra^{6*}.

S. Zaccaria. Церковь красивая, в стиле S. Marco (круглота [купола]),

^{3*} Площадь [св. Марка] (ит.).

* Джорджонеск [т.е. работа ученика Джорджоне] «Святая беседа» (ит.).

^{2*} Так у Вавилова.

^{3*} Речь идет о папе Александре III.

^{4*} О небо (нем.).

^{5*} Потолок – Джанантонио Фумиани (ит.) (т.е. плафон работы Дж. Фумиани, на котором изображены муки св. Пантелеймона).

^{6*} И не более того (ит., лат.).

S. Maria del Miracolo

Беллини, который, право, гвидоренист, во всяком случае, следовало бы меньше похвал (Oh mon Dieu^{7*}, не в свои сферы я залетаю).

S. Giovanni e Paolo. И совестно, и досадно, а увлекаюсь живописью, и не по-дилетантски (hier liegt der Hund begraben^{8*}). Вот налево от входа великолепная венецианская икона неизв[естного] содерж[ания] и неизв[естного] автор[а] (слышу, гид кому-то объясняет, что это копия) und trotzdem grossartig^{9*}.

Венеция

6 июля

S. Trovaso

Икона Тин[торетто] Явление Христа велико[лепна]. Монументален в этой же капелле S. Grisocomo старинного письма.

Тайная вечеря, кажется Тин[торетто], ну куда же Леонардо с его в высокой степ[ени] подозр[ительными] психологическим[и] движения[ми] до этого <нзрб.> движения и [нзрб.], есть Беллини или под Беллини.

S. Sebastiano. Ну вот Веронеза я вижу и больше ничего. Отчего это так, и Дж[орджоне] и Тинт[оретто] и Белли[ни] действуют всегда как-то глубоко, где-то в душу и ум поднимаются, а Веронезе – звук пустой. Роскошь et non plus ultra, что Макарони¹, что Веронезе, право, почти то же.

S. Maria del Carmelo

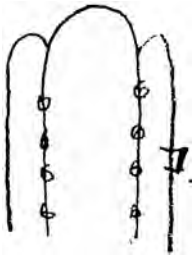
1) Рождество, с элементами Giorgione и Bellini, есть кое-что и от Palma, типичнейшая превосходн[ая] венецианская картина.

В музее Академии

1) Смотрю примитивы, вспоминаю, что я русский и что Венеция по причине этих самых примитивов

тоже отчасти русская, только в наших иконах вот нет этого радостного голубого и розового, нет.

2) а сквернее Giambellino в больш[их] полотнах, даже гвидоренист, вон рядом с ним какой-то Marco Basaiti куда лучше, большая картина без движе-

^{7*} О мой Бог (фр.).

^{8*} Вот где собака зарыта (нем.).

^{9*} И все же великолепная (нем.).

ния производит впечатление вывески, вот на другой стороне Tintoretto, статья иная.

3) смотрю рисунки. Рафаэль – primo (Аристотель, Гомер etc.) Apollo e Marsias.

В этом рисунке прямая ступень от ⟨нрзб.⟩. Ах, рисунки еще лучше картины, ну а вот *alfine* и *L[eonardo]*^{*}, которого люблю за науку и загадку, его рисунки – интересны, а не красивы (как раз «мое»). В рисунке виднее настоящего *artista*^{2*}, чем в картине.

4) За себя радуюсь, что Веронези, Тьеполо`ы etc. с меня как с гуся вода, это Бенедиктовы живописцы², а я люблю или уж Пушкина, т.е. Дж[орджоне] и Рафаэля, или Баратын[ского] и Тютчева, т.е. Тинторетто, Леонардо. Живопись Веронезе только *Schmuck*^{3*}, ее не надо замечать. А все ж таки нет физики милей на свете, мне потому и милы Леонардо и Тинторетто, что *s'è qualche cosa di fisica*^{4*} (есть и Т[инторетто] скверный *á la Veronese*, все люди, все человеки), вот *Palma*, хоть и не Дж[орджоне] и не Т[инторетто], но не Веронезе, и тоже находит отзвук во мне.

Longhi, конечно, чепуха, собрание старых фото[г]ра[фи]й, и как таков[ое], конечно, интересно. А вот и еще фотограф 15-го века, *Gent[ile] Bellini*, этот, ей Богу, молодец. Тициан в галерее гвидоренист и веронезист, не хорошо. Св. Егорий *Mantegna* 5+, только зачем, право, изобража[ет] сияние в виде латунного кружка ⟨нрзб.⟩ голова, в котором отражается эта сам[ая] голова. Ай да Беллини, в нем все есть – и *Giorgione*, и *Guido*.

Наконец и наст[оящий] Тициан (Иоанн в пустыне).

298 *atl*, а *Giorgione* (впрочем, не знаю, почему)

Venezia 7 июля

Вчера, итак, золотая Венеция предстала еще в праздничном уборе «*spettacolo pirotecnico*»^{*}. «И пальба, и гром музыки, и эскадра на реке»¹. Праздновали *Il Redentore*², весь народ или на гондолах, или на *Riva di Giudecca*^{2*}. Свет рефлекторов, луна, роскошные ракеты, музыка, веселый говор – это уж что-то поистине немыслимое в другом городе.

Museo patriarcale^{3*}. *Giorgione* хорош, картина ритма движений и красоты красок, детали картины по их содержанию опять не понятны; вот картин в этой небольшой комнате больше сотни, а ни одна так не приков[ывает], как этот подозр[ительный] *Giorgione*.

Хороши 2 пейзажа *Poussin*, спокойны и красивы.

Та картина, которую я в прошл[ом] году готов был принять за *Leonardo*, конечно, не он, и лучше в фотографии, чем на деле.

Дома из приятнейш[их] галерей, виденн[ых] мною, по ⟨нрзб.⟩ и интересны.

S. Maria dei Frari. Боже мой, неужели правда, что я принадлежу к классу молодых людей под «Уайльда» и с бритыми шеями или тех «эстетов», кото-

* Наконец и *L[eonardo]* (*ит.*).

2* Художник (*ит.*).

3* Украшение (*нем.*).

4* [В них] есть что-то от физики (*ит.*).

* Пиротехнический спектакль (зрелище) (*ит.*).

2* Берег [острова] Джудекка (*ит.*).

3* Патриарший музей (*ит.*).

рые во время оно ходили по Венеции с Петраркой в кармане и с цветком за ухом, и притом к наиболее не оригинальным из этих людей. Это хуже всякой комедии. Какое бы, право, мне, физику, дело до Кановы и Тициана, а вот зачем-то смотрю.

Мое настроение все колеблется, как чувствительные весы, и, право, не пойму, где точка покоя. Всякое мое удовольствие, наслаждение Венецией, ее картинами, ее *far niente*^{4*} тотчас же отравляется тем, что не свое я дело делаю, что *far niente* – только *niente*^{5*}. У меня дух и настроение науки – это несомненно. Мое обозрение города – почти изучение, отнестись к интересующей меня вещи по-дилетантски для меня почти мука, и в сущности все мое *discrepanza*^{6*} зиждется совсем не в науке и искусстве, а во мне. Я пока ничего не сделал. Не мания ли *grandiosa*^{7*} у меня, и сделаю ли я хоть что-нибудь, уж нигодящая ли я драма. Мое горе, что и самого себя я не знаю. Я человек науки и инстинкта, и, право же, для настоящей жизни не способный. Всякие гадости на меня, как на Макара, валяются. Скорее всего на несмотря на^{8*} всю мою антипатию к философии, я философ. Вообще-то я уравнение неопределенное.

А Венеция прелестна, только порой трупным запахом несет.

В сущности говоря, я рад, что наслаждение искусством отравляется для меня тоской по науке, это начало преодоления «эстетизма». Думаю, я думаю порою и прихожу к убеждению, что настоящее мое путешествие должно быть последним эстетическим путешествием, должны начаться путешествия «отдохновительные». Иначе получается положение довольно странное, как будто я сбегаю на ⟨нрзб.⟩ из науки в искусство (А *propos*: при посещении Museo Civico в Vicenza`e^{9*} должен был для правдоподобия сказать

Колонна прямо псковская.

4* Праздность (*ит.*).

5* Ничто, пустяк (*ит.*).

6* Разлад (*ит.*).

7* Величия (*ит.*).

8* Так у Вавилова.

9* Городской музей в Виченце (*ит.*).

custode^{10*}, что я изучаю belle arti^{11*} и... отказаться от посещения Museo di Storia Naturale^{12*} потому де, [что] non ho tempo^{13*}. Собственно водевиль и, тем не менее, факт).

Chiesa di S. Giovanni in Bragora^{14*}

Хорошо запрестольное Крещение (Беллини!)

8 июля

S. Giorgio Maggiore. Церковь Palladio великолепна, внутри стройность[и] изумительной (есть хороший Тин[торетто] Тайн[ая] в[е]черя). С башен смотрел на Венецию. San Marco больше всего напоминает какое-то морское странное животное, особенно его купола, прямо грибы или коренья. Как те животные он странен и странно естественен. Вот Палладио естественен, но естественен искусственно. S. Giorgio и S. Marco – это 2 полюса Венеции, и что лучше, сказать трудно. Сiju сейчас на ступеньках S. Giorgio и дожидаясь парома. Я снова один – Е[всеич] сегодня уехал в 4 ч. утра в Вену, слава Богу, опять я остался один с собою самим. Пофилософствуем. Путешествовать, дума[ть].

S. Giorgio dei Schiavoni действительно штука прелестная, вроде джоттовской капеллы в Падуе.

Не знаю. Чья-то картина S. Girolamo, не Girolamo, а прямо Фауст, даже с собакой* S. Giorgio хорош свыше меры, тут все, что можно требовать от картины.

У S. Giorgio di Greci Русью пахнет, с куполом S. Марко и в стиле S. Sofia.

Palazzo Ducale^{2*}. Anticollégio¹ пышно, Веронезе здесь на месте. Не узнаю Тинторетто, после S. Rosso пока все дрянь, т.е. не дрянь, а вроде Veronese, порою даже не распознать. Веронезе можно не рассматривать (перифер[ическое] зрение) и будет хорошо, а Тинторетто при периф[ерическом] зрении, только замазанные грязью стены.

Хорош Тинторетто в Antichiesetta S. Giorgio², а остальное грязь и грязь, даже пейзажи Венеции сделал серыми и грязными.

В Chiesetta^{3*} любопытна картина Andrea Previtali «Il passa[g]gio del mar rosso»^{4*}. Я видал и прелестную Мадонну в Падуе, где он не уступает Беллини, тут у него много элементов Giorgione, некот[орые] фигуры прямо из уффицианских картин.

^{10*} Хранитель (*ит.*).

^{11*} Изящные (изобразительные) искусства (*ит.*).

^{12*} Музея естественной истории (*ит.*).

^{13*} У меня нет времени (*ит.*).

^{14*} Церковь св. Джованни в Брагора (*ит.*).

* Возможное прочтение слова.

^{2*} Дворец дождей (*ит.*).

^{3*} Небольшая церковь (*ит.*).

^{4*} «Переход через Черное (Красное) море» (*ит.*).

La gloria del par[a]diso^{5*} уже настоящий Тинторетто и опять главное – стихийность, сила и красота движения.

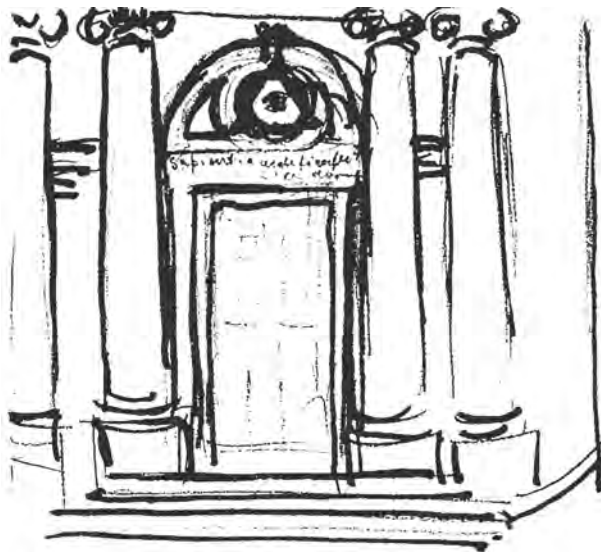
Да, это, пожалуй, даже *capolavoro*^{6*}, это прямо кольца Сатурна, сколько в них движения. That is the question, что лучше [–] Страшный суд Буонаротти или *paradiso* Тинторетто, тут против движения и силы еще ужас и мистика.

Museo archeologico как всегда только мучение для самого себя, но интересного для *filosofare* много.

Conte`ы и Ma[r]chese`ы^{7*} сейчас, видимо, дома, ни в какое палаццо не попадешь.

S. Maria Magdalena

Зато попал в S. Maria del Orto, [где] похоронен Тинторетто, инт[ересна] церковь, есть хороший Т[инторетто] и инт[ересный] Беллини.

Ну, вот и прощаюсь с Венецией, она, конечно, центральный пункт моей теперешней поездки. Она символ той идеальной Италии, Италии элизиума, о которой я мечтал в продолжение целого го[да]. «Италия, мой край родной»^{8*}.

Венеция горит прежней роскошью, если не ярче, но мое настроение совершенно переменялось. В прошлом году я строил свой «эстетизм», теперь я его разрушаю. Я ищу «свое», ищу, что я могу сделать. Эстетизм – это действительно *far niente*, но когда я гляжу на Венецию, на творения Palladio, я знаю, что это сделано, что всякий метельщик делает и творит, я же ничего не делаю. Наука, наука – вот мое дело, бросить все и заниматься только физикой. Да, мое прошлогоднее *far niente* тянется теперь к *fare*.

^{5*} Рай (дословно: Небесам слава) (*ит.*).

^{6*} Шедевр (*ит.*).

^{7*} Графы и маркизы (*ит.*).

^{8*} Первая строка стихотворения С.И. Вавилова.

Сегодня зашел в фотомагазин купить фотографии с картин Пуссэна в семинар[ии]. «Non abbiamo questo Poussin non è adesso in moda»^{9*}, меня так и передернуло. Боже мой, ведь все они, кем я теперь увлекаюсь, Джорджоне, Тинторетто, Гварди – модны. Всякие Бенуа, а за ним курсихи и студенты говорят о них. Мое в сущности не мое, а чей-то неведомый гипноз. Ведь и M[oeller] v[an] den Bruck и все, все гипнотизированы. Или оригинальничать, [э]то сознавать власть гипноза, или на гипноз внимания не обращать. «И так на свете все ведется»³. Милая физика, в тебе только так не ведется.

Венеция, конечно, теперь только камни и краски, но столь прелестные, что об этом позабываешь.

Ровиго, 9 июля

Вот я и в настоящей итальянской провинции, с[o] своим Garibaldi, Vittorio Emmanu[e]le, Duomo и Galleria, но в десять раз скучнейшей всякого Пскова. Полдень, раскаленная мостовая, желтые дома, резкие тени, синее небо и густая зелень. Итальянская провинция – это опять целая философия, жизнь как она есть.

Лев крылатый Св. Марка
И на Ровиго* власть простора
Ах здесь так скучно, здесь так жар[ко]
Земля и небо, как костер.

Galleria. Насилу попал; блистает не качествами, а смелостью определений. Действительно хорош 210 Giambologna. 203 конечно, джорджонески, вероятнее всего, не Джорджоне портрет, ⟨нрзб.⟩ Уффицы.

169. Danae nella pioggia d'oro^{2*} похожа на Дж[орджоне], приписана Licinio Gianantonio. 35 Apollo e Dafne прип[исывается] Me[l]dola An[d]rea Schiavone (похож, но не в красках, на Дж[орджоне]).

Поехал я в Ровиго собственно из-за G[iorgione], о котором прочитал в гиде, что в Ровиго имеется его картина «Geisselung Christo»^{3*}. На сей сюжет нашел маленькую картиночку, которую в каталоге приписывают Буонаротти!

Не Дж[орджоне], так Буон[аротти]. Дрянь большая. Пожалуй, подозрителен в Дж[орджоновском] смысле N184, портрет. Я, оказывается, слона не заметил. Geisselung оказалось большой картиной, в которой весьма мало чего-нибудь от Дж[орджоне], кроме элементов чисто формальных. Впрочем (конечно, это не Дж.), картина хороша, есть грация и ритм во всех движениях, очень хороша группа палачей направо (все ⟨нрзб.⟩ гвидоренисто предательские, палач наг). Но краски прел[естны]. Может быть, все сие увеличение с Джорджоне, Христос с лицом нескол[ько] от Джорджоне. Впрочем, все картины, подозрительные относительно Дж., таковы, что если бы Джорджоне был таков davvero^{4*}, плевать бы на него, был бы только глупый снобизм и больше ничего. Галерея, в которой находятся картины (около 300 штук), находится в

^{9*} «Не держим, потому что этот Пуссен не в моде» (*ит.*).

* У Вавилова встречаются наименования мест и фамилий частично на русском языке, частично на языке оригинала.

^{2*} Даная под золотым дождем (*ит.*).

^{3*} «Бичевание Христа» (*нем.*).

^{4*} На самом деле (*ит.*).

библиотеке, и с умилением и библиофильской завистью взирал я то на Дж., то на роскошные томы. Сторожу все меня пускать не хотелось, городской сказал мне, что гал[ерея] открыта с 10–12 и от 3–5, а custode^{5*} заверял, что в три запирают. Сей конфликт удалось уладить 1 лире 30 центезимо. Камни, тишина, какой-то поистине полуденный silentium^{6*}, скучная галерея и синее небо – все это приятно в продолжение 4 часов, которые я провел в Rovigo. Сейчас сижу на станции и ожидаю поезда в Феррару.

Феррара

S. Francesco. 3 или 4 церкви Ф[еррары], которые я осмотрел, благор[одны] и просты по внутр[енней] арх[итектуре]. В S.F[rancesco], очень красивом и стройном внутри, любопытны фрески в 1 капелле налево.

Правда, как говорит M[oeller] v[an] d[en] B[ruck], все феррарские Рафаэли.

Мертвенная каменность Феррары, ее седые камни наводили на мрачные мысли об Италии как археологическом музее, полном роскошнейших предметов прошлого и обитаемых только простовато бедными кустодами. От этой мрачности естественно перешел к мрачным (даже очень) мыслям о себе. Слава Богу, вечером попал в Casa del Popolo^{7*} на представление оперы Donizetti «Don Pasquale», веселой, живой в стиле «Il Barbiere di Siviglia»^{8*}. Ах, как далеко современным противным немецким изделиям-опереткам до этих грациозных итальянских комических опер. Разница такая же, как между добротным Hofbräu^{9*} и шампанским. Очень хороша наивная постановка, суфлер у всех на виду, артисты робеют. Представление давалось во дворе. Было когда-то старое палаццо, видны следы колоннады. Здесь все века, как и везде в Италии, сливаются. XV или XVI века колоннады, музыка XVIII века и мы, люди XX века. В Италии понятия о старине совсем не те, что у нас.

Феррара, 10 июля

Chiesa di S. Paolo (кажется). Благородна и классична в своей внутренней архитектуре, как и все феррарские церкви. В Венеции на прекраснейшей ротонде S. Maria Maddalena (внутри не был) вырезана надпись «Sapientia aedificavi sibi domum» (Премудрость созда[ет] себе дом). По-моему, лучшего эпитафия и не подберешь для всего архитектурного классицизма от греков до ампира. И, пожалуй, только классическая архитектура и премудра, S. Marco, Василий Блаженный и Notre Dame прекрасны, но не премудры. Впрочем, архитектура самое премудрое из искусств, это почти наука.

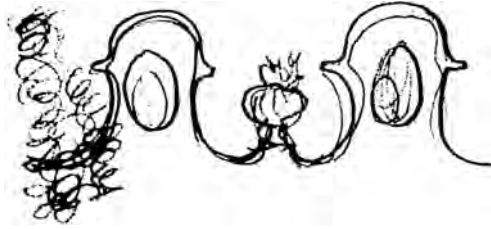
^{5*} Смотритель (*ит.*).

^{6*} Покой, тишина (*лат.*).

^{7*} Народный дом (*ит.*).

^{8*} Севильский цирюльник (*ит.*).

^{9*} Здесь – пивом (*нем.*).

Стена* на Corso
Vittorio-Emm[anuel]

Palazzo Diamanti. Смотрю я этих всяких Panetti Domenico, Carlo Bononi и все спрашиваю, чего им не хватает, все кажется на месте (Panetti Domenico пока лучше всех), хороши его Благовещения.

F. Cossa. S. Gerolamo Vecovo (а, ведь, кажется, вот чего не хватает, ненатуральности небольшой). Посмотрел я сейчас на портреты Luigi XIII и Mazzarini и улыбнулся, вспомнив трех мушкетеров, хорошее воспоминание. Arrigo Glochero. Снятие с креста по манере похоже на Св[ятые] семейство М[икель] Анджело в Уффици.

Panetti Domenico. Мария и Елизавета. Да, видимо, все картины в высокой степени приличны, но для меня все безразличны. Почему? Non so^{2*}. Странно, даже Caracciо в соседстве со всеми Cavaci и Garofalo стал стран[ным] довольно. Эффект[н]о (Autore incerto^{3*}) чье-то вознесение. (Кажется, вообще говоря, Феррары [-] переход от Венеции к Гвидо Рени. Хорош Garofalo Св. Селеста с 2^м му[ж]скими персонажами, превосходны мужские фигуры.)

N 1796 S. Francesco, копия с уфф[изианского] портрета Галилея рядом с каким-то почтенным мужем, кто сей?

Итак, en generale, феррарская пинакотека такова, что она тип «музейной скуки». Все равно что смотреть дома на берлинской улице. Все здорово сделаны, но мука смертная.

В Castello смотреть нечего, кроме добросовестных фресок школы Dosso Dossi. Феррарский университет учреждение, кажется, очень печальное, физику читает какой-то неведомый Buongiovanni. Мир праху твоему. Palazzo Schifanoja¹ фресками своими любопытно, интересно и загадочно. Эти фрески, безусловно, только интересны et non plus ultra. Кажется и вся легенда Феррары об этих фер[рарских] герцогах, о просвещенных абсолютах и про-версальцах зиждется больше всего на этих фресках. Житие на них изображено беспечальное, амуры, охоты etc. Феррара с[о] своими широкими пустынными улицами, кирпичными фасадами церквей печальна и скучна.

Bologna

Прежде всего à propos Феррары. Большинство лучших картин музея ограблены из S. Maria del Vado, великолепной и характерно феррарской церкви.

S. Petronio. Что значит «Bologna dotto»^{4*}, даже custode берется дискутировать с Corrado Ricci и разбирает критически фрески 4^[ой] капеллы.

* Возможное прочтение слова.

2* Не знаю (*um.*).

3* Автор не известен (*um.*).

4* Болонский знаток, ученый (*um.*).

В S. Petronio видна прямо mania grandiosa, всякие прелести, собранные здесь, начиная от фресок Стр[ашного] суда и до картин Costa и Francia в высокой степени прилично – но скучно.

Вечером на меня находила меланхолия, которая после ужина и кофе прошла.

Я теперь вижу одну скверную штуку, что разные «специальные» разговоры об искусстве не чуть не выше «специальных» разговоров о Шаляпине, Худ[ожественном] театре, пр[очем]. Суета и времяпровождение.

А propos, имел сегодня в феррарской пинакотеке честь или несчастье, не знаю, расписаться на одной странице с А. Бенуа и его супругой. Противно и смешно в этом то, что я гоняюсь и почти догоняю лиц, от которых желал бы стоять подальше.

Bologna, 11 июля

S. Maria della Vita необыкновенно архитектурно стройная и красивая, деталей интер[есных] нет.

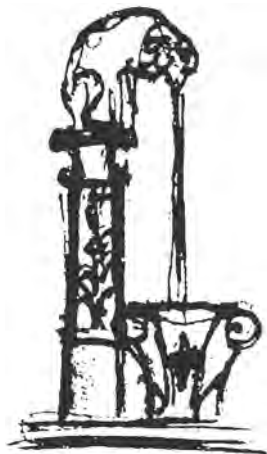
S. Stefano. Сейчас нелегкая завернула к антикварию, у которого, по своей сухаревско-библиофильской страсти, накупил на 9 лир всякой дряни, которую теперь должен носить с собою. S. Stefano по-московски нелепо и мило, что-то вроде Василия Блаженного.

S. Giov[anni] in Monte*. Хорошо в 1^й кап[елле] направо явл[ение] Христа Магдалине (венец[ианская] манера) (Р...припис. G. Francia) 7^я кап[елла] L. Costa не понравился, много слащавости, мелочей и грязи. 12 к[апелла] арх[итектора] Браманте действительно роскошна и проста.

S. Domenico. Грандиознейших церквей в Болонье, видимо, сколько угодно, тут интересна и церковь и всякие подв[орья] М[икель] Андж[ело], Фили[пп] Липпи, Н. Пизано etc. Привязался какой-то доминиканец, водил, водил, распинался, еле от него избавился.

Pinacoteca

Пришел с специальною целью узнать и понять, почему Guido Reni e tutti quanti неприятны. Вот и сейчас слышу, как custode кому-то объясняет, что Guido Kolossal. Все ведь есть [-] и правильность формы и краски, und trotzdem^{2*} противно. Почему? У Guido нет поэзии, это как стихи какого-нибудь ⟨нрзб.⟩. Все правильно, нет неправильностей. Вот в этой же зале с Guido Nicolo da Foligno смотрится как настоящий перл. Право, в это[м] зале можно понять «суть» живописи. / Зал Carrac[c]i. Еще противнее, нет, ведь, право, попросту противно, как чисто «актерская» игра. Нет тайны, нет намека. Вот, право, если бы мог я перед одной картиной Каррачи провести ½ часа, понял бы его безобразие. Рафаэль, конечно, в милл[ион] раз приличнее Guido etc., он берет некоторой гармонией краски и

* Св. Иоанн на горé (ит.).

2* И все-таки (нем.).

рисунка, суть Guido [-] Guido, конечно, отсюда вышел. Из Рафаэлевых картин это самая гвидоренистая, а потому и самая скверная. Вот Cima di Conegliano на противоположной стороне совсем другое, тут концентрация впечатления, гармония красок, «стиль». Пожалуй, право, у Guido и у здешнего Рафаэля нет стиля, в этом беда. Вот картина Perugino хоть и плохая да музыка, все говорит об одном и к одному устремляется (хотя я и сам, ей Богу, не знаю почему) / Хорош наверу Bonifazio N 313, истинно венецианская картина. Francia пересахаренный и испорченный Perugino. Лучшие вещи все-таки несколько рафаэлевские этого «болонского Рафаэля».

2 Мадонны. Пожалуй, право, между Рафаэлем и Франчия такая же разница, как между Римом и Болоньей.

Опять, как и в прошлом году, понравилась № 780 (Scuola Ferrarese. Ritratto di Alex Faruffino)^{3*}. Портрет прямо монументален. Мелких Джотто не понимаю, не нравятся, широкие лица и вялость.

Весьма одобряю учреждение почт, дают и стол, и чернила, и чуть ли не темы. Bologna вся-то, вообще говоря, в стиле Guido Reni. Ну, старина ее кирпичная выглядит солидно, не бедно, словно зажиточная деревня. А новизна, университет, трамваи etc., право, ни дать, ни взять Guido Reni. Город все-таки одобряю, много книг и наукой пахнет. Сейчас на 25 центезимов купил 5 брошюр здешнего Poincaré (впрочем, такого же, как и здешний Рафаэль – Франция) Энриквеса.

В этом граде Гвидо Рени
Академий и науки
Нету неги, нету лени
Но зато так много скуки
Все кирпичные строенья,
Энрикес, да Август Риги,
Компиляции – все книги
Гвидо Рени – настроенье.

Впрочем, в этом отношении я доволен, мое настроение теперь тоже гвидоренистое, т.е. хочу заняться наукой; вечная история, я духовно отдохнул и хочется приняться за дело. В Болонье «пахнет» наукой – это хорошо. Заказал себе ritratto del signor prof. Augusto Righi. Вот как я его почитаю¹, голубчика.

S. Francesco

снаружи впечатление величественно архаическое.

Что болонцы только почтенны и солидны и довольно редко qualche cosa dipinsi^{4*}, видно из их галерей. Болонья должна бы быть городом колонн, они делались тут веками и в несчетном количестве. Само собою должно бы выработаться «колонное» искусство. Не тут-то было, болонские колонны боль-

^{3*} Феррарская школа. Портрет Алекса Фаруффино (um.).

^{4*} Что-нибудь рисуют (um.).

шей частью просто столбы, часто довольно изящ[ные] колонны дорич[еского] ордера, впрочем, у Болоньи есть и свое в колоннаде [-] это красные кирпичные колонны. Они довольно стройны, но как-то по-«мужишки» смотрят[ся] и их боишься назвать колоннами. Болонцы не греки и даже не лонгобарды, они только практичны. Впрочем, отсутствие стройности, угловатость придает Болонье некоторый воинственный вид, грубые четырехугольные силуэты Castello, башен и пр[очее] смотрят угрожающе. Вообще говоря, Милан, Верона, Феррара и Болонья одинаково смотрят средневеково воинственно.

Смотрю я все на итальянцев, в них какая-то cont[r]adictio in adjecto^{5*}. Смелые, красивые, римские лица (особенно у солдат) и малый рост, русская мягкость и добродушие. Странно, ведь по виду за каждого итальянца нужно бы десять немцев дать, а выходит совсем не так. Итальянские лица – это их надежды. Romano sum^{6*} говорит каждое лицо и напрасно всякие Moeller`ы v[an] d[en] V[ruck] стараются изобразить итальянцев как испорченных немцев. Дудки! Впрочем, сейчас пока у итальянцев от истинно-римского остался только пафос. Их архитектура (истинное историческое зеркало) отвратительна. Завтра утром поеду в Сьену.

Флоренция, 12 июля

Волею судеб проездом из Болоньи в Сьену очутился в прекрасной Флоренции и пробыл в ней 1 1/2 часа. Впрочем, полдень жжет и печет, а Флоренция прелестна вечером. Всякие S. Michele и церкви представились мне как-то особо значительными, сам не знаю, почему.

Сьена¹

Собор. Скажу одно [-] роскошнее сьенского храма ничего, пожалуй, на свете нет, полы – да ведь это потолок Сикстинской капеллы из мрамора, эти lastroni* не менее сильны, чем opus Michel Angelo, а тут на полу есть и opus Donatello².

Сьена en generale почти что-то оперное, до того это не для 20-го века. Соборная площадь, il Campo, переулки, палаццо, все грозное, каменное и несокрушимое. Площадь il Campo существует чуть ли не со времен Данте. Впрочем, то «живое» настроение (не «музейное»), которым полна Сьена, это то же псковское и новгородское. Провинция. Почему это, право, провинция всегда, даже в своем веселье несколько элегична. Люди здесь живут, едят, рожают и работают, не хватает только искренности «истинной», «живой» жизни деревни и также искренности «искусственной» жизни большого города. Провинция лежит между городом и деревней и лишена поэзии того и другого. Но есть своя провинциальная поэзия, поэзия тишины и скуки. Этим напоена Сьена. Ходить по Сьене сущее мученье, все горы, да спуски, хотел сегодня осмотреть церковей 6, а осмотрел всего 2, запутался.

В сьенском отеле «Aquila Nera»^{2*} солидно поужинал и в голове еще шумит Кианти, потому раньше обыкновенного собираюсь спать.

^{5*} Противоречие в определении (*лат.*).

^{6*} Я римлянин (*лат.*).

* Плиты (*ит.*).

^{2*} «Черный орел» (*ит.*).

Сьена, 13 июля

Итальянцы народ веселый и совершенно бесцеремонный, окно (раскрытое) из «gabinetto»* смотрит прямо в настоящий «gabinetto» какого-то сеньора.

S. Domenico. Насилу добрал, словно крепость брал, любоп[ытна] в церкви фреска Andrea di Vanni Св. Катерина, простая и прелестная; я что-то раньше думал о Содоме, что в нем есть кое-что от Леонардо; оказывается, грязно-слащавая подделка под Синьорелли и отчасти Леонардо. Какой парадокс, Маттео Di Giovanni и Guasto с их византийско строгой слащавостью, а рядом фреска Nasini (1705) под Ватто и ⟨нрзб.⟩. Впрочем, хорошо то и другое. В соседней капелле прямо прелестна Св. Дева M[atteo] di Giovanni. Сентиментально, но в меру и одновременно строго. В этой иконе, пожалуй, концентрированный Бот[т]ичелли. Вещь роскошная.

Galleria. Весьма понятно, что после S. Domenico M[atteo] di G[iovanni] попал в мои любимцы; в сущности вещь страннейшая и, пожалуй, бесвкусная, помесь византизма и ботичеллизма, вот 2 его прел[естные] мадонны 399, 400. Для меня сьенцы являются откровением, новые лица, новые краски и новые мысли. Впрочем, тут же в зале много и фальши школы Perugino и Pinturicchio, даже есть ясные переходы от M. di G. к этой фальши, напр[имер], некий Giacomo Pacchiarotti ср[авни] 426 и 422; любопыт[но] по тонам (Puvis de Ch.) N 428. А Маттео прямо молодец, нет, он, конечно, не византист, вот N 432, да тут ни одной скованной фигуры и все-таки не менее сковано какой-то сиенской цепью традиции. А вот и Sodoma (фреска). Все очень ловко и, пожалуй, красиво, леонардовские лица и фигуры Синьорелли – а дух чуть ли не Guido Reni. Pinturi[c]chio–Perugino, но более наивный (очень интересен Palma Vecchio N 500, прямо насыщ[ен] венец[ианскими] красками).

А вот сейчас нахожусь в коридоре, где сразу видно, как из железного византизма появился сентиментальный сьенизм, темное золото, темный пурпур и темно-синее здесь превращаются в радостное (конфетно) золотое, розовое и голубое. Конечно, византийцы сильнее сьенцев. Иногда в картине чарует только краска, вот, напр[имер], сейчас № 65 Madonna Ambrogio Lorenzetti прямо физически действует своим сочетанием золотого, глубокого синего и кроваво-красного (впрочем, наши иконы лучше всяких Lorenzetti).

Превосходен № 111 неизв[естного] автора, распятие и Pietá. Тона Puvis на золотом (⟨нрзб.⟩) фоне, прелестные группы.

Все новые имена и все прелестны. Хотя здесь больше стиль, чем искусство.

Вся галерея мерцает каким-то особенным нежным золотисто-серо-розовым сьенским светом. Мягко и нежен (нежнее фра Беато)

Giovanni di Padova, его страшный суд и оригинален и красив. (№ 172)

Sano di Pietro уже сахар, хотя и он иногда прелестен. Право, мне самому слово «прелестный» не нравится, но к сьенцам другого не подберешь.

Все эти картины роскошны, как православное богослужение. Вот № 269 S[ano] di Pietro, ведь это, право же, поздняя обедня в старом соборе.

Хорош Neroccio (287), а также 281, даже лучше Matteo. Этот № 281, пожалуй, перл галереи (галерея громадна – вся интересна и для меня совершенно

* Кабинет (*ит.*).

нова). Христос у столба (фреска) Содомы эффектна и ловко написана. Все его масляные картины невозможная помесь Леонардо и Dolci. Совершенно оригинальны и эффектны фрески Genga Girolamo. Эней и сноп [-] другой не знаю.

Palazzo Comunale^{2*}. Всадник S[imone] de Martini 5+, но mon cher M[oeller] v[an] d[en] Bruck, право же, немцем тут и не пахнет, как не пахнет вся галерея. Уж один костюм рыцаря и эта terra di Sienne говорят за то, что это Италия.

Удивительно это соседство Содомы с разными Sano di Pietro, Taddeo di Bartolo etc., безвкуснее не придумаешь.

Фрески Лоренцетти, пр[аво], только интересны, рассматривать их я времени не имею, а потому basta.

Это ведь, право, трагедия. Перед многими бы, многими вещами посидел часами – нельзя, [в] 2.30 поезд отходит.

Удивительное дело, Съена изображена на правой фреске совсем та, что я только что видел. Вот уж поистине каменный консерватизм. И поля, которые видно здесь в окно и которые тоже на фресках – те же.

Сколько же тут самых крайних контрастов: вот строгая старая зала с фресками Simone di Martin[i] и с приключ[ениями] какого-то папы XIV, XV в[еков], даже какой-нибудь съенской девицы чувствовали бы себя здесь, как дома, а вот рядом зала Vittorio Emanuele – треск и аромат современной Италии.

Правда, для Съены другого эпитета и не подберешь, как «рыцарский» город. Суровость и сентиментальность, вот те 2 полюса, на которых Съена вертится. Как далека Съена от Рима и Флоренции, нашедших третье между двумя крайностями, классическую красоту. Леонардо, Рафаэль, Микель-Анджело – люди совсем другого мира. Съена наивна, суровость и сентиментальность просто атрибуты этой наивности. У Рима и Флоренции наивность разве только у Беато. Съена прекрасна, как рыцарь, крушащий горы и весь для неведомой дамы, она красива и как дитя. И вот что хорошо. Съена единственна, а потому драгоценна. Она меня как-то даже подбодрила, заглушила второй голос, голос дома и работы. В Съену я, конечно, приеду еще и говорю ей самое сентиментальное «A rivederci»^{3*}. Чудо или случай. В ресторане «Aquila Nera», где я обедал, на буфете стоит коронационная русская кружка. Боже мой, да ничего интимней, пожалуй, и не найдешь в моей жизни этой кружки. Детство, воспоминания Ходынки и тех комнат, где я эту кружку видел. И вдруг эта кружка в Съене.

Через ½ часа еду во Флоренцию, мою ultima res[idenza]^{4*}. Хочу начинать там с частного (конечно, за исключ[ением] Уффиций¹), как в Венеции.

В витрине вок[зального] киоска вижу L.Tolstoi I parassiti sociali^{5*}; в cinem[atografo]^{6*} представляют il centinaio di Romanoff^{7*}, в ресторане коронационная кружка. Одним словом, целая груда следов «русского влияния».

^{2*} Городской дворец (*ит.*).

^{3*} До свидания (*ит.*).

^{4*} Последняя резиденция (жилище) (*ит.*).

^{5*} Л. Толстой. Общественные (социальные) паразиты (*ит.*).

^{6*} В кинематографе (*ит.*).

^{7*} Сотню Романовых (*ит.*).

Флоренция

Я сделал прекрасно, первым делом сходил к S. Miniato². Сегодня суббота. Хуже вечера субботы и воскресенья дней в путешествии не бывает. Для путешественника все дни праздники, и все праздники – будни. Чужой праздник, отдых производит впечатление мертвящее. Все равно, как если бы артисты заснули на сцене на самом деле. Турист – это уж отчасти не человек, а только зритель, и в этом все скверное и все хорошее в путешествии. Важно найти середину золотую между зрителем и актером. Ее находили старинные путешественники и Goethe, и Гайне^{8*}, и Stuhr и tutti quanti^{9*}; их путешествия были отчасти и жизнью. Современное путешествие в месяц 3000 километров обращается даже не в представление, а в кинематограф. От будничной скуки праздника я сбежал на S. Miniato, откуда вновь предстала во всей своей прелести туманно-фиолетово-серая закатная Флоренция. Мягкая линия гор, глубокая зелень кипарисов, змеящийся Арно³ и гипнотизирующие силуэты куполов и Palazzo Vecchio⁴ – вот и все, что в этом пейзаже, но он прекрасен «и на бушующие волны льет примирительный елей»⁵. Я, впрочем, настроился очень элегически и пессимистически. Впрочем, занялся делом и все как рукой сняло. Это мое счастье – делать свое настроение. Во Флоренции пробуду дней 5 и на свободе хочу о многом писать для меня важным.

Флоренция, 14 июля

S. Trinitá^{*}. Капелла Ghirlandajo; ну вот я и перед «флорентинцами» и флорентийские чудеса начинаются. Средняя фреска, исц[еление] мальчика Св. Франциском даже каким-то светом особенным, флорентийским напол[нена]. Сколько тут грации и сколько мудрости и лукавства.

Чудесна в этой капелле гробница Fr[ancesco] Sassetti`a по своему орнаменту.

S. Spirito^{2*}. Опять этот тонкий чарующий дух Флоренции. Запах ландыша и сирени. Сейчас только у S[S]. Apostoli думал о «ломбардизме» Флоренции, глядя на суровую архитектуру церкви, и вот Gott sei dank^{3*} - тут Brunelleschi. Как это просто, строго и красиво, и умно. И тут же тонкие флорентийские картины Перуджино, Бот[т]ичелли, Фра Бартоломео

Твой дух Флоренция –
И Гирляндайо фрески
И строгие колонны Брунел[л]ески

Chiesa^{4*}, не знаю как называется.

С правой стены смотрит строгая Флоренция. Данте из фрески Джоттовской школы, а налево грандиозная икона Бот[т]ичелли или его школы. Какая Флоренция из двух настоящая?

^{8*} Так у Вавилова. Речь идет о Г. Гейне.

^{9*} Все прочие (*ит.*).

^{*} [Церковь] св. Троицы (*ит.*).

^{2*} [Церковь] св. Духа (*ит.*).

^{3*} Слава Богу (*нем.*).

^{4*} Церковь (*ит.*).

А служат совсем, как у нас; вот сейчас дьячок совсем так же читает, как у нас читают часы¹ или ⟨нрзб.⟩ великим постом. Скоро и бестолково, но гипнотизирующе.

Гал[ерея] Pitti². От Леонардо и Больштрафф[ио] до Рафаэля не тем-то ⟨нрзб.⟩ вот портрет signora`ы ⟨нрзб.⟩, манера и техника совсем Больштрафф[ио] из Castello³ (здесь истин[но] качество выше и проще (без хитрости). Отличи потом Ghirlanda[jo] от Рафаэля, а следовательно и от Больш[трафф[ио]] (Ritratto Mulie)^{5*} (о королевских комнатах дворца Pitti скажу после).

Susterman как портретист стоит рядом с В[ан] Дейком и Веласкесом. Смотрю одним глазом и на Веронезе, который здесь для Флоренции слишком уж пышен.

Прелестен Рафаэля ritratto di Tomma Inghirami^{6*}, фальшивы его Мадонны и опять по-прежнему на 5+ портрет супругов Doni.

Великолепна Bella di Tiziano^{7*}, хотя тициановского в портрете мало.

Le tre età dell'uomo^{8*} (uti Lotto) почти Giorgione, чисто джорджоновская тихая музыка красок и групп. Слова – здесь полуслова; движения – полудвижения. Великолепны и лица.

А вот и он – истинный. Credo, что это Giorgione. Все трое молчат и говорят сразу ⟨нрзб⟩ это, право, quasi una fantasia^{9*} в жизни. That is the question^{10*}, чем эта карт[ина] отличается от Guido Reni. / Все Рубенсы и Рембран[д]ты рядом с концертом [как] граммофон и настоящий голос / Структура ⟨нрзб.⟩ лица та же, что у дрезд[енской] Венеры /

В больш[инстве] случаев вкусы мои в Palazzo Pitti не изменились, те же фавориты, Рафаэль, Giorgione, van Dyck.

Первый раз заметил La bella Simonetta (sc[ritto] di Bot[t]icelli)^{11*}. Вот они откуда, декадентские барышни-то (надо купить фотографию – любопытно!).

Piero del Pollaiolo? S. Girolamo 5+

Tiziano Ritratto di Aretino^{12*} – силен, но грязен (пожалуй, только интересен) превосходит, но не похож на Тици[анов] Ritr[atto] di Tommaso Mosti.

Понимаю прелесть портретов Bronzino (Ritr[atto] dell'ingegnere L. Martini etc.) – это действ[ительно] портреты, а не картины, которые все ж-таки не потеряли всех плюсов картины.

Perugino (219) – почти Рафаэль.

Не люблю я тех Тицианов и Тинторетто, которых друг от друга отличить трудно. Хорошо, но пусто (хорош Tiz[ian]`ов] Ipollito Medici). Раздражает соседство Guido Reni, Венецианов и флорентийцев. То ли дело прелестная целая съенская галерея – там музыка, а здесь сплошной диссонанс.

^{5*} Портрет Мулье (*ит.*). Фамилия расшифрована неуверенно.

^{6*} Портрет Тома Ингирами (*ит.*).

^{7*} Красавица кисти Тициана (*ит.*).

^{8*} Три возраста человека (*ит.*).

^{9*} Почти фантазия (*ит.*).

^{10*} Вот в чем вопрос (цитата из «Гамлета») (*англ.*).

^{11*} Прекрасную Симонетту (писано Боттичелли) (*ит.*).

^{12*} Портрет Аретино Тициана (*ит.*).

Сад Boboli⁴

В этой роще благовонной
Мирты, лавры, кипарисы,
Аполлоны и Венеры,
Геркулесы, Адониссы,
Тишина и плеск фонтана
Синева небес немая
Все восторгом обнимая
Гимн поют во славу Пана

Вот он вьяве – Элизиум⁵, царство мира, покоя, *far niente*, отсутствия желаний, и я вполне искренно повторяю, что писал зимой:

Пусть в Элизиум священный
Опущусь еще при жизни
И в Италии нетленной
Позабуду об отчизне

Здесь можно забыть все и примириться со всем.

Молчание и радость тишины
Я вас узнал и счастьем покоренный
Теперь стою коленопреклоненный
Перед святилищем таинственной страны

Время до 3-х часов провел я сегодня превосходно, утром зашел в S. Trinita и S. Spirito, две церкви, между которыми лежит вся культура Флоренции от неизв[естных] архитекторов XI–XII веков до Брунел[л]ески и от Джотто до Гирляндайо и Бот[т]ичелли. Есть две Флоренции: Флоренция Данте, Баттистеро⁶, Palazzo Vecchio, Giotto etc. – Флоренция жесткая и строгая – это не наивно-окаменелая Съена и не просто окаменелая Verona, это Флоренция твердая, но и прекрасная, как алмаз. Вторая Флоренция – Бот[т]ичелли, Гирляндайо, Буонаротти (?)^{13*} Липпи и Беато Анжелико, Флоренция кватроченто. Есть и Флоренция переходная, Флоренция Брунеллески.

И все эти три Флоренции прекрасны, во всех них есть грация, не думаю, чтобы во Флоренции была вечная красота Пантеона, Афинской школы и S. Pietro⁷. Как все грациозное, Флоренция не совсем классична.

После церквей я попал в королевские комнаты палаццо Pitti. Комнаты, конечно, красивые, но им очень далеко до Версаля и Зимнего дворца, больше украшений – чем архитектуры. В комнатах очень интересна коллекция портретов Медичисов Zuyerman'a^{14*} (между прочим, любоп[ытн]ый материал для учения о наследственности). Поражающе великолепны портреты Тициана и Тинторетто (?). Из трех Боттичелли хороша только Паллада. Наконец-то я ее увидал! Картина несколько странная для Бот[т]ичелли, слишком строг рисунок и краски, в Москве в м[узее] Ал[ександра] III⁸ есть копия (как помнится, хорошая) этой картины. Затем пошел в галерею, о ней я уже записал, что надо. Общий ее дух совершенно не флорентийский. Рафаэль, Анд[реа] дель

^{13*} Так у Вавилова.

^{14*} Так у Вавилова, т.е. речь идет о портретах членов семьи Медичи кисти Сустерманса.

Sarto, Тициан, Ван Дейк, Венецианцы – вот ее ядро. В ней много выше всяких мер (концерт с ⟨нрзб.⟩ Дони) – но это не Флоренция. Флоренцию буду искать в церквах, Уффициях, Академии и пр. После галереи час провел в элизийских садах Boboli. Это гармония статуй, кипарисов, ⟨нрзб.⟩ и тишины прямо божественна. В саду я прямо в пафос вошел и готов был целовать Землю и небо (если бы только можно). Испарилось все, моя внутренняя борьба, всякие нелепо печальные мысли; из сада, конечно, пошел обедать и обедом остался доволен. С моим небольшим знанием итал[ьянского] языка я чувствую себя почти как дома и держусь, как итальянец. Итак, Флоренция – прекрасна. Когда ходишь по террасе Питти и смотришь на купол, седые дома и крыши, кипарисы, Фьезоле и небо, почти примиряешься с «археологическими» наклонностями и пр., о чем, впрочем, речь впереди.

Теперь pro domo suo^{15*}. Сегодня в галерее слышу такое восклицание [:] «Постойте, постойте, Мария Гавриловна говорила, вот на это надо обратить внимание. Рафаэль... нет Мантенья». Himmel^{16*}, как мне стало противно. Это члены русской экскурсии. Вот отчего мне всякий «эстетизм» и археология теперь донельзя противны. Искусство, притом искусство «как говорит Бенуа» или «Марья Гавриловна» – да разве это искусство. Почему я еще не совсем разлюбил искусства: потому, что связь слова в строке, линии, краски и пятна говорят мне сразу и на понятном и на непонятном языке. Нет ничего «личнее» искусства, а тут искусство Бедекера и Бенуа. Впрочем, не этих несчастных учительниц, курсисток и студентов я обвиняю – себя самого.

Ведь и я, вот хотя бы по той случайности, что взял с собою в дорогу Moeller`a van den Bruck`a, ищу теперь следов этрусков и буду наверное искать Piero della Francesca и им увлекаться. Мода – это самое ужасное и самое неотвратимое в искусстве. Куда спастись? Ясно: плюнуть на искусство и уйти совсем в науку. Это ведь царство небесное своего рода – здесь нет ни шаблона, ни оригиналов, ни оригинальничанья. Наука как жизнь. В искусстве же все эти пошлости неизбежны. Спасаются археологи в своего рода недоразумение [–] «науку об искусстве», вещь интересную – но для меня совсем гиблую, если я еще не хочу совсем погрязнуть в болоте искусства. А сейчас происходит очень странная вещь со мною. Ведь дома, в Москве, ждет лаборатория, университет, экзамены (и со всякими неприятностями), а я это закрываю пеплом и пылью археологии. Когда приеду, встряхну этот пепел, но он будет всю зиму осаживаться и носиться надо мною, и так до следующей поездки. Нет, баста. Я хочу быть ученым, а не эстетом (всякие исторические и философские подробности, вероятно, последуют) {Komisch! Interessant es ist doch zu vergleichen was ich heute um Anfang und am Ende gesagt und geschri[e]ben hab^{17*}.}

Вечером часа 2 побродил по Cascine⁹ и пофилософствовал. Все думал и передумывал об «эстетизме», от которого всем существом своим стремлюсь

^{15*} По поводу себя (лат.).

^{16*} О небо (нем.).

^{17*} Забавно! Интересно все-таки сравнить, что я сегодня в начале и в конце говорил и писал (нем.).

теперь избавиться. «Эстетизм» этот в ясно сформулированном виде возник у меня в прошлом году, как результат поездки в Италию. Чем же он так страшен? Эстетизм – это мое отношение к жизни и это, конечно, не идиотский уайльдовский эстетизм, а скорее эстетизм Леонтьева. Эстетизм этот совсем не страшен, с ним бороться и нельзя да и не должен, он в натуре. Дело не в этом, дело в частности, т.е. во мне. Я не столько эстетического склада, сколько сам из себя изображаю «эстета». Читать поэтов, собирать старье, покупать книжки по искусству, читать их, смотреть музеи и выставки – и притом не только смотреть, а изучать – вот язва, вот чума. Das liegt schon in meiner Natur^{18*}, что я не могу на что-нибудь только «смотреть». У меня нет соответствующего тормоза-регулятора. Для меня – мука «бегать» по музеям, а с другой стороны, «изучение» картины, вхождение в детали вызывает настоящие «угрызения совести». Между этими Сциллой и Харибдой, мукой от дилетанства и Oberfläch[li]chkeit^{19*} в искусстве и «угрызениями совести» от изучения, влекутся дни мои.

Эстетизм и увлечение искусством берут мои силы и время. Я до сих пор ничего не сделал. Вижу, как другие работают, имеют результаты – у меня... пока ничего и все в эмпиреях. Есть две дороги дела для меня – наука и дело отца (говорю об этом первый раз смело, как о дороге). Я иду ни той, ни другой, а по какому-то бездорожью, даже не по земле, а воздуху.

День за днем проходят безрезультатно. Конец этому неизбежен и для меня необходим. Что такое мое путешествие, как не полное погружение в этот подозрительный «эстетизм». Другие путешествуют для отдыха или для дела (Вот Усп[енский], успешно совместивший то и другое). Я езжу не ради дела и не ради отдыха – ради эстетизма. Природу я люблю, но для меня все равно что Флоренция, что Царицыно¹⁰, мне нужна от природы только тишина и не мешающая думать красота. Природу найду я и дома. Чужая жизнь для меня мало интересна, как география и социология. Мне интересно только искусство. В этом вся трагедия. Мое путешествие, это новая и солидная зарядка «эстетизмом» на год. Эстетизм – это яд моей науки. Я думаю, что теперешнее путешествие последнее эстетическое. Это похороны моего эстетизма. Я не отказываюсь от него, как от морали и философии, но отрекаюсь как от специальности. Mais le vin est tiré, il faut le boire^{20*} – путешествие (только для меня и мыслимое как эстетическое) должно эстетически и окончиться. О том, какие практические перспективы я имею и об истории моего «эстетизма» поговорю дальше завтра или после. Эту тетрадку посвящаю я выяснению трагического для меня вопроса.

– Вечером пил кофе и ел gelato на Piazza Vittorio-Emm[anuele]^{21*}, слушал барабанно турецкое исполнение венгерской рапсодии Листа, маршей – etc. Ничего. Какая прелесть, что я один. Что бы было, если бы со мною здесь был бы E[всеич]. Опять бы я злился, хлопотал, спешил, не имел времени подумать. Было бы скверно и безрезультатно.

^{18*} Это уже заключено в моей природе (нем.).

^{19*} Поверхности (нем.).

^{20*} Но вино откупорено, надо его выпить (фр.).

^{21*} Мороженое на площади Витторио-Эмануэля (Виктора-Эммануила) (ит.).

Флоренция, 15 июля

Забираюсь в детали. Cenacolo di S[ant] Apollonia^{*}. Castagno для меня фигура совсем новая и понять его еще не могу / Ну нет, вот сейчас посмотрел на портреты флорентийцев в фресках Castagno и сразу понял его силу, определенность и законченность, у него есть что-то общее (не в манере и технике, а в «сути») с Мантеней. Вот это поистине монументальная живопись – это как бронза. Прямо *grossartig*^{2*} портреты Филиппа Испанского, Фаринаты, Уберти и Данте (надо купить фото). Ну а в «Сена»^{3*} ни загадки, ни монумента, «так» – не нравится/ Как живые и как монументы сразу. Это величественнее всякой бронзы.

Ц[ерковь] S[an] Marco. Итальянские чтимые церкви (как и русские, впрочем) совсем не камни, а организмы–деревья, они растут. Вот стволы – византий[ская] мозаика S. (нрзб.) вот Джотто и ст[арые] фрески, вот могила Pico della Mirandola – вот барочная архитектура, а я и прочие – листья, XX^й век.

Chiostro d[i] S.Marco^{4*} [-] оказывается была и у флорент[ийцев] живописная школа, по манере похожая на Сьенскую (превосх. Nerro di Bicci)

Отсюда и Бот[т]ичелли etc. вышли. Только простоты тут меньше, даже сам Beato не так уж наивен. Фрески его мне пока не нравятся, мелкие иконы прелестны (I Re Magi^{5*}), что-то невероятное по роскоши – просто «драгоценная вещь» (и какую дрянь рядом копиист мажет).

Монастырь превратили в музей, это религиозная трагедия и, конечно, оскорбление того же Beato. Не было бы монастыря, не было бы и Beato, это золото и краски – иррациональны; музей создали только Guido, Saracci, да, пожалуй, Рафаэля.

Cena Ghirlandajo^{6*} тоже не хороша, ах, как им всем далеко до Леонардо.

Чудно, через Puvvis узнаешь Beato (фрески), а через Greco Тинторетто. Хороша своими нежными красками Maddalena e Christo^{7*}. Есть во фресках Beato и отзвук на Джотто (полож[ение] во гроб).

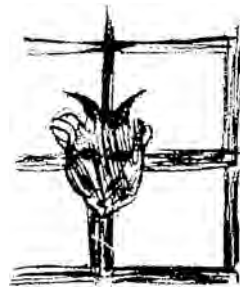
Это ужас – пустые кельи. Да это уже настоящее кладбище, а не музей.

Далеко Beato до Джотто, много лишнего и многого нет.

Какой был милый, уютный монастырь. Теперь тут гиды, открытки, пожарные краны. Мое место спасения – Италия, кажется, отошла на второе место и я всерьез иногда думаю о монастыре. Ведь это тоже Элизиум и Nirvana (глухой монастырь). Книжки, келья и лес – больше ничего не надо. На решетке окна кельи Савонаролы голова черта. И сам Савонарола помесь ангела с сатаной.

Академия

Посещение больших музеев вроде S. Marco совершенно похоже на разборку большой библиотеки (операция мне знакомая), когда смотришь заглавия,

* Трапезная [монастыря] Св. Аполлония (ит.).

2* Величественные (нем.).

3* «Тайная вечеря» (ит.).

4* Монастырь Св. Марка (ит.).

5* Волхвы (ит.).

6* Тайная вечеря Гирландайо (ит.).

7* Магдалина и Христос (ит.).

переплеты или в лучш[ем] случае перелистываешь (в сем луч[шем] случ[ае] откладываю книгу до времени благоприятного).

Абсолютно тоже и с музеями.

Чудеса! мощь и силу М[икель] А[нджело] можно понять только из неоконченных вещей, где фигура еще из глыбы не вылезла, чем где она вышла (Давид), все кажется легким и простым, а тут похоже на великана, все мускулы свои напряжены. А Микель Анджело своей силой и тайной только и интересен. Каюсь, мне эта неокон[ченная] вещь нравится – но и Давид тоже. В нем между прочим многое от Аполлона – но есть то, чего у Аполлона нет – сила, у Аполлона только красота, божественность и власть. Мне кажется, что скульптура – самое трудное из искусств – творчество в трех измерениях. Правильно писал Леонардо, что это искусство пыли и пота. Но зато это уж не зеркало, а почти жизнь. Савонарола и Буонаротти – тоже Флоренция и это меня занимает, мне кажется, они бы были возможны только в эпоху Данте. А между тем/

Чем Беато меньше, тем лучше – правило. Почему он нравится, между прочим? красками, узором и наивностью. И опять занимает меня вопрос – чем он лучше Guido. И ничего не понимаю. Это меня даже тяготит (чем естеств[еннее] что-нибудь у Беато, тем хуже). Декаденство это у меня или что?

Alessio Baldovinetti (1427–1499) лучше Беато. Крещение – прямо музыка / Ах, как хорошо бы было, если бы во всем музее был только десяток картин, пользы было [бы] в высшей степени.

Крышка Cassone nuziale^{8*} только интересна, к[ое]-к[ак] интересны фрески в Скифаноя¹ и Palazzo Comunale в Съене. Это «грациозная» Флоренция quattrocento^{9*}. Все движения здесь мягки и стройны, как лилии.

Смотрю на византийце[в] и одобряю православн[ые], наши новог[ородские] иконы и Беато, вот православие и католицизм.

Herr M[öller] v[an] d[en] B[ruck] пишет, что Cimabue импрессионист, а Дж[орджоне] стилист. Neu mihi^{10*}, но по картинам галереи можно сказать разве только обратное. Cimabue – стильнее, византийнее.

La Deposizione Beato^{11*} свежо и ярко до неприличия (но прекрасно).

Fra Bartolommeo флорентийский Франча – Guido.

Роскошен, с тонами Джорд[ж]оне, некий Lorenzo Lippi Firenze (1600–1662). Для меня совершенно нов, но, право же, Giacobbe al pozzo^{12*} – картина первоклассная. Тут кроме Джорджоне – краски Vermeer'a (правда, есть un poco di Guido Reni^{13*}).

А галерею я помню прекрасно, этого самого L. Lippi имя забыл – но тона помнил.

Scuola del Verrochio: I tre arcangeli e Tobbis^{14*} прелестно, чудная перспектива пейзажа, грациозные фигуры и флорентийские фиолетово-голубые тона.

^{8*} Свадебного ларя (*um.*).

^{9*} Кватроченто, пятнадцатый век (*um.*).

^{10*} Горе мне (*лат.*).

^{11*} Снятие с креста кисти Беато (*um.*).

^{12*} Яков у колодца (*um.*).

^{13*} Немного от Гвидо Рени (*um.*).

^{14*} Школа Верроккьо: Три архангела и Товий (*um.*).

Ангел в Крещении Вер[р]оккьо отличен, но в раж не приводит – хотя это, пожалуй, действительно Леонардо.

В картине Signorelli (164) *La vergine con figlio*^{15*} интересен архангел с ⟨нрзб.⟩ своею мощью и крепостью^{16*}.

Пожалуй, правда «*La Primavera*»^{17*} полно[е] олицетворение «грациозной, манящей Флоренции». Это то же настроение, что Флоренция при закате с *S. Miniato*. Здесь *dolce far niente*^{18*}, элегия и безрезультатность. От этой картины надо бежать – она-то и есть тот эстетизм, который большой враг мой.

В картине надо [о]трезать всю правую часть, безобразную по сложности (кроме амура). Тогда настоящее «небытие».

Галерея прелестна тем, что в ней только Флоренция, и как хорошо, что *Primavera* – здесь /

Мне в голову пришло довольно странное решение идти после обеда в Uffizii^{19*}, где теперь и нахожусь.

Прежде всего Венеция: как она пышна и солидна. Интерес[ен] портрет *Moroni* (*ignoto*)^{20*} (629), какой-то пиит или ученый с выразительным прерзительным лицом. Опять Тинт[оретто], которого не отличишь от Веронеза (*Sacrificio d'Abraamo*^{21*}). Зато на противоположной стороне прямо первоклассный по краскам Веронезе (*Martirio di S. Giustina*^{22*}). Ну а вот и *Giorgione* и прежде всего его не отличишь от рядом находящегося Беллини / *B Giudizio*^{23*} много неясностей.

Но *Giorgione* не *Beato*, он чару[е]т совсем другим, своей красочной философией. У *Giorgione* лучшая в мире спокойная, баховская красочная гамма. Левая картинка, пожалуй, лучшее, что я знаю у *Giorgione*. Интересно, что в картине целого только настроение, краски и музыка движений. Смысл картины (подлинный^{24*}) темен. Но эта прелесть силуэтно-черного, желтого и темно-зеленого – выше всего, что я знаю. Куда же Рафаэлю и пр[очим] до этого чуда (а время для посещения я выбрал отличное, почти никого нет) / Мальтийский рыцарь оставляет меня равнодушным / И паки^{25*} повторя[ю] *Giorgione* – первый, лучше его я ничего не знаю.

Bellini (*Sacra Conversazione*)^{26*} совсем *Giorgione* – разницы нет, кроме некоторого большего эффекта красок у *G[iorgione]* / Конечно, *Giorgione* выше, но, пожалуй, это средний *Giorgione* / Сюжет совсем загадочен (об этом у Муратова написано). Почему *Mantegna* рядом с венецианцами, не знаю, но *M[öller]* v[an] d[en] *B[ruck]* пишет верно, что плохих *Mantegna* нет – а этот

15* Синьорелли (164) Мадонна с сыном (*um.*).

16* Возможное прочтение.

17* «Весна» [С. Боттичелли] (*um.*).

18* Приятное ничегонеделанье (*um.*).

19* Так у С.И. Вавилова.

20* Морони (неизвестный) (*um.*).

21* Жертвоприношение Авраама (*um.*).

22* Муки св. Джустино (*um.*).

23* Видимо, речь идет о картине «Страшный суд» (*Giudizio universale* или *finale*).

24* Возможное прочтение слова.

25* Опять, снова (*церк.-слав.*).

26* Беллини (Мадонна с младенцем на троне в окружении святых) (*um.*).

превосходен. А все-таки все здесь в зале только картины, кроме Giorgioneck «Muse fanciullo»^{27*}. Это серьезно, как музыка Баха.

Прелестно-роскошны старые знакомые Тициан, Tiepolo, Guardi.

А паки говорю[:] Джорджоне – Пушкин.

Habe die Ehre sich zu gratulieren mein alter Freund L[e]onardo, dessen Abklänge selbst in meinen Zimmer in Moskau sind^{28*}.

Леонардо как живописец совсем не эффект[ен], он только вне всякого упрека. Но сколько мысли и напряжения в каждом движении. Его я люблю, и моим вечным идеалом он останется. Как интересно каждое лицо и как не живописно. Вот и еще флорентийский Леонардо, так мало с прочим совмещающийся. А картина эта (L'adorazione dei Magi^{29*}) тем и хороша – что мало картина, рисунок и мысль (схема).

Вот на противоположной стороне Paolo Uccello – это уже настоящая живопись, одна из декоративнейших картин, которую я знал. Здесь и ужас и красота сразу.

M[ichel] A[ngelo] красив, великолепен и пуст. Венера Бот[т]ичелли не посред[ственное] продолжение Весны, то же настроение, та же краска, та же «Firenze bella»^{30*}, деревья ⟨нрзб.⟩ даже естественный переход.

Слава Богу, я начинаю по временам чувствовать настоящее отвращение к искусству, т.е. не к нему, а к занятию им. Существуют на свете бочары, ювелиры и сапожники, отчего же не существовать и художникам. Это же ремесло. Особенно противно-то мне бывает, когда я читаю какого-нибудь Moeller van den Bruck с его немецким декадентским противным языком. Противно это мусолиние искусства, всякие «Trattati della pittura»^{31*}. На свете великого очень мало, потому что слишком много великих. В Эрмитаже с его 1000 №№ 500№№ отличные, в Лувре еще больше, в Friedrich Museum² все примечательно, в венском музее то же и так ohne Ende^{32*}, «великие» произведения – это просто необходимый предмет роскоши et non plus ultra. Это факт. Вообще это вещь безнадежная, безрезультатная и мне ее нужно бросить.

Эта руготня искусства, после того как я видел сегодня «весь цвет» Флоренции, т.е. Джорджоне, Леонардо, Кастаньо, Уч[ч]елли^{33*}, Бот[т]ичелли, Беато, Буонаротти, понятна, потому что всех их я видел в продолжение 4-х часов. Я сегодня совсем себя незачем переругал, а потому вечером far niente^{34*}, т.е. занимаюсь делом. В Уффици я зайду, конечно, еще и, думаю, не один раз, но хочу еще много вещей посмотреть.

Вечером сидел в кафе (alle Gu[i]bbe rosse^{35*}), занятие это приятное, когда один, особенно хорошо мечтается. Взял сегодня 2 журнала «The Mask»³ и «Je sais tout»⁴, и... уж такова судьба моя опять столкнула с распроклятыми

^{27*} «Муза-дитя» (ит.).

^{28*} Имею честь поздравить себя с тем, что в моей комнате в Москве есть копия самого моего старого друга Леонардо (нем.)

^{29*} Поклонение волхвов (ит.).

^{30*} «Прекрасная Флоренция» (ит.).

^{31*} «Трактаты о живописи» (ит.).

^{32*} Без конца (нем.).

^{33*} Правильно: Уччелло.

^{34*} Ничего неделание (ит.).

^{35*} У Розовых пиджаков (кафе, где собиралась богема) (ит.-флорент.).

эстетам. «The Mask», сюсюкая на прекрасной шероховатой бумаге, толкует о русском балете, кубизме и Дюрере, Италии etc.: в «Je sais tout» бульварным тоном рассказывается о Пирпонте Моргане, о его коллекционерстве, библиофильстве etc... Ах этот Пирпонт! Он, прежде всего, дурак и несчастный. Сначала его задушили деньги, затем книги и картины, в таком невер[оятном] количестве, в котором он их и скупал, бывшими еще хуже денег. Между истинным отвратительным эстетом (нрзб.) и жалким Плюшкиным en grand весь эстетизм и вертится. Желание избегнуть жизни, приводящее к тунеядству и ужасу. Да, работать в лаборатории или торговать ситцем в миллион раз приятнее собирания картин (ведь ни (нрзб.), ни Морган их не изучают, они для других почему-то стараются). Эстетизм – это болезнь. Она, пожалуй, приятна и красива в своих высших формах (у англичан) – но у меня и прочих, куда все попадает из вторых рук – это уже отвратительно и вредно и бездельно. Мне надо по приезду в Москву сделать очень трудное – забыть или свести до минимума всякую поэзию и искусство, читать 1 газету, научные журналы и ... учиться. Концерты тоже к черту. Туда же и библиоманию. Стать самим собою и делать дело. Как это просто и как это трудно. Я себе даже не представляю, чтобы я не купил, если бы видел 1-е изд[ание] Фауста, или подобное. Мне не нужно, но я куплю. Я желал бы остаться без денег. Вот, право, лучшее средство и, с другой стороны, свободные деньги, та торная дорога, которая позволяет мне блуждать по дебрям эстетизма {Еще многое надо сказать, но после}.

Я пророк, начинаю увлекаться Piero della Francesco и совершенно при этом естественно, и сам по себе без Moeller'a. Я увидел сначала Baldovinetti в Академии – он мне понравился. Увидел Пьеро в Уффициях, узнал следы Baldovinetti; итак, через Baldovinetti к Piero, как через Gresco к Тинторетто. Собираюсь даже послезавтра ехать в Arezzo, этого самого Piero посмотреть и понять. Да, идеи в воздухе летают и заражают без промаха. Итак, мы перед новой пассией.

Флоренция, 16 июля

S. Maria Novella. У меня эта церковь всегда сочетается в памяти с Боккаччо, ведь здесь, в этой церкви сговорились прелестные девы и юноши удалиться за город начать свое веселое «far niente» и Декамерон. Но вот странно, ведь от времени Боккаччо тут Madonna Rucellai Cimabue*, Giotteski [-] приблизительно Orkagna¹. Как это сурово и далеко от Декамерона). Вот эти все господа Липпи, Гирляндайо, della Robbia – это уже стиль Декамерона. Гирляндайо был превосходным мастером, не переходившим границ – это была «средняя» Флоренция, но именно Флоренция. Сколько в его фресках в хоре S. Maria Novella флорен[тийских] портретов и типов. Клады. Кажется, лучшая фреска – встреча Марии с Елисаветой, в этой фреске очень много хорошего [:] и пейзаж, и группы, и общий ритм.

/Искусство вроде религии и жизни, все в нем себя чувствуют специалистами [-] и монахи, и англичанки, и я/.

Фрески в Capella Spagnuola очень эффектны, особенно распятие, много превосходных конных фигур.

* Мадонна Ручелаи кисти Чимабуэ (ит.).

На правой фреске «Il Paradiso» рай представлен в виде... Флоренции с Duomo и Campanile², с флорентийскими холмами (почему-то только Duomo розовый). Фрески эти [-] «Paradiso» и «Стр[ашный] суд» вещи первоклассные и уступают Джотто разве только своею пестротой. Поразительна «weiträumig»^{2*} архитектура капеллы, прямо для фресок создана. (Ach, wie hübsch^{3*}, ахает старая немка).

Аллегии на правой стороне – дрянь.

В веселых тонах и движениях этих фресок уж настоящий Боккаччо.

Очень хорошо отсечение головы (нрзб.) в правом углу своей прос[то]той, таинственностью и силой.

Вот-те штука, у св[ятых] отцов на дворе гимнастика, а в чулане сложены приспособления для... петрушки!? Это уже совсем Боккач[ч]о.

Из chiaro scuro Уч[c]елло^{4*} ничего не извлек, разве вот этот, кажется, «потоп» – силен и монументален.

S. Lorenzo Bru[n]nelleschi прелестен, все до него и все после него кажется барахлом, он истинный классик (гармония, простота и закономерность); впрочем, я, пожалуй, ошибаюсь, в Брунеллески есть кое-что и флорентинское – вытянуто-декадентское. Donatello уважаю, но оценить не могу, нужно время, а у меня его нет.

(а пропос, пожалуй, прелестнейшая статуя после Давида во Флоренции Персей Челлини – это сама грация, пьедестал ее прямо физически приятен.)

Palazzo [Medici-]Riccardi Беноццо Gozzoli прямо прелесть, куда же Скифаной³ до этого, это еще настоящее, чем Бот[т]ичелли (на алтаре теперь открытками скверными торгуют... о tempora, о mores), часть с греческим царем erstklassig^{5*}.

Жить в palazzo, без «науки» – это что-то невероятно скучное, à la Пиргонт Морган.

Приятно посмотреться в зеркало, которое отражало лик какого-нибудь Cosimo [Medici] (эти зеркала в живописи прелесть).

SS. Annunziata. Попорченная фреска Alessio Baldovinetti все же очень любопытна, пейзаж такой далекий (как на картине P[iero] d[ella] F[rancesca] в Uffizi'ях), фигуры людей и животных эффек[т]но силуэты^{6*}. Здесь Baldovinetti совсем другой, чем на картинах в Академии.

Museo archeologico (о цели посещения напишу после).

^{2*} Просторная (нем.).

^{3*} Ах, как прелестно (нем.).

^{4*} Светотени Уччелло (ит.).

^{5*} Первоклассный (нем.).

^{6*} Так у Вавилова.

Casa Buonarroti⁴ Giorgione (?), конечно, с его духом, но картина не поражает и по ⟨нрзб.⟩ хорошо, но не лучше Тициана. Мужские лица, конечно, Giorgione, фиолетовая одежда бородатого несколько напоминает берлинский портрет./

Битва кентавров М[икель] А[нджело] превосходна, это не спокойствие Донателло. Ее бы нужно сделать в большем масштабе.

Рисунки Буонаротти совсем не интересны, не искусны, незамысловаты и не загадочны, как у Леонардо, не красивы, как у Рафаэля: просто ученические работы на 3.

До чего дошло мое внутреннее раздвоение, видно из этих записей. И сегодня я могу писать на 2 совершенно разных голоса, что и принужден делать. Мои сегодняшние *vol d'oiseau*^{7*} весьма пестры. S. Maria Novella с хорошим, но что ж из этого, образом Богородицы, любопытными фресками Гириляндайо и чудной Испанской капеллой. Затем палатцо Риккарди с фресками Гоццолы, искусными, прекрасными и чисто «флорентинскими». Это та же Флоренция, что и у Боттичелли; у того только символ и дух, а здесь *so zu sagen*^{8*} фотография и притом прелестная. Написана эта фреска, кажется, в воспоминание о флорентинской унии, на ней и царь и патриарх греческие. Русские молодцы, что на эту самую унию плюнули: получился бы *Missgeburt*^{9*} и только⁵. Попал я потом в SS. Annunziata и, заразившись P[iero] d[ella] F[rancesca] и B[aldovinetti], заставил себе понравиться фреску «Adorazione dei pastori» Al. Baldovinetti^{10*}. Далее влекомый эстетическим роком, а также Moeller van den Bruck`ом, посетил Археологический Музей. Sehr geehrt Herr^{11*} и прошельга начинает и заканчивает свою толстую книжицу этрусками: тут, де, α и ω. Пантеон и Рафаэль – это, по его мнению, наследники этрусков. После обожания греков, римлян, ренессанса, кватрочентистов, Guido Reni etc. мы (т.е. он) должны вернуться к этрускам. Музей сей, как полагается археологическому музею – колоссален и все зависит от точки зрения, можно на него смотреть как на собрание мусора и булыжников или как на нечто в высокой степени почтенное. Прежде всего, об этрусках, а затем и о музее.

Видел я этрусские могилы, статуи, вазы и пр. в очень большом количестве... и, ей Богу, ничего отличного от римского и греческого не нашел, и внушать себе старался, но ничего не получил: правда, в некоторых могил[ах] с куполами, пожалуй, и есть намек на Пантеон и S. Pietro, есть «круглота» и мягкость линии во всякой вазе и амфоре, круглота Рафаэля. Рисунки ваз, конечно, выше всяких Рафаэлей – для меня это всегда было парадоксом и загадкой: здесь идеал рисунка, статуи этрусские, как и греческие, как и римские, выше всяких Буонаротти и Челлини... но что тут этрусского и что греко-римского, не постиг. Восхитили фрески одной могилы своей смелостью, правильностью и простотой – но что такое этрусское искусство, я не понял. Прекрасно, они предки и источник Италии, но зачем возвращаться

^{7*} Птичьи полеты (*фр.*).

^{8*} Так сказать (*нем.*).

^{9*} Урод (*нем.*).

^{10*} «Поклонение волхвов» Ал. Бальдовинетти (*ит.*).

^{11*} Многоуважаемый господин (*нем.*).

**Илья Иванович Вавилов, отец
Мемориальный кабинет-музей
Н.И. Вавилова, ИОГен РАН**

**Александра Михайловна Вавилова
(урожденная Постникова), мать
Мемориальный кабинет-музей
Н.И. Вавилова, ИОГен РАН**

Александра Михайловна Вавилова
с Сергеем (слева) и Николаем
Кабинет истории ФИАН

Александра Ивановна,
4-я московская женская гимназия
Мемориальный кабинет-музей
Н.И. Вавилова, ИОГен РАН

Лидия Ивановна,
4-я московская женская гимназия
Мемориальный кабинет-музей
Н.И. Вавилова, ИОГен РАН

Николай Иванович, выпускник
Коммерческого училища, 1906
Мемориальный кабинет-музей
Н.И. Вавилова, ИОГен РАН

**Сергей Иванович, учащийся
Коммерческого училища
Кабинет истории ФИАН**

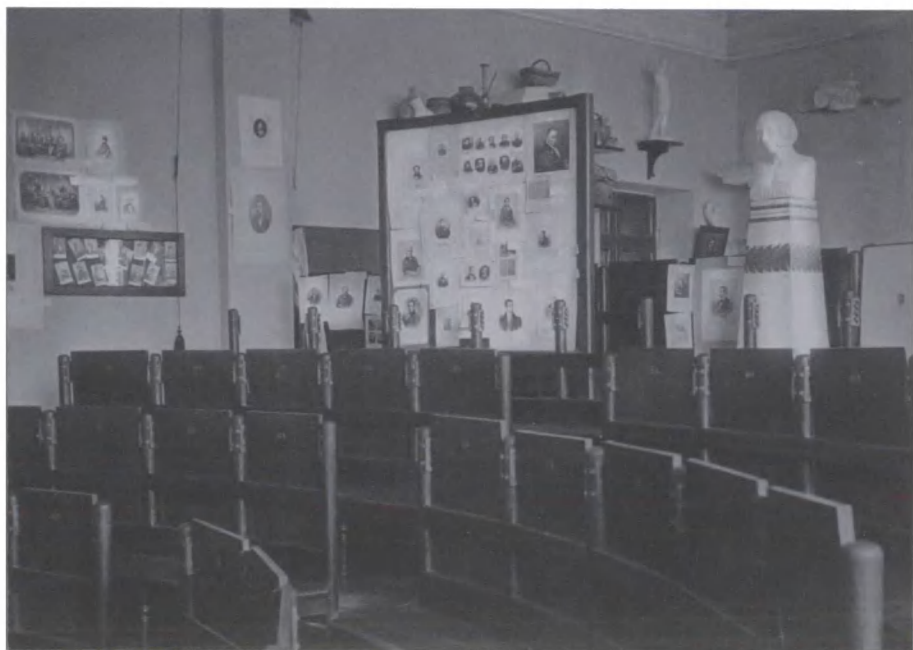
**Илья Иванович (мл.)
Мемориальный кабинет-музей
Н.И. Вавилова, ИОГен РАН**

Московское Коммерческое училище на Остоженке

Актuый зал
Архив семьи С.И. Вавилова

Кабинет словесности
Архив семьи С.И. Вавилова

Сергей Вавилов,
ученик Коммерческого училища
Архив семьи С.И. Вавилова

Воспитанники в музее П.И. Щукина
на Б. Грузинской. Во втором ряду второй слева –
Н.И. Вавилов. В центре стоит – И.Е. Евсеев
*Из книги: Московское Коммерческое училище.
Сто лет жизни. 1894–1904*

Кабинет химии
Архив семьи С.И. Вавилова

Сергей Вавилов с соучениками по Коммерческому училищу
В нижнем ряду: 1-й слева – Сергей Вавилов,
2-й – Б.М. Себенцов, крайний справа – А.А. Темерин
Кабинет истории ФИАН

2-й справа – С.И. Вавилов, 3-й – И.Е. Евсеев
Архив РАН, ф. 596, оп. 2, д. 98

С.И. Вавилов с группой учеников и преподавателей Коммерческого училища.
Справа от колонны – С.И. Вавилов и И.Е. Евсеев
Кабинет истории ФИАН

На крыльце дома на Средней Пресне, слева – мать Александра Михайловна, Александра Ивановна и ее дети – Татьяна и Александр Ипатьевы
Мемориальный кабинет-музей Н.И. Вавилова, ИОГен РАН

Лидия Ивановна
*Мемориальный кабинет-музей
Н.И. Вавилова, ИОГен РАН*

Николай Иванович, 1910-е
*Мемориальный кабинет-музей
Н.И. Вавилова, ИОГен РАН*

Группа студентов и преподавателей Московского университета, за столиком – П.П. Лазарев,
5-й слева во втором ряду – С.И. Вавилов
Кабинет истории ФИАН

Фотографии С.И. Вавилова в Италии в 1912 году

Архив РАН, ф. 596, оп. 2, д. 81

Кабинет истории ФИАН

Пестумский храм
Архив РАН, ф. 596, оп. 2, д. 81

Венеция
Архив РАН, ф. 596, оп. 2, д. 81

Рим
Архив РАН, ф. 596, оп. 2, д. 81

Фотографии С.И. Вавилова периода Первой мировой войны

Архив РАН, ф. 596, оп. 2, д. 79

Архив РАН, ф. 596, оп. 2, д. 79

Архив РАН, ф. 596, оп. 2, д. 79

Архив семьи С.И. Вавилова

Кабинет истории ФИАН

Кабинет истории ФИАН

Кабинет истории ФИАН

Архив семьи С.И. Вавилова

Архив РАН, ф. 596, оп. 2, д. 79

Архив РАН, ф. 596, оп. 2, д. 79

Архив РАН, ф. 596, он. 2, д. 79

Архив РАН, ф. 596, он. 2, д. 79

Архив РАН, ф. 596, он. 2, д. 79

С.И. Вавилов
в действующей армии, 1914
Архив семьи С.И. Вавилова

*Архив РАН, ф. 596,
оп. 2, д. 79*

*Архив РАН, ф. 596,
оп. 2, д. 79*

**С.И. Вавилов
среди радиотелеграфистов
гвардейской роты.
8 апреля 1915 г.**

Архив семьи С.И. Вавилова

*Архив РАН, ф. 596,
оп. 2, д. 79*

*Архив РАН, ф. 596,
оп. 2, д. 79*

*Архив РАН, ф. 596,
оп. 2, д. 79*

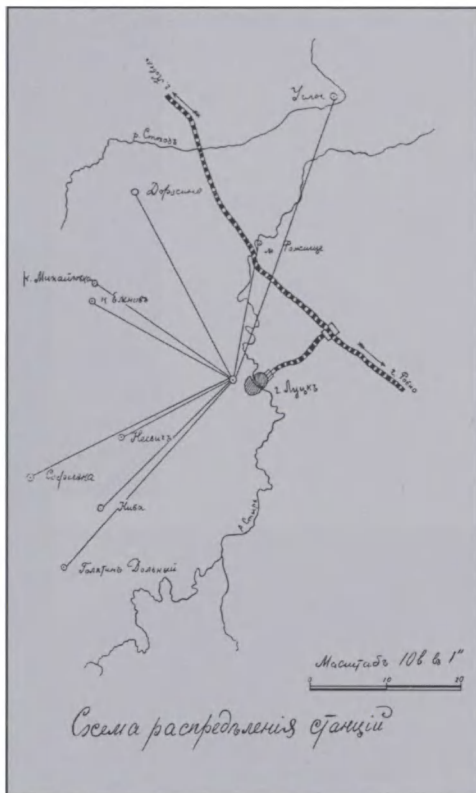
*Архив РАН, ф. 596,
оп. 2, д. 79*

*Архив РАН, ф. 596,
оп. 2, д. 79*

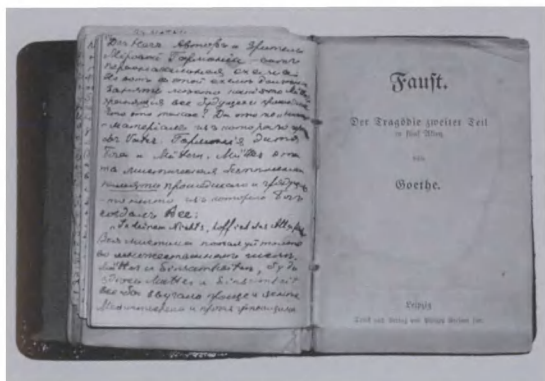
Архив РАН, ф. 596, оп. 2, д. 79

**Прапорщик С.И. Вавилов
у «искровой станции»
Архив семьи С.И. Вавилова**

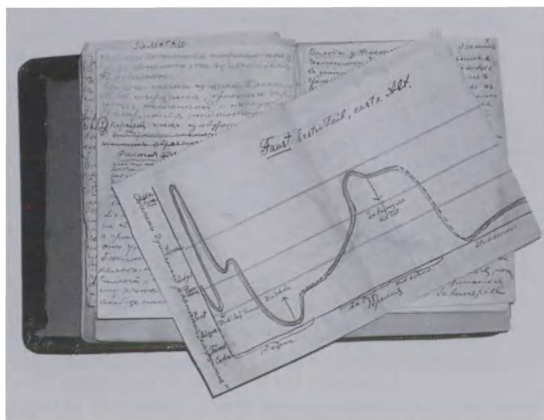

Кабинет истории ФИАН

Книга И.В. Гёте «Фауст», которая была с С.И. Вавиловым на фронте в 1914–1918 гг. Между двумя частями – вклейка с собственными размышлениями С.И. Вавилова о «Фаусте». График – кривая «степени душевного равновесия “созерцания” Фауста», построенная С.И. Вавиловым

Архив семьи С.И. Вавилова

Кни на 10 нас до 1902

Лит. Б.

СЛУЖЕБНАЯ КАРТОЧКА № 19

Проходивший действительную службу
уволенного по демобилизации 18(5) февраля 1918 г. № 36

Подлежит перевоз. эшелон. № _____

Для выдачи на руки уволенному.

Какой части *Радиотелеграфного дивизиона*

Звание *Ведущий радист* (лей. 3-го радиотелеграф. батальона)

Фамилия *Вавилов*

Имя *Сергей* Отчество *Иванович*

Годъ приема новобранцемъ *1911*

Срокъ службы _____

Срокъ рождения *Варна* *1901* годъ

Место приписки къ обществу *Москва*

Слѣдуетъ въ:

Губернію _____ Уездъ _____

Вокзалъ _____ Городъ *Москва*

Подпись начальника части *Минин*

Подпись агента или заправляющего
дальновозможности *Минин*

Виданъ въ учетное учреждение _____ мѣс. _____

Подпись приказавшаго на учет _____

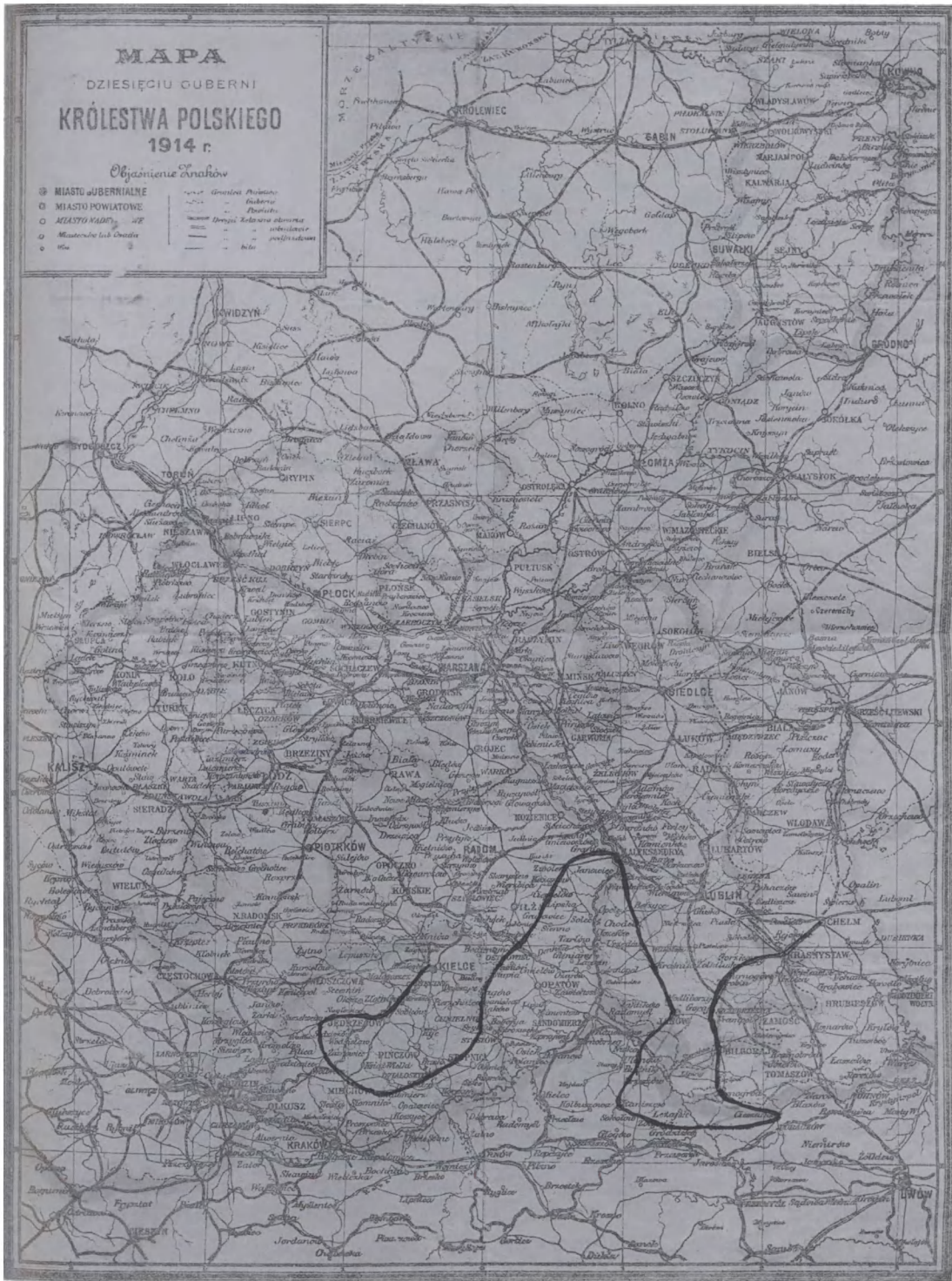
Служебная карточка
проходившего
действительную службу
в 5-м радиотелеграфном
дивизионе и уволенного
по демобилизации
18(5) февраля 1918
прапорщика С.И. Вавилова

Архив семьи
С.И. Вавилова

Николай Иванович, Александра Михайловна и Сергей Иванович,
на стене – портрет Илюши. 25 декабря 1916

Мемориальный кабинет-музей Н.И. Вавилова, ИОГен РАН

Карта Королевства Польского 1914 г. с указанием С.И. Вавиловым пути своей военной части в 1914 г.
 Архив семьи С.И. Вавилова

к источнику, если и все русло прекрасно. /Теперь о несколько другом. Какую, собственно, цель имеют музеи археологические? Единственную: доставлять науке материал для построения системы. Et non plus ultra. Поэтому самому арх[еологическому] музею следовало бы семью печатями запечатать от «публики» немок, англичанок и меня. Эти персоны идут в музеи, чтобы кое-что-нибудь узнать по истории.

Дураки! Вместо того чтобы смотреть здание (цель), смотрят кирпичи, или осколки их, не понимая, что из них выйдет, да и кирпичи-то не имея времени осмотреть. Тут прямо вопрос санитарно-педагогический, нужно беречь здоровье немок etc. Изучать историю в музее то же, что изучать физику без книги, ничего не зная, по груде градусников, весов, спектроскопов etc. Дико, но факт. С картинными галереями не совсем так (иногда они только история – тогда, конечно, то же, что и с археологией). Вообще говоря, они Schmucksache[n]^{12*}, цель их доставлять уму и глазу наслаждение и поучение, цель т.е. «гастрономическая». Картина, как пища, всем доступна. Но аналогия с пищей идет дальше. Посещение музея – не обед, а длительная дегустация, притом иногда, как у Питти, вещей самых разнородных [–] от патоки (Гвидо Рени и А. дель Sarto) до горчицы. Получается рвота et non plus ultra. Для галереи, как и для хорошего обеда, нужно следующее: аппетит и ограниченность. Обыкновенно ни того, ни другого не бывает. Обед в плохой ресторации приятнее посещения Питти.

Casa Buonarrotti[:] обед небольшой, но плохой, и аппетит[а] у меня к тому же не было совсем. Джорджонеск и небольшой М. Андж[ело] – это все, рисунки и пр. – дрянь. Тут же рядом топографический музей Флоренции – вещь для «публики» опять совершенно абсурдная. Итак, настоящими бы результатами утренней моей gira^{13*} были бы фрески капеллы Spagnuola, фр[ески] Гоццолли и фрески Бальдовинетти – но все это отравляется мыслью, что это зарядка на год, только заряд, который меня будет интересовать целый год. Мне стыдно самого себя и физики. Читал «La Nazionale» о Байроне в Италии. Вначале автор пишет о Броунинге и про[чих] писавших и воспевавших, что «Italia patria mia»^{14*}, и мне стало противно. И любовь к Италии штамп, и от него я, дай Бог, освобожусь. Впрочем, купил книгу о Piero della Francesca, которой буду, конечно, заниматься. «Две души во мне живут».

Фьезоле⁵ меня со многим помирило. Уют монастыря, кипарисы (вот не живые, но какие «стильные» искусственные деревья) фиолетовые. Флоренция вдали, развалины арены и этрусских стен, тишина и... орган. Вот что больше всего меня успокоило. В церкви монастыря, не в богослужбное время, какой-то искусный францисканец играл Баха или Гайдна (точно не знаю, но знакомо). Сначала и Фьезоле показалось только внешним, только «Schmucksache[n]» и не для меня, и когда, сидя под кипарисами и вглядываясь в дали далекие, я услышал старую элегию органа, я растаял. Из искусств серьезна только музыка, самое чистое, самое светлое и самое живое. Музыка не может быть схвачена «à vol d'oiseau», как живопись и

^{12*} Драгоценности (нем.).

^{13*} Прогулка (ит.).

^{14*} «Италия – отечество мое» (ит.).

скульптура и etc. Музыка должна быть выслушана. Это искусство прекрасного времени. В музыке может быть непонимание, но не поверхностность. Да, вот рядом с наукою и жизнью, вижу, приходится поставить и музыку, как серьезное на свете. Музыка может сделать что угодно, укротить гнев, обрадовать и опечалить, сделать счастливым. Как прекрасно, что в этом искусстве нет музейности. Как жизнь, музыка для всех. И, право, я теперь начинаю понимать, почему математики и физики так любили музыку, у той и другой – серьезность. Орган, как и кипарис, уже по существу своему вещи элегические. На органе все звучит торжественно-печально. Кипарис и орган созданы друг для друга. Элегическое настроение – лучшее в мире, это лучше радости. Я не нашел никакого нового выхода и решения, я даже многое новое печальное увидел в своей судьбе под эту музыку. Я искал «спасения» в Италии и эстетизме – но это общее, всех, счастье и довольство только в своем и личном: в творчестве (всякое наслаждение прекрасной картиной, наслаждение (отраженное) творчеств[ом] художника), в работе, в семье, друге или жене.

И почти все это для меня не существовало, была какая-то фальсификация счастья, зеркальность и книжность, как общедоступная фотография с единственной картины. Только вот музыка сразу и всех, и свое (как грустно думать теперь, что, имея возможность учиться на фортепиано, отказался «в минуту жизни трудную, когда на сердце грусть»⁶, это было бы лучшая *Arznei*^{15*}.

Да, Фьезоле прелестно, это елей, который льется на бушующие воды⁷. Даже англичанки с кодаками смотрят[ся] здесь как-то элегически красиво. Вечером по обычаю приятное кафе.

Arezzo¹, 17 июля

S. Francesco. Ну вот и он, Piero della Francesca. И прежде всего это комбинация *Uc[c]ello* с *Baldovinetti*. Художник этот марки самой высокой, нежность и прелесть красок единственная, такой ни у кого другого нет (кроме картин *Baldovinetti* в Академии). Это краски *Puvis`a*, но в тысячу раз благороднее; и главное, на что ни помотришь [-] все прекрасно.

Фигуры одновременно и во 2-м и в 3-м измерении. Битва налево, это вариант битвы *Uc[c]ello* в *Uffizi* (пока лучшая фреска обретение креста). А направо еще лучше. Вот, право, действительно «гений», для меня вновь открывшийся. Прекрасные краски (совсем другие, чем венецианские), монументальность *Castagno* (группа всадников на правой фреске), перспектива и «округлость». Тут уж не Джотто, а все Рафаэли, Боттичелли и Гирляндайо вместе. Вот и мерило* величия *Giorgione* в глазах моих. Кто из

^{15*} Лекарство; в нем. яз. это существительное женского рода (*нем.*).

* Возможное прочтение слова.

них – primo. /На правой стороне лучшая фреска – погоня. Это безусловно. А во сне Константина все «световые» проблемы разрешены. Да что же это такое? Это квинтэссенция всякого «художества» – вот уж поистине «Пушкин α и ω живописи». Живописи как живописи. В нем нет книжности, и хоть говорят, им руководили Архимед и Эвклид – у него только элементарная геометрия. Леонардовско-Джорджоновской загадки и следа нет. Он прост, он Пушкин, он венец живописи. Лучшие фрески: погоня, сон Константина и обретение Креста / И как он мог остаться в стороне, мне неизвестно. Все, что хорошего в современной живописи, все есть в Piero. Но, повторяю, он не «мой», леонардовского в нем нет.

S. Maria della Pieve^{2*} Церковь удивительно хороша своей ненарушенной гармонией, отсутствием фресок, прос[то]той серого камня и роскошной примитивностью фасада.

Signor Giotto, на вас я после Piero внимания не обращаю.

Флоренция

Буду писать об Ареццо. Я сейчас постригся и принял душ, а это вместе с воспоминаниями об Ареццо уже полное удовольствие. Ареццо совсем не Ровиго, в нем нет этого каменно-раскаленного. Ареццо мягко, много зелени и уюта. Здесь нет печали о былом, бывшее было уж не так блестяще, нет здесь и «живой» жизни. Спокойно, тихо и, кажется, даже не скучно. Здесь жизнь именно «течет». За собором что-то вроде городского сада с лугом и скамейками и с этих скамеек вид восхитительно мягкий, настоящий тосканско-итальянский: красивые линии холмов, невысокие горы на горизонте, виноград, черепичные крыши, кипарисы, небо и голубоватая поэтическая дымка надо всем. На скамейках сидят ареццкие дамы, вяжут чулки, бегают мальчишки, ходят семинаристы в красивых мантиях, которые прекрасными силуэтами рисуются на фоне неба. Музей закрыт, оно и лучше. Меньше хлама и дряни останется в голове. Зашел в 2, три церкви (они здесь так просты и уютны со своими дикими фасадами, смотрят совсем дряхло).

В конце концов попал в ресторан, где обедал я да молодой семинарист, и хозяин нас занимал, показывал «brutto ritratto»^{3*} какого-то нового министра в «Giornale d'Italia», распинался etc. Все это прекрасный антураж для фресок Piero della Francesca. Я вот сейчас думаю, да не увлекаюсь ли я? Собственно, причин увлекаться нет. Главу M[oeller] v[an] d[en] B[ruck`a] o P[iero] d[ella] F[rancesca] я еще не прочел, а из путеводителя мало что выудишь. И вот я теперь, после говорю, да, Piero и Giorgione – вот два *principi della pittura*^{4*}. Франческа в тонах опала, Giorgione рубина. Но Франческа оригинален совершенно. Не знаю, может быть, только просто потому, что в нем так сильно сквозит современность, он мне нравится? В нем все импрессионизм, но в нем и стилизм. У него прелесть Castagno, U[c]c[jello], Vermeer`a etc. Его фрески Sante Croce^{5*} простое и ясное наслаждение для всякого, наслаждение уже самой плоскостью. Франческа – художник краски и никакая фотография с

^{2*} Приходская церковь св. Марии.

^{3*} Карикатура (*um.*).

^{4*} Властители живописи (*um.*).

^{5*} Святого Креста (*um.*).

ним поделаться ничего не может (ах, как досадно, что со мной нет автохромов²), фотография с него все равно что фотография с драгоценного камня – разницы от булыжника никакой. Завтра пойду в Uffizi, чтобы еще раз посмотреть его масляные картины. Они совсем не поражают и только после внимательного осмотра начинают нравиться. Но отчего Piero так мало известен? Он не декадент, он прост и ясен для всякого. Для всякого ясно, что он выше Джотто и Гирляндайо (у него нет только «рисунка» Рафаэля). Попробую все-таки на память купить фотографии. Фрески всяких Spinelli etc. после Piero только дрянь.

Итак, сегодня я отдал дань чистому искусству. Несмотря на все мои «внутренние неурядицы», я не потерял способности восторгаться и входить в истинный искренний раж перед настоящими чудесами: концертом Джорджоне, фресками Piero, Аполлоном и Марсием Рафаэля, Давидом Микель Анджело, Джокондою etc. Тут уж не эстетизм, а просто настоящий s[o] z[u] s[agen] художественный аппетит. Чтобы восторгаться Джотто или Донателло, надо безусловно [иметь] известную степень предвзятости. Искренне восхищались как тем, так и другим только современники, а в наше время восхищаются ими только через Ruskin`а и Pater`а.

Итак, смело вношу в книгу «гениев» имя Piero, хотя и он (не то что Леонардо) только Schmucksache[n], он даже в особенности.

Piero, в сущности, естественный и неожиданно хороший финал моего путешествия. Осталось мне еще досмотреть Уффици, зайти в 2–3 церкви, затем дела домашние (т.е. покупки и сборы) и потом «пролет» через Венецию и Вену. Затем я попаду домой. О чем я мечтаю и на что надеюсь, напишу после, а сейчас пойду, наверное, в S. Croce да за фотографиями.

S. Croce. Не из-за Джотто и Брунеллески попал я сюда, а чтобы поклониться праху Галилея. Почивайте с миром и Дант, и Буонаротти e tutti quanti; вы сделали много хорошего, но, кроме Галилея, никто не сделал серьезного. Пусть этот мой почти последний поклон Италии будет поклоном не искусству, а науке. Здесь, около могилы Галилея, почти клянусь делать только дело и серьезное, т.е. науку. Пусть ничего не выйдет, но будет удовлетворение.

А Джотто... вот я сейчас в его капелле и ничуть [не] тронут. Говорю только хорошо и лучше. Но что мне до него.

Чудно, в хоре фрески Джоттовские на тему о кресте, тему Piero, и как это грязно и оставляет нетронут[ым], а ведь если рассматривать всего Piero, это не хуже Джотто и хорошо (в фотогр[афии] это будет, конечно, лучше, чем Piero), мертвые срама не имут, да Галилей был человеком к тому же, потому-то он рядом с Данте и Россини. Но Бог с этими джотт[овскими] фресками, показавшимися^{6*} около Галилея, Бог с этим пышным монументом, Галилей в его оре^{7*} в физике, астрономии и механике. Искусство только изощренная форма жизни. Наука – уже не жизнь, не выше, не ниже ее, потому она так строга.

А сколько здесь все-таки первоклассных Genii^{8*} покоится, счету нет – для меня приятнее всех Галилей. Впрочем, вечная память Данте, Бу[о]наротти, Россини и прочим, и их люблю.

^{6*} Так у Вавилова.

^{7*} Трудах (ит.).

^{8*} Гениев (ит.).

Мои вечерние шатания таковы. Сначала S. Croce с большим презрением к Джотто и пр. и с центром – Галилеем. В S. Croce весьма много материала для разнообразнейшего Philosophieren^{9*}, особенно на тему о «великих». Впрочем, эти Пантеоны, вообще говоря, неприятны, склад великих людей, здесь исчезает всякое представление о смерти и могилы; ни саркофагов, ни могил, просто галерея недурных памятников. То ли дело Волково кладбище, Донской монастырь, могила Пушкина, могила Сегантини. Пантеон – это вроде Ognissanti^{10*}. Goethe удивлялся, что этот праздник всех святых празднуют менее торжественно, чем любого заштатного святого (под окном коты поют невероятный дуэт, кажись июль, а не март?) То же и с S. Croce. Тут и Галилей, и Данте, и Буонаротти, и Макиавелли etc, а почету всем меньше, чем каждому в отдельности. Из S. Croce пошел по набережной.

Спасенная утопленница. К Италии, к Флоренции и к Арно это совсем не пристало. Россией с ее ужасами и тоской повеяло. А *propos* по поводу России. Я о ней забыл совсем, так только осталось воспоминание о patria^{11*}, любить и уважать которое за границей, конечно, надо. Всерьез Россия мне представляется сейчас чем-то вроде Германии (только отечеств[енной]). Но вот зашел на почтамт, там для E[всеича] прислали «Русское Слово». Раскрыл было, да как взглянул, противно стало, сунул в сторону. Gott sei danke^{12*}, за все путешествие я ни разу не читал русских газет. Это уже большой прогресс. Из почтамта пошел закупать фотографии, накупил на 10 лир. Боже, как ужасен на снимках Рiego, чудный свет его неба тут черный, прелестные желтые и зеленые флаги совсем не выделяются. Вот, право, вздумать кого-нибудь обратить в «пьериста» при помощи этих фотографий. Легче верблюду etc. Затем, чтобы отдохнуть, завернул в синематограф, и о боги! попал на «научную серию». Да ведь это тот же археологический музей. Показывают каких-то рыб, коз, электрических скатов, дающих 4 вольта, и прочее. Да кому и для чего это нужно. Специалист это знает, а не специалисту это не нужно и вредно, как мусор в доме. Синематограф, как и театр, должны только показывать «специальность» человеческую – жизнь. Только в своей специальности человек себя хорошо чувствует. Когда я увидел вольтметр на экране, я обрадовался. «Жизнь» для всех специальность; поэтому страшные драмы, сильные комедии и журнал Пате³ для всех интересны, как для меня физический журнал. Да есть три вещи, т.е. «Museo archeologico» (Himmel, коты опять запели !!), Museo di storia naturale^{13*} и научный синематограф, для умственного желудка невыносимы. Вспомнил я, что на последнем коллоквиуме нас развлекали точно так же. Показалось весьма печальным, и не совсем веселые мысли о лаборатории мелькнули в голове. После синематографа пошел в кафе пить свое «caffè latte con paste^{14*}», публика постоянная, половина (а то и больше) знакомая. Удовольствие путешествовать одному в том и заключается, что сразу чувствуешь себя со всеми и с самим собой. Полная свобода.

^{9*} Философствования (нем.).

^{10*} Праздник всех святых (ит.).

^{11*} Отечество (ит.).

^{12*} Благодарение Богу (нем.).

^{13*} Музей естественной истории (ит.).

^{14*} Кофе с молоком и пирожным (ит.).

Флоренция, 18 июля

Зашел в SS. Annunziata, еще раз посмотреть фреску Baldovinetti: часть с пейзажем превосходна, очень красивы и «декоративны» все фигуры.

Фреска Перу[д]жино. Дал же Бог счастье этому Perugino, фреска такая свежая, такая новая. Это лучше всех его масляных картин. Почему-то сейчас вспоминается Piero, но ведь он и Perugino в совершенно разных измерениях. Perugino жил в ту хорошую эпоху, когда происходил перелом от Джотто к Гвидо Рени. От Джотто у него декоративность, четкость рисунка, ритм (это главное, что есть у Perugino, ритм этот всегда сахарен, но он всегда силен), а от Guido академическая безупречность. У него совсем нет смелости Пьеро, ни в колорите, ни в пейзаже, но и колорит и пейзаж его благородны. Perugino, конечно, не гений, но он большой мастер (как прекрасно, что и [в] этом помещении кроме Perugino ничего нет). А главное, Perugino – музыкант, его бы я назвал Верди живописи. Рафаэль – это Россини, Буонаротти – Бетховен, Piero – Бах.

Uffizzi. Boltraffio Busto di un giovinetto*; 5+; но вот это уже загадка, это уж совсем от Леонардо; куда этот юноша смотрит, что он видит, почему он грустен и этот таинственный свет зеленовато-желтый, заметно леонардовский. Это загадка, но без разгадки, можно стоять и думать, как перед Джокондой.

От Dürer'a и прочих немцев галопом бегу; прекрасны, но что же делать, я в Италии.

У Piero di Cosimo в общем характере картин что-то джорджоновское, но это совсем не Джорджоне.

Вся ротонда величественно скучна. Даже великолепнейшая Мадонна Рафаэля (прекраснейшая музыка), картины Луини и еще кое-что гаснут в этом скучном великолелии. Это что[-то] вроде Sant. Croce и Ognissanti.

А! старый знакомый, Genga Girolamo (da Urbino, 1476), чудные фрески которого в съенской галерее. Тут у него (масло) Св. Себастиан, мучители очень хороши, похожи на Джорджо[новских] кавалеров из «Моисея».

Ritratto di Giovane Gentildonna^{2*} едва ли Piero, XVIII веком пахнет. Фреска Lippi (Ritr[atto] di Vecchio^{3*}) 5+ и у Pollaiolo (Ercole^{4*}) пейзаж, как у Piero, горизонты необозримые (надо купить фотограф[ию]). Ercole soffoca Anteo e abbatte l'Idra^{5*}.

У Беато тоже много общего в колорите с Piero, он между ним и Джотто.

Ну, а вот и около самого Piero и... восхищен. Его фрески дают понять и эти картины. Сейчас смотрю триумфы. Воздуха в них бездна, чуть-чуть не светит солнце. Вот, ей Богу, художник! У него в одной картине сразу: реализм, стилизм, декоративность и монументальность. А триум[ф]ы прямо воздушные, вот только надписи стерты. Портреты прелестны, еще лучше триумфов. Это венец живописи. Стою и млею (ах, автохромы, где вы!). Лица уроды – но в общем красота самая высокая. Издали, где сглаживается несколько грубый мазок, красота неба, воды, полей и прозрачных силуэтов на их фоне прямо околдовывает.

* Уффици. Больграффио «Бюст подростка» (ит.).

^{2*} Портрет молодой знатной дамы (ит.).

^{3*} Портрет старика (ит.).

^{4*} Поллайоло (Геркулес) (ит.).

^{5*} Геркулес душит Антея и убивает Гидру (ит.).

Здесь большой Baldovinetti просто дрянь, мало привлекательно и воскресение (школа P[iero] d[ella] F[rancesca]).

Очень хорош Св. Никола Gentile da Fabriano.

" " Благовещение S. di Martino.

Баталия Ус[c]ello – баталия Пьеро, только в тонах византийско-русской иконы.

Смотрю я на всех них, т.е. Piero, Giorgione, Рафаэля, Уч[ч]елло и вместе с удовольствием мне несколько противно, не мое дело (сапожник, знай свои колодки), но вот перед Леонардо голоса этого не слышу. Да, это и меня касается. Леонардо и бросил эту картину, потому что это не искусство, а наука. Загадок здесь много, начну с левой нижней группы: В углу стоит некто, «дум великих полн»¹, и глядит не вдаль, а скорее на своих преклоняющихся собратьев, руки сложены по-наполеоновски. Рядом с ним видны 2 головы, одна выше, ядовито-подозрительно поглядывающая на философа, другая, старческая бритая, смотрит на того же философа только с удивлением. Над всеми тремя видна конная фигура, с энерг[ичным] лицом, кого-то зовущая вне картины и указывающая на Мадонну. Под философом коленопреклоненная восторженная группа (один старик совсем пал ниц), а другие молодые смотрят с восторгом на Св[ятое] Семейство; сейчас заметил, что человек, смотрящий подозр[ительно] на философа, поднял кверху леву[ю] руку с характ[ерным] леон[ардовским] жестом. В центре за Богоматерью прежде всего почтительно согбенная старческая фигура, что-то подносящая; за ним частью конная группа восторженно удивленной молодежи. Правую группу от ц[ентра] отделяет дерево, около которого стоит фигура опять с поднятым перстом. Правая группа совсем непонятна, частью восторженно-страдальческие лица, частью просто страдальческие, а на правом фланге в pendant к философу какая-то молодая гневная фигура; лицо повернуто от Богоматери и на нем недовольное выражение. Центральная группа проста и прелестна необъяснимой леонардовской прелестью. Что происходит наверху, один Господь знает [-] «сгрудились вместе кони, люди». Итак, что же это за картина, где каждая фигура – символ, каждое движение – вопрос. Тут уж, слава Богу, не искусство, а Леонардо. Картина Domenico Veneziano (учителя Piero) сахарна и малоэффектна. Вообще, кроме Piero и Ус[c]ello, все здешние его учителя и ученики плоховаты.

А rporos: нижн[ая] коленопр[еклоненная] фигура налево у Леонардо похожа на ангела в Крещении Verrochio.

Вот и сейчас сижу перед Дж[орджоновым] Моисеем и не знаю, что лучше[:] рубин-Giorgione или опал-Piero. А Giorgione колдует, и я не решаю ни в пользу того, ни другого. Хорошо бы было повесить их рядом. Они обе первые, правое и левое. А посреди? Пока никого.

В галерее портретов художников нашел портрет... Borgogne, того самого, баталиями которого я любовался во время лекции Тимирязева. Портрет отличен (5+), а главное, на фоне его же баталий. Лучше не придумаешь, он мог сжечь все свои картины и оставить только портрет, вполне бы достаточно было.

И у Дольче – лучшее, его собственный портрет.

Мимо Рубенсов и van den Hals'ов «я лечу, лечу» стрелой. Портрет Галилея замечателен как портрет, а кроме того, Боже мой, с каким благоговением гляжу

я на него. А у него в лице есть что-то общее с Н.Е. Жуковским. Добродушен, но и ученый; не место этому портрету только здесь, его бы надо в физическую лабораторию. Портрет Бронзино 5+, они, право, какие-то бронзовые, словно монументы. Оказывается, портрет Чемоданова–Susterman`а. Это хорошо: мужчина изображен благообразный.

Ну, это, кажется, последнее. Теперь начались дела семейные; довольно неразумно истратил около 30 лир на книги. У антиквария купил две книжки о Галилее и еще кой-какого математического хлама. Затем приобрел паскудное издание Данте и 2 тома стихов Аннунцио, вот и все. Вообще с книгами мне пора остепениться. Я в них не новичок, понимаю всякую ценность книги, т.е. «мою» и антикварную. Я и покупаю-то книги именно по этим двум ценностям, для себя и иной раз как «редкость». Но несмотря на это мое понимание, приобретаю немало дряни, мусора и кирпичей. Книга – самая высокая «вещь» в мире, потому что это почти человек, даже иногда выше человека (как Гаусс и Пушкин). Но книжка хороша 1) прочитанная, 2) хорошая; в моей библиотеке многие книги этим условиям не удовлетворяют.

В Уффицих я побыл 2 $\frac{1}{2}$ часа, притом начал с конца и, конечно, только поэтому мог многое новое увидеть, $\frac{3}{4}$ только взором окидывал. И тем не менее утомился, появилось что-то вроде картинно-зубной боли, все равно что объелся конфет. А ведь совершенно не смотрел ни немцев, ни статуй. В конце даже Пьеро с Джорджоне стали невыносимо «эстетичны» и специально художественны. Только о Леонардо вспоминаю без всякого привкуса.

Гром гремит, тучи, гроза, кажется, будет. Хорошо бы с завтрашнего дня зарядил дождик, как в начале путешествия. Это так способствует «рабочему настроению», за чем у меня теперь и дело стало.

Addio, cara e bella Firenze; chi lo sa, forse l'ultima volta sono io qui; la vita mia si trova nel pericoloso momento^{6*}; я не нашел здесь полного забвения, никогда еще не оставлял я за собой столько нерешенного, неопределенного и печального, и Флоренция забвения не дала, были только моменты, Фьезоле, Ареццо, но она многое утешение и она была красива, как небо. Прекрасна Италия – это корона земли и приходящему с открытой душой она дает полное наслаждение, счастье.

Прими привет, привет прощальный
Улыбку и слезу души
О город красоты печальной
Я для тоски отчизны дальней
Уеду из твоей тиши.

Печально, грустно покидать Флоренцию, только при прощании понимаешь ее всю и любишь.

Венеция, 19 июля

Итак, *finis Italiae**. Сегодня проехал в поезде мимо Болоньи, Феррары, Ровиго, Падуи и, как характерные силуэты каждого этого города, возникали резкие «облака воспоминаний». Да, и мое 3-е итальянское путешествие

^{6*} Прощай, дорогая и прекрасная Флоренция; кто знает, быть может, я здесь последний раз; жизнь моя здесь становится небезопасной (*ит.*).

* Италия закончилась (*лат.*).

кануло в вечность, начинается идеализация-кристаллизация, и я почти уверен и боюсь, что Италия встанет опять передо мною «прибежищем» и единственной надеждой. Это страшно, потому что убаюкивает. Из этого путешествия я выхожу совсем другим, чем из первых двух. Я остаюсь сразу и очарованным и разочарованным.

Мой вкус, достаточно чувствительный, открыл мне много[e] новое, дал понять и оценить имена Тинторетто, Джорджоне и Пьеро делла Франческа – вот главные художественные результаты. Но... я понял, что все это для меня должно быть «звук пустой» и Schmucksache[n]. Я понял, что это не для меня, что мне отсюда надо бежать, а не спасаться здесь. На одного Леонардо смотрел я с чистой совестью. На Пьеро, Джорджоне и Тинторетто – как грешник и с внутренним страданием. Отвернувшись от всех, я поклонился Галилею – как символу истинного моего спасения. Счастливый случай дал мне возможность путешествовать одному и я понял всю глубину и пользу такого странствования, но одиночество мне многое и раскрыло, многое я в себе понял в первый раз. Мое путешествие было отчасти бегство, бегство от узла всяких сложностей в Москве. Я, конечно, опомнился и смело теперь к этому узлу подступаю. Эстетизм – преодолен; об этом говорю определенно, останутся привычки и порывы, но «обоснования» – нет, это рухнуло. Но Италия – она прекрасна. Теперь, когда делаю последний шаг в ней, почти плачу, как почти плакал, когда входил в нее. Киавенна, Равенна, Комо, Милан, Верона, Виченца, Падова, Венеция, Ровиго, Феррара, Сиена, Флоренция, Ареццо и все без исключения прекрасны, всех помню и люблю.

А прелестный народ, лучше его я в мире не знаю. Италия прекрасна, проста и уютна, потому что она сплошь деревенская. В Италии несмотря на все громадное ожерелье городов – их нет (разве только Милан). И Рим, и Флоренция, и Венеция – это деревни. Тут патриархальность и близость к природе. Я не знаю итальянской аристократии, да и Бог с ней, но в Италии остальной нет разницы между студентом и рабочим, офицером и солдатом, купцом и гондольером. Это не социализм, а это – деревня. И как всякая деревня прекрасна – прекрасна и Италия. На эту деревню Бог высыпал большую часть содержимого рога изобилия гениев. Италия – сплошной гений.

В Италии, слава Богу, нет и прогресса, что будет в будущем, не знаю. Немцы, англичане, русские, приезжающие в Италию, чувствуют узы развязанными, чувствуют себя, как в деревне. Да, Италия «il paradiso»^{2*} – деревня всего мира.

Но, однако, мой «Месяц в деревне» кончился, ходил сегодня по родной Венеции, без плана, бродил и путался нарочно; на первом же шагу нашел какую-то церковь с Тинторетто, Катеной и подозрительным Пальмой (и великолепнейшим саркофагом), сходил на Риальто, купил матери шаль, посидел полчаса под мозаичными сводами San Marco, посидел и у крылатого льва, нашел, что все знатные сеньоры с кодаками выглядят ohne Ausnahme^{3*} дураками. Зашел и к Флориану¹. Венеция не то, что Флоренция, та еще живет, хотя и «город красоты печальной». Венеция – это поразительно-великолепнейшая рама от погибнувшей картины, рама, в которую вставлена

^{2*} Рай (ит.).

^{3*} Без исключения (нем.).

жалкая копия-карикатура, да еще в миниатюре, совсем не по размерам рамы, так что проложены огромные пустые поля. Проехал вечером по каналу Canale Grande^{4*}, самое гробовое впечатление, все эти отели и антиквариаты, засевшие в палатки, напоминают только мышей в опустелом доме.

Колоссальна разница между Флоренцией и Венецией, это почти что Piero и Джорджоне, опал и рубин. Одни соборы чего стоят. San Marco и S. Maria del Fiore почти что «Красота форм в природе» и «Архитектурный альбом» – хотя и оба органичны. Пожалуй, еще Венеция – солнце, Флоренция – луна (и это ведь во всем, в искусстве, жизни и природе).

А прогос по поводу Джорджоне и Пьеро, оба они находили соответ[ствующий] масштаб своим картинам. Если увеличить «Моисея», получится почти картина из Ровиго, т.е. дрянь, если обратить фрески Пьеро в «картинки», получится дрянь не меньшая. Нахождение масштаба у Дж[орджоне] всегда поражает (это, пожалуй, даже его признак) (ср. Моисей, концерт, пейзажные картины).

Венецианские фасады хороши свыше меры – они мраморные, но сама природа словно сепией оттенила прекрасно их пылью и грязью.

20 июля, в поезде в Австрии

Вирши

Исчезнул сон Италии небесной
По Австрии пивной я в поезде тащусь
И до России дикой, но прелестной
Надеюсь уж во вторник я домчусь

В поезде жида, немцы, русские, итальянцы, англичане и венгры. Хуже всех немцы.

Вена

Боже мой, какая гадость; сейчас в памяти моей Италия сияет уж как алмаз в сравнении с этим городским паскудством. После 15 часов пыли в вагоне, где я принципиально и в окна не смотрел (что смотреть [-] вылощенные горы, домики и луга, только отравлять воспоминания о шероховатом, пестром и воздушном пейзаже Италии), остановился в каком-то паскуднейшем отеле, где в зеркале прямая изображается параболой, где окно... выходит в коридор и другие гадости. Лупят и облапошивают на каждом шагу. В Италии, даже в Венеции я и следа не видал мошенничества и обмана, тут то и другое на каждом шагу. Отвратительное кафе, с проститутками, господами, предлагающими «Gumm[i]-Waren»^{*}, несчастные русские жида и жиденята, вонь и грязь, какое-то филиальное отделение Варшавы. И это город Вена. Вену я знаю, в ней есть 1) то, что я сегодня видел, т.е. вся грязь, 2) аляповато-роскошные дома, 3) S. Stefano и больше ничего (музеи – да ведь это т.е. «ворованное»^{2*}). Я ходил сейчас по улицам и только повторял «Италия, Италия, как же ты прекрасна». За Джорджоне и Пьеро я в Италии мало замечал Италию,

^{4*} Большой канал (*ит.*).

^{*} «Товары из каучука (резины)» (*нем.*).

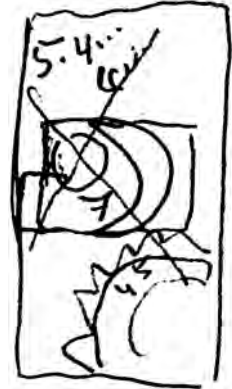
^{2*} Так у Вавилова.

теперь она выступает в памяти в удивительно нежных тонах. И как это, право, смешно, Pontebbo настоящая итальянская граница, до Pontebbo все совершенно итальянское, поля кукурузы, виноград на тутовых деревьях, дряхлые церкви, серая каменная кладка, темная черепица – архаизм, уют; а за Pontebbo'ы все словно выскоблили и вымыли, беленькие дома с красными крышами, веселые острые костелы, бритые луга и конфетные горы. Мне сейчас Австрия просто противна. Уеду завтра, вероятно, в 3 часа, зайду в галерею посмотреть Джорджоне, в Rathaushalle и zurück^{3*}. Домой, домой.

Вена, 21 июля

Вена, Вена, хуже плена
Хуже редьки, хуже хрена
И горчицы ты
О какая перемена
После радостной мечты
Скучно скверная гиена.
Gemälde-Galerie¹

Господи, и такие сокровища среди такой мерзости. Ведь именно эти мудрецы «открыли» мне Giorgione и они здесь. Да, это – его перл. Гармония – это единственное, зеленое, красное, зол[отисто]-желтое, белое – гармония одежд, силуэты деревьев, пейзаж и замок. Я уж забыл о Вене, я поражен [–] пахнуло Венецией и притом самой типич[ной] и благородной. 2 других «Giorgione» подозрительны и совсем не поражают. А как счастливо найден опять масштаб, картина видна сразу, видна вся ее гармония (противно-шмыгающие несметные шаги «галерейных мучениц» русских, жидов, немцев, англичан, etc)/ На нижней кайме одежды восточного философа, кажется что-то написано. На листе старик, изображает (нрзб.) Интересен Джор[джоне] – безразличие и музыка выражений лиц. Восхитителен портрет Catena'ы. От Palma здесь все лучшее. Пальма явно хорош свыше меры.

Это прямо (нрзб.) драгоценность (но «шмыгают»). Ах, как орут, а не понимают Тинторетто, считаю[т] первым его произв[едением] «Сусанну». Она прекрасна. Но это не Тинторетто, а Тициан, Тинторетто, боюсь, нет или очень мало.

Боже мой, да это не «Wiener Gemälde-Gallerie», а просто обворованная Италия: здесь целая Венеция, Рафаэль (ну, Рафаэлю положено, может, быть и в другой стране, он немножко «венец» (а его здешняя Madonna 5+), Св. Себастиан Мантеньи в (нрзб.) венец. Св. Георгия и как всегда Mantegna – чуден.

Даже... даже Guido Reni тут 5+, а Corregio, красоты S. Rosa можно понять только тут (N 528).

N 1161 картина Teniers'a, галерея Erz[h]erz[ó]g'a Leopold'a Wilhelm'a – тут-то и были все венские Джорджоне, видимо, Тенирс плохо понимал красоту «венецианского тона» ((нрзб.) наверно).

^{3*} Большой зал ратуши и назад (нем.).

Испанцы – итальянцы с [?] «ужасных», таков и Веласкес*.

Опять около Giorgione. Интересно, что дальн[ая] гора у Дж[орджоне] уже совсем синяя и даже сейчас ведь только, заметим, изображен закат солнца, облака фиолетовые – закатные, тогда, пожалуй, неправильно освещены передние фигуры. А картина [-] загадка во всем. Да, пожалуй, домики изображены на западе, а восток, утро, «Morgenländische Weisen»^{2*}. Она очень необыкновенна, ведь подобных ей и нет, в смысле чисто формальном. Венера Беллини рядом – эмаль. Странно, почему у красного мудреца не видна левая рука, по теории в ней должен бы быть какой-нибудь атрибут.

№ 272 Greco. Покл[онение] волхвов. Очень хорошо, много от Тинторетто, но (нрзб.) красках и «декад.» фигур. Коленопреклоненная фигура на (нрзб.) похожа на русского боярина.

Ну вот и настоящий *finis*, через $\frac{1}{2}$ часа сяду в поезд и сегодня ночью буду уже в России. В Вене после галереи зашел в Rathauskeller, кормят здорово, но как-то немецки сытно-противно [-] «Wiener Styl»^{3*}. Удовольствие от галереи отравлялось чувством, что это в Австрии; следовало войну бы что ль итальянцам объявить и взять обратно уворованное. Как это смешно, что первая галерея, которую я видел в этом путешествии, была берлинская, последняя венская. Обе выше меры великолепны и обе же противны. Если этих бы Джорджоне в Венецию, или хотя бы к нам в Эрмитаж или Румянцевский². У нас-то ведь тоже «дух деревенский». А Вена – город и сейчас, в воскресенье, лишённая даже единственного своего достоинства – жизни. Скука, да еще серые облака, но, однако, уезжаю.

Поезд, 22 июля

Переезд из Вены совершается гладко, как по маслу, и... интересно. Случай посадил меня в Вене в купе с 2^{мя} русскими офицерами Карповичем и Быковым, которые спустились на баллоне в Профау¹. Приятно уже было несколько экзотическое зрелище русских офицеров, разговор с австрийскими (нрзб.) Но чем эта встреча была поучительна и знаменательна для меня, это то, что оба офицера 1) оказались математиками и физиками, 2) людьми самых лучших характеров, пожалуй, один из них Карп[ович] «Тушин» «Война и мир», «(нрзб.)» рисовавшийся и немножко разыгрывавший героя – Денисов. Сразу вроде легко встали те два месяца, по направлению которых собираюсь направить мою жизнь 1) наука, 2) жизнь и так прелестно соединенные, об этих офицерах я буду писать после и не здесь.

Докончил «Italianische Reise» Goethe*; книга суха, как немецкая старая дева, есть места интересные чисто в описательном отношении, меткие эпитеты... но скучно и мало Италии. Сам Goethe для меня мало интересен, это самый обычный «echt Deutche»^{2*}.

Поля, поля, снопы ржи, коровы... все это очень хорошо, все это Россия.

* Так у Вавилова.

2* Восточные мудрецы (нем.).

3* «Венский стиль» (нем.).

* «Итальянское путешествие» Гете (нем.).

2* «Настоящий немец» (нем.).

Почтенный Пьеро и Джорджоне
Поклон последний шлю я вам
Мой вояж к былым богам
Надеюсь были похороны

Вы призраки только и намеки.....
Я покидаю вас друзья,
Прошли все ваши дни и сроки
Заря иного бытия
Поездка длинная моя

23 июля (в поезде, Можайск)

Ну, через 2 ч[аса] дома. Дай Бог, пойти по новой дороге.

| Finis |

25 июля

В Москве я третий день, но только сегодня, покончив с одной гадостью, чувствую себя способным писать. О самом путешествии я не напишу ни слова, я написал большой дневник¹, в котором описано все; скажу о настроениях путешествия и теперешних. Я возношу хвалу Создателю, наконец-то настало действительное противодействие... всякий эстетизм стал мне противен. Для этого надо было в невероятном количестве (и с усердием) пересмотреть всех этих Джорджоне и Рафаэлей, надо было увидеть приезде толстейшие и пустейшие книги Venturi и Justi o Giorgione. Реакция это прямо химическая... мне противно. Я думаю и занимаюсь только наукой, притом чувствую прилив новой энергии и вообще «homo novus»* в себе. Отъезд Николая за границу «на работу»², посещение Титушкина и, наконец, этот прекрасный финал моего путешествия, встреча с русскими офицерами, действуют на меня как барабанный бой.

Расскажу об офицерах: один математик-дилетант, физик-д[илетант] и философ-д[илетант] по спец[иальности] авиатор, другой артиллерист – помесь математики, добродушия, ухарства и шансонеток. На меня они свалились как с неба, как ушат холодной воды и как перст Божий. После чахлого пустоцвета эстетизма музеев, музеев и музеев – вдруг жизнь, наука, шансонетки, добродушие и Россия. Мне нравился каждый их жест и слово, все было указанием для меня. И вот теперь, когда я дома, я понял «глубину» настоящей жизни и красоту науки. К черту искусство и прочее. Я другой человек. О многом новом хорошем и практическом я хочу еще писать, но напишу завтра. Теперь писать я буду много, в путешествии научился.

28 июля

Что я сделал за 5 дней моего жития в Москве. Сделал кое-что практическое, но об этом говорить не стану. А дальше? Пересмотрел груды журналов, скопившихся у меня на столе за 1¹/₂ месяца от Сатирикона... до Annalen

* «Новый человек» (лат.).

der Physik. Конечно, больше всего физики. А физику-то особенно скверно «пересматривать», каждый № Annalen, Cimento¹ и пр[очее] таит в себе «неизъяснимы наслаждения», если за ним дня 2–3 посидеть. Физики не спят, а работают, прекрасны работы Geiger'a (новый метод счета иониз[ированных] частиц) и Нурка (о прохож[дении] р[ентгеновских] л[учей] через металл). Теор[етические] работы Sommerfeld'a, Ehrenfest² и довольно странную Вуск`а (неэв[к]лидовский атом) больше смотрел, чем читал. Сегодня не удержался, пошел на Сухаревку, хотя знаю, и прекрасно, что пора наложить узду на библиоманию, особенно бессистемную. Купил по обыкновению неведомо зачем Ruskin'a, Богдановича и какого-то Kleist'a. Зачем? Не знаю. Читать не стану. Слава Богу, нашлась компенсация в виде «Теории капиллярности» Давидова и еще разной физич[еской] мелочи. С удовольствием плюнул бы я сейчас и на журналы, и на библиотеку, оставшись с парой настоящих толстых физических книжек, вроде Houstoun'a что ли. Журналы в большом количестве – язва. Пересмотрел я печальные плоды своей лабор[аторной] работы, переписал их и завтра понесу на просмотр «самому»*. Вообще завтра собираюсь начинать. Занятия мои должны быть следующие: 1) лаборатория (систематически) 2) подгот[овка] к госуд[арственному] экз[амену] (сист[ематически]) 3) чтение физ[ических] книг и журналов. Пока я еще в эмпиреях, между «эстетизмом» и наукой. Наука «à vol d'oiseau»²*. Эстетизм и всякие мысли о художествах и прочих скверных вещах с успехом вытравляю. О путешествии забыл, как будто его и не было, хотя оно, право, было самое интересное и глубокое из четырех. Из путешествия я помню только офицеров. Перед сном грядущим дочитываю последние страницы господина v[an] d[en] Bruck'a и умираю с тоски, до того нудно и бессмысленно все. Но все-таки надо переварить этот кирпич³.

31 июля

Никак не раскачаюсь. Два дня хожу в лабораторию и, к сожалению, не вижу в себе особого подъема и Andrang'a*. В лаборатории на всем лежит на полвершка пыли, все заржавело и никого нет, один Алексей Ив[анович]¹. Пустыньность, конечно, вещь отличная; главное, нет этих утомляющих, безрезультатных и пустых разговоров-сплетен; работа моя – «хаоса бытность довременна»², всюду недоразумения и знаки вопросительные. Говорили с Лазаревым, у него, конечно, «все ужасно просто», непонятно и много сплетен. Никак я не могу решить, кто же П.П. В нем есть несомненная «талантливость» (отдельные слова и мысли), но и много самой печальной дряни. Я даже не знаю, много ли он знает? По старинному моему суеверию уже одно слово «Август» звучит для меня приятно и работоспособно. Раскачиваться по-настоящему думаю завтра (тормозит меня сейчас не эстетика). В августе предполагаю работать по такой схеме 1) Лабор[атория] – 4 ч. 2) Ан[алитическая] г[еометрия] – 4 ч. 3) Houstoun и журналы 2–3 ч. 3)²* Эстетика, газеты, чай, обеды и прочая чепуха – 5 ч. 4+4+3+5=16. Надо возобновить сношения с Sign[or] Stramucci

* Т.е. П.П. Лазареву.

² С [высоты] птичьего полета (фр.).

* Напор (нем.).

²* Так у Вавилова.

и Herr Meisner. Народ они хороший и их я полюбил, к тому же оба «типы». После того как перестал заниматься всякими «художествами», они стали мне довольно безразличны, но и не так противны, как первое время. На сон грядущий, возьму себе за правило читать часа 1½ про всяких Piero и Giorgione (впрочем, исключительно для «прочищения», а не для заполнения мозгов).

3 августа

Дни заняты почти вплотную «кнарр»*, от 9 утра до 1½ ночи, а толку немного. Больше всего времени уходит на трамваи, чай, обед, отдых, газеты. И бороться с этим почти что невозможно. Сравниваю теперешние дни с днями путешествия. Сравнение поучительное. В путешествии каждый день – индивидуум. Я сейчас могу каждый день (40!!) описать очень подробно. Почему? Да потому что в той camera o[b]scura, которая называется головой, и на той фотографической пластине, что назыв[ается] памятью – что-то отпечаталось и запечатлелось. От теперешних же дней на пластинке остаются только штрихи да пятна. Внимательно смотрю за тем, нет ли чего «ведущего к цели». И почти не нахожу. Все гладко, но и все без зацепок. А что против этого нужно предпринять [–] не знаю. Вообще я больше верю «чуду» и «судьбе», чем самому себе. Отрицательные толчки судьбы я уже испытывал и неоднократно, любопытно бы испытать что-нибудь положительно.

С чтением обстоит совсем трагично. Читаю много, можно сказать все время, кроме сна, читаю. Читаю за чаем и обедом, в трамвае, мой отдых – чтение, лежа... и тем не менее очень мало читается «истинного», читаю журналы, журнальчики, газеты, оттиски и брошюры. И так мало «толстых» книг. В моей жизни есть два стиля 1) это стиль полудел (трамваи, магазины и даже лаборатория отчасти) и получтений; 2) это штука другая и совсем серьезная [–] это моя «судьба» и мое «Wesen»^{2*}; о чем я, впрочем, сейчас думать не расположен. Вообще Gott sei Dank^{3*} становлюсь более практи[ч]-ным.

8 августа

Господи Боже, и занят, и очень мало делаю. Переписывал 2 дня совершенно меня не интерес[ующую] «Фотометрию разноцветных источников» из-за того, что шефу почему-то нравится «на маленьких листочках», и вот уже дня 4 как все «гости» и в «гостях». В понедельник просидел часа 4 у Молодого, слушая и говоря о совершенно мне не интересных и ненужных «поисках педагогических мест». Во вторник часа 4 самого дорогого вечернего времени (когда я наиболее работоспособен) пробыл с E[всеичем]. Этого уж я совсем не понимаю. Скука, сплетни et non plus ultra*. Между прочим, [у] E[всеича] целая философия и притом довольно неприятная. Вчера с 5 до 10 был с Титушкиным. Himmel^{2*}, ко мне ходят за советами, когда я сам беспомощен

* В обреш (нем.).

2* «Нутро» (нем.).

3* Благодарение Богу (нем.).

* И ничего более (лат.).

2* О небо (нем.)

и невежда. Титушкину везет, хорошо кончил ун[иверситет], освободился от воинс[кой] повин[ности] и собирается за границу. Зачем? Сам не знает. Странно, он наивнее всякого ребенка, впрочем он прост, а потому целен и может кое-что leisten^{3*}. Изображал я из себя перед ним «знатока зарубежных стран», говорил чепуху и даже привирал. Сегодня приехал Н.А. Ипатьев (ох, уж это впрямь философия и самая печальная и дурная) и мешал целый день, должен был развлекать. Была А.И. Войлошникова, старушка милая, но скучная. Итак, en generale оставалось время только в лаборатории да по ночам; и никакого Arznei^{4*} против всего этого не придумает. Особенно скверно, что все это только чужое и поверхностное. И Молодой, и E[всеев], и Титушкин и пр[очие], в конце концов, только звук пустой. Им я несколько импонирую своей дилетантской осведомленностью, а мне от этого всего выходит только tempus terere^{5*}. Мое самое заветное желание найти «alter ego», меня бы понявшего в корень и полюбившего; мне недостает зеркала, а потому я себя и не вижу; все-таки единственные друзья мои на свете – книги, о них надо бы и написать, посвятить им оду. Без них – жизнь была бы пуста и суха и жестка, как жестянка.

13 августа

E[р]pur si muove^{*}, одно за другое цепляется и что-то выходит. Кажется, идет на лад в лаборатории, сейчас там пока еще пустыня, а потому все время там проходит за работой, или за чтением журналов, или за полезными размышлениями. Переговтавливаюсь к ан[алитической], геом[етрии]. Скучно, но кое-что делаю. Начал читать Houstoun`a, неуклонно читаю журналы, стал на себя в физич[еском] отношении обращать внимание. Вообще остепенился. Весьма важно удержаться, не поддаться всяким фотогр[афическим] экскурсиям, «гостям» и пр[очее]. Сейчас вот (последние дни) меня ничто не развлекает. E[всеев] «у Кыевы», лаборатория пуста, Генаши нет и пр[очих], а времени совершенно не хватает. Г.Г. эстетикам уделяю очень немного 1–1½ ч. в день. И мораль сей басни очевидно такова, что если в так[ую] ultra благопр[иятную] эпоху времени у меня не хватает, что же будет зимой.

Я, пожалуй, счастлив в одном отношении: я никогда не скучаю, когда в одиночестве, потому что всегда «занят»; скучаю только с другими. Это и любопытно и важно. Закончил вчера бабью книжку, Evelyn о «Piero della Francesca». Книжка написана по-детски, но материалу много и, главное, нет этого противного «эстетического» тона г. Moeller van den Bruck`a. Piero della Francesca в конце концов великий маляр и больше ничего, т.е. истинный художник. Я, впрочем, сейчас не в эстет[ическом] настроении и писать мне об этой материи неприятно, отложу до благоприятного случая.

16 августа

Настроение – вещь ужасная, какая-то идиотски иррациональная функция всевозможных пустяков, вроде неудачно прибитого гвоздя и запоздавшего трамвая. Надо научиться управлять настроением, не давать ему выделять

^{3*} Исполнить (нем.).

^{4*} Лекарство (нем.).

^{5*} Пустая потеря времени (лат.).

* И все-таки [она] вертится (ит.) (слова Галилея).

Schwankungen* и держать в постоянном русле. При надлежащей регулировке настроение вещь просто целительная и возбуждающая. / Прочитал статью Лазарева в Ж.Ф.Х.О. о П.Н. Конечно, не Лазареву писать о Лебедеве, до того эта фигура в стиле Петра В[еликого] (недаром, право, он и Петром звался, хотя П.П., конечно, только Петр Маленький), Ломоносова, Менделеева и Пушкина. Но в статье много отрывков из дневников и писем П.Н. и потому она интересна. Хорошо лебедевское Motto^{2*}, которое он записал в дневнике.

«Lehre dich selbst kennen» (Sokrates); denn [«]in deiner Brust sind deines Schicksals Sterne[«] (Schiller)^{3*}.

Это и великолепно и весь Лебедев тут, и тут истинная дорога и лекарство против «настроения» etc. Мне теперь нужно глубокое спокойствие, равнодушие и Selbstregulierung^{4*}.

Прочитал Till Ulenspiegel и опять занимаюсь старым вопросом о немцах. Till прелестен, на 5+, здесь и здоровый навозный запах русских сказок, и немецкое благоустройство, и наука – но опять это чисто немецкое бессердечие и плоскость. В Тилле вся суть «Deutschtum»^{5*}, при желании тут разыщешь и Dürer'a и Helmholtz'a, но тут же sind die Keime der preussischen Ordnung und des glänzenden Kaisers^{6*}. Я понять не могу, люблю я немцев или нет. Во всяком случае, совершенно искренно говорю, что есть у них что-то специфически неприятное, чего ни у какой другой нации не найдешь.

Разве это не здорово: Der Rektor stellte ihm die dritte Frage und sprach: «Sag mir bald, wo ist die Mitte der Welt?[«] Ulenspiegel antwortete: Das ist hier, wir stehen genau mitten in der Welt, lasst es messen mit einer Schnur, und wenn es fehlt um einen Strohalm, so will ich unrecht haben»^{7*}.

Чем же Ulenspiegel хуже Pascal'я [?].

20 августа

2 последние дня не особенно хорошо, похоже на прежнее. Работа моя только что было наладилась, и все приняло приличный и устойчивый вид, как вдруг замечаю [–] мои нернстовские штифты начинают “играть”, т.е. вольтаж меняется и вместо измерения концентрации цианина пришлось бы мерить капризы штифтов. По сей причине приходится предпринимать (опять!) перестройку, делать новый осветитель, т.е. опять, “чинить, паять ванне, умывальники”. Работы много, а толку не много. Над моей работой прямо рок. С завтрашнего дня принимаюсь за осветитель. Приехали Ипатьевы, шум, грязь, объедение, гости, безалаберщина. Это второе. Остальное – по-старому.

Сегодня печальный юбилей, 8 лет 20-го авг[уста] было для меня днем надежд и начала “работы”. Боже, с каким омерзением вспоминаю я до сих

* Колебания; шатания; здесь – фортели (нем.).

^{2*} Девиз (ит.).

^{3*} «Учись познавать себя» (Сократ); потому что «в твоей груди звезды твоей судьбы» (Шиллер) (нем.).

^{4*} Саморегулирование (нем.).

^{5*} «Немецкость» (нем.).

^{6*} Зародыш прусского порядка и блестящего кайзера (нем.).

^{7*} Ректор поставил перед ним третий вопрос и сказал: «Скажи мне быстро, где находится центр мира?» Уленшпигель ответил: «Он здесь, мы стоим точно посередине мира; давайте измерим это веревкой, а если будет недоставать хотя бы соломинки, то я признаю себя неправым».

пор о последних 2–3 годах в школе. Для меня эти годы были прямо гибельны. Многое, о чем я теперь плачу, коренится в школе. Когда-нибудь о ней напишу в исторической перспективе.

25 августа

Господи! Как мне избавиться от гостей и “в гостях”. Частое нашествие иноплеменников. Смит, Себенцов, Генаша, Леонтьев и все часа по 3–4. Во рту пересыхает, ни мозги, ни язык не переворачивается рассказывать “стерилизованную” специально “для публики” схему путешествия, за неимением новостей выдумывать глупые обобщения и сплетничать. Генаше читаю “родительские поучения”, хотя он, право, поистине жалок. У меня есть знакомые, но друзей нет, вместо этого “представляю” друзей. Вот это-то актерство, в связи с безрезультатностью и страшной тратой времени, “язва и чума”. Как завидно и грустно вспомнить, что Тит[ушкин] сейчас [в] Göttingen’е – один, с собой и книгами. Вот где место науки.

В лаборатории тоже зашевелились, мешают, да кроме того, выползают опять на свет забытые мною недостатки нашей лаборатории. Вообще, эта лаборатория дитя мертворожденное, или обреченное на смерть. Мне нужно энергично работать, покончить и распрощаться. “Пойду искать по свету...”

29 августа

“Кто счастья* в крайностях всегда
с собою сходен;
В сиянии не горд, в упадке не уныл,
В самом себе свое величие сокрыл.
Владыка чувств своих, их бури умиряет
И скуку жития ученьем услаждает
Тот счастлив[!]”

(М.Н. Муравьев)

Это прекрасно, и здесь все от α до ω для идеального существования. Я же очень далек от этого идеала. В сиянии я горд, в упадке я уныл, буря чувств властвует надо мною и, пожалуй, только что я “скуку жития ученьем услаждаю”. Последние дни в “старом” стиле безалаберщины. В лаборатории все еще чиню и паяю и сплетничаю, ан[алитическая] г[еометрия] идет туго, а кроме того, всякие “бури чувств”.

3 сентября

Сегодня покончил и благополучно с ан[алитической] г[еометрией] и таким образом покончил с полукурсовыми экзаменами. Мир праху их! Они и полезны, и нервируют до болезни. С ужасом сознаю, что память моя почти решето. Что осталось от высшей алгебры? сфер[ической] триг[онометрии], механики? Ничего. Даже физика – и та испаряется. Впрочем, все это *in natura rerum**, приходится, правда, горевать, а помочь разве только и можно осуществлением правила «*Repetitio est mater studiorum*»^{2*}. Последние дни

* Так у Вавилова.

* В природе вещей (*лат.*).

^{2*} Повторение мать учения (*лат.*).

подготовки меня совсем расстроили, только и занимался что ан[алитической] г[еометрией], да чтением Батюшкова, Giorgione да научн[ых] журналов. С завтрашнего дня надо входить в новую колею. Колея эта такого сорта:

1) Подготовка к госуд[арственным] экзаменам по такой программе:
1) Дифф[еренциальные] ур[авнения]. 2) Вар[иационное] исч[исление].
3) Эл[ектро]маг[нитная] теория. 4) Теория чисел (до Рожд[ества] этого больше, чем достаточно).

2) **Необходимо** закончить работу в лаборатории.

3) Итал[ьянский] язык.

4) Houstoun серьезн[ое] чт[ение] журнало[в]. Для белл[етристики] по-прежнему больше $1\frac{1}{2}$ часа отпускать не должен. Всякие Besuche^{3*}, киятры^{4*} и концерты – безусловно, сократить. Нужно не забывать, что тот же Houstoun куда же развлекательнее “Садко”.

Сегодня прочитал длиннейшую и скучнейшую речь О. Lodge’a на первом засед[ании] Br[itish] Ass[ociation] в Бирмингеме. Как не стыдно, право, такому хорошему физику изображать какого-то Энриквеса в английском вкусе.

Прочитал 2 тома поэтических и прозаических произведений Батюшкова и очень доволен. Многие стихи и статьи дрянь ужасная, снотворно – тошнотворное снадобье; но есть почти пушкинские прелести, как в стихах, так и в прозе. В конце концов поэзия – искусство писать и очень часто, как и в живописи, важно не то [что] написано, а как написано. Целесообразность и красота слов, размеров, оборотов – этих пушкинских вещей у Батюшкова очень много.

13 сентября

Und wieder dieselbe Frage «Was bin ich denn?». Wie ich nun sehe bin ich eine sehr komplizierte Mischung der Char[akter] strechein meines Mutter und Vaters¹. Meiner Mutter verdanke ich alles was in meiner Natur irrazionalistisch, poetisch und mystisch ist. Meine Mutter ist unbedingt eine kluge Frau, unglücklicher oder glücklicher Weise ungebildet, mit manchen Sonderbarkeiten in ganzen Wesen und mit einem vollständigen selbstvergessen. Sie lebt nur mit uns (Kindern) und mit Erinnerung des gestorbenen Bruders. Ihr Vater, so wie ihre Brüder waren ganz ersichtlich talentvoll (Malerei) und auch in ihrem Wesen gibt es etwas ausserordentliches. Meiner Mutter verdanke ich auch viele meine Mängel, meinen schwachen Willen, sonderbare Logik usw. Mein Vater, so wie auch seine Verwandten sind kluge, starke aber grobe Bauern-Kauffleute. Alle innere Kämpfe in mir sind von diesen väterlichen Kräfte unterstützt. Aber die Grobheit, meine Geschlossenheit und Unmöglichkeit offenherzig leben sind auch von meinem Vater. Ich glaube dass die mütterlichen Eigenschaften in mir im Übergewicht sind. Vielleicht liegt auch mein ewiger innerer Widerspruch, meine „zwei Seele“ im grossen Unterschied der Determinante der Mutter und Vater’s. Das ist alles wahr, und trotzdem ich bin ich und noch Mutter weder Vater. Mein Charakter gefällt mir ganz und gar nicht[s]. Mein Charakter ist ein fatalist. Char[akter] Schicksal, äussere Umstände sollen in meinem inneren Leben eine kolossale Rolle spielen: Mein Ende kann ganz tragisch

^{3*} Посещения (нем.).

^{4*} Театры (термин XVIII века).

sein. Auf eine regelmässige Weise kann ich nicht fortschreiten. Was werde ich? Das weiss ich nicht und es hängt von meinem tragischen Schicksal. Im aller besten Falle werde ich ein sehr schlechter Professor der Physik. Im aller schlechtesten (wenn sich zu innerer eine ä[u]ssere Katastrophe vereinigen wird) werde ich ein Wababonde oder ein Mönch (und das letzte mit grosser Wahrscheinlichkeit, das ist der beste Ausgang, aus der Welt laufen und ausserdem werde ich unbedingt religiös, dass weiss ich schon ganz genau und nicht estetisch, oder etisch sondern einfach “православный”). Drittens endlich ist es möglich dass auf mein ganzes Leben ebenso unbestimmt bleiben werde, wie ich jetzt bin: eine Mischung, einer schlechten Physikera und einer schlechten Esteta.

Alle diese Gedanken sind mir wieder in Kopf gefallen als ich heute von Mutter über das tragische Schicksal von Wassilieff erfahren hatte. Alle Verwandten meiner Mutter sind unglücklich. Das ist schon eine Regel*.

28 сентября

Со мной за это время ничего не случилось, а около меня многое скверное. Но уж писать об этом я не стану – противно. Я же сам коловращаюсь и по-прежнему, будучи занят, очень мало делаю. Ясно я теперь вижу, что человек я дрянь и надеюсь только на кривую. Чем я сейчас только ни занимаюсь? Фотохимией и дома, и в лаборатории, итал[ьянским] языком, перевожу с пиитом Данта, собираюсь писать рефераты и многое другое. Слава Богу, что еще беллетристики мало. В общем тяжко, неприятно и многим завидно

Физик я в литературе
А в науке я пиит
Искони видно лежит
Эта блажь в моей натуре.

* И снова тот же вопрос: «Что же я собой представляю?» Как я теперь вижу, я – очень сложная смесь черт матери и отца. Моей матери я обязан всем, что в моей натуре иррационально, поэтично и мистично. Моя мать, безусловно, умная женщина, – к счастью или к несчастью необразованная, обладающая некоторыми особенностями характера и способностью к полному самозабвению. Вся ее жизнь в нас (детях) и в воспоминании об умершем брате. Ее отец, как и ее братья, были вполне одарены талантами (живопись), и в ее натуре также есть нечто необычное. Моей матери я обязан также многими своими недостатками – слабоволием, особой необычной логикой и т.д. Мой отец, как и его родственники, умные, сильные, но грубые крестьяне-купцы. Все мои внутренние борения – от этой отцовской силы. Но грубость, моя замкнутость и невозможность быть вполне откровенным унаследованы ныне от отца. Я полагаю, что материнские свойства во мне перевешивают. Возможно, в этом заключены также вечные внутренние противоречия во мне, мои «две души» – из-за большого отличия определяющих черт матери и отца. Все это так, и, тем не менее, я есть я – ни отец, ни мать. В общем мой характер мне совсем не нравится. Я по характеру фаталист. Судьба и внешние обстоятельства играют в моей внутренней жизни огромную роль. Моя кончина может быть совершенно трагической. Я не могу следовать по жизни по общепринятым правилам. Кем я буду? Этого я не знаю, все зависит от моей трагической судьбы. В лучшем случае я стану очень плохим профессором физики. В худшем же, если к внутренней катастрофе присоединится внешняя, я стану бродягой или монахом (последнее вероятнее всего, это лучший способ ухода из мира и кроме того ведь я безусловно стану верующим. Это я точно знаю, и я в прямом смысле, а не просто эстетически, «православный»). Наконец, третья возможность – что вся моя жизнь останется столь же неопределенной, как и сейчас [то есть я буду представлять собой] смесь плохого физика и плохого эстета.

Все эти мысли пришли мне в голову, когда я сегодня узнал от матери о трагической судьбе Васильева. Все родственники моей матери несчастны. Это уже стало правилом.

12 октября

На свете лучшее – физика. Физика – это наука, и наука это физика. Все остальные [–] с математики, астрономии до зоологии и ботаники только ее прислужники. В физике нет ни капли служебности. Сама в себе. Быть физиком и даже таким плохим, как я, – уже счастье. Быть физиком – это значит хоть час в день чувствовать себя хорошо. С какой гордостью говорю я, что я физик. Это уж патент на благородство – я в физике, вероятно, ничего не сделаю. Мало знаний и метода, но люблю я ее превыше всего.

Эстетизм мой совсем прахом пошел, и в этом отношении я доволен. А все *viaggio**.

Занимаюсь с Страммучи и читаю с Геннадием *La Divina Commedia*^{2*}. Страммучи прелестен. Я его теперь прямо полюбил, наивная *anima italiana*^{3*}, насколько же он выше несчастного Meisner'a. О *Divina Commedia* напишу после. Вот уж “металлическое произведение” с совершенно специфическим вдохновением.

По-прежнему коловращаюсь и без видимого толку.

29 октября

Nel mezzo del cammin di mia vita*
Mi ritrovo^{2*} per una selva oscura
Che la diritta via era smar[r]ita¹

И опять я запутался, и опять ничего, ничего не выходит. Бьюсь с лабораторией, делаю собственно никому не нужное и времени трачу несчетно. Готовлю пластинки, выцветая, вычисляю, интегрирую и все без толку. Настоящая физика – забыта. Ничего настоящего по-прежнему не делаю. Если занимаюсь не наукой, чувствую “угрызения”, а из науки ничего не выходит. Да это все ничего, главное другое, о чем здесь и не напишешь. Вообще ведь в этой книжке пишу только, когда мало-мальски сносно. *Si, questa selva, clove mi adesso ritrovo tanto и amara, che poco è più morte*². Да еще и это вопрос. *Sono molti momenti, che credo o contrario che la morto e meno amara. Penso qia seriosamente della morte come d'una vera risoluzione*³. – Не могу, пытаюсь вырваться, отряхнуться, что-нибудь сделать не могу. Господи, помоги.

* Поездка (*ит.*).

^{2*} Божественная комедия (*ит.*).

^{3*} Итальянская душа (*ит.*).

* У Данте: *nostra sita* (*ит.*).

^{2*} Начало строки у Данте: *Mi ritrovai* (*ит.*).

6 ноября

Сейчас пришел с концерта Никиша. В сущности если бы и не ходил – не убавилось бы. Играли 4-ю симф[онию] Чайковского. Музыкальная философия, притом очень приятная. Мечтательно-радостный пессимизм. Прожить жизнь по этой симфонии очень хорошо можно. На концерте видел всех “гениев”: и Брюсова, и Бальмонта, и Боборыкина etc. etc. Все букашки какие-то. Никакого уважения не чувствую. Брюсов даже во время испол[нения] “Вакханалии” из Танг[ейзера] что-то начал писать, “творил”. А все-таки все чередой скатятся в Лету. Тараканы, а не гении.

21 ноября

Такой кучи, концентрации отвратительных вещей никогда не ожидал. Настоящее l'inferno*. Дрызги в лаборатории (того и гляди всему finis), сумбур в работе, дрызги дома, немножко болезн[енное] состояние, хлопоты о солдатчине и пр. И главное, в будущем лучшего не предвижу. Хороших моментов совершенно не испытываю, даже сны отвратительны, каждую минуту озабочен и печален. Но неужели, правда, lasciare ognisperanza^{2*}. Мне ведь ничего другого не остается как fisica o morte^{3*}. А вместо физики мне подсовывается какая-то гейлюссаковская химия.

Боже, каким другим духом повеяло на меня сегодня из сочинений Лебедева. “А счастье было так возможно”. Нет, право, я фатальный человек senza ognisperanza^{4*}.

29 ноября

В обитель строгую науки
В обитель мира и труда
Уйди от жизни навсегда
От горя, ужаса и скуки.

7 декабря

Я или больной, или совсем несчастный человек; а главное я solo. Ведь существо, с которым у меня невидимые духовные связи, только мать. Она одна. Писать о том, что я сейчас думаю, не могу, слов нет, не выговоришь [:] какие-то кошмарные кругозоры, откуда и “все” [–] и Бог, и мир кажутся только esempio*. В сущности из моей жизни при некоторой выдержке и равновесии можно бы очень хорошее устроить. Меня губит отсутствие необходимости в каждом моем шаге. В лабо[ратории] я могу работать, могу и не работать, изучать ит[альянский] язык также. Меня судьба лишила всякого сопротивления, и это главная причина многой дряни. Впрочем, плакаться не стану, главное потому, что не смогу всего сказать.

* Ад (ит.).

2* Оставить всякую надежду (ит.).

3* Физика или смерть (ит.).

4* Без всякой надежды (ит.).

* Пример; зд. набросок (ит.).

Чего я сейчас хочу? 1) Покончить скорее с моей комической работой в лаборатории. Только теперь разглядел я всю ее чепуху. 2) Найти какой-нибудь хороший исход в военной службе (а я бы, право, хотел послужить). 3) Счастья. Das ist alles^{2*}.

Дома у нас что-то вроде ада.

Разыскали Мону Лизу и где же... во Флоренции¹. И все ж таки хоть и изображают ее теперь чуть ли не на писсуарах, а это самая глубокая вещь, которую я когда-либо видел. Куда Достоевскому и Гёте – это море. Глубокое только в недосказанности, а в Моне Лизе все недосказано

Через столетия возвратяся в Италию святую,
В Уффиции, в палаццо красоты,
Вошла царицею на миг короткий ты,
И улыбулась на Флоренцию родную.

Сочельник

Сегодня ночью самые несчастные люди всякие атеисты, эстеты и прочие, люди, оставшиеся без праздника. Они чувствуют необходимость праздника, гадкость своей пустоты – но не могут. Правда, из-за одного сочельника сложно сделаться мистиком и поэтом. Я не атеист и, слава Богу, не эстет, это окоп достоинства, но, к сожалению, они внутри меня, и я их скрываю. В лаборатории я должен быть атеистом, там это “*conditio sine qua non est*”^{3*}, хотя и очевидно, что многие подобно мне далеко не атеисты. Я каждую минуту могу сделаться самым религиозным человеком, ханжой – и именно поэтому-то я и не атей. Эстетизм, конечно, хуже атеизма; видеть Койранского² у заутрени в Вел[икую] Пятницу – просто невыносимо. Да, только один, далеко от других понимаю и наслаждаюсь я красотой и проникновением кануна праздника.

Я ведь, в сущности, совсем не пессимист. В мире прекрасного много. Недоволен я собой, но и об этом говорить сейчас не хочу.

Физика, в сущности, самая настоящая метафизика – потому что она имеет дело с фактом, с индивидуальным. Ни дифференциальные уравнения вроде Махв[елл’овских], ни модели от метафизики не свободны, не свободна и математика от определенной логики. Поэтому религиозной метафизики бояться не нужно. И, слава Богу, что еще не потеряна возможность быть метафизиком.

31 декабря

Ну, вот он и финал. Расстаюсь с 1913 г. и с этой книжкой. К моему удивлению, вижу, что все три года, которые я здесь описывал, одного типа, и окончание книжки совпадает с окончанием периода. Лучше не назовешь этого периода как наивным. Наивное непонимание самого себя, наивное увлечение многой чепухой, наивная философия. Теперь с меня эта наивность свалилась или сваливается, и я стою испуганный, но понявший во многом самого себя.

^{2*} Это все (нем.).

^{3*} Непременное условие (лат.).

Ничем хорошим прошедшего года поминать не стану, он был во многом печален, во многом разочаровывал и открыл глаза. Большая часть времени была занята лабораторной работой – этим истинным несчастьем мне ниспосланным. Теперь я ее кончаю и оживаю. Я нервничал и мечтал, мечтал об Италии – как символе красоты и эстетики. В мае завидовал оканчивающим университет и писал нелепое дипл[омное] соч[инение] и «ф.ц.и.»¹. Затем идет путешествие – глубокое и полезное, духовная баня, в которой я омылся от эстетизма и очутился в августе лицом к лицу с физикой и жизнью. Заодно, благодарю Бога, я понял, что я все-таки физик и что это лучшее, что я мог бы сделать. Этим годом кончается мое спокойное житие, еще ⟨нрзб.⟩. Начинается настоящая морская качка, предстоит жить. О многом печальном я молчу. Я многому научился. Итак, конец! «... утомленный, равнодушно бури жду: может быть, еще спасенный, снова пристань я найду...[»]².

Fine.

1914

Сохраню ль к судьбе презренье
Понесу ль навстречу ей
Непреклонность и терпенье
Гордой юности моей?¹

Пушкин

¹/₂ 1ч. ночи

1 янв[аря] 1914 [года]

1 января

Я смирился. Не предъявляю к себе ультиматумов, а только задаю вопрос: «Сохраню ль к судьбе презренье»? Моя судьба печальна и единственно возможное к ней отношение [-] презрительное. Надо сохранить непреклонность и терпенье гордой юности моей (ведь я еще юн) и остаться на холодно спокойном Олимпе физики. 1914 год для меня, безусловно, год судьбы. Я в открытом море и открыт всем ветрам. Окончание университета, военная служба. Ах, как бы хорошо было сохранить к судьбе презренье. Судьба, «а ргіогі» решенная мною, – это судьба физика, физика вне дрызг лабораторной среды, судьба скромного физика труженика. Я хочу работать и мечтать. И это все есть в физике. Итак, от фанфар солипсизма и эстетизма я прихожу только к желанию покоя и работы. В начале года (уже в январе, вероятно) я кончаю со своей работой (во многих отношениях злополучной) и становлюсь свободным. Предзнаменование счастливое...

Ну, а что я буду теперь делать?

1) готовиться к госуд[арственным] экзам[енам] (начну сегодня же с эл[ектро]-м[агнитной] теории света), 2) кончать работу и 3) окончательно исправлять. Пусть «рок завистливый бедою угрожает снова мне»... Лишь бы сохранить к судьбе презренье.

В дневнике хочу писать много фактического. Ну, Господи, благослови. Начинаю 1914 год.

8 января

Я настолько занят и делом, и чепухой, что не хватает времени записывать сюда. А записывать есть что. Вот, например, 1-го же янв[аря], «как некий дух лукавый»¹, являлся ко мне в лабораторию П.П. [Лазарев] и делал довольно прозрачные намеки насчет того, что не желаю ли я остаться при университете. Nella profondità dell'anima mia, non ho assolutamente niente contra questa; per me di esser lasciato nell'univ[ersita]. Significarebbe* molto molto; allora io sarebbe da fatto divenuto un fisico professionale fin' adesso sono un diletante^{2*}.

* Так у Вавилова. Правильно: significarebbe.

^{2*} В глубине души у меня абсолютно ничего не было против того, чтобы мне быть оставленным при университете. Это означало бы очень много; тогда бы я стал физиком-профессионалом, а так я всего лишь дилетант (*ит.*).

Но было стыдно, и я отказался. Работаю я сейчас почти что на всех парах; часов по 5 в лабор[атории], а затем часа 4 подсчитываю результаты. Ma il lavoro non mi piace, questo è qualche cosa di Gai-Lussac^{3*}, come quasi tutto da P.P. Almeno per 3–4 anni si deve liberarsi dal P.P. e lavorare o nel estero o in un'altra città^{4*}. Кроме работы, почти ничем и не занимаюсь, все время на нее убиваю. Никаких новшеств с новым годом привить не удалось, и все по той же причине, sono così occupato, che non ho due ore libere^{5*}. Впрочем, был раз у Ал. Ал.², где разговаривал со спиритами, которые разговаривали с Пушкиным (Ах, как хорошо бы было, если бы это было davvero^{6*}). Был на Травииате, на выставке Zuloaga, вот кажется и все.

14 января

Никогда я еще так прижимисто в отношении времени не жил. На чтения и кейфы остается совсем немного, так что об этом плакаться не приходится. Работа моя (поедающая все время) как будто и кончается, как будто и нет. Вижу, что сделана скверно, и надо бы сызнава, но осточертела она мне невероятно. Хорошо бы на этой неделе покончить.

В воскресенье праздновал Татьяну¹ в двух ресторациях. Хорошо, жаль только, что многие только представляют, что празднуют. Устроил себе новый соблазн. Купил за 200 руб. (в общем противно, что я так свободно могу выкидывать такие суммы) фотогр[афическую] камеру с Тессаром Zeiss'a². Но отлагаю. Экзамены, экзамены!!!

20 янв[аря]

Хотя и экзамены, а я вот 3 дня кейфую и чувствую себя почти что на лаврах, а все потому, что работа, кажется, кончилась. С завтрашнего дня начинается подготовка (январь по 5 ч.) и обработка результатов работы. Когда я действительно почувствую что кончил, т.е. сдам рукопись sehr gelehrten Herrn Prof. Dr. P.P. Lazareff*, тогда все о ней и напишу. Теперь не хочется, как бы не сглазить.

28 января

Для меня, как и для многих, высшим счастьем теперь кажется уйти в лес. Самое отвратительное в жизни люди, а остальное прекрасно. Но в лес я хочу с книгами. Я уж отравлен и без книг прожить не смогу. Отвратительнее и скучнее городской жизни ничего не знаю. Здесь нет истинных ценностей, все обесценивается толпой и модой. Где она сейчас бесценная когда-то Джоконда – теперь это «acqua purgativa»* и «sapone di cran[i]o»^{2*}. Ах, книги,

^{3*} Так у Вавилова. Правильно: Gay-Lussac.

^{4*} Работа мне не нравится, в ней что-то от Гей-Люссака, как почти все у П.П. По крайней мере, в течение 3–4 лет необходимо будет освободиться от П.П. и начать работать либо за границей либо в другом городе (*ит.*).

^{5*} Я так занят, что у меня даже двух часов свободных нет (*ит.*).

^{6*} В самом деле; правда (*ит.*).

* Многоуважаемому господину проф[ессору] доктору П.П. Лазареву (*нем.*).

* Слабительное (*ит.*).

^{2*} Мыло в форме черепа (*ит.*).

лаборатория и лес [-] вот и *paradiso ritrovato*^{3*}. А ведь ничего этого не будет. Я обречен *so zu sagen*^{4*}. В лучшем случае лет через 10 буду «professore» и при том, что несомненно, самый *mittellmässiger*^{5*}. Если уж и теперь *questo idele mi sembra di essere così triste, cosa dirò io dopo dieci anni. Mi resta di pregare Iddio o dare mi uno vero talento o davvero fuggire in un bosco. Il paradiso «perduto», il paradiso dell'estetismo mi sembra adesso di essere un inferno*^{6*}. Но все это не так печально. Надеюсь на судьбу, на ее забористые подъемы и провалы.

8 февраля

За это время успел 2 раза написать результаты работы (около 40 стр.), самым поверхностным образом прочитал интегрирование и вар[иационное] исч[исление], и больше, кажется, ничего не сделал. Никак не могу попасть в настоящий тон усиленной подготовки к экзаменам. *Iddio mi aiuti*^{*}.

Больше развлекаюсь, читаю романы. А иногда хожу по киятрам^{2*}. Лабор[аторная] работа не позволяла и взглянуть на романы, а теперь соблазняюсь. Между прочим, прочитал веселый «*Akademischer Roman*»^{3*} *Nappel*'я. Студенты 17[-го] столетия, описанные студент[ами] 17[-го] столетия. Учились не меньше нашего и сил тратили тоже не меньше. Вот тут и поднимается старая ядовитая загадка. Пожалуй, наука только *modus vivendi*^{4*} – прекрасный, лучший *modus* жить, только скользя по жизни. Наука изменяется, но весь *modus vivendi*, связанный с нею, остается прежним. И *that is the question*^{5*}, что существеннее – или этот *modus*, или сама *scientia*^{6*}. Возможно, положим, что новая, наша наука совсем другая жидкость, но влитая в старые мехи. Но мехи эти прекрасны.

20 февраля

Мне сейчас досадно на две вещи[:] 1) на самого себя, а 2) на глупую фаталистику, «близок локоть, да не укусишь». На себя досаду на то, что никак не мог себя дисциплинировать в нужном мне духе (*Ach! Zwei Seele u.s.w*^{*}). А на фаталистику за то, что многое не удастся. Вот, напр[имер], с военной службой. Было 100 выходов хорошо устроиться, а в результате я, кажется, сижу на бобах. У меня как-то все и в голове проходит мимо: читаю массу книг и книжонок, и журналов и все мимо, безвозвратно. Как тут не сделаться пессимистом. Ох, как давно я не переживал *optimum*^{2*}.

^{3*} Обретенный рай (*ит.*).

^{4*} Так сказать (*нем.*).

^{5*} Посредственный (*нем.*).

^{6*} Это представление мне кажется настолько печальным, то что я скажу через десять лет? Мне остается молить Бога дать мне подлинный талант – или прямо-таки бежать в лес. «Потерянный» рай, рай эстетизма кажется мне теперь адом (*ит.*).

* Да поможет мне Бог! (*ит.*).

^{2*} Т.е. «по театрам» (Вавилов использует слово XVIII в.).

^{3*} «Академический роман» (*нем.*).

^{4*} Образ жизни (*лат.*).

^{5*} Вот в чем вопрос» (*англ.*).

^{6*} Наука (*ит.*).

* «Ах! Две души [живут во мне]» и так далее (*нем.*).

^{2*} Оптимизм (*лат.*).

На маслянице ездил со Смитом к Троице. Прекрасно, истинно-русский эстетизм, вс[е], начиная от троек и до ветхозаветной гостиницы.

Жалко, я человек несносный вдвоем (втроем u.s.w. совсем дело другое). Л[идии] И[вановне]¹ делали операцию appendix'a^{3*}. Хотя и страшно, но приятно бы полежать неделю в больнице (вот уж поистине была бы неделя). Куда-то исчез Н. Ал.² (а с ним одна из военн[ых] надежд).

Итак, на горизонте события.

7 марта

А тут еще хуже события надвигаются. Кажется, рушится лаборатория, наконец, все раскусили, что такое П.П. [Лазарев].

1) Это, безусловно, не физик, а так, какой-то ходячий «Gay-Lussac». 2) Это отвратительный, бесхарактерно-самодержавный человек. Быть настоящим физиком очень трудно, тут нужен специальный стиль [-] «стальной», холодный и закаленный. В таком стиле в лаборатории разве только что Вяч[еслав] Ил[ьич] Романов. Но он во многом не сталь, а «вобла». П.П. же – это что-то неврастеническое, несчастное, а иногда и противное. Приходится все же (кажется) благодарить судьбу, что я вовремя покончил со своей работой, хотя она тоже в самом Gay-Lussac'овском стиле. Если скандал разразится, то вместе с прочими неприятными вещами у меня останется очень скверный паспорт – моя работа, в которой выражается благодар[ность] и проч. (вообще каждения) meinem hochverehrten Lehrer Herrn Prof. P. Lasareff!^{*}

Кого я теперь полюбил, так это сеньора Stramucci. Ecco lo vero uomo!^{2*} Такого милого смешения наивности, хитрости, остроумия и таланта я еще не видал. «Non sono scarto, caro amico»^{3*}, говорил он мне сегодня, sono un diavolo forse, ma so anche di rispettare gli angeli!^{4*} Тут он весь как намалеван. Когда я слушаю его болтовню о чем угодно, о погоде, о frati, che sono così cattivi, o come cattivi^{5*} (а propòs^{6*} сегодня он сказал такую proverb[i]o o frati «fai cosa il frate dice, ma non, cosa il frate fa»^{7*} (тут весь католицизм) – чувствую себя прямо как в театре. Как же я беден и несчастен перед ним, который себя, впрочем, тоже называет «infelice»^{8*}. Готовлюсь к экзаменам и дрожу.

12 марта

1) Было время меня не было.

2) Будет время меня не будет.

3) Et non solo ipse sum^{*}. Вот 3 постулатата той «Эвклидовой Геометрии», из которой только один практический вывод[:]

^{3*} Аппендицит (лат.).

^{*} Моему высокопочитаемому учителю господину проф[ессору] П. Лазареву (нем.).

^{2*} Вот он настоящий человек (ит.).

^{3*} Я не ничтожество, дорогой друг (ит.).

^{4*} Я, возможно, дьявол, но умею также относиться с уважением к ангелам (ит.).

^{5*} Монахи, которые столь подлы, о как они подлы (ит.).

^{6*} Кстати (фр.).

^{7*} Пословицу о монахах: «делай, как монах говорит, а не так, как он поступает» (ит.).

^{8*} Несчастный (ит.).

^{*} И на свете я не один (лат.). Искаженное: Et non solus ipse sum (из solus ipse sum – солицизм).

«Мужайся, сердце, до конца
И нет в творении творца.
И смысла нет в мольбе[»]¹

Потому-то все склоняются к «Неэвклидовой геометрии». И я в том числе. Впрочем, кажется, Сенека делал из этих же постулатов другой вывод. Я всегда живу, потому что раз я не живу – меня нет. Но это, пожалуй, схоластика.

Мне сегодня 23 года и любопытно бы было погадать хоть на кофейной гуще о будущем, потому что когда это будущее станет настоящим, едва ли оно будет интересным. Ведь вот в 1909 г[оду] 12-го марта мечтал я об Университете. Мечта исполнилась, я его собираюсь кончать. Но, Боже мой, как же это пусто и глупо. «Сердце будущим живет, что пройдет, то будет мило»². А настоящее всегда дрянь, *per sempre caro amico!*^{2*} Мораль же всего этого такова, нет оснований плакать, а потому, конечно, *speramus*^{3*}!

Прошла *pubertas*^{4*} и...

Грустно думать, что напрасно
Была нам молодость дана,
Что изменяли ей всечасно,
Что обманула нас она;
Что наши лучшие желанья,
Что наши свежие мечтанья
Истлели быстрой чередой,
Как листья осенью гнилой.
Несно[сно] видеть пред собой
Одних обедов длинный ряд,
Глядеть на жизнь, как на обряд
И вслед за чинною толпою
Итти, не разделяя с ней
Ни общих мнений, ни страстей³.

А в сущности до сих пор жизнь была только обрядом.

25 марта

Какой я теперь дрянью занимаюсь! В люди выхожу. Хожу к коменданту «от Татьяны Григорьевны» хлопотать о военной службе (пока еще нет результатов)]. Сегодня, подобно *règè'у* и *fiis'y** *Diopharius'am*, вместе с папенькой ездил с визитом к Прохоровым, лобызал десницы, говорил о Париже, завтракал и был в сюртуке. Дом и уклад жизни палаццообразный, стиль «*haute bourg[e]oisie*»^{2*}, т.е. диваны, потолки, лакеи, портреты Бобровского, а книги в золоченых переплетах в каком-то буфетике. Впрочем, не знаю, может быть, есть и библиотека. Всякая картина аристократизма, даже буржуазного, на меня действует угнетающе. Падаю в своих глазах, кажусь себе каким-то дьячком в длинном сюртуке и завидую *E perchè non io, ma gli altri*^{3*}! Вот

^{2*} Навсегда дорогой друг) (*ит.*).

^{3*} Будем надеяться (*лат.*).

^{4*} Юность (*лат.*).

* Отцу и сыну (*фр.*).

^{2*} Крупная буржуазия (*фр.*).

^{3*} Но почему не я, а другие (*ит.*).

где зарыты социализмы и прочие прелести. Последние дни опять завертелся, то именины, то комендант и Прохоровы; то вот в пятницу надо читать в физическом О[бщест]ве. За экзамен побаиваюсь.

27 марта

Ужасная опера «Хованщина»¹. Что-то гнилое, панихидное, зауспокойное и кошмарное. Только солдаты с ружьями наперевес в конце и веселый солдатский марш и обнадеживают.

28 марта

Еду сейчас между Старицей и Ржевом. Ездил «представляться» к командиру сап[ерного] батальона. Муж этот на первое впечатление до*...

Получается что-то кисло-сладкое. Старица – захоlustье. Идя туда я, собственно, делаю очень решительный шаг, но как бы не споткнуться.

30 марта

Грязь и снег. Деревьев скелеты. Пустыня. Словно все погубили метели, буруны. Только скромных церквей говорит немая святыня. Да столбов телеграфных звучат Эоловы струны¹. Вот и вся вчерашняя дорога. 7 часов сидел в Ржеве, был в 5 церквах – и совсем забыл о госуд[арственных] экзаменах. Смешно! Вообще я правильно думать не умею*

духовное самоистребление.

Иван Алексеевич Каблуков, несущий плащаницу, – это глубочайший символ.

Если поселюсь в Старице – пофилософствую. А сейчас попробовал, так голова закружилась.

Чудеса! Почти всю мою туманную «философию» последних дней нашел в стихах, напеч[атанных] сегодня в «Русском слове»². Стихи прекрасны, давно я таких не читал, главное, искренны и не декадентские. Впрочем, начинаются стихи не совсем ясно:

Жизнь – без начала и конца.
Нас всех подстерегает случай.
Над нами – сумрак неминуемый
Иль ясность Божьего лица³.

Первые 2 стр[очки] – положение, из которого единственный вывод 3-я строчка. 4-ая же только «нас возвышающий обман»⁴. Между тем именно из этой четвертой строчки все и строится. Стихи надо бы начать просто[:]

Над нами сумрак неминуемый.
Иль ясность Божьего лица^{2*}.

* Далее не читается: страница надорвана.

* Далее оторвана часть страницы.

^{2*} Вырезка из газеты «Русское слово» с этим стихотворением вклеена в дневник.

НАРОД И ПОЭТ

1

Жизнь – без начала и конца.
Нас всех подстерегает случай.
Над нами – сумрак неминуемый
Иль ясность Божьего лица.
Но ты, художник, твердо веруй
В начала и концы. Ты знай,
Где стерегут нас Ад и Рай.
Тебе дано бесстрашной мерой
Измерить все, что видишь ты.
Твой взгляд да будет тверд и ясен.
Сотри случайные черты,
И ты увидишь: мир прекрасен.
Познай, где свет, поймешь, где тьма.
Пускай же все пройдет неспешно,
Что в мире свято, что в нем грешно,
Сквозь жар души, сквозь хлад ума.
Так Зигфрид правит меч над горном:
То в красный уголь обратит,
То быстро в воду погрузит,
И зашипит, и станет черным
Любимцу вверенный клинок...
Удар, – булат сверкает верный,
И карлик, жалкий, лицемерный,
В смятенье падает у ног!

2

Кто меч скует? – Не знавший страха.
А я беспомощен и слаб.
Как все, как вы, – лишь умный раб,
Тяжелого созданье праха,
И мир – он страшен для меня:
Герой уж не разит свободно,
Его рука – в руке народной,
Стоит над миром столб огня,
И в каждом сердце, в мысли каждой –
Свой произвол и свой закон...
Над всей Европою дракон,
Разинув пасть, томится жаждой...
Кто нанесет ему удар, –
Не ведаем: над нашим станом,
Как встарь, повита даль туманом,
И пахнет гарью. Там – пожар.

3

Но песня – песнью все пребудет;
В толпе – все кто-нибудь поет;
Вот голову его на блюде
Царю плясунья подает;
Там – он на эшафоте черном
Слагает голову свою;

Здесь именем клеймят позорным
Его стихи... И я пою,
Но не за вами суд последний,
Не вам замкнуть мои уста!
Пусть церковь темная пуста,
Пусть пастырь спит; я до обедни
Пройду росистую между,
Ключ ржавый поверну в затворе
И в алом от зари притворе
Свою обедню отслужу.

4

Ты, поразившая Денницу,
Благослови на здешний путь!
Позволь хоть малую страницу
Из книги жизни повернуть.
Дай мне неспешно и нелживо
Поведать пред Лицом Твоим
О том, что мы в себе таим,
О том, что в здешнем мире живо,
О том, как зреет гнев в сердцах,
И с гневом – юность и свобода,
Как в каждом дышит дух народа,
Сыны отражены в отцах:
Коротенький обрывок рода,
Два-три звена, – и уж видны
Заветы темной старины:
Созрела новая порода, –
Угль превращается в алмаз.
Он, под киркой трудолюбивой,
Восстав из недр неторопливо,
Предстанет миру напоказ!
Так бей, не знай отдохновенья,
Пусть жила жизни глубока:
Алмаз горит издалека, –
Дроби, мой гневный ямб, камня!

Александр Блок

13 апреля

Надежда на *Übermensch*'а* у людей напрасная. Все «великие», т.е. Ньютон, Леонардо, Петр и пр[очие] только холмики. Самого великого и нет и, кажется, быть не может. Разве только Христос. И все только потому, что *ein Übermensch darf kein Mensch werden*^{2*}. Люди не видали существа высшего себя. Право, можно заговорить о венце творения.

22 апреля

Сегодня начались госуд[арственные] экзамены. Было интегрирование дифф[еренциальных] уравнений и вар[иационное] исчисление. Знал я очень хорошо. Получил в[есьма] у[довлетворительно] и доволен. А настроение было нехорошее, трагически-пессимистическое.

* Сверхчеловек (*нем.*).

^{2*} Сверхчеловек не может стать человеком (*нем.*).

8 мая

За это время событий никаких. Сдал теорию чисел и пр., сегодня механику. Все пока хорошо. Итак, конец приближается. Иногда развлекаюсь по синематографам, а сегодня по случаю сдачи механики, которой я страшно боялся, хороводился целый день. У меня колоссальные... запоры. *Que faire!** Страдаю.

28 мая

*Finis**. Сдал сегодня на «У[довлетворительно]» астрономию и почил на лаврах. Стою на обрыве. Положим, если буду служить [-] 1½ года пройдут. Ну, а дальше. Дороги для меня другой, кроме научной, нет. Сегодня я, конечно, просто физиологически радуюсь, но на самом-то деле ведь сегодня у меня бенефис «науки». Если я буду ученым, я буду, вероятно, плохим. Я знаю, во мне «что-то» есть, но что – я и сам не знаю. Надо одуматься, много[e] из прежнего бросить, многое новое начать. А главное, искать точки опоры. Осталось *maximum* жить 50 лет, *minimum*, быть может, очень немного. Как же прожить эти годы? Подумаю, отдохну и приведу в порядок. Устал я. Да надо бы написать хоть два слова об университете. Когда[-то] я писал о нем, что это только проходной двор к науке. Больше и теперь ничего не скажу. Все было мертво, внешне и невесело. Конечно, *Kommerzschule*^{2*} было сквернее, но это живое учреждение, а университет – мумия. Тем не менее, точки опоры придется искать в нем же.

4 июня

А я и до сих пор не опомнился, привожусь в порядок, т.е. отдаю визиты, разбираю книги, посуду. Сегодня несколько часов рвал и уничтожал всякие плоды вдохновений времени, когда мне было 13–14 лет. Сколько глупости и шаблонов, просто ужас, и, главное, все написано было за полгода 1904–1905. Но теперь многое уничтожил, «искоренил». *Si comincia vita nuova, e sicuro che nuova, volèns-nolens nuova, sideve esser preparato a questo cambiamento**.

Отдал визит несчастным Мейзнеру, Евсеичу, справил свадьбу Себенцова, был в ресторации и читал Казанову¹. Скуки еще не чувствовал. Но писать о сути пока еще не могу. Смешно! На три дня еду на Волгу ... с Евсеичем.

9 июня*

Meine Wolga Reise ist erledigt. Ich reiste mit Евсеич с коммерсантами. Und eben das war der Grund, dass ich zufrieden bin. Die Knaben sind gar nicht dumm. Aus 13 Personen fast keine dumme. Mit ihnen zu plaudern war bisweilen selbst ein Vergnügen. Naiv und nicht dumm, was kann besser werden. Евсеич selbst war gewöhnlich langweilig wie eine Sommer Fliege. Gott sei dank; nun sehe ich ganz klar, dass nicht ich schuldig bin dass zusammen mit Евс[еич] ich mich so тоскливо benehme. Er!

* Что поделаешь! (*фр.*).

* Конец (*лат.*).

^{2*} Коммерческое училище (*нем.*).

* Начало новой жизни, действительно новой, волей-неволей новой, надо подготовиться к этой перемене (*ит., лат.*).

* Треть текста написана на вклеенном в тетрадь листке из немецкого календаря. Его оборот представлен на рисунке.

Die Reise an Wolga ist fast eine Ideal-Reise, vielleicht die grösste Ruhe in der Welt. Mit einem langen und guten (inter[essanten]) Romane mit ruhigem Gemüt[s] zustand und mit Geld in der Tasche, man fühlt sich an einem Dampfer wie in Nirvana. Leider für mich diese Nirvana dauerte nur einen einzigen Tag (weiter wegen Евс[еич] wagte ich nicht). Die Möwen geben einen einfachen und ti[e]fen Gegenstand zum ruhigen Philosophieren, die eintönigen Ufern erregen nicht die Augen. 2 andere Tage meiner Reise verbrachte ich in Ярославль und Нижний. In Ярославль mit Евс[еич] und deshalb langweilig genög. In Нижний allein und bin zufrieden^{2*}.

^{2*} Мое путешествие по Волге закончилось. Я путешествовал с Евсеичем и с коммерсантами. В этом как раз причина, почему я доволен. Ребята совсем не глупы. Из 13 человек почти ни одного глупого. Болтать с ними иногда было даже удовольствием. Наивные и неглупые – что может быть лучше этого? Сам же Евсеич был обычно надоедлив, как летняя муха. Слава Богу, сейчас я совершенно ясно вижу, что не я виноват в том, что мне было так тоскливо с Евс[еичем]. Он!

Путешествие по Волге – почти идеальное путешествие, пожалуй, самое спокойное в мире. С длинным и хорошим (интересным) романом, в спокойном состоянии духа и с деньгами в кармане чувствуешь себя на пароходе, как в нирване. К сожалению для меня, эта нирвана продолжалась один-единственный день (далее из-за Евс[еича] я не рискнул [продолжить]). Чайки – вот простой и глубокий предмет для спокойного философствования, однообразные берега не раздражают глаз. Два остальных дня путешествия я провел в Ярославле и Нижнем. В Ярославле – с Ев[сеичем] и потому довольно скучно. В Нижнем я остался один и этим доволен (нем.).

12 июня

Я устал отдыхать. Жара, запор, нечего делать. Один Казанова спасает. Ах, прелесть! Отныне Казанову записываю в разряд «великих» книг. Такого *bel esprit** и в жизни, и в философии я не думал найти. Итальянцы должны Казанове монумент воздвигнуть, да на самой Piazza S. Marco^{2*}. Дурак только Казанова [–] зачем на французском языке писал, некоторые места так и переводишь на итальянский. Право, уж с Боккачио-то рядом Казанову поставить, безусловно, можно. Ну, да еще мне осталось еще 5 томов, так что о Казанове еще подумаем. Обещался Евс[еичу] написать о Вероне¹. Противно! Выходит ни то Бедаш, ни то Иловайский. Не стерплю, примусь за дело! Жарко, кисну и ... запор.

16 июня

Oggi fu stato «sui generis» ultimo esame di stato*, был медицинский осмотр и теперь я – новобранец. Осматривали почти как лошадей, в чем мать родила, пятки, зубы и прочее. Весу во мне нашли 4 п[уда] 15,5 ф[унтов], росту 2 ар[шина] 8,3 в[ершка], в груди 20,7, это все мои «лошадиные» статьи¹, записываю их для памяти. Я, впрочем, против «лошадности» ничего не имею. Я знаю, что я очень и очень мало «лошадь». Мускулы слабы, без книг жить не могу, но немножко и «олошадиться» полезно. Кстати о книжках, книжках старых, о новых не говорю, слишком они не книжны, «авторами» пахнут. А вот о старых. Если бы не было книг – жить почти не стоило бы. Книга лучше музыки, живописи, любви, гастрономии и вообще жизни. С жизни – пенка снята. Я покупаю книги без удержу, иногда даже страшно становится и грустно. Вот умрешь, и половина твоих книг окажется тобой не прочтены. Но все же покупаю. Ненавижу я пухлые современные книги «для любителей», книжки только для глаз. Это уж не книжки. Вообще собирать стоит только книги и иногда картины (потому, что некоторые картины можно читать очень долго, долго углубляться). Приятно бы было выбросить с полка $\frac{1}{2}$ хлама и остаться с избранным. *Se non moriremmo, faremmo così*^{2*}.

Приеду в Старицу, о[б]снуюсь (чай, будет часов 5 свободы в день). Буду заниматься физикой, далеко от П.П. и прочих прелестей, а на сон грядущий читать романы. Завел себе толстые тетради 1) для выписок, 2) для кратких рефератов, 3) для физических соображений.

Это 3-е Hauptsache, da es unbedingt notwendig ist ein[e] eigene[s] Thema (d.h. unabh[ängig] von P.P.) der Arbeit zu finden. Mich lockt immer das Gravitationsproblem... Das ist streitlos der erste Preis in der Physik^{3*}.

25-го числа иду в Крутиц[кие] каз[армы] на явку. Дней 8 могу гулять, почитаю Казанову, Pohl'я, Pringsheim², запакуюсь, а потом dahin, dahin^{4*}. Что там ждет, не знаю.

* Остроумный человек (*фр.*)

^{2*} Площадь св. Марка [в Венеции] (*ит.*)

* Сегодня был «своего рода» последний государственный экзамен (*ит., лат.*).

^{2*} Если не умрем, то так и сделаем (*ит.*).

^{3*} Это 3-е главное дело, ибо безусловно необходимо найти собственную (т.е. независимо от П.П. [Лазарева]) тему работы. Меня все время влечет проблема гравитации... Это бесспорно наиболее ценное в физике (*нем.*).

^{4*} Туда, туда (*нем.*).

26 июня

Я прожил почти месяц самой настоящей «жизнью», т.е. спал, кушал, лечился от запора, ходил по гостям, ездил то на Волгу, то в «Дубровицы», почитывал Казанову, моментально забывая о прочитанном, и, в конце концов, прихожу в ужас. Такой жизнью живут очень многие (т.е. «без Бога»), но ведь люди, которые в любой момент безболезненно могут прекратить эту жизнь*. Получается какой-то сплошной желудок. Пища входит, переваривается, уходит, и так ad infinitum^{2*}. Поистине это «una gente a cui l'morig non duole»^{3*}. Это просто мерзость. Жизнь без смаку и души. Ну, положим, я постараюсь стать на старую колею, хотя это при новых условиях и трудно. Я теперь хожу по портным и сапожникам, Морлизам etc., потому что 29-го отъезжаю в Любецкое в саперный лагерь. А что если мне нельзя будет взяться за физику, Боже мой, повеситься можно, потому что в таком случае l'morig non duole^{4*}. Нужен Бог. Нужна физика. Нужно здоровье и благодушие.

Попробую взять с собою в лагерь и книги, и чернила, и бумагу. Ведь я все-таки еще неполный физик, характера не хватает.

Вот вспомнил сейчас об университете. Sit tibi terra levis^{5*}. Несчастное учреждение. В науке, как я себе выяснил, есть две стороны: 1) modus vivendi^{6*}, вся декорация науки, которую я страшно люблю, 2) scientia sub specie aeternitatis^{7*}, «познание» etc. Я ничуть не верю в «конец» науки, т.е. в достижение цели, потому что наука во многом «игра», просто симптом «души божественной человеческой», но все же это 2-е – суть науки. В университете то и другое исковеркано и в ultra-русском стиле. От modus'a очень мало осталось, от «сути» какие-то экскременты. В себе я ту и другую сторону науки чувствую. Надо развить и укрепить. Сейчас вот лучше, чем когда-либо, можно^{8*} повторить мой эпитаф нынешнего года «Сохраню ль к судьбе презрень?» etc.

Каюсь в одном грехе. В прошлом году я цитировал Пушкина^{9*} «На свете счастья нет, а есть покой и воля». Причем воля понимается как «Willen»^{10*}. Это, конечно, Missverständnis^{11*}. Воля у Пушкина – свобода. И теперь уж я с пушкинской фразой не во всем согласен. Покой и воля как замена счастья

* Так у Вавилова.

^{2*} До бесконечности (лат.).

^{3*} Есть люди, которым и умереть не больно (ит.).

^{4*} Умереть не больно (ит.).

^{5*} Да будет земля тебе пухом (лат.).

^{6*} Образ жизни (лат.).

^{7*} Наука с точки зрения вечности (лат.).

^{8*} Слово «можно» написано над зачеркнутым «надо».

^{9*} Над словом Пушкина надписано в скобках: «(поставил для эпитафы)».

^{10*} Воля, стремление, желание (нем.).

^{11*} Недоразумение, непонимание, ошибочное мнение (нем.).

годны только на короткое время. Вообще же к покою и воле нужно прибавить «творчество». Тогда, кажется, полное счастье.

Буду «образовываться», «выявлять лицо», как говорят в «Аполлоне»¹.
Кстати, не надо забывать *che l'estestimo è il mio*^{12*}.

[На этом заканчивается сохранившаяся часть тетради, начатая С.И. Вавиловым 1 января 1914 г. Дальнейшие записи за этот год начинаются в новой тетради].

Gebt ihr euch einmal
für Gelehrten
So kommandiert
die Wissenschaft¹

«...жизнь всечасно кочевая
Труды, заботы, ночь и днем
Все, размышлению мешая,
Приводит в первобытный вид
Больную душу; сердце спит,
Простора нет воображение*
И нет работы в голове²

Лермонтов

«Was sich die Lippe schüchtern vorgelallt,
Mißraten jetzt und jetzt vielleicht gelungen»^{2*}.

28 июля

Завтра ровно месяц, как началось для меня совершенно новое, неожиданное и трагическое, о чем я никогда не думал. Я не только солдат, но я иду на войну – в этом, в сущности, и все, но как тут много. Начну *ab ovo**.

Перед отъездом я чувствовал (или даже предчувствовал) что-то совсем новое и почти трагическое. Сбросил штиблеты, надел сапоги, искренно перекрестился, два мгновения было тяжело расстаться с книгами и физикой. Впрочем, в моем чемодане был *Casanova*, *Wien*¹, *Golldhammer*², фотохимия etc. Коллеги вольные на $\frac{3}{4}$ – нудные люди, на $\frac{1}{4}$ – матершинники.

Etwas ausgezeichnetes gab es absolut nicht. Alles mittelmässig. Natürlich zwei – drei Kerle waren nicht ganz begrenzt und vielleicht verbergen etwas in ihren Seelen. Mit allen lebte ich freundlich und friedlich – doch keine innige Verbindung^{2*}.

^{12*} Что эстетизм – мое достояние (*um.*); правильно: *estetismo*.

* Так у Вавилова.

^{2*} Что в глубине сердечной грудь лелеет,

Что просится на робкие уста –

Удачно ль, нет ли, – выйти чуть посмеет

На свет – его погубит суета! (*Гёте И.В.* «Фауст» / Пер. Н. Холодковского).

* С самого начала (*лат.*).

^{2*} Не было абсолютно ничего особенного. Все заурядно. Разумеется, два-три парня не были совсем тупыми (ограниченными) и, возможно, что-то скрывают в своих душах. Со всеми я жил в дружбе и мире – однако никакой близкой привязанности (*нем.*).

Вот Ферзиков в лагерь ехал с подпоручиком Дурасовым (тип из породы «рубак», хотя что-то есть прозрачно острое, наивное).

Допиш[у] завтра (мешают).

29 июля

Главное, для чего хотелось бы остаться жить после войны, – это видеть ее результат. Они должны быть ошеломляющие. Даже наука, даже физика будет иная. Хотя бы одним глазом посмотреть.

Смерть на войне, какая угодно, трусливая и позорная – высший предел героизма, героизма, положим, вынужденного, но все же героизма. Люди живут, родят и даже умирают для сохранения самих себя. Герои живут и умирают за других, и боги не живут и не умирают.

30 июля

Завтра идем. Куда, не знаю, да мало и интересуюсь. Отупение полное. Учусь азбуке Морзе.

Героизм солдата тем выше, что даже религия теряет силу, обращена лишь в суеверие и фатализм. Вне всякой опоры, без взвинченного патриотизма и религиозности солдат легко рискует жизнью. Это и есть героизм, лишение основной черты человеческой – «самосохранения». Герой – не человек.

1 августа*

Еду на войну. Пишу в поезде около Смоленска. E nonostante io sono il medesimo^{2*}. Моя судьба, внешняя обстановка со[в]вершенно изменились, но характер остался прежним, задумывающимся и скрытно-риторическим извне. К работе физической – не способен и в сущности остаюсь среди солдат белой вороной. Надо мной немножко подсмеиваются, но и уважают. Куда меня кинут думы о войне, в глубины мистицизма, отчаяние скептицизма или тупое спокойств[ие]. Жалею во всяком случае, что со мною нет Евангелия. Солдаты-саперы на $\frac{1}{2}$ «сознательные» рабочие, худший род культурных недоносков, победителями они не смотрят. Особенно отвратительны циники-запасные, бывшие на японской войне, выдавшие 1905 г. Это безусловный яд армии. В их голове настоящая война – только повторение японской. Лучше всего тихие, спокойные работники, плохого не говорящие – и идущие без страха на войну. Их много.

2 августа*

На посту на ночь у вагона

Смерчем войны унося^{2*} от тихого мира бывшего
Дико метнула судьба на неизведанный путь.

* Эта и следующая записи сделаны очень неровным почерком.

^{2*} И все же я тот же (*ит.*).

* Запись сделана карандашом.

^{2*} Слово «унося» написано поверх зачеркнутого «оторвав».

3 августа

Медленно ползет громада эшелона к Бресту, откуда, кажется, батальон держит путь на Холм*¹. Время проходит совершенно незаметно, куда веселее, чем в достопамятных поездках с Евс[еичем] по той же дороге за границу. Теперь мой Standpunkt^{2*} на все окружающ[ее], [на] людей и природу совсем другой – чисто практически, все познать как бы ощупью. Стоим сейчас часа 4 в Линеве, ходили по жидовским лавкам закупать провизию. Жиды смешны, грязны и мистично-таинственны. Вообще весь край, что сейчас проезжаем, носит характер элегический. Печальные красивые пастухи мальчишки с глубокими голубыми глазами и соломенно-жел[ыми] волосами, патриархальные жиды и жидовки, все странно и печально. Переселили меня из живого, веселого солдатского вагона в скучищу офицерского 2-го класса. Чувствую себя ни рыбой, ни мясом, ни офицером, ни солдатом. Есть, понятно, и внешние преимущества, вот хотя бы писать свободно могу. О войне и думать забыл, словно так, не ведаю, куда еду. Вчера в первый раз был в карауле. В сущности это приятное занятие, стоять и философствовать. Я стерег платформы с обозом роты. Философствовал и сочинял стихи, впрочем, ничего не выходит.

Смерчем войны оторвав от тихого мира былого
Грозно метнула судьба в путь неизвестный меня
Прежде спокойно и мирно текла моя жизнь, приближаясь
К вечной Нирване конца, к миру, покою и сну
Ныне не знаю куда устремляется бурным потоком
Жизни волна и куда вынесет вскоре
Смерти я не боюсь, неизбежность страха не стоит^{3*}
Необходимый финал пьесы, где актов лишь пять
В пьесе я этой актер

4 августа

Случай тревожит – игра остро-капризной* судьбы.

Холм, 5 августа

Австрийцы верстах в 40. Доехал почти хорошо. Leider habe mein Geld verloren, beinahe 40* R^{2*}. Во втором классе secondo al normale andamento della vita umana^{3*} сидел больше с капельмейстером [-] толстопузым немцем, тайным немецким патриотом, фельдшером[-]дураком и алкоголиком – ел ипил целые дни, читал пустые газеты, разговаривал с тупым хохлом студентом политехником, милостью ротного попавшим в классный вагон. Тупее тупого хохла «украинца» трудно что-либо придумать. Сегодня в 6 ч. утра приехали, постояли с 1/2 часа биваком; купил у жидов и хохлов яиц, горячего молока,

* Современное название: Хелм.

^{2*} Позиция, точка зрения (нем.).

^{3*} Слова «неизбежность страха не стоит» написаны поверх зачеркнутого «иль верно она неизбежна», также зачеркнуты две следующие строки.

* Слова «остро-капризной» написаны поверх зачеркнутых «злой, своенравной».

* Число «40» следует за зачеркнутым «50».

^{2*} К сожалению, я потерял деньги, почти 40 руб (нем.).

^{3*} Согласно нормальному течению человеческой жизни (ит.).

накушался и чувствовал себя хорошо. Холм расположен сказочно прелестно на густо-зеленом холме, на вершине которого как Palladium¹ православия стоит русская церковь, хотя и смахивающая на польский костел. Впрочем, внутренности города еще не видал. Жиды и хохлы. Поселили в казармах. Начинает пахнуть войной. Работает drahtlose Telegraphie^{4*}, вьются авиаторы с толком или без она, не знаю, может быть, просто для форсу. Кроме еды – никаких других событий. Ходят всякие лепые и нелепые слухи, то о взятии нами Львова, то о взятии австрийцами Замостья².

Холм, 8 августа

Не имел возможности писать по простой причине. Эти 2 дня был лишен всяких мыслительных и двигательных способностей. Наводили линии на какую-то деревню верстах в 14 от Холма. Я, конечно, кроме рассыпания клиньев, делать ничего не мог. Из деревни без передышки поперли домой, и, прийдя, увы! узнали, что на другой день должны снимать сделанную линию. Глупее, досаднее и бессмысленнее работы в жизни моей никогда не совершал. Обращаешься положительно в какое-то микроскопическое зубчатое колесико, чем-то захватываемое, что-то совершающее, но дико бесцельно под рукой балующего мальчишки. Именно полная бессмысленность и бесцельность работы в связи с большой трудностью и есть ужас солдатской работы. Толстой называет солдатскую жизнь в [«В[ойне] и М[ире»] маскированным ничегонеделанием. Это и правда, и нет. Солдат ничего не совершает, но он всегда делает, а это хуже всего. Итак, я недоволен. Всему этому можно найти какое-нибудь оправдание в лагерной или казарм[енной] солдатской жизни, но уж, конечно, не на войне. Если мы будем так воевать, то в лучшем случае будет стрельба из пушек по воробьям, а в худшем [–] Бог знает что. Особенно влияет это на солдатскую психику. О каком-либо подъеме или патриотизме при такой работе не может быть и разговора.

О войне знаю мало, хотя наши телеграфисты и передают чуть ли не содержание шифр[ованных] телеграмм. Австрийцы подвигаются, а мы, кажется, отступаем. Обычная нелепость, при 8-милл[ионной] армии у Холма недостаточно сил. Работают здорово только казаки – кентавры во образе человеческом, теперь я понимаю, почему их немцы боятся.

Вчера видел 2-х пленных австри[йцев]. Одно недоразумение. Один чех, другой поляк, оба говорят по-русски и, кажется, чуть ли не оба просто перебежч[ики]. Человек заговорил, а геройство вылетело в трубу.

Кстати, про трубу. Ведь сегодня будет затмение. К черту всякую войну, займемся физикой и астрономией. Как божественно-прекрасна и строго-холодна кажется из это[го] чердака, где я здесь пишу – наука. Мир и благоволение, «зеркальное» существование – где вы. Я сейчас веду тоже не человеческое существование, а только какое[-то] воображаемо-бесцельное. Что солдатское житье именно таково, я знал всегда, и в общем между жизнью ученого и солдата есть многое принципиально общее. Жизнь без фундамента и совершенно далекая от истинного сим[п]тома жизни «самосохранения», один ученый, другой герой, сегодня они должны протянуть друг другу руку. Медленно наползает лунный силуэт на физиономию сияющего бога,

^{4*} Беспроволочный телеграф (нем.).

абсорбируя в своих недрах загадочные электромагнитные импульсы солнца. Эх, догадались бы умные немцы почесать в момент наибольшей фазы в затылке, плюнуть на войну и снова приняться за науку.

Солнечное затмение в Холме (нрзб.)	
Начало по пул[ковскому] вр[емени]	1 ^h 25'
Наибольш[ая] фаза (0,93 с[олнечного])	2 ^h 38'
д[иска]	
Конец	3 ^h 47'

Время здесь отста[ет] на 24' от петерб[ургского]. Короны не увижу. Прочее мало интересно.

День прожит по-прежнему. Завожу знакомства среди солдат. Очень много очень рассудительных, умных и тактичных. Балашов, Буханов, Панфилов. Идиотов, конечно, немало, но они как-то слипаются в одну кучу и малозаметны.

Случай – неотвратим, судьба его сталью сковала
Ты, избегая его, ближе к нему подойдешь
Будь же спокоен и жди и «vorgeschriebene Reise*»
Ты совершишь и придешь к мирному жизни концу

Книги – как мне вас жаль, и как по вас я тоскую
Строгие полки ряды вновь я увижу вас
Надолго роком лишен я вашей беседы безмолвной
В Хаос войны унесен, к вам может быть не вернусь
Прежде, и так ли давно мел[ь]кали чредой непрерывной

{Сижу я сейчас на казарменном чердаке и не зная, что более делать, – пишу, здесь светло и в достаточной степени уютно.}

То Казановы томы¹, то немцы Pohl und Pringsheim
Всяких журналов столпы тонули на полках навечно
След чуть оставив (нрзб.) «Вестник»² и «Русская мысль»³
«Библиофил»⁴, «Аполлон» и серые «Старые годы»⁵
(нрзб.) только я чтил, бережно-свято храня
Тысячи вас там стоят и армия ваша всеильна^{2*}
Кто же вождем, или кто первый среди равных у вас
Библии ль том, иль Ньютон, иль Гаусс, иль кованый Пушкин
Гете ли немец (его ниже я Пушкина чту)
Трудно задачу решить, быть может я Казанову
Временно выбрал б в вожди (я в настроеньи таком)
Книги, вас я люблю людей вы умнее намного
Мирны, бесшумны всегда и как кин[ж]алы – остры

{А может быть от Холма-то и отступим, это в воздухе чувствуется.}

* Предначертанное путешествие (нем.).

^{2*} Далее зачеркнуты две строки: «И много среди вас похожих / Армия ваша сильна, но и раздоры в ней есть».

9 августа*

Испортил себе настроение. Стал мыть мою прелестную чернильную ручку над отхожим местом, она выскользнула и о Schi[c]ksal^{2*} – я теперь без ручки^{3*}.

Затмение прошло почти незаметно. Эффект небольшой. Кто-то только картинно выразился «Солнце луну наяривает». Это и все. Живы будем, почитаем, что другие видели.

Жданное*, 10 августа

Итак, ручку я все-таки купил, хотя и не такую, за 1 р. 20 к. Вчера выступили, прошли 18 верст от Холма. Переехал весь корпус. Пыхтели солидно автомобили с генералами и бат[альонными] командирами. Пукали мотоциклы с добровольцами, и мы перли. Ранец, по обыкновению, натер плечи. Расквартированы по избам. Да, забыл самое главное. Вчера в первый раз был под огнем. За версту от Холма, возле шоссеиной дороги, по которой двигалось наше шестовое отделение с обозом, показался австрийский аэроплан. Расположенные по сторонам дороги охранительные отряды открыли пальбу. Жарил даже один пулемет. В общем, со всех сторон стреляло, вероятно, не менее 300 человек. Разумеется, попусту, так как авиатор был очень высоко. Треск был веселый. Страха я не чувствовал, к своему удивлению, никакого.

Наш отряд не стрелял, хотя всем этого страшно хотелось. Авиатор был один момент прямо над нашей головой, и в этот момент было не то, что страшно, но как-то неловко, чувствовалось опасение, что он швырнет вниз бомбу. Это было вероятно.

Кроме того, мы находились под перекрестным огнем своих, шальные пули посвистывали около нас. Еврей^{2*} попрятались в канавы, за телеграфные столбы. «А и сто-зе будет», «Солдатики, спасите». Аэроплан довольно хладнокровно повертелся над дорогой и повернул nach Österreich^{3*}. Это и все.

* Запись от 9 августа сделана карандашом, затем поверх карандашных записей весь текст повторен синими чернилами.

^{2*} Судьба, рок (нем.).

^{3*} Далее четыре практически нечитаемые строки написаны только карандашом, а затем крест-накрест перечеркнуты чернилами.

* Современное название Ждданне.

^{2*} Слово «еврей» написано позднее чернилами другого цвета поверх исходного «жиды».

^{3*} К Австрии (нем.).

Итак, в сражениях я участвовал. Das ist eine Tatsache^{4*}. Я писал 29 июня^{5*} о героизме. Многое неверно. Вот in questa piccola bat[t]aglia io sentivo bene come disparivano tutti gli istinti della conservanza^{6*}, во мне исчез «человек», но остался все-таки не «герой», в моем смысле, а только спортсмен. Спортсмен, будь он футболист, боксер, авиатор, автомобилист, – тоже забывает о «человечестве» своем, т.е. о самом себе. Итак, солдат, по моему опред[елению] героя, как человека, забывающего о самосохранении, для сохранения других (не детей и родных, т.е. самого себя), не герой в сражении, когда он только спортсмен, а только вне сражения, когда он прет по 35 верст в сутки, не спит и, тем не менее, не дезертирует. Das ist eben Heroismus^{7*}.

Насколько героизм нужен (для кого?) – вопрос совсем другой. Во всяком случае, если бы не было героизма, не было бы войны и армии. А так как героизм в историческом процессе заметно испаряется, ergo^{8*} испаряется война и пр. Ну, да это все скверная философия.

Расквартированы мы по халупам села Жджанне. Спал я в сарае на соломе прекрасно, пил молоко, чай и пр. Компания (хотя и большею частью запасных) хорошая. Пишу сейчас на соломе в сарае, солнце играет на золотистых снопах, мухи летают и кусают. О войне даже и не думается.

Сейчас слышна издалека артилл[ерийская] канонада.

Слухов сколько угодно. Во 2-й^{9*}

Орлов-Мурованный*, 12 августа

Скитаемся. В воскресенье 10-го совсем неожиданно послали в какой-то Скербешев^{2*}, да еще ночью. Положим, не шли, а ехали в фурманках¹, но такая езда хуже ходьбы. Выехали часов в 10, приехали в 6 ч. утра. В фурманку навалилось 6 человек. Я сумел растянуться, но, Himmel^{3*}, на моих ногах, плечах, голове сидели, с боку подпирали затворы винтовок, топоры и ранцы. Ежеминутно останавливались, то распрягая одуревших лошадей обоза, то поднимая перевернувшиеся двуколки. Побаивались австрийских разъездов, которые, как говорили, показывались в этих местах. Я еще в жизни ни разу не стрелял, но тоже отстегнул подсумок и готовился. Без винтовки теперь себя уже не человеком чувствуешь. Сердобольный фельдшер, ехавший вместе с кучером на козлах, дал обернуться своей палаткой, иначе бы продрог до невероятия. Этот фельдшер – род откормленной свиньи. Пудов 6 весу, ни черта

^{4*} Это факт (нем.).

^{5*} Описка Вавилова. Правильно: 29 июля.

^{6*} В этом небольшом сражении я хорошо чувствовал, как исчезал всякий инстинкт самосохранения (ит.).

^{7*} Это и есть героизм (нем.).

^{8*} Следовательно (лат.).

^{9*} Так у Вавилова.

* Современное название Орлув-Мурованный.

^{2*} Далее у Вавилова встречаются написания Скербешов и Скербешев. Современное название Скербешув.

^{3*} О небо (нем.).

не делает, кушает хорошо. Вообще, строевые солдаты ненавидят фельдшеров обозных, которые, важно полеживая на двуколках, посматривают на работу остальных. Ну, да об этом после. Это тема интересная.

Дорога страшно волнистая, холмы, перекааты, долины, так что боишься каждой кочки. Впрочем, боязнь опять спортсменская, а вовсе не страх смерти, или что-нибудь в этом роде. Такой философией заниматься некогда. Дубовые, вязовые и липовые леса по дорогам великолепны, таинственны, «эпичны». К коренастому дубу, раскинувшемуся гигантским грибом, к зеленой лужайке подошел бы какой-нибудь Илья Муром[ец] и серый волк. Впрочем, и солдаты не звучат диссонансом. Ведь тоже поэзия и фантастика. Без этого солдат nonsens[e]^{4*}. Приехали утром в Скербешов. Имение пана Выжги. К моему удивлению, прошлого я не забыл, и какая-нибудь археологическая чертовщина еще способна заинтересовать меня не менее^{5*} исхода генерального сражения. Дом Выжги в прекрасном польском барочном стиле, и я кое-как пытался его зарисовать. Умылись в роднике, вскипятили чай – и через час тронулись в наводку. Сначала спешили, говорили, будет в 2 ч[аса] дня наступление, но в конце утомленные солдаты переругивались, работа не спорилась, матерщина так и раздавалась. Ужасны запасники (не все, есть прекрасные солдаты), и даже из «сознательных».

Есть здесь люди прекрасные сами по себе. Это ясно. Есть люди, сознающие цель экстраорд[инарной] важности, ради которой они работают. Но больше «истуканов», ничего не понимающих и не желающих понять, смотрящие на службу и на войну исключительно как на бесцельную каторгу. Но именно о бесцельности-то теперь говорить нельзя. Кстати, почти полное отсутствие религиозности. Вздумал в Жданном зайти в церковь. Солдаты только подсмеивались. Положим, у меня самого «религия» какая-то странная, но об этом в свободное время.

Вчера вечером приперли в Орлов-Мурованный. Усталые, начальство просто-напросто забыло о солдатах.

Разбежались по избам. Попали к поляку, молодому, добродушному гробовщику. Выспались на сене хорошо, т.е. «как убитые». Утром хозяин

^{4*} Нонсенс, бессмыслица (*фр.*).

^{5*} Слово «менее» написано над зачеркнутым «более».

напоил чаем с молоком, яблоками, говорил о «жидах», которые режут кабели и берут 3 коп. за коробку спичек.

Пока ничего не делаем, но собираемся снимать линию, едем в Замосць.

Слухов по-прежнему масса^{6*}. Вчера опять была канонада. Проезжающие извозчики рассказывают об артилл[ерийском] бое.

Забыл написать вот о чем. В Холме в день отъезда прочитал, что папа умер. До папы мне как до прошлогоднего снега, но сразу вспомнил Италию, Рим и «все», всю свою «итальянскую философию». Вот сейчас в избе пил молоко и виде[л] католические жеманные иконы. Опять Италия. Для меня эта страна – страна рока. Это моя первая и последняя любовь. Если буду жив, буду и там.

Как благовест далекий на закате,
Как тишина в тени глуши лесной,
Вдруг прозвучал мне странный голос твой,
Когда замолкло все, что было прежде свято
Христос и Богоматерь, Гвидо Рени,
Святой Франциск и папы Льва портрет,
Италии моей вы вековечный след,
Ее таинственно-волнующие тени
В халупе польской
ну и т.д. (продолж[у] после).

Целый день сегодня ничего не делаем. Стоим в Орловом-Мурованном^{7*} домой! Я собирался помянуть о таинственном пуделе – Мефистофиле² и пр., и пр. Проснулся часов в 8. В 10 пошли на наводку под предводительством взводного Спинова, препорядочного дурака, но служаки и добродушного, усердного парня. По обыкновению нужно было только доставить обоз. И так, туда и обратно 10 верст. По дороге закусили в деревне, пища единственная, молоко и хлеб. Польские мужики прекрасны. Трудно понять, откуда этот налет культуры, патина благородства. Белая рубаха, панталоны, длинные волосы, усы, красивые глаза и певучий польский язык. В чистой, широкой хате образа, *Matka Boska Czesłochowska*^{8*}, странный образ, связующий польское католичество с русским православием. Эта икона в ризе, с русской лампадкой, польский язык, да изредка «ебени мать» в устах мужика – звенья между ними и нами. Смотрел я на иконы и было досадно, почему мы не «католики». В католицизме много мягкого, славянского, много и славянского же лукавства. В общем, например], к полякам католицизм «идет». Пошел бы он и к нам.

В 4 часа тронулись снимать линию от Орл[ова]-Мур[ованного] до Скербешева. Работали прилично, все спорилось, кабельные катушки так и мелькали, медные шли помедленнее, но все же в 8 ч. мы были на месте.

Тьма слухов, вчера был бой, разбита наша дивизия, много убитых офицеров и солдат. Встретили обгоревший аэроплан на автомобиле. Утешительного не много, и настроение портится, сразу все силы падают. В Скер[бешева] устроили бивак, пили какао, наелся. В 10 пустились в Избицу. Верст 25.

^{6*} Слово прочитано по смыслу.

^{7*} Далее в дневнике, по-видимому, вырван как минимум один лист.

^{8*} Матерь Божья Ченстоховская (польск.)

Приехали часа в 4 утра. Дорога частью лесная. Становилось страшно. Зарядили винтовки, в каждом пне казался австриец. Хождение было огромное, но я себя чувствовал бодро, по крайней мере, первые 15 верст. Сам себя не узнаю. Шел и даже пел. Приспособляюсь. Верст за 6 до Избицы уселся на матерьяльную двуколку. Клонило ко сну страшно. Оставалось единственное средство. Стал философствовать и плести вирши. С винтовкой на коленях, наверху связки сена, глядим на Млечный путь, на далекие раскаленные звезды, было сладко и утешительно. Убьют, и это чепуха.

И пусть у гробового входа etc., только глядя на звездный хаос и можно так думать.

Большой Медведицы алмазный ковш повис
И Млечный путь таинственно струится
По-прежнему Вселенная катится^{9*}
Неведомо куда в сиянии звездных риз^{10*}
Пылающего солнца отраженье,
Дневной обман сияющих небес
Пред истиною ночи вдруг исчез,
Как светлое, но ложное виденье.
О небо ясное глухой ночной поры
О неужель пред зрелищем вселенной
Не бросим мы мечи и топоры
И не возжжем пред истиной священной
Спокойные^{11*} <...>ости дары.

Спал почти до 11.

Наших опять побили под Замостьем. Опять дивизия или две разбиты, обоз отступает, хотя и в порядке. Около 2 ч. была слышна сильная артиллерийская пальба. Сейчас около 7 ч., известия более утешительные. Наши 2 полка, хорошо окопавшись, сдерживают натиск большой австр[ийской] армии у Замостья. Будто бы захвачен ген[ералом] Горбатовским целый полк in cogro^{12*}. Везут раненых, пленных, пустые артилл[ерийские] ящики. Замостье, кажется, еще в русских руках. А, впрочем, достоверно ничего не знаю^{13*}.

Все это, увеличившись в солдат[ской] фантазии, и доводит до погромов. Сейчас бьют лавки у жидов. Берут, что попало [-] нюхат[ельный] табак, мыло, миски, шали, синьку, <нрзб.> и Бог знает^{14*} что. Рас[с]казывают даже, что одной жидовке живот штыком пропороли. Жиды, будто бы, подносили австрийцам хлеб-соль в Замостье. Солдаты озверели, пробовал убедить, принимают за жида и собираются бить, говорил же в самом мирном тоне. Бедные жиды! Право, на них какая[-то] печать рока. На всяком жидовск[ом] лапсердаке она отпечатана.

^{9*} Далее зачеркнута строка: «В сиянии своих блестящих риз». Также перед следующей строкой сбоку вписано: «<нрзб> пишу ночью».

^{10*} Далее строфа, несколько раз перечеркнутая крест-накрест: «Дневной обман, сияющих небес, / Пылающего солнца отраженье, / Как светлое, но ложное виденье, / Перед ночью правдою исчез»; причем слова «сияющих небес» вписаны поверх ранее зачеркнутого: «лазурный небосклон».

^{11*} Далее примерно четверть страницы неровно оторвана, пропала также часть слова в последней строке стихотворения.

^{12*} В полном объеме, весь (лат.).

^{13*} Далее примерно четверть страницы оторвана.

^{14*} Далее зачеркнуто слово «куда».

Раёвец, 15 августа

Вчера вдруг отступили из Избицы. Минуты в 3 собрались и в приличном порядке вышли из жидовского логовища Избицы (кстати, солдаты зовут ее «пиздицей» и за дело). Обоз растянулся от самого Замостья.

Привал у Красностава*, 16 августа

(перерыв – спал в Раёвце)

Вероятно, верст на 70 эта живая, огромная нитка медленно двигалась, то сжимаясь узлом, замедляя ход, то растягиваясь. Всякая ерунда распространялась с достаточной скоростью по этой змее. Зовут в голове Хомутова вперед, передают в хвосте «с винтовками вперед» u.s.w.^{2*} «Обоз рысью», а [на] хвост, говорят, напали. Змея делает усилие, растягивается, но ненадолго, опять узел и остановка. Почему отступаем, а потому, что австрийцы подошли к самой Избице. Уходим оттуда под пушечные выстрелы. Было страшновато. Впрочем, отступление шло в порядке. Дошли часам к 3 утра в Красностав, ночевали (часа 3), потом двинулись дальше. Утомительно и, главное, отступить очень невесело. Все время меняешь тем[п] шага, устаешь. В Раёвец прибыли часа в 4, ночлег. Отдохнули, умылись, чаю напильсь, сварили кашу из картошки, сала и яиц, да и вести хорошие.

По дороге гонят пленных, сдаются чуть ли не полками. Синенькие мундирчики поднимают настроение. О пленных, их философии и пр[очем] как-нибудь в другой раз. Сегодня хорошие вести, австрийцев из Замостья вышибли, мы движемся вперед, куда, не знаю. 14 в[ерст] до привала дошел без отдыха прекрасно. Сейчас выступ[ила] кавалерия, тронулся и наш батальон в полном составе. Хочется поработать на передовых. Questo è stupido può darsi, ma nonostante voglia. Vivremo – vedremo^{3*}.

Вулька-Орловская, 17 августа

Пошли после привала вчера спокойно, но почти у Избицы должны были свернуть, в самом недалеком расстоянии происходил артилл[ерийский] бой. Видно было, как рвались снаряды в огромном количестве, двигались кавалерия, артиллерия, пехота и пр.

Спал на сырой земле, обосрала лошадь. Сегодня «навстречу утренним лучам полки ряды свои сомкнули»¹. Мы в тылу здорового боя. Вот уже часа 4 непрерывная канонада, взлетают, разрываясь с красным дымом, австрийские шрапнели, «мелкая дробь» пулеметов и ружейной пальбы. Войска прет и перло видимо-невидимо, говорят о возможности перехода в наступление сегодня. Мы стоим в тылу, и бой кажется почти спектаклем. Вариация 2-ой части 9-ой симфонии и легкие облачка, сопровождающие взрыв шрапнели, только красивы. Никакого впечатления «страшного суда», как выразился один подпрапорщик. Просто отдаленная гроза. Ни страха, ни беспокойства.

Кстати, по-прежнему вижу, что Пушкин гений an und für sich*. Для картины боя, кроме пушкинских слов, ничего не подберешь, только вот,

* Современное название Красностав.

^{2*} Und so weiter – и так далее (нем.).

^{3*} Может это и глупо, но тем не менее хочу. Поживем – увидим (ит.).

* В себе и для себя (нем.).

пожалуй, восток не горит зарею новой, у пушек и винтовок мало огня, и дым не багровый, но «нависли хладные штыки», прямо überschwänglich^{2*}. С Пушкиным можно жить и умирать.

От фанагор[ийского] полка² осталось только около 200 человек.

Говорят, в бою, происход[ящем] сейчас, принимают участие и герм[анские] войска.

Пока все «говорят».

А совсем я забыл о физике. Пора вспомнить.

Опять Пушкин:

«Как пахарь битва отдыхает,
Кой-где гарцуют казаки,
Ровняясь, строятся полки...».

Это было часа 1^{1/2} тому назад, бой замолк, возвращались разбитые батареи и полки, наводя уныние на наших солдат. Температура нашего настроения регулируется теперь ниже нуля отступлением, а выше – наступлением.

Впрочем, об отступлении пока не слышно. Теперь снова заохали пушки. О результатах боя говорят многое, и хорошее, и плохое. 281[-й] полк засыпали шрапнелями на биваке.

Самое интересное для «через сто лет после нас», пожалуй, солдатское настроение, о нем нужно написать, а сейчас пока сидим у Вульки-Орлов[ской] на биваке, слушаем пальбу и ожидаем свою судьбу.

Туго приходится жителям. Ход истории культуры обращается вспять, приходится из оседлого племени обращаться в бродячее. На длинных фурманках тянутся семейства со всеми пожитками, сами не зная куда. Тянутся за войском, как за магнитом. Да, война великая, но, кажется, идиотская штука sub specie humanitatis^{3*}. Главное, что в войне оперируют не с человеком, а с государством, поэтому и меняются все отношения.

Напр[имер], раненые очень мало трогают, или вернее их не замечаешь.

село Серебрище*, 19 августа

Ох, есть о чем порассказать. 17 августа кончилось почти трагически. Сидели мы спокойно у Вульки-Орловской, пили чай, какао, разводили политику, но выстрелы учащались. Оказалось, авст[рийцы] отступили у Избицы и Замостья, но зато быстрым темпом вдоль шоссе двинулись к Красноставу, против нашего шоссе верстах в 2-х устроили окоп, откуда обстреливали казаков

^{2*} Безмерно (нем.).

^{3*} С точки зрения гуманности (лат.).

* Так у Вавилова. Современное название Сребжище.

и проч. Затрещали и наши винтовки, и пулеметы (своеобразная, какая[-то] весело-легкомысленная трескотня, в противоположность величественности и ужасу пушек – словно ребры пересчитывают), и даже сами пушки. Становилось небезопасно. Die Herren offiziere, alle ausnahm[s]los^{2*}, или тряпки, или дураки, или Haudegen^{3*}, конечно, воображаемый^{4*}. Поэтому до самого последнего времени колебались отправляться ли нам, или стоять (не было приказаний бат[альона] ком[андира] Рыдзевского, который неведомо где находился), рассматривали аэропланы, успокаивали etc. А обоз нашего бат[альона] – почти верста. Ну, наконец, по шоссе[ейной] дороге отправили понтоны и прожекторы. Через час тронулись и мы, уже по дороге через Орлов-Мурованный. Ехали мирно и благополучно, и в порядке; у Орлова свернули на высокий холм. Дорога шла через лес; большая часть уже прошла в этот лес; почему-то вдруг остановились; я стоял между затопленной кухней 3-й роты и головой обоза 1-го шестового отделения. Во мраке сосен и елок укрылись фурманки обитателей Орлова, боялись австр[ийцев]. Мы разговорили[сь] с ними. В такой мирной обстановке, только что успокоившись от ужасной музыки у Вульки-Орловской, вдруг раздался залп^{5*}. Острый, сухой. Так резанул мозг и слух. Словно неожиданно свалился в бездну. До того это было inaspettato^{6*}. Все сразу струсили [-] и люди, и лошади. Лошади рванули; люди побежали в сторону. Меня свалило повозкой, я выронил винтовку, фуражку потерял. Люди, лошади, повозки бежали по мне, а сзади трещали винтовки. Поднялся и задал стрекача. Около меня один упал – кажется, убит; другого ранило в висок, третьего в ногу, убита лошадь. Меня спасла, кажется, только повозка, вовремя своротившая меня. О чем я думал, когда бежал, без оружия, очумев. Немножко о смерти. Так вот она, так просто и скоро. Неужели здесь в 5 шагах и стоят эти синенькие плюгавенькие австрияки. Между прочим, я их сейчас же возненавидел, только после этих выстрелов в мою спину я в них почувствовал и личного врага. Больше всего я думал об ужасе и сраме плена – а это было еще возможным. Вот кто-то бежит по лесу, потрескивая сучьями, всматриваешься и «без оружия» дрожишь. «Свой[?]» – спрашиваю задуманным шепотом. Впрочем, при всем ужасе было и смешно, я могу оставаться ein bis[s]chen^{7*} объективным в самых ужасных моментах. Смотрел на себя с vole d'oiseau^{8*} и посмеивался: «Ну, и стрекача же ты, брат, задаешь». Через минуту я опомнился, сошлось человек 10 в лесу, а вокруг застрявшие повозки.

«Что же делать». Тут я пустился в стратегию. Собрать повозки кругом и защищаться. Уже стали осуществлять. Слышим голос Лысака: «25-й батальон ко мне». Оказывается, «знамя» не разбежалось, человек 20 с Дурасовым осталось. Вокруг Лысака собралось человек 75 и, прежде всего, всем стало стыдно. Лысак, рифмующийся только с гусаком и дураком, таким и оказался.

^{2*} Господа офицеры, все без исключения (нем.).

^{3*} Рубаки (нем.).

^{4*} Так у Вавилова.

^{5*} Далее зачеркнуто слово резкий.

^{6*} Неожиданно (ит.).

^{7*} Немного, слегка (нем.).

^{8*} С высоты птичьего полета (фр.)

Стреляло в нас, очевидно, не более 10-ти человек. Собравшись, мы могли оказать сопротивление, но Лысак решил со знаменем ретироваться. Пугаными воронами, оставив обоз на произвол, поперли остатки батальона с Лысаком, дрожали всякого куста. Достигли какого-то майдана и провели часов 5. Потом двинулись дальше, через спокойные помещичьи усадьбы с домами, с вилла[ми] в палладианском вкусе, увидели казаков. Ободрились. Постепенно стали сползаться беглецы пешком и на подводах – остатки великой армии, без фуражек, винтовок. Грустная, похоронная процессия со знаменем. Жители деревень печально качают головами, поят молоком, кормят с хлебом. «С позиции» спрашивают участливо.

Грустная история. Часам к 6[-ти] пропыленные, измученные и обескураженные вернулись в Холм. Не успели поместит[ься] в казармах, как получили приказание выступать, т.е. вернее отступить, кажется, на Брест. Сейчас пока стали биваком на деревне и отдохнули. Понтоны и прожекторы спаслись целиком, хотя и подвергались обстрелу пулеметов. Обитатели деревни собираются выезжать и участливо укоризненно обращаются с нами.

Говорю «с нами», а не со мной по простой причине. «Себя» я чувствовал только первые 5–10 минут, считая от выстрелов. Остальное, конечно, не мое, а моего мундира.

Такая война печальна. Лысак потерял голову и понимал меньше любого солдата. Читал сегодня «Киевск[ую] мысль»¹ и ничего не могу понять. Немцы, кажется, все же прут.

Теперь все успокоились. Спал.

Сегодня в теплой халупе сварил супа из свинины, картофеля и свеклы.

«Тогда считать мы стали раны,

Товарищей считать»².

Не досчитываемся многих. Из 118 чел[овек] нашего отд[еления] пока собрались 41, из 37 повозок только 3. Кто убит, ранен или взят в плен, не знаю. В лесу, как я уже говорил, я скоро опомнился, стал помогать раненым. Одному отдал свою баклагу³ и бинты.

Наш батал[ьон] оказался трусливый – это факт. Но и сделать мы смогли бы только очень мало. Оставалось стрелять только вверх. Впрочем, все это, пожалуй, чепуха, больше интересует «поэзия факта». Темный лес, стоны и ржание лошадей, сухие выстрелы и собственный ужас.

Что дальше будет не постигаю, проживем, увидим.

А война, безусловно, ужасна, особенно «физику».

Село Серебрищево, 20 августа

В Серебрищево почему-то застряли. Не то «счастье боевое служить уж начинает нам»¹, и мы, быть может, повернем оглобли к Холму, или к Люблину, не то дождаемся своего растрепанного обоза. Одним словом, ночевали и эту ночь и, Бог весть, еще когда уедем. Становится холодно и ночью, и днем. А у меня осталась с обозом и шинель, и мундир. Хорошо хоть хохлы дают ночевать в своих халупах. Странная тут жизнь. Беленькие, чистые халупы с хорошими печами и плитами, с одной стороны, «echt russisch»^{*} – с другой, как будто

^{*} Подлинно русские (нем.).

стилизация, словно опера из жизни русских пейзажей. Одна стенка хаты всегда вдоль всего верхнего края занята олеографическими иконами Спасителя, Богородицы, Пантелеймона. Странно, что все это скорее в католическом, чем в православном стиле. Нет благочестивой таинственности и черноты наших суздальских икон, все ясно и ярко отпечатано. Обыкновенно^{2*} и почти всегда портрет Государя и Государыни. Все в каком-то столыпинском «православно-русском» стиле, словно все это какой-то немец устраивает[:] и русское – и нет. Православие с католицизмом здесь сливается совершенно незаметно. Уния² – здесь факт.

Вчера пили «хербаты»^{3*} у польской бабы, у которой умер Головин, которая поссорилась с родными и, помогая солдатам, сама живет, кажется, солдатскими подачками. Разницы между ее католическим *Matka Boska*^{4*} и нашим Пр[есвятой] Бог[ородицы] «Умилен[ия] сердец» – никакой; в католические иконы примешалось и наше ⟨нрзб.⟩.

Иногда в халупе над постелью часть стены выклеена обоями. В одной халупе на этих обоях «вся Москва» – Кремль, извозчики, трамваи. Помечтал.

Питаюсь, главным образом, какао. Понять не могу, как я за 1½ месяца мог сделаться другим человеком. И чувствую я себя, в сущности, недурно, во всяком случае, не хуже, чем во времена московской хандры и пессимизма. Здесь *wenigstens*^{5*} о пессимизме и оптимизме и не думаешь. Думаешь о фактах, живешь.

О политике не думаю, хотя, если вдуматься, то *terribile dictu*^{6*} должно перевернуться все в воззрениях на себя, на жизнь. Только не на науку. Жизнь и наука единственно серьезные вещи для человека, думал я раньше, теперь склонен думать, что только наука серьезна – жизнь после обстрела в лесу становится чепухой.

Удивительна солдатская среда, меня многие любят и уважают, я постоянно с кем-нибудь, и тем не менее, я всегда могу быть наедине с моими мыслями, думать о чем хочу, не стесняться, т.е. быть *ganz und gar*^{7*} самим собою.

Итак, эта среда для меня совершенно нейтральна^{8*}

А ведь сегодня 20-е августа, знаменательный день, вот и *Kommerzschule*^{9*} вспомнил [–] «что пройдет, то будет мило»³.

^{2*} Далее запись продолжается через 2 страницы, по всей видимости, случайно пропущенные, о чем свидетельствует пометка: «(далее см. стр. 54)».

^{3*} *Herbata* – чай (*польск.*).

^{4*} Мать Божья (*польск.*).

^{5*} Хотя бы, по крайней мере (*нем.*).

^{6*} Страшно сказать (*лат.*).

^{7*} Всецело (*нем.*).

^{8*} Далее запись продолжается на случайно пропущенных страницах, о чем пометка: «(далее см. стр. 52 и т.д.)».

^{9*} Коммерческое училище (*нем.*).

Холм, 21 августа

По обыкновению в течение двухдневной стоянки собралась теплая компания или «штаб», как говорят солдаты. Мухин – ein echt russisch-moskauer Typus, ein schon vierziger jahre alt schlau Schmeichler f[r]üher war er «шкура» gewesen, dann ein Schreiber in Polizeiamt – из Суздаля – religiös, was jetzt selten genug bei den Soldaten ist; Зяблов – ein kluger offenerherziger, höflicher Kerl und Косминов – diesen hatte ich noch wenig Gelegenheit kennen zu lernen*. Эти трое вчера подстрелили в Серебрищеве у соседнего пана двух индюшек, и в халупе у хохла мы устроили прямо «Diner»^{2*}. Хотел было написать «поэзу» в антологическом роде по поводу индюшек и русского воина, да помешали, повели нас обратно в Холм. Через часа 1½ были там. Произошло соединение рассыпавшихся частей. Почти всё в целости, я с шинелью и ранцем. 25-й корпус пощипали страшно. Ему одному, кажется, приходится выдерживать на своих плечах натиск 6 корпусов австрийцев. Сейчас Плеве турнули к черту из главнок[омандующего] нашей армией; назначен Мищенко. Что-то вроде «Се зачинатель Барклай – а се довершитель Кутузов»¹. Корпусного тоже турнули. Говорят, австрийцы у Грубешева.

Саперам друг на друга смотреть совестно. Впрочем, остается только Бога благодарить – все почти осталось in status quo ante^{3*}

Красностав, 23 августа

Вращаясь в магическом географическом круге Холм–Красностав–Избица–Жданное, вновь, волею судеб, попал и в Жданное, и в Красностав. Из Холма выехали часа в 3 дня. Город – пустынен. Все жида разбежались, редко-редко из халуп выглядывают встревоженные лица поляков. Даже почта, струсив, уехала, а тем не менее, австрийцы или «вострияки», как их зовут многие хохлы и солдаты, далеко. Каким-то чудом, впрочем, удалось купить 10 булок, которыми теперь и наслаждаюсь. ½ ф[унта] какао, да 1 ф[унт] сахара. Наличного капит[ала] у меня не больше 2 руб[лей], а выслано из Москвы 150!! Лиса и виноград. Выехали, почти целым батал[ьоном], со знаменем, Лысаком и прочими [кан]онерами. Прежде всегда ездили в ясную, теплую, солнечную погоду.

Aber September ist nah*, небо завертывается в тучи и находится в ⟨нрзб.⟩ном состоянии. Кругом над болотом туман. Над Жданным высокий прямой столб дыма. Думали горит деревня. Оказывается, казаки подожгли усадьбу пана Смерчевского, бывшего владельца Жданного.

Недели 2 тому назад в псевдо-готическом палаццо пана помещался штаб нашего корпуса – теперь там о[д]ни развалины. Конечно, кругом пожара целый ворох легенд. У пана нашли пулемет, двух австрийцев, подземные ходы(!), «таинственные шкафы» и пр. Усадьбу, конечно, разгромили, винными

* Мухин – настоящий русско-московский типаж, ему уже за сорок, хитрый лстец, раньше был «шкура», затем писарем в полицейском управлении – из Суздаля – религиозен, что теперь достаточно редко среди солдат; Зяблов – толковый, открытый, учтивый парень и Косминов – с этим я еще не имел возможности познакомиться поближе (нем.).

^{2*} Обед (англ.).

^{3*} В положении, в котором изначально находилось (лат.); здесь заканчивается случайное двухстраничное отступление назад – сделана пометка: «(далее стр. 56)».

* Но сентябрь близок (нем.).

погребамы попользовались, говорят, и деньги нашли. Впрочем, мужики ничего не получили, но они довольны, seinerzeit^{2*} им от пана туго пришлось, и тяжбы, и побои, и пр. Дым, смешиваясь с туманом, зловещим покровом расстился над селом, иногда выползали и огненные языки. Было жутко. Улеглись в сенном сарае, предваритель[но] устроив какао на молоке (himmlischer Genuss^{3*}). Не успели забыться – ружейный выстрел. Жуть ночи, близость разездов и просонье – и опять тревога, и почти ужас. Ну, конечно, тревога дутая, выстрелил свой при зарядке.

Часов в 6 проснулись – совсем осень, мелкий дождик, печальные звезды астр и георгинов грустно повесили головы в палисадниках белых халуп. Дорога размякла.

Поехали к Красноставу. Версты за $1\frac{1}{2}$ опять уже знакомая музыка канонады. Идет бой. Остановились часа на $1\frac{1}{2}$. За это время сходил в соседнюю деревеньку, кажется, Любанька, искал молока. Деревня совсем вымерла, хаты стоят пустые, каждый встречный мужик, прежде всего, плачет. Дня два назад тут была русская позиция, жители сбежали. Озверевшие солдаты разбрасывали хлеб, выкидывали домашний скарб за окно, били иконы и кресты (и это в православных халупах). Что это? Понять трудно. Полное ли отчаяние с карамазовским безудержным хулиганство[м], отклик «современной» Руси или сумасшествие. Глядя на бедных хохлов^{4*}, хочется только плакать. Человеческое самочувствие, in general^{5*}, обуславливается отношением Gemüt[s]zustand'a^{6*} одного короткого периода времени к друго[му], своего рода dx/dt . Если оно приблизительно = **1**, то это – спокойствие. Солдатская кривая, в общем, такой формы: только «кники»^{7*} – ужасны, или наоборот, прекра[сны]. У хохла же постоянные скачки и точки перегиба – сплошной ужас.

Из Красностава получили хорошие вести и двинулись вперед. Впечатление было такое, что явно «...счастье боевое служить уж начинает нам»¹. Дело, в общем, представляется так. Заманили «востряков» – к Красноставу, их окружили и вчера еще спросонья стали окачивать свинцовым дожде[м]. В результате – паника, отнятый обоз (всякий^{8*} австр[ийский] скарб) из обоза наши офицеры и солдаты на правах военной добычи разбирают «на память». Я тоже польстился и взял австр[ийский] алюминиевый котелок (мой кто-то стянул). Взяты тысячи пленных и пр. Австрийцы все же всей армией не сдаются. Бой идет и сейчас. Говорят, к нам идет подкрепление. Красностав наполовину выгорел, кой-где жутко-печальные братские могилы. Вдалеке грохочут пушки, серые мрачные облака поливают землю, слякоть, ноги вязнут. Кругом пленные, раненые. Зловеще пылают костры. Хаты опустели – впечатление, словно от картины Греко «Толедо».

^{2*} В свое время (нем.).

^{3*} Райское наслаждение (нем.).

^{4*} Далее зачеркнуто слово «приходится».

^{5*} В целом (англ.).

^{6*} Настроения, расположения духа (нем.).

^{7*} Зд.: резкие скачки (от нем. Knick – надлом, излом, перегиб).

^{8*} Далее зачеркнуто «домаш».

Немой ужас. Спал в офицерской квартире, около телефона. Сегодня утром собирались было идти в Горшков^{9*}, но едва ли пойдем, Горшков занят австрийцами.

Пленные смотрят совсем не «героями», а только «обреченными», особенно на фоне вчерашней обстановки.

Заговорил с одним. Русин. «Вшиски едно^{10*}, что русак, что австрияк, что прусак». Нет, это уже совсем не героизм, а только совсем непонятная «обреченность». Иду на смерть, зачем не знаю. «Вшиски едно».

Сегодня светит и греет солнце, настроение совсем друго[e], сижу на карнизе офиц[ерского] домика (т.е. там они и я ночевал[и]), в саду, вокруг чистят в[и]нтовок, выстрелы совсем далеко.

Георгин и астр хорал печальный,
Звезд осенних блеск и глубина.
Облаков седая пелена,
Золото и пурпур погребальный,
Жуть и грусть предсмертная слышна.
О, Творец природы изначальной,
Для чего такую мрачной тайной
Жизнь моя тобой облечена.

Сидим, как раки на мели, в Красноставе. Ходил с Бухановым в город. Вид печальный, вроде Пресни в декабре 1905 г., только en grand^{11*}. Следы пожара, снарядов, грабежа. И опять – Kosaken sind daran schuldig^{12*}. Жители жмутся. Одиноко стоит старый барочный костел, слава Богу, не поврежденный. Ей Богу, глядя на все это, только и осталось Pax nobiscum^{13*}. Городишко был уютный. Теперь разбиты и магистрат, и магазины. Мост сожжен австрийц[ами], на его остатках умылся.

Саперы ночью выстроили новый мост. Появились новые пленные. С одним немного поговорил на немецком языке. Говорили по-человечески: «Was können wir machen wir sind am Ende nicht schuldig»^{14*}, говорили о многом, минут 20; 29 лет, прежде Steuerbeamter^{15*}, 8 лет в резерве – Борецкий. Подъехал какой-то артиллерийский подпоручик, прямо, кажется, с поезда, при виде пленных пришел в телячий восторг: «Мы и Галицию возьмем, и Берлин, Данциг взят» etc. Перевел поляку, сократил наполовину: «Ach was, man hat uns uns^{16*} auch erzählt, dass könig Peter lebendig gefangen ist u.s.w.»^{17*}. Настроение довольно спокойно. За будущую участь его успокоил. Спрашивал, будут ли давать^{18*} русские, польские и немецкие газеты.

^{9*} Современное название: Гошкув.

^{10*} Wszystko jedno – все равно (польск.).

^{11*} Зд.: в общем (фр.).

^{12*} Казаки виноваты (нем.).

^{13*} Мир с нами (лат.).

^{14*} Что мы можем сделать, мы в конце концов не виноваты (нем.).

^{15*} Налоговик (налоговый чиновник) (нем.).

^{16*} Так у Вавилова.

^{17*} «Да что вы! Нам также рассказали, что царь Петр взят в плен живым и т.д.» (нем.).

^{18*} Слово «давать» написано дважды.

Опять пошел дождик, спасаюсь в каком-то сарае с сельско-хоз[яйственными] машинами. Кто-то нашел изодранну[ю] хрестоматию. Опять Пушкин и его чарующие строки, Туллий Цицерон, речь в защиту поэта Архия (по-видимому, красноставский гимназист какой-нибудь бросил). Плюнул бы на все, да засел бы з ним^{19*}. Войной, в сущности, мало интересуюсь.

Конечно, победа приятна – но это и все. А на каких бы весах взвесить Пушкина и победу, и что вытянет?

около Горшкова, 24 августа

Холодно и дождь, а тут ночная наводка¹ от Красностава до Горшкова и т.д. Впрочем, природа немного улыбнулась, выплыла луна и бесплатно освещает работу. Немного жутко. Шли по полю сражения, повсюду окопы, патроны наши – остроконечные, их [-] тупые, снаряды, насрано, банки из-под консерво[в]. Слава Богу, убрали трупы.

Война или что-нибудь сверхъестественное, свыше разума смысл, или высший идиотизм. Чем ближе к ней, тем она обнаженней и вне всяких законов Божеских и человеческих. Только Красный Крест – абсолютный nonsens[e], ангел в аду, живущий в мире с дьяволами.

Боров* (около Горшкова), 25 августа

Наводку ночную 3-го дня до конца не довели, в 1 ч. ночи своротили в какую-то деревню. До 6 ч. мирно почивали в просторной богатой халупе с потолком, покраш[енным] масляной белой краской; хозяйка – полумоскалька, здорово говорит по-русски. Неизбежное теперь «млеко»^{2*}, а дальше утомительная наводка. Да, забыл, утром после ночки пришли 4 австрияка, опять русины, поляки. С одним поговорил по-немецки. Говорит, 3 года жил в Германии, 7 в Америке и собирался в Россию. Дураковат и простой Landsmann^{3*}. Вместо пышной борьбы славянства и германизма – бойня русинов, чехов и поляков, в сущности, недоноски тех же русских. Пропадает весь «гром победы», «ореол», «поэзия» войны. Остается или идиотизм, или глубина и лабиринты мистицизма. Наводили опять^{4*} по полю, где происходило сражение. Около окопов опять в беспорядке непростреленные патроны, бинты, палатки, обрывки писем, банки из-под консервов, в общем, повторение русского снаряжения. Тем-то и неприятна эта война, что она «машинна». О поэзии этой войны, вероятно, заговорят лет через сто. Война эта, конечно, крупнее и значительнее отечественной.

Сейчас стоим около Горшкова, в какой-то деревне. Были здесь австрияки, «панам» и прочим жителям, повторяю, национальным недоноскам, «вшиски едно», что австрияк, что русский. Те и другие ловят кур и гусей, опустошают сады и огороды, выдирают морковь и картошку. Для такого уж ни в каком случае не патриотического населения война, должно быть, особенно ужасна.

От «млика» и яблоков болит живот, и запор, и понос одновременно. Спал на сеновале. Человек 20. Кто-то полез наверх и нашел кого-то под сеном.

^{19*} Так у Вавилова.

* Современное название: Боров.

^{2*} Млеко – молоко (*польск.*).

^{3*} Земляк, соотечественник (*нем.*).

^{4*} Далее зачеркнуто слово «через».

Оказался свой. Перепугались, начали искать^{5*}, колоть штыком, не нашли, конечно, никого, но оказалось, искали не безосновательно, в соседнем сарае спрятались 2 несчастных австрияка с винтовками. Сегодня их изловили, говорят, пришли «из леса»^{6*}, сейчас сидят у нашего обоза и кушают порции. Опять чех и поляк. Досадно. Сегодня было пошли на наводку, версты на две, но штаб остановился в нашем же селе. Как говорят, Горбатовский действует теперь у Замостья, кто-то у Грубешева^{7*}, а наш 25-й корпус, что-то вроде того, что в резерве.

Из области солдатской абракадабры. Подходит к пленному офицеру наш победоносный ефрейтор. Офицер хорошо говорит по-русски. «А здорово ваших бьют. Вот вас перебьем и войне конец. У немцев все города забрали, один только остался, да и тот скоро возьмем». «Что за город?» – любопытствует офицер. «Париж».

Австрийская винтовка, по словам некоторых солдат, бьет на 15 верст. Пленных австрийцев, по уверению одного казака, 3 миллиона. Это вроде свахи из «Последней жертвы»[:] «По мне что больше тысячи, то и миллион»¹.

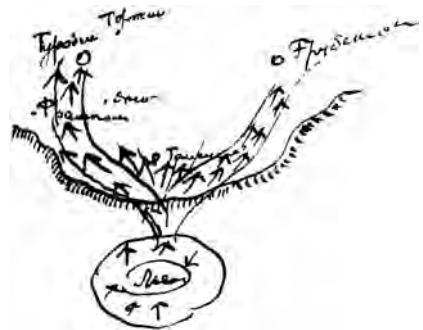
Настроение не особо хорошее, главное, разочаровывает война и значительное однообразие.

Вчера на поле подобрал «Neue freie Presse»^{8*} 16 авг[уста] (по н. ст.). К удивлению, никаких особенных восторгов. Говорят о^{9*} «победках», но тон далеко не мажор.

Прочитал, что в немецкой армии убит профессор Бедекер из Jena'ы^{10*}. Ну, вот оно началось. В бестелесную «зеркальность» науки sine ira^{11*} ворвалась война. Мечта разбита. А Бедекер к тому же физик (термоэлектричество). Это уж совсем грустно. Jedenfalls^{12*} «Мир праху его». Дурак только, если в армию пошел добровольно.

Горшков*, 26 августа

Стоим в деревушке со штабом корпуса. Dank der Gesprächlichkeit^{2*} unserer Telegrafisten^{3*} удастся в общем выяснить общее положение. Австрийцы наступают по фронту, пред[еляемому] следующими городами: Туробин (через Янов^{4*}–

5* Далее зачеркнуто слово «тыкать».

6* Z lasu – из леса (польск.).

7* Современное название: Грубешов.

8* Новая свободная Пресса (нем.).

9* У С.И. Вавилова написано «по».

10* Иена (нем.).

11* От sine ira et studio – объективно (лат.).

12* В любом случае (нем.).

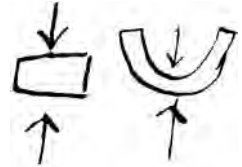
* Вавилов раньше называл его Горшков. Современное название: Гошкув.

2* Правильно: Gesprächigkeit.

3* Благодаря словоохотливости наших телеграфистов (нем.).

4* Современное название: Янув.

Фрамполь), Томашев^{5*} и Грубешов. По всему этому фронту наши корпуса прут австрийцев назад. У Грубешова ген[ерал] Литвинов, у Томашева Горбатовский, у Туробина гвардейцы etc. Кроме того, если верить старым известиям, наша армия окружила Львов, в таком случае фронт австр[ийской] армии [-] естественное следствие действия двух сил. Эти соображения, быть может, неверны и ерунда. Vivrons – vedrons^{6*}. Сейчас слышна канонада, кажется, у Туробина. Сейчас мы пока in status quo ante^{7*}, но исход сегод[няшнего] боя, может быть, заставит нас передвинуться.

Нет сахара! Странная штука, до военной службы я не знал его вкуса. Теперь без него страдаю, все кажется пресным. Солдатский черный хлеб вызывает только тошноту. Млико, да вот еще картошка с салом e senza essi – morire può darsi^{8*}.

Ничего не делаю, а вечное утомление. Прежде всего, потому что это «far niente»^{9*}, в сущности говоря, связано с очень большой работой. Для того чтобы снять сапоги, надо попотеть минут десять, чтобы выпить чаю надо: 1) достать дров, т.е. где-нибудь стащить доску и изрубить ее, 2) разжечь костер, 3) сходить за 1/4 версты за водой, 4) кланчить сахар. Даже сходить умыться и до ветра – стоит большой работы. Чтобы выпить «млика», достать яиц и сала, нужно обегать полтора десятка халуп, большею частью senza successo^{10*}. Чтобы спокойно проспать – опять нужно бегать по хатам, балакать с панами. U.S.W., U.S.W.^{11*} Поневоле размечтаешься о Москве. Спокойный старый диван, scrivania^{12*}, у которой знаком каждый ящик и выгиб, шкаф с «физикой», красный кожаный корешок Gauss'a, пергамент Boyle'я, Baltimore Lectures¹, в углу спряталась Джоконда. (Нет, для этого стихи нужны). Над диваном классически недвижна scuola [di] Atena^{13* 2}. Тепло, спокойно.

Хорошо бы сейчас забыть обо всем – думать только о прошлом.

Сейчас получил письмо от Евс[еича]. Стиль «Gruss aus Berlin»^{14*}. Такое письмо камень вместо хлеба.

Общий склад жизни солдат на войне [-] скрытая борьба личности и навязываемого машинального героизма. Странно, что именно на войне, среди солдат эгоизм доходит до крайних пределов. Этот эгоизм и so zu sagen «патриотическая дисциплина» и суть две слагающие «героизма» солдата.

^{5*} Современное название: Томашув.

^{6*} Поживем – увидим. (*фр.*)

^{7*} В том же положении (*лат.*). Правильно: in statu quo ante.

^{8*} И без них – можно умереть (*ит.*).

^{9*} Ничего неделание (*ит.*).

^{10*} Без успеха (*ит.*).

^{11*} И так далее, и так далее (*нем.*).

^{12*} Письменный стол, конторка (*ит.*).

^{13*} Афинская школа² (*ит.*).

^{14*} Привет из Берлина (*нем.*).

Горжков, 27 августа

Я и забыл, что вчера был юбилей Бородинской битвы. Впрочем, символика чисел и юбилеев, кажется, обманывает. Поблизости от нас ничего особого не произошло. Пушки грохотали далеко весь день, да грохочут и теперь. В чем дело, ясно не знаю. Вечером опять наводка верст на 8. Все по-прежнему и писать скучно. Вели до какой-то деревни, названия которой теперь не припомню. Ночевал в какой-то жидовской халупе, большой, но грязной; солдаты жарят свинину, чай – духота, смрад, да и на соломе спать довольно грустно. Тем же путем сегодня вернулись обратно *in status quo ante*. По-прежнему картошка с салом, чай и дремание под деревом.

Новости смутные, сейчас телеграф[ист] Гордичук говорил о телеграмме, о 30[-ти] взятых орудиях.

Отношение католических поляков к нам, как и к австрийцам, как я уже писал, абсолютно индифферентно одинаковое. Кто «пенензы»* платит, тот и хорош. Австрийцы или совсем не платили, либо писали квитанции для получения «после войны», т.е. «с Пушкина» и пр. Не понравилось панам, что множество австр[ийских] офицеров, «шкур» etc. – жида. Объяснение легендарное. «Ихний царь ма жинку жидовку». Это Франц-то Езеф с жинкой!

Война по отношению к строю общества проявление сплошного хаоса, по отношению к борющейся личности [-] проявление героизма, вынужденного или принужденного. Кинуть свою личную жизнь для жизни миллиона статистически очень выгодно и само собой понятно, но с точки зрения этой самой личности, это абсурд и *finis mundi*^{2*}. Внутреннюю коллизию войны на этом и нужно построить. А все ж таки воюют, а все ж таки, несмотря на этот абсурд, побеждают. Помнится, я об этой штуке писал 2 года тому назад в дневнике, говорил о неизвестном *x*-решении уравнения сражений. Смерть – смерть почти верная 25% армии, и, тем не менее, дерутся (пожалуй, только вот это почти, т.е. еще не неизбежность).

И все-таки [ни] Платон Каратаев, ни Гектор и ни Ахилл, т.е. не герой *an und für sich*^{3*}. Создается условная хитроумнейшая, хотя и инстинктивная, сетка строя и дисциплины, она-то все и оплетает. Я это все вот к чему пишу. Я как-то спрашивал, можно ли взвесить Пушкина и войну, чтобы их сравнить, теперь вижу, что нет. Пушкин, Рафаэль, Джорджоне, Бетховен [-] все это только «для меня», и тем не менее без войны их существо[вание] немислимо. Война, что кровь, недаром она вся в крови, она оживляет и одухотворяет. В золотисто-пурпурном колорите Джорджоне, в великолепных научных открытиях Леонардо – кровь войны. Как будто поле жизни вновь перепахивается, глыбы валятся на глыбы, многое рушится, ломается, но открываются новые поры и ходы, и поднимается новая жизнь. И так, *sub*

* Pieniądze – деньги (*польск.*).

^{2*} Конец света (*лат.*).

^{3*} Сам по себе (*нем.*).

specie aeternitatis^{4*} война – благо, «ключ живительный», из этого ключа вырос и Петр, и Лобачевский, и Пушкин, и Леонардо, и Ломоносов.

Но с точки зрения «муравья войны», копошащегося в поле и попавшего под гигантский плуг судьбы, война – ужас и столпотворение. Кроме всего этого, война риск и спорт. Для многих она прекрасна именно этим. А искусство и наука и происходит, и гибнет от войны.

Палач и врач – война как рок всеильна
Но неизбежности, как случай лишена
Ей роком власть над всем, не над одним дана.
Но жатва все-ж роскошна и обильна
И слава ей и память суждена.

Горжков, 28 августа

Застыли. Сидим в Горжкове, сторожим свою линию и абсолютно ничего не делаем. Far niente в полной степени. Вчера легли часов в 8 спать в стодоле¹ у пана (в халупу пан не пустил, оставались только бабы), сам же ушел караулить, да и доверие к солдатам не слишком большое, третьего дня солдаты выпили молоко, не заплатили, свистнули «золотый» с подоконника и калоши. Вообще говоря, рядовые, с одной стороны, совершенно ничтожно оцениваемые начальством, ценят себя очень высоко (быть может, это и справедливо) в глазах всех «приватных». Ich bin soldat und s'genug, mir ist alles erlaubt*. Солдат (в военн[ое] время), я уже говорил, существо необыкновенное, не челов[ек]. У него отняты основные свойства человеческие. (А propos^{2*} одна пани говорила, что она «солдатского языка» не понимает, так называла она русский язык). Спали до 7[-ми], до обеда валялся на лугу, читал старый № Исторического Вестника², кто-то взял его в библиотеке холмской казармы. Приятно держать и читать книгу, снова человеком делаешься! Пушкин, как путеводная звезда, всегда со мною. Опять в случайном № Ист[орического] В[естника] Пушкин, отрывок статьи Щеголева о дуэли с Дантесом. № 1905[-го] г., а материалы для меня новые и интересные. Кто оценит и кто скажет, чем велик Пушкин, какие чары скрыты в каждом его слове. Может быть, их нет? Но это глупо, потому что, поскольку Пушкин неотступен и сковывает каждый шаг, эти чары есть. Фаталистом я уже стал, в судьбу верю и случая не избегаю. Тень Пушкина всегда со мною.

Сейчас народ разлегся на шинелях и читают Горбунова³, гогочут над «Травиатой» и «Блонденом»⁴, а из этих мелочей складываются великое и война. Где он, будущий Пушкин, Гомер или Толстой?

В конце концов, всякое наше и мое движение [–] будущие материалы для «Русской старины»⁵ и «Ист[орического] В[естника]». Они-то и есть тот негатив, на котором, в конце концов, проявится «великая война».

Наш «штаб» занимался в халупе изготовлением каши из тыквы, молока и яиц. Приготавливавшая баба скептически улыбалась и, действительно, вышла дрянь. Впрочем, съели, ибо желудков не жалеем.

^{4*} С точки зрения вечности (лат.).

* Я солдат и довольно, мне все позволено (нем.).

^{2*} Кстати (фр.).

Вчера под Туробин[ым] по депешам и устным рассказам – успех. 1000 пленных, 40 взятых орудий.

Только на войне понятно, что за штука мир.

По-прежнему лежу на соломе, хорошо еще погода на 5+.

Пейзажи здесь прекрасные, леса, задумчивые доли. Есть почти итальянские картины. Высокие пирамидальные тополя издаലെка смотрят, как кипарисы, синие леса^{3*}, мягкие круглые линии холмов, тихие деревни – почти долина Арно⁶. Нет только души итальянской, нет «археологии» пейзажа, нет, наконец, самого «итальянца». Безличие и бледность, духовная и телесная немощ панов подошла бы больше к грустным финляндским скалам и озерам. Здешняя природа почти что «nature morte»^{4*}, хотя и прекрасна, в Италии отовсюду великая душа народа смотрит.

Горжков, 29 августа

Видимо, этому самому Горжкову суждено стать самой длинной остановкой во всей нашей Одиссее. По-прежнему сидим, греемся на солнце, хотя и так жарко, и занимаемся кулинарией. Вчера вечером, только что собирались идти спать в стодол, пан завез во двор своей хаты в фурманке 5 раненых: 2 пруссаков, 1 австр[ияк], 2 русских и, по дурости своей, хотел сложить в стоде. Направили в Горжковское гминное* упр[авление], там есть госпиталь.

Это была первая встреча с пруссаками. Один пруссак легко ранен в ногу и может еще ходить. Поляк многоглаголил до невероятия. 0,9 его польской мовы – не понял, все говорил о том, что пан Бог едний, что их где-то окружали, что русские с ним хорошо обходились etc., etc. – вечная песня пленных. Обхождение с пленными здесь extra галантное. Помогаем положительно всем, чем можем. И опять это, пожалуй, понятно с точки зрения нечеловеческого героизма войны. Как только человек выходит из власти этого всемогущего начала – он опять просто человек и даже еще больше человек *par excellence*^{2*}. Прусского поляка ввели в халупу, напоили горячим молоком, накормили хлебом. Я поговорил с ним по-немецки на обычную тему, что его ожидает в России и проч. Австрияки, в сравнении с немцами, как-то хрупки и изящны (виновата, конечно, форма).

Кстати, 2 дня тому назад прочитал в Р[усском] В[естнике] о переименовании С[анкт]-Петербурга в Петроград. Господи! Доколе. Есть же дураки на свете. Возможно, что и Москву переделают в Мутноводовку и т.д. Кроме очевидной бессмысленности, отнимают у столицы особый исторический и культурный колорит чужеземного растения, взрощенного на русской крови; превращают российский Амстердам и Венецию в парландовскую фальсификацию¹ рус-

^{3*} Так у Вавилова.

^{4*} Натюрморт, «мертвая природа» (*фр.*).

* Gmina (*польск.*) – гмина, т.е. волость.

^{2*} По преимуществу, в особенности (*фр.*).

ского стиля. Все равно, «Василия Блаженного» не сделаете, а будет уродский Храм Воскресения.

Думаете отказаться от немецкой культуры? Дудки!

Денег нет ни копейки, а посланы 150 рублей. Муки Тантала. Тем не менее, занимая, wir treiben^{3*} высшую кулинарию. Слив[очное] масло. Конфеты. Булки etc.

Новостей сегодня никаких. Даже пушечного грохота не слышно. Ходил сегодня в Горжков. Местечко оживает, появились лавки с булками. Нашли даже польскую пекарню.

Упустил случай поговорить с пастором, чрезвычайно умным и симпатичным на вид. Он нам указывал дорогу. Завтра, кажется, кончается наше «великое сидение», двигаемся дальше и снимаем линию.

Слава Богу, в голове начинают шевелиться мысли о физике, фотохимии etc.

«Ihr naht euch wieder, schwankende Gestalten,
Die früh sich einst dem trüben Blick gezeigt.
Versuch ich wohl, euch diesmal festzuhalten?»^{4*}.

Горжков, 30 августа

No letto oggi «Telephon und Signal reglement» degli austriaci, fu preso nel oboze ed a me regalato per un soldato^{*}. Искал физики, она, конечно, есть, ее можно откопать, но, Himmel^{2*}, что это за физика. Какое искажение смысла и цели, и даже ирония. «Beschreibungen, theoret[ische] Bemerkungen u[nd] Erklärungen ü[ber] die Wirkungsweise der Apparate etc. dürfen nie Gegenstand der Prüfung in den Mannschafts- und Unteroffizie[r]sschulen bilden u.s.w.»^{3*}. Избави Боже от такой физики. Вообще, от всей науки «саперов» вообще, «телеграфистов» в частности, веет такую тяжестью и ужасом, что лучше отмеривать аршином, чем заниматься усовершенствованием военного телеграфа или чего-то подобного. Может быть, я, впрочем, и вру, просто-напросто австрийский устав плохо подействовал. Из науки вынимается все стройное и строгое и вкладывается какая-то нелепая цель колесика в громадной мясорубке, называемой армией. А почему я думаю, что вру, так это вот почему – прежде всего Леонардо. Незаметное, естественное претворение высшего искусства

^{3*} Мы практикуем (нем.).

^{4*} «Вы вновь со мной, туманные виденья, / Мне в юности мелькнувшие давно... / Вас удержу ль во власти вдохновенья?» – начало поэмы И.В. Гете «Фауст» / Пер. Н. Холодковского.

* Сегодня попался австрийский «Регламент для телефона и сигнала», найденный в обозе и подаренный мне солдатом (ит., нем.).

^{2*} О небо (нем.).

^{3*} «Описания, теоретические замечания и пояснения о способах действия аппаратов etc. никогда не служат предметом проверки в школах для рядового и унтер-офицерского состава и т.д.» (нем.).

и науки к целям войны так просты und fragenlos^{4*} у Леонардо, что все это, кажется, в природе вещей. Положим, у Леонардо это претворение остается только наукой и только искусством, не сходит с бумаги, между тем, как между проклятым уставом и войной – меньше шага. Но, и кроме Леонардо, война и scientia purissima^{5*} очень часто неразделимы в живом человеке. Декарт, Агриппа Неттесгеймский, и бездна всяких генералов. Возможно, что тут просто отношение к войне, как ремеслу (хотя это-то и странно, война – не ремесленна, как смерть и рождение).

Но, повторяю, от научных военных уставов, «саперной науки» и пр. нехорошо пахнет.

С Горжкова не двинулись, положение самое устойчивое. Правительств[енная] линия еще не готова. Сегодня кулинария значительно сократилась, денег у всех вместе меньше 1 руб. Идет дождь и ветрено. Это уже совсем нехорошо. Штаб же тем временем ползет и ползет, теперь мы от него верст на 50. Придется наверстывать. Приехал пан Дмовский, в халупе которого за все наше пребывание пили, ели и балакали. Пана взяли австрийцы с обозом, был в Галиции. Говорит, что бегут австрийцы, сломя голову Gott sei dank^{6*}.

Горай, 1 сентября (привал)

Где-то кто-то сидит, нажимает какие-то пружины, и мы движемся. Вчера тронулись из Горжкова в 7 ч. утра. Сизые тучи, дождик, глина расплзается под ногами, налипает тяжелыми отвратительными кусками на сапогах. Но идешь, идешь без остановок, видя впереди обоз и солдат; словно невидимые нитки от меня к ним протянуты.

Сняли линию до Сухопилья*. Мучительная вещь, всем тяжело, хочется взвалить на другого и освободиться. Слышно только матерщину, потому что для нее не требуется логики, а только настроение. Оттенки же настроения она передает прекрасно. Утром у меня что-то случилось с ногами, не то простудил, не то еще что: икры точно связаны ремнями. Часам к 12 разошелся. А что если это только начало. Ждать и бояться всего можно. Затем поплелись по отвратительным глинистым дорогам к Туробину.

Дня 4 назад здесь был ⟨нрзб.⟩ бой, опять поля изрыты окопами, иногда как-то странно «индивидуально» сломанные заряд[ные] ящики, кучи патрон, оторванные рукава в крови. Удивительно, как скоро убирают трупы. Такой организации и ожидать трудно. Теперь уж никому и никогда на этих полях не удастся стать в позу Руслана и продекламировать: «О, поле, поле, кто тебя усеял мертвыми костями...»¹. Если и есть кости, то коров, свиней и лошадей. Кстати, всюду пустые жестяные банки из-под консервов, а рядом осколки шрапнелей, лопнувшие и не лопнувшие гильзы. Соседство странное во всех отношениях. Вся трагикомедия человека – тут, с одной стороны, эти консервы – орудие «самосохранения» смысла человека как организма,

^{4*} И естественны, не подлежат сомнению (нем.).

^{5*} Чистейшая наука (лат.).

^{6*} Слава Богу (нем.).

* Современное название Сухе-Липе.

шрапнели – отзвука «героизма», а en generale^{2*} душа человека – святая, далека от консервов и шрапнелей. Икона за обшлагом австрияка, образок в ранце русского – куда глубже и консерв[ов], и шрапнелей. Это надежда на будущее.

Туробин – довольно большое местечко с жидовскими и польскими лавками, с русской уютной церковкой и польским костелом. Все почти выгорело, трубы и печки стоят, как скелет прежнего селения, по пепелищу уныло бродят печальные жида и паны, на всех лицах грусть и почти безнадежность. Заняли у Вятлина 6 руб., пошли делать покупки. Польские похороны. Характерные бритые, благородные старые польские лица, гордый ксёндз – все такое «католическое», словно картина Мурильо или Пармеджанино. Ночевали в какой-то не то халупе, не то сарае на клевере. Легли в 7, встали в 5 утра. Ходил за булками. Встречаем жида: «Где пекарня?» «Жидовская на конце, а польская направо». Спрашиваем дальше другого. «Еврейская на конце», а «где же польская[?]» – «Да вже в еврейской есть пекарь-поляк».

Жида торгуют кошерным мясом. Тут вдруг Розанов вспомнился. Кстати, я очень часто вижу «эстетические» сны, то посещаю картинные галереи, то обсуждаю планы декорировки какого-то дворца. Недаром недавно Буханов меня удивленно спросил, почему это я интересуюсь архитектурой костелов, говорю о стилях, контрфорсах и прочих вещах. Пришлось ответить, что действительно я интересуюсь, но что это Nebensache^{3*} и т.д. Отзвуки старой внутренней коллизии. Теперь ее следы почти сгладились. Ни физики, ни искусства leider^{4*} в душе и в голове почти не заметно. Сегодня в 6^{1/2} выехали по направл[ению] к Белгоруаю за штабом (вдогонку); доедем ли сегодня, не знаю. За Тарубиным начинается почти романтический пейзаж: горы, лощины, холмики, ущелья, еле заметные дороги, лесочки. Астрийцы оказали здесь упорное сопротивление. Еще бы, казалось бы, при достатке войска и снарядов здесь можно бы обороняться месяцами. Но все-таки их вышибли, и «Гром победы раздавайся». Всюду бесконечн[ы]е окопы, следы жестокой борьбы. Сейчас в Горае обедали и пили чай. Сижу на каких-то камнях, рядом по дороге тянутся казацкие и пешие полки.

Говорят, под Парижем немцы потерпели полное поражение. Gott sei dank^{5*}, но, с другой стороны, какая нам благодать от победы над немцами?

Ночлег в 3-х в[ерстах] от Тарна[г]рада*. 3 сентября, 7 ч. утра

Не знаю, или у нас dav[v]ero una vittoria brilliantissima^{2*}, или что-нибудь не так, но штаб прет почти геометрически по прямой к границе. Из Гораево^{3*} с благими намерениями поплелись по грязи на Белгоруай^{4*}. Местность стала ровная, почти плоская. Но посреди дороги хлынул такой пулеметный дождь, что протекало через палатку, сапоги, обозу пришлось остановиться,

^{2*} Вообще (фр.).

^{3*} Второстепенное дело (нем.).

^{4*} К сожалению (нем.).

^{5*} Слава Богу (нем.).

* Современное название Тарногруд.

^{2*} Правильно: brilliantissima. Действительно, блестящая победа (ит.).

^{3*} Современное название Горая.

^{4*} Современное название Белгоруай.

все глядели самыми мокрыми курицами и забыли обо всем на свете, кроме дождя, глину размыло страшно. Идти почти невозможно, вот бы Данте в какой-нибудь круг поместить такой трэк для грешников. Прошли $\frac{1}{2}$ версты и волею судеб и дождя свернули во Фрамполь. Остановились на поле, где-то на задах, города не видал совершенно, какие-то ущельеобразные улицы, дворы лабиринтами и солдаты, солдаты чуть [ли] не на крышах.

С нами ехало 6 казачьих резервных полков. Прекрасные, осанистые бородатые лица. Ничего разбойничьего, а почти суздальское благолепие. Рассказал одному о том, что понять не могу, как мы могли взять туробинские позиции, почти неприступные. Ответ почти толстовский: «А Бог-то на что» (кстати, вспомнил: это не толстовское, а это рассказ сестры Пушкина о ее путешествии в Ригу (разговор с извозчиком). Чай сварили. Himmlischer Getrank^{5*}. Утешение, насыщение и теплота и в то же время вкусно. Скверно только, когда дымом пахнет, а это leider часто. О ночлеге почти отчаялись, приходилось было спать на мокрой, промозглой земле. Наконец, решились идти в город, взяли фонарь и поперли через заборы и огороды, вваливаясь ежеминутно в грязь выше колена и канавы. В одной халупе – офицеры, в другой – не отвечают. Стукнули в третью: «Пане, пустите ночевать, мам^{6*} 2-х хворых (у Буханова зубы болели)». Фокус подействовал, больных приняли за раненых, спрашивали, где ранили, etc. В результате оставили тепло натопленную халупу в наше распоряжение. Высушили ноги, сапоги, жалко, блохи кусают, чешется все тело, вот еще Божие наказание!

Выехали из Фрамполя часов в 5 утра в Белгорай. Однообразная, совершенно прямая дорога. «Однообразная картина, болото, глина и песок». А тем не менее это далеко не «север мой родимый»¹. Лошади еле вывозят в песках, а мы еле плетемся. Опять по дороге окопы и банки из-под консервов, до Белгорая 16 верст, часа в 4 их прошли. Из Белгорая штаб ускакал дальше, потому около городишки стояли не более 2-х часов.

Пошли чего-нибудь купить. Город полон галдящими жидами, продают чай, папиросную бумагу, спички, масло e niente di più^{7*}. Остальное австрийцы взяли и скушали, 4 недели владели они жидовским Белгораем. «А взе эти сукины дети, еби их мать, австрияки все забрали» и пр[очее], обычные жидовские разговоры. Любопытно бы посмотреть, как они беседовали с австрийцами. У жидов уже не польский индифферентизм, а кажется, двусторонний восторг и внутреннее использование обстоятельств.

В городе интересная синагога (так лет 150 – отзвуки палладианства – это в синагоге-то!). Костел на горе, но я его видел мельком, православная церковь и жида, жида ohne Ende^{8*}.

Кроме мыла да 2-х кубиков Магги² (нет, еще $\frac{1}{2}$ ф[унта] монпансье) ничего не купили. Нет, опять забыл, ел за 4 коп[ейки] какие-то жидовские пресные лепешки, с пылу, с жару. У жидов даже обыкновенная франц[узская] булка чем-то жидовским пахнет (de facto^{9*}).

^{5*} Небесный напиток; правильно: Getränk (нем.).

^{6*} Мату – имеем (польск.).

^{7*} И ничего более (ит.).

^{8*} Без конца (нем.).

^{9*} На самом деле (лат.).

Обоз опять заколесил, и мы за ним потянулись в Тарноград (20 в[ерст] от Белгорая). Бесконечные обозы все время тормозят дорогу. К 9[ти] ч. проехали только верст 12. Опять равнина, песок, глина и болото, жидовские лапсердаки, польские своеобразные прямоуг[ольные] шапки с пумпонами. Усталые плелись, ели брюкву, до конца так и не добрались, свернули в поле, где-то верстах в 3-х. Рядом не то деревня, не то усадьба. Ночью наташили соломы, спать расположились под повозкой. Ночь теплая и спать было хорошо. Утром явились хозяева соломы, оказалось, взяли немолотый хлеб. Плачут: «Что мы будем теперь есть», «А нам что делать?». Пан начальник ничего, кроме нагаек, не обещает. Ужас. Сейчас валяемся на этой соломе и неведомо, что ждем. Говорят, пойдем на Луково^{10*} верст 5 влево.

Как посмотришь на бесконечные поля кругом, такой в них мир и благоволение дышат, что не придумаешь страннее дисгармонии солдат, пушек, обозов и природы и, тем не менее, война – дело не комнатное. Вот еще тарубинский пейзаж да сизые тучи в стиле войны.

Австрия, Майдан-Сенявский

Итак, и этот год я все-таки за границу попал, 5-ый раз, но каким образом! 2-ой раз пешком перехожу границу; как просто, красиво и erwartungsvoll^{11*} было мое прошлогоднее внедрение в Италию. С Rucksach'om^{12*} на спине, в котором лежал шоколад и белье, да Moeller van den Bruck, спустился я со сказочной серебряно-голубой Maloj'i с могилой Сегантини в зеленые равнины Италии³. Почти с восторгом переступал я границу буржуазно-отельной Швейцарии и таинственно-святой Италии. Какой мир был на душе, почти плакал от радости.

Сегодня в 2 ч. 50' переступили австрийскую границу. Шаг почти роковой и, тем не менее, без тени торжества или торжественности. Но по порядку.

Прежде всего, штаб из Лукова уехал, и мы вовремя свернули. Покрутили туда-сюда и часам к 4 прибыли в этот самый Майдан. Удивительные по дороге деревни – иногда сплошь польские с печальными крестами на дорогах (вспоминается Чурлянис, его зеленовато-розовые видения крестов, башней, видения-впечатления Белоруссии и Польши. Рядом с такими польскими деревнями – чисто русские. Почти чистая речь, патриотизм и даже в одной деревне чисто-русская попадьа. В этой деревне очистили все яблони. К попу, которого, как говорят, захватили австрийцы, пошли покупать сено. На дворе прелестные сливы. Решили пойти к «матушке» – купить. Домик – полная чаша, девки, девчонки, «матушка», седая, почтенная матрона в фиолетовом платье. Слива продает. Вообще, поет, как будто заправская попадьа со всеми атрибутами моск[овской] или ярославской губ[ернии]. Слив, положим, скверных нам налупили фунтов 10 – и après tout^{13*} – великодушие[:] бесплатно. Но слупила за сено. Мужички одеты архаически в белых панталонах, в длинных белых рубахах, в кафтанах и скуфейках, лица самые славянские –

^{10*} Современное название – Лукова.

^{11*} Полное надежд (нем.).

^{12*} Рюкзак (нем.).

^{13*} После всего (фр.).

тысячелетия, а пожалуй, и больше, отпечатались, по крайней мере, как помнится одеяние скифа латеранского музея⁴ – во многом сколок с одеяния русского. Здесь русла истории, корни теперешней войны. Есть о чем подумать. Австрийскую границу перешли почти неожиданно, спросили какого-то пана, далеко ли до Майдана. «Не, вот там граница». Так и перешли. Лишь в глубине души чувствовалась напряженность, тревога и, отчасти, радость. На границе дубово-сосновый лес. Пахнет лягушками, и говорят, много змей, впрочем, змеи не укусили, а австрийцы не подстрелили. В Майдане штаб корпуса. В чужой стране жутко. Стреляли в аэроплан, конечно, без результата. Следовало бы мне пострелять, а то еще ни разу не разрядил винтовки. Для солдата это Schande^{14*}!

Майдан-С[енявский], 4 сентября

Все по-прежнему, хотя и в Австрии. Наш бивак расположился около Майдана, на каком-то болоте. Сыро, да еще и пасмурно. Панов обобрали, т.е. вернее у них все скупили, и коров, и хлеб. Смотрят уныло и исподлобья, и боясь, и хотят спасти имущество. Конечно, им далеко все равно, что круль Франц, что царь Николай, но уж *modus vivendi*^{*} сложился веками, или, по меньшей мере, сроком жизни человеческой. Не в силах человеческих сразу преобразиться во всех своих общественных взглядах и чувствах.

Спали в стодоле у пана, который старается всячески угодить солдатам, только чтобы не трогали его несмолотые хлеба. Спалось хорошо, потому что наружи было ненастно, дождливо, а под шинелью и тепло, и «почти дома». Под одеялом, закрывшись с головой, всегда чувствуешь себя с самим собою. Всю ночь, часов до 3-х утра недалеко охали пушки, светили прожектора – оптические шупальца армии. Страшно, особенно на чужой земле.

Встали часов в 6 утра. До 2-х часов занимался делами домашними. Получил 2 письма, из дома и от Н.Е. Успенского. Великолепны письма матери, всегда все сказано, душа в 2–3-х словах, остальное факты. Такое искусство писания писем дается только душой и инстинктом. Ответил. Письмо Н[иколая] Е[вгеньевича] на $\frac{3}{4}$ пустое и на $\frac{1}{4}$ интересно. Нет ни трубок, ни трансформатора [–] без немцев и физика остановилась.

Помылся немного, выстирал 2 полотенца, а потом картошка, обед etcetera. Сейчас сидим в стодоле, укрываемся от дождя. Где-то совсем недалеко загремела артиллерия. Опять тревога, не придется ли удирать, как из Избицы. Скверно, что нет суворовской уверенности *vorwärts!*^{2*}. Доверяешь больше случаю и приметам. Прошлое, конечно, кажется раем. Итак, мы сидим и ждем. Да, вот кто такое «мы». Нас шестеро: я, Буханов, Зяблов, Балашов, Семенов, Раздумин. Опять-таки Всевышней волею небес «мы» плотно скованы около 3-й станционной повозки. Как это вышло, не знаю. Но почти полная неделимость. Молекула *so zu sagen*^{3*}. Вместе спим, вместе едим, вместе о многом думаем. *Bouchanow, ich weiss noch nicht genau, welche Charge hat er früher gehabt, vielleicht ein Beamter in Городская Управа, oder*

^{14*} Позор (*нем.*).

* Образ жизни (*лат.*).

^{2*} Движения вперед (*нем.*).

^{3*} Так сказать (*нем.*).

so etwas. Ein kluger halbgebildeter Mann, der lacht und selbst (нрзб.) spricht, er ist gutmütig und weich in seinem Herzen, glaube ich, trotzdem immer Vorwürfe, Bemerkungen u.s.w. «губернаторская натура». Balaschow ein ganz gutmütiger, offener Kerl, früher ein Arbeiter (нрзб.) Колом[енского] машино(нрзб.) завода. Sein Freund Семенов noch weicher, noch gutmütiger – stottert. Ich glaube, in unserer Kompanie sind die besten Leute der Rotte. Зяблов, noch ein junger u[nd] gebildeter, aber kluger, fähiger, guter Kerl – рубаха парень. Раздумин, Kutscher unserer Kalesche – приказчик, obgleich nicht dumm, aber natürlich mit allen Merkmale seines Faches, «галантерейное обращение» etc. und endlich ich. Was ich bin, weiss ich eigentlich nicht genau^{4*}. Здесь я, прежде всего, вольноопределяющийся, будущее благородие, многие поэтому мне льстят, а многие даже мстят. Опять вышел весь сахар – жестоко страдаем.

А пушки погромыхивают. Что-то будет?

С высот, как облака сияющих и снежных,
Где Сегантини прах природа стережет,
Спускался я тому почти уж год,
К тебе Италия среди долин безбрежных.
Из мира красоты, как Альп снега холодной,
Прозрачной и пустой, как воздух и как лед
Дошел я до невидимых ворот
Страны таинственной, святой и благородной.
(авось, продолжу).

Майдан Сенницкий* , 5 сент[ября]

Сейчас мы без газет и без станции, т.е. нет никаких известий, остались уши и глаза. Смотрим на войну в микроскоп, какие-то передвижения артиллерии и пехоты, где-то непрерывная канонада, взята какая-то Сенява, и все это без толку и связи, словно на Венеру Милосскую в микроскоп смотришь, видишь какие-то трещины, выемки e niente di più^{2*}. Газеты смотрят «невооруженным глазом» – чаще врут, но получается общая картина, хороший телескоп только разве в штабе главнокомандующего. Итак, сидим в Майдане, кругом болото, идет дождик, спасаемся в стоделе несчастного пана. Под шинелью думаешь думы, сочиняешь стихи и физика на ум приходит. Шинель – поистине универсальная вещь в солдатском обиходе, спасительница и утешительница.

^{4*} Буханов, я еще точно не знаю, какую должность он занимал раньше, возможно, чиновника в Городской управе или что-то вроде этого. Умный, полуобразованный мужчина, который смеется и сам (нрзб.) говорит; я полагаю, что он добряк и мягок сердцем, но несмотря на это – постоянные упреки, замечания и т.д. «губернаторская натура». Балашов абсолютно добрейший, с открытой душой парень, раньше был рабочим (нрзб.) Колом[енского] машино(нрзб.) завода. Его друг Семенов, еще более мягкий и доброжелательный – заикается. Я думаю, в нашей роте собрались лучшие люди звена. Зяблов, еще один молодой и образованный, однако смысленный, способный и добрый парень – рубаха парень. Раздумин, кучер нашей коляски – приказчик, впрочем, не глуп, но, разумеется, со всеми признаками своего ремесла, «галантерейное обращение» и т.д., и, наконец, я. Что я за человек – этого я, по существу, и сам точно не знаю (нем.).

* Так у Вавилова.

^{2*} И ничего более (ит.).

Сеняву взяли. Разговоры опять на «микроскопически-телескопические темы». Война ужас, потому что у того-то осталась жена с 5 детьми etc., с другой – мои телескопические возражения.

На почте подобрали старые разодран[ные] газеты «Киевлянин»¹ и «Биржевку»². Боже, что на свете делается! Хаос и выхода не видно. Пожалуй, небо следует благодарить, что смотрим только в микроскоп, иначе не о чем больше думать. Ужас и сумасшествие. Но «Внимая ужасам войны»³, прежде всего, жалко обезумевшее человечество.

Привал у Добши*, 7 сентября

Путешествую. Счастливо избежал 0,5 одной большой пакости, другие 0,5 предстоит испытать. Вчера штаб двинулся из Майдана, мы, конечно, за ним. Вперед на Добру направили станционную повозку. Выпросился в сопровождающие. Дул отчаянный ветер, лошаденка «Баварский» увязает в песку, приходится вывозить на плечах. Какой-то бравый Haudegen^{2*} полковник с седыми усами обозвал даже «ослами»: «Что ты лошадь хлещешь, мерзавец, дай лучше по мордам этим четырем мерзавцам-ослам». Конечно, промолчали. Дисциплина – цемент, сковавший самосохранение и героизм солдатский, без нее бы уж – абсолютный хаос. Но доехали, ничего не разберешь, где ставить станцию, что делать. Всюду пехота и артиллерия, тащат коров, поросят, уток, кур. Визг, плач. Добрались и до штаба. Скверное соседство, аппетит раздражают котлетами, дынями и прочими хорошими вещами, и это, когда под руками ни хлеба, ни сахара. Станцию устроили в какой-то микроскопической халупе, на одном столе 3 телегр[афных] аппарата, 3 телефона, руготня, батареи не работают, тащут депеши. Начался дождик, спасся на чердаке стодала. Дрых под шинелью часов 10, до 8 ч. утра. Сны самые противные, военные, батареи, наводки etc.

Ночью, оказывается, непрерывный дождь, а наши наводчики, наведя 12 верст до Добры, пошли ее обратно снимать и потом опять zu Fuss^{3*} на Добру. В общем 36 верст без отдыха и еды, из них 12 ч. наводки и 12 съемки. В Добре присоединился и пошел.

Элементы солнечного затмения 8 авг[уста] 1914 г. для г. Холма

Нач[ало] затмения	1 ^h 25'
Мом[ент] наибол[ьшей] фазы	2 ^h 38' по Пул[ковскому] вр[емени]
Величина наиб[ольшей] фазы	0,93
Конец затмения	3 ^h 47'
Время отставания	29' по Пулковскому времени.

Сейчас прошли верст 7. Боже мой, какая пакость! Мочит и мочит, ноги разъезжаются, шинель намокает и тяготит. Наконец, остановились в Добче (начальства нет, один Яша Спиоров – придурковатый взводный). Население зовет себя «русским», ненавидят жидов и поляков, на нас смотрят как-то двусмысленно, не поймешь. От дождя спаслись в халупе, накормили какой-то капустной похлебкой с салом, постепенно размягчившись, дали и «трошки

* Современное название: Добча.

^{2*} Опытный солдат, вояка (нем.).

^{3*} Пешком (нем.).

млека»^{4*}. Заплатил 35 коп., поболтали, на 1/2 не понимая друг друга. Сейчас отлеживаюсь в стодоле, где обозные воруют обоз. Впереди опять предстоит путешествие. Скверно. Неужели впереди предстоит еще худшее?

В Добре у казаков нашел «Киевлянин» за 31 августа. Молчание о германском фронте, сообщ[ают] о победах при р. Сан и, что самое ужасное и прекрасное, – смерть авиатора Нестерова. Вот он спортсменский героизм, «георгиевский» полет и красивая смерть. Стиль смерти почти классически-героический.

Цешанув, 8 сент[ября]

Природа занимается опровержением военного солипсизма. Ей все равно, то лет тоскливый, неизбежный дождик, от которого одно спасение – теплая халупа, которая кажется раем земным, то торжествующе заблещет солнце, и это без программы, а по вечным законам. Война с пушками и пулеметами, сотни тысяч убитых – все игрушки, все в пределах железных оков.

Идем темным печальным осенним лесом. На ветвях пышная, мрачная, траурная одежда. Последние минуты лета. Маслята, поганки, белянки, рыжики, как первые признаки тления, появились на свежем трупе природы. Ни одному опенку, ни одной сыроежке нет дела до войны. В темных закоулках листья скапливается дождь и холодным противным душем окачивает всякого дерзнувшего продраться в лесных недрах. В лесу сыро, мрачно, жутко – похоронно. Но вдруг облака рассеялись, блеснуло солнце, листва просвечивает изумрудом, капли блестят бриллиантами, лес смотрит уютно, хотя пахнет осенью и смертью. Небу, лесу, всей природе все равно до бесовни людей (даже не людей, а армейцев). Какой уж тут солипсизм, при абсолютном несовпадении. А впрочем, фаталистом я остался по-прежнему и на войну смотрю, как на фаталистический (почти маловероятный) случай моей биографии. В мае я подвел итоги: кончил университет и работу, и вот вместо мирного, спокойного ручья – бешеный водоворот случайностей.

Вчера из Добши мучительное путешествие до позднего вечера по лесам, полям, голодным деревьям. Кой-где по полям на маленьких холмиках грустные, как «Со святыми упокой», деревянные, нас[к]оро сколоченные из заборов, кресты. «Помяни, Господи, раба твоего, павшего за веру, царя и отечество в бою под Сенявой 5 сентября 1914 г. такого-то и такого-то». Вот он грустный финал войны, где перекрещивается и героизм, и человек и, наконец, тайна Бога и смерти. {А до чего проста все же смерть, сейчас перед глазами на кухне режут телянка, и как это просто и даже почти аппетитно}. Брели неизвестно куда, Спиров позабыл название местечка, куда шли, попробовали тянуться по линии, скоро потеряли. Стемнело, грязь по колена, полная усталость, ропот, блуждали, блуждали, куда-то свернули. Стучимся в халупу, {Господи, нужен эпический стиль, а мне-то его Бог и не дал}, продрогшие, отчаявшиеся, с мыслями только о сне и тепле. Засветили огонь, вылезает заснувшая физиономия не то жидовки, не то хохлушки (впрочем, они зовут себя здесь русскими). Начинается вопль, просьбы не входить, найти другое место. Уламываем, упрасиваем. Обещает показать какой-то панский дом, где офицеры ночевали. Босиком, с фонарем побежала показывать. Оказалась

^{4*} Немного молока (польск.).

какая-то канцеляр[ия], с хорошим портретом Франца Ёзефа, несгораемым шкафом, столами, диваном, который я первый открыл и по праву открытия занял. Из шкафов натащили всяких бумаг, квитанций, книг, вытирали ими промокшие ноги и сапоги, разжигали печку, [набили] подушки. Вот если войт¹ воротится, налетит на «хаоса бытность довременну»². В смраде дыма из печки, портянок, лампы «с нефтой» заснул на диване. Спал часов 8 довольно спокойно.

Путешествие компании обошлось дорого. У кого принялись [болеть] зубы, у кого руки, глаза, ноги – сущий госпиталь. Утром «благодарные ночлежники» рядом взломали квартиру заведующего канцелярией. Тащи, что можешь: самовар, скрипка, ковер etc. Это бессмысленно и неотвратимо. С ужасом думаю, что это попадет в газеты. Кроме грабежа и воровства имени этому нет. Дальше шли опять по линии, но с ужасом думая, что, может быть, идем вдоль линии 19-го корпуса, по крайней мере, по дороге встретились и с 19-м, и с 17-м. Несчастливого Спирова проклинали. Наконец, надсмотрщик встретил по дороге кухню, и все воспрянули, тянулись еще верст 5, но уж без страха и злобы, а только с усталостью. Передвигаемся вдоль границы, видимо, корпус переходит на левый фланг, впрочем, кто их знает, сейчас в голове сплошная физиология, как бы поплотнее пообедать (сердобольные кашевары угощают мозгами, печенкой и прочими мелкими вещичками коровьего нутра), да поспать.

Утром нашли пана с «млеком» и «картошкой с салом», он же разменял 3 р. на 6 крон, в общем, пан (получил полтинник) заработал недурно, аппетит[ы]* у них, в этом отношении, очень значительные. Паны именуют себя русскими, на стенах опять какая-то помесь католических и православных картинок (не икон – икона ведь это уже Werk^{2*}), со старой русской иконы дышит Святая Русь, с этих же хромофотографий ничем, кроме чеснока фабриканта, не пахнет. Эти «иконы» очень характерны для населения Галиции. В сущности, из-за такого народа не следовало начинать великой войны, это совершенно индифферентное, кастрированное противоположными влияниями панславизма, пангерманизма, ксендзов, попов, мазепинства, русского национализма племя.

Газеты, которыми все это внушается, глупы до невероятия, рассчитаны исключительно на народную наивность. Никогда и никакая страна из такого народа ничего путного не сделает, его одинаково тянет и в Америку, и в Австрию, и в Россию. Вот уж народ, не рожденный для войны и абсолютно не героический. В этом и причина невероятно большого числа пленных (100 тысяч) – это нежелание воевать. Ох, записался я, время вечернее, надо ужинать, спать, дел миллион, а писать еще много есть о чем – ну завтра! Пока basta^{3*}.

Утро 9 сент[ября], Цешанув

Сижу сейчас на ящике рядом с кухней. Рядом целая симфония матерщины, кто басом, кто тенором «Еби ее мать, как же ее не тряхнуть – коли она не вылезит» etc. – это все насчет кухни.

* Слово написано над зачеркнутым словом «вкусы».

^{2*} Произведение (нем.).

^{3*} Хватит! (ит.).

Вообще пока за границей вообще не пахнет, словно Минская губерния, а не Галиция, а уж то, что здесь Вена столица, прямо невероятно.

Цешанув издаleка кажется почти Римом. Из-за синего леса вдруг показывается величественный купол, словно San-Pietro*, искра великого огня, возжженного Бруннелески и Микель-Анджело в художочной Галиции. Вблизи красивый купол, оказывается, венчает довольно мизерный костел. Что такое Цешанув, можно только догадаться. Весь выгорел. Почему и как? Кто знает? Местечко было, видимо, хорошее и даже в немецком духе, аккуратные оштукатуренные домики, лавки, Apotheke u.s.w.^{2*}

Сейчас все в развалинах, по пожарищам бродит мародерствующая толпа солдат и обитателей. Ташат всякие остатки, зеркала, кружки, ковры, немецкие книги, набрасываясь преимущественно на энциклопед[ические] словари. Жители разбежались. Чуть ли не сожженная Москва в малом масштабе. Боя здесь не было. Спрашиваешь, кто поджег? Одни говорят – казаки. Это и вероятно и *sub specie humanitatis*^{3*} невероятно. Вместо армии толпа воров и поджигателей. Говорят, что подожгли «жиды», понимай, жители. Такой героизм со стороны художочных галичан опять *nonsens[e]*. И город сгорел. Опять ничего нельзя купить. Обречены кухня и милость кашевара. В городе хотел, кажется, устроиться штаб армии. Целый узел телеграфных линий, аэропланы etc. Но штаб едет дальше. Австрийцы стягиваются у Перемышля, нашим приходится преодолевать всякую мерзость, вроде мин и проволочных загрождений.

Спал в разграбленном стодоле. Холодище. Ночью занимаешься только подтыканием шинели. Сейчас пока ничего неопределенного^{4*}. Главный предмет солдатских разговоров – когда конец войны. Как будто это маневры и зависит от милости генералов. Тем не менее, определяют чуть ли [не] с точностью до часа.

Бродим по остаткам былого уюта. Особенно грустно и занимательно среди книг; вот рассыпана чья-то библиотека, т.е. не библиотека, а шкаф: детские атласы, энциклопедический словарь – хлам и мебель, но вот из какого-то подвала выглядывает груда фолиантов, старые, старые еврейские^{5*} книги, по шрифту, переплетам, бумаге, семнадцатый, восемнадцатый век: видно священные книги с комментариями на широких полях; в угловатых, задумчивых еврейских иероглифах и талмуд угадываешь, и каббалу. Тут и Фауст чудится, и Агриппа, и дряхлый еврейский раввин с таинственными пейзажами, ермолкой.

Фолианты – мокнут, тайна извлечена. Библиофильское сердце дрожит, хочется плакать, захватил бы все, да сунул все в шкаф, черт с ними, что

* Святой Петр [в Риме](*ит.*).

^{2*} Аптека и т.д. (*нем.*).

^{3*} С точки зрения человечности (*лат.*).

^{4*} Так у Вавилова.

^{5*} В этом абзаце всюду поверх слов «жидовские» другими чернилами написано: «еврейские».

иероглифы непонятны, сколько мысли и пота таится за ними. Опять вспомнил свои шкафы – утешение и почти смысл жизни. Библия, Леонардо, Пушкин, Гете, Баратынский, Фет, Тютчев, Казанова. Заплачешь, как вспомнишь, а впрочем, и порадуетесь, как подумаешь, что может быть опять увидишь.

Зачем пить непереваренное сусло жизни, когда в погребах библиотек неисчерпаемые запасы вин самых тончайших – это я писал давно, а теперь вновь пишу и в новой обстановке. Без книг жить, пожалуй, стоит только казаком, авантюристом, когда жизнь – роман. Впрочем, и Казанова без книг не обходился.

Пригрелись в оставленной халупе, натопили печку, пьем чай с сахаром (раздали сегодня до 1 октября). За окнами дождик, а здесь почти уютно. Вспоминают дом, забастовки. В помани двое казаков ездят, ищут обоз своей дивизии. Молодцы, но и лисы, совесть у них, по меньшей мере, луженая. <нрзб.> нет.

Цешанув, 10 сентября

Квартируем в той же оставленной халупе. Сегодня заявила хозяйка с двумя «цурками»*. Рев, жалобы «Лучше бы нас “заховали”»^{2*}; спасаются в каком-то «лясе»^{3*}, теперь надумали вернуться, горе! пропал лошак. Не то солдаты стащили, не то еще кто-то, а из соседей никто не дает. Набралось в халупу куча всяких баб и панов, солдаты прикармливают супом и порциями. Одна юркая бабка, навязывающаяся ко всем то в «сестры», то в «матки», выклянчивает у солдат мыло, спички, сахар, соль, подбиралась к моим сапогам, и за отказ окрестила «недобрым паном». Кормежка помогает, рев сменяется улыбками. Шутки, прощения. В общем, как только доходит до личной инициативы солдата, выходит наружу вся его простая, детская, деревенская психология. И грабеж, и воровство нелепых, ни к чему не нужных вещей, все это детское, а не разбойничье. Вижу я этих грабителей, живу и ем с ними, и разбойничьего не нахожу. Кормление, отдавание последнего – тоже только детская наивность. Героизм, гениальность армии создается частью главнокомандующим, частью солдатами en masse^{4*}, где сглаживаются концы и неровности. Много среди солдат Каратаевых, среди саперов большинство «сознательные рабочие». Много жулья и негодяев, все это сглаживается, забывает о своих ампула и даже о характерах.

Зашел сегодня в разгромленную школу. Семиклассная. Извлечен наружу весь ужас первоклассников, второклассников и пр.; бальники¹, учебники, разодранные ландкарты², разбитые склянки, разлитые чернила. Целая разрушенная живая машина. Кому понадобилось громить? Что искали, что нашли? «Не вем»^{5*}, но зрелище удручающее.

* Córka – дочка (польск.).

^{2*} Похоронили (укр.).

^{3*} Las, lasy – лес (польск.).

^{4*} В массе (фр.).

^{5*} Nie wiem – не ведаю, не знаю (польск.).

Как-то на днях читал в «Киевлянине», что из Антверпена вывозят творения Рубенса, какой-то союз обратился к немецким авиаторам, летающим над Парижем, с мольбой щадить хранилище произведений искусств. А что если это разъяснить солдатам и если они это поймут? Какой жестокий ропот и бунт должен подняться среди них. Сокровище сокровищ для каждого – личная жизнь [–] приносится в жертву без ропота, почти машинально и щадится, оберегается что-то внешнее, Schmucksache[n]^{6*}. На самом деле, тут целых 3 категории[:] 1) Война – начало, лишённое всякого личного элемента, оперирующее индивидуальностью государства, 2) творения искусства [–] Notre dame, Снятие с Креста, Джоконда – категория, в которой таинственными узами переплетаются самые глухие, таинственные извилины «я» и «общее», «для всех» (толстовское определение искусства). Но «для всех», в сущности, «для немногих», немногим проникает в душу горний свет лукавых очей Джокон[д]ы, немногие читают фасад Notre Dame как разверстую книгу. И вот спешат, спасают от беспощадных щупальцев войны эти светильники «для немногих», спасают сами руководители войны, спасают, конфузясь, под шумок. Да, забыл, 3-я категория – личность, «я». Топчется «я», но спасается искусство – самое дорогое (кроме науки) для этого «я». Совершенно неразрешимый клубок логических и практических противоречий. Стародавний вопрос о сожжении Александрийской библиотеки, о растоптанных жидовских книжных сокровищах^{7*}. Почему это все так жалко? Пожалуй, потому, что это личное для многих.

Во всяком случае, ужас войны, лишение «под шинелью». И под шинелью, только с самим собой, лезут чужие рожи, спасения нет, нет личности. Весь этот рев обитателей, ужас солдат – только разрушение личности, в частности «home»^{8*}, домашнего уюта.

Вот сижу сейчас, а трудно урвать минуту, посмотреть на самого себя, даже осмыслить то, что пишу, рядом пьют чай, задают вопросы.

Кругом все по-прежнему. Опять замерли, как в Горжкове.

А вот сейчас совсем уютно, все дела сделаны, т.е. поужинали, напились чаю, приготовились к снанию, сидим за столом, горит свечка в бутылке, ночная темь поглотила все детали, получается настроение.

Тьма^{9*}, ясная ночь скрывает всю эфемерную мишуру жизни и открывает великую истину вселенной [–] пылающее звездное небо. Ночью человек ближе к абсолютной святой истине, чем днем (Тютчев). Сейчас я это нутром понял, ночью как будто душа от тела отделяется, остается чистое познание, удивление и пораженность. Отделиться бы ото всего и лететь, лететь вечно в пространстве, постигая тайну мира и Бога.

^{6*} Драгоценности (нем.).

^{7*} Далее в оригинале написаны и зачеркнуты слова: «Все Пожалуй решение».

^{8*} Дом (англ.).

^{9*} Слово написано после зачеркнутого слова «ясна».

Цешанув , 11 сентября

Совсем застыли. По-прежнему жизнь вертится вокруг халупы, в которой имеем свою резиденцию. Об[в]ыклись великолепно. Каждый знает свое место и дело. В халупе все приспособили для спокойного существования. Печка с лежанкой – за кухню, в горнице маленькая печурка согревает помещение, ненужные кровати вынесли в сени; стол для чая, обеда, писания, скамейка, на которой (нрзб.) лег почивать, стулья – и все, на полу, конечно, солома. Целый день пьем чай, раз 6–7 в день, ужинаем, обедаем. Табачная голодовка сегодня для некоторых кончилась, какой-то обозный продал фунта 3 листового табаку; занимаются резкою, свертыванием сигар. Курю и я. Право, не знаю, умею ли я еще курить. Но дымлю с удовольствием. Думается и мечтается легко, своего рода подмазка: может быть, пускание дыма, струи и кольца, как думает Казанова, развлекают. Не знаю, но курю и, может быть, даже закурю, дай Бог только добраться до австрийских сигар.

Житие ведем совсем не военное, винтовки, мирно ржавея, стоят в углу халупы, на телеграфной станции работают 4, а мы все прочие в полном смысле живем штатской жизнью. Приспособляемся. Жизнь, конечно, выходит грязная и скверная, и поневоле за обедом разговор сбивается на то, как хороша кулебяка, рябчик в сметане etc. Когда разговор идет так или рассказывают о своих похождениях – все идет гладко. Не дай Бог, как пойдут задавать «ученые» вопросы. Почти все телеграфисты «недоучки», кое-что читали, многое не поняли и не переварили. Растворивать скучно, еле язык поворачивается, хранить загадочность ученой работы невозможно. Получается нудное «Ну, вот это так, а это так, а в общем мол отстаньте». Поговорить же охотники обо всем, что такое математика, физика, итальянская опера etc. А народ прекрасный и в большинстве умный, деловитый.

Из Цешанува хочется убраться. Зрелище погорелого, разгромленного местечка, возвращающихся обитателей – удручающее. Поскорее бы в какую-нибудь деревню с молоком и прочими благами. Кажется, это* близко к осуществлению, вероятно, завтра уйдем снимать линию. Сегодня просмотрел на станции груды телеграмм за три дня. Перемышль, кажется, оставляется австрийцами (почему, что за маневр, понять не могу). Переправа корпусов через Сан одно мучение, понтонные мосты австрийцы сносят, брандерами¹ открывают шлюзы и пр. Впрочем, сегодня, кажется, переправа кончается.

Счастливый случай в виде надсмотрщика, у которого деверь писарь при штабе, принес «Киевлянина» за 2 сентября. Подводятся итоги великому галицийскому бою, действительно a vol[o] d'ucello^{2*}, получается грандиозная картина гомерического боя – русской победы. Не поймем только, что делается у пруссаков. Дело не чистое. Не прут ли? Ведь немцы. Mein Gott!^{3*} Чего от них ждали, и что вышло. Но подождем.

В общем, я думаю, война пока не хуже перспективы «старичьего сидения» для меня.

* Далее зачеркнуто слово «так».

^{2*} С высоты птичьего полета (*ит.*)

^{3*} Мой Бог! (*нем.*)

Подобрал какую-то еврейскую^{4*} молитву oder so etwas^{5*}. Рукопись и на пергаменте – этого достаточно, пусть даже ее писал владелец табачной лавочки. В этом пергаменте и странных письменах уже само по себе что-то седое и таинственное.

Через Цешанув целый день идут полки, обозы. Куда, не вем.

Вши всех донимают, перед сном единственное занятие всех – охота за вшами. Впрочем, вру, сейчас только занимались ловлей сверчков, нарушающих сон солдатский. Охота удачная, остался, кажется, один, да и то какой-то худосочный – еле слышно!

Цешанув, 12 Листопада

За одно название вместо, по существу, прозаически-арифметического Сентября печально-поэтическим Листопадом¹ грустного времени «осени первоначальной», славянам надо поставить 5+ за Naturgefühl^{*}.

Паны и еврей^{2*} постепенно возвращаются в Цешанув. Паны убиты горем, безучастно смотрят на солдат. Евреи, откуда-то выползающие вереницами в длинных пейзах, лапсердаках, широкополых шляпах, смотрят какой-то помесью польских ксендзов и русских попов. Перед солдатами еврейские головы преклоняются. Господи, до чего это характерно и достаточно для полной картины еврея. Это поклон не уважения, не покорности, а только собачьей лести, страха, хитрости и внутреннего желания гешефта. И это у каждого еврея без исключения. Что это за порода. Неужели, право, печать презрения Божьего на каждой еврейской голове. Но зато какая дряхлость, ветхозаветность, вся глубина тайны блестит в черных глазах. В бегающих зрачках всегда скрытность, пелена, никогда при всей своей болтливости, многоглаголости он не откровенен. С одной стороны, всюду и везде и со всем[и], с другой – всегда и везде скрытен, горит внутренним светом.

Всякий еврей – сфинкс. Египет, Христос, средневековье, погромы, все оставило след в глазах и кудрях еврея. Презрение к нему смешивается с почтением. Рассеянные по лицу земли, сохранили себя, сохранили печать проклятия и первородности на себя. Еврей^{3*} не может быть не религиозен. От него религией и богом пахнет. Поговорить бы с умным, старым раввином. В изгипе еврейской спины, в угодливом поклоне перед солдатом тоже желание скрыть ту же неведомую тайну времени и Бога.

Хозяева халупы явились со скарбом в узлах. Опять всхлипывания и истерика; паны, явившиеся с фурманками из России, живо обработали необмолоченную солому в резку, зная все мелочи крестьянского обихода;

^{4*} Слово написано другими чернилами поверх слова жидовский.

^{5*} Или что-то в этом роде (нем.).

* Чувство природы (нем.).

^{2*} Всяду в записи за 12 сентября слово «жиды» впоследствии исправлено чернилами другого цвета на «евреи».

^{3*} Так у Вавилова первоначально.

здешние паны, кажется, обречены на голод. Хозяевам пришлось очистить помещение, перешли недалеко в белый каменный домик с черепи[т]чатой крышей, принадлежавший, кажется, какому-то еврею^{4*}. Хаос и ужас около и внутри невероятный. Деревянные постели, резанные, ломберные столы, вся «роскошь» еврейско-буржуазной обстановки, ну, что-то вроде обстановки Езефа Минца на Ордынке, разрушена, изломана, исковеркана. На ломберных столах мылись, в комнатах ссали, жгли мебели, ломали шкафы; подвалы, сундуки разбиты, белье выкинуто в грязь. Как же не простить Наполеона и пожар Москвы. Сто лет – и все то же и, может быть, в сто раз омерзительнее. Скорее бы вон в деревню из этого разрушенного жидовского гнезда. В халупе разрушение как-то проще, простительнее; от хаоса до порядка и почти уют[а] час работы опытной хозяйки. Для воскресения же порядка в жидовской роскошной квартире нужны деньги и недели. И опять, кто это сделал? Неужели солдаты и неужели жители? Сделала это детская психология и солдат и жителей, лишенная всякой узды и удержу. Ходить среди развалин омерзительно до крайности.

Жолинье*, 14 сентября

В квартире Sauer mann^{2*} a^{2*} остановка была самая короткая. Тотчас же после обеда тронулись снимать линию по направлению к Добре. После цешанувского сидения ноги отстоялись и шли бодро и скоро. Работа наводки и особенно съемки до крайности проста и не утомительна, чуть-чуть труднее ходьбы, все зависит от организованности и добросовестности. Часа в 3 окончили работу до того местечка, где дней 6 тому назад ночевали после ужасного мокрого путешествия со Спириным. Есть здесь такой Ечеистов, человек такой же странный, как его фамилия, пока я его еще мало постиг, а потому пока сказать почти ничего не могу. Так вот с ним (судьба здесь сводит почти со всеми поочередно, штаб наш временно распался, остался один Балашов с больными «зимбами»^{3*} пошли искать халупу. Разыскали какого-то бедного^{4*} пана. Млика, конечно, нет, но, оказывается, в деревушке есть почти благодать Божья – казенные коровы, штук 200 на фольварке. Пошли туда, сидят солдаты у костра и «готовят ужин в чистом поле». Солдаты сплошь местные поляки. Попросили молока. Деньги теперь потеряли, кажется, всякую ценность, обмен идет только при помощи «натуры», т.е. табака (главное соли, сахара). На приманку табака выудили два котелка молока и обещание дать завтра утром. С молоком вернулись в хату к пану, заказали «сготовить» млико и хербату. Хозяина тоже подкупили «трошкой соли». Паны здешние, будь они русины или поляки, для меня полная загадка [–] с какой угодливостью и добротой (но, безусловно, не жидовской) водил нас пан в фольварк, устраивал постели с подушками (такой роскоши не видал давно). А у этого самого пана зять в войсках. Подобная же история положительно в каждой деревне и халупе. Вчера ночью остановились на бивак опять в первой попавшейся деревушке. Пошли спать в халупу к седому благообразному пану. Опять заботы,

^{4*} Так у Вавилова первоначально.

* Современное название Жолинья.

^{2*} Неприятный человек (*нем.*).

^{3*} Zębami – зубами (*польск.*).

^{4*} Biedny – бедный (*польск.*).

угодливость *ad infinitum*^{5*}. И сейчас, соединившись со «штабом», сидим в хате какой-то бабы, у которой муж австр[ийский] солдат. Баба хлопочет, угощает кофе, чистит халупу, сушит белье. Что это все такое? Услужливость из-за страха? Но страха и испуга незаметно; попривыкли. Ждешь жестокой мести, чуть ли не поджога в халупе, в которой спишь, или ножа в бок. На самом деле что-то неприятное. Что это такое. Полнейший ли индифферентизм, но он тогда совпадает с индиф[ферентизмом] к родственникам. Какой уж тут патриотизм. Рыбья мягкость, рыбе хладнокровие или уже чисто детская душа. И на кой нам нужны эти хладнокровные, неужели из-за них война. После войны следовало бы поступить радикально[:] переселить бы всех панов в Ярославскую губернию, а сюда бы теплокровных ярославских молодцов на развод. После съемки целый день 13-го шли. Длительная ходьба вроде зубной боли, только тем и спасаешься, что не обращаешь внимания. Прошли опять через Добру, там обедали. Пустота, штаб выбыл, всего в деревне семь солдат, стерегут австр[ийские] пушки, взятые в Сеняве, паны потихоньку грабят опустевшую школу и дома. Дальше пошли через Сеняву, мимо страшных редутов, единственное средство против которых, казалось бы, только взрыв с низу; это какие-то железно-огненные ежи, до которых никак не дотронешься. Сенява частью выгорела, покинута, ограблена – каждый город в Австрии пока труп. Почему? Неужели ужас перед казаками. Перед школой простой, но милый памятник Мицкевичу. Солдаты спрашивают, кто таков этот Adamovi. Приходится выезжать на «друге Пушкина» и «великом польском поэте» – больше ведь о Мицкевиче ничего не знаю. Думали, штаб почти рядом с Сенявой. Прошли еще верст 7–10 опять через покинутые редуты, окопы, понтонный мост через Сан (речушка, наделавшая много хлопот при переправе). Стемнело, пришлось свернуть в какую-то деревню. История, ставшая теперь донельзя привычной. В чужую халупу идешь как в собственный дом, солдатский мундир и винтовка за плечами действуют сильнее военной логики. Появляется солома на полу, иногда молоко. За все обыкновенно утреннее «барзо дзенкую пане» е niente di più^{6*}. Иногда, впрочем, пана угостят тютюном¹, солью, сахаром или обедом. Сегодня утром вдогонку за штабом. Опять история с синематографической тещей. Приехали в Вульку. Городской штаб 1½ часа тому назад выбыл.

Дорога идет бесконечными деревнями со скучными новыми костелами, словно испеченными из кирпича из известки на фабрике. Изредка в русинских деревнях попадаются совершенные экзотики – деревянные церкви – родные сестры наших сказочно-преlestных северных церквей. В глуши сосен, еле заметные, как естественные произрастания, стоят укромные, почерневшие от времени и дождя остроконечные церкви. Вот они вековые, религиозные звенья, связавшие юг и крайний север славянского мира, крайние закрепы единой Струны – души славянской. Как живут эти церквушки, да и вообще как доживают эти белые зипуны с черными воротниками, тулупчики, расшитые фестончиками – понять трудно. Преисторические традиции живут и умирать

^{5*} До бесконечности, без конца (*лат.*).

^{6*} И ничего более (*ит.*).

не думают. Собственно, это очень характерно, что душа у пана безличная, не душа, а какое-то свободное помещение – он живет родом, а не собой. Да, славянство самое исконное Нестора и Владимира Святого до сих пор живо. Шли мы сегодня верст 30, ни разу не присел, совсем без ног. Штаб здесь догнали, кажется, наш корпус идет на прусскую границу к Кракову.

Достоверного ничего не знаю, но говорят многое. Прежде всего, все паны в один голос говорят, что Франц-Ёзеф – умер. Любили этого страшного старика очень и теперь с его смертью переход к чужому царю почти естественен. Говорят, что в авст[рийской] армии полный распад, что Перемышль взяли и 50000 пленных etc. Ну, да мало ли, что еще говорят. А на прусскую границу перебраться бы не лишнее. Здесь, по совести говоря, надоедать начинает. Жалко, что переть придется zu Fuss^{7*}.

Сейчас сидим в темной халупе, за окном дождик. На стенке вместе с иконами большой терновый венец, страшная корона, надетая на всю Галицию и Польшу. Пьем чай, пришел пехотинец, добродушный, сметливый парень, участвовал чуть ли не во всех боях от Замосцьа до Сенявы, целая огненная поэма.

В общем, сейчас отдыхаю.

Конечно, лет через пятьсот
Придет профессор-археолог,
За ним студентов хоровод
И рой курсисток богомолок.
И эту тихую страну
Исколесят они, изроют
И древность, верно, не одну
В земле копаяся, откроют.

Жолинье, 15 сентября

Весь день провел в уютной халупе, выходил только на почту, к кухне за обедом, да до «ветру». Получил 2 письма от матери и Ек[атерины] Ник[олаевны]. Оба интересные. У Е.Н. больше всего поразило, что багаж утонул в Северном море. Утонули, вероятно, все книги. То-то им бедным от войны достается. От матери письмо тревожное, «на каждое твое письмо сбегается весь дом». А какую же ерунду я им пишу! Добыл на почте «Новое вр[емя]» за 28 авг[уста], да «Русское Слово». И в письмах, и в газетах поразителен пафос и энтузиазм. Опять взаимное непонимание микроскопической и телескопической точек зрения. Армия и далекая родина, родные и все окружавшие; друг для друга самое дорогое и святое, два* полюса, взаимно притягивающиеся и, по существу, неделимые, и тем не менее разделенные пространством и призраком смерти.

За окном свищет целая буря, с вихрем и дождем, на улицу выйти страшно, хорошо еще, что сейчас предстоит завернуться в шинель и спать (хотя нет еще и 8 часов). А завтра, вероятно, предстоит наводка линии. Потянемся дальше. В общем, проза и очень мало поэзии.

^{7*} Пешком (нем.).

* Далее зачеркнуто слово «силы».

Кроме чтения газет, да питья чая, ничего не делал, хотя отдыхал с удовольствием. Это не Цешанув.

Семен, лежа на соломе, рассказывает страшные вещи про духов. Обстановка самая подходящая. Догорает свечка, за окном вой ветра, бьет рама, словно кто в окно стучится. Хорошо сейчас в натопленной халупе. Лохматый черт с рожищами страшнее австрийца.

Когда мне было лет 12, читал польские сказки. Больные и страшные. К Галиции это подходит.

Ронешов*, 16 сентября

А надо бы опомниться. Сегодня иду по лесу, увидел свою тень в фуражке с винтовкой и страшно стало, да что это за маскарад, словно попом или кучером одели. Себя в чужой шкуре почувствовал. И в сущности, ведь до сих пор я этого не постиг – как это я солдат.

После ужасной ночи неприятный день. Встали часов в 6, видим в обозе движение, горят костры, оказывается, в 7 ч. должны двинуться куда-то верст на 25.

Северный ветер, прямо вихрь, режет как ножом, дождик падает почти градом, а иногда переходит в настоящий град. Погода сумасшедшая, даже не осенняя, то сверкнет солнце и весело заиграет и на войсках, и на черепичных мокрых крышах; то из черных туч посыпется дождь или град. Ах, эта метеорология, какая мелочь *sub specie aeternitatis*^{2*} и как от нее достается человеку. Шли без перерыва; Соколов виден чуть не за десяток верст и, конечно, издалека намного эффектен, чем вблизи. Красная башня костела вблизи оказывается самой прозаической готической колокольной строящегося костела (вроде нашего нескончаемого на Грузинах¹). Город, слава Богу, не разгромлен, лавки («склепы») заперты. «Мертвый» или праздничный город – больше ничего. Устал, конечно, страшно. Главное противно, нельзя при такой утомительной ходьбе думать о том, о чем хочешь. *Grübeln und Philosophieren*^{3*} также невозможно при таком хождении, так же как при зубной боли, мысли только проблескивают.

Ронешов что-то вроде деревни, стоит на болоте. Поселились опять в халупе. Паны в отношении к русским, словно по одному шаблону отпечатаны. Доброта, предупредительность, словно своих встречает. Даже скучно писать. Важно только, что это явление массовое и почти без исключений. Халупа бедная, земляной пол, нет плиты, холодно^{4*}.

* Современное название – Жешув (Rzeszów).

^{2*} С точки зрения вечности (*лат.*).

^{3*} Размышлять и философствовать (*нем.*).

^{4*} Далее, справа от рисунка, следует несколько раз перечеркнутый крест-накрест вариант приведенного ниже стихотворения (зачеркнутые слова – в угловых скобках): «Кресты печальные среди полей печальных / <Вы> Не прах (не) вы стережете у дорог / <Вы> Не знаменуете таинственный порог / Тоски и слез и <мыслей> песен (погребальных) / Memento mori вы еще грустнее / Чем».

Memento mori^{5*}

Кресты печальные среди полей печальных
Тенями черными вы стали у дорог.
Какой таинственный храните вы порог
Тоски, рыдания и песен погребальных
Не над могилами охраню вы стали
Не смерть таят болота и песок.

Станы^{*}, 18 сентября

Что-то странное делается. Вчера чуть свет опять пошли. Завертывали какую-то необыкновенную спираль, то идем на север, то поворачиваем на восток, то на запад. В результате, верст через 30 пришли сюда. Сегодня разыскал у одного из солдат подробную карту (и где они достают, завидно чертовски!). Оказывается, мы свернули под прямым углом с пути на Краков. Теперь идем по направлению к Радомской губернии, что будто идем к Люблину, там сядем на поезд и поедем к прусской границе. Все это очень и очень странно. Бог знает, что сейчас творится на войне. Мы здесь абсолютно ничего не знаем. По инерции рассказывают о победах, о взятии Пшемышля^{2*}, Кракова etc., etc. Идет вся 5-я армия, а за ней, говорят, и другие. Погода по-прежнему, самая осенняя. Мгновенные проблески солнца, черные тучи с дождем и градом, противный острый ветер. Дороги (да еще и лесные) разворочены артиллерийскими и прочими обозами, размыты дождем. Лошади некормленные падают и падают. Идти трудно, главное, не знаешь, куда, не знаешь, когда остановишься, а на завтрашний день те же перспективы. Сравнение с зубной болью становится почти тожд[д]еством. Главное, как сел – тотчас пропадает вся боль.

Дорога лесная, болотистая, почти без деревень и совсем унылая. Станы, где расположились биваком, болотистая деревушка. В деревне расквартирована и пехота, и артиллерия, и мы. Халуп совсем нет. Ночевал на узкой скамейке в маленькой халупе, куда набилось человек 25. «Дно» [-] верх роскоши и комфорта в сравнении с грязью и вонью, и кучностью здесь.

Станция со «штабом» застряла где-то по дороге и до сих пор еще не возвратилась, я остался без котелка, чая и сахара. Побираюсь. Gott sei dank, man gibt noch gern genug^{3*}. Кормят скверно, кухня опаздывает, а весь «обед» заключается в мясе в воде с плавающей грязью и капустой. Приходится жить картошкой. Вот этому овощу надо монумент поставить, им одним живем. Da vero^{4*} белая разваренная мякоть с солью очень приятна. Вчера голодный, хуже собаки, бросился с «паном» Мухиным (кстати, великолепно это слово «пан» у поляков, это совсем не Herr, Signor etc., а просто слово обращения к человеку, у солдат вошло оно в обиход, пан Мухин, это совсем не Мухин)

^{5*} Помни о смерти (*лат.*).

^{*} Станы (*польск.*).

^{2*} Современное название Пшемысль (Перемышль).

^{3*} Слава Богу, [нам] еще достаточно охотно подают (*нем.*).

^{4*} По правде (*ит.*).

по халупам купить картошки. Жители озлоблены постоянными солдатами и солдатами ohne Ende^{5*}. Картошки еле достал, очистил, подсыпали соли и перцу, в результате поели «коляцы»^{6*}. Житие, в общем, гнусное. Думали сегодня утром опять «зуб задергает», в путь тронемся, встали чуть ли не в 4 ч[аса] утра. Оказалось, стоим. Сейчас сижу в халупе, где спал. Хаос прежний, груды соломы, на которой ничком валяются солдаты, галдят ребятишки, хозяин ест коляцы. А наруже еще хуже, моросит, холодно. Надо заботиться о картофеле. А главное, непонятно, куда идем и что делаем. Даже о прошлом и будущем не думается.

Из темной, затхлой ночлежки-халупы переселились в другую, светлую, с плитой, гостей – солдат немного и народ смиренный, пан совсем хворый, в ознобе, укутавшись в тулуп, лежит в углу на кровати. Иногда заглядывает пехота и артиллерия, допытывающиеся, что у хозяина два или одно быдло^{7*} – «покупатели». Пан клянется, что одна, конечно, хотя в сарае стоят две, но та де брата, который ушел до войска. Штаб с повозкой вернулся. Вместо обеда выдали консервы. Сготовили великолепнейший суп из картошки, капусты и консервов. Пили чай до одурения. Изменилось и настроение в selbstwohlgefühl^{8*}. За окном по-прежнему осень. Над халупой, как гигантские мухи, крутятся аэропланы. В такую погоду летать, вероятно, жутко. Не знаю, много ли толку на войне от аэропланов, их, вероятно, больше бьют, чем они видятся. Но это жест удивительно красивый, самое красивое, гордое и героическое на войне. Чисто спортсменская война.

Следовало бы описать время до войны. Сознаюсь, первые моменты хотел войны. Было страшно, а ну Россия откажется, все стухнется, сойдет на нет, останется тоскливый Любуцкий лагерь, или еще больше тоскливая Старица. Хотелось этого необыкновенного и «телескопически» красивого – войны. Теперь смотрю на войну почти что сквозь им[м]ерсионную систему, а потому от прежнего «пыла – жара» мало осталось. Кроме того, в первые моменты чувство личной опасности и почти «страха смерти» было необыкновенно живо, словно совершал уже подвиг, словно da vero становился героем. Теперь это все также ступилось и стухевалось. Ей Богу, вместо подвига остался modus vivendi. Das ist eben das Wut^{9*}.

Картины мирные. Сидят сейчас солдаты и чистят с австрийским паном картошку на «коляцы».

Солдаты километры называют «коломерами».

^{5*} Без конца (нем.).

^{6*} Kolacja – ужин (польск.).

^{7*} Bydło (польск.) – скот. В данном случае речь идет, видимо, о корове.

^{8*} Превосходное самочувствие (нем.).

^{9*} Это просто злость (нем.). Правильно: Das ist eben die Wut.

Легенд, их здесь тьма. Напр[имер], один пан рассказывал, что принца Франца-Фердинанда не убили, что он скрывается etc., обычная история, в результате которой Гришки Отрепьевы и Пугачевы.

Stany, сентября 19, 2-й ч[ас] ночи

В это время я в Москве обыкновенно ложился спать, теперь встаю, tempo mutatur*. Сегодня наше отделение отправилось на наводку, в какое-то Стале, верстах в 25 от Станов. Погода прежняя, т.е. в высшей степени противная, какая-то скверная каша из дождя, солнечных проблесков, ветра и холода. Воспользовался случаем остаться со станционной повозкой «штаба» здесь, чтобы устраивать станцию при штабе корпуса. Sans doute^{2*} при станции я почти бесполезен и только с боку припека, тем не менее, остался в качестве телефониста, хотя только сегодня научился говорить по телефону и записывать телефонограммы. Оказалось, что гнилая деревушка Stany только entourage^{3*} для chateau^{4*} какой-то графини (судя по письмам, которые нашел в доме Комаровской). Впрочем, chateau неважное и по архитектуре меньше всего chateau. Большая постройка разухабисто-павильонного стиля снаружи, внутри высоченные комнаты с хорошими печами и каминами, да пожалуй, дверями. Впрочем, после халуп впечатление почти палатцо. Конечно, от прежней роскоши осталась только архитектура, которую иногда и пожаром не истребишь. Не знаю, куда уж делась вся мебель, только роскошные комнаты совсем пусты, ни стульев, ни столов, только куча разбитых и опустошенных буфетов, шкафов и комодов. На развалинах двух буфетов устроили нашу станцию. В разбитые окна дует, комната огромная, топим камин – тем и спасаемся. Перед входом валяется огромная куча всякого мусора, из которого maggiore parte^{5*} старые французские журналы, романы, да письма. Копаться мерзко, все обоссано и почти обосрано. Впрочем, выбрал № 3 Revue de[s] deux mondes¹, да какой-то роман. Сегодня на станции занимался в промежуток между возней с телефоном чтением старого журнального хлама: “Que c’est que sa le Samorra”^{6*} и прочее. Впрочем, это приятнее газет, действует успокаивающе. Часам к 10 вечера открыли станцию. Появились всякие гонцы с депешами, офицерики, штабные адъютантики. Сидя тут, постигаешь всю штабную механику. Душа этой механики, конечно, корпусной командир (впрочем, это s[o] z[u] zagen^{7*} только sub^{8*}-душа, подчиняющаяся высшим категориям u.s.w.), нервы – телеграфные линии, кости и мясо – артиллерия, кавалерия и пехота – ну, а всякие желтые и белые кровяные тельца – вот эти самые интендантки и адъютантики, иногда они, впрочем, кажется, просто вши и блохи, от которых, кроме зуда, никакого толку. Вертятся они тут на каблуках, хорошо кушают, сплетничают насчет Георгиев, ругаются: впрочем,

* Времена меняются (лат.).

^{2*} Без сомнения (фр.).

^{3*} Антураж, окружение (фр.).

^{4*} Загородного дома (фр.).

^{5*} Большая часть (ит.).

^{6*} Что такое Каморра². Искаженное от: Qu’est-ce que c’est la Samorra

^{7*} Так сказать (нем.).

^{8*} Под- (лат.).

они почти необходимы; корпус настолько сложная машина, что даже и блохи требуются. Бегают тут всякие генералы и полковники (один, между прочим, по манерам, фигуре, голосу и физиономии – копия Н.Я. Удалого – «идола» – только в мундире и с Владимиром на шее – что особенно смешно, так и ждешь, что это чучело пропищит: «Милый мой, ну как делишки[?]»). В качестве нерва воспринимаем всякие вести из внешнего мира. Теперешние странные эволюции наших армий несколько проясняются. Вот а ргорос отрывок из приказа, переданного 1 ч[ас] назад:

«Наши 2-я, 4-я, 9-я армии сосредотачиваются на Висле в районе Новогеоргиевск-Сандомир с целью нанести решительный удар герм[анской] армии. 5-й армии приказано возможно скорее перейти в район Люблин–Красник. 25-ому корпусу завтра сосредоточиваться к переправам через р[еку] Сан у деревень Брандвици, Заржеце».

Нам, значит, предстоит прогуляться к Люблину, когда-то мы туда придем. Выходит вроде того, что наш корпус на покой отправляют, ну посмотрим. Сейчас сижу с Семеновым, до 3-х часов сменяю Буханова и Зяблова. Обстановка своеобразная. Высоченная станция, с деревянным потолком, за окном терраса, на которой на соломе расположились телефонисты 46-й дивизии. Мы сидим перед буфетом из красного дерева на гнилой скамейке, украденной в халупе. Холодище, чуть-чуть согреваемся у тощего камина. Завтра, говорят, снимать линию, значит, и конец нашему квартированию в палаццо бывших ясновельможных панов станских. А все-таки, слава Богу, перемена обстановки, из халуп и до дворцов, в халупах, конечно, теплее и уютнее.

Nisko*, 21 сентября

Живые шахматы задвигались. Скоро, конечно, дело сказывается, да не скоро делается. Когда-то мы будем «в районе Люблин–Красник», а пока ползем. Впрочем, вчера целый день пробыл еще в Stany. Линию сняли в 12 ч. дня, до этого времени пробыл в штабе. При дневном свете палаццо оказалось совсем не роскошным – так, буржуазная потуга на уют и на роскошь. Кроме телеграммы, которую выписал, ничего интересного не узнал. Спал всего часа 4, зато чай пил ad infinitum. Полковник, похожий на «идола», оказался начальником штаба Галкиным. Видел и командира корпуса Рагозу (Бог знает, где надо ставить ударение, не то хохол, не то француз). Грузно шагает, борода, усы, брюхо толстое, и в общем в гимнастерке – хаки, похож на швейцара у Н.Е. Жуковского – молчаливого старичка, наверное, и сейчас заседающего около математического сортира. От съемки линии я улизнул, и остался в Станах. По штабу вечно рыщет Рябушинский, на каком он тут положении, определить трудно. Вернее всего, держат для курьеза. Впрочем, кроме пользы, наверное, от него ничего нет. Почему-то счел своей обязанностью мне представиться. Унив[ерситетский] значок тут немного помогает. Один российский воин спрашивал даже, не австрийский ли это орден у меня. Из палаццо, конечно, пришлось опять переселиться в халупу. К вечеру она переполнилась до крайних пределов, я спал почти под скамейкой. Легли поздно – пировали. Разумовский – запасник, сын дьякона,

* Ниско (польск.); у Вавилова иногда ошибочно – Nisco.

generalmente una persona strana e antipatico^{2*} застрелил во время съемки серну. Зверья в здешних лесах, словно лягушек в болоте, положительно на каждой версте встречаем зайцев, лосей, серн, говорят, есть и кабаны. Охота здесь воспрещена под громадным штрафом, а тем самым для зверья создается своеобразная «черта оседлости». Вчера серну торжественно приволокли на ружье в нашу халупу, сняли шкуру и попиروвали. Положительно приятно, безо всякого отвращения было смотреть, как резали почки, ребра и прочие штуки нутра серны. Ну, уж не знаю, как мог бы Толстой убедить своими описаниями бойни меня сделаться вегетарианцем. Это может быть печально, на коровьи, свиные и прочие туши смотрю теперь почти как на шоколад. Голод – не тетка. Спал скверно, а встали в 5 ч. утра. Однообразная картина! Дождик, холод и ветер. Стронулись с места в 7 ч. утра. Дорога до Nisko почти правильная, прямая. От шоссе только одно воспоминание, все выворочено, исковеркано, изрезано колеями и размокло. Движение бесконечных обозов, выполняющих лаконическую диспозицию главнокомандующего – одна тоска, положительно через каждые сто шагов околевшие и околевающие лошади. Печально, как умирающие дети, смотрят умные, наивные глаза, ничего они не понимают, за что умерли. Милые и несчастные «герои по неволе». Старый солдат, бившийся с Наполеоном, думаю не далеко уходил в своем геройстве. А лошади стоили бы особой эпитафии и памятника. Застревают и тяжелые артиллерийские ящики. Дальше ведь хуже будет. Посмотрим.

Nisko верстах в двух от Сана, не знаю, будем ли здесь завтра переходить или пойдем до Розвадова^{3*}. До Люблина еще верст 80 и как мы туда дойдем – не знаю. Чувствую себя «с завязанными глазами». Говорят, что недалеко слышно канонаду, что даже (obgleich fast unwahrscheinlich)^{4*} взята Варшава. Любопытно бы сейчас почитать газету, хотя бы за 15–16 число, сразу бы прозрел.

Nisko что-то вроде городишки и Gott sei dank совсем не разгромлен; хотя по-прежнему во всех халупах и «склепах» классическое «нема ниц, вшиске солдаты забрали». Халупы здесь уж городские о три комнаты, хотя по-прежнему, в маленькой комнате 6×12 ар[шин] нас будет человек 15–18. Впрочем, уютно. Пан помер, остались сынки сапожники и сейчас, по случаю воскресенья, дуются в карты и отказываются чинить сапоги. Все парни молодые (даже подозрительно, уж не переодетые ли солдаты). Сестра, болтливей меня пани, с черными волосами и блестящими черными глазами. Если бы не ругала жидов, принял бы за жидовку. Говорит без умолку, и о чем угодно. Окончила 6-кл[ассную] школу, говорит «трошки» по-немецки и по-польски, говорит так, что все понимаю. Спросила, что такое пишу – сказал, оказалось «коллега», тоже записывает, «чему свидетелем Господь ее поставил»¹, как они в «гай утекали», когда над Nisko летали шрапнели и забило «жидовку». Пани, кажется, первый тип echt[e] polonaise^{5*}, живая, остроумная, болтливая, недурная. Все солдаты за ней увиваемся (вот и ошибся, увиваются), я спокоен.

^{2*} Вообще личность странная и неприятная (*ит.*). Правильно: strano.

^{3*} Современное название Розвадув.

^{4*} Хотя почти невероятно (*нем.*).

^{5*} Настоящая полька (*нем.*, *фр.*).

Занимаюсь изготовлением шахмат из австрийских и русских пуль, гильз и монет. Беру патент!

Хотел было пофилософствовать, да собираются спать, суетня.

Nisco, 22 сентября

Вчерашний день имел еще финал. Пошел я, отправляясь спать, из халупы «до ветра», гляжу, в кухне свет, у плиты пристроились Разумовский и Балашов, варят суп из остатков серны, получил приглашение принять участие. Печка, запах кухни, сносная чистота – и остался. Закусили, выпили «хербаты»*.

Сынок «пан-сапожник» выполз на разговор из своей комнаты, вынул из стола губную гармошку. И пошли Краковяки, Мазурки, Польки, «Еще польска не згинела»¹, «Граф Люксембург»² etc., etc. Появилась и пани, слегка подпевая «Марш, марш, поляки». Чуть было не пустились плясать. А пани и умна, и весела, и «ungeniert»^{2*}. Читала и Сенкевича, и Словацкого, и Мицкевича. Слыхала и про Пушкина. Какая уж тут война. Польский сапожник, краковяк, Мицкевич и ни следа вражды, косых глаз. Ну, как понять такую войну, такой полный духовный нейтралитет и истинный гуманизм. Польский «гонор» чувствуется, конечно, и у паненки, и у пана сапожника, который, кстати, сейчас зарабатывает хорошую денюгу, чиня сапоги солдатам. Будь я беллетристом, расписал бы я эти сцены, по истине освещающие смысл войны и дух народа. «Вшиске едно» – по отношению к последствиям войны. Или это характерно только для Австрии и Польши. Талантливая, несчастная страна, кастрированная глупой политикой и обиженная судьбой. Идиотская, иррациональная, ласкутная^{3*} Австрия, глупая, как раскрашенная физиономия клоуна, существует и даже борется за свое существование с успехом, а органическая, целая Польша разлагается и гибнет. Дай ей Бог после войны хорошего. После литературно-музык[ального] дивертисмента ночью несчастная история с поносом, штанами и запором. Ну, об этом распространяться не стану, хотя здесь комедия и водевиль на один шаг от трагедии «без штанов».

Сегодня почиваем на лаврах, хотя лавры эти очень подозрительные. Откуда-то слева целый день слышна артилл[ерийская] стрельба. Опять началась музыка, на этот раз, кажется, русско-прусского происхождения. Думаю, дерутся у переправы через Вислу. Ничего определенного не знаю, но говорят, что пруссаки идут ломаным фронтом и мешают соединению наших армий. Рассказывают о 8000 прусс[ких] пленных и проч[ие] хорошие вещи, где-то, говорят, и австрийцы появились. Ох, не повторилась бы Вулька-Орловская. Страшновато, особенно не зная положения дела. Почти целый день сидим в халупе. Собирались было на наводку, но наводка ничтожная до

* Herbata – чай (польск.).

^{2*} Без стеснения (нем.).

^{3*} Так у Вавилова.

Сана и до квартиры командира. Дождик по-прежнему. Паненка оказалась к довершению всего поэтессой. Выписал у нее из альбома стихи, которые меня заманили, главным образом, намеками на Италию.

Polska nie zginie³

Pat[r]z! wokół ciebie na rzymskiej
równinie
Co zostało z dumy!
Pośród pustyni mętny Tyber płynie,
Wkoło zwalisk rummy.
I tu chadzali w purpurze i złocie
Niesprawiedliwości –
A dziś ich świątyń marmuryśpią w błocie
Nad prochem ich kości.
I tu mawiali: «Wytracim narody,
Roma jedna będzie» –
Pat[r]z! po ich cyrkach jak pasą się t[r]zody
I błuszcz pełza wszędzie!
A tchnęli jednak tą siłą bez granic,
Co świata p[r]zykładem,
Ale przepadli, bo struli się na nic
Własnych zbrodni jadem.
Wyczytaj z gruzow tej Kampanii Rzymu,
Że Polska nie zginie!
Moc bez miłości podobną do dymu:
Nie my – ona minie.
Jak z tych katakumb, co leżą pod spodem,
Krzyż wzbił się zwycięsko –
Zwycięskim z grobu wyjdziemy
pochodem,
Nieśmiertelni klęską!
Niechaj mi świadczy ten Forum ludowy,
W pusty zmienion parów,
Niech mi te świadczą pościnane głowy

Korynckich filarów.
Niechaj mi świadczą te bogów posągi,
Pryśnięte w kawały,
Te wieże, termy, łuki, wodociągi,
Przedziczałe w skały –
Niech mi te świadczą grobowce bez końca
Ze wzgórze na wzgórze,
O Niech mi krąg świadczą italskiego skońca
Nad nimi w lazurze –
Niech wszystko świadczy tu, z dala czy z
bliska,
W górze czy nizinie,
Światło niebieskie i ludzkie zwaliska –
Że Polska nie zginie!
Że jest duch mściciel, co z Bożej zarady
Tkwi w dziejów głębinie –
Że giną fałszy, wiarołomstwa, zdrady,
Lecz Polska nie ginie!
Że ujarzmicieł, choć dziki i śmiały,
Przeznaczon ruinie –
Że giną rzymskie triumfy i chwały,
Lecz Polska nie ginie!
Że grom zwycięskie wbija w ziemię kąty
O sądu godzinie,
Że giną grzeszne i wieki, i światy –
Lecz Polska nie ginie!^{4*}

Olga Warcholowna 29/9 1914

Olga Warcholowna,
ul. 3gomopz. Nisko, Galicya^{5*}

^{4*} Посмотри! Вокруг тебя на римской равнине
Что осталось от славы!
Посреди пустыни мутный Тибр течет,
Вокруг руин остатки
И здесь ходили в пурпуре и золоте
несправедливости
А сегодня камни их мраморных святынь
спят в грязи
Над прахом их костей.
Здесь говорили «Истребим народы,
Останется лишь Рим –
Смотри! На их цирковых аренах пасутся стада
И плющ повсюду вьется!
А были полны той силой безграничной,
Что являла миру пример,

Но пропали, отравившись
Ядом своих злодеяний.
Пусть подсажут тебе развалины Рима,
Что Польша не погибнет!
Сила без любви подобна дыму:
Не мы, а она пропадет.
Как из подземных катакомб
Крест вознесся победно –
Так и мы из гроба выйдем с победой,
Став бессмертными благодаря поражению!
Пусть подтвердит это народный Форум,
Превратившийся в пустой овраг,
Пусть подтвердят это отрубленные головы
Коринфских колонн.
Пусть подтвердят это статуи богов,
Разбитые на куски,

На досуге переведу, благо раздобыл польск[о]-нем[ецкий] словарь. Когда паненка читала, то в первый раз постиг красоту «юсов»⁴. А проpros, почти решаюсь in der Zukunft^{6*} изучить польский язык, чтобы читать Мицкевича и Словацкого. Язык певучий, остроумный, звучный и иногда архаично-величественный. Паненка часть стихов сама переписала. Зовут ее Ольгой Вархоловной. Симпатии их к нашим солдатам, кажется, самые искренние. Кстати, паненка не то «душа нараспашку», не то кокетка показала стихи и прозу, которые вчера ночью записал. Ну, понятно, опять «огонь и меч на несчастной Польше» etc. Но это, конечно, правда. Больше не делал ниц^{7*}. Ходил на почту. Ниц.

Городишка в центре совсем благообразен, конечно, печально плоск, но по-немецки чист и благоприличен. Пили бесконечные «хербаты», истребляя остатки сахара, доедали остатки серны. Сын пани добро-лукавой старушки заработал с солдат рубля 3, на эти деньги раздобыл где-то спирт и распивал его с солдатами. Впрочем, ей Богу, у меня никакого эпического таланта. Здесь-то и liegt der Hund begraben^{8*} – душа и центр войны. Ну, отложим до будущего досуга, а пока буду больше philosophieren.

Яроцин*, 24 сентября

22-е сентября опять было с совершенно неожиданным финалом. Совсем было улеглись в мирной обстановке теплой халупы – вдруг собирайся выступать! Himmel^{2*}, как все завертелось и взбаламутилось. Не иначе вторая Избица! Пани, паненка заволновались не меньше нашего, чуть не слезы, угощают, жмут руки, словно мы им братья родные и, Бог знает, что зробили. {А впрочем, Боже, как трудно сейчас писать, ежеминутно перерывают, задают вопросы, холодно, приходится писать, стоя на коленях на сыром полу, от свечки чуть ли не на два аршина. Репортерской заметки-то, а не то что дневника не выйдет. Да, одиночества не хватает.}

Панские слезы, панские улыбки, вздохи и объятия – вы самое драгоценное, что останется от этой войны.

Эти башни, термы, арки, аквадуки,
Превратившиеся в камни,
Пусть подтвердят это бесчисленные
гробницы,
Расположенные на всех холмах,
Пусть подтвердит это итальянское солнце
Стоящее над ними в лазури –
Пусть подтвердит все, что здесь есть далеко
или близко,
На горах или в низинах.
Свет небесный и развалины –
Что Польша не погибнет!
Что есть Дух-мститель, который
по Божьему промыслу

Таится в глубине времен (истории)
Что гибнут обманы, вероломства,
предательства,
Но не гибнет Польша!
Что поработитель, даже дикий и смелый,
Обречен на гибель,
Что гибнут римские триумфы и слава,
Но не гибнет Польша!
Что гром вбивает в землю победные стрелы
О времени Суда,
Что гибнут грешные и века и миры,
Но не гибнет Польша.

(Подстрочный
пер. В.И. Герасимова)

^{5*} Последние две строки написаны другим почерком.

^{6*} В будущем (нем.).

^{7*} Nic – ничего (польск.).

^{8*} Зарыта собака (нем.).

* Яроцин (польск.).

^{2*} О небо (нем.)

Оказывается, пошли переправляться через Сан. Недалеко, ночь светлая, часам к 12 ночи приехали в какую-то гнилую, болотистую «вещь». Ночевал почти буквально на площади в $1\frac{1}{2}$ кв. метра, в стодоле, рядом с винтовками, казаками и лошадьми, согнувшись погигбели в 4. Обозы беспрерывно переправляются, отстают, вязнут на цепких дорогах. Утром, часов в 7, поехали к деревушке Пышницы. Первое удовольствие на биваке спастись от дождя, холода и ветра в халупе, запалить печку, согреть хербаты и посидеть. Думали, застрянем. Увы, *avanti egregi signori*^{3*} верст 15 прогулки и верст 20 наводки. Но об этом после, покончу с панами и халупами.

Осели мы было в Пышенцах у старого, хворого пана. Купили у пана курицу, заварили хербаты, суп, добыли «трошки млика». По обыкновению, пан удивляется, что он нас, а мы его, понимает, что я могу читать по-польски etc. Стали уходить, пан отказывается от денег, целует, плачет. Боже, да что это такое. Где же она, война, кроме бездушных штабов, корпусов и всей великой, но бездушной, механичной армии. Остались только люди, добрые, милые – христиане, да опять еще несчастная Польша, посылающая своих сынов на саморазрушение. Поцелуй старого австрийского поляка солдату, врагу, да еще какой теплый, глубокий поцелуй – этот поцелуй крест над нынешней и всякой будущей войной.

Поперли до Яроцина. По-прежнему, еле идем под дождем, градом, ежась от холода, да еще трагедия, взял новые казенные сапоги, сшитые только на армейских голиафов и, конечно, стер себе ноги. Каждый шаг – мученье. Решился на «обходное движение», выпросился у Бартенева остаться при станции. Ночь, дождь, больная нога, наводка все это вместе казалось самым адом, а станция с печкой, хербатой – раем. Прием удался. Сижу на станции, ничего не делаю, покупаю на последние деньги свинину, жарю картофель, чертил Лычину карту, дрожу от холода, болит живот. *Das ist alles*^{4*}.

На станции насмотришься многого, интенданты, адъютанты etc. и все это на волоске висит в зависимости от обрыва линии. Сегодня убедился, что даже начальник штаба очень мало знает, положительно слепая война. Галкин говорил, что Ренненкампф разбил на пр[авом] фланге 3 нем[ецких] корпуса. Все наши передвижен[ия] слагаются в результате 2-х сил[:] 1) стремления к Люблину и 2) удираания от 5 корпусов австрийцев, которые неведомо откуда-то появились. Впрочем, говорят, их тоже обошла 3-я наша армия, а пока кто с кем-то бьется, наши отчасти удирают, отчасти храбрятся. «Будем посмотреть». А сейчас наелся пирогов (!!!!) и ложусь спать. Пироги эти – прекраснейшие были изготовлены из 1) жита, 2) капусты, 3) свинины. Близость к природе необыкновенная. Да, а ргорос сегодня, вероятно, последний день в Австрии, возвращаюсь в отечество. Австрии, конечно, не видали, а только бескровную, несчастную Галицию, полурусинску[ю], полупольскую. Что-то будет. Главное, скверно – зима.

^{3*} Вперед, уважаемые господа (*ит.*).

^{4*} Вот и все (*нем.*).

Россия: Янов*, 25 сентября

Сегодня Сергиев день. Преподобне Отче Сергие, моли Бога о нас! И первый снег сегодня показался – ужасная «первая ласточка». И, наконец, Россия с городowymi, чиновниками, русским языком. Даже гармоника на улицах играет. Понять трудно, в чем дело и почему мы в России. Сегодня утром вышли из Яроцина и простились с Австрией. Мороз, вода застыла, резкий ветер, слава Богу, нет еще дождя, но зато изредка легкие первые снежинки тихо падают на шинели. Шли вдоль^{2*} бревенчатой дороги, мастерски сделанной австрийцами до самого Янова. Убежден, что русское воинство таких следов-памятников в Австрии не оставило. Налево, вдоль дороги, на ясном небе все время появлялись подозрительные облачка – извержения взорвавшихся шрапнелей. Что это значит – не знаю. Вообще, кто кого бьет, пока не понимаю. В Янове сахар 35 коп., да и то за ним надо охотиться. Жиды из-под полы продают булки с ладонь величиною за 10 и 15 коп. За то все прочие несъестные магазины торгуют, ходят почтальоны, вообще, Gott sei Dank, в городе чувствуется дыхание живой жизни. Можно постричься и даже пить кофе. Я выпил за 10 коп. стакан черн[ого] кофе и почувствовал себя живым человеком. Ну, да завтра допишу.

Красник, 27 сентября

Не дописал по простой причине; надо было гасить свечку. В халупу, где поселился, все время лезли, как мухи на огонь, пехота, казаки и пр., которые вместе с бесконечными обозами застряли в Янове. Свечку загасил, но ломились целую ночь. Хуже блох и вшей, прости Господи.

В Красник попали (грустно писать это «попали», а не «попал», но ведь от самого себя так мало осталось) вчера к вечеру. Верст 30 плелись по проселочной дороге, старательно объезжая «шоссе», ставшее теперь дорогой из Дантовского ада. Ужасное мучение, шинель и сумка тянут, мысли замирают в голове от общего утомления, думаешь о том, как бы поесть и это в продолжение почти 10 часов. По дороге пережат за пережатом, сосновые леса, окопы, оста[т]ки битвы, которая была и давно и недавно. Патронные коробки в окопах вымылись дождем и побелели, в окопах вода, кой-где деревянные кресты – эфемеры над русскими и австрийскими солдатскими могилами. Около Красника окопы вдоль дороги тянутся чуть не на версту. А все это теперь «дела давно минувших дней» и обращается в легенду. Если, Gott bewahre uns*, австрийцы сюда не вернуться, каждый день гуще и гуще будет падать прах веков и останется только пища для археологов. Для науки раздолье и новые бездны. Томы, стогбы^{2*} и библиотеки диссертаций, музеи, седые головы, университеты, молебны, панихиды, а иногда юбилей – вот он «гром победы» в будущем.

Красник – паршивое жидовское гнездо, а есть основание думать, что мы здесь застрянем. Горы, долины, болоты, узкие, гористые улицы, словно в Неаполе. Вчера вечером (пятница) жиды начали закрывать свои лавчонки.

* Современное название: Янув.

^{2*} Далее зачеркнуто «дорог» (нем.).

* Не дай Бог (нем.).

^{2*} Так у Вавилова.

По извилистым грязным проулкам зашмыгали сгорбленные, крадущиеся фигуры жидов с священными книгами в руках. Идет, словно что украл или таит какой-то страшный секрет. Ах, жида, жида – интересный и глубокий вы народ, даже в гортанных выкриках какой-то психоз и мания.

Спали, конечно, в халупе. Сейчас сидит человек 15^{3*} на халупе и занимается облавой на вшей, противно донельзя, надо спасаться, пойду на почту. Цинизм и откровенность крайняя.

Странная, грязно-живописная картина [–] польские городишки. Шатался сегодня по Краснику. Сегодня суббота, половина жидовских лавок заперты, впрочем, часть жидов торгует. На улице, кроме солдат, рвущихся, как голодные соб[а]ки, в лавки, да жидов никого нет. «Дух живой» еле дышит, армия скорее признак смерти, а не жизни. Машина из душ и живых людей. Зашел в костел. Тишина, покой, «жизнь живая» и святая, и такой сильный «дух» Италии пахнул, что я в восторг пришел. Барочные резные иконостасы и алтарь, веселая кафедра с пляшущими ангелами – рококо, а кой-где в стенах остатки старого, архаического костела, у входа на колокольню остатки портала с надписью «sub anno 1541^{4*}». Много интересных в историч[еском] смысле картин, а в левой капелле (угловой) какой-то отзвук Греко. В капеллах погребены какие-то почтенные мужи с великолепными гробницами (ломаные «крепкие» фигуры бородатых рыцарских фигур [–] (тип гробницы князя Острож[с]кого в Киеве). Все подновлено, блестит дешевыми, но милыми красками католицизма. Италия, милая Италия, словно бродя по какому-нибудь Арrezzo забрел в тень и свежесть костела, где в тесное органическое целое, непонятое логически, но так связанное религиозно и исторически^{5*}. Всю прелесть Польши и составляет этот экзотический аккорд Италии и славянства.

Среди болот и сосен, среди всего скверного – цветы юга, душа юга. Да разве Шопен не весь в этом удивительном аккорде Италии и славянства. Это вовсе не антагонисты. Скорее они звучат в унисон, но есть разница в колорите, тоне. Во всяком случае, Польша – Италия славянского мира. Даю себе слово изучить польский язык, польскую историю и культуру. Будет время [–] поживем. Снаружи красникский костел почтен, окрашен в светло-голубую краску с белой прокраской деталей – для Польши это характерно.

Говорят о каком-то здоровом поражении немца, но пока помолчим.

Красник, 28 сентября

Сегодня воскресенье и в первый раз все это чувствуют. Что сей сон означает, пока не понимаю, не близость ли конца. Давай, Боже. Городишка переполнен до края солдатами, кроме «осевших», как мы, на квартирах, все время движутся измокшие, издрогшие колонны пехоты и разбитые обозы. Они расположатся, по-видимому, в окружающих деревнях.

^{3*} Далее зачеркнуто «в».

^{4*} [Построено] в 1541 г. (*лат.*).

^{5*} Так у Вавилова.

Впечатление от пехоты самое ужасающее. Изорванные, истомленные, редко у кого уцелела форма, кто в австрийской шинели, кто в панском пиджаке, у одного на голове даже чайник. На чай, булки, сало бросаются, как безумные. На моих глазах пехотинец заплатил 35 коп. меньше, чем за ½ ф[унта] хлеба. Да, хлеб на войне, кажется, не менее нужен, чем патроны. Но, несмотря на эти голодные полчища солдат, настроение в городе и у нас воскресное. Гуляем по городу, по жидовским чайным. Проживаю последние рубли (кстати, вчера получил жалованье за 1½ месяца; 450 руб. – очень кстати), пью неисчислимыми стаканами чай (по 3 коп. с сахаром), балакаю по-немецки с жидовками, благо это так просто. Вставил у жида стекло в часы и теперь у меня опять на левой руке «глагол времен, металлов звон»¹ – надолго ли? Едим булки, жидовские медовые пряники и даже шоколад. Ох, если бы получить свои 150 руб. Зашел опять в костел. Полно: и поляки, и наши. Единение церквей и притом полное, практическое осуществляется перед

страшным чудищем войны. Перед католическим, «женственным» алтарем, как перед замкнутым, тайным «мужественным» темным алтарем русской церкви. Красникский костел по-прежнему очаровал своим «итальянским» аккордом. Игривая, веселая, позолоченная, раскрашенная кафедра – рококо, картины – иконы школы Греко (в этом я убе[ди]лся сегодня совершенно), две большие композиции на боковых стенах очень слабы по технике и совсем не колорита Греко, но общая архитектоника с разделением на 2 яруса «на небе и земле» с вытянутыми, лихорадочными, костлявыми, экзальтированными фигурами, с вытянутыми овалами лиц и грековскими глазами – все это ясно выдает школу Греко. «Коронование Св[ятой]

Девы» в левой капелле у входной стены наиболее талантливая вещь. Это уж совсем Греко. Серебристо-серый, «облачный» колорит, фиолетовая прокраска одежд преклоненных фигур в «первом ярусе» и опять лица – все это Греко несомненный. Каким образом в польско-жидовский Красник попал итальянско-испанско-греческий Греко? Положим, к Польше, с ее мистическим туманом юдаизма, Греко подошел не хуже, чем к мистике Толедо. Дело, конечно, не в «гениальности» картин, они, пожалуй, даже не талантливы, дело в духе Греко. В некоторых картинах чувствуется Веронезе, Тьеполо. Возможно, конечно, что Италия посылала своих живописцев-учеников в верную католическую Польшу.

Костел 16-го столетия, на одной гробнице какого-то Новины такая надпись: *Nowina, cui insigne fuit cognomen avitum Kosle iacet tumulo andreas regulus in isto vir pietate vieens, morum gravitate decens. In patriam studio clarus constansque fidusque quatuor hic aetatus (aetate?)*

vixit lustraque decem futurus semper coelestis vincola regni. Barbara Maestafi coniux post fata superstes hanc posuit lachrymens devote corde columnam non prius hinc surgat donec sue corpora rurus efeciet divus terrae victricem maetis. Gen: and: Kosla oby: anno MDLXXXIX Qua ridus domi*. Да, вокруг костела целая поэма.

Осели, говорят, надолго, тут стоит штаб армии и гоняться, следовательно, не за кем, говорят о 2-х неделях и т.д. стоянки. Из повозок приказано очистить все имущество, в халупе какое-то мерзкое подобие казармы[:] грязь, солома, гармоника, руготня, бздение и никакой возможности сосредоточиться. Сейчас каждое слово выписываю «с бою».

Что делается с «неприятелем», не знаю. Ну, конечно, солдаты говорят о «миллионе пленных», 14 разбитых корпусах и о том, что мир будет заключен чуть ли не завтра. Не получаю писем. Грустно, живого голоса не слышу, солдаты не люди. И как просто они в «не людей» превращаются.

Красник, 29 сентября

Как будто и почиваем на лаврах, толкуем о мире и переходим на самый казарменный *modus vivendi** (для меня-то этот *modus* совершенная *vita puova*^{2*}, а потому особенно страшна и отвратительна), а недалеко всю ночь грохотали пушки, предлагая не забываться. Что там творится *habe keine Ahnung*^{3*}. Слепы, как кроты. Живем августовскими газетами. «Непшиятель», впрочем, может прийти совсем «яко тать в нощи»^{4*} – одна надежда на генералов *e tutti quanti*^{5*}. {Иностранные словечки вставляю все время для отпугивания посторонних глаз. Вокруг засели и смотрят, как совы.} Не осуществляется ли «решительный удар» германской армии – а, может быть, и наоборот. Настроение очень невеселое. Сидим в тесной комнате, человек 20, т.е., вернее, не сидим, потому что всего 3 стула, а лежим на мокрой, гнилой соломе или стоим. Играют в банк. Темно. Чищу винтовку, занимаюсь хозяйством. Выйти наружу еще противнее, кругом болото, сверху медленный, противный дождь, в городе жиды празднуют Кущей¹. Со всеми солдатами как-то разошелся, ибо «в одну телегу впрячь невозможно² etc.». С офицерами тоже несхожусь, хотя отношения хорошие. Вообще, между небом и землей. Хорошо бы пространственно изолироваться, освободиться от «патрулей» и всласть, на свободе, пофилософствовать.

* Новина, чье старинное прозвище было Козле, лежит в этой гробнице муж Андрей, муж, побеждающий благочестием, украшенный твердостью нрава. В служении отечеству славный, постоянный, верный, проживший здесь четыре и четыре (или пять) десятков лет, всегда будет насельником царства небесного... Барбара Маестафи, супруга, пережившая печаль, оплакивая, с благочестивым сердцем (душой) поставила после роковой утраты этот столп, рыдая в преданном сердце. Поднимется отсюда не ранее, чем Бог эти тела вновь не воссоздаст. Благородный Анд[рей] Козла умер в 1589 году в родном доме².

* Образ жизни (*лат.*)

^{2*} Жизнь новая (*ит.*).

^{3*} Не имею никакого представления (*нем.*).

^{4*} Как вор ночью (*библ., церк.-слав.*).

^{5*} И всех прочих (*ит.*).

А физику-то я совсем забыл. Ведь она одна – дело. Остальное, даже и война, только «tempus terere»^{6*}. Ей Богу, это часто в голову приход[ило], даже в походе, когда не идешь, а почти влачишься – кажется, что не дело делаешь, а развлекаешься. Следовало бы физику не забывать и хотя бы мечтать физически. Как подумаешь^{7*}, что будет в этом отношении, «голова кружится и мальчики кровавые в глазах». И тем не менее, физике не изменю, это то единственное стекло, через которое на мир можно смотреть совершенно спокойно и эстетически безгрешно.

Господи, дай скорее вернуться к физике! (до того скверно, что плачу, когда пишу эти строки).

В Краснике есть еще «старый» маленький костел. Дряхлый, маленький, а подперт 2-мя контрфорсами. Заперт. За деревянной оградой стоят 4–5 памятников из камня, поседевшего от времени, прекрасные остатки начала XIX столетия. Печальная погребальная урна, с плачущим амуром на барельефе, обелиск, тонкий, изящный шрифт надписей. Амбир среди красниковской грязи и жидовской мистики – отзвук блестящей жизни панства – опять яркое пятно на сером «грековском» туманном фоне Греко. Опять повторяю, думаю [–] от Толедо до Красника недалеко.

На скатах холмов остатки старых жидовских кладбищ с серыми надгробными надписями, всегда таинственными самым своим шрифтом. Ей Богу, даже жидовские ежедневные листки, которые солдаты завертывают на цыгарки, таинственны не менее Библии и Каббалы.

Конечно, это парадокс и *höchst übertrieben*^{8*} ставить знак равенства между Красником и Толедо и искать душу Красника в картинах Греко, но, Господи, мне это сейчас больше чем простительно.

А *propos* опять судьба и фатализм. Не забыл еще, как в Виченце наты[к] ался в церквах на Греко, входил в раж и ловил себя в симпатии к Тинторетто через Греко, а не наоборот. За год я Греко немного, урывками, постиг Греко^{9*} и вот теперь опять наталкиваюсь на его отголоски.

Ай-ай, как хорошо будет после войны и службы заняться Пьеро, Греко и проч[ей] ерундой.

Постреливают. Везут раненых. Говорят, что неприятель у Янова. По крайней мере, жида «утекают». Евреев здесь пока не встречал, сплошь жида.

Красник, 1 октября

Октябрь, от одного слова так осенью, грязью, дождем и холодом несет. Кажется, сегодня двинемся отсюда куда-то к Висле. Бррр... Страшно становится, как подумаешь, что придется идти по промокнувшей земле с тяжеленным ранцем на плечах, в широких тяжелых казенных сапогах, которые

^{6*} Пустая трата времени (*лат.*).

^{7*} В оригинале «подомуешь».

^{8*} Сильно преувеличено (*нем.*).

^{9*} Так у Вавилова.

снимаются с ног и увязают в грязи при каждом движении. Еще неделя такой погоды и война, кажется, физически станет невозможной.

Вчера не имел времени писать, целый день хлопотал и, в общем, днем был доволен. Прежде всего, получил письма (целых 6 штук) и газеты. Каждое письмо интересно и деловито, каждую строку почти смакуешь, как-никак, а вести от живых людей. Дома все съехались, следовательно, все по-новому. Получил письмо от Stramucci, это уже совсем прелесть, сколько наивности, пафоса и искренности: «sfacciato, brutale Guglielmo»*, конечно, сволочь (но человек а прогос с громадным пафосом, а это признак таланта), но так в раж от него может войти только Stramucci. Надо скорее ему ответить. Пишут, что шлют деньги, но, увы – муки Тантала, приходится занимать по целковому и дрожать за них. Кс[т]ати, вот списочек моих долгов для памяти и для воспоминаний:

Панфилов	–	15
Гордейчук	–	7.25
Пролубников	–	5
Мишов	–	3
		<hr/>
		30.25

Есть письмо от К.А. Леонтьева. Судя по письму, с физикой ganz und gar^{2*} (нрзб.). Бестолочь коллоквиумов, Röntgenstrahlen^{3*}, руготня Линниченко und das ist alles^{4*}. Запереться бы от всяких газет и войны в лаборатории с библиотекой и, кажется, Бог знает, что натворил бы. Черт с ними и с Вильгельмами^{5*}, и с артиллери[е]й, и с кавалерией – только бы лабораторию, библиотеку и поменьше внешнего шума.

Письма Евсеича, конечно, открытки – а у него там на Чудовке, верно, уютно и тепло. Пьют чаек, сплетничают, смотрят древности, «мир, тишина и благоволение»¹.

От газет только сумбур в голове, понять что-либо трудно. Не то плохо, не то очень хорошо. Скверно то, что даже в объявлениях о ресторанах – война, даже в Летучей Мыши² – война, – никуда не спасешься. Брюсов в «Р[усском]В[естнике]» пишет сухие, поверхностные, наивные корреспонденции.

После чтения писем и газет – обед, письмо домой; вечером пошел в штаб в гости к вольноопределяющимся] Шварцу и Успенскому, на 1 ч. попал в человеческую обстановку. Устроились они хорошо, «корреспондентами» с «халуем»^{6*} и пр. Помечтали о «прапорщицком» чине, сейчас это кажется чуть ли не царством небесным. Поговорил по-человечески, по-человечески пил

* Наглый, грубый Гульельмо (*ит.*).

^{2*} Вовсе (*нем.*).

^{3*} Рентгеновские лучи (*нем.*).

^{4*} И это все (*нем.*).

^{5*} У Вавилова «Вильгельмамами».

^{6*} «Халуи» («холуй») – здесь, по-видимому, слуга.

чай. Часов в 7 поплелся через Красникские болота домой. Жиды возвращаются из синагоги, бесшумно скользя по улице с Торой подмышками.

Дела военные, кажется, идут недурно, переходить через Сан и Вислу не дают. Подъехала лионская тяжелая артиллерия. Солдатам и совестно и весело сразу. Хорошо бы заснуть недели на 2, проснуться и посмотреть «цо новёго»^{7*}. Возможно все. Получать новости такими «двухнедельными квантами» было бы хорошо и совсем нескучно.

Перспектива сегодняшнего путешествия ужасает. Кстати, начал было вирши, да сосредоточиться некогда.

Дождик слезливый сочится из серого ровного неба
Грязь и болото кругом; наружу выглянуть страшно
В мокрый туман запеленут призраком высится Красник
Прах веков и людей гниет на вершине и скалах.
Белый, мирный костел, как старуха, горбатый, костлявый
Добро, уютно и старчески сморщившись, смотрит.
В грязных проулках, как черви, жиды копошатся,
Странные люди-кроты, с печатью проклятья и тайной.

Красновицы, 3 октября

1-го числа все-таки еще не тронулись, и очень кстати. Прежде всего, теперь, хотя еще и незримо, над моими плечами парят унтер-офицерские лычки. 1-го октября – праздник 25-го сап[ерного] батальона. Устраивать в красникской грязи парады – одна* карриатура. Собрались, помесили грязь, подождали попа, который не явился, покричали ура etc. Доктор снял группу, да вот еще «произвели». Я доволен, значит не забыли, что время производить в прапорщики, хотя прапорщицкое состояние больше интересно там, в Старице, а не здесь. Кроме того, настоящая радость, получил из дома 2 посылки, монпансье, печенье, шоколад, консервы, белье – как из рога изобилия. Почти плакал, разрезая частые швы заботливо закрытой посылки, перебирая шоколад, белье, все эти портянки, теплые вещи. Мать – милая. Одно и самое святое и дорог[о]е там, всегда в мыслях со мною. Тайственная сила связует и физиологически, и психологически нас (да разве можно говорить тут о «нас», когда тут одно, безо всяких швов и гран[и]ц).

А как тает эйнемовский шоколад на языке, как изысканно-тонко печенье – словно опять из ада в рай попал. Целый день возился с этими вещами, рассовал «драгоценности» по повозкам и вчера утром в противный поход. Впрочем, спасибо природе.

Осины, 5 октября

До этой минуты времени не было свободного, ходьба, отвратительное спанье по 25 человек на соломе, с блохами, свиные супы, от которых единственные видимые результаты [–] понос и рвота. Живу одним шоколадом

^{7*} Со nowego – что нового (польск.).

* В оригинале «онда».

да монпансье, которые грызу по дороге*. Как милые вестники далекого дома тают аккуратные, словно лакированные кусочки эйнемовского «Серебряного ярлыка», ведя^{2*} за собой целую свиту воспоминаний. Опять физиология здесь в тончайшей ассоциации с психологией. Ей Богу, «Сер[ебряный] Яр[лык]» и «Буттер Ваффер» – вестники иного, прекрасного, мира. Гастрономической философии пока довольно,.. «грешен летописный, я позабыл свой слог, картине живописной не уступить не мог»¹.

Итак, следовательно, из Красника снялись и кончились блаженные дни квиетизма. Потянулись к Висле, к Новой Александрии^{3*}. Четырех дней не прошло, а вот сейчас уж трудно вспоминать дорогу. Вначале хмурое небо, грязь Красника с лошадьми иссохшими^{4*}, почерневшими, павшими по дороге; кое-где еще дышат, посылая вз[д]охи – упреки – кому? Богу, людям, природе? Какой-то молодой жидок в ермолке и лапсердаке взялся сопровождать обоз, потянулись по какой-то проселочной дороге, достаточно неезженной, по крайней мере артиллерия не принимала^{5*} благосклонного участия в исковеркании дороги. Идти лесками по еще зеленой бархатной траве даже приятно. Лиственные породы еще только начинают осыпаться и щеголяют всю роскошью осенних эфемерных костюмов. А казенные сапоги по-прежнему натирают ноги, несмотря на все носки и портянки, ранец и винтовка тянут, думаешь и наслаждаешься через силу. Впрочем, удовольствий и кроме «цукерных» достаточно, карманы шинели набиты газетами, которые смакую на каждом привале. Тут и Р[усские] В[едемости]², и Р[усское] С[лово]³, и Н[овое] В[ремя]⁴, и Речь⁵ [-] «вшиске»^{6*}. Впрочем, газеты скучны, бледны и наивны, ни одной осмысленной-глубокой строки. Где они, и Вася Розанов, и Мережковский, Перцов и пр[очие], от которых ждал умного слова. Руготня фирмы «Эйнем» (да за его шоколад и печенье ему все вольные и невольные грехи простить надо), сентиментальные сборы белья и день «Веры, Надежды, etc.», или уж жили бы нормальной человеческой жизнью, или дурака не ломали.

Шли через^{7*} потонувший в грязи Уржендов^{8*}, верст через 20 остановились на привал в какой-то деревушке около Ходала^{9*}. Какой уж тут отдых, когда в ½ ч[аса] надо разгрузиться, «сготовить хербаты», съесть отвратительный свиной суп и вновь нагрузиться; только тяжелеешь, живот пучит, еле движешься. Солдаты клянут ротного, равномерно подвигающегося на кобыле в голове обоза, видят в нем чуть ли не дьявола в образе человеческом, находящего наслаждение в измывательстве над солдатом. Впрочем, кап[итан] Поройков, добродушный мужиковато-бабьего вида командир в хорошем настроении – «рубаша», но воспламеняющийся как порох. Кажется, и специалист хороший.

* В оригинале «по дорогу».

^{2*} Слово «ведя» надписано над зачеркнутым «неся».

^{3*} Далее Вавилов пишет Ново-Александрия.

^{4*} Слово «иссохшими» написано поверх зачеркнутого «впалы».

^{5*} Далее зачеркнуто слово «своего».

^{6*} Все – от *wszystko* (польск.).

^{7*} Далее зачеркнуто «погряз».

^{8*} Правильно: Ужендув.

^{9*} Правильно: Ходель.

Ходал сожжен и разбит не то русскими, не то австрийскими снарядами, даже красный кирпичный костел стоит без крыши, весь ошипленный, словно в оспе. Во всем местечке уцелела только гробовая лавка, стоит чистенькая белая халупа с новенькой вывеской. Впечатление жуткое. Затем поползли через какие-то пески, болота – солнце село; над головой жужжит германский аэроплан. Ожидание бомбы в момент, когда машина, голова и центр тяжести земли лежат на одной прямой – очень скверное. Секунды три, но идешь, словно под занесенным ударом. Все может случиться так просто, но последствия будут «окончательны» для самого себя, останется только деревянный крест, ставший здесь таким ординарным, словно почерневшие польские кресты на перекрестках. Finis под аэропланом, так просто и так ужасно. Какая, однако, дистанция огромного размера от мертвых петель Габер-Влынского и Пегу, которыми развлекался с своего вершу, готовясь к экзаменам, и этими смертельными турами. Здесь на войне аэроплан – вещь самая ординарная, ординарнее автомобиля^{10*}, по крайней мере дорога для аэроплана куда сподручнее, чем для автомобиля, но автомобиль здесь на войне только тяжеловоз, аэроплан же шпион и убийца, впрочем, герой *par excellence*^{11*}.

Стало совсем темно. Да, и забыл про главное. Природа заулыбалась, небо прочистилось^{12*}, широкие луга, лески, изящные желтые, красные, светло-зеленые березки как кружевные сквозят на темном фоне лугов и пахоты, красные готические костелы, голубое небо с облаками, широкие горизонты – все словно с картины Hans'a Thoma, идиллия в самом берлинском, впрочем, хорошем вкусе.

{Да, и вот стал писать про немцев и вспомнил, с посылками мне прислали Goethe, дешевого, Reclam'ского⁶ – но как я доволен. Faust у меня в кармане, всякую минуту могу на все плюнуть, вынуть и начать божественные строки. Да черт с ними, тевтонами, славянами, аэропланами и осадными орудиями, если тут есть Faust, тончайшая квинтэссенция всего этого, *α* и *ω* времен прошлых и будущих. Итак, Faust, Эйнем, «Ihr naht euch wieder, schwankende Gestalten»^{13*}.

Ночь совсем ясная, темная, осенняя с голубыми таинственными звездами. Еле плетусь, кажется, пошел четвертый десяток верст. Взглянул, чтобы рассеяться и утешиться, на Большую Медведицу. Боже, что там такое. Комета! Сердце встрепенулось. Туманное ядро и фосфорический хвост. Так вот оно опять – это ужасное звено в цепи^{14*} неба и земли.

Откуда ты посланник странный
И чьей заброшенный рукой
К небесной цели ты какой
Воздвиг людей на подвиг бранный
Рожденный мощью первожданной
В кругу расчисленных светил

^{10*} Слово «автомобиля» написано над зачеркнутым «аэроплана».

^{11*} Главным образом (*фр.*).

^{12*} В оригинале «прочистились».

^{13*} Первая строка поэмы Гете «Фауст»: «Вы вновь со мной, туманные виденья» / пер. Н. Холодковского.

^{14*} Слова «в цепи» вписаны над строкой.

Свой путь таинственный и странный
 Ты так неожиданно начертил
 Судьбы иль случая десница
 Меж Богом и людьми звено
 Дай силы в вере укротиться
 И с Богом вновь соединиться
 В неразделимое одно
 Ты в беззаконии законен
 И цепью Ньютон оковал
 И твой таинственный овал
 И путь твой тверд и непреклонен
 Но кто же время выбирал
 И к нам неожиданного^{15*} низринул
 Когда казалось Бог покинул
 Людей которым душу дал
 Маяк иль меч в руке незримой^{16*}
 Куда неведомый^{17*} зовет
 Зачем твой блеск невыразимый
 Свеча или коварный нож^{18*}

{Вирши выходят, но надо время, а пока vorwärts^{19*}.}

Комета сейчас, как-то страшно и странно. Какой нелепой случайностью или божественным умыслом занесло ее сейчас на наш северный небосклон. Смотришь на комету и жутко становится... Так это серьезно, за войну и земля, и небо. Не верится, чудо, случайность? Но какая нелепая случайность, какое совпадение. Астрология была совсем не глупа, стараясь разгадать в планетах и звездах буквы, а в их комбинациях начертанную волю неба^{20*}. Когда смотришь ночью на эту безграничность и хаос, на пылающие и отражающие комки вещества, вращающиеся в какой-то первозданной неощутимой среде эфира, каждый раз стоишь потрясенный, очарованный и непонимающий. А я фаталист – для меня комета несомненный перст Божий. Отчего именно здесь и именно теперь, и такая большая, «для широкой публики» – эта комета Делавана⁷. Поневоле поверишь, что война окончится с окончанием визита длиннохвостой подозрит[ель]ной гостью, и это случится в декабре. И вот чувствуешь теперь каждое движение священным, каждый шаг роковым и неизбежным, исчезает взгляд на войну как на шутку, «Vergnügungssache»^{21*} даже с личной точки зрения.

С какой угодно точки зрения, даже с точки зрения теории^{22*} вероятностей, эти знамения небесные – затмение 8-го августа, комета Делавана [–] странны своим историческим совпадением. Одно так просто, $2 \times 2 = 4$, другое сложно, т.е. случайно – но оба драматичны, а не относительны, как все в природе. Может быть, и сложно «событие на небе» – но все же это событие, а не быт.

^{15*} Слово «нежданного» вписано поверх зачеркнутого «тебя».

^{16*} В оригинале «нерзимой».

^{17*} Далее зачеркнуто слово «ведешь».

^{18*} Строка написана поверх зачеркнутой: «И слезы радости и дрожь».

^{19*} Вперед (нем.).

^{20*} В оригинале «небя».

^{21*} Развлечение (нем.).

^{22*} В оригинале «теория».

Комета подбодрила. Несмотря на усталость, шел, шел, любовался, восторгался. Остановились в Красновицах. Ну, конечно, бесконечные поиски халуп, тяжелый сон. 3-го поплелись к Климентовицам^{23*}. Опять нудная боль ходьбы, сосание Ландрина⁸ и только к вечеру Климентовицы. Станция ж[елезной] д[ороги], шумят поезда, издали совсем хорошо и уютно. «Вот железная дорога, Николаевский вокзал etc.» Теперь ж[елезная] д[орога] кажется чуть ли не домом, особенно после того, как почувствуешь, что значит пройти 100 верст пешком и их же проехать. Но все поезда с понтонами, артиллерий[е]й – опять ни котелков или шляп, а бесцветное нудное хаки – «живой труп». Климентовиц и не видал совсем. Вышел ночью из халупы. На небе к Большой Медведице ползет туманная комета, гудят паровозы, горят костры, где-то поблескивает вода, надрываются обозные. В халупе опять сущий ад. Утром 4-го пошел на наводку. Соединяли штаб корпуса (Климентовицы) с какими-то Осинами (70-я дивизия). Можно бы и не идти, Бартеуев предлагал остаться. Сам не знаю, почему-то поплелся. Сидел бы я, быть может, в Климентовицах и кейфовал, и быть может, дня на 4 все бы пошло по-иному. Но жребий брошен, сижу сейчас в Осинах и все-таки кейфую. Большая часть пути вдоль ж[елезной] д[ороги]. Германские аэропланы ежеминутно показываются над головою, заставляя инстинктивно сжиматься: а вдруг тятнет и finita la commedia cosi bene cominciata^{24*} (кстати, надо Stramucci длинное письмо написать). Подошли к какой-то Конской Воли^{25*}, штаб 70-й дивизии, еще не уезжаем в Осины. Немецкие шрапнели рвутся в полверсте, обстреливают станцию, как паны говорят, каждый день, по 4 шрапнели в раз. Жуть. Сначала глухой далекий выстрел, потом полет снаряда, секунды две... страшные секунды, куда упадет? А что, если переменяли прицел, и раз[ор]вется около? Но вот взрыв, и облегченно смотрим на грязное облако. Линию (верст 7) вели долго и медлительно. Рассыпал колышки. Легче идетя, все «tempus terere»^{26*}. Погода было^{27*} намурилась, закапало и запахло октябрем – к утру опять все прояснилось. Ночь ужасная, спал в кузнице, все время ворочаясь от блох (ох, Господи, Лейста вспомнил), ударялся о наковальню, тиски, дрог от холода и, главное, вжимался от ужасных выстрелов. Черт их знает, почему немцы ударяли всю ночь и так близко, и так страшно, что порой казалось, что разорвалось над крышей. Похоже по-прежнему на гром, но только на страшный, над самой головой, от которого под одеяло прятался. Впрочем, к середине ночи по привычке, «E[r]pur si scora»^{28*} – помирать, так помирать. Впрочем, а rgoros, от первоначального геройства остались рожки да ножки – умирать совсем не хочется (но об этом в другой раз). Сегодня блаженствуем, обоз переехал, поселились в просторной халупе. «Млеко» сколько хочешь, совсем как в Гошкуве, помылся, передел белье, вот только лычки еще не пришил (все тело, кстати, от блох искувано-изгрызено – смотреть страшно). Блаженствую. Целый день грохает «тяжелая», земля, стекла дрожат, аэропланы

^{23*} Правильно: Климентовице.

^{24*} Конец представления, которое так хорошо началось (*ит.*).

^{25*} Правильно: Коньсковоля.

^{26*} Тратить время впустую (*лат.*).

^{27*} В оригинале «была».

^{28*} И все-таки она вертится (дословно: поворачивается)⁹ (*ит.*).

жужжат, как пчелы. Со всех сторон наши аэростаты-наблюдатели. Дело будет, а пока еще ничего нет.

Дай Боже сегодня выспаться. Хотя даже по петербургским часам всего 6^{1/2}. Кажется, судьба не обманула, и, предпочтя Климентовицам Осины, сделал благое. Вот только не ухлопали бы прусские цукерки.

Осины, 6 октября

Совсем идиллия во вкусе Феокрита. Небо почти без облачка. Прохладно, но не холодно, «есть в осени первоначальной короткая, но дивная пора, весь день стоит как бы хрустальный...»¹. Пишу сейчас в обстановке совсем эпически-идиллической. Сажу на пне, столом служит сруб колодца, направо помещичий пруд, солдаты и паны удят рыбу, моют белье, за прудом панский сад с нишенским беленьким барским домом, сад весь желтый, по дорожкам, усыпанным «багряным убором», ходишь, словно по ковру. Впереди на поле работает локомобиль² и далеко-далеко рокочут пушки. Это опять далекая гроза, вносящая что-то пикантно-пряное в общую идиллическую обстановку. Октябрьская идиллия вместо кислой похоронной осенней элегии [–] это почти неожиданно. Где-то совсем далеко жужжит несносная немецкая муха-аэроплан. Встал сегодня в 7 ч. (т.е. спал больше 10), накушался «млека», шоколада, коляци* и прочих прелестей, написал письмо брату, собираюсь писать и еще письма. Страшно надоедает возиться с хозяйством, пришиванием пуговиц, переменной белья. Дома все это идет незаметно, а тут для «Faust» остаются только минуты.

Паны здесь уже достаточно обрусевшие, без тупого индифферентизма и с достаточной долей польско-русского патриотизма. Живут в тех же беленьких халупах, что и галицийские крестьяне, с такими же печами, питаются молоком и коляци – und das ist alles^{2*}, впрочем, на стенах по-прежнему олеографичные католические иконы-картинки.

У нас в батальоне большинство солдат и запасных из Владимирской губ[ернии]. Помесь благочестия, суздальского лукавства и смекалки. Перед панами каждый такой «володимерец» смотрит орлом.

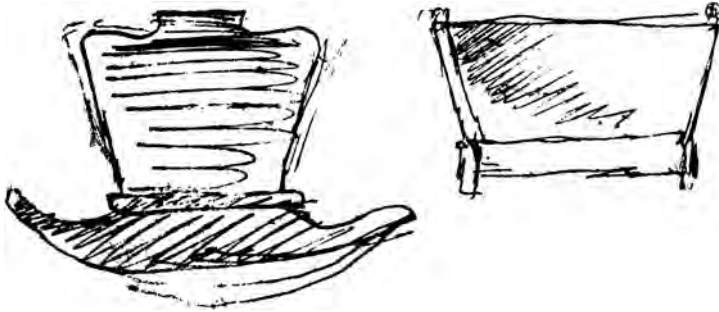
Целый день писал письма к удивлению паненок и панов. Писать, собственно, много о чем, и только неизбежные 4 страницы обуздывают многословие. Из дома получил запоздалую гостью-телеграмму о посылке денег, воспользовался оплаченным ответом и послал ответ в 6 слов. Хорошо держать телеграф почти в своих руках.

Сажу в халупе, вся жизнь такая элементарная, несложная. Спят на соломе в деревянных постелях-ящиках, встают, едят коляци, копают картошку, иногда молятся Богу, родят und das ist alles, пятилетняя укачивает двухлетнего в остроумной колыбельке качалке.

Стоит ли жить для такой жизни, пожалуй, и не стоит. Ну зачем им война, положим. Это уже «наше» – тонкое дело – а они только колеса в непонятной им машине.

* Вавилов явно ошибочно использует слово «коляци» (kolacja – ужин по-польски). Видимо, здесь имеется в виду калач (от польск. kołacz).

^{2*} И это всё (нем.).

Только вот комета зачем, неужели и она для «избранных». Хоть бледно горит она туманная на ясном небе.

Завтра, кажется, передвинемся.

Осины, 7 октября

Сидим, как будто так и надо, привыкли и обсиделись. Встал в 7 ч[асов], ну конечно, хербаты и млеко, написал письмо, читаю биографию С. Ковалевской, которую выдрал еще в Станах из «Revue des deux mondes»¹. Погода хмурится, иногда дождик, но тепло и приятно. Артиллерия работала всю ночь, работает и сейчас. Гулко разносятся во все стороны звуковые волны, дети и свидетели драмы, разыгрываемой странными бесстрастными актерами солдатами. Солдат, конечно, актер, но в то же время «da vego»*, бьется и умирает «da vego» – но в то же время актер, а не «сам», не живет, а играет. Солдатская роль – роль героя, и он играет его, играет безукоризненно, и, главное, герой «da vego», но в то же время не Ахилл, а герой поневоле. Как-то незаметно стальные пружины строя распяливают живую душу на какую-то особую «героическую» рамку. Условная схема патриотизма одушевляет эту машину и в результате та грандиозная свалка, которая называется войной. Нужно только тело солдата, солдат фактически является только строительным материалом – кирпичом, пушечным мясом для построения цепей, колонн u.s.w.^{2*} «Сопrotивление материала» – это военно-солдатский героизм. Кастрация души человеческой [–] в этом задача милитаризации, обращение человека в сопротивляющийся механический материал – в этом вся война. Даже науку – электродинамику Maxwell'a, аэродинамику [–] кастрировали и приспособили к идиотскому испытанию сопротивления материалов. Сейчас там за Вислой стоят усатые, краснощечие голубчики, Фрицы, Hans'ы и пр. Желал бы заглянуть на мгновение в мягкую картофельную душу этих героев. Конечно, *hass gegen die russischen Schwein*^{3*} очень понятна, но, ей богу, каждый такой Фриц не человекоубийца искони. Только цемент строя, артиллерии и прочих штук связует Фрицов и Гансов в гигантский кулак. Ходили сегодня вдоль деревни «до склепина»^{4*} купить сала на «коляцы»^{5*}. Длинная, грязнейшая деревня, халупы словно старые грибы, паны грязные,

* Истинный, правильный.

^{2*} Und so weiter – и так далее (нем.).

^{3*} Ненависть к русским свиньям (нем.).

^{4*} Do sklepu – в лавку (польск.).

^{5*} Kolacja – ужин (польск.).

сплошь безграмотные. Попал бы сюда в мирное время. Омут и тоска. Теперь канонада придает романтический оттенок, даже невеселые жалобы на помещика приобретают значение и смысл. Впрочем, я, пожалуй, все вру. *Etwas mystisches, geheimnisvolles liegt gerade in dieser mechanisierenden Wirkung des Krieges. Wie und wer kann erklären, wie [sich] das Sinnlose in die schöpfende transformierende Kraft verwandelt*^{6*} (пишу сейчас гусиным пером, украшавшим когда-то ненужные крылья осинского гуся).

В крови, в смерти, в то[п]тании души, личности человеческой рождаются какие-то ферменты удобрители. Все великое рождается^{7*} от войны, и Рафаэль, и Пушкин, и Гёте. Как это понять, как это разъяснить – не вем^{8*} и не могу. Каждую ночь, лежа в халупе, беседуем с солдатами, и вот начинаются бесконечные жалобы: «зачем это нам», «что переменится». И ничего не скажешь, извиваешься. Красота времен [гр]ядущих – кто ее увидит, и кто ее поймет. А в этой красоте и весь смысл войны. Впрочем, война так же странна, как комета, она комета истории.

Погулял по полям; тучи нависли, поля, поля, кой-где тянутся худосочные паны, верст за 8 грохочут наши батареи – военная идиллия.

8 октября, Осины

Солдаты зевают, нечего делать, погода нахмурилась, сидят по халупам, или, вернее, спят. Безделье хуже работы. Вчера перед сном опять споры на ту же невеселую тему: «зачем», «какая нам польза», «мошенники интенданты» и т.д. Ну что скажешь, когда самому понятно только инстинктивно только* «будущее значение» всего. Виляешь и обманываешь. Сказать прямо – что война не для вас [–] нельзя:

«Sucht nur die Menschen zu verwirren,
Sie zu befriedigen ist schwer»^{2*}

Надо напирать на поэзию войны, на тот не то обман, не то превращение, которое совершает поэзия.

«Wer flicht die unbedeutend grünen Blätter
Zum Ehrenkranz Verdiensten jeder Art?
Wer sichert den Olymp? vereinet Götter?
Des Menschen Kraft im Dichter offenbart»^{3*}.

Не скучаю. Вчера прочитал биографию Ковалевской, сегодня занялся Фаустом и смакую каждую строчку. Кажется, «Фауста», как Пушкина, мне

^{6*} Есть нечто таинственное и загадочное в этом механизмирующем воздействии войны. Кто и как сможет объяснить, каким образом бессмысленное превращается в созидующую преобразующую силу (*нем.*).

^{7*} Далее зачеркнуто «вой».

^{8*} Nie wiem – не знаю (*польск.*).

* Так в оригинале.

^{2*} «Фауст» («Пролог в театре»): «Запутайте толпу, введите в заблужденье; / Иначе – верьте мне – ей трудно угодить» Гёте И.В. / (пер. Н. Холодковского).

^{3*} Там же: «Кто цену придаёт незначимым листам, / В прославленный венок вплетая листья эти? / Кто стережёт Олимп, кто друг и связь богам? / Мощь человечества, живущая в поэте!».

хватит на всю жизнь. Недомолвки, загадки слов и ритма, переплетающие всю трагедию, нестройную и беспорядочную, дают ей вид каких-то бесконечных раскопок. Копайся и ищи, что и того, что все это совершенно субъективно, что «Ein jeder sieht was er im Herzen trägt»^{4*} – тем лучше, чтение обращается в работу – наслаждение. Как и прежде, «Фауст» для меня трагедия не человека, а знания. С. Ковалевская – Фауст безусловный. С великой душой математика, душой странной – безличной: «Il n'y a pas de paroles pour rendre la douceur de sentir qu'il existe tout un monde d'où le Moi est complètement absent. On voudrait ne parler que de sujets impersonnels»^{5*}. Душа вечной «pas aimée»^{6*}, душа женская, особенно сентиментальная – чувственная, ищущая любви и находящая только преклонение. «Zwei Seele wohnen ach in meiner Brust»^{7*}. Трагедия Фауста, кажется и Гёте, только поэтически-инстинк[т]ивно [о]сознанная[,] та же. Знание бездушно, безлично и как раз – великое освобождение души человеческой от тела. Прологи Фауста, конечно, прекрасны, но это только специально-поэтические диссертации. Жемчужных зерен в этих кучах, конечно, больше, чем навоза – но есть и специфически «немецкий» добродетельный навоз. Зачем Гёте был немцем. Ему надо было бы быть англичанином или французом.

Я сейчас в настроении совершенно обратном настроению Фауста первой сцены – пересыщенной красотой поэтической и философской.

Прежде всего, перед Фаустом не две, а три дороги: 1) Wissenschaft, 2) Magic, 3) volle Menschenleben^{8*}. Фауст не замечает, что с каждой дорогой связан свой «modus vivendi»^{9*}. Прежде всего, прямо глупые строки:

«Bilde mir nicht ein, was rechts zu wissen,
Bilde mir nicht ein, ich könnte was lehren,
Die Menschen zu bessern und zu bekehren.
Auch hab' ich weder Gut noch Geld,
Noch Ehr' und Herrlichkeit der Welt.
Es möchte kein Hund so länger leben!»^{10*}

Это требование от козла молока. Фаусту хочется «пожить» и совсем непонятно, почему именно «hat er sich der Magie ergeben»^{11*}. Совсем другое дело:

^{4*} Там же: «Что в сердце у него, то в пьесе видит он!» (пер. Н. Холодковского).

^{5*} «Нет слов, чтобы передать сладость чувства, что существует целый мир, в котором Меня нет вообще. Хотелось бы говорить только о безличном» (фр.).

^{6*} [Никем] не любимой (фр.).

^{7*} «Ах, две души живут в моей груди» (нем.) // См.: Гёте И.В. Фауст. Сцена «У городских ворот».

^{8*} 1) Наука, 2) Магия, 3) Полная человеческая жизнь (нем.).

^{9*} Образ жизни (лат.).

^{10*} «Напрасно истину ищу, / Зато, когда людей учу, / Их научить, исправить – не мечтаю! / Притом я нищ: не ведаю, бедняк, / Ни почестей людских, ни разных благ.. / Так пёс не стал бы жить! Погибли годы!» (Гёте И.В. Фауст, сцена 1. Пер. Н. Холодковского).

^{11*} Продолжение предыдущей цитаты, измененное (в оригинале «hab' ich mich der Magie ergeben») в форму от третьего лица: «он магии решил предаться».

«Dass ich erkenne, was die Welt
Im Innersten zusammenhält,
Schau' alle Wirkenskraft und Samen,
Und thu' nicht mehr in Worten kramen»^{12*}.

Отсюда уж, действительно, один исход [–] магия. О, с каким бы наслаждением покинул бы я эту полную жизнь, куда воля рока кинула и завертела, ведь это же моя теперешняя мечта и рай:

Verfluchtes dumpfes Mauerloch
Wo selbst das liebe Himmelslicht
Trüb' durch gemahlte Scheiben bricht.
Beschränkt mit diesem Bücherhauf,
Den Würme nagen, Staub bedeckt,
Den, bis an's hohe Gewölb' hinauf,
Ein angeraucht Papier umsteckt;
Mit Gläsern, Büchsen rings umstellt,
Mit Instrumenten vollgefropft,
Urväter Hausrath drein gestopft –
Das ist deine Welt! das heißt eine Welt!^{13*}

Книги, инструменты, конечно – мир. Flich! Auf! Hinaus!^{14*} Только наоборот ins Dumpfe mauerloch^{15*}. Не знаю, может быть, вообще говоря, жить – познавать. Но^{16*} хочу и верю, что «в знании жизни нет»¹, но что Mauerloch с книгами и лабораторией лучше всякого мира. Фауст бежит не знаний, а *modus vivendi scientiae*^{17*}, бежит сначала к магии – науке, но какой, как вот эта комета Делавана. Наука звено между природой и человеком, Богом и природой. Относительно^{18*} магии как раз не спросишь^{19*} *Ihr Brüste wo u.s.w.*^{20*} Здесь именно связаны *Schauspiel* и *Brüste*^{21*}. Знание – не зеркало, а с своей душой и жизнью. Чепуха, метафизика, но, пожалуй, такая же чепуха, как комета Делавана на бесстрастном Ньютоновском небе. Этого по меньшей мере можно искать. Религиозный и нравственный элемент, вплетающийся в тонкое материалистическое кружево знания, конечно, бессмыслица *und trotzdem u.s.w.*^{22*} Третий путь Фауста «*In Lebensflut[h]en, im Thatensturm*»^{23*} – путь, в который брошен я. Фауст и по нему, пожалуй, не пошел. Кончил совсем

^{12*} Продолжение той же сцены: «Чтоб я постиг все действия, все тайны, / Всю мира внутреннюю связь; / Из уст моих чтоб истина лилась, / А не набор речей случайный».

^{13*} «Здесь солнца луч в цветном окне / Едва-едва заметен мне; / На полках книги по стенам / До сводов комнаты моей – / Они лежат и здесь и там, / Добыча пыли и червей; / И полок ряд, убог и сир, / Хранит реторт и банок хлам / И инструменты по стенам. / Таков твой мир! И это мир!» // Там же.

^{14*} «О, прочь! Беги, беги скорей / Туда, на волю!» // Там же.

^{15*} «В дыру проклятую мою» // Там же.

^{16*} Далее в оригинале зачеркнуто слово «верю».

^{17*} Образ жизни науки (*лат.*). В оригинале – *scientiae*.

^{18*} В оригинале «относительно».

^{19*} В оригинале «спросишь».

^{20*} Продолжение вольного цитирования той же сцены из «Фауста»: «И где же вы, сосцы [природы] и т.д.»

^{21*} Зрелище и груди (*нем.*).

^{22*} И несмотря на это и т.д. (*нем.*).

^{23*} Продолжение цитирования той же сцены из «Фауста»: «В буре деяний, в волнах бытия».

мещански «жизнью для пользы отечества» – каналами, кончил по-немецки. Ведь простой Фауст – не С. Ковал[евская], не ученая. Для той борьбы двух душ – кончилось победой математической души. Вагнер – дурак, но идет по определенной дороге знания, Фауст, кажется, умен – но Missgeburt^{24*}, хотя, конечно, с душой Вагнера драмы произойти не может, нужен хаос и беспорядок души Фауста.

А голова что-то плохо работает.

Кажется, сегодня собираются переходить Вислу, поехали понтонеры, разыскали брод etc. Сейчас через Осины прошел Преображенский гвардейский полк. Великаны, с петербургской шлифовкой, но есть им нечего, занимаются охотой на кур и хлеб.

Осины, 9 октября, **9 часов утра**

Штаб дивизии двинулся, лошадей в обозе запрягают, ergo* представление продолжается. Самого-то представления мы не видим, ставим декорацию, всякую бутафорию, представление смотрят только немногие режиссеры из лож – генеральных штабов. С очень далеких галерок, парадизов^{2*}, и в очень скверные бинокли смотрят газетчики. Мы, конечно, ближе всего к представлению и даже актеры, но видим меньше всего [–] интендантские^{3*} декорации, пыльные костюмы. Весь эффект и блеск зрелища, которое мы и зроби́м^{4*}, может быть суждено увидеть в будущем. Мы актеры неизвестной пьесы и незримого, таинственного автора. Какова будет коллизия, каков финал, кто их знает. Во всяком случае, мы актеры импровизаторы.

Всю ночь деревней двигались гвардейские полки [–] Преображенцы, Семеновцы, егеря. Через Вислу, говорят, построено 2 моста.

Die Pfosten sind, die Bretter aufgeschlagen,
Und jedermann erwartet sich ein Fest^{5*}.

Представление продолжается, и кто угадает в чередѣ дней счастливый день и час^{6*} счастливѣго финала? Кто он, всемогущий автор трагического представления?

В Осинах стало почти скучно. Погода осенняя, темно в 6 часов, похоже на тюрьму с книжками. Ну что же, пойдем в поход.

6 часов вечера, Ново-Александрия¹

Ничего записать не удалось, опять подобие ночлежного дома.

^{24*} Урод (*нем.*).

* Следовательно (*лат.*).

^{2*} Парадиз – верхняя галерея в театре, раек (*разгов., шутил.*).

^{3*} Слово вписано поверх зачеркнутого «изнанку», далее в оригинале остался неисправленный падеж: «декораций».

^{4*} Zrobiу – сделаем (*польск.*).

^{5*} «Уже стоят столбы, готова сцена, / Ждѣт праздника взволнованный народ» *Гѣте И.В.* «Фауст» («Пролог в театре») / (Пер. Н. Холодковского).

^{6*} Далее зачеркнуто «фин».

Ново-Александрия, 10 октября

8 ч [асов] утра

Того глади сейчас через крышу ворвется шрапнель и... *finis omnium regum**. Страннее всего, что это ни в Вульках, ни в Осинах, а в Ново-Александрии, где почти московский дух. Вчера из Осин, после пятидневного отдыха, в Александрию дошли легко, от Конской Воли до города по хорошей шоссейной дороге. Около городка маленькая метеорологическая станция с дождемером и термометром в клетке. «Брада» Лейста, государственные экзамены – «Ihr naht euch wieder, schwankende Gestalten!»^{2*}. Перед городом длиннейший ряд деревянных казарм, переходящих потом в улицу, что-то сродни Сухаревской-Садовой. Ну, конечно, «Hotel Bristol»^{3*} с отдельными кабинетами, военные портные, книгарни – но все заперто – над городом мертвое дыхание войны. В конце улицы перед самой Вислой на горе костел – прекрасная копия Пантеона. «Sapientia aedificavit sibi domus»^{4*}. Пожалуй, это уж слишком «классическая» Италия, и для поляка так же непереварима, как костлявость чисто немецкой готики. Впрочем, о каких же поляках может быть тут речь, строили ясновельможные^{5*} паны, и того гляди итальянские *architettori*^{6*}.

5 ч [асов] вечера

Впрочем, тут так страшно и жутко, что, собственно, совсем не до классицизма и готики. Поместили нас было вчера прямо на песчаном берегу Вислы в разбитом перевязочном пункте. Все следы бегства, оставленные фуражки, сапоги, винтовки, самовары, бутылки. Стены пробиты шрапнелью, окна выбиты, дверей нет. На тот берег жутко смотреть – леса, кустарник, место возвышенное, за каждым кустом и деревом чудится наведенная прусская винтовка или пулемет. Немцы только что отошли, т.е., вернее, даже не отошли, а как-то сгнули, говорят, в лесах застряли не то одна, не то две дивизии. Вправо от нашего перевязочного пункта, шагах в 300 – понтонный мост, по которому непрерывно струились обозы и войско. Говорю, на Вислу жутко смотреть. Пустынные серые воды, у нашего берега застрявший разбитый пароход, весь западный берег – пустынен, лесист и жуток. Из перевязочного пункта переселились в помещение бывшей почты, спал в какой-то не то колыбели, не то качалке. Откуда-то разыскали недоставленные письма, журналы, «Землед[ельческая] газета»¹, «Труды [Императорского] В[ольного] Э[кономического] О[бщества]»², какой-то франц[узский] модный журнал, впрочем, [от] 27[-го] сент[ября], с сентиментальными, патриотическими рассказами, открытки петерб[ургских] курсисток здешним студентам – все остатки бывшего здесь когда-то студенческого житья-бытья. Чтобы ново-алекс[андрийский] с[ельско]х[озийственный] и [нститут] что-нибудь значил в науке, не слыхивал, но научный *modus vivendi* был, были *professori, studiosi, academia*

* Конец всему (*лат.*).

^{2*} «Вы вновь со мной, туманные виденья» // *Гёте И.В.* «Фауст» (пер. Н. Холодковского).

^{3*} «Отель Бристоль» (*нем.*).

^{4*} Премудрость построила себе дом (*лат.*). Библия. Ветхий Завет. Книга притчей Соломоновых. Гл. 9. Правильно: *domum*.

^{5*} В оригинале «ясновельможные».

^{6*} Архитекторы (*ит.*).

etc^{7*}. Теперь это кажется почти невероятным. Ночью из лесу гремела ружейная пальба и пулеметное *pizzicato*^{8*}. Спали тревожно, то скидывали сапоги, то вновь надевали, готовясь задать лататы^{9*}. Утром загремела артиллерия, т.е. как загремела, это уже совсем не «музыка», не «девятая симфония», «гроза» или «катанье белья». Немецкие шрапнели рвались над нашим домом. Собственно, был настоящий страх: ну что же, вот сейчас влетит, разорвется, это вполне возможно, и спасения нет – никуда. Начал было писать, но все одевались, снаряжались, надел шинель, ранец и с трепетом вышел к обозу. По мосту обозы стали поворачивать обратно, повсюду спешат из города, тревожно оглядываюсь. Страшно. Собственно, 2-й раз после 17-го авг[уста] под непосредственным огнем, на этот раз шрапнельным. Чувствовал себя «обреченным» почти как вначале, когда сидел в поезде и приближался к Холму. Быть убитым здесь так просто и так ужасно. Наконец повернули от казарм вверх, к институтскому парку. Шли скоро, было и страшно, и стыдно. У института завернули. Шрапнель рвалась где-то справа. Наша батарея отвечает, страшно растряса землю и наполняя воздух металлическим свистом полетевшего снаряда. Институтские здания желтенькие, стоят полукругом. Говорят, здесь расположится не только штаб нашего корпуса, но и штаб армии, положим *da vero*^{10*}, риск дело благородное... но жутко. Но *Gott sei dank*^{11*} всю жуть и страх забыл сразу. Из Климентовиц к нашему обозу присоединилась^{12*} часть обоза, оставленная там. Мне привезли посылку со всякого рода шоколад[ом], монпансье, 17 писем и груды старых газет. До сих пор еще правильно не разобрался. В добавление, отвели веселенькую квартиру. Сейчас сидим в миленьком домике[-]даче, с садом, с приличным сортиром. Разв[е]ли чай, кушаем новый шоколад, доедаем булки, купленные вчера у жидов в Конской Воле. Сейчас, впрочем, чуть было из квартиры не высели[ли] голубчики из 14-го корпуса. Сию минуту только чуть было не влопался, сев в присутствии штаб-офицера, но «так как сидел задом, получи прощение». А шрапнели все рвутся и рвутся. За завтрашний день совсем не уверен, впрочем, в позу Ленского не становлюсь.

Паду ли я стрелой пронзенный
Иль мимо пролетит она
Всё благо, бдения и сна
Приходит час определенный³

Неужели завтра или сегодня определен мне этот час, не дай Боже! Сейчас сяду отвечать на письма. Сколько их! И от *Stramucci*, где, конечно, *gli tedeschi – figli de cane*^{13*}, от П.П. [Лазарева], от Ржевкина, Евсеича. Получил 13 рублей, вложенными в письма. Это совсем *very fine*^{14*}, только дай Бог,

^{7*} Преподаватели, ученые, академия и т.д. (*ит.*).

^{8*} *Pizzicato* – пиццикато (*ит.*), муз. термин: извлечение звука из смычкового струнного инструмента щипком струн пальцами.

^{9*} Задать лататы (*прост.*) – убежать без оглядки, опрометью, не помня себя.

^{10*} Это правда. (*ит.*).

^{11*} Слава богу (*нем.*).

^{12*} В оригинале «присоединился», потом сделаны два исправления; также следующее слово «часть» вписано над строкой.

^{13*} Немцы – сукины дети (*ит.*).

^{14*} Прекрасно (*англ.*).

чтобы вовремя. От Евс[еича] получил его журнал со своей статьей⁴. Статья мне понравилась. Достаточно лаконична и достаточно точна. На двор нос показать страшно – грохочут. Хорошо бы сейчас хоть в «Осины», там все происходило за закрытым занавесом.

11 октября, Н[ово]-Александрия,
8 ч[асов] вечера

Сегодня где-то недалеко за нашей квартирой поставили батарею тяжелой артиллерии. За австрийцев, засевших в лесу, принялись совсем серьезно, поливали со всех сторон* и из Александрии, и из Ивангорода, с правого и левого берега. К вечеру узнали, что австрийцев три корпуса, что против них работала главным образом 70-я дивизия и вчера ночью совсем было худо. Подкрепление гренадеров сегодня спасло дело, и сейчас, кажется, празднуем победу. Опять потянулись пленные австрияки, измученные, истомленные, изорванные, не евшие; поистрепались красивые шинели – сразу видно, последние австрийская агония. Большинство венгры. Поговорил с одним по-немецки, Боже, какой же это солдат: «Да если бы я знал, что у вас так, давно бы сбежал». Смотрит усатая мужицкая физиономия и не краснеет. Угостил его монпансье, успокоил насчет будущего.

Впрочем, сидел сегодня почти весь день дома, пил чай, читал газеты – пусты, как Дьюаровские сосуды, нарочно их, что ли, к войне Molekular-Luft-Pumpe^{2*} откачали. Шрапнели по-прежнему разрывались над городом, но «привычка свыше нам дана, замена счастья она»². Жуть исчезла и впечатления меньше, чем от за-занавесного^{3*} грохота в Осинах.

Сражение разыгралось прямо на глазах, с берега видны окопы, батареи, передвижения частей. У мостового телефона суетня, доносят с батареей «200 лошадей убито, осталось 11, батарею вывести нельзя, будем стрелять до конца, делайте что хотите...»

Над нашим садиком тяжелые снаряды со свистом и жужжанием описывают, повинуюсь великому закону, свои странные траектории. И чудится – а что, если бы в этот хаос человеческих воль, чувств и мыслей внести хаос природы, нарушить это $k \frac{mm'}{r^2}$ ³. Hier aber eben liegt die Magie^{4*}, туманный отблеск которой горит в таинственной комете, закрытой сейчас облаками. Впрочем, тут не беззаконие, а случай, по-прежнему можно сказать

Законом Ньютон основал
И твой таинственный овал⁴

Не упадет внезапно на голову летящая масса, и человек спокойно довернется спокойно-холодной природе. Война только органический процесс в мировом круговороте, частный случай дарвиновской борьбы, может быть, безумной, но не беззаконной.

* Далее зачеркнуто «гор».

^{2*} Молекулярный насос¹ (нем.).

^{3*} Так у Вавилова.

^{4*} Именно в этом заключается, однако, магия (нем.).

Вышел из дома часа в 3. Говорят, служат благодарственный молебен. Думаю, что же, я на войне зритель, пойти посмотреть. Молебен перед главным зданием института. Здание прекрасно. Видно, раньше было палаццо какого-нибудь ясновельможного. Ренессансное палаццо с барочными нарощениями, с прелестной решеткой. На полянке перед дворцом сотни 3 солдат, кучка офицеров, командиры 25-го и 14-го корпусов. Аналой, свеча, протодьякон. Ба! Старый знакомый! Епископ Анастасий. Какие воспоминания! Великие пятницы, Успенский собор, непорочны^{5*}, свечи, рассвет в Кремле, мерцание восковых свечек на фоне белокаменных стен кремлевских соборов. Облачили Анастасия в фиолетовую мантию, надели митру. Какое величие в блистании этой короны, в «барочных» складках шелковой мантии. Пушки грохочут, шрапнели рвутся и странный диссонанс архиерейского молебна на этом странном фоне разрешается в какую-то своеобразную жуткую-едкую музыку. Своим сладко-елейным громким голосом плавно витийствует Анастасий о победе, о ужасе войны, о шрапнели, разорвавшейся в институтской церкви и повредившей икону Спасителя и церковные сосуды. Что может быть странней странного соседства опустевшего института, замершей, заглохшей науки, звуков молитвы и грохота пушек.

Еще до молебна зашел на почту 14-го корпуса. Боже, как забилося сердце, она помещается в физическом институте. Почти знакомое красное новое кирпичное здание. Внутри физики не видно, все куда-то испарилось, и даже сторож шарахнулся в удивлении, когда я спросил: «а кто у вас профессор физики». Положим, от ответа шарахнулся уже я: «Мышкин»⁵. Шарахнулся и расхохотался. По[н]дер[о]моторные силы, «излучающиеся» в готическом подвале института, и прочие прелести мышкинского велемудрия сразу вспомнились. Так вот оно, что! Мышкин! А, впрочем, о какой же науке, о какой физике могу я сейчас разговаривать, даже к мышкинским приборам подошел бы с благоговением. Есть «modus vivendi», да вот он, наконец, и «dumpfes Mauerloch»^{6*}, из которого, впрочем, Мышкин-Фауст ушел, и ворвался мир^{7*}, война, почтари, солдаты, телеграфисты. «Храм просвещения» – заглох, а Божий храм повсюду. Религия не только ужилась с войной, но вливает в нее дух живой, бодрит и утишает, а наука замерла, съежилась, спряталась. Где они – Планки, Фохты, Томсоны. На их бы месте плюнул на Vaterland'ы^{8*} и ускакал куда-нибудь на неведомый остров, в dumpfes Mauerloch. А религия, да не душа ли она войны. И в этой вечной памяти, «многое лето», блеске архиерейских одежд и колокольном звоне, не та ли «популярная» душа войны, которой дышит каждый солдат.

Стоял, крестился, молился, чувствовал, что я солдат и христианин. А глядя на институт, на кирпичную физич[ескую] лабораторию – хотелось плакать. Скорее бы конец и опять за работу. В сравнении с физикой – все чепуха, и пруссаки, и шрапнели, и Висла.

Сижу сейчас, а рядом за другим столом дуются в козла: «Бубны козыри», «Вот и перепутал всю игру», «Дама моя», «Возьмите карты обратно», «Я и думать-то забыл, что на войне».

Итак, мы, кажется, победители, и, не дай Боже, скоро попрем за Вислу. Посидеть бы тут, да помечтать, глядя на мышкинское местожительство.

^{5*} Так у Вавилова.

^{6*} Глухая нора (нем.).

^{7*} «Мір» – т.е. мир вокруг, пространство, общество.

^{8*} Отечество (нем.).

Ново-Александрия, 12 октября.

8 ч [асов] вечера

Удивительно скоро пролетают 12 часов между 8 ч [асами] утра и вот те-перешним временем. Выступает на сцену вся закулисная работа. Ходишь за обедом, за куском бумаги для письма. Без работы устаешь и сам себе дивишься, что не заметил дня, ничего не сделав. Таким образом, жизнь мужика, рабочего должна протекать совсем не скучно, каждая минута занята заботой и для скуки времени не остается. В этом и разгадка «почему живут эти люди». Жизнь наполнена, занята и протекает, как надо. «Живи каждый день, как будто бы он был последним» – советовал я себе. Пожалуй, теперь именно и живу так, во всяком случае, бесконечную ленту, медленно перекатывающуюся со дня на день, можно перерезать где угодно. Собственно своей-то жизни и не осталось, вот разве этот дневник да письма. Двигаешься, куда двинут, вот и все. Но не скучно, дня не замечаешь. Жизнь, или нет? Вспомнишь кислые томительные ночи прошлой жизни, усталость, иногда отчаяние, тоску и уж почти всегда недовольство, и странно станет, ведь теперь лучше, теперь *jedenfa[1]ls** оптимист. Об этом надо подумать.

Ну что я сделал сегодня? Утром надел шинель, навалил ранец на плечи – в 10 ч [асов] собирались идти верст на 15 за Вислу. Не пошли, почему, не знаю, говорят, занята дорога, австрий[цы] недалеко и пр. Стрельба слышна целый день, но далеко. А вот сейчас пришел со станции Буханов и рассказывает о каком-то ужасном бое, 70-я дивизия «прямо изрубила два австр[ийских] полка». Хороши эти «кулинарные» выражения и удовольствие, с которым они нами здесь воспринимаются. Ходил по городу, теперь спокойному, выползают и торгаши, зашел постричься, купил мыла, в узеньких переулках таятся «варшавские» низенькие (нрзб.) домики с черепичными потемневшими крышами. Костел на горе, в антураже мощных деревьев с желтой роскошью осенней листвы прямо прекрасен. Пропорции «исправленного» Пантеона выбраны великолепно.

Получил еще посылки, опять с бельем и шоколадом. Шоколад пока тешит и утешает, когда-ж набьет оскомину. От Н.Е. Усп[енского] получил письмо. Дураки они там. Коверкают науку, занимаются вместо нее ранеными и чув-

ствуют от этого «удовлетворение». Несчастные рентг[еновские] лучи, неужели рыться в вашей загадке, уже взятой за рога – менее нужно, чем освещать грудные клетки и руки раненых. На это нужны курсистки, а не ученые. Именно сейчас, в сладком сумраке рентг[еновского] кабинета как хорошо бы делать рентгенограммы и копаться в загадке вещества (нрзб.) *quanten^{2*}* и прочих хороших вещах. Но в Москве наш Фауст и Вагнеры судят иначе.

* Во всяком случае (нем.).

^{2*} Квантовый (нем.).

Завидно оставлять Н[ово]-Александрию, уйдем, зашевелится жизнь, упадут последние листья с деревьев, в Физич[еском] инст[итуте] появится Мышкин e tutti quanti^{3*} – а мы, кто знает, куда еще мы попадем. А извортливое чудище войны таит в себе все возможности.

Везут раненых через город, хоронят мертвых. Рядом в комнате заперты пойманные шпионы – жида и паны. Вчера 2-их ночью расстреляли.

Убили князя Ол[ега] Конст[антиновича]. Вспомнил изданные им факсимиле пушк[инских] рукописей. Потянуло, конечно, к Пушкину. Да, кстати, 2-го Лермонтову 100 лет праздновали.

На воздушном океане, без руля и без ветрил
Тихо плавают в тумане Хоры стройные светил

.....

В час томительный несчастья
Ты о них лишь вспомяни,
Будь к земному без участия
И беспечен как они¹

Как это хорошо, и как далек я от этого безучастия, да и воздушный океан как будто не безучастен к земному. Впрочем, может быть, я слишком мистически настроен и все просто, как дважды два, и просто-напросто создаются новые три страницы для истории Иловайского².

13 октября, **12 ч[асов] дня, Ново-Александрия**

Очень рад, что в Ново-Александрии застряли. Бой на том берегу идет, ночью часа в 2 захрохотала «тяжелая», грохочет и по сей час. У Вислы слышны и пулеметы. В чем дело, пока не знаю, но, по-видимому, по этой причине застряли. Сейчас в комнате сидит телеграфист кабельного отд[еления] и рассказывает подробности воскресного боя. Дело было жестокое, напряжение с обеих сторон было колоссально. Венгры ходили с музыкой в атаку, наши артиллеристы своими ножами отбивали атаку. Телеграмма корпусного 70-й дивизии[:] «Умирать, но не отступать». На мосту стояли пулеметы, на эту сторону кроме раненых не пускали. Значения боя оценить не могу, но все в один голос говорят о необыкновенном, исключительном напряжении. С нашей стороны, кажется, уверенность в победе, с другой ultima spes*.

^{3*} И остальные (*ит.*).

* Последняя надежда (*лат.*).

Попал случайно в институтский парк и как я рад. Какая чудная осенняя симфония. Тишина, ни одного солдата, все усыпано желто-багряным мягким ковром свежесопавших еще не начавших тлеть листьев. На высоких столетних дубах и вязах чуть колыхнется редкая, еще не покинувшая родимых ветвей чистая желтая листва. Медленно, колеблясь, как живые, падают-падают отдельные разлапистые кленовые листья. В рамке зеленых лугов, черных стволов и золота листьев змеится Висла – река-защитница. Там за рекой, за песками, в синем лесу грохочут пушки, потрескивают пулеметы, а здесь почти мертвый осенний покой. Тонкий острый приятный запах осеннего тления. «Ново-Александрия» – только погуляв в этом парке, увидав костел-пантеон, «классику» крестного дома, постигаешь смысл «громкого» екатеринински-александровского имени городка. В парке разбросаны павильоны, храм Весты, триумфальные арки, какой-то смешной готически-классический домик, смешной – но милый. Что тут было в этом прелестном парке? Чье *Sans-Souci*^{2*}? Медленное превращение из виллы-палаццо в высшую школу, а теперь, временно, в казарму. Но *sans-souci* осталось. За желтые ворота с декоративными белыми барочными скульптурами, восхитительными на осеннем «австрийском» черно-желтом фоне парка не проникает казарменная суэта. Там за воротами грохочут обозы, тянутся раненые, протягивая окровавленные руки за помощью, гонят пленных – здесь тихое, бесшумное бесконечно-прекрасное умирание природы. «Хрустальная, прозрачная» погода. Чудные минуты провел я сегодня в этом парке, подобное было, как помню, в прошлом году в флорентинском *giardino [di] Boboli*^{3*}. Там чаровала тишина полноты. Лавры, кипарисы, Аполлоны, Адонисы, плеск фонтанов и флорентинское солнце, в восторге почти целовал землю. То и другое – нирвана, Элизиум, но Элизиум лета и осени. Оба момента прекрасны и обоим хочется крикнуть «*Verweile doch, du bist so schön*»^{4*}. В этом желтом парке с храмами, со «страшной» далекой Вислой с грохотом артиллерии вдали – поэзия смерти и кладбища. Хорошо умирать там, в классическом саду, среди бессмертных лавров и кипарисов, бессменной глубокой синевы неба и снежной белизны «героев и богов» – было бессмертие – Элизиум. Роскошь и классицизм Италии и тонкая печаль и тление Польши, но тут и там дрожит одна струна покоя, мира и почти счастья.

На минуту удалиться в этот элегический Элизиум и становится почти хорошо; совсем забыл и о Толедо-Краснике, о мерзкой слякоти перехода из Австрии.

Кстати, появляются и фуражки студенческие и дамские шляпы, хотя «склепки»^{5*} – замкнуты. Сегодня гонят опять больше тысячи пленных через город, большинство венгры; бородатые, энергичные лица, совсем нет закваки, что у чахлах, бледных, пьяных поляков и русин, держатся довольно гордо и вообще похожи на солдат. Болтал по-немецки и с солдатами, и с офицерами – о чем? Да так, обо всем понемногу, о Рябушинском, о Ново-Александ[р]ии и даже обо вшах.

^{2*} Сан-Суци, дворец в одноименном парке в Потсдаме; *sans souci* – без забот (*фр.*)

^{3*} Сады Боболи (*ит.*), парк во Флоренции.

^{4*} «Остановись, [мгновение], ты прекрасно!» (*нем.*).

^{5*} Sklep – магазин, лавка (*польск.*).

Написал было Верховцеву письмо, да потерял, надо писать новое. Читал старые газеты. В «Речи» Бенца ругается с Врангелем[:] зачем прекратили «Старые Годы»? Это непоправимо глупо. Никто не требует у художника, чтобы он был артиллеристом, у историка, чтобы он бил в барабан. Быть патриотом не значит рвать на себе волосы и не пить и не есть. Глупо, неисправимо глупо. «Старые Годы» страшно жалко, дураков вроде Врангеля надо бить. Искусство – да, я его не только не хочу забыть среди войны, оно для меня утеха, а в будущем надежда. Бросать науку – ради лазарета и искусство неведомо для чего – безумие и, главное, ужас. Все-таки я больше человек, чем русский – искусство и наука душа моя – а война серьезна, но преходяща, и своей святости ради нее не забуду. Положим, может быть, там, в Москве, в Петербурге – зрение у людей совсем другое, и что здесь кажется святым, там кажется ненужным и пустяшным, и наоборот. Мы на сцене, а они в зрительном зале.

14 октября, Ново-Александрия

Сегодня ночью часа в 2 мылся в институтской бане. Событие очень значительное. С Холма, а когда мы были в Холме! не мылся. Чесотка, Insekte* – ночью это хуже зубной боли, усыпляет только утомление. Своего рода вежи банные[:] Старица–Холм–Ново–Александрия [–] увертюра, первый акт и... кто знает, 5-е или 3-е действие. Итак, институт отдал честь не катаньем, а мытьем. Сейчас, наконец, кажется, в путь. Говорят, немцы прут на Сан и улепетьваются от Варшавы. Уходить, по совести, не хочется. Жалко и парка, и институт, мимо которого ночью в баню шел почти с замиранием сердца. Вспомнил и Лебедева, и даже Станкевича¹, уют большой универс[итетской] лаборатории. Шагни я миллиметра три [–] иная судьба моя была бы, совсем иная. За Вислой, очевидно, начнется что-то новое.

Лаго*, 15 октября,

8 ч[асов] утра (13 в[ерст] От Н[ово]-Ал[ександрии])

Ну, из города опять попали в деревню, в подслеповатую тесную халупу с земляным полом, с соломой, с разбитыми окнами, загороженными досками, с ревущими пани и прикурнувшим в уголке хлопаком^{2*}.

Сецин (или что-то вроде этого)^{3*} верст 15 еще, 15 октября, 5 ч[асов] вечера

Дописать начатого не успел, тронулись дальше. В Лагов прикатили вчера по прекрасной шоссеиной дороге и если бы не ноги, которые упорно болят и в пятках, и в паху – все бы было хорошо. Шли по почти свежему полю сражения. Такой сети окопов, густо перерезывающих поля почти через каждые десять шагов – еще никогда не видел. Если наши телеграфные линии – нервы войны, дороги – кровеносные сосуды – то окопы – кишечник, настолько они существенны и физиологичны. Оружия без счета, кой-где валяются и трупы – но страшно подходить, раскрывать себе глаза на весь ужас – старательно об-

* Насекомые (нем.).

* Современное название Лагув.

^{2*} Chlopak – мальчик (польск.).

^{3*} По всей видимости, Щенсьче (Szczescie), точнее определить топоним не удалось.

хожу эти массы, скрытые серыми и голубыми шинелями. Конечно, по-прежнему всюду консервные коробки, разорванные венгерские письма – следы, что здесь тоже были люди, а не машины. Aktéengese[1]lschaft Wilhelm und Franz-Joseph^{4*}, хотя, с другой стороны, в консервах есть что-то «механическое», «пища без души» – это не кулебяки – куда, ей Богу же, душа вложена.

Очень часто по шоссе здоровенные воронки диам[етром] метра 2 и глубиной в 1/2 м. – следы разорвавшихся шрапнелей. Один старый, умный пан про эти ямы «мувил»^{5*} – «шесть хлопаков в 2 дня такой ямы не выроют».

Пожалуй, самое ужасное в войне – то, что это кровавое, неприятное, иррациональное представление, в сущности, великолепно сретети[ро]вано. Каждое движение, каждое «ура» и даже эти контр-атаки с артиллерийскими ножами – прописи из военных уставов. Как скучно-томительны эти обозы в заранее (за годы, за десятки лет) известном порядке, форма – да все, новы только комбинации этих почти железно-строгих элементов. Эта срететированность, если подумать, страшна до ужаса.

К чему эти Красные Кресты, санитарные поезда, сестры милосердия – если это только остроумная маска проделанных репетиций. А все-таки война неизбежна. Через Лагов прошли немцы, австрияки, теперь идем мы. Чуть не в каждом доме «забитыя»^{6*}. Венгры были «наигоршие»^{7*}. О немцах отзываются как-то с ужимками, большинство было познанских поляков и что тут происходило, пожалуй, можно угадать.

Польша – самая страшная жертва этой войны. Венгры были только за день до нашего прихода. Наш штаб спешит. Сегодня он уже здесь – а вчера утром здесь были австрийцы. Впрочем, сегодня тишина и выстрелов не слышно ни откуда. Верст за 7 вели линию, продолжая сделанную от Н[ово-]Ал[ександрии] 2-м шест[овым] отд[елением]. Заколачивал клинья. Устал страшно, и сейчас болят плечи и ноги. Поместился с прап[орщиком] Шимовым, а потому днем одинок и свободен. Впрочем, с этим одиночеством связано ⟨нрзб.⟩ и кажется скука.

Солдаты куда интереснее офицеров – эти штампованные куклы.

Сижу сейчас в халупе при свете огарка. Шимов дежурит на станции, денщик куда-то сгинул. Балакую^{8*} с пани. Тема обыкновенная. «Нима ниц вжиско»^{9*}, солдаты позабирали», сожгли джева^{10*} на 400 руб., забрали свиней, быдло, куней^{11*}. Венгры, оказывается, искали прежде всего лука – цыбули, готовы были убить из-за цыбули^{12*}, а «мы не жиды, цыбули не сеем». Взял на колени черного толстого кота, с большим галстуком – любимца публики, пользовался симпатиями и пруссаков, и венгров, и москалей. Кот, вероятно, чувствует себя прекрасно, ему-то уж *da vero*^{13*} «несть эллин, ни иудей», пожалуй, вот только немного голодает.

4* Акционерное общество Вильгельма и Франца-Иосифа (нем.).

5* Mówił – говорил (польск.).

6* Zabity – убитый (польск.).

7* Najgorszy – наихудший (польск.).

8* Болтаю (укр.).

9* Nie ma nic, wszystko... – ничего нет, всё... (польск.).

10* Drzewo – дерево (польск.).

11* Bydło, konie – скот, кони (польск.).

12* Так у Вавилова.

13* Действительно (ит.).

Сецин, 16 октября

Я где-то простудился, трясет, болит голова. Какой-то сумбурный скучный день. Часов в 9 обоз перебрался с прежнего бивака на новый к панскому дому; с квартиры ушел и целый день шатался по халупам; скучные-скучные разговоры, кто горше [–] венгры или пруссаки, бесконечные «нима ниц», солдаты гадают на кофейной гуще о мире, кто говорит, что придется похристоваться на позициях, кто кладет 2-3 месяца. А на самом деле война только выросла, противники только поняли друг друга и представление только началось. Говорят о возможности отобрания обратно Сенявы, Ярослава, это было бы совсем скверно.

Сейчас перебрался в общую халупу, грязную, темную, дрожу под шинелью. Вот сейчас кто-то говорит «И надоели же эти халупы», в сущности все штампованные, с образами-картинками, кроватями ящиками, печами и «нима ниц».

Сецин, 17 октября

Совсем скверно себя чувствую. Пошли снимать наведенную линию, а я остался. На дворе холодище и ветер. Лихорадит. Болит голова, да и блохи заели. Сижу по-прежнему в нудной халупе. Господи, как все это надоело! День за днем похожий, или разнящийся друг от друга, как 2 картофелины. Ночлежка-халупа, картошка с салом, вши, разговоры о мире, да переходы, переходы. Вот и все. Страшно становится, когда подумаешь, что это еще на 2–3 месяца. Даже прапорщицкий *modus vivendi* кажется раем. Главное [–] полное отсутствие пафоса. Несмотря на всю грандиозность масштаба, массу, жертву и все ужасы, война ведется холодно и скрытно, словно маневрами занимаются.

Здесь в деревушке прошли и немцы, и венгры, и наши и, судя по рассказам панов, у всех «вжиске едно»^{*}. Нет хлеба, ташут все что можно. Подумать только [,] что каждый солдат только ворона в павлиньих перьях, или наоборот, что душа каждого – та же душа несчастного пана, и станет страшно. Кто зробил^{2*} войну?

Сегодня 3 месяца войны, кажется, а сказать трудно, начинается она, развертывается, или кончается, и, кроме того, сегодня просто 17 окт[ября]. В.И. Войлошникова – лет 10 тому назад умерла. Никогда не вспоминал, а сейчас почему-то в голове мелькнуло. Ее смерть в 10 раз была чувствительнее смерти сотен тысяч людей здесь на войне. Здесь смерть крайне подешевела. Милая Варв[ара] Ив[ановна], какой идеально чистый, умный, талантливый образ запечатлелся в памяти о ней. Тогда начиналась жизнь, и я был так страшен – мистик и дитя, впрочем, многое так и осталось.

Здесь среди панов целый выводок Врубелей, Якубы, Станиславы и пр[очие]. Остро-безумный гений Врубеля, впрочем, был бы естественным порождением печальной Польши.

Попался в руки немецкий календарь – след ночевки немцев в нашей халупе. Наивно-глупо-трогательные рассказы, *Haselkartoffelkomödie*^{3*}, все так добродетельно, глуповато, просто! Неужели это «лютые тевтоны»? Еще нашел письмо какого-то Valter'a к какому-то Эрнсту. Это письмо нужно бы в

^{*} Wszystko jedno – все едино (польск.).

^{2*} Zrobil – сделал (польск.).

^{3*} Комедия картофельного града (нем.).

письмовник, пригодится оно и для письма русского папаша к Ване или Сереже. Конечно, добродетели немецкой немало, один финал чего стоит!

Befehle dich (нрзб.) auch weiter dem Schutze des Allerhöchsten ohne dessen Willen keine Haar von unserem Haupte fällt. Habe nur guten Mut^{4*}.

Опять поражает «штамп» войны. И там поезда с ранеными и пленными, вести об убитых и раненых, уверенность и уверение в успехе. В результате войны выяснится только соотношение сил и талантливости генералов e niente di più^{5*}. Впрочем, что я за прежнее. «Zwei Seele wohnen, ach! in meiner Brust»^{6*}.

Der Krieg ist unbegreiflich
Und s'ist genug^{7*}.

Сецин, 18 октября

Между Сциллою и Харибдой. В грязной халупе целый день «палят», кто хербаты, кто картошку с салом. Целый день аромат подгорелого сала, температура умеренного ада. Отворил дверь, резкий ледяной ветер. «Барзо зимно»^{*}. Паны оделись в полушубки и шубы, я тоже попробовал натянуть присланную теплую фуфайку. Наружу в ледяном аду хорошо – но здесь в халупе скорее долой. Так и мечешься из области одной температуры в другую, совершаешь цикл Carno. В результате такого цикла болит голова и начинают ныть зубы. Признаки скверные, ночью симфония вшей, зубов и пищания цурок и хлопаков^{2*} превращает сон в сражение. Ночи ужасные, длятся более полсуток – свечей мало. Спасенья нет, нужно ложиться на грязную солому, покрытую грязной палаткой, закрываться грязной шинелью, чесаться, вертеться и ждать блаженной минуты – когда заснешь. Сижу по-прежнему в халупе. Нас солдат человек 16, пан с пани да 4 ребят, чумазые, нечесанные, сопливые.

Захаживают всякие паны, принося найденные сожженные винтовки (кажется, австрийцы занимались этим сожжением), снаряды и прочие нешуточные вещи. С панами разговоры, конечно, не долгие. «То добже»^{3*}, а «То не добже» или что-нибудь в этом роде. Паны добрые, наивные и совсем нет польского «гонора», жестких усов и взгляды как у подпрапорщиков из поляков. Но до чего скучна, кажется, эта жизнь крестьянская. Каким же высоко-недосыгаемым существом является для них ксёндз, спрашивающий жизнь, придающий подобие смысла существованию.

Наш корпус передвигается страшно быстро (за 2 дня верст 70) к австрийской границе. Видимо, снова суждено перейти в несчастную, хилую Галицию. Не хочется. Лучше бы к немцам. Сегодня, наконец, посмотрел на карту, что мы, собственно, проделываем. Оказывается, описываем какую-то странную синусоиду. Будет карта перед глазами, перечерчу, а пока, в общем,

^{4*} Вверяя себя (нрзб.) и дальше защите Всевышнего, без воли Которого ни один волос не упадет с нашей главы. Только не теряй надежды (нем.).

^{5*} И ничего более (ит.).

^{6*} «Ах, две души живут в груди моей» // *Гёте И.В.* Фауст, ч. I, сцена 2.

^{7*} Война непостижима, / И этого довольно (нем.).

^{*} Bardzo zimno – очень холодно (польск.).

^{2*} Córka, chłopak – дочка, мальчик (польск.).

^{3*} Dobrze – хорошо (польск.).

дело обстоит так. Куда занесет эта синусоида, сказать не могу, может, ее захлестнет к Кракову, может к пруссакам, описываем эту синусоиду мы, а водит наш верховный штаб.

Почему-то вдруг вспомнились строки Баратынского:

Тот счастья полного достиг,
Кто дух судьбы своей постиг¹.

Если счастье – мир и победа, а дух судьбы – эта самая синусоида, то вопрос, когда затухнет эта синусоида. Что она должна же затухнуть – это *ganz sicher*^{4*}. Заняться, разве, гармоническим анализом.

Сидит сейчас со мной хлопок – детина лет 17, а дурак. Спрашивает, почему я так «кепско»^{5*} пишу. Говорю, «папиру»^{6*} мало, а «ars longa»^{7*}, т.е. война Бог весть когда кончится. Хлопок наивен, как дитя, с голубыми бараньими глазами. Его брат прямая противоположность, лет 13, уж сапожник, читает и пишет, сметливые глазенки.

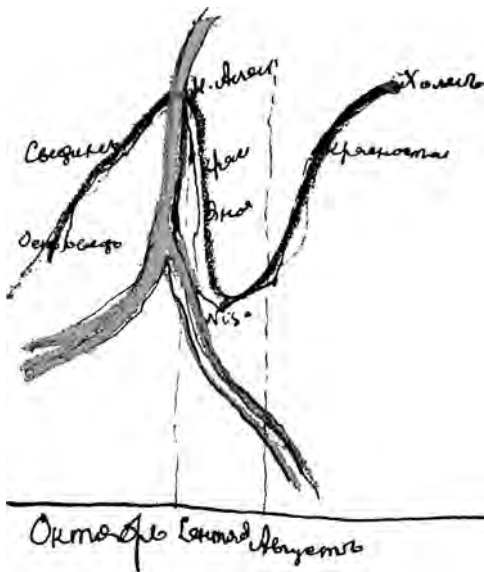
Однако дурак хлопок слышал что-то, что после войны у Польши «буде круль Миколай Миколаевич»^{8*}, что Мик[олай] Мик[олаевич] «зручил»^{9*} с какого-то генерала погоны, генерал, де, этот хотел отдать Варшаву.

Нет 4-х часов, а уж темнеет, предстоит неизбежная «коляца»^{10*} с «хербаты» – а затем сражение с насекомыми и сон.

A propos, сегодня в котле готовили кашу и притом хорошую. Все настроены поэтому достаточно «gemütlich»^{11*}. Впрочем, может быть, завтра предстоит отмерить верст 30 вдогонку за штабом – вычерчивать странную траекторию, неведомо кем и для чего «vorgeschriebene Reise»^{12*}.

Кроме халупы ничего за целый день не видел, а любопытно, которая эта халупа по счету в моем странствии.

Через деревню от поры до времени гонят кучки «голубых» австрийцев.

^{4*} Несомненно (нем.).

^{5*} Kiepski – плохо (польск.).

^{6*} Papier – бумага (польск.).

^{7*} Vita brevis, ars longa – «жизнь коротка, а путь искусства долог» (лат.).

^{8*} Будет король Николай Николаевич² (польск.); вероятно, имеется в виду Великий князь Николай Николаевич Романов.

^{9*} Zrzucił – сорвал (польск.).

^{10*} Kolacja – ужин (польск.).

^{11*} Добродушный (нем.).

^{12*} Назначенное путешествие (нем.).

Сыцын, 19 октября

Не уехали. Почему, не знаю. Впрочем, сегодня издалека слышны артилл[ерийские] залпы. К добру это или нет, сказать не берусь. Volens-nolens сидишь в Сыцыне. Грязная халупа надоела и хочется ударить вперед, а, впрочем, сижу. 2 хлопака, о которых писал вчера, пошли в костел верст за 5, недели чистые рубахи, пиджаки и пр[очее] – сегодня воскресенье, да кроме того, кажется, «Всех Святых». Солдаты сидят и зевают, мелют ерунду, играли раньше в карты, но карты кто-то свистнул. Кстати, и венгры здесь только картами развлекались. «Ух, как играли, две свечи сожгли», играли немецкие офицеры (по всей деревне карты собирали). Сейчас один обозный рассказывает свою «premiere amour»* – конечно, в «обозном» духе – история какой-то «барышни», «милосердной сестры» из земской больницы. И Господи, до какой дело откровенности^{2*} доходит! Но рассказывал художественно. Дальше идет история о пьяной вдове в духе Боккаччо–Баркова. Что-то будет, если мы дальше здесь засидимся. Пробую читать Фауста, но разговоры, темнота и блохи мешают. 2-ая сцена у ворот – прелестна. Faust, Wagner und die Menge^{3*} – вот ее смысл и заглавие. Фауст, пожалуй, не ученый, а поэт, mit einem Worte das ist Goethe^{4*}. Уж эти великолепные строки чего стоят:

O! daß kein Flügel mich vom Boden hebt,
Ihr nach und immer nach zu streben.
Ich sah' im ewigen Abendstrahl
Die stille Welt zu meinen Füßen,
Entzündet alle Höhn, beruhigt jedes Tal,
Den Silberbach in golden Ströme fließen^{5*}.

и поэтому-то «Hier bin ich Mensch, hier darf ich's sein»^{6*}, а для Вагнера все это «ein gar verhaßter Klang»^{7*}. Ну, да впрочем, в дневник русско-немецкой войны, пожалуй, и не место писать комментарий к Фаусту.

Кроме того, читаю «Die Schwimmende Stadt»^{8*} Ж.Верна, которое захватил еще в Станах. Глупейшая история Und das ist J. Verne, das heisst ein J. Verne^{9*}. Впрочем, чуть-чуть заинтересовывает. А, главное, ведь это особый сорт книжки, читаешь и вырываешь листочки «на потребу» – вот уж тут весь библиофильский задор ни при чем. Как подымешь голову, да посмотришь на то, что происходит там, в халупе, и на что здесь пишу – контраст разительный.

* Первая любовь (фр.).

^{2*} Так у Вавилова.

^{3*} Фауст, Вагнер и толпа (нем.).

^{4*} Одним словом, это Гёте (нем.).

^{5*} «О, дайте крылья мне, чтоб улететь с земли / И мчаться вслед за ним, в пути не уставая! / И я увидел бы в сиянии лучей / У ног моих весь мир: и спящие долины, / И блеском золотым горящие вершины, / И реку в золоте, и в серебре ручей» // Гёте И.В. Фауст (сцена «У городских ворот») (пер. Н. Холодковского).

^{6*} «Здесь вновь человек я, здесь быть им могу!» // Там же.

^{7*} Сугубо ненавистный звук (нем.).

^{8*} «Плавающий город» (нем.).

^{9*} И это Ж. Верн, т.е. некто Ж. Верн (нем.).

«Халупная» философия. Сцилла и Харибда продолжают наседать. В халупе дымно, снаружи зимно^{10*}. Ну, дай Боже ночь провести без скуки, тоски и блох.

Сыщын, 20 октября

И опять не уехали. Кажется, мы необходимое звено в телегр[афной] линии, связывающей штаб армии, который стоит здесь поблизости, в местечке Зволинье, со штабом 25-го корпуса. Штаб, впрочем, как говорят, уехал вперед верст на 100.

Сегодня вполне определенно «говорят», что 17-го окт[ября] Турция объявила войну и уже бомбардирует Феодосию и Керчь. Час от часу нелегче. Для нас эта новая война пока только новое развлечение и тема, которыми убивается время, попивая «хербаты».

«Nichts bessers weiss ich mir an Sonn- und Feiertagen,
Als ein Gespräch von Krieg und Krieg[s]geschrei,
Wenn hinten, weit, in der Turkey,
Die Völker auf einander schlagen.
Man steht* am Fenster, trinkt sein Gläschen aus»^{2*}

Войны с Турцией, пожалуй, не хватало. Эта война, natürlich, wenn alles gut gehen wird^{3*} будет для России по выгодам куда ощутительнее «невесомых» успехов в Германии и в Австрии. Эта война уж во всяком случае – грабеж. Разговоры в халупе – опять, как около магнита, вертятся около самого существа. «Зачем?» «Какая нам польза, нам трудовикам» – и по-прежнему верчусь, не показывая, что война религиозна и для избранных. «Вы не лошадь, которой все равно вести русскую или австрийскую фурманку[»] – это образчик аргументов. «Die Schwimmende Stadt»^{4*} не стоит даже «подтирательного» чтения.

В халупе идет стирка, «правят белизну»^{5*}, стоит чад, чинят сапоги.

С тех пор, как стало вероятным, что я в скором времени превращусь в «его благородие»¹, питание со стороны всяких кашеваров, писарей e tutti quanti увеличилось. Сiju барином. Но в роте есть прекрасные люди. Большинство владимирской и московской губернии. Напр[имер], Вятлин (Пав[ел] Ив[анович]). Высокий, энергичный детина, почти английской складки (и лицо даже английское), сообразительность, остроумие, практичность, а вместе чистая религиозность в московско-владимир[ском] духе, любит благолепие, прото-дьяконов и певчих; был на яп[онской] войне. Характер на 5+. Мы с ним сей-час приятели.

^{10*} Zimno – холодно (польск.).

* У Вавилова написано «sicht» вместо «steht».

^{2*} Немного неточная цитата из «Фауста» (сцена «У городских ворот»); реплика Горожанина: «Люблю послушать я, как в праздник соберутся / Потолковать о битвах, о войне, / Как где-то в Турции, в далёкой стороне, / Народы режутся и бьются. / стаканчик свой держа, стою перед окном» (пер. Н. Холодковского).

^{3*} Естественно, если все пойдет хорошо (нем.).

^{4*} «Плавающий город» (нем.).

^{5*} Piorą bieliznę – стирают белье (польск.).

Был у «панов-офицеров». Скучают, а насчет съемки никому ничего не известно.

Сегодня опять откуда-то по ветру доносятся выстрелы. Пленных гонят по-прежнему, не особенно густо, но гонят.

Беяны, 21 октября

Очень доволен, что выехали из Сыцына. Смрадная, темная халупа надоела и стала почти невыносима. Хлопаки в конце концов «взяли на память» у кого чай, у кого мыло, у кого пояс и пр[очее].

Прошел сегодня верст 30. Ноги, конечно, ноют во всех своих частях. Сначала снимали линию до Зволени, верст 5. Местечко, как все местечки, с жидами, с четырехугольной площадью, базаром, где теперь продают «сaddle»* по 45 к., «цукер» по 30 к. и пр[очее]. Из Зволени воротились в Сыцын. Я, само собою, выколачивал клинья. Первые верст 5 было совсем хорошо. Погода прелесть. Деревья совсем оголились, тишина, ветер стих, легкий утренний туман смягчает все контуры. Дышится легко. От Сыцына пошли верст на 10 до Казановы^{2*}, куда ушло снимать 2[-ое] подотд[еление] 1-го шест[ового] отд[еления].

Где-то совсем недалеко неожиданно-громкие артилл[ерийские] выстрелы. Кто кого? Никто не знает, но на всех лицах тревога.

«Будьте, братцы, начеку».

За Вислой вообще чувствуется не по себе, каждый выстрел пугает. Мы сейчас в тылу не только корпуса, но и армии, а между прочим выстрелы – так близки и так тревожны. Паны, которые усердно мотыгут картошку – пытаются встречных солдат насчет выстрелов. Обычное «Нё вем»^{3*}.

У Казановы интересно только название. Сразу вспомнил неоконченные томы «Aventures»^{4*}. Лежат они там, на крайней полке внизу и ждут, ждут своего черед. Дождутся ли. Приключений здесь Казанова едва ли бы нашел. Война самая прозаическая.

Почему Казанова – Казанова нё вем. Здесь пообедали и через 1/2 часа поплелись снова – еще верст десять. Опять откуда-то стрельба, а порой одиночные выстрелы из синих, густых лесов. Сейчас, даже сидя в деревне, страшно-вато, а ну нападет немецкий разъезд. Беяны чистенькая аккуратная деревня, вытянутая, как по нитке. В халупе нас пятеро, просторно. Отдыхаем от сыцынского содома. Приехали часов в 5, желтый закатный месяц на чахло-синем фоне, жидкие купы обвалившихся дерев, а сбоку золотится в последних солнечных лучах еще опояска золотая берез с белыми стволами. Пейзажи левитановские.

Сейчас наелись и напились и минут через 15 пора спать. Ночь чудесная, «прозрачно небо, звезды блещут, своей дремоты превозмочь не хочет воздух»¹. Все пропитано голубым лунным туманом. Киваю знакомым в мировом пространстве, комета померкла в лунном блеске – и следа не видно. А война идет, безудержная, непонятная, а впрочем, скучная и однообразная.

* Так у Вавилова.

^{2*} Правильно: Казанув.

^{3*} Nie wiem – не ведаю, не знаю (польск.).

^{4*} Приключения (фр.).

**23 окт[ября], 6 ч[асов] утра, Хоцимов,
в 3 в[ерстах] от Кунова***

Вчера опять больше 30 верст. Ноги совсем расклеились. Впрочем, штаб уж нагоняем, верстах в 20 теперь, кажется. Значит сегодня опять хождение. Мука! Дорога от Гелян до Грабовца (с каким-то странным монументом-статуйей на площади. Какой-то святой поливает из ведра дом) полем. Погода прелесть. Лучше такой спокойной «прозрачной» осени не надо. В первый раз в жизни сел на лошадь¹ – хорошо, надо научиться, да это и необходимо. Верст 10 – лесом, темным, сосновым, седым от моха. У Кунова перешли железную дорогу, которую передельва[ли] австрийцы на свой, а наши опять на свой лад². За Куновым какая-то дорога, ущелье и характер местности совсем швейцарский [-] громадные овраги, склоны, перспективы. В конце концов, конечно, халупа, чай и сон. Сейчас ноги немного отошли. Во всяком случае «Avanti»^{2*}.

**Версты 4 от Иваницкой^{3*}
23 октября**

Своего рода разнообразие. Пишу сейчас в жидовской халупе, где собираюсь ночевать. Опять 30–40 верст по полям, горам и лесам. Штаба все-таки не догнали, ушел еще на 42 версты. Ну, авось завтра поймает. Устал так, что еле двигаю ручку.

По дороге опять, конечно, окопы, брошенные оружейные ящики, убитые лошади, паны с ужасными рассказами о том, что австрияки заставляют наших пленных возить арматы^{4*}.

Жидам наше присутствие не особенно приятно, Впрочем, они тотчас затеяли торговлю яблоками. Халупа чистая, специально жидовского мало, разве только портрет какого-то раввина, весы, да лапсердак и «затаенные» лица жидовок. От делопроизводителя узнал, что деньги в батальоне, итак, я ⟨нрзб.⟩ богат.

Паны говорят, что были с фурманками у Кракова. Так вот оно что! По-видимому, и нам туда дорога.

Шидлов*, 24 октября

И все-ж таки не догнали. Поехали опять с 7 ч. утра без остановок часов до 2-х, т.е. сделали верст 25. Не знаю, как еще иду, постоянно отстаю, ковыляю, хромаю, прихожу в ужас, когда приходится переходить по перекладинке через реку или мельницу.

«Две жердочки, склеенны льдиной,
Дрожащий, гибельный мосток,
Перенесены через поток»¹.

Это что-то вроде аэроплана над головой, только здесь «жуть» под головой. Дорога гористая, ущелистая, вроде Туробина, глина, песок. Леса –

* Современное название: Кунов.

^{2*} Вперед (*ит.*).

^{3*} Правильно: Иваницкая.

^{4*} Armata – пушка (*польск.*).

* Правильно: Шидлув.

сосновые и еловые. Мрачно зеленеют эти вечно-юные и вечностарые леса. Ни осень, ни зима нипочем. Молчаливо, задумчиво и холодно беспристрастно смотрят эти леса, синев издали своими «лейстиковскими»² тонами. Им и война кажется нипочем. Плетемся по градам и весям и все мимо – мимо. Паны повсюду одни и те же, усатые добрые лица, меньше всего «паны» (с усами и в венгерках).

По деревьям прошли австрийцы, на дверях халуп кой-где надписи «Feldpost», «Rgt. [Regiment] Stab 49»^{2*}, а над ними мелом 3-й взвод 3-й роты и т.д. И так это просто и никакой напряженности, полярности не чувствуется. Были и ушли.

Шидлов весь каменный, стоит на какой-то известняк[о]вой (жаль я не геолог) горе. Костел да и халупы со стодолами смотрят совсем архаически в одежде из серого камня. Штаба здесь не нашли, говорят, уехал за 12 верст. Халупа отличная, поместились впятером. Ели кашу и суп. Пили какао с печеньем. Сегодня опять из дома посылка с шоколадом, печеньем, какао и егоровским бельем. Барзо дзенкую^{3*}. Есть и письма – старые. Опять от итальянца [Страмуччи]. Боже, как оно хорошо, восторженно и наивно. Надо его немного охладить и успокоить. Сейчас сидим и толкуем с паном о политике. Во многом, конечно, «Фома и Ерема». Завтра опять идти.

Кшиш*, 27 октября (или что-то вроде)

Vergnügungsreise^{2*} продолжается. Сегодня уж ровно неделя. Создался уж и вполне определенный m[o]dus vivendi. Часов в 7 до рассвета начало, часа в 2 привал с обедом, затем часов до 5–6 опять странствие. В общем, мучительно. Устаешь ужасно, спать мешают вши и блохи, опомниться некогда, единственная забота [–] хербаты и картофеля. Из Шидлова с гостеприимными панамы без нудного монотонного «нема ниц» поплелись по горам и долам. Местность здесь странного гористо-волнистого характера. Перекатываемся с гребней в долины и котлованы.

Деревни видно за 20 и 30 верст, на вершинах белеют и краснеют костелы. Погода прелестная. Деревья голы, но «ковер зимы» не покрыл еще этих печальных холмов.

Здесьшний ковер – мох, вереск и прочая ерунда. Штаб догнали в Рэдзанове^{3*}, но что же о нем (Рэдзанове) сказать, кроме того, что халупа была ужасна, что по полу ходили куры, а поскольку пришли ночью, ушли на рассвете – ничего не видали. Даже и не мечтается, даже о прошлом думать не хочется. Война кажется длинной-длинной. Бог весть, когда она кончится, кой-где по дороге попадаются клочки № Freie Presse (октябрьские номера), читаешь о том, что наши отступили от Пшемышля, Сенявы, что чуть ли не Ярослав^{4*} взят обратно, может быть, и врут, но на душе скверно. Не война, а маятник.

^{2*} «Военно-полевая почта», «Штаб полка 49» (нем.).

^{3*} Bardzo dziękuję – спасибо большое (польск.).

* Вавилов пишет здесь и далее Кшиш, Кшеш, Кшечь, Кржиж. Правильно: Кшиж.

^{2*} Увеселительная прогулка (нем.).

^{3*} Правильно: Радзанов.

^{4*} Прочитано неуверенно.

Опять вопрос, да скоро ли затухнет это колебание. Кто скажет? А сейчас я в удивительно скверном настроении, боюсь, скверные вещи напишу.

26-го с утра до 4-5 часов вели линию от Рэдзанова до имения Zloty, верст 17. Закалачивал клинья. Австрийцы только что прошли. Паны по-прежнему равнодушны. Да еще бы и не быть равнодушным, если за 3 месяца каждый день проходят и ночу[ют] солдаты [-] «наши», австрийцы, немцы – все an und für sich^{5*}, кроме формы, одинаковые, с теми же нудными разговорами. Да, паны равнодушны, как рыбы.

Zloty – усадьба. Старый помещичий дом с колоннами, весь зарос плющем, листья опали, сейчас дом, как кружевом, обтянут старыми толстыми змеистыми стеблями плюща. Вокруг старый парк, старый лакей выносит какой-то стол из дому. В этот помпезный мир ворвалась тоже война. Немногие – варвары и свирепы, но в результате прохода сотен и тысяч разгромление и разграбление. Думали во Zloty'ax отдохнуть. Ну, нет, сегодня опять наводка, навели на весь материал. Теперь песня «нима ниц» и волей-неволей застряли в каком[-то] Кшиче, не то Крыче, где всего 10 халуп, из которых в 5 воняет хуже, чем в сортире. Линию вели по болотам, пахоте, глине (больш[ой] г[олый] кабель).

За неделю прошли верст 170; идем на Краков, сейчас в 7 милях от Кракова. Не дай Бог и завтра ехать, хотя здесь сквернissimo.

Усталость. «Бесцветность» войны (вместо определенной кривой описываем скучную синусоиду), скверные халупы, дождь, блохи – вот компоненты моего теперешнего настроения.

Кшеш, 28 октября

Вчера залегли, не было еще 7 часов; в халупе около 15 человек, с половиною – обозные жулики, циники, единственное спасение от которых укрыться с головой шинелью и заснуть – авось хоть что-нибудь из «того» мира приснится. Кое-что и снится, но все такое кошмарно-глупое. Своей комнаты давно уж не видал, она теперь кажется, конечно, «царством небесным». Когда-то туда попадаешь, да и попадешь ли? В халупе злая – издерганная «господыня»^{*}, плачет, злится, ребята рахитики. Целый день сидят приютившись в постели. Под кроватью ночевали штук 30 кур с петухом, который начал свою музыку часов с 4. «В суп просится» [-] объяснил один обозный. Под печкой кошка с котятками. Одним словом, в халупе ночью целый Ноев ковчег с чистыми и нечистыми – впрочем, тут все кажется нечистым. Ночью обозные, конечно, попользовались, кто-то свистнул у господини 2 жестяные ложки. У наших обозных, впрочем, это кажется обычаем «взять что-нибудь на память» в каждой халупе. Интересно бы заглянуть в душу всех этих господажей^{2*} и господинь – ведь они только что молчат. Встали в 7-8, значит, валялись около 13 ч[асов] – quantum satis^{3*}.

^{5*} Само по себе (нем.).

* Gospodyni – хозяйка (польск.).

^{2*} Gospodarz – хозяин (польск.).

^{3*} Сколько нужно (лат.).

Впрочем, кажется, попади я сейчас домой, в свою постель, вымывшись и с чистым бельем – провалялся бы и 24 часа.

Наша рота, соединяя штаб 9-й армии со шт[абом] корпуса, извела почти весь материал, линия наведена верст на 150, частью кабелем, частью гол[ым] пров[одом], частью каб[елем] на шестах. Теперь, кажется, дошли до пес plus ultra^{4*} в этом Кшече. До штаба депеши отвозит летучая почта. Организация военного телеграфа в общем – скверна. Самое живое по цели учреждение обращено чуть ли не в тяжелую артиллерию, в одном отделении 37 повозок и пр[очее]. Если бы не казалось такой наивностью заняться всерьез военной телеграфией – можно бы много сделать.

А что-то сейчас делает и думает Планк, Фохт и проч[ие], неужели забросили «Annalen»¹ и читают Berliner Tageblatt². Не знаю почему-то, но мне кажется, что для всех, русских, немцев и вообще людей эта война глубоко печальна. Где они, кровавые протуберанцы неувыдаемой «лавровой» славы, где Наполеоны или Кутузовы? Все, несмотря на колоссальность масштаба, тяжелую артиллерию, циппелины^{5*} и аэропланы – прозаично, медлительно, больше маневры, чем война. А вместе с тем миллионы жертв, нарушенный покой, оскорбление науки и искусства и близость всякого ужаса делают войну глубоко печальной. Медленно катятся немецкие железные волны на запад и восток, то приливают, то отливают, и какой буре надо разразиться, чтобы решить дело?

Сейчас сижу без газет и телеграмм, вернее с газетами, но старыми, как вечность, августовскими и сентябрьскими. Читать старые телеграммы и обзоры скверно, как пить теплый чай, а кроме этого в старых Р[усских] В[едомостях] и Р[усском] С[лове] толку мало.

Сейчас на улице пасмурно, изморось. Кшиж весь в глине и грязен до ужаса. Сижу в халупе, то пишу дневник, то письма, а потом думаю взяться за Goethe. So geht's!^{6*} Было бы и совсем недурно, если бы не беспокоили блохи и если бы впереди предстояло что-нибудь веселое.

Кшеч, 29 октября

Сейчас кончил «Stella» Goethe¹. Чтение такого Trauerspiel* здесь в вонючей халупе, с курами, вшами, котятами, нудными панями, да и вообще на войне, все равно что чтение какого-нибудь руководства к куроводству. Диссертация на тему «Diese drei besten weibliche[n] Geschöpfe der Erde – elend durch mich! – elend ohne mich! – Ach! Noch elender mit mir! ... Welche Seligkeiten, vereinigen sich, um mich elend zu machen! Gatte, Vater! Geliebter! – Die besten edelsten weiblichen Geschöpfe!»^{2*} До чего чужда сама эта тема, словно какая-то медицинская диссертация. Здесь, на войне, в халупе все это кажется каким-то ученическим упражнением ни для [кого] ненужным и пустым.

^{4*} Дальше некуда (лат.).

^{5*} Принято: циппелин³.

^{6*} Так оно и идет (нем.).

* Трагедия (нем.).

^{2*} «Эти три прекраснейших создания... Несчастливы из-за меня... несчастны без меня... Ах, еще несчастней со мной... Сколько радостей – муж, отец, возлюбленный – объединились, чтобы принести мне горе! Прекраснейшие, благороднейшие создания!» (нем.) (из пьесы Гёте «Стелла» / пер. И. Татариновой).

Если бы Гёте был таков – то действительно немцам цена грош, или, точнее, только такого Гёте достойны немцы. Не Гёте, а какой-то (нрзб.). И как скучно, безнадежно скучно. Достаточно двух актов, остальное ненужная декламация.

Впрочем, может быть, это юношеское упражнение, вроде юношеских лермонтовских драм... но там есть наивности пафос и задумчивость, а здесь кроме немецкой тупости ничего. Примусь за Эгмонта.

Сижу в той же халупе. Заходят солдаты. Откуда-то возникли нелепые слухи о «замирении» не то на 10, не то на 8 дней. Любопытно, что эти слухи периодически возникают и затухают от самого Холма. Казаки «лапáют»^{3*} у хозяев курок, платя вместо 5 злотых по 2. Бравый народ *jedenfalls*^{4*}.

Корпус пока дальше не двигается, стоим мы близко границы. У Кракова, говорят, солидная австрийско-германская армия.

Целый день занимался благообразием, мылся в хлеве с «кунями» и «быдлами»^{5*}, брился, чинил сумку и etc. Все, конечно, учинил не я, а «пан» Вятлин. Ей Богу, кроме того, что он американец, он – Фигаро. Печет хлебы, бреет и «робит»^{6*} что угодно.

Кшиж, 30 октября

Ну, вот и не о чем писать. Дует ветер, дождь идет... Пан, хозяин нашей халупы, говорит, что «пшиехал свенты Мартин на белом куне»^{*} – но снега нет. Халупа набита обозными. Вятлин рассказывает свои похождения на войне. Теперь другие дни – другие сны. Сегодня как-то вдруг заметил, что Рождество придется непременно провести здесь.

Что кругом делается – не знаем. Вчера после обеда были слышны выстрелы.

Кшеш, 31 октября

Иногда хочется встряхнуться и спугнуть сон, очутиться вновь на Пресне в своих низких, уютных комнатах. И военная служба, и война, и та среда, в которой я сейчас живу, – так неожиданно нелепы, что только во сне и могут присниться. Волею судьбы занесло сюда, в какой-то гнилой Кшеш. Собственно ничего не делаю, но тяжело целый день чесаться от вшей, есть картофель, ворочаться в грязи и вести нудные разговоры с панам и солдатами. Какая-то общая тюрьма. Зачем? Кому это нужно? Разве нужен я слабый, неповоротливый, неловкий для вбивания клиньев и наводки линии. Все равно, что тонкой книжкой гвозди вбивать. Нет в этой «наводке» ни героизма, ни самопожертвования, ни работы, а так какой-то онанизм. На войне я, собственно, почти корреспондент, езжу только на своих на двоих и выношу бóльшую часть мерзостей войны. Во сне только иногда приходишь в нормальное состояние. Сегодня, например, видел себя на Никольской у Шибанова¹, покупал или приторговывал[ся] к описанию какого-то монастыря, прекрасное издание в солидной кожаной папке, с фотографиями, планами etc.

^{3*} Łapiać – ловят (польск.).

^{4*} Во всяком случае (нем.).

^{5*} Konie, bydło – кони, скот (польск.).

^{6*} Robić – делать (польск.).

* Przyjechał święty Marcin na białym koniu – приехал святой Мартин на белом коне (польск.).

Книги, милые книги, сколько вас там у меня и как хорошо и спокойно там среди вашего кладбища. Здесь мусолом рекламовского² Гёте да газеты, да и за то благодарю Создателя. Во сне постоянно снятся книж[ные] картины. Просыпаешься – поет петух, кусают блохи. Ей Богу же, это не подвиг, а наказание, только за что и от кого?

Через деревню движется 14-й корпус, говорят, держит направление Сосновицы. Итак, комбинация сложнее простой осады Кракова. Впрочем, ведут постоянную телегр[афную] линию и, кажется, везут осадные орудия. Солдаты, словно сговорившись, все в один голос говорят то о «замирении», то о мире. В каком-то полку даже до 3-х ч. ночи не спали от радости. Как же им хочется мира! Да не только «им», а и мне. В халупу, как в корчму, ежеминутно вваливаются казаки, пехота, артиллеристы, офицеры, желающие здесь устроить «собрание», недавно был целый кагал длиннобородых жидов запасников. Бородатые израильтяне смотрят воинами. Наш пан, хозяин халупы, поистине мученик, «пильнует»^{*} телегр[афную] линию, исправляет дорогу, молотит овес для обоза.

Да, между прочим, среди панов уж много легенд. Писал де «отец свен-тый»^{2*} (папа [Римский]) нашему цесарю, чтобы запретил вудку^{3*} продавать в Польше, тогда, де, война будет добжа^{4*} для цесаря, цесарь и велел всю вудку в Вислу вылить³.

А то вот еще. Как пришли германы к Ченстохову, повезли они наибольшую армату^{5*} в гуру^{6*} к монастырю, где находится чудотворная Matka Boska^{7*} Ченстоховска, и навели пушку на самый костел. Пушку везли 40 лошадей, но поднять в гуру не могли, навели пушку – не «с[т]шеляет», попробовали назад отв[е]зти – не идет, так и осталось [-] пушка с дулом, направленным на Матку Боску.

Рядом со мной сейчас Фигаро-Вятлин чинит хозяйственное ведро. Он вечно за делом. И все спорится.

1 ноября, Кржиж

Что-то сулит новая луна? Октябрь, за исключением Н[ово-]Александрии, был, пожалуй, скучен. Ноябрь... в Москве, небось, слякоть, грязь с снегом, полу-сани, полу-пролетки. Время уютное. Любил я его. За окном холодище или дует дождик, наверху натоплена печка, кругом книги, новые журналы, а иногда логарифмы и счетная линейка. Вечером театр, Смит или Генаша... Да, приходится помянуть добром то, от чего прежде открещивался.

В Кржиже пока без перемен. Сегодня дежурил по кухне. Меня, слава Богу, освобождают от всяких караулов и нарядов. Но дежурство по кухне дается чуть ли не [как] *honoris causa*^{*}, можно поживиться у кухни, а ведь кухня

^{*} Pilnować – охранять, сторожить (польск.).

^{2*} Ojciec Święty – святой отец (польск.).

^{3*} Wódka – водка (польск.).

^{4*} Dobrze – хорошо (польск.).

^{5*} Armata – пушка (польск.).

^{6*} Góra – гора (польск.).

^{7*} Богоматерь (польск.).

^{*} Почетный доктор (ученая степень, присваиваемая за заслуги перед обществом, наукой) (лат.).

volens-nolens^{2*} чуть ли не центр нашего теперешнего существования. Грязь и воровство в кухне порядочное, у кухни всегда куча «припевающих». Впрочем, слава Богу, подышал чистым воздухом. Погода прелесть. Утром мороз, дороги окаменели, а часам к 10 все растаяло, размякло, потеплело. Хвост 14-го корпуса еще тянется через деревню. Сегодня в нашу халупу все завертывали доктора, санитары в лаковых бутах, чистеньких мундирах и штанах. Завернула какая-то не то пьяная, не то сумасшедшая старуха, в красном платке, намотанном вроде чалмы, молола что-то про «цесаря», «шатнадцать моргов», кажется, она куда-то утекала и теперь идет домой. Паны – все-таки далеко не наше добродушное мужичье, все тонки, скрытны и всегда в самых низах как-то обкультурены. Никогда панское лицо не «расплывется» в улыбку, как бородатая масть нашего мужика. Что-то есть чуждое, «немецкое». Вот и эта сумасшедшая, совсем не в «русском стиле». Слишком много декламации и католицизма.

«Фигаро» сегодня печет блины. Я добыл пшеничной муки, налили воды, подложили сахара und alles fertig^{3*}. Блины так и подскакивают со сковородки.

Говорили, что Краков сегодня начнут бомбардировать, но «молчит равнина белая», а у нас в деревне все занялись хозяйством, кто печет лепешки, кто блины.

Сегодня, слава Богу, во сне грезил о каких-то тангенсах и формулах капил[л]ярности. Слава Богу, говорю, значит «в недрах» физика-то еще не окончательно вытравлена.

Дочитал «Эгмонта»¹, das ist schon was anderes, als Stella, das ist schon ein Meisterwerk^{4*}. Впрочем, скучно. Удивительно, Гёте совсем не драматург в смысле «действия», куда же ему до Шиллера. Впрочем, прекрасна и глубока почти каждая сцена, за исключением разве сцены с сентиментальной немецкой Klärchen. Все фигуры, начиная с Эгмонта и кончая Фернандо, чудесны, и сами по себе таят еще бездну тем. Эгмонт – солдат, в самом идеально немецко-гетовском представлении.

«Burgen mit hohen
Mauern und Zinnen,
Mädchen mit Stolzen
Höhnender Sinnen
Möcht' ich gewinnen!
Kühn ist das Mühen,
Herrlich der Lohn!»^{5*}

Солдат, как что-то кентаврическое, «природное», неразрывно с природой связанное, благородное, прямое – вот, пожалуй, и весь Эгмонт. Не Эгмонтам, конечно, управлять народом, но, конечно, и Эгмонта жалко – он сам только народ «der wird nicht alt, nicht klug, und bleibt immer kindisch»^{6*}.

^{2*} Волей-неволей (лат.).

^{3*} И все готово (нем.).

^{4*} Это уже нечто иное, нежели Стелла, это уже шедевр (нем.).

^{5*} «Башни с зубцами, / Нам покоритесь! / Гордые девы, / Нам улыбнитесь! / Все вы сдадитесь! / Славная плата / Смелым трудам!» // Гёте И.В. Фауст. Сцена «У городских ворот». Песня солдат. Пер. Н. Холодковского.

^{6*} «Не стареет, не набирается ума, он навеки остается ребенком» // Гёте И.В. «Эгмонт» (слова герцога Альба). Пер. Н. Ман.

«Frisch hinaus, da wo wir hingehören! ins Feld, wo aus der Erde dampfend jede nächste Wohltat der Natur und durch die Himmel wehend alle Segen der Gestirne uns umwittern; wo wir, dem erdgebornen Riesen gleich, von der Berührung unserer Mutter kräftiger uns in die Höhe reißen; wo wir die Menschheit ganz und menschliche Begier in allen Adern fühlen; wo das Verlangen, vorzudringen, zu besiegen, zu erhaschen, seine Faust zu brauchen, zu besitzen, zu erobern, durch die Seele des jungen Jägers glüht; wo der Soldat sein angebournes Recht auf alle Welt mit raschem Schritt sich anmaßt und in fürchterlicher Freiheit wie ein Hagelwetter durch Wiese, Feld und Wald verderbend streicht und keine Grenzen kennt, die Menschenhand gezogen^{7*}.

Да, своеобразна эта солдатская Freiheit die «keine Grenzen kennt, die Menschenhand gezogen»^{8*}. Это ведь верно и наша халупа сейчас прямое тому доказательство. Но, ради Бога, не нужно этой “Natur” и этой Freiheit^{9*}, когда в сущности это тюрьма. В четырех стенах, с книгами, я в миллион раз свободнее буду дышать. Тут я не совсем человек.

Эгмонта читал небрежно и, конечно, буду перечитывать, хотя это все же не Фауст, которого необходимо «пить по капле».

Кончились блины, Фигаро устроил какое-то жаркое. И подумать только, что мы тут из-за австрийцев, Кракова, будущего России и Бог знает еще чего.

Кржиж, 2 ноября

Воскресение. Хлопак и цурка вырядились, вычистили сапоги, взяли молитвенник, четки и поплелись за две версты в костел. В остальном в халупе все по-прежнему. Варят, парят, жарят. Халупа полна «гостями». Тянутся запасные батальоны 14-го корпуса. Большинство уфимские татары. Высокие фигуры, «дикие», мужественные скуластые лица. Впрочем, мундир нивелирует все, и жиды вчера, и татары сегодня в общем, в главном – русские солдаты, так же устают, так же едят картошку и мясо, а до его души, нутра «магометанства» когда доберешься? Война и военная служба затянула всех какой-то броней – паутиной, до живого места не доберешься. Прошелся ¹/₂ версты до усадьбы какого-то пана Быховского. Красивый дом в классически-помещичьем духе (бело-желтая окраска, постройка или ремонт 1859 г.). Кругом грязь, бедные халупы, гуси, свиньи, не хватает только брички и самого пана в кунтуше*. Пейзаж самый крепостнический. Лихо бы вкатил сюда Павел Иванович [Чичиков], нашел бы тему и для глаз, и для ума, а сейчас здесь застряли какие-то санитары.

^{7*} «Туда, куда нам положено стремиться, в поле, где вместе с паром исходит из земли вся благодать природы и с неба овевают нас все благословения светил. Там, подобно рожденному земле исполина, мы становимся сильнее и выше от ее материнского прикосновения, ибо в жилах своих чувствуем все человечество, все его вождения. Там в душе молодого охотника разгорается страсть побеждать, продвигаться вперед, достигать, пускать в ход кулаки, владеть и покорять. Там солдат быстро утверждает в своем мнимо исконном праве на весь мир и без удержу, губительно, как град, проносится по лугам, полям и лесам, не ведая границ, прочерченных рукой человеческой» // *Гёте И.В.* Эгмонт. Действие 5. Пер. Н. Ман.

^{8*} Свобода, не знающая границ, которые воздвигли люди (нем.).

^{9*} Свобода (нем.).

* Кунтуш – верхний кафтан у поляков и украинцев в старину.

Далекие артилл[ерийские] выстрелы слышались и вчера и сегодня. Вечером сверкал прожектор – не краковский ли? А в Кржиже, признаться, надоело.

Кржиж, 3 ноября

Наш лилипут-Кржиж стал на перекрестке двух дорог, по которым теперь движется чуть ли не вся наша армия, части 25-го корп[уса], 14-й корпус, 18-й, проехало с дюжину автомобилей. У нашего пана забрали весь овес и сено, не дав ни копейки; в халупу ежеминутно заворачивают серые шинели, нахалы-казаки, глядящие на все с презрением, смиренные пехотинцы 46-й дивизии, застрявшие чиновники и пр. Пехота рассказывает про жестокие бои на Сане, у Ниско, в некоторых ротах из 250 человек осталось по 30. Ниско разрушено, что-то случилось с нашей пани-поэтессой? В это время мы шли на Красник, ничего не зная.

Взятие Сенявы австрийцами подтверждается, но, кажется, отняли обратно. Пану нашему совсем беда – мученик. Дорогу «справляет», телеграф «пильнует»*, овес молотит, сегодня взяли в проводники, а в это время стащили весь овес и сено, впрочем, он не теряет присутствия духа, только пани [-] больная, нервная баба [-] куksит и плачет. Далеко по направлению к Кракову грохочут пушки, грохочут очень «серьезно». Появился и один австрийский аэроплан. Итак, хоть чуть-чуть да щекочет. В халупе жить надоело, всем хочется поближе к Кракову [-] «меньше и обо вшах думать будем», по выражению одного обозного. Прочитал вчера «Die Geschwister»^{2*} – сушная ерунда и, пожалуй, попросту глупо. Сейчас читаю «Die Laune des Verliebten»^{3*}. Каково наслаждаться пасторалью в халупе, под грохот пушек, матерщину обозных, в смраде свиного сала, а, впрочем, может быть, это и нужно. Кажется, завтра будем снимать линию, так как штаб армии перемещается в Мехов.

Канонада под Краковым слышна весь день; «Осада Кракова» звучит очень торжественно и исторично, что-то вроде «осада Парижа», «пожар Москвы». Сейчас там какое-то зарево.

* Piłnować – сторожить (польск).

^{2*} «Брат и сестра» (нем.); пьеса Гёте (1776).

^{3*} «Каприз влюблённого» (нем.); пастораль Гёте (1768).

Наша халупа вроде с высоким забором, и у самого входа колодец, вода в нем самого подозрительного свойства, плавают дохлые мыши *et cetera*^{4*}, сегодня туда ввалился целый пан. Сейчас его вытащили и он сушится в халупе. Молчаливый старичок, приключение на него мало подействовало.

Кшиж, 4 ноября

Линии сегодня не снимаем. Опять паскудная халупа, «гости» из запасных батальонов, которые в большом количестве тянутся к разным корпусам [–] 25-ому, 14-ому, 18-ому. Народ еще новый, недели 2 в походе, но уже достаточно истомленный, озлобленный и уж с разговорами о «замирении». В халупе постоянная руготня, споры. Тянут у хозяйки картошку, кричат на нее, рычат на поляков и жидов. Кто разберет? Голод не тетка и десяток картофелин кажутся столь ничтожными. Но утолить голод тысяч станвится трагедией для пана и, право, трудно представить себе фигуры печальнее и безнадежнее нашего добродушного господжа*, надоевшего своей вечной остротой «привезите мне из По ковалку^{2*} Кракова». *Wirklich alle Grenzen sind nun verschwunden*^{3*}, «*die Menschenhand gezogen*»^{4*}. Существуют еще остатки человеколюбия *e niente di più*^{5*}. А любопытно, как двигались когда-то польские полчища по России, татарские орды, без обозов и интендантов, какой сплошной вопль стоял в стране и у солдат. Теперь войска до некоторой степени все же в перчатках.

У нас в халупе приютилась летучая почта с[о] своими «кавалерийскими» нравами. Телеграфисты ведь сравнительно смиренно^{6*}, и мы здесь с хозяевами ужились. Вчера «поинтересовались» содержанием пакета кн[язю] Туманову. Работал «пан Мухин» *una persona dav[v]ero interesanta, un miscuglio d'un pedante, d'un impiegato de polizia, d'un ladro, regente di musica e[t] figlio d'un psalmista*^{7*}. Нашему 25-му корпусу приказывается теснить австрийцев к фортам Кракова, 14-й корпус где-то бьется у Сосновиц. На станции сегодня «изловили» депешу, что австрийцы перешли в наступление, что нашей 70-й дивизии приходится туго. Одним словом, где-то там не спят и не «блаженствуют», как мы в Кшиже.

Издали доносится суровый грохот орудий «будьте, братцы, начеку». Впрочем, с ними как-то веселее, все как будто дело делаем, а не гнием в поганом Кшиже.

Настроение самое невеселое. «Себя» не чувствую, делается все как-то механически, ем, сплю, хожу, ни мысли живой в голове, ни мечты, только иногда воспоминания. Оживляешься ведь, в сущности, единственно надеждой на конец. Как одервенеет за эти $1/2$ года моя физика, бедная физика, попро-

^{4*} И так далее (*лат.*).

* *Gospodarz* – хозяин (*польск.*).

^{2*} Так у Вавилова. *Kawałek* – небольшой кусок, кусочек (*польск.*).

^{3*} И правда, теперь исчезли все границы (*нем.*).

^{4*} Из трагедии *Gëte И.В.* «Эгмонт»: «проведенных рукой человеческой»/ пер. Н. Ман.

^{5*} И ничего более (*ит.*).

^{6*} Так у Вавилова.

^{7*} Действительно, интересная личность, смесь педанта, полицейского чиновника, вора, музыкального регента и сына псаломщика (*ит.*).

бую хоть помечтать о фотохимии и Gravity Problem^{8*} etc. Приходится volens-polens^{9*} быть только военным корреспондентом, да и то плохим, замкнуты и глаза, и уши. Тоска.

Кржиж, 5 ноября

Десять дней в проклятой деревушке
Я живу в халупе смрадной и сырой,
Десять дней унылой чередой
Мимо тянутся полки, обозы, пушки.
Кржиж в грязи осенней потонул
Семь халуп насупились угрюмо
В голове одна другой печальней дума
Лег, закрылся бы шинелью, да заснул
День за днем, как сон бессмысленно-туманный
Без следа уходит в мрак времен.

.....
Там далеко пушек рев и лес знамен,
Суд вершит судьба таинственный и странный.
О когда ж свершится приговор
И самим собою я проснуся
Прежней жизни потянувшись улыбнуся
И с судьбой начнется прежний тихий спор.

Штаб армии не снялся и вчера, но, кажется, снимется сегодня. Черт с ней, с усталостью, лучше устать, но в новую халупу, к новым панам и поближе к пушкам. Сидим, как на иголках, дожидаясь приказа «снимать» линию, но все-таки сидим. В халупе заболела «господыня», обозные с летучей почтой играют непрерывно в «козла», а сейчас начали и в деньги в «21». Сижу, прижавшись у окна с этой книжкой, и «в голове одна другой печальней дума». Летучая почта, 5 кавалеристов 14-го корп[уса], милые ребята, побывавшие в боях, brave, достаточно честные, веселые и остроумные. Вообще, у меня сейчас общий скверный «Gemüt[s]zustand»^{*}, а ведь солдаты, ей Богу, глубоко интересны и остроумны, вообще качества русского в смысле таланта куда выше талантов панов. Это факт.

На скверное настроение страшно влияют Insekten^{2*}. Это наказание Божие и коллега зубной боли. Вообще, следовало бы написать оду картошке и проклятым вшам. Может быть, и займусь.

Выстрелов сегодня не слышно, а вообще я сейчас относительно дел военных слеп, как крот.

Снежок. Корпусу нашему приходится туго. Бой идет почти на границе. Корпус получил задачу теснить австрийцев к краковским фортам, но действует чуть ли не один против нескольких австр[ийских] корпусов. Фронт корпуса растянулся чуть ли не на 20 верст и страшно жидок. Недостаток патронов и снарядов. Бой идет. В некоторых местах австр[ийцы] прорвали

^{8*} Проблема гравитации (англ.).

^{9*} Волей-неволей (лат.).

^{*} Душевное состояние (нем.).

^{2*} Насекомые (нем.).

фронт. Что будет дальше *vivrons – vedrons*^{3*}. Завтра с утра наконец идем на съемку линии.

Адрес нашего здешнего господажа:

Войцех Мазур: деревня Кржиж; Келецкой губ[ернии].; Пинчевского у[езда]; гмины Черночак.

Кржиж, 6 ноября

7 ч. вечера

В 7 ч. утра вышли на съемку. Туда велось весело, хотя и нес катушку. Оттуда, конечно, *Ach und weh*^{*}. Пошли обратно в Кржиж через местечко Вислицу. Местечко как местечко, стоит на холме и издали смотрит средневековой картинкой. Дряхлый, дряхлый костел из серого массивного камня с архаическими барельефами, пестрые домики, жида, в лавках «нима ниц», обозы, солдаты и только – сало.

Дальше верст десять ночью, постоянно спотыкаясь, усталый почти до головокружения приплел в Кржиж. Завтра утром дальше.

P.S. к 6 ноября

(нап[исано] 8 ноября, Косцев^{2*})

Złoty – барское имение широкого размаха, с англичанкой, поварами, оранжереями etc., у входной двери справа две черные мраморные доски с надписями[:]¹

*Jest woda w wąwozach i wapienie
Kobyla daje oliwkami powstaje
Ty wiesz? Słoneczko wstanie ty w te ziemie
Kobyla daje na chwila słońca
Wszystko to jest w słońcu pana
Dziś wczasy Ziemi Kobiły jest naszym
1803 p. F. S. st. Delizjusz stym
sta też słońce
Złota w polu Złoty w wiosnie
Co słońce ma słońce Kobiły
Złota w słońcu ma słońce Kobiły
Wszystko to jest w słońcu pana
Kobiły w słońcu ma słońce Kobiły
1803 p. F. S. st.*

Не понимаю, но записываю. Любопытно, что несмотря на то, что в имении стояли раз наши, раз герм[анцы] и 3 раза австр[ийцы], status quo сохранились, т.е. повар, лакеи etc. Жизнь как будто и идет.

Косцев, 8 ноября

Вот механически записал о Злотах, а больше рука не поднимается. Бог с ними и с «Злоты», и с Краковом, и со всем. Не до того, не до того. Господи, что же еще суждено испытать? Страшнее и ужаснее вчерашней ночи я не испытывал ничего в жизни. Лида умерла¹. Сейчас небо ясно и светит солнце,

^{3*} Поживем – увидим. (фр.).

* С ахами и охами (нем.).

^{2*} Современное название: Косьцеюв.

«равнодушная природа» словно на параде сияет «вечной красотой». О, Бог с ней, и с природой и с красотой. «Чужие», «механические» трупы солдат там на позициях, они мертвы и почти «обрубки» «для всех», «для газет». Лида, милая, милая Лида. Вынут кусок жизни. И что теперь ждать там дома. Полжизни самой грустной, самой элегической. Опустели комнаты, исчезнул «дух живой». Мама, мама, что с нею. Жизнь печальная стала вдесятеро печальней. Могила Илюши с вечными цветами, а рядом ее – вот и вся ее теперешняя утеха. Да и на меня глядят как на полу-мертвеца.

«Случай – неотвратим, судьба его сталью сковала

Ты, избегая его, ближе к нему подойдешь»².

Медицина погубила. Погубил брак. Погубил случай. К чему этот молниеносный, дробящий удар случая над нашим домом. Неужели незримые паутины фатальности, крутящие сейчас и меня, и закрутившие другого меня – мой дом. Да и война, глупая, идиотская [–] не тоже ли это грандиозная инсценировка только для меня.

Слов не хватает, а в голове только обрывки воспоминаний, отдельные черты... симфонии Бетховена на рояле, вечера, упреки*. В дом она вносила жизнь. Только она одна. Все остальное было мрачно, угрюмо, серьезно и замкнуто. И теперь, если здешняя комедия (а что, вся эта война «от человек», несмотря на миллионы убитых и раненых, как не игра для ради высоких и пустых слов) окончится благополучно, я обречен на жизнь в монастыре, на ⟨нрзб.⟩, серьезность, книги. Еще больше замкнусь. «Душа живая» нашего дома отлетела.

Вчера после длинной, нудной ходьбы по полям и горам, через деревушки в какой-то Надзов^{2*} с какой радостью услышал, что со 2-м кабельным есть для меня письма. Раскрыл письмо от брата и от первой же строки разрыдался. Все стало чужим. И повозки, и солдаты, и корпуса, и пушки и остались только два ужасные слова «Лида умерла». Жизнь сразу потеряла и цену, и смысл, и совсем не страшны показались рвущиеся шрапнели. «Жизнь коротка и подобна летучему дыму». Стоял, как столб, не знал, что делать. Слезы вырывались ежеминутно. А тут какая-то военная канитель. Ночью весь обоз повернул обратно. Говорят, 25-й корпус отступает. А Бог с ним, пусть хоть в тартарары идет. Ночью по ухабам поплелись, меня трепала лихорадка, и плакал, и не мог идти, наконец, сел на лошадь, укутался башлыком. Бакашев повел лошадь на поводу. Дрожал, замерзал и плакал.

На горизонте зарево, отблеск прожекторов и орудийных огней и печальная, печальная жизнь Лиды. Помню, как она чуть не умирала полгода назад, черная, исхудалая, где она теперь. Боже Великий, дай чтобы все было, как он думал. Бог с ней даже с физикой и наукой. Пойду в монахи и буду мечтать. Или еще умереть тут – просто, механически *ein, zwei*^{3*}. Сегодня из халупы на дороге, где ночевали, добрались сюда. Много есть нового военного, но это так все пусто и холодно.

* Слово прочитано неуверенно.

^{2*} Современное название: Надзув.

^{3*} Раз, два (*нем.*).

Косцев, 9 ноября

Сию печальный, весь съезжившись, в халупе. За окном поля, мороз, близко грохочут пушки, на небе краснеют остатки зари. Все притупилось, ем, пью, от усталости сплю, смотрю на газеты. Все это ненужно, чужое, внешнее, пустое, а в голове только о своих, о Лиде узнать. Так коротко и просто. Лида умерла, и жизнь такая сложная, многоцветная рушится, как под ударом шрапнели. Стоит сейчас там, в Москве, в зале рояль, покинутый, уже не звучит Бетховен и Шопен.

Я опомниться еще не могу. В этой нелепой обстановке, в халупе, с солдатами чужими и сухими и с веревками вместо нервов слезы и мысли должны замирать. Пушки, гремящие где-то недалеко, громадные обозы, отступающие по дороге. Тревога панов и опять солнце морозного воскресного утра – цепи, связавшие меня. Нет выхода, плачу. На что обречен я теперь. Всякий смысл войны, интерес к ней пропал. Убежал бы сейчас домой, к матери, стал бы ее утешать и от нее имел утешение.

Третья такая жестокая смерть [–] Илюша, Лебедев, Лида. И эта последняя самая ужасная. В результате первой религиозный кризис, вторая – крушение многих, многих надежд и смерть Лиды, наверное, разовьется в полное превращение самого себя и, может быть, обратный религиозный кризис. Что же теперь делать? Только ждать, пока все забудется и покроется противной паутиной забот и тревог.

Сил таинственных стеченье
Закрутило жизнь мою.
Веру в цель и назначенье
Безнадежный отдаю
Жизни шум, природы трепет
Бег сияющих светил
Все случайный, странный лепет,
Миг игры безумных сил.
Тихо жди прикосновенья
Сокрушающей руки
И спускайся по теченью
В смерть впадающей реки.

Чужие люди кругом. Глушится чувство и не знаю, что делать?

Косцев, 10 ноября

В халупе умирающая старуха, больная, только дня 4 как разрешившаяся от бремени. Надрывается новорожденный комок. А за горами совсем недалеко ужасными переливами надрываются пушки. Какой цинизм рождения и смерти. Идиотское ein, zwei. Словно блох давят и, наоборот, блохи размножаются. Как здесь не окаменеть. Лида, бедная Лида. Смерть ее была длительна и ужасна. И, главное, фатальна. Не выйди она за Н.П. [Макарова], не будь она медичкой – была бы жива. Два шага, как будто к счастью и жизни, на самом деле к смерти. Письмо Николая о смерти Лиды – прекрасно. Ни воплей, ни стонов, точно, объективно и полно. Я так написать на 3-й день смерти не смог бы. Я по-прежнему в оцепенении, ем, пью, слушаю канонаду, но боюсь задуматься, остановиться. Солнце опять слепит через окно халупы, а впереди

нет выхода. Гонят через деревню австрийцев, прогнали около 1000. Говорят о каких-то наступлениях и отступлениях, но все это так же мало трогает и волнует, как если бы все случилось где-нибудь в Полинезии. О каком героизме может быть речь. Героизм – бездушие, ein, zwei.

Ходил к обозу, на станцию, не знаю, как я теперь смогу работать, «забивать колышки». Все кажется таким глупым и ненужным, что дело доходит почти до тошноты. Poverino, poverino, vita senza colori, senza anima vita fine morte^{3*}.

Тихий, далекий монастырь, со старой церковью, кладбищем, белой теплой кельей и книгами – вот теперь спасенье и надежда.

Пусть шумит там за стенами «тьма низких истин», а здесь в стенах мерцающие восковых свечей, блеск риз, заунывное пение, тишина и мир кельи – «нас возвышающий обман»¹, потому что все равно «Все случайный, странный лепет, миг игры безумных сил».

Может быть, хорошо, что я здесь, насильственно отделенный от дома, от всего. Ни забот, ни плача и только под шинелью – с самим собой. Солдатчина – возвращение в детство. Ничего не знаю, хожу, кушаю, сплю, а там кто-то [–] «взрослые» [–] обо всем заботятся.

Но тупая боль – сильнее, длительнее острой. Все кажется скучным и нудным.

Продукт коллективного творчества халупы: «Дали быдло
Кусок мыдла
Она съела
Растолстела
Но вдруг встала
Подристалла
И мгновенно
Похудала».

Дзеложице^{*}, 11 ноября

Верст 6 от Косцеева. Вчера к вечеру перебрались сюда. Жидовско-польское местечко с костелом на горе из серого камня и десятком жидовских лавчонок. Можно достать у жидов из-под полы «вшиске»^{2*}, даже спирт. Выстрелы слышны и здесь, глуше, но еще грознее.

В польских деревнях как-то все просто, нараспашку, а тут опять таинственное грязное жидовское облако. Лапсердаки, двусмысленные взгляды, суетня и этот глухой противный гром пушек, кажется, крепостных, а в голове постоянная притупленная тоска и безнадежность чувствуется скверно. Поселились в маленькой халупе. Мать старушка, сын-столяр и три дочки-модистки, совсем городского и именно «польского» типа, совсем не грубые деревенские бабы «голландского» типа. Если угодно, красивые, стройные, изящные. Но обо всем этом противно писать, настоящей красоты я не видал за всю войну. Я вообще забыл о «женщине». Осталась мать, милая мама, да

^{3*} Бедняжка, бедняжка, жизнь без цвета, жизнь без души, жизнь бездушная, кончающаяся смертью (*ит.*).

^{*} Современное название: Дзялошице.

^{2*} Wszystko – все (*польск.*).

сестра милая, несчастная Лида. Право, я так близок к монашеству. Семья тесная, уютная и на всем этот непонятный налет инстинктивной культуры, который нашим непонятен.

Вчера как будто и повеселили, веселые разговоры, гармоника. Ночью спал скверно, сегодня болит голова и мысли самые невеселые. Механически иной раз скажешь: «Хорошо бы в Москву» – а как подумаешь, какая там тоска и ужас, становишься совсем грустным.

Мороз, градусов 6, через город гонят тысячи австрийцев, все дрожат, жида, конечно, хандлюют^{3*}, покупают у несчастных кроны по четвертаку, наседавая на каждого, как голодные мухи.

Зашел в костел. Церковь старая с какими-то скверными фресками и безбожными следами реставрации. Служит старый, жирный ксёндз. Сел на скамейку. Орган, как голос с неба. Тоска незримо переходит в тихую печаль. На душе становится почти хорошо. Музыка, музыка. Куда-нибудь во Фьезоле, к элегическим кипарисам, под ясное небо, потопить мысли и грусть в тихой музыке природы и монастырского покоя. Другого исхода нет. Разве только наука. Но опять тихая, монастырская, без сплетен и интриг. Ах, как глупы эти выстрелы, война, пленные. К чему, для чего-то всем чуждого и ненужного.

В костел зашел наш священник с санитаром. Под мышкой у санитара риза и кадило, видимо, отпевали умершего солдата. Священник держит себя с достоинством, учтиво поклонился ксёндзу, тот величественно кивнул. Для меня дорог и костел и русская церковь. В костеле больше грусти и мягкой элегии. Мне даже не христианство нужно, а религия.

Жизнь и смысл и радость потеряла
Ни желаний нет и нет мечты
Вдруг завяли все роскошные цветы
И осталось вместо идеала
К мощам Италии нетленной
Вновь прикоснуться и забыть
Прошедших дней и мыслей нить,
Всю скуку и тоску вселенной
В блаженной грусти потопить
У ног Италии священной.

На улицах кавардак, раненые ищут лазаретов, пленные метут улицы, на станции разговоры о каких-то шпионах. Красоты и строя (нрзб.).

Дзялошица, 12 ноября

Все время трясет лихорадка, целый день сижу в халупе. В город хожу за булками, печеньем etc. Настроение скверное, чем-то раздражен. Сижу и дрожу. Письма не пишутся, о чем писать, когда в голове одно. Лида умерла. Впрочем, нацарапал Смигу и Страмуччи. Во сне опять книги, Никольская, антиквариат – «страна блаженной грусти». Ну, конечно, опять пленные (гр[енадерская] 3-я див[изия] взяла что-то около 4000 пле[нных]), очевидно ловят, как мух на морозе. Солдаты дразнят жидов, Вятлин объявил сегодня

^{3*} От handlować – торговать (польск.).

одному ханделю^{*}, заявившемуся в нашу халупу, что после войны всех жидов переведут в Ташкент, в пустыню Сахару! Пришлось усовещивать и раздражаться.

Дзялошица, 13 ноября

В халупе рядом со столом, где сижу вечно пригорюнившись, свежую кабана. С волнением и интересом взрезают противную свиную тушу, словно бы это была посылка из дому, с книгами, с шоколадом, со всякого рода *Überraschungen*^{*}. Вылезает на свет Божий вся свинная механика, желудок, сердце, кишки и пр[очее]. Все так просто и отвратительно. Режут все с восхищением, любуются на сальную броню. Считают «пенензы»^{2*}, которые «заробят». Лида, милая Лида, неужели живая, святая душа не обитала в роковом футляре. Господи, проясни, дай постигнуть душу живую и бессмертную.

Свинная харя, противная, нахальная. Не истинное ли лицо смерти, а не таинственный, почти вечный череп.

По-прежнему лихорадит, болит живот. Через город гонят австрийцев, все как будто довольны своей судьбой. Судьба солдата немногим лучше судьбы жирной свиньи.

Паны в нашей халупе бывали за границей и по внешности, в своих воротничках и галстуках, совсем не похожи на деревенских поляков. Но все безграмотны. Часа [в] два зашел в халупу совсем джентльмен, в прекрасной шубе, калошах, кашне, при тросточке, дал ему польскую газету, еле, еле по складам, разобрал три странички.

Дзялошица, 14 ноября

Все по-прежнему. Лихорадит страшно, голова горит, тело вялое, сижу, скорчившись в шинели, у стола. Нет аппетита, только пью кофе. Веселых мыслей нет, а они могут быть такие страшные. Мать была нездоровая... Господи, удержи хоть от этого удара. Тогда только *finis*^{*}. Кажется, завтра пойдем куда-то далеко, чуть ли не к Ченстохову, корпус переходит вновь в 5-ю армию. Я ничего не понимаю, да и не интересуюсь. Опять по городу тянутся австрияки, это, пожалуй, импозантно, но утешительного мало, о передвижениях неизвестно. Покидаем Краков – это досадно, у Кракова хотя бы можно было отдохнуть. Я устал, ослеп для чужого мира, все фиксируется на себе, да своих.

Сегодня пятница. К вечеру жида шабашонят, зажглись свечи, лампы, покрывались склепки^{2*} и все жида как один взялись за священные книги и делают что, уж не знаю и сам. Вот он призрак надежды. Из пронзительных глаз каждого еврея разве не смотрит прежний Иегова-Хандель. Народ, в котором дух Божий. Он есть, живет и не умирает. Что скрывает еврей, какую тайну бережет и лукаво прячет от всех – не ту ли «Есть Бог». Бог жидовский, он чуждый, его я не хочу, но хочу Бога Великого, христианского.

* Торговец (от *польск.* handel – торговля).

* Сюрпризы (*нем.*).

^{2*} *Pieniądze* – деньги (*польск.*).

* Конец (*лат.*).

^{2*} *Sklep* – магазин, лавка (*польск.*).

16 ноября Воля Ведковски **6 ч [асов] утра* (в версте от Мехова^{2*})**

Вчера шли 20 верст до Мехова. Чувствовал себя ужасно. Болен телом и душою. Дорога проселочная, скверная. Затвердевшая было земл[я] начинает таят[ь] и по ней идти страшно. В Мехове места для ночевки нет. Здесь тоже все набито. Никогда еще не проводил такой ужасной ночи. В халупе человек 30, ругань, температура град[усов] 35. Голова, как свинец. Бегаю, намачивал голову^{3*} холодной водой. Кошмары. Ужас. А тут еще – тоска и грусть. Редко во сне я вижу маму.

Тщица*, 17 ноября вечер

Дошли из деревни, где ночевали, до Мехова, уездный город. Стоит штаб армии. Генералы, автомобили и пр[очее]. Зашел в русскую церковь. Сегодня воскресенье. Так слезы и потекли градом. Пение, Ладан, чтение дьякона, возгласы священника, а в общем такой уют – который и нужен моей измученной душе. Ах, скорее бы домой, успокоиться, уснуть. Опять болен, ничего не ем.

В Мехове включились в правит[ельственную] лини[ю], 8 верст прошли до ж[елезной] д[ороги] (испорч[енной] немцами), оттуда на 5 в[ерст] навели линию. Тщица – деревня с костелом – самая обыкновенная. Стоит корпус. Завтра, кажется, опять в дорогу. Палат здорово. Ах, как я устал, ослаб!

Тщекотины*, 18 ноября

Такого ужасного, болезненного утомления я еще не знал. Пил только почти сырые яйца да молоко, да вот еще на^{2*} все холодное, хочется красного вина. Вчера в Тщице наконец получил деньги из дома, 285 руб. На что они мне? Один перевод написан Лидой. Из Тщицы 18 ноябр[я] в 12 ч. выехали сначала к Жорновцу^{3*}, где был корпус – корпус выехал. Идти совсем не мог, от Жорновца до Тщекотины ехал на манер Селифана¹ на двухрядной интендантской повозке, пробуя даже ворочать вожжами и заслуживая правильную матерщину обозного. Приехали часов в 9 вечера (от Жорновца 18 в[ерст]). Кое-как где-то проспал. Все снились обозы какие-то и проч[ие] мерзости. Хотелось увидеть дом, мать, Лиду. Здесь корпус почему-то остановился, бой идет большой, вчера под Жорновцом наша тяжелая била совсем недалеко. Впрочем, я оглох и болен и мозг не работает, язык не вертится.

Боже, укрепи, или повергни. Такого ада я еще не знал.

Ходил к вольноопределяющимся] друг[ой] рот[ы] в гости, живут по-человечески с офицерами, немного отдохнул. Шатался по городу.

* Слово «утра» написано сверху над зачеркнутым «вечера».

^{2*} Правильно: Мехув.

^{3*} Так у Вавилова.

* Правильно: Тщица.

* Правильно: Щекотины. Далее Вавилов пишет Тщекотины, Тщекотины и Щекотин.

^{2*} Так у Вавилова.

^{3*} Правильно: Жорновец.

дер[евня] Прадла, 19 ноября
(в 13 в[ерстах] Щекоцин)

Разбудил[и] рано и поздравили с наводкой. Настроение скверное, попросил у Бартенева освобождения и поехал совершенно «сам по себе» в эту самую Прадлу. Проклятая кобыла, маленькая, видимо, тяготится мною, не сходит с моста, на полдороге чуть не заплакал, слез и поволок ее на поводу. Доплелся. Сейчас опять в халупе, опять грязь, забастовка желудка, простуда... и Лида, Лида.

Здесь сходятся линии от 46-й к 80-й дивизии.

Прадла, 20 ноября

Деревня в 5 от русских позиций. Целый день стучат пушки, совсем близко, слышна ружейная пальба, пулеметы. Светит солнце, а я опять зябну, сижу, трясусь в халупе, ем через силу, все противно [–] и сладкое и теплое. С горя бросаюсь на сырую воду. Когда же конец, жить так далее невозможно. Спасение одно – невозможное – домой. Здесь я совсем чужой, а сам ничего не могу сделать. Неразрешимыми цепями связан я с этими штабами, обозами, передвижная тюрьма. Что же остается [?] «Смотри строитель чудотворный – ужо тебе»¹. Но все равно захлестнет, потопит. Что же будет дальше?

Растаял вдруг туман прелестный
И новый мир открылся вдруг
Десятый страшный Дантов круг
Кровавый, сумрачный и тесный
И в этом мире жизни нет
Туман и чад и шум проклятий
И тени черные распятий
Несут на все один ответ.
К какому тайному кладбищу
Гонец судьбы меня привел,
Чтоб здесь увял я и отцвел
И вечное нашел жилище
К тебе, Спаситель, я молюсь
Дыханье слабнет, нет спасенья,
Но буду верить в воскресенье,
Слезами скорби обольюсь.

Прадла, 21 ноября

В Москве сейчас праздник. Здесь по-прежнему. До полудня не стреляли, теперь опять стреляют, куда-то назад прет пехота и ничего не поймешь. Здоровье почти прежнее. Худо. Читаю Тассо¹, начинает нравиться. Ужасно, что и во сне не спасешься от солдатчины, обозов и пр[очей] сволочи. Сегодня к тому же приснилась, не знаю почему, торжественная церемония по случаю вступления немцев в Москву, носили на катафалке труп какого-то старца в лавровом венце и пр[очее]. Сижу в халупе, пишат рахитики Янеки и Стаси. Ах, как грустно, Боже мой.

«Bist du aus einem Traum erwacht und hat
Der schöne Trug auf einmal dich verlassen?
Hat dich an einem Tag der höchsten Lust
Ein Schlaf gebändigt, hält und ängstet nun
Mit schweren Fesseln deine Seele? Ja,
Du wachst und träumst...»* (Tasso)

Прадла, 22 ноября

«Сохраню ли к судьбе презренье»
Понесу ль навстречу ей
Непреклонность и терпенье
Гордой юности моей?¹

Хватит ли характера и сил, это во-первых. И нужно ли это, не поддаться ли, не согнуться ли – это второе. Сохранить презрение, нести лямку, сохранить мечты и идти, идти. Или упасть, плакать, молить. Я ничего не знаю, будь как будет.

Сегодня целый день ревут австр[ийские] пушки. Нашим почему-то приказано молчать, потому что завтра что[-то] предполагается. Ну, Бог с ними, пусть воюют.

В халупу заходят всякие погорелые, смиренно целуют руку и просят хлеба. А в деревне «нима ниц»*, даже нет картофеля.

Все по-прежнему. Но перемена необходима.

Прадла, 23 ноября

Кончил «Тассо». Хорошо, но размазано, величественно, но скучно – материала только на стихотворение. Antonio¹-felse[n]* обрисован скверно, и совсем не похож на Felse[n]. Но прелестна почти каждая строка. Пушкинский «Моцарт и Сальери» родственен Тассо, хотя там речь о гении и таланте, а здесь Felse[n] und Welle²*, но скала – всегда только талант, и волна – всегда гениальна. «М[оцарт] и С[альери]» выше Тассо, бриллиант чистой воды, «экстракт», а не разведенное стихотворение, как у Гёте.

Стреляют. Стреляют «они». Наши батареи молчат, не желают выдавать своего присутствия – какие-то хитроумные планы. Обозу и нам приказано быть наготове, на случай шрапнели. Сидим, как [на] иголках. Молю Бога об окончании войны, о том, чтоб дома все было хорошо и чтобы мне выпутаться из темного, запутанного узла.

* «Проснулся ль ты внезапно ото сна, / Покинул ли тебя обман прекрасный? / Иль после дня блаженства страшный сон / Тебя связал и душу заключил / В тяжелые оковы? Да, теперь / Ты наяву и гредишь...» // *Гёте И.В.* Торквата Тассо (действие четвертое, явление первое); пер.С.М. Соловьева.

* Nie ma nic – ничего нет (*польск.*).

* Утес, скала (*нем.*).

²* Скала и волна (*нем.*).

Прадла, 24 ноября

Вчера вечером совсем было собрались снимать линию, говорили, что корпус куда-то отступает. Снег. Темно, противно, но идти надо, неизбежно. Впрочем, «прием отставили» и остались ночевать. Проведем и нынешний день, как кажется, здесь. Ночью совсем близко грохотали пушки, стрекотали пулеметы и ружья, в халупе все повскакали, натягивали сапоги, пан вздыхал, сжимал руки и вскрикивал «Боже коханий, Боже коханий*». Австрийцы производили атаку, но их, кажется, отбили. Но мне все равно. Война стала вялая, непонятная. Не то устали, не то очумели. А кругом все слабое и больное. Конец нужен всем почти как воздух. Стреляют и сейчас, а я опять в халупе и почти не знаю, что делать, буду читать Clavigo¹, Faust'a, сочинять стихи и грустить. Получил от Смита письмо, такое простое и деловое, и даже чувствуется утомление от дела. Завидую, хотя, быть может, они там помрачались до того, что нам завидуют.

Прадла, 25 ноября

Тюрьма, тюрьма... Когда-то я мечтал о тюрьме. Заперли бы на 1–2 года в светлую комнату одного с книгами, бумагой, чернилами и, конечно, всем прочим. Но такая тюрьма, без стенок, без книг, с чужими и совсем чуждыми людьми. Куда идти от этих халуп с ревущими ребятами, вшами. Куда бежать от нудных разговоров. Говорить не с кем, остаются разговоры педагогические, «поучать». Читать мешают. Плакать нельзя. Бежать, бежать. Когда же я спасусь, и спасусь ли.

Вчера вечером после довольно спокойного дня опять рев и гул пушек, пулеметы и ружья. Выйдешь за дверь, как молнии вспыхивают огни пушек, предупреждая об ударе. Собственно, страшно, спишь тревожно, боишься ночной съемки.

И сегодня все так же, еда, нудные разговоры, пробую читать, писать. Погода теплая, пошел погулять, стал гадать. На пятиалтынном. Война к Пасхе кончится, мы победим. До Рождества судьба моя изменится. Ну, хоть бы так, хотя бы немного из этой тюрьмы.

Страдают все, бедный пан сидит пригорюнившись и думает, когда же конец. Все расплясалось, все личное ломается и рушится, о каком же варварстве можно говорить. Только о войне.

Прадла, 26 ноября

Тепло. Солнце. Скверно, природа начинает гнить и разлагаться. Вышел на волю. Пехотинский варшавский полк, который пригнали на отдых в деревню из окопов, устраивает парад, кажется, георгиевский парад. Ревут – ура, гимн, Спаси Господи, а справа, слева, отовсюду гремят пушки и пулеметы. Солнце светит, и Земля равнодушно около него вертится. Вчера кто-то рассказывал, что во время одного из ночных боев солдаты видели Богоматерь, парящую над войсками. Что же, где правда? В этом ли равнодушии и скептической улыбке природы, или в молитве, чудесах и пушках. Я жду чуда, жду мира. А война такая вялая, кричит что[-то] какой-то Ганнибал там солдатам о родине

* *Boże kochany* – Боже милостивый! (*польск.*).

и победе, а все звучит так пусто и ненужно. Подумаешь только, что там, в Москве, на Ваганьковском лежит сейчас Лида в запаянном гробу, и станет так скверно, и ненужно все. Играют, но играют всерьез. Именно мое положение ужасно. Солдаты и привычная* казарма не лучше войны, да они в большинстве рабочие и крестьяне, перемен мало. Офицеры а ргіогі должны себя как рыба в воде чувствовать, а я? Слабый, утомленный, книжный – я здесь. Но где искать спасения. Постараюсь терпеть.

Прадла, 27 ноября

Вчера вечером стало так скверно, так надоел смрад халупы, нудные разговоры, «козел», что хотел сегодня идти к Бартеневу «поговорить» вчистую, просить дела, да вообще «излиться». Утром не пошел, от скуки кропаю стихи, пью чай, время проходит. Погода по-прежнему теплая, светлая и гнилая. День и ночь гремят пушки и пулеметы с винтовками. Говорят, засели друг против друга, закопались, окопались, а ничего друг с другом поделывать не могут. Не война, а онанизм. Говорят, что корпус опять передвинут на левый фланг, к Кракову. Какая-то маятникообразная оперетка. Кончали бы, что ль? Читаю «Clavigo» – совсем глупо, остается употребить на подтирку. Писем нет, ото всего мира отрезан. Сейчас бы почитать писем да газет, да шоколаду из дому и забылся бы немного.

Прадла, 28 ноября

То же и то же. Ночью опять концерт пушек, пулеметов и ружей. Шрапнели рвутся недалеко, в $\frac{1}{2}$ версте. Страшно. Противно вдруг умереть в этой Прадле, умереть совсем глупо, оттого что траектория шрапнели случайно пересечет мое тело. О Господи, почему на мгновение не перемениться бы знаку в ньютоновской формуле, полетели бы тогда все эти шрапнели далеко, далеко вверх, туда где они никому не нужны и никому вреда не принесут. Стреляют и сейчас. По-прежнему нет писем, кусают блохи. Выжимаю терцины¹, которые совсем не под[д]аются. Читаю вперемежку Faust'a и Mahomet'a². Clavigo, наверное, детская проба пера, иначе непростительно. По-прежнему сидит пан и вздыхает «O Jesus, Jesus». Утешают какими-то победами сербов, 19 тыс. пленных etc. А война нудная и скучная, на душе тяжело и тошно, как в могиле. Лида, Лида!

Прадла, 29 ноября

«Carpe diem, quam minimum credula postero»*. До чего нелепыми кажутся сейчас эти горацянские строки. Carpe diem! Нет, топить его, топить в реке забвения. Чем скорее, незаметнее проходит день, тяжелый, нудный, начинающийся на соломе, соломой кончающийся – тем лучше. Quam minimum credula postero. Только ему и верю, только на него и надеюсь, только им и живу. Думаю о прошлом, мечтаю о будущем, о Москве, матери, о книгах. А настоящее sei sie verflucht^{2*}. По-прежнему все в той же деревушке. Тянутся какие-то дивизии, с обозами и пушками. Все усталые, голодные. Писем нет, спасаюсь стихами. Говорят, сегодня австрийцы хотят перейти в наступление.

* Вторая половина слова разобрана неуверенно.

* Пользуйся днем, меньше всего веря грядущему (лат.). (Гораций).

^{2*} Будь оно проклято (нем.).

Прадла, 30 ноября

5 месяцев службы. Все-таки до сих пор не понимаю, что это такое, что со мною сделали. Помню, прежде чем уйти из дома, стал на колени и глубоко перекрестился. Затем поезд, лагерь, неделя в Москве. Старица и война. До 7-го ноября была усталость, была досада, а с 7-го я другой – отчаяние, печаль, тоска и даже скука. Думы только о доме, война стала противна, исчезло всякое представление об ее нужности. Думаю только о себе, Лиде, матери, книгах и о конце.

А здесь все то же, отдельные пушечные и пулеметные выстрелы, тепло, говорят о холере. Писем нет, ложимся в 8, встаем в 8. 12 часов приходится вытягивать. Сон скверный, сны нелегкие. Забыться нацело не удастся. Боже, пошли какой-нибудь исход!

Прадла, 1 декабря

Декабрь, декабрь! О дни былые
Мороз и снег и ты Москва
Разбеги санок удалые
И вечно-шумная молва.
Николин день, дремота святок,
Веселье, радость, суета,
Зеленых елок пестрота,
Покоя, счастья отпечаток.
А здесь – унылая страна
Декабрь – ⟨нрзб.⟩
⟨нрзб.⟩ эти дни ⟨нрзб.⟩
⟨нрзб.⟩ жизнь печальна и скучна.

Боже, как грустно. Декабрь. Опять в голове только Москва, только уют декабря. Как все фатально в моей жизни... Останься в университете, и весь этот ужас прошел бы мимо. Но... что было, то прошло, не вернуть. Хотя бы надежда осталась. А декабрь здесь только насме[ш]ка [-] и тепло, и сыро. Сегодня, кажется, снимаем линию и идем куда-то. Все равно.

4 декабря, Муравицка Воля*

«Куда-то» оказалось сквернее, чем можно думать, впрочем, пожалуй, несколько исчезла болезненная скука. Тоска осталась, прежняя, неисцелимая. В чем суть наших странствий – не понимаю. Но движется все неудержимо. Кажется, улепetyвают. Идут днем и ночью. Грязные, дождливые, декабрьские польские ночи. Из Прадлы вышли часа в 2 дня снимать линию до Тщekoцина. Верст 5 прошел ничего, но ноги шатаются, голова болит, ничем не интересуюсь, делал вид, что принимаю участие в наводке, и еле плелся за обозом. Смыв грязь, захожу в халупу, пью сырую воду. А болит живот, да и холера. В Тщekoцине минут 15 остановки, и ночью, в дождик, грязь, пошли по Андреевскому^{2*} шоссе. Идти не могу совсем, сапоги в глинистой грязи снимаются, задыхаюсь, выпросился на повозку и верст 15 ехал на спине в интенд[антской] повозке. Трясет. По дороге повозка отстала, часа 4 валялся на

* Правильно: Воля-Моравицкая.

^{2*} Правильно: Енджеювское шоссе, соответственно, ниже – Енджеюв, а не Андреев.

солومه в какой-то халупе. Часов в 8 утра поехали догонять обоз, верст в 5 нагнали, стоит под дождем на биваке, в какой-то деревушке. Передали 4 письма, газеты. Наконец. Слава Богу, мать здорова. И какой странный, спокойный дух письма, даже о театре пишет. Слава Богу – она забылась. Но Лида, Лида – неужели ее начинают забывать и успокаиваться. Мне неза[бы]лось, только вот эти передряги, переходы несколько притупляют тоску. Впрочем, Слава Богу, хотя в Москву еще сильнее захотелось. Письмо Николая еще спокойнее, пишет, что получает Nature,¹ Philosophical Magazine², что в Москве, что говорят про физику. В Москву, в Москву! А здесь слякоть, передряги, болезнь, усталость, грязь. В 1 ч. выехали, опять всю ночь по грязи, всюду спешат обозы, по ночам стрельба, блестят чьи-то прожекторы, пожары, а все удирают. Проходим через Андреев, автомобили, обозы в 3 ряда, крики. Что такое все это значит, не понимаю. Ночевал, сидя в халупе с десятками двумя пехотинцев. Ругали меня обозным, матершинники. Голова ломит. Ехал я, впрочем, все время на повозке. Одно спасение, хоть нет этой зубной боли – ходьбы. В темноте дымлю папиросы, согревает и развлекает. А мысли, их нет, одна тоска и мечты. 3 декабря тоже, поехал по проселочной дороге в какую-то Муравицу, на Келецком шоссе. Дорога – ужас, но я все же на повозке, прошел только версты 3, по дороге переправа вброд через Ниду, лошади не идут, люди протопают, переправа длится часа 2. Обед в каком-то местечке. Затем опять верст 10 ночью. В 12 ч. попали в Муравицку. Кое-как ночевал. Сейчас перевели в Муравицку Волю за 1/2 версты весь обоз, не знаю почему. Писать не хочется, блохи заели и успокоиться бы «трошки[»]^{3*}. Верстах в 12 наши позиции.

5 дек[абря]. Воля-Муравицка

Один день, а уж начинается хандра, тоска и скука. Газеты прочитал, пишут они об обедах, а тут идет самое откровенное удираение. Тянутся обозы, идут неотставшие и отставшие. Настроение у всех отчаянное. Говорят даже об отступлении по всему фронту. Сегодня кто-то уверял, что будем встречать Рождество в этой самой Воле Муравицкой, и сегодня же говорили, что завтра поведем линию на Кельцы*. Я окончательно потерял сознание «что гражданином быть обязан»¹, письма пишу отк[р]овенные и наверное дома не поймут, что со мною. Просто хочется жить собой. Как-нибудь попробую написать и о войне. Скверно быть героем и рыцарем поневоле.

Воля-Муравицка, 6 дек[абря]

11 ч[асов] утра

Начинаю понимать главные диссонансы, из которых вытекает все мое теперешнее tragische Lage*. Прежде всего, я попал «в народ». Все эти строевые, обозные, с которыми сижу вот сейчас в халупе, – рабочие, мужички, народ частью сметливый, умный, частью грубый, глупый – но все же «народ». Вчера начальник нашего отд[еления] Бартенев получил от сестры для солдат отделения мешочки с махоркой, мылом и пр. Как радостно расплылись сегодня все физиономии при получении этих мешочков, Николин день

^{3*} Trochę – немного (польск.).

* Сейчас – Кельце; ранее принято было написание Кельцы, как всюду и пишет С.И. Вавилов.

* Трагическое положение (нем.).

обратился воистину в праздник. Все это трогательно и мило, материал для корреспондента, материалу, одним словом, сколько угодно. Но Боже мой! жить тут, жить 5 месяцев, ни разу не поговорить о чем говорится и что на языке, сразу «опуститься» и «опроститься», становится невыносимо. Не привык я ухаживать за собой. Дома все делалось, а мне оставались книги и я «сам». Теперь я без книг и без «себя самого». Чистка, блохи, добывание еды – вот и все, что осталось. Исковеркано все существование. Ужас переходов, постоянное недомогание, грязь, скука халуп, скука войны и, наконец, смерть Лиды – неизбежный, неотвратимый фон всех мыслей, всякого шага, тоска по дому, по матери, по физике, по Москве, по всему прошлому. А дальше – я совсем не солдат, ни телом, ни душой. И так вот почти все. Я рыба, извлеченная из воды. Спасаться необходимо, чем дальше, тем будет хуже. Прапорщик¹, лазарет [–] вот пока два исхода. Жду.

А ведь сегодня Николин день. Ах, как хорошо сейчас дома. Даже голова кружится. А здесь градуса 2 тепла, через деревню тянется гвардейский корпус куда-то – кто говорит на Варшаву, кто на Либаву^{2*}. Далеко слышны выстрелы, сижу в халупе, поедаюсь вшами, иногда возьмусь за Фауста. Нашел одно развлечение, начинаю курить. Вьется дымок, перед глазами затуманивается, думается и мечтается легче. Какой, однако, salto mortale^{3*} заставляет меня делать судьба, этого я не ожидал.

Воля Моравицка, 8 декабря

Итак, «фронт передвинулся». Чудища корпусов со всякими обозами, транспортами, лазаретами, почтой, телегр[афными] ротами, артиллерией перешли на другое место. Что это [–] отступление, «маневр», «занятие удобных позиций» или so etwas*, боюсь сказать. Немцев ждут на укрепленных позициях за р[екой] Нидой, а им предоставлены болота и скверные дороги. 25-й корпус стал здесь, все деревни кругом заняты бесчисленными щупальцами неповоротливого спрута. И наша щупальца [–] телегр[афная] рота [–] тоже знает свое место. Как ненужная соринка, пятно на этой щупальце сижу и я, и двигаюсь вместе со спрутом, спрут меня волокет, ему до меня нет дела и мне до него. Таких спрутов, кажется, до пятидесяти, и все они – органы одного колоссального ихтиозавра армии. Земля вертится, летит солнечная система, вселенная «катится». А мне, пылинке и соринке, дело только до самого себя, до семьи и до книг. Какой-то таинственный, неведомый, нелепый contract sociale^{2*} посадил меня на спрута, и до сих пор нет никакого спасения. Вот сейчас пригвожден к этой грязной деревеньке. Дни идут за днями, пустые, как^{3*} выведенные яйца. Вчера зачем-то «водили» на опрос «претензий» к бат[альонному] ком[андиру] верст за 6. Водили всю роту из-за выведенного яйца. Гора подошла к Магомету. Итак, в результате 12 в[ерст] прогулки, несмотря на раны на моих ногах, раны ужасные. Увеселительная прогулка. А остальное все так. Громяхают пушки не особенно далеко. Мучают вши,

^{2*} Сейчас Лиепая.

^{3*} Сальто моргале, опасный, угрожающий жизни прыжок (*ит.*).

* Что-то вроде этого (*нем.*).

^{2*} Общественный договор (*фр.*).

^{3*} Далее зачеркнуто «яичная скорл».

сожителю с разговорами о конце войны, халупа с несчастным паном. Курю, воруют у меня папиросы, едим картошку, ну *das ist alles*^{4*}. Опять ни писем, ни газет, ни посылок. Надежд на прап[орщика] никаких. Остается терпеть. *Per la prima volta nella vita mia*^{5*}.

А война как на грех безрезультатна. Одинаковое упорство с той и другой стороны. Статика!

Воля Моравицка, 9 декабря

Вчера получил газеты, около 23 ноября, а сегодня достал Биржевку за 3 декабря. 23-го сербов били, 3-го сербы бьют. На всяких галицийских, юго-зап[адном], сев[еро]-зап[адном] etc. фронтах какой-то *Wir[r]wart*^{*} – ничего не поймешь и в двух словах не скажешь. Ничего гениального, яркого, немая непрерывная мена пешками, читать газеты почти неприятно. На одной странице ультра-телескопическая точка зрения, где фронты рассматриваются как гибкие нити, на другой странице все под микроскопом, случайные заметки «героев тыла». Холодно от того и от другого. Отдыхаешь на московских заметках и сплетнях. Ну, вот кроме получения газет, ничего не произошло. Ах, нет, впрочем, вчера австрийцам дали по мосту перейти Ниду, а затем разрушили мост, перекрошили тысячи 3, да тысячи 3 забрали. Из новостей гастрономических, добыл кварту слив[очного] масла, за 1 р. 20. Все. Скверно двигаться вперед, скверно гнить тут – опять исхода и исхода! А в Омске, рассказывали вчера сибиряки запасн[ого] бат[альона], градусов 40 мороза, пленные австрийцы мрут, как мухи. Настроения, пока занят, – никакого, когда мечтаю – тоска и безнадежность.

Воля Моравицка, 10 дек[абря]

На улице такая кислятина, что выйти противно. За ночь выпал снег и сейчас тает. Поневоле целый день в халупе, выходим только охладиться, потому что целый день «палят», потеешь, заедают блохи. Когда потушат свечку и ворочаешься на узенькой скамейке около печки – один, со своими мыслями – так странно. Я – солдат, непосредственная пружина государства. А меня солдаты давно уж прозвали «штатским солдатом», в душе я только «личен» и за «*Principia*^{*}» Ньютона отдам свою русскую душу и «вшиско»^{2*}. Слава Богу, вчера еще получил газет, старых, ну да все равно, на сегодня хватит. Сны короткие, но странные, сегодня видел падение австрийского аэроплана (великолепно и детально). Ну, хотя бы что-нибудь хорошее, необычное, неожиданное случилось сегодня! Даже голова не работает, апатия и раздраженность.

Воля Моравицка, 11 дек[абря]

У панов сочельник. Стараются хоть мало-мальски украсить праздник. На черный хлеб наклеивают облатки, которые продает органист из костела, ходя по деревням, купили свинины, жарят кофе. Чуть почистили халупу, а все-

^{4*} Это все (*нем.*).

^{5*} Впервые в моей жизни (*ит.*).

^{*} Неразбериха (*нем.*).

^{*} «Начала».

^{2*} *Wszystko* – всё (*польск.*).

таки грязь, смрад, солдаты, тоска, какой уж праздник. День проходит. Написал 2 письма, прочел две старых газеты – Боже, как они скучны с этими фельетонами об окопах, подвигах. Кулинарные развлечения – и вшиско. Часа через 2 завалюсь на скамейку, опять пойдут сны нелегкие (сегодня, напр[имер], видел, как писал в классе у Н.И. Виноградова сочинение на тему «София» – недоумеваю, что надо писать), завтра все то же, только газеты испарятся, будет еще скучнее. Итак, до нового перехода, со всеми его ужасами. Тюрьма?

Воля Моравицка, 12 дек[абря]

Рождество, положим польское, но неужели возможно такое прозаическое, бесцветное, невеселое Рождество. Паны целый день вчера что-то парили и жарили, а сегодня все по-прежнему. Сходила пани за весь дом в костел и сидит сейчас у постели, сложа руки, «у праздник» пан надел одежду почище, наваксил сапоги und das ist alles. На улице совсем не «сияет Рождество». Погода [–] карикатура на Рождество, разодетых мужиков и баб нет. Из Келец привезли вчера сыра, шоколаду, сахару, газет варшавских. Газеты какие-то сплошные ребусы, донесения штаба – изречения Плойи, понимай как хочешь. Какие-то «маневры», «сокращения фронта» и прочая черная магия, шитая белыми нитками. Читаю газеты по капле, вытягиваю до вечера, спасаюсь от тоски. Дай, Боже, завтра новых газет. Пишу каждый день письма, благо почта в деревне, письма однообразны и печальны. Говорят, 14-го передвинемся в Кельцы. Не хочется, всякие переезды противны и ждешь худшего.

Моравицка Воля, 13 дек[абря]

Неужели и этот день выеденное яйцо, которое приходится набивать всякой требухой, чтобы оно не всплывало наверх, а потонуло в Лете. Кажется, что так. Когда-то в Москве считал идеалом каждый день проводить как последний, т.е. до полноты использовать его и воскликнуть “Verweile doch, du bist so schön”*. Но что же делать, если вместо полных яиц одна скорлупа и вместо того, чтобы «кушать», приходится наполнять требухой, чтобы только избавиться. Вместо «Carpe diem»^{2*} просто «Топи». Вчера лежал на своей скамейке, ворочался от вшей и думал об этом. А что если бы завтра произвели, многое бы изменилось, стал бы хлопотать, поздоровел, заговорил бы другим языком. Мечтал, детализировал, провалялся так почти до часу. Интересно, что сегодня все-таки что-то повернулось в моей «карьере», принес писарь от батальона бумажку с «формой» подписки о непринадлежности к тайным обществам, написанную архи-эзоповским языком. Переписал и подписал. Писаря уверенно говорят, что это к «производству». Бартнев тоже к этому склонен, хотя и заметил, что мое передвижение по службе тормозится благодаря отсутствию вакансий. Бог их знает, почему тормозится, только мне от этого туго. Все-таки это что-то вроде чуда: вчерашние мечты и сегодняшняя «бумажка». День прошел. Написал письмо брату, покурил, разыскал газету за 7-е со штабной каббалистикой¹. Желудок мой опять ach und schwach^{3*}. Завтра идем в Кельцы. Стреляют.

* «Остановись, мгновенье, ты прекрасно» (нем.).

^{2*} Пользуйся моментом, лови мгновения (лат.).

^{3*} Здесь: плох (нем.).

Кельцы, 15 дек[абря]

Словно свалился с 7-го этажа на мостовую. Перед глазами все кружится и второй день опомниться не могу. Из деревни попал в город в самый настоящий, почти Варшаву. Все живет, кружится и солдатня только *colorit[o] tempore*^{*}. Все, о чем плакали – конфеты, мыло, одежда да «вшиске»^{2*} в изобилии. От этого изобилия почти головокружение. Вечером попал в кино, Боже, это после несчастных Моравицы с картофелем и млеком.

Я сейчас писать не могу, голова не «берет». Сейчас сижу в офицерской комнате. На 20-е мне назначено «испытание». Какой-то абсурд или комедия и я, быть может, стану прапорщиком. Начнется новое. А сейчас писать больше не могу.

Кельцы, 20 дек[абря]

Живу почти как турист в добрые старые времена странствий по Германии, Италии etc. По утрам хожу в кофейню, где меня уж признали, кланяются, пью прекрасный кофе с еще более прекрасным пирожным, гуляю по городу, обедаю котлетами и пр[очим], живу как в номере *mit Herren offizieren*^{*}. Ну и прочее.

4 дня «готовился» к «испытанию». Боже мой, какая это карикатура. Кому и к чему это нужно? Впрочем, самое смешное это на войне и заниматься подготовкой, «зудить»^{2*} – вспомнил весну, сферическую астрономию, гадости и радости государственных экзаменов. И это на войне, под глухую канонаду, под треск рвущихся бомб, бросаемых идиотами-летчиками с аэропланов. Карикатура.

Ну, *selbstverständlich*^{3*}, ни к чему не приготовился и сам экзамен вышел карикатурнее подготовки. Пришли, поломали дурака и ушли прочь. Наставили всяких 6, 7, 9 для проформы, потом переправили это в 8 и девятки, ну вот и все. Может быть, и произведут. От полной перемены образа жизни у меня голова кругом идет, и я не могу еще правильно всего понять. Впрочем, наплевать бы на все эти метаморфозы обстановки, положения и в Москву, домой, к книгам. Про офицеров, комнату, где живу, денщиков надо бы написать особо. А *proros* уезжал тут как-то из штаба не то писарь, не то денщик с поручениями в Москву. Пришел и в нашу комнату, я сижу скромно в углу и «зужу» какой-то устав. *Herren*^{4*} что-то разговорились между собой. Старина, принимая меня за денщика, подошел, ударил меня по плечу и так спросил: «Что, молитвенник читаешь?» [-] «Нет, не молитвенник», увидев жгуты на моих погонах, отскочил. Ну, при расположении пофилософствуем.

Кельцы, 21 дек[абря]

Времяпровождение: встал в 9 часов, отправился в «свою» кофейню, к жиду торговать сапоги, зашел на мгновение в русскую церковь, «казенная» «византийская» архитектура внутри, но хорошо – какой мир и тишина в этом

* Колорит времени (*ит.*).

^{2*} *Wszystko* – всё (*польск.*).

* С господами офицерами (*нем.*).

^{2*} Зубрить (*устар.*).

^{3*} Само собой разумеется (*нем.*).

^{4*} Господа (*нем.*).

запахе ладана, свечах, отблеске на своде в алтаре, парчовой ризе... тепло и «дома». Все-таки церковь всегда «дом», home*, несмотря на все чужое, стены, молящихся, священника [-] все свое. Читал с десятков всяких «Варшавских утр, мыслей, дневников» со штабной кабал[л]истикой. Потом 2 синема-тографа... здесь скучища, потом опять кофейня, а сейчас сижу дома, написал Смиту письмо и скоро, вероятно, спать.

Теперь, когда успокоился и живу «баринном», становится донельзя странно и непонятно, да зачем я на войне – я, ведь, *assolutamente*^{2*} для войны ничего не делаю, вот только разве сегодня на станции помог раненого в санит [арный] поезд перенести. Необходимо найти дело. Иначе будет стыдно.

Кельцы, 22 дек[абря]

Ich habe schon einmal gesagt, dass zwischen den Soldate[n] ich eine weisse Krähe bin, hier aber in diesem Offizieren Zimmer, mitten den gutmütigen Leute bin ich eine schwarze Krähe und nicht nur nach meiner offiziellen Lage, sondern viel mehr darum, dass ich eine ganz andere Natur bin, als alle. Das sind die Leute des Dienstes, Wein, Frauen, Spielkarten, Zeitungen, Religion, Familie – das ist fast alles was das ihrige Leben umschliesst, und mir ist das alles so fremd, so unbegreiflich. Meine Spiegelexistenz hat fast keinen Treffpunkt mit allen diesen Dingen. Bücher, Wissenschaft, Kunst, Musik, Kafée und genug. Weiss nicht wie ich weiter mit ihrem Leben werde, auf welchem Wege wir zusammen gehen können? Ach, nieder mit dem Kriege. Schnell zurück ins Laboratorium, zu den Büchern. Ich bin weder Haudegen, weder Held oder Soldat. Ich bin ein Bücherwurm, kann weder sprechen noch lustig sein*.

Сейчас сижу один, пишу письма, состояние элегически приятное.

Кельцы, 24 дек[абря]

А сочельник действительно похож на сочельник. Выпал снег и по Кельцам ездят парные сани, звенят колокольчики, на базарах кой-где елки. Отыскал себе подобие занятия, сижу на станции, стучу на Морзе, подготавлиюсь к будущему. Авансом купил чемодан у жида. Все остальное, как прежде, т.е. в общем хорошо. Жалко только физики. Вот вчера перед сном думал решить одну простенькую физич[ескую] задачу и ничего не вышло. Вчера была ясная погода и над городом, конечно, вились немецкие аэропланы. Страшно-вато, когда он над головой. Потопили меня посылками, 6 штук в 1 день, под койкой и на койке целый магазин шоколада, белья etc. Есть и книги [-] Heine,

* Дом (англ.).

^{2*} Абсолютно, безусловно (ит.).

* Я уже говорил, что среди солдат выгляжу белой вороной; здесь же, в офицерской комнате, среди этого добродушного народа – я черная ворона, и не только из-за моего официального положения, но скорее потому, что у меня совсем другой характер, нежели у них. Это все служивые люди; вино, женщины, игра в карты, газеты, религия, семья – это почти все, в чем заключается их жизнь; мне же все это настолько чуждо, настолько непостижимо. Мое существование в отраженном свете не имеет почти никаких точек соприкосновения со всеми этими вещами. Книги, наука, музыка, кофе и достаточно. Не знаю, как я дальше с ними буду жить, каким путем мы сможем пойти вместе? Ах, долой войну. Скорей назад в лабораторию, к книгам. Я не вояка, ни герой и не солдат. Я книжный червь, не умею ни говорить, ни быть веселым (нем.).

Immerman[n]. На будущее это хорошо. Писать неудобно, на станцию приходят всякие доктора, разговоры, шум аппарата. Начинаю свысока смотреть на «нижних чинов», хотя и сам пока *in statu quo ante**.

Кельцы, 26 дек[абря]

È passato il giorno solenne*. Не имел времени написать что-нибудь. Там в халупе с солдатами это писание дневника поднимало на небеса в глазах солдат, здесь же mit Herren Offizieren просто совестно. Поляки и русские, и жида портят друг другу Рождество. Русские строят кислые физиономии 12[-го] дек[абря]¹, а поляки [-] 25[-го], а жида вечно будничны в своих лапсердаках. Пошел было вчера в церковь, полно, стоят на улице, завернул в костел, там торжественная, но погребальная месса. Костел пышный, но неудачно модернистски размазанный. Ну, потом целый день торчания на станции, обед, кафе, синема, газеты, Ponson d[u] Terrail. Зашел к Страхову, с нашим производством какая-то магия, расстроился и стало опять страшно грустно. Но все-таки Рождество скорее «удалось», чем не удалось. Слава Богу!

В сочельник Чебышев и Барте[не]в занимались спиритизмом. Конец войны осенью, на друг[ой] день после смерти Н.В.К.², ну и пр[очее], конечно. Хорошо хоть был этот клочок мистического тумана, а то что-то грустно.

Из рождеств[енских] развлечений. Есть у нас в отделении телеграфист Разумовский. Длинный, худой, черный, как грач, а по прозвищу «Турок». Объект, на котором^{2*} точат зубы все^{3*} по поводу взятия в плен турецк[ого] корпуса. Сидит он у аппарата, принимает депешу. О ужас [-] 482 слова! Дальше что-то про 9-й тур[ецкий] корпус, Энвер-пашу и, наконец, самого Разумовского. «Турок» обалдел. Оказалось дело рук Буханова, попросту приключили другой рядом стоящий аппарат и выстучали всю эту прелесть. Хохот сумасшедший. «Турок» краснеет, бормочет что-то о том, что «старого воробья на мякине не проведешь», но смущен репримандом^{4*}.

Кельцы, 28 дек[абря] 1914

Как-то слышу такую сентенцию из комнаты денщиков[:]: «Человек-то он хитрее Бога. Бог-то человека сотворил, не сделал, а сотворил и испортить человека не может, а вот человек человека портит». Удивительно глубоко, кто подумает, что в солдатах таится такой настоящий религиозный Denker*.

Скверно что-то с моим производством. Какие-то шушукания и нехотение. Не везет и положение мое почти смешно.

Торчу целый день на станции и, кажется, только мешаю работать.

Читаю «Les fils de Judas»^{2*} Ponson du Terrail. Прелесть, хотя и глупо. И, пожалуй, талантливо. Впрочем, когда прочту совсем, напишу подробнее.

* В прежнем положении (*лат.*).

* Прошел торжественный день (*ит.*).

^{2*} Далее зачеркнуто «острят».

^{3*} Слово расшифровано по смыслу.

^{4*} Упрек, выговор (*фр.*).

* Мыслитель (*нем.*).

^{2*} «Сыны Иуды» (*фр.*).

Что-то начинают поговаривать о передвижении обратно к Щекоцину. Печально. Сказка про белого бычка.

Летал вчера над Кельцем немец и швырнул 6 бомб, одна почти угодила в наш обоз.

Кельцы, 29 дек[абря]

Пишу по привычке «к перемене мест» перед числом «Кельцы». Но положение самое устойчивое. Оперативные депеши на станции свелись к одной строке «на фронте корпуса тихо». Что это, затишье ли перед грозой, или зима сковала, хотя какая уж тут зима, если дождик идет, или это все черная магия стратегии. Дело не мое. Сижу сейчас на станции на ящике из-под Морзе. Кой-когда подаю советы относительно направления депеш и больше читаю «Les fils de Judas» да курю, входит в привычку, хотя, по совести говоря, не вкусно. Хотя наша станция и нервный узел корпуса, однако у телеграфистов наших нервы, кажется, из бронированного кабеля. С какой неохотой пересылаются справочные депеши вроде «Дон Богаевская, такой-то убит». Положение «ни рыбы, ни мяса» становится теперь особенно невыносимым. Вообще, на фатальность своей биографии могу справедливо жаловаться. Всюду какая-то «недоделка», недовершенность. Впрочем, на теперешний кусок моей жизни, т.е. войну и солдатчину, смотрю как на лоскут, пришиты[й] ни к селу, ни к городу, как на что-то совсем не мое, вставку, «маскарад», Hier eben das Schlagwort* «маскарад» и только. Школа, университет, странствия [-] все это было da vero^{2*}, а война [-] маскарад. Одели меня, вручили ружье и я хожу, как болванка. Ведь вот и на военной службе та же неоконченность [-] «ни солдат», «ни офицер». Missgeburt^{3*}. Пишу я это не потому, что против войны, что не патриот. Войны мне хотелось, но я-то сам пришелся к ней, как седло к корове, и никто в этом не повинен [-] ни я, ни другие. Pок. Senza amici, senza forza... ^{4*}

Кельцы, 30 дек[абря]

В сущности ведь это почти счастье. Сижу сейчас один в комнате, курю, передо мной лежит только что прочитанный Ponson de Terrail. Счастье? Нет. Это пустые страницы моей жизни, маскарад. Да разве живое лицо солдат, офицер. Разве душа солдатчины – дисциплина, *conditio sine qua non est** – имеет хотя слабые признаки жизни. «Я жить хочу». Пусть это будет жизнь скверная и печальная, какой она и была, – но вместо жизни пустое место. Не надо!

«Les fils de Judas» не читается, а глотается – в конце этого проглатывания, конечно, «ниц»^{2*} – это книжный шоколад, чай, что угодно. Это даже не Дюма, хотя и здесь столько французской *gaieté*^{3*}, «шампанского». Литература совсем в стиле «пустого места». Боже мой[!] [«]Faust[»] и [«]Les fils de Judas[»]! Тот врезается словно ножом, тяжел, иногда невыносимо скучен, но врезается, а этот прочел и тью-тью, нет его. Спросить себя самого завтра о всех этих Топу,

* Здесь как раз точное слово (*нем.*).

^{2*} Действительно, правда (*ит.*).

^{3*} Урод (*нем.*).

^{4*} Без друзей, без сил... (*ит.*).

* Непременное условие; состояние, без которого она не... (*лат.*).

^{2*} Nic – ничего (*польск.*).

^{3*} Gaieté – живость (*фр.*).

Alèa etc. – останется только легкий приятный дым. Купил себе еще P[onson] d[u] Terrail'я. Что же делать?

Нужен стиль. И неужели еще год то же и то же. Моей, личной жизни не будет, останется петрушка, не знаю уж в каком [-] солдатском или офицерском [-] мундире. Carpe diem. Нет, скорее, скорее пролетайте странные, пустые дни.

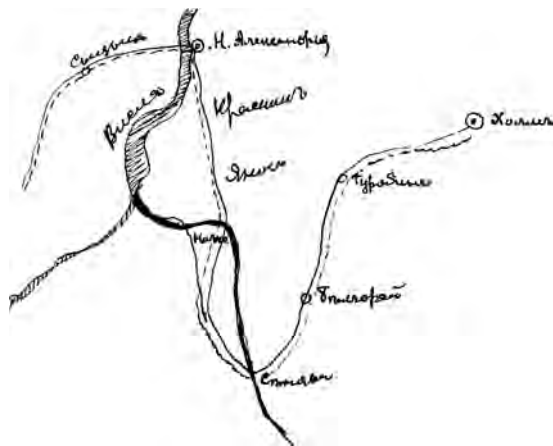
Опять летали немцы, швыряли прокл[а]мации. А так все тихо. Ниц нового.

Кельцы, 31 дек[абря]

Часов через 5 новый год, *mile novecento quindici**. Старый год встречал по московскому времени, новый, Бог знает, по какому, не то по-петербургски, не то по-келецки. Встречать придется, вероятно, здесь на станции. Вообще говоря, нам (опять это «нам», а не «мне») повезло. Святки проводил в Кельцах, совсем в другой обстановке, чем предыдущие месяцы. Настроение портит чепуха с «производством». Не оберешься всяких каверз и счетов в штабе батальона. Ну, да об этом и писать не хочется, оставлю на новый год. Сегодня ничего не случилось, ровно ничего, даже авиаторов не было.

Год прошел. В начале года спешка с окончанием работ в лаборатории. Спешка, работа «à Gay-Lussac», затем упражнения в полиграфии – «обработка» результатов. Февраль, март – что-то вроде подготовки к гос[ударственным] экз[аменам]. Апрель, май – экзамены. Июнь – мимолетный отдых, Casanova, поездка на Волгу. Июль – начало «маскарада». Любуцкий лагерь (кстати, поруч[ик] Дурасов – первый, которого узнал в батальоне, умер в любл[инском] госпитале от раны (на Сане, *sit tibi terra levis?*^{2*}). Москва, Старица, и, наконец, полгода войны. Самое страшное событие года – смерть Лиды. Это все. Год не такой значительный. Но что же эта война – интервал, пауза в моей жизни или finale. Все может случиться. Судьба, в сущности, жестоко обидела, но...

«Я жизнь постиг.
Судьбе, как турок иль татарин
За все я равно благодарен;
У Бога счастья не прошу
И молча зло переносу»¹.

* Тысяча девятьсот пятнадцать (*ит.*).

^{2*} Да будет тебе земля пухом (*лат.*).

1915

СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ ВАВИЛОВ

25 саперный батальон

«The time is out of joints»

Hamlet*

«Мой крест несу я без роптанья[:]
То иль другое наказание –
Не все ль одно? Я жизнь постиг[:]
Судьбе, как турок иль татарин
За все я равно благодарен;
У Бога счастья не прошу
И молча зло переносу»¹.

Лермонтов

1 января 1915 г.

Кельцы

Кельцы, 1 янв[аря], 1-й ч[ас] ночи

Судьба... Отчетливо слышу ее мерное дыхание над моею головой. Ей, ее странным движениям посвящаю эти страницы. Это она положила передо мною в этот момент таинственные, смертельно-грустные стихи Лермонтова. Как близок я сейчас к нему, как жадно читаются непонятные строки-намекы, и как звучно резонирует душа на каждый лермонтовский ритм.

Новый год... чего хочется и что случится? Весь год «закован», только за его гранью кончится маскарад военной службы. Желанья сужены, простора нет, а хочется вложить и в этот промежуток времени живое, свое. Физика, милая физика, как далека ты от меня сейчас. Но, что сделать? Делай что возможно, но не упускай ее – вот первая и главная задача.

Война... а я не воин, но и тут делай хотя [бы] что-нибудь нужное. А остальное – ну, это просто поставить себя в условия сносной жизни, добиться хотя бы белых погон¹.

Судьба... она заметна, на нее обращаешь внимание, только когда она маловероятна. Вот в этих маловероятных событиях и слышишь удары судьбы. Быть может, попаду под пулю, под бомбу с аэроплана, так это маловероятно. Но судьба моя причудлива и странна.

Встречаю Н[овый] Год на станции. Грустно. Сладко и грустно – «и некому руки подать»². Один я, совсем один. Там в роте чувствовались еще «живые души» кругом, а здесь совсем один. Грустно, и даже о прошлом думаю с грустью.

* «Распалась связь времен» // У. Шекспир. Гамлет / Пер. А. Кронеберга.

Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть,
Я ищу свободы и покоя;
Я б хотел забыться и заснуть³

Стал мистиком, и невольно, само собой почему-то звучат в ушах святые строки:

По небу полуночи ангел летел
И тихую песню он пел
И месяц, и звезды, и тучи толпой
Внимали той песне святой⁴

.....

Почему, не знаю, но так грустно и сладко.

10 ч[асов] вечера

«The time is out of joints», время для меня по-прежнему потечет непрерывно с 1916 года, если только судьбой (опять судьбой) будет дано прожить до этого предела*. Впрочем, и он, 16-й год, такой туманный, неопределенный. Кем я буду, что начну, и как все сложится. Но любопытно бы заглянуть в далекое будущее. Судьба моя, по началу судя, должна быть интересной. Я по-прежнему и на войну, на все эти обозы и аэропланы смотрю, как на эпизод моей, личной жизни, смотрю солипсически. «The time is out of joints», поэтому жизнь призрачная, именно призрачная, это не я, а кто-то иной ходит в военной шинели, хотя со всей моей неуклюжестью, неловкостью и вечным насморком. Война... а я не воин. Это так, но разве все эти серые шинели прикрывают воинов, разве не живет под ними, прозябая, душа рабочих, булочников, адвокатов. И это так, но у них и в шинели голос звучит звонко, они живут, а я только призрак в шинели. Есть, кажется, здесь и другие такие призраки. Разве это не призрак, или, по меньшей мере, не карикатура [-] проф[ессор] Аничков, седой, лысый, с огромным брюхом в форме прапорщика и в роли дежурного офицера штаба. Раньше у меня была жизнь «зеркальная», теперь – призрачная – the time is out of joints.

Опять сегодня аэропланы, кинематограф, станция и «Le Chambrien» Ponson du Terrail'я^{2*}.

Кельцы, 2 янв[аря]

Idem*. Станция с неинтересными телеграммами. Короткая прогулка в город, газеты, «Le Chambrien», вот и все. Получил 4 письма – ответы на самые пессимистич[еские] послания из Воли Моравицкой. Странно читать это запоздалое эхо, когда душа наладилась совсем на другой «городской» тон. Никакого отзвука.

* Заголовок и первое предложение этой записи сделаны карандашом.

^{2*} «Шамбрион» Понсона дю Террайя (*фр.*); в оригинале ошибочно «de» вместо «du».

* То же самое (*лат.*).

3 янв[аря], Кельцы

Нового ничего. Погода самая осенняя, дождь, тепло. Офицеры в полуботках и папахах смотрят[ся] карикатурами.

Пошел в ресторацию. Ресторация патриархальная. Стоит за стойкой с закусками дебелия пани бальзаковского возраста, с которой иногда беседую на военные темы. В отдельной комнате сижу один. Уютно, покуриваю, читаю газеты, а иногда философствую. Сегодня поднял зачем-то на стол тяжелую свинцовую пепельницу. О, как она тяжела, как тянет ее к себе земля. Тянет... Gravitation's problem*! Стало грустно. Как она близка мне, эта загадка. Таинственная, неуловимая и всюду ощутимая сила тяжести. Сила, которой в конце концов движется все. Красота человека, его стройность, красота мира, все эти леса, города, дворцы и храмы, и, наконец, небо сдерживается в великой гармонии этой же ньютоновской цепью. Неуловимая. Или выше себя самого не прыгнешь. Нет зацепки, чтобы поймать ее тайну. Нет! 250 лет тщетных поисков. Но она всюду, она, прежде всего, ощутима. Здесь, на войне, как часто натыкаешься на нее, проклинаешь, взбираясь на гору и глядя на всякие бомбы, шрап[н]ели и пули. Вся война, вся существенная механика войны движется ей. Ей уж давно в душе посвятил свою жизнь. Всякие Ausbleichverfahren¹ только ступени к самостоятельной работе. Если буду жив, буду работать, буду искать, хотя [бы] одного эксперимента, хотя бы малейшей зацепки, за которую зацепилась бы вся гомерическая современная физика. Сейчас я без рук, без книг, без лаборатории. Остается область фантазии посленьютоновского периода. Эта тяжелая пепельница в ресторации – какой она укор. Сидеть бы дома, читать все эти сногшибательные сверхнатуральные тевтонские умствования релятивистов, искать жемчужные зерна в куче навоза. Ну что же, буду фантазировать. Но все же буду, хотя все эти фантазии должны не выходить из пределов, данных электронами и квантами. Свободно было Лесажу, а теперь, Боже мой, какие проволочные ограждения, фугасы и волчьи ямы квантов и электронов готовятся для всякой фантазии. Попытаться решить Gravitationsproblem с точки зрения наивного реализма [-] только наивное занятие.

Говорят, что 7-го пойдем опять в Волю Моравицкую. Не дай Боже.

Кельцы, 4 января

Мир – основа, на которой ведутся хитросплетения надежды всех, панов, солдат, генералов. Здешние «поганенькие» (другого слова не подыщу) телеграммки. Каждый день огромными буквами печатают всякие предсказания и слухи о мире. То m-me Тэб, то какой-то старичок, то еще монах XVI века... и все иногда с усмешкой, а иногда без нее читают. Мир и война стали мистическими, чем-то независимым ни от стратегии, ни от погоды, ни от прочего. Просто где-то в какой-то загадочной книге записаны начала и концы, описаны все перипетии, все мелочи войны, а мы... мы только актеры, разыгрывающие давно написанную небесами пьесу, импровизации нет, всякий жест, слово – есть в этой пьесе. Даже у нас наверху, в комнате Чебышев вызывает духов и спрашивает о мире! Мир осенью... Я когда-то в Праде в отчаяньи гадал на пятиалтынном и получал мир между Рожд[еством] и Пасхой. И почему не гадать. Память, вот источник веры в судьбу, источник всех этих гаданий и пред-

* Проблема гравитации (англ.).

сказываний. Жизнь, история держится вся в памяти и поневоле кажется сегментом картины, неизвестные части которой задернуты мистическим флером судьбы, но уже существуют, уже кому-то известны. Все это пишу не в суд и не в осуждение. Сам я всегда любил таинственность, чудесное, мрак, любил с тех пор как себя помню. Я физик – всегда был фантастом и метафизиком. Вспомнить только мои детские «заветы» с Богом, алхимию и всякую чертовщину. Не прочь даже в физику допустить метафизику. Когда у нас поднимался треногий стол на две ножки, думал о связи всего этого столоверчения и столоподнимания с gravitationsproblem. В самом деле, «духи», поднимая столы, преодолевают силу тяжести. Вот, право, уж не тут ли искомая зацепка, не в спиритических ли экспериментах. Перед самим собою извиняюсь за эту чепуху.

Сегодня все то же. Дежурю на станции. Поглощаю газеты, курю и по-прежнему между небом и землей. Ich bin daran wichtig verblüfft*. Что дальше будет?

Умер Умов. Работал всю жизнь. В конце концов, удача и талантливость физика почти синонимы. Feci quod potui^{2*}, а, в общем, не везло. Но, впрочем, был физик, жил как физик, а потому sit tibi terra levis, collega^{3*}. Это не Лебедев и даже не Столетов, но все же честный физик.

Кельцы, 5 янв[аря]

А я человек – только книжный. Книги, как книги, как предмет – это и все. Как без этого смог бы жить – не знаю. Я человек одиночества, в одиночестве я почти всегда испытываю то элегически-спокойное настроение, лучше которого я ничего не знаю. Я не люблю и не умею разговаривать, стесняюсь, как Бог знает кто, и, вероятно, для новых людей представляюсь очень странной фигурой. So bin ich und daran harre*. Сегодня пошел ко всенощной. Красиво; битком, паникадила зажжены, золото иконостаса горит, хорошее пение; – но только красиво. Только в пустой или полупустой церкви, в таинственной тишине костела под таинственную, всегда печальную, даже в molto allegro^{2*}, музыку органа спускается в душу спокойная элегия, и душа отдыхает sono chi son[o]^{3*}, таков уж я, и это все мое alibi по отношению к войне. Что делать, выше головы не прыгнешь, на войне я совершенно бесполезен. Маскарад не в пользу войне, а мне во вред. Россию я люблю, немцев поколотить желаю и там, в Москве, может быть, очень интересовался [бы] войной – книжным отображением войны, но здесь – я только уродую себя. У меня волосы дыбом встали сегодня, когда поруч[ик] Евсеев рассказывал об Алексеевском у[чили]ще и военной муштре. Это для меня дыба и испанский сапог, но буду молчать и постараюсь быть философом. Все пройдет, «что пройдет, то будет мило»¹. Будет книжным, т.е. моим, моей стихией. А пока идет инкубац[ионный] период этого счастливого времени.

Купил еще всякой франц[узской] романической чепухи. Паллиативы.

* Я этим сильно озадачен (нем.).

^{2*} Feci quod potui – Я сделал [всё], что смог (лат.).

^{3*} Пусть земля тебе будет пухом, коллега (лат.).

* Такой уж я и потому жду (нем.).

^{2*} Allegro molto – «очень весело» или «весьма быстро» (ит.); обозначение музыкального темпа.

^{3*} Я таков, каков есть (ит.). ?

Кельцы, 6 янв[аря]

Получил сегодня из дома посылки, нашел там 2 №№ Nature. Ах, какая прелесть. Начал читать, просматривать new books received* и почти перенесся на Пресню. Хладнокровие журнала великолепно, о войне почти ни слова. Так ей и надо.

Италия по-прежнему страна чудес. Там живет наивная душа земли и по-своему откликается на все землетрясения; в Риме на piazza Colonna^{2*} на старой римской триумфальной колонне статуя Св. Павла отвернулась от здания австрийского посольства. Как это просто, наивно, красиво и по-итальянски. Вот он, ответ Италии. Возникла легенда и не хватает Данте, чтобы навеки заковать ее стальным терцином¹.

Ну а тут все то же.

Кельцы, 8 янв[аря]

Вчера ночью летал аэроплан. Это эффектнее и фантастичнее, хотя равно бестолково.

Лежал вчера на постели, электричество выключили, в окно видно звезды, стал мечтать, покуривая. Думал о немцах. А все-таки это великий и во многом прелестный народ. Нюрнберг, пивные, белокурые голубоглазые юноши – все это полно наивной милой поэзии. Подготавливающаяся атака Лондона, эскадр[а] Цепелинов, аэро- и гидроаэропланы, подводные лодки – грандиозна и почти гениальна*. Они враги, но в бóльшем я их упрекнуть боюсь. Германия наивной сентиментальной красоты, Германия великой культуры и, наконец бисмарковская Германия железного кулака – все достойны названия «великих». А что же в остатке – ничего. Они враги государства, но лично мне нет. Конечно, немец туп. Но, Боже, такой человек нужен.

И не хочется отсюда уезжать, и тоскливо здесь. Tempus terere^{2*} – единственное занятие. Сегодня, положим, попробовал нем[н]ого подумать о Grav. На первом же шагу препятствия ужасные. А эта паршивая Praporstschik's Problem^{3*} все неопределеннее и неопределеннее. Положение становится почти смешным.

Здесь все то же.

Кельцы, 10 янв[аря]

И вчера и сегодня ничего. Даже в газетах ничего нового. Читаю «Les mystères de Paris»*. Тошнотворная вещь, а главное, напечатана на сортирной бумаге, мелко-мелко, глазам больно.

Сегодня в кофейне с верхнего этажа услышал звуки рояля. В кофейне я один, тишина. Вдруг вспомнил Лиду. Как скоро о ней забыл, первое

* Новые полученные книги (англ.).

^{2*} Площадь Колонны (ит.) – площадь в центре Рима.

* Так у Вавилова.

^{2*} Убивать время (лат.).

^{3*} Проблема прапорщика (англ.).

* «Парижские тайны» (фр.), популярный роман Эжена Сю.

потрясение, первый ужас стали такой ровной, едва заметной элегией. Но она укоренилась и уже неизлечима. Кто видел или узнал смерть, тому три пути, глубочайшее отчаяние, религия и... творчество. Какие-нибудь «Gradita e la vita fra Vasso ed Amor»^{2*1} уже немыслимо и отвратительно. Милая Лида, бедная Лида! (Пишу это совершенно холодно и спокойно).

Кельцы, Татьянин день [12 января]

Опять своеобразный, комический вольт суд[ь]бы. Вчера волей-неволей пришлось принять участие в офицерской *soirée** с девами. Должен сказать, что это *per la prima volta nella mia vita*^{2*}. Таким образом, отпраздновал канун Татьяны. Впрочем, это Татьяна своеобразная, я один в душе изо всех присутствовавших поминал Татьяну, милую единственную, правда, копию с немецкого, но такую искреннюю. Татьяна... милая, сентиментальная интермедия там, в Москве. Пикантное пятно на строгом лице Минервы, отчего оно стало живее и веселее.

Вчерашняя *ante*-Татьяна^{3*} совсем в другом роде. Убивание времени. Эксперимент из области тезиса «Gradita è la vita fra Vasso ed Amore». Я сидел философом, положим, пил всякие ликеры и коньяки, но был спокоен и чувствовал себя трезвым среди пьяных. Все было, впрочем, достаточно умеренно. Девы... их было 3 или 4, и все разновидности. Натуля – «*ingénue*»^{4*} лет 17, нервная, обидчивая. Потом какая-то в розовой кофте – скромная и некрасивая, третья Лелья со всеми типическими повадками проститутки. Боже, что это за фантастические, наивные, кукольные создания. Никакого признака жизни, что-то мертвое. Впрочем, один из компании завел с одной «политичный» разговор по поводу кольца, надетого ей на палец на память немцем. От всего этого *soirée* одно впечатление – «отчаяние». Это насмешка над Татьяной. Она улыбка и радость, а это ужас смерти. Даже война не вдохновила. А я... молчалив, почти угрюм и философствую.

Нового ничего. Какие-то подпольные приготовления к наступлению.

Ну, на сегодня черт с войной и военными. «*Vivat academia*»^{5*}, «*Vivat scientia*»^{6*}.

Vita nostra brevis est
Brevis finietur.
Venit mors velociter
Rapit nos atrociter
Nemini parcetur!^{7*}

От этого ужаса для меня спасение одна наука и изредка «Татьяны».

^{2*} «Приятная жизнь с Вакхом и Амуром» (*ит.*).

* Суаре, званый вечер (*фр.*).

^{2*} В первый раз в моей жизни (*ит.*).

^{3*} Пред-Татьяна; от латинского «ante» – перед, впереди, до.

^{4*} Наивная, простодушная (*фр.*).

^{5*} «Виват академия» – строка из студенческого гимна «Гаудеамус игитур», обычно переводится как «Да здравствует университет» (*лат.*).

^{6*} Да здравствует наука (*лат.*).

^{7*} Жизнь наша коротка, / скоро она кончится. / Смерть приходит быстро, / уносит нас безжалостно, / никому пощады не будет (*лат.*) – третий куплет студенческого гимна «Гаудеамус игитур».

Кельцы, 14 января

Тюрьма остается тюрьмой. Тоска в Кельцах, конечно, другая, чем где-нибудь в Прадле, там дело доходило до безысходнос[т]и, здесь все это подсластилось.

О чем прошу Бога? Прежде всего, о научном вдохновении. Боже, если бы оно было и если бы появилась та петелька, за которую бы захлес[т]нулся крючок моих физ[ических] знаний и фантазий – я бы забыл все и был счастлив.

Недурно бы было, наконец, выйти из своего промежуточного военного положения. Маскарад, конечно, останется по-прежнему маскарад.

Ничего не случилось.

Кельцы, 16 янв[аря]

Получил на этих днях два письма, одно от Успенского, другое от Смита. В письме Успенского больно уколола заметка, что, как будто, Лазарев на меня обижается. В этом кроется очень много, кое-что я угадываю. Другое письмо от Смита – ему сделано предложение остаться при У[ниверсите]те. Это укололо еще больнее. Это для меня было так легко и возможно, но железная паутина Лазаревых и собственного стыда связала по рукам и ногам und «Stehe nun ich armer Tog»* – без вины виноватый. Все было бы просто и легко, и сидел бы я сейчас в Москве, а не в Кельцах, и был бы не унтер-офицером, а физиком. Что-то будет в этом 16-ом^{2*} году? Здесь сгладилась жестокая коллизия прошлого: наука и искусство, я ведь не забыл еще томительной душевной борьбы в милой Италии, долгих дум в Cascine^{3*} и Giardino Bobolo^{4*}. Теперь, отсюда, и наука, и Италия сливаются в одно идеальное summam summagum^{5*} всех надежд. Слились, и не различишь, но, конечно, по возвращении опять начнется прежнее. Я думал, что ошибся, сделавшись физиком, мне нужно быть филологом. Но теперь вижу, что не ошибся, сделал то, что было можно. Искусство для меня без физики пусто, бесцельно, Schmucksache[n]^{6*}, а физика без искусства теряет остроту и пряность. Вижу, что сделал хорошо. Пусть будут неудачи, пусть никогда не сделаюсь «человеком» cosa m'importa. Son[o] chi sono.^{7*} Жизнь будет интересной всегда. Себя я немного постиг.

Здесь все старое.

19 янв[аря], Кельцы

За три дня ничего не произошло. Все по-прежнему, то в комнате, то на станции, то в городе. Нигде не нахожу блаженной Einsamkeit*, всюду не один, всюду тревожат чужие глаза, чужие или чуждые разговоры. Прежде, там, в халупах, с солдатами было лучше – среди людей был один со своими мечтами

* И вот «стою я тут, бедный дурак» (нем.) – несколько неточные слова Фауста из 1-й сцены I части «Фауста» И.В. Гёте: «steh ich nun, ich armer Tog», в переводе Б.Л. Пастернака: «Однако я при этом всем / Был и остался дураком».

^{2*} Так у Вавилова.

^{3*} Кашине (ит.) – парк во Флоренции.

^{4*} Giardino Boboli – Сад Боболи (ит.) – парк во Флоренции.

^{5*} Сумма сумм, итог итогов, суть сути (лат.).

^{6*} Здесь: побрякушка (нем.).

^{7*} Ну и ладно. Я таков, каков есть (ит.).

* Одиночество, уединение (нем.).

и тоской. Читаю 2-ю ч[асть] Faust'a, но, Боже, как трудно здесь его читать. Фауста я читаю, но уже теперь собираюсь опять перечитывать, до того в нем много загадок, вопросов и поэзии. Когда-нибудь я неизбежно напишу к Фаусту ругательно-хвалебный комментарий. 2-я часть по замыслу гениально нелепа, нелепа в основной задаче: Фауст как живая коллизия романтического и классического. Фауст первых сцен первой части переживает только трагедию знания, Фауст остальных сцен просто трагический любовник. Первая сцена 2-й ч[асти] как будто старается стряхнуть с Фауста этот сладкий маскарад романа с Гретхен. Дальше комедия зарвавшегося шарлатана, приводящая, вдруг ни с того, ни с сего^{2*} через отчаянное путешествие durch Einsamkeiten zur Müttern^{3*} – к борьбе классического с романтическим. Пока ничего не понимаю. Но удивительно безвкусен и маскарад, и классическая Вальпургиева ночь, словно картина Бакаловича, приторно и бесцельно. Ну да о 2-й ч[асти], если выберу время, напишу много. Кстати, ее гораздо приятнее читать без идиотских комментариев обычных изданий.

Вчера ели блины, ходил в театр. Рассказали мне тут одну веселую историю из жизни нашей роты, стоит Декамерона, сейчас нет соотв[етствующего] настроения, чтобы ее рассказать.

Дома, кажется, атмосфера очень тяжелая.

Zwei Seele – прапорщ[ика] и унт[ер-]офицера [-] wohnen leider noch in meiner Brust^{4*}, а положение, кажется, ухудшается. Отвратительно.

Кельцы, 21 января

В Кельцах мало-помалу создается самая провинциальная идиллия. Все в городке друг друга узнали, приобрели насиженные местечки в кофейнях и ресторанах, регулярно коротают время то в «Corso», то в «Apollo», в которых дают и оперетки домашнего изготовления и водевили. Об артистах знают всю подноготную, какая с кем живет etc. Провинциальную идиллию нарушают немножко аэропланы – эти красивые, поразительные носители смерти. В сущности, крутящийся над головой аэроплан куда страшнее и мистичнее всякой шрапнели, какое-то удивительно живое воплощение смерти. Спешешь по улице, над головой жужжит, вот крякнуло два взрыва – бомбы – сухая трескотня залпов. Идешь, головы не подымая, в сущности, казалось бы, все равно смотреть на аэроплан или нет, но именно это-то закидывание головы и леденит душу. Вчера и позавчера эти голубчики летали и бросались бомбами. В результате два искалеченных хлопака*. Скука и провинция нашей станции, где по-прежнему сижу целыми днями, понемногу начинает нарушаться. Вчера в 12 ч[асов] ночи из комнат Юза¹ выставили всех и получили оперативную депешу. Сегодня та же история – две директивы из штаба армии. Их не читал, но приблизительно знаю, что говорится о необходимости самого энергичного наступления, как только разведкам удастся подтв[ер]дить факт отвода

^{2*} У Вавилова – «чего».

^{3*} Через одиночество к Матерям (нем.).

^{4*} Две души (...) к сожалению, до сих пор живут в моей груди (нем.) – игра с цитатой из «Фауста» И.В. Гёте (2-я сцена I части): «Zwei Seelen wohnen, ach! in meiner Brust» – «Ах, две души живут в большой груди моей» (пер. Н. Холодковского).

* Мальчика; от польского: chłopak.

неприят[ельских] резервов на Карпаты. Итак – на пороге событий – в перспективе опять халупы со всеми аксессуарами[:] салом и вшами.

Фауста читаю по-прежнему. Собственно, теперь мне 2-я часть в общем плане ясна. Но, Боже, какая нудность, какое много- и пустословие, какое отсутствие «экономики». Каким бы бриллиантом – огромным, чистым [-] засияла Пушкинская сцена из Фауста в этой аляповатой ювелирной куче, называем[ой] 2-ой частью Фауста. Все сцены с Еленой такая невыносимая тянучка, что понять невозможно, как мог это написать «олимпиец». Это мог написать только немец. Вообще, весь классицизм 2-й части до того пахнет немцем, что получается что-то почти неприличное. Одно это «stets appetitlicher Gestalt»^{2*} как характеристика Елены в устах Харона ставит над всем крест. Пушкина я читаю и упиваюсь, Фауста я буду читать всегда, но всегда ругаться. Это странная смесь гениального и вульгарно-немецкого. Впрочем, о Фаусте еще буду писать.

Кельцы, 24 янв[аря]

Фауста кончил и вчера отнес к переплетчику, отдал переплести в кожаный переплет, вплетая белые листы¹. Странная книга! Я буду всегда читать ее, вечно приходить в негодование от длиннот 2-й части и восхищать[ся] отдельными фразами и словами. Вторая часть от первой до последней сцены символична, и в этом ее главный недостаток. Первая часть, наоборот, в самых фантастических сценах реальна. Символизм 2[-й] ч[асти] самого низшего пошиба. Аллегория с ярлыками. Фауст 2-й ч[асти] совершенно бездушное, безвольное существо – только Zuschauer*. История с полетами наивно-глупа. Мефистофель 2-й ч[асти] совершенный дурак и совсем не тот желчный дьявол, который орудует в 1-й части. Трагедия знания во 2-й ч[асти] совершенно забыта и в этом отношении куда же ниже Гётевское произведение старой народной книги. Мне лично изо всей второй части нравится только mystische Re[i]se zur Müttern^{2*}. Здесь действительно чувствуется и ужас, и жуть, и тайна. Но вот я все-таки Фауста переплетаю, следовательно, что-то есть там. В этом что-то все дело.

Происшествий никаких. Все острее и отвратительнее мое offizielle Lage^{3*}. Дни проходят, по вечерам болтаю с поруч[иком] Чебышевым обо всем: о духах, об архитектуре, об археологии, о старых книгах, о Леонардо, о пирамидах, о физике. Держусь медведем, да это, пожалуй, самое безопасное. Получил открытку от П.П. Лазарева. Сижу без денег. Готовят частичное наступление.

27 янв[аря], Кельцы

Дни заполняются всякой трухой, заполняются так, что не хватает времени заглянуть in se stess^o*, прочитать что-нибудь кроме газет. На станции, нудные разговоры, шахматы, церковь, кинематографы, обеды – вот и все. День[,]

^{2*} Всегда аппетитные формы (нем.) – цитата из «Фауста» И.В. Гёте (2-я сцена II части).

* Зритель (нем.).

^{2*} Мистическое путешествие к матерям (нем.).

^{3*} Официальное положение (нем.).

* В себя самого (ит.).

говоря[.] заполняется, но странное чувство «пустоты», чувствую себя белой в колесе. Исчез и элегический оттенок, так сладко скрашивающий былые дни. Лиду забыл. Церковь не будит ни мистицизма, ни поэзии. Проза полнейшая. Не выберешь полчаса, чтобы подумать и помечтать.

Вчера и позавчера аэропланы. Вчера ночью прелестная депеша из Штаба 9 армии, которую мне сегодня прочитали с ленты. Описание боя 25/1 Орява-Козёво^{2*}. 22 отбитые атаки, горы трупов etc. Куда же Трое и куда Гомеру до суконного языка депеши – «беспримёрный штыковой бой», а все-таки это только машина, усовершенствованная мясорубка. Лет через 20 все это станет легендой, быть может, и мое келецкое сидение облечется загадочно-поэтическим флером – но теперь с каким-бы наслаждением заснул, чтобы проснуться 1 янв[аря] 1916 года и начать вшиске^{3*} di nuovo^{4*}.

Во сне опять шрапнели, фугасные бомбы, аэропланы. Боже, что же делать, чтобы опять почувствовать в себе человека?

Кельцы, 29 янв[аря]

Немые дни, глухие ночи
В уме и сердце пустота
Тоски стелющиеся уста
И скуки каменные очи.
Времен порвавшаяся нить
Твои концы свяжу ль когда я
Но дней блаженных поджидая
Живущий я желаю жить
Во мглу судьбы слепой я брошен,
Но жив еще, и ум мой жив
И мир вокруг, хотя и лжив
Но так таинственно-роскошен
Для Бога, мира и себя
Ни для людей толпы небрежной
Хочу светло и безмятежно
Я жить и умереть любя*

Кельцы, 31 янв[аря]

Регулярно покупаю варшавские газеты и узнаю вчерашние новости. Сегодняшние испортили настроение. Из В[осточной] Пруссии опять отступают. Опять те же нудные признаки «периодической функции», а конец так далек, далек. Бог с ними, с судьбами народов, дело касается меня. Сегодня получил письмо от Ек[атерины] Ник[олаевны], что Николай возмущается «фарфоровыми табакерками». А для меня эти фарфор[овые] табакерки милее и дороже очень многого. Что ж делать, когда мало трогает общая суетня. Когда книги и табакерки милее судьбы людей и стран. Опять-таки sono chi sono.

^{2*} У Вавилова: «Орава-Козиево».

^{3*} Wszystko – все (польск.).

^{4*} Снова (ит.).

* В двух последних строках С.И. Вавиловым исправлен первоначальный вариант: «Я жить светло и безмятежно / Хочу и умереть любя».

Сегодня пекут «жерники» – не особенно удачно. Вчера блины. А сейчас, когда пишу, немного пьян, выпил какого-то кислейшего красного вина. Получил телеграмму – зовут домой – не поеду. Почему? Об этом напишу, быть может, в другой раз.

Кельцы, 3 февраля

Там в халупах, с солдатами будущее казалось таким светлым и красивым, а здешняя обстановка настолько монотонна и пуста, что и будущее, кажется, будет таким же. Скука получается абсолютная, без блестящих оре[о]лов по краям. Понемногу начинает возникать безотрадная картина того, что будет, опять эти П.П., Генаши, и только книги, одни книги, лаборатория, да Италия милая по-прежнему. Вот эта боязнь скуки будущего – одна из причин, почему не хочу в отпуск.

Пустее и глупее жизни, чем здесь в Кельцах, не вел никогда. Какому лешему я здесь нужен, и на кой черт мне это все нужно*. Все эти офицеры – дети в мундирах и люди просто несчастные. Вот уж для кого будущее совершенно без красок.

Ну а здесь что? Да ничего, те же синемаграфы и обеды, те же аэропланы, и все то же. Мерлин читается медленно¹. А ведь кроме Мерлина ничего, в сущности, и нет. Сейчас дежурю на станции, работы нет, все сидят, уткнувшись в газеты. Скука зеленая. Спасаясь Мерлином и папиросами.

И скучен же этот дневник. Прямо скверно, исчезла и гадость^{2*}, и метафизика, и так все просто и пусто.

Кельцы, 6 февраля

Сегодня около почты видел казака самого «казацкого вида» типа Кузьмы Крючкова, видел, как он скромно раскошелывался и подавал милостыню какому-то горбатуму седому пану. Принес мне сегодня один из наших комических добровольцев ответное письмо благодетельницы-кухарки. Неведомо кому, просто «солдату» послала она кисет со всяки[ми] солдатскими рождественскими подарк[ам]и. Подарок попал этому добровольцу, и завязалась переписка. Письмо прелестно[:]: «Погода у нас стоит хорошая, мароз 20 град[усов], а к обеду солнышко». «Я у них живу шесть лет у миня никово радных нету родители умерли, была маленькая я Моск[овска] Губерна рузоской в[олости] уезда Мищан. Замуж покудова неиду, потому что никуда нихожу и знакомых ниhoчю. Жизнь мая очень хорошая всем я довольна Миня господа любят, и все совсем помогают и соведаят, и я их слушаюсь потому что мне деться некуда»*. Милый казак, милая благодушная кухарка благодетельница. Смеются над немецкими кухарками, «спасающими» Германию, кухарки спасают и у нас. Новая целая Россия, Россия добрая, мягкая, но ставшая какой-то «воспитанной»-благородной. К старой доброте и милосердию присоединилось европейское^{2*} рыцарство и «благовоспитанность». Старая-то Россия звучит вот в этих^{3*} великих словах старухи плакальщицы (сегодня нашел в Нов[ом] Вр[емени]¹):

* В оригинале «это мне это все нужно».

^{2*} Так у Вавилова.

* Цитаты из письма приведены с оригинальной неправильной орфографией.

^{2*} Далее зачеркнуто «милосерд».

^{3*} Далее зачеркнуто «слова».

«Спаси, Боже, Русь подселенную,
Ты, Покров Пресвята Богородица,
Ты покрой нашу родину матушку!»

Новая Россия, а я-то как далеко от всего этого.

Кельцы, 7 февраля

Вчера не дописал, болела голова, скверное настроение, потому потянули в синемат[ограф], скука, биллиард. Сегодня опять болит голова, ни за что руки не берутся и все противно. Там Россия... а я далек.

Да, Россия вне меня, вокруг меня какая-то непроницаемая оболочка. Остаюсь всегда только сам с собой.

Кельцы, 8 февраля

Ну и вчера почти по тем же причинам не дописал, то чужие вокруг, то церковь, то синематограф, шахматы, а в результате ниц!* Иллюстрация к белиберде моего положения прекрасная. Настолько бестолков каждый день. Ну, вот сегодня. Сейчас 1 ч[ас] ночи, а что я делал целый день? Встал часов в 9, пил чай, пошел в церковь, шахматы, обед, опять шахматы, «Гейша», карты, написал письмо отцу – это все. А день занят, не хватает времени на чтение писем. Настроение скверноватенькое и как-то совестно за каждый свой шаг. Чувствуешь себя каким-то «лодырем» в самом широком смысле. За последние дни прочитал книжку Розанова «1914 г. и русс[кое] возрождение»¹ – пусто и плоско, совсем не по-розановски. Я сам, в сущности, изолирован от войны, «России» и прочего. Войну переживаю как эпизод моей биографии, а не исторический факт. Необыкновенно пусто на душе. Пусто и совестно за эту пустоту. И что же делать?

Фактов кругом никаких, настроение портят телеграммы об отступлениях на флангах. Ведь картина-то военная сейчас безотрадная. Опротивели синематографы и газеты – но круг заколдованный.

Кельцы, 10 февраля

Опять о В[осточной] Пруссии. Отступление было ужасным, кажется, целый корпус в плену. Жуть за будущее так и ползет в душу:

Нелепые, томительные дни,
Я грустно жду чего-то рокового
И в будущем темно и от былого
Всплывают в памяти страдания одни.

Написал это вчера – «так», обо всем. Сегодня на кого ни посмотришь – в плохом настроении, и командир роты, и телеграфист. Спросишь: «Почему?» – «Да эта Пруссия окаянная». Впечатление вроде 1-го апреля 1904 г.¹ И так, значит, в душе каждого живет «Россия». Мне хорошо, я спасусь от этой жути у Пушкина и Гёте, в физике и метафизике и, наконец, в Италии. Бэнде цо бэнде*, мне национальный стыд не страшен. Повторяю, я изолирован,

* Nic – ничего (польск.).

* Będzie co będzie – будь что будет (польск.).

утоноу в книгах, в лаборатории. Жизнь живая мне чужда. Но вот они-то, Розановы е tutti quanti^{2*}, ведь должны волосы на себе рвать.

Дежурю сегодня на станции. Сейчас 9 ч[асов] вечера. Уютно, тихо, светло. А хорошо бы получить прап[орщика] и удрать на неделю домой.

Merlin'a, прочитал. Начало грандиозно, конец мизерен, а, в общем, покушение с негодными средствами.

В Кельцах все спокойно и то же.

Кельцы, 12 февр[аля]

«Пустота» становится хронической болезнью. Все пошлеет. Самое святое, дорогое и внутреннее. Я «говую» – какую бы силу и тайну нужно было бы вложить в эти слова, а здесь это идиотская механика. Приводят солдат вздвоенными рядами, милостиво здороваются, в церкви стоят шеренгами, исповедь длится 10 секунд, в голове все, кроме молитвы. Попал сегодня в санитарный отряд, к Лежневу. Еще одна «пустота». Опошливают и физику, и метафизику. Боже, да когда же кончатся эти Кельца с философией «пустоты».

Корпус перешел из 9-й арм[ии] в 4-ю, отняли 80-ю дивизию и, как кажется, надо ждать здорового тумака от немцев.

Даже книги не манят.

Кельцы, 16 февраля

Что же это за безобразия! Парадокс остается прежним: при абсолютном ничегонеделании не хватает времени даже на дневник. Что за эти дни случилось? Совсем собирались отступать, начали заботиться о провиантских запасах, подковывать лошадей etc. Лица у всех самые хмурые. Удирать за Вислу! Почему не за Волгу? Сегодня к вечеру горизонт несколько прояснился. 2 оперативные: одна советует брать побольше пленных для окончательного выяснения ослабления австрийцев на фронте армии (кстати, дней 5 назад перешли из 9-й в 4-ю армию), другая рекомендует все заготовить к наступлению. А пока что по-прежнему в Кельцах. Что делал? Читал газеты, кушал, молился Богу, от «дежурства» меня шт[аб] 4-й армии отставил, как не офицера, хотя я по-прежнему околачиваюсь на станции, так как только там можно маломальски «уединиться». Да, «уединиться». Вот сейчас пишу, а мне всякими разговорами и рассказами надоедают.

Вчера был в костеле. Костел внутри изумительно роскошен, золото, какие-то пестрые мраморы, яркая роспись (новая – местами, иногда талантливая) и широкие стройные размеры церкви. С позолоченной кафедры говорил молодой ксендз. Понял я, правда, мало, все больше «гжих»*, да «братья дрози»^{2*} – но говорил он великолепно, красота жестов, плавность речи, эффектная молодая фигура. Шел я из костела и думал о прелести католицизма. В православии почему-то разочаровываюсь. А католицизм так нежен, благороден и в то же время в нем, как и в православии, так много тайны. Когда шел в костел, над ним вился немецкий Taube^{3*}, было жутко и поджилки дрожали. Был

^{2*} Все другие; и прочие (*ит.*).

* grzech – грех (*польск.*).

^{2*} bracia drodzy – братья дорогие (*польск.*).

^{3*} Голубь (*нем.*); название немецкого аэроплана.

сегодня у Лежнева. Пустенькие разговорчики о «Праснышской операции»¹ и о всякой ерунде. Конечно, опять кинематографы, конечно, пока не произведен [в прапорщики]. Получил, наконец, из дома известие, что мой дневник и письма пришли. Там ведь все-таки было кое-что интересное! Сильнее всего ум и сердце занимает сейчас война. Творится что-то важное.

Кельцы, 19 февраля

Год тому назад все казалось так просто, буду служить, конечно, буду стеснен, но все мысли и мечты будут прежними, останется легкий маскарад мундира и только. Вышло совсем не то, моя служба стала громадным, быть может, самым заметным фактом моей жизни. Вместо экзерциций* пришлось совершать походы, все, что должно было казаться смешным и ненужным, стало строгим и необходимым. Пожалуй, это удача – шутка обратилась в самое серьезное и важное. Душа стала совсем иной, чужое, чуждое во мне живет, и в мыслях, и в чувствах, государство, история. Но я потерял связь с прежним «самим собой». Тот «я» был совсем иной. Правда, я здесь на войне совершенно бесполезен и пользу государству не приношу, но меня несет на своих^{2*} волнах история. Война совсем похожа на шахматную игру. Игроки – штаб, пешки, короли, туры – солдаты, офицеры е tutti quanti. Вся Россия, Москва, дом – зрители. Ну а кто же я? Просто пылинка, приставшая к одной из пешек, с ней я двигаюсь, торжествую или погибаю – но в игре я бесполезен. Положим, эта пылинка с ушами и глазами, она все видит и все понимает. Или нет, пожалуй, еще лучше, я пешка волей игрока в самом начале «запертая» – от меня толка никакого.

Все это я пишу сейчас, настроенный очень меланхолически. Писал я, что шт[аб] 4-й армии отставил меня от дежурства, как «не офицера». Меня это и обидело, и лишило той единственной деятельности, которая еще для меня была возможна. Просыпаешься теперь по утрам и не знаешь, «что день грядущий мне готовит»¹. Можно делать что угодно. И вот пью чай, ем, курю, волокут в синемаграф, приглашают в шахматы, в которые играю хуже всякого сапожника, читаю газеты и больше ничего. Ничего! Ощущение такое же, какое я чувствовал раньше, когда в комнате сидят «гости», развлекают, и не знаешь, как отвертеться (вот и сейчас, увы... сажусь за шахматы!). Играл совершенно рассеянно, конечно, мат. Кое-что узнал о своем производстве.

В Кельцах совсем окостенел. Продолжение того, о чем начал, завтра – сейчас совсем не то настроение.

Кельцы, 21 февраля

Сегодня с раннего утра на фронте гренадерского корпуса гремят орудия. Приятная трагическая музыка. Командир гренад[ерского] корпуса вызывает к телефону нашего корпусного. Что-то, значит, готовится. Настроение и общая обстановка – самые противные. Стыдно за каждый шаг. Я о прежнем, на войне я не нужен, да и война мне не нужна. Это аксиома. Но я ничего не могу делать, я, по-прежнему, в самой несносной тюрьме. Мое нытье мне первому надоело и думаю, что во мне самом liegt der Hund begraben*.

* Упражнений (от лат. Exerцитium – упражнение).

^{2*} Слово «своих» вписано над строкой.

* Собака зарыта (нем.).

Кельцы, 22 февраля

День сегодня вышел удачный, не хандрит и почти весь день интересен. Утром пошел в собор, достоял до «Верую» и пошел бродить по Кельцам. Пошел в костел, не в кафедральный, а в другой, на конце города, серый и будничный. Костел, очевидно, не особенно старый. Затрудняюсь сказать, хорош или плох он внутри. Стена центрального алтаря великолепна. Гранит и в центре великолепная икона. По стенам костела встречаются очень старые картины, напр[имер,] какая-то, видимо, рейнско-кельнской школы. В костеле вроде рынка, толкаются паны, стоят на коленях, поют какие-то псалмы. Во дворе костела стоит большой деревянный крест, вот как на дорогах, все входящие паны благоговейно, прямо на снегу преклоняют колена перед крестом. Картина трогательная. Из костела пошел закоулками домой. В переулке, около Базарной площади набрел еще на церковь. Думал – тоже костел, оказалась немецкая кирка*. Наивная, некрасивая постройка, милая только своей стариной, так, начала 19 столетия. Колонны, окна – все как-то неуклюже и, пожалуй, типично мещански-немецкое. Внутри кирка совсем маленькая. Алтарь с 4 горящими свечами и крестом и с надписью наверху «Liebe, Hoffnung und Glaube»^{2*}. Скамейки. Портрет Мартына Иваныча¹ по правую сторону алтаря, по левую, как скворешник, прилепилась кафедра, с дверцей для входа пастора. Длинные высокие окна, света много, церковь выбеленная, подметенная, по бокам лампы, а сверху три люстры с висюльками. Вошел, пастор, самого профессорского или докторского немецкого вида, читает Символ веры по-немецки. На скамейках немцы, солдаты, сестра милосердия. Все, в общем, похоже на нетопленную аудиторию какого-нибудь провинциального народного дома. Играет орган, но скверно, его не замечаешь. После Символа попели какие-то псалмы и в скворешнике показался Herr Pastor^{3*} с грудой книг под мышкой. Начал речь о Leiden^{4*}, упомянул и о войне, и о прочих хороших и нехороших вещах. Говорит, как говорят все немцы, как я думаю, говорит и Kaiser^{5*} – с пафосом, с оранием и самоуверенно. Думаю, и Мартын Иваныч, портрет которого вполне симметрично по отношению к алтарю смотрит с правого бока, говорил так же. Послушал проповедь – ушел. Чувствовалось, что у всех этих немцев душа в пятки ушла, молятся они, говорят речи – но страх лезет. Никакой ненависти – только жалко мне их. И так, как-то само собой вышло «обозрение» религий. Вечером опять попал в собор на «Пассии»². Пели «Тебе одеющагося»³, «Кресту твоему»⁴ – было тепло и уютно. Немецкая кирка – не церковь. Это какой-то выжатый лимон вместо церкви. Никакой тайны, все равно, что газеты читают, что Евангелие. А эта кирка ведь весь «Deutschtum»^{6*}. Куда устоять этой кирке против нашего соборного благолепия тайны, тайны, разлитой в каждой мелочи, в каждом шаге, в каждом жесте. Сегодня во время «Пассий» вошел поп на амвон и начал проповедь «о злословии». Не хорошо, не нужны эти проповеди, нелепо – вылезший комментарий среди текста поэмы. У нас поэма, у немцев – комментарий,

* От немецкого Kirche – церковь.

^{2*} «Любовь, надежда и вера» (нем.).

^{3*} Господин пастор (нем.).

^{4*} Страдание (нем.).

^{5*} Кайзер (нем.).

^{6*} «Немецкий мир» (нем.).

комментарий плохой, меднолобый. Ну а костел, католики, что лучше [–] наша церковь или костел? Не знаю. Прекрасно то и другое. И в костеле много тайны, но иногда вместо тайны просто благовоспитанность. Наше православие целиком – мистично, католицизм мистично-сентиментален, ну а лютеранство – просто какая-то пропись моралей. Ей Богу, немцы, мне вас было жалко, вы ведь – голые, ведь почти обезьяны, совсем нет мистического тумана, который окружает меня и всех нас.

Небо сегодня к вечеру стало ясное, морозно. Вчерашняя грохотня кончилась ничем. Сегодня тишина.

О религии я не думаю и не знаю, религиозен я или нет. Но православие и католицизм я люблю, протестантство – камень вместо хлеба. Германию я отождествляю с Фаустом или даже вернее с Вагнером, и, поскольку я его люблю (а я его люблю), люблю и немцев.

Кельцы, 26 февр[аля]

Кельцы

Унылый город, я тебя узнал
В минуты странные тревоги и сомнений
Тебя издалека впервые увидал
Под рокот замирающих сражений
И образ твой печальный угадал

В тумане зимнем дряхлый и седой
Дремал костел, дремал дворец угрюмый
Собор кокетливый, ненужно-молодой
Поник с тревожною и тяжелой думой
И было тихо, как перед бедой

О город без души! По улицам твоим
Брожу я иногда и грусть твою вдыхаю
Все замерло и воздух недвижим
И чудится десница роковая
Дух жизни отлетел и стал неуловим

Вот старый ксендз в ворота прошмыгнул
Жиды, как вороны спешат и суетятся
Печальный пан усатый промелькнул
Солдаты серые на улицах толпятся
И отдаленный пушек слышен гул

Но жизни нет. Душа? Воротится-ль она
Воротиться! И к жизни вечно-новой
Проснутся Кельцы от томительного сна
И зашумит после зимы суровой
Веселая и юная весна.

Конечно, Кельцы не совсем такие, в них, если угодно, есть и веселость, и даже бодрость. Но «общее», суть – уныние. Никто твердой ногой не ходит по «стогам града»¹. Чей он, теперь – ничей, все в нем чужие. Временно он мертв.

Живется по-старому, завален книгами, получил кирпич Хвольсона². Попробую хоть им физически питаться. Фронт армии еще больше разрядили, из отряда ген[ерала] Воронина ушла 23[-я] див[изия]. Длина фронта армии 170 верст. Но удирать пока не собираемся. С жидами какой-то анекдот, приказано в случае нашего наступления гнать всех жидов в виде авангарда в сторону противника??? Специальный спорт, главноком[андующий] объявил, что каждый пленный австриец, взятый с разрывными пулями, будет расстрелян, австрийцы на это ответили распоряжением за кажд[ого] расстр[елянного] австрийца расстреливать 2 русских пленных. А сегодня новый приказ нашего верх[овного] гл[авнокомандующего] – за кажд[ого] расстр[елянного] русско расстреливать 4 австрийцев. Доколе же.

Кельцы, 27 февр[аля]

Как слу[ча]йно, словно отрывок газеты, попал ко мне в руки «Cyrano de Bergerac», и какая поистине великая это вещь! Трогательнее и красивее ничего не читал в жизни. Окончил Bergerac'a сегодня, последний акт навеял ту элегию настроения, которую и считаю «счастьем». Так грустно и так красиво:

«Philosophe, physicien,
Rimeur, bretteur, musicien,
Et voyageur aérien,
Grand riposteur du tac au tac,
Amant aussi-pas pour son bien! –
Ci-gît Hercule-Savinien
De Cyrano de Bergerac,
Qui fut tout, e[t] qui ne fut rien»¹.

Не хочется говорить о «Cyrano...» как о литературе. Rostand, что знал я раньше о Rostand'e, что он «de l'Académie Française»*, что он написал Chanteclaire'a², вот и все. Но Rostand оказался наравне с «ними» – с бессмертными. Отныне Bergerac «моя» книга, наряду с Фаустом, с Пушкиным. И вот, что странно, Bergerac'a и представить себе не могу в переводе, он весь французский, «с головы до ног». В Bergerac'e первым понял всю прелесть французского языка – Bergerac немыслим ни на итальянском, ни на русс[к]ом и, конечно уж, ни на немецком. Все так просто, сентиментально-остроумно. За то же любил «Трех мушкетеров». Bergerac – как шампанское. В русском переводе из него выйдет лимонад, а в немецком – пиво. Пишу вот сейчас, а в ушах так и звенит:

«Ce sont les cadets de Gascogne
De Carbon de Castell-Jaloux
Bretteurs et menteurs sans vergogne»^{3*}

* Член Французской Академии (*фр.*).

²* «Шантеклер» (*фр.*), пьеса Э. Ростана.

³* «Это гвардейцы гасконцы / Карбона Кастель Жалу! / Лгуны, хвостуны и пропойцы» (*фр.*), «гимн» гасконцам из пьесы «Сирано де Бержерак», перевод Вл. Соловьева.

Итак, узнал еще одну великую книгу, и за то спасибо Кельцам. Взял было после Bergerac'a письма Чехова², земство, перепись, Суворин – скучно, как квас. Да, кстати, прочитал P. Loti Japoneries d'automne^{4*}, почти нуль.

Кельцы, 3 марта

Что-то вроде того, что мы едем (именно едем, а не идем) на Карпаты. Перспектива такой поездки нравится. Прежде всего, эти 2–3 дня в поезде штука хорошая и хороший divertiss[e]ment*, ну а затем Кельцы надоели, надоели почти до одурения. Печальные жиды, которых то собираются выгонять, то берут у них «заложников». Печальные паны, обалдевшие от скуки Offiziere^{2*} и т.д. От марта жду многого. Мой месяц, всегда бывший для меня самым многозначительным, должен быть им теперь par excellence^{3*}. Почему-то уверен, что 6 марта буду произведен [в прапорщики]?!?

Читаю, читаю целыми днями, читаю газеты, письма Чехова etc. So geht's^{4*}.

Ветер рвет и мечет, шумит по крыше, думал сначала, что это артиллерия, оказался ветер. Чеб[ышев] скрипит на скрипке, тишина, блохи покусывают. So geht's.

Как это, однако, хорошо у Чехова. «Между “есть Бог” и “нет Бога” лежит целое громадное поле, которое проходит с большим трудом истинный мудрец. Русский человек знает какую-либо одну из этих двух крайностей, середина же между ними не интересует его; и поэтому обыкновенно он не знает ничего, или очень мало».

Кельцы, 6 марта

Видимо, мои «предчувствия» не попали в точку, сегодня 6-ое, а я в прежних рваных погонах. Тоска ужасная! Книг много, но их нельзя читать. В комнате постоянный кавардак, то играют на скрипке, то сплетничают. За день изредка выдаются минуты, когда остаюсь один, в тишине, эти минуты считаю блаженными. Но они так коротки и их так мало. Одинок изредка на улице, стараюсь свернуть с большой, людной «Русской» улицы в переулок, иду мимо старого костела, где так тихо, где веет стариной, и так мирно, малоллюдно. Делать ничего не могу, абсолютная протрация, толстею, болит голова и ничего не хочется. Хотя бы проветриться, на Карпаты что ли. О Карпатах пока молчат.

Кельцы, 10 марта

За эти дни можно было кой о чем написать, но, ей Богу, не было времени и, конечно, по прежним причинам. Sempre occupato* всякой чепухой.

Дня 3 стоит весна, небеса сияют, воздух чистый, в комнате открыли окно, весенний шум льется в комнату. Шумы своеобразные: жарят залпами по

^{4*} П. Лоти. Осенние японские штучки (1889) (фр.).

* Развлечение.

^{2*} Офицеры (нем.).

^{3*} Поистине, в полном смысле слова, по-настоящему (фр.).

^{4*} Вот так, так происходит (нем.).

* Постоянно занят (ит.).

аэроплану, так и гремит, кричат ура у собора – благодарственный молебен по поводу взятия Перемышля. Вчера эту новость получили с Юза, ура кричали и в воздух шапками бросали. Настроение по всем этим причинам победоносно-весеннее. Думаю, что комбинация с Перемышлем совершенно меняет карпатскую перспективу. So geht's. Весна, весна, в окна весной пахнет.

Кельцы, 11 марта

Да, весна, весна, весна. О ней только и можно говорить. Солнце, тепло, в открытое окно вливается свежий весенний воздух. И в сущности ничего не изменилось, но так весело, Боже, как весело. Ведь это моя первая весна, раньше весна проходила незаметно – за экзаменами. Теперь такая необычайная первая и единственная весна, которая никогда не повторится. Взятие Перемышля 9-го марта, какой это красивый символ и как гордо звучит эта нота в общем весеннем аккорде. Весна, весна, из окна слышно, как где-то далеко весело поют солдаты, галдят хлопáки. Небо безмятежно голубое. И почему это так радостно, неужели в душе человека радуется душа пробуждающейся земли. «Весна, любовь и блаженство», ей Богу, вот сейчас это совсем не кажется глупым и пошлым. Весна все переменяла, и глаза и уши стали другими. Хочется бежать без шинели, гулять и дышать весной. Ни о чем не могу думать, ничего не могу делать, весна все заслонила. И ничего не страшно.

«Все благо! Бдения и сна
Приходит час определенный»¹.

Люди другие мне не нужны, я один, один с весной.

Чирикают птицы, гулко стучат лошадиные копыта и вокруг все смеется, все голоса веселы, ярко блестят на солнце кресты собора и костела. Хорошо, Боже, как хорош мир, вся природа поет «Te deum laudamus»*.

Кельцы, 12 марта

25-я весна для меня сегодня начинается. Прожил такую уйму лет, а позади, в сущности, ничего, так, парение надо всем, наслаждение всем, чувствую себя все-таки мальчишкой. Жизнь впереди, жизнь светлая, интересная. Какой веселый день, отворил дверь на балкон. Весна, звенят колокола костела, сегодня польское Благовещение, кругом города холмы, покрытые лесами, чувствуется, с набухающими почками. Что-то предпасхальное чувствуется. Прекрасный день, первый день моего нового года. Я молод, весна, впереди не потеряны надежды, а на земле и на небе так много интересного. Никогда я не буду филистером, никогда не буду мещанином. Жизнь моя, может, будет сумрачна, но она всегда будет интересна.

Ну, положительно все лица смеются, на всех балконах паны и паненки. В первый раз я понял все чудо весны. Весна – это чудо, все люди вдруг стали другими. Будь я Фауст, я бы воскликнул сейчас весне «Verweile doch, du bist so schön»* и Мефистофель мог бы меня сцапать.

* «Тебя, Бога, хвалим» (лат.), христианский гимн.

* «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!» (нем.).

Вот она весна царица
В колеснице золотой
Гимн поют ей хором птицы
И природа веселится
Всей безгранной полнотой

Кельцы, 14 марта

«Плод пиитического рвенья»¹ – посвящение к комментариям (предполагаемым) к Фаусту

* * *

Давно, давно прочел я в первый раз
Великой книги вещие страницы,
То был сухой, небрежный пересказ
С поблекшими гравюрами Зейдлица
Где дух творения почти угас

* * *

Меня смущал строй непонятных слов
И лабиринт несвязных приключений
Не понял я таинственных основ
Не прозревал тебя безмерный гений
И был хулить великое готов

* * *

Но годы шли упрямой чередой
Я многое забыл и много бросил
Лишь Фауст ты* был верный спутник мой
И без тебя, я как ладья без весел
Весь мир грозит неожиданною бедой

* * *

Заветный том везде теперь со мной
Как Библии священные скрижали
Люблю его читать порой ночной
Когда все стоны жизни замолчали
И наступает царственный покой

* * *

Но странных чар постигнуть я не мог
Меня к поэме чудной приковавших
Твой Фауст Гёте – хилый полубог^{2*}
На жизнь познание дерзко поменявший
Был не понятен, чужд мне и далек

* * *

Преданье полюбил я с давних пор
О Фаусте ученом, в мрачной келье
Вступающем с чертями в разговор,
На Мефистофеле, то адское ущелье
То звездный прорезающем простор

* С.И. Вавиловым исправлен первоначальный вариант «Ты Фауст лишь».

^{2*} В оригинале – «полупог».

* * *

Мой Фауст был суровый, дивный маг
Средь фолиантов и тиши лабораторной
Изведавший вселенной свет и мрак,
Науки путь оставивший просторный
И сделавший в неведомое шаг

* * *

Мой Фауст был познания раб и жрец
А дьявол лишь орудие познания
Ужасен Фауста трагический конец
Но он небес получит оправданье
И мученика солнечный венец

* * *

Мечтатель твой – тоскующий поэт
Скучающий и ждущий наслаждений
Освободив его от уз прожитых лет
Его ты бросил в хаос приключений
И для него угас науки вечный свет

* * *

Но я твою поэму полюбил,
Задумчивость ее, дыханье тайны
И буйную игру стихийных сил
Где неизбежно все и всё случайно
В мгновеньи вечность ты отобразил

* * *

Я полюбил гармонию стихов
И мудрости алмазные кристаллы
И Фауста вновь перечитывать готов
Всю жизнь мою, как Библию сначала
Как откровение он вечно нов

* * *

Гремит над миром бурная гроза
Но буйным смерчем в бурю завлеченный^{3*}
К тебе, как прежде, устремив глаза
В тоске стою коленопреклоненный
И падает печальная слеза

* * *

Германии седая старина
Угрюмый^{4*} Нюрнберг и вечный Гёте
Ученых чудаков наивная страна
Я не забыл вас. Вновь вернется лето
И успокоится свирепая война

^{3*} В оригинале «завлеченною».

^{4*} «Угрюмый» вписано поверх зачеркнутого «И дряхлый».

Кельцы, 18 марта

Я не узнаю себя, ни в зеркале, ни in me*. Какое-то «потустороннее существование», какая-то тень вместо живого человека. Дни проходят почти механически. Единственный интерес – когда же меня произведут! Жду, в сущности, с часу на час, но ни в одном часе не уверен. Сейчас Страстная неделя. Настроение, конечно, совсем не то, которое бывало там, в Москве. Хожу в церковь, но механически, для компании. Стою на клиросе, переглядываюсь с девицами. На улице, несмотря на дрянную погоду, чувствуется Пасха, в окнах куличи, в аптекарских магазинах всякие снадобья для крашения яиц. В цукерне^{2*} «разыгрывают пасхальную бабу», в колбасных кобиты^{3*} и паны закупают окорока и колбасы на «Свѣнты»^{4*}. Все, в сущности, хорошо, но недостает самого себя. И голова не работает, и во сне снятся неизбежные цепп[е]лины с бомбами. О войне задумываюсь мало. Читаю газеты, механически высказываю всякие «стратегические» соображения – но это все так, впустую. Лень объяла абсолютная. Физика... но о ней и ее забыл. Вон там, на ящике лежит Хвольсон, но я до него не дотрагиваюсь. Рядом почивает записная книжка с начатыми январскими размышлениями о Gravitationsproblem – но она почивает вот уже 2 месяца. Почти 3 месяца прошли с 1 января, и ничего не помню, что делал я эти три месяца, как будто бы и [не] жил. Господи! Как это отвратительно, чувствовать себя «живым трупом». А это так. Суждено или нет мне то, о чем мечтаю – тишь лаборатории и библиотеки. Мне бóльшого не нужно. Читаю опять Фауста, Mick[i]ewicz'a...

20 марта. Кельцы

Великая Пятница

Утро моих именин ознаменовалось своеобразной симфонией. Налетело сразу 8 штук австрийских аэропланов и швырнули 15 бомб. Противное жужжание над самой головой, взрывы бомб, ружейная трескотня – музыка неприятная. Сидишь и ждешь, что вот сейчас бомба проломит крышу и разобьется в наших апартаментах. Погода сияет, и ко всему сладкая элегия Великой Пятницы. Будь я в Москве, пошел бы опять с И.Е. [Евсеевым] в Успенский собор и опять бы пережил трогательные минуты. Именно трогательные, элегические, а не священные, таинственные.

Вот уже дня 3 люблюсь в «Лукоморье»¹ прекрасной репродукцией иконы XV в. «Положение во гроб». Это чудо искусства, такое же чудо, как фрески П[ьеро] д[елла] Фр[анческо] в Arezzo, как Марсий и Аполлон Рафаэля. Сначала о содержании, вот оно как раз глубоко трагически-трогательно. Целая семизвучная гамма тоски и печали. Наиболее выразительна скорбная фигура в оранжевой одежде в верхнем ряде. Тихая, пассивная грусть женская. Центральная фигура в красном плаще – окаменевший вопль. Белая, запеленатая фигура Христа, бледная, как смерть, – объект этой грусти, этого вопля и сама сплошной ужас, воплощенная печаль. Но никакой тайны, никакого следа этой таинственной формулы «Отец, Сын и Дух Святой». Эта икона – элегическая поэма, но не мистическая страница Евангелия. Пожалуй, священен тон,

* В себе (лат.).

^{2*} Кондитерская; cukiernia – кондитерские изделия (польск.).

^{3*} Kobieta – женщина (польск.).

^{4*} Праздники (от польск. święto – праздник).

красочная симфония этой иконы. Кроваво-красный, желтый, оранжевый и белый, «как Смерть». Но страстная неделя вся – только эта икона. Больше за мои именины пока ничего не случилось. Сейчас иду на вынос плащаницы.

Был на выносе. И опять, как прежде, почти плакал. Было томительно грустно, вспомнил Лиду. Бедная, что от нее осталось. После плащаницы пошел по здешним костелам, везде поставлены трогательные, детски-наивные гробики. В костеле «Свѣнтаго Кшиша»* в нише бокового алтаря устроена бутафорская пещера, с картонными «Римскими воинами» по сторонам. Горят свечи, кругом елки, свечи, в ветвях елей щелкают канарейки. Красиво и детски наивно. Наверху надпись «Wykonano się»^{2*}. Подобный же гробик в каф[едральном] костеле и в больнице Св. Анны. На улице солнце и вся эта погребальная печаль такая в сущности радостная. Весна – Христос Воскрес – это все знают и сквозь явную печаль^{3*} так и сквозит полная радость. У нас в церкви «погребение» глубже, печальнее, серьезнее [–] «для взрослых». А в костѣлах, Боже, как наивно. В Великую Пятницу нужно бы бурю, дождь, а почти всегда сияет весеннее солнце. Но главное, повторяю, в Великой П[ятнице] отсутствует истинная религия с ее тайнами и недосказанностями, просто грусть и печаль похорон.

Сейчас 8 ч[асов] вечера. Грустно. Именины, вот они и проходят, всем «все равно», вспоминаю Москву.

На горизонт из-за Корчевки² ползут тучи. Чебышев пилит что-то тоскливое на скрипке. И эти ужасные бомбы в В[еликую] Пятницу. Грустно, грустно. Нехорошо на сердце. Лида, Лида, вспоминаю тебя.

Романтическая ночь. Не знаю почему, под впечатлением ли Плащаницы и «гробиков», или заунывного пиликания на скрипке, но вдруг решили с Чебышевым идти на кладбище. Наняли извозчика, захватили револьвер. Извозчик – пан молчаливый и, видимо, виды выдавший. Кладбище в 1/2 версты за городом, на Моравицком шоссе. Остановили у кладбища, калитка не заперта. Вошли. Тихо. Небо ясное, сравнительно светло. Бредем по дорожкам мимо памятников. Кладбище богатое, памятни[ки] тяжеловесные, темными таинственными дырами зияют открытые двери склепов. Это самое страшное. Идем, так сладко и жутко. Ночная весенняя свежесть. Тихие звезды, жуть кладбища и на душе элегия. Что-то простучало, не то сторож, не то мертвец своими костями. Страшно. Побродили, вернулись к пану, опять по шоссе в Кельцы, слезли у костела, зашли туда, посмотрели еще раз на бутафорский «гробик» после настоящих мертвецов и вернулись домой.

Так минорно прошла Великая Пятница и мои именины. Церковь, кладбище ночью и грусть. Ничего радостного и ничего потрясающе печального.

Кельцы, 22 марта, Пасха

Пасха совсем похожа на настоящую Пасху. Заутреня с уютно мерцающими огоньками иллюминации, с гремящим и торжествующим «Христос Воскресе». Христосование. Пасха, кулич, яйца на столе после заутрени. И идеальная пасхальная погода. В воздухе как-то томительно тихо, по-праздничному скучновато.

* [Kościół] Świętego Krzyża [w Kielcach] – [костел] Святого Креста [в Кельцах] (польск.).

^{2*} Сверхилось! (польск.).

^{3*} Вместо зачеркнутого: «скрытую печаль».

Сейчас сижу у раскрытой двери на балкон. Колокола переливаются. По улицам тихо, размеренно шагают кельчане, нарядные, праздничные. На столе кулич с пасхой. И весна, веселая весна. Пожалуй, это и не Пасха, а просто весна, весна ликующая, весна – воскресение жизни. Не знаю, но так хорошо.

Впрочем, с утра гремит артиллерия, и только сейчас над городом носился немецкий белый Albatros*.

Пасха даже похожа на московскую; или Пасха везде одна?

Война, как посмотришь с балкона вниз на мирный, благочинный городок, как-то совершенно ускользает из внимания.

Над городом опять сейчас крутится какой-то мерзавец. Особенно противно его жужжание.

Вчера были минуты полного отчаяния. Узнал, что будто бы вернули «представления» за неимением свободных вакансий. Впоследствии это оказалось не так. Но эта гадость навела на меня самую черную меланхолию.

Что бы чувствовал Faust, если бы он был еще Magister, а не «Doctor gar»^{2*}, а был бы только на пороге получения докторской степени. И вот пусть бы в философическую Osternnacht^{3*} получил бы он известие, что с получением степени надо проститься. Пожалуй бы содержимое фиала^{4*} и очутилось бы, в желудке почтенного магистра. Все дело в том, что все эти мелкие шпильки колят куда больше, чем плач о том, «Dass wir nichts wissen können»^{5*}. Эти шпильки колят совсем в другое место. Вот такую-то шпильку вчера, в В[еликую] Субботу я и получил. Кажется, извлек благополучно, ma chi lo sa?^{6*}

Кельцы, 25 марта

Тишина... Сейчас один в комнате. Все ушли в «Apollo», где для всей роты будут давать «Nitouche»*. Не пошел, потому что хотелось хотя [бы] на миг остаться одному, потому, наконец, что там, в театре, в присутствии всего батальона особенно сильно чувствовалось бы мое идиотское официальное положение. А сейчас один, да вот еще на полу растянулся Шайтан, но от его присутствия еще тише^{2*}. Дверь на балкон открыта. Тепло, небо затянуто, но спокойно и не хмуро. Только в такой тишине немножко начинаю узнавать себя, Кельцы расплываются и перед глазами опять Москва, книги и физика. Физика... неужели мне удастся вновь стать физиком?

Хорошо бы отгородиться от всяких случайностей и в мирной лабораторной тиши прожить spatio breve^{3*}. А сейчас кругом только сон.

Я давно бросил всякое Weltan[s]chauung^{4*}. Когда-то так наивно писал длинное рассуждение под титулом «Мое мирозерцание», где доходил

* «Альбатрос» (нем.) – одна из моделей немецкого аэроплана.

^{2*} Полный доктор (нем.).

^{3*} Пасхальная ночь (нем.).

^{4*} Чаша, кубок.

^{5*} Что мы ничего не можем знать (нем.); слова Фауста из 1-й сцены I части поэмы; «что не дано нам знания» (перевод Н. Холодковского).

^{6*} Но кто его знает? (ит.).

* Название популярной французской оперетты Ф. Эрве «[Мадемуазель] Нитуш» (фр.).

^{2*} Далее зачеркнуто слово «Окно».

^{3*} В короткое время (лат.).

^{4*} Мирозерцание (нем.).

от α до ω . А теперь мир для меня сумбурная мозаика, в которой я различаю миллионы кусочков, иногда несказанно прекрасных, иногда отвратительных, но целого, той картины, в которую складываются эти кусочки, не вижу, да и не хочу видеть. Я физик, физику люблю больше всего на свете, за ее ясность, глубину и в то же время вечную загадку. Но у меня нет физического мирозерцания. Для меня физика отчасти только *modus vivendi et non plus ultra*^{5*}. Я совсем не эстет, одной внешности не люблю и не понимаю. И что я такое. Пожалуй, правда, что я чужак.

Ночью

В час ночной, когда туман блестящий
Улетает с солнцем до утра.
Посмотри на небо, смертный, зрящий
Мир глазам открылся настоящий
Сдернут свод лазурного шатра
Шар земной ничтожный и презренный
Неизменный совершает путь
К цели странной, вечно-сокровенной
И оков таинственных вселенной
Не дано судьбою разомкнуть
Что свершается, должно было свершиться
Книг судеб заполнены листы
Перевертывай суровые страницы
И оставь безбрежные мечты
Не напрасно ль к неизбежному^{6*} стремиться.

{Анекдот. Говорят, к В[верховному] Главнокомандующему, в его распоряжение прислали миллион яиц к Пасхе. «Что с ними делать?» – сказал В[ерховный] К[омандующий]. «Отдайте их полякам, все равно после войны они не получат ни хуя, так пусть хоть яйца будут»}.

Кельцы, 28 марта

Дни проходят по-прежнему, по-пустому, по-прежнему жду своего производства – удивительно мучительная штука это ожидание, по-прежнему хватаюсь и за то, и за другое, и в результате ниц*. Сегодня хотя [бы] некоторое разнообразие. Прежде всего, наконец, попал в синагогу. Вчера здешние жида расклеили по городу объявление, что в субботу будет благодарственное молебствие по случаю получения Высочайшей благодарности. В чем и за что эта благодарность, я так и не знаю. На молебствие мы, конечно, опоздали. Перед нелепой кирпичной, новой синагогой сутились жида и жиденята в праздничных лапсердаках. После молебствия начиналась какая-то другая служба. Жида почтительно расступаются перед офицерами. Синагога – огромный сарай, похожий не то на банковскую контору, не то на биржу с выкрашенными масляными стенами, с каким-то возвышением, «лобным местом» на середине, в глубине какое-то подобие алтаря с вызолоченными

^{5*} Образ жизни и ничего более (*лат.*).

^{6*} «Не напрасно ль к неизбежному» вписано поверх зачеркнутого «К неизбежному зачем тебе».

* Nic – ничего (*польск.*).

частями, с красной бархатной занавеской, расшитой еврейскими иероглифами. Синагога набита битком. На хорах сидят жидовки, а внизу одни лапсердаки, галдят, суется, дерутся и, видимо, сами не знают, что делают. На «лобном месте» с десяток дряхлых иудеев с полосатыми покрывалами на головах, драные, рваные, грязные, что-то бормочут, кричат, качаются около кафедры, взащей гонят с «лобного места» взобравшихся жиденят. Чего-нибудь такого, к чему бы было приковано общее внимание, не заметил, да и религиозного ничего не заметил. Какой-то сплошной кавардак. Но совсем не смешно, я смотрел с широко раскрытыми глазами. Седая древность, первоисточники всей нашей духовной культуры смотрели на меня. Было даже жутко. Ведь в самом поганом жиден[к]е тайна и какая-то невидимая нитка тянется от него чуть не до Адама. Из синагоги, захватив Кодак, пошли на Корчувку – наконец-то собрался. Вот уже 4-й месяц любовался из окна этим старым монастырьком на вершине красивого холма. В поле совсем уже весна, озимые показались, набухает сирень, чирикают какие-то птахи. Солнце светит во всю Ивановскую. От города до Корчувки версты 1^{1/2}. В[з]обратились на зеленый холм с сосновым леском. Монастырь старый, заброшенный, стены облупились и сплошь записаны фамилиями всевозможных Янов и Станиславов. Вошли в развалившуюся калитку. Италия! Этот узкий дворик с зеленой травой, с двумя белыми стенами по сторонам, с лесенкой кверху в глубине и со старыми можжевельниками, заgrimированными под кипарисы, и наверху голубое, голубое небо – да это самая интимная Италия, Италия уютных монастырских уголков, поэзии кипарисов и священного молчания... По лесенке поднялись к площадке. Вход в церковь, спуск в чашу и фруктовый сад. Двери костела, лесенка [–] все барочное. Монастырь основан в 1628 г. Разыскали пана органиста, походили по развалившимся кулуарам монастыря с тесными келейками. В одну вошли: распятие, у окна в нише сидение и столик, на столике *Breviarium*^{2*} 18-го века с рукописными заметками. Монахов уже давно нет. По стенам коридоров развешаны лубочные иконы. Сам костел подновлен, голые стены и алтари, хороша кафедра рококо. Побродили около монастыря, подышали монастырским уютом и первой весной и пошли домой. После жидовского начала такой тихий благородный аккорд монастырского очарования. Нет, жида – это совсем не мы, у них много тайны, а у нас красота, благородство и элегия. Говорю «у нас», потому что здесь, в этой дряхлой Корчувке чувствовал себя «дома», не у чужих, дышал «своим». Вспомнил далекое Fiesole, там все глубже, все сильнее, но звук тот же...

{Вчера по аэропланам жарили шрапнелью и из пулемета, будто бы один подбили – сегодня, кажется, по этой причине гостей уже нет}.

Прочитал две книжки Мережковского «Было и будет»¹, «Некрасов и Тютчев»². Какая-то касторка, а не книги.

Кельцы, 30 марта

Омерзительная погода, дождь, снег, холодно. Целый день вращаюсь около своей койки, добыли четверть спирта «для промывки типовых колес», приготавливают 45° раствор. ... Газеты, и больше, кажется, ничего. *Schauderhaft*!

^{2*} Бrevиарий (*лат.*) – молитвенник римско-католических священников, состоящий из коротких отрывков текстов, употребляемых при богослужении.

* Ужасно! (*нем.*).

Кельцы, 4 апреля

Сегодня читал в хвольсоновском кирпиче статью о принципе относительности, блаженной памяти. Между прочим, наткнулся на ужасающий недоумок во всех поспешных выводах из результатов опытов Michelson'a e di tutti quanti*. Опыты поставлены с целью определить движение Земли относительно неподвижного эфира. В результате получаем это движение практически равным нулю. Почему-то все эти Loren[t]z'ы, Einstein'ы etc. положили как постулат, что скорость Земли относительно эфира есть 30 км в секунду (вот он истинный ужасающий постулат теории релятивности). Отсюда и вся суматоха, и сокращение линейных размеров, и относительность времени и пр. Но на каком основании можно думать, что скорость земли относит[ельно] эфира – 30 км!?! Это ее скорость относительно Солнца. Но уже известно, что вся солнечная система находится в некотором поступательном движении, и кто может поручиться за то, что весь Млечный путь не движется вокруг какого-нибудь неизв[естного] центра! Бог ее знает, скорость Земли! Она, быть может, очень мала; может быть, приближается к нулю, и тогда результаты опытов Michelson'a и прочих просты и понятны. Из них трудно сделать какой-нибудь физический вывод, но прекрасный вывод астрономический: Земля находится в приблизительном покое относительно эфира. Вывод этот не страшнее, чем метафизика Loren[t]z'a и Einstein'a. Обо всем этом надо подумать, хотя это и чрезвычайно просто.

Апрель, а я все еще in status, quo ante^{2*} и это меня страшно гнетет. Здесь все та же тишина и провинция.

Кельцы, 7 апреля

Вчера и позавчера послал две заметки о своем толковании опытов Michelson'a, одну в В.О.Ф.¹, другую Лазареву. Я все-таки немного побаиваюсь, настолько просты вещи, о которых я говорю. Это ведь вроде «А король-то голый». Пользуясь формулой из книги Хвольсона $N = a \cdot v^2/c^2$ и подставляя в лев[ую] сторону результаты опыта Майкельсона, получил для компоненты абс[олютной] скор[ости] Земли в напр[авлении] годового обращ[ения] Земли 4,56 км в секунду. Конечно, ручаться нельзя, что это абсолютная компонента, так как весьма возможно, что и в напр[авлении] перпендикулярном комп[онента] скорости не равно 0, а опыт Майк[ельсона] измеряет только разницу скоростей в том и другом направлении. Ну, бэнде цо бэнде*, я доволен уже тем, что голова не отвыкла еще работать «физически».

Проснулся сегодня от выстрелов. Стреляли по аэроплану. «Встреча» теперь делается им грандиозная, бахают пушки, гремят залпы, трещат пулеметы. Впрочем, все без толку, попаданий, кажется, нет.

Вчера поехали на велосипедах в Хенцины (14 в[ерст] от Кельц). Это 2-я моя большая поездка на велосипеде. 1-я была в Звенигороде лет 8 или 7 тому назад. Дорога (Краковское шоссе) идеальная, сухо, твердо, небольшие горы и уклоны. Пейзажи прямо на 5+, какой-то Энгандин или Италия. Хенцины почти фантастическое местечко, у подошвы высоченного, каменистого

* Майкельсона и всех остальных (*ит.*).

^{2*} В прежнем статусе-кво; в положении, существовавшем до [войны] (*лат.*).

* Będzie co będzie – будь что будет (*польск.*).

крутого гребня уступами расположилась эта жидовская дыра, всюду камень, солнце жарит, длинные прямые улицы, поднимающиеся к холму. А на гребне «выходец с того света». Каменный замок с 2-мя круглыми и одной квадратной башней. Сколько ему лет? Бог знает, вероятно, 400–500. Формы самые архаичные, лапидарные, время выветрило, уничтожило всякую мелочь и детали, остался грозный скелет, который одиноко торчит на[д] гребнем, пугая своим диким силуэтом. Там внизу копошатся жида и жиденята, сидят солдаты в грязных цукернях, продают «Вечерние телеграммы Келецкие» – а этот замок стоит и молчаливо смотрит. Смотрит и на жиденят и туда – на Ниду², где узкими полосками друг против друга стоят две враждебные рати.

Мой велосипед сломался у самых Хенцин, на заднем колесе лопнула шина, а на переднем что-то случилось со втулкой и вывалилось несколько шариков. Какой-то чин, который вез на возу с сеном мотоциклетку, сказал, что в 1½ в[ерстах] от Хенц[ин], по направлению к Ниде стоит команда мотоциклистов, поехали туда. Проехали версты 4, над Нидой зловеще висит австрийская «колбаса», кругом пустыня и тишина гробовая, а солнце жарит и слепит. Немного жутко. Я на своем искалеченном велосипеде еле двигаюсь, наехал на 4-х пестрых кобит, мирно беседовавших по дороге [-] «матка боска, цо то ешь»^{2*} и разбежались.

10 апреля, Кельцы

Меня 7-го апреля прервали. Пошли в «экономку» за покупками. Оказывается, за время моего отсутствия произошло событие – получена телеграмма от Эверта о моем производстве [в прапорщики]. 8-го я осмелился надеть погоны (хотя извещения от батальона не поступало до сей поры).

Итак, von nun an^{*}, я, кажется, прапорщик, денщики^{2*} называют «Вашим благородием», и через нек[оторое] время и мне дадут денщи[ка] и прочие блага. Я, конечно, доволен, не собираюсь делать кислых мин с выражением «мне все равно». Сегодня возобновил дежурство по станции и сижу сейчас в комнате Юза. Почти доволен. Меня пугает только «far niente»^{3*}.

Кельцы, 16 апреля

Да, все Кельцы и Кельцы, senza fine^{*}, ведь оказалось, что это мой второй город после Москвы, нигде я так долго не жил. Война уже потеряла для меня свою настоящую физиономию, смотрю на нее почти по-частному. С новым положением осваиваюсь, хотя, по-прежнему, чувствую только маскарад. Я, быть может, раньше любовался офицерством – «скольжением над жизнью». Стоять «вне жизни» – это участь военных, попов, ученых, художников. О том, что я весь в «зеркальном» существовании, повторять не стану, но я могу быть только ученым, остальное для меня закрыто.

Сегодня представлялись новому нач[альнику] шт[аба], ген[ерал]-майору Никитину.

^{2*} Матерь Божья, что это (*польск.*).

^{*} С этих пор, отныне (*нем.*).

^{2*} В оригинале «деньшиги».

^{3*} Ничегонеделанье (*ит.*).

^{*} Без конца (*ит.*).

Жизнь стала совсем плоской, без красоты, без мысли. Время от 10 ч[асов] утра до 12 вечера провожу то на фланировании по Русской, то в чтении газет. Сажу в бильярдной и смотрю, как другие катают шары. Цукерня. «Аполло», «Серсо», где дошли до «Наполеона и Жозефины»¹ и чеховского «Предложения»². Становится досадно и пессимизм просыпается отчаянный. Жить белой в колесе, Боже, как это ужасно. Хочется работы, работы нужной, работы своей.

Завелся у меня всякого рода комфорт, о котором я забыл в те примечательные Wander-Monaten^{2*}. Кстати, об этом прошлом вспоминаю мало, но это прошлое было интересным, куда интересней, чем настоящее, оно было романтично, там была поэзия, быть может, и элегическая. Появился у меня и денщик Пашко, парень, кажется, славный. Сейчас дежурю один, рядом механик чинит Юза, за окном блестяще и холодно.

Война – бенефис армии, но, кажется, прощальный – это в воздухе чувствуется.

Кельцы, 19 апреля

Не случилось ничего. Немножко становится жутко. Тишина, кажется, перед грозой. Сегодня воскресенье, сияет солнце, жарко, великолепная прозрачная весенняя зелень, а издали целый день слышна стрельба. Австрийцы, кажется, пытаются начать наступление с обоих флангов нашей армии, а, *entre nous soit dit**, наша армия, кажется, сплошная дыра, фронт невероятно жидкий. Самое приятное все эти дни – мир Божий, такой красивый и наивный весной. Вчера ночью вышел на балкон и сидел с полчаса, глядя на звезды. Ведь это сыпь вселенной. Пространство между светилами заполнено энергией, излучаемой всеми ими, а они сами, таинственные излучатели – берут ее откуда? А что, если бы прошли мириады световых годов и вся энергия равномерно распределилась бы равномерно^{2*} по безмерному пространству. Настала бы Нирвана – ничто. Движение, жизнь создает только разность потенциалов – исчезает она, исчезает все. Мира нет, где та разница, которая разделяет сущее от несуществующего? Мир, равномерно заполненный энергией, столь же пуст, как и мир пустоты. Внизу на костеле уныло звонят часы, шумят колеса, гремят пушки – и какая это пыль в сравнении с той небесной пылью, засорившей вселенскую пустоту.

Я окончательно потерял самого себя.

Кельцы, 20 апреля, вечером

Вот уже несколько дней настроен меланхолически. Почему? Не знаю. Влияет странная скука-тоска, когда приходится спасаться газетами и противными на ощупь и вкус желтыми книжонками «Универсальной библиотеки»¹, коротать время в преферанс и в ужасе искать спасительного одиночества. Влияет и война, «они» – эти странные «они» [–] ползут и лезут во все щели, там, около Либавы, здесь на Львов, и становится жутко. У нас на фронте

^{2*} Месяцы странствий (*нем.*).

* Между нами (будь сказано) (*фр.*).

^{2*} Так в оригинале.

31[-го] корпуса «они» лезут (Мстисл[авский] полк отбил атаку). Мне не страшно за жизнь, и даже не за Россию – мне как-то больно и стыдно.

Опять спасаюсь у неба, выхожу на балкон и смотрю на это безмерное «все». Ради этого всего и живу. Но, вдруг, опять становится жутко и как-то невольно слагаются две строки из несуществующего стихотворе[ния]:

«Зачем же небо без границ,
И где же ты, Творец?»

Это уж жуть вселенская – от которой спасенья нет. Да, как-то все жутко – кругом.

Получил письмо от мамы: «8 апреля пойдем на кладбище, Лиде – полгода». И опять вспомнилась ужасная ночь 7 ноября, ночь безысходного ужаса.

Так все, и небо, и люди, и письма, и сам себе – все внушает жуть и страх. Куда спастись? В физику, в науку – по-прежнему. Остальное все преходяще и мимолетно.

Радом, 23 апреля

Итак, значит – событие. Событие почти гнусное. Меня командировали из батальона в какой-то военно-дорожный отряд при 4-й армии. Я брыкался, старался выкарабкаться, но пока все усилия тщетны. Рота и Кельцы оказались почти родными при прощании. Вчера сели (со Шварцем) в поезд, пошли всякие Лочна, Сухеднюв, где-то слева прожужжал аэроплан, и ночью в Радоме. Остановились в Европейской гостинице, где и пишу сейчас. Ощущение сквернейшее. Утром шатался по разным подполковникам, потом обед, синематограф «Чары»... и спать. Жизнь ужасная, не мирная, но и не война, но нудный и почти постыдный быт тыла. В городе из военных прапорщики с безразличными погонами, разные делопроизводители, автомобилисты да городские. Все наращивают жир, получают огромные деньги, служат молебны, устраивают иллюминации.

Город больше Кельц, но скучный и однообразный, никакой шири и горизонта. Почтенные дома, сады и магазины, старины совсем почти не чувствуются. Кофейни закрывают в 10 часов. Госка.

А там, на фронте, творится что-то грустно[e], 3-я армия отходит на Вислок¹, пятится и наш корпус. Пожалуй, Келец больше и не увижу.

Или домой, или в роту, но только не здесь, в этой мертвечине и провинциальщине. Все ходят такие жирные, масляные, и такое глубокое мещанство, что готов бежать.

Жаковице, 24 апреля

Метался целый день, как бесноватый, из Радома в Жаковице, из Жаковице в Радом, из Радома в Высняки*, оттуда опять в Радом и, наконец, опять в Жаковице. Меня назначили командиром всего ротного обоза (150 людей и 150 лошадей), я должен был его разместить в фольварке Высняки. Фольварк уютный, старый дом, помещицья простота внутри, управ[ляющий] пан Липинский, хлыщеватый jeune homme^{2*}, хотел было ночевать у него, но ночью

* В дальнейших записях Вавилов использует разное написание названия этого фольварка. Правильно: Восники.

^{2*} Молодой человек (*фр.*).

в Жаковице у кожевенника, жида Адлера. Целый день занимался организацией. Люди совсем не военные, только что мужики – кое-как обмундированные. Как мужики, да еще старые, очень добрые, милые – но прямо дети. Комическая армия, без винтовок, без погон, частью и без кокард – просто мужички. И как безропотно они все сносят. Страшно их жалко. Конечно, это не армия. Только теперь постигаешь всю ценность кадровых. А что «там» творится – не знаю. Вечером получил от Поройкова телеграмму, обнадеживает. Кстати, Поройков во многом страшно похож на И.Е. – даже внешностью.

Сегодня действительно целый день работал.

25 апреля, фольв[арк] Восники
в 3-х в[ерстах] от Радома

Первый раз за 10 месяцев испытываю вновь радость одиночества – опять один с самим собою, да вот еще денщик, какой-то хохол, не то Масюр, не то Машрюк, пар[е]нек 28 лет. Какие они несчастные, эти старички. У этого ни отца, ни матери, 4 детей, был и в Ивангороде, и под Львовом, теперь попал в этот злосчастный военно-дорожный отряд.

Поселился в фольварке Восники, обоз 4 (рот)* (150 лошадей) и столько же людей) разместились по деревне. Старички тихие, скромные и жалкие. Дом старый, пан бывает наездами, живет управляющий Липинский. Фамилия пана Прушак, чуть-чуть не пруссак. Лакей рассказывает, что они просидели тут и немецкое и австрийское нашествие. Конечно, куча деталей о грабежах ружей, подушек, лошадей и пр. Немецкое пьянство, толщина etc. Речи, как всегда, двусмысленные, что-то неискреннее сквозит, Бог их знает, этих панов – они просто индифферент[н]ы.

* Так у Вавилова.

Да, я сейчас один, уютно горит лампа с зеленым абажуром, за окном садик с великолепными каштанами. Только что была гроза, воздух чистый и свежий. Весна, деревья.

А в доме тихо.

Впрочем, удрать мне из отряда хочется по-прежнему. Слишком много канцелярски-организационной работы, к которой не способен, и уж слишком жалко мне этих старичков. Что делается там, на фронте, не знаю. Не думаю сейчас ни о войне, ни о доме, а наслаждаюсь весенней свежестью, задумчивостью дома и одиночеством. Правда, странный момент, я забыл обо всем и ни на что не надеюсь, почти «*Verweile doch, du bist so schön*»^{2*}.

Южно-зеленые каштаны
И пряный аромат весны
О вы обманчивые сны
И мимолетные дурманы

Здесь в старом доме жуть и тишь
И одиночество так нежно
Весь мир раскинулся безбрежно
А ты мечтаешь и паришь

Лети, пока выносят крылья
А крылья сломлены – умри
Стой у божественной двери
И Бог простит твое бессилье

26 апреля, Высники

Та же идиллическая обстановка, вышел сейчас в сад перед домом. Атласное небо, а на нем переливаются звездные алмазы, мощные силуэты каштанов, а ночь полна звуками. Неутомимо трещат лягушки, из деревни шумит буйная полька с бубном и гармоникой. Вот все замолкло и совсем издалека слышны выстрелы – здесь в таком глубоком тылу это куда более жутко, чем там – прежде. Гудит паровоз, с востока ползет туча. В старом доме освещены окна. Какой уют, мир и тихое биенье жизни. Пейзаж почти трагический. Эти глухие удары пушек сразу меняют картину. Да, здесь слышна трагедия. Но, Боже мой, какая красота во всем. Небо со своими вечными загадками, старая усадьба с дряхлыми сединами и молодость и лихость польки. Пробыть 5 минут в этой насыщенной красотой атмосфере – почти счастье и Бог послал мне его. Я готов жить только для этих ночей, только для этой блаженной и божественной красоты. Все сразу становится таинственным, а для тайны стоит жить.

А война, иногда она застигает передо мною все горизонты, растет, давит и душит, порой становится деталью, еле заметной мелочью. Там сейчас творится что-то грозное, но я так далеко и здесь так красиво.

Дни проходят. С военным мундиром срастаюсь и маскарад начинает переходить в явь. Солдатики у меня почти игрушечные, почти дети. Все хохлы. Фамилии прямо из Гоголя: Хоменко, Лопай, Горкуша, Аначенко, Каган, Пойда, Скрипка, Чабан, Ежик, Трегуб, Боговик u.s.w.*

^{2*} «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!» (нем.).

* И так далее (нем.).

28 апреля, Высники

За три дня установился приблизительный «modus vivendi»*. Встаю в 9 ч[асов] утра, дочитываю газеты, иду в обоз, даю распоряжения и нравоучения, в 11 ч[асов] подают телегу, на которой скачу сначала к Шварцу, в завод Адлера, оттуда с ним в город, где обедаю и пр[очее], часа в 4–5 возвращаюсь сюда. Настроение сейчас тревожное. В газетах недомолвки и увертки, по дорогам отступают бесконечные транспорты, сегодня из Конска на Радом прилетело 3 аэроплана. В городе показались штабные и, к[a]к кажется, штаб армии уже в Радоме. Связи с Кельцами больше нет. Итак, очевидный отход. Куда? Бог знает. Я теперь сижу со своим обозом и побаиваюсь, как бы о нас не позабыли. Здесь, в этом ужасном тылу, всякая мелочь принимает гигантские размеры. Война нестерпимо затягивается. С нашей стороны какое-то абсолютное отсутствие стратегической талантливости. Вчера дежурил по отряду и раздавал жалованье 4-ой роте. Опять изумительная коллекция фамилий: Бричка, Скрипка, Кривокобыла и т.д. Они все, между прочим, и по-русски плохо понимают. Выбраться из отряда хочется по-прежнему.

29 апреля, Высники

Ночью было жутко. В комнате совершенно темно, окна закрыты ставнями. Мыши скребутся повсюду, чуть ли даже не в матрасе, чудились какие-то подъезжающие автомобили и чуть ли не немецкие разьезды. Сегодня и солдаты спрашивают: «Правда ли, мы отступаем?»

Штаб армии в Радоме, сегодня всякими дипломатическими путями его разыскали. В деревне остановился пост летучей почты района Шидловец–Радом, надо думать, там штаб корпуса (может быть, и нашего). Вот и все, что знаю. Страшно грустно.

К вечеру по-прежнему сижу один на фольварке. Сейчас только приказал сломать замок стодола¹ в одной халупе. Дура-кобета не пускает туда солдат, хотя стодол пустой. Операция будет произведена в присутствии солтыса². Опять маскарад, теперь еще более странный. Где же «я», я – настоящий. Осталась чужая оболочка. Действую, как чужой, даже думаю, как чужой. И где мои пенаты. Что стал бы я сейчас делать, если бы вернулся домой, в нормальную обстановку? Не знаю.

30 апреля, Высники

Завтра 1-е мая. Ровно 5 месяцев тому назад начали уходить из-под Кракова. По всем признакам думаю, что завтра предстоит начало более серьезного отхода – за Вислу. Через мирные «Восники» ползут всякие тыловые обозы, иногда застревают. Сейчас, напр[имер], рядом со мной в комнате ночуют какие-то «гуртовщики» в офицерской форме – гонят голов 300 скота. У панов настроение подавленное. Говорил с управляющим фольварка. Пан иронически что-то бормочет о «стратегической ситуации» и о том, что у них скоро будут немцы. Факта не отрицаю, говорю только, что отход добровольный и что за Вислу собирались чуть ли не 3 месяца тому назад. «Так, но нам-то какво, у меня 1500 пудов хлеба в сарае». Да, для того, чтобы быть теперь

* Образ жизни (лат.).

паном, нужно колоссальное дипломатическое искусство. Панская «двусмысленность» и неопределенность почти понятна, это орудие самосохранения. Панов нужно смотреть и изучать после войны, они сейчас в состоянии самого неустойчивого равновесия.

Вышел сейчас в сад перед домом. Прелестная светлая предмайская ночь, старый дом кое-где освещен и выступает элегическим светлым пятном среди древних каштанов. На дворе веселье, бубны, губная гармоника. Лихо отбивают польку и мазурку, вертятся пары. Как-то невыразимо грустно глядеть на это веселье. Пройдут 2–3 дня, здесь будут Шмидты, Мюллеры и всякие *Haudegen**. Что-то вроде «Пира во время чумы»¹. Панский индифферентизм... чего же нужно большего. Отступление чувствуют и знают все. Но «нам все равно». У управляющего, хотя [бы] 1500 пудов хлеба, а тем, дворне – «все равно». Мы не русские, мы не немцы – мы поляки. Страшно.

К немцам у меня никогда не было ненависти, но всегда была зависть. Почему я не завидовал ни англичанам, ни итальянцам, ни французам. Эти народы и немцы – Моцарт и Сальери. Сальери достиг многого, поставив ремесло подножием искусства, он стал «под Моцарта». Моцартам завидовать нельзя, их можно любить, или ненавидеть, Сальери – неизбежно завидовать. Мы русские – не знаю кто? Только не Сальери, мы, пожалуй, неудачные Моцарты. Моцарт-неудачник мог так же завидовать удачнику Сальери, как и наоборот. Сальеризм немцев несомненен – это *parvenus*^{2*}, загримированные под аристократию. Немец мне противен, и я ему завидую. И я был всегда таков по отношению к нему. Моцарт-неудачник при всей своей зависти – отравить не может. «Гений и злодейство, две вещи несовместимые»². Сальери неизбежно отравитель. Вся пресловутая немецкая организация – ведь это чистый сальеризм. Победа немцев была бы победой Сальери над Моцартом. Это было бы вторым грехопадением.

Вышел сегодня через сад к извилистому ручью, протекающему за Восниками. Благоухает черемуха, мягкое вечернее солнце, мир, тишина. Передо мной весело вертятся сеттер-гордон Цезарь и какая-то паршивая собачонка, которую в *pendant* прозвали «Клеопатрой», носят, делают стойку на куропаток. Все насыщено весенней красотой. А там, с Запада ползет угрюмая немецкая туча. Да скоро ли ей конец. Боже мой – стратегия – но ведь на свете живут не стратегии, а люди.

Опять пошел в сад, бубны играют по-прежнему, держу голову горе и ищу утешения у звезд.

«В час томительный несчастья
Ты о них лишь вспомяни,
Будь к земному без участия
И беспечен, как они»³.

Впрочем, и небо тревожит меня своими неисчерпаемыми и бесконечными загадками. Но загадки эти так поэтичны, так манят, они успокаивают, забываешь и о немцах, и о панах. На душу нисходит тихая элегия.

* Рубака (нем.).

^{2*} Выскочки (фр.).

1 мая, Высники

Собирались было выезжать сегодня, но отложили [на] завтра на утро. Встаю завтра в 5 ч[асов] утра, часов в 9 трогается... и куда?!? Dahin, dahin* – в Красник!!! Через Зволень, Н[ово]-Александрию в жидовский Красник. За Вислу – итак, это не сон, а явь. Боже мой, какая диковинная стратегия. Я в ней ничего не понимаю, быть может, это и к добру, а бо я вем^{2*}. Какой грохот и бум восторга, наверное, у немцев. А какое странное настроение в покидаемом городе, в Радоме. Все чувствуют и знают, что город покинут. И вот, не то ирония, не то грусть, во всяком случае что-то горькое в каждом жесте и движении.

2 мая, дер[евня] Линув*

23 в[ерсты] от Радома

Опять в халупе, после 5-месячного интервала. Сегодня встал в 5 ч[асов] утра и весь день почти на лошади, вел обоз, роту, etc. Из Радома вышли около 3 ч[асов] дня. Успел пообедать в «Европейской». В Радоме то же странное настроение покидаемого города. По улице провели штук 8 пленных немцев. Сначала их и не заметил, до того обесцвечивает их «хаки». Потом разобрал[:] высокий смущенный розовый офицер самого немецки-сальеристого вида и мелкорослы[е] солдаты. Я был страшно доволен особенно этим смущением офицера. Дорога монотонная, поля, песок, мелкоколесье. Деревня в стороне от дороги, в лесу и сейчас весной очень поэтична. Нас 6 в халупе – я, Шварц, Черни, Негреб[ецкий]^{2*} и 2 чиновника. Поел млико, едим яйца, настроение бодрое – но опять хочется к пенатам.

4 мая, Н[ово]-Александрия

«До свиданья, мы еще раза четыре в Радом попадем – мы кадрили танцуем», – сказал какой-то прапорщик барышне в магазине, в Радоме. Да, выходит настоящая кадрили, особенно для меня лично. Круг замкнулся, опять Н[ово]-Александрия. Вчера из Линува я выехал квартирьером с 5 повозками и 3 десятками солдат. Дорога знакомая, когда-то шли здесь на Лагов. Теперь я уж не шел, а ехал на глупейшей кобыле, пугающейся и дрожащей перед каждым камнем и прижимающейся к каждой проезжающей лошади. До Александрии мимо Зволени – верст 30.

Время еще не сгладило всего, по канавам валяются грязные австрийские краги, обоймы, консервные жестянки, зияют окопы. Наша привислинская линия укреплений начинается на 12[-ой] в[ерсте] от Н[ово]-Ал[ександрии], пров[олочные] загражден[ия], окопы, выдвинутые редуты.

Здесь-то и будет дело. Меня во всем этом грандиозном отступлении к Висле и Сану утешает только одно – что это все задумано ранее, 3 месяца назад, что тут есть логика и несомненно готовится что-то смелое и яркое – генеральное сражение. В этом отступлении есть математика. Фронт – линия уровня, перп[ендикулярно] к которой направлены силовые линии лобовых

* Туда, туда (нем.).

^{2*} Разве я знаю (польск.).

* Здесь и далее С.И. Вавилов пишет «Линув».

^{2*} Окончание фамилии расшифровано неуверенно.

ударов. Отход к Висле и Сану – только повышение потенциала фронта. А как кажется, вся задача стратегии (нашей) [–] вызвать такую разницу потенциалов – чтобы проскочила искра – ген[еральное] сражение. Возможно, что через месяц все будет кончено, события идут по-августовски¹, колоссально быстро. Я совсем не чувствую стыда и срама в этом колоссальном отступлении, ей Богу, чувствуется даже какое-то повышенное победоносное настроение. Не в шутку «победоносное отступление по стратегическим обстоятельствам[»]. Перешли Вислу вчера вечером. Висла – грандиозна. Построены через нее два хороших деревянных моста, ширь огромная. Холм Н[ово]-Ал[ександрии] весь зарос зеленью. Почти с благоговением хожу по знакомым «стогнам града». Зашел в костел-пантеон. Сейчас весной он еще очаровательней и изящней в зеленой рамке, чем тогда осенью. «Sapientia aedificavit sibi domus»^{*} – до того математически классично это здание. Сегодня утром попал и в парк. Осени нет, пропала элегия, остался уют и идиллия. Парк великолепен своими дряхлыми деревьями, классическими безделушками павильонов и далекими перспективами. По-прежнему, но теперь уже страшно глухо, гудит далекая канонада. Элизиума – уж нет, но осталась красота. Улицы оживленные – совсем не та пустыня, что в октябре. Кстати, очень мало польского, город сильно обруселый. Вчера вечером в отеле «Бристоле» встретил... Кормера, военным врачом. Странная встреча, сразу все всколыхнулось, опять проснулся прежний «я». Вспомнил и хорошее, и плохое. Судьба, судьба – опять ее вспомнил: Н[ово]-Александрия, Кормер и война. Сейчас больше всего занимает стратегия.

Живу с Черни, Шв[арцем] и Негр[ебецким] в какой-то деревянной развалюхе под потолком.

5 мая, д[еревня] Витковице, привал^{*}

Иду со своей богадельней. Чуть [ли] не за версту солдаты устают, дрянь, а не солдаты. Проехали мимо Коньсковоли^{2*} по шоссе, знакомые места. Но тогда это были аванпосты, теперь глубокий тыл.

5 мая, ф[ольварк] Пшебыславице

Резиденция моя сейчас на сахарном заводе, в каком-то отелеобразном помещении, видимо, квартиры служащих. Комната пустая, на окне подставка с пробирками. За окном гроза. Духота. По приезде сюда выкупался в пруду, кстати, купанье начал вчера – в Висле. Побарахтался на песке, пофилософствовал по поводу этой замысловатой реки, столько выдавшей, и которой, видимо, на днях предстоит еще кое-что увидеть. Стратегия не выходит из моей головы. Полон предчувствиями и, притом, самыми победоносными. Война, кажется, созрела и «грянет бой, последний бой»¹.

Приехал сюда по-прежнему на своей «кобыле» (увы, кобыла оказалась мерином). Кобыла ржет при виде всякой обозной клячи и даже коровы, и тем выносит наружу свое низкое «обозное» происхождение. Еду, погода «наи-

^{*} Мудрость построила себе дом (лат.).

^{*} Запись на привале сделана карандашом.

^{2*} Вавилов пишет «Консковоли».

пенкнейшая»^{*}, кругом поля, иногда великолепное шоссе окаймлено вековыми эпическими липами, под тенью которых так приятно ехать. Трясусь на кобыле, покуриваю, наслаждаюсь миром Божиим и миром. Здесь немцев не знают, сюда они не заходили. За мной тянется рота моих мужичков с длинным мужицким обозом. Чувствую себя туристом, но совсем не тем, что раньше. Смотрю на все как-то хладнокровно «фотографически». Тогда, осенью, я мог из Красника создать целую фантазию во вкусе Греко. Теперь это едва ли будет. Н[ово]-Александрыйский парк казался мне тогда Элизиумом – теперь просто прекрасным. Да, я сейчас совсем другой, а кто – не знаю. Война научила ценить многое «мускульное»-телесное.

Завтра будем под Люблином. Перспективы не особенно занятные. А Кельцы, фантастические Кельцы... там опять австрийцы^{2*}.

6 мая, д[еревня] Славники

Мое Vergnügungsreise^{*} продолжается. Сегодня из Пшебыславице попали под Люблин. Деревня, как все «веси», немножко только городского характера. Наша халупа, напр[имер,] красная, досчатая и похожа на плохой подмосковный трактир. Из деревни через полчаса, расселив людей, уехали в Люблин на фурманке¹. Люблин поразил. Он почти великолепен. Европеизм и аристократизм. Аристократизм городов, как и людей, ценится по сохранившейся истории. Город дышит историей. Дряхлые многочисленные незатейливые костелы с барочными завитушками, старыми черепичными крышами, палаццо XVIII и XIX столетий, сады. В Самсонском саду нарядная европейская толпа, от которой уже отвык, чувствуешь себя совсем дикарем. И еще – в Люблине чувствуется «Polska», которая еще не «згинела»².

Мой Standpunkt^{2*}, по-прежнему, фотографически-поверхностный, только смотрю. Слишком много физиологии и очень мало метафизики.

Пишу сейчас в Славниках. За окном поют соловьи, квакают лягушки и лают псы. Настроение у панов после нашего отступления минорное и кислое, побаиваются даже за Люблин.

Славинск, 7 мая

Дневка. С 9 ч[асов] утра до 3 был в городе. Город блестит, на него наведен какой-то особый блеск и глянец, и это несмотря на старину и историческую патину. Лак проехался и по патине. Влево от Краковского предместья тянутся жидовские улицы. Жиды со дня на день становятся мне противнее, особенно после келецкой истории. Купил сегодня два тома Монтеня, пробую разбудить самого себя. Завтра идем по направлению на Красник.

Собещаны, 8 мая

В Люблинской губернии какое-то особое настроение. Здесь есть уверенность, что «все прошло». Все совершенно мирно, хотя по дорогам по-прежнему гонят синие стада австрийцев. На полях война ликвидируется, собирают

^{*} Najpiękniejszy – наипрекраснейший (польск.).

^{2*} Далее два слова латиницей расшифровать не удалось.

^{*} Увеселительная прогулка (поездка) (нем.).

^{2*} Позиция, точка зрения (нем.).

закопанные кое-как трупы. Сегодня под Собещанами видел этих страшных гробокопателей с повязками Красного креста. В фурманку навалены груды разложившихся австрийцев в полной форме, чуть ли не с ранцами. Трупы мягки, как губки. Труп – через 10 месяцев после смерти. Разбитые халупы чинятся. Вдоль Красникового шоссе понастроили разных железных дорог, узко- и ширококолейных. Война здесь отгремела. Впрочем, железные дороги вносят тревогу. Сегодня паненка рассказывала о сан[итарном] поезде, наполненном ранеными русскими, немцами и австрийцами. Рассказывает о том, что будто бы немцев отогнали на 80 верст от Сана. Бог с ними, с паненками, у восторга, как и у страха, глаза велики. Сейчас стоим в халупе, которую снял пан из-под Холма (работает на жел[езной] дороге). Слушаю болтовню, играю в шахматы с Черни. Вчера начал Монтеня. Узнал, что мой способ чтения книг – Монтеневский. Ну, да об этом после. Завтра в Красник.

9 мая, дер[евня] Полесе* (под Красником)

Опять Красник. Тогда, в октябре, он казался трагическим. Сизые тучи, дождь, болото, грязь, суетящиеся жида, военная суматоха на улицах, дряхлый костел с картинами школы Греко, еврейское кладбище. Теперь это только провинциальная жидовская дыра с грязными лавчонками, пылью и жидами, жидами без конца. Расположились мы в версте от Красника, в дер[евне] Полесе, расположенной в каком-то ущелье. Халупа богатая. По стенам, конечно, неизбежный Гвидо Рени, над кроватями ковры с какими-то усатыми панями (кстати, паны под Красником носят оригинальные шапки «старожитные»). В халупе есть даже диван.

Я стал совершенно равнодушным. Судьба кидает, а мне все равно, читаю «Мандрагору» в пер[еводе] Амфитеатрова¹.

10 мая, Троицин день, Полесе

Все проходит своєю чередой, видал польское Рождество, Пасху, дошла очередь до Троицина дня. Жара, халупы прибраны, украшены березками. Коровы – эти наивные, добродушные твари [–] ходят разукрашенные березовыми ошейниками и нашлепками. Ребята играют в лапту. Скука праздничная. Прощел в Красник.

В конце концов, всякое польское «място» – жидовская деревня со всем ее ужасом и грязью. Жида чувствуют себя везде «проезжими» – грязнят и гадят, не думая о завтрашнем дне. «Красникова философия» – философия повешенного. Тут же рядом это Полесе, в нем скучно, но мирно, уютно и поэтично – а там скука, хаос и вопиющий ужас. И виной одни жида. Спасешься только у костела, и костел по-прежнему – костел интереснейший из тех, которые видел за войну. В нем архаическая прихотливость форм и внутреннего убранства. Он капризен и грациозен. И по-прежнему: как залетела сюда школа Греко? В костеле служба, сипло поют паны и паненки. Зайду в другой раз, с карандашом. И около этого милого католически-польского

* Здесь и далее до 12 мая 1915 г. Вавилов пишет «Полесе» вместо правильного «Подлесе».

убежища свито поганое жидовское гнездо. Я до сих пор не могу определить своего отношения к ним: 1) мне их жаль; 2) мне они противны; 3) я с невольным страхом и почтением гляжу на каждого жида – на нем почил история – каждый жид – аристократ.

Живу сейчас с Черни, беспомощным, играю в шахматы. Прочел «Мандрагору» – просто новелла Боккаччо, переделанная в диалог. Читаю Монтеня и по-прежнему хочется бежать в телеграфную роту.

12 мая, Подлесе

Моей Одиссее еще далеко до конца. Об Итаке – Москве [–] и думать забыл, но даже до промежуточной Итаки – телеграфной роты [–] еще ой как далеко. Сегодня утром поехал с Черни и Шварцем по первому участку предполагаемой к постройке дороги Красник–Сандомир, проехал с ними верст 15, затем вернулся сюда. Приехал новый офицер подп[оручик] Чубарев. Паренек лукаво-простоватый и довольно наивный, в костеле спрашивал у мен, где алтарь и, указав на плохую копию с Мурильо «Непорочное зачатие» с фигурой Св[ятой] Девы, спросил: «Это Спаситель?» Ну так вот, этот подпоручик привез Черни предписание немедленно направить меня куда-то в Рычивул* в 1-ю роту. Черни пока нет, и я пока здесь. Но прогуляться в Рычивул, видимо, придется. С какими-то Полифемами и Цитерами¹ придется мне там повстречаться. Но я довольно равнодушен. «То иль другое наказание, мне все равно, я жизнь постиг»². Странствовать, на поезде или верхом, в конце концов только «бардзо пшемно»^{2*}. Чувствую себя теперь моряком, готовым каждую секунду к отплытию, хотя бы и с запечатанным пакетом. «The time is out of joints»^{3*}, и я на все согласен. Дом, Москва даже не снятся, да и о книгах и физике забываю. Стал «сам не свой». Еду по полю на лошадке, люблю ландшафтами, чувствую себя офицером и даже забыл о маскараде. Я сейчас вроде заигравшегося актера не различаю, где сон, где явь.

А пока проживаю под Красником. Весна чудесная, с Пасхи всего 2–3 дня ненастных. Ночи великолепны, сирень цветет. Хожу в жидовский Красник на телеграф и к здешней интеллигенции – аптекарю читать разные «Curtier’ы Roganny» и «Glos’ы Lubelski»^{4*} за содовой водой. Стратегия осталась самая поверхностная, обывательская, «Wlochy przed wojnoj»^{5*} интересуют больше всего, хотя не с точки зрения политической, а с эстетической. Происходит какая-то «Вампука»^{6*}: «Идем, спешим, бежим, иде-е-о-о-о-м, идем[»] и т. д., и ни с места. Италия для меня вовсе не только^{7*} новая шахматная фигура на стратегической доске³, а совершенно новая плоскость, где уже будет разыгрываться не стратегия, а философская трагедия.

{В деревне «Агатовка», в халупе, куда зашел пить млико, на стене заметил изображение Казанской Божией Матери с католической рамкой и с под-

* У Вавилова здесь и всюду далее «Ричивол».

^{2*} Bardzo przyjemnie – очень приятно (польск.).

^{3*} Распалась связь времен (англ.).

^{4*} Польские газеты.

^{5*} «Италия перед войной» (польск.).

^{6*} «Вампука» – здесь: извращенная, нарочитая, пародийная оперность ситуации.

^{7*} Слово вписано над строкой.

писью внизу «Verlag in Schlesien»^{8*}. Спросил пана, как к нему попала икона. «Або я вем^{9*}, я читать не умею». Каково, однако, православная икона «made in Germany»^{10*} в польской католической халупе!}

14 мая, Подлесе

Сегодня, часов в 12 ночи уеду в Люблин, оттуда в Н[ово]-Александрию и, наконец, в неведомый Рычивул, где стоит первая рота. Все по-старому. Жара, жида в Краснике, только вот signori italiani* взяли да объявили войну. Газеты читать страшно, аэропланы бомбардируют Венецию. Тут уж не до стратегии. Положим, что во время теперешней войны приключился бы вдруг «Страшный суд» – о войне забыли бы мгновенно – стали бы только людьми. А Италия, настоящая Италия (не какое-нибудь, там, Триполи) в войне, бомбардируемая Венеция – это ведь почти «Страшный суд». Италия – душа земли. Этот странный враг наш немцы – дикарь с какой-то хитроумной машиной вместо души. 4 нации: Италия, Франция, Россия, Англия – пафос, остроумие, мягкость и ум. Это идеальный союз, никаким дипломатическим мудрецам не снившийся. Ведь это выходит что-то вроде борьбы доброго и злого. И, главное, Италия – все засияло новым светом. Повторяю, Бог с ней, со стратегией, бог не выдаст – свинья не съест.

Живу с мужиками, читаю «Мужиков» Реймонта¹. Получается настоящая деревенская идиллия.

Н[ово]-Александрия, 15 мая

За сутки хаос впечатлений. Железнодорожную станцию вчера разыскал, хотя тут, видимо, помогла Matka Boska Częstochowska*. Станция где-то в лесу и станции, собственно, нет, а так, просто особая точка в пространстве. Наудачу с багажом и дураком денщиком выбрались. Поезд ужасный – только 3-й класс. Впрочем, кое-как растянулся. В 5 ч[асов] утра был в Люблине – пошел бродить. Город чуть-чуть просыпается, попадаются изредка жида, да дворники поливают улицы. Город еще больше понравился. От вокзала до центра далеко, но город везде чист и благообразен на этом длинном промежутке. Потом начинается старина, патина черепицы и барочных завитушек.

Все тонет в мягкой весенней зелени. Завернул в главный костел, там уже служба, что-то в унисон поют резкими крикливыми голосами деревенские кобеты. Костел внутри прелестен – чистейшее «ottocento»^{2*}. Он не чудо искусства, он красив, уютен, но не поразителен. Вообще ведь в Польше настоящего grand art^{3*} я не видал, все красиво, благородно, но посредственно. И все это очаровательно, потому что старо. Пыль веков иногда действует сильнее, чем чудо искусства. Собор, говорю, настоящее ottocento – скульптурные орнаменты рококо, иконы в[о] вкусе Ватто, а то и неведомо в каком вкусе,

^{8*} «Издано в Силезии» (нем.).

^{9*} Откуда я знаю (польск.).

^{10*} «Сделано в Германии» (англ.).

* Господа итальянцы (ит.).

* Ченстоховская Богоматерь (польск.).

^{2*} Отточенто – восьмисотые годы (искусство Италии XIX в.).

^{3*} Высокое искусство (фр.).

просто на иконе костюм^{4*} ottocento. На одной иконе даже костюм settacento^{5*}. А ottocento к Люблину идет, впрочем, к нему все идет, как к красивой женщине. Побродил в лабиринтах Иезуитской улицы, возбуждая любопытство лапсердаков. Здесь старина такая, что, ей Богу, следовало бы заэтиковать «antiquité triple»^{6*}. Ничуть бы не удивился встретить в этих закоулках молодого человека в «широком боливаре»¹ или кобету в кринолине. Повторяюсь, Люблин – город-аристократ. Затем с час просидел в Саксонском саду, где были, кроме меня, какой-то поп российский да жида. В саду тихо, свежо, зелень, утро, весна. Ну а затем вокзал со всеми вокзальными впечатлениями: бутербродами, уборной, жданием поезда. Примелькался какой-то военный, загримированный под Garibaldi, но похож-то он, впрочем, больше на скверного блудливого дьякона. В конце концов, около 2 ч[асов] дня очутился zum dritten Male^{7*} в Н[ово]-Александрии и живу как раз в том закоулочке у института, где когда-то жил в октябре.

A propos^{8*}, 4-я армия перешла в С[еверо]-З[ападный] фронт. Про Италию что-то не слышно.

Славинек, под Кизеницами * 17 мая^{2*}

С 8 ч[асов] утра уехал на повозке из Н[ово]-Ал[ександрии]. Дорога в Рычивул идет все время около Вислы – песок непролазный. Дорога все время совпадает с оборонительной линией октябрьских боев под Ивангородом. Тут же протянулась и грядущая (возможная) стратегическая линия. Спешно строятся редуты и окопы, скромно прячутся в высокой ржи семирядные проволочные заграждения. Деревни и местечки по дороге почти сплошь разрушены. Посад Граница, напр[имер,] – сплошной ужас, от всего местечка остались 2–3 жидовские хибары да груды кирпича повсюду. Разбитый монастырь. В лесу на каждом шагу могилы, обрывки немецких газет и писем (одно из них подобрал). Время истории тут еще не наступило. Прошедшая война тесно переплелась тут с будущей – настоящее – это лихорадочная подготовительная работа: строят шоссе, железные дороги, возводят укрепления.

д[еревня] Михалов*, 18 мая

Три разных настроения сразу. 1) чудеса 1-й роты. Пришел сюда подп[оручик] Шиховский, воспитанный в гренад[ерском] саперном батальоне, и решил сделать гренадер из ополченцев. Пожалуй, ему это и удалось, они ничуть не хуже гренадер, но, увы, и не лучше. Когда-то, почти год назад, я понял всю мерзость военной службы именно в гренад[ерском] сап[ерном] бат[альоне], перешел потом в 25 сап[ерный] и на службу стал смотреть совсем другими глазами. Ведь в этом отношении мне счастье: я делаю, служа, вполне целесообразное и всем нужное. И вот судьба послала увидеть роту с «гренадер-

^{4*} В оригинале «костюму».

^{5*} Сеттсенто (в стиле XVIII века).

^{6*} Тройная древность (фр.).

^{7*} В третий раз (нем.).

^{8*} Кстати (фр.).

* Принятое сейчас название: Козеницы.

^{2*} Запись за 17 мая сделана карандашом.

* Вавилов использует в дневнике два варианта – Михалов и Михалув. Современное название Михалув.

ской» культурой. Мордобитие рукой, и стеком, и чем попало, выпученные, окаменелые глаза, рапорта в 5 минут длиной, а за кулисами ненависть и ужас. Сижу сейчас в халупе, с раскрытым окном, мимо идут два расейских *riou-riou*^{2*}: «Какого-то прапорщика назначил... шваль» – это, видимо, по моему адресу. Гренадерский корпус вообще, а сап[ерный] бат[альон] в частности, на войне оказались требухой, трусами и затычкой незначительных мест фронта – просто соединительная ткань, да скверная, рвется при первом нажиме. Дисциплина нужна в армии, т.е., вернее, не дисциплина, а методы внушения дисциплины, как наждак и крокус¹ для полировки скользящих частей. Но, упаси Боже, сыпать наждак в машину при работе, машина полетит к черту, наоборот, нужно масло. А «гренадерская» культура именно и заключается в сыпании наждака во время работы. Культуртрегер – Шиховский с противно широким, острым лицом и бегающими глазами. Для меня он невыносим. Его коллега прап[орщик] Оранский – толстый и масляный – техник, довольный своим положением, как свинья в грязной луже. *Iddio sia laudato*^{3*}, переселился сегодня из поганенького Рычивула в эту мирную деревню (10 в[ерст] от Рычивула). Поганое впечатление от гренадерской дрессировки и есть первое настроение. Второе – это грусть здешних песчаных морей с песчаными могильными холмами, с затянутыми песками окопами. В лесочке опять обрывки немецких газет, патроны и остальное. Лес стал таинственным и грустным, здесь витала смерть и, кажется, еще будет витать. Это не настроение кладбища, настроение элегическое, но мирное и успокаивающее. Скорее это впечатление раскрытой могилы, которая вот-вот проглотит гроб. Это уж не элегия, а ужас. Ну, а третье настроение – уютная деревня, одиночество, лучи заходящего солнца, золотящие еще зеленую, но высокую рожь, васильки во ржи – настроение идиллии «во вкусе Феокрита». Вечерняя переключка. В окно слышно, как поют молитвы, гимн. Тихо, а рядом в 20 шагах лес – выдавший смерть. Мерзость, элегический ужас, идиллия – три ноты моего сегодняшнего настроения. Аккорда никакого.

Михалов, 19 мая

Сосновых лесов костлявая зелень,
Сыпучих песков седые поля.
Брожу среди вас, среди тайных молелен,
Но тщетно ищу моего алтаря
Здесь битвы гремели, здесь храбрые пали
И прахом своим освятили пески
О, в этих курганах, в них столько печали,
Надежды и страха, мечты и тоски
Курганы немые, вас ветры развеют,
Но песня родилась и слава живет.
О, дивное время, сердца пламенеют
И каждого каждый к победе зовет

Много здесь курганов, около окопов, вот один из них зарисовал. Поневоле появляется элегически-победоносная философия. Ведь эти леса и песчаные

^{2*} Молодой солдат, солдатик (*разг.*) (*фр.*).

^{3*} Слава богу (*ит.*).

Сосновка в снеговую кустява, земля,
Соснушка в снеговую ель, в поле,
Бресту среди восток, среди тайных моментов
Ко времени между шилом и алтарем
Здесь Битвы восток, здесь восток
И восток восток осветили восток
О восток восток восток восток
Кадетство и восток, восток и восток

поля, они стали теперь совсем другими, трагическими и элегическими. Клочок немецкого письма или газеты, и вот уж лес облачается таинственной дымкой, становится не тем лесом, идиллия переходит почти в мистику. Сегодня целый день носился взад и вперед по «своей» дороге. Мужички работают на совесть, хотя работа и «кепская»*, как сказала сегодня одна паненка. Валют ветки, прижимают их ложилинами и засыпают глиной и песком. Хватит на неделю. Лошаденка попала[сь] милая, да и ездить я привык. Заезжал и в гущу леса, бегают белки, ездил и вброд через речку Радомку. Чувствую себя почти хорошо. Далеко и Шиховский, да и Черни, да и Поройков – я один е те ne vanto^{2*}.

Михалов, 20 мая

Дышу и живу деревней. Скачу на своей кобылке по лесам, через Радомку. Остановишься где-нибудь в лесу, среди долговязых сосен и разлапистых папоротников и стоишь; лошадь ищет траву, по земле перебегают рыжие белки да зайцы. Стоишь и слушаешь лесные звуки. Вот кукушка заголосила мерно, как маятник, вот кто-то дер[е]во рубит, а то не то гром, не то канонада, глухо и далеко. Купался в Радомке – блаженство. Дома Мосюр делает первые опыты в кулинарном искусстве – удовлетворительно. Сегодня какой-то пан пригласил шуку из Радомки – завтрашнее меню. Работа идет, раза 4 в день объезжаю. Вестей ниоткуда никаких, живу почти Робинзоном! Читаю «Мужиков». Деревня, *modus vivendi** дер[е]вни – это человек как он быть должен, человек-

* Kierski – плохой, скверный (польск.).

^{2*} И я горжусь (ит.).

* Образ жизни (лат.).

природа, человек среди природы. Горожанин – выродок, откормленный боров с 10 пальцами солонины. Горожанин уже не человек. Люди только в деревне. Они так же просты и милы, как сосны, белки, река, корова, солнце.

Михалув, 21 мая

Деревня и деревенская природа. Существует ведь природа и не деревенская – ночное небо и море. Это природа поэтов и философов. А вот природа деревенская: березовые и сосновые лесочки, река, коровы, розовые закаты, рожь, васильки. Василек ведь самый народный цветок – это не то, что ландыш или фиалка – это прелестный плебей. Деревенская природа – это сами мужики и бабы, безропотно умирающие и рождающие. Две «природы» – первая более бездушная, космическая, стихийная, вторая очеловеченная, одушевленная, идиллическая. Но обе – природа, уже потому, что существуют не для того чтобы смотреть, а если и смотрят, то для того, чтобы существовать. Все живущее, все сущее – актеры в драме, предначертанной Богом. Зритель этой драмы – Бог. Актеры, в массе не знающие, забывшие, что они актеры, актеры – гениальные, перевоплотившиеся. Но среди них мы, я и другие – «городские»,* актеры прескверные, актеры в то же время зрители. Играет и смотрит, как сам, как другие играют. Да, это так, в нас – искра Божества. Но, Боже! актеры мы отвратительные, зрители, достойные сожаления, – видим изнанки декораций, бутафорию и ложь – но сущности драмы не видим, не понимаем. Природа, деревня – как они счастливы! Счастье – результат оценки своего существования, измеряется оно какой-то таинственной дробью. У деревни числитель мал, но и знаменатель тоже, у нас числитель велик, но чем он больше, тем непропорциональней растет знаменатель. Знаменатель этот – кажется, как раз функция «созерцания» – зрительства. Деревня живет своей незатейливой, но полной жизнью – порой посмотрит, но на кого? На Него, на Божественного Зрителя драмы. Она знает, что Он есть, что Он смотрит[,] и вдохновляется еще больше, «играет» еще лучше. Мы – актеры-зрители, мы смотрим больше на сцену, а не на Зрителя. Мы плохие актеры, плохие зрители. Впрочем, «опроститься» уже невозможно – это значит, при том же невероятном знаменателе получить ничтожного числителя. Дробь становится исчезающе малой. «Zwei Seele»^{2*} – это души актера и зрителя, живущие в нас. Но все-таки я – зритель и люблюсь чудной игрой природы. Какая радость погружаться в этот стройный и простой мир. По-прежнему останавливаю свою лошадь среди леса и смотрю, слушаю и немею. Мы – зрители плохие, стараемся найти изнанку декораций и бутафории (наука), но иногда просыпается истинный – божественный [–] зритель. И стоишь очарованный, и смотришь, смотришь. В халупе «господыня» робко целует руку и целый день хлопоты, то корова, то ребята – какой уж она зритель. Видала только Козеницы (жидовский уезд[д]ный городишко, с прилепившимся палаццо Вонлярлярского – нелепым, современным, но грандиозным дворцом). Умрет, как жила.

Прочел 3 ч. «Мужиков» Реймонта, то же благоуханное, густое впечатление деревни, деревни польской, сентиментально-красивой, католической. Но ведь этот католицизм – это Шаляпин, вставший на колени перед царской ложей! Великий актер перед Великим Зрителем.

* Далее зачеркнуто «мы а».

^{2*} Две души (нем.); см. также сноску 4* к записи от 19 января 1915 г.

После «Мужиков» принялся за «Эзопов Лик»¹ Амфитеатрова, который случайно купил в Люблине. Какой ужас, какая гниль и едкость. Россия за войну стала простой, «лапидарной», жизнь стала пафосом, и тут эта вонючая жидкость старого времени. Это даже не «зрительство». Просто пережевывание ребер таким же неудачникам зрителям-актерам. От внутреннего надрыва грызутся между собой.

Михалув, 22 мая

В полуроте сегодня праздник: баня, моются в Радомке, работы нет. Ходил в Рычивул, получил там кучу запоздалых писем, сходил в костел. Костел битком набит кобетами и паненками, панов маловато, куда-то они згинели. Служба какая-то торжественная, паненки разодеты, в белых платьях и даже перчатках (ведь все-таки «място»^{*)}). Поют, визжат и молятся вовсю. Оранский испытует какого-то благообразного старого жида насчет «паненок», в конце концов, магическое слово «geschäft»^{2*} помогает, и жид обещает привести какую-то Францевич. На вечерней переключке читал 2 приказа о наказаниях за побег и промотание казенного имущества. Каторжные работы, арестантские роты так и пестрят. Напугал я, верно, бедных хохлов.

Леженец*, 24 мая

Одиссея все продолжается и продолжается. Из тихого, глухого и уютного Михалува перебрались сюда (не больше 1½ верст от Михалува). Деревня прямо на дороге, среди песчаных полей, шумная и большая. Есть и господский двор. Меня предупредили, [что] в доме поселился какой-то этапный поручик и делопроизводитель. Я же, по-прежнему, в халупе. Целый день носился на своей смиренномудрой лошаденке и заморил ее, кажется, в конец. То устраивал солдат в деревне, то ездил по работам, то выслушивал кисло-сладкие внушения Шиховского, которому я, конечно, не по сердцу. Прошелся сейчас по деревне и стал улавливать своей «Gemützustand»^{2*}. Далеко, далеко, прямо успокаивающе далеко гремят орудия. Шиховский рассказывал, что Перемышль немцы взяли обратно. Да вот слышу, в поле солдаты разговаривают: «Перемышль-то отдали!» [-] «Да ну?». Ведь по житейской, а не стратегической логике, падение русского Перемышля должно вызвать такое же впечатление, как и падение австрийского, только с обратным знаком. Я лично, видимо, больше склонен к стратегической логике, впечатление скверное, но не подавляющее, хотя все-таки все настроение обусловлено именно этим впечатлением. Война предвидится длинная, длинная и, наверно, перешагнет за заветный порог 1 января 1916 года.

Все-таки живу будущим. И среди лесной, деревенской идиллии не забываю о книгах, о физике (вот оно!), и только Амфитеатровы оскорбляют и ум, и сердце. Сейчас читаю прелестный «Le nez d'un notaire» E. About^{3*}. Как

* Miasto – город (*польск.*).

^{2*} Здесь: гешефт, подарок.

* Здесь и далее Вавилов пишет «Леженец» вместо «Леженице».

^{2*} Душевное состояние, расположение духа, настроение (*нем.*).

^{3*} «Нос некоего нотариуса» Э. Абу.

прелестны французы! «О, Франция, нет в мире лучше края»¹, положим, есть – Италия – она тяжеловесней, но величественней, теплей. Немцы становятся невыносимы, даже «Faust» из рук выпадает.

Леженец, 25 мая

Сейчас в халупе были три мужика из дер[евни] Эмилюв, составлял с ними акт о цене за куб[ическую] сажень веток. Беззубый, веселый, придураковатый солтыс Т. Скернежский, седовласый пан, умный, с типично польским умным лицом и молодой Юзеф Столярек «гоноровый»*. Мужички встревожены, кто-то им сказал, что Ник[колая] Ник[олаевича]^{2*} ранили, а любят они его Бог знает как, как своего Круля^{3*}. Утешаю, как умею. Хотя там внизу, на юге невесело. Перемышль действительно отдали. Страшно-вато, армия стала сплошь почти второлинейная. «Цо то бэнде»^{4*}. Польшу бедную жалко. Она – ковер, на котором танцуют бесконечную годовую кадрили и затанцуют, вероятно, мазурку. Ковер этот истерли, истрепали, кое-где порвали.

Зашел сегодня к помещику за газетой. Старенький, старенький домик, с портретами предков, каких-то генералов, с этажерочками, диванчиками, крошечный, старый, уютный. Поселился бы я, конечно, у пана, да мое место занял какой-то геморроидальный этапный поручик с супругою акушерского вида и детьми, да разбитной делопроизводитель, оставивший зазнобу в Козеницах. Настроение в этом обществе самое провинциальное. Супруга ахает от немецких «газов», делопроизводитель «скучает». У крестьян настроение все-таки какое-то пафотическое, приподнятое или угнетенное, смотря по обстоятельствам, а у этих помещиков и этапных офицеров – провинция, самая несчастная.

Днем, конечно, гонял кобылу и ездил по работам.

Леженец, 27 мая

Май на исходе. Весны побледнели* цветущие ризы.
Пыльно и жарко, спастись в поле песчаном нельзя
Тщетны мольбы беспощадно горящему солнцу
Путь предначертанный свой мерно свершает оно.
Пушек не слышно давно, и пушки и люди уснули
Летней истомой объят Пан одурманенный спит.
Мысли немеют, забыл и о грустно-тревожном прошедшем
В будущем нету мечты, а настоящее – сон.

В сущности, в этих строках и все мое теперешнее настроение. Балдею от жары, устаю, книг нет, не знаю, что творится на белом свете. Поручица-акушерка рассказывает о поранении В[еликого] К[нязя], как о факте. Ранил, де, русский офицер в Перемышле, ну, тут Мясоедов, «газы» etc.

* Ногогоу – гонористый (польск.).

^{2*} Николай Николаевич Романов (младший).

^{3*} Król – король (польск.).

^{4*} Что то будет? (польск.).

* Слово написано над зачеркнутым «улетела».

Получил сегодня штук 5 писем. 2 от «Срамучего»^{2*}. Ну, конечно, *Eviva L' Italia*^{3*}, восклицательные знаки и пр. Есть письмо от Успенского, о моем «толковании» принц[ипа] относительности, не наделал ли я, *Gott bewahre*^{4*}, физических глупостей.

Вчера был в Гловачеве^{5*}, място, как все жидовские място, площадь с жидовскими лавками, аптека, «голенья»^{6*}, старенький, бедный костел, впрочем, больше и лучше Рычивола, да впрочем, о *Ruczivolie samilcziee vole*^{7*} по польской здешней пословице.

Леженец, 28 мая

Здешний пан ездил в Варшаву, привез мне кучу газет и журналов – это главное событие. Впрочем, газеты печальны, как осень. На фронте одни слезы, а сквозь слезы приходится петь «Гром победы, раздавайся»¹. Получается что-то в высшей степени противное на вкус. *Signori*^{*} – все еще поют «Вампуку», топчатыся на одном месте и кричат – «Разобьем, расшибем», «Ах, какая у нас храбрая армия». Сегодня по деревне какие-то казаки распустили слух, что Перемышль опять попал в наши руки. Дай Боже, хотя Перемышль теперь – выеденное яйцо. Мало-помалу чувствую приближение страшной богини – Скуки. От нее было радикальное противоядие – книги, но их нет. Читаю «Hyperion» Hölderlin'a^{2*}, немецки-пафотическую, но умную книжку. Пробовал взять «Эл[ектро]-м[агнитную] т[еорию]» – из рук валится и еле понимаю. Прочитал «Казаков» Толстого. Они скучноваты, но прелестны и, главное, все в новом свете. Обстановка чрезвычайно похожая до^{3*} той, в которой я нахожусь: Юнкер на постое в казацкой станице. Впрочем, Оленин, безусловно, глуповат. От скуки хочу спастись творчеством, а не написать ли моего Фауста. Вот я куда гну, хотя, конечно, из этого ничего не выйдет.

Леженец, 29 мая

Юбилей-то, кажется, сегодня. Сферическая астрономия и уф... дней восторга. Университет... Боже, как это далеко и туманно, мелко и ненужно теперь – университет – конечно, как «*modus vivendi*»^{*}, а не «*in se*»^{2*}. Тогда все казалось очень просто. 1½ года военной службы – 1½ года вынужденного почивания от дел. За это время все передумаю, разработаю планы, приготовил даже толстую записную книжку для этих «планов». А потом пойдет физика, и так *ad finem*^{3*}. Но военная служба оказалась не почиванием от дел, а совершенно новым, грозным делом. Померкла и физика, и дом, и книги. Попал в какой-то иной мир, странных измерений. Я говорил, что это маскарад –

2* Имеется в виду Stramucci – учитель итальянского языка.

3* Да здравствует Италия (*ит.*).

4* Боже упаси (*нем.*).

5* Современное название Гловачув.

6* Цирюльня, от польского *golіc* – брить.

7* Пословица, неверно транскрибированная Вавиловым по-польски.

* Господа (*ит.*).

2* «Гиперион» Гёльдерлина; далее зачеркнуто «паф».

3* Так в оригинале.

* Образ жизни (*лат.*).

2* «В себе» (*ит.*).

3* До конца (*лат.*).

конечно, маскарад – но что делать, если душа куда-то згинела и думает и смотрит маска. Война, и от *modi vivendi* ничего не осталось, все стало новым. Отношения стали простыми и военная служба стала самой нужной и неизбежной. Теперь телеграммы ген[енерального] штаба регулируют настроение.

Юбилейные дни... Хотя бы эти 3 дня до 1 июня (уже июня) случилось бы что-нибудь яркое, победоносное. Потом, быть может, скоро, все пройдет – я проснусь и, наверное, найдусь, попаду в какую-нибудь колею, и пошла писать губерния.

Здесь тихо и невыносимо жарко.

Леженец, 30 мая

Проснулся сегодня с самыми радужными ожиданиями. Шиховский прислал приглашение приехать завтра к 2 ч[асам] в Рычивол. Зачем? Не иначе, как *dahin, dahin, nach** телеграфная рота приглашают. Увы, совсем не то, просто нужно было участвовать в комиссии по измерению взятого материала из леса гр[афа] Замойского.

Усталый, в 6 ч[асов] вечера вернулся в Леженец. Пошел на Радомку купаться. Ну и приблизительно – роман с контрабасом¹, некто спер мои часы. Огляделся – нима никега^{2*}, потом разыскал какого-то пана, засучившего штаны и ловившего корзинкой рыбу. У пана самое вор... (*Himmel!*^{3*} Сейчас денщик снимает сапог и, о ужас, в сапоге часы!) Итак, как раз сию минуту инцидент исчерпан и я опять с часами. А то было самое настоящее «*the time is out of joints*»^{4*}.

Думал я, что 100-ю стр[аницу] дневника удастся чем-нибудь украсить – увы, только это глупое приключение – да разбитые надежды. А как нарочно мимо окна час тому назад проехало 2-е шестовое отделение 16[-го] сап[ерного] батальона.

Леженец, 31 мая

Последний майский день, от весны и следа не осталось. Воскресенье. Жарит немилосердно. Поднялся какой-то жгучий вихрь, хотя на небе ни облака. Работ нет. Сижу и кое-как протягиваю время от минуты к минуте. Скука... кажется, я наконец узнаю, что это такое. Нет книг. Положил на столе три книги – *Montaigne, Faust* и *Huperion**. Фауст из рук валится, *Montaigne* невыносимо скучен, а *Huperion* – тягучие излияния какого-то грека в немецком стиле. Ни то, ни другое, ни третье не переваривается. Без книг – это самая скверная трагедия. Книги – молчаливые собеседники, вы спасали меня всегда и ото всего. Будь что будет в жизни, вероятно, много скверного, но были бы книги со мной, и я погружусь в их целительную атмосферу. Я плохой «актер» в жизни, даже совсем не хочу быть актером. Я только зритель. Но жизнь, сама по себе, она идет так медленно, изменения еле заметны. Смотреть на эти халупы, пыльную дорогу, пыльное небо. Нет, черт с нею, с жизнью. В книгах жизнь концентрированная, и там я настоящий зритель. Тот, кто актер –

* Туда, туда в сторону (в направлении) (*нем.*).

^{2*} *Nie ma nikogo* – нет никого (*польск.*).

^{3*} Небеса! (*нем.*).

^{4*} Распалась связь времен (*англ.*).

* Гиперион – гигант в древнегреческой мифологии.

не скучает, скучает только зритель, осужденный смотреть на еле развивающееся действие. Пейзаны, кажется, скуки не знают. А я без книг, будь я Шекспиром, написал бы трагедию.

А май-то тю-тю, завтра июнь, а конец где-то в тумане.

Книги

Будет некогда день, вернусь я к пенатам
родимым,
В дряхлый мой мезонин, к книгам
милым моим.
Сумрак тихий слетит, засвечу одинокую
лампу,
В книгах навек потону, прошлого
сгладится след.
Вы оживете опять шкафы молчаливые,
полки,
Пыль я с книг отряхну, забвения
сброшу печать.
С вами буду я жить и вас до конца
не покину
Книги – одни, только вы – верные
вечно друзья.
Старый Вольтер, ты стоишь,
никто тебя верно не тронул.
Гаусс, Ньютон и Бойль – как
зачарованы спят.
Там, на столе разрослись
стопою тяжелой журналы.
Ждете меня? Я приду, вас ото
сна разбужу.
Жизнь одна нам дана, мы лишь
вместе жить можем.
Я мертвею без вас – мертвеете
вы без меня.

На свете вообще можно делать три вещи: 1) жить, 2) творить, 3) смотреть, т.е. быть актером, автором и зрителем (впрочем, «авторство» совершенно особенное, это тоже актер, но только выведенный в драме под маской и ярлыком «автора»). Я ни в коем случае не актер, я – зритель и отчасти автор. Пропорции смешения всех этих трех специальностей могут быть самые разнообразные.

Леженец, 1 июня

Законам вопреки, наперекор стихиям июнь на июнь совсем не похож, холодно, ветер и всякая метеорология. Это, конечно, недурно, самочувствие лучше. У меня вообще «осенние» симпатии, люблю холод и дождь. Сейчас сижу, собираюсь ехать на работу, тяну тянучку Нурегюн'а и думаю о тех радостях и бедах, которые могут быть на меня сегодня ниспосланы с небеси. Радости по восходящей степени: 1) получение посылки с книгами и писем, 2) известие об обратном переводе в тел[еграфную] роту, 3) моя статья о П[рин-

ципе] О[тносительности] будет помещена в Ж.Ф.Х.О. *, 4) Glänzender Schlag^{2*}, какое-нибудь этакое стратегическое сальто-мортале с нашей стороны, перевертывающее всю войну, 5) Вдруг да мне мелькнет Lösung der Grav[itation's] Problem^{3*} – это, конечно, самая большая радость. Весьма могут приключиться и вещи с обратным знаком – беды: 1) скверное письмо из дома, 2) скверное письмо от Поройкова, 3) –"– от Лазарева, 4) Glänz[ender] Schlag, но только с другой стороны, 5) убеждение, что я ни к черту не пригоден и никогда ничего не разрешу. По всей вероятности, конечно, ни того, ни другого не случится, и денек будет серенький и гиперионистый.

Ну, конечно, ничего не случилось, писем я не получил, Gr[avitation's] Pr[oblem] не разрешал, газеты, положим, достал у пана. Aber keine glänzender Schläge^{4*}. Наши для утешения подсчитывают пленных чуть ли не с точностью до десятичных знаков, очистил[ли] Станиславов и бой идет под Галичем. У немцев тоже ничего громоподобного. Весь вечер возился с мужиками, составляя акты. Мужики переругались, изображал Соломона. А propos^{5*}, фамилия леженицкой помещицы, очень похожей на «пиковую даму» – de Thun. Фамилия звонкая и знакомая. Сейчас вот устал, остался 1 час бодрствования, были бы книги или газеты, улегся бы, и начал читать и мечтать. А теперь этот час предстоит питаться Нупергюн'ом. Бррр... Словно касторку целый час пить. А у немцев существует даже какой-то Нупергюн-Verlag^{6*}. Значит, они его чтут и уважают. Положим, и касторка вещь полезная, но от большой дозы может случиться заворот кишок.

Леженец, 2 июня

Утром. Сегодня ночью чуть не змарл*, меня неделю мучит какой-то противный кашель, как только я займу горизонтальное положение. Вчера спокойно заснул, во сне, конечно, всякая чертовщина, в конце концов мне начало казаться, что я – фронт, в плече у меня Праснышский район, одновременно я главнокомандующий и рыцарь ордена какого-то Черного Креста. И вот чувствую, что со всех сторон лезут враги, задыхаюсь, просыпаюсь, смотрю, со мною черт знает что делается. Левое плечо страшно болит, ломит, в сердце какие-то уколы и спазмы, душит кашель, но кашлянуть боюсь, как бы не оборвать натянутых струн сердца. Стал лежать без движения, озноб, бросает и в холод, и в жар. Ну, caro amico, la commedia si finisce^{2*}. И удивительно, вполне спокоен. За время войны родилось настоящее хладнокровие. Лежал, лежал, незаметно заснул, проснулся в 9-м ч[асу] утра, остался один кашель. Страшен сон, да милостив Бог. Вот сейчас, утром, умирать не хочется.

Днем питался Нупергюн'ом. Я сейчас похож или на полярного путешественника, с голоду взявшегося за подошвы, или на пьяницу, пьющего ханжу^{3*}

* Журнал Русского Физико-Химического Общества.

^{2*} Блестящий удар (нем.).

^{3*} Решение грав[итационной] проблемы (нем.).

^{4*} Но блестящих ударов нет (нем.).

^{5*} Кстати (лат.).

^{6*} Издательство «Гиперион» (нем.).

* Zmarł – умер (польск.).

^{2*} Дорогой друг, комедия заканчивается (ит.).

^{3*} Ханжа (ханшин) – крепкий низкокачественный спиртной напиток (из китайского).

и политуру. Нурегюн – именно ханжа, политура, подошва, касторка. Излияния грека на немецком языке, с немецкой душой. Такой паточной литературы никогда^{4*} еще не держал в руках. Самое пикантное, в конце концов Нурегюн обрушивается на немцев со всем своим немецким пафосом и многословием. Положим, если Крит[янин] говорит, что все Критяне лгут, доверять ему особенно нельзя, но тут, кажется, Крит[янин] заговорил правду, опровергая себя самого.

Часа 1^{1/2} болтал с паном обо всем, о том, как рыбу глушат, о Польше, жидях. Однако Нурегюн'а проглотил, теперь остались Сцилла и Харибда – Montaigne и Фауст.

Холодище осенний, плечо болит, ночью, вероятно, будет то же, что и вчера.

Леженец, 3 июня

Ходил к пану за газетой. Попал на преферанс, на ужин. 2 усатых пана, понимающих толк в окопах и шрапнелях и без конца рассказывающие свои военные приключения. Хотя я «*officier malgré moi*»^{*}, но держусь офицером и стараюсь забыть свои штатские замашки. Узнал, между прочим, от пана, что солдаты меня «кохают»^{2*}. Еще бы, после Шиховского я нектар и елей. Днем все то же, Нурегюн заменился Фаустом, впрочем, об этом завтра. Газетные новости, по-прежнему «кепски»^{3*}.

Леженец, 4 июня

Леонардо, Парацельс, Мерлин – три фигуры, которые нужны, как мера, для анализа гётевского Ф[ауста]. Парацельзий – не карикатурный Вагнер, ученый, медленно, но верно взбирающийся на лестнице бож[ественного] созерцания. Мерлин – титан, сверхчеловек, сразу залетевший чуть [ли] не на верх этой лестницы, узнавший все, поймавший ту Лапласовскую формулу, после которой все тайное стало явным¹. У Парацельса – познание, у Мерлина – знание, со всей его тоской, скукой и, в конце концов, ужасом. Леонардо – величайший, гениальный, живой, гигантскими шагами поднимающийся по лестнице – великий созерцатель, знающий, любующийся и творящий. Леонардо – идеал позна[ющ]его. И наконец, Фауст – бездарный ученый, у которого не хватает терпения и логики быть Парацельсом, скверный актер, карикатура на Д[он] Жуана, а в общем, карикатура Гамлета.

Ездил в Рычивол, получил уйму денег, 2 пустяковых письма из дома и 4 посылки. Надежды мои оказались тщетны – в посылках все, кроме книг, впрочем, есть две, для детей мл[адшего] возраста: Зелинский «Ист[ория] ант[ичной] культуры»² для гимназистов и «Положит[ельные] лучи» для первокурсников. Остальное – целый магазин шокол[адных] конфет, печенья, консервов. Чтобы все это уничтожить, нужно быть Кидрил-обжорой³. Из Радома сын пана «пшивез»^{*} пачку газет. Какое это грустное занятие теперь – читать газеты. Не везет, совсем не везет, как-то трагически не везет. Приятно

^{4*} В оригинале – «нигода», возможно, от польского «*niгда*» – никогда.

^{*} Офицер вопреки своей воле (*фр.*).

^{2*} *Kochać* – любить (*польск.*).

^{3*} *Kiepski* – плохой, скверный (*польск.*).

^{*} Привез (*польск.*).

быть битым Натчесоном, даже японцами, но немцами – бррр... Захиревшие Моцарты не справляются с разжиревшим Сальери. Победа Сальери была бы не столько позором для Моцартов, сколько ужасом. Bourgeois^{2*} станет gentilhomme^{3*}, а gentilhommes – bourgeois. Война идет за спасение «гения» от цепких лап организованной посредственности.

День прекрасный, ни жаркий, ни холодный, небо ясно, только на горизонте застыли изящные «матеньивские»^{4*} облака.

Леженец, 5 июня

За войну никогда еще не было так тяжело, как теперь. Вдруг стало жутко. Это были тогда неудачи и [в] В[осточной] Пруссии, и наше отступление от Кракова, но была уверенность в победе. Теперь совсем не то. Эти сонмы и полчища немецких дьяволов приняли какую-то апокалипсическую окраску. Фатально, мы погибнем. Свершается Страшный Суд, но Суд не Бога, а дьявола. С тыла лезут ужасающие вести о беспорядках и бунтах, армия повыветрилась, стала почти сплошь ополченской, нет овса, винтовок. Боже, спаси, не то мы погибнем. О, с каким бешеным злорадством застрелил бы я сейчас бунтовщика-пролетария. Утишь свой голод, умри – совершается Суд. Немцы – не люди. Это марсиане, машины, но не люди. Идет смертный бой между людьми и апокалипсическим ихтиозавром. Если победят немцы – я должен умереть. Рабом нелюдей быть я не хочу. Боже, дай силы и крепости, одно из двух – победа или смерть. Я завидовал Гете, Гельмгольцу, но я смотрел на них [с] презрением – вы немцы. О, неужели возможно другое. Милая Европа, неужели ты умираешь. О, напрягись и победи!

А кругом так тихо, по дорогам скачут зайчата, подъехал сегодня к одному, сжался косоглазый, дрожит, постоял над ним с минуту. Милый, людям беда пришла, хуже, чем вам, косоглазым. А солнце горделиво посматривает, как земля описывает вокруг него свой рабский эллипс. Ему все равно, и люди, и немцы, и косоглазые – чужие, его паразиты и рабы.

Грустно и страшно. Вот и пришла она, пора, когда и я почувствовал, что я актер, что живу, а не только смотрю. Надо жить, победить и как радостно будет тогда смотреть на «все». А сейчас надо загрызть страшного зверя. Я ненавижу немцев, в первый раз говорю я это, в первый раз я это почувствовал.

Леженец, 6 июня

Днем солнца «сияющий обман», разговоры со взводными, артельщиками e tutti quanti*, езда верхом, зайцы, небо, работы, чаепития развлекают, и ночная «утрировка» кажется непонятной, а как стемнеет, останешься один, без книг, в разговоре с самим собою, ничего не видно, от свечки еще больше теней, опять «фронт» чувствуешь, как свое тело, как тогда во сне. Главное из дня остается газета, те жирные строки, которые жадно прочитал, и в результате[:] «прут – стараемся помешать, Бог знает, что выйдет». Знаешь, что это сместно^{2*}, но ставишь себя на место главнокомандующего, ищешь

^{2*} Буржуа (*фр.*).

^{3*} Джентльмен (*фр.*).

^{4*} «Матеньевские» - от имени художника А. Мантеня.

* И всякие другие; и пр. и пр. (*ит.*).

^{2*} Так у Вавилова. По-видимому, следует читать «смешно».

ахиллесову пятау немецкого фронта, находишь ее между Ломжей и Н[ово]-Георгиевском. Вот здесь возможен он – он «glänzender Schlag»^{3*}. Когда нет врачей, или врачи помочь не могут, делаешься сам врачом. «Моркотно»^{4*}, как говорил Поройков.

И больше ничего, quasi niente^{5*}, прочел ст[атью] Томсона «Положительные лучи»¹. Но я читаю эти великие страницы, как когда-то читал о важном Fortschritt'e^{6*} в фитопатологии или медицине. Что ж – хорошо, но мне не нужно. Никакого резонанса. Великое, но чужое. Война застлала глаза:

«Ihr durchstudiert die gross u[nd] kleine Welt,
Um es am Ende gehen zu lassen,
Wie's Gott gefällt»^{7*}.

Aber wie gefällt's Gotte^{8*}? Может быть, теперешний Сальери-немец не скажет уже «...Что правды нет и выше»² и deutscher Gott wird im Einklang mit seinem Knechte^{9*}. Но, «правда есть и на земле», наша правда, правда, что, Моцарт, ты выше Сальери. Я не хочу «gehn zu lassen»^{10*}. Уж, если gehn zu lassen, так заснуть месяца на 2 и проснуться в кризис.

На дворе усадьбы Юрек, мальчуган лет 14, с хлопаками дворни играют в солдаты. Слышно как кричат [«]ура[»], визжат. Война красива и, конечно, «игра». Я ведь тоже сначала на войну смотрел спортсменски. Но вот теперь игра игрой, но мы – я [-] делаем последние ставки. Я трепетно жду выигрыш или проигрыш. Радость «игры» – забыта, о ней буду вспоминать после, когда выиграю, когда снова все кругом затуманится и «положительные лучи» ослепят меня и кроме них я забуду обо всем.

Не буду я рабом раба,
В грядущем смерть или победа
Греми последняя труба,
Пусть разгорается борьба
И разверзаются гроба^{11*}
И пусть зловещая судьба
Сойдет с протоптанного следа!
Не буду я рабом раба^{12*}.

^{3*} Блестящий удар (нем.).

^{4*} Тошно, тяжело на сердце (устар., обл.).

^{5*} Почти ничего (ит.).

^{6*} Достижение (нем.).

^{7*} «Большой и малый свет вам изучать придётся. / А там – пускай всё остаётся, / Как бог пошлёт.» (И.В. Гете, «Фауст», сцена 4, слова Мефистофеля; перевод Н. Холодковского) (нем.).

^{8*} А как пошлет Бог? (нем.)

^{9*} Немецкий Бог согласен со своим слугой (нем.).

^{10*} Пусть так остается (нем.).

^{11*} «И разверзаются гроба» вписано между строк позднее.

^{12*} Последняя строка дописана позднее, частично наползая на закрывающую стихотворение черту.

Леженец, 7 июня

Настоящая воскресная скука. Хохлы мои празднуют. Даже совестно, мимо гонят маршевые роты в окопы, а у нас здесь *il dolce far niente**. Днем почитал «Ист[орию] ант[ичной] культуры» Зелинского – хороший конспект хорошей книги, но, увы, не сама книга, комментировал моего спасителя Фауста, это почти и все. К вечеру стало невтерпеж сидеть в халупе с Зелинским и Goethe «*flieh auf. hinaus. ins weite Land!*»^{2*} Как почтенный доктор, покинул свою келью, пошел в поле подышать свежим сеном, пошел через парк усадьбы. Есть деревья Голиафы, одному, «широкошумному»¹ каштану лет под 500–600, наверно, раскинулся, старина, радиусом сажень на 5 – целый сад. Встретился внучек «пиковой дамы», паренек лет 17, показал холмик, на котором стоял когда-то замок Каштелляна-Леженского² – прадеда теперешних владельцев. От нечего делать стал болтать обо всем, спросил, между прочим, как они себя здесь в поместьях в 1905 г[оду] чувствовали. «Хуже чем в войну – сплошная анархия». Еще бы, война для России – тяжелая операция, в результате которой может быть воскресение организма, революция была жестокая инфекционная болезнь – сифилис России. Война в случае ее удачи сделает Россию совсем молодой и аристократичной, война была необходима России. Война приведет Россию к «просвещенному абсолютизму», а и ω политической мудрости. Но от войны Россия может и умереть.

Леженец, 8 июня

Сегодня, конечно, веселее, чем вчера. Покатал по полям на своей ретивой кобылке, мерил дорогу, осталось работы на участке на 6 дней. Зелинского при самом экономном пользовании, принимая во внимание случайные газетные резервы, хватит на 3 дня. А тогда – один Фауст. Занимался и им немного.

Получил из дома письмо, где эзоповским языком пишут, что в Лондоне разбито 150 немецких лавок и побито столько же бобби*. Ох, с каким-бы восторгом подвесил я столько же анти-бобби. В Гловачуве появился какой-то лазарет и артиллерия. Пахнет печальным.

12-й ч[ас] ночи. Получил лаконически-многословное приказание завтра выступить в Бжузу, а оттуда в Едльню. Цо то есть – не вем^{2*}, пожалуй, с гловачувским запахом это стоит в связи. Во всяком случае, *addio*^{3*}, Леженец.

Бжоза*, 9 июня^{2*}

Согласно приказанию, к 10½ ч[асам] утра я в Бжозе и жду громовержца Шиховского. Бжоза – имение с большими потугами. Палаццо – довольно скверный дом скверной готики сороковых годов, таков же и костел, на ступеньках которого сейчас и пишу. Перед палаццо Артемида – за ним в зелени

* Сладкое ничегонеделанье (*ит.*).

^{2*} «О, прочь! Беги, беги скорей / Туда, на волю!» (И.В. Гете, «Фауст», сцена 1, слова Фауста; перевод Н. Холодковского).

* Бобби – жаргонное название английских полицейских.

^{2*} Что это такое – не знаю (*польск.*).

^{3*} Прощай (*ит.*).

* Здесь и везде далее, кроме отдельных случаев, С.И. Вавилов пишет «Бжоза» вместо «Бжуза».

^{2*} Запись в Бжузе от 9 июня 1915 г. сделана карандашом.

расставлены капители, но все это больше похоже на поместье немца или московского купца. В доме огромная оранжерея. Владелец будто бы сховал^{3*} двух немец[ких] генералов и за это арестован. Здесь куча всяких обозов, между прочим артиллерийских, очевидно, прежний трюк – zurück^{4*}.

д[еревня] Ярошко, 9 июня

Из Бжузы мимо спаленных, несчастных деревень, где жители томятся между^{5*} молотом и наковальней приходившего «германа» и германа грядущего, через угрюмые сосновые леса попали сюда. Настроение очень печальное – отступление душит, дышать трудно. И на всем отпечаток войны, вот в сосне, в лесу застряла неразорвавшаяся шрапнель – едешь и почти дрожишь. Вот в деревне мальчишка в австрийской синей фуражке. И все эти паны и мальчишки стали уже не людьми, а какие-то «трепетные лани». Внимательно следят за нашими недвусмысленными передвижениями, а у нас... стратегия. [«Русс[кий] Инв[алид»]¹ даже пишет: «Не дурно бы заманить неприятеля поглубже». А мечты и прежняя слава разлетаются, как дым. Тяжело, и небо какое-то не яркое, но горячее. Томительно и тяжело. Когда же спадет эта странная пелена неудач? С крестьянами почти стыдно говорить. А они жалуют. Сегодня одна старушка плакалась, плакалась, что мы все странствуем и, как пан Езус^{6*}, не имеем пшитулку^{7*}. Но странствование само по себе приятно, чувствуешь себя зрителем и созерцателем par excellence^{8*}.

д[еревня] Сички, 10 июня

Ich weiss leider was soll's bedeuten,
Warum ich so traurig bin*.

Это война и по-прежнему война. Сейчас стою в 12 в[ерстах] от Радома, на Ивангор[одском] шоссе с задачей его починить. Забегают из Радома сюда мальчишки с газетами. Купил В.М. за 9 июня. Несет панихидой, самой печальной. Где-то что-то отбили, отошли на Львовские позиции, а завтра отойдем на Красникские. И главное, в доме повешенного нет сил говорить о веревке. Стоит здесь в дер[евне] артилл[ерийский] парк: «Ничего не делаем, подвоза снарядов нет». Утешаться будущим нельзя, потому, что знаю, что армия с каждым днем хуже. Грустно за невероятную трату энергии, выброшенной на ветер. Что же остается o morire o fermare gli occhi ed essere «spettatore di tutto, ma solamente non di guerra^{2*}. Glänzender Schlag^{3*} – или он уже был –

^{3*} Chować – прятать (польск.).

^{4*} Назад, обратно (нем.).

^{5*} Слово «между» вписано поверх зачеркнутого «под».

^{6*} Jezus – Иисус (польск.).

^{7*} Пристанище (польск.).

^{8*} По преимуществу (фр.).

* Я знаю, к сожалению, что это означает / Почему мне так грустно – несколько измененные строки из стихотворения Г. Гейне «Лорелея» (1824): «Ich weiß nicht, was soll es bedeuten, / Daß ich so traurig bin»: «Не знаю, что значит такое, / Что скорбью я смущён» (пер. А.А. Блока).

^{2*} Или умереть или остановить взгляд (досл. глаза) и быть «зрителем» всего, но только не войны (ит.).

^{3*} Блестящий удар (нем.).

Санский прорыв¹ [-] и время не повернешь. Грустно и жутко и никуда не уйдешь, каждая пядь земли истоптана тут «германами», «аустрийцами», нами, надо всеми и всем [-] людьми, домами, лесами [-] лежит кошмар грядущего. «Что прошло – то будет мило»², но «что придет – будет ужасно». Газеты сейчас куда страшнее «газов» – отравляют и тело, и душу, отчего нельзя перескочить двухмесячный промежуток будущего и сразу узнать всего. Над головой, как Эринии³, шипят аэропланы.

Все пройдет... Но, Боже, как стыдно сейчас слышать, как девчонка дерзко говорит денщику за стеной: «Герман вас прындзе забьет»^{4*}, а не вы германа». Это вовсе не нахальство, это дерзость от досады и горя.

Луна молчаливо светит над сосновым лесом, тихо, но зловеще. В каждой сосне, чудится, засело по шрапнели, как там, под Марьяновым, небо отравлено аэропланами, в моей халупе лесника когда-то спали, как сельди, германы, а луна похожа на гетевского мещанина, который «sieht am Fenster, trinkt sein Gläschen aus, wie hinten, weit im Polenland die Völker aufeinander schlagen ... und segnet Fr[i]ed ‘und Friedenzeiten»^{5*}. В эти тяжкие минуты погрузиться бы в океан книг, замкнуться в свой dumpfes Mauerloch^{6*}, кропнуть^{7*} над Gr[avitation's] Problem. Но я ни счастливая луна, с[o] своих недостижимых высот взирающая на людскую потасовку, ни Faust в уединенной келье, я просто один из миллионов на войне «и грустно жду чего-то рокового»⁴. Будь я в Москве, может быть, с досады разбивал бы и я немецкие лавки, выбрасывал рояли за окошко и бил немцев, чем и по чему ни попало. Господи, спаси Россию, мою Россию. Ни о чем больше не думается, забыл и дом, и книги. У меня нет злости, никто не виноват, не выношу злорадства по поводу наших военных неудач. Это болезнь, а, может быть, и смерть. «Pod twoju obronę usiekajemsie»^{8*}, и что же можно еще сказать?

Сички, 11 июня

Газет новых не видал, обозов мимо не ползет, потому и значительнее спокоен, чем вчера. Во мне борются «zwei Seele»^{*} – одна стратегически-успокаивающа[я], другая территориально-раздражающая. Встретившись с каким-нибудь Шиховским, злорадным защитником последнего настроения, обрушился во всеоружии первого настроения и успокоился. Совсем тихо, канонады не слышно, хотя до фронта всего 20 в[ерст]. Была гроза. А впрочем, только покойствие, в глубине все-таки тревога. На Руси сейчас гения нет, нет Петра, Россия, проснувшаяся Россия, готовая к новому чудесному, сверхъестественному – без головы. Боже, как жалки сейчас эти витии Меньшиковы, Милюковы, России нужен гений ума и воли, дела и слова.

^{4*} Прежде побьет (польск.).

^{5*} «смотрит в окно, пьет из своего стаканчика, в то время как далеко, в Польше, народы побивают друг друга... а он благословляет мир и “мирные времена”» (нем.). Это вольная вариация на слова бургера из 2-й сцены I части «Фауста».

^{6*} Затхлая конура, «дыра /нора в стене». Цитата из первого монолога Фауста И.В. Гёте, где дано описание его лаборатории; в пер. Н.А. Холодковского «Нора проклятая моя» (нем.)

^{7*} Так в оригинале.

^{8*} «Pod Twoją obronę usiekamy się» – «[Богородица,] под Твою защиту прибегаем» (польск.), начало древнего христианского гимна, популярного в Польше.

* Две души (нем.).

Сички, 12 июня

Львов отдан, Галиция оставлена, скоро опять замелькают Красноставы, Избицы, Билгораи*, Холм, Люблин. Люблин уже эвакуируют. А у нас здесь подбили Эринию-аэроплан, рядом за лесом, аппарат успели сжечь, а сами удрали. Сидят где-нибудь в лесу, не сделали бы ночного визита, вынул наган из кобуры и держу поблизости. Жарко и душно. Сегодня целый день гонял по работам на своей кобылке, томительно, грустно и скучно. К неудачам при-выкаешь, и отдача Львова, напр[имер], кроме элегической грусти ничего не вызывает, но зато опять начинает манить Москва, книги. С горя комментирую Фауста.

Сички, 13 июня

То, о чем я пишу в дневнике, для меня, в сущности, «все». Это книги, которые я читаю, вести, мечты, окружающая обстановка. С точки зрения ка-кого-нибудь генерала или будущего историка – все это только «часы досуга», промежуточная, соединительная ткань, необходимая, чтобы я не умер от скуки, и время не рассыпалось бы. Главное, это те паскудные 5–6 часов, которые я провожу на работе. Чинят несчастные хохлы Иванг[ородское] шоссе, работа под[д]ается туго, понукаю, но слегка и очень мягко. Приезжает сиятельный Шиховский, который, видите ли, «ужасно не любит простой народ», мечет гром, молнии и матерщину, заставляет работать до 9 ч[асов] вечера u.s.w.* Мне работа просто противна. Никому она не нужна, там, в тел[еграфной] роте, сознание колоссальной важности нетрудной работы вдохновляло, здесь же какой-то сплошной Сизифов труд. Вот и езжу и жду окончания работ. Нет, Бог с ней, такую «сутью», это скверная ненужная скорлупа. На войне я только «созерцатель».

Жарко, кусают мухи, газет не видал.

А все-таки чудно, сижу я сейчас где-то под Радомом, чиню дорогу, а от скуки спасаюсь Фаустом. Я вполне серьезно иной раз думаю, а вдруг как-нибудь, заснув в халупе, я проснусь у себя наверху, на Пресне, надо мною Ма-донна, рядом из комнаты выглядывают книги. Просыпаюсь, протираю глаза, вспоминаю, что мне сегодня надо ехать в Любуцкий лагерь¹, а все это – от ла-геря до Сички, было сном. Ей Богу, это возможно, может быть, я и дневник-то во сне пишу. Хорошо бы было это или нет? Нет, Gott sei dank^{2*} за то, что это была явь. Ведь, если я вернусь домой с войны и буду жить опять среди П.П., Генаш etc., война будет самым ярким пятном моей старой жизни. Война меня закалила немного, я стал, хотя [бы] отчасти, «актером». Впрочем, судь-ба дарит мне по-прежнему одиночество. Среди солдат я был всегда наедине с самим собой. В Кельцах одиночества почти не было – получаса и минуты, теперь я совсем один и даже почти без книг, один amico Faust^{3*} по-прежнему выручает, странная книга, она, как калейдоскоп, сколько ни верти, все новые картины и мысли.

* Вавилов употребляет устаревшее название города Белгорай.

* Und so weiter – и так далее (нем.).

^{2*} Слава богу (нем.).

^{3*} Друг Фауст (ит.).

Событий никаких. Мирно поют солдаты веч[ерние] молитвы, Польша соприкасается с Русью, а Русь с Польшей. Солдаты на каждом шагу вставляют «добже»^{4*}, а паны в отместку «хорошо».

Сички, 14 июня

Сидел сейчас на опушке соснового леса и мечтал, из-за сосновых колонн выглядывает оранжевая луна, словно на декорации из «Руслана и Людмилы». По лесу стоят обозы, «страха ради аэропланска». Солдаты играют на жалейках*, поют, ночь прелестна. Газет опять не видал, где-то на вечерней переключке солдаты орали «ура», почему, ей Богу, не знаю, хорошо бы по какому-нибудь хорошему поводу. От скуки смертной спасает по-прежнему Фауст. Шиховский, вероятно, скоро выведет меня из терпения. Расчет у него простой, на солдата можно давить: «дондеже»^{2*} не сдохнет», особенно в военное время. А для чего давить? А для того, чтобы его, Шиховского, похвалили. Какого-нибудь понимания сути дела ни следа. Тип, в сущности, ужасающий, гадюка в образе человеческом, впрочем, меня лично он почему-то опасается. Сейчас я занимаюсь тем, что ищу в уст[аве] вн[утренней] службы статью, которой бы подковырнуть Шиховского. Натура удивительно злобная.

Сички, 15 июня

Сегодня целый день занят. Утром поехал на работу, получил от Шиховского бумажку с нотацией, долго раздумывал, как ему отомстить, в конце концов тоже написал бумажку, ядовитую и с[о] скрытой нотацией, долго носил ее в кармане, раздумывая, послать или не послать, в конце концов не послал. Все эти грен[адерские] бат[альоны], Старицы, тел[еграфная] рота, в[оенно]-д[орожный] отряд – вагоны, в которые я пересаживаюсь, чтобы доехать домой, к книгам. Возможно, что с вагоном случится катастрофа, он или разобьется, или его «возьмут», *chi lo sa**. Во всяком случае, путешествовать осталось не особенно долго, семилетняя и тридцатилетняя война едва ли каким-нибудь стратегам снится. Не стоит прыгать из вагона на ходу, чтобы пересесть в другой. Подождем остановки, может быть, естественным образом пересяду опять в тел[еграфную] роту, а может быть, и в этом до конца доеду. Писать же ядовитые записки Шиховскому – это прыгать из вагона на ходу.

До 3-х часов вычислял кубические футы дуба, взятого на трамбовки, раздавал жалование, ставил под ружье etc. После обеда через Едльню поехал составлять акт на дуб верст за 8 в Косцюшков к управляющему лесом, какому-то Валерьяну Валерьяновичу Шмиделю, худенькому, седенькому старичку, у которого из глаз смерть смотрит. Напоил он меня чаем, потолковали о войне, об окопах, которые роются у его дома. На обратном пути моя кобылка испугалась собаки и понесла неслыханным карьером, еле удержался, было страшно и приятно лететь, как ветер. Потом опять работы, Шиховский, распоряжения

^{4*} Dobrze – хорошо (польск.).

* В оригинале «жилейках»; жалейка, жилейка – народный духовой музыкальный инструмент.

^{2*} До тех пор, пока (церкв., др.-русс., ст.-слав.).

* Но кто знает? (ит.).

насчет завтрашнего переезда. Из Сичек завтра передвигаюсь в какой-то Раец Духовный¹. В Сичках сейчас вроде ярмарки, около деревни роют окопы, на которые согнаны паны и паненки, торгуют квасом, газетами, ходят паненки толпами, будь я более энергичным, можно бы иметь einen Abenteur^{2*}. Хозяин мой, лесник с огромными рыжими усищами, служил когда-то в лейб-гвардии, философ и любитель чтения. Сына своего хочет сделать гимназистом. Газеты унылые, даже утешать перестали и уже начинают запевать панихиду: «Если Россия даже и будет побеждена, то все-таки». Конечно, все-таки[.] Россия – это слон, у которого душа повсюду, есть, правда, окаменевшие оконечности, вроде Манчжурии, которые можно отрезать даже незаметно, но вообще можно отрезать что угодно, хотя бы голову, и то слон будет жив и с душой. Вернее^{3*}, Россия не слон, а дуб. Ломай себе сучков сколько угодно, но нет еще такой свиньи, которая бы самый дуб подрыла. Да-с, в газетах allegro совсем исчезло, только molto triste и lentamente^{4*}. Господи, неужели, в самом деле, поражение. Нет, credo, quia absurdum^{5*}, что победа, знамение времени: даже в Русс[ком] Сл[ове] начали писать о подлинных Рубенсах где-то в Звенигороде², и притом в статье ни слова о войне. Прячут, как страус, головы, газетам это не пристало. Это мне, одинокому, я всю жизнь, что бы ни было, останусь таким страусом.

Раец Духовный, 16 июня

Сегодня ночью в Сичках мешали спать «очереди», раньше все было тихо. В 10-ом ч[асу] утра переехал в этот самый Раец, от Радома он в 7 верстах, на рай совсем не похож, безлесные поля, дачи на самом солнце и без всякой зелени, и никакой воды, уж в лучшем случае это только чистилище. Стоят здесь всякие лазареты, где-то в лесу прячется 16[-й] сап[ерный] батальон. С опаской посматриваю на небеса, какой-то дурак поставил прямо в поле две большие белые палатки. Нахожусь сейчас в районе штаба 47[-й] дивизии. Купил газеты и опять становится жутко. Методически, не особенно спеша, войска уходят из Галиции. Ближайшее будущее почти постигаю. Так же не спеша, от окопов к окопам, будем мы уходить и от Радома, и от Варшавы на линию Буга (на Буге уже строят мосты). Будущий (не далекого будущего) фронт*, вероятно, Рига–Ковно, Гродно Брест–Литовск, Холм и т.д., увы, это не то, что я мечтал [-] Königsberg–Budapest, правда, он ему параллелен, но любопытно, насколько высок будет его потенциал (сравнительно с теперешним он во всяком случае увеличится почти вдвое). Война – штука иррациональная, стратегия – не математика, а толкование откровения, я же рассуждаю только математически. Я написал, что «жутко». Жутко за самого себя, а с объективной точки зрения я совсем спокоен, буду даже доволен, если мы перейдем в указанную территорию скорее.

^{2*} Приключение (нем.).

^{3*} Далее зачеркнуто «даж».

^{4*} Allegro – «весело» или «быстро», molto tristo – «очень грустно», laentamente – «медленно», обозначение музыкальных темпов (ит.).

^{5*} Верую, ибо абсурдно (лат.).

* Далее зачеркнуто слово «будет».

6 ч[асов] веч[ера]

За громом грозы очень ясно и гулко загремели пушки, чем люди хуже Юпитера. А сейчас и гром, и пушки – не разберешь. Пушки все гремят и поневоле опять стратегия в голову лезет. Наши «идеальные» фронты – прямые, почти параллельные меридиану, причем идеальнейшим в смысле высоты потенциала есть именно фронт Рига–Холм. В случае максимального нашего успеха эта прямая Данциг–Будапешт, в случае оптимального Кенигсберг–Варшава, Гарнов (этот фронт нам почти и удался в начале войны и за него^{2*} ...говорить об абс[олютном] движении и я смогу проверить свое толкование опыта Майкельсона. Кстати, до сих пор никакого отзвука, хотя противоречия и ерунды я не вижу. Центр вселенной, конце[н]трическая вселенная – Боже мой, какие перспективы открываются. А тут война, и французик хихикает, что «la prise d'une tranchée nous touche beaucoup plus en ce moment, que l'annexion d'un soleil»^{3*}. Чепуха! Пусть побеждают немцы – тут победа человека, тут человек забрался почти на божественную ступень лестницы созерцания. «Fiat scientia, pereat mundus»^{4*}. Наука! Скоро-ли я к ней вернусь и вернусь ли?

А тут тихо, но тревожно, мало-помалу из Радома выползают всякие лазареты, сейчас ночью тоже катит какой-то обоз. На юге что-то поблескивает, хотя выстрелов не слышно. Подгоняю своих хохлов, нужно вовремя кончить. Целый день мучили меня всякие паны, с которыми писал и переписывал акты на камень, все жалуются, ноют, а тут везде пан Шиховский. Голова кружится. Ах, как желал бы я сейчас смотреть на все «des point de vue de Sirius»^{5*}.

Раец Д[уховный], 21 июня

Воскресенье. Работы на шоссе подвинулись почти к самому Радому. Разъезжаю по шоссе и любуюсь фланирующими панами. Паны умыты, щегольски одеты, с цветами в петлицах. Из города высыпала куча подростков, мальчиков и девочек, нарядных и по-городски изящных.

В моей халупе перед образом Matki Boski Cęstochowkoj* горит лампада и темный лик с позолотой вокруг смотрит так по-русски.

Праздник как праздник. И тихо, зловещая гробовая тишина, ни пушек, ни аэропланов. А в то же время из Радома по ночам под шумок все выезжает, выехала «губерния» (положим, губернатор еще там), по ночам по шоссе ползут какие-то обозы. Какая-то отравленная атмосфера – мирное воскресенье, Sonntag am Stadelttore^{2*}, и это медленное умирание. Malária^{3*}. Это не пир во время чумы, это индифферентизм. Поляку почти все равно, какой полицейский стоит в его городе, русский, или прусский, лишь бы не спалили и не ограбили, потому только и боятся «германа». «Наши» держат себя очень скромно, теперь, после неудач, даже смиренно, поэтому «наши» для

^{2*} Далее в дневнике вырваны 2 листа.

^{3*} Захват одного окопа (траншеи) в данный момент волнует нас больше, чем захват солнца (*фр.*).

^{4*} Перефразированное латинское изречение «Fiat justitia, pereat mundus» – «Да свершится справедливость, хотя бы из-за этого погиб мир»: слово «justitia» (правосудие) заменено С.И. Вавиловым на слово «scientia» (наука).

^{5*} С точки зрения Сириуса (*фр.*).

* Ченстоховской Богоматери (*польск.*).

^{2*} Воскресенье у городских ворот (*нем.*).

^{3*} Зараженный воздух (*ит.*).

населения выгоднее и немца бояться, но и только. А немецкая туча доползла почти до Люблина, боимся, как бы не очутиться в мешке. С нашей стороны молчание, упорно держимся на левом фланге и мягки, как воск, в соседнем районе.

Целый день паны и акты, акты и паны. Интервалы заполнял чтением газет и разных паскудных гнилых журнальчиков, Сатирикона, Сан.^{4*} жур[нала] и пр. Фауст пока отдыхает. Все-таки, слава Богу, что я на войне, совесть чиста^{5*}.

Раец Д[уховный], 22 июня

Чувствую сейчас себя почти так же, как тогда «под Избицей»¹. По всем дорогам мало-помалу выползают из Радома обозы, в Раец пришли уже полковые обозы 2-го разряда, штабной обоз ушел еще дальше, к вечеру полетели и аэропланы «наши» восвояси – куда, не знаю. 4 птицы – приятно смотреть на своего. Да, и по земле, и по небу утекают. Утеkanie, впрочем, идет пока «аристократически» медленно, не торопясь. Ночью, конечно, опять по шоссе загромыхали обозы. Говорю, чувствую себя, как «под Избицей»: о нас забыли. А кто такое «мы» – невооруженное стадо хохлов с кучей мужицких телег. На ночь расставил соглядатаев, чтобы смотрели в оба и не прозевали бы обозов 1-го разряда – тогда утекай. Жутко, не хочется ни за нюх табака проехаться в Вену или в Берлин. Первая «Избица» кончилась трагикомически, чем-то кончится вторая. А пока закончил шоссе и до поздней ночи опять возился с панами, сколько у меня их перебывало, штук 30. Кой-кого угощаю папиросами, паны тают и фамильярничают. Один такой, лет восемнадцати, рассказывал мне про «германов» и про лошаков, как германцы лошаков вводили и «пенензы»^{*} не платили – тема обычная, допытывался он у меня «чи я запасный, чи кавалер»^{2*}. Або я вем^{3*}, кто – я не запасный, но и не действительный, впрочем, для поддержания престижа, сказал хлопаку, что я кавалер. Читаю сейчас «Первые люди на Луне» Уэллса. Дразнит меня судьба, зашел в Радоме в магазин, купил там первопопавшуюся книжку, а в ней оказывается *Gravitationsproblem*^{4*}, и притом так лукаво, заманчиво изложенная. Положим, в книжонке много чепухи – но не она важна, а импульс.

Вышел в поле – звездное небо, дразнит и упрекает той же *Gravitation's problem*. Тихо, тишина мертвая, страшнее самой ужасной канонады. Австрийцы сидят, наверное, сейчас в своих окопах и кейфуют, зачем попусту людей и снаряды тратить, Радом должны отдать. А город спокоен «вшиске едно»^{5*}, что руссак, что пруссак», как говорил мне пленный австриец под Красноставом.

Раец Д[уховный], 23 июня

Ужасная музыка, хуже пушек, этот ночной стук по шоссе отъезжающих обозов. А мы стоим и дожидаемся, как дурак, когда его огреют дубиной. Совесть чиста, дорогу окончили – но стоим. А эти проклятые обозы, как только

^{4*} Сокращение расшифровано неуверенно.

^{5*} Далее в дневнике вырван один лист.

* Pieniądze – деньги (*польск.*).

^{2*} Или военнотружачий запаса, или действительный военнотружачий

^{3*} Откуда я знаю (*польск.*).

^{4*} Гравитационная проблема (*нем.*).

^{5*} Wszystko jedno – все едино, все равно (*польск.*).

стемнело, зажужжали, как комары, нервируют и волнуют. Немцы подлезают и с юга. Жидовский Красник стал опять «трагическим» Красником. А с нашей стороны полная пассивность. Положим, эвакуация Радома, видимо, «предупредительная». Если немцы напрут особенно сильно с юга – уйти необходимо, если же их отгонят, смысла уходить нет. Но мне не легче, ей Богу, сижу и жду, когда ахнут, глупо, как не знаю что.

Читал опять всякую петербургскую журнальную гниль и каких-то «Псоглавцев»¹, глупую, сентиментальную чешскую повесть.

Ах, эти обозы, ей Богу, как комары, уснуть не дадут.

Раец Д[уховный], 24июня.

Иванов день

В моей халупе одинокой
Сижу и коротаю день,
Газет читаю дребедень,
И скуки лень каменно[о]кой
Свою раскидывает тень
В окно июньская истома
Вливает душную волну,
Зовет к томительному сну
И оглушительного грома
Не дожидаясь, я зевну
Иванов день горит и пышет
И тишь на небе и земле
А в золотисто-жаркой мгле
Земля беременная дышит,
Забыв о добром и о зле
Но ночь придет и жутью странной
Заговорите вы поля
И ты зловещая земля
Перед вселенною безгранной
Застынешь в страхе и моля

Ночь, опять затрещали обозы, но теперь как-то привык, шумят и поезда и успокаивают. С каким трепетом разворачиваешь теперь газету, ну наконец-то, авось ударил на Прасныш, нет, по-прежнему скверно и скверниссимо. Меня во всей этой катавасии, завязавшейся с конца апреля, интересует только вопрос*, сколь велик процент добровольности в этом отступлении. Сейчас вот здесь, видимо, застыли в таком положении: смотря по обстоятельствам, или дери во все лопатки, или непоколебимо стой.

Литература моя иссякла, и Уэллс, и Псоглавцы, и я опять, как рак на мели, с Фаустом, теперь со 2-ю частью.

Раец Д[уховный], 25 июня

У меня, кроме «Фауста» лежат еще «Драматические сцены» Пушкина, их я проглотил вчера на сон грядущий. Пухлый Фауст и щедедушные драмы Пушкина, невольно произносишь* Сальери и Моцарт. Я знаю, что Гете

* Далее зачеркнуто начало слова: «нас».

* Окончание слова «произносишь» или «произносим» читается неуверенно.

не Сальери. Фигура Гете грандиозна, Пушкин – человек, но тем самым удельный вес моцартизма куда выше у Пушкина, чем у Гете. «Фауст» Гете и «Фауст» Пушкина – вот он пробный камень. Ф[ауст] Пушкина так прост, классичен и глубок. «[Фауст] Мне скучно, бес. [Мефистофель.] Что делать Фауст, такой вам положен предел»¹ – в этом вся трагедия пушкинского Фауста. Знание – скука, бесконечная, безысходная – остается путь преступления. «Все утопить», на этом и гибнет Фауст Пушкина. Но вот Ф[ауст] Гете – тучный, тяжелый, нелепый, иногда поразительно глубокий, иногда глупо-смешной. Ф[ауст] Пушкина – Аполлон Бельведерский во всей его красоте и глубине. Ф[ауст] Гете – пирамида Хеопса, грандиозная, сложная, таящая сокровища, но нелепая. И я предпочитаю Пушкина. А сейчас вспоминаю о Михайловском, о Сороти, о Святогорье² и белом мраморе могилы Пушкина.

Раец Д[уховный], 26 июня
8 ч[асов] утра

Вчера к вечеру решил ехать за книжонками в Радоме, с Вальпургиевыми ночами и Mummenschanz'ами* стало невтерпеж. Поехал верхом... с Шиховским и пробыл там с 7 до 12, сюда вернулся только во 2-м [часу]. Что я делал в Радоме? Сначала покупал книжки, ел мороженое, сидел в саду, затем Шиховский пригласил посмотреть на его охоту за (прервали, надо уезжать).

д[еревня] Лисов*, 26 июня

Продолжаю. Я принял участие в погоне Шиховского за некой таинственной незнакомкой в черном, худой, высокой, изящной, гонка продолжалась долго, дева кокетничала, но ускользала, как угорь. В конце концов, случилось чудо. В городском саду к незнакомке подошла другая незнакомка – абсолютно такая же, как первая, тот же рост, худоба, стройность, платье, походка. Теперь Шиховский продолжал охоту уже за двойником, не зная, которая настоящая – в результате ниц^{2*}. Город совсем не тот, каким я думал его увидеть. Спокойный, праздничный, в губ[ернаторском] доме стоит шт[аб] 16[-го] корпуса, по саду шатаются всякие генералы и полковники лезут к девчонкам. Никакой тревоги. Цо то есть^{3*}? Или это индифферентизм, или все обстоит благополучно. Город красивый и trotz allem^{4*} европейский. Вернулся поздно ночью и нашел у себя в халупе записку, что завтра в 7 ч[асов] утра рота должна передвинуться в Едлин[ь]ск, на дорогу Едлиньск–Гловачув. Проснулся в 5 ч[асов] утра, а в 7 ушел из Райца. Дождик, свежо, идем большею частью лесами. У полей вид осенний. Вчера начали жать, уже больше половины сжато. Эти бритые желтые поля, серые тучи и дождик совсем не похожи на июнь. Панамам хотели сначала сжечь все поля во избежание захвата хлеба немцами, но сейчас произошел какой-то удачный поворот, позволяют жать. Сегодня ходит слух о том, что под Люблином разбиты 2 нем[ецких] корпуса и взято до 11 тысяч пленных. В Лисове (в[ерсты] 3 до Едлин[ь]ска) я остановился

* Маскарад¹ (нем.).

* Здесь и везде далее Вавилов пишет «Лисов» вместо правильного «Лесюв».

^{2*} Ніс – ничего (польск.).

^{3*} Co to jest – что это такое? (польск.).

^{4*} Несмотря ни на что (нем.).

у пана ксэндза. Дом у ксэндза, конечно, благолепный, тут и бумажные розы, и вязанные салфетки, и Лев XII в 50 видах, снимок с внутренности костела, рисунок костела. Ксэндзу меня не хотелось пускать. Ксэндз старый, худой, маленький, иезу[и]тской внешности, говорит, что с ним живет сестра. Сомневаюсь. «Сестра» эта – баба лет 30, похотливая, и чуть не с первого слова мычит, как корова. Комната ее как раз рядом с моей и есть общая дверь. Бедный ксэндз, очевидно, ревнует и охраняет целомудрие своей «сестры». Боюсь, однако, как бы эта сестра не вызвала ночного скандала и не пришлось бы мне подраться с ксэндзом.

У ксэндза большой «огрод»^{5*}, опрятный сортир, качалка, священные книги. Против дома старенький костел. Вдоль деревни роют окопы.

Ездил в Бартодзее, где остановился Шиховский. Старый барский дом на горе с высоченными колоннами, с мезонином, с балкона открываются поля, речушка, засветило солнце мирно и уютно.

К вечеру мне сделала недвусмысленный визит ксэндзова сестра, правда, в сопровождении девчонки, дочери органиста, для первого раза, под прикрытием. Видимо, разыграется сцена из Декамерона. И, главное, в доме поч[т]енного иезуитского^{6*} ксэндза. Декамерон, так Декамерон.

А кругом меня благолепие, напротив у органиста бренчат на каких-то цимбалах духовные стихи и какой-то мальчик тянет Amen^{7*}. В костеле позванивают. А тут роман с попадьей. Итак, уже 2-ю ночь я провожу a la Casanova^{8*}. Это ново, хотя пока и безрезультатно.

Лисов, 27 июня

Ночь прошла ganz ruhig und ohne Abenteuer*. Ездил утором в Едлин[ь]ск, място, как място, с костелом и жидами. Купил газеты, вести утешительные, хотя ничего решительного еще не заметно. Погрохатывают пушки. У попа на дворе отвратительно кричит павлин. Попадья не показывается. Читаю «Путешествие на Луну» Ж. Верна и страшно доволен. Надоест Ж. Верн, возьмусь опять за Фауста. Из Москвы идут Reclam'овские¹ подкрепления, а до тех пор хватит Ж. Верна.

У попа на дворе хрюкают свиньи и кричит павлин. Кем лучше быть, свиньей или павлином? Свинья создание гармоничное – пяточок, хвост и голос, все звучит аккордом, а павлин ходячий диссонанс. Райская птица с голосом свиньи. Ей Богу, в павлине^{2*} что-то мистическое, почему он не фигурирует во 2-й части Фауста[?] Ходячая аллегория и символ.

Попадья появилась и приключение близится к развязке. Будь я поэтом, написал бы комическую поэму «Ксэндзова попадья». Как только ксэндз за дверь, в костел или на требу, попадья тут как тут. Через окно слышно, как гудит орган, отпирается дверь и появляется попадья. Ей Богу, не думал, что я стану героем Декамерона. Ксэндз с рогами – это и для Декамерона сюжет рискованный. Пока, положим, он еще не с рогами.

^{5*} Ogród – огород (польск.).

^{6*} В оригинале «иезуитского».

^{7*} Аминь (лат.).

^{8*} А-ля Казанова, как Казанова (ит.).

* Тихо, довольно спокойно (нем.).

^{2*} Слово «павлине» написано поверх зачеркнутого «свинье».

Лисов, 28 июня

Воскресенье. В костеле гудит орган, поют кобеты. Попадья, конечно, тут как тут, хотя и с молитвенником в руках. Alles geht planmässig*. Вся эта история мне очень нравится. Газет в Едлин[ь]ске не нашел, зато какие-то мортирные прапорщики, поселившиеся здесь с парком, рассказывали о «взятии Дарданелл». В Радом возвращаются удравшие оттуда лазареты, вообще дело как будто улучшается. Читаю по-прежнему Ж. Верна, e me ne vanto^{2*}.

Ксёндз заговорил, просит у меня вестового скосить ему рожь. Собственно нелепость, но как отказать. Рассказал попу, что я был в Риме. «Э, там каноников почитают меньше, чем лошадиный хвост». Вообще попик с[о] светским направлением. Рассказывал, как он водил нем[ецкого] генерала по Лисову и говорил с ним по латыни. «Aula, aula»^{3*}, тыкал на карту генерал, ища указанный господский дом. «Fuit aula sed divisa est»^{4*}. Попик с коммерческими наклонностями и тоже жалуется, что «лошаков» немцы позабирали. Был тут Фалькевич и отрекомендовал меня. Мне ксёндз так и сказал, что я «несмальный»^{5*}. А и у ксёндзов, как у попов, «руки загребушие».

Ж. Верн прочитан и снова Фауст в руках. Чувствую себя сейчас как-то тоскливо, снова затосковал по милой физике. Что-то будет?

Лисов, 29 июня

Вчера с вечера и по сю пору владеет мною какая-то хандра, однообразие начинает тяготить, попасть бы хоть под огонь и немного разогреться. Опять поползли воспоминания, да кстати, сегодня ведь юбилей. В прошлом году в Петров день вечером я надел шаровары и сапоги, просмотрел багаж, окинул печальными глазами свои книги, перекрестился, сошел вниз и поехал на Брянский вокзал¹. Помню там чай с ликером, Генашей e tutti quanti*, желтый воинский билет. На другой день к вечеру в таратайке вместе с покойным Дурасовым приехали в Любуцкий лагерь. Ну а уж тут «the time is out of joints»^{2*}. Первые дни я ходил, как сумасшедший, не понимая, что это такое. Потом начало кое-что нравиться. Вечерняя «зоря» с барабаном, с розовым небом, какая-то странная, благоговейная тишина – вас я не забуду. Лагерь, жара, Турчин, Ока, а потом это знаменитое воскресенье, когда ударил гром из ясного неба. Сидели мы по случаю воскресенья в палатках, ели мороженое и побаивались Турчина. Но вот появился какой-то писарь и с таинственным видом сообщает, что лагерь снимается, едем в Москву, не то усмирять забастовщиков, не то тушить лесные пожары. Через час узнали – все. Мобилизация, война. Загремели оркестры. Войны хотелось, и было бы страшно досадно, если бы ее предотвратили. Я фаталист, был им и остаюсь. Война эта – моя. Благодарю Бога, что вместо кукольной комедии мне пришлось участвовать в великом деле. Итак, собственно сегодня – год моей службы. Теперь я свыкся и, право, если бы я знал, что «сбудется в жизни со мною»², если мне не суждено

* Все идет по плану (нем.).

^{2*} И тем горжусь (ит.).

^{3*} Двор; дворец, господский дом (лат.).

^{4*} Дом, однако, разрушен (лат.).

^{5*} Несмелый (польск.).

* И остальными (ит.).

^{2*} «Распалась связь времен» (англ.).

сделаться ученым, я бы остался военным. Жить я могу только «созерцательно», а военный мундир – та прицепка, которой можно ухватиться за жизнь и быть вполне внутренне свободным. Я буду всегда мечтателем, полуученым, полупоэтом, но надо же как-нибудь держаться за жизнь. Быть солдатом вроде Шиховского, сучить кулаки и пускать матерщину, я не смогу, но этого и не нужно. Вот он, тот знаменательный вывод, к которому я прихожу в день моего военного юбилея: военная служба – лучший *modus vivendi*^{3*} для неудачников, если я не буду ученым, я желал бы остаться военным. Скользить над жизнью – а только это я и могу, жить я не умею.

Военных новостей не знаю, тихо и скучно, кругом роют окопы, грандиозные, с бойницами с комфортабельными блиндажами, но работают страшно лениво и едва ли ко времени успеют.

Пан ксёндз продает свой тяжеловесны[й] «Волан» мортирному доктору за 80 руб. и торгуется хуже жида. Вообще мой попик похож на жида.

Вечером пошел пить чай к мортирным, ну, конечно, сплетничали. Попадья тверда.

Лисов, 30 июня

Вот и конец этой книжке. Еще прошло полгода, странные, не яркие, бескрасочные, война все время была далеко и впечатления от нее поверхностно-газетные. Что я делал? Плыл по воле волн, из тел[еграфной] роты занесло в этот вонючий военно-дорожный отряд, с которым и блуждаю из халуп к помещику, от помещика к попу. Я все еще в тумане и не очнулся с 29 июня 1914 года, да и не могу очнуться. Вот попаду снова к себе, «к книгам милым[»] моим – тогда все пойму и оценю, а сейчас я все время живу, как оглушенный, и не ясно себе самого себя представляю. Верст на 500 радиусом отсюда – меня никто не знает. *Solus sum*^{*}. Там, в тел[еграфной] роте были милые люди, которые меня, наконец, начали понимать, здесь все чужое и холодное. Физика – далеко от меня. За эти полгода думал немного о Gr[avitation's] prob[lem], написал заметку о прин[ципе] отн[осительности], но до сих пор никакого ответа не имею. Пробовал читать физ[ические] книги – из рук валятся. Один Фауст со мной и его я действительно читаю сейчас так, как никогда уже больше не буду читать. Эти полгода – сонный туман, Бог знает, когда он прояснится. Писал я тут, что видел, чувствовал, слышал и думал. О многом, конечно, не написал, но все-таки писал одну правду.

Тут все старое. Кисло-сладкие газеты за 29 июня. Поп с попадьею. Тошнотворная дорожная работа, шумит ветер у попа на «огроде».

Вдали загромыхали. С час болтал с ксёндзом. У попа одна тема:

«Христиане скупы стали,
Деньги любят, деньги копят,
Богу мало дают».

^{3*} Образ жизни (лат.).

* Я один (лат.).

О войне у попаки представления самые фантастические, ему все равно, хотя бы даже и под германову руку отойти. Поп бродяжничает от прихода в приход, ищет, где лучше, удрал бы и теперь, да Сандомир, где живет епархиальный епископ, в немецких руках. Любит выпить, только и разговору, что [о] венгерском да коньяках. Вообще старичок любопытный.

Finis^{2*}

Июль – сентябрь 1915

Horchet! horcht dem Sturm der Horen!
Tönend wird für Geistesohren
Schon der neue Tag geboren.
Felsentore knarren rasselnd,
Phöbus' Räder rollen prasselnd,
Welch Getöse bringt das Licht!
Es trommetet, es posaunet,
Auge blinz und Ohr erstaunet,
Unerhörtes hört sich nicht*.

Nur fort! Geschwind!

.....

Und Ihr seht drein
Als solltet Ihr in den Hörsaal hinein,
Als stünden grau leibhaftig vor Euch da
Physik und Metaphysika!^{2*}

Faust (1 и 2 Teil)^{3*}

д[еревня] Лисов
1 июля 1915 г.

д[еревня] Лисов, 1 июля

Начинается новое полугодие. У меня есть предчувствие и надежда, что волна войны не перекатит за его рубеж, поэтому-то я и дал книжке такой пышный и звонкий гётевский эпиграф: «Phöbus' Räder rollen prasselnd»*. Война будет победной, а в моей личной жизни вновь взойдет закатившееся

^{2*} На этом заканчивается первая книга дневников за 1915 год, вторая начинается в новой тетради.

* «Чу! Шумят, бушуют Оры! / Шум их слышат духов хоры; / Новый день увидят взоры. / Чу! Скрипят ворота неба! / Чу! Гремят колеса Феба! / Сколько шуму вносит свет! / Трубный звук гудит и мчится, / Слепнут очи, слух дивится, / Лишь для смертных шума нет!» // *Гёте И.В. Фауст*. Ч. II. Сцена I. Слова Ариэля / Пер. с нем. Н.А. Холодковского.

^{2*} «Ну, прочь! Скорей теперь за мной! / / А вы стоите с видом скуки, / Как будто вам приходится идти / На лекцию и вот уж на пути / И метафизика и физика пред вами / Как бы стоят с постылыми словами!» // *Гёте И.В. Фауст*, Ч. I. Сцена VIII. Слова Мефистофеля / Пер. с нем. Н.А. Холодковского.

^{3*} Фауст (1 и 2 часть) (нем.).

* Гремят колеса Феба (нем.).

тихое комнатное солнце. Второй эпитаф – иронический. Война закрутила меня своим смерчем, а передо мною все-таки «leibhaftig Physik^{2*} [und Metaphy]-sika»^{3*} и это «Nur fort! geschwind»^{4*} для меня немисливо. Я только смотрю на все. В машине войны я, правда, какая-то гайка, но почти забываю об этом.

«Des Lebens Fackl wollte ich entründen,
Ein Feuer meer umschingt mich Welch ein Feuer!»^{5*}

Но мой-то факел еле тлеет, вокруг меня моря огня – но я только зритель.

Сейчас за окном шумит дождик, и грозно громяют пушки «Welch Getöse bringt das Licht»^{6*} – вот он грохот восходящего солнца победы и моего покоя. У ксёндза в доме тихо, ни одна живая душа не пошевелится. На столе у меня по-прежнему «Faust» – мой «вечный спутник». Читаю и разгадываю ребусы 2-й части. Утром читал кучу газет – все уныло и серо, и о восходе солнца – ничего, но я «credo, quia absurdum»^{7*}. Работы моей полуроты не интересуют меня совершенно, перекапывают и засоряют дорогу ветками, делая ее не лучше, чем она была прежде.

2 июля, Лисов

Пасмурно и холодно. Изредка гудят пушки. В газетке полное безразличие. Зашел ксёндз, и опять главная тема – «венгерское». Рассказывает про какого-то попа в Ненашеве, который фабриковал ликеры, про другого, у которого немцы разграбили венгерского на 5000 руб[лей], вообще атмосфера бенедиктино-декамероновская. Попик откуда-то узнал, что вчера под Пшитыком взяли 1000 пленных. После обеда пошел к мортирным. Доктор Абр[ам] Сем[енович] Милкин* говорит о чем угодно, об А. Франсе, гондолах, Оффенбахе. Вернулся и опять за Фауста, а сейчас сяду на мерина и поеду отбывать повинность – смотреть дорогу.

Перед ужином в окно заглянул ксёндз и завел беседу о каком-то «universitas asinorum»^{2*}. После ужина пошел к мортирным; веселый, жизнерадостный остроумный народ, а я сидел в уголку, слушал, как Едлин[ь]ск именовали Еблинском, и молчал «und ich sah drein, als sollte ich in den Hörsaal hinein, als stünden grau vor mir da Physik und Metaphysika»^{3*}. Пришел взводный, притащил записку от Оранского. Завтра двигаться под Люблин на какое-то шоссе. Итак, «все минутное, земное разлетается, как дым»¹, сгинеют^{4*} в отдалении и ксёндз, и мортирные прапорщики. Впрочем, я доволен. Странствовать так странствовать, солдат только жалко.

^{2*} Далее в листе вдоль строки вырезано ножом одно или несколько слов.

^{3*} Подлинная физика [и метафизика] (нем.).

^{4*} Прочь! Скорее! (нем.).

^{5*} Лишь факел жизни я зажечь желаю, / Меня ж объемлет огненное море (нем.).

^{6*} Сколько шума вносит свет (нем.).

^{7*} Верую, ибо абсурдно (лат.).

* Далее в листе вдоль строки вырезано одно или несколько слов.

^{2*} Ослином университете (лат.).

^{3*} Я представил себе, будто я должен быть в аудитории, будто предо мной мрачно стояли физика и метафизика (нем.).

^{4*} Сгинут (польск.).

д[еревня] Хута (у Едльни), 3 июля

Утром дождь и невыразимая слякоть, катаю от Лисова до Бартодзее и обратно. Часам к 3-м собрал свою «фалангу» – 1 взвод и 26 повозок. Идти предстоит 3 дня и, главное, я – полный хозяин. Оглянулся на красивый помещичий дом Бартодзее и поплелся. К вечеру прояснилось, через бесконечную Ястржебе, через бесконечный Казенный лес добрался до этой взбалмошной деревушки, деревня разбросана на каких-то песчаных холмах и сразу больше 2–3 халуп не увидишь. «Мешкаю»* в огромной халупище, первый раз такую вижу, думал, что бывший трактир – нет, халупа. В халупе бабка с внуком, рас[сказывает]^{2*}, конечно, как у ней тут мешкали 10 германов «наистарших», как пили целую ночь, «цо я не вем – вино аль бо цо?»^{3*} «Все побывали тут»¹. Газета сегодняшняя тревожна, и с севера прут. Neu mihi^{4*}, ей Богу, начинает прокрадываться безнадежность. Я доволен все-таки, что удираю за Вислу, и на новое место, но вот беда, этот рубеж, на котором мы успокоились, Оссовец-Брест-Львов, будет ли он рубежом? А как досадно читать старые газеты, хотя бы и «Corriere della Sera»^{5*}, где за 2 дня до падения Перемышля поется о том, что Перемышль себя покажет.

Польша вся сейчас «от халуп и до дворцов» похожа на отель. Отельная вежливость, отельное безразличие; через те же халупы прошли и немцы, и мы, и австрийцы, и поне[в]оле повсюду трупный запах отеля.

4 июля, д[еревня] Самоводзе

День сегодня прелестный. Солнце слегка затуманено легкими облачками, жжет только изредка. Через Едльню, среди нескончаемых лесов шли вразвалочку, сделали за день, кажется, верст 28. В Августове – обед, здорово едят солдаты, ей Богу, им завидно, а мне для поддержания реноме приходится питаться осточертевшими сардинками и зйнемовским шоколадом. Резиденция моя в Августове была дачка какой-то капитанской вдовы, дамы за 40*, с папильотками, при ней сын кадетик, разбитной мальчишка. Дама и кадет набиты до *pes plus ultra*^{2*} всякими варшавскими слухами: под памятником Мицкевича разыскали беспр[оволочный] телеграф, какой-то Hoffman проецирует в 12 ч[асов] ночи сигналы на небо; в оф. ж. лавке опять беспр[оволочный] телеграф. Кадет, корпус которого временно ютится в казармах Гр[енадерского] Сап[ерного] Бат[альона] в Сокольниках, хает Москву. После обеда пошли Казеницкие трагические леса, кресты, кресты без конца, по 3, по 4 над одной могилой, всюду обрывки патронных коробок. Кадет рассказывал, что недавно во время лесного пожара к горящему участку подойти нельзя было, ежеминутно взрывались патроны, рассеянные, как горох, по лесу. Страшные леса. Деревни все спалены. Долго искали, где бы приютиться. Это Самоводзе спалено тоже на 3/4. Деревня очень уютная. Моя халупа кругом в зелени; закоулочки, сараи – все похоже на какой-то теремок. Внутри благообразие:

* Проживаю – от польск «mieszkać» или украинского «мешкати».

^{2*} Восстановлено по смыслу, т.к. в этом месте в странице вырезана часть строки.

^{3*} «Что, я не знаю – вино, или еще что» (польск.).

^{4*} Увы; горе мне (лат.).

^{5*} «Коррьера делла сера» – название ежедневной итальянской газеты.

* Далее в листе вдоль строки вырезано одно или несколько слов.

^{2*} Дальше некуда (лат.).

тюлевые занавески, вазы с цветами, матки Боски разукрашены цветной бумагой. Паны все на окопах. Кое-кто начал строить новые халупы, да бросили. Вероятность, что Герман пшидет^{3*} больше 50%. Наделали тут всяких окопов и заграждений, но цель их теперь проблематична. Мерин мой захромал. Читаю «Le temps»^{4*}. Хорошо быть французом, все их любят и похваляют, даже немцы, а на нас несчастных даже французы только покровительственно смотрят. Просмотрел ворох «Русских Ведомостей». Бррр... какая гадость!

д[еревня] Уленж Гурный*, 5 июля

С половины восьмого до половины девятого вечера шли. Сел на того самого идиотского мерина, которого Шиховский мне когда-то подсунил. Вот она и Висла. Два огромных моста у Павловице. Когда-то их сожгут? Потом начали путаться по дамбам, болотам, мостикам, держа путь на Ивангород. Всюду спешат, опутываются проволокой, роют окопы, строят дороги; тут и мостовые, и шоссе, и фашинные¹ дороги, все укатано, подчищено. Где кончается или где начинается крепость that is the question^{2*}, ее укрепления проследить можно радиусом верст на 20. Прошли мимо форта № 1. Гарнизонные – чистые, приглаженные, так что возьми их в плен, они бы произвели такое же впечатление, как перемышльцы. Странное впечатление производит эта жизнь в крепости, как будто и не на войне, а в то же время и в мирную эпоху почти на войне. Поплутав по крепости, вышли на шоссе на Мошанку. Шоссе просто wunderschön^{3*} – зеркало; обедали в какой-то Лясоны; деревушка в лесу и наполовину сгорела дней 5 тому назад. Паны плачутся, хотя крепостные работы всех питают; сюда в Уленж Гурный^{4*} пришли по пол[ь]ской дороге, унизанной через версту уютными деревушками. Войны здесь совсем еще не знают. Солдаты производят диковинное и ужасающее впечатление, девчонки в ужасе разбегаются и прячутся в юбках у матерей; в какой-то деревне мальчуган даже спросил «то енцы идуть?» Да, я сейчас в глубоком тылу, сюда заходят только одни вездесущие саперы. Но тылу, вероятно, скоро предстоит обратиться в[о] фронт. Пушки гремят теперь уже с юга, и я пользуюсь ими вместо компаса и солнца. Газет не читал уже дня 3, но зато пушки по-прежнему несут свои вести со скоростью звука. Сегодня на юге целый день ужасный грохот. Уж не знаменитая ли немецкая «метла» работает? По звуку определяю, что бой идет в 30–40 верстах отсюда к югу, т.е. приблизительно у Юзефова. А здесь мир и благоволение, у помещика даже настойка водится. Поселился в каком-то пустом доме, видимо, конторе с телефоном на столе. У помещика прелестный старый дом с колоннами, с высокой польской крышей. Пил чай, говорил о чем угодно трем полумальчуганам, один из которых очень умен. Деревня вся зеленая, уютная, в такой за всю войну никогда не стоял. А предстоит самое прозаическое занятие – собирание булыжника.

^{3*} Przyjdzie – придет (*польск.*).

^{4*} Название ежедневной французской газеты.

* Здесь и везде далее Вавилов пишет «Уленж Гурный» вместо принятого сейчас «Уленж-Гурный».

^{2*} Известные слова из монолога Гамлета: «Вот в чем вопрос».

^{3*} Дивное, чудесное (*нем.*).

^{4*} В оригинале здесь «Уленж Горный».

Сидел сегодня в Лясоне на пне, стал крапать дождик, оставалось одно: или сидеть на пне под дождем, или стоять под деревом, по этой причине сочинил поговорку: «не садись на пень, ни тебе сень, ни тебе тень, или промокнешь, или сгоришь». Пословица очень нравоучительная.

Итак, путешествие как будто кончилось, впрочем, уходить за Буг, видимо, неизбежно, и я почти доволен, что нахожусь недалеко от выхода из подозрительной петли, в которую согнулся фронт.

6 июля, Уленж Гурный

Где-нибудь, да должна существовать та полоса, где войну знают только по слухам (отчасти пушечным, отчасти газетным), а не на ощупь. Вот Уленж Гурный как раз в этой полосе. Здесь мир самый настоящий, на солдат и меня смотрят, как на выходцев с того света, да и мы себя как-то неловко чувствуем. Солдат здесь помнят последний раз в 1905–[190]6 году, когда они приходили усмирять. И вот на нас здесь смотрят почти как на усмирителей. Видимо, очень скоро отсюда предстоит уехать, а сейчас я сижу между Сциллой и Харибдой, двумя противоречивыми распоряжениями, и жду приезда Шиховского. Пушек не слышно. День серый и хмурый. Газет нет.

8 ч[асов] вечера. Сижу перед раскрытым Фаустом. Жду Шиховского с ротой и бросаю под стол обглоданные куриные кости худой голодной кошке, которая мурлычит и вьется около меня. Наелась, пойдет блудить. Кошачье Wohlgefühl* – нажравшись лежать il dolce far niente^{2*}. Sub specie aeternitatis^{3*} человек мало чем отличается от этой несчастной кошки, правда, функции самосохранения и продолжения рода куда сложнее, но в общем та же глупая машина без цели, есть затем, чтобы плодиться, плодиться затем, чтобы есть.

* Благополучие (нем.).

^{2*} В сладком ничегонеделаньи (ит.).

^{3*} С точки зрения вечности (лат.).

Впрочем, мне какое дело до всего этого, пусть моя машина работает как ей угодно, меня она мало интересует. Я весь in Gedanken^{4*}, в мечтах и мыслях. Правда, мысли эти о мире, и нельзя думать и мечтать о «ничто», о новом своем мире без времени и пространства, без материи и энергии, но все-таки думаю и мечтаю не о себе, а о мире.

Рота не пришла, опять чувствую^{5*}.

д[еревня] Росош (ст[анция] Леопольдов*), 7 июля

Поднялась суматоха, похожая на начало войны. Оказывается, мы, т.е. рота, спаслись почти чудом, сейчас и Радом, и Едлиньск в немецких руках, немцы у Козениц, и армия отходит к Ивангородским позициям. Ударили немцы, кажется, на гренад[ерский] корпус, навалившись на Самогитский полк пятью полками. В результате штаб армии удрал за 60 верст, в Радин, по всем дорогам мчатся автомобили и обозы, а мирный край Седлецкой губернии застыл в ужасе. Гром из ясного неба. Здесь все такое другое, непохожее на это измученное и привыкшее ко всему население Радомской и Келецкой губерний. Помещики и крестьяне просты и наивны, и не знают, что же начинать. Милый пан в Уленже совсем растерялся и готов ко всему. Жалко почти до слез было уезжать из поместья, так тих был этот дом, пруды, малинник, но вот дохнуло «чудище обло» и все желтеет и вянет. Прямо какой-то terror antiquus^{2*}. Утешаюсь по-прежнему тем, что «лес рубят – щепки летят», но будь я на месте этого Яницкого, я, быть может, застрелился бы. Рота будет строить предмостные укрепления, и только. Я, roverino^{3*} – во главе отряда, стоящего вне подчинения Шиховскому. «Отряд прапорщика Вавилова» – это звучит почти гордо. В отряде останется 50 человек, из них 20% кашеваров, обозных и артельщиков. Дело мое – принимать камень и конкурировать^{4*}, который тут же рядом у станции скупает камень. «Nonny soit qui mal y pense»^{5*}, но все-таки совестно, особенно в такие тяжелые, тревожные минуты. Станция Леопольдов чистая и чинная, деревушка маленькая и поганенькая. Взвод уходит от меня завтра в 4 ч[аса] утра. Несчастные, жалко их. Кстати, они меня любят.

Росош* -Леопольдов, 8 июля

Вечереет. Из моего окна чуть желтеется сжатое поле, три халупы торчат из зелени, как боровики из травы, развалившийся забор, полусгнивший колодец; вечернее мягкое солнце золотит сейчас вот эту бумагу. Тихо, ни пушек, ни грохота поездов, только какая-то птица чирикает. На столе у меня «Фауст», маленький, черный и толстый¹, как католический молитвенник; «ведомость» о принятом камне, пяток писем из Москвы, скучных и никому не нужных, да распятие. Мирно и скучно. Днем носился раза три на станцию, говорил и с

^{4*} В мыслях (нем.).

^{5*} Далее в листе вдоль строки вырезано одно или несколько слов.

* Здесь и далее С.И. Вавилов пишет «Леопольдов» вместо «Лепольдув».

^{2*} Древний ужас (лат.).

^{3*} Бедный, бедняжка (ит.).

^{4*} Далее в листе вдоль строки вырезано одно или несколько слов.

^{5*} Пусть стыдится подумавший плохо об этом (фр.) – девиз английского ордена Подвязки; у Вавилова ошибочно «Nonny» вместо «Nonni».

* В записи за 8 июня 1915 г. С.И. Вавилов дважды пишет «Росош» вместо «Росош».

жидами, и с панами, и с нач[альником] станции. На своем новом, бородатом мерине, маленьком, но удалом, ездил к войту² в посад Рыки. Посад большой: костел, десяток колбасных, жидовские полусгнившие хаты, цирюльник, кладбище. В посаде стали хлебопекарни, и растолстевшие на казенном хлебе пекаря развлекаются рыбной ловлей. О войне ничего не слышно, только паны удивленно переговариваются: в Рыках солдаты, в Россоше солдаты! Цо то бэнде^{2*}. По ж[елезной] д[ороге] на Ивангород везут автомобили, мортиры, аэропланы и прочую прелесть. Чувствую себя без книг страшно тоскливо, а Смит в письме еще раззадоривает: «Не приедешь ли осенью в Москву, мечтаю о том, как хорошо будет побеседовать, сидя у тебя наверху на диванчике, и пофилософствовать». Я, впрочем, мечтаю не о беседах, а о книгах.

Росош-Леопольдув*, 9 июля

Газету последний раз видал 3 июля и доволен, что целую неделю их не вижу. Лучше будет сразу узнать «иль скорбь великую, или великий праздник», чем чувствовать мелкие уколы. Здесь тревожно, вчера вечером летали 3 аэроплана вдоль Ивангородских окопов, сегодня слышал удар крепостного орудия. Железнодорожники с тоскою чувствуют, что придется утекать^{2*}, пассажирские поезда идут битком набитые беглецами из Ивангорода, Н[ово-]Александрии. Некоторые еще надеются, что повторится октябрьская «виктория». Но это едва ли. Ивангород и Новогеоргиевск, вероятно, будут осаждать, Варшаву отдадут, а мы очутимся у Бреста. Уж и сейчас до Бреста рукой подать.

После обеда ездил в д[еревню] Ключев, в гмину¹, все насчет того же камня. Паны упорно отказываются возить его, боясь, что не заплатят, то ли дело жида, те с удовольствием принимают квитанции – приятно иметь дело с жидами. В Ключеве любопытный костел, в солидной каменной ограде, с башнями, все, видимо, конца XVII или начала XVIII в. Гминный писарь – почтенный старец с лицом Брамса, или какого-нибудь hrabii Zamoiskiego^{3*}. По деревням показались солдаты, рыщут казаки, бродят этапные «братцы». Видимо, в Россоше остановится штаб корпуса. Какого? Видимо, гренадерского, хорошо бы 25-го! По дорогам опять застучали удирающие обозы, навоящие на всех уныние, тоску и страх. Пушки к вечеру гремели, но сейчас тихо.

В моей халупе вместе со всякими матками Босками висит, между прочим, очень странная икона Ченстоховской Б[ожьей] М[атери]. Словно с «Бубнового валета»², точно Н. Гончарова ее рисовала, до того все энергично, ярко, смело и наивно. До сих пор не решил, надруковано^{4*} это, или написано, если это олеография, то это только жалкий лубок, если живопись – то это большое худ[ожественное] произведение. Сейчас исследую. Видимо, лубок. Но все-таки это поразительно, наивно и просто, или это манерничанье, или детская великая наивность.

^{2*} Что то будет (польск.).

* В оригинале здесь «Леопольдовка».

^{2*} Удирать (польск.).

^{3*} Графа Замойского (польск.).

^{4*} Напечатано (украинск., польск.).

10 июля 1915 г.

Невеселые вести. Нач[альник] станции рассказывает, что немцы перешли Вислу где-то у Ново-Александрии. Мы подаемся и подаемся. Все дело в том, если это Кутузовский маневр, т.е. если мы отходим добровольно и подаемся, как резина, чтобы потом рвануться и опрокинуть все, то все благополучно,

жаль Польши, и чувствуем временный конфуз. Но если это не так, если мы подаемся, как гнилой, ослабший гриб*, который где ни ткни – образуется дыра, тогда *horribile dictu*^{2*}, остается надежда только на чудо. Так вот что же сейчас наш фронт? Резина или гнилой гриб? Если первое, то нужно быть вполне спокойным, если второе, остается одно отчаяние. А я сижу со своим камнем и жду удирательной телеграммы. Фауст скоро приходит к концу, и если я не получу книжного подкрепления, тогда *verfallen die Ganze*^{3*} постройка – обнимет меня настоящая скука зеленая. Ведь я сейчас один, как перст.

Фауст кончен и теперь одна зацепка [–] Montaigne. Жарко, томительно, летают

мухи и аэроплан, по которому сейчас Ивангород выпустил без толку уйму снарядов.

На закате вышел в поле. Огромное оранжевое солнце медленно и величественно тонет за горизонтом, а с востока поднимается бледная, как мертвец, с припухлой щекой, луна. Жизнь и мечта, созерцание, зеркальность. Я человек лунного света, ночи, звездного неба и не люблю обманчивого, гремящего золотого дня. Пушки отрывисто гремят. Воротился в халупу, сел за отчет по камню. Вот попался и Елисавет Воробей, какой-то Ева Леопольдов. Шиховский пишет, что не нынче-завтра я должен буду бросить это пустое собиране камня. Не нужно, так не нужно, *feci quod potui*^{4*}, собрал 13 кубич[еских] сажений!! И могу почить на этих каменных лаврах.

11 июля, Росosh-Леопольдов

На станции появился железнодорож[ный] батальон – это уже гробокопатели, приходится *lasciar ogni speranza*^{*}.

Год тому назад, 11 июля, в воскресенье сидели мы мирно по палаткам, кушали мороженое и побаивались Турчина. Но вот какой-то писарь занес весть, что лагерь не сегодня-завтра снимается – идем умирять забастовщиков. Газет не видали уже две недели. К обеду дело выяснилось, готовится мобилизация, в собрании 17[-го] батальона разыскали «Русск[ое] слово» со вся-

* У Вавилова «грим».

^{2*} Страшно сказать (лат.).

^{3*} Погибай вся...; здесь: все пропало (нем.).

^{4*} Я сделал [всё], что смог (лат.).

* Оставить всякую надежду (ит.).

кими ультиматумами, и сразу все стало ясно. Война. Загремели оркестры, солдаты и офицеры заходили петухами. Было жутко, но страшно хотелось войны, было бы страшно досадно, если дипломатам удалось бы погасить пожар. Но повторяю, было жутко, немцев я знал и немцев боялся. К вечеру сняли палатки, уложили багаж и спали на койках под открытым небом.

2 ч[аса]. – Ухожу в п[оселок] Баранов^{2*} на окопы, камень бросаю на произвол судьбы, жалко милых панов, которые ко мне все приставали с «пенензами»^{3*}, а сейчас я от них удираю. Одиссея продолжается. В самом деле, я герой только Одиссеи и очень мало Илиады.

А propos^{4*}, вчера я изобразил Matku Bosku в византийском духе, рядом с ней висит ультракатолическая Madre di Vicenza^{5*}: это куртизанка какая-то, а не Мадонна, попробую-ка я ее изобразить.

Вот эта смесь куртизанки отточеното с византийской Богоматерью и лежит в основе польской религиозности. Мадонна с декольте, тут уже к религиозному Andacht^{6*} прибавилась неаполитанская чувственность. Польша печальная, стиснутая^{7*} Востоком и Западом, со славянской русской кровью, с романской душой и придавленная немецким тупоумием. Судьба ее уже написана и не быть ей никогда самой собой, свободной и повелительницей. История уже погубила Польшу.

12 ч[асов] ночи, 11 июля, Баранов

Баранов, 12 июля

Пришел сюда вчера в 10 ч[асов] вечера по старой дороге, мимо Уленжа. По дороге чей-то привязной наблюдательный шар; над шоссе нахально вьется нем[ецкий] аэроплан. По дорогам – переселение народов, бегут из-за Вислы целыми деревнями – табором, с коровами, поросятами. Всюду мычанье, хрюканье. Тихий Уленж мирно освещается луной. У Баранова перешли через Вепш*, пришел ночью, ничего пока еще не видал. Остановился у Шиховского в помещении школы. Придется строить тэт-де-пон^{2*} у Баранова, в окопах я ничего не понимаю и не знаю, как примусь за дело.

^{2*} Здесь и везде далее С.И. Вавилов пишет «Баранов» вместо принятого «Баранув».

^{3*} Деньги (польск.).

^{4*} Кстати (фр.).

^{5*} Мать [Божия] Виченцы (ит.).

^{6*} Благоговение (нем.).

^{7*} В оригинале «стиснушенная».

* В оригинале «Вепж».

^{2*} Tête de pont – предмостное укрепление (фр.).

Ездил на окопы. Присматриваюсь, в окопах роятся солдаты, паненки, жидаы, работают довольно воодушевленно. Немножко жутко, ведь это не собирание булыжника, а существенная во всех отношениях работа. Местечко кишит, как на ярмарке, «тутейшими» панами, беглыми, жидами. Сегодня воскресенье. Над Ивангородом 4 привязных наблюд[ательных] пункта. Вернувшись, нашел в комнате Фалькевича с каким-то Missgeburt^{3*}, добровольцем женского пола, где он ее-его подцепил, не знаю. Ощущение сейчас здесь тревожное, совсем как в начале войны.

Зашел в костел; костел старый, осн[ованный] в 1612 г., внутри кафедра рококо и опять какой-то отзвук Греко, у паненок, которых в костеле 90%, лица печальные и заплаканные. У ограды толпятся черные паны и судачат, только и слышно: «солдаты, окопы, война, герман». Начинается гроза.

Ужасная погода. С 3 ч[асов] дня и до сих пор хлещет дождь, под этим дождем торчал на окопах, паненки в ужасе разбегаются, еле сдержим^{4*}, только одни жидаы смиренно мокнут. Люблин, кажется, взят. Бэнде цо бэндэ^{5*}. От безнадежности и отчаяния перехожу к безразличию. Окопы понемножку растут. Вечером раздавал деньги окопным панами и паненкам, устал, хочется спать.

Баранов, 13 июля

С 9 до 1 ч[аса] торчал на окопах, разбивал с Шиховским и здорово устал. Небо ясно, панов на окопы собралось видимо-невидимо. Выстрелов не слышно. Переселились из училища в халупу – дом какого-то полуцыгана, с паненкой, которую сейчас объезжает Ш[иховский].

Ст[анция] Леопольдов, 14 июля

Попал я сюда таким образом: Шиховский поручил отвезти всякие бумаги и получить аванс в шт[абе] отряда в Межиречье¹. Выхал из Баранова на повозке часов в 10, а сейчас сию на станции и жду попутного поезда. Вчера вечером носился по окопам, рекогносцировал местность до Вепша, вечером платил панами и вернулся домой только часов в 11 вечера. Паны и паненки кишат, как червяки, в окопах. Паненки кокетливы и сентиментальны. Заставил их маскировать брустверы, натащили васильков с корнями и насажали. В общем схема укреплений такая. Говорят, что взяли Осовец, что Люблин еще не взят и т.д. Поеду в Межиречье, там все новости узнаю сразу.

Заставил их маскировать брустверы, натащили васильков с корнями и насажали. В общем схема укреплений такая. Говорят, что взяли Осовец, что Люблин еще не взят и т.д. Поеду в Межиречье, там все новости узнаю сразу.

Кшивленда*

Поездная и станционная философия. Доехать до Лукова^{2*} труднее, чем сделать переход от Радома до Бреста. На стенах опись имущества, икона, плевательница и т.д. и абсолютно не знаю, что делать. Сию уже 5 часов на

^{3*} Урод, уродец (нем.).

^{4*} Так у Вавилова.

^{5*} Будь что будет (польск.)

* Запись в Кшивленде сделана карандашом.

^{2*} Современное название «Луков».

станции и когда поеду that is the question. Попала наконец в руки газета. Таковую газету я мог бы сочинить a priori 2 недели тому назад, ничего поразительного и ничего для меня. На нас прут, а мы понемногу пятимся. Единственная новость – умер гр[аф] де ля Барт.

Баранов, 16 июля

В Межиречье попал я только в 3 ч[аса] утра. В конце концов, шатание из поезда в поезд, сидение на платформе доводило до отчаяния. Как потом узнал, на дорогах образовался страшный затор. Эвакуация Варшавы идет только по одной Брестской дороге, остальные пути отрезаны. Все бегут, взволнованы, перепуганы. В Межиречье нанял жида-извозчика везти к коменданту. Конечно, жид вместо коменданта привез меня к интенданту, а сам уехал. Ввалился в первопопавшуюся комнату, где ночевали какие-то интендантские чиновники-гуртовщики, и разлегся на полу, один чиновник сжалился и дал подушку. Утром пошел в вонючий штаб вонючего в[оенно]-д[орожного] отряда, получал деньги, подписывал какие-то бумаги, ходил в инж[енерную] часть этапно-хоз[яйственного] отдела, обедал в какой-то грязной харчевне. Межиречье – огромная жидовская грязная дыра. Есть почтенный костел с гордой цифрой на фронте 1477. Но все переделано и покрашено в светлые, сияющие краски. Часа в 4 дня сел в будку на платформе-вагоне и покатил в Луков. Дождь, промок. В Лукове ждал до 10 ч[асов] поезда. Но там весело и нормальная ж[елезно]-д[орожная] обстановка, буфет с бутербродами и даже швейцар с бакенбардами, выкрикивающий «на Люблин 2-й звонок». В Лукове столпотворенье: генералы, утекающие из Варшавы, интенданты, саперные прапорщики, какие-то матросы, пленные австрийцы, на сотню которых приходится один немец. Газеты безнадежны, почти «Lasciate ogni speranza»*. Отход на Брест неизбежен. Уж Русью пахнет, даже здесь в Лукове, и в жид[овском] Межиречье. Это почти приятно, ощущение почти то же, как после возвращения из-за границы домой. Сегодня ночевал в «дамской» на ст[анции] Леопольдов, приехал на панской фурманке в Баранов, и опять целый день на окопах, расплата с панами и пр. Есть у меня теперь книги, но нет времени их читать, и нет времени даже писать дневник. Я устал и завертелся, голова туманна и темна.

17 июля, Баранов

Сидим опять как на иголках, готовые «утекать». Сейчас армия отошла от Н[ово-] Александрии, и временный фронт тянется приблизительно в 10 в[ерстах] от Баранова. Сейчас ночью на небе на юге зловеще пылает зарево многих пожаров. Через Вепш тянутся сотни повозок беглых панов. Война идет. Жутко по-прежнему только за себя, а вообще ко всему происходящему отношусь безразлично (хотя и почти безнадежно). На Брест, так на Брест. Был сейчас один телегр[афист-]прапорщик и рассказывал, что коман[дующий] гренад[ерского] корпуса Мрозовский утешает и говорит, что все идет, как нужно. Верится плохо. Хорошо только, что все перед немцами горит, паны со своим скарбом утекают, и немцев встречает пустыня. Тут есть романтика, а Польша становится и по духу русской.

* Оставьте всякую надежду (*ит.*).

Целый день без отдыха и срока на окопах, расплачиваюсь с панами, и голова пуста, как тыква. Рядом в комнате Шиховский и Оранский – думать – нечего и думать. На самого себя я сейчас совсем не похож.

18 июля, Баранов

Опять по горизонту тянутся кверху дымки пожаров, где-то из-за облаков слышится отвратительное жужжание аэроплана. Паны бегут, сами не зная куда. Вот старина с кобетой и девчиной* гонят толстую свинью с поросятами и теленка. Лица грустные и растерянные. Впрочем, тут кругом совсем нет иронии, Россию жалеют и чувствуют себя русскими. Даже жида печальны.

Теперь почему-то особенно противно быть в в.д.о., гнилом учреждении. Был подп[оручик] Колокольников и с час сплетничал о всем и вся, о Радко, о штабн[ых] офицерах etc. Я по-прежнему устал, катаясь по окопам, раздавая жалование и поддерживая разговор с Шиховским и Оранским. Удивительно неприятные люди. Война гнетет, медленно, но верно, сейчас больше, чем когда-либо, хочется бежать домой к книгам, в лабораторию и забыться. Завтра годовщина войны, печальная годовщина, падут Ивангород и Варшава, и новый взрыв отчаяния. А тут вынимают собственную личную жизнь.

Баранов, 19 июля, годовщина войны

Нас в комнате трое, Шиховский, гренад[ерского] корпуса, я – 25-го, Оранский – 16-го, и вот почти единственная тема разговоров – батальонный и корпусной патриотизм, дело доходит почти до руготни. Немцы 3-мя корпусами перешли Вислу у Павловице и сейчас с этим отрядом идет бой. Годовщина, кажется, будет печальной. Сейчас утром где-то на севере рвут и мечут пушки.

Все утро до полудни идет несмолкаемый рев и грохот, говорят, штурмуют Ивангород. Скверно. Главное, исчезла всякая метафизика и мистика начала войны, комета Делявана*, затмение, Matka Boska Częstochowska^{2*} и пр. Теперь идут какие-то маневры, для нас неудачные. Война, несмотря на нашу неудачу, идет буднично и скучно. Вот что сделал год войны.

Днем бой затих, к вечеру опять загремело. Говорят, что ликвидация прорыва через Вислу у Павловице удалась, и будто взято в плен 23 000 австрийцев. Credo, quia absurdum^{3*}. Это было бы хорошим знаменем, чуду я все еще верю и верю сейчас, в минуту печальной годовщины, что мы победим.

Сегодня воскресенье. Наша цыганка-паненка нарядилась, надела шляпу и похожа на барышню. Пришел какой-то красивый цыган в шелковой рубаше, лаковых сапогах и сейчас прекрасно играет на гармонии.

Баранов, 20 июля

Сегодня тихо, со стороны Ивангорода только отдельные залпы. Насчет «виктории» ничего нового не слышно. Наш Tête-de-pont* приближается к концу, накопили окопов, напутали проволоки, но вот беда, строили мы укрепление, видимо, для шаха персидского. Ни гренадерский, ни 25[-й] корпус не

* Женщина и девушка (польск.).

* Правильно: Делавана¹.

^{2*} Ченстоховская Богородица (польск.).

^{3*} Верую, ибо абсурдно (лат.).

* Предмостное укрепление (фр.).

желают принимать позицию и занимать ее. Вообще все работы в.д.о. отряда по сию пору были сущим онанизмом. Хорошо было в тел[еграфной] роте. Там три прелести: 1) легкость работы, 2) первостеп[енная] важность работы и 3) полная осведомленность. Читаю «Бурсу» Помяловского¹ и собираюсь ехать в Леопольдов опять по поводу «пшеклентаго»* камня.

Баранов, 21 июля

На «Леопольдовке»* вчера застал хаоса бытность довременну¹, все снято, все упаковывается, у нач[альника] станции в комнате засеки из всякого рода «дел». Станция эвакуируется. Железнодорожники и рады, и грустны, рады, что все-таки утекают вовремя, грустны потому, что вообще утекают, надели они себе на околыши фуражек очки против удушл[ивых] газов и чувствуют себя словно в окопах. На обратном пути я перепугался. Шагах в 500 от меня начал спускаться аэроплан по системе немецкий, да русскому тут и делать нечего. Спустился аршин на 200 над землей, метался туда и сюда и в конце концов планирующим спуском снизился за ½ версты. Мораль сей басни такова, никогда не ездите без револьвера. В нашей халупе по-старому, цыганка, кислые яблоки, у всех жителей стоят уже фурманки наготове, чтобы дерануть хоть за Минск. Однако мы довольно упорно сидим в мешке, за который держимся ради спрятанного в нем шила – Варшавы. Сейчас утром тихо, солнце жарит по-июльски, а мухи кусаются по-осеннему.

Поехал по окопам, «Ach wie schon ist die Natur»^{2*}. Синее небо – гигантская лысина с клочками седины – облачками на горизонте [–] лениво свесилась над ленивой землей. Над болотами тяжело летают нелепые цапли. Июль. Но война проехала по всему пейзажу своим трагическим лаком – там из горизонта торчит привя[з]ной шар, клубится дым пожаров, по зеленому картофелю и несжатому овсу врезались окопы и заборы проволочных заграждений. «Будет некогда день»² – этот лак улетучится и все опять станет тихим, мирным и скучным.

Дронжгув*, 21 июля^{2*}

Только вечером, по обычаю раздав панам «пенензы»^{3*} – узнали, что шестовая линия снята и в 10 ч[асов] дивизии снимаются с позиций и удирают, мигом постель и вшиске^{4*} сложено, цыганка плачет – а сейчас мы за мостом, в Дронжгуве, в 1 в[ерсте] от Баранува. Сидим и ждем, когда попрут войска, чтобы удирать. Положение почти трагическое, того и гляди завтра в комнату войдет Herr Leutenant^{5*} и скажет «Guten Morgen»^{6*}. Все слухи о «виктории», кажется, чепуха, один из фортов Ивангорода взят.

* Przeklęty – проклятый (польск.).

* Здесь сохранено авторское написание Вавиловым названия станции Леопольдув.

^{2*} «О, как прекрасна природа» (нем.).

* У Вавилова написание названия со слуха варьируется: Дронжгов (здесь и в следующей записи), ниже Дронжков.

^{2*} Запись за 21 июля сделана карандашом.

^{3*} Деньги (польск.).

^{4*} Все (польск.).

^{5*} Господин лейтенант (нем.).

^{6*} «Доброе утро» (нем.).

Дронжгув, 22 июля

Ночь прошла благополучно, войска за Вепш пока не отошли, а остановились верстах в 6[-ти] от Баранова. Приехал принимать позиции из 25[-го] сап[ерного] бат[альона] пор[учик] Кехель и сразу повеяло благодушной атмосферой «пенат». Сегодня дерем на Коцк, дальше за Радзынь* и т.д. Кехель рассказывает какие-то слухи о том, что взят Львов, Люблин обратно.

23 июля, Бэдьлно*

Хороший день. Вчера мы из Дронжгова, добрались до Коцка^{2*}, шли вечером, по шоссе ежeminутно шныряли автомобили из Ивангорода. Видимо, уезжал Ивангородский крепостной штаб. Горизонт приблизительно градусов на 200 блистает заревами пожаров, всюду обозы беженцев, бегут, бегут, вот помещичья карета, а вот Ноевы Ковчегы – панские фурманки с чистыми и нечистыми, поросятами, ребятами, курами. В Коцке стоит шт[аб] 25[-го] корпуса – вот поэтому-то день и был хороший. Рота ушла, а я пошел в гости к себе в теле[графную] роту. Штаб поместился в великолепном помещицьем дворце, уютном и величественном. Мое появление произвело фурор. Чувствовал, что попал словно домой. Милые люди, меня понимающие и знающие. Свое и домашнее. Кажется, в роту мне не вернуться, а приходится *lasciar ogni speranza*^{3*}. После того, как повидал роту и родной корпус – это особенно тяжело. В роте – все оптимисты. Мы отступаем – и хорошо делаем. Отступаем в порядке, медленно огрызаясь, отойдем на линию Ковно-Брест – неприступную линию, там укрепим и бросимся в последний, победный бой – вот что говорят стратеги 25-го корпуса. Ком[андир] корпуса Рагоза получил за бои под Уржендовым Георгия и... женился. В корпусе весело, бодро и полно надежды. Из Коцка поехал сюда, по дороге набрал на свое 1-е шестовое [отделение], Сашу Бартенева, пил у него чай, забрал свои вещи и попал опять в зловонную атмосферу в.д.о. Так кончился сон. Мне почему-то не хочется пробуждать «самого себя», не хочу думать об отпуске. Живу призрачным военным миражем, и 25[-й] корп[ус], и тел[еграфная] рота «höchste Dasein»^{4*} этого миража.

24 июля, д[еревня] Ковнатки*

Шиховский с Оранским уехали в Лукув, и я часа на 3 один. Из Бэдьлно сюда всего верст десять. Деревни мирные, благочестивые, на наружных стенах халуп повешены иконы, паны смиренно кланяются офицерам и не чувствуют, что за нашей спиной идет неизбежная война.

Войны кровавая десница
Здесь не коснулася^{2*} еще
И допевают в роще птицы
И солнце светит горячо

* У С.И. Вавилова «Радинь».

* Правильно: «Бэдьлно».

^{2*} Здесь и далее Вавилов пишет «Котск».

^{3*} Оставить всякую надежду (*лат.*).

^{4*} «Высшее существование», «Высшее бытие» (*нем.*).

* В оригинале «Ковнутка».

^{2*} «Здесь не коснулася» – исправлено поверх прежнего варианта «Не прикоснулася».

Но загораются зарницы
О, Польша – Феникс! До конца
Тебе повелено судьбою
В огне живящего костра
Сгореть, чтобы восстать живою
В блистаньи нового венца

Мы отступаем, отступаем почти по расписанию и, право, теперь, например, совершенно не интересны газеты – знаешь все наперед. До Бреста все и пойдет так. Сейчас эпоха безразличия – с Бреста начнется опять оптимизм *senza fine*^{3*}. Получил я из дома кучу посылок, бездну книг и тень скуки опять улетела.

25 июля, д[еревня] Быстшица

Сегодня пошли на место работ – опять портить дорогу. Предписание из инж[енерной] ч[асти] штаба армии составлено очень хитро[:] «Начинать работу от штаба корпуса – в тыл». Я пришел сюда в деревню с расчетом завтра приняться за работу, шт[аб] гренадерского, «оловянного» корпуса стоит в Рососхе, верстах в 30 отсюда. Но, увы, сейчас удирающий инженерный парк рассказывает, что штаб переходит в Германов*, версты 4 за мной, итак, мне, видимо, придется плестись восвояси. Отступаем на этот раз, безусловно, уже стратегически, и, право, для меня остался нерешенным вопрос, что же такое теперь русская армия – резина, или старый гриб. 25[-й] корпус произвел на меня впечатление самой тугой резины, а гренадерский – гнилого гриба. Война ползет в эти мирные веси и фольварки и злобно над всем насмехается. Вот паны в 1914 г. воздвигли новый крест на перекрестке с надписью: «От głodu, ogniu, wojny zachowaj nas, Panie»^{2*}, а война уж приползла с голодом и огнем. Еду по полю и равнодушно смотрю на поля. Земля кажется плоской желто-зеленой тарелкой, по которой движется всякая мелюзга, люди, лошади, собаки, сверху тарелка плотно прикрыта полоскательницей датского фарфора с бледными, нежными голубыми колерами. Не думается ни о чем.

Паны здесь особенно несчастны – предстоит сделаться бродягами. Мы – военные, – бродяги тоже, но профессионалы и привыкли сниматься во всякое мгновенье в 5 минут.

Варшаву, кажется, отдали вчера. Впечатления никакого. Удар по самолюбию, но мы уже привыкли. Все стало буднями, буднями будет и победа.

Пушки далеко, но очень зловеще ревут.

26 июля, д[еревня] Германов

Грустный день. Вчера ночью в Быстшице загремели обозы, пушки, запылало зарево, и я в 2 ч[аса] ночи собирался было утекать. Впрочем, отложил до утра. Утром остановился в этой самой Германии*, в 2-х в[ерстах] от роты. В роте происшествие – вчера, купаясь, утонул обозный Руденко. Перед глазами прошел весь цинизм солдатской смерти. Вот он в гробу с розовой пеной

^{3*} Без конца, бесконечный (*ит.*).

* Современное название Херманув.

^{2*} «От голода, пожара, войны, избави нас, Господи» (*польск.*).

* Обыгрывается название деревни Херманув (Hermanow).

на губах, землистый. Поп лениво, проглатывая строки, отпевает и либеральничает: «А я и забыл где восток, где запад». Солнце нахально светит. «Младая жизнь» и «равнодушная природа», очень небольшое утешение. Сейчас получил от Шиховского записку, что нужно утекать, шт[аб] гр[енадерского] корпуса уходит чуть не к Бресту. Предстоит ночное путешествие. *Ceterum senso* «военно-дорожный отряд» *delendam esse*^{2*}. Это рукоблудие, а не работа.

27 июля, д[еревня] Ковнатки*

Вышли вчера из Соболе часов в 10 вечера. Жутко. В деревне появились уже дивизионные адъютанты, отыскивают артилл[ерийские] позиции и часов через 5 верстах в 3 от Соболе должна начаться грызня удирающей собаки с лезущим на нее волком. Темно, моросит дождик, паны и кобеты у иконы что-то поют грустное, как погребальные песни, а из головы еще не исчезли картины похорон. Двинулись. С запада огромное зарево, с севера и юга ползают светящиеся столбы прожекторов, пушек совсем не слышно, но тот мешок, в котором мы сидим, ясно очерчен, если не линией звука, то света, этим заревом и прожекторами. В Ковнатки дошли в 5[-ом] часу утра, светает. По дороге долго бродили по какому-то лесу, потеряв дорогу. Вероятно, сегодня пройдем и дальше, в Межиречье и выйдем, наконец, за границу *królewstwa Polskiego*^{2*}. Из колея выбиты теперь все. Санский прорыв немцев оказался действительный *Glänzender Sch[il]ag*^{3*} и, кажется, необратимый. Попало в руки «Русск[ое] Слово» за 24 июля, невыразимо грустные фразы и слова, плач о Варшаве, обо всем. Когда-то я думал, что отход на линию Брест-Ковно – та неизбежная прямая линия фронта, которая необходима для перехода от выпуклой формы фронта (виновницы всех бед) к выгнутой – залогам победы. Но, видимо, и это уже «*verfallen*»^{4*} и теперь остается одно спасение «*in se*»^{5*}, в книгах, в библиотечно-музейном уюте. Война начинает казаться ненужной игрой, ненужной и дикой, и теряет всю свою гремющую и сверкающую прелесть.

Крестьяне жалобно-растерянно спрашивают всех и каждого: *Co robie, utekas albo nie? Wo ja wiem*^{6*}. Но в глубине души есть еще надежда на чудо, на то, что «зловещая судьба сойдет с протоптанного следа».

д[еревня] Тулилов*

Пришли опять в тыл. Тыл этот здесь, конечно, дня на 2–3. Поселились на госп[одском] дворе. Имение графини Потоцкой, а дом принадлежит арендатору, дом похож на большую халупу, впрочем, уютно, лампа над круглым столом светит уютно. Дальнейшее пребывание в в.д.о. становится несносным.

^{2*} Впрочем, я считаю, что [«военно-дорожный отряд»] должен быть разрушен (*лат.*) – измененное классическое выражение Катона Старшего о Карфагене.

* В записи за 27 июля С.И. Вавилов дважды пишет «Ковнатка» вместо «Ковнатки».

^{2*} Королевства Польского (*польск.*).

^{3*} Блестящий удар (*нем.*).

^{4*} Приходит в упадок (*нем.*).

^{5*} В себе (*ит.*).

^{6*} «Что делать, убежать, или нет?» Как будто я знаю (*польск.*).

* Правильно: «Тулилув».

Хочу подать рапорт о переводе, в к[а]к[ой] угодно саперный батальон. Читаю сейчас «Воспоминания» А. Григорьева – кажется, прелестная книжка.

А война становится совсем печальной, пожалуй, она кончится раньше, чем мы думали. Но неужели это возможно и к какой мерзости все это поведет.

28 июля, ф[ольварк] Тулилов

Тулилов верстах в двух от Межиречья, поэтому ездил сегодня туда. Мылся в жидовских ваннах. Neu mihi* – совсем обовшивел. Зашел в парикмахерскую. По стенам портрет В[ерховного] Главнок[омандующего], лубочный Кузьма Крючков etc. Парикмахерская, конечно, жидовская. Всем этим лубкам не позже как через неделю надлежит быть снятыми – придут немцы. В городе спешно реквизируют у жидов всякую дрянь, кожи etc. Магазины спешно распродают остатки. Зашел в «штаб» зловонного учреждения, именуемого в.д.о. Сидят, пишут и все это похоже на колесо без приводного ремня. Вертится, шумит, чернила льются, бумага портится, а в результате наша «работа». Ceterum censeo: exercitus itinorum militarium delendam esse^{2*}. Теперь, когда ясно, что война, если только захотят, чтобы она была victoriosa^{3*}, продлится minimum год, хочется скорее dachin, dachin^{4*} в телеграфную роту. В Межиречье столпотворение, мечутся обозы, беглые паны с повозками-ковчегами, кареты удирающих помещиков. Спокойно чувствуют себя только военные. Выработался уже modus vivendi^{5*}, безразличие, хладнокровие. Вообще все мы чувствуем себя в значительной степени машинами.

Производил дознание об утонувшем Руденко, поговорил с десятком хохлов. Над полями летают наши 4 аэроплана, вылетывают урочные часы, шуму много, но толку мало. Приехал сейчас Ших[овский] из Межиречья и рассказывает, что гр[енадерский] корп[ус] переходит туда. Опять, значит, удирать. Читаю А. Григорьева. Хорошо, очень хорошо, язык терпкий и умный. Тут есть «настоящее». Натыкаюсь на 2-ую такую книгу за войну, первая была «Sirano de Bergerac»^{6*}.

29 июля, д[еревня] Копце

Приходится сознаваться, вера и уверенность в победе тает с каждым днем. Может быть, где-нибудь в укромном углу души и сохранилась надежда, но надеяться страшно, слишком поражающе будет разочарование. Сейчас творится полный кавардак. На участке в 10 верст столпились три корпуса, гренадерский, 25-й, 16-й, прут всякие обозы, все перемешалось, потеряло связь. Мы перешли было с ротой из-под Межиречья за 10 верст в д[еревню] Кжечице, чтобы начать чинить дорогу. Но вот поползли штабные обозы – штаб корпуса подался верст на 20, мы за ним вдогонку, перегнали его и теперь остановились на ночевку. В каждой халупе, куда закидывает судьба и квартирыеры –

* Горе мне (*лат.*).

^{2*} Впрочем, я считаю, что военно-дорожный отряд должен быть разрушен (*лат.*)

^{3*} Победной (*ит.*).

^{4*} Туда, туда (*нем.*).

^{5*} Образ жизни (*лат.*).

^{6*} Правильно: «Cyrano de Bergerac» – Сирано де Бержерак (*фр.*).

трагедия, расстроенные хозяева с неизбежным вопросом: «Co robić?»* На горизонте опять пожары, говорят, горит Седлец. А последние летние ночи так глубоки, задумчивы, прохладны и прелестны, небо смотрит с вечным своим равнодушием на земные дрызги и совершает свою vorgeschriebene Reise^{2*}.

От надвигающегося государственного ужаса ищешь спасения *intro se*^{3*}, в звездах, но стыдно. Война обесценила жизнь и «я» и вознесла что-то новое, странное и, пожалуй, чужое. Война ведь наивна, детски наивна в самых глубоких стратег[ических] маневрах, но она сильна, Боже, как сильна. И что я могу сделать[?] Я стою и смотрю, как бушует это дикое, нелепое море, как ломает нежность души и всего святого, сам уношусь этим морем и бессилён. К чему я человек, к чему я русский, отчего я не одна чистая кристаллизованная душа, холодная, как лед, далекая и бесстрастная, как небо. Издалека гремят пушки, давят душу, заковывают ее в неразрывные узы. Что произошло, что случилось?

30 июля. ф[ольварк] Чебераки

«Живой» фольварк. Правда, в доме идет суетня, все ценное убирают в «певницу»*, правда, не из-за страха перед немцами, а перед казаками. Помещик так и говорит, что это «бич Божий», что они все жгут, ломают etc. Дом новый, казенного немецкого вида, внутри обычная картина польского помещичьего дома. Мягкая мебель, маленький шкаф с дешевыми книжонками, два хороших портрета дедушки и бабушки эпохи 20-х годов, толстощекий помещик с бачками, в жабо, с рукой, заложенной за борт и с высунувшимся мизинцем, портрет написан четко и хорошо. Pendant – бабушка в шали и шляпе – написана тоже прекрасно. Положим, она выглядит ведьмой, «портрет хорош, оригинал-то скверен»¹. В доме кроме нас остановились офицеры 3-го арт[иллерийского] парка, народ тыловой, с тыловыми взглядами, философией и комфортом. Рассказывают, что и Брест эвакуируется. Если это правда, то это страшнее всякой лжи. Значит, война будет продолжаться и с каким-то новым диковинным планом, значит, и Россия жертвуется на съедение чудовищу. Это задевает уже за живое, за свое. А свое все ближе и ближе. Идем сегодня, навстречу идет запыхавшись, сняв шляпу, старенький, самый настоящий русский деревенский попик. Заговорил, оказывается здешний, из одной сельской церкви (ведь сейчас я в Холмской губернии). Вчера ночью псаломщик «сделал панику», батька забрал Св[ятые] Дары, прихожан и утек. Но забыл святое святых – Антиминс² и теперь в ужасе, запыхавшись, пешком бежит обратно.

Сегодня для декорума работали. Вечером в деревню прибыл парк гр[енадерского] сап[ерного] батальона, арт[иллерийский] парк сейчас уехал. Завтра и мы уходим дальше верст за 8; *so geht's*^{*}, и когда же конец этому бродяжничеству, этому колесному шуму, непрестанно днем и особенно ночью раздражающему воздух. *Pro domo suo*^{2*} сказать могу мало: постоянная пикировка и руготня с Шиховским, впрочем, в рамках приличия.

* Что делать (*польск.*).

^{2*} Предписанный путь (*нем.*).

^{3*} В себе (*лат.*).

* Погреб (от *польск.* piwnica).

* Вот так, так происходит (*нем.*).

^{2*} В защиту моего дома (*лат.*) – обычно употребляется в значении: о себе, о своих личных обстоятельствах.

31 июля, д[ережня] Забужье

Война – только теперь встает она во всю величину. Она «мобилизовала» все. Воспользовались тем, что у меня есть достаточно физ[ической] силы для несения службы, достаточно интеллекта для несения наивно простой оф[ицерской] службы; меня, да и всех, война препарировала, вынула душу и сделала манекенами, гайками армейской машины, душа живет еще по какому-то странному атавизму. Сейчас происходит самое страшное и мрачное за все месяцы войны, а мы спокойны, безразличны, жалеем, что мало дней, а об «общем» говорим равнодушно, вскользь и как будто это не наше дело. Сейчас стали у самого Буга, из-за густых лесов виднеется высоченный другой берег Буга с беленькими уютными русскими церквями г. Мельника. Там за Бугом уже Россия, а завтра, 1 августа, мы будем уже там, в России. По всем признакам и мелочам и на Буге решено не останавливаться, и открывается темная пропасть будущего. Говорят, Guglielmo Vittorioso* играет в великодушие и предлагает выгодные условия мира. Но Россия отказалась: это гордо и романтично

«Не буду я рабом раба
В грядущем смерть или победа!»

Что будет, что случится и на что еще есть надежда, разве [что] на мужество отчаяния.

Армия ползет медленно, но верно, оставляя за собой застланные дымом пожаров горизонты. Несчастные паны в ужасе зарывают в землю все, что попадает под руку, даже столы и солому.

А Россия уже там за рекой, к польскому говору уже примешивается белорусский.

Повторяю, больше всего меня пугает собственное безразличие и равнодушие.

Завтра уже август, по осеннему небу уже мчатся белые ракеты метеоров. Прощай, несчастный июль.

* Вильгельм Победитель (*ит.*) – по всей видимости, здесь – Вильгельм II, Германский император.

д[еревня] Забужье-Клепачев, 1 августа

Туча слухов и самых мрачных и страшных. Самое страшное – Швеция объявила войну России. Неужели Россия на краю гибели? Топор замахивается уже не на ветки, а на самый ствол могучего дерева. Живем мы сейчас на границе Руси, у самого Буга. На высоком хребте за Бугом протянулся Мельник. Ездил сегодня туда. Грязная дыра, но уже начинается православное благолепие. В этой дыре 3 русских церкви, и старинных церкви. Стоят они беленькие с зелеными мирными крышами, а рядом тоже белый костел, но с яркой красной черепитчатой крышей. Эти крыши – они почти символ уютного, смиренного православия и велеречивого и громкого католицизма. Россия – за Бугом. Завтра мы будем в России. На высоком берегу нарыли окопов, но едва ли в них долго продержатся. Августовское солнце светит мягко и тепло, ходил купаться на Буг. Грустно, страшно грустно, Россия гибнет, а с ней и мы, и я, и все наше. Боже, как это дико и страшно.

2 августа, Забужье-Клепачев

Пасмурно. Жутко. Артиллерия долбит где-то совсем близко. Пора за Буг, часа через 2 будем там. Паны совсем поникли и обалдели от страха, зарывают, увозят на фурманках скарб, сами не зная куда. Подъезжаю сейчас к своей халупе с работы. Стоит пан: «Солдат, ктура година*». [–] «Половина двенадцатого». [–] «А мне сказали, шостая пополудни».

Видимо, идут все-таки бои, сейчас провели с полтысячи австрийской сволочи.

д[еревня] Мутная

В деревне настоящая давка обозов. За мостом это ближайшая деревня (версты 4) и все обозы летят на нас, как мухи на мед. Чего тут нет? Инженерные парки 25-го и Грен[адерского] сап[ерного] бат[альона], лазареты, перевяз[очные] пункты, дорожные отряды и т.д. Все мечется и ищет пристанища. Мы (как противно писать это «мы», соединять себя с господином Шиховским) поселились в доме лесничего или какой-то землеустроительной комиссии. Все разлетелось, чем ближе к России, тем панический ужас населения становится больше и больше. Ездил на рекогносцировку дороги. Впрочем, мы (опять это проклятое мы) только стараемся делать вид, что что-то делаем, «мы» никому не нужны, ни Богу свечка, ни черту кочерга. И нет надежды выбарахтаться. Теперь самое важное, будем мы держаться на Буге, или нет? Читаю всякую ерунду, на своих сожителей смотрю волком. Я сам похож на философствующего медвежонка, Шиховский – на гадюку, а Оранский на молочного поросенка. Я начинаю уставать.

3 августа, д[еревня] Мутная

Проснувшись, очутились в районе штабов полков. Того гляди скоро над головой полетят шрапнели и прочая нечисть. В квартиру ежеминутно врываются всякие поручики, врачи, ищущие пристанища. Шиховский массируется героем и еще не собирается уводить свое хохлатское стадо. Один

* Который час (*польск.*).

поручик малоросс[ийского] полка рассказывал страшные вещи. Наша армия теперь именно старый, гнилой гриб, где ткнешь, там проваливается. В малор[оссийском] полку сейчас всего 800 человек, да и те больше бегуны и халупники. Ни патронов, ни снарядов, на Буге держаться не думают. День пасмурный, это слава Богу, аэропланов нет. Получил из дома письма, газеты. Боже, как сейчас тоскливо на душе!

3 авг[уста], д[еревня] Макарово*

Кочую две недели и конца не видно, Россия велика, а мы теперь уже в России. Что делается сейчас с ней, с бедной, несчастной Россией? Или это агония и вот-вот из-за горизонта выплывет жирная самодовольная немецкая морда, морда победителя, и это новое солнце засветит своим смрадным светом над мертвою землей. Сейчас хочется бежать куда-нибудь далеко, далеко, забыть о людях, о родине, о том, что я человек, и перейти в мир иной, мир науки, мир звезд. Чем глубже мы уходим, тем страшнее ужас и горе населения. Для них ударил гром из ясного неба. Это уже не дрессированные паны радомской и келецкой губ[ерний], это дети, ничего не понимающие и в смертном страхе ждущие чудовища. Деревня сейчас сплошь православная, баба в избе причитает, по-польски понимает плохо, лучше по-русски, а сама говорит на каком-то русско-литовском языке. «Армия должна быть в высшей степени эгоистична», и действительно, каждый солдат кажется счастливым в сравнении с этими ошеломленными, онемевшими от ужаса крестьянами. Сейчас Ших[овский], лежа в постели, читает засед[ание] Думы 19 июля, за окном стучат обозы, и в душе никакой надежды, единственное желание забыться, и губы невольно шепчут:

«Исчезни в пространство исчезни
Россия, Россия моя»¹

В нас, т.е. в армии, уже въелся принцип «Nil admirari»^{2*}, и мы не без иронии говорим об отдаче Москвы и Петербурга. России сейчас нужен Петр, нужен гений, иначе она обречена. А где же он? Все, несмотря на чудовищность несчастья, по-прежнему мелко и серо. К звездам, к книгам, в себя!

4 августа, гос[подский] дв[ор] Верховичи

Война нас, т.е. армейских, окостенила. Мы на жизнь смотрим, как на кинематограф. Трагедии, комедии, пейзажи – но все только кинематограф. Посмотрел и проехал мимо, осадка почти никакого. Это безразличие и квиетизм, если угодно, бездушие – откуда оно взялось? Взялось главным образом из «кочевой философии». Таковы должны быть все кочевники. Это бездушие поразительно особенно сейчас, когда мы вошли в русские пределы. Из-за деревьев мелькают православные церковные маковки, серые унылые кресты на перекрестках уже православные и с русскими надписями. И вот здесь все бежит, или собирается бежать целыми деревнями, целыми волостями. А мы на них смотрим только, как на пробку военным обозам. Сейчас остановились в старом уютном помещицьем доме. Дом длинный, низенький, деревянный,

* В оригинале «Макаров».

^{2*} Ничему не удивляйся (*лат.*).

весь заросший плющом. Внутри все уютно и мягко, диванчики, столики, кресла, низкие длинные комнаты. Помещица – милая старушка, когда-то, видимо, очень красивая, православная, полурусская, полуполька (фамилия, каж[е]тся, Ротт). Для нее все рушится. Старое поместье, старый дом, огромное, почти миллионное хозяйство, все разлетается, в будущем надежд нет, и она каждому прежде всего шепчет: «Мы будем разбиты». Это не ирония помещиков-поляков, это отчаяние и ужас. Сын (?), гордый и умный, такой пессимист, что самый ярый и отчаявшийся придет в ужас. Без просвета. Польши* нет. Polska zginęła^{2*}. Война уже проиграна, и власти немецкого кулака конца не видно.

Нас угощают. Одичали, чувствуем себя неловко, а перед глазами разыгрывается новый «Вишневый Сад», но более страшный и безысходный. Не Лопухины, а война крушит вековой уют и счастье.

В доме и на деревне начинается кавардак, здесь и часть гренад[ерского] корп[уса] и с мин[уты] на минуту приезжает шт[аб] 25 корп[уса], сейчас приходил Чебышев.

5 августа, д[еревня] Песчатка*

Хорошо сейчас быть военным, спасен от ужаса жизни, а только зритель этого ужаса. Вчера ночью в комнату ломился интендантский полковник, пришлось переходить в маленькую комнату. Утром в двери просунулась ерническая седая голова полк[овника] Сотникова, коменданта 25-го корпуса. Приехал шт[аб] 25[-го] корпуса. Надо опять идти и идти, уже прямо к зубрам в Беловежскую пушу. 3 взвода пошли сегодня с рассветом за 9 в[ерст] в Песчатку, чинить пески, за ними я и приехал. Сижу сейчас под сливой, кушаю яйца и пью продымившийся чай, жду, когда люди пообедают, чтобы с ними переть dahin, dahin^{2*} в Бел[овежскую] пушу. А я все-таки по-прежнему только турист и даже с туристской философией. По дорогам стоны и слезы, понурые лошади тащут перегруженные крестьянские телеги, бабы ревут и утирают слезы подолом, как тучи в облаках пыли ползут огромные стада коров и баранов, все бежит, страшась и немцев, и казаков. Армия подается как тесто, и последние самые затаенные надежды тают и тают. Чебышев сегодня сказал: «Если мы будем побеждены – я застрелюсь», и так настроены все. Немецкая победа – это ад на всю остальную жизнь. Чистилище смерти лучше. Сейчас небо серое, сплошь затянутое, пахнет дымом и в воздухе носится тревога. Но все-таки нет еще наших слез и воплей, для нас все еще кинематограф.

д[еревня] Рожковка, 5 августа

Дикие пошли места, поля без единой души человеческой, болота, а на горизонте Беловежская пуца. Мужики и бабы какие-то сказочные, пестрые, стилизованные. У баб на головах красные чепчики, одежды пестрые и яркие. Все какое-то допотопное, берендеевское¹. Халупы, т.е. избы с петушками,

* Далее зачеркнуто «бо».

^{2*} Польша погибла (польск.); ср. первую строку польского гимна: «Jeszcze Polska nie zginęła» – «еще Польша не погибла».

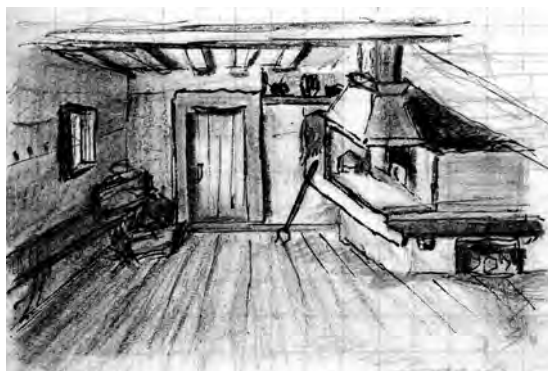
* Запись от 5 августа сделана карандашом.

^{2*} Туда, туда (нем.).

а внутри больше бани, чем избы. Сейчас живем, напр[имер], в большой избе с огромной печью-лежанкой, со скамьями кругом, того и гляди Баба-Яга откуда-нибудь вылезет. Дикое, сказочное место – все словно выходец с того света. И вот среди этих урочищ, архаических мужиков появилось чудище войны. Диссонанс страшный. Я пер сегодня с ротой верст 30 и устал, находимся сейчас на опушке Бел[овежской] пуши.

6 августа, д[еревня] Коленковичи*

Стою у порога «зеленой крепости» – Беловежской пуши. Там, в крепости, в лесах и урочищах, укрылись диковинные зубры, стада оленей, коз, кабанов, а здесь у входа живут диковинные, старожитные люди. Какое чудо и чья милость сохранили их такими нетронутыми, наивными и древними, как сказка. Бабы некрасивые, сухенькие, но пестрые, словно в опере. Розовые, красные чепчики, белые расшитые рубахи, красные юбки, какие-то кофты обшиты розовой лентой, а мужики в тулупах с огромными бараньими воротниками, в лаптях, речь архаически-русская. В избах православие, правда, иконы какие-то слишком светлые и радостные, слишком много розового и белого, совсем не наше московское и новгородское^{2*} иконное благообразие. Чувствуется что-то униатское, галицийское. Кстати, и крестьяне похожи на галичан. В Коленковичи попал с одним взводным чинить дорогу, слава Богу, опять один. Шиховский зол и глуп, как гадюка. Поселился в чистенькой избе, у бабы бобылки. Изба новенькая и чистая, за окном прогуливаются пестрые девки – сегодня Преображение. О войне как-то не думается, любуюсь «зеленой крепостью». Но неужели и она падет, разбегутся звери и люди, а здесь возникнет какой-нибудь завод *Aktiengesellschaft*^{3*}. Гибель этого чуда куда страшнее «Вишневого сада». На Руси исчезнет еще одна сказка, непонятная, наивная, как Венеция Славянщины, ее^{4*} пестрое, эпическое ядро завянет. Тяжело. А тут все собираются бежать, бежать, куда глаза глядят, а пока веселы и спокойны. Спасает чудная архаическая наивность. Дни какие-то светло-пасмурные. В огородах засветились подсолнухи, мальвы и георгины.

* Правильно: «Каленковичи».

^{2*} Далее зачеркнуто начатое слово: «церк».

^{3*} *Aktiengesellschaft* – акционерное общество (нем.).

^{4*} Слово «ее» написано поверх зачеркнутого «его».

7 авг[уста], д[ережня] Коленковичи

Осень

Как грязная сырая парусина
Повисли облака над вымокшей землей
Поля закутались туманной пеленой
И сеется дождя гнилая паутина
 И словно по сырому полотну
 Колотит кто-то бешено рукою
 Прислушаешься к пушечному вою
 И станет буднично и тянешься ко сну
Природа и война, судьбы моей извивы
Однообразно все и скучно и умрет,
О поскорей бы смерти страшный лед
Сковал ручей живой и прихотливый

Грязный и будничный день. Небо слезится, как старая старуха, за серой завесой горизонт долбят немецкие пушки, дороги расплзлись и бедные хохлы, как свиньи, ворочаются в грязи, починяя дорогу. Завтра отсюда уйду. Идти, идти и когда же остановка:

«Не смеют что ли командиры
Чужие изорвать мундиры
О русские штыки»¹

Моя хозяйка, умная старая солдатка философствует: «Кто виноват – Бог или Государь, что такая война случилась, а немцы нас уже победили». Здесь у населения безнадежность полная, война проиграна, зачем же больше воевать? Но, слава Богу, надежда исчезла, осталась вера, вера в чудо, вера в странную силу Руси, уверенность в том, что «все образуется».

8 авг[уста], д[ережня] Коленковичи

Мимо окна ползут обозы, артиллерия, да и я сам с нетерпением жду минуты, когда можно удирать. Погода совсем кислая и октябрьская, в шинели полпуда воды. Занимаюсь «Распределением звезд в пространстве»¹ и одолевает уже космическая скука. Ну да, видимая вселенная ограничена некоторым линзообразным эллипсоидом, но там вдали уже мелькают такие же миры туманностей, и сколько их, Бог знает. Вселенная скучна и однообразна, ей нет меры и конца, но этим-то она и приводит в отчаяние. От скуки жую Immerman'овского Münchhausen'a².

8 августа, д[ережня] Рожковка

Перешел сюда с полуротой. Опять непривлекательный зверинец. Разговоры все больше насчет жидовочек, которых можно купить за 5 руб[лей], да сплетни насчет всяких гренадерских офицеров. Тут эт[апный] батальон, вокруг которого, как мухи, витают всякие слухи: два форта Бреста взяты и пр. Думаю, завтра пойдем через пушу. Как ночь, опять застучали по мостовой распроклятые обозы и наводят тревогу.

9 авг[уста], д[ережня] Рожковка

Утром 7-я симфония, к вечеру опять 9-я, и, конечно, удираю. Ших[овский] даже предлагает писать дневник так: удираю туда-то, прап[орщик] Вавил[ов]. Утром поехал в пушу, где начали работу. Лес простенький, наивный и не страшный, зеленые яркие поляны, пахнет смолой и, кажется, зверьем. Солнце ласково выглядывает сквозь хвою. Глубь леса да звездное небо – с ними так хорошо и просто. Природа и я. Ей Богу, готов, как Вергер, приложить руку к сердцу и за[п]еть тенором: «О, природа». К обеду вернулся. Пришлось ехать на повозке наводить справки, где шт[аб] гренадерского корпуса. Еду к Верховичам. Непокойно, вот горит подождено[е] сено, а за лесом с грохотом рвутся шрапнели. Давно я этого уже не видал, но почему-то не страшно, а только как-то торжественно. Бой идет верстах в 2-х, нам пора удирать. В Рожковку сейчас приходит шт[аб] ⟨нрзб.⟩ уральской каз[ачьей] дивизии. Стало хмуро, пушки гремят сердито, вообще 2-я ч[асть] 4-й симф[онии]. Такие-то огромные амплитуды настроения и ситуации, от идиллии к трагедии.

10 августа, д[ережня] Каменики*

Просыпаюсь, Господи, какая белиберда, какая-то грязная комнатенка в доме учителя в школе, на стене какая-то приторная немецкая олеография Schutzengel'я^{2*}, я в Беловежской пушке, за горизонтом грохот пушек, который я спросонья принял за топот лошадей на конюшне, Ших[овский] плетет чепуху насчет преимуществ саперной службы. Зачем я здесь? А на самом деле происходит самая ужасная и дикая трагедия бедной Руси. Агония армии^{3*}, агония победы. Настроение все время скверное, ко всему примешивается горечь и стыд. И когда этому конец, хотя какой бынибудь конец. Умереть – это ничего, но умирать – отвратительно. Все в общих чертах составили себе схему того, что будет с Россией после победоносной войны – но какая вакханалия отчаяния развернется после несчастья, об этом и думать страшно. Я не знаю, что происходит сейчас на войне вне нашего узенького участка, но здесь плохо. И ни о чем прочем не думается, и мысли и чувства заняты ужасом и стыдом поражения.

Кругом все отчаялось и повесило голову, поля стоят брошенные, дома тоже, солдаты мародерствуют у своих же. Да, здешним худо. Там в Польше в общем был нейтральный зритель, которому попадало от того и другого актера, а здесь русские, к горечи поражения прибавился еще этот грабеж, а что же остается? А Русь все ближе и ближе, польского языка уже давно не понимают, и вот тут в Камениках у лесника и самая настоящая православная банька, в которой сейчас парился.

Настроение грустное^{4*}, пришибленное, готов на все и ко всему. Что же, умереть мы сможем. Просвета никакого ниоткуда.

* Сейчас принято «Каменюки».

^{2*} Ангел-хранитель (нем.).

^{3*} В оригинале «армия».

^{4*} В оригинале «грустное».

11 августа, д[ережня] Каменики

За горизонтом отчаянный грохот и «долбизна». Небо серое, кругом леса, сине-зеленый пояс пуши и длинные нудные нити обозов. Несчастные, обезумевшие беженцы. А по дорогам павшие коровы, лошади усеивают, как вехи, дорогу отступающей армии, коровы – вехи отступления беженцев. Бедные коровы, разбитые, уставшие и оставленные, наивные, простень[кие], как их хозяева, – они грустнее всех. В общем, жутко и все кажется безысходным. Ночью, видимо, предстоит идти через пушу. Попали в руки газеты, заунывны и полны надрыва, как «Со святыми упокой», да и вообще все сейчас кругом поет России «Вечную память».

12 авг[уста], д[ережня] Сточек ок[оло] Белов[ежского] дворца¹

Вчера из Камеников двинулись в 10 ч[асов], а сюда дошли к 3 ч[асам] утра. Ночь прекрасная, луна светит, как солнце, в пуще ее таинственные бледные блики на стволах и траве кажутся какой-то фосфоресценцией. А пуща длинная, молчаливая, зверья не видно и не слышно. Зеленая крепость притихла, ждалась перед предстоящим ударом. Кой-где среди деревьев совсем романтически горят костры – беженцы, визг ребят, мычанье коров. Затем опять молчанье и нестерпимо яркая и белая луна, на которой, право, иногда невольно хочется погреться. Дошли до Беловежа. Перед сверхзаконом армии, как перед всевластной природой, размыкаются все условности. Через царский сад, мимо прудов по корректным аллеям, идем нахально чуть ли не через самый дворец. Дворец новенький, кокетливый и, в сущности, только охотничий замок. Смесь наивной готики немецких «chateau»* и стиля железнодорожных построек. Говорю, важность, торжественность дворца уже оскорблены змеями обозов, которым нет препятствий. Государя сейчас жалко, как человека, а он человек, которому, кажется, никогда не везло, Ходынка, Яп[онская] Война, Революция, Немецкая война и эта последняя будет самым большим из несчастий. Россия получила вместо великого – рокового человека. Я ведь по-прежнему фаталист.

«Что свершается, должно было свершиться,
Книг судеб заполнены листы»².

Остановились в большущей дер[евне] Сточек, халупы широкие и чистые, вообще деревня благодаря дворцу несколько отшлифованная, впрочем, избы все пустые, мор войны чем дальше в глубь России, тем действует губительней.

12 авг[уста], д[ережня] Пеняшки

Увидал пушу и днем, прошли по ней верст 18 из Сточек сюда. Лес не страшный, уютный и веселый. Но настроение, как в доме, владелец которого умер. Все брошено, везде в самых заветных местечках роются чужие люди. Дом без хозяина. Зверей не видно, выбежала одна козка, да и то убежала скорее в чащу. Падет зеленая крепость, исчезнет сказка пуши. Пеняшки – полужидовский поселок. Поселились у старого почтенного еврея, который похож

* Дворец (фр.).

на польских жидов, как зубр на остальных зверей, совсем не чувствуется жи-довщина. Завтра жидовка собирается угощать мацой. Солдаты стали биваком в лесу, и сейчас черные колонны сосен рисуются на фоне костров, как портик какого-то загробного храма, внутри которого шныряют дьяволы. Вести самые печальные, взято Ковно, Рига, Н[ово]георгиевск³. На что же больше надеяться? Идет уже не борьба, а медленное, мучительное умирание. Одно – или умереть, или уйти в себя, к книгам, а здесь, на военной службе, сейчас невыносимо, и грустно, и стыдно.

13 авг[уста], д[еревня] Пеняшки

В Беловежской пуще
Плачьте зубры и олени,
Смерть безумная идет
Ваши сладостные сени,
Изумрудных просек тени
Беспощадная* сметет.
Нет спасенья! Там за чашей
Воет, мечется война
Нет у вас мечей и пращей
Нет у вас стрелы звенящей
Пуща ты покорена.
О, зеленая твердыня,
Древний, дивный, мирный храм
Наблюдатель твой отныне
Обречет тебя – святыню
В дар иным, своим богам
Твой защитник и хранитель
Изнемог и пал^{2*} от ран
Близок злобный победитель
Он идет в твою обитель
И уходит рать славян.

О наивная природа
Для чего ты отдала
Силу всю и всю свободу
Человеку на угоду
И себя же обрекла

Утром ездил в пущу на работы. Мерин мой вздрагивает при каждом шорохе, наостривает уши и шарахается. Из лесочка выскочила коза, мерин сделал моментально «кру--гом» и я лежу в канаве, пробую схватить за повод, но проклятая лошаденка, подняв хвост трубой, понеслась галопом *dahin, dahin*^{3*}, черт знает куда. Я сел, закурил, что же делать, в конце концов поплелся вслед за меринком. Прошел версты 4, гляжу, у лесной сторожки стоит привязанный мерин, около сидят две старушки и ухмыляются. Я показал мерину издали

* Слово «Беспощадная» написано поверх зачеркнутого «И раскроет и».

^{2*} Слова «Изнемог и пал» написаны поверх зачеркнутых «Ослабел уже».

^{3*} Туда, туда (*нем.*).

плетку, он и хвост поджал и голову опустил. Старуха просит: «Уж вы его не бейте». Бил, действительно, мало. Часам к двум вернулся домой, читаю Münchhausen'a, ем мацу. В лесу слышны выстрелы, стреляют бедных коз, а за лесом режут пушки, охотящиеся за людьми. Хохлы сейчас вернулись с работы и обедают, млеют, кушая свинину и кашу с салом. Шиховский уехал в шт[аб] отряда в Пружаны, и то недурно.

К вечеру опять стало «кепско»^{4*}. Немцы, говорят, под Беловежем, сюда пришел шт[аб] ур[альской] каз[ачьей] дивизии. Оранский, оставшийся за Шиховского, мечется, как воробей в клетке, не зная что делать – ложиться спать, или удирать, такой бабьей нерешительности давно не видал, сюжет, достойный самого пикантного водевиля, под назв[анием] «Буриданов осел»^{5*}, а главное, разыгрывается на глазах ниж[них] чинов. В конце концов ночуем, и может быть, выйдет ночное приключение.

14 августа, д[ережня] Бойковка*

Ночью в 1 ч[ас] подняли, Шиховский прислал приказание немедленно удирать за 30 верст, сюда. Ну вот и шли от 1 ч[аса] до 12 ч[асов] дня. От бессонной ночи и тряски на мерине болит голова и чувствую себя скверно.

С пуцей простился. Видал я ее и глухой ночью, и на рассвете, в синем тумане, и днем. Дикая невинная красавица, растлители уже пришли. Гулко гремят по лесу выстрелы охотников-мароде-ров, лесные сторожки обратились в какие-то проезжие дворы, где ночуют беженцы, останавливаются обозы, все брошено на произвол судьбы. Вышли из пуши, оглянулся на узкую, бесконечную темно-зеленую ленту леса и стало грустно, словно дал последний поцелуй покой-нику.

Деревушка белорусская, но католическая, пока здесь еще тыл, но, думаю, ночью станет уже беспокойно. Вернулся Шиховский, вести грустные, Брест оставлен, где-то под Слуцком роют окопы. Может быть и будет победа, в чудо все еще верим, но какая цена за нее уже заплачена. Чувствую усталость и разбитость, хочется заснуть и ни о чем не думать. Для чего человек не оставлен один на один с природой!?

Живу в избе учителя, учитель убежал, оставил икону, книги, а хозяина просил «не пускать германцев».

Мне на днях, видимо, предстоит с полуротой поступить в распоряжение какого-то тылового дорожного инженера. Э, да все равно, я уже говорил, что я герой Одиссеи, а не Илиады, вот и предстоит мне, как Одиссею, превратиться в тыловую свинью.

15 авг[уста], пос[елок] Мал[ая] Лепеница

Успение, но, Господи, как оно мало похоже на самого себя, праздник только на календаре, да и то почти везде о календарях забыли, и тоскливо желтеют несорванные своевременно листочки. Я устал, на ногах с 10 ч[асов]

^{4*} Плохо, скверно (польск.).

^{5*} «Под назв[анием] «Буриданов осел»» вписано над строкой.

* Сейчас: Бойкевичи.

утра до 12 ночи почти без передышки. Из Бойковки рота рано утром пошла на работу, заниматься шиховским рукоблудием, собирать камешки с дороги, ставить указатели и пр. Я выехал на мерине в 10 ч[асов] утра и до 6 ч[асов] вечера носился по работам. Шиховский шипит, выпускает слюну и ярится, в некоторые моменты готов дать ему einen schönen Ohrfeig[e]*, но «Смиряться сердце до конца».

Местность восхитительная, холмистая, тенистая, среди садов белеют уютные фольварки. Мягкая, яркая зелень болот на солнце прекрасна и болезненна, как чахоточный румянец. Местечко, где сейчас остановились, конечно, маленькое и поганенькое.

Вечером с 9 до 12 раздавал жалованье разным Голомудько и Перетятко, между прочим, Шиховский их положительно истязает. К сему мужу все время заходят разные офицеры гр[енадерского] сап[ерного] бат[альона], тема разговора единственная [-] награды и девочки, девочки и награды, впрочем, был сегодня пор[учик] Тихомандрицкий, кажется, совсем другого поля ягода.

Ходят упорные слухи, что Дард[анелльские] проливы взяты. И на том спасибо. О нас же говорят так, будем отступать, дондеже^{2*} не прослезимся.

А луна хладнокровно светит и светит, и на все-то ей наплевать. Завтра я, Gott sei dank^{3*}, ухажу из вонючего зверинца к тыловому инженеру. Лучше самому быть свиньей, чем жить со свиньей и гадюкой.

д[еревня] Холстово, 16 августа

От Шиховского ушел с полуротой. До обеда опять раздавал жалованье, получал наставления и инструкции, а после обеда ушел с каким-то желторотым техником (студ[ент] 1-го курса Моск[овского] Инж[енерного] Уч[или]-ща), загримированным под казацкого офицера. Прошли верст 20. Мимо мелькают деревушки и посады. Вот вдалеке показался Изабеллин*, уютно, «im deutschen Geschmack»^{2*} краснеют чистенькие крыши и белеют церкви. Вошли в него [-] обычная жидовская дыра, интересна только старая синагога. Три конкурента, правосл[авная] церковь, костел и синагога, стоят почти рядом и все трое старенькие. Улицы в Изабеллине окрещены громкими именами, под стать и кличке самого местечка: «Багратионовская ул[ица]», «ул[ица] графа Сорина» и т.д. Впрочем, название Багратионовской улицы почти пророческое, начало 12-го года повторяется, повторится ли конец?

Деревни с войной совсем еще не свыклись и по инерции живут нормальной жизнью^{3*}. В Дрогичанах увидел даже свадьбу, невеста в белом платье, с красной мальвой, гости с ленточками, гармоника, а тут же прут тыловые обозы, первые ласточки очень печальной весны. Зеленое кладбище на зеленом холме под соснами и без конца рябина – осенняя красавица. За пригорком утонул в саду фольварк с черепитчатыми крышами, погоди, и сюда доберутся меч и огонь, не помогли ни Висла, ни Буг, ни Бел[овежская] пуца. В Холстово добрались в 10 ч[асов] вечера, деревня длиннейшая, поселились

* Хорошую пощечину (нем.).

^{2*} До тех пор, пока (церкв., др.-русск., ст.-слав.).

^{3*} Слава богу (нем.).

* Правильно: «Изабелин».

^{2*} В немецком вкусе (нем.).

^{3*} В оригинале – «жизни».

в пустой квартире учителя. Школа церк[овно]-приходская, на стене прекрасный гравиров[щика] Матэ портрет Иоанна Кронштадского и Государя с Государыней. Забыл несчастный педагог классный журнал, учебники, «Мир половых страстей», «Интимную жизнь монархов» и пр. Так-то мирно уживались Иоанн Кронштадский и «Мир половых страстей». На столе стоит глобус. Смотрю, Господи, как велика Россия и о каком ничтожном клочке идет безумный спор!

Завтра тронусь, вероятно, дальше. Как я к этому ко всему привык, все меняется, но что же остается?

17 августа, м[естечко] Зельва*

Среди военных и полувоенных я казался ученым, а здесь среди всяких технических недоучек кажусь военным. Господа, с которыми я сейчас поселился, живут наподобие студенческой богемы, и мне здорово претит, все они какие-то полупаны и говорят по-польски. Приезжал и «сам» некий инженер Сломинский, упитанный, нахохленный и с полковничьим басом, Gott sei dank^{2*}, что я все-таки военный. Зельва поганенький, русско-жидовско-польский городишко с 2-мя русскими церквами и костелом. Улицы опять патристические – Александровская, Багратионовская etc.; живу в какой-то грязной квартиренке. Целый день дождь, впрочем, в 5 ч[асов] начал работы с полуротой, чиню мосты. Так как сейчас вполне самостоятелен – работаю охотно.

Под Зельвой роются окопы, новостей никаких. Настроение лениво-безразличное. Или победа, или скорее домой.

А год тому назад, как раз ночью, под Холмом произошло трагикомическое приключение в лесу, «что пройдет, то будет мило».

18 августа, м[естечко] Зельва

Весело и приятно быть архитектором и инженером, смотреть как из-под рук сотни людей под ударами топоров возникает всякая дрянь – мосты etc. Я думаю, всякий пан, рубящий свою халупу, чувствует себя чуть ли не Браманте, во всяком случае, он чувствует себя больше творцом, чем Пиранези. Тут совсем не то соотношение, что между наукой и техникой, познанием и жизнью*, тут фантазия и творчество. Целый день торчал на мосту и чувствовал себя Браманте. Мосты dokonчили. Правда, работа никому не нужна, военная дорога изменена, и мы работали буквально pour le Roi de Prusse^{2*}. К вечеру приехал Шиховский, и я опять присоединился к роте. Завтра предстоит идти верст за 30 на р[еку] Шару^{3*} строить мост. Слава Богу, хотя [бы] мост, хотя [бы] не впустую (но, вероятно, все-таки опять pour le Roi de Prusse). На Шиховского свинятник, в котором жили техники, подействовал сильно, и он пошел искать другую квартиру. В результате при помощи квартирьера этапного батальона поселились в палаццо, покинутом доме богатого жида. Комнаты похожи на средние буржуазные московские комнаты. Буфет style

* Первые два раза в дневнике С.И. Вавилов пишет «Зэльва» вместо «Зельва».

^{2*} Слава богу (нем.).

* В оригинале – «жизни».

^{2*} Ради прусского короля (фр.) – устойчивое выражение, означающее «даром».

^{3*} Здесь и в записи от 21 августа 1915 г. Вавилов пишет «Шару» вместо «Щару».

moderne^{4*} рублей за 200, зеленый бархатный диван, мраморный умывальник etc. Жид-хозяин, очевидно, первогильдейский [купец]. Сейчас в доме осталась только старая больная жидовка в синих очках.

Сейчас лампа светит очень уютно и комната вообще похожа на обыкновенную московскую столовую. Ших[овский] молот, молот, как паровая мельница, об офицерах грен[адерского] сап[ерного] батальона, о жел[езно-дорожном] бат[альоне], о жандармских ротмистрах, да мало ли еще о чем. Интересно то, что ведь не все мимо ушей проскользает, кое-что остается и голова набивается всякой дрянью и сплетнями. Гудит паровоз, за окном шумят листья.

19 августа, д[еревня] Низ

Повел я роту из Зельвы один, Ших[овский] и Оранский уехали вперед. День осенний, в ушах воеет ветер, мерзнут ноги, моросит дождь. От Зельвы до д[еревни] Стара Весь угрюмый вековечный, холмистый пейзаж. Чахлая зелень на скатах, песок, можжевельник, камни и облака, серые и тяжелые, как камни, ни живой души, ни одной деревни, совсем Рериховская стилизация. Есть, кажется, и курганы, слишком правильны и искусственны некоторые холмы. Один такой холм сплошь усеян огромными узкими камнями кем-то [-] природой? людьми? [-] поставленными в стойку, ребрами. Здесь камни что-то говорят на древнем языке, но мы глухи. Ношу же я в себе скифа, ведь это не поэтический вымысел, не фантазия. Я – это вовсе не я, я ступенька длиннейшей лестницы, которая тянется Бог знает откуда и куда, и каждая трава, лошадь опять только ступенька, а эти сизые камни, что помнят они? Principium individuationis* – принцип сохранения особи [-] после принципа сохранения энергии самый страшный, самый таинственный принцип. Природа мыслима, возможна только дискретная – это так, но к чему это железное сохранение индивидуума, его неразрушимость – к чему эта косность в природе. А живое неразруσιμο так же, как и мертвое. Все живое от живого. Глядя на серо-зеленый, безразличный, первобытный пейзаж, стало страшно за «я», за его бесцельность, живешь не ты, а другое, а что, Бог знает.

Дальше леса, болота, грязные деревушки, а в результате верст через 30 с лишком паскудный Низ. Сейчас поселили в вонючей закопченной тесной избе, хозяева ревут. Дела не предстоит никакого, работами руководят техники.

А в халупе уже Серафим Саровский висит.

20 августа, д[еревня] Низ

Халупа такая грязная и тесная, что спал сегодня на палатках, водрузив туда своего Грум-Гржимайло на манер верхней полки в вагоне¹, жить в ней придется несколько дней. Инженеры затеяли кроме моста полуверстовую насыпь, плотину, хотят устраивать наводнение. Конечно, опять этому не верится, опять работа будет не окончена и только pour le Roi de Prusse. Солдаты роются охотно, потому что инженеры платят по целковому в день. На мосту дежуриим по полдня, поэтому я сейчас свободен, слушаю болтовню Оранского и жую скучнейшего и глупейшего Münchhausen'a. А сегодня ведь

^{4*} В стиле модерн (фр.).

* Принцип индивидуализации (лат.).

20 августа, вспоминаю Коммерческое. Боже, как это уже далеко, далекие, далекие ступеньки лестницы, по которым когда-то взбирался сюда, и это странное полуфантастическое житие в белорусской халупе.

К вечеру приехали всякие прапорщики и поручики из 3-ей роты. Часов 5 паскудных разговоров о блядах и прочем. Заболела голова и появилась почти тошнота. Один чин привез с Пресни чемодан с книжками и прочим. В газетах самые страшные, гнетущие вести. Вообще сейчас настроен, как перед повешеньем. Господи, смягчись!

21 августа, д[ережня] Низ

Война – чудовищная колесница, запряженная апокалипсическими ихтиозаврами, фантастическая, нелепая, неведомо откуда взявшаяся и теперь носящаяся по лицу земли[:] по полям, лесам, дворцам, монастырям, халупам, все давящая, сжигающая на своей безумной дороге. Все равно чугунному колесу, что раздавлено, бульжник или череп Кюри¹. Она летит, совершая кем-то предписанный путь, и горе подвернувшемуся. Армия, я – невольные седоки этой колесницы, нам иногда кепско* – страшно сидеть в этом вихре, многие уже вылетели из него туда в Лету, страшно смотреть на родную растоптанную землю; но я только смотрю на это безумие, меня не топчут, вернее, я топчу, есть, правда, кое-кто в сторонке, с ужасом глядящий на мимо пролетающую телегу, но погодите, и до вас черед придет. Теперь мы поняли безумие войны, полчища нищих, бездомных, калек... только армия, избранная, она одна живет сносно. Но мне в глубине души уже и за Москву страшно, страшно за себя, за свое. Нет спасения, и даже к книгам, к созерцанию загорожена дорога. Впрочем, если есть смерть – на свете все возможно и все равно, это надо помнить.

Мы уходим дальше и дальше, от болотистой Шары пойдём на Березину и Бог знает еще куда; о стратегии исчезли всякие разговоры, даже Бог^{2*} добраться до снарядов, мы стали наивны как дети и сразу поверили в чудо, в какую-то американизированную Русь, а на самом деле, кажется, *verfallen die Ganze*^{3*} постройка. По дороге развлекают новые картины, грязные деревни, красивые фольварки, а что мы на самом деле делаем – страшно и подумать.

Сегодня целый день торчал на работе, закрывал и открывал мост, чувствуя себя царем и Богом. Все та же паскудная, смрадная халупа, спанье на втором этаже, Оранский, Шиховский, да вот еще приезжал сегодня делать опрос претензий старенький дурчок – командир отряда подп. Блинов, его в отряде зовут и бараном, и жопой, и старым грибом – мне он, положим, совершенно безразличен. Я себя забыл, о прошлом не думаю, будущее нелепо, а в настоящем сумбур в голове, мизантропия и грусть. Сижу сейчас со свечкой в халупе один, Оранский спит, а Шиховский куда-то уехал. Нужен на свете я только одной матери, она для меня одна на свете. Все остальное чужое, безра[з]личное, как мое собств[енное] тело.

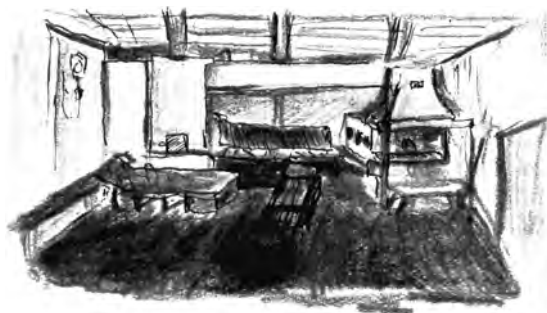
* Плохо, скверно (*польск.*).

^{2*} Так в оригинале.

^{3*} Все пропало; погибай вся постройка (*нем.*).

22 августа, д[ережня] Низ

Дождь, мерзко. Расстроенный желудок. Болит голова. Никаких надежд. Та же грязная халупа, те же Ш[иховский] с О[ранским]. Заснуть бы месяца на три.

23 августа, д[ережня] Низ

Иногда по-прежнему кажется, что эта война сверхчеловеческая, что мы все, солдаты, генералы, короли, только шахматные фигуры, а отнюдь не игроки. Игроки неведомые, непонятные. Все начинает казаться предзнаменованием. Вышел в поле, посередине на фоне голубого мягкого осеннего неба чернеет кучка деревьев, чет или нечет, победа или нет. Слава Богу, чет. Да, теперь верю только чуду, иррациональному.

Днем тот же мост, та же насыпь. Вечером поехали в 4-ю роту к Черни, верст за 5. Скучно и тоскливо. «Когда же остановимся[?]» [-] один назойливый, неизменный вопрос без ответа. А остальное сплетни, разговоры про девочек. На западе зарево, кругом низина, болото. Предстоит гнилая, тяжелая осень. Ни надежд, ни смелости иметь желания.

24 августа, д[ережня] Низ

Я очень мало пишу о людях, это как-то совсем не выходит. Я сам очень плохо удавшийся «человек». А людей мимо проходит много, сначала были солдаты, потом офицеры. Все они, правда, однообразные, штампованные «в общих чертах», военные разговоры и сплетни. Ни с кем я тесно не сходил, для всех был почти чужой. Только Кельцы, да телеграфная рота, там было и тепло, и уютно, и прекрасные люди, Чебышев, Синегуб чудак, Саша Бартнев, Шереметевский, да все, словом. Здесь не люди, а колючки. Холодно и мерзко, как в декабре. Противно.

Полдня маячил на работе. Поплелись обозы и наводят тоску. После обеда валялся на койке и дочитывал Münchhausen'a. Единственное его достоинство — длиннота. Читаешь, читаешь, а конца не видно, словно мацу жуешь. Немецкое остроумие, сахарный сентиментализм, сентиментальная философия. А в общем zur Zeit Vertreibung taugt es doch*. Читал я его с 27 июля, чуть не месяц, и за то спасибо. Одно странно, зачем и как это могло писаться? Нужно особое терпение, тупость и скромность для такого труда. И тот же Immerman написал Merlin'a! Теперь принимаюсь за «Войну и мир». А priori кажется, ощущение должно быть очень острым и странным [-] на войне взглянуть в это зеркало войны.

Дождик, осень, шатаются всякие заезжие прапорщики, между прочим, некий Хрипунов, он же Череполомов. Тим^{2*} из лица с бритой шеей, лошадиной тупостью и здоровым кулаком. Вечером приехал Черни. 2 часа разговора насчет ротной отчетности, 1/2 часа о спиритуализме. Черни все-таки из 25-го и в нем живет дух смешной, но все-таки живой. Он лишь наивен и беспомощен.

* Годится для того, чтобы убить время (нем.)

^{2*} Так у Вавилова.

25 августа, д[ережня] Низ

Война заволочла все дали, и прошедшее и будущее в тумане, забыл и думать, особенно теперь, мокрою осенью, когда надеяться не на что. От себя видишь на $\frac{1}{2}$ шага. Война отрезала от меня физику, весь мой *modus vivendi*^{*}, а будущее кажется таким хаотическим, безалаберным, что о нем думать не хочется. Нет рельс, по которым сразу бы могла покатиться жизнь. Ее поневоле придется начинать сначала, искать направление и фундамент. Эта безалаберность и хаос пугают. Каждый день живешь, как последний, ко всему готов, ничем не удивишь, ничем не испугаешь. Смерть Лиды, несчастная война, а мы холодны и безразличны, как камни. Попаду ли в пехоту и буду убит – все равно. Не то что[бы] я был настолько угнетен и подавлен, нет, просто война, эти бесконечные скитания ко всему приучили и страшно огрубили. Армия – страшная машина, душа человеческая леденеет и становится камнем. Пожалуй, еще армия делает мужиком, таким же простым и непосредственным во всех отношениях. «С природой одною он жизнью дышал»¹ – для меня лично в этом самое страшное, я не дышу, а задыхаюсь. Поскорее бы прорвать эти несносные военные облака и снова попа[с]ть в искусственность книг и московских сплетен.

Жизнь та же. Утром на работе. Ветер, град. Залез на полати и глотаю «В[ойну] и М[ир]». С нею как-то уютно и Москвой пахнет, словно по Поварской или Пречистенке гуляешь.

26 августа, д[ережня] Кабаки

Решили сегодня перебраться за Шару. Поползли опять обозы, транспорты, интенданты, видимо, войска отошли на Зельвянские позиции. Кабаки прямо за мостом, деревня грязная, с деревянной новенькой церковью, почему, кажется, и переименована в «Крестовку». Поселились в оставленном доме жид-дровяника*. Провалившийся диван, мягкие, грязные стулья, лампа с абажуром, на стене похвальный лист. Моросит, холодно, и поневоле тянешься к единственной пристани – койке. Насыпь и мост еще не совсем готовы, обозы объезжают, кувыркаются и тонут в грязи. По нашему адресу руготня и проклятья: «Для немцев строите, мы в грязи тонем, а немцы по накату пойдут». Верно, работа – *pour le roi de Prusse*.

Читаю «В[ойну] и М[ир]». То же, то же! Читаю картины русского отступления, обозов, штабных. То же, все пройдет, затуманится и станет далеким, как война с Наполеоном. Война – эпизод и только. Одно страшно, все бы прошло, все бы сгладилось, если бы война шла с франц[узами], с англ[ичанами], с кем угодно. Но немцы! Это не армия. Это смрадное облако, отравляющее на века то место, куда оно попало. Они не уйдут, как ушли французы, они отравят и сделают существование невозможным для не немца. Русская армия со всей ее бесшабашностью, беспорядком, мародерством – рыцарская армия, она уйдет, как пришла, но армия немецкая, именно не рыцарская, а меркантильная, корыстная, за армией ползет сама Германия, дебелая, нетер[пи]-мая. Спаси Боже, Россию. Русская армия в худшем случае – разбойник в чужом доме, немецкая – немка хозяйка в таком же чужом доме, который она

* Образ жизни (*лат.*).

* Торговец дровами (*устар.*).

полагает своим. Наполеон и Вильгельм – Дон Кихот и купец. Вот чем страшна эта война для России. В случае победы – полное освобождение от немецкого мещанства и экономии в жизни, науке и прочем, в случае поражения – полное беспросветное рабство. Может быть, это наивно, но это так, это верно. С немцами России смерть идет, с Наполеоном шел только стыд поражения. А сегодня, ведь, день Бородинского боя, потому и лезут неотвязчиво в голову параллели. Когда же наконец случится это новое,жданное сражение, и чудище, застыв на миг на месте, поползет обратно, добываемое и убиваемое. Нет пафоса, нет надежды, есть только ужас перед будущим. А кругом мерзкая, грязная осень и хочется плакать.

27 августа, д[ережня] Кабаки

«Поворачивай оглобли» [–] кричишь в душе безумной телеге войны, пора, зарвалась. Мать пишет: «Все говорят, немец скоро придет к нам, куда бежать? Я так думаю тут сидеть, будь Его Святая Воля, бежать некуда». Раньше война была для меня интересной и страшной книгой, романом, который старался проглотить скорее, узнать конец, сияющий победоносный конец – книгой и только книгой. Теперь я герой романа и трепещу за перипетии* и конец. Москва... Я «созерцатель», но у меня неотвязная любовь к предметам, не к людям, а к предметам. Старый дом, мои книги – если этого не будет, что же вообще будет со мною?

А на Шаре пока все то же, тянутся обозы по мосту и насыпи, фель[д]фебель шныряет по пустой деревне и ворует седла, лошадей, картофель. Омерзительно. Холодно, войска собираются уходить еще дальше. Воеет ветер за окошком, хорошо лежать на койке и читать «В[ойну] и М[ир]». Война и мир, неужели это две равноценные категории, и война не эпизод, а Privat-Leben^{2*} – мир только паузы между актами... Смотрю на леса на горизонте, синие и дикие. Хорошо бы убежать в эту дичь и чащи и поселиться где-нибудь под землей, под мхом и корнями, зажать уши, не слушать выстрелов, не говорить о безнадежной войне, читать, работать в лаборатории и в конце концов так умереть. «Для Бога, мира и себя, не для людей толпы ничтожной» жил, живу и буду жить, что бы ни случилось.

28 августа, д[ережня] Кабаки

День ясный, солнечный, теплый. По бледному голубому небу ползают, тают и появляются маленькие, круглые, теплые облака. Мацюга на работах, смотрю на безотрадную чахлозеленую низину у реки, грязные, развалившиеся халупы и думаю все о том же. Не люблю я денного обмана, облаков, солнца, понапрасну все это волнует, заставляет двигаться и жить. Облака, бревна, трава, солдаты в аккуратной шинели – все только о том о том* и ноет[:] «Жить хочу, самим собой остаться». Будь какая угодно особь какой угодно Diskretum – все одна песня. «Как бы протянуть подольше и не рассыпаться». Старую халупу мужик чинит, об атоме кто-то заботится и дал ему железную устойчивость; едет мужик, утекает от немцев, на фурмане сено и хлеб, для лошади и себя... Все кругом об одном, только об одном, и облака, и солнце.

* В оригинале «перепитии».

^{2*} Частная жизнь (нем.).

* Так у Вавилова.

И опять один и тот же несносный ответ: «Все минутное, земное разлетается как дым»¹. Бревно истлевет, солдат умрет, солнце погаснет и рассыпется, облака растают, атом разлетится вдребезги, на всякие α и β частицы. Нет спасенья. Разлетятся государства, земля. Одна особь, один *diskretum* – цель и вечен, и нет для него времени – все, *das Weltall*^{2*}. Закон сохранения – вот та вечная, самая ценная истина, которую нашел человек. Почему энергия не застыла от века в потенциальной, величественной сонной форме. Кому и зачем вздумалось играть в *diskretum*? А это только игра, игра жестокая, но, пожалуй, веселая. 1) Существование энергии в пространстве[;] 2) Дискретная кинетическая форма энергии: вот две *Welträtsel*^{3*}, настоящие, неразрешимые. О пространстве не стоит говорить, оно *conditio sine qua non est*^{4*}. Время – следствие дискретности. Каждая гадина, вошь, бревно считает себя за *Weltall* и всегда солипсично. Только я, только я одна. И закон сохранения^{5*} – вовсе не найден, он инстинктивен, он больше желание, чем истина. Раз есть энергия и дискретность ее – «жив Бог»... Но жива ль душа моя? Этот Бог – жестокий, играющий, вне всего. И именно игра в *diskretum*, в его солипсизм, пожалуй, забавнее всего. Сохранение, долговечность особи обусловлена концом, смертью другой и из этого возникают веселые войны, борьба людей, миров. Война всюду и всегда и только там – горе [–] *der Herr*^{6*}, вечный, потому что неизменный – знает мир. «*Du bist ein Teil und stehst doch ganz vor mir*»^{7*}. А если бы часть почувствовала бы себя только частью, мир бы смолк, онемел и стал безжизненным куском, болтающимся в пространстве. Стоит ли жить? Но стоит ли задавать такой вопрос. Почувствовать себя часть[ю] – значит умереть, но почувствовать это неизбежно, и жизнь не лучше, не хуже смерти. «*Dum loquimur fugit invidiae aetas*»^{8*}. Кто-то за нас разрешает все вопросы... А пока живу. По случаю ясной погоды загудел и над Кабаками немецкий авиатор. Шиховский сидит и смакует свои визиты в публичные дома, я одним ухом слушаю, а сам сижу или лежу с «В[ойной] и М[иром]».

В жидовском доме мы, видимо, последние обитатели, стоит он как раз перед окопами и неминуемо должен быть сожжен, как и вообще половина «Кабаков». Сожгут, вероятно, и новенькую деревянную церковь, купол которой сейчас так ласково блестит на солнце. Несчастные «особи» поставили тебя, как мольбу Богу, как средство сохранения. Но разве слышит и слушает игрок кегельный шар?

29 августа, Кабаки

Опять веселая, ясная погода, дороги подсохли и по ним четко стучат колеса непрерывных обозов. Все опять поперло, лазареты, дивизионные обозы, артиллерия, беженцы, стада. И погода, что ль, тому виной, или ко всему привыкли, но не видно вытянутых, пришибленных физиономий, даже беженцы какие-то веселые, пестрые, чистенькие. Сейчас перед домом на дороге

^{2*} Вселенная (нем.).

^{3*} Загадки природы (нем.).

^{4*} Есть необходимое условие (лат.).

^{5*} Далее зачеркнуто слово «особи».

^{6*} Господь (нем.).

^{7*} «Ты мне сказал: “я часть”; но весь ты предо мной?» // *Гёте И.В.* «Фауст», Ч. I. Сцена 3. Слова Фауста. Пер. с нем. Н.А. Холодковского.

^{8*} «Мы говорим, время ж завистное мчится» (лат.) // Гораций. Оды / пер. С.В. Шервинского.

перепутались два стада овец. Плача не слышно, а только смех. Война выбила из колеи, ну что же, будем жить без колеи, по-цыгански. Человека трудно запугать до смерти. На наши работы все посматривают иронически: «Ишь, дьяволы, для немцев дерном устилают, немцы вам за это по медали выдадут». Шиховский увлечен тарантасом, купленным за 30 руб. Ор[анский] по-прежнему похож на самодовольного поросенка и хвостик закрутил спиралью. Вообще я попал в очень дурное общество. Не сегодня-завтра и мы потянемся за обозами. И когда же этому всему конец? Никакого кризиса не видно. Начинает казаться, что так потянется вся жизнь, что все это неизбежно и логично... Повели 3–4 пленных немцев в Pickelhaube*. Ни малейшего следа ненависти, одна зависть. «Везет», только в одном и упрекаешь.

Пришел Ш[иховский] и притащил кучу Бог знает где нахватанных слухов: В[еликий] К[нязь] Н[иколай] Н[иколаевич] назначается командующим Кавк[азкой] армией, верх[овным] главнок[омандующим] становится сам Гусударь, «наблюдающим» за всем фронтом – Рузский, команд[ующим] 4-й армией Радко. Если это правда, это жест последнего отчаяния, «а вы друзья как ни садитесь, все в музыканты не годитесь».

30 августа, Кабаки

Осталось ли что-нибудь «важное» в жизни, исполнение или отказ от чего было бы «ныне отпускаеши¹»? Осматриваюсь – нет. Мать, честь родины, книги, физика, искусство – вот они приманки жизни, но *per dir la verita** все это мимолетно, «ныне отпускаеши» уже сказано и мне, настоящему мне, положительно все равно, жить или умирать. В жизни важным кажется, может быть, только религия, не Бог, а религия. Быть религиозным значит убедиться в сохранении, вечности, неразрушимости себя. Бог еще не религия. А я еще не религиозен, потому все равно. Кругом смерть, холера. Беженцы мрут, как мухи. В лесах показались кресты, но уж не над солдатами, а над бедными мужиками и бабами. Холера появилась, кажется, и в роте.

Работу окончили и часа через 2–3 уходим.

30 августа, д[еревня] Петрошулевичи

Прелестная деревня. Стоит высоко на зеленом холме, так высоко, что колдца вырыть нельзя и воду берут из ручья. Хаты большие, чистые, с садами, зелеными последней осенней темной зеленью. В моей горнице, чистой и просторной, с некрашеными белыми стенами, пахнет сушеными яблоками, на столе скатерть и цветы, элегические астры и георгины и странно затесавшийся нежный левкой. Я сейчас один, в отделе с полуротой и чувствую себя спокойно, медлительно думаю и мечтаю. Дорога в Петрошулевичи тоже уютна, зеленая, тесная. Передо мною опять «Война и Мир». Странно сейчас она читается[,] не как роман, а как газета, до того, до совпадения, близко совершающееся теперь к двенадцатому году. Неужели история повторится и ядовитая немецкая волна откатится назад безвозвратно?

Вчерашние слухи подтверждаются, но, право, даже страшно писать, что думаю, и что я от всего этого ожидаю.

* Островерхая каска (нем.).

* По правде говоря (ит.).

31 августа, д[ережня] Петрошулевичи

Чудесен этот последний августовский день. Утром такой холод, что кутаешься в одеяло и еле-еле хватает решимости – встать. Все потонуло в белом блестящем тумане – за туманом теплое солнце. Поехал на рекогносцировку. Туман растаял, стало тепло, скинул шинель в повозку. Природа какая-то тихая, элегически-грустная стала. Ельник, дуб, зеленые лужайки, паутина засохшего, умирающего леса, рябина такая ядреная и яркая, как деревенская девка, а там вдали синеют по холмам сосновые леса с красными пятнами угасающих лиственников. Грустно, но приятно – смерть, но тихая, мирная безболезненная, почти сон. Диссонируют только обозы, громяхющие по всем дорогам и дорожкам. Эти парки, батареи, кухни, лазареты, этапы, саперы, доктора как-то волей-неволей обращают все лицо земли, весь этот роскошный августовский день в реальное воплощение двухверстки в огромном масштабе.

Вечером получил кучу бандеролей со старыми номерами газет и читал их. Какое это мучение, какой это ужас, как это дергает и нервирует. Все эти телеграммы, фельетоны, артикли – какая это мучительная пытка, нытье, ирония над самими собой, и тут же петитом победные немецкие репортажи. Замолчите, о поражении писать нельзя, – это удар с тыла, пишите сколько угодно после, но не сейчас. «Война и мир» и газеты. Я сейчас как раз читаю жестокие страницы – оставления Смоленска, Москвы, но, Боже мой, я знаю, что все окончится хорошо, что и в Москве, и в Смоленске, и в Вильне, и в Варшаве опять будет несокрушимая Россия, знаю, что Marie выйдет замуж за Николая Ростова и т.д. – но газеты – это дикий роман, конец которого известен одному Богу. Я боюсь теперь предсказывать даже завтрашний день.

По дороге встретился со своими «юристами», рассказывают печальные вещи о 25[-м] корпусе. Рагоза теперь командующий армией, а корпусом командует неведомо кто, не то инсп[ектор] артиллерии ген[ерал] Коханов, не то начальник штаба, полная безалаберность и чепуха, «железный» корпус стал старым грибом.

Сегодня я как-то «по-человечески» настроен, и тихая элегия осенних полей и лесов мне роднее и ближе, чем пышное августовское звездное небо, белый утренний светлый туман милее Млечного Пути.

1 сентября, фольварк (?) Шестаки

Какой-то кавардачный, сумбурный день. Утром уехал из Петрошулевичей, поручив квартирерам отыскать квартиру в Шестаках. Квартиру нашли, но, увы, на нее скоро явились сильные претенденты, какой-то мортирный полковник, перед которым я стоял навтыжку, но все-таки урезонивал, и командир Несвижского полка. Гренад[ерский] корпус идет в резерв, и пехотные полки сейчас на уровне с нами грешными. Встреча героев Илиады с одной, а Одиссеи с другой стороны а priori должны быть неприязненны, так оно и выходит. В результате я все-таки остался на фольварке в какой-то клетушке. Впрочем, это не помещичий дом, а просто дом богатого мужика, который сейчас плачется на мародерство и у которого недурная дочка. Несвижцы пригласили обедать; я вообще с новыми людьми держусь медведем и тут еще коллизия Илиады и Одиссеи, впрочем, все сошло благополучно, я помалкивал и посматривал, разговоры пехотные о шрапнелях и окопах; пришел какой-то

капеллан, состоящий при штабе армии и собирающийся служить в полку не то молебен, не то панихиду, лицо бритое, юркое, сладкое. Во время обеда вдруг слышу, мои хохлы кому-то гаркнули: «Здрам желам, Ваше сокородие». Так, оказывается, встретили они с перепуга командира гренад[ерского] корпуса ген[ерала] Мрозовского. Моя комната как раз рядом с комнатой, где помещается штаб полка. Поневоле слышу и слушаю, как Мрозовский задает баню командиру и пр. Сам он, видимо, ни черта не понимает, ни в чем не ориентируется и, ей-Богу, похож на какого-то зеленого прапорщика, говорит о каких-то безбрустверных окопах, ругает несвижцев, еще не зная, следует ли ругать, или нет. Избави Бог от таких корпусных. То ли дело родной Рагоза!

Сейчас слушаю, как полк[овник] читает кисло-сладкий рескрипт Государя Великому Князю и становится страшно. Что-то из этого выйдет.

День опять прелестный, мягкий, солнечный, целый день гудят аэропланы, впрочем, они так примелькались, что и головы не поднимаешь.

2 сентября, д[еревня] Борки

Началась новая война, началась она с июня и страшно похожа на кампанию [18]12-го года. Та тоже началась в июне, и так же неустанно отходили русские. Но вот пришло 2-е сентября, французы вошли в Москву, кривая войны перестала изменяться, застыла, прошел месяц и кривая обернулась вспять. Вот и сегодня 2-е сентября, и я почему-то поверил в *mystische Vorbestimmung*^{*}, в повторение истории, пройдут дни, 2–3 недели и кривая застынет, а потом вдруг ст[р]емительно обрушится назад. Война, говорю, удивительно похожа на отечественную, тот же ужас, сумятица и вопли в глубине России, та же перетасовка командного состава и тот же эпиграф: «Доколе хотя один неприятель будет в наших пределах – мира не будет»¹. Что это? Имитация или действительная, инстинктивная повторяемость явлений [?]. Сейчас по всем дорогам нескончаемою цепью идут корпуса, 14-й, гренадерский, не то в резерв, не то на посадку. Идут стройно, весело, с музыкой, и даже пехота довольно прилична и подтянута. Почему-то кажется, что они [идут] туда, на загадочную последнюю линию, где обновятся, станут сильными, и будут ждать. У меня нет никаких фактов, никакой логики, я по-прежнему верую в чудо, в то же «*mystische Vorbestimmung*». Какая же логика была в поражении Наполеона после Москвы? Жаркий солнечный день, бодрые полки и даже беженцы успокаивают и обнадеживают. Они бегут, но потому и бегут, что знают, что воротятся. За горизонтом глухо громыхают немецкие пушки. Гремите, гремите и на ваше медно[е] горло найдется заклепка.

Поселился в паскудненькой халупе. Места здесь почти что «*wildromantisch*»^{2*}, холмы, долины, леса и все это в легкой туманной дымке жаркого дня.

«Войну и мир» я сейчас читаю как пророчество.

^{*} Мистическую предопределенность (*нем.*).

^{2*} Полный (дикой) романтики, экзотический (*нем.*).

3 сентября, д[еревня] Борки

В прошлом году 3-го сентября я перешел русскую границу, но то была совсем другая война, которая к теперешней относится, как войны 1805–1809 года к войне 1812[-го]. Попаду ли я и в этом году за границу. Хотя это и невероятно, но мне думается, что я попаду. Немцы целый день без устали долбят и не особенно далеко отсюда, вероятно, на Щаре. День туманно-солнечный. Кончаю «Войну и мир». Великий, но и детски наивный роман. Наивность сквозит всюду, и в романе, и в риторических отступлениях.

Сегодня вечером перейду, вероятно, в Огородники.

3 сентября, д[еревня] Огородники

Привел сюда полуроту к Шиховскому. Строит он тут мост через Молчадь, хотя мост есть, говорит, что строит с «педагогической» целью. Речушка маленькая и болотистая, рядом ж[елезно]-д[орожная] станция, посвистывают паровозы, белый дым расплывается, как молоко, по лесу.

Настроение очень плохое, ничего не хочется, никаких желаний и на все положительно наплевать, жить, умереть от холеры, от бомбы – ganz egal*, абсолютно никакой приманки не остается.

Польша еще не згинела, халупа волостного старшины Жоха, в которой остановились, прямо костел. В углу целый алтарь[:] иконы, свечи, цветы, декорации, по стенам опять иконы и патриотические картинки.

4 сентября, д[еревня] Огородники

Странные, таинственные осенние дни. Лихорадочное, чахоточное солнце, минут на 5 проглядывающее из-за темных, вихревых облаков, ветер, как молотком ударяющий в спину, дождь резкий и острый, как топор, радуги вспыхивают и погасают, еловый лес шумит и воеет, березы шелестят, побуревшие, с желтыми серьгами. Природа медленно, медленно засыпает и скоро юркнет под белое пуховое одеяло. В воздухе какая-то острота и элегия. Едешь верхом по лесу, того и гляди скажешь: «Verweile doch, du bist so schön»*.

Ночью почти не спал, кусали вши и блохи, встал в 6 ч[асов] утра и целый день торчал на мосту под дождем и градом, кажется, простудился и сейчас чувствую первые сладкие шаги лихорадочного озноба, хочется под одеяло.

В то время когда писал, ввалился какой-то прапорщик в черкеске из казачков и привез безотрадные вести, армия отходит почти на Молчадь, завтра почти несомненно придется уходить. Снаряды, говорят, будут готовы в достаточном количестве только в ноябре. Господи, куда же мы уйдем за эти два месяца! Россия – roverina^{2*}, а страшнее всего за Москву.

5 сентября, д[еревня] Кобыльники

Утром ездил на рекогносцировку дороги в эти самые Кобыльники, верст 12 от Огородников, дорога дикая, овраги, леса и на 12 верст ни одного жилья, можжевельник, камни, да к тому же та же лихорадочная погода, холодное солнце, резкий дождь и ветер.

* Все равно (нем.).

* «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!» (нем.).

^{2*} Бедная, бедняжка (ит.).

Вернулся, узнал, что нужно уходить, штаб армии уехал в Минск, да и сама армия того гляди скоро там очутится; в Огородниках (Жихи), остановился штаб 6[-й] дивизии. Шиховский бегаёт как полоумный и нажимает на работу, нужно кончать мост. У этого господина *mania grandiosa**: насыпи с дерном, мосты с вылощенными перилами etc. В конце концов к 7 часам кончили и физиономия Шиховского просияла.

Где-то близко начался пожар. Тучи, дождь, зарево, ветер, как нож. Пошли в Кобыльники. Мерин дрожит, волнуется, хочет перейти в галоп, чтобы согреться. О чем думает смиренномудрый мерин? Кобыла, та хотя [бы] о жеребцах, а этот только о сене да тепле.

Кобыльники – огромная деревня, но никаких солдат, того и гляди утром очутишься между двух огней. Халупа роскошная, новая, оклеена обоями, по стенам фотографии etc.

Шиховскийazoleт и беседует с Оранским о девочках.

Настроение печальное, плакать хочется, и осень, и это непрерывное отступление.

м[естечко] Городыше*, 6 сентября

Прошли верст 17. Погода самая плачевная, с севера дует так, что лошадь трудно повернуть, дождь, грязь и холод, закутался, и все-таки приходится порой спускаться с мерина, чтобы согреться. По дороге те же унылые, почти пустые деревни, осиротелые фольварки, катят кучками обозы, кареты и «воляны», благоприобретенные разными штаб- и обер-офицерами на разных фольварках. Это откровенное воровство очень похожее на французское отступление из Москвы, только тут грабят свое и своих. Откуда-то вчера пристала юркая собачонка с обрубленным хвостом, которая так и юлит около офицеров. Бог знает откуда выработалась у нее эта холопская, денщицкая привычка. Летит как сумасшедшая, то рысью, то галопом, гонится за всеми мимо проходящими коровами, овцами, солдатами, черт знает сколько эргов¹ потратила паршивая собачонка на лай и беготню. Городище – жидовское местечко с двумя русскими церквями и с ликвидирующимися жидами. Поселились на квартире жида-кожевника. Странная, почти милая обстановка, полуобразованные евреи, портрет Л. Андреева, на полке драмы Я. Гордина на еврейском языке, «Ключи счастья»², «Виктория Павловна»³ etc. Вспоминаются герои Юшкевича, вообще русские, не польские евреи, какой-то в них надрыв, хотение быть русскими по духу чувствуется. В местечке накупили бутылок 20 всяких прокислых и не прокислых венгерских столовых и пр[очих] вин, и сейчас мою голову чуть-чуть туманят винные пары. Боже мой, когда же этому конец. Уж лучше полугоре, чем настоящее безысходное горе, а дело идет так, что война для нас кончится или величайшим позором, или ослепительным торжеством, которое затмит и отечественную войну, и «дни Екатерины». Вечером, конечно, очередная и довольно резкая пикировка между Ших[овским] и Фалькевичем, я играл роль арбитра.

* Манья величия (*лат.*).

* Здесь и далее С.И. Вавилов пишет «Городыше» вместо «Городище».

м[естечко] Полонечки, 7 сентября

Боже мой, как тоскливо и невесело все это. Мы вдруг, мы [–] не только военные, но вся Русь, все эти мужики, бабы, попы и помещики [–] сказали на все «наплевать» и танцуют *danse macabre*^{2*}. Надежда потеряна всеми, и вот единственное желание и стремление как-нибудь скрасить свои последние денечки: «*Carpe diem, quam minimum credula postero*»^{3*}. У беженцев какой-то отчаянный вид людей, махнувших на все рукой, у солдат и офицеров из глаз так и смотрит грабеж и мародерство. Начинается Декамерон, пир во время чумы. Отнимаются руки, разуверился во всем, книга выпадает, глаза слипаются «*to die – to dream*»^{4*}. Мне уже и Москва, спасительница Москва, Москва – мечта стольких месяцев начинает казаться такими же Кельцами и Радомом, где замерла всякая *Privat-Leben*^{5*} и все стало для солдата, и Москва потеряла невинность. Ну а за Москвой для меня ничего нет.

Сделал сегодня 18 верст. Остановился с полуротой в Полонечках и завтра буду чинить мосты и дорогу. Полонечки вовсе не местечко, а деревня, есть, впрочем, аптека и школа, в которой поселился. Рядом огромный дворец кн[язя] Радзивилла, занятый госпиталем, солидный, но некрасивый.

Сижу, с тоски перелистываю старую «Ниву», взял с полки «Графиню Монсоро»¹, но глаза по-прежнему слипаются, остается лечь спать. Небо чистое, луна сияет ярко и холодно.

м[естечко] Полонечки, 8 сентября

Нелепый день. С утра до позднего вечера носился на мерине и исколесил, вероятно, верст 60. Мерин еле идет и переставляет ноги, боюсь, как бы не сдох. Утром рекогносцировал дорогу, вечером поехал к Шиховскому в Островки*. Стоят они в аккуратном фольварке, где все на месте, не расхищено и не увезено. Стоит дым коромыслом, откуда-то раздобыли водки, играет граммофон, который возит с собою Черни, очутившийся с 4-ой ротой в Островках. Оранский осоловел и пьяный еще более противен, чем трезвый, и уж совсем похож на свинью. Черни пьет за здоровье Сократа, заводит пластинки с Толстым, танцует гопаки. И пьяный он мил^{2*}, как прежде. «Сам» Шиховский уехал в гор[одок] Мир «за девочками». Скорее выбрался из этого бардака и еле доехал домой, лошадь еле ковыляет. На западе военное зарево, а на востоке просто пожар, куда по православному обычаю поехал выручать урядник. Во время моего отсутствия приключились тут всякие скандалы, ставлю под ружье etc. Отдыхаю за «Графиней Монсоро». Завтра намереваюсь уехать.

м[естечко] Ишкольд, 9 сентября

Странная чересполосица, то было потянулись чисто русские деревни, теперь опять Польша, костелы, халупы. И все это остатки несчастной Литвы. Что от нее осталось? Русифицированные поляки, полонизированные русские

* Здесь и везде далее С.И. Вавилов пишет «Полонечки» вместо верного «Полонечка».

^{2*} Пляска смерти (*фр.*).

^{3*} Пользуйся днем, меньше всего веря грядущему (*лат.*). Из Горация.

^{4*} «Умереть – грезить» (*англ.*).

^{5*} Частная жизнь (*нем.*).

* В оригинале – «Островку».

^{2*} Слово «мил» расшифровано неуверенно.

и больше ничего. Зашел сегодня в архаическую русскую церковь в Ишкольде, которая так и просится, чтобы ее зарисовать. Ясно – бывший костел, а теперь Бог знает что, на фронте васнецовская Богоматерь, а внутри униатское чудосочие и бледность. Такая чудосочная, бледная, полумертвая вся Литва, и мертвые не воскресают. Какая-то странная земля недоносков, нежной тайны. Почему-то всем, кто знает Чурляниса, сразу вспоминается Литва, и наоборот. Здесь царство лунного света, призраков, молчания, болотных блуждающих огней. Ишкольдская церковь – символ самой Литвы, символ прелестный, но безысходно печальный.

Переселился сюда сегодня утром. Мерин мой издыхает, не ест, не пьет, повесил голову и еле двигает ногами, еле довели до Ишкольда. Грустно за все, что уходит, ведь это «pars mei»* умирает. Строил всякие мосты и мостики, а к вечеру поехал в Островки к Шиховскому на фольварк покупать лошадь. Сейчас куда ни погляди, страшно и грустно. В церкви дьякон запрягивает в алтарь свои сундуки, надеясь на немецкий страх Божий, на фольварке разбегаются старые повара и лакеи, и стоит старый дом угрюмый, покинутый, где мы – армейцы [-] наслаждаемся клочками оставшейся Privat-Leben, как вороны над падалью. Бог с ними, с высокими задачами войны, люди живут один раз и après nous le deluge^{2*}. Трещат по швам и нравы, и законы, и быт,

* Часть меня (лат.).

^{2*} После нас хоть потоп (фр.).

и человек становится пугливым Адамом. И когда же^{3*} кончится эта мятежь, и снова все выпрямится, и начнет расти? Говорят, будем отходить до Днепра. Сколько же нового ужаса и позора впереди. Россия, бедная, милая Россия, что с тобой сделали и за что?

Поселился в доме зажиточного пана, где уже сняли иконы и уныло зияют пустые полки, украшенные бумажными цветами.

м[естечко] Ишкольд, 10 сентября

Строю мост. Целый день торчу около свай, понукаю, бегаю, а вечером пишу какие-то idiotские квитанции на взятый материал. Немцы совсем уже близко, верстах в 10, и пушки грохочут предостерегающе. По серому небу плавает немец и злорадно посматривает на Россию под своими ногами, которую он и топчет и смотрит. Боже мой, как только подумаешь, что где-нибудь в русском помещицком доме сидят и пьянствуют сейчас лейтенанты, поют сентиментально-самомнительные песни – кровь к голове приливает и кулаки сжимаются в безуспешной досаде. По небу плывут бурые, ржавые облака пожаров, а к вечеру запад стал розовым от зарев. Побойваюсь, как бы ночью наши не отошли, и я бы не очутился в запретной полосе.

Устал и отдыхаю с Дюма.

м[естечко] Городея, 11 сентября

Со страхом и трепетом, думая, что не успею, покончил с мостом и подъездными путями, следовательно feci quod potui*, хотя, откровенно говоря, мост не нужен, есть старый мельничный мост, который, хотя и не надежен, но на авось выдержит даже паровоз, а мой мостик, как всегда, pour le Roi de Prusse^{2*}. Устал, с 7 утра на работе, зашел обедать – облепили, как мухи, паны со всякими квитанциями и просьбами. Сразу же после работы тронулись в дорогу. Сел я на свою новую лошадь «Венеру». Лошадь красивая, аристокра[т]-ка, но совсем не по мне, нервозна и пуглива, как барышня, а от шпор и плети вздрагивает, как от кипятка. Того гляди, налетишь на катастрофу. В Островках остановил роту на обед. Халупы все опустели, на фольварке дебоширят и пьянствуют офицеры. Кругом пожары, и впереди и в тылу. Почему в тылу, Бог знает. Может быть, и патриотические поджоги (а тут стали встречаться и патриоты), может, солдатское беззаботное хозяйничанье в опустелых жилищах. Из Островков в Городею дорога наполовину лесом, который при полной луне кажется прямо оперным или балетным. Ночью в какой-то опустелой халупе с Шиховским e tutti quanti^{3*} и с мухами.

д[еревня] Андриюши, 12 сентября

Опять попали в руки газеты, опять за горизонтом словно кто-то считает ребра забора – немцы долбят по окопам, и опять старый вопрос, когда же конец, Господи? Россию в самом худшем случае ждет будущее теперешней Польши, в лучшем [–] новый Рим. И вот между этими двумя крайностями и

^{3*} Далее зачеркнуто слово «вновь».

* Я сделал [всё], что смог (*лат.*).

^{2*} Ради прусского короля (*фр.*) – устойчивое выражение, означающее «даром».

^{3*} И другими (*ит.*).

колеблются сейчас весы судьбы, склоняясь больше на первую сторону. Лес рубят – щепки летят, и вот повсюду, повсюду эти щепки, заслонили свет Божий. «Живые теперь мертвым завидуют» – говорит мне старый мужик, в хате которого я остановился. Никто тут ни войны, ни солдат не знал, а как появились они недели две тому назад, так какой-то старец от страха чуть не умер. Халупа моя высокая, чистая, дубовая, а сам хозяин, старый богатый мужик, рассказывает: «У меня хата во какая, воздух чистый, высокая, сухая; как заедет псаломщик в деревню, все зайдет, выкурит папироски три да скажет: “Хорош у тебя воздух”». И вот все это благополучие трещит и рушится, живые завидуют мертвым, и как будто нет спасенья. Но судьба еще колеблется, пройдут месяцы, и может случиться обратное чудо. Вера в него [–] вот единственный кислород для задыхающихся.

Здесь буду чинить дорогу и завтра уже переселяюсь.

Армия совсем деморализована: солдаты-халупники, офицеры-фольваркисты, пьянство, мародерство, все это только теперь появилось.

13 сентября, д[еревня] Куноса*

Нового очень мало. Та же удушливая атмосфера безнадежности или в лучшем случае бесконечная перспектива ангельского терпения, которое неизвестно чем кончится. Ездил верст 20 смотреть дорогу. Жарко, солнце светит и поджаривает, пыль, скука, все это похоже на обычный воскресный день, хотя Бог знает, воскресенье сегодня, или нет. Даже пушки гремят как-то воскресно-буднично. В Куносе поселился вместе с Черни, Шварцем, Чубаревым. Завожу и слушаю граммофон, ругаю Шиховского, плюнул на все и отчаялся. Солдаты пьянствуют, покупают у беженцев за полтора рубля таратайки с парой лошадей. Скверно на Руси, беда близко и живые мертвым завидуют.

В Куносе пестренькая новая деревянная церковь, седой попик, бродящий, как тень, по деревне. Завтра ухажу дальше.

14 сентября, м[естечко] Могильно

Всклокоченные облака
По небу бледному мятутся,
Клубит свинцовая река
Узоры жизни тихо рвутся
И медленно ползет тоска.
Тоска осенняя немая,
Как Неман, медленно-мрачна.
О где же ты блистанье мая,
С очей упала пелена,
И трепещу, изнемогая.

Мрачное, как его имя, местечко, среди песков, лесов и болот, какие-то допотопные домики деревянные, серые, как гроба[,] с колонками и галерейками, печальные жида и белорусы, и опять пестренькая деревянная русская церковь с кладбищем. Неман... Вот еще одна река в моей Одиссее. Вепш*, Сан, Висла, Нида, Радомка, Щара, Молчадь и теперь Неман. Сегодня как-то

* В оригинале «Кунос».

* В оригинале «Вепж».

особенно странно космически грустно. Попали в руки свежие газеты. Они почти бросают в лихорадку. Россия или умирает или готовится к воскресенью. Старая Россия уже умерла. Глаза застилаются туманом, всякое представление о перспективе исчезло. Жизнь и смерть кажутся игрушками, за которыми пустыня и мороз. Последнее ли это отчаяние, или это перед просветлением – не знаю.

Завтра опять иду, а здесь пока грызусь с досады и тоски с Оранским, поросенком от бобрика до подошв.

Сейчас мы в глубок[ом] тылу.

15 сентября, по дороге*

Ни о чем думать не хочется, смотрю и люблюсь нежным утром. Бледное голубое эмалевое небо с еще розовыми облачками, легкий туман, металлическая лента Немана, бледно-зеленые отшлифованные холмы. Опять то же впечатление, словно ходишь по фарфоровому блюду, накрытому фарфоровой чашкой. Свежо, тепло, «тиховеино».

по дороге, 2-й привал

Увы, «Gemüt Zustand^{2*}» и вся философия [-] вполне определенная f^{3*} состояния атмосферы. Вчера весь мир казался мне в хаотически серых красках Греко, сегодня идиллии и пейзажи Пуссена и К. Лоррена. Вчера я был настроен по Тютчеву, а сегодня Неман такой тиховеинный, тихоструйный, голубой, уютный, что я стал под Жуковского и Карамзина. Удивительно хорошо сейчас в поле, на берегу, по голубому Неману плавают белые гуси, а по голубому небу белые облака.

15 сент[ября], м[естечко] Песочная^{4*}

Довольно веселый и любопытный денек. В Песочной я поселился в доме какого-то жида, не то зубного врача, не то химика с винокуренного завода. Комната, обитая неотесанными досками, обставлена мягкой мебелью, по стенам фотографии и недурно сделанный масляный женский портрет. В одном углу граммофон, в другом хорошее зеркало, на котором стоит гипсовый микельанджеловский Моисей. Появился хозяин и с первого слова начал угощать каким-то денатуратом. С денатурата разговор перешел на вино, с вина на Италию и разъяснилась тайна Моисея. Жид бывал в Италии и т.д., конечно, Рим и Монте-Карло у него сливаются, а в Ватикане «красивые картины». Abbiamo già un poco parlato in italiano^{5*}.

Затем сел на кобылу и поехал смотреть мосты и дорогу. Здесь настоящий Пенджаб, реки, речушки, ручьи, болота etc. Сидеть предстоит долго. Нашел техников и весь вечер был с ними. Пригласил к себе в комнату жиденка-parruc[s]hierie^{6*} и выбрился. Техники поселились в доме какого-то не

* Эта запись и следующая («2-й привал») сделаны карандашом.

^{2*} Душевное состояние (нем.).

^{3*} f – функция (матем.).

^{4*} Здесь и далее до 17 сентября, а также 18 сентября Вавилов пишет «Пясечна» вместо «Песочная», затем «Песочно», с 20 сентября – «Песочна».

^{5*} Мы уже немного говорили по-итальянски (ит.).

^{6*} Парикмахер (ит.).

то дьякона, не то дьячка, по стенам епископы, Иоанн Кронштадский etc. и, между прочим... Вильгельм I-й. Позвал толстую хозяйку и осведомился насчет портрета. «Да это царь Николай I, дедушка нашего». «Хорош дедушка!» В заключение пошли стучаться по жидовским хибаркам, искать «свечей». Поиски оказались бесплодны.

Между прочим, сегодня на привале подбежала куча сестер милосердия и каких-то баб. Запыхались, три версты бежали, думали пленных ведут, разочарование полное.

Я в тылу, хотя ходят какие-то темные слухи, что наша армия если не окружена, то окружается. Одновременно говорят о какой-то виктории.

16 сент[ября], м[естечко] Песочная

В моей тихой комнате с микельбанджелевским гипсовым Моисеем очутились и Оранский, и Фалькевич и пьяный осоловелый отрядный доктор, дурак высшей марки. Заводят граммофон, наслаждаются всякими Бим-Бом¹, Вяльцевой, лошадиными маршами etc., пьют денатурат, пьют чай с клубничным вареньем. Вообще, мы в России, попы, косоворотки, граммофоны, варенье и всенародное наплевать. Я думал, война сделала нас европейцами, пафотически[ми] рыцарями, а мы по-прежнему грустные, раскисшие, мечтательные дикари. Немцы ползут, совсем издалека, слышен грохот, по небу на горизонте, кажется, прополз Цепелин, словно ветхозаветный ихтиозавр.

Пришли ко мне сегодня на мост два попака насчет леса и начали политиканствовать. Один, помоложе – пессимист, другой, старичок – оптимист. Один утешает другого: «Отче не страшись». Русь[,] моя бедная Русь, или уже лучше тебе умереть! До европейцев мы не доросли, а из азиатов выросли. Тоскливо.

17 сент[ября], м[естечко] Песочная

Сейчас я раздражен и взволнован опять тем же дуэтом Ш[иховского] и О[ранского], жеребца и поросенка. Не знаю, мне ничего не сказали, я не оскорблен, но сами по себе эти два самодовольных животных доводят почти до бешенства, до грубости. Придется доводить дело до ухода из роты. Эти люди, как вши мелки, невидны, в другое бы время их просто не заметил, но сейчас они, как вши, нервируют, волнуют до бешенства. Я не могу и не берусь сказать, что мне в них противно, но каждый штрих, жест, возбуждает гадливость. Бежать, куда-нибудь да бежать.

Я сегодня говорил технику Витковскому (славный малый), что эти месяцы скитаний после, когда пройдут годы, покажутся самыми красивыми, самыми счастливыми и романтическими в жизни. Я убежден, что в памяти сгладится вся эта гадость Ш[иховского] и О[ранского], а останется только строгое и романтическое.

Днем на работах руготня (дипломатическая) с Ш[иховским]. Сейчас Ор[анский] заводит граммофон и угощает Ш[иховского], который снисходительно слушает. Орест и Пилад¹, свинья и поросенок.

Рев пушек совсем далеко и бродят какие-то туманные, утешительные вести.

18 сентября, м[естечко] Песочная*

На работе

Сижу на обрубке переводины¹, среди болотистого поля и смотрю на работы. Думаю думы, довольно невеселые. В России, говорят, опять появились *liberté, égalité*^{2*} и пр[очее], бастуют, пишут прокламации, требуют нового правительства, и это мещанская, филистерская междоусобная война готова задавить и погасить настоящую, романтическую, иррациональную войну, не людей, а народов. Итак, спасения нет нигде, здесь военная *vita rusticana*^{3*}, там дома революция и всякие признаки *Privat-Leben*^{4*} исчезают, как дым. «Жить для других» – вот от чего теперь не спасешься. Если жить, то для других, а если для себя, то остается только умирать.

19 сентября, м[естечко] Песочная

На работе

Вчера вечером после работ поехали на таратайке с Витковским и Фалькевичем в имение Мамиковщину, в $\frac{1}{2}$ в[ерсты] от нас. Часов на 5 – *Privat-Leben*. Огромный дом в стиле готики сороковых годов, все нетронуто и обитатели живут нормальной жизнью, почему-то уверенные, что немцы сюда не дойдут. Атмосфера обычная польских полуинтернациональных дворянских поместий. Хозяйка *m-me Harting*^{*}, жена инженера, лет под 35, всех развлекающая, по-женски умная и остроумная, болтающая на каких угодно наречиях *del mondo*^{2*}. Маленькая, с большой некрасивой головой, молоденькая веселая какая-то графиня Морштович^{3*}, которую в шутку упрекают немецким происхождением от *Mondschein*'ов, *Morgenstern*'ов и т.д. Хозяин Иодко, лет 30, художник, агроном и пр., репетитор-математик английского сухого типа, гувернантка, малыш и девочка, какой-то жидовского вида пан, неизбежные герои Одиссеи этапные капитаны, прапорщики etc. Болтовня у камина, в столовой, у рояля, болтовня обо всем, о войне и Бог знает о чем. Я, конечно, здесь, как и почти везде, не ко двору, веду и чувствую себя медведем, больше смотрю, чем живу. Все говорят по-итальянски и сами почти итальянцы. Я очень мало *il corteggiano*^{4*}, а в лучшем случае Пьер в салоне Анны Павловны¹. Хозяйка мила, проста и вчерашний вечер был хорошим.

Сейчас опять в поле у моста, небо ясно, солнце греет, пушек не слышно и даже начинает распространяться какая-то пол[у]уверенность, что мы стали.

А все-таки, все это не *Leben*^{5*}, а *Schein*^{6*}, жизнь для меня только там, где покой, медлительность, физика и книги.

* Записи за 18 и 19 сентября сделаны карандашом.

^{2*} Свобода, равенство (*фр.*).

^{3*} Деревенская жизнь (*лат.*).

^{4*} Частная жизнь (*нем.*).

* Мадам Гартинг.

^{2*} Мира (*ит.*).

^{3*} Фамилия расшифрована неуверенно, возможно: «Морштвен».

^{4*} Придворный (*ит.*).

^{5*} Жизнь (*нем.*).

^{6*} Видимость (*нем.*).

20 сентября, Хутор в.* старшины у Могильно

Чуть-чуть вместо хутора мне не пришлось ночевать в болоте вместе с моей «Венерой». Возвращался вечером с работы, с моста, стемнело, запутался, кобыла совсем дура, дороги не чувствует, спотыкается и свернула куда-то в лес. Кругом никакого жилья, огоньки только за рекой. Чувствую, что попал в болото, слез с кобылы и начал плутать с кобылой, компасом, электрическим фонариком. Держу на авось на восток, но куда ни сунься, топь, какой-то гнилой кустарник. Кобыла, как кажется, поняла, в чем дело, и смиренно жметя ко мне, забыв и о спотыкании. Ходили мы с ней около часу, наконец нащупал какую-то дорогу, слышу, лошадь ржет, а потом и огонек показался – спасены. Солдаты считали меня уже погибшим, зная идиотский нрав кобылы, а потому полагая, что я разбился.

Сейчас на хуторе чувствую себя Робинзоном, вернувшимся домой, хутор кажется уютным, словно Пресня, пью чай с вишневым вареньем и читаю «Графиню де Монсоро». На хуторе поселился сегодня утром со взводом. Хутор совсем новенький, ладно выстроен и похож на подмосковную дачу, в 2 шагах Неман, а с тылу и флангов леса и болота. Вчера вечером с Витковским и Ш[иховским] построив мост, пошли к батюшке. Поп длинный, костлявый, волосатый до *pes plus ultra*^{2*} черный, почти жидовского типа. Дом наполовину эвакуирован, эвакуирована и попададя, а вместо нее две молоденькие девчонки. Поп скромно говорит, что привык к одиночеству и отсутствию попадади. Разговор, конечно, специфический: о преосвященных¹, о трикириях и дикириях² и поповская стратегия. Оптимист в высшей степени, собирается произвести даже деэвакуацию. Кстати, пушки погромахивают, обозы по-прежнему преимущественно ползут в тыл, хотя есть и такие, которые *si avanzano*^{3*}. Есть какие-то симптомы, похожие на то, что мы дошли до рубежа. Попили мы у попа чая с вареньем, В[итковский] с Ш[иховским] пробовали атаковать девчонок, *ma senza successo*^{4*}.

Я последнее время стал больше жить, ходить в гости, интересоваться девчонками, мало читать, мало писать и подумываю о «*carpe diem*»^{5*}. Почему это так, объяснить себе не могу. «*Dum loquimur fugit invidiae aetas*»^{6*}. *Aetas*^{7*} не *invida*^{8*}, а только беспристрастна. Завтра думаю вернуться в Песочную, а сейчас выпасться.

22 сентября, м[естечко] Песочная, утром

Бродят нелепые, но инстинктивно радостные слухи, самые элементарные и детские: Люблин взят, войска перешли Щару, Вильна взята и пр., и пр. Пока здешний тыл остается по-прежнему тылом с хлебопеками, докторами, транспортом и пр., пушки слышно, но глухо. Верить слухам не хочется, тяжело потом разочаровываться. В Песочную с хутора перебрался вчера, Ш[иховский]

* Войсковой старшина – казачий чин.

^{2*} Дальше некуда; крайний, высший предел (*лат.*).

^{3*} Выдвигаются, выступают (*ит.*).

^{4*} Но без успеха (*ит.*).

^{5*} Пользуйся днем, меньше всего веря грядущему (*лат.*), Гораций.

^{6*} «Мы говорим, время ж завистное мчится» (*лат.*), Гораций. Оды / пер. С.В. Шервинского.

^{7*} Время жизни; век (*лат.*).

^{8*} Ревность, зависть (*лат.*).

уехал в Москву, а потому одною гадиной в зверинце меньше. Получил из дома письма, посылки и № В.О.Ф. и Э.М. с моей заметкой о принципе относительности: доволен. Вечером пошли опять к Harting'ам-Иодко. Вечер самый мирный и дачный. Несколько дней стоит самая нежная, почти весенняя погода с холодными утренниками и жарким полуднем. Поехали кататься на плоскодонке по Неману. Лодка почти тонет, набралось человек семь – душа всего молодящаяся и все еще изящная и интересная m-me Harting. Высадились где-то в лесу, зажгли костер. Ничего нет на свете уютней костра и каминна – этим жарким и светлым пятном мир разделяется на два – один большой, темный и страшный, другой маленький, милый и теплый. В 1-м часу ночи вернулись домой.

Эта *passag[i]ata*^{*}, правда, похожа на «Пир во время чумы» или «Декамерон», но, пожалуй, это стало необходимым и неизбежным, пусть пушки гремят, а Неман катит воды в Ковну и Кенигсберг – все равно минуту можно посидеть у костра и изолироваться от мира.

Сейчас сижу без дела, собираюсь раздавать жалованье солдатам и смотрю, как перед окном щеголяет в чьих-то старых офицерских погонах сопливый жиденок.

10 ч[асов] вечера

К помещикам не пошел, я вообще не люблю прощаться с мимолетными знакомыми и оставлять постоянный адрес, кроме того, *per dir la verità me manca qualche cose, io non ballo, non passo ballare, non giuoco – cose piccolo, ma nella societa cosa importante*^{2*}. Днем раздавал жалованье, ездил с Витковским на его таратайке платить деньги за лес арендатору имения Иодки – Скотницкому. Уютный «майонтек»^{3*} в лесу, вдали от дороги со стариком хозяином и степенной старушкой, хозяйкой, тюлевые занавески со строгими складками, мягкая мебель, шкаф карельской березы, вазы с цветами – все неподвижно, сонно и мирно. Витковский – поляк и, кажется, очень славный.

Книги я давно забыл, и читаю теперь очень мало. Завтра собираюсь переходить верст за 7 назад. В комнате грязно и неу[ют]но.

23 сентября, д[еревня] Пале[дзи]

Деревня почти в лесу, среди болот, угрюмая, невеселая. Хаты прочные, крепкие со здоровыми замками от воров и разбойник[ов]. Сердитые старухи и злые бабы. Стоим в хате одной такой полувдовы, муж которой уехал в Америку, за его отсутствие, конечно, пара новых детей, и баба «гуляет», как сказала про нее одна старуха. Обозов не видно, пушек не слышно, одни мы остались в таком тылу, впрочем, мужики перепуганы и давно все запрятали и зарыли, на солдат смотрят, конечно, как на наказание Божие. Тыловая армия чувствует себя «счастливыми», живет нормальной военной жизнью, весь шар земной для нее сплошной отель. Солдаты и мужики – это теперь * жители

* Прогулка (*ит.*).

^{2*} «Честно говоря мне не хватает некоторых вещей, я не танцую, не играю – это мелочи, но важные в обществе» (*ит.*).

^{3*} Поместье (*польск.*).

* Слово «теперь» вписано над строкой.

разных планет с разными умами, глазами и головами, на земле теперь есть люди и солдаты. К вечеру пошел дождь, на дворе осенняя слякоть и хорошо сидеть в хате и играть в «зевачки».

Как желтый снег на зелени прощальной,
Мерцает тусклым золотом листва
И смотришь ты так нежно и печально
Умолкшая, увядшая Литва

Угрюмых елей вечное молчанье,
Седой туман нетронутых болот...
Ты смерти слышишь ли тревожное дыханье
Давно она тебя, давно к себе зовет

Осенний лес, о нежное кладбище
И смерть, и жизнь ты тайно помирил:
Весь мир прелестное, но тесное жилище,
И умерев, ты узы лишь разбил

24 сентября, д[еревня] Пале[д]зи

Сейчас 8 ч[асов] вечера, а жалею, что не десять, лег бы и заснул, не потому, что устал и спать хочется – но такое мерзкое, тоскливое настроение. Книжки валяются из рук, из писем ничего не выходит, на дворе дождь и сизые тучи.

Днем был на работе, строил мостик, вернее, не строил, а чинил. Под мостиком целые наслоения накатов, пер[е]водина чуть ли не времен Грозного. Гнил мостик, над ним строили новый, и так многие лета, пока вот не явился я и не починил его основательно. Завтра опять иду. Опять те же слухи о взятии Львова, Люблина, Бреста, но посмотришь на умирающий лес, дождик, безотрадные небеса, и уверенно думаешь – врут!

25 сентября, м[естечко] Лоша

Местечки, по-прежнему, как и в Польше, отличаются от деревень только жидами. Сегодня шабаш, в окнах освещенной синагоги видно мечущиеся лапсердаки, жида испуганно высматривают. Местечко по виду чистое, стоим в совсем чистой жидовской избе. Пришли сюда вечером, а утром с полуротой ухожу в Шацк*. Днем частью переход, частью работа. Холодно, с лошади приходится спускаться. Кобыла по-прежнему спотыкается и пуглива. Едешь лесами, то темные неизменные ели, то шелестит румяными листьями осина, осенний лес грустен an und für sich^{2*}, и самое радостное настроение мигом улетучивается и делаешься печальным и задумчивым.

За отсутствием Ш[иховского] ругаюсь с Ор[анским], «портрет хорош, оригинал-то скверен». Невесело, хорошо бы сейчас в тел[еграфную] роту.

* В оригинале «Шацк».

^{2*} Сам по себе (нем.).

26 сентября, м[естечко] Шацк

Здесь совсем мирно и, кажется, серьезно не верят, что немцы придут. Местечко с двумя керосино-калильными фонарями, телеграфной и телефонной станцией и с лавками. Поселился у богатого жида-лавочника. В соседней комнате собрание какого-то ссудо-сберегательного товарищества, войны – никакого следа, я начальник гарнизона. Прошли сегодня верст 20, леса, леса ohne Ende*, но в осеннем лесу не скучно, это какая-то останов[ив]шаяся музыка. Едешь, ни о чем не думаешь, мелькают отрывочные воспоминания, ни надежд, ни желаний никаких, усталость, въевшаяся, накопившаяся почти за полтора года.

Ходил к инженерам, живут они в каком-то покинутом, развалившемся господском доме с колоннами, с когда-то эффектными entrées** с кариатидами, человек 9, и все поляки, симпатичен один Витковский, разговор почти сплошь польский, со мной обращаются, как с иностранцем.

Сию сейчас один со свечкой, в соседней комнате что-то напевает жидовка, а в другой заседают «ссудо-сберегатели». Грустно, почти томительно грустно, нет увлекающей книги. Жизнь кажется совсем неценной, ненужной. Для одних la vita è Gradita fra Vacco ed Amore^{3*}, для меня раньше она замыкалась наукой и искусством, сейчас ни того, ни другого, жизнь «влечется». На войне ли я, не знаю, уж какая тут война, когда я сейчас п[р]одвигаюсь с удвоенной скоростью в тыл (армия, кажется, идет вперед). Видал свежие газеты: серенькие, ни следа нелепо-радостных здешних слухов. Завтра опять в поход.

27 сентября, д[еревня] Кобыличи

«Zimno przeze krew»* – это единственное и главное ощущение. Прошли 18 верст больше полями и болотами, дорога изгибается, спасаясь от болот, и мы уже давно забыли, что прямая есть кратчайшее расстояние между двумя точками. Болота, ледяной ветер, заунывный громкий вой телеграфной проволоки, серые небеса – попал в халупу, велел затопить печку. Хорошо, читаю старое «Новое Время», дрова трещат, на улице почти мороз – прямо «Verweile doch[,] du bist so schön»^{2*}. Сейчас поселился с техником Маевским довольно мешански-скучного облика и каким-то беженцем чиновником-поляком, его «министром». Ездил на мост, который тут строит какой-то техник самым идиотским способом, продрог. Получил кипу старых газет и собираюсь их сейчас читать. Деревня грязенькая, мужики в лаптях, бородатые. О, Русь! О rus!^{3*}

В тылу глубоко, даже сельские школы еще функционируют, и в Кобыличах мы первые на постое, но что-то тревожное, скот реквизируют, крестьяне все на окопных и дорожных работах. Господи! Да когда же будет видно, на чью сторону склонились весы. Устал.

* Без конца (нем.).

^{2*} Вход, подъезд (фр.).

^{3*} «Приятная жизнь с Вакхом и Амуром» (ит.).

* Пробирает изнутри; досл. холодно через кровь (польск.).

^{2*} «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!» (нем.).

^{3*} О деревня (лат.).

28 сентября, д[ережня] Кобыличи

Небо – словно фейерверк, но застывший и холодный. Посмотришь на эти холодные искры, рассыпанные по пути неведомой ракетой, и скорее в избу греться, к печке. Днем было почти жарко, небо бледное, зеленеют озимые и желтеет березовый лес. Происшествий никаких, ездил часа 3 по работам, а все остальное время просматривал старые газеты, валяясь на койке. Что сейчас делается – не знаю, здесь по-прежнему никого, кроме нас. Техник со своим «министром» молчаливы и немые, словно их и нет. Забавляемся детскими стратегическими разговорами о том, куда мы попадем, когда перейдем в наступление – выходит, что в Восточную Пруссию. Голова пуста, ни одно письмо даже не клеится, писать не о чем, какая-то сплошная география и метеорология. Поставить бы сейчас на всем крест и вдруг очутиться в лаборатории, с книгами, с физикой. С ней и умереть можно. Не хочется умирать дураком в военно-дорожном отряде.

29 сентября, д[ережня] Горелец

Утром замерзла вода, днем кристально, по-осеннему ясно и почти жарко, вечером опять мороз, феерическое, блестящее небо и спасение только сесть с ногами на лежанку и греться. В 8 ч[асов] утра уехал на таратайке с Маевским из Кобыличей, благополучно переправились через Птич сами на пароме, начали перевозиться солдаты. Налезло сразу человек 20, паром начал тонуть, вот вода уже за сапоги, барахтаются, хватаются за канат, тонут. Не знаю, что делать, кричу: «Давай бревна, кидай канаты!» Кое-как всех вытащили. Паром – наследство техника, начавшего стройку моста. Сидел он на мосту полторы недели, забил 12 свай, испортил их и в придачу построил этот чудопаром. Помянули техника добрым словом, начали приводить сваи* в христианский вид, строить новый паром etc. Речушка узкая, но страшно глубокая, сажени 2, и нигде нет брода. Мужики здешние слепые и наивные, как куры, платят жиду по осмине жита и овса за паром и не соберутся построить моста. Дичь тут страшная. По деревням волки бегают, ходят и медведи, мужики косолапые, нелепые, трусливые – словно это полесское безбрежное болото. Вечером в избах горят лучины и хороши только лежанки! Дичь, дикари и их история [–] это естественная история; рождаются, едят, рожают, умирают, смелые эмигрируют в Америку, словно в Царство Небесное, а остальные гниют в своих седых болотах и сосновых корявых лесах. Но все это как-то уютно и сказочно, словно детский золотой туман.

Поселились в школе, учительница удрала, оставив на произвол судьбы карандаши, чернила, палку и все остальное.

Весь день на работе.

30 сентября, д[ережня] Горелец

Четверть года еще. Что случилось, что изменилось? Я тот же. И хотя сделано 600 верст «прямо на восток», больше правдоподобия в том, что земля из-под меня уходила, а я стоял, как столб, и смотрел. Да, смотреть, вот она моя α и ω , и, вероятно, на всю жизнь. И ведь это не только потому, что я

* Слово «сваи» написано поверх зачеркнутого «мост».

таков, тут еще самая жестокая фатальность. Я даже и на войне оказался только зрителем, совсем ни по моей воле, ни по моей вине: телеграфная рота и... в.д.о. словно обо мне кто-то заботится, я и ни в воде не тону, ни в огне не горю. Я за эту четверть года не изменился, служу честно, но интересоваться службой не в силах. Автоматически хожу на работу, в свободные минуты убиваю время чтением разных «Münchhausen'ов», «Войны и мир[а]», «Графини де Монсоро»... и смотрю. Даже по небу скатываются звезды, а я недвижим. Есть такие деревья, на других листва медленно буреет, рдеет, желтеет и медленно опадает – они умирают или засыпа[ю]т, а эти зеленеют до самого конца: пронесется осенний вихрь, и сразу все осыплет, таков, кажется, и я. Жизнь без перемены, монотонная, а потом смерть. Смотрю на войну, роковая четверть, какая-то агония России, кривая падает, падает, почти теряя свою непрерывность, но сейчас она застыла.

Как она пойдет? Наверх или опять книзу? Есть какое-то не то предчувствие, не то желание, что она повернула вверх! *Tönend wird für Geistesohren schon der neue Tag geboren!** Этим я начал книжку, этим и кончаю. Россия не умрет. Россия победит. У меня нет ненависти к немцам, но Россия – без нее и меня нет. *Nur fort! Geschwind und ich steh drein*^{2*}, и это опять по-старому. Война все-таки чужое, и я все-таки хладнокровен. В этом и вся трагедия моей неподвижности и неизменчивости.

День такой же сияющий, как и вчера, опять целый день на мосту, козлы, копер, сваи... и ничего больше^{3*}.

* «Шум их слышат духов хоры; / Новый день увидят взоры!» – см. сноску к эпиграфу перед записью от 1 июля 1915 г.

^{2*} «Ну, прочь! Скорей! и я нахожусь внутри [событий]».

^{3*} На этом заканчивается вторая книга дневника за 1915 г. Третья начинается в новой тетради.

«Ich scheine nur die sturmbewegte Welle

.....

.....Die mächtige Natur

.....

Sie sendet ihren Sturm, die Welle flieht
Und schwankt und schwillt und beugt sich schäumend über
In dieser Woge spiegelte so schön
Die Sonne sich, es ruhten die Gestirne

.....

Verschwunden ist der Glanz, entflohn die Ruhe. [-]
Ich kenne mich in der Gefahr nicht mehr»

*Goethe (Torquato Tasso)**

Когда могучая^{2*} зима,
Как бодрый вождь, ведет сама,
На нас косматые дружины
Своих морозов и снегов,
Навстречу ей трещат каминь,
И весел зимний жар пиров.

Пушкин (Пир во время чумы)

д[ережня] Горелец
1 октября 1915

1 октября, д[ережня] Горелец

Смотреть, быть зеркалом, это моя участь, мой заколдованный круг, из которого я выйду, кажется, только умерев. Тихо течет она, моя жизнь: «in dieser Woge spiegelte so schön die Sonne sich, es ruhten die Gestirne»*, но ударила буря, поверхность заволновалась, гладкое зеркало стало рябым, волнистым, неверным, случайным. На глубине тот же прежний покой и каменная неподвижность.

Я сейчас странно грустен. Это не скука, это настоящая грусть. Живу в дикой заплесневелой деревне. Кругом болота да лес, ничего не знаю, на столе случайные безразличные книги, и на войне я совсем не воин. Дни стоят блестящие, кристаллические, классическая, прозрачная осень. Скоро и, наверное, сразу снег. Снег – не саван, а пуховое одеяло, и вовсе не о смерти говорят эти утренние холодное солнце, опадающие листья, а только о сне. Тянет под

* Запись на обороте обложки новой книжки дневника сделана синим карандашом.

* «Я – волна, колеблемая бурей... / / ... могучая природа / / Пошлет природа бурю, и волна / Бежит, вздымается и гнется в пене. / В ней отражались солнце и лазурь / Прекрасные, и звезды почивали / / Но блеск исчез и убежал покой, – / Я более себя не узнаю...» – И.В. Гёте «Торквато Тассо» (Пятое действие. Пятое явление. Финал. Пер. с нем. С. Соловьева).

^{2*} Так у С.И. Вавилова. У А.С. Пушкина: «Когда могущая зима...»

* В этих волнах так прекрасно отражалось солнце, покоились звезды (нем.)

одеяло, на печку, к камину, к хорошим книгам. Зима, зима настоящая и метафорическая – «навстречу ей трещат каминны, и весел зимний жар пиров». На душе тоже осень, усталость, и хочется спать.

Война... думаю, что эта книжка будет уже не только «Война», а «Война и Мир».

2 октября, д[ережня] Горелец

Пожалуй, все это очень мило и «как нужно». Встаю в 7 ч[асов] утра, иду через болото к мосту, смотрю, как бьют сваи, указываю, покуриваю и мерзну. Потом обед, а потом опять сваи, копер, до темноты. Ужин, десяток страниц, и до следующего такого же дня. Все спокойно, налажено и идет гладко, не хватает одного, меня, вместо меня какой-то «п» и я понемногу забываю о себе, сглаживаются личные особенности, и становишься круглым, одинаковым со всеми.

О войне ничего не слышно, мужики говорят, что слышно пушки, кажется, врут.

Хорошо только после морозного двора залезть на печку, курить и мечтать.

3 октября, д[ережня] Горелец

Луна замерзла на небе, словно кусок мрамора, а звезды [-] разлетевшиеся во все стороны холодные мраморные осколки. Стою на берегу, у моста развели огромный костер, красный, жгучий, теплый словно кровь, летят веселые искры, эти звезды костра, тепло, мирно, и я не знаю, что же лучше [-] этот красный пылающий костер, или голубой холодный фейерверк неба. Между ними моя душа. Простор, бездушие, математика неба и уют, тепло, мечтательность костра. С тем и другим душа замкнута, только для себя, но небо шепчет о вселенной, а костер о земле. Холодно, зима не за горами, и впору думать о кострах и печке, понемножку у меня и начинается «философия печки». На миру холодно, спасайся у печки, с книгами, да вот еще смотри через окошко или около костра на небо, и будет хорошо, и смерть не покажется страшной.

Здесь, среди этих болот предстоит, кажется, зимовать, сегодня появился какой-то гуртовой прапорщик, ищет стоянки на зиму для скота по приказанию интендантства.

Целый день на мосту, завтра думаю его кончить. Холодно, ветер.

4 октября, д[ережня] Горелец

Наехали сюда всякие Оранские и Фалькевичи и моя «философия печки» летит прахом. Опять желчь и озлобление, а в голове всякие служебные проекты. Получил гору газет старых и новых, и в голове газетная вермишель, кавардак какой-то. Впрочем, слава Богу, дня через 2 уйду опять с полуротой строить мост. Здесь мост кончил.

В комнате толкутся писаря, взводные, чаепития и пр[очее].

Погода та же кристаллически холодная.

5 октября, д[еревня] Горелец

Луна холодная, как лед
И звезды инеем сверкают,
Дремота странная витает
Зима железная идет
И сон, и смерть, и мир несет

Работы не было, целый день просидел у себя на кровати в зловонной атмосфере Оранского, денщиков, каптенармусов *e dei tutti quanti**. Перелистываю старые газеты, раскупориваю посылки со всякого рода «цукерками»^{2*}. От конфет и поминутно отворяющейся двери даже зуб заныл, завтра ухожу и буду опять *solo*^{3*}, это почти необходимо.

6 октября, деревня Клет[иш]но

Опять болотная деревня; чтобы попасть сюда, описали чуть [ли] не лемнискату¹. Квартую опять в земской школе. Учительницы нет, но впечатление такое, что она вышла куда-нибудь в соседнюю комнату, на столе альбом, письма, карточка какого-то молодца в бобрах, самого ёрнического вида. От любопытства и скуки перелистываю клеенчатую тетрадку. Рассуждения о балладах, об эпосе, любовные стихи на память, «Накинув плащ, с гитарой под полою», «Гай да тройка», «Укажи мне такую обитель», «Иосиф и Пантефрия»², порнографические стишки о пифагоровых штанах, «что я читала в 1913 г.»: «Дым» Тургенева, «Ключи счастья», «Граф Монте-Кристо» и т.д. Бедная гимназисточка, ее нет, но я ее уже знаю с головы до пят, Россия началась, самая настоящая, московская. На стене отрывной календарь, последний листок 25 декабря 1914 г[ода]. *Tempi passati**, в то время войну здесь знали только из газет.

Докончил парижский романчик А. Lichtenberger [«]La Redemption[»]^{2*}, сантиментально, изящно и скучно. Сейчас кончаю «Записки С.М. Соловьева»³. Совсем плохо. Это записки актера, а не ученого, закулисные университетские сплетни, рассказы о том, как «я славно и с честью защитил докторскую диссертацию», мало интересных фактов, желчь и поповская зависть. Попович, актер, но не ученый.

7 октября, Слободка у ст[анции] «Талька»

Верст 20 дороги совсем дикой и глухой. Корявый лес, а то болото-зимняк, по которому только и можно пробраться теперь в морозную сухую погоду. Вообще зловещие это места, указанные на трехверстке перечеркнутыми кружочками, седые, ржавые, заплесневелые, деревья мелкорослые, разлапистые, земля кочками, ржавая трава, болезненная зелень осоки, да к тому же сегодня небо серое, ледяной ветер, всякая четовщина, лешие чудятся. По дороге одна огромная деревня, вся развалившаяся – Сутин, да верстах в трех от него одинокий костел

* И всех прочих (*ит.*).

^{2*} Конфетами (*польск.*).

^{3*} Один, в одиночестве (*ит.*).

* Прошлые времена (*ит.*).

^{2*} А. Лихтенберже. «Искушение» (*фр.*).

с домиком ксёндза. Тут опять польская полоска, сейчас живу, напр[имер], в польской уютной халупе с иконами-картинками, бумажными цветами, но все-таки с русской печью. Польша – это не к добру, это опять война, это опять «бида прошу пана»*, что-то во всем польском тревожное, вулканическое есть. И, в самом деле, сегодня опять услышал пушки, далеко, страшно далеко, но все-таки не обман слуха. Пушки – опять, следовательно, отошли и потому сегодня как-то особенно грустно, плакать хочется. Серое небо, болото, холод, пушки, когда я себя считал в 200[-х] верстах от фронта. Греюсь у печки, слы[шно к]ак <...> поют <...>^{2*}

8 октября, Слободка

Утром ездил разбивать мост через Свислочь, через дорогу даже волки бегают. Вечером был на работе (мост через р[еку] Тальку). Небо хмурое, холод забирается под шинель, дрожу и спасаюсь у костра. Холодно и в халупе, а потому все время сижу у печки, смотрю на золотые уголья и слушаю их уютный треск. Приятно греться, когда [с]наружи холодно, но упаси Боже сидеть у печки, когда жарко. Создать себе такую «разность потенциалов» и иметь возможность перекидываться от одного потенциала к другому – это и есть час[ть] <...> низкий потенциал* <...>

Оба очень умны, но оба не совсем поэты, оба Сальери, а не Моцарты, как Данте и Пушкин. Хороший поэт, как хороший стрелок, попадает сразу, Schiller u Goethe стреляют много, но попадают не всегда.

Кстати, математически условия счастья, несчастья, скуки выразятся так:

$$\frac{dv}{dt} = 0 = \text{скука зеленая} \quad (1)$$

$$\frac{dv}{dt} = + | a | = \text{счастье} \quad (2)$$

$$\frac{dv}{dt} = - | a | = \text{горе} \quad (3)$$

$$\frac{dv}{dt} = \text{пере[менная]} \text{ вел[ичина]} = \text{интересная жизнь} \quad (4)$$

Скука, конечно, не зависит от счастья или несчастья, она характеризуется только тем, что постоянна относительно t .

9 октября, Слободка

Сегодня на мост пришел подивиться столетний старичок, бритый, седой, корявый, как эти урочища. Поляк из шляхты, которая здесь повсюду. Я сам сейчас живу в такой шляхетской халупе. Говорят, они по сю пору берегут свои гербы и жалованные грамоты, хотя ходят в лаптях и полушубках. Каков контраст этой встречи: шляхтич в лаптях и мещанин в офицерских погонах. Старичок трагический, бормочет о смерти, о том, что лет семьдесят тому назад здесь тоже шли солдаты «на венгра»; бунты, Балаклава, татары, англичане для него вчерашний день, о французе ему отец рассказывал, рассказывает о

* Извините, пан, беда (польск.).

^{2*} Далее в дневнике оторвана примерно треть страницы.

* Далее в дневнике оторвана примерно треть страницы.

каких-то «копцах»* (окопы, редуты?), которые до сих пор стоят на Свислочи. «Великая смута, последнее время», раньше черти людей учили, теперь люди чертей, аэропланы – чертовщина.

Увы, теперешним старикам уже заказано «Вы нынешние нутка[»]¹, героизм и ужас старины поблек перед теперешней «смутой». Конец ли это мира или начало нового, Бог знает. А все-таки старик спокоен, он на пороге смерти, а самое главное и самое страшное [-] смерть, все остальное суета.

Я сейчас страшно грустен, меланхолически гляжу на красные и синие языки в печке и мурлычу «Per morire siamo creati»^{2*} и все люди кажутся только morituri^{3*}. Да о чем же, как не о смерти надо и можно думать в эти холодные октябрьские дни, небо бело, как саван, природа окостенела, а за горизонтом ревет «тяжелые».

Читаю «Pêcheur d'Islande» Loti^{4*}.

10 октября, Слободка

Часа через два, ночью, вероятно, уеду в Минск, в штаб отряда. К вечеру заместить меня приехал Фалькевич и первым же делом открыл здесь, в Слободке, молоденькую учительницу-епархиалку, в результате пошли к ней, я был совершенно лишним и довольно глупым свидетелем Verführungsszene*. В итоге я ушел, Фалькевич остался, кажется, ночевать. Жалко и омерзительно.

Если бы была охота и храбрость, поездку в Минск можно бы было сделать многозначительной, но я стал безразличен, пускаюсь на волю волн и за руль братья боюсь.

Минск, 11 октября

Минск едва ли стоит бессонной вагонной и вокзальной страды. Город «солидный» в самом московском смысле слова. Он велик и совсем похож на Замоскворечье, дома в центре почтенные, коренастые, старины не видно, зато есть empire–moderne и просто moderne*. Захарьевская, Губернаторская похожи на Тверскую и Пятницкую. Вообще город совсем российский, торговый, живой, но, конечно, плебей, куда же ему до аристократа старика Люблина. Недели три тому назад город был в агонии, сейчас оправляется и успокаивается. Стоит тут штаб Зап[адного] фронта, штаб армии, миллион прапорщиков, делопроизводителей, транспортных героев. В Минск хорошо приезжать за покупками, но смотреть его не стоит – схематическая городская машина. От бессонной ночи болит голова, мягко, как тряпка, слова не идут на язык, да и компания, которую я нашел в штабе отряда, скучно-бессловесная, прап[орщик] Николаев, ш[табс-]к[апитан] Шляхтин. Это жаль, я хотел было, чтобы мне показали Минск. Население безличное, больше разбогатевшие и обрусевшие еврей^{2*}, которые здесь себя чувствуют в «вольном городе». Сегодня воскресенье и колокола даже звонят по-московски. Самая Замоскворецкая скука.

* От польск. kopiec – могильный холм.

^{2*} Умирая, мы создаемся (*ит.*).

^{3*} Умирающими (*лат.*).

^{4*} «Исландский рыбак» Лоти (*фр.*).

* Сцена соблазнения (*нем.*).

* Ампирный модерн ... модерн (архитектурные стили).

^{2*} Слово «еврей» написано жирно поверх ранее написанного «жиды».

Минск, 12 октября*

День самый «деловой». Получал деньги, бегал в казначейство, баня и покупка ohne Ende^{2*}, книги, горчица и пр[очее]. Минск – громадная лавка, найти можно все, но жить в лавке не дай Боже. Нашел и старину, хороша казенная палата, барочная, со стройной башней, костел, 3–4 стареньких дома, но это все. Минск той же породы, что Берлин, без дела в нем, вероятно, можно повеситься. Завтра утром еду опять в деревню, на простор, в болота.

д[еревня] Орешковичи, 13 октября

Ночью выпал снег и «проснувшись рано, увидел я за утро побелевший двор, куртины, кровли и заборы»¹, заглянул в канцелярию и поехал на вокзал. Так как мне вообще не везет, то, конечно, извозчик (кстати, извозчики в Минске самые московские) привез на Александровский вместо Либаво-Роменского. Впрочем, попал вовремя и к трем часам попал в деревню. Деревня стала бре[й]гелевская, черные силуэты людей, деревьев-скелетов на ослепительном белом снегу. Деревни еще не успел рассмотреть, нашел только кутящего Фалькевича с ксендозом из Серафимовского костела, техниками и пр[очими], пьют какую-то вонючую водку и все осоловели. Компания в достаточной степени нехорошего тона. Сейчас упившийся Ф[алькевич] спит и храпит, а я считаю деньги и удивляюсь, что оставил такую уйму в Минске.

Халупа «шляхетская», с висячей лампой, а по стенам старенький портрет Царствующего Дома, где еще фигурирует В[еликий] К[нязь] Георгий Алекс[андрович], Немирович-Данченко! Дрейфус!! Муромцев!!! тут еще 90-е годы.

А в деревне лучше, чем в Минске, широта, простота и уют, ей Богу, как «домой» приехал в эту халупу, которую вижу первый раз.

д[еревня] Орешковичи, 14 октября

После минского антракта принялся опять за мосты: строю мост через Свислочь с техником Ковальским, гемор[р]оидальным полустариком: жалуются он на всякие болезни, ишиас, простуду etc. Iddio sia lodato^{*}, что поселился solo^{2*}, а не с ним. У реки сейчас хорошо, вчерашний снег стоял и только кое-где торчит клочками, но холодно и поневоле жмешься к костру.

Мост у самого впадения Тальки в Свислочь, на стрелке; брожу по берегу и смотрю на странную склад[к]у, которую образуют воды Тальки и Свислочи на месте своей встречи, вода клубится, ходят вихри. Я совсем не знаком с теорией рек, думаю, что всякая река – водопад, потому она и течет. Очень странна «индивидуальность» рек, их скорость течения; любопытно наблюдать, как желтый листок, быстро плывущий в Тальке, вдруг словно в недоумении останавливается у Свислоч[и], а затем медленно начинает уноситься Свислочью перпендикулярно своему прежнему движению. К вечеру река розовеет, зеленеет и похожа на море. Совсем почти стемнело, на берегу ничего не видно, но вода еще блестит и белеет. У самого берега вдруг по воде

* Запись за 12 октября 1915 г. сделана карандашом.

^{2*} Без конца (нем.).

* Хвала Богу (ит.).

^{2*} Один (ит.).

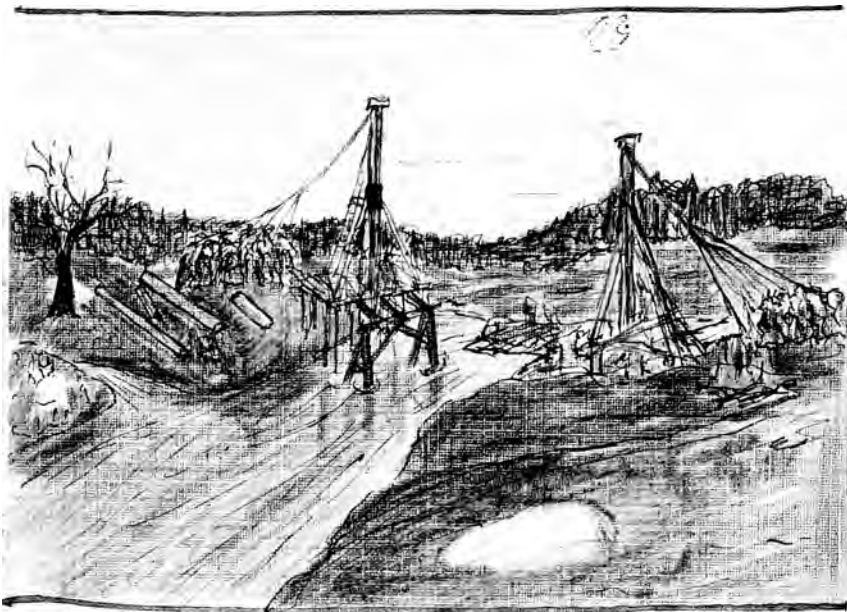
проползла фигура лошади вверх ногами, самой лошади не видно, а отражение ее еще прогуливается по воде. Смешно и фантастично, словно из Hoffmann'a: у него есть человек, неспособный отражаться в зеркале, а тут, наоборот, зеркало отражает то, чего нет. Солдаты работают дружно и весело, попевая «Дубинушку». Саперы живо овеликороссили хохлов:

«Что ж ребята оробели
Али палки захотели
Эх, дубинушка, ухнем etc.
А наш взводный не скупой-то,
Даст по палке, по другой-то
Эх, дубинушка, ухнем [...]»

У моста все мальчишки из Орешковичей, делать в деревне нечего, а тут развлечения много[:] и мост, и паром, и солдаты, и «Дубинушка». Солнце заходит мягкое, почти сентиментально-розовое, а не кровавое или огненное. Вообще все кругом сентиментально-просто, солнце, мальчишки, солдаты. В деревне хорошо умирать, словно засыпаешь.

Вечером раздавал чинам деньги, потом пришла старуха-хозяйка и жаловалась на Фалькевича, какой он буйный и неблагородный, и пела дифирамбы моей скромности и благородству.

Военная кривая, кажется, действительно повернула, или, по меньшей мере, узнали мы теперь, «когда же мы наконец остановимся?» Впереди зимовка и, вероятно, в этих самых «Орешковичах».

д[еревня] Орешковичи, 15 октября

Я несусь по воле волн и не хватает смелости взяться за руль и весла. И так было всегда, в моей жизни не было резких толчков и поворотов, а всегда выносило по линии наименьшего сопротивления, даже в мелочах. Сейчас

меня угнетает мое пребывание в в.д.о., которое впоследствии, после войны может показаться смешным. Но я жду, осмеливаюсь только на то, чтобы сунуть руку в ящик с шахматами и загадать: если белая фигура – буду до 1-го янв[аря] опять в тел[еграфной] роте. Фигура белая. Жизнь до того однообразна, без приключений, что, право, кажется, что меня и нет. На работе, дома с случайными книжками (напр[имер], сейчас «Le comte de Monte-Cristo»*), обеды, сон. Хочется личной, моей перемены. А сейчас грустно и однообразно.

д[еревня] Орешковичи, 16 октября

В моей халупе стоит диван, обитый ярким, пестрым ситцем. Посмотришь на него, и душа радуется. Вся деревня сейчас похожа на этот диван, мужики в тулупах, «мальчишек радостный народ»¹, девки, свиньи, хорошая река, снег по болотам, мороз*, «Дубинушка» – посмотришь, душа радуется. Я по рождению и убеждению – горожанин, посмотришь на эту идиллию во вкусе Феокрита, как на картинку, да скорее за газету или Dumas. Мне не хватает чувства и вкуса жизни. Пробовал сегодня начать роман с долговязой зубастой хозяйской дочкой – безуспешно. И ведь это «фаталитэ»^{2*}. По инстинкту пробую жить, но выходит всегда смешно, я замечаю это по другим, по улыбкам, которые меня всегда сопровождают. Словно для меня написано:

Ни для житейского волненья,
Ни для корысти, ни для битв
– Мы рождены для вдохновенья
Для звуков сладких и молитв².

В том и вся беда, что сейчас нет ни вдохновенья, ни звуков сладких, ни молитв, житейских же волнений сколько угодно. Смешно подумать, что мне 26 лет и что чуть не из пеленок. Но *sono chi sono*^{3*}, пробую сделаться другим, и ничего не выходит.

Иногда по-прежнему думаю о стратегии и военных делах, но у меня всегда геометрия вместо стратегии и отчаянный оптимизм, всегда *ein, zwei und abgemacht*^{4*}.

Вечером играл в шахматы с Ковальским, получил два мата и сделал один. Сделать мат так же приятно, как решить задачу. Тут «творческое» наслаждение, а ведь оно α и ω всякого счастья, счастье божеское. Сотворение мира – только шахматы «*en grand*»^{5*}.

д[еревня] Орешковичи, 17 октября

Вечером получил бумажку от Ших[овского], в которой что-то «предписывается», что-то об «отдании чести», и в конце концов завтра нужно колесить в Омельно. Близость этой ядовитой гадюки, конечно, в достаточной степени расстроила. К тому же немного простудился, промочил на пароме ноги,

* Граф Монте-Кристо (*фр.*).

* Так в оригинале.

^{2*} Fatalité – рок, неизбежность (*фр.*).

^{3*} Я такой, какой есть (*ит.*).

^{4*} Раз, два и сдался (*нем.*).

^{5*} В большем масштабе (*фр.*).

а потому объят опять меланхолией. Одно спасение – Монте-Кристо, станешь читать, словно у печки греешься.

Опять шахматы, 2 мата. Днем те же сваи и копры. По реке показалось уже «сало», скоро замерзнет.

д[ережня] Орешковичи, 19 октября

Вчера часов в 10 утра уехал в Омельно, верст 30 отсюда. Взял у Ковальского бричку и ехал с комфортом на манер П.И. Чичикова по полям, по лесам. Холодно, маленькие речки замерзли, кружится снег, желтые последние листья и черная земля покрывается этим двойным слоем белого и желтого снега. Положим, белое, желтое и черное напоминает флаг этапного коменданта, – вещь мало поэтичную, тем не менее, это строго и красиво.

В Омельно нашел Шиховского, Оранского, Фалькевича, небольшую, но зловонную компанию. Шиховский рассыпался в комплиментах моей добросовестности, предлагает погостить в Омельно etc.;

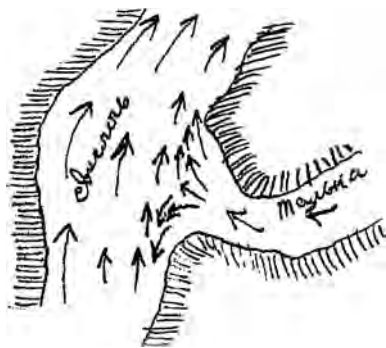
Quidquid id est timeo Danaos et dona ferentes*.

Живут они в доме священника и страшно неуютно, куда лучше у меня здесь, с моим пестреньким диваном. В Омельно ночевал и сегодня утром уехал. Здесь без перемен, бабы, копры, фуражиры, кипа старых газет на столе передо мною, роман с хозяйской дочкой, да вот вечером пришел хозяйский сын, детина лет 25, хоть сейчас в солдаты, спрашивает, что такое «герб» – разъяснил, много ли немцы у нас земли отняли. Показал я ему карту, от изумления ахнул, еще бы [-] горошина на ладоне. Посмотришь и скажешь[:] «Россия непобедима, если захочет».

д[ережня] Орешковичи, 20 октября

Жить, чтобы не умереть, жить по инстинкту я не хочу, не могу, да и жизнь поставила меня в такие условия, что я могу жить иначе. Жить *tra Vasso ed Amoge**, пожалуй, можно, но для этого нужно иметь особый темперамент. Жить-смотреть, вот что я могу, чего я хочу и что я делаю. Мир, жизнь – пьеса, а я зритель, посмотрел, надел шубу, шапку и калоши и ушел-умер. Смерть для «смотрящего» очень проста. И я смотрю, оттого, наверное, я скучен и несносен для других, какая-то ходячая фотографическая камера и записная книжка, не человек, а пустое место.

Маячу у моста, опять смотрю на линию слияния Тальки со Свислочью, это ведь водоворот, есть места, где соприкасаются два совершенно противоположных течения, один слой воды скользит около другого, хотелось бы этим заняться. Приходит в голову, а ведь из Тальки, через Свислочь, Березину, Днепр, Черное море можно послать весточку на Галиполи^{2*}.

* Что бы ни было, боюсь данайцев, даже дары приносящих (лат.).

* С Вакхом и Амуром (ит.).

^{2*} В оригинале – «Галиполи».

Жизнь монотонна, но совсем не скучна, то читаю Monte Cricto, то газеты, то пишу письмо, а то курю и мечтаю. Приехал Фалькевич, персона, для которой «gradita è la vita tra Vacco ed Amore»^{3*}, впрочем, он вдобавок глуп, груб и смешон. Ковальский, этот живет «чтобы не умереть», борется с ишиасом и копит деньги. А для меня в жизни ничего ценного, или все ценно, на все смотрю.

Впрочем... вчера был год, как умерла Лида. Я об этом не думаю и мысли отгоняю. Та зияющая пустота, которая открылась этой смертью, будет видна там, в Москве, а сейчас я забыл о Москве, и мне не хочется ехать туда.

д[ережня] Орешковичи, 21 октября

Сегодня приказано было праздновать день Восшествия на Престол Государя, работы не было. День потратил на поездку в м[естечко] Лапили, 10 в[ерст] отсюда к инж[енеру] Сломинскому. Далек, далеко гудят пушки и мне совестно и досадно, что я попал в такую тину тылов[ых] инженеров военно-дорожного отряда. Компания в высшей степени du mauvais ton^{*}, радуются, как ребята, что надели военную форму, с наивным видом рассказывают, что им разрешено носить кортики, глупые вороны в павлиньих перьях. Жизнь, конечно, tra Vacco ed Amore. А меня носит, как щепку, по разбушевавшемуся морю войны, и заносит в такие лужи и трясины, как это тыловое инженерство, и нет сил плыть не по течению. Физика моя, вот кого я сейчас вспомнил, на нее одна надежда, одно спасение, новые силы. Война пройдет, и я, кажется, не умру на войне. Куда подует ветер после и куда меня понесет. Мой ветер – несчастливый, и я боюсь беды – покоя, линии наименьшего сопротивления. Предстоит еще жить, а в глубине души непоколебимое убеждение, что все бесценно, что все пустяки, таким, как я, не стоило родиться, на свете мы лишние люди, мешаем другим и сами не живем.

В комнате тихо, только шум в ушах, да часы тикают, лампа еле светит и хочется заплакать. Скорее бы хотя [бы] само[о]бман книг, старых запыленных книг, лаборатории, картин. Умереть нельзя, а вдруг ошибаюсь, но если жить, то в тумане, в одиночестве.

^{3*} Приятна жизнь с Вакхом и Амуром (*ит.*).

* Дурного тона (*фр.*).

22 ок[тября], д[ережня] Орешковичи

Началась настоящая осень: тяжелый душный туман, дождь, болота размякли, в такую погоду хорошо работать за письменным столом, а не у моста. Сегодня я спокойнее, и вчерашнее настроение самоубийцы кажется мне понятным, но не необходимым. Истины – нет, и ни в каких голубинных книгах¹ она не записана, ее не знают ни люди, ни Бог. Все только – Standpunkt*, точка зрения, отношение смотрящего к происходящему. Всякий обман – истина, и всякая истина – обман. «Тьма истин» – наука [–] только «нас возвышающий обман»². Искусство жизни – найти возвышающий, а не унижающий обман, или истину, найти точку зрения. Мы «зрители» тем и отличаемся от прочих, что ежеминутно меняем Standpunkt и колеблемся от счастья к несчастью. Вчера я был мизантропом, сегодня спокоен, а завтра стану энтузиастом.

23 октября, д[ережня] Орешковичи

Сегодня читал лекции проф[ессора] Крэмба «Германия и Англия»¹. Жуткая книга, Германия начинает казаться колоссом и вторым Римом, бедная «old England»^{*} низводится до роли всесветного жулика и колосса на глиняных ногах, который вот-вот рухнет. Книга энтузиаста и бессвязно-пророческая. Но пугается «mania grandiosa»^{2*} с величием и ни слова о[б] истинной немецкой «доблести» – сальеризме до пес plus ultra^{3*}. Если бы Рим победил мир, мир стал бы лучше, но немец-победитель – это конец мира и «это ясно, как простая гамма»². Германцы уже давно, победив Рим, испортили мир, ужели им суждено еще с ним покончить. Дело не в Англии и Германии, не в России и Германии, а в мире и Германии. И кто же освободит мир? Восторги отчаяния Крэмба – эстетство и снобизм. Немец – свинья en grand^{4*}, все ему годится и все съедобно, это идеальная пищеварительная машина, ей место на скотном дворе, место добровольного санитаря. Но свинья-господин... Боже, пока у людей будет хотя [бы] капля эстетики, этого не будет. Кстати, всякий Сальери – свинья.

Льет дождь целый день, тепло, сыро, солдаты ежеминутно слетают со скользких подмоствок. Оранского вернули в 16-й бат[альон], как и всех остальных офицеров батальона, появилась надежда и у меня, хотя не знаю, надежда или страх, не люблю я перемен.

Вечером шахматы и невеселые газеты, скользят какие-то недомолвки о мире. Не дай Боже!

24 октября, д[ережня] Орешковичи

Я сейчас стараюсь думать о многом, но в голове одно, почему другим дано жить, а мне только смотреть. Я завидую, мне тоже хочется жить, но ничего не выходит. Был Фалькевич, едет в Минск, вертится, прыгает, поет, день с учительницей, день с дьячихой, «Gradita è la vita tra Vacco ed Amore»^{*}.

* Точка зрения (нем.).

* Старая Англия (англ.).

2* Мания величия (лат.).

3* Предел, наивысшая степень (лат.).

4* В крупном масштабе (фр.).

* Приятна жизнь между Вакхом и Амуром (ит.).

А мне завидно и хочется плакать. Сейчас лампа моя погасла, нет керосина, зажег свечку, за окном воет ветер и страшно тоскливо. Днем метель, на мосту словно в холодном аду.

Мое домоседство, созерцательство было хорошо там, в Москве, с книгами, с Сухаревой, лабораторией, тихими людьми, а здесь на войне, в водовороте я смотрю и кажусь себе уродом.

Я хотел сейчас писать о другом, о Крэмбе, о[б] им[п]ерии, власти etc., но слова не клеятся, мысли леденеют и чувствую, что все это не то. Мне сейчас хочется жить, но я не могу. *Miserere nobis!*^{2*}

⟨...⟩^{3*}

[27 октября, д. Орешковичи]

...сентиментальности и пустословия. Эту страшную в сущности историю писать бы Hoffmann'у, Рое или Достоевскому. Тогда бы вышел Греко или Гойя, ну а тут Теньер.

Бог с ним, наивным «absolu»*, дело не нем, а в таинственной, манящей силе научного творчества. Одно дело учить, это иногда очень скучная вещь – другое – искать, хотя [бы] самое пустячное, но искать, страдать и радоваться. У меня есть свой «absolu», который, может быть, в будущем поглотит меня ganz und gar^{2*} – «сила тяжести» – ей посвящу свою жизнь.

И в малом, и в большом – это все то же, вот я сейчас, наконец, решил шахматную задачу, над которой сидел 3 дня, а сегодня 3 часа и, ей Богу, я не с меньшим удовольствием кричал «Эврика», чем умирающий Balthasar van-Claes^{3*}. Тут радость творчества, Божия радость и с презрением смотришь после на жизнь «tra Vacco ed Amore» и всякую другую. И для этой радости стоит жить на свете.

28 октября, д[ережня] Орешковичи

«Ich weiss nicht was soll es bedeuten,
Warum ich so traurig bin»*.

Все мои надежды на «перемену», кажется, рухнули. Приехал Фалькевич, привез приказ о назначении меня оф[ицером]-техником в роту. Совсем traurige Geschichte^{2*} – должность адъютанта у Шиховского, ведение всякой технической отчетности, книг, проклятая бухгалтерия и возмездие за это 60 рублей прибавки. Бррр... Оранскому и прочим «ушедшим» завидно до боли. Вся десятая армия in cogrore^{3*} перевозится на Балканы и, говорят, чуть-чуть туда не уехала 4-я армия, «а счастье было так возможно»¹. Черное море, юг, турки, все новое, а я по-прежнему буду сидеть в этих болотах и разделять милую компанию с Шиховским и Фалькевичем, *terribile dictu!*^{4*} Та же самая

^{2*} Помилуй нас (*лат.*).

^{3*} Далее вырваны листы с 27 по 34 по нумерации записной книжки Вавилова.

* Абсолютное (*фр.*).

^{2*} Целиком и полностью, всецело (*нем.*).

^{3*} Валтасар Клаас (персонаж романа О. Бальзака «Поиски абсолюта», 1834).

* «Не знаю, что стало со мною / Душа моя смущена» (*нем.*), см. сноску к записи от 10 июня 1915 г.

^{2*} Печальная история (*нем.*).

^{3*} Целиком, в полном составе (*лат.*).

^{4*} Страшно сказать (*лат.*).

безобразная, беспощадная «фаталитэ», почему-то неизменно уносящая меня в тихие, скучные пристани. Это может кончиться тем, что пойду напролом и подам рапорт о переводе в пехоту. Сую руку в коробку с папиросами и загадываю чет – перемена. Чет!

Хочется мне жизни, нового, света и огня, а тут скучное, покойное болото.

Пушки гремят сегодня ясно и целый день. Фалькевич слышал о прорыве немцев у Мира. Тоска закрадывается, чувствую, что все это кончится скучным, безразличным миром.

... А все-таки я до сих пор вожу с собой Baedechera «Deutschland»^{5*}, которого купили у Лидерта перед отъездом в Старицу, и все еще надеюсь, что он пригодится. Для чего вся эта буря, если все кончится гнилым затишьем. Или уж полный позор, или настоящее новое счастье.

Днем, конечно, на мосту, со стариком техником, заменившим Ковальского. Старичок из Сандомира, милый, живой и рассказывает, рассказывает беспрестанно о своем старом Сандомире, о том, как там были австрийцы, о боях – и все это непосредственно и страшно ярко. Хочется самому в Сандомир.

29 октября, д[ережня] Орешковичи

Пушек не слышно опять. День самый безразличный и в сущности тоскливый. Мост, груда старых газет, да тощая брошюра какого-то Боброва о стихосложении Пушкина¹, из которой ничего не понял и не вынес, кроме всяких сакраментальных слов: «трехдольный паузник, квинтоль, квартоль» etc. Сижу при свечке, темно и ужасаюсь, что так потекут все долгие зимние вечера.

30 октября, д[ережня] Орешковичи

Взяли и Фалькевича в какую-то другую роту, и я теперь с Шиховским, постоянный tête à tête, завтра, вероятно, придется отсюда уехать. Все это меня странно волнует, словно перед бедой. И ведь опять прежнее – почему не меня в другую роту? Я хожу настоящим Гамлетом, и, вероятно, солдаты на мосту с удивлением на меня смотрят. От тоски (иногда раздражающей) спасаюсь у физики, начинаю опять обдумывать разные проекты, как бы экспериментально зацепить «Grav[itation] problem...».

Читаю жеманные, безвкусные, скучные и абсолютно бездарные стилизованные рассказы Б. Садовского¹ и удивляюсь, для какого черта понадобилось их писать?

Перемена... А выходит совсем паскудное, и я теперь «закован».

31 октября, д[ережня] Клетно

Вечером перебрался сюда. Дорога длинная и ночная, в лесах и болотах чудится всякая чертовщина, и, ей Богу, жаль, что ее, кажется, нет da vero*. Куда бы веселее, загадочнее, чудеснее стало в мире хотя бы самого завалищего лешего. Небо-то было черное, а потом замигали звезды и выглянула электрически-холодная Луна. Повозка трясет так, что заболел живот.

^{5*} «Германию» Бедекера (нем.); путеводитель известного издательства Карла Бедекера (Baedeker).

* По правде (ит.).

Нашел тут Ф[алькевича], уезжающего завтра, надавали мне тут бездну всякой бумаги, денег – противно и голова начинает болеть. Мирное житие в Орешковичах начинает казаться раем.

1 ноября, д[ережня] | Клетно

Халиф на час. У меня в кармане ротная печать, ходят ко мне фельдфебель, писаря и пр[очие]. Я *sempre solo**. Халупа дрянная, угол с образами оклеен пестрыми обоями, немножко скрашивающими убогость.

Ездил на работу. Ноябрь совсем теплый. Серо, бледная зелень да рыжие болота. Как-то жутко и грустно, реву далеко пушки, а ночью вдруг петухи запели... Словно что-то недоброе. Целый день почти был примерным физиком, читал Jäger'a и часа четыре сочинял всякие гравитационные проекты. *Verfallen die ganze*^{2*} постройка! В конце концов убедился, что из опытов в падающей системе ничего не выйдет. Слишком мала эта проклятая $k = 6,68 \cdot 10^{-8}$. Впрочем, многое себе выяснил и понял. Попробую взяться с какого-нибудь другого конца. В общем, со времени Ньютона люди о силе тяжести кроме формулы $f = k \frac{m \cdot m_1}{r^2}$ так ничего и не узнали. Повезло *parvenue*^{3*} - электричеству. На сон грядущий собираюсь читать «*Les mystères des bois*» *Ponson du Terrail*^{4*}. Привык за войну к этой времябойной литературе, а до войны такое чтение казалось преступлением перед Богом и самим собою.

2 ноября, д[ережня] | Клетно

Вернулся сейчас с работ. День сегодня чудесный. Малиновый закат, тонкие поло[s]атые облака вытянулись словно струны, синие хвои, нежная зелень озимых, черный бархат пахоты и тепло, словно в апреле. Ни о чем не думаешь, только дышишь да смотришь. На земле рай все-таки возможен.

По-прежнему халифатствую. Дня через 2 предстоит «перейти в наступление» – вернуться в Лошу, или даже за нее. От физики не отстаю.

3 ноября, д[ережня] | Клетно

Слава Богу, я опять стал физиком. Сегодня весь вечер просидел, переворачивая так и этак Ньютоновские законы. В общем, в этой классической механике столько фантастики и метафизики, что голова начинает кружиться. Я стремлюсь сейчас точно определить понятие массы и из ньютоновских рамок – ни шагу, но это не так-то легко. Работа только начата, но кажется, кое-что удастся постигнуть. Физика вытеснила все сейчас из головы, и я с трудом представляю, что я на войне, где-то в Клетно, в грязной халупе, и если бы сейчас вошел какой-нибудь писарь или каптенармус, способен был бы крикнуть: «*Nolli tangere circulos meos*»*.

* Всегда один, в уединении (*ит.*).

^{2*} Пропала вся (*нем.*).

^{3*} Высочка (*фр.*).

^{4*} «Тайны лесов» Понсона дю Террайя (*фр.*).

* «Не трогай моих чертежей» (*лат.*), по легенде, предсмертный возглас Архимеда.

Физика моя, а я-то тебя забыл и с ужасом оглядываюсь сейчас на пробежавшие полтора года. Я сейчас словно заглянул в телескоп, на минуту оторвавшись от рассматривания под микроскопом всяких микробов и вибрионов.

4 ноября, д[ережня] Клетно

Жуть ночная. Тише! Тише!
Петухи поют к беде,
Тени черные везде
Слышишь, как скребутся мыши?
Вьюга серая пришла
В саван мягкий, в саван белый
Мир, как труп заолоделый
С плачем, визгом облекла
Шопот, шелест, ропот, стоны

.....
У истопленной печи,
У мерцающей свечи
Критикую я Ньютона

Жизнь иль смерть, не все ль равно
Мир таинственен, как прежде
Мудрецу, или невежде
Бога узреть – не дано.

Не то, чтобы я отчаялся, и не то, чтобы было очень жутко, мыши, правда, скребутся, петухи по ночам запевают, и свищет метель, а из моих Gedanken-übungen* пока никакого толку, но это совсем минутное настроение. От Ньютоновских законов толку надеюсь добиться, или, по крайней мере, значительной ясности. Сегодня целый день дома и порываюсь от Ньютона то к J.P. Richter'у, то к P. Loti, то и другое вначале скучно.

5 ноября, д[ережня] Клетно

Возвращение блистательного Шиховского и конец моему халифству.

Часа три сидел со счетами и таблицами и высчитывал всякие кубические футы и сажени. Завтра опять идем в Тальку и по ж[елезной] д[ороге] должны ехать в Замирье, расчищать какие-то плацы и дороги для приезда Государя

* Мыслительных упражнений (нем.).

в распоряжение полк[овника] Турчина. *Malgrè moi** приходится играть роль самую незавидную. Какая уж это Илиада, и даже какая Одиссея, когда делаешься чем-то вроде околоточного. Днем скучненькая, но красивая «*M-me Chrysanthème*»^{2*} и те же законы Ньютона. Грязь, дождь, Шиховский, все это похуже «ночной жути».

6 ноября, Слободка Талька

Старая дорога из Клетно в Тальку, мимо костела, лесами и пустынными полями. Ночью почти не спал, по приходе в Тальку часа 3 раздавал* жалованье чинам, голова болит, жмут сапоги. Тошнотворные восторги Шиховского всякой отчетностью, шелканье на счетах, писаря, каптенармусы, артельщики, вся эта несложная, но гнетущая механика, которую Ш[иховский] лошит и лакирует, а в будущем все то же и пришлось бы *lasciar ogni speranza*^{2*}, если бы не было на свете хороших вещей.

Поселились в квартире ж[елезно]-д[орожного] телеграфиста, квартире почти интеллигентной. На стене копия с [картины] «Явление Христа Марии» Иванова, бюст Толстого, фотографии каких-то генералов, приложения «Нивы» etc. Свободных минут совсем не было, а потому физическая пауза. Впрочем, я сейчас настолько заинтересовался, что остановиться трудно.

7 ноября, Слободка Талька

Война настолько одеревянила, что «прошел лишь год, и что ж осталось» от той страшной ночи 7 ноября 1914 г., когда узнал о смерти Лиды. Ничего не осталось, так что-то внешнее, или слишком уж глубокое. Но тогда было лучше, была мистика, пожалуй, наивность, а теперь «опытность», одер[е]велость, безразличие.

День прошел так, что не заметил. Часов до 3-х с утра раздавал жалование, потом слушал бесконечную мельницу Шиховского, надоел, как барабан, и все об одном и том же, о Турчине, о ж[елезно]-д[орожном] батальоне, о женщинах etc. Потом появился Ковальский, шахматы, коньяк и опять два битых часа о женщинах и браке. Хотел заняться 3-м з[аконом] Ньютона, но не было времени. А сейчас уже час ночи, пора и спать. Завтра, кажется, уедем в Замирье.

11 ноября, дер[евня] Малявшина

Я не писал три дня, так как был *sempre occupato**, не было, кажется, ни минуты блаженной «*Einsamkeit*»^{2*}. 8-го мы все еще были в Тальке, но она к концу оказалась совсем иной, чем раньше я о ней думал. Часа в три какой-то солдат принес записку, адресованную «Господам незнакомым». Какие-то Ася^{3*}, Шура и Вера приглашали в 5 ч[асов] вечера в дом пом[ещицы] Савинской на чай.

* Вопреки моей воле (*фр.*).

^{2*} *Madame Chrysanthème* – «Мадам Хризантема» (*фр.*); роман П. Лоти.

* Далее зачеркнуто: «часа 3».

^{2*} Оставить всякую надежду (*лат.*).

* Всегда занят (*ит.*).

^{2*} Одиночество, уединение (*нем.*).

^{3*} В оригинале «Аня».

Пошли: 3 сестры мил[осердия] в отпуску, интендантский чиновник с женою, начальник станции, циник и комик *con i baffi*^{4*} как у сеньора Stramucci и с голосом как у ш[табс-]к[апитана] Басанько, его помощник, похожий на Варламова, старый казачий поручик с прапорщиком, делавшие в Тальке какой-то обыск, да я с Шиховским. Центр, конечно, сестры, т.е., вернее, просто девчонки, Вера, Шура и Ася. Шура дебилая хохлушка с масляными глазами, видимо, готовая на все, Ася похожа на кошку, рассудительная, толстая, сентиментальная и вообще похожа на «сестру». Вера странная, зефирная, огненная и мне она безусловно понравилась. Я сейчас, когда пишу, устал и хочется спать, а потому слова как-то не идут на язык, да и мысли еле движутся, но впечатление странности, чего-то «не от мира сего» от Веры осталось. Она высокая, худая, стройная, хрупкая, как фарфор, прелестно одетая, не особенно красивая, вернее, только милая. Но не для нее созданы людские общественные рамки. Вечно танцующее, скользящее около любви, а за кулисами, вероятно, истерика. Дитя? Пожалуй, но вечное. Как-то сразу рушатся грубые мужские принципы вроде: *Gradita è la vita tra Vasso ed Amore*^{5*} и всяких других. В этом вечном бесцельном танце души что-то метафизическое, нечеловеческое, а для меня совсем чужое, а потому я смотрел на Веру как на картину Ватто. Я еще не испытывал любви и на этот раз знаю, что это совсем не любовь, а чистая эстетика.

На другой день грузились и часа в 2 дня уехали эшелонам. Три грации были тут же и провожали до Пуховичей. Но это мимолетное знакомство оставило очень глубокое впечатление чего-то совсем нового.

В эшелоне 1½ суток. В Замирье приехали только вчера вечером. Почти не спал. Влез в вагон какой-то седой штабс-капитан с физиономией умного ксендза, оказавшийся потом вацлавским полицмейстером, и часов 6 без умолку рассказывал о том, как он усмирал пьяные солдатские бунты в Барановичах, в Снове – усмирал больше словом, о том, каким филантропом и почти доктором Гаазом был он в Польше, и т.д. Таким людям нужно делать и писать, говорить не стоит, другим будет скучно.

Вчера ночевал в эшелоне. Городня и все окружные деревни сплошь забиты госпиталями, транспортами, саперами etc. Старая картина зимовки: все устраиваются, подчищаются и собираются отдыхать. Ждут приезда Государя, для этого и мы сюда приехали, впрочем, сегодня что-то вроде того, что «оставить». Расчищают огромную площадь, чинят 5 или 6 дорог, устраивают всякие помосты etc. Работа в высшей степени досадная и бесцельная, попросту зарабатываем Турчину полковника. Поселился со взводом в опустелой деревне, в пустой халупе, но доволен, что опять один, что не слышу мельницы Шиховского и могу опять медлительно думать и мечтать. Тут же стоит 4-я рота, видал Шварца и с сегодняшнего дня бросаю мечтать о тел[еграфной] роте. Впрочем, опять рассказывают, что 4-я армия назначена на Балканы.

12 ноября, д[ережня] Малявщина

Днем торчал на работе, посматривая, как хохлы лениво разгребают грязь. А когда-то, в сентябре, здесь была прелестная твердая дорога, по которой я в первый раз ехал на своей озорной кобыле из Ишкольда. Сыпет снег, тянутся

^{4*} С усами (*ut.*).

^{5*} Приятна жизнь между Вакхом и Амуром (*ut.*).

взад и вперед транспорты, деревни кругом набиты до *plus ultra** зазимовавшими войсками. Войны как будто и нет, и в Орешковичах за 150 в[ерст] отсюда народ куда тревожнее и смутнее настроен, чем здесь. После обеда поехал в Крутой Берег к Шиховскому, верст 7–8 отсюда. Живет он с обозным прапорщиком Черновым, кажется, родственником пресненских Черновых. Парень московского купеческого типа, добродушный, душа нараспашку и с первого слова угощающий сливянкой, раздобытой в аптеке, в Несвиже. Бутылка аптекарского вида с этикетом «Slewowica»^{2*}. За 2–3 часа все дороги затянуло снегом, «невидимкою луна освещает снег летучий»¹ и едешь просто куда глаза глядят, через овраги, окопы. Впрочем, у обозных есть чутье, и в конце концов попал-таки в Малявщину и пью сейчас чай с коньяком. Правда, версты 1½ пришлось пройти пешком *pathfinder*'ом^{3*}. Настроен я вовсе не так весело, как может показаться, пребывание в в.д.о. гнетет и унижает.

13 ноября, д[еревня] Малявщина-Заречье

За ночь все затянуло белым снежным бархатом. Все стало вдруг наивным, простым и роскошным. Морозно и пахнет Рождеством, деревни кажутся веселыми и уютными. А на самом деле тут ведь кладбище, деревни брошены, оставшиеся мужики бродят, словно тени, без коров и лошадей. Моя халупа без хозяев и в ней ничего не осталось, кроме образов – дешевых олеографий-картинок. Бог Саваоф с лицом рождественского дедушки-мороза, Иоанн Кронштадтский в звездах и крестах, бумажные цветочки и ленточки. Живем, словно на кладбище. Вместо жизни могильная военная механика.

На работе. За законами Ньютона. Вечером часа четыре просидел у Черни в Городе, там хотя [бы] можно по-человечески разговаривать, т.е. быть собою.

14 ноября, д[еревня] Малявщина-Заречье

Целый день вьюга, ветер острый, острый снег, а торчал почти целый день на работе, поджидая Турчина. В конце концов сия *persona grata** появилась и выразила свое неудовольствие. Холодно, вьюга, тянет ко сну, и ни о чем не думается. Вечером опять был у Черни. Там, слава Богу, почти нет сплетен и люди почти свои, тепло, наивно и душа нараспашку. Из Городеи сюда версты три, хожу пешком. Ночь, «вьюга мне слипает очи, все дороги занесло»¹, иду, побаиваясь, и каждую минуту рискую заблудиться. Снег все сравнивал и обезличил, а потому на каждом шагу ловушки, падаешь то в яму, то проваливаешься в трясину. Война поневоле затихла и пушек не слышно. Тут идет чистка и приготовления к царск[ому] смотру, предполагают собрать около 80.000 солдат. Идиоты!

А снега столько, что за всю прошлогоднюю зиму столько не видал.

С законами Ньютона добрался до сущей метафизики, стараюсь представить закон притяжения, как параллель к правилу параллелограмма сил.

Читаю итальянские впечатления Вернон Ли. Впечатления переутончены до того, что в конце концов ничего не видно и слишком много женской логики.

* Дальше некуда; крайний, высший предел (*лат.*).

^{2*} «Сливовица» (*польск.*).

^{3*} Следопыт, первопроходец (*англ.*).

* Желанная личность (*лат.*).

15 ноября, м[естечко] Городея

Мороз ударил самый настоящий, градусов 14. Небо, конечно, ясное, бледное и чахлое, словно взяли кусок июльской лазури, да и растворили в целом небосводе, солнце расплывчатое и слепящее. Пейзаж худосочный[:] бело-синий снег, черные деревья и халупы, да это немощное небо. Мороз давит и душит, он «von Eis und Eisen»*.

Переселился в Городею и живу сейчас со Шварцем и Козловым, а потому опять странная тягота «общественности», говоришь не то, что думаешь, и не думаешь о том, что говоришь, слова как-то насильно вылезают. Нет торжественной, скучноватой, но глубокой медлительности одиночества. Я – только наедине с самим собою, а вдвоем, втроем я Бог знает что. Немножко сплетничаем, немножко философствуем, едим и пьем ohne Ende^{2*}. Шахматы.

16 ноября, м[естечко] Городея

Дорога, которую здесь чиню (от м[естечка] Мир до Несвижа), вроде здешнего Невского, прогуливаются сестры, попы, доктора, хоронят, едут транспорты с патронами японского производства, лазареты, хлебопеки, какой-то полковник в дохе, похожий на зверя. Суетня постоянная, и все это очень мирно. Все это похоже не на лагерь, а на военный городок. Холодно по-прежнему, хотя уже привыкаю.

Промежутки заняты* постоянной болтовней и тщетными надеждами возврата в батальон. Что мне Гекуба и что я Гекубе, а все-таки странно тянет туда.

Завтра на работы приезжает с Турчиным Куропаткин, ко мне-то на работы он едва ли заглянет.

Напеваю шансонетку «Я – Куропаткин, меня все бьют»¹, граммофон шипит и лает похоронный марш Шопена, в голове пусто, хоть шаром покати, и, в сущности, страшно невесело и тоскливо.

17 ноября, д[еревня] Городея

О других людях судить страшно, как сердцу высказать себя, другому как понять тебя¹. Не хватает слов, нет слов, а болтаешь без умолку целый день, выходит сущая сплетня. Потому-то я и люблю одиночество, в нем нет этой тюрьмы слов. Куропаткин, Побуковский, Козлов, Никифоров e tutti quanti* и сколько лишнего о них за день наболтаешь.

День какой-то совсем чужой, ничего своего. На работе, ждал Куропаткина, не приехал. Отыскал Побуковского, часа 3 разных сплетен, раздача по табели. Другие, Шварц, Козлов, кажется, очень довольны, поработали и мирно засыпают, а у меня: «Да ведь это не ты, не ты, чужое, механическое», и не знаю покоя, и тоска. Мне нужна наука, с нею одной совесть чиста. Мороз, природа, искусство, даже это кажется бессовестным. Какой-то категорический императив, сидит и пилит, и пилит.

Война поневоле замерзла, а мне сейчас нужны «покой и воля», печка и наука.

* Из льда и железа (нем.).

²* Без конца (нем.).

* Слово «заняты» вписано над строкой.

* И всякие другие (ит.).

18 ноября, м[естечко] Городея

Безалаберный день. Нелепая мозаика пустячных разговоров, чаепитий, старых газет. В комнате толкутся посыльные, писаря, денщики, торчит военный следователь (вчера в 4-й роте во время работы задавило одну бабу), конт[р]олер при раздаче по табели и т.д. На работе то смотрю под ноги, то на небо, то по сторонам. Пронесся привязной баллон стального цвета, видимо, немецкий, если в корзине наблюдатель, это трагедия. Идут маршевые роты, одеты хорошо, но без винтовок. Думаю Бог знает о чем, только не о работе, и, ей Богу, не понимаю, как на других сходит рабочее вдохновение. Как на грех вчера встретил Побуковского, сегодня телеграфиста из 2-го шест[ового] отделения и становится завидно само[му] себе, прошлому, телеграфисту. У меня одна надежда на судьбу, в самого себя совсем не верю.

19 ноября, м[естечко] Городея

Значительно потеплело, снег побурел и завтра, вероятно, оттепель, а сегодня только метель. Работа – ад, бесцельная, глупая, спешная и большая. А здесь, в комнате, прежний кавардак, сипит граммофон, ворвалась какая-то жидовка, опять посыльные, взводные, глупые бессмысленные разговоры и полное отсутствие сосредоточенного одиночества. И как можно еще жить. Таковую жизнь можно покончить где и когда угодно.

20 ноября, м[естечко] Городея

Оттепель. На воздухе чувствуешь себя сначала, словно в теплом молоке, потом становится противно. Тепло, тускло и тухло. В комнате духота, вечный кавардак и люди, некуда примоститься, разговоры ohne Ende* о чем угодно с Черни, о Фаусте, которого он не читал, о понятии времени, о девочках, об Италии. Пробую читать, но все скучно и ничего не выходит. Настроение плохое, чувствуешь, что время бежит, и ничего не осталось, какое-то нелепейшее толчение воды в ступе. Все они кругом прекрасные люди, и Черни, и Шварц, и Козлов, но все это не то, я и они – масло и вода, а вдобавок этот кавардак. Мне нужен внешний порядок, тишина, покой, ритмичность, чтобы все звучало тихим элегическим спокойным вальсом – тогда я сам с собой, а здесь я тярю себя. Душно, и вдобавок эта кислятина и гниль на дворе.

21 ноября, м[естечко] Городея-Замирье

Лихорадит, болит голова, на ноге нарыв и хочется спать. Весь день устраивал разные дела, то из деревни взвод выставляют, и приходится обходить халупы, ругаться с хлебопеками, то в халупе у какого-то чина сыпной тиф, то записки от Шиховского, завтра утром еду в Минск за авансом. На дворе кисло и мокро. Зарево и пальба.

Минск, 22 ноября*

Опять то же впечатление Замоскворечья, особенно снег и сани. Никакого удивления, словно домой попал. Канцелярия. Потом зловонная компания

* Без конца (нем.).

* Запись от 22 ноября 1915 г. сделана карандашом.

Фалькевича, доктора, делопроизводителя, преп. Александрина: коньяк, *Oleum ricini*^{2*}, проститутки, опьянение и лихорадка.

Минск, 23 ноября

Все, конечно, по программе, т.е. канцелярия, покупки, кинематограф, ресторан etc. Сверх программы разве только Пуришкевич, с которым сегодня брился вместе, любуясь отражением его лысины в зеркале. Уеду отсюда только завтра, получил уйму денег и стал похож теперь на ходячий денежный ящик, сам себя стерегу. Постоянно бродишь или говоришь, ни минуты блаженного покоя.

Замирье-Городея, 25 ноября

24[-го] та же минская суетня по магазинам, ресторанам, канцелярии. Часов в 5 сел на поезд. В поезде все пехота и артиллеристы, чувствую себя неловко, совестно и хочется в пехоту. Приехал в 2 часа утра, мало спал, коло-вращение вокруг Шиховского, деньги, сплетни. На работе. Философствования с Черни. Куча журналов и интересных книг, коньяк, голова идет кругом. Пора опомниться.

Замирье, 26 ноября

*Perpetuum mobile**. Движение бессмысленное, сумбурное и досадное и ни минуты покоя, т.е. ни минуты самого себя. Работа, казначейство, раздача по табели, обеды, раскупоривание посылок и бесконечная болтовня с Черни – повод

Коснуться до всего слегка
С ученым видом знатока¹.

Говоришь о чем угодно, об ультрамикроскопе, жидях, В. Скотте, часы летят и уж спать пора. Странное ощущение преступления перед самим собой, именно только перед самим собой. А война, та *causa finale*^{2*}, которая и поддерживает этот бессмысленный, сумасшедший *perpetuum mobile* – закуталась таким туманом, что даже контуры ее исчезли. Государя ждали сегодня, не приехал, и когда будет – Бог знает.

Собралось много хороших книг, и если бы теперь покой, чистую теплую халупу и одиночество, можно бы было и умерить угрызения совести.

Замирье, 27 ноября

Тоска, и самая настоящая. Ищешь причины. А она вся в том, что нет ни одного добросовестно прожитого мгновения, творческого, нового, своего. Сплошное толчение воды в ступе, пустые старые надоевшие сплетни и воспоминания, тщетные мечты о тел[еграфной] роте, наивные философствования с наивным милым Черни. Кавардак, чад, табачный дым, на столе сало, окурки, обеды и некуда присесть, и негде остаться одному. Жизнь чужая, механическая, жизнь, пожалуй, [полна] событий, но ни сознания, ни чувства. Утром

^{2*} Касторовое масло (*лат.*), касторка.

* Вечно движущееся (*лат.*).

^{2*} Конечная причина (*лат.*).

возил к Ш[иховскому] нового подп[оручика] Керженевского в Крутой Берег. В.д.о. становится похожим на ссылку, куда ссылают всяких опальных. Потом обед, работа, читал «Калевалу»¹, прочитал глупейшую брошюру В. Гиппиус «Пушкин и христианство»². Можно быть дураком, но нельзя быть литературным нахалом и печатать всякую глупость. Литература отчасти дело чести, не отнимай времени и денег другого, если не можешь сказать нового и важного, «печатное должно быть величаво»³. Такая книжка mauvais ton*, отсутствие такта и элементарной вежливости к другим.

Замирье, 28 ноября

Вот и не поймешь, что же лучше, сидеть в одной клет[ке] с Ш[иховским] и иметь полное право молчать когда угодно и изолироваться in se*, или вот здесь вместе с Черни, Шварцем, где милые люди, но зато вечное «в гостях», вечный дивертисмент болтовни. Это было в Кельцах, вспоминаю о них хорошо, но о чем вспоминаю – о людях, а не о себе. Один – это уже не человек, а мир и все, а вместе – всегда люди, всегда человеческое. Мне нужно или действительную Илиаду, службу в пехоте, или selige Einsamkeit^{2*}. К скучной Одиссее, толкотне между людьми я неспособен. А потому дни кажутся такими нудными, безгранично пустыми.

Goethe кончил Фауста почти что военно-дорожным отрядом, а если бы я был Фаустом, я бежал бы в ужасе от этих каналов и дорог домой в «Museum»^{3*}. Я боюсь людей и стыжусь люда. Читаю «Калевалу» – о ней по окончании.

Замирье, 29 ноября

Понемногу задыхаюсь в этой бестолковщине. Какие-то нелепые клочки, ненужные, мучительные, и забывается то, что нужно. Чаd, угар, и угар тихий, не буйный, но назойливый. Никаких событий, никаких мыслей. Писать домой – руки не поднимаются – стыдно. В такой обстановке легко и просто стреляться. Если жизнь такая глупая – черт с нею. И так живут все. Но эти все, они другие, другая совесть, другой ум, другая душа. «Gradita è la vita tra Vasso ed Amore»* – это понятно и красиво, но этот чаd и копоть, мельница ненужных разговоров – это какое-то вечное преддверие кладбища. Теряешь веру в себя, книги валяются из рук, даже физически болеешь. А где же чистый воздух? Дома с книгами, с собой. Либо яркое, пестрое, либо заунывно элегическое, задумчивое, но не эту грязь, не этот безумный шум. И никаких событий, кроме вонючей, теплой оттепели.

30 ноября, м[естечко] Замирье

Погода коричневая, с теплым дождем и противная, как комок мокрой глины. Почти целый день дома, в назойливом улье, куда залетают чистые и нечистые, неприятный доктор, ген[ерал]-майор Сурин, нач[альник] гарнизона, помпадур и забулдыга. Читал газеты, безотрадные и почти страшные по

* Моветон, дурной тон (*фр.*).

* В себе (*ит.*).

^{2*} Блаженное одиночество (*нем.*).

^{3*} «Museum» – место, посвящённое Музам, т.е. место учёных занятий, библиотека (*лат.*).

* Приятна жизнь между Вакхом и Амуром (*ит.*).

своему безразличию. Уже дошли до той точки, когда мир не кажется ужасом, и нет такого человека, который ужаснулся бы. Сейчас Россия похожа на нашу чадную комнату.

Прочел «Остров пингвинов» Франса. Я сам не знаю, за что я люблю France'a, а я его люблю несомненно. Пожалуй, мне совершенно безразличен и этот наивный и глуповатый Остров, и «Histoire contemporaine»*, но влечет сам France, эта несомненная борьба в себе самом. Стремление, неудержимое притяжение к «зеркальности», к созерцанию, к эстетике старого, старых фолиантов в пергаменте, а вместе желание вырваться из этого, вырваться в наивную общественную борьбу и пр. France иронизирует и наслаждается своими безделушками. И не поймешь Voltaire это, или английский эстет. Все его книги – борьба с самим собою, его наивность и глуповатость – искусственная, а сам он фантаст, роющийся в книжных ларях антиквариетов на парапетах Сены. У Франса нахожу что-то свое, совсем близкое – но оно всегда неуловимо и между строк.

1 декабря, м[естечко] Замирье

В прошлом году, «когда мне были новы все впечатленья бытия»¹, каждый день был новым, неожиданным, а месяц нес с собой целые перевороты. 1 дек[абря] 1914 – крутой перелом, печальный, как похоронное шествие, отход от Кракова, начало того конца, который и привел в эти гнилые болота. Но год состарил, хладнокровие, безразличие, «nil admirari»* и, конечно, уж я ничего не жду от этого декабря, хотелось бы провести его по-старому, почувствовать святки, но едва ли так будет.

Сегодня нового ничего. На работах был Турчин. Болтовня с Черни. Пустая, как вода, книжка Perrier «France et Allemagne»² и зеленые крылья скуки надо всем. Нужно встряску.

2 декабря, м[естечко] Замирье

Писать положительно не о чем, все это похоже на медлительную и тихую зубную боль. На работе развлекает только ласковый розовый закат, а здесь, в жидовском доме – книги. И почему-то грустно и жалко самого себя, слышно, как жизнь проходит.

3 декабря, м[естечко] Замирье

Местечко с названием довольно символическим и многозначительным, т.е. за ним очень поганенькое кроется. Сегодня по станции бегают газетчик и кричит: «[“]Русское Слово[”] за 1-е, очень интересно, немцы просят мира». Пройдешь иногда невзначай мимо солдат, слышно, как шепчутся о «замирении». Офицеры лениво потягиваются и сквозь зубы говорят: «Надоело, хотя бы скорее конец». Прошло полтора года, офицеры получили все возможные награды, солдаты утомились, домой к сохе тянет, и ко всему эта ужасная зимняя спячка и «без перемен». Война пока [не] привела ни к чему – мы даже не побеждены. Из этого нудного замороженного состояния выход один – смелое и безумное, иначе все погаснет и великое сведется к смешному. Проехал

* «Современная история» (фр.).

* Ничему не удивляйся (лат.).

сегодня на работах ген[ерал] Рагоза в автомобиле, интересно бы забраться в эту умную голову. Ужасно то, что мир никого не страшит лично – ну, заключат мир, все равно что двоюродная тетка умерла, изобразят траурную физиономию, а потом примутся за дележку наследств. Войну необходимо подогреть, вдунуть дух живой, показать, что она лично необходима. А пока все замерзло, развлекаюсь с псом «Моралистом» на манер Федотовского «Анкор, еще анкор». Небо зевает. Читаю странные «Этюды» какого-то Л.Н.

4 дек[абря], м[естечко] Замирье

Месяца два тому назад на многое еще надеялся, даже предчувствовал «перемену», в начале октября записал здесь карандашом:

Что-то будет, когда я доберусь до этой страницы?

Ну, вот я до нее и добрался, «но, Боже мой, какая скука»¹. Не случилось ничего, кроме метеорологии, и это близко к трагедии. Сейчас у меня болят зубы, писать я боюсь, могу написать очень злобное. Предстоит переход куда-то к шт[абу] грен[адерского] корпуса. Ездил в Кр[утой] Берег. Настроение плачевное.

5 дек[абря], д[еревня] Крутой Берег

Послезавтра предстоит идти куда-то в район 81[-й] дивизии, опять к Турчину. Сюда переехал вечером на своей взбалмошной кобыле. Итак, addio*, Черни, философская болтовня – опять пулемет-Шиховский, да еще тут появился молодой подпоручик Керженевский, болтун и мельница. Атмосфера нехорошая, карьеристски-военная, и я здесь совсем не ко двору. Трется какой-то помещик с оловянными глазами. Завтра здесь ротный праздник. Днем выдавал по табелям, писал акты etc. С Черни расставаться было грустно. Как будто опять назревает существенная перемена и странно что-то грустно.

7 декабря, в землянке в лесу у д[еревни] Вольно*

Совестно признаваться, но за войну первый раз попадаю в приблизительно но пехотную обстановку. Сейчас живем в лесу, в землянке в районе штаба полка (81[-я] дивизия). В еловом лесу тихо, снег, подымается дым из землянок, слышно как перекачивается ружейная перестрелка. Сверх всякого ожидания очутился опять в «Илиаде». Вчера в Кр[утом] Берегу был ротный праздник, поп, ура, выпивка, Черни и т.д., и так до 12 ч[асов] ночи, а сегодня в 7 часов утра поплелись сюда по воле рока, а вернее, Турчина. Что мы тут будем делать, пока не знаю, попали в пехотную обстановку и становится стыдно. Существование такой штуки, как в.д.о., вызывает общее недоумение. Прошли сегодня верст 30, сначала тылом, потом штаб грен[адерского] корпуса в Чернихове, штаб 81[-й] дивизии в д[еревне] Вольной и, наконец, этот лесок. Землянка уютная, с хорошей печкой. Сейчас узнал, что предстоит строить землянки для неск[ольких] дивизий. Стоим мы в верстах 3-х от окопов. Ощущение не особенно странное и не особенно новое, интересуется только новая обстановка. Кстати, выставили из землянки суку с 12 щенятами.

* Прощай (*ит.*).

* В оригинале «Вольной».

8 декабря, бивак Окского полка

Vita rusticana*, в лесу, в самом точном смысле слова по-троглодитски. Впрочем, повторяю, в землянке очень уютно и, если бы не было невыносимого Ш[иховского], было бы прекрасно. Целый день на ногах, в лесу, на работе. Нужно вырыть 120 землянок, работает 2 батальона пехоты. Земляки народ милый, мальчишки, по-детски наивные и жалко их страшно – morituri^{2*}. В лесу просто и красиво, снег глубокий и подмерзший, морозно, и, пожалуй, все бы это было wunderschön^{3*}, если бы не было Ш[иховского] и сумасшедшего карьериста Турчина. Времени нет свободного ни секунды, и устал здорово, а тут, как на грех, книги, книг senza fine^{4*}, а читать некогда, завидую самому себе. Все это, кажется, скоро должно кончиться, междуведомственные трения.

9 декабря, бивак Окского полка

В лесу ночью строго, красиво и здорово. Мороз, снег скрипит, луна etc. И опять то же, если бы не эта идиотская машина – Шиховский. Целый день на работе в лесу, смотрю на милую несчастную пехоту, нет, мы не победим, умрут все, но не победят. Но здорово, здорово и просто. Но противно, однако, жить в землянке не с людьми, а с начальством и «не смей слова молвить».

10 декабря, бивак Окского полка

Часов 8 на работе, мороз градусов 15, свежий снег такой крупный и блестящий, что похож на игрушечный с елки. Работу гонят, завтра вечером приходит пехота занимать эти землянки. Рабочих около 500, бегаю и мерзну. Но хорошо, хорошо после мороза да в землянку, к печке. В голове, конечно, пусто. Мороз так уж мороз, печка так уж китель гореть начинает, аппетит – так аппетит, vita rusticana или еще проще «лесовик». Разность потенциалов здоровая.

Готовят наступление, но надежды не особенно розовые.

По-прежнему две мельницы Ш[иховской] и К[ерженевский].

11 декабря, бивак Окского полка

Работа fortissimo* до nec plus ultra^{2*}. Вьюга, заворачиваю пятью батальонами пехоты, саперами etc., ношусь, кричу, сегодня, наконец, выстроили 3 землянки. Усталость страшная, но самочувствие прелестное, если бы не figura dura, magna et obscura^{3*} Ш[иховского]. Готовят тут какой-то «кулак», но, пожалуй, вместо кулака выйдет комбинация из трех пальцев. В войну сейчас верится менее, чем когда-либо, зеленая пехота, дети, татарчата.

Прочитал Этюды Л.Н., в общем хорошую книгу, настоящую книгу, впрочем, о ней после, пора спать.

* Деревенская жизнь (лат.).

^{2*} Умиравшие, идущие на смерть (лат.).

^{3*} Замечательно (нем.).

^{4*} Без конца (ит.).

* Тяжелейшая (ит.).

^{2*} Крайний, высший предел (лат.).

^{3*} Фигура суровая, большая и мрачная (лат.).

12 дек[абря], бивак Окского полка

Утром выюга, потом стихло, сейчас начало таять, в землянке жарко, опять работа, завтра, впрочем, конец. Работа, может быть, будет иметь большое значение, как говорил сегодня Рыдзевский, «судьба кампании от этих землянок зависит». Повторяю, боюсь, что как бы вместо кулака не вышло комбинации из трех пальцев, *ma chi lo sa**, что будет. Пришли сюда сводн[ые] батал[ьоны] 46[-й] и 3-й гр[енадерской] дивизии, 25[-й] сап[ерный] бат[альон], ночует в землянке «попрыгунчик»-Успенский. Завидно, и опять вспоминается 25[-й] батальон. Досадно чувствовать себя парией.

13 дек[абря], бивак Окского полка

Дождик, снег липкий и похож на клей. Землянки окончили и завтра уходим верст за 5. Творится тут Бог знает что, пришли сводные полки 25[-го] корпуса, везде роятся, начальства видимо-невидимо, ком[андир] XXV корп[уса] Рыдзевский, Турчин etc. Хлопочут, суетятся и в общем все наивны и глуповаты, как дети. Фаланга, кулак, пушки через 25 шагов и, главное, кричат на весь свет. Хороша только милая пехота, Солигаличский* полк. Но из землянок, пожалуй, пора. Если бы не было Ш[иховского], пожалуй, это было бы совсем хорошо. Впрочем, лучше книги и *enges Mauerloch*^{2*}. Землянка-то *de facto*^{3*} – *Mauerloch*, но на самом деле это, пожалуй, «*unendliche Natur*»^{4*} со всей ее простотой и монументальностью.

14 декабря, фольварк| Савичи

Из землянки попали на фольварк. Фольварк, правда, неказистый, живем в пустой комнате, которая не лучше землянки. Предстоит строить гати, мосты etc., все это, видимо, в связи с предстоящей авантюрой. Слякоть, оттепель. Прошли верст 10, и опять усталость. Не опомнишься. Домой писем не писал недели две. На землянках был Куропаткин etc. Пришли в раж.

Итак, значит, на фольварке, предстоит, видимо, провести здесь и Рождество. Видал сегодня Шереметевского, кстати, в прошл[ом] году 14[-го] дек[абря] пришли в Кельцы и началась *vita nuova**, кончился 1-й пер[иод] войны, 2-й кончился 23[-го] апреля, ну а 3-й, самый неприятный – Бог знает, когда он кончится, а пора. Кстати, сейчас совесть спокойна, работали хорошо и кажется *zweckmässig*^{2*}. Завтра или послезавтра еду в Минск.

15 декабря, гос[подский] дв[ор] Савичи

Заготовка материала, а на самом деле штука очень поэтичная. Опять подморозило и в лесу сентиментально-красиво и уютно*, брожу и мечтаю – и так весь день. Впрочем, писать некогда, завтра рано утром в Минск, надо спать.

* Но кто его знает (*ит.*).

* У Вавилова – «Солигаличский».

^{2*} См. подстрочное примеч. 6* к записи от 10 июня 1915 г.

^{3*} Фактически (*лат.*).

^{4*} «Бесконечная природа» (*нем.*), цитата из «Фауста» Гёте, часть I, сцена 1-я: «Мне не объять природы необъятной!» (пер. Н. Холодковского).

* Новая жизнь (*ит.*).

^{2*} Целесообразно, с пользой (*нем.*).

* В оригинале «уютен».

16 декабря, Минск

Проснулся в 4 ч[аса] утра, покати́л на ст[анцию] Погорельцы, а оттуда в Минск. В поезде прежняя примелькавшаяся толпа делопроизводителей, прапорщиков, сестер. Минск тот же, наткнулся тут на Ф[алькевича] и с ним битых часа 4 сидел в рестор[ане] «Европа». Какой-то странный народ – генералы, при появлении которых весь зал поднимается, поляки, заделавшиеся всякими уполномоченными, жи́ды в офиц[ерских] погонах. Оркестр жарит Oberek'a, Mazura'a* и т.д. И все это совсем не мое. Поскорее бы к книжкам и опомниться. Пора.

17 декабря, Минск

Подобно водевильному дачному мужу ношусь по жидовским минским лавкам и покупаю всякую чепуху для солдатской елки. Устал и растериваюсь*. Посмотрю на себя в зеркало – вид самый несчастный и смешной. Нужно мне опять одиночество и «дум медлительность». В жизни я, конечно, неудавшийся человек – растерянность – мой, кажется, единственный ответ на все неожиданное. Рожден анахоретом, и только «хор», общество, как я сжимаюсь и становлюсь абсолютно скучен. Не скучен я только с самим собою. Мне нужно перевоспитаться или окончательно уйти в себя.

Мой здешний Мефистофель – Фалькевич, который любит петь:

«Все говорят,
Что я, говорят,
Нахал, говорят[»] и т.д.

дурак, спесив, невоспитан и т.д.

Не везет, ведь я в Минске искал Einsamkeit^{2*}, а тут эта вечная тень.

м[естечко] Замирье, 19 декабря

Сюда попал кружным путем. Вчера уехал из Минска, часам к 6 утра попал в Погорельцы, а оттуда в Савичи. Узнал, что полурота с Шиховским ушла в Замирье – завтра, наконец, царский смотр, и тут всякого рода чистка. Пришлось ехать в Замирье. Мороз, не спал, 40 верст на повозке. Тут философствует Черни о том, о сем, а больше ни о чем. Жду прихода Шиховского, голова болит, спать хочется. Но когда же я опомнюсь? В конце концов, все безразлично – тряска в вагоне на засаленном матрасе, нудные разговоры в вагоне, тряска на повозке, мороз, Черни с «Моралистом» и философствованием. Ни на что никакого ответа, ничто не волнует и все совсем чужое. Омертвление, чужие дела, чужие слова и the time is out of joints*, ни впереди, ни сзади ничего таинственного, притягивающего.

20 декабря, м[естечко] Замирье

Был сегодня здесь царский смотр, правда, мы не смотрели и нас не смотрели, но кругом за окошком суета, и царь живет сейчас в вагоне на станции. Утром перед самым смотром с полуротой торчал на плаце, гладили и подметали, а на нас с презрением посматривали всякие сводные батальоны и эскад-

* Оберек, мазурка – названия танцев (польск.).

* Так у С.И. Вавилова.

²* Одиночество (нем.).

* Распалась связь времен (англ.).

роны, подходившие на смотр. Весь смотр, да и вообще весь день, просидел дома. Наивную атмосферу Черни нарушает, конечно, крикливость и хамство Шиховского. Скука зеленая, и сейчас в 1-й, кажется, раз сильно хочется в отпуск. Войны как дела я не знаю и в нем, кажется, не участвую, а война как зрелище сейчас медлительна, томительна и скучна. Спасение опять только в книгах и одиночестве. Эти навязшие слова – они все-таки одни, а без них болото, в котором лучше утонуть. Завтра возвращаюсь в Савичи, но, Боже, эта отвратительная тень Ш[иховского].

Ф[ольварк] Савичи*, 21 декабря

Обстановка такая, как будто посадили в кабинет некоего начальника канцелярии, к которому ежеминутно вваливаются с докладом; рев, матерщина, визг, а если нет «докладчиков», дискуссии насчет клубнички; в аду Данта эта комната поместилась бы где-нибудь поблизости 9-го круга. Щелканье счет, разговоры относительно взводных, фельдфебелей, и так до самого сна, спасение только под одеялом. Звон в ушах, боль в голове от канцелярского пулемета.

Пришел из Замирья походным порядком и все боялся, что мимо проедет царский автомобиль, шмыгали мимо команд[ующий] армией, нач[альник] штаба, сыщики, стражники, казаки e tutti quanti^{2*}. Невесело, никакого «своего» дела и в сущности безделье-то утомительное и нудное. Начал читать [«]Faust'a[»] Lenau^{3*}, впрочем, читать мешают. Оттепель. Совсем разучился писать письма, скучны, однообразны и, наверное, глупы.

Ф[ольварк] Савичи, 22 декабря

Был на работе (гать и мосты у дер[евни] Савичи), полузамерзшее болото, на четверть в воде, небо кислое, дождь, грязь, зайцы. А здесь: пани Янина с женихом, chemin de fer^{*}, помещик-ротмистр в отставке Вендорф, кавалерист и охотник, приятный собеседник и так до 12-го часа – и опять ни минуты, чтобы опомниться. Пани Янина очень красивая полька. Меня почему-то величают «pan proffessorz»^{2*}.

«Die Kunde, die mir Einsamen geschwiegen
Mit Vielen würd' ich sie zu hören kriegien?»^{3*}

Die Kunde^{4*}, а в ней только и дело, остальное прах и суета.

Ф[ольварк] Савичи, 23 декабря

Рождество предстоит провести в невеселой «обстановке» Шиховского. Заводная кукла. Готовим елку, впрочем, лучше бы ее не было. По-старому. Работа на болоте. Дождь, разговоры о лошадях и девочках и такое taedium vitae^{*}, что не дай Боже. Читаю Lenau, скучного, бледного, подражательного.

* «ф. Савичи» написано поверх зачеркнутого «м. Замирье».

^{2*} И всякие другие (ит.).

^{3*} «Фауста» Ленау (нем.).

* Азартная карточная игра (фр.).

^{2*} Pan profesor – господин профессор (польск.).

^{3*} «Искусство, созданное во мне одиночеством, / Научившее меня сопротивляться многому» (нем.) – слова Фауста из поэмы Н. Ленау «Фауст».

^{4*} Искусство (нем.).

* Отвращение к жизни (лат.).

Ф[ольварк] Савичи, 24 декабря*

Справляем «Вилию»^{2*}. Пьян. В 10 ч[асов] что способен написать. Пишу при свете елки. Ш[иховской] etc. уехали в Полонечки.

Г[осподский] д[ом] Савичи, 26 декабря

После пьяной «Вилии» пришлось проснуться рано, [в] половине девятого поп в Задвее (совсем рядом) служил молебен. Старенький поп, чудака, кислая мартовская погода. Потом вместе со здешним *société*^{*}, пани Яниной, ее женихом Помирским, управляющим покатили в костел, в Полонечки. Знакомые места, дворец Радзивилла, деревянный костел, давка. *Dominus vobiscum*^{2*}. Из костела пошли к ксёндзу с визитом. Народу много, помещики, учикинеры^{3*}, пан Пуделевич – видимо, здешний Ленский (полубеженец, имение в 12 верстах, но там немцы), высокий, кудри рыжие до плеч и упоительная речь¹. Какие-то старушки приживалки, да и сам ксёндз похож на старую приживалку. После старки чай и т.д. От ксёндза – с визитом к Вендорфу, савическому помещику – опять старка, колбаса и т.д. А потом у нас, елка у чинов (и довольно веселая, à propos), елка у нас, ксёндз, Пуделевич, Вендорф etc, *chemin de fer* и спать легли в 3-ем часу. Рождество, следовательно, пожалуй, классическое, не особенно содержательное, но веселое. Маленькая елка красива и нарядна и, если бы не было Ш[иховского] и было 2–3 часа *solo*^{4*}, было бы совсем хорошо. Милая пани Янина, польские помещики, принявшие, впрочем, сильно заметный русский провинциальный гоголевский оттенок, новые люди. Погода отвратительна, теплая, дождь, на болоте воды по пояс. Сегодня начали работу. Гремят где-то поблизости наши пушки, и грохот стоит ужасающий. Война стала совсем прозой, и ее нужно или кончить, или снова сделать

* Запись от 24 декабря 1915 г. сделана очень неровным почерком.

^{2*} *Wilia* – сочельник (польск.).

* Обществом (фр.).

^{2*} Господь с вами (лат.) – формула благословения в католическом обряде.

^{3*} Беженцы (от польск. *Uciekinier* – беженец).

^{4*} Одиночества (фр.).

поэтичной, живой и вдохновенной... et semper credo, quia absurdum^{5*}... Подслушиваю сейчас по телефону, разговоры только о Владимире и Анне.

Но мир иной меня зовет
Спокойный и холодный:
Вселенной тишь, вселенной лед
И дум полет свободный

«Не для житейского волнения, не для корысти, не для битв[»]², а для спокойного созерцания рожден я, да и, вероятно, очень многие.

Г[осподский] д[ом] Савичи, 27 декабря

In beiden Fällen ist dein Los fatal:
Du magst von ihm (Gott), von ihr (Natur) behandelt sein,
Ob en canaille, oder en canal;
Drum schliesse trotzdem in dich selbst dich ein!*

Реплика прелестная. En canaille, oder en canal – tertium non datur^{2*}. Религия и материализм. Жить en canal^{3*} я не могу, en canaille – gradita è la vita tra Vacco ed Amore^{4*}, или наоборот [–] тоже едва ли смогу. Значит «s[ch]liesse trotzdem in dich selbst dich ein»^{5*}. Нет, и это совсем не то. Mit Ihm und mit Ihr^{6*} – хочу жить в мире. И один только путь – творчество и созерцание, т.е. божеское. Творчество почти всегда игра. Активность, но не в жизни, а в ней – созерцание. И вот он исход, tertium datur^{7*}. В конце концов все это – modus vivendi^{8*}, и Богу лучше видно, что из этого выйдет, но ни canaille и ни canal – я быть не хочу, несусь по воле волн, лодку несет Бог знает куда, а мой modus vivendi прежний – смотрю, но рук не прилагаю.

До обеда был на работах, немного подмерзает, пушки шумят по-прежнему. Вчера вечером опять chemin de fer, да и сегодня, вероятно, тоже.

д[еревня] Хвоево, 28 декабря

Попал опять в халупу и очень скверную. Деревня верстах в 6 от Савичей. Нахожусь здесь со взводом для постройки разъездного пути, кажется, собираются здесь делать станцию – все детали грандиозного куропаткинского кулака in spe*. Сначала ездил в Погорельцы в железнодорожный батальон, оттуда на паровозе с прапорщ[иком] Витолем доехал сюда. Жизнь в батальоне райская – единственная, кажется, часть в армии – не скитающаяся,

^{5*} И всегда верю, потому что абсурдно (лат.).

* В обоих случаях ты раб, ты мал / Пред ним (Богом), пред ней ли (Природой) – в ничтожестве признайся / Иль ты каналья, иль тебя – в канал / Так будь же сам собой – не подчиняйся! (Н. Ленау. «Фауст». Эпизод «Разговор в лесу». Слова Мефистофеля / Пер. с нем. А. Анятина и А.В. Кессениха).

^{2*} В подлецы или в канал – третьего не дано (нем., фр., лат.).

^{3*} В канале (фр.).

^{4*} Подлецом – приятная жизнь между Вакхом и Амуром (фр., ит.).

^{5*} Но упрямо замкнись в себе самом (нем.).

^{6*} С ним и с ней (нем.).

^{7*} Третье дано (лат.).

^{8*} Образ жизни (лат.).

* В перспективе (лат.).

а обитающая постоянно в своем поезде. После этого рая мое чистилище-халупа начинает казаться адом. Торчат в халупе дебелие бабы, бородатые мужики, ребята (не выставлять же их на мороз) и смотрят на меня как на самого дикого зверя, следят за каждым движением и поневоле приходится уткнуться в книжку, но зато, конечно:

«Bezaubernd klingt die tiefe Einsamkeit»^{2*}.

Обложен книгами, нет Ш[иховского] и времени хоть отбавляй.

Кончил «Faust'a» Lenau. Интересных стихов много, но все разбавлено сороковедерною бочкой воды. Для Faust'a Lenau нужен был Пушкин. Опять прежнее[:] гений стреляет прямо в цель, ну а Lenau очень умен, сантимиентален и только. F[ауст] Lenau, конечно, не Фауст-богоборец, природоборец, не желающий быть трактованным ни en canal, ни en canale. Опять вопрос об «истинном Фаусте»-ученом. Наука – не знание, а познание, и вся радость ее в творчестве. А потом – старая история с Мефистофелем. Схема всякого «Фауста» [-] великая Троица[:] Бог-Творец, Мефистофель-Creatur^{3*}, но взбунтовавшаяся, и Фауст тоже Creatur, но не бунтующая – малый Бог. Истинный Мефистофель – не враг Фауста, он только ищет в нем союзника. Вместо познания природы и Бога – Мефистофель старается внушить Ф[аусту] бунт против того и другого:

So schwingt der ew'ge Hirt mit starker Hand
Im Kreis ums feste Haupt den Weltenbrand,
Zu scheuchen fort aus seiner Nacht die Eule,
Die sonst ihm krächzend naht: die Langeweile^{4*}.

Самое страшное в мире не «Sturm»^{5*}, не «зло» – легко показать, что все это ewige Harmonie^{6*}, но Langeweile^{7*} – скука. Бог затеял мир от скуки, но и сам мир стал скучен и Меф[истофель] это прежде всего должен показать. У Пушкина – Фауст, как целое, конечно, удачнее Ф[ауста] Goethe и Lenau. Вместо знания вселенной М[ефистофель] преподносит Ф[аусту] ее скуку. Скука – отсутствие творчества.

Д[еревня] Хвоево, 29 декабря

В халупе стирают, кричат и плачут ребятишки, под печкой живет петух и всю ночь оглашает халупу своим сладкогласием. И опять по-прежнему глаза всех отверсты на меня – укрыться некуда. Целый день торчу над книгами. И поневоле возбуждаю священный ужас всех обитателей. Любопытно, за кого меня здесь принимают? Впрочем, судьба играет человеком, а мною в особенности – нашелся тут какой-то санитарный фуражир, который знает меня, отца и т.д. и все это рассказал хозяйке, денщику – так что они, наверное, обо мне сейчас знают больше, чем я сам о себе.

^{2*} «Оглушая, звучит глубокое безлюдье» (нем.) – «Фауст» Н. Ленау, глава 22.

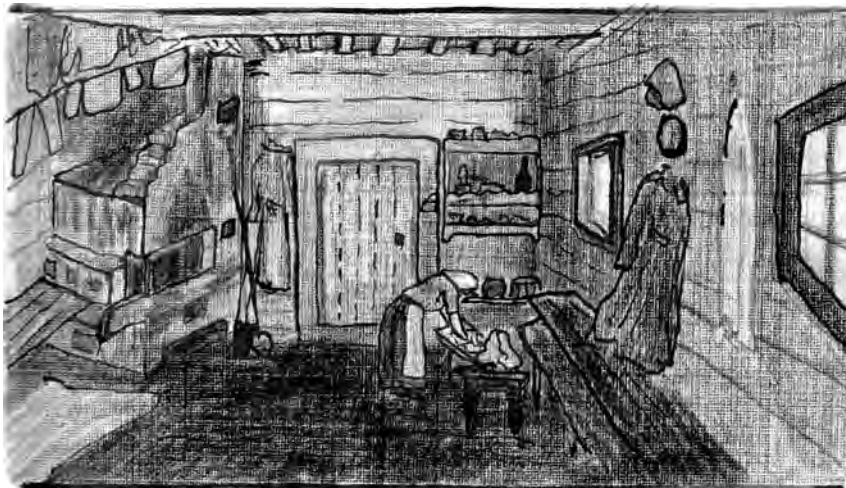
^{3*} Die Creatur – создание, творение (в нем. языке – ж.р., чем и объясняется использование С.И. Вавиловым прилагательных в женском роде).

^{4*} «Пастух предвечный непорочный / Кружит над сильной головой / Пожар могучий мировой / Чтоб сов прогнать, что через тьму / О скуке прокричат ему» – Н. Ленау. «Фауст». Эпизод «Буря». Реплика Мефистофеля / Пер. с нем. Г. Гинесинского.

^{5*} Буря (нем.).

^{6*} Извечная гармония (нем.).

^{7*} Скука (нем.).

Ходил на работу, таскают ребята рельсы, шпалы и мне делать положительно нечего. Читаю странных, восторженных «Les Slaves»^{*} Мицкевича¹, «La vita militare» de Amicis^{2*}, понемножку думаю о разных «материях физических и философических». Ш[иховский] предлагает переехать в Савичи, может, завтра или послезавтра это и сделаю.

Д[еревня] Хвоево, 30 декабря

Ах, эта халупа с голубями, петухами, мужиками, бабами и малыми ребятами. Это я в первый раз за всю войну в такую обстановку попадаю. Удивительное ощущение: чувствуешь себя актером и разыгрываешь перед тремя десятками глаз, устремленных на тебя, представление, вероятно, каждый жест выходит театральным. За исключением 2–3 часов на работе сижу за столом и читаю. Книга Мицкевича, конечно, довольно наивна, но восторженна, и много интересного. Amicis пишет только для итальянцев, перевоплощаюсь в Signor'a^{*} и не без удовольствия читаю сентиментальную болтовню. Кстати, вчера прочитал «Воспоминания о С. Ковалевской» – Леф[ф]лер¹. Вот он настоящий Фауст, вечная борьба созерцания и жизни. Ф[ауст] – в юбке, но он и должен быть в юбке:

Denn was dem Mann Erkenntniskraft,
Ist für das Weib die Mutterschaft^{2*}

Женщина – эта Naturkraft^{3*}, она больше природа, чем мужчина, а потому и коллизия этой Naturkraft-жизни и Erkenntniskraft^{4*} – особенно сильна. София Ковалевская, Фауст Lenau – побежденные Фаусты, Леонардо – Фауст победитель, жизнь в творческом созерцании и созерцание в жизни.

^{*} «Славяне» (фр.).

^{2*} «Военная жизнь» Де Амичис (ит.).

^{*} Синьор (ит.), обращение; здесь: итальянец.

^{2*} «Ибо что для мужчины способность познания, / То для женщины – материнство» – Н. Ленау. «Фауст». Глава 24 («Görg»). Реплика Фауста.

^{3*} Природная сила (нем.).

^{4*} Способность познания (нем.).

31 декабря, д[ережня] Хвоево
11 ч[асов] утра

Сомкнулся вновь таинственный овал,
Железную и рабскую кривую
Вновь шар земной вокруг солнца начертал
И новую страницу прочитал
Я книг судеб печально-огневую

Унылый год, печальный для меня и для многих, а для мира роковой. Начал его, дежуря на телегр[афной] станции в Кельцах, кончаю, строя ж[елезно]-д[орожную] станцию под Минском. Начиная с апреля – цыганщина, дольше всего стоял в Орешковичах (около месяца). Собственно, для меня лично ничего трагического и необычайного не случилось. Были два события: производство и командировка в в.д.о., одно приятное, другое очень неприятное. Остальное: блуждания, никчемная работа. Одно было хорошо, часто я оставался один, а потому начал себя понимать. Основная книга за весь год – Фауст, ей начинал, ей и кончаю. И это *predestinée** – Фауст зеркало моей души, и читая его, понимаю себя. Физика моя иногда просыпалась (принц[ип] относительности – в Кельцах, законы Ньютона и Grav[itation] Problem – здесь), но без успеха. Но на все наложила свою печать несчастная война, каждое движение вызвано ей, она регулятор настроения, и я уже не я, а $\frac{1}{600.000}$ русской армии.

Это основная кривая года, а все остальное так вокруг нее пляшет. Кроме того, говорю – понял себя и, поняв, потерял в себя веру. Мне нужна особая, тепличная атмосфера, и только тогда не будет вечной пришибленности и тоски. Нет веры ни в себя, ни в других – вот печальный вывод несчастного года. Конечно, постараюсь и, может, постараемся переделаться. Но

«Свою печать утратил резвый нрав,
Душа час от часу немеет,
В ней чувств уж нет. Так легкий лист дубрав
В ключах кавказских каменеет»¹

Сегодня совершу, кажется, последнее путешествие в этом году, из Хвоева обратно в Савичи, в халупе стало невыносимо.

* Предопределение (*фр.*).

1 января*, г[осподский] д[вор] Савичи

Смиренно начинаю этот год, ни надежд, ни отчаяния. Покой, *quies*^{2*} – скука – отдохновение души, да пожалуй, скука. Переиначивать ничего не собираюсь и по-прежнему плыву по течению. Знаю, что жить не сумею, не выходит, созерцание и творчество – два для меня неизбежные слова. О том, что это – в другой раз. А в этом году все для меня будет по-прежнему – телеграмма Главковерха вчера – программа на весь [19]16-й год, а может быть, и на [19]17-й. Заветный порог [19]16-го года перешагнул, сейчас я в запасе, кончится война, и я свободен, без рельс, без поддержки, между небом и землей, и вот тогда понадобится воля, а теперь только покой. Постараюсь быть, или вернее, остаться физиком, кое в чем упорядочу жизнь – вот и все. На войне останусь только честным. Жизнь по вполне определенным рельсам.

Новый Год встречали самым пьяным образом в компании 2-х санитаров, с зажженной елкой и водкой. Улеглись в 4-м часу, в 9 утра – молебен, потом чай у санитаров, сестер и уполномоченного с жидовской физиономией (Гиршмана, кажется). Вечером предстоит идти к Вендорфу. Утомленность и хочется спать.

Вот оно настроение первого дня Нового Года – безволие, безудержный фатализм. На дворе вьюга и тепло.

2 января, г[осподский] д[вор] Савичи

Странный сон: заграничное путешествие, какие-то генералы, причем, у одного на чистых погонах 6 звездочек (это-то может быть от старки, выпитой вчера у Вендорфа), государь, говорящий речь, и Лебедев, ясно видел его глубокие, большие, светлые, удивительные глаза и бархатную куртку. Военщина, война и физика, а может быть, ни то, ни другое и ни третье – а люди.

Вчера вечер провели у Вендорфа. Общество странное и скучное. Два старика помещика, два пехотинца Перновского полка, одному из которых вчера же ночью нужно было идти на разведку, две бабы-сожительницы, мы. Разогрела всех, конечно, только старка. Утром ездил в Хвоево. Хорошо в лесу, немножко морозит, снег мягкий – бархатный. После обеда опять в лесу, но здесь. Ну а сейчас хочется спать. Читаю *de Amicis* и Мицкевича.

* Перед записью от 1 января 1916 года вырван лист.

^{2*} Покой, отдых, сон, сновидение (*лат.*).

3 января, г[осподский] д[вор] Савичи

Редкая минута. Все уехали на работу, в комнате я один, тихо, в телефон слышно, как стучит аппарат, за окном теплая пурга. Занимаюсь физикой и чувствую даже вдохновение. Сейчас курю и думаю, а «воспоминания свой длинный развивают свиток»¹. Не будь войны, я сейчас очутился [бы] в положении *homini novi*², новорожденного и не знал бы что делать. Сейчас на мне погоны, и я плыву по течению. В жизни я всегда был тем же, т.е. в конце концов – мистиком *malgre moi*^{2*}, послушным внутренним, странным, инстинктивным порывам. Мир научил только скрываться, прятать ото всех самого себя и внешне приспособляться, чтобы не походить на выходца *von Jeneseits*^{3*}. Созерцание и творчество для меня то же, что время и пространство, материя и энергия. Созерцание – вечная пассивность, но в то же время очи отверстые (дневник мой – сплошное созерцание), а творчество это Бог, это сила, *actio*^{4*}, но сила и дело, как-то проходящие вне мира. Смысл жизни только в нем, а созерцание – отношение к чужой жизни и выбор из нее материала на этот чудный огонь – творчества. Я боюсь говорить о творчестве, потому что сказать это другому – погубить себя, но без него смерть была бы так легка и естественна. Это огонь моей жизни, единственная зацепка за нее.

4 января, г[осподский] д[вор] Савичи

День унылый и тоскливый. Утром ездил в Хвоево, после обеда здесь на работе. День тихий и почти тает. Через силу читаю Мицкевича. Чужое это, и для чего читаю, сам не знаю. Мессианизм, избранность славян – для всего этого нужно настроение, а у меня его сейчас нет. И кроме того – многоречивость, самый страшный грех.

Появилась тут новая фигура – контролер, приехавший наблюдать за работами, с унив[ерситетским] значком, семинаристской физиономией и скучный, как тумба.

В комнате накурено, душно и надоевшие лица. Зато на дворе чудесная ночь, зеленая – девственный снег, луна, звезды в рамке облаков и мороз крепчает.

5 января, г[осподский] д[вор] Савичи

День кристальный. Солнце, мороз, свежий снег и бледно-голубое небо. Немцы по случаю ясной погоды вывесили колбасы¹ и выпустили аэропланы. Целый день наверху назойливое жужжание и хлопанье шрапнелей. Хорошо вечером на работе. Нехотя и лениво опускается за снежные холмы огненное теплое солнце и на востоке показалась таинственная темно-фиолетовая полоса, и выплыла холодная, прелестная, всегда печальная луна. Сумеречная зимняя прозрачность. Вечные полюсы кроваво-огненного солнца, всегда волнующегося, живущего, и спокойной, созерцающей луны. Полюса жизни, полюса мира. Жизнь и созерцание. Ясное, горящее дневное и темное, таинственное молчаливое ночное.

* Нового человека (*лат.*).

^{2*} Невольно, против своей воли (*фр.*).

^{3*} Из потустороннего мира, с той стороны, с того света (*нем.*).

^{4*} Движение, действие, деятельность (*лат.*).

Ночь – она моя, с своей зеркальной луной, звездами, мраком и тайной, а день – я его люблю, но в нем чужой. Стою на снежном поле и не знаю какому Богу поклониться [–] огненному ли горящему, пьяному западу или бледному призрачному, синему востоку, или нет – знаю – востоку.

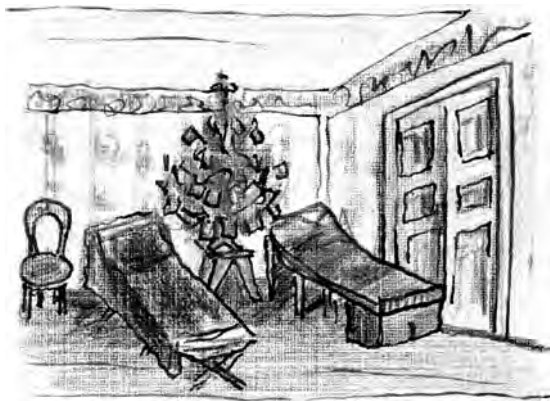
На работе весь день. Дочитал Мицкевича. Это проповедь и для нее нужно свое настроение. Уезжает Ш[иховский] в Минск. Дня через 4–5, вероятно, еду в Москву. Страшно стать самим собою. Собираемся справлять крещенский сочельник.

6 января, г[осподский] д[вор] Савичи

Сочельник справляли со старкой, голова болит и сегодня. Разыскали тут какую-то гадалку, бабу лет 50, предсказывала она мне, что скоро я уйду из несчастного в.д.о. и попаду чуть ли не в окопы, говорила она что-то, конечно, и о брюнетках с блондинками – но что, не помню, был почти пьян. Работы сегодня нет, встали в 10-м часу. Мы – это я и «детско» Корженевский. День сегодня такой же ослепительно-ясный и морозный, целый день немцы над головою, гремят бомбы, лопаются шрапнели и на синем небе всюду белые облачка разрывов. Ходили к сестрам и опять туда собираемся. В общем[,] празднично скучно и вчерашняя старка клонит ко сну. Читаю De Amicis и очень доволен. Италия – о, родина моя.

7 января, г[осподский] д[вор] Савичи

Утром мчался в Хвоево. Погода вчера вечером изменилась самым дурацким образом. Утром настоящий крещенский мороз, а к вечеру оттепель и дождь. Сегодня туман, снег размяк, лошадь проваливается на аршин. Впрочем, довольны – не будет вчерашнего представления, когда из ясного неба буквально шел свинцовый град, падали шрапн[ельные] пули, стаканы¹, бомбы, аэропланы жарили из пулеметов, сегодня бы на работе это могло кончиться печальным. На разъезде появились н[ачальник] шт[аба] гр[енадерского] к[орпуса] Хростицкий с георг[иевским] крестом и темляком и гренадерский Fidaго – Турчин. Втирал сим высоким особам очки. Затем вернулся сюда, после обеда пошел на гать. Собираемся к сестрам (вчера вечером, кстати, были у Вендорфа – старка, узкоколейная *chemin de fer*^{*}, паштет из козы и т.д.). Ни физики, ни метафизики, *quies* – скука.

8 января, г[осподский] д[вор] Савичи

Праздники прошли, но елка у нас все еще стоит. Она очень изящна и уютна. Я-то, впрочем, сейчас в предпраздничном ожидании вторых Святков – отпуска, поэтому елку принимаю как должное. Коржениовский

^{*} Железка (карточная игра) (фр.).

сейчас уехал на работу и я в комнате solo*. Не везет мне на людей. Ш[иховский] – карьерист и службист, Ф[алькевич] – нахал, для которого gradita é la vita fra Vasso ed Amore^{2*}. К[оржениовский] – изломанное экстатическое детско, достаточно не глупый, но наивный и по душе немного авантюрист. Мне остается только всякий раз принимать соотв[етствующую] физиономию. Сам я только с самим собою.

Сейчас читаю какой-то толстый бульварный фран[цузский] роман и произвожу всякие физические Gedanken Experimente^{3*}.

9 января, г[осподский] д[вор] Савичи

Утром в Хвоево. Запрягли мою кобылу, по мнению знатоков, англо-америк[анского] рысака, в сани. Оттепель, и снег, которого за последние дни навалило много, похож на самое противное сусло. После обеда на гати. Дождь, ветер, скверно донельзя. Турчин.

Свечки горят тускло. Играем в зеваки и дураки, читаю свой прежний фр[анцузский] романчик. Надеюсь, что завтра уеду, потому и держусь, как перед отъездом, и ничего не предпринимаю.

10 января, г[осподский] д[вор] Савичи

Из дальних странствий возвратясь, приехал Ф[алькевич], и т[а]к к[а]к нет Ш[иховского] – то конечно дым столбом, chemin de fer, какие-то санитары, в комнате окурки. Ф[алькевич] орет шансонетки. Завтра я должен уехать, поэтому совершенно пассивен и только посматриваю. Странная совершенно чужая друг другу компания, и я в ней, конечно, особенно съезживаюсь. Погода отвратительна до нес plus ultra*, и вообще совсем невесело. Что-то дома будет, и чем он мне покажется – я здесь уже только одной ногой.

Рассказывают о победе на Кавказе¹.

11 январ[я], в поезде на ст[анции] Погорельцы

Сейчас поеду: vita nuova*. Вчера и сегодня прощался с Савичами. От поездки жду большого.

12 январ[я], Минск

Чистилище в преддверии рая. Впрочем, я за рай-то еще опасаясь, там, может быть, будет много печального. Уезжаю завтра, а пока время провожу так, как в Минске иначе нельзя проводить, трачу деньги в жидовских лавках, рестораны, кофейни, а вечером, вероятно, кинематограф. Нажимаю разные пружины, чтобы ко времени своего приезда перебраться опять в батальон. Дай Боже, тогда и возвращение не будет таким грустным. Вчера с утра носился в Хвоево с Ф[алькевичем] и доктором, потом у сестер, и в девятом часу уехал. Вдоль дороги на горизонте вспыхивают немецкие ракеты. Прощаюсь. Пауза, и почему-то от нее жду многого. Одного боюсь, как бы эта поездка не

* В одиночестве (*ит.*).

^{2*} Приятна жизнь с Ваххом и Амуром (*ит.*).

^{3*} Мысленные эксперименты (*нем.*) (правильно: Gedankenexperimente).

* До невозможности (*лат.*), «до» в оригинале написано латинскими буквами.

* Новая жизнь (*ит.*).

оказалась просто этапным пунктом моей военной Одиссеи – стоянка госп[одский] двор Вавиловых. Узнаю ли я Итаку, и осталась ли она для меня Итакой? Я ведь приезжаю совсем другим. Страшно.

Сегодня Татьяна. Хотелось провести ее в Москве – неудача. Сейчас сижу в «ночлежке» в.д.о. и скучаю.

14 янв[аря], Москва

Ничего не понимаю, голова кружится, словно только что проснулся.

15 янв[аря], Москва

То же самое. Словно проснулся. Протер глаза, вспомнил и все пошло по-старому, инстинктивно привычные движения и жесты до самых мелочей. Дома все застыло и только еще мрачнее тень печали и какого-то рока. Лида умерла. Тишь в доме, никого кроме матери, бедной, тоскующей. Книжки на привычных местах, по-прежнему ходят старые часы. И вот проснулся, о старом напоминают только погоны. Сразу тучи «безрельсности» – куда идти, надо что-нибудь начинать. Передо мною куча журналов за 1½ года, всякие Аполлоны и т.д. Как-то рука не берется. Сначала – куда идти? Видал вчера Н. Усп[енского]. У физиков здесь грязь, дрызги, сплетни – потонешь. Выругал меня за мою заметку о пр[инципе] отн[осительности] в В[естнике] О[пытной] Ф[изики]¹ Шапошников. И вот сейчас настроение грустное, а моментами трагическое. Какая-то печаль кругом. Война далеко, далеко, за горами, за долами, отношение к ней здесь чисто филантропическое.

Придется топить время, искать компании, театров etc. Посмотрел сегодня свой дневник за первые дни и месяцы войны. Удивительно бодрый. Сейчас совсем не то. Но это пробуждение, отсутствие всякой удивленности, как будто бы действительно the time was out of joints* и полтора года на самом деле прошли в один миг – вот что самое фантастическое. Или я болен? Опять хочу одного – опомниться. «В Москву» в широкую публику показываться еще боюсь. Ходил сегодня к коменданту да в оф[ицерский] эк. магазин.

16 янв[аря], Москва

Никакой бодрости, все по мелочам, грустное и безнадежное. Был сегодня у Лазарева, на коллоквиуме. Копоятся, Лаз[арев] все пишет, скачет, тут и теория возбуждения и рент[г]енология, толку нет, и нет физики. Встретил и Шапошникова-Зоила*. О войне – хихиканье, чтение каких-то подпольных писем Родзянки к Горемыкину. Бестолковщина и полная неопределенность. Очень рад, что я в мундире, что есть куда хотя на время спастись. Я ведь чувствую сейчас, насколько я бодрее, здоровее и сильнее их. Ну, а после войны эту силу и здоровье употребим в дело, на настоящую, милую физику.

Перелистываю и читаю старые журналы за 1½ года, их без конца. Дома та же грусть тишины и молчаливости.

* Распалась связь времен (англ.).

* Зоил – здесь: придирчивый, недоброжелательный, язвительный критик.

17 янв[аря], Москва

Наконец-то начинаю различать «нас» и «их». Мы здоровые, бодрые, свежие, а они заморыши и нытики. Дела их какие-то бирюльки – а у нас громкое, почетное, славное, благородное дело. И поневоле начинаю гордиться тем, что я «с фронта».

Воскресная толчея. Проснулся с колоколами. Вечером у И.Е., там Смит, Темерин и много иных.

18 янв[аря], Москва

Война, Савичи, Шиховский – за тридевять земель. От всего осталось только ощущение своей силы и здоровья в сравнении с рахитичной обстановкой. Повторяю, до сих пор не могу постигнуть, почему это так, почему, как будто не было 1^{1/2} года.

Сегодня дома, был вечером Ржевкин.

19 янв[аря], Москва

Nil admirari*. Это прямо болезненно. Еду по Моховой, Тверской. Университет, alma mater, театральная площадь, в Б[ольшом] театре на «Травиате» и ни жеста удивления, ни малейшего волнения. Повторяю это болезненно или метафизично. Или война приучила к такому хладнокровию и безразличию?

Возмутило одно: Москва. В театре купеческие сынки с приборами и в смокингах, городовые, извозчики. В театре кто-то потребовал гимн, началось почти шикание. Такая гадость. Необходимо победить, иначе на верх подыметься такое болото, такая вонь и пакость, что нельзя будет жить. Как хорошо, что я сейчас в погонах и на войне.

20 января. Москва

2 часа ночи, сижу в своей уютной комнате и думаю о Москве и о войне. Два сна и я ни там, ни здесь. Какой-то сомнамбулизм. В Москве живу по инерции, как будто бы 1^{1/2} года и не было. La medesima storia*, хватаюсь и за то, и за это, за физику, за Пьеро делла Франческу^{2*}, вечером на засед[ание] химич[еского] О[бщества], а потом с И.Е. в филипповской кофейне. Прочитал книгу о кн[язине] Ол[ьге] Конст[антиновне]. Милая душа, и талантливая, но отравленная своей «высокопоставленностью». Сейчас жить так еще можно, – пауза. Но тогда, после войны? Ломка нужна, неизбежная.

22 января. Москва

Шатаюсь по Москве. Вчера бродил по книжным лавкам, а вечером попал к Успенским. Поповское благочиние и поповская скука, и страшно заметно практической «дальнобойности» всех этих Евгеньичей. Сегодня утром у Темерина, вечером у Смита, а с ним на собрании О[бществ]а сближения с Англией. Чистая репетиловщина и словоблудие. Бердяев, В. Иванов, Попов¹ etc. «прямые канцлеры в отставке по уму»², говорят без толку, без умолку и без охоты. Подумаешь о том, что делаем «мы», и что делают «они» – и хочется

* Ничему не удивляться (лат.).

* Та же самая история (ит.).

^{2*} В оригинале «Пьеро дел Франчески».

опять «туда». В мирное время репетиловщина простительна, но сейчас... Сбежали, очутились в Cafee Savoy. Москва не нравится. Хитрая, плотоядная, наружно филантропическая, невоспитанная. Нет, это не деревня, а плохой купеческий дом.

23 янв[аря], Москва

Совсем ни «dolce far niente»*. Постоянные блуждания по магазинам, гостям, театрам и наконец бесконечное перелистывание книг; устаю, и сплю крепко. Сегодня в Кам[ерном] театре на «Сирано де Бержераке», только испортил себе воспоминание о чудесных часах, когда читал Сирано там – в Кельцах. Нелепая игра, нелепые купюры и в результате вместо прелестного остро-сентиментального Сирано что-то безвкусное и нелепое.

24 янв[аря], Москва

Сию дома, вдоволь кушаю и пишу статью для И.Е. об Ареццо¹; tempi passati*, приходится переставлять себя на точку зрения двух лет назад, и дело подвигается туго.

Но, Господи! Как я, однако, приспосаблиюсь. Дома я себя чувствую «как дома» и совершенно забыл о своих странствованиях. Но скоро ведь опять «туда».

25 янв[аря], Москва

Окаменелость чувств и мыслей, постоянное и роковое «nil admirari»*. Война ли в этом виновата, или, наоборот, война приучила к излишней сентиментальности, отсутствие которой здесь и удивляет – chi lo sa²? Пишу «Ареццо», был на «Пиковой Даме».

26 янв[аря], Москва

Вечером у Мартьяныча, с физиками. Костя Леонтьев, Ржевкин, Сиротин etc. Милая компания, и пахло старым, старым, хорошим. Посплетничали, пофилософствовали, и хочется сейчас за работу, за физику. Война, скитания [–] все расплывается, затуманивается. Днем сидел над «Ареццо» и хандрил.

27 янв[аря], Москва

Искусство жизни в том, чтобы, думая, что живешь для себя – жить для других, или наоборот, живя как будто для других, жить только для себя. Изолироваться нельзя. Исход тогда один – смерть, и самая ужасная – избавительница. Жить нужно так, чтобы умирать было легко, но чтобы перед смертью можно было прошептать:

«Feci quod potui...»*

Сейчас ведь важные минуты моей жизни. Кажется, все так, ничего, nil admirari, но надо выкинуть рыбу на сушу, чтобы она узнала, что такое вода,

* Сладкое ничегонеделание (ит.).

* Прошедшие времена, прошлое (ит.).

* Ничему не удивляться (лат.).

²* Кто это знает? (ит.).

* Feci quod potui – Я сделал [все], что смог (лат.).

надо опять попасть «туда» и тогда все прояснится и появится желанное «*admirari*»^{2*}. Я сейчас стараюсь наметить рельсы, по которым надо покатиться после войны. Трудно, обстановка печальная и иногда проскальзывает даже отчаянная мысль остаться на военной службе. Хожу, нащупываю. Был у Лазарева – больной человек, в Мертвом переулке¹. Опять попал в «*dump[f]es Mauerloch*»^{3*}, но там хорошо, и стариной пахнет и милое вспоминается. Рельсы мои – физика. Вот оно настоящее и «для себя» и «для других» и смерть не страшна.

Смирились вы, моей весны
Высокопарные мечтанья²

Я мечтаю теперь только о «*modus vivendi*»^{4*}, тихом и мирном. Москва не так уж плоха, правда, *en grand*^{5*} сейчас это «жулики и филантропы», но есть ведь старые, заплесневелые антикварианты, московский звон, Мертвый переулок.

28 янв[аря], Москва

С И.Е. 1½ г[ода] не видались, а при встрече такая скука, словно вчера разошлись. Таким манером погубил сегодня вечер.

29 янв[аря], Москва

Целый день сижу дома, дней через 6 надо уезжать. Не то что ехать не хочется, но как-то грустно. Дома ведь печаль, об этом не говорят, но смертельная грусть, на кладбище похоже, я хотя немного оживил. И вот теперь жалко мать, опять все замолчит, потухнет.

Читаю, просматриваю старые журналы и готовлюсь уезжать.

30 янв[аря], Москва

Вечная, старая, московская история: Лазарев, коллоквиум, на котором докладывал разудалую статью *Debiegne*'а о механизме радиоакт[ивных] процессов, ресторан «Ампир», а потом извозчик, демонстрирующий, как ездят «по таксе», как «без таксы».

^{2*} Удивляться (*лат.*).

^{3*} См. подстрочное примеч. к записи от 10 июня 1915 г.

^{4*} Образ жизни (*лат.*).

^{5*} В основном (*исп.*).

31 янв[аря], Москва

В Москве все затаилось, тихо и молчит. Ждут весны. Будет победа – будет дикий восторг, поражение – отчаяние и наверное дикий московский мятеж. Начинаю к Москве привыкать, хотя бы пора уже отвыкать, потому, что 4-го или 5-го – уеду.

Фотографирую, А.А. Темерин, воскресенье, блины, а вечером у Р.В. Смита. Философствовали.

1 февраля, Москва

Шатаюсь по книжникам, да фотографирую и все больше начинаю чувствовать грусть нашего пресненского дома.

2 февраля, Москва

Война, наука, *modus vivendi*. Все одно – как бы забыть смерть, все равно «смертию смерть поправ», но забыть. Мне сейчас стала понятна вся пустота и обман этого туманного облака. Смотрю на мать, с которой вот через день, два опять расстанусь, и Бог знает насколько, она – одно важное и дорогое в жизни. Жаль ее жалости, и не столько жалко Лиды, сколько ее, на нее эта смерть упала всей тяжестью. И для нее в жизни только наша жизнь и смерть. И опять то же, грустно в доме, бродит мама одна, как тень, и без меня тут станет еще пустынее, еще грустнее. Просиживаю дни дома и готовлюсь уезжать. А там – чужие люди, чужое дело и опять непроницаемая оболочка.

3 февраля, Москва

Сейчас ночью узнали, что взят Эрзерум. После Перемышля это первая очевидно-радостная военная минута.

Уезжать собираюсь 5-го. Сегодня ездил к Н.Е. Усп[енскому] в Комм[ерческий] Институт, а вечером тут было целое трио поповичей. Хают Лазарева, и мне *malgre moi** пришлось выступать адвокатом. Грызня и сплетня – *modus vivendi* московских физиков, работают мало, зато грызутся как волкодавы. Избави Боже от такого *modus*'а. Придется бежать, вероятно, в Англию.

5 февраля, Москва

Часа через 2 уезжаю и почти доволен. Москва сейчас – город филантропов, жуликов, скептиков и восторженных профанов. Если уж нельзя работать, то лучше туда. Жаль, конечно, дома.

6 февраля, Минск

Где же истина? Приехал сюда и чувствую себя до того противно, и до того жаль Москвы, что это вчерашнее «довольство» при отъезде кажется преступлением. Может быть, это было бы иначе, если бы не этот гнилой в.д.о. Почерневшие физиономии писарей, делопроизводителей etc., все ловчатся, в приказах только отпуска. Скверное, беспросветное болото. Сейчас одно страс[т]-ное желание – скорее, скорее выбраться отсюда, в более культурную, свою среду, хотя бы в тот же 25 с[аперный] б[атальон]. Но ничего не могу придумать. Бумажные оковы, и отсутствие малейшего нахальства с моей стороны. Вечером пил чай у казначея. На дворе пурга. Завтра, вероятно, уеду в роту.

* Невольно, помимо воли (*фр.*).

9 февраля, г[осподский] д[вор] Савичи

*Nil admirari** – двустороннее. И здесь я оказался совершенно дома и словно Москвы не было. Опять ношусь на кобыле, опять гать, мосты, etc. и здесь не совсем то настроение, что там в Минске, нет «гниения», довольно весело, работа и люди живые. Ш[иховский], кажется, ушел, женится, переходит в ж[елезно-]д[орожный] батальон etc., и его сейчас нет. Остался Коржевиновский и, конечно, маленький кавардачок. Появился тут и новый дикой и совсем молодой прап[орщик] Гребенников – казак. Сестры, пани Янины, Фалькевич наездом с его почти простительным нахальством. Дебоширим и весело. Конечно, в сущности, грустно. Поражение и «тут», и «там», не годен никуда и поневоле вопрос, что же делать? Хочется перемены, удара, свежего воздуха, или даже катастрофы.

Тихо, немцы не стреляют и только светят.

Не жаль ни Москвы и ничего, оледенел и жизнь не хуже и не лучше смерти. Бога нужно.

11 февраля, г[осподский] д[вор] Савичи

Живем весело и без Ш[иховского] свободно. Мороз, ясное небо, аэропланы. Играем в «лошадки», шахматы. Вечером что-то вроде флирта с сестрами. Нескучно во всяком случае. Конечно, нет уверенности и определенности и в глубине души отчаяние во многом и почти во всем, но веселюсь и узнаю в себе новое. А жизнь здесь простая, смешная, забористая, и совсем не московская тянучка.

Пока почти ничего не читаю.

12 февраля, г[осподский] д[вор] Савичи

Вьюга. До работы у ф[ольварка] Чернихово отсюда верст 10. Катаем туда на санях. Работа, Бог ее знает, может быть, и нужная, а может быть, и обычное *pour le Roi de Prusse**, гать через болото, мосты и т.д. Большею частью дома, в Савичах. Хотя Ш[иховского] нет, но канцел[ярский] кавардак прежний. Всякие переписки растут, как снежные комы, и времени спокойно-свободного нет. Конечно, «либерализм». Впрочем, не знаю, нужна ли эта спокойная свобода или свободный покой. Я сейчас, пожалуй, больше живу, чем смотрю, и в этом существенная разница от «домосковского» периода.

13 февраля, г[осподский] д[вор] Савичи

На работе, расплата с мужиками, раздача жалования, а вечером *chemin de fer* с пани Яниной и Фалькевичем. – Вот и весь день. Ветер и не поймешь холодно, или тепло, снег тает, а замерзаешь до *nes plus ultra**. Кажется, что в недалеком будущем отсюда придется уйти. Говорят, что на 15[-ое] немцы готовят наступление, что мы добровольно на узк[ом] участке 1-й дивизии отойдем на след[ующую] позицию etc. Все-таки временами вспоминаешь, что все это – т.е. наша *vita rusticana*^{2*} свежая и шальная – не быт, а событие.

* Ничему не следует удивляться (*лат.*).

* Ради Прусского короля (*фр.*) – устойчивое выражение, означающее «даром», «неизвестно зачем».

* Дальше некуда; крайний, высший предел (*лат.*).

^{2*} Сельская жизнь (*лат.*).

Ходят слухи, что командир гренад[ерского] корпуса будет В[еликий] К[нязь] Михаил Александрович.

А в общем, в сравнении с Москвой недурно и, пожалуй, мы счастливые люди.

14 февраля, г[осподский] д[вор] Савичи

После Москвы мне стало понятно, что наша жизнь здесь – почти счастье. «Несть ни печаль, ни воздыхание». Снег, свежесть, дурачества, сестры, всякие «Задвейские олегии» и басни «О шишке в постели» и даже канцелярщина, граммофон в телефоне – все так наивно и весело, что и умирать легко. Правда, исчезла Москва, как надежда и прибежище, и будущее с П.П. [Лазаревым], Успенским etc. совсем не лучезарно, но Бог знает, что еще будет. А пока война, для нас не страшная, а только быт.

Возвращаемся от сестер, на горизонте, как зимние молнии, ежеминутно вспыхивают немецкие ракеты, ветер – и ни о чем не думаешь.

15 февраля, г[осподский] д[вор] Савичи

Немного скучновато. На работу сегодня не ездил. Читал статьи Лебедева и Barnetta о намагничивании вращением, собираюсь писать обзор. Три часа тянули одну партию с Гребенниковым в шахматы – результат – пат. Г[ребенников] совсем «enfant»^{*} и нуждается еще в папаше. Казак, чудак. Вечером, после всякого бумагомарания – конечно у сестер. Тишина. Шныряют по горизонту прожекторы, небо битком набито звездами. По телефону слышал, что приехал Шилов и везет завтра в очередной полк камеры с удушливыми газами. Впрочем, думаю, все это игрушки. А все-таки хорошо бы сейчас в батальон, поехал бы почти как домой.

16 февраля, г[осподский] д[вор] Савичи

Целый день смотрел на небо. День сияющий, морозный и ветреный. С раннего утра на небе немцы, которых встречают по-богатому и щедро угощают. За каждым тянется цепочка белых шрапнельных барашков, стреляют очередями и несколькими батареями сразу, бедный немец поворачивает во-свояси. А ночью столько звезд и так они блестящи, что по телу мурашки от восторга бегают. Но это не все. Пошли сегодня в 9 ч[асу] в[ечера] по обыкновению к сестрам, дорога идет высоко и хорошо виден весь западный горизонт. На с[еверо]-з[ападе] заметили поразительно яркую звезду красноватого цвета, низко над горизонтом. Звезда была так ярка, что ясно отражалась на снегу, и такой странной яркости я еще никогда не видал. Сестер не нашли, остался только уполномоченный барон Пурвитц (или что-то в этом роде), славный полустаричок. Пошли с ним смотреть звезду. Ахает. Я высказываю предположение, что это Венера или Марс, но едва ли так, наверное, очередной немецкий фокус. Смотрели минут десять, звезда начала как будто гаснуть, уменьшаться, вокруг нее (книзу) разлилось белое бледное широкое сияние и она скрылась. Нашло облако? Надо бы посмотреть в астрон[омический] календарь. Странна только эта сверхъестественная яркость и то, что звезда прямо с немецкой стороны, там, где ежеминутно вспыхивают их ракеты.

^{*} Младенец (*фр.*).

Пошли к уполномоченному и часа 2 толковали о знаменях небесных, о том как хорошо бы инсценировать перед немцами какое-нибудь «знамение» и подействовать на оста[т]ки немецкой Abergläubigkeit*.

На земле интересного немного, куда-то ушел 25 корп[ус], и вся армия, кажется, передвигается куда-то на север.

18 февраля, г[осподский] д[вор] Савичи

День вчера такой же солнечный, ветренный и морозный. На небесах обычная охота за аэропланами. На работу приехал ген[ерал] Томиловский*, которому я и втирал очки. Вечером устроили блины, были сестры и т.д. Пили какой-то денатур. коньяк, от которого сегодня настоящий Katzenjammer^{2*}. Вечером немцы открыли страшную пальбу, на небе яркие отблески, разрывы шрапнелей, грохот, кончилось, кажется, ничем. Вышел настоящий «пир во время чумы». Сегодня сию дома.

19 февраля, г[осподский] д[ом] Савичи

С 9 до 4[-х] на работе. Томиловский напугал, а потому дежурим. Начинает тянуть весной и того гляди завтра оттепель. Хотя февраль в самом деле вышел Luty*. От 4[-х] до 10 – бумажки, отчеты и т.д., а в промежутки шахматы. Вот и все.

22 февраля, г[осподский] д[вор] Савичи

После Москвы я, кажется, вернулся другим человеком. Куда-то улетела «созерцательность», я больше стал «жить», т.е. в конце концов убивать время. «Жизнь» – совсем малоценна, по крайней мере, для самого себя, просто адская машина, до взрыва спокойно отсчитывающая минуты и секунды, а затем сразу разлетающаяся. От машины может случиться вред, а может и не случиться. Москва во многом разубедила и разочаровала, а главное, в себе самом и других – в этом и причина перемены.

Сегодня чистый понедельник, а вчера и позавчера мы справляли масленицу, 20-го пошли на блины к сестрам, вернее, не пошли, а поехали, так как теперь они живут в 2-х в[ерстах] на г[осподском] д[воре] Задвья. Старый деревенский дом, типично помещичий, с белыми колонами, с креслами и столами красного дерева, с красивыми, но кривыми зеркалами, камином. Помещик – Чечот. Дед его был другом Мицкевича, и в этом доме он* бывал и, вероятно, сживал на тех же креслах, на которых мы пьянствовали 20-го. Пили так, что я ничего не помню. Были там и вчера, но уже без возлияний. Дома целый день коловращение. Вчера 7 ч[асов] на работе. Тепло, но немного морозно. Накануне оттепели и весны. Бумагомарание, шахматы, нахал Фалькевич, и в результате ни одной спокойной минуты. На фронте пошевеливаются и немцы, и наши. Мы здесь сидим в довольно неприятном местном мешке и при нем[ецкой] энергии может всякое случиться.

Сегодня – дома. Утром ходили пострелять из револьверов. Тихо, чуть морозит, на воле хорошо.

* Суеверность (нем.).

* Здесь и везде далее до 1 марта С.И. Вавилов ошибочно пишет «Томяловский».

²* Похмелье (нем.).

* Февраль (польск.), звучит как «лютый».

* Слово «он» вписано над строкой.

23 февраля, г[осподский] д[вор] Савичи

Ночь сегодня странная и торжественная. Тишь такая, что малейший звук кажется резким и громким. Молодая, еще худенькая луна и ни следа ветра. Немецкие ракеты блекнут в бледной, прозрачной синеве звездного неба, пулеметная и ружейная стрельба странно отчетливы. Вышли прогуляться из душной натопленной комнаты.

Днем, как всегда. На работе. Томиловский. Шахматы. Канцелярская трескотня. Приниматься за физику, или нет, угрызений совести пока не чувствую.

24 февраля, г[осподский] д[вор] Савичи

Провел день дома. В комнате тесно и душно, а потому болит голова и заняться ничем нельзя. Брался за физику, читал Witte и пробовал переводить свою немецкую работу – толку мало. Читаю Quo Vadis¹ в итальянском переводе. Скверно что что-то а la Семирадский и Бакалович. Потом, конечно, шахматы, а вечером неизбежные сестры, порядком надоевшие.

Видимо, скоро предстоит спору уйти из гренадерского корпуса, опять в тыл, на Неман, строить мост и Савичам – крышка. Уйдем вовремя.

Слежу за собой. Да, созерцание есть, но творчества нет, и похож я на ту же адскую машину, которую вечно набивают порохом, но которой никогда не суждено взорваться.

25 февраля, г[осподский] д[вор] Савичи

Часов пять на работе. Ветер, дорога десять верст. А сюда приехал[:] коллеги в меланхолии, а я наоборот. Диссонанс. Вечером у сестер. Уходить отсюда, кажется, придется.

26 февраля, г[осподский] д[вор] Савичи

Вся жизнь в тумане и никогда не суждено увидеть самого себя и все ясно. Знать и не верить, знать и верить, не знать и верить, не знать и не верить – вот они умозрительные человеческие комбинации, и какую из них выбирать? Может быть, знание – нелепая вера, а вера – инстинктивное истинное знание, симптом существования: «Credo ergo sum²», но знание – прелестная игра (или не знание, а познавание), а человеку только и осталось одно – играть. Животные и отчасти мужики живут и, конечно, верят, уже потому, что живут, ну а мы – alli^{2*} – играем. Творчество – игра. Но кроме творчества и жизни есть еще – созерцание. Первые активны, второе – пассивно an und für sich^{3*}, это нирвана полная, более страшная, чем смерть, отрицание себя самого, solo ipsum non sum^{4*}. Мне, кажется, не дано ни то, ни другое, ни третье, мечусь в треугольнике и ищу положение равновесия. Где этот центр тяжести, chi lo sa^{5*}, и я его едва ли найду. Благодарю Бога за

* Куда идешь? (лат.). Также: Камо грядеши? (Название романа Г. Сенкевича).

* Верю, следовательно, существую (лат.).

2* Другие (ит.).

3* В себе и для себя (нем.).

4* Небытие себя самого (лат.).

5* Кто это знает? (ит.).

войну, она дала рамки, и нет того смятенного движения, как там в Москве. Правда, нет уверенности в серьезности ни одного шага. Но шаги все-таки делаются.

Утром сегодня часа 2 на работе, проветрился, и голова довольно свежая. Сейчас мои «соратники» – спят, потому я и расфилософствовался.

Ночью уеду, вероятно, в Минск. О нас сейчас спорят корпус и армия, уходить в Николаевщину^{6*}, или нет.

27 февраля, Минск*

Минские впечатления? Никаких, или, вернее, все то же. Город тылового обжорства и ловчильства, совсем московского типа, грубый и без тени хотя бы келецкой поэзии, что-то мошенническое, взяточное. Одиссея из Савичей – сюда обыкновенная^{2*}. Встал в 8 ч[асов] утра, в Минск приехал во 2-м ч[асу] дня. В поезде болящие полковни[ки], нач[альник] шт[аба] 2-го кав. корпуса – дюша мой, какие-то^{3*} не то сестры, не то минские «дамы». Часа 3 околачивался в канцелярии, зашел в инж[енерную] часть – в Николаевщину уйдем бесповоротно. На вокзале душ пять из 25-го батальона, Теснер^{4*}, Ивашкевич etc. «Хоть видит око, да зуб неймет». Пост, кинематографы закрыты. Зашел в кофей[н]ю и вернулся в «ночлежку».

28 февраля, г. Минск

В канцелярии. По еврейским* магазинам и ни одного живого слова. Вечером уеду.

29 февраля, г[осподский] д[вор] Савичи

Послезавтра уходим. На квартиру шатаются всякие санитары, желающие занять наше место. Прощаемся с сестрами и всем здешним обществом. Кстати, и фактически, и по календарю начинается весна, пора подвести черту под периодом и переменить место. Целый день толкотня, приехал в 11-м часу утра и до сих пор голова полна поездным угаром.

1 марта, г[осподский] д[вор] Савичи

Утром ликвид[ир]овали здешние дела. В комнате толчея невероятная. Помещики, адвокат, староста, понятия, контролеры, писаря, какие-то доктора, ищущие квартирки, и т.д. Завтра собирались идти окончательно и бесповоротно. Но старая история, к обеду позвонил Томиловский – армией приказано оставаться до окончания работ. С одной стороны – приятно[,] «привычка свыше нам дана, замена счастья она»¹, с другой [-] и надоело тут.

^{6*} Здесь и везде далее до 16 марта С.И. Вавилов пишет «Николаевщина».

* Слово «Минск» вписано поверх зачеркнутого «г.д. Савичи».

^{2*} Так у Вавилова.

^{3*} Далее зачеркнуто начало слова «сест».

^{4*} Фамилия расшифрована неуверенно.

¹ Начало слова «еврей» написано позже чернилами другого цвета поверх начала слова «жидовским».

Вечером пошли к Вендорфу на quasi*-прощальный вечер. В доме у него кавардак, все сложено и начеку. Пили какую-то вонючую и крепкую (нрзб.), играли в chemin de fer^{2*}, делали кораблики из пятирублевков.

Март начался по-весеннему – оттепель.

Настроение скверное и какое-то кавардачное.

На фронте тихо, но идет значительное передвижение сил на север.

2 марта, г[осподский] д[вор] Савичи

Ищу опять покоя и медлительной мечтательности. Но легче верблюду и т.д., чем сделать это сейчас, неугомонная детская мельница Коржениовского, всякие паны Скалясинские и Вендорфы, шахматы, наконец, невозможная теснота комнатенки. В конце концов, порядочные будни. До 3-х часов был на работе, кобыла капризничает, пугается и портит кровь мне и себе. Здесь обычный канцелярский кавардак, а вечером к сестрам. Их три, две Бальзаковского возраста, а третья Анна Петровна – на пороге старой девы. Сегодня – взволнованы. Предупредили, что может быть баталия, что нужно быть на чеку – переполошились. Физиономии занятые и наивно серьезные, словно у пригостишки на первом уроке.

3 марта, г[осподский] д[вор] Савичи

О делах военных у нас здесь говорить не принято, не бонтонно, если говорят, то только местные сплетни и новости, и не знаю, хорошо это, или плохо. В конце концов, каждый знает суть и цель армейской машины, примирился с ролью винтика или гайки – в результате, пожалуй, вечные будни, но зато хладнокровие и покой душевный. Едешь на работу по гнилому весеннему снегу, скачет казак галопом, тянутся какие-то роты, лениво ходит патруль, крестьяне вывозят на поля навоз. Будни. И кто же в конце концов знает пафос и метафизику войны. Пишу, кажется, накануне конца этих буден. Впереди «иль скорбь великая, или великий праздник». Началось какое-то движение, одни уходят, другие приходят и поскорее бы финал. Нет ни того, ни другого, ни войны, ни себя самого.

4 марта, г[осподский] д[вор] Савичи

Весна началась. Появились жаворонки, хотя иногда дует очень скверный и холодный северный ветер. Весна, конечно, минская, медленная, болотная. По дорогам ни верхом, ни пешком, ни на колесах, ни на санях не проедешь. Желтый мокрый снег проваливается, как каша, под лошадью, и каждую минуту боишься сломать себе шею. Но в воздухе уже вполне ясная острота и свежесть весны. Пост, солдаты говеют. Совсем весна. Ходят слухи, не нынче завтра готовится наступление в районе Барановичей. В чаянии будущих триумфов заготовили сарай для пленных, а командиру дружинной роты прислали раскладку довольствия [для] пленных. Пожалуй, не к добру.

Вернулся сейчас с работ и сажу, слава Богу, один. Погромахивают пушки, пицит телефон, читаю конфетный «Quo vadis»*.

* Как бы (лат.).

^{2*} «Железка» (карточная игра) (фр.).

* Куда идешь? (лат.). Также: Камо грядеши? (Название романа Г. Сенкевича).

5 марта, г[осподский] д[вор] Савичи

Кроме весны писать, пожалуй, не о чем. Объехал сейчас работы. Наши две гати, у Чернихова и у Савичей единственно сухие места во всем районе, чистенькие, желтые, смотрят совсем по-праздничному, а на свежем весеннем «благорастворении воздушных» создается прямо пасхальное впечатление. Никаких событий нет, но очевидный канун чувствуется:

Cicho wszędzie, smutno wszędzie,
Co to będzie, co to będzie?*

Ощущение, как перед интересным спекта[к]лем, но не более. Все давно со всем примирились. Отчаяния не будет, безусловно, сейчас есть пессимисты и оптимисты, но нет отчаявшихся и энтузиастов.

Вчера к вечеру находился в ужасно скептической прострации. На все положительно наплевать и сам не знаю почему. С тем и улегся спать. Сегодня настроен бодро, хочется за физику приняться.

6 марта, г[осподский] д[вор] Савичи

На работу не ездил. Есть тут очень поэтическое местечко, Задвеевское кладбище, недалеко от церкви на высоком, крутом, круглом холме, заросшем можжевельником, корявыми соснами и жесткой травой, серые камни, позеленевшие деревянные кресты и весенняя тишина. Утром прошел туда, помечтал. Ну и больше за день, кажется, ничего. Толкотня и шум и в конце концов угрызения совести за невинно убиенное время. Вечером у сестер. Скука зеленая. На 3 сестры 4 уполномоченных и все экзотические. Ходят слухи об успехах под Молодечно, о прорыве немецкого фронта.

7 марта, г[осподский] д[вор] Савичи

Утром получили предписание 10-го выступить в Николаевщину. Который это раз по счету повторяется то же представление – потеряли уже счет, на этот раз тоже не совсем уверены, что уйдем. Ездил на работу, проскакал верст 30. Все течет и везде грязь по колено. Пасмурно, хотя к вечеру в первый раз за неделю прояснилось. Когда же, однако, начнут? Словно сидишь в зрительном зале и зеваешь, ожидая начала все откладываемого представления. А все-таки хороша эта *vita rusticana** и сейчас как-то *malgre moi*^{2*} обзываешь «Москву» – *verfluchtes, dumpfes Mauerloch*^{3*}. Весна, ничего не поделаешь, весной все люди немножко иные.

Вечером одолела тоска и духота, пошли на кладбище и просидели на могилах с получаса. Пора квартиру менять. Бродяги мы.

Г[осподский] д[вор] Савичи, 8 марта

Дома. Опять на кладбище и опять Задвеевская церковь. Здешняя *α* и *ω* прогулок. Пушки сегодня гремят часто и громко, не знаю почему. Настроение нудное и безразличное.

* «Тихо всюду, смутно всюду, / Что-то будет, что-то будет?» (*польск.*) – неточно процитированные строки из поэмы А. Мицкевича «Дядя»: «Ciemno wszędzie, głucho wszędzie, / Co to będzie, co to będzie?»: «Темно всюду, глухо всюду. / Что-то будет, что-то будет!»

* Сельская жизнь (*лат.*).

^{2*} Невольно, помимо воли (*фр.*).

^{3*} См. подстрочное примеч. к записи от 10 июня 1915 г.

Вечером ездили, может быть, прощаться с сестрами. В Задвеевском доме сцена, приехал какой-то 6-й отряд, куча братьев и сестер довольно неприличного вида, «бандырша с лахудрами», как их живо окрестили. Со старыми знакомыми простились хорошо. Чувствуется, что уйти отсюда нам не миновать. Едем от сестер и поем самодельный романс:

«Вот церковь дряхлая Задвее,
О путник лоб перекрести
В поповском доме жили феи
Ты вспомни это и взгрустни».

Г[осподский] д[вор] Савичи, 9 марта

Очень неприятный водевиль. Уезжать изготовились совершенно и в результате задержаны по меньшей мере на завтрашний день. Напала такая тоска и так это нервнует, что в результате написал письмо какому-то кап[итану] Михневичу, прошу о переводе в искровую роту. К довершению невероятно мерзкая погода, дождь целый день и дороги размякли на 1½ аршина. Вот и весь день.

Г[осподский] д[вор] Савичи, 10 марта

Сегодня ни с того, ни с сего подморозило и над всюю минской грязью протянулась твердая корка. До сих пор не решили, уйдем или нет.

Уходим, и, кажется, бесповоротно. Конец «савичевскому» сидению. И так, в коллекцию мест оседлости, кроме Москвы и Келец, прибавились Савичи. За эти три месяца, я больше «жил», чем «смотрел», и в этом вся прелесть Савичей. Это типичное минское полупольское, жуликоватое, «гоголевское» гнездо. Минувшее проходит предо мною... Вендорф, Помирский, Скалясинский, Пуделевич e tutti quanti*.

Вечером на полчаса у сестер. Уходим завтра утром.

* И все другие (*ит.*).

Деревня| Малявщина, 11 марта

Завершен круг: Малявщина, Замирье, Крутой Берег, Росош, Савичи, Малявщина и завтра наконец выходим за периферию этого заколдованного «гренадерского» круга. *Vita nuova* *.

Вышли спокойно и с достоинством, распростостились^{2*} со всякого рода панами (о них я мало писал, но *de facto*^{3*} за три месяца узнал их доподлинно). В Малявщину пришли в 3 часа, половину дороги пешком – холодно. Прогулялись в Замирье. Чего-то сейчас тут нет – сплошной вокзал, бараки, столовые, интендантские склады. Истратили с сотню рублей в оф[ицерской] экон. лавке, побродили по грязи и вернулись в халупу. Хозяин – бобыль, рыболов. Устал страшно и в 9 ч[асов] собираюсь спать.

д[еревня] Шахновщина*, 13 марта

Два очень сумбурных дня. Вчера – день моего рождения. Вышли из Малявщины утром в сырой туман, но все-таки светло и тепло и еле-еле просвечивает «в тумане спрятанное солнце»¹. Очутились в глубок[ом] тылу, деревни без солдат, выбегают толпы баб и девок самого блудливого вида. Прошли по большому тракту к Н[овому] Свержню. Часам к 3-м подошли к Неману. Куча деревень, сплошь населенных австрийцами, работающими на окопах. Прояснело, загудели авиаторы, и было страшновато, когда он вертелся над нашей длинной колонной.

В Николаевщину пройти и думать нечего. Все залито, мост начат с той стороны и сделан только на треть. Разместились в трех деревнях Могилён, Нечелотов^{2*} и Шахновщине, как раз напротив Николаевщины. Часов в 5 решили все-таки с К[оржениовским] идти в Н[иколаевщину] к Черни – иначе неизвестно что делать. Путешествие в стиле Майн-Рида и Эмара. Залито все, гаи, мосты, болото, идут пинские² вешние воды, катят льдины, вода всюду выше колен. В плащах с шестами пошли – идти с версту, под ногами выскальзывает основной, вздувающийся, лопающийся лед. Дождь, ветер. Какой-то прапорщик в повозке рискнул было проехаться, завяз по пояс. Но добрались до Николаевщины к Черни. Там и ночевали. У Черни, конечно, вечный кавардак. Сегодня утром вернулись к пена[та]м через Н[овый] Свержень. День блестящий, весна горит и сверкает, а над Столбцами ад. Летают 2 или 3 аэроплана и методично зашвыривают бомбами. Тут и там подымаются черные и противные бело-зеленые фонтаны взрывов. У нас тут покойно. Вечером опять по колено в воде, работа поистине ужасная и, кажется, невыполнимая. Поселились в чистой, польской халупе. Устал.

д[еревня] Шахновщина, 14 марта

Сыро, как в бане. Целый день на реке. Работа не клеится. Моросит дождь, над рекой густой серый туман.

Дома читаю *Lodge*'а и через силу болтаю с К[оржениовским].

* Новая жизнь (*ит.*).

^{2*} В тексте «распростостились».

^{3*} На деле, фактически (*лат.*).

* В записи от 13 марта С.И. Вавилов пишет «Шахновщизна».

^{2*} Названия «Могилён» и «Нечелотов» расшифрованы неуверенно, эти деревни на современных картах отсутствуют.

Наводим комфорт. Повесили карт самых разнообразных масштабов, от одноверстки до стоверстки. По комнате шныряет собачонка с колокольчиком на шее.

Скверно то, что никаких перспектив и надежд, удовлетворенности ищешь в настоящем, а оно безысходно скучное.

На фронте с 5 марта началось широко прокламированное наступление на север, но пока не слышно ничего.

Шахновщина, 15 марта

Первый классически весенний день. Неман, как бирюза, и красивее неба. Тепло, пора скидывать шинель. Над Столбцами авиаторы без числа. Физиономии сияющие, даже у собак и петухов. На работе весело и занято. Только вот дома плохо. К[оржениовский] не умеет иначе убивать время, как разговорами, и мне от этого худо. Время свободное, собственно, есть, но его убивает К[оржениовский] (не я!). Читаю Lodge'а и занимаюсь физическими фантазиями.

Хозяин рассказывает занятную историю, как 12-го сшибли нем[ецкий] аэроплан под Миром. Мужики взяли в плен немца и австрияка с аппаратом, накормили их яйцами и салом, а потом на повозке отвезли к коменданту.

Шахновщина, 16 марта

Утром на плоту переплыли в Николаевщину, где и болтались часов до 4-х. Черни щеголяет в синей венгерке, играет в шахматы и никак не может ни о чем стовориться. На нашем берегу забивают сваи по колена в грязи. Неманское безобразие начинается, кажется, ликвидироваться и вода спадает.

Пробую читать Ньютона и нужно бы приступать со страхом Божиим. Здесь завязаны все начала и концы физики. Надо подумать о «силах».

Не везет мне на компаньонов.

17 марта, д[еревня] Шахновщина

Дни чудесные, а на душе бледно, и все проходит мимо безразлично. Есть три хорошие вещи на белом свете: 1) быть одному, покойным, с книгами и карандашом, 2) смотреть молча на мир (тоже Einsamkeit*), 3) жизнь крутящаяся,

* Одиночество, уединение (нем.).

разнообразная, где и ты действующее лицо. Сейчас ни того, ни другого, ни третьего. Мешает К[оржениовский], да и вообще я, кажется, не выношу дуэтов. Трое и больше – это терпимо, но *zu zwei*^{2*} – невыносимо.

Утром туман, к полудню проясняется, а потом тепло, и все смотрит по-летнему, над болотом тянут[ся] гуси и производят безукоризненные перестроения. Работа идет довольно успешно.

Читаю Ньютона и играю в шахматы.

д[ережня] Шахновщина, 18 марта

Война как будто асимптотически сама по себе приближается к миру и возможно, что через 4–5 месяцев – *finis*^{*} и, наверное, будет страшно жалко войны. Правда [–] смерть, но зато жизнь в сотню раз интересней. Не видать такой весны среди рек, в уютных деревеньках, похожих на Берендеевки¹, где сейчас, кажется, все, начиная от гнилого пня и забора и кончая петухами, поет гимн Яриле. Краски еще чахлые и грязные, ярко только небо, да Неман. Но ведь Великая Суббота всегда лучше Пасхи, а Сочельник Рождества, да и вообще лучше жить «накануне» – весной или осенью.

Ньютон закован в броню слов «сила» и «масса» – а расковать необходимо, иначе шага не ступишь. Ночью и философствую над Ньютоном, а выйдешь на крыльцо, на небе живые *Principia*^{2*}, уже совсем достоверные, но еще более загадочные.

Безмолвной тайной мир сжимая,
Сине-серебряная ночь,
Склонясь, как мать глухонемая
Чему-то учит землю-дочь.
И смотрит дочь^{3*}, не понимая.

д[ережня] Шахновщина, 19 марта

Целый день странствований. Поехали утром в нашем ландо в Столбцы закупать всякую ерунду в эк. оф[ицерской] лавке. Надеялись на *partie de plaisir*^{*}, а вышла отчаянная гадость. Дорога под Столбцами у моста сейчас кисель аршин глубиной, лошади чуть не стонут, пешком еще страшнее. Назад поехали через Акинчицы и Николаевщину, опять через Неман, на плоту. Вернулись в 6 ч[асов] в[ечера]. Получил письмо от кап[итана] Михневича, завтра посылаю докладную записку. Ночью должен приехать Шиховский, ликвидировать тут свои дела. Через Столбцы куда-то передвигается 9 корпус и портит дорогу. Ветрено и холодно.

д[ережня] Шахновщина, 21 марта

Вчерашние именины мои прошли скучно, главным образом, кажется, потому, что приехал Ш[иховский]. Опять потянуло канцелярией, карьеризмом и пр. Приезжал Черни с Шварцем, пили, ели, играли в шахматы и надоели

^{2*} Вдвоем (*нем.*).

^{*} Конец, окончание (*лат.*).

^{2*} Основные, фундаментальные принципы (*лат.*).

^{3*} Слово «дочь» написано поверх зачеркнутого «та».

^{*} Увеселительная прогулка (*фр.*).

друг другу. Именины справляла только весна да играющее солнце. Становится безысходно тоскливо, не ждешь ничего нового, волнующего. Впереди и сзади скука. Ни личной, ни чужой пертурбации. Как будто все хорошо, работа сейчас веселая, весна во всю, а *taedium vitae**. Сiju сейчас tête a tête^{2*} с Ш[иховским], тоска прямо раздирает.

д[ережня] Шахновщина, 22 марта*

Modus vivendi здесь установился. По утрам густой, блестящий, теплый туман, из-за которого проглядывает солнце. Иду часов в 10 на работу. Впереди хозяйская дворняжка, задрав хвост спиралью, бежит мягкой лисьей иноходью, гоняется за петухами, кошками, атакует идиоток свиней. На работе толчея, 4 копра, но дело спорится. Часам к 11 туман тает, становится жарко и с неба слышится сначала гудение, а потом взрывы шрапнелей. В 1-м часу дома, часа 3 нелепых разговоров, а потом опять работа и опять разговоры. So geht's^{2*}. Весна, и за то спасибо, и хорошая весна. Иду по песчаному косягу, валяются клочки чьего-то лотерейного билета «военн[ой] лотереи 1914 г.». «Пусть неудачник пла-ачет»¹. Ну-с, а мой лот[ерейный] билет проиграл, выиграл, или лотерея еще не состоялась?

И кто, наконец, тащит билеты, я или кто другой? Впечатление такое, что билет вытаснен, и неудачный. Сидим мы сейчас трое, я, К[оржениовский] и Ш[иховский] и у всех на физиономиях меланхолия.

д[ережня] Шахновщина, 23 марта

Поплыли утром к Черни. У Ч[ерни] обычный кавардак. Толкутся какие-то дружинные офицеры, кон[т]ролер, доктор etc. К вечеру переплавились сюда. Приехали офицеры 3-ей роты. Коньяк... и все собираются уходить из отряда, в том числе и я. В конце концов всем завидно Ш[иховскому] и все останемся. Чепуха и игрушки. Но Бог ее знает – войну, кончится она через два месяца, или через 5 лет? А если так, то надо хотя [бы] немного поволноваться.

д[ережня] Шахновщина, 24 марта

Ш[иховский] сдавал роту. Настроен он, конечно, сентиментально. Работы нет и хотя сегодня только* канун Благовещенья – похоже на праздник. Жарко, скучно, от нечего делать катаемся четверней цугом по деревьям, шахматы, шашки etc. Тут еще доктор, и опять все – даже доктор, собираются переводиться. Чувствую, что не выйдет ничего и что, может быть, все уйдут, а я останусь. Не хватает ни энергии, ни нахальства. Еду «на сей предмет» завтра утром в Минск с Ш[иховским].

Минск, 25 марта

Целый день мотаюсь. Приехал в большой компании: Шиховский, Черни, Шляхтин и т.д. Говорил с Блиновым и, кажется, кое-что в смысле перевода

* Отвращение к жизни (*лат.*).

^{2*} С глазу на глаз (*фр.*).

* Слово «марта» написано вместо зачеркнутого «января».

² Так и идет (*нем.*).

* Слово «только» вписано над строкой.

может удаст[ся], впрочем, не верится. Потом всей компанией ходили по какому-то «девочкам» Зине и Броне, а потом в ресторан. Сейчас в постели философируют о браке.

д[ережня] Шахновщина, 27 марта

Вернулся из Минска сегодня ночью. Позднее видно будет, был ли толк в этой поездке, или нет. С Блиновым говорил серьезно и рапорт о переводе в искровую роту пропущен, *sed non credo quia certum*^{*}. Все эти переводы и прикомандирования требуют ловкости Ляскера и Чигорина, я же дальше медведя не могу. Правда, и результаты этой шахматной ловкости тоже чисто «шахматные», т.е. призрак, сон и пустота. «Всерьез» начнется после войны, а пока для развлечения суетимся, устраиваем призрачные шахи, маты, паты и рокировки.

3 дня – холодно и почти мороз, но весна почему-то чувствуется сильнее. Кажется, возможность «перемены» подействовала. Хорошо из богадельни выйти на свежий воздух. Впрочем, повторяю, *non credo, quia quasi certum*^{2*}.

В Минске простился с Ш[иховским]. *Sub specie militaris*^{3*}, это может быть идеальный офицер, а в личных отношениях он еле выносим. «Богадельня» наша накануне развала, собираются, кажется, забрать даже всех рядовых моложе 35 лет.

Холодно, ярко, трава позеленела, петухи поют. Настроение канунное, пугливо-радостное. Чего-то жаль и чему-то рад.

А главное, конечно – война. Но как разбудить прежнюю инстинктивную торжественность и пафос, давно уже, с самого начала 1915 г., она стала буднями.

Чего же ждать [–] «или скорбь великую, или великий праздник?», а, может быть, все так буднично и сойдет на нет? А ведь это самое вероятное и самое ужасное, куда хуже «великой скорби». Дело не в немцах, не в победе, а в настроении «каждого». Это будет значить «жить не стоит». Лучше большое убийство, чем поголовное «самоубийство».

д[ережня] Шахновщина, 28 марта

Странно люди кругом живут. «Дело», т.е. забивание свай, еда, ведение всяких книг, уборка навоза, etc. и скука, которую разгоняют музыкой и прочим. В конце концов это, пожалуй, счастливые люди, живущие, как камень падает и свечка горит, но мне с ними скучно до тошноты, тянет к книгам, физике, карандашу.

Утром переплыл к Шварцу. Часа 3–4 скуки невыносимой. Вернулись сюда, захватили некоего прап[орщика] Сокольского, высоченного сутулого детину, командира друж. команды, работающей у нас. Какой-то полудиот, полудитя и во всяком случае юродивый. Рисует каких-то казаков и играет на гармонии. Занимаюсь беспров[одным] телеграфом «на всякий случай». Холодно, снег сыпет.

^{*} Но не верю, чтобы это было достоверно (лат.).

^{2*} Не верю, потому что это как бы достоверно (лат.).

^{3*} С точки зрения военной, военных (лат.).

д[ережня] Шахновщина, 29 марта

Интересное сейчас только в природе, а у людей скука зеленая. Я-один* умею не скучать, но дуэтом утопаю. Словно два ненастроенные вибратора друг друга глушат. Кавардак, детские остроты и восторги Корж[ениовского] – выношу это еле-еле. Спасаясь на работе. Мне нужно небо, да я сам.

Минск, 2 апреля

30-го вечером с К[оржениовским] уехали в Минск, на отрядный праздник, остановились у доктора. Праздник, начавшийся довольно умеренно и благообразно, закончился самым пьяным образом. 31 [марта] и 1 апреля прошли в пьяном тумане. Вчера, конечно, мучительнейший Katzenjammer*. Доктор, в пьяном виде поехавший на жеребце, разбился и сейчас лежит в госпитале. Хорошо, что, кажется, все были пьяны, иначе было бы стыдно. Так уж свет устроен. Сегодня, вероятно, уедем. Возвращение из Бедлама. Милее всех и в пьяном, и в трезвом виде – Черни. Я на все это смотрю, как на паузы и интермедии, и уверенно жду серьезного, важного и первостепенного.

д[ережня] Шахновщина, 3 апреля

После минского кутежа рьяно принялся за «дело» и сегодня целый день строчил всякие технические отчеты и журналы работ. Впрочем, вечером пошел на «беседки» в Кнотовщину. Сидят десяток девок и пяток парней и глядят друг на дружку. Весело, словно в немецком вагоне, а самому приходится изображать «знатного барина».

д[ережня] Шахновщина, 5 апреля

Вчера и сегодня лихорадит, валяюсь на постели и пытаюсь читать 2-й том Монте-Кристо.

д[ережня] Шахновщина, 6 апреля

Боже мой, пустота, пустотища какая! Не голова, а Тор[р]ичелл[и]ева пустота. Вот теперь, наконец, почувствовал, что война стала самыми плохими буднями. Пусть *sub specie aeternitatis** это драма, но актер, играющий 50 лет, потерял вкус и ощущение драматичности этой драмы. И вот дни за днями – жизнь для других. Для кого? Ни для кого, а для России. А жизнь одна – для себя, для Бога, для всего и отнюдь не для фантастической «России». От войны жду впечатлений для себя, как это было вначале, в 1914 г., а сейчас их нет, и Бог знает, будут ли.

По-прежнему лихорадит, апатия, и ничто абсолютно не манит. Не хочется ни домой, никуда. Хуже смерти.

д[ережня] Шахновщина, 7 апреля

Геморроидальная война. И судя по всему, выхода никакого. Пробовали на юге в декабре – не вышло, пробовали на севере в марте, опять не вышло. «Запор» поневоле. Хотя [бы] какой-нибудь касторки!

* Так через дефис у С.И. Вавилова.

* Похмелье (*нем.*).

* С точки зрения вечности (*лат.*).

У меня и моральный и физич[еский] запор и безучастие ко всему полнейшее.

Как-то тут на днях опустился у нас огромный немецкий бумажный красный шар с нелепыми прокламациями. По шару, видимо, приняв его за некий цеппелин, палили шрапнелью, выпустили снарядов 20, попали, вот он и сел. Теперь собираемся клеить из этого шара пасхальные фонари.

д[еревня] Шахновщина, 8 апреля

Совсем болен. Все туманно и противно. А ведь сейчас страстная неделя, а сегодня Вел[икая] Пятница.

д[еревня] Шахновщина, 9 апреля, В[еликая] Суббота

На воздушном океане,
Без руля и без ветрил
Тихо плавают в тумане
Хоры стройные светил

.....

Ты о них лишь вспомяни,
Будь к земному без участия
И беспечен, как они¹

Увы, я знаю теперь это «безучастье», это – живая смерть – ни радость, ни печаль, но хуже печали. Теряется смысл «individuationis»^{*} и, оставаясь индивидуумом, не хочешь этого. Настоящая смерть, кто ее знает – может быть, [это] нематериальная жизнь, может быть, это то радостное творчество и созерцание, которое знает Бог. Но смерть живая – это движение *malgre moi*, сознание этого движения и бессмысленности его.

А такую живую смерть я сейчас переживаю. Светит солнце, появились цветы, птицы голосят повсюду и все готовятся к Пасхе, а у меня *taedium vitae*^{2*}. Трудно жить без религии – связи с кем-то. Я в науке ищу только этой связи, и не дай Боже, если все окажется $2 \times 2 = 4$, бессмысленное, но нерушимое.

На душе тускло и туманно и способен только читать Монте-Кристо.

д[еревня] Шахновщина, 10 апреля

Пасха

День яркий, по деревне снуют пестрые девки и парни и хотя скучновато, но Пасха чувствуется. Ночь темная и звездная, на том берегу оркестр играет «Коль Славен»¹, громыхают пушки, где-то у Столбцов пожар, словно иллюминация, у нас по деревням китайские фонарики, тихо и почему-то трагично, хотя и Пасха, и радость. Разговлялись ночью, но всем не по себе.

Сегодня поп, Черни с остальными, а у меня прежняя прострация, хотя и стараюсь бодриться. Начал читать книгу Eddington «The Structure of the Universe»².

^{*} Индивидуация (лат.).

^{2*} Отвращение к жизни (лат.).

д[еревня] Шахновщина, 11 апреля

Пошел утром гулять – solo*. Поднялся на гору за деревней, видно верст на 5 кругом: длинные серые змеи деревень, Неман с зеленым болотом и нежные зеленые холмы. На горизонте синие леса. Небо с теплыми облаками. Весна, Христос Воскрес. Ведь это крушение всякого «Lasciate ogni speranza». C'è speranza, c'è già certezza^{2*}. Мое «послеотпускное» настроение было именно «Lasciate ogni speranza», в Савичах можно было забыться, а здесь в глуши и тиши все стало ясным и очевидным. Но вот весна, но вот «Христос Воскрес», и если я не воскрес, то готов воскреснуть. Правда, в этой летней одежде природы есть что-то очень печальное и трагическое. Это летняя обстановка – лета 1915 года, ужас которого только теперь вспоминается. Весна... она, значит, иногда обманывает. Но в этой условной трагедии пейзажа и в его безусловной, безудержной радости, в этом диссонансе – странная притягательность и, пожалуй, фатализм.

Пишу сейчас (утром), на столе букет свежих лютиков и книжка Eddington'а. Для меня это α и ω, остальное суета.

Посмотрел окопы у Немана. Строил – или идиот, или с заведомо злобным умыслом, не укрепления, а карикатура. Собираемся к Черни.

д[еревня] Шахновщина, 12 апреля

Почти весь день дома, за Eddington'ом, которого сейчас кончаю. Увы!

«Зачем же небо без границ,
И где же Ты[,] Творец?»

Вселенную поняли, ограничили, но за нею новые вселенные, новые спирали, и в мире становится душно, все растяжимо и все безгранично.

Ходят слухи, что не в далеком [будущем] 4-я армия перебирается куда-то под Молодечно. Нам, видимо, предстоит дней через 5 грузиться на поезд.

д[еревня] Шахновщина, 13 апреля

Видимо, моя авантюра с искровой ротой так и кончится ничем, ни слуху, ни духу. Опять – почти дома. Кругом скука. Я-то не скучаю, книги есть.

В Столбцах подстрелили авиатора.

д[еревня] Шахновщина, 14 апреля

Днем в Николаевщине у Черни. В этом почтенном в.д.о. жизнь офицера – жизнь старого доброго крепостного помещика. Людей и лошадей к услугам сколько угодно. Делать нечего, а кругом почти «свои поместья». Жаль только, что в этом «делать нечего» – ничего делать нельзя. Ездили со Шварцем на таратайке в лес. Хорошо и располагает к философствованию. Уходим, кажется, 16-го. Должны грузиться и ехать в Вилейку (кажется, будущее пекло). Переходит вся армия.

* В одиночку (ит.).

^{2*} «Оставь надежду». Существует надежда, уже есть определенность (ит.).

д[еревня] Шахновщина, 15 апреля

Уезжаем, кажется, завтра. Еще одним этапом меньше... до конца. Бог знает, какого. В затевающуюся авантюру не особенно верится, ликвидируем дела. К[оржениовский] неудачно пробует напоследок затеять роман с деброй панной Марией Шахновной.

16 апреля, в эшелоне на ст[анции] Минск

Третий раз за войну еду эшелонам. Картина обычно-поездная. Сначала весело, а потом скучно. Классическая тревога «все ли сели» и «когда же мы поедем в конце концов». Сейчас часа 3–4 стоим в Минске и Бог весть когда поедем. Пока в Вилейку переезжает только штаб армии. Но ничему не верится, хотя и едет бравый Рагоза.

17 апреля, в поезде на ст[анции] Молодечно

Едем вторые сутки. Минскую губернию миновали, теперь в Виленской. Еще, значит, одна. По дороге только и видна несложная, но громоздкая военная механика, хлебопеки, лазареты, интендантские склады. В Молодечно обычное железнодорожное столпотворение. Штаб IV армии переезжает на новую квартиру, едет всякая штабная челядь эшелонами, летят авиаторы. Играем в шахматы, читаю раз в пятый статьи Лебедева, Barnett'a, собираюсь писать обзор.

Пейзажи весенние, чахло-кружевные.

По сегодняшним газетам, немцы поперли как раз в районе Сморгони и, видимо, затевающийся номер не удался. Тянемся еле-еле. Не знаю, попадем ли сегодня в Вилейку.

Но что, однако, с искровой ротой? Неужели опять verfallen*. Не дай Боже.

18 апреля, в лесу, в 1½ верст[ах] от Вилейки, за рекой

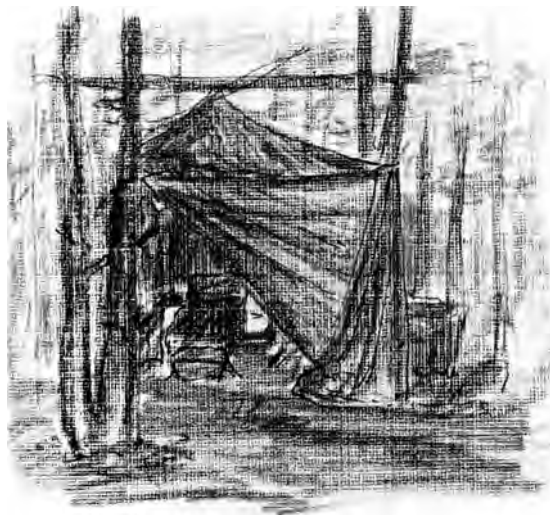
Опять идиллия со вкусом Феокрита. Очутились в лесу, в палатках. Кроме нас никого. Все деревни набиты войсками, расположиться бив[у]аком пришлось поневоле. Комендант ткнул пальцем в пространство за реку и сказал «Там». Лесок мелкий, сосновый, на болоте, и ничего в нем примечательно-го кроме корявых деревьев да мха и болота, на карте отличишь его только шириной, да долгой, но хорошо, куда лучше, чем в деревнях и госп[одских] дворах. Часа три строили палатку, наводили комфорт и «изобретали». Пустынничество. Надолго ли,* не знаю. Вспомнил начало войны... Жаль только, что в несчастном в.д.о. и с комическими компаньонами вроде К[оржениовского].

19 апреля, в лесу

Утро. Сквозь сосны светит солнце и разбрызгивает причудливое кружево теней. За рекой звонит колокол в церкви. Солдатам делать нечего, бренчат на балалайках. К[оржениовский] и Г[ребенников] разошлись. Я один. Тепло, сижу и мечтаю. Хорошо. Но война пришла все-таки к положению пата, и не вернуть

* Приходить в упадок; здесь: облом (нем.).

* Далее зачеркнуто слово «нет».

веселых и трагических дней осени 1914 года. Все стало правильным и регулярным, никакого авантюризма и неожиданности. И наш лесок, палатки и робинзонство, пожалуй, чисто актерские. Часа через 2 ждем сюда Черни. Господи, дай, однако, хотя бы мат, только не этот геморроидальный мертвящий пат.

м[естечко] Куренец, 20 апреля

Опять начали кочевать. Наше таборное житие, в болотном, сосновом лесу у Вилейки окончилось сегодня. Покейфовали, полежали на мху, погрелись на солнышке, съели жареную щуку, которую Гребенников вчера выловил в Вилии, и часа в 4 снялись, перешли в Куренец (верст 7 от Вилейки). Жидовское местечко, вроде Красника. Жидовский домишко, на полке вазочка с чесноком, а сейчас в комнате, – занавесившись от нас шалью, собираются спать три молодые жидовки, и что[-то] слишком нахально пересмеиваются. Ах, корявый милый, уютный лесочек, а я было на него начал брюзжать и писать пасквильные стихи.

«Уродов сосен-карликов стена
И можжевельника костлявая щетина,
Болотных мхов седая паутина,
Песков тягучая, немая полоса
О где же ты, весны ликующей картина»

Боже мой, да конечно не в этой поганой, засраной жидовской дыре, а там, в лесу, где даже от болотных кочек и луж тянет свежестью, уютом, где солнце светит, улыбаясь и добродушно, и где с души снимаются все грехи вольные и невольные. Мне только два пути спасения «in Museum»* и «в лесу». Людей не выношу, да и люди меня плохо выносят.

На фронте, кажется, «началось», гудит земля и далеко слышен перекапистый пушечный гул. Для чего мы здесь – пока еще не знаем.

Кончаю «Quo vadis»^{2*}. О нем напишу, может быть, завтра.

* «Museum» – место, посвящённое Музам, т.е. место учёных занятий, библиотека (лат.).

^{2*} Куда идешь? (лат.). Также: Камо грядеши? (Название романа Г. Сенкевича).

М[естечко] Куренец, 21 апреля

Сидим у праздника. Светит солнце по-воскресному. Жидовская наша квартирка, кажется, попросту бардак и мы изображаем Святых Антониев. Quo vadis кончил, Бог с ним. Наивно, глуповато, конфетно, театрално. Ни христианство, ни Рим, а так, салонное представление о том и о другом, конфетный объективизм. Dandy Петроний – лучше других. Тема взята страшная, а вышла 5-я симфония на балалайке.

Делать нечего и руки ни за что не берутся. Взял «Онегина». Ищу я второго вечного спутника, второго Фауста. Найду ли его в «Онегине»? Но об этом завтра. А сейчас ведем полубардачный разговор с жидовками Фаней, Розой и Зиной, и уж какой тут Онегин.

М[естечко] Куренец, 22 апреля

Об Онегине говорить страшно. Это ни умная сентенция умного человека, облеченная в ту или иную литературную форму, ни занятная историйка в стихах, одним словом, это очень мало «искусство». Это, как и Фауст, – творение столько же времени и людей, сколько человека-художника. San Pietro in Vaticano, S[an] Marco* – как трудно найти для них Schlagwort^{2*}. «Фауста» писал немец, Онегина – русский, и если для Фауста такое Schlagwort с грехом пополам можно найти, то это потому, что он немецкий. «Онегин» – как лес, как причудливый итальянский пейзаж, выше искусства, красивее:

«Он вечно тот же, вечно новый,
Он звуки льет – они кипят,
Они текут, они горят,
Как поцелуи молодые,
Все в неге, в пламени любви,
Как зашипевшаго аи
Струя и брызги золотые.... »

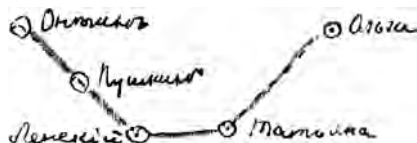
Брызги мысли, брызги слов. А целое – в нем и многое и ничего. Это моментальный исторический снимок, но sub specie aeternitatis^{3*} в Онегине больше морально-философ[ского] смысла, чем в «Фаусте». В общем, в том и другом много общего. Из пяти героев романа: Евгения, Ленского, Татьяны, Ольги и самого Пушкина, самая счастливая Ольга, а самый несчастный Онегин.

Ольга живет, как птица, как все живое жить должно. Онегину жить противно и скучно, скучно и смотреть, творчество не дается, умереть не хватает силы, остается бессмысленно скитаться и вечно метаться от жизни к созерцанию и творчеству. Ленский и Татьяна почти одно и то же. Они живут, «согласны жить» (у Ольги ни согласия, ни несогласия). Жизнь, скрашенная стихами, мечтами и никогда не скучная. Ну а Пушкин? Он между Онегиным и Ленским. Не будь счастья гениального творчества, Пушкин стал бы Онегиным.

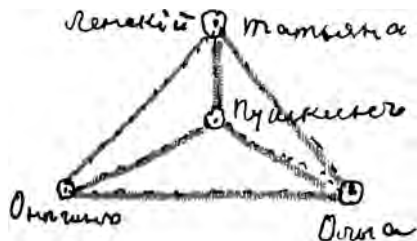
* [Собор] Святого Петра в Ватикане, [собор] Святого Марка [в Венеции].

^{2*} Ключевое слово (нем.).

^{3*} С точки зрения вечности (лат.).

Такова схема Онегина, или красивой и симметричной она такова:

В Пушкине было и созерцание, и творчество, и жизнь, и 2-ю схему можно бы назвать «строением» Пушкина. Кстати, эти все пятеро [–] все для «себя». Фауст нашел выход в том, что стал жить «для других» (это тоже уже не жизнь). А в жизни «для себя» выхода два – Ольга и Пушкин. Уже одно то, что Пушкин написал Онегина, показывает, что он «согласен с жизнью», что выход найден. Самое страшное в жизни человека – скука. Избавиться от скуки и значит найти выход. А прочее все терпимо и в самом худшем ведет только к смерти. Это страшное крыло скуки – оно так хорошо показано в Онегине. Самое опасное в жизни выйти за черту Ольги (черту Богом данную).

Пушкин умнее Гёте, поэтому он проще (простота сознательная), и потому весь Онегин прочитывается сразу, глотается, как бокал шампанского. В нем кроме русского есть что-то французское. Впрочем, *c'est assais*^{4*}!..

Философствую, чтобы убить скуку. По-прежнему «у праздника». Пыль, июльская жара, жидовская вонь и Бог знает какие перспективы. В местечко приходят все новые и новые части, с песнями и бубнами. По небу шныряют с раннего утра немецкие аэропланы, за которыми вдогонку сыплются шрапнели, штук 50 за каждым.

Крайним сроком надежды на перевод из отряда положил завтра (23 апреля) – день юбилейный, год моего «пленения» в отряде. Hauptmann Sattig Ritter von 4 (или) 2 Kl. des Eis. Kreuzer^{5*}, да три чина. Немцы тут были недели две, в сентябре прошлого года.

А война как будто за тридевять земель, несмотря на жаркую весну. Геморрой!

25 апреля, м[естечко] Куренец

Болезнь моя – самолюбие. В конце концов «фатализм» созерцательный [–] все вокруг этого вертится. И от самолюбия самые жестокие и едкие удары. Но что делать. Sono chi sono*.

^{4*} C'est assez – достаточно (фр.).

^{5*} Капитан Сатиг кавалер 4 или 2 императорских желез[ных] Крестов.

* Я таков, каков есть (ит.).

Мои коллеги, жизнерадостные «анфаны»^{2*} лет под 20, с самолюбиями уже петушиными, они очень милые, но с ними я себя чувствую не по себе. На воздухе жить очень хорошо, но не рыбе. В этом вся соль.

Делаю чертежи для работы, читаю «Пушкиниста», то дождик мелкий и теплый, то Солнце. Зацвели яблони и груши, сирень распускается. На ночном небе романтическая луна, с которой, впрочем, связаны неприятные воспоминания об апрельских школьных и университетских экзаменах. Тишина и тоскливо.

26 апреля, м[естечко] Куренец

Нового ничего. Над местечком распростерла свои крылья скука зеленая. Зевают евреи*, небо, солдаты, дома, всем нечего делать и нечем убить время. Я черчу, немного «шпацирую»^{2*} то за ограду, то на еврейское кладбище. Прочел в «Пушкинисте» огромную статью Энгельгардта¹. Навозная куча коверканых галантерейных иностранных слов, а в ней много интересных замечаний, которые сначала нужно перевести на русский язык. Искать «идеи» у Пушкина – занятие довольно бесполезное, их можно совсем не найти и найти очень много. Поэзия в этом отношении (да притом истинная кристаллическая поэзия Пушкина) совсем похожа на музыку. Лейтмотив 5-й симфонии может сойти и за пение петухов и за удары Рока. Поэзия и музыка посылают не колебания определенной частоты, а целый бесконечный спектр. Имей уши, да слышит, и то, что он слышит, – истина, но не вся. Мы все – резонаторы, но в каждый момент вполне определенно настроенные. Да ко всему творчество поэта и музыканта – бессознательное. История литературы – призмы и дифракционные решетки, которые ставят на пути ослепительного поэтического потока. Много узнали, но многого не знают, и на веки веков «спектр» не будет «белым светом» пушкинской поэзии. Это я о самом Пушкине, об его поэзии – но я люблю все эти призмы и решетки, как игру, как шахматы.

Еще о скуке. Мне-то не скучно, время занято, работа для меня нужная и интересная, но вот кругом, на небе, на земле и у людей – я слышу метафизическую скуку. Не то что людям и «всему» делать нечего. Всё – что-нибудь делает (т.е. «всё» в делании и заключается). Но все видят чепуху, бессмысленность этого «дела». Все и всё вдруг поняли, что они «белка в колесе» – а это и есть символ скуки.

Даже война, вначале такая пафотическая и бурная, стала самым скучным делом, не то что безнадежным, но именно скучным. Зевают люди, зевают небо, и в конце концов всем хочется не видеть и не слышать. Миру нужен Бог. Не Дьявол антитеза Бога, а Скука. Богу не скучно, потому что Он Творец и Творчество – единственное спасение.

^{2*} Дети, от французского «enfant» – ребенок.

* Слово «евреи» вписано чернилами другого цвета поверх слова «жиды».

^{2*} От немецкого «spazieren» – прогуливаться.

Получил из дома книги Zenneck'a, Lodg'a и Петровского «О беспроводной телеграфии»², и стало до того досадно, что чуть не плачу.

Вот они и мои настроения:

1) Деловитость 2) Чувство чужой скуки 3) Тоска и досада. Аккорд довольно минорный.

27 апреля, м[естечко] Куренец

Жизнь здесь течет для меня очень плавно. Черчу, пишу и, если так пойдет, дня через 2–3 окончу обработку своей статьи. Читаю «Пушкиниста» и играю в шахматы – и это без угрызений совести. Вот это самое главное. В конце концов, война – праздник, а совсем не будни, а праздность в праздник не только допустима, но почти обязательна. В Москве, дома, этого не будет, и всякие «Пушкинисты» снова станут живым укором. Вообще ясно, что война при последнем издыхании и конец будет очень прозаический. И конца страшно. На войне совесть чиста, и, ей Богу, все мы чисты душою и сердцем. Все эти поверхностные флирты с сестрами, пейзажами и жидовками – милая невинная чепуха и люди за войну (только военные, конечно) стали праведниками.

Мир – конец этому раю, и, пожалуй, «хорошо умереть на войне». Все «дело военное» – такие пустышки и игрушки, и даже смерть – игрушка. Люди вместо того, чтобы жить – стали играть «в солдатики», это и есть всесветная война. А занятая игра – творчество, т.е. счастье. И едва ли люди забудут после войны об этом временном всеобщем счастье – войне.

Тишина, и, кажется, трагическая. Пауза. Что будет после нее? Закроется занавес, или грянет последняя гроза? Но мыслима ли она теперь?

28 апреля, м[естечко] Куренец

Получили предписание отремонтировать дорогу от Куренца в тыл, т.е. в перспективе изнурительный онанизм прошлого лета. Ездили с К[оржениовским] на рекогносцировку, верст за 12. Скачу на белой, опытной, резвой кобыле. Дорога красивая. Леса, холмы, деревни. На обратном пути дождь и буря. Несусь галопом, почти закрыв глаза. Острый ветер пахнет сиренью и новыми листьями березы – «дыхание весны».купаюсь в теплом дожде и «лечу, лечу стрелой»¹, забыв обо всем и понимая только, что это – счастье. Вернулся – шахматы, фотохимия и «Corriere della Sera»*. Да вот сейчас вернулся К[оржениовский] «от сестер» и начинает глупо и по-идиотски пилить наших жидовок. В конце концов, лучше быть животным, чем жидом. Животное бьют или ласкают. Жидов – пытаются. И вся их внутренняя злость и внешняя грязь понятны, как день. Им лучше не родиться. С жида требуют патриотизма, почему его не требуют с лошади?

* Название ежедневной итальянской газеты.

29 апреля, м[естечко] Куренец

Прислали из штаба отряда юмористическое «распределение дня», куда входят и «беседы с солдатами» и вольная гимнастика, игры, разумные развлечения и прочий детский бред старых поглупевших полковников и генерал-майоров. Знаменуют сии «разумные развлечения» очевидно то, что военному стратегическому геморрою конца еще не видно и надо же хоть чем-нибудь занять миллионы бездельников. Те deum laudamus*, что у меня есть своя работа. Сижу, пишу, читаю. На закуску шахматы, да пикировка с сентиментальным петушком К[оржениовским]. Пикировка иногда переходит в руготню. «Вы начинаете глупить», – вдруг срывается К[оржениовский]. «А Вы – глупеть, это куда хуже, особенно для Вас самих», и далее в этом вкусе. Потом обоим совестно. Все, конечно, потому, что

«Двуногих тварей миллионы
И все глядят в Наполеоны»¹

На дворе синие тучи, дождь и холодно. А за горизонтом тишина – «не шелохнется, не прогремит»².

30 апреля, м[естечко] Куренец

Сегодня целый день вожусь с технической отчетностью. Правило общее: чем меньше дела, тем больше бумаги, цифр и чертежей, заметаем следы, и оправдываем собственное безделие. Кончил только в 12-ом часу ночи.

Холодно, и даже сыпется еле заметный снег – канун 1-го мая

1 мая, м[естечко] Куренец

Из нашей жидовской квартирки наружу носа не показывал. Холодно, а с непривычки особенно. Топим печь. Целый день сидел за фотохимией, да суммировал ряды. К[оржениовский] и Г[ребенников] изнывают от скуки. Хорошо, что в них много жизнерадостности, иначе стоило бы повеситься. Человеку нужны рельсы, иначе каждую минуту жди крушения. У меня рельсы есть всегда, хотя плохенькие, узкоколейные и не длинные, но есть, и я всегда качусь, нелепо, но качусь. Пушкин потому и не стал Онегиным, что у него были рельсы – творчество. Без рельсы под силу только Леонардо, да и его спасение в конце концов только в том, что он создавал рельсы, гибкие, изменчивые (аналитические).

A propos*

«О если б прочитав из Голубиной Книги,
Грядущего нелепую игру,
Проинтегрировать увертливые миги
И крикнуть времени решительное «тпру»,
Тогда бы бросил я страницы эти,
Как старые листки календаря.
Не философствовал ни о каком предмете
И знал, что 1-го случится Января»

И стало б тошно жить на белом свете.

* «Тебя, Бога, хвалим» (начальные слова католического гимна); здесь – «слава богу».

* Кстати (фр.).

Кстати, фиолетовые чернила напомнили мне романтическую пору начала войны, тогда я страниц 200, самых сентиментальных, исписал такими чернилами. И вот ото всего остались одни... чернила.

2 мая, м[естечко] Куренец

Переделку своей фотохим[ической] работы закончил, написал П.П. [Лазареву] препроводительную бумажку и завтра думаю послать в Москву сей плод куренецкого вдохновения. Завтра начну изобретать себе новую работу. Моих коллег развлекают только юмористические приказы из штаба Отряда, да разговоры о «сестрах». Белая косынка, оказывается, действует сильнее самого сильного декольте.

Стало опять теплее и по небу с утра шныряют немцы. А в прочем прежний геморрой, никаких передвижений, все застыли, как на зимней стоянке. Приехал Рагоза со всем штабом в Молодечно, 10-ю армию перекрестили в 4-ю, вот и вся перегруппировка и стратегия. Рагоза – хороший генерал, но, кажется, совсем не Гинденбург. Любопытно, какое же средство найдут от стратегического геморроя?

3 мая, м[естечко] Куренец

Грозы. Шаровидные молнии. Град. Бутафорский артиллерийский грохот, шрапнели и пули. Впрочем, что больше бутафория, война или гроза, не знаю. Небеса во всяком случае сейчас «исполняющие должность», потому что война чахнет от геморроя и признаков жизни не показывает. Гроза, ветер, пахнет сиренью, на столе букет распускающейся сирени, самого мечтательного и сентиментального цветка:

«Гроздь фиолетовой сирени,
Бархат томно-темной зелени листвы
Странные, веселые ступени
К грустной осени поблекнувшей Литвы»

Сирень – целая философия. Она, между прочим, безусловно меланхолична и своим запахом, и фиолетово-зеленым световым сочетанием. В ней сразу и радость о новой весне, и плач о ее финале.

Впрочем, я начинаю сентиментальничать, не стоит.

Целый день дома, занялся магн[итным] полем вращ[ающихся] тел да читаю газеты.

Ползут какие-то слухи, что немцы чуть [ли] не в Замирье.

4 мая, м[естечко] Куренец

К[оржениовский] уезжает в отпуск. Приходится остаться tête a tête* с «Wunderkind'ом» Г[ребенниковым], который, кстати, остается за начальство. На меня в роте чины, вероятно, смотрят, как на «недоросля». Сам не знаю, безразлично мне, или нет. «Оскорбленного самолюбия» – нет, но во всяком

* С глазу на глаз (*фр.*).

случае чувствую себя «ein bisschen geniert»^{2*} Еду завтра утром в Минск. Утром был на работе, вернее, на прогулке. Часа 3 сидел над расшифровыванием уравнений Barnett'a – ничего не вышло.

5 мая, г. Минск

Минск весной куда лучше, чем зимой. Грязь и рухлядь, мешанство построек затянулись мягким бархатом цветущей зелени. Цветут каштаны, сирень, яблони, и все веселее и уютнее, чем раньше. Город, конечно, не русский, но российский. Здешние поляки и жида как-то усвоили российский дух и душу.

Ехали отвратительно, встали в 2 часа ночи, не спавши. Езда в эшелоне. Новости здесь не особенно приятные. Все мои шахи по отношению «к королю» – искровой роте и «королеве» – 25 с[аперному] б[атальону] – сейчас сомнительны в высшей степени.

Времяпровождение: Париж, канцелярия, кофейни.

6 мая, г. Минск

Хожу по мешанскому «российскому» Минску, сыплю кредитные бумажки в жидовских лавках. Бог послал спутника – прап[орщика] Смыслова, 4-й роты, наивнейшего, милейшего провинциала, лет под 40. По улицам бродят, греясь на солнышке, уполномоченные, штабные, автомобилисты и чиновники. Делать буквально нечего, сегодня уезжаю в Куренец. Газетные новости по-прежнему геморроидальные. Написал еще бумажку в 6-ую искровую роту. Гонюсь за двумя зайцами и несомненно обоих потеряю.

7 мая, м[естечко] Куренец

Полулетаргическое состояние, которое всегда бывает после минских поездок. «Опять привыкаешь». Хватаешься за разные новые журнальчики и книжки – день проходит нескучно, но в полузабытьи. Tête a tête с Г[ребенниковым]. Фактическая разница годов [-] 5 лет, а по существу она куда больше. Чувствую себя каким-то «tutor'ом»*, «популяризирую» язык и докторально объясняю всякие наивности. Сам не знаю почему, после поездки в Минск поставил крест над всеми своими надеждами – будущими московскими и настоящими – военными, остается «будь, что будет», книжки, физика и метафизика. Грустно, что тянет по-прежнему в 25 с[аперный] б[атальон], хотя так понятно. С батальоном связаны воспоминания о веселой романтической войне, а потому и батальон кажется романтическим. А вот этот угрюмый в.д.о. потому и угрюм, наверно, что сама война стала угрюмой, скучной и геморроидальной.

Проехался на работу. Дождь, холодно. Прочитал книжечку Евг[ения] Трубецкого «Два мира в русской иконописи»¹. Боюсь сказать, но книга – вдохновенная. Это не эстетство, а что-то выше искусства – понята религиозная сущность искусства, понята то, почему русская икона выше Джоконды, а Аполлон Бельведерский – Микельанджеловского Давида. Искусство – religio, сплошной символ. Это совсем новое и мне пока чужое. Я человек не знания,

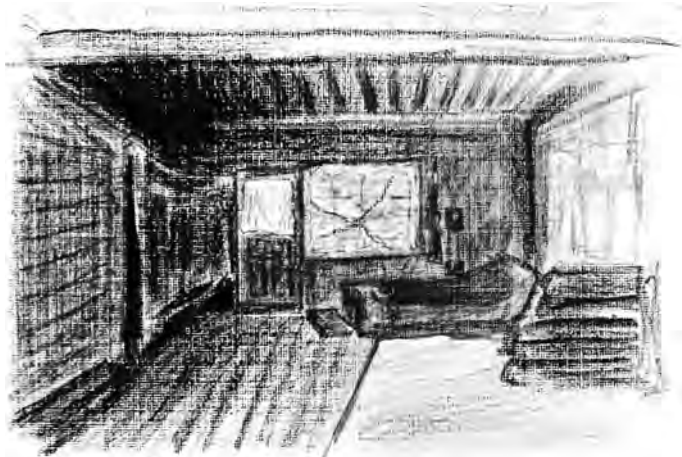
^{2*} Немного смущенным (нем.).

* Наставником (англ.).

а книги, не красоты, а искусства. Книга Трубецкого из тех, с которыми расстаться нельзя. Она говорит о жизни и, пожалуй, укор – мне и подобным. Под золой и пеплом жизненной трухи таится странный религиозный огонь.

8 мая, м[естечко] Куренец

Все только книжное. Разговоры и восклицания Гр[ебенникова] – «детские рассказы» из «Светлячка» и «Задушевного слова», а я совсем не педагог. Воскресенье, работ нет. Приехал контролер – ревизует и щелкает на счетах. А я по-прежнему разжевываю уравнения Barnett'a и не могу разжевать. Читаю идиотский великосветский роман Dumas «La princesse Flora»*. Холодно. К вечеру стало лихорадить.

9 мая, м[естечко] Куренец

День пустой, как пробка. Целый день торчит контролер, и ревизует – ни пить, ни есть, ни даже духу перевести. Отряд перешел из ведения Инж[енерной] части к некоему начальнику инженеров Армии полковнику Архипенке. Переполох. Дождь, и май похож на самого себя, как свинья на апельсин.

10 мая, м[естечко] Куренец

Чувствую себя прескверно. Много работы. Но, Боже мой, какой работы? Ремонт прекрасной дороги. Кому это нужно, и для какого черта? Для поддержания *гено[m]тее** 2–3 полковников, которым требуется на бумаге показать, что они работают, рук не покладая. В конце концов, сплошной ужас. 500 солдат, с сотню лошадей совершают ежедневно Сизифову работу, и, пожалуй, хуже сизифовой. У Сизифа было сознание, что его мучат, и была хотя моральная удовлетворенность мученика. А тут – кроме мучения, сознание преступности (собственной преступности). День за днем, месяц за месяцем и даже год за годом. А тут еще Танталовы муки. Вот-вот была возможность быть в искровой роте, в батальоне – где был бы на месте и работал с радостью. И что же делать? Заняться этой чепухой, дорогами etc. серьезно, но для этого надо быть младенцем, или дураком. *Non c'è salvezza!*^{2*} Остается сознательно

* Дюма «Принцесса Флора» (фр.).

* Здесь: репутация (фр.).

^{2*} Нет спасения! (ит.).

забывать обо всем, сидеть с книгами и на войне имитировать «Москву», остается ждать скорого конца. Лучше – когда нечего делать, тогда хотя самым собой остаешься, но отвратительно, когда много работы, идиотской, сизифовой работы. Ездил на рекогносцировку (Куренец-Вилейка), чертил, писал, писал – и целый день пустой и глупый.

Война для меня – вместо пафоса, романтизма и бури принесла такую прозу и скуку, о которых я и не думал. «Живи так, как будто каждый день – последний», как это здесь кажется смешно. Здесь живем так, как будто жить не начинали, как будто все – черновые ненужные репетиции к будущему представлению. Ждем, не дождемся конца этих пустых дней и топим их без сожаления в Лете. Жить «военной» романтической жизнью не можем, мирной, домашней – тоже. Медлительная, тоскливая пытка. От злости хочется перевешать по очереди всех этих полковников. Глупо, но единственно живое чувство.

м[естечко] Куренец, 11 мая

Для развлечения переселились на новую квартиру и распростились с нашим бардачком и Розой Моисеевной. Новая квартирка почище, посветлее, на окнах герань, и если бы не было на стене еврейского календаря с какими-то мистическими пентаграммами и иероглифами – трудно было бы подумать, что квартируем у жидов. Впрочем, хозяева в стиле Филемона* и Бавкиды.

Дня 4 не видим газет, пассажирское движение прекратилось, происходит какая-то переброска. Через местечко тоже тянутся нескончаемые дивизионные обозы. «Мечутся» – Боже, сколько этих перебросок видали с ноября по май – и никакого толку.

Занимаюсь «латонически» Zennek'ом, читаю письма Чехова, кончил противный, как подсахаренная касторка, роман Dumas «La princesse Flora». Каждый день аккуратно подвожу всякие технические журналы, книги и чертежи – в ожидании, что вот-вот произойдет чудо, и меня пригласят или в батальон, или в искровую роту – и я смогу уйти чистым, как голубь.

12 мая, м[естечко] Куренец

День набит пустяшными скандальчиками. Приехал утром на работу Блинов. Вид пришибленный, солд[атская] шинель, защитные погоны и красненький носик – впечатление гниющего гриба. Втирали очки. Потом вели дипломатическую переписку с идиотом-контролером по поводу кобылы «Ари». Целый день поучал наивного Г[ребенникова]. В результате 1 ч[ас] ночи – а день помянуть нечем. Ложусь спать с угрызениями совести, т.е., вернее, самолюбия. Совесть – что. На войне себя все праведниками чувствуют. Но вот самолюбие – «principium individuationis»* – оно оскорблено – и становится обидно и страшно. Sub specie universitatis^{2*} – всякий прожитый день – изжитый, ну а у самолюбия свои, только для себя и писанные законы, и для него жить – слово метафизическое.

* У С.И. Вавилова ошибочно «Филимон».

* Принцип индивидуализации (лат.).

^{2*} С точки зрения всеобщности (лат.).

13 мая, м[естечко] Куренец

Тишина. Думали ли мы тогда в сентябре и декабре, что в мае будем стоять на старых местах. В сентябре всех встречал классический вопрос «Когда же мы остановимся». Остановились. Теперь вопрос еще больнее: «Когда же и куда пойдём?» Пожалуй, это «чужое» и даже «ничье» – но на всем нудный, пыльный отпечаток «сидения». Вышел сейчас на зады местечка. Поле. Звездное небо. Щелкают соловьи и далеко, за тридевять земель спокойно ворчат пушки. Вот такая же ночь и днем. Соловьи-то щелкают, и пушки будто бы гремят, но толку никакого. Летом я от скуки и безкнижья занимался «стратегией» и исчертил карту разными фронтами. Оказался, к слову, пророком, проведя в июне «рубеж» нашего отступления, который почти точно совпадает с фактическим. Но знал ли я, что в результате будет нудный «пат». Конечно, нет.

Дни проходят быстро, и я их научился наполнять. То черчу, то сижу с Zenneck'ом, то строю разные фотохимические планы, то за беллетристикой, и таким манером, не зевая, умею просиживать до 1 ч[аса] ночи. И за то Богу слава. Если бы отказаться от этого – пришлось бы делать петлю.

м[естечко] Куренец, 14 мая

В лесу май, пахнет свежими березами, ласково играет солнце. В местечке скука зеленая, а сегодня по случаю субботы в особенности. Прогуливаются истасканные жидовки, заспанные, зевающие солдаты. Пошли на еврейское кладбище. Торчат, как в огороде, надгробные доски, довольно неприличной формы. Бог их знает, может быть наивны и глупы все эти надписи и орнаменты, но смотришь на странные иероглифы и символику и чувствуешь что-то тайное, заповедное, библейское. Странные орнаменты: сломленное дерево, над ним пять зеленых птиц с длинными клювами – видимо, плачут о погибшем пристанище. Иногда так: мертвая большая птица лежит лапами кверху, над нею птенцы – и не то клюют ее, не то оплакивают. Встречаются какие-то рогатые птицы – но вообще птицы и деревья чаще всего. Могилы налезают одна на другую, неряшливые, бездна майских жуков, облепивших все кусты. И хотя светит солнце и играет на мягкой густой зелени, почему-то жутко на этом кладбище и совсем нет приятной элегии христианского кладбища. Здесь пахнет трупами и моргом. Выходим в лес, ложимся на спину. Летит аэроплан, на западе горошиной синее колбаса, в Молодечно ухают по немецким авиаторам, шумит поезд и автомобиль. Тепло, светло и зелено. Военная идиллия и скука.

По-прежнему спасаюсь Zenneck'ом.

м[естечко] Куренец, 15 мая

Воскресенье. Солнце. Маленький променад за околицу. К вечеру пришел здешний поп, немного, кажется, помешанный, и сражался в шахматы. А ночью получили телеграмму по окончании здешних работ перейти на дорогу м[естечко] Лебедев – д[еревня] Горки, верст за 40 отсюда. Завтра придется колесить туда, производить рекогносцировку. Противно, много тряски и бессмысленно.

М[естечко] Куренец, 16 мая

«Ныне отпускаеши», или, вернее, «кажется, ныне отпускаеши». Как раз минут за 10 до моего отъезда на рекогносцировку в Молодечно пришла телеграмма откомандировать меня из Отряда для зачисления на радиотелеграфные курсы. Завтра уезжаю. Наконец-то «перемена». Но история обычная. Грустно расставаться и с патриархальным в.д.о. и с 1-й ротой. Слишком я человек оседлый и слишком велика во мне инерция. В моей жизни было три очень схожих учреждения: Школа, Лазаревская лаборатория в Мертвом [переулке] и наконец в.д.о. – все они как-то «по Gay-Lussac’у» – недотепы, но неподвижные, патриархальные и милые. Цветаев, Лазарев, Блинов – в этой троице общего немало. Кстати, сегодня другая новость: Лазарев – профессор петерб[ургского] У[ниверсите]та. Это значит, в будущем устраивайся совершенно заново.

Неуравновешенность у меня сегодня полная. События это, или обыкновенная анекдотическая чепуха, увидим.

Катал в Вилейку, Порсу, ликвидировал дела и, конечно, устал.

Минск, 18 мая

Уехал из роты вчера. Жаль бедного *riccolo** Гребенникова, на плечи которого взвалена сейчас вся рота. Он чуть не плачет. При расставании подвернулся поп, с которым тоже облобызался. По дороге заехал в Порсу к Шляхтину. По инерции интересуюсь еще всякой требухой в.д.о. Ехал эшелоном. В теплушке штуки 4 сестер, уполномоченный, доктора, этапный полковник, парковый артиллерист, охранный поручик да я. Разговоры только об аэропланах. Только они сейчас и воюют. В Минск приехал в 8 ч[асов] утра. В канцелярии у всех кислые физиономии. Командир, видимо, злится, остальным завидно, хотя Бог знает, что еще мне предстоит. *Sub specie aeternitatis*, или, вернее, моей биографии, все это чепуха по своему краткосрочию – война в теперешнем стиле может окончиться в любой момент, но почему-то даже временно особенно хорошего не жду – по врожденному инстинкту фатальности. Козырев, Виноградов, Лебедев, 25 сап[ерный] б[атальон] – все как-то мазало меня по усам и в рот не попадало. До сей поры судьба моя – Цветаев, Лазарев, Блинов. Этой-то судьбы я и боюсь сейчас.

Пока получил предписание явиться в распоряжение некоего полковника Жерве.

Минск, 19 мая*

Смешно. Попал в радиотелеграфную школу. Сижу скромно на скамейке и слушаю, как некий подпоручик трактует магнитное поле как поток электронов. История, конечно, не из особенно приятных, опять заделаться школьником, да кроме того изучать «мобилизованную» науку, подающуюся под соусом *Gay-Lussac’a*. В комнате всего человек 15 подпоручиков, прапорщиков, поручиков etc. Все поголовно физически безграмотны. Чувствуешь себя взрослым среди детей и, главное, заставляют тебя же «помолодеть».

* Маленького (*ит.*).

* В заголовках записей за 19, 20 и 21 мая месяц ошибочно указан как апрель.

Состою я сейчас прикомандированным к завед[ующему] радиотелеграфом Зап[адного] фронта. Завтра буду искать новую «независимую» квартиру, а пока все еще в вонючей ночлежке в.д.о., *sit lui terra levis*^{2*}.

Целый день болтаюсь, и ноги устали.

Ну, теперь, кажется, я совсем не на войне.

Минск, 20 мая

7 часов «классов». Мешанины из электротехники, тактики etc. Убеждение прежнее – и учителя, и ученики невежи и все только «ловчатся». К 7 часам 2 часа прогулок, обед etc. – и весь день. К войне здесь относятся так, как будто все бывшее – черновые наброски, репетиция, а настоящее представление будет еще Бог знает когда.

Минск, 21 мая

На радиотелеграфе сегодня говорят, что в 7 часов утра должна быть начата попытка генерального прорыва на немецком фронте. *Apriori* вероятно, опять *verfallen die ganze*^{*} постройка, потому что, во 1) об этом прорыве в Минске открыто рассказывали встречным и поперечным за неделю и 2) радиотелеграфная слежка показала, что к месту предполагаемого прорыва стягиваются в большом количестве немецкие^{2*} радиостанции, т.е. корпуса и дивизии. Вообще-то, здешним штабным приживалам все совершенно безразлично. Ерническая, подлая ирония – и больше ничего.

Классы – нелепая каша, потому что ученики самые разношерстные. Есть 2–3 математика, как я, и есть публика, не знающая что такое π . Знание поневоле заменяют утомительной зубрежкой и жупельными словами.

Минск – зеленый. Жарко. Грозы, по Захарьевской бродят разные генералы, доктора, чиновники и разжиревшие писаря.

Завтра думаю переехать из почтенной ночлежки в.д.о. на жидовскую квартиру. Порываю с в.д.о. последнюю связь.

Минск, 22 мая

Воскресенье. Минск – город отвратительный, сразу отравленный русским провинциализмом и жидовской грязью и хамством. Здесь каждого можно купить за полтинник. Переселился на Крещенскую улицу, в дом богатого жида Гофмана. Обычная обстановка богатого жида-купца, буфеты, подносы, на потолке размалеваны бабочки и цветы. В «классах» по случаю воскресенья заняты только 2 часа. Война заставляет становиться «техником», а технику я ненавижу. Противное, что-то вроде кулинарного искусства. Техника как помощь науке и только, но не обратно. Я не люблю наук описательных и рецептурных. Техника – сплошная рецептура. Не знаю, сумею ли перекроиться. Жить для практики, техники – заживо умирать. А тут еще милитаризованная техника, глупая, тупая.

Ночью раза два гудела сирена – ждали цеппелина, но, видимо, не дождались.

Целый день вырываю по строчкам, то из *Zennec*'а, то из Хвольсона, то из разной популярной дряни.

^{2*} Да будет ему земля пухом (*лат.*).

^{*} Развалилась вся (*нем.*).

^{2*} Слово «немецкие» вписано над строкой.

Минск, 23 мая

Modus vivendi*, конечно, установился. Встаю в 7 ч[асов], часа 1½ кей-фю и заглядываю в книжки, затем отправляюсь на «курсы», слушаю разные тщетные попытки изложить теорию переменных токов «без математики» и в результате отчаянные вопли всяких прапорщиков и подпоручиков. Смотрим машинные и аппаратные двуколки etc., и так до 1 ч[аса] дня. Затем до 5 опять книжки, обед, газеты. С 5 до 8 – «курсы». Сегодня остался на ½ [часа] и лазил по аппаратной двуколке, зарисовывая схему соединений. Ну-с, а затем wieder dieselbe Geschichte^{2*} – книги, чай etc. Quies animae^{3*}, но как подумаешь, что висишь между двумя полюсами [–] «будущим» – домом, Москвою, работой [–] и войною, странной, геморроидальной, огромной, но бессильной, которая каждое мгновение может окончиться нелепым миром – quies становится похожим на висение над пропастью.

«Грандиозный прорыв», видимо, опять не состоялся. Ни слуху, ни духу. Над Минском летают «наши». По одному сегодня шпарили «наши» же орудия.

Минск, 24 мая

Газетные военные новости становятся опять «романтическими». Бой в Северном море, наше наступление на юге (судя по недомолвкам сегодняшнего сообщения, едва ли удачливое). Верден, итальянское отступление etc. Признаки «послабления» после «запора». Впрочем, мне сейчас «все равно». Свои дела и свои заботы.

8 часов слушания всякой белиберды. Капитан Лютенсков (грудь колесом, усы кверху, галифе, Владимир etc.) повествовал сегодня, что эфир – это ионы. Чудно и глупо! И, главное, я – solo*, остальным глупость импонирует. Сейчас хочется поскорее кончить с этим осквернением святыни и скорее попасть на станцию, зажечь анахоретом и так дотянуть войну до конца, а там – видно будет.

Гроза, а потом дождь весь день. Не дай Боже, если русская стратегия того же качества, как русская военная «наука».

Минск, 25 мая

Благодарю Бога за то, что веду дневник. Каждый день, на сон грядущий можно опомниться, умерить восторги и укротить печали. Жизнь каждого дня – хаотично разбросанная на «экспериментальные» точки. Но вот берешь лекало и проводишь между этими точками плавную, стройную кривую, хаос точек сразу пропадает и становится ясно и спокойно на душе. Дневник – лекало.

* Образ жизни (лат.).

^{2*} Снова та же история (нем.).

^{3*} Душевный покой (лат.).

* В одиночестве (ит.).

Специфическое удовольствие вновь испытывать «предэкзаменационную лихорадку». А целые дни проходят в ней, и, главное, охота пушке неволи. Целый день то за телефоном, то за ключом, то около двуколки. Приходишь домой – чертишь схемы, роешься в Zennec'e и Хвольсоне. Впрочем, *per dir la verita** – пользы много будет для будущей моей физики. Потому и не унываю, и не особенно ругаюсь.

Военные новости с каждым днем все гуще. Начало конца, или начало начала? Сегодня по радиотелефону узнали, что утонул Китченер со штабом¹.

Часа 4 заменял дежурного офицера. Посмотрел на 3-верстку, где флажки обозначены все наши корпуса, и стало страшно от ясности предполагаемого.

Создан всем кулакам кулак. *Vivremo vedremo*². Но в Рагозу я верю.

Минск, 26 мая*

Дежурю по управлению радиотелеграфа и мотаюсь. Предстоит провести ночь в управлении, расшифровывать, зашифровывать etc.

Минск, 27 мая

Ночь не спал. С 8 до 1 ч[аса] зашифровывал и расшифровывал. Потом в автомобиле поехал, по обязанности дежурного офицера, осматривать всякие богоугодные заведения, подведомственные полковнику Жерве, прожектора, две радиостанции, учебную команду. Захожу, посматриваю «с ученым видом знатока», не знаю, что сказать дежурным, в конце концов, расписываюсь и ретируюсь. Лечу стрелой по всему Минску, и вид самый «штабной». У пеленгатора автомобиль завяз, простоял часа 1½ и пришлось вызывать всю команду прожектористов с колями и досками. Стало светло, у вокзала пожар, факелы пожарных, всякий хлам на улицах. Еду по Минску и вижу его в первый раз со всеми закоулками. Есть очень поэтичные переулки, старенькие, коренастые дома, сады, и город большущий. Он лучше, чем я о нем раньше думал. Днем – то за телефоном, то ставим мачту, катая всей компанией на грузовике. Присматриваюсь к «академикам». Штук 5 наивных и милых, ищущих в радиотелеграфе мирного житья, остальные – штабные «ловчицы». Бескорыстен, кажется, только я. Впрочем, и то, пожалуй, нет – вместо военной техники – тянет только наука.

Война расшевелилась. «Патом» пресытились, и началась страшная мена фигур. Южное наступление (в нем что-то замалчивается), бой в Сев[ерном] море, взятие форта Во¹, итальянское отступление, история с Китченером – в результате шахматная доска поредеет, и «грянет бой, последний бой»². Как бы не попасть мне из*

Как знак бессмертного залога
Сверкай разодранная твердь
И в тучах я увижу Бога

* Сказать по правде (*ut.*).

²* Поживем – увидим (*ut.*).

* Запись за 26 мая 1916 г. сделана карандашом.

* Текст обрывается, далее отсутствует один вырванный лист.

Гроза настроила «апокалиптически». Настроение первых дней войны. Правда, я сейчас от войны далеко. Грозы – каждый день – страшные, мощные и поневоле, как на комету Делавана^{2*},³, смотришь на них, как на символ начавшейся «грозы земной». И кроме этих двух гроз хочется 3-й грозы (3-я строфа) грозы – моей, личной.

А что действительно во мне сейчас разность потенциалов невероятная – ясно хотя [бы] по тому, что, занимаясь динамо-машинами, вдруг оторвался и начал писать «апокалиптические» соображения. Впрочем, гроза небесная через $\frac{1}{2}$ [часа] кончится, гроза земная, по сегодняшним газетам судя, уменьшается в амплитуде, а гроза моя кончится «тихим разрядом».

Беда, или счастье человека в том, что он волне определенная функция многих переменных

$$Y = \varphi(x, y \dots u)$$

и из этой оболочки, φ – не вылезешь. Сознание – расщепление всего на все и меня. Неужели и «горнее» Божеское сознание такое же, или там одно только я, но нет «всего», остального, есть субъект, но нет объекта? И, может быть, вывод совершенно аналогичный «Cogito – ergo sum» [-] «Est mundus – ergo Deus»^{3*}. Бог может быть только «миром» – иначе это еще одно лишнее «я», начальство, генерал, которому все завидуют, из страха гнут затылки и в кармане сучат кулаки.

Минск, 30 мая, Духов День

Амплитуда?.. Она опять раскачалась до невероятных размеров¹. За один день взято 35 000 австрийских «земляков» и всякий военный хлам. Радоваться – но прошлый год отучил радоваться. Радоваться бояться, как дурного глаза. Все затаили дыхание – но радости пока нет.

Мой отпуск, поездка в Москву, существеннейший Wendepunkt*. Я вернулся совсем другим, охлажденным и, между прочим, «физиком». Это как-то пошло само собой, и с тех пор без физики ни одного дня не проходило. Так, пожалуй, и озаглавлю периоды:

- 1) (до отпуска) – метафизический
- 2) Физический

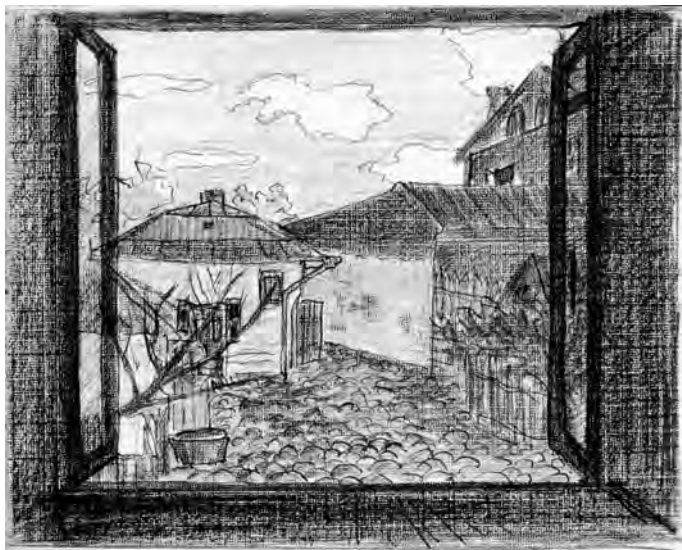
Утром – дома, и главное – газеты. Вечером то в управлении и классах, на бульваре, в кофейне, а потом газеты. So geht's^{2*}.

^{2*} У С.И. Вавилова «Делявана».

^{3*} «Мыслью – следовательно, существую» [-] «[если] есть мир, следовательно [есть] Бог» (лат.).

* Поворотный пункт (нем.).

^{2*} Так и идет (нем.).

Минск, 31 мая

2 письма из Москвы. Обливают холодной водой. Поближе к фронту – война, здесь в Минске «газетные» высоты – ну а там отзвуки жизни – умирания. Вместо физики – физические скандалы и сплетни, вместо жизни – дороговизна и ссоры. Сiju и посматриваю в окно на жидовский дворик. Шатаются жидаы, большие и малые, с котелками и в лохмотьях, по вечерам, откуда-то из-под забора – любовные вздохи. Словно из Юшкевича. Скверно, нужен внутренний высокий потенциал, гроза. Не люблю пустых дней, а они все наперечет пустые. Поскорее убраться куда-нибудь в корпус и сначала начать *vita rusticana**. Если ничего, так бродяжничество, а его, вероятно, летом будет немало.

С маем прощаюсь. Он-то и принес долгожданную «перемену». Перемена у меня и на войне. Дай Бог хорошего июня.

Минск, 1 июня

В «академии» – репетиция, на которой я немного оскандалился. Приехал Коржениовский, вечером были с ним в кинемо. В.Д.О. теперь прошлое. Настоящее очень неопределенно.

В штабе все уверены, что не нынче-завтра должно начаться общее наступление союзников.

Минск, 2 июня

Все-таки я еще не могу постигнуть, что это все? Чепуха, игрушки, интермедия перед началом «жизни». Ведь все вышло, как нарочно. Кончил я университет и остановился на распутье, беспомощным. И вдруг – чудовищные рельсы войны, по которым я безвольно покатился, и качусь уже 2 года. Вот мне сейчас и кажется, что все эти переходы из батальона в в.д.о., из в.д.о. в радиотелеграф – «прыжки в вагоне». Как будто и существенно – а на самом деле вспомнишь – ну через год, через $1/2$ года – поезд придет на конечную

* Сельская жизнь (*лат.*).

станцию – и попросят выйти и все эти заботы о вагонном комфорте окажутся ужасной чепухой и детской забавой. Добросовестно работать на войне для родины? Я – исполняю приказания, но я совсем не делец и практиком не могу быть органически. Если в жизни мне не будет случайных поддержек – вероятно, погибну. Война старается из меня высосать все «механически»-полезное. Но «механический» коэф[ициент] моего полезного действия, думаю, ничтожен. А то, что я делать могу и хочу, – войне не нужно. Остается *sauver les apparences** и ждать прихода поезда.

Так вот и смотрю теперь на все свои приключения, как на шутку, дни проходят. Курсы, обеды, газеты, начал читать роман Белого «Петербург».

Ходят слухи о нашей неудачной попытке прорыва под Барановичами.

Минск, 3 июня

*Fugit invida aetas**. Вот что страшно, или, скорее, пока еще досадно. Жизнь прожить – не поле перейти, это не всеобщая судьба, а исключительное счастье, или несчастье. Счастлив тот, кто каждому мгновенью говорил «*Verweile doch*»^{2*}, и кто каждый день прожил, как последний. Жизнь вовсе не математическая кривая без начала и конца, а отрезок, странный отрезок кривой. Эти две точки «*extremum*» – рождение и смерть можно пройти по кратчайшему расстоянию – прямой – такова, кажется, жизнь животных. Но люди творят чудеса, и иногда этот жалкий отрезок успеваешь подняться у какого-нибудь Леонардо или Наполеона чуть ли не до бесконечности. Вот в этих-то изгибах отрезка – судьба и жизнь человека – и задача – обмануть судьбу и удлинить хоть вверх, хоть вниз диковинными петлями линию жизни. Идеал человека

$$\int_{\text{смерть}}^{\text{рождение}} f(t) dt = 0$$

условие максимума «площади». Вот я и смотрю теперь на свое подневольное «*Vergnügungsreise*»^{3*} в экспрессе войны. Пожалуй, это счастье, и не будь войны, жизнь прошла бы хуже. Но увы – поезд с закрытыми наглухо окнами, едва-едва колышется, шумит и только «на станциях» толчки заметны немного. В «купэ», как дома, те же книга и скука – и пусть несусь я в том универсальном поступательном движении, но «моего» «относительного» движения не заметно.

Курсы, газеты, кофейня. Белый Андрей, тучи, жидовский дом и двор – вот и все. Мне не бури и грозы нужно, а «чистой совести».

Минск, 4 июня

Нового ничего. Холодно, дождь. Курсы. Завтра собираемся дня на 3 на «маневры», верст за 15 от Минска. Вести с войны неопределенные, прошлый год сделал нас воронами, которые и куста боятся. Читаю эпилептический бред Бугаева.

* Соблюдать приличия (*фр.*).

* Время ж завистное мчится (*лат.*).

^{2*} Остановись, мгновенье! (*нем.*).

^{3*} Увеселительная прогулка (*нем.*).

д[ережня] Паперня, 6 июня

«Маневр»[,] и не везет нашей компании в 8 человек, как утопленникам. Выехали из Минска грузовиком, по дороге встретили попа и 4[-х] покойников. В результате станционные двуколки заблудились, попали в Паперню только к ночи, ночная наводка и в результате станция оказалась никуда не годной. Сегодня пришла новая аппаратная двуколка, и дело кое-как начинает налаживаться. Ни отдыха, ни срока, через каждые 4 часа дежурство, да кроме того вообще постоянно торчишь на станции. Ночи не спал, целый день и вчера, и сегодня на ногах. Живем по-скотски в доме псаломщика. На стенах всякие литографии и лубки турецкой и японской войны, портреты Стесселя etc. Псаломщик тип экзотический и философ. Деревня живописная, деревянная церквушка, холмы, лесок и зелень, зелень без конца. Сейчас чувствую себя хорошо.

д[ережня] Паперня, 7 июня

Сумбурное, бессонное житье продолжается. *Sub specie aeternitatis** хуже, пожалуй, не было за всю кампанию, но любопытного много, и я чувствую, наконец, что попал на новую точку действительного дела, где мне самому придется перекроиться. Дождь, холод, мачта воет, поет и стонет. О компании как-нибудь в другой раз, надо же хотя [бы] час поспать. С 12 до 4[-х] дежурство. А все-таки, все это смешные игрушки и «серьезности» – ни малейшей.

д[ережня] Паперня, 9 июня

А, правда, есть что-то экстатическое в этом сплошном бессоньи (сплю по 2–3 часа), лихорадочной безумной погоде и вечном напряжении. Воет, поет, стонет флейта антенной мачты, стучит мотор и электромагнитный призрак реет в пространстве. Может быть, эти дни выкуют из меня нового человека, здесь опять совсем рядом со столькими загадками и ребусами.

Ледяной ветер, рваные тучи то рассеются, то вновь соберутся и сеют холодным, острым дождем. На солнце ежеминутно вспыхивают радуги, яркие, плотные, широкие, почти телесные и «рядом» – вот одна оперлась концом о какую-то халупу. Электромагнитный мост. Кажется, я снова стану физиком и чувствую опять пафос науки. Война, Бог с ней – тут живая явь науки. Завтра конец – опять в Минск.

Минск, 10 июня

Нелепое лихорадочное существование окончились. В 12 ч[асов] свернулись и на грузовике приехали в Минск. Опять ворох газет и «делопроизводительский» Минск. Устал, конечно, смертельно и сейчас лягу спать. Вот жаль, о людях я писать не умею, нужно бы сказать о компании, и она милая, но на подбор странная.

Здесьняя новость[:] в.д.о. IV Армии стал в.д.о. 12-й армии и опять вернулся в «Столбцы».

* С точки зрения вечности (лат.).

Минск, 11 июня

Над Минском тяжелая, беспросветная скука, которую он на все нагоняет. Городишко трусливый, мелкий, торгашеский и без тени пафоса – поганый.

Зашел сегодня в костел, там хорошо. Костел барочный, старый и милый. Ну а все остальное в Минске, начиная от самого «Алексея Ермолаевича»¹, щеголяющего в шинели на желтой подкладке, и кончая жидами в котелках – пошло, скучно и *nel fondo** – мошенническое.

Жизнь человеческая – якорь мотора, который гонят четыре полюса

1) «*Fra Vasso ed Amore*^{2*}»

2) Работа (для себя лично ненужная, безразличная или вредная)

3) Творчество

4) Созерцание

В Минске все эти 4 полюса слабы донельзя и вместо жизни чуть не смерть.

Впрочем, пожалуй, «Минск» тут ни при чем. Чувствую, что сам работаю «вхолостую». Никакой зацепки. Или то, или другое, или 3-е, или четвертое. Не знаю, кто это говорит во мне, Бог или предрассудок, но жить надо так, чтобы не было 1) стыдно, 2) скучно.

Минск, 12 июня

Рукою пьяной типограф
Без толку на доске и складе,
Набор, раскиданный собрав,
Вдруг напечатал Илиаду
Я от судьбы того же жду,
Слепа она, пьяна, небрежна
Смотрю на жизнь я безмятежно
И ожидаю ерунду.

*Sub specie aeternitatis**

И все и вся глупейший нуль
Нам жизнь дана зачем-то *gratis*^{2*}
И все равно: живу, умру ль.
И если Господу угодно,
Чтоб был я тем-то или тем
Сыграю перед вся и всем
Роль честно я и благородно

И, как нанявшийся актер
Играть так буду я *ad finem*^{3*}
Пока не загасят костер
И я, как пепел не остыну^{4*}

* В основе (*ит.*).

^{2*} С Вакхом и Амуром (*ит.*).

* С точки зрения вечности (*лат.*).

^{2*} Даром (*лат.*).

^{3*} До конца (*лат.*).

^{4*} В последней строфе рукой Вавилова более светлыми чернилами внесены 4 правки, заменяющие бывшее прежде «мы» на «я», а также соответствующим образом исправляющие окончания в словах «будем» и «остынем».

Это вовсе не пессимизм, наоборот, сейчас я настроен довольно оптимистически и только скучно. Просто-напросто это «Смирились вы, моей весны высокопарные мечтанья»¹.

Целый день ничего не делаю, оттого и пиитствую. Завтра so zu sagen^{5*} «экзамен», а потому абсолютно делать нечего, а с другой стороны, руки ни за что не берутся.

Газеты – подозрительные, но гроза, кажется, опять сменяется геморроем.

Минск, 13 июня

Самое сладкое и самое ужасное в жизни – Einsamkeit*. В эти дни, часы и минуты человек себе хозяин и творец своей жизни. Все чужое, подневольное простительно, но если Einsamkeit стала скукой – это преступление. Перед кем? Бог знает. Но на душе тягость страшная. Если не вынесешь Einsamkeit, тогда беги, хватайся за первую зацепку, чтобы тебя закрутило, завертело, чтобы ты себя забыл. Но если Einsamkeit – творчество, тогда это достигнутое счастье, и единственное счастье на земле.

Сегодня до обеда был «экзамен», потом я стал совершенно свободен, и вот тут-то услышал Скуку. Стало завидно чужому движению, всякое вдохновение исчезло и я один среди жидовской комнаты с голыми голубыми масляными стенами. В такие минуты жизни цена грош. Но что делать? Вдохновение от Бога, а зацепиться за чужую жизнь я не умею, вот и смотрю сейчас на часы, скоро ли 12 и я со спокойной совестью могу лечь спать. Впрочем... может быть, против этой taedium vitae^{2*} нужна просто oleum ricini^{3*}? Увы, физики не отделишь от метафизики и человек не лучше кошки. Читаю издерганную истерику Андрея Белого. Достоевский был гениальным психопатом эпилептиком, Белый – эпилептик идиот. Здесь и сходст[в]о и differentia specifica^{4*}. Брался за Ньютона и принцип относительности. Но голова пуста и тяжела.

Минск, 14 июня

Вирши мои от 12 июня оказались, кажется, пророческими. Сегодня оказалось, что «зауряд-электротехн[ическую] школу» я кончил первым и получил «volle Zwölf ohne Minus»*. Конечно, удовлетворен хотя бы тем, что могу «втереть очки» всем этим военным электротехникам и поддержать честь Московского Университета. У меня еще остался «ученый глянec», хотя знания испарились за войну. Жерве мне сказал «приветственно-нравоучительное» слово и в результате назначил меня на 1-ю вакансию... в гвардию.

«Я от судьбы того же жду,
Слепа она, пьяна, небрежна
Смотрю на жизнь я безмятежно
И ожидаю... ерунду».

Вот и дождался. Каким пугалом покажусь я в гвардию, мне и подумывать страшно. Я мог быть офицером только на войне. Не хватает у меня ни

^{5*} Так сказать (нем.).

* Одиночество (нем.).

^{2*} Отвращение к жизни (лат.).

^{3*} Масло касторовое (лат.).

^{4*} Специфическое отличие (лат.).

* «Полные двенадцать без минуса» (нем.).

офицерской накрахмаленности, ни упругости. Я – кисель, и если в армии это сходило, в гвардии, вероятно, будет смешно. Впрочем...

если Господу угодно
Чтоб был я тем-то или тем,
Сыграю перед вся, и всем
Роль честно я и благородно.

Попаду я, кажется, в одну из гвард[ейских] кавал[ерийских] дивизий, назначенных «на прорыв». Соображаю я сейчас все это плохо, вообще – видно будет.

Целый день сегодня носился из богоугодного радиот[ехнического] заведения фронта домой, по лавкам, в парикмахерскую и наконец, чтобы отчасти похвастаться, подразнить, отчасти попроситься, в ветхий в.д.о. Зеленая там скука, все выцвело и надоело, и спит. Слава Богу, что судьба меня оттуда вынесла. Я совсем на новой дороге, на принципиально новой, и за свои силы побаиваюсь.

Завтра уезжаю к Докшицам, где стоит штаб войск гвардии.

м[естечко] Молодечно, 17 июня

Два дня я не писал, потому же, почему и не спал и не обедал. Путешествовал. Поезда прут, прут *senza fine** от Молодечно на юг, от Минска на Молодечно, как милостыню пропускают 1–2 интендантских поезда. В теплушке человек сорок «нормального» состава, штук 8 прапорщиков с универс[итетскими] значками, полдюжины сестер, пограничный полковник, контролеры etc. В Мол[од]ечно часа в 4 утра. Оттуда – в Парфианово. Но... гвардия оттуда ушла в Молодечно. Пыльный, грязный, с расстройством желудка, возвращаюсь на Молодечно. Вообще, мне вчера (да, кажется, и сегодня) фаталистически не везло. Каждый шаг выходил смешным, нелепым и в цель не попадающим. Присматриваюсь к гвардии. Совсем мне чужое, в конце концов, органически «дворянское», что мне не столько не по душе, сколько не по натуре. Высоченные, здоровые, выдрессированные солдаты с разными пестрыми галунчиками и кантами похожи на швейцаров из аристократических домов и на меня посматривают с презрением. Ночевал сегодня у этапн[ого] гвардейского коменданта в квартире для проезжающих офицеров. Встретился там с гвардейскими саперами (телеграфисты), каким-то казацким сотником. Вечер – «политический» разго[во]р пустя[ч]но-петербургский. Сегодня утром явился [к] ком[анди]ру 3-й истровой роты подп[олковнику] Лютомскому и в результате «прикомандиров[ан]». Встреча холодная, на меня косятся, и, видимо, буду не ко двору. Приходится сжиматься, притворяться, и, в сущности, пока смешно и скверно. Поселился с радиотелеграфистами, прапорщиками. Слава Богу, хотя [бы] тут совсем не гвардия.

Грязь, молодеченское болото, дым, паровозные свистки, серое, вихрястое небо, дождь и пока абсолютно никакого дела. Или это только сначала, или вообще «там лучше, где нас нет».

Личину смирения и приниженности перед гвардейским величием пока ношу, но что дальше будет, Бог знает.

* Без конца (*um.*).

18 июня, м[естечко] Молодечно

Начинаю устраиваться и «чувствовать себя, как дома». Дела много, но пока скверно то, что я сейчас в здешней 3-й истрковой роте «затычка». Мне уже успели поручить заведывание радиоавиационной станцией, мастерскими, обучение чинов etc. Но ощущение свежее, а главное – физика. Я, конечно, держу тон и стараюсь показать, что для меня все это пустяки, на самом деле нового много. Водил меня сегодня полк[овник] Лютомский представляться ген[ерал]-квартирмейст[е]ру штаба гвардии – полковнику Дюруа. Первое «гвардейское» впечатление, конечно, мне органически неприятно – дворянское. Почему оно неприятно – ясно. Присматриваюсь к людям. Прапорщики – славные малые, но немного запуганные. Полковник и капитан, как и везде, дураковаты. Погода мерзкая, много дела, до сих пор не опомнился.

19 июня, м[естечко] Молодечно

Ни минуты свободной, то обучаю чинов, то принимаю двуколки, обеды, толкотня, а на завтра дела еще больше. Ночь и день сильнейшая канонада. А тут еще «гвардейские» впечатления. Некогда и весело.

20 июня, м[естечко] Молодечно

То же, дела столько, сколько не видал за всю войну. Не знаю, есть ли толк от этого дела для войны, но для моей «физики» – безусловный. Становлюсь «практиком». Утром разбудило в 4 ч[аса] утра буханье по аэропланам (зенитная пушка под самым окном). Весь день и вечер страшная канонада, бесконечный ураганный огонь. Видимо, немцы, как сегодня кто-то сказал, хотят «лишить нас невинности», т.е. произвести прорыв фронта.

В «делах» утопаю, нет времени подумать.

21 июня, м[естечко] Молодечно

1 ч[ас] ночи, а мне бы нужно было еще часа 3 – столько всякого дела. Учю чинов. Народ здесь старательный, все хотят научиться, и смекалистые. Учусь и сам, разбираю всякие типы станций, вожусь со схемами – ни отдыха, ни срока. Гвардия так – в стороне, некогда на нее внимания обращать. В общем, впечатление очень неприятной оприч[н]ины.

Вчерашняя канонада – подготовка нашей неудачной атаки. Сегодня тише, но вообще-то, кажется, зашевелились всюду.

22 июня, м[естечко] Молодечно

А сейчас 2 часа ночи и я сижу и изучаю схему Айзенштейновского при-емника. Целый день ношусь, не скучаю и работаю. Живая физика. Ведь вот все они кругом или «служат», или техника, а меня физика и волнует, и радует. Теорию Максвелла руками нащупываю... и пройдет неделя, другая – на меня сойдет научное вдохновение. Потому-то я и рад, что «дома», все остальные здесь чужие. Ну а здесь – аэропланы над Молодечно. Грозовые разряды, на которые злится полковник. Ночью безумная канонада.

23 июня, Молодечно

По-прежнему много работы, и работы веселой. Начальство глупое, се-ледкообразное по обыкновению – ну, да Бог с ним. Ремонтирую станцию Русс[кого] О[бщест]ва¹, занимаюсь с чинами на станции Telefunken, держу приемную авиац[ионную] станцию и т.д. Моя цель сейчас возможно скорее выжать из радиотелеграфа все практически полезное в будущем. А потом главное – тут физика, и никто этого не знает, не чувствует и думают больше о штабных обедах, чем о физике. Я – solo^{*}, нет конкурентов, а потому хорошо. Правда, немного досадно, что не в корпусе, что опять не на войне.

Ночью опять обычный пушечный концерт, взрывы шрапнели на горизонте и отблески. Канонада вчера незаметно перешла в страшнейшую грозу. Будет и сегодня, кажется, тоже. На фронте сейчас весело, нет особенных удач, но чувствуется хорошее «quos ego»^{2*}.

24 июня, м[естечко] Молодечно

Немножко похоже на дни пребывания в лаборатории, в Мертвом [переул-ке]. Целый день вожусь у Айзенштейновской станции, рассматриваю каждую деталь. Это, пожалуй, «описательная» физика. Но иногда с высот Maxwell'a хорошо сойти на эти низы, слушать немца, который где-то в Лейпциге вы-стукивает радио «An allen Schiffen»^{*} и не подозревает, что под Минском его слушают. Для всех здешних капитанов и полковников – радиотелеграф мета-физика, которую приспособили на войне, для меня физика.

Гвардию не заметно. Пушки ночью гремят. Дождь, холодно. Целый день занят. Ночью проверял караулы. 2-й час ночи.

25 июня, м[естечко] Молодечно

Я словно попал в заброшенную библиотеку с почтенными поседевшими книгами. Бросаюсь от одного к другому, оживлен, жить интересно. Не люди, не обстановка, не война – это все чепуха, а вот станции, ведущие к физике, к ее самым страшным безднам. Смотрю на звезды, которые глядят сейчас ко мне в окно. Да, станция та же звезда, и светит чуть не на весь мир – звезда и глаз. Не замечаю людей, здешней организационной белиберды, разных го-голевских типов, вроде полк[овника] Погуляя, и готов не обедать, не спать. Ночь сейчас просиживаю, разбирая станцию Marconi, сложную и странную. Развлекаюсь русскими и немецкими депешами и... per dir la verita^{*} жизнь становится простой и интересной. Пушечного грохота не слышно, авиаторы, конечно летают.

26 июня, м[естечко] Молодечно

Часа в 4 утра налетели немецкие аэропланы. Грохот, свист бомб и снаря-дов Пииии... жжж... бах etc. Я держусь страусовской тактики, повернулся на другой бок и заснул. Если суждено быть исковерканным, то лучше уж во сне. Так что аэропланов я не видал. Разговоры ходят разнообразные, говорят,

^{*} В одиночестве (*ит.*).

^{2*} Вот я вас! (*лат.*; угроза Нептуна, обращённая к разбушевавшимся ветрам).

^{*} Всем кораблям (*нем.*).

^{*} По правде говоря (*ит.*).

было 20 аппаратов, сбросили 60 бомб etc. Телеграфисты видели, как штабные без штанов в автомобилях удирали от бомб.

Впрочем, вечером в руках уже было радио из Лейпцига, где немцы победоносно возвещали, что «bei Molodetschno wir haben die Abtransport der russischen Truppen mit Bomben ausgiebig belegt»*. Оригинален этот круг. Утром – звуки возвестили о визите, потом через штабы, вероятно, через руки какого-нибудь Гинденбурга, или Леопольда Баварского весть попала в «Hauptquartier»^{2*} – оттуда в руки лейпцигского телеграфиста, какого-нибудь Hans'a Müller, а оттуда электромагнитные волны донесли весть опять в Молодечно – и все это путешествие за 12 часов.

Сегодня воскресенье, занятий не было. Сдавал части авиац[ионного] передатчика какому-то авиатору – а потом смотрел ст[анцию] Marconi, читал Cunningham'a etc... и как будто и не был я в в.д.о.

27 июня, м[естечко] Молодечно

Солдатский вестник с утра трезвонит, что уходим на юг дня через 4 или неделю. Всякие капитаны, чиновники, доктора добавляют, что переедем к Гарнополю, в Трёмбовлю¹. Обо всем знают, конечно, и местные жидаы и, одним словом, по всему Молодечно идет перезвон сплетен.

Очень рад, опять попаду на ночь на старые места и вспомню романтику 1914 года.

Весь день возился с двигателем Сименса. Вечером шахматы, дилетантская болтовня, да вот смотрю на небо (оно стало опять ясным) и думаю, завтра разбудят в 4 часа утра.

Война с тех пор, как вожусь с конденсаторами, трансформаторами, двигателями, стала совсем далекой, не моим делом. И совесть – чистая. Ни перед Богом, ни перед собой, ни перед людьми не грешен.

28 июня, м[естечко] Молодечно

Целый день занят. Чиню двигатель. Ставил мачту и еще черт знает что делал, ночью обхожу станцию, караул. Устал. Говорят, 1-го уезжаем.

29 июня, м[естечко] Молодечно

Установившийся modus vivendi*: просыпаюсь часов в 8 и читаю свеженькую радио^{2*} с сообщением Главного Штаба. В 9 иду к двуколкам, возня с двигателями etc. Чины – народ славный, все больше слесаря, мастеровые – смышленные и без задора. От 12 до 2 – «Вестник Гвардии», обед в собрании и затем опять на работе до 6–7 часов. Ужин, шахматы, книги, политиканство, рассуждения об аэропланах и на покой. Работа интересная, и совесть чиста, и приятно. Правда, и здесь мечтают о лишней звездочках etc. – но в радиотелеграфе для меня это совсем чепуха, все равно что разговор о преимуществах 2-х пустых бутылок из-под коньяка – одной с 3-мя, другой с 5-ю звездочками.

* «при Молодечно мы обильно обсыпали бомбами путь отступления русских войск» (нем.).

^{2*} Hauptquartier – штаб-квартира, ставка (нем.).

* Образ жизни (лат.).

^{2*} Так у Вавилова.

Здесь я физик e me ne vanto^{3*}. Едем 1-го, кажется, окончательно, не то в Ровно, не то в Трёмбовлю.

Молодечно я так почти и не видал. Кстати, сегодня 2 года, как я в погонах. И я доволен, на год еще вполне готов, особенно в радиотелеграфе. 3-й год я начинаю в 3-м «вагоне». Думаю, что он-то и доведет меня домой.

30 июня, м[естечко] Молодечно

Сегодня новая версия солдатского вестника: едем в Сарны, 2-го июля. Это, конечно, хуже.

С 4[-х] утра до 8 обычный дивертисмент аэропланов. Вылетают и наши, покружатся, покружатся внизу, постреляют из пулеметика и спускаются. Вечером тоже. Конечно, все тайное стало явным, и немцам давно известно, что войска куда-то уходят.

Целый день возился с Айзенштейновской двуколкой, а в паузы обед, разговоры на аэропланские темы, да шахматы. Впрочем, все недурно.

1 июля, м[естечко] Молодечно

День не клеился. Голова болит, не работает динамо. Аэропланы. Бомбы с отвратительным хлясканьем летят и рвутся где-то совсем близко. Погрузка идет всюю. Ночь всю идут полки с музыкой и песнями. Новая версия – едем в Олыку, а в конце концов Бог знает куда.

А лето проходит. Его я не видал, оно вышло буйное и переменчивое.

Мне, кажется, скоро предстоит ехать в 3-ю гвар[дейскую] кав[алерийскую] дивизию, замещать начальника станции.

4 июля, м[естечко] Глубокое

Вместо юга я попал на север. Все это произошло по-военному глупо, и об этом сейчас расскажу. 2-го весь день суетились в Молодечно. Вечером надо было грузиться. Посматривали на небо. С раннего утра крутились наши аэропланы – должен был грузиться Безобразов со штабом. Часов в 6, за 2 часа до отъезда, меня вызвали к командиру роты. Пошел, уже предчувствуя, что впереди – кавалерийская дивизия. Так и вышло. В результате обескураженный и сбитый с толку, смотрел, как убитый, на чужие сборы и волнения и мне было на чужом пиру похмелье: по усам текло, да в рот не попало – вот те юг. Впрочем, в 9-ом часу повел роту походным порядком на станцию и выполнял роль до конца. На вокзале распростился, пообедал, уселся в вагон, идущий на Полоцк, и начал засыпать.

Вдруг... ббааах, потом хляс... хляс... хляс и опять ббаах и где-то совсем близко. Два прапорщика и капитан, сидевшие в купе, полезли под лавки, начали креститься и шептать: «Цеппелин». У меня, слава Богу, самообладания хватило, подошел к окошку и начал искать цеппелина, но все затихло, видимо, Ц[еппелин] оказался просто запоздавшим аэропланом.

Ну а потом доехал до Сеславино, поехал на телеге в Глубокое. Мужик философствует. Между прочим, о жидках – они все знают и теперь вдруг заговорили по-иному – немцу крышка. Хороший признак. Утром разбудил

^{3*} И этим горжусь (*ит.*).

прап[орщика] Калинина, свалившись как * Deus ex machina^{2*} и сразу погрузился в гвардейскую штабную атмосферу. Ну, о ней писать нужно очень много, и это сделаю завтра, когда смогу остаться solo^{3*}. А сейчас какой-то страннейший туман милых генералов, ничего не делающих, кавардака, обедов, Лафита, водки, сестер и пр.

Принял от Калинина кавалерийскую станцию и с завтрашнего дня полный ее хозяин. Приходится заделаться кавалеристом и вообще надевать на себя совсем необычную маску, чтобы не казаться чудищем среди других.

5 июля, м[естечко] Глубокое

Глубокое – поразительно красивое местечко. Одновременно кокетливое и архаическое. Впереди озеро с зелеными холмистыми берегами. А за ним в гору – местечко с двумя огромными колоссами – костелами. Один тонкий – белый, как пасха, с блестящей красной черепичной крышей, другой (переделанный теперь в русскую церковь) огромный, широкий, высокий с позеленевшей выбелкой и зелеными побелевшими куполами, с белыми отростками монастырских зданий. Рококо костелов, июльское синее небо, рябое озеро, зеленые плавные холмы и серые наслоения жидовских домов и синагоги (сохранивших тут свою трогательную архаику) – почти Италия. Это – о Глубоком, теперь о дивизии. Она, пожалуй, еще лучше Глубокого. 2 генерала, Арапов и Орлов, которые гораздо больше «бар», чем генералы. Это помещичье барство тут во всем. Простота нравов поразительная, потому что какой-нибудь прапорщик Хрущев такой же барин и дворянин, как Арапов, только мальчишка. Не делают, конечно, ничего. 100 верст до фронта. Ну и живут, как на даче, – и старые и малые ухаживают за «сестрами», превратив их за время стоянки в форменных блядей, по вечерам ходят «на стрелку» к мосту через какую-то лужу, хорошо обедают, пьют ночью и денно напитки всех цветов радуги от содовой воды через Сотерн, Лафит, Pommery Sec, Мадеру, Кюрасо – до водки и старки. Разговоры за обеденным столом или об очень высоких особах, или о гондонах, сестрах и жидах. Хозяин собрания ротмистр Молоствов – типичнейший тамбовский помещик-хлебосол, которому бы фуражку с красным околышем на голову, поддевку на плечи и арапник в руки. Остальные – спившиеся птенчики разных гусарских Ее Величеств и т.д. полков. На войну взгляды простейшие. Сегодня за столом ген[ерал] Арапов изрек: «В случае победоносного мира – ну и пьянство пойдет по Петрограду, впрочем, я водочку пью, потому, что сам гоню, а не гнать [–] придется у Исакия с рукой стоять».

Но на летописный слог меня дальше не хватит. Итак, о себе. Каково мне? Пожалуй, очень скверно. Словно рыба на суше. Эстетически и летописно – я оценил прелесть милой барской дивизии, да и вообще эстетику барства понимаю. Но тут надо не «смотреть» – а «жить». Надо крутиться, пить, ухаживать за сестрами, болтать без умолку и быть непринужденным – т.е. для меня книга за 7 печатями. Сразу 2 барьера: 1) мое «созерцательство» и замкнутость, 2) мещанство не паскудное, но органическое. В какой-нибудь ежовой дивизии,

* Далее чернильный текст «обходит» одну ранее написанную на этом листе карандашом строку «О если б прочитал из Голубиной книги».

^{2*} «Бог из машины» (*лат.*) – внезапно.

^{3*} В одиночестве (*ит.*).

с фанфаронами-генералами и полковниками я чувствовал бы себя, наверное, лучше. Там тянись, пиши рапорта и спасен будешь. И вот теперь сразу задача чисто актерская – перевоплотиться, конечно, не смогу.

Впрочем, и сегодня обо всем не напишешь. Вчера, провожая Калинина, пьянствовали. Сегодня сопровождал корн[ета] Назарова к сестрам и сидел там дураком. Чудно и, пожалуй, глупо.

6 июля, м[естечко] Глубокое

В.Д.О. и... Гвардейская кавалерийская дивизия. Такого фортеля судьбы, признаться, не ожидал. С уровня обозных батальонов – до военных олимпийских высот гвардии. Мне смешно. Сначала я ехал во 2-м классе (тел[еграфная] рота), потом пересадили в теплушку в.д.о., а потом в салон-вагон. Смешно потому, что все равно я еду и доеду. Сейчас в «салоне» я начинаю свыкаться и хотя помалкиваю, но хожу смелее. Пройдет неделя, другая и буду мечтать здесь остаться *ad finem**. Занят целый день. Утром хлопочу с сообщением штаба, чтобы подать его в приличном виде Церетели, затем иду на станцию. Чины – избалованные, но славные. Затем бумажки, черчу кривые градуировки. Обед в собрании. Прогулка по красивому Глубокому. Опять станция. Ужин. Письма. У окошка корнет Назаров изливается. Читать некогда, и этого очень боюсь.

Идем 10-го, здешние стратеги полагают, что передвижение гвардии чисто демонстративное и удар будет на севере.

7 июля, м[естечко] Глубокое

Всякий другой человек – новое измерение. Быть с живыми людьми я не люблю и не умею. Люблю людей на сцене и в книгах – одним словом, людей-объектов. С людьми-субъектами надо настраиваться, перестраиваться и, наоборот, перед ними изображать объекта и быть актером. Каждый человек – новый мир и новая эстетика. Жить с людьми – уметь перескакивать из центра сферы на периферию. Потому-то и люблю звезды, книги, глубокий собор и милую физику – тут я всегда в центре. Эта «созерцательная» центральность одновременно моя Ахиллесова пята и быстроноготь.

«Барская» дивизия. Из центра она прекрасна (чуть не «Война и мир»), но на периферии чувствую себя неловко и глуповато. Впрочем, свыкаюсь, и если так пойдет дальше – на периферии создам себе новый центр. А пока скачу, то здесь, то там.

*Modus vivendi** – прежний. 2 торжественных церемонии обеда и ужина с милым генералом Араповым. Полуторжественный кофе. Ну а остальное время читаю, хожу на станцию, стараюсь быть непринужденным в обществе разных корнетов и хорунжих, но чувствую, что из этого очень мало выходит толку. Небо и земля. Тут смотрят прямо – *gradita é la vita fra Vacco ed Amore*^{2*}, готовят наливки и «флиртуют» с сестрами. Я же смотреть прямо не умею. Глаза мои «горе» или «долу».

Дождь, лето отвратительное. Идем, кажется, в Ровно, или под Ровно.

* До конца (*лат.*).

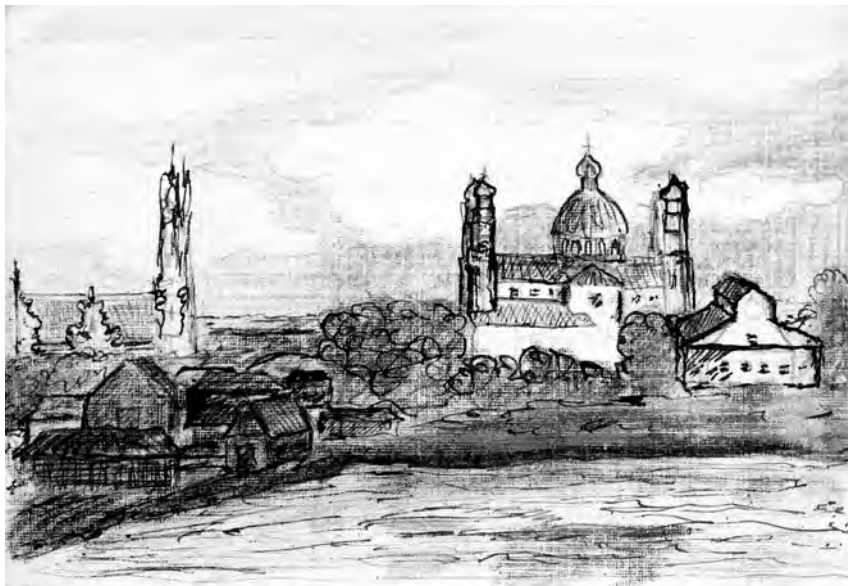
* Образ жизни (*лат.*).

^{2*} Приятная жизнь с Ваххом и Амуром (*ит.*).

За ужином пил какую-то водку, изготавливаемую прап[орщиком] Хрущевым и слышущую под титулом «Хрущевки». Голова немного кружится. По дневнику, во всяком случае, очень трудно составить себе понятие о деталях *modi vivendi*.

8 июля, м[естечко] Глубокое

Моя здешняя тактика и стратегия – «*nil admirari*»*. Поэтому я не морщусь, беседую с разными Султан-Гиреями, принцами Олизарами, Шах-Назаровыми, графами Канкринными etc. В моем положении возможно или лакейство, или «*nil admirari*». Это не актерское «*nil admirari*». Всякий шах и султан, конечно, ворона в павлиньих перьях, и часто павлин даже не в собственных глазах, а в глазах чужих. *Nil admirari* – только игнорирование павлиньего убора. Дворянство [–] историческое и биологическое заблуждение, но для заблуждающегося такое, которое дороже «тьмы низких истин»¹. К дворянству возможны три отношения: 1) лакейство, 2) презрение, 3) *nil admirari*. Держусь третьего, как самого честного и безопасного. Правда, не ручаюсь, какова точка зрения другой стороны, может быть, тоже *nil admirari*, а может быть, и презрение.

Гвардия как будто и на войне, но все от нач[альника] дивизии до офицер[ского] ординарца убеждены, что гвардия до конца останется в резерве, и предстоят только «пьяные» развлечения. Гвардейцы исправно крестятся до и после обеда, хлещут водку и зверобой, говорят о лошадях и урожае и, пожалуй, в живой России это только... зубры, милые, экзотические зубры. Но пушу, как говорят, немцы вырубили, и после войны зубры вымрут.

Дождь, омерзительная погода. Торчу на станции, читаю ⟨нрзб.⟩ болтаю с прапорщиками и корнетами.

* Ничему не удивляться (*лат.*).

9 июля, м[естечко] Глубокое

Уезжаем завтра утром. Сегодня хорунжие, корнеты, прапорщики надели малиновые шаровары и прощаются с Глубоким. Времяпровождение «корнетов» определенное. Пьют, спят, обедают, опять пьют, идут к сестрам, там пьют, а потом спят. Более остроумные занимаются изобретением «мухобоев». Например, «Хрущевский» мухобой:

приманкой служит мадера. Я изобретаю себе разные бумажные дела, урывками читаю, хожу на станцию и занимаюсь реформами. Вечером пошел в собор, внутри он оказался настолько же скверен, насколько хорош снаружи. Голые розовые стены обвешены олеографическими иконами, ни благолепия, ни старины. Колокола мелодичные и минорные. Опять лихорадочная дождливая погода.

11 июля, в поезде, за Минском

Поездной жизни иначе не устроишь. Штампованная, как сама жел[езная] дорога. Вчера походным порядком повел свою милую миниатюрную команду из Глубокое до Сеславина. Погрузились, разгуливали по перрону, обедали в питательном пункте, часов в 5 поехали. Едем не торопясь, в 24 часа 200 верст. В купе со мною прап[орщик] л. каз. полка Ефремов, молодой и угрюмый. Играем в шахматы. К дивизии присмотрелся. Лучше всех – генерал Арапов и, пожалуй, он-то один и «помещик», и «барин», и дает тон дивизии. Остальные только «abgestimmt»*. Компания чудаков корнетов Наз[аров], Хрущ[ев], Зв[ерев] – очень милая. Начинаю привыкать, и ко мне привыкают. Впрочем, вероятно, скоро вернут в 3-ю роту, а этого не хочется. Жарко и по-вагонному душно.

Отставили Сазонова, Ар[апов] говорит, что это в связи с предстоящим ультиматумом Румынии. Впрочем, кончил так: «А какой портфель дали Распутину?»

12 июля, в поезде, за Жлобином

Утром. Везут нас не торопясь и впечатление такое, что гвардию перевозят с одного фронта на другой, как огородное чучело, пугающее, но не бьющее и, Бог знает, умеющее ли бить. Служить в такой чучелоподобной армии, т.е. быть гвардейцем, вряд ли кому приятно. Дни текут, по вечерам за ужином пьем генеральскую водку. Разговоры здешние у меня б[ольшей] ч[астью] фальшивые и притворные. Какая-то сплошная симуляция, причем, это потому, что хочется не выделяться, слиться с общим фоном и не мозолить никому глаза. Холодно, хотя и едем все на юг.

Юг все яснее. Золотой хлеб, жатва на всем ходу, бабы в пестрых красно-белых паневах, даже мегеры кажутся красивыми и соблазнительными. В лесах все чаще дуб и ясень.

* Подстраиваются (нем.).

Переехали Припять – река широкая, ползут мелкие пароходы. Сейчас стоим на разъезде недалеко от Овруча. Об Овруче вспоминаю как о чем-то археологическом и жду его с интересом. Жарко.

13 июля, в поезде, станция Славута

Ночью, вероятно, поездное *far niente** окончится, доедем. Овруча не видел, проехали ночью. Места пошли красивые и романтические. Леса дубовые, разлапистые, бархатные. А от дуба веет такой же архаической романтикой, как и от этих славных имен Овруч, Новгород¹. Белые халупы, пестрые бабы, пирамидальные тополя и бархат южной зелени, но, правда, «гвардейские» тенета прежние, и именно тенета. Здесь слишком все «при всех» и «*Selige Einsamkeit*»^{2*}, вероятно, не отыщем долго, а без нее дни проходят бесценно – для других. Ну, положим, постараюсь устроиться.

У меня в команде событие: в вагоне жеребилась кобыла.

14 июля, в поезде, станция Олыка

Все еще едем. Чем меньше остается расстояние, тем медленнее идем, и конец недостижим, как черепаха для Ахиллеса. До обеда все было, как на картинке. Желтые нивы, голубые небеса, дубы и сосны лесов, снежная белизна халуп и задумчивость пирамидальных тополей. Много философии и сентиментальности. Картинки Пимоненки и мистическая, корявая архаика вековой дубовой Волыни, но вот переехали «зимнюю границу» и страшное поле смерти у Олыки. Впечатление, как от ходынки. Героизм, пафос, стратегия [–] все насмарку. Змеи окопов и ходов сообщения, проволока, землянки, кладбища и разрушение. Впечатление странное и страшное.

15 июля, кол[ония] Станиславовка*

Настали опять времена романтические. Началось это так. Вначале все думали, что гвардия только пугало, что будем стоять где-нибудь под Ровно. Но эшелон вез все дальше, перевез через Стырь и выкинул в Рожище. Выгрузились ночью. Ночь по-южному черная, как сажа. Стоянка для штаба какая-то колония Станиславовка с двумя халупами. Пошли и заночевали верстах в 5 от станции. Ночевали под вишней и открытым небом и проснулись с первыми аэропланами. В 7 ч[асов] утра повел станцию в Станиславовку, без карты. Крутили, крутили верст 25. Над головой все время жужжанье, пулеметы, шрапнельные разрывы. Бомбы переколотили уже немало гвардейцев. Кстати, гвардейцами набиты все здешние леса, деревушки и кустарники, под каждым деревом кто-нибудь да прячется. Здешние деревни, леса и поля унылые, анемичные и пустынные. Поля засеяны немцами, поднялись овсы и пшеница, которые теперь некому убирать. Оставшиеся жители измучены, запуганы и им все равно. Ходынка, Помпея после извержения Везувия. А за горизонтом новое извержение с лаврами и новой Помпеей.

* Ничего неделание (*ит.*).

^{2*} Блаженное одиночество (*нем.*).

* Запись за 15 июля сделана карандашом.

Пришел, поставил станцию, кое-как устроился. На фронте бой, немецкий фронт опять прорван. Официально рассказывается о 7000 пл[енных], 34 орудиях, а солдатский вестник легко раненных гудит о взятии Ковеля, 37000 пленными и прочих хороших вещах. Идут через деревню сияющие австрийцы (чехи) пленные. В штабе все возбуждены и глуповаты, как дети. Аэропланы подожгли Рожище. Ночью готовится опять прорыв. Да тут тону в новостях и пока забыл про физику и метафизику.

16 июля, кол[ония] Станиславовка

Сидим, как перед праздником, идут торжественно-радостные слухи о победах, о десятках тысяч пленными – не сегодня, завтра дивизия двинется в бой. И на бой все собираются, как на праздник. Надо сказать одну правду – в армии – «защитники родины» – идейные солдаты, от земляка до генерала. Гвардия – профессия и военное спортсменство, поэтому и радость здесь чисто профессиональная и спортсменская. Мне она, конечно, достаточно чужая, но люблю и втайне завидую. Сидим на чеку и готовы каждую минуту.

Наводят панику аэропланы, шныряющие утром и вечером по небу. Вчера в Рожище вечером подожгли местечко и переколотили около сотни душ. Ни одной минуты не уверен, что не последую той же участи.

Пыль стоит на дороге столбом, «туда» тянутся кавалерийские полки – «оттуда» раненные. Моя станция скрывается под грушей и понемножку занимается своим обыденным подслушиванием. К гвардии я привык, но живу в ней, как масло в воде. Милые люди, с некоторыми на ты, но все-таки масло и вода. Своих карт не открываю, а приспосаблиюсь.

Вечером немцы пустили ядовитые газы, которые чуть-чуть не дошли сюда. Аэропланов вечером почему-то не было.

17 июля, кол[ония] Станиславовка

Пыль от обозов и кавалерии, солнце и суетня. Почему-то нет аэропланов, хотя все их ждут. За горизонтом непрерывный грохот. Ночью прожектора, ракеты и отблески. Слухов бездна. Говорят, что против нашей гвардии – немецкая гвардия. Вчера немного отошли.

Хорошо, почти что дни красноставские¹. Жаль, что гвардия, и вместо духа живого армии – спортсменство. Повторяю[:] люди милые, но совсем чужие – вода и масло. Ну да впрочем, это люди, а есть небо с звездами, есть физика, и здесь есть милая станция, на которую все «прочие» смотрят, как осел на фортепиано.

Если бы не было у меня физики – увидав гвардию, жить не стоило бы.

19 июля, кол[ония] Дубовец

Перешли сюда вчера, от фронта верст 8. День и ночь ужасающий гул, ночью на горизонте, как из-за ramпы какого-то фантастического театра, подымаются ракеты, рвутся шрапнели, ползает светлые снопы прожекторов. Штаб пришел налегке, оставив обоз. Посе[ли]лись на хуторе с халупой и тремя стодами. Живу в стоделе с компанией веселых ординарцев, сплю на соломе и опять вспоминаю веселые холмские дни. Продвигаются каждый день, но пока по-черепашьему. Особой стратегии не видно – просто ломают.

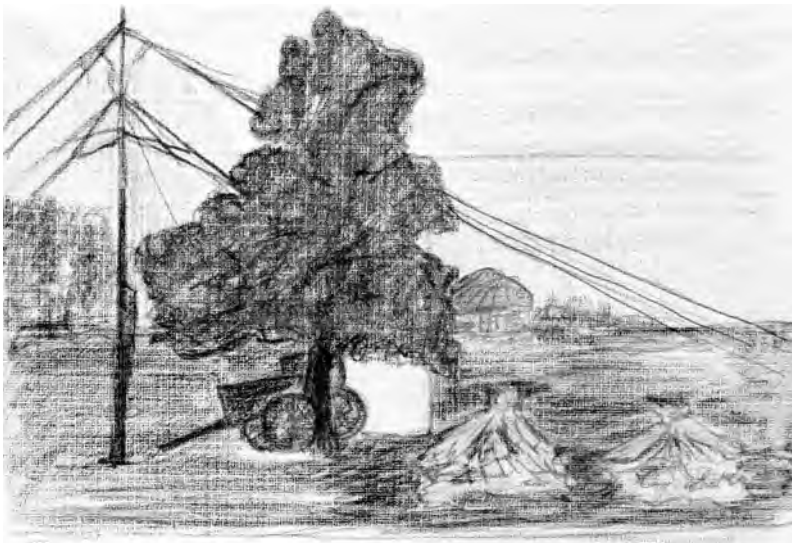
Станцию опять спрятал под грушу, в желтых полях, засеянных австрийцами, «страха ради аэроплански». Порохом пахнет очень близко, живое ощущение войны.

Солдаты роются, находят снаряды, патроны, кинжалы и всякую дрянь.

Кругом желтые, нежатые поля, лесочки, болотца, штаб да казаки. Есть, правда, редкие экземпляры жителей – не то жида, не то немцы-колонисты.

20 июля, кол[ония] Дубовец

Утром и с 5 до 8 вечера носимся, как загнанные зайцы, под аэропланами. Положение глупое, противное и трусливое. По-видимому, в каждой халупе по шпиону с телефоном. Мечутся генералы: дивизионный и бригадный, расходясь на дистанцию в расчете, если убьют одного – останется другой, мечемся и мы.

Ну а остальное по-прежнему. Стодол, пыльная солома, станция, большая стрельба и ничтожные продвижения.

В 30-м корпусе за один день вчерашнего безрезультатного боя 3000 убитых и раненых. Пишу, получаю бумажки. Со станцией хлопот много, толку много – ходячая страховка. Забросил физику, а ведь это мое единственное оправдание радиотелеграфа. Физикой и займусь. А... смерть – утешение классическое – она неизбежна, и люди, пугаясь – идиоты. Куры, лошади, собаки куда умнее – ноль внимания.

21 июля, кол[ония] Дубовец

Чужая и неприятная атмосфера графов, князей и даже вел[иких] князей. Они все, кажется, очень милые люди, но что же делать. Играть в аристократа? Глупо. Быть самим собою? Это, пожалуй, лучше, но не всегда. Но главное, все ведь это маскарад и котильон. Военная служба для этой компании потому, что больше делать нечего. И вполне ясно, что она обратилась в спортсменство. Вероятно, дивизия думает, что я с моей станцией – ненужный привесок дивизии, а мне кажется наоборот – дивизия нелепый привесок радиостанции.

Сидели опять спокойно. К вечеру узнали, что вечером «после аэропланов» дивизия в составе 3 полков должна занять участок окопов. Идем. Для кав[алерийской] гв[ардейской] дивизии это вышло и глупо и неожиданно, и все трусят.

22 июля, кол[ония] Дубовец*

Штаб сегодня утром перебрался в Вичини^{2*} (верст 5 отсюда). Меня со станцией пока оставили здесь. Сiju в компании дивиз[ионного] врача, двух нелепых, вульгарных зубоврачих, да корнета Докторовича, польского шляхтича с брюшком, похожего на жида. Думаю, что к вечеру перееду к штабу. Дивизию усадили в окопы охранять безвредный болотный участок. В штабе все, с отвычки, волнуется, как мальчишки.

Вчера ночью горизонт светился и пылал словно Невский. Ракеты торчали над горизонтом, как электрические фонари, красные сигнальные ракеты, словно рекламные объявления. Прожектора – автомобили. Рев пушек, свист ветра, дождь, шум переходящей дивизии.

Пошли с хор[унжим] Зверевым (сыном юриста), большим чудачком, или, точнее, притворяющимся чудачком – искать шпионов в халупах. Ничего не нашли, но время провели приятно. Сейчас сiju как на иголках и жду, когда выберусь из нудной компании Докторовича и зубоврачих.

Немцы, кажется, собираются из Ковеля сделать Верден наоборот. Здесь и Kaiser, и немецкая гвардия, и в результате побаиваются, как бы вместо нашего прорыва не вышло немецкого.

Сегодня по радио немцы поздравляли по-немецки и [по-]французски с годовщиной войны. Вообще, моя милая радио для войны очень изящная, но пока ненужная игрушка. Для меня же она спасительница и чудная связь физики, меня и войны. Правда, на войне я, как и сначала, «военным корреспондентом», т.е. смотрю и очень мало «творю». Ветер шумит, как море. Холодно, пахнет осенью и войне конца не видно.

23 июля, деревня Тристень*, в блиндаже

Снял станцию я вчера часов в 7 и рысцой с командой поехал к штабу, в Тристень. Опять нелепые отдельные халупы колонной по дороге. Все разбиты, без окон, дверей и печек. Сожженные Вичини, окопы, воронки от снарядов – прежняя Помпея. Тристень от позиций у Острова Волоса^{2*} – версты 4, иногда сюда попадают тяжелые снаряды, наши батареи совсем близко. Часов до 3-х ночи бился, устанавливая станцию. Спал на соломе в веселой компании ординарцев в халупе без окон и дверей. Сегодня переселились в блиндаж. Живу с хорунжим Зверевым. Австрийские окопы с блиндажами опять Помпея, где и производим целый день раскопки. Сейчас у меня кипа немецких писем, книжонок и пр. Deutsche Seele? Reinwein, Recklam's Bibliothek^{3*}, подушки из куриных перьев, Gesangbücher^{4*}, сентиментальные письма. Немец – дерево.

* Запись за 22 июля сделана карандашом.

^{2*} В оригинале здесь и далее неверно «Вичины».

* Здесь и везде далее С.И. Вавилов пишет «Трыстень» вместо принятого «Тристень».

^{2*} Идентифицировать топоним или топонимы «Острова Волоса» не удалось.

^{3*} Немецкая душа? Рейнвейн, библиотека «Реклам» (нем.).

^{4*} Книги песен (нем.).

Положим, и все мы за войну одеревенели, и вся эта безумная Помпея, словно картинка из «Нивы».

Дивизия сидит в окопах, небольшие потери, много разговоров и на Ковель смотрят как на цель и далекую, и туманную.

Сижу в австрийском блиндаже и в голове ни физики, ни метафизики – одна штабная ерунда. Нужно исправиться и опять стать собою.

24 июля, деревня Тристень, 12-й ч[ас] ночи

Хотел писать об очень многом, но не могу. Назаров празднует свои именины, и я немного пьян. Сегодня нас обстреливали тяжелой, но в блиндаже от шрапнели, как у Христа за пазухой. Больше всего меня сейчас интересует параллель «войны» 1914 г. и 1916 г. То, да не то. Там романтика и «понос», здесь стратегическая проза и потуги покончить с «запором». Завтра, кажется, готовится «дело», т.е. новая потуга. *Vivremo vedremo**. День – занят. Утром часа 2 разбирал парижское сообщение – обед – шахматы с симпатичнейшим кн[язем] Султан-Гиреем, бумажки, ужин, Назаровские именины, а сейчас пишу и расшифровываю депешу гр[афа] Игнатьева. Смешно, но уже привык к графьям, князьям, баронам etc. и держусь даже немного *super*^{2*}. На фронте совсем тихо и опять пахнет запором. Немецкие «Tageblatt» и «Zeitungen»^{3*} не унывают, и это печально. Вообще, о немцах в другой раз. Генералы наши поглядывают тоже, как бы в блиндаж, и вообще блиндаж чудеснейшая штука, хотя немного и протекает.

Хожу в гости в блиндаж Султан-Гирея, шипит самовар, жужжит муха, хляскает шрапнель – и не разберешь, что – *liegt [n]eben der Tod*^{4*}.

Я в гвардии, слава Богу, ни *bourgeois-gentilhomme*, ни *gentilhomme-bourgeois*^{5*}, а физик, т.е. *superstand*^{6*}. Москва, дом – я их совсем забыл.

О немцах, блиндажах и новом взгляде на войну – завтра.

Отпуск – сон (поглядел на 126 стр.)

25 июля, д[еревня] Тристень, в блиндаже

Вместо шрапнели сегодня тяжелые гранаты. Началось с 8 ч[асов] утра. Появился аэроплан, протелеграфировал какое-то «Зсмм» и вот в $\frac{1}{2}$ в[ерстах] от штаба по голому месту пошла идиотская, упрямая долбежка по одному месту. Долбежка чисто немецкого свойства. Видишь взлетающий грязный черный фонтан, секунды через 3 нарастающий свист и хляст и раскатистое «ббах». Совсем безопасно, всем надоело, даже не оглядываемся.

А в общем, тихо, предполагавшийся дивертисмент отложен на завтра.

Дни проходят пусто. Бумажки, шифровка, обед, ужин, на станции. Впрочем, времени не хватает.

Немецкие письма – обед из 3-х постоянных блюд «Freiden», «Hunger», «Sei gelobt Jesus Christus»*. Немец – душа сентиментального поросенка в 42-сантиметровом чудище. Ну а у нас душа по телу и тело по душе.

* Поживем – увидим (*ит.*).

^{2*} Здесь: «свысока, надменно» (*англ.*).

^{3*} «Дневник» и «Газеты» (*нем.*).

^{4*} Расположен рядом со смертью (*нем.*).

^{5*} Ни буржуа-джентльмен, ни джентльмен-буржуа (*фр.*).

^{6*} Высшее положение (*англ.*).

* «Мир», «Голод», и «Благословен Иисус Христос» (*нем.*).

От аристократической позолоты гвардии (именно только позолоты) мне мешанину спасение одно [-] бриллиантовая физика. Иначе жить Mensch'у среди «Übermensch'ев»^{2*} нельзя. И главное: актерство, сцену разыгрывают так реально и жизненно, что иной раз начинаешь завидовать и смотреть снизу вверх. Остановился на том, что «хотя вы и в костюме принца Гамлета – вы Иван Иванович».

27 июля, д[ережня] Тристень, в блиндаже

Вчера меня заставили дежурить по дивизии. Носился от штаба к станции и обратно, и времени не было. Новость такая: вчера получил радио: «К Вам выезжает заместитель прапорщик Маныч. Лютомский». Итак, с милой дивизией придется проститься. А за войну это был самый приятный «перегон». По сему случаю достаточно опечален, жаль и станции, начал свыкаться, заводить новые порядки и, кажется, люди меня достаточно полюбили. На сегодня предполагаются большие операции (впрочем, не у нас в дивизии) – взятие Витонежа. Целую ночь артиллерия методически и медлительно долбила по Витонежу – словно великопостный перезвон. Загудит один колокол – потом 2–3 – пауза, потом опять один и т.д.

Немцы утром (сегодня прояснело) начали долбить по заунывной «колокольне». А жаль, ей Богу, дивизию и не хочется опять в тыл, к идиотским капита[на]м и полковникам, и аэропланам. Опять от войны ухожу. Мои радиотелеграфные скитания выходят довольно пестрыми.

В 5 часов началась «пантомима». «Бой под Витонежем». Горизонт к северу закурвился барашками шрапне[ле]й, стали выскакивать огромные грязные фонтаны фугасных взрывов. Грохот, рычание, свист, стрекотание пульметов – и так часа 2. Потом все стихло – наши подошли к опушке Витонежа. Продолжение пантомимы завтра. Ночью опять пушечный «великопостный перезвон» по Витонежу.

Приехал прапорщик Маныч... в летах, и по радиотелеграфии нуль. Армейского типа. Останусь здесь до 1-го августа.

28 июля, д[ережня] Тристень, в блиндаже

Витонежская баталия не удалась, сегодня тихо, утром аэроплан, самым бесцеремонным образом, без шифровки, корректирующий стрельбу своих соотечественников. Ясно, даже жарко. Ликвидирую дела и обучаю Маныча.

29 июля, д[ережня] Тристень

В дивизии стало скучновато. Тишина. Гвардейские потуги пока ни к чему не привели. Стоим мы здесь, с 3 сторон обжимаемые немцами, летают аэропланы, моя станция аккуратно записывает их корректировку, изредка охают пушки. О будущем говорят, что гвардия чуть ли не идет в Румынию. За обедом военные разговоры прекратились, рассказывают придворные приключения и неприличные анекдоты.

Живу по-прежнему в блиндаже, окопы кругом позарывали. Кругом рыщут собаки и питаются мертвыми немцами, сегодня утром в блиндаж к Назарову черный паршивый пес притащил немецкую обглоданную руку. Кругом пахивает мертвецами. Пишу бумажки, сдаю станцию.

^{2*} Человеку среди «Сверхчеловеков» (нем.).

30 июля, д[ережня] Тристенъ

Дотягиваю последние дни в дивизии, уеду послезавтра. Опять ясный день, июль опомнился и стал похож на самого себя. Пробуждение с аэропланами, ординарцы, вульгарный Маныч, бумажки – вот и все, да, пожалуй, мой блиндаж с мышами и ящерицами, которых ловлю за хвост. На фронте тихо и глупо.

31 июля, д[ережня] Тристенъ

Сиюю почти весь день в блиндаже и пишу, и пишу отчеты, рапорта, и Бог знает еще что. Ликвидируюсь. Вне, за блиндажом шлепают бомбы, свистят шрапнели, гудят аэропланы и прочий каждодневный концерт. Дивизия завтра или послезавтра уходит в резерв. Я уезжаю завтра. Жалко дивизии страшно.

Лету конец, да, кажется, не было и начала.

Назаров, Зверев, Султан-Гирей «пупсик» – гр[аф] Муравьев-Амурский, ген[ерал] Арапов, котообразный ген[ерал] Орлов, помещик Молоствов, земец – Дягилев – пожалуй, самые милые люди за войну.

1 августа, д[ережня] Тристенъ

Не уеду никак. Маныч нуднейшее, немного перезревшее вульгарное создание Петербурга. Впадает в амбицию и обижается и в конце концов глуповат. Не завидую ни станции, ни дивизии. Я был, ей Богу, куда лучше.

С утра стрельба снарядами двойного действия и притом очень близко. К вечеру – опять. Уеду, вероятно, вместе с дивизией.

2 августа, м[естечко] Рожище

Ночью, походным порядком дошел со станцией до Цецелювки, там ночевал и сегодня утром уехал в Рожище. Сейчас это – проклятое место. Каждый ясный день шайками налетают аэропланы и зашвыривают бомбами несчастное разбитое местечко. Все понарыли себе блиндажей, навалили бревен и земли и в паническом ужасе переживают полеты. В Дивизионе – канцелярия, бумажки и в конце концов всем делать нечего, появился кап[итан] Бурхановский etc. Прапорщики живут отчаянной богемой, и после дивизии мне немного не по себе. Впрочем, полк[овник] Лютомский на «приближение к своей особе» и откомандирование от дивизии смотрит как на великую честь для меня. Я здесь чуть ли не «signor professore»^{*} ... и, пожалуй, здесь опять займусь физикой. От гвардейского «l'arte di vita»^{2*} здесь и следа не осталось, здесь живут «кустарно», зато куда больше сосредоточенности.

Из «салон-вагона» я опять попал в мещанский «2-й класс».

Кавалерия передвигается в тыл, к Киверцам, говорят о возможности ухода всей гвардии. Против ничего не имею. Будто бы идем чуть ли не в Румынию.

3 августа, м[естечко] Рожище

По случаю пасмурной погоды все покойно и благодушно настроены – авиаторов не будет, поглядывают только с опаской на всякую лазурную «прорубь». Поручили мне вести сводку «слезки». Задача немислимая, почти то же, что из разбросанного типографического шрифта собрать «Илиаду»,

^{*} Господин профессор (*ит.*).

^{2*} L'arte dei vita – образ жизни (*ит.*).

не зная ее. Десятка три позывных, друг друга вызывают, не отвечают, какой-то электромагнитный хаос – и вот предлагают сделаться Кеплером и даже Ньютоном этого хаоса. Вожусь целый день.

Богема здесь отчаяннейшая. Из экономии едят из котла и приходится, тратя рублей 5 на пропитание – голодать. Грязь, дым, хаос в комнате. Комнатенка маленькая, когда-то в нее угодил австрийский снаряд, потолок, и стены расчерчены и продырявлены, в ней 4 человека. С этой точки зрения дивизия кажется раем.

Я *ex officio** – офицер для поручений – должность коммивояжерская. Совершаю, как луна, два движения 1) с гвардией и 2) внутри гвардии. Надолго ли хватит?

Сейчас небо ясное и все с ужасом думают, что завтра придется подыматься в 5 ч[асов] утра и бежать в блиндаж.

4 августа, м[естечко] Рожище

Жарко, ясная, душная погода. Утром и вечером все жмутся к блиндажам и, как астрономы наоборот, зорко всматриваются и вслушиваются в ясное небо. Часов в 10 пролетели штук 15 на Киверцы, по дороге посыпали Рожище из пулеметов. Сидел за слезкой, кое-что начинает выходить. Поручили мне перевод всякой немецкой дребедени, передаваемой по радиотелеграфу. Особенно хороши «газетные сообщения», которые больше всего похожи на «...а у алжирского бея под носом шишка»¹. Вообще, я здесь становлюсь «министром иностранных дел». На фронте ночью гремели, но, кажется, безрезультатно, что-то ничего не слышно. Завтра немцы собираются (как, по крайней мере, обещали записками, сброшенными с аэропланов) устроить спектакль-gala. Поживем, увидим.

5 августа, м[естечко] Рожище

Из моей должности обер-офицера для поручений здесь создают «Фигуро». У меня и слезка, и переводы, и «собрание». Завтра надо ставить мачту etc. Сегодня вертелся целый день от одного к другому. Набито здесь в «штакомрадиодиве», говоря идиотским здешним языком, 10 офицеров – всем вместе дела на 5 минут, в результате все целый день хлопочут и толка немного – хаоса бытность довременна¹. Удивительная компания незадачливых людей, втайне «карьеристов», но неудачников. Живые люди только прапорщики – да и те вульгарного провинциально-студенческого пошиба.

Утром из-за проклятых авиаторов приходится подыматься в 6 часов и глядеть на небо. Сегодня – летали, но без всякого эффекта.

День душный и тягостный.

6 августа, м[естечко] Рожище

Днем пробуждение с петухами по причине аэропланов, вечером ложная цепелинная* тревога. Лютомский с Шенкнехтом целый день маячат у блиндажа, совестясь в него войти и боясь отойти. Наконец-то немцы достигли

* По обязанностям (*шт.*).

* В оригинале: «цепелинная».

своего – обратили тыл в пуганых ворон. Это рамки дня, а днем – слезка, переводы, постановка мачты, открытие собрания, хозяином которого я, 1 час ночи, а я еще свободно не вздохнул.

Духота, мухи.

7 августа, м[естечко] Рожище, д[ережня] Вульнянка

Я живу в доме немецкого колониста, чистеньком и аккуратном, несмотря на австрийцев, наших и пр. Впрочем, хозяйева какая-то помесь немцев, поляков, русских и, пожалуй, даже жидов. В комнате немецкие божественные картинки, в двух углах Matki Boski*, портрет Государя и Государыни. Кстати, я стал Шерлоком Холмсом и очень скоро открыл, что портрет Государя повешен совсем недавно. Обнаружил просто. За всеми другими портретами, портретиками, зеркалами – паутина, паутина же и за портретом Царицы, за портретом Государя чисто. Ergo^{2*}... Есть на стене и типичные немецкие вышитые «Inscriptiones»^{3*} «Heil seidem gold[e]nen Jubelpaar[»] und «[»]Preis dem Herrn, der mit euch War»^{4*}. Фотографическая группа местных жидов, немцев и поляков. Особенно хорош один немец – прямо с Düre^{5*} а [-] дуб-Вотан, медный лоб. Есть и Леонардовская Cena^{5*} и Puttino^{6*} Сикстинской Мадонны – одним словом, музей.

Целый день за слезкой. Занимаюсь пока «описательной астрономией», составляю «звездный каталог позывных» – но, увы, слишком мало дано «параллаксов» – запеленговано. И, кажется, из всего этого хаоса толка будет не^{7*} мало. Руководствуюсь статистическим методом и заношу на карту не «статическое» состояние хаоса, а динамическое, делаю карту сразу за неделю. Сегодня вроде того, что нашел стоянку Гинденбурга – около Бреста.

Чинно детекторы, перевозоу, и вообще черт знает что такое здесь, какой-то Доктор Dapertutto¹.

Сегодня утром облачно, а потому покойно.

Ходят слухи, что немцы пригнали сюда, на Стоход, чуть ли не 12 корпусов. Моя слезка об этом молчит.

8 августа, д[ережня] Вульнянка

Люди здесь незаметные, бесталанные, радиотелеграфия такая хитрая штука, что все эти капитаны и подполковники посматривают с опаской – как бы не провраться, и в конце концов, хотя наваливают дела (т.е. сваливают) – делай что хочешь. Вот и философствую над слезкой и иногда доволен, дело новое, любопытное и ведь da vero* – это земная астрономия, астрономия длинных волн. Собираются целые системы[,] в центре-солнце ⟨нрзб.⟩ сидит

* Богоматерь (польск.), здесь – иконы.

^{2*} Следовательно... (лат.).

^{3*} Надписи (лат.).

^{4*} «Да здравствует чета, празднующая золотой юбилей» и «Хвала Господу, который всегда с вами» (нем.).

^{5*} [L'Ultima] Cena – [Тайная] вечеря (ит.).

^{6*} Амур (ит.).

^{7*} Так у Вавилова.

* Действительно (ит.).

какой-нибудь Erzher[z]og General der Kavallerie – Karl^{2*} – а в ⟨нрзб.⟩ сам von Hindenburg – и может быть, не подозревают, что в Рожище сидит «астроном», следящий за их чудным светом.

Ночью разбираю тиккер¹.

Чудно! Вспомнил сейчас в.д.о. «Дистанция огромного размера». Там дело было бездельем и нелепостью, а здесь свое и чужое слилось.

Утром пасмурно, авиаторов нет. Вечером какой-то мерзавец бросил штуки 4.

Впрочем, брр... ото всей этой аэропланно-це[п]пелинно-блиндажной хронографии тянет нестерпимейшим тыловым провинциализмом.

9 августа, д[ережня] Вульнянка*

Война опять пошла медлительно, еле-еле, и опять ей конца не видно. Немного постреляют на фронте, прилетят аэропланы и, в общем, «тихо, тихо все кругом». Зимой повеяло. Правда, говорят, что дня через 2 опять хотят попробовать, но, наверное, болтовня.

Возился целый день с тиккером, слезкой, переводами и опять свободен только в 1-м часу ночи. Работа интересная – по мне, и кажется, я доволен.

В физике странная новость: влияние температуры на Gr[avitations]kraft^{2*, 1}, но очень неожиданное – в зависимости от отношения притягивающихся масс. Надо подумать.

10 августа, д[ережня] Вульнянка

Ничего не случилось. Тихо, в газетах и телеграммах «без перемен». Больше всего сижу за слезкой, подобно некоему Леверрье открыл «теоретически» сегодня Нептуна, какую-то центральнойшую станцию «по»*, которая сама не работает, но ее зовут такие высокопочтенные светила, как Львов, Сокаль, Брест. Работаю пока впустую – отсутствуют данные пеленгации – т.е. география. Нелепая эта штука – радиотелеграфная астрономия, так и чувствуешь, что немцы подведут, заговорят не своими голосами, запутают, и в результате

^{2*} Эрцгерцог, генерал от кавалерии – Карл (нем.).

* Запись от 9 августа сделана карандашом.

^{2*} Сила тяготения (нем.).

* Или «по».

вместо Илиады на столе очутится груда типографского шрифта. То ли дело математика природы [–] неизбежность и правда, хотя и вечная тайна. И паки^{2*} – жить только с наукой. Остальное глупо, игра и на один день.

11 августа, д[ережня] Вульнянка

Радиотелеграф на войне вещь в достаточной степени ненужная. Он похож на тот микроскопический револьверчик, который я всегда ношу в кармане «на всякий случай». Такого случая еще не встречалось, и стрелял я только в собак, да белок, да вот еще недавно, в Тристене, немного в подпитии чуть не прострелил себе ногу. Аналогия полная. Вся радиотелеграфная работа [–] стрельба в собак из револьвера. Ходит миф, что будто бы в январе 1915 г[ода] Гинденбург командовал по радио нашей 10-й армией – тут уже стрельба в самого себя невзначай. Но все-таки с револьвером я не расстаюсь, и армия не расстанется с радиотелеграфом, опять-таки в расчете «на случай». Говорю это все к тому, что служба в 25-ом с[аперном] б[атальоне] и в.д.о. для родины и войны была нужной. Но там была служба, а тут почти мое личное дело, и все радиотелеграфные грехи я прощаю.

Жизнь меня баламутит, в июле я плавал в гвардейской среде, сейчас в богемски-студенческой, *ma sono chi sono*^{*}, остаюсь все-таки в глубине души физиком. Пусть я физик плохой, но люблю ее я выше всего, и жить бы без нее дальше не смог.

Я боюсь конца войны – тогда надо будет уже определенно становиться на физические рельсы, больше ехать некуда. И вот боюсь – будут ли эти рельсы. Судьба устроила очень нелепо под фирмою Лебедева, кинувши меня в объятия П.П. Лазарева. Скверная история.

За день ничего особенного, «vom Meere bis an Karpathen nichts bemerkenswürdiges»^{2*}, как пишут сегодня немцы в бюллетене. Стреляли в аэроплан, и так как он был нашим, то в него попали.

Вожусь со слезкой и тиккером.

12 августа, д[ережня] Вульнянка

Ничего нового. Занят весь день сумбуром слезечного материала, заболела голова и начинает надоедать. Ночью на станции возился с тиккером. Нелепый инструмент, к которому надо приделать ручку, да выбросить за окно.

Утром десятка полтора аэропланов.

14 августа, д[ережня] Вульнянка

С утра до вечера бумажный хаос, слезка, переводы и пр. Тут же обедают, появляются какие-то подозрительные «искровики» из школы Жерве, занимаю разговорами, и так вчера и сегодня. Вот рядом почивает некий правовед, драгун и теперь «искровик», родственник пана Вендорфа, с горбатым носом и фальшиво-гвардейскими манерами. Печально.

^{2*} Опять, снова, ещё (*устар.*, *церк.-слав.*).

^{*} Но я таков, каков есть (*ит.*).

^{2*} «От [Северного] моря до Карпат ничего заслуживающего внимания» (*нем.*).

15 августа, д[ережня] Вульнянка

За обедом кой-кому слышалось «Ура», а кое-кто думал, что гудят мачты – старая штука. Одновременно солдатский беспроволочный вестник затрезвонил, что Румыния объявила войну Австрии. Вернулся полковник из штаба и подтвердил милую новость. В 4 часа получили уже из Берлина «amtlichst Bericht»* и теперь ликуем. Конечно, в благородной компании французов, итальянцев, русских и англичан – румыны самый подозрительный и моветонный участник, но об этом, конечно, все сразу забыли. С этим союзником после войны, вероятно, будет драка, ну а пока «Carpe diem, quam minimum credula postero»^{2*}. Любопытно, как сейчас изменится война, и хорошо бы попасть в Румынию. Все сладострастно потирают сейчас руки, ожидая болгарскую головомойку.

16 августа, д[ережня] Вульнянка

За дневник берусь по привычке, писать-то собственно не о чем. Погода анти-аэропланная, а потому сегодня даже проспал и проснулся в 10-м часу. День опять набит слезкой, переводами. Монтировал динамо, да вот сейчас ночью наконец собрался писать письма. Кстати, вчера письмо от П.П. Меланхолическое.

Бьются осенние мухи и напоминают, что лету конец. Да, кажется, не было и начала. Все время проходил в суконной гимнастерке, ни разу не купался и не изнывал от жары.

17 августа, д[ережня] Вульнянка

Собрался было писать, да вокруг летает что-то вроде цеппелина, и пришлось погасить лампу. Опять весь день занят, и ни минуты свободной.

18 августа, д[ережня] Вульнянка

Положительно я здесь Фигаро и доктор Дапертутто, на меня валят все, и это становится очень скверным, заняться нельзя ничем. Я сейчас занимаюсь 1) слезкой, 2) переводами, 3) ремонтирую станцию Айзенштейна, 4) привожу в порядок работу пеленгатора, 5) сочиняю проекты, как сделать старый Айзенш[тейновский] приемник способным принимать длинные волны, 6) составляю инструкции для тиккера и прочей дряни, 7) хозяин собрания, 8)... сегодня дежурный офицер.

Сегодня жарко, ночью гроза, на фронте, где-то далеко (в 8-й армии, кажется) целый день бухали.

19 августа, д[ережня] Вульнянка

Вчерашнее «буханье» оказалось попыткой наступления наших. Как пишут из Берлина, сначала мы прорвались, потом «tapfere deutsche Truppen»* прогнали доблестных православных. Немцы готовят, видимо, какую-то

* Официальное сообщение (нем.).

^{2*} «Пользуйся днем, меньше всего веря грядущему» (лат.). Из Горация.

* Храбрые немецкие войска (нем.).

«überraschung»^{2*}, потому что стали в своих сообщениях чересчур объективными.

День – как все остальные. Дождь. Капитан Шенкнехт ноет, мухи кусаются. Вообще

La vie est vaine
Un peu d'espoir
Un peu de haine
Et puis bonjour^{3*, 1}

Пора спать.

20 августа, д[ережня] Вульнянка

За окном шумят повозки, и шлепает кавалерия. В прошлом году этот шум наводил панику и заставлял настораживаться – теперь наоборот. Гонят какую-то кав[алерийскую] дивизию опять в окопы. Гв[ардейская] кавалерия – что белка в колесе, из окопов в резерв и обратно, и толку никакого.

Дня 4 тому назад выставили Безобразова, назначили Гурко и вместо «Войск Гвардии» придумали «Особую армию». Пока особая армия ничего особого не совершила, а гвардейцы только и мечтают, как бы махнуть в глубокий резерв.

От слезки толку пока ни на грош.

Чиню станции, урывками читаю, и ношусь с 8 до 12.

21 августа, д[ережня] Вульнянка

Утром поехал в штаб 2-го гв[ардейского] корпуса, в Пожарки, на радиостанцию, к прап[орщику] Лобобу. Послали меня уширять шкалу приемника. Возился часа 4 – уширил, вставив емкость параллельно сети, теперь шкала от 600 – до 5000, и я чувствую себя победителем. Ездил на автомобиле с кап[итаном] Бурхановским, славным старичком. День ясный и жаркий. Вернулись в 5-м часу. Здесь, конечно, слезка, переводы, аэропланы и шахматы.

На фронте опять очень тихо, впрочем, в скором будущем ждут, конечно, всяких дивертисментов, благодаря румынской Überraschung*.

Впрочем, радиотелеграф только «парит» над войною, и я по-прежнему, как искони – только «военным корреспондентом» и созерцателем. Впрочем, здесь – на месте.

д[ережня] Вульнянка, 22 августа

Ношусь. Чиню приемник старой разбитой станции Русс[кого] О[бщест]-ва, веду слезку, перевожу. Слезка надоела. В конце концов, бестолочь. Не астрономия, а метеорология. Куча бумаги, сотни данных, получают всякие «изохроны», но «предсказать погоду», т.е. уследить за немцами, нельзя. Из аэропланов здешнее «воинство» намеревается извлечь пользу – в послужные списки занесено «были под огнем». Quantum satis* нахальства и глупости.

^{2*} Неожиданность, сюрприз (нем.).

^{3*} Жизнь суетна / немного надежды / немного злобы / и мало добрых пожеланий на прощанье (фр.).

* Неожиданность (нем.).

* Сколько потребуется; сколько хочется (лат.).

Удивительное дело – о доме, о Москве совсем забыл. Подумал сегодня, на войне 3-й год, жизнь-то значит коротенькая и ничего сделать не успеешь. Так, ерунда какая-то, театрик миниатюр.

Поверить в жизнь сейчас трудно.

д[ережня] Вульнянка, 24 августа

Ясно, жарко и душно. Утром и вечером – аэропланы. Утром сбили нашего истребителя. Подстреленный аппарат круто полетел на землю. Летчик, прап[орщик] Арцеулов, и аппарат – вдребезги¹. Вечером, как звонит солдатский вестник и показывают денщики, наши сбили немца. Попали немцы где-то под Киверцами в артиллерийский парк – был оглушительный взрыв.

Я по-прежнему бестолково ношусь и дело идет плохо, со всем в сущности неудача, и со слезкой, и с приборами.

В Гвардии мы, кажется, доживаем последние дни. Прodelан хитрый кунстюк, сначала убрали Безобразова и переименовали «Войска Гвардии» в «Особую армию», теперь из этой «особой» армии гвардию вынимают, а свободное место заполняют армейскими корпусами, между прочим, кажется, моим 25-ым. Следующая стадия будет, конечно, переименование «особой» армии в обычную п'ую. Операция проделана хирургически тонко.

Настроение плохое.

д[ережня] Вульнянка, 25 августа

«Милый друг, иль ты не видишь,
Что все видимое нами
Только призрак, только тени
От незримого очами»¹

а имя этому незримому: «все равно». Ничто – «все равно». За мною, за нами – все равно. Есть мир, нет мира, равновесие несокрушимого «все равно» остается. И может быть, Бог и есть это вековечное все равно. «Все говорят, нет правды на земле, но правды нет и выше». Чепуха, правда – «все равно», и она, быть может, кажется отсутствующей на земле, но есть выше, «и это ясно, как простая гамма»².

А какой переход к сегодняшнему дню? Да простой. Кругом меня клубы самой удушливой меланхолии. В 5 часов принесли перехваченную радиogramму, немцы взяли Туртукай³, 20000 пленных и пр. На остальных кругом – как с гуся вода, меня же словно молнией убило. Это – чужое[,] политика, война в глубине души живет «своим».

Немецкая история проста. Жил свирепый кабан, потом сдох, оставив в потомство свинью, свинья чахлая, тоже почти издыхала, потом в 19-м веке щедротами других почтенных зверей – начала добреть и вдруг стала показывать атавистические кабаньи признаки, и вот сейчас это еще больший кабан, чем его предок. Кабан буйствует, а кругом сильные, но беспомощные лев, медведь и петух. 2 года войны – песнь торжествующей свиньи, и падение Туртукая новый куплет замолкшей было песни. На миру становится противно. Кабан, свалив всех, станет хозяйственной свиньей, и мир станет образцовым американским свиарником. За спиною улыбается идиотское «все равно».

После этого равнодушно смотришь на небо, где шныряет с десяток «кабанят» и тоже пытаются буйствовать. Ввв...ах, ввв...ах – с этим проснулся, и так целый день – мстят за вчерашнего Komrad'a*. Свинья запакостила небо, и вместо божественной астрономии – наблюдение за летающими свиньями.

Война идет фаталистически скверно. Моцартовскому кругу благородных зверей не везет, а за спиной немецкой свиньи – Сальери сам Deutscher Gott^{2*}. В новом «Моцарте и Сальери» – все наоборот, и не Сальери, а Моцарт жалуется что «нет правды на земле». Сейчас нужно невероятно победоносное, тогда вздохнем свободно.

Вот он и унылый день с бомбами, Туртукаем и меланхолией.

26 августа, д[ережня] Вульнянка

«Гвардейский» период считаю законченным. Гвардия незаметно ушла, и с нею остались только связи незримые, по сему поводу здешние штаб-офицеры повесили нос. А «судьба проказница, шалунья»¹ устраивает фортель. 25 корпус стоит в Сокуле, и я опять «дома». Ну а остальное то же. Туртукайская меланхолия, аэропланы (опять одного сегодня сбили), нелепый хаос слежки, инструкции, переводы, шахматы и симптомы *taedium vitae**. Пора опять за физику.

27 августа, д[ережня] Вульнянка

Днем по обыкновению носился, вечером экспериментировал, думая включить добавочное сопротивление в цепь блок. конденсатора и телефона – ничего не вышло. По-прежнему аэропланы, взявшие теперь манеру изводить, летая поодиночке, зато круглый день и даже по ночам.

Чудесная синяя ночь. Вспомнил Беловежскую пушу, в темную прозрачную немую ночь шли мы диковинной чащей.

Господи, как затягивается война, и сколько брошенных надежд.

29 августа, д[ережня] Вульнянка

Вчера с утра аэропланное представление-gala. Проснулся в 6-ом часу утра от буханья рвущихся бомб. Воспользовавшись туманом, немцы спустились совсем низко и сбросили «*quantum satis*»* всякой дряни. В результате перекаленные люди, лошади и здания. Убит генерал Мамонтов, которого помню по Москве (инспектор артиллерии). Ночью в отместку полетели с бомбами три наших Вуазена на Голобы, где, кажется, стоит какой-то немецкий штаб, устроили там штук 30 пожаров и благополучно вернулись. Сегодня облачно, а потому ответный визит, вероятно, отложен.

Здешнее начальство, убоявшись злокачественных немецких известий о взятии Туртукая и Силистрии – запретило прием нем[ецких] сообщений. Дела меньше. Впрочем, ношусь. Тут в комнате постоянные гости и ночлежники, а потому давно уже не знаю «*seliger Einsamkeit*»^{2*} и забываю физику с метафизикой.

* Товарищ (*нем.*).

^{2*} Немецкий Бог (*нем.*).

* Отвращение к жизни (*лат.*).

* Сколько потребуется; сколько хочется (*лат.*).

^{2*} Блаженного одиночества (*нем.*).

30 августа, д[ережня] Вульнянка

«Тиха украинская ночь, прозрачно небо, звезды блещут...»¹. Черт возьми, это значит опять аэропланы и, может быть, цеппелины. Все перевернулось, и сладкое стало горьким.

У меня прежний кавардак – от передатчика к приемнику и обратно, слежка, проектирую и строю блиндаж, подвожу итоги собранского хозяйства, в комнате – ночлежник, детина лет под сорок, тип московского европеизированного буржуа. А нового – ничего. Пыль и нет дождя.

31 августа, д[ережня] Вульнянка

Сидя у этапного солдата-парикмахера, философствую о тщете жизни людской. Подсчитываю: 1/50 жизни человек проводит за бритьем – [h]orribile dictu*! И так, в сумме 0,3 жизни – спанье, 0,1 – насыщение желудка, 0,1 – умывание, одевание и пр., 0,1 – всякая дрянь вроде бритья, 0,1 – газеты, итого: 0,7 жизни совсем зря, остаются несчастные 0,3, которые к тому же ежеминутно могут быть ликвидированы какой-нибудь сумасшедшей аэропланной бомбой. Ergo^{2*}, смерть – совсем пустяки. А тут еще «мне скучно, бес»¹, и несчастные 0,3 становятся совсем нелепыми.

Летают и жужжат мухи, мыши скребутся за стеной и кажется это страшной нелепостью. Опять старое «principium individuationis»^{3*}, закон сохранения индивидуальности – 3-й великий закон, но нелепый, как оба другие. Самое охранение, размножение – одно и то же principium individuationis – кем и для чего придуманный? Видимо, без Бога ни до порога.

Прежняя суетня. Опасливое поглядывание на небо. Слежка, немецкие депеши, чинка мотора. Собранская отчетность, обеды, шахматы и мало толку – словно винт с сорвавшейся нарезкой, крутят его, крутят, а он ни назад, ни вперед.

1 сентября, д[ережня] Вульнянка

Для начала сентябрь смотрит сентябрем. Холодно, изредка дождь.

Ходят слухи, что сегодня ночью должна начаться попытка прорыва. Будто бы Государь прислал Каледину телеграмму, выражая надежду, что новый прорыв выйдет еще более блестящим, чем майский. Поживем – увидим. Майский прорыв – начался, слава Богу, без предварительных слухов, слухи появились post factum*, ну а тут наоборот, и по-моему – примета нехорошая.

Народ тут кругом, с одной стороны, – милый, а с другой – гаденький, все мечты филистерские о жинке, да о 10 рублях лишних жалования.

На жизнь возможны только два взгляда [:] «иль скорбь великая, или великий праздник». Жизни будни такая дрянь, что избави Бог от нее всякого. Жизнь слишком длинна для праздника-вахханалии и слишком коротка для буден.

* Страшно сказать (лат.).

^{2*} Следовательно (лат.).

^{3*} Принцип индивидуализации (лат.).

* Задним числом (лат.).

2 сентября, д[ережня] Вульнянка

Вчерашние слухи, пока только слухи. Пушки помалкивают, да и слухи улеглись.

По-осеннему холодно. День бестолковый.

Дивизиончик наш очень мещанский, куда больше, чем блаженной памяти 25 сап[ерный] бат[альон] и даже почтенный в.д.о.

3 сентября, д[ережня] Вульнянка

«Nichts neues»*. А рожищескому житию пора бы и кончатся. Все сроки прошли. Но тихо, на фронте запахло осенью и понемножку начинается медвежья, печная философия. Пушки погромахивают нехотя, перелетают целыми облаками птицы «с дерев валится желтый лист»¹, в блиндажах строят печки. Но неужели это так, и опять зимняя спячка? Брр... Время бежит. Война не по размерам жизни человеческой.

А я верчусь волчком и по-прежнему Figaro si – Figaro la^{2*}.

4 сентября, д[ережня] Вульнянка

Впрочем, от этого «Figaro si, Figaro la» жизнь становится пестрой и занятой. Я здесь живу интереснее других – и пусть sub specie aeternitatis все это верченье белки в колесе – каждый день сам себе довлеет. Из жизни вероятно ничего не выйдет (надо мною несомненная и вездесущая fatalité*), но пусть каждый день кажется, что что-нибудь да выходит, а après nous le déluge^{2*}.

Голая жизнь, состоящая из обедов, баб и «дела» – такая гадость, что от нее спрятаться необходимо. Жить автоматом и удобрением для неведомой жатвы грядущих поколений – не стоит.

Живи так, чтобы совесть была чиста, жизнь интересна и трепетна каждое мгновение, и хотя [бы] иногда имей творческое вдохновение.

Это не ламентации^{3*}, а скорее боязнь ламентаций. Война пошла для нас, кажется, опять скверно, и Рок вновь выволакивает на свет Божий иронически улыбающуюся розовую немецкую морду. Тут не патриотизм, Бог с ним. Жаль себя самого и по-прежнему повторяю старые слова: «Не буду я рабом раба». Немец – бич Божий, Мефистофель мещанства и сальеризма, если не Übermensch^{4*}, то Unmensch^{5*}. Моцарт, раздавленный Сальери. Моцарт – раб Сальери, Моцарт выбивающий «Пупсика» на клавишах – нет, Господи, избави от такого міра и мира.

Дождь. Известия почти печальные. В 8-й армии пробовали прорваться, ничего не вышло, еще раз побита Гвардия.

* Ничего нового (нем.).

^{2*} Фигаро здесь – Фигаро там (ит.).

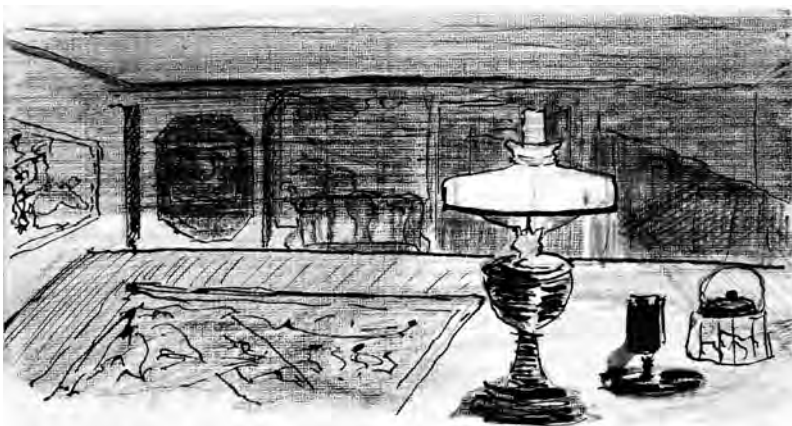
* Рок, неизбежность (фр.).

^{2*} После нас хоть потоп (фр.).

^{3*} От латинского lamentatio – плач, рыдание; античный прием ораторского искусства.

^{4*} Сверхчеловек (нем.).

^{5*} Нечеловек (нем.).

5 сентября, д[еревня] Вульнянка

Ездил после обеда на грузовике в Луцк. Издалека видел древние квадратные башни, церкви и костелы, а поблизости изучал только жидовские лавчонки, где покупал что надо и что не надо. Город вроде среднегубернских, только, конечно, с жидовским отпечатком. Ездил, в сущности, сам не знаю зачем – проветриться и повидать «город», которого не видал уже 3 месяца. Вернулся к ужину и теперь ночью довершаю не завершенные дела денские.

Небо опять ясное и алмазное, по сему случаю все немного в аэропланно-цепелинной ажитации.

6 сентября, д[еревня] Вульнянка

С фронта вести скверные, а время идет, и теперь каждый день войны становится упреком.

Остальное по-старому. Ночью сижу и сочиняю «Беспроволочный телефон»* для детей младшего возраста, для здешней газетки «Вестник Особой Армии».

7 сентября, д[еревня] Вульнянка

Почему-то оглядываюсь. «Минувшее проходит предо мной»¹ – Савичи, Шахновщина, Куренец, Минск, Молодечно – скитания с 3-й дивизией и, наконец, Рожище. Здесь все опять застыло и конца сидению не видно. Ночью грохочут пушки – но верится плохо.

Стратегия – стратегией, но есть фатальность. Немцам везет, и притом в самой неблагоприятной обстановке. Нужно ждать и надеяться только на какой-нибудь отчаянный ва-банк, когда вдруг сверху все полетит, и когда на немецкой круглой роже вместо нахальной Schadenfreude* изобразится ужас погибающего негодяя.

Время идет – вот что все-таки самое страшное, даже смерть не так страшна, она вне времени и мгновенна.

Нового совсем ничего. Если бы не было дела, сидел бы за книгами, а если бы их не было, повесился, или стал бы думать об отпуске и конце войны.

* Конец слова «...фон» надписан поверх зачеркнутого конца слова «...граф».

* Злорадство (нем.).

8 сентября, д[ережня] Вульнянка, 5 часов вечера

За горизонтом грохот и рев. Бой.

Чем он кончился, Бог знает, сейчас тихо. Мне завтра или послезавтра предстоит ехать в Двинск за получением каких-то диковинных указаний, как расшифровывать немецкие радио.

10 сентября, в поезде, около Попельни*

Пожалуй, это хорошо, что мне везет на странствования. Получается такой *vol d'oiseau*^{2*} и объективность, что на все начинаю смотреть «безмолвно и спокойно»¹. Черноземные сжатые поля, дубовые рощи, сентябрьское бледное, холодное небо, в купе поп, 2 пана, делопут^{3*}, мой спутник чин[овник] Антонов – милейший человек, да я. Часа через 1½ буду в Киеве, посмотрю, что осталось от бывшего детски-археологического настроения.

Доехали вчера на «Металлуржике»² до Луцка и оттуда пока едем с комфортом. В Рожище ходили смутные викториозные слухи, о 19000 пленн[ых], прорыве и пр. Вероятно, враки.

11 сентября, в поезде, где-то около Могилева

В Киеве пробыл часов 8. Занимался археологией Крещатика и Фундуклевской, настоящего старого Киева не видал. Зашел на минуту во Владимирский собор и почувствовал такую фальшь и конфектность, что через минуту удрал. Ну а шик Крещатика и прочих проспектов, идиотские новые монументы, такой провинциализм и *testimonium pauperitatis*^{*}, что спасают его одни пирамидальные тополя, да старые киевские горы, помнящие Владимира Святого. Вечером зашли в кинематограф и взирали с ужасом на некое «Исчадие ада». Киев богатейший провинциал, и хотя самого аристократического происхождения, однако об этом забывший. Киеву совсем не пристал этот американизм второго сорта. Корявая Москва куда более аристократка. Но, конечно, это все эстетика, а, пожалуй, людям надо жить. Богатыри давно перевелись на Святой Руси, и с киевлян грешно спрашивать богатства. Пожалуй, и вся трагедия Киева именно в коллизии великой души Киева с современными киевлянами. Еду по-прежнему хорошо, т.е. хорошо выпался. Житье самое вагонное, т.е. пустое, как дьюаровский сосуд¹.

12 сентября, в поезде, около Двинска

Все еду. Путешествие это, кажется, выйдет самым длинным за войну. Но в конце концов на душе такой *quies*^{*} и равнодушие, что положительно все равно, ехать в поезде, или сидеть в Рожище и заниматься слезкой. В окно посматриваю редко – однообразие удивительное. То же, что там под Луцком, здесь под Двинском. Проехали вчера через Могилев с жандармами

* Далее записи до 17 сентября сделаны карандашом.

^{2*} Птичий полет (*фр.*).

^{3*} Делопут – деловой человек; делец; пройдоха, махинатор (Словарь русского арго. – ГРАМОТА. РУ. В.С. Елистратов. 2002).

* Свидетельство бедности (*лат.*).

* Покой (*лат.*).

и городскими, выцветшими флагами. Часа 4 ночью ждал поезда в Витебске, хорошо спал, а сейчас просматриваю «The year-book of the Wireless Telegraphy»^{2*}. Солнце светит вовсю. На станциях унылые латышские физиономии.

13 сентября, в поезде между Полоцком и Витебском

Feci quod potui* в Двинске и теперь возвращаюсь к рожищеским пенатам. Двинск, видимо, от войны и не поморщился. Городишко с московскими мостовыми, невысокими кирпичными домами, заводами, уродливыми православными церквями и красивыми костелами. Двина широкая и спокойная, всюду мосты, на постройке которых нажились те, кому надо. На вокзале кельнера in deutschem Geshmack^{2*}. В радиодивизионе нашел Б.В. Ильина – конлаборанта из Мертвого переулка. Первая хорошая встреча за войну. Вспомнили старину стародавнюю и физику. Слежечные секреты, которые узнал в дивизионе, не особенно интересные. «Откровения» подполк[овника] Оливари только организационного характера. Везу с собою некоторые документы и чина – слухача. Командир дивизиона – Козьма – самого гоголевского типа и похож на московского извозчика. Уехал вчера ночью. В вагоне поп, конт[р]олер да пехотный подпоручик, ведущий сентиментальные рассказы сентиментальным голосом о временах былых Восточной Пруссии и Лодзи и только растравливает старые раны.

Солнце светит вовсю, тепло. Поезд еле ползет. Время бежит.

Ст[анция] Витебск

Бродил по Витебску и почувствовал настоящую taedium vitae*. Городишко мог бы быть красивым, высокие заросшие берега Двины так и просят романтического архитектурного украшения. На самом деле такая скука и такие провинциальные будни, что поднимается чуть ли не рвота. Жидовские лавчонки с вывесками «все предметы 20 коп. и дороже», исковерканные на православный манер костелы, жида, гимназистки, пыль, извозчики, отставные полковники и скука, скука зеленая. Здесь задохнешься.

В вагоне воняет, и полно жидами. А ведь какое грустное и русско-литовское имя у этого поганого Витебска.^{2*}

⟨...⟩ (он теперь в 12[-ом] ж[елезно]-д[орожном] батальоне) и вспомнил богоугодную Kommerzschule^{3*}. И от Решетникова, и от воспоминаний веет скукой невыносимой. Такие метафизические будни и такая метафизическая зевота – что жить не стоит. Завтра буду в Киеве.

⟨...⟩ в поезде под Киевом

⟨...⟩ Какие-то налезавшие друг на друга ячейки, десяток [разно]калиберных куполов, какой-то архитектурный коралл. Монументальная тусклая роскошь византийских мозаик, елизаветинское рококо, богомольные хохлы

^{2*} Ежегодник беспроводной телеграфии (англ.).

* Я сделал [всё], что мог (лат.).

^{2*} В немецком вкусе (нем.).

* Отвращение к жизни (лат.).

^{2*} Далее в дневнике идет лист с оторванным углом, 8 строк повреждены, здесь приводится только связный текст, который удастся восстановить на обеих сторонах.

^{3*} Коммерческое училище (нем.).

и бабы, полотенца на иконах с надписями «Спаси, Господи, война Сергия» – геологические нарастающие пласты – но где же sapientia*, где София, где русский Пантеон?

Киевская Св[ятая] София так же прекрасна и так же нелепа, как жизнь и как Россия. Не «София», а русский задний ум. Задним умом строилась и строится Св[ятая] София.

Был в Михайл[овском] монастыре, Владим[ирском] соборе, фланировал по Крещатику, тратил деньги, встретил прап[орщика] Калинина, с ним обедал в «Древней Руси» (3-я встреча за поездку). Вчера в Бахмаче встретил экзотического кельнера-полиглота, прелестно говорящего *in italiano*^{2*} – бывший цирковой актер. Целая трагедия во вкусе Григоровича. Не жизнь, а сплошной ужас.

16 сентября, в поезде, на ст[анции] Ровно

Понемножку подвигаюсь к концу своей «Vergnügungsreise»*. В вагоне 2 артиллериста, 1 гвард[ейский] прапорщик, зем-гусар¹ и 1 «сестроеб» (летчик) (по пехотной терминологии).

Ходят слухи о разных переменах, о том, что предстоит, кажется, переезд в Румынию, давай Боже. Не знаю, доберусь ли сегодня до Рожища и найду ли там своих искровиков.

17 сентября, кол[ония] Фальков

«О ночь мучений»¹. Вчерашняя ночь вышла совсем занятой. В Киверцах ко мне привязался некий генерал, оказавшийся потом только что назначенным начальником 1-й Туркест[анской] стрелковой дивизии Некрашевичем. Просил показать ему, где в Рожище штаб. Обещал показать. Когда же подъехали, оказалось штаб в Луцке. Поволокли мы с генералом на руках багаж на станцию из эшелона – версты 1¹/₂, ночь, дождь. Генерал совсем раскис. В результате*.

18 сентября, кол[ония] Фальков

Продолжаю, вчера устал и лег спать.

В результате мы с генералом очутились в квартире полк[овника] Назимова, где и ночевали (в Рожище). Полк[овник] Назимов – гвардейский ловчила, с армянской физиономией, зять Сухомлинова, «писатель», а сейчас что-то вроде этапного коменданта, был он у Некрашевича когда-то младшим офицером в роте и вот по сему-то поводу мы у него ночевали. Генерал утром доез меня на автомобиле до Луцка. Там мы и распростились. Генеральчик глуповатый, но милый. В Луцке поймал наш грузовик и доехал до кол[онии] Фальково, где разместился дивизион (в 5 в[ерстах] от Луцка). Вчера носился весь день, устраивал свои апартаменты, приводил в христианский вид слежку, пришедшую без меня в самое бардачное состояние. Вечером на автомобиле опять поехал в Луцк, в экономку. Встретил тут какого-то подпоручика

* Мудрость (лат.).

^{2*} По-итальянски (ит.).

* Увеселительная поездка (нем.).

* Так у Вавилова.

из 25-го сап[ерного] батальона, узнал от него страшную новость, позавчера убит Чебышев. Милый Николай Владимирович, я его очень любил. Черные глаза, маленькая сухая фигура, какая-то странная мистика (наше путешествие ночью в В[еликую] пятницу на кладбище в Кельцах), большое самолюбие. Жалко и страшно, и война опять становится живой и близкой. Неужели же за смертью пусто и безразличие – тогда чужая смерть может стать собственной. Царство небесное, Николай Владимирович.

А пушки грохочут за горизонтом, но все по-прежнему, и война со всем ее ужасом остается безразличной и безрезультатной.

Принимаюсь за дело, пишу отчет о командировке, привожу в порядок слезку, а в голове все еще шумят поезда и, лежа на постели, думаешь о плацкартах.

Фальков – чешская колония, халупы скверные. Мыши, сырость, да голые стены.

Кол[ония] Фальков, 19 сентября

Утренники холодные и кристально ясные. Пахнет осенью, затопили печки, готовятся зимовать. На фронте грохот, но он, вероятно, последний, или предпоследний. Грустно, лето кончилось «вничью» и по-прежнему на фронте безысходный «пат».

Сижу в своей каморке, похожей на классическую «камеру одиночного заключения», спнут мыши днем и ночью, пахнет какой-то гнилью. Веду слезку, изобретаю всякие фокусы для измерения слышимости... Вот сейчас оборвал дневник и часа два решал разные тригоном[етрические] задачи, кажется, выходит что-то занятное – возможность определения положения станций без пеленгатора. 2-й час ночи, а я философствую и пачкаю бумагу.

Per dir la verita* я тут самый счастливый человек, у меня всегда творчество, хотя бы самое мизерабельное, а у остальных штамп, волынка и taedium vitae^{2*}.

* Правду сказать (*ит.*).

^{2*} Отвращение к жизни (*лат.*).

20 сентября, кол[ония] Фальков

Фальков стоит у самой Стыри, на крутом высоком берегу, на холмиках, в деревьях, и очень живописен. За рекой виден Жидичин (дачи Почаевской Лавры).

До поздней ночи опять возился с треугольниками и, кажется, решили задачу об определении нахождения станций без пеленгатора. Потом слежка. Катал на автомобиле в Луцк. Старая часть города прямо wildromantisch*. Архаическая, наивная, но по-своему грязная крепость с усеченными пирамидами башен, костел, старые дома и какая-то особенная праздничная тишь. Внизу Стырь с болотами и туманом. Давно не видал такого стройного неискленного ансамбля – словно в Сиене.

Идут бои – что же больше скажешь? Раненые, грохот и все-таки «пат».

21 сентября, кол[ония] Фальков

Слежка, треугольники, опять поездка в Луцк – вот и весь день. Впрочем, доволен, ажитация все время. «Треугольники» обещают много хорошего – буквальную «ловлю» немцев. Слава Богу, наконец я у места, могу делать дело, чувствую себя полезнее других – а главное – все почти «свое» – интересное, творческое и новое, буден нет и следа, а вечный праздник. За горизонтом ночью опять грохот – но ведь это тоже возможность праздника.

Правда кругом-то будни, и у всех этих капитанов лица вытянулись от скуки, но тем сильнее собственный «праздник».

Холодно, почти мороз.

Говорят об организации какого-то нового «волынского» фронта с Гуркой во главе и о предстоящем нашем переселении в Луцк. Пока из «волынского» фронта выходит нудная, кровавая, однообразная волынка.

22 сентября, кол[ония] Фальков

Путаюсь и все больше запутываюсь в слежке. Не метеорология и астрономия, а какие-то отчаянные муки Танталя. Если бы у Кеплера всякая планета, орбиту которой он хотел постигнуть, нарочно бы выскакивала из этой орбиты и начала выплясывать диковинной лемниской¹, то Кеплер, вероятно бы, плюнул на астрономию. А слежкой, тем не менее, приходится заниматься. Вот и сижу целый день, черчу всякие графики, заносу в книги, а толку ни на грош. Устал, голова кружится, в глазах пестрые слезечные кружочки. Tragische Geschichte!*

23 сентября, кол[ония] Фальков

За день в результате страшная усталость. Мое следопытство, правда, начинает приводить кое к каким результатам – но достигается это потерей целого дня. Дождь, хмуро, а я с карандашом или пером. Отвожу душу за послеобеденными шахматами. А сейчас 2 часа ночи – [h]orribile dicta!*

Пропустил случайно две страницы, вот и заполнил [рисунком], не люблю белых страниц, ни в жизни, ни в книгах.

* Полная (дикой) романтики, экзотическая (нем.).

* Трагическая история! (нем.).

* Страшно сказать (лат.).

24 сентября, кол[ония] Фальков

Грохот целый день, и война вместо ужаса и кровавого праздника становится буднями. Боже, как далеко от романтики, бурь и гроз первых месяцев. Военные бюллетени, словно метеорологические, без соли, однообразные и люди совсем привыкли. А впереди зима и к метафорической метеорологии присоединится настоящая.

Я сейчас по-прежнему весь день за делом, из слежки стараюсь выудить хотя [бы] что-нибудь полезное, а одновременно извлекаю из недр забвения математику и решаю общую задачу о нахождении положения радиостанции по слышимости двумя, тремя и т.д. станциями. Кое-что выходит. Послезавтра перебираемся в Луцк. Штаб 8-й армии уходит, кажется, в Буковину. В нашей армии сейчас 11 корпусов!!

Надо бы хотя два слова написать о здешних людях, разделяющихся на 2 лагеря – прапорщиков и капитанов, но что-то перо не поворачивается.

25 сентября, кол[ония] Фальков

2 года тому назад, в этот день переходили обратно границу у Янова. Падали первые снежные хлопья, слева за Саном рвались австрийские шрапнели. Было и весело и страшно, словно снова родился. А сейчас я – «умудренный опытом» «как дьяк, в приказах поседелый»¹, роюсь, тону в бумажках, пишу, черчу и все это *per dir la verita** – для убивания времени. Уехал кап[итан] Шенкнехт, и я сейчас за помощника командира. Бумага, бумага, бумага. Голова трещит, 24[-х] часов не хватает, и время проходит глупо, хотя можно было бы делать дело.

26 сентября, кол[ония] Фальков

Здешние офицеры, как я, кажется, писал, делятся на две чрезвычайно резкие группы – капитанов и прапорщиков, кадровых и запасных. Означенные кадровые, со значками в. электротехнической школы – разнесчастные люди. Все делают и могут делать только прапорщики. В результате у каждого капи-

* Правду сказать (*ut.*).

тана – совесть не чиста, совесть мучит и, кажется, начинают давить погоны. Военным *ex officio** можно быть только в кавалерии. Там постоянное «парение» и оправданное «*far niente*»^{2*}. Здесь – наука в погонах, свинья в ермолке, или наоборот. Ну да впрочем, черт с ними, с капитанами, не люблю я писать о людях.

Прежняя бумажная «хаоса бытность довременна». Глупая, тошнотворная мешанина. День опять бессмысленный и пустой, как проба^{3*}. В Луцк, кажется, переезжаем завтра. Капитаны потирают руки, предвкушая, как они выпишут жинок и заживут зимой в тепле и ничего не делая. Хотя бы повесить парочку таких капитанов!

27 сентября, г[ород] Луцк

Итак, по-видимому, к двум сидениям, келецкому и минскому, придется прибавить еще луцкое. К, М, Л. Кельцы, Минск, Луцк, даже алфавитная связь, почему и считаю Луцк «предопределенным». Впрочем, на этот раз слишком что-то рано осели, рано пташечка запела, как бы кошечка не съела.

Пока еще не имею определенной квартиры и ночую в канцелярии с зауряд-чиновником¹. Дома здесь почтенные и вообще атмосфера самая городская, потому и противная. Вечером обязательно тянет на улицу. Ношусь с бумагами, изнываю от бумаг, путаюсь в бумагах. Устал и валюсь с ног. По привычке пишу сейчас, спать хочется смертельно, храпит во всю зауряд, за стеной писаря, и день опять не стоит выеденного яйца.

29 сентября, г[ород] Луцк

Чудесную квартиру я сейчас занимаю, это одно и утешает. Живу я в мансарде, огромная, низкая комната со сводчатым потолком, печкой посередке, почти разделяющей комнату на две половины. Все выбелено начисто, ходить приходится осторожно и сгибаясь, окошко с амбразурой. Впечатление архаическое, романтическое и в высшей степени «*gemütlich*»*. На входной дверце, на лестнице австрийская надпись «*zumachen*»^{2*}. Дом высоченный, на холме, к нему ведет лестница, внизу улица и впечатление почти итальянское. А главное, романтика, не какой-нибудь прозаический куб, а лапидоид. Повторяю, это комнатное впечатление только и утешает. Остальное скверно, захлебываюсь в бумагах, сочиняю инструкции для авиаторов, рапорта, телеграммы, веду слежку, некогда даже выглянуть в город, про самого себя приходится забыть, о Москве я забыл уже давно, а что такое «*far niente*» представляю только теоретически.

На фронте тихо, идут какие-то перетасовки, станции передвигаются, но черт знает что из этого выйдет. Пока ничего не выходит. Сделали какую-то идиотскую армию из 14 корпусов, выходит хаос, коловращение и в результате сущая гадость. Зимовка... За это трагическое К.М.Л... «Печной» философии у меня сейчас нет и следа. А вообще-то мир, конечно, стал сумасшедшим. Надолго ли?

* По должности (*ит.*).

^{2*} Ничего неделание (*ит.*).

^{3*} Так у Вавилова.

* Приветливое (*нем.*).

^{2*} Закрывать (*нем.*).

30 сентября, г[ород] Луцк

Чувствую себя ходячей канцелярской машиной, все атрофировалось, ни о чем, кроме «дела», не думаю, даже во сне кажутся какие-то слежечные телеграммки. Для чего, Бог знает, лишь бы что-нибудь делать. На свете скучно быть и Богом и человеком, и чем угодно, небытие кажется какой-то утонченной экзотикой. Но ведь должен же быть автор, режиссер, «воротила» этой глупейшей драмы! Ужасна эта «бе[с]ценность» всего *sub specie aeternitatis*^{*}, безумное «все равно», все – равно нулю – и эта хрипящая лампа и пушки за горизонтом.

Ночное одиночество в огромной комнате, милой, уютной, но похожей и на гроб, да впрочем, гроб проще и мудрее всего, вот уж где воистину «*sapientia aedificavit sibi domus*»^{2*}.

1 октября

Запоздалое резюме, плод воображения, что в сентябре 31 день

«Судьба глядит, мы вянем; дни бегут;
Невидимо склоняясь и хладея,
Мы близимся к началу своему...»¹

Вот и все. Жизнь человеческая не нарастает, между жизнью и смертью нет крутого обрыва, все похоже на монотонную игру на волынке и смерть куда интереснее жизни, за нею хотя [бы] что-нибудь новое.

Война – да она стала такой же жизнью, такой же монотонной и бесконечной. Начинал эту книжку с того, что думал о конце, о мире, о победе, и думал, что книжка выйдет неоконченной. Но год прошел, «а воз и ныне [там]».

Опять:

«Роняет лист багряный свой убор»

И опять поневоле начинаю новую книгу с того же:

«Пылай камин, в моей пустынной келье»

^{*} С точки зрения вечности (*лат.*).

^{2*} Премудрость построила себе дом (*лат.*) – из Книги Притчей Соломоновых, 9, в синодальном переводе.

Жизнь я сумею прожить нескучно, но кроме скуки в жизни – безразличие – все равно.

Я скитался, был на войне, был дома, в Москве. И все стало чужим. Где же свое, где же теплое место на свете?

И вот кроме скуки – тоска, которая еще страшнее. Тоска о чем? Пожалуй, ни о чем. Жизнь можно обмануть, суетиться и бегать, вдохновляться и творить, но «sub specie aeternitatis»

И все и вся глупейший нуль,
Нам жизнь дана зачем-то gratis,
И все равно, живу – умру ль!²

[На этом заканчивается книжка с записями Вавилова с 1 октября 1915 г. Дальнейшие записи за 1916 г. продолжаются в новом блокноте.]

«Летят за днями дни, и каждый день уносит
Частицу бытия.....»¹

«Судьба глядит, мы вянем, дни бегут;
Невидимо склоняясь и хладея,
Мы близимся к началу своему.....»²

1 октября 1916 г.
Луцк

Луцк, 1 октября

Безнадежно начинаю эту маленькую книжечку. Опять зима впереди. В прошлом году зима была нужна, сейчас она лишняя и нудная.

Частной, личной жизни у меня не было, и в конце концов Бог знает, для кого и чего живу. Ни для людей – их не люблю, ни для Бога, его не знаю, но и не для себя. Для кого же?

Но живу и всегда занят.

Так пусть и будет.

«Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан»³

Кому послушное? Бог знает.

Зима в Луцке. Город древний, и у него есть дух аристократичности, благодаря Бога за это. Древний город, книги, приятная работа – жить еще можно, и философствовать не стоит. Не стоит и задумываться о конце этой книжечки, о том, что там будет написано, все будет так же.

Война сделала людей еще большими чудаками, чем они были раньше.

Луцк, 2 октября

Ночь, как в мае. Тепло, звезды. С моего балкона под ногами расстилается город, ночью кажущийся огромным. Грохот, движение, а в голове прежняя дичь, отчего это все на миг не остановится и не подумает, для какого это все черта! Не остановится! Жить надо. Самоубийство... но заживут черви, атомы, электроны и новое движение ad infinitum*. Кончить движения нельзя...

* До бесконечности (лат.).

и где-то далеко улыбается стоящий. Все равно, но все равно движение и закон сохранения «неприступен и велик». А движение построено на разделении. *Divido et impero*^{2*} – ведь это не политический принцип, а физический, метафизический и религиозный. *Divido et mundus moveo*^{3*}.

Умирать не страшно, но, увы, совсем умереть нельзя.

Писать о людях, о бумажках... читать я об этом могу, но писать рука не подымается.

Луцк, 4 октября

Моя «пустынная келья» обратилась попросту в постоянный двор. Каждый день у меня кто-нибудь ночует, вчера Харьков, сегодня Калинин с каким-то «авианавигатором» семинарского вида и огромным псом. Разговоры, обывательская стратегия, сплетни. Захлебываюсь в бумагах и слежке, и конца ничему не видно, письма некогда написать.

А войне конца не видно, и она грозит из условной «дуэли» стать абсолютным самоистреблением рода человеческого.

На дворе осенне, хотя не очень, да, впрочем, на воздухе я не бываю, стал совершенно комнатным.

Луцк, 5 октября

Нового ничего. Опять в моем чердаке ночлежники. Опять я за слежкой и всякими фантастическими проектами... и сейчас 2 часа ночи.

Я здесь на чердаке начинаю себя чувствовать, как дома.

Луцк, 8 октября 1916 г.

Писать положительно не о чем. Сижу безвыходно в своей келье, с компаньоном Калининным, остроумным и милым парнем, вчера окончил свой «прожект» относительно определения местонахождения неприятельских станций без помощи пеленгаторов, но что из этого выйдет, Бог знает.

Осень, слякоть, а здесь бумажки, сплетни и головная боль. Только комната, по-прежнему, утешает. Уж очень она вида архаического, теплого, помещичьего и напоминает Москву, верх, книги, тишину.

Луцк, 9 октября

Окончил я свой «прожект» и, в сущности, делать нечего. С бумажками обращаться я привык и отделяюсь от них скоро. Берусь опять за книги, а отвык я от них здорово, романов даже не читаю.

Нас побили в Добрудже¹. *Dum loquimur fugit invida aetas*^{*}, вот что скверно. Впрочем, никаких лазоревых царств впереди не мерещится, и всю жизнь готов прожить, воюя. Жизнь такая серая, что даже война не разогнала тумана.

^{2*} Разделяй и властвуй (*лат.*).

^{3*} Разделяй и приводи в движение мир (*лат.*).

* «Мы говорим, время ж завистное мчится» (*лат.*) // Гораций. Оды / Пер. С.В. Шервинского.

Луцк, 11 октября

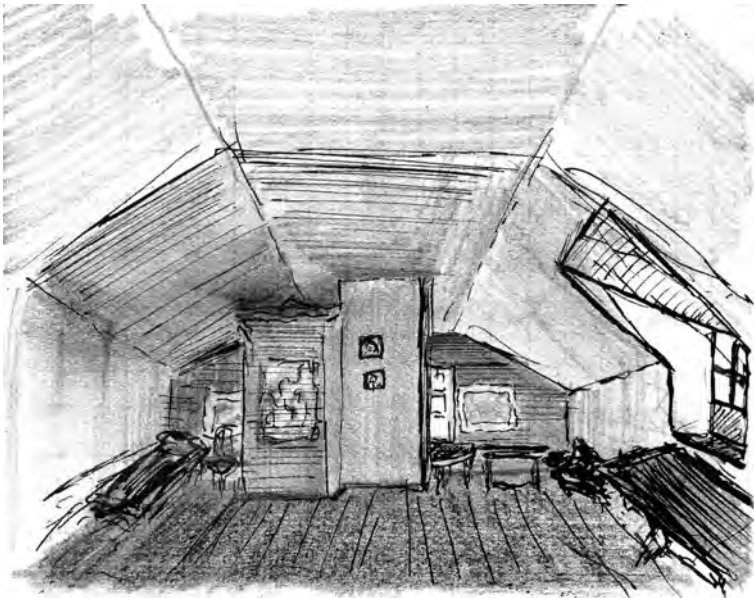
На свете, пожалуй, дельного-то нет, а потому и слезка [–] дела. Вот и плаваю целый день в бумажках и слезке. Настоящего «дела» мне, видимо, никогда не суждено делать[,] а *per dir la verità** весь радиотелеграф на войне – сущее рукоблудие. Практического толку для войны никакого.

А война идет скверно, немцы заняли Констанцу. Да, пожалуй, немцы и «*Übermensch*’ы»^{2*} и нам, старым человекам, бороться не под силу.

Логически немцы должны победить, у нас одна надежда на кривую, которая вывезет.

Луцк, 13 октября

Я опять стал физиком и даже физиком немножко *en grand**. Вчера и сегодня производил, в сущности, грандиозный эксперимент, заставив все станции группы работать одной мощностью, а тут в Луцке меряя их слышимость по реостату. Результаты очень удовлетворительные, и мой «проект» стал очень веским.

Получил сегодня письмо от Лазарева. Пишет, что представил меня кандидатом на премию Мошнина¹. Подкладка этого представления довольно ясна, но перспектива в будущем заниматься физикой в стиле П.П. [Лазарева] невидная.

Дождь, слезка, румын совсем раздавили и, в сущности, было бы очень скверно, если бы не физика-спасительница.

* По правде говоря (*ит.*).

^{2*} Сверхлюди (*нем.*).

* В большем [масштабе] (*фр.*).

Луцк, 15 октября

Война стала такой же монотонной и мерзкой, как жизнь. «Сегодня ты, а завтра я, так бросим же борьбу друзья»¹. Сегодня нас раздавили в Добрудже, завтра их раздавят под Верденом. А время идет, осень, дождь и ветер и грязь непролазная. Штаб в Луцке засел, как медведь на зимовке, и проводит даже электрическое освещение. Впрочем, я здесь все-таки самый счастливый человек. Умею выдумывать себе дело, всегда умел, и, кажется, буду уметь. Сейчас все кроплю* над «прожектором». А кругом один из капитанов от скуки перекладывает сахар из коробки в коробку, другой ищет самоучитель английского языка, хотя уже зубы вставные, и сам похож на опереточного «графа», пишет от тоски прожекты реорганизации инженерных войск после войны. Скука у них там внизу зеленая.

Ночь. Дождь бьет в окно, ветер шумит и пробирается через щели. Ходил поверять караул – темно и мерзко и в сонном Луцке чуеться что-то зловещее, совсем не победоносное. Сейчас хорошо у камина и забыть обо всем.

Луцк, 19 октября

Печален я... два года смерти Лиды – страшное 7 ноября 1914 года, какие-то грустные предчувствия... Грустно.

Луцк, 21 октября

Жизнь стала совсем однообразной. Каждый день то же самое, сию, не разгибаясь, за столом, пишу и не бываю даже на улице.

Сейчас почему-то удивительно не по себе и скверно.

Луцк, 22 октября

Я совсем разучился писать. Или это на меня тоненькая книжечка тоску наводит? Бог знает.

Жизнь в этом доме сложилась так. Капитанов гнетет метафизическая скука и угрызения совести. Остальные прозаически ведут свое романтическое дело. Романтик я здесь один и конкурентов у меня нет. За романтизм благодарю Бога. Изобретаю, ношусь с проектами и если бы мне прожить два дня «их» жизнью, сошел бы с ума. Таким людям не стоило родиться, а если уж родились, не стоило бы жить.

Застыло все тут. Кончились неудачные попытки опрокинуть немцев, и теперь начинают разжигать здешнюю кашу корпусов. Один за другим корпуса отводятся.

Солнце, в саду все еще цветы и на столе у меня букет.

Сию читаю Nauff'a, и если нет скуки, то есть некий «taedium»*.

Мне в жизни всегда нужно вдохновенье, хотя бы самое пустячное. Тянуть жизнь – на это есть револьвер.

Луцк, 28 октября

Не писал целую неделю*

в мае, а в этом доме по-прежнему метафизическая скука. Я ношусь, читаю, веду слежку, обрабатываю и перерабатываю свой проект и, в общем, занят.

Появилась у меня очень скверная философия. Все равно, все пустяки и все равно придется умереть. Заглушаю ее работой, книгами, шахматами, но

* Так в тексте; вероятно, «кроплю».

* Досада (лат.).

* Далее оторван низ листа, несколько строк текста утрачены.

в «пустые» минуты она страшна. Философия пушкинского Мефистофеля. С ней надо бороться, побороть ее и создать хотя [бы] что-нибудь святое в жизни, кроме с[мер]ти^{2*}. И опять прежнее

Лазарев устроил мне золотую медаль¹. Скверно, это ко многому обязывает.

Снятся какие-то странные сны, то увидел Блинова, как живого, то сегодня что-то во вкусе Гофмана с какими-то таинственными незнакомцами и чертовщиной.

А кругом, говорю, скука, немного разогреваются водкой. Нет, человеку нужна религия и творчество, без этого жить не стоит.

Луцк, 4 ноября

Мороз, легкий снег и опять старые, едкие воспоминания: Дзелозице, Щекоцины, та романтическая осень 1914 г. Петухи поют в ночи. Вспомнил – ночевку в какой-то халупе под Краковом на мешке с картошкой и петуха под печкой. «И счастье было так возможно»¹. Сейчас – тоска, будни, проблематичные надежды на победу. За войну я вырос и стал совсем, совсем иным, а, главное, сейчас – веры ни во что, все стало призрачным и пустым, даже физика кажется занятой, но пустячной, как шахматы.

Дни проходят автоматически скоро. До обеда слезка, после обеда фантазии и изобретения. Господи, дай хотя раз в жизни посмотреть еще что-нибудь великое, романтическое и сча-^{*} «фаталитэ» русской истории после смерти Александра III.

А немцы, как самое поганое животное, ползут, пользуются, ссорят. Противней немца – зверя нет. Это все чужое, а может быть своим. Только не нужно трагического балагана. Война непоня[т]ная, сокрушительная и божественная революция, которая мир перевернет. Опрошение, ясность и честность, вот что нужно от общества и государства. А во главе нужны честность, ум и самоотвержение – остальное приложится, но пока всего этого нет.

Но эти темные тучи, пожалуй, немного разгоняют здешнюю универсальную скуку. Весело, хотя временами, бывает только мне. «Жизни» здесь и следа нет. Из четырех стен не выходим, и к нам никто не входит. А кроме «жизни» у остальных – канцелярия, обеды и кинематограф. Меня спасает вдохновение, хотя бы и мизерное, книги, созерцание и вообще старые, милые вещи.

Но как жаль главное! Романтику, пафос, мистику и веру 1914 года. Святые дни, война тогда казалась крестовым походом, а теперь это – отбывание воинской повинности.

Ясное небо, солнечный день, на небе трещат пулеметы, а в общем тишина мертвящая. Сажу тут в комнате, на чердаке с казначеем Максом, да Калининым, кое-как вытягиваем разговоры, да мешаем друг другу.

А смерть ползет, «мы вянем»², дни бегут, и об этом только у всех тайная дума. «Всего», «чужого» никому не надо, а свое умрет, а потому гигантская метафизическая скука и бесконечное «все равно». Жизнь нужно только прожить без особых потрясений, а остальное все равно.

^{2*} Часть этого слова повреждена обрывом листа, далее, через 3 слова, вновь несколько строк текста утрачены.

* Далее пропуск текста – в дневнике вырван лист.

Луцк, 15 ноября

Луцк

Гниющей осени тоскливые туманы
Ползут и кружатся по улицам кривым
И дряхлым стариком, печальным и седым
Чуть дышит Луцк, окуренный дурманом.
В тяжелом сне поникнул монастырь
И башен замка гордые скелеты,
Не смыла их волна упрямой Леты
И пощадила окровавленная Стырь.
Одни, одни среди полей печальных
О, камни прошлого! Вы слава, иль укор?
О чем вы шепчете, потупя тусклый взор,
Толпе чужой, крикливой и нахальной?
Вы гром без молнии, зарницы без громов,
Нетленные, седые Саламандры.
Ваш шепот – стон всеведущей Кассандры,
И чувствую его, не понимая слов.

Это о луцких камнях, а луцкие люди еще трагичнее и печальней. Еврей*, солдаты и безысходная безнадежность повсюду. Жизнь надо прожить «играючи», чтобы смерть не торчала над каждым шагом и не светила жутким маяком. Уже вообще «жить» трудно, а играть большинству и совсем не под силу. Но почему все-таки люди живут? Неужели нет этого истинного, ясного как 2×2, для кого каждый шаг человека и людей истинно нужен.

Ну, а впрочем, об этом думать не стоит! Если есть – слава Богу, нет – жизнь сама собой кончится, а пока «играю», ничего не выигрываю, но дни проходят.

Я люблю то, около чего нет живых людей: физику и старину. Вне людей все-таки не так страшно, т.е. не страшно (глупое слово), но не так тоскливо, скучно и безнадежно.

* Слово «евреи» написано позже чернилами другого цвета поверх слова «жиды».

Луцк, 16 ноября

Старина, Сухарева Башня, Италия – опять о них вспоминаю и это самое сладкое, что осталось. Почему? Ясно себе отчета не даю. Не люблю живой красоты, а мертвые, старые книги, камни и картины хранят какую-то вековую тайну. Тайна только и влечет к жизни. Сфинкс потому и манит, что тайна, не будет ее, станет голым и пустым. Почему сейчас манит физика – да потому, что она стала метафизикой и впереди неизведанные просторы и дебри. И для меня тайна – высшая ценность и оценка на свете. Потому люблю Леонардо и всякую даже наивную чертовщину. Как это сказать яснее и как понять?

Красота, старина, наука, религия – общее у них тайна. А станет это явным, как картины пленэристов, как механика – скука безысходная, безнадежная, и жизнь хуже смерти.

Ясная красота – Пушкин и Рафаэль. Но ведь это ясность и прозрачность алмаза, а в этой прозрачности черная, как уголь, тайна. Леонардо и Гофман – обуглившиеся алмазы. Тайна видна всем и манит всех. Мужик живет, потому что у него поп – тайна, жена – тайна, земля – тайна, я [–] потому что у меня есть физика и метафизика и старина – три тайны. Воевать потому можно, что она тайна, безмерная и с неисчерпаемыми возможностями, да и умереть-то не так плохо только потому, что за ней тайна. И все живут, влекомые тайной «будущего» – а прошедшее, может быть, еще таинственнее и темнее.

Написал все это потому, что мелькнуло желание (старое) написать «Леонардо и Фауст». Никогда я их не напишу, а влечет к ним это живительное дыхание тайны. На свете только и есть классики и романтики, жрецы алмаза и угля, а за обоими одинаковая безмерная, радостная тайна. И, слава Богу, никому не дано ее разгадать, хотя все и разгадывают.

Маловато жизни и воздуха, «dumpfes Mauerloch»*, канцелярия и книги – это делает грустным.

17 ноября, Луцк

Старое, но сейчас вспомнилось новым и живым:

«Когда я буду погибать
И жизни путь к разверстой бездне
Меня манить и увлекать
Начнет и говорить «исчезни».
Тогда живою пленой
Ты ниспади передо мной,
Италия, о, край родной!»

А сейчас эта бездна зияет «и страшно, и скучно» и, того гляди, полетишь в нее стремглав. Все черно. Свинец судьбы над Россией, а может быть, только надо мною, и спасение пока одно – дурманящий, сладкий туман Италии. И она пришла вовремя – спасительница. Такого страшного *taedium vitae* не чувствовал еще никогда. Временами перед глазами прямо провал *dahin, dahin**. А все слагается, конечно, из мелочей, едких и скучных.

Для кого я это все записываю, не знаю. Пожалуй, только для себя. «Потомкам», конечно, будет скучно читать эти «страдания молодого Вертера»,

* См. подстрочное примеч. к записи от 10 июня 1915 г.

* Туда, туда (*нем.*).

и лучше бы оставить им пикантную летопись с анекдотами и сплетнями «наших дней», с описанием луцких обитателей и обитательниц, но писать эпически не умею, хотя и хотел бы.

А слухи такие красочные, московские. Собирается, де, Государь Государыню в монастырь постричь, в Вознесенский. Москвичи знают и келью. А какие там содержания и поэзии в этой сплетне. Тут и патриотизм, и старая Русь, и милая Москва.

18 ноября, Луцк

Дни проходят, как будто, так и надо. Немцы бьют и давят несчастных румын – а нам здесь ни тепло, ни холодно. У нас здесь жизни и следа нет. Вспоминается в.д.о., там было куда веселее и живее.

Ездил на автомобиле на пеленгаторную станцию. Радиотелеграф сейчас в армии сплошное очковтирательство, и приходится раскрывать поистине возмутительные вещи, простительные только потому, что русские мы, что нас «аршином не объять».

Все эти Гриши, Питиримы – ведь это словно в сказке, дикой папуасской.

19 ноября, Луцк

Все идет равномерно и скучно, как часы. Всем, в сущности, абсолютно нечего делать, поэтому рады всякому пустяку, чтобы у него позадержаться и убить часы и дни. Я здесь, кажется, единственный человек, которому есть польза от радиотелеграфа для себя «per futurum»*.

Кажется, Армия перешла в Западный фронт, прежняя история крыловского квартета, а румын бьют и бьют.

22 ноября, Луцк

Наш радиодивизион, храм блудословия, бумагомарания и, в конце концов, самая нелепая белка в колесе. Как могут в нем жить «остальные» – понять не могу. Ведь это органическая «нечестность». Я здесь, потому что физик. Недавно разыскал я, «изучая» сводки юго-зап[адного] фронта, такой скандал с пеленгацией, от которого должны бы побагроветь все радиотелеграфисты – но ничего, как с гуся вода. Военная служба – это такой призрак и бытие потустороннее, что в ней все сойдет.

Живут от обеда до ужина, и дни проходят медленно, медленно. Новостей здесь нет, а там – бьют румын, Бухарест не сегодня завтра будет взят*, а торжествующая немецкая свинья язвит и злорадствует в своих «радиотелеграммах».

23 ноября, Луцк

Сейчас ночью немцы торжествующе оповестили по радиотелеграфу, что Бухарест пал. Новый ликующий взвизг торжествующей свиньи и становится на душе страшно и тревожно. Неужели спасения нет и мир станет окончательным скотным двором. Дело не в России, а именно в мире. Вместо поэзии глупая проза, вместо Моцарта – тупоголовый Сальери. На миру после немецкой победы станет так скучно и тоскливо, что жи[т]ь безусловно не стоит.

Спаси, Господи, мир и Россию.

* На будущее (ит.).

* Расшифровано по смыслу.

25 ноября. Луцк

Над Россией тяжелые тучи и мрачное издевательство судьбы. Хаос внутри, хаос здесь. Армия, по-видимому, забывает о войне. Солдаты роют уютные землянки, части справляют с pompой ротные праздники, великие князья разъезжают и раздают первопопавшимся медали и кресты. А солдат перестал быть солдатом, трусит и бежит. Немецкая сволочь ворвалась в Бухарест, визжит, хрюкает, захлебывается от восторга, и в душе тупая, мучительная боль. Чувства притупились, но тупое страшнее острого. Россия сейчас как будто загнила и близка к смерти. Не удивлюсь, если в марте немцы будут в Киеве и Одессе и если рухнет все. Но не так жаль побежденного, как противен омерзительный аккуратный свиноподобный победитель. Он сейчас не выходит из головы.

А здесь – вчера *soirée gala** на манер свадьбы с генералами. Вчера делал доклад о радиотелеграфе разношерстной публике от авиаторов, артиллеристов, генералов. Читать я совершенно не умею, путаюсь, много наплел, язык у меня прилипает к гортани, но кое-как кончил. Потом ужин с водкой и т.д. Что-то вроде «Пира во время чумы».

Зашел сегодня в еврейскую^{2*} лавку, бородатые Соломоны смотрят тоскливо и бормочут: «Что-то будет?»

Что-то неприятное и зловещее кругом.

26 ноября. Луцк

В газетах пестрят какие-то иксы «темной силы». Получается картина феерическая и нелепая. Совиное гнездо из А[лександр] Ф[едоровна], Фредерикса, Распутина, Питирима и Штюмерера во главе угла – главная пружина «рока» России, да это мыслимо только в распаленном русском воображении. Это из Достоевского и страшных сказок. Сзади совы и колдуны, впереди ощетилившаяся свинья, а здесь наивная простецкая и милая армия, которая не печется о многом и смотрит на все просто. Я уже это говорил – в армии праведники и младенцы. Дай, Господи, войны до конца дней в таком случае. Умереть суждено всякому, но лучше умереть честно и просто. Россия, Россия моя. Ее сейчас так жалко, так она загнила и так близка к смерти.

Ужас в том – что все раскрыто слишком поздно и вместо благодетельной спасительницы лихорадка войны для России стала похожа на предсмертную агонию. Нас спасет только чудо, Николай Чудотворец с Богородицей.

* Торжественный вечер (*фр.*).

^{2*} Начало слова «еврей-» написано позже чернилами другого цвета поверх начала слова «жидовскую».

У меня недавно была своя личная тоска и безнадежность. Теперь – Россия. Боюсь ехать в отпуск в Москву и испугаться печали дома. Кругом тоска и злые вести.

30 ноября, Луцк

Чудовищная и возмутительная новость. Немцы предложили мир. Узнали это, комбинируя отрывки скверно принятых радиোগрамм «Armees und Flotte Befehl»*, данного почему-то на немецком и итальянском языке, да из английского сообщения.

Почему это чудовищно и возмутительно? Во-первых потому, что это – предложение князю сделаться лакеем, а во-вторых, потому что это возмутительное^{2*}

Ночью. Вернулся с поверки караула. Ночь тихая, теплая, лунная, а вдалеке сердито режут пушки. Так-то лучше. Эти «мирные переговоры» и спокойнее, и привычнее, и благороднее.

1 декабря, Луцк

Трагическое это число. 1914 год. Прадла, начало несчастья. С тех пор как-то все на убыль пошло, испарилась теплая метафизика и пафос первых дней войны, наступили грустнейшие военные будни. Ночь 1-го декабря, помню ее до самых мелочей, как мы шли, снимая шестовую линию, мужики и бабы продавали спички, зашел напиться воды в какую-то халупу, потом Щекочин, чайная, потом поход по варшавскому шоссе, грязь, зарево, прожектора, фонари, отстал и с Мухиным ночевал в какой-то халупе. Да! Ехал в по[во]зке с гусем, зарытым в сено. Боже мой, я помню так ярко эти святые дни осени 1914 года. А сейчас дни, месяцы, годы и почти пустые, и вот разве запомню сегодняшний пустой, пустой день. И как хочется прежнего счастья-несчастья, прежнего пафоса, веры и отчаяния, и только. Та надежда и осталась – на божественную Симметрию, на то, что конец будет похож на начало, и что могучая симфония войны, пройдя первоначальное *allegro*, мучительно томительное *adagio*, загремит победным финальным *allegro*^{*}. Слава Богу, еще есть надежда.

4 декабря, Луцк

Положим, сейчас не четвертое, а пятое – я на дежурстве в штабе Армии. Сижу здесь с 9 часов утра, впрочем, спал часа 3. В комнате со стрельчатыми сводами монастыря, текут правильной чередой бумажки. Тишина повсюду. На правом фланге (34 корпус) где-то прорвались немцы, взяли до 400 пленных, их оттуда вышибли, но осадок скверный – солдаты стали трусами. *Friedens Vorschlag**, Слава Богу, кончился ничем, и французы сделали даже весьма красивый и недвусмысленный жест под Верденом¹.

* Приказ по армии и флоту (*нем.*).

^{2*} Далее пропуск текста – в дневнике вырван лист.

* *allegro*, *adagio*, *allegro* – музыкальные термины, определяющие скорость исполнения: быстро, медленно, очень быстро.

* Предложение мира (*нем.*).

А тут – явление с того света – Черни. Появился он 2 декабря чудом и фаталистически вместо Выборга заехал в Луцк. Перевелся и он из богоугодного в.д.о. в радиотелеграф. Наивен и мил по-прежнему. Появился он как Deus ex Machina и я вначале обалдел, вспомнил сразу вдруг и батальон, и отряд. Живет он в Луцке два дня и по своей способности застревать и растериваться способен пробыть сколько угодно, если бы не понукательные телеграммы из 6-го Дивизиона.

С Черни, в конце концов, пожалуй, скучно. Я его люблю как-то литературно, как книгу и фотографию. Не уживаюсь с «живыми» людьми – слова чужие, а самое важное, душевный *silentium*^{2*}, который словами высказать нельзя. Я внешне, пожалуй, иногда экспансивен, но есть у меня какой[-то] холод, который все гасит.

Если бы жизнь была бы такой же нудной и томительной, как это «бдение», когда так и тянет на подушку – хорошо было бы умирать. Вообще эта аналогия бдения и сна, жизни и смерти, пожалуй, глубже, чем она кажется. Только неужели в смерти так же мало метафизики, как во сне?

«Sagt mir, ich bitte euch, Kann ein Mensch, der sich selbst hasst, einen Anderen lieben? Kann sich mit einem anderen vertragen, wer mit sich selber uneinig ist?»^{3*} (из Эразма).

«Urteilet hiernach, was wohl geschehen würde, wenn der Durchschnittsmensch sich einfallen liesse, weise zu sein; man würde bald eine neue Schlammasse und einen zweiten Prometheus nötig haben» (Erasmus)^{4*}.

8 декабря, Луцк

Завтра уеду в отпуск. И опять мне отпуска страшно. Страшно, главное, грусти московского большого дома. Здесь на войне жизнь такая простая, и тоска, и скука почти игрушечные, детские – там все «на самом деле» – и тоска там – целая трагедия. С тех пор, как умерла Лида, что-то во мне окончательно оборвалось, и дом, мирное житие, физика потеряли привлекательность.

Просто здесь... Макс храпит, внизу Шенкнехт etc. спорят о «полевых порциях» и «темных силах». Я мира боюсь больше, чем войны. Ну, поедем – увидим.

13 декабря, Москва

В Москве третий день. Приехал удачно и скоро. Пока впечатление очень безразличное. Все по программе, как прошлый раз. Боюсь я отпусков – репетиции к «мирному» будущему. А война лучше мира. Москва распоясалась, опустилась, обнаглела. Странная какофония былой патриархальности, наив-

^{2*} Безмолвие, тишина (*лат.*).

^{3*} «Как вы думаете, может ли полюбить кого-либо тот, кто сам себя ненавидит? Сговорится ли с другими тот, кто сам с собой в разладе?» (Эразм Роттердамский, «Похвала глупости», гл. XXII; перевод П.К. Губера).

^{4*} «Судите сами, что случилось бы, если б все люди были мудрецами: опять понадобился бы кусок глины, и вновь пришлось бы взяться за работу гончару Прометею» (Эразм) (Эразм Роттердамский, «Похвала глупости», гл. XXXI; перевод П.К. Губера).

ных сплетен и какого-то хулиганства с отчаяния. Дикое и звериное чувствуется и еле сдерживается.

Дома грустная тишина и безлюдно. Нажимаю кнопки, выделся со Смитом, с И.Е.

Все старое, старое, утешают только книги, старые, запыленные, на них вся надежда, с ними доживу жизнь, остальное – пустозвон.

15 декабря, Москва

Брожу по Москве. Два дня подряд выделся с Лазаревым. Берет отчаяние. Больной, больной человек и наша московская физика разрушена. Какой-то трагический водевиль и свистопляска. На столе у меня портрет Лебедева, и на покойника посмотреть стыдно. Нет людей – вот что сейчас самое страшное. Мира сейчас – боюсь, как никогда. Я бы завертелся и утонул. Устаю.

18 декабря, Москва

Сегодня воскресенье. Я целый день дома – один, да мать. Не ладно. Такая неотвратимая тяжелая атмосфера грусти, что хочется бежать. Над нашим домом Рок. И все другие печали – война, хаос в России, физика отходят на второй план, становятся только фоном. Жалко матери, жаль и отца. Они одни – в пустыне. Дом огромный и смотрит гробом. Я начинаю сам себе завидовать, я – будущий, мирный, себе настоящему. Сейчас у меня на плечах погоня, а потому жизнь проста, свободна и есть постоянное оправдание. А тогда, после мира, кем я стану, и кем могу стать? Такая муть, такой омут впереди, что смерть кажется блаженным избавлением. Кроме матери – я без людей. Страшно жить на свете одному.

А жить надо! Спасение в работе и творчестве, без них я обречен на погибель. Да еще нужнее Бог. Если бы Он был со мною, я простил бы эти роковые удары, этот ужас, а без Него все страшно, дико и каждое слово звучит заведомой ложью.

Москва, 20 декабря

Полночь. Сижу в своей комнате, кругом книги, руки ни за что не берутся, тихо напеваю грустнейший романс графини из «Пиковой Дамы» и в настроении этого романса тонет все. Тут все полно воспоминаниями, каждая вещь на столе, каждая книга, и чем ближе, тем грустнее становится. Тень Лиды наложила на все свою траурную, несмываемую печать. Нет бодрости и осталось одно: лишь бы жизнь прожить. Боже, дай этой животворной бодрости. Тут дома совсем* спасителя мира, семьи и меня. Ждут люди чуда и станут тогда люди другими. А сейчас...

«Нам жизнь дана зачем-то gratis
и все равно живу, умру ль»¹.

А главное, наш дом... на нем тучи повисли беспросветные. Боже, рассей этот ужас.

У меня слов не хватает, а страшно.

* Далее пропуск текста – в дневнике вырван лист.

28 декабря, Москва

Ну вот моя последняя ночь в Москве, на Пресне. Грустно, конечно. Главное, я покидаю не веселых и бодрых, а печальных. Печаль и невесело всюду. Из дома все разлетается, и одна мать – пустынноца и молчальница.

Видал я многих, все дни носился и всюду – страшное. Притаились, как перед смертью. (А сколько смертей!) Чувствуют, что все рушится. Вакханалия от несчастья, готовы на все. России, Москве победа нужна сейчас, как воздух, иначе задохнется она и умрет. Задохнулась жизнь, задохнулась наука, кругом карканье шантажистов. Сегодня Степан Филин (портной) рассказывал, как некий фель[д]фебель, приехавший в отпуск, говорил ему: «Мы уже решили, ружья бросим в окопах, а сами уйдем, боимся только молодых». Неужели *ultima spes** армия – рушится, гниет? Россия, Россия моя, а с нею мать, я и все – на краю гибели. Боже, дай победу, нужна она всему.

Последние дни года, эту книжку в Луцк не повезу, а тут оставлю. Вышла она грустная и печальная, и надо всей ней самые тяжелые тучи за время войны. Грозы нужно, очистительной грозы – конца или начала. Страшно кончился этот 1916 год. В середине он был таким бодрым и обещающим, потом этот нудный, бездонный провал. Вот эта маленькая книжка – она у меня самая печальная. Я писал мало, руки не подымались, все грустно было и беспросветно. Как все это случилось и почему мрачная русская *fatalité* опять высунулась, злая и беспощадная. Меня надежда не покидает. С радостью кончаю эту книжку, может быть, горе и ужас пройдут с нею. 4 надежды^{2*} ...зались». А спасение отсюда только – Бог. Милая моя физика показала только хитроумной игрушкой. Буду искать Бога, буду надеяться на победу, на то, что дому, матери будет хорошо, и стану делать свое прежнее дело. Вот последнее слово.

А теперь прощай, Москва, старый, несчастливый дом и угрюмый конец 1916 года.

С. Вавилов

* Последняя надежда (*лат.*).

^{2*} Далее пропуск текста – в дневнике вырван лист.

ПРИМЕЧАНИЯ

1909

Эпиграф

¹ У Тютчева «Сумерки» – «С миром дремлющим смешай». Ср. с записью от 1 января 1910 г.

1 января 1909 1 час ночи

¹ Сначала С.И. Вавилов сделал запись 1 января 12 ч. ночи (см. следующую запись), а затем на чистой первой странице тетради записал свое новое стихотворение.

1 января 12 ч. ночи 1909

¹ Трудно сказать, о какой конкретно книге Э. Маха идет речь. Различные его работы неоднократно издавались в России. Во всяком случае, это, несомненно, был только что вышедший перевод, учитывая библиофильство С.И. Вавилова. В 1908 г. опубликованы книги Маха «Историко-критический очерк развития механики» и «Анализ ощущений и отношение физического к психическому», а в 1909 г. – «Механика», «Популярно-научные очерки» и «Принципы сохранения работы. История и корень ее».

² Речь идет о первом известном нам научном сообщении С.И. Вавилова: 14 марта 1909 г. он, ученик восьмого, выпускного, класса Московского коммерческого училища представил «чтение по химии» (так значилось в объявлении) «Электронная теория строения вещества» (АРАН. Ф. 596, оп. 1. Д. 1, с. 1).

³ Возможно, речь идет об очерке «Бес или Бог?» (см.: *Мережковский Д.С.* В тихом омуте. СПб., 1908. С. 221–237). Вообще же истоки многих размышлений молодого Вавилова следует искать и в работах Мережковского, и в его философских взглядах.

2 января 1909

¹ То есть о Московском коммерческом училище.

² Нат Пинкертон – литературный персонаж, сыщик. С 1907 г. в России началась волна «Пинкертоновщины» – к 1909 г. было продано более 10 млн экземпляров книг о нем.

³ 7 января 1951 г. («Начало автобиографии») С.И. записал: «Перелистал я сейчас мой дневник за 1909 г. Читать его малоприятно. Видно внутреннее брожение, свойственное интеллигенции после 1905 г. Думаю, что преувеличено все это, но большая доля правды была» (Сергей Иванович Вавилов. Очерки и воспоминания. Изд. 3. М.: Наука, 1991. С. 117. Далее цит. как Очерки и воспоминания). В тех же заметках С.И. подробно говорит о Коммерческом училище и его преподавателях (там же. С. 105–117).

4 января 1909

¹ 20 августа 1950 г. Вавилов несколько иначе оценил Московское коммерческое училище: «Оглядываясь на прошлое, вижу теперь, что к[оммерческое] у[чилище] было хорошей средней школой. Программа была правильная, реальная, с большой долей естествознания, физики, химии, технологии. Имелись совсем недурные кабинеты-лаборатории, каких сейчас иногда не найдешь и в столичных высших школах ... Учителя и воспитатели подбирались с толком» (Очерки и воспоминания. С. 106).

² Речь идет о директоре училища в 1906–1914 гг. Дмитрие Владимировиче Цветаеве. О нем см. также записи от 16 и 18 мая 1916 г.

5 января 1909

¹ См.: *Томпсон С.Ф.* Добывание света. Лекция, прочитанная на Общем собрании Британской ассоциации содействия развитию наук (1906). Одесса, 1909.

6 января 1909

¹ Слова Пимена из драмы А.С. Пушкина «Борис Годунов» (сцена «Ночь. Келья в Чудовом монастыре»).

8 января 1909

¹ 7 января 1951 г. С.И. вспоминал: «Устроил я его (кружок. – Е.П.) по примеру брата. В течение нескольких лет у нас дома, на Никольском переулке, собиралась группа товарищей Николая... Читали они “классиков”... С 5-го класса я решил устроить нечто вроде этого у нас. Тянулся этот кружок с грехом пополам до конца школы... Но постепенно состав таял. Не помню уж, по каким причинам. Диапазон вопросов был громадный: философия, литература, искусство и политика (правда, в очень умеренном виде). Но вывозить приходилось мне. Я писал рефераты о Толстом, Гоголе, Тютчеве, Махе, о декадентах, о самоубийствах как общественном явлении. Я писал, читал и говорил, остальные слушали» (Очерки и воспоминания. С. 117–118).

9 января 1909

¹ Речь идет об Иване Алексеевиче Артоболевском.

² Это часто используемое С.И. в течение всей жизни выражение. Восходит к басне И.А. Крылова «Ворона» (1825).

10 января 1909

¹ См. примеч. к записи от 8 января.

12 января 1909

¹ Определенно можно сказать, что имеется в виду одна из работ С.К. Маковского: либо «Современная скульптура» (первый выпуск вышел в 1908 г., последний, восьмой, в 1911 г.), либо «Страницы художественной критики». Кн. 1, 2. СПб., 1909. Книга 1 «Мысли и впечатления о художественном творчестве современного запада» (СПб. 177 с.), которая впервые увидела свет в 1906 г. Это редкое свидетельство об интересе С.И. к современному искусству. Его дневники, особенно в связи с поездками за границу, обычно указывают на любовь и знание Вавиловым живописи XIV–XVIII вв.

15 января 1909

¹ См. примеч. 1 к записи от 4 января 1909 г.

21 января 1909

¹ С.И. решил поступать в университет, а для этого требовалось для выпускников учебных заведений, в которых латынь не преподавалась, сдать экзамен по этому предмету.

27 февраля 1909

¹ Обратимся опять к записям С.И. «Начало автобиографии». В 7-м и 8-м классе бухгалтерию и коммерческую арифметику преподавал Н.Ф. Рейнсон, очень милый, порядочный, аккуратный и знающий немец. Сам он, по-видимому, ... тоже окончил ком[мерческое] у[чилище]. Науку свою он знал превосходно, но понимал, что не всем она в будущем [будет] нужна. Ко мне он просто обращался: «Надеюсь, что когда-нибудь вы какой-нибудь закон откроете» (Очерки и воспоминания. С. 112).

1 марта 1909

¹ «Новое время» – одна из крупнейших газет России. Издавалась в 1868–1917 гг. С 1876 г. ею владел А.С. Суворин (1834–1912). В 1910 г. он создал акционерную компанию «Товарищество А.С. Суворина “Новое время”».

23 марта 1909

¹ Характеристику Кузьмичева см. запись от 2 марта 1909 г.

26 апреля 1909

¹ Речь идет о памятнике работы Н.Н. Андреева (постамент – Ф. Шехтеля), поставленного в конце Гоголевского (тогда Пречистенского) бульвара. С 1952 г. на этом месте стоит другой памятник Гоголю (скульптор Н.В. Томский, архитектор Л. Голубовский). Андреевский памятник в 1959 г. перенесли во двор дома по Никитскому бульвару, 7а, в котором Н.В. Гоголь провел последние четыре года жизни и где сейчас находится музей писателя.

27 мая 1909

¹ Строки из стихотворения А.С. Пушкина «Поэт и толпа» (1828): «Подите прочь – какое дело / Поэту мирному до вас!»

1 июня 1909

¹ Четвертая стража – время стояния на посту, ночная смена (четвертая часть ночи, т.е. перед рассветом). В Древнем Риме была создана при императоре Августе ночная охрана в составе семи отрядов.

4 июня 1909

¹ С.И. Вавилов ошибся – знание латыни ему пригодилось впоследствии. Оно помогло ему в исследованиях по истории науки, а начал он заниматься ею со второй половины 1920-х годов. Среди его достижений в этой области – первый и единственный полный перевод на живой язык «Лекций по оптике» И. Ньютона: *И. Ньютон. Лекции по оптике. Перевод, комментарии, редакция и послесловие С.И. Вавилова. М.–Л.: АН СССР, 1946. 293 с.*

² «Нива» – еженедельный иллюстрированный журнал. Издавался в Петербурге в 1870–1918 гг. Ежегодно в виде приложений к журналу выходили собрания сочинений русских и иностранных писателей.

7 июля 1909

¹ Гусева полоса – низина по реке Пресне, впадающей в Москву-реку.

13 июля 1909

¹ См. запись от 2 февраля 1909 г.

² По-видимому, речь идет о Б.Н. Васильеве, троюродном брате С.И. «Росли первые пятнадцать лет вместе, но встретились только через сорок лет», – запишет С.И. 30 августа 1949 г. (см. *Вавилов С.И. Начало автобиографии // С.И. Вавилов. Очерки и воспоминания. Изд. 3. М.: Наука, 1991. С. 98*). В 1946–1950 гг. они неоднократно встречались, как видно из дневников С.И. этих лет.

23 июля 1909

Ср.: *Баратынский Е.А.* «В глуши лесов счастлив один» (1824): «Всех благ возможных тот достиг, / Кто дух судьбы своей постиг».

24 августа 1909

¹ «Не говори, что нет спасенья, / Что ты в печалях изнемог: / Чем ночь темней, тем ярче звезды, / Чем глубже скорбь, тем ближе бог...» (1878) – четверостишие А.Н. Майкова (подборка из им созданного мифического Аполлодора Гностика, или «Из гностиков»).

27 августа 1909

¹ Стихотворение Ф.И. Тютчева «Среди громов, среди огней» (1848) существует в трех редакциях, но во всех вариантах строка, приводимая С.И., звучит у Тютчева одинаково: «И на бушующее море льет примирительный елей».

² Бержере – герой романа А. Франса «Современная история», который, как и автор, интересовался социалистическими идеями. В финале тетралогии Бержере утверждает, что мир можно изменить словом. «Нет ничего могущественнее слова... Это непобедимое оружие. Без него мир стал бы достоянием скотов. Кто же их сдерживает? Одна только мысль, безбрежная и нагая... Все перемены в социальном строе, как и в строе природы, происходят медленно и почти незаметно» (Цит. по: *Франс А.* Избранное. Л., 1984. С. 346). Об эволюции отношения С.И. к А. Франсу см. запись в дневнике от 4 апреля 1940 г. (Сергей Иванович Вавилов. Дневники. 1909–1951. Книга 2. 1920, 1935–1951. (Научное наследство. Т. 35) М., 2012. С. 89–90. Далее цит. как: *Вавилов С.И.* Дневники. Кн. 2).

7 октября 1909

¹ По-видимому, речь идет о постановке Московским художественным театром пьесы Л. Андреева «Анатэма». Премьера состоялась 2 октября 1909 г. Рецензии Сергея Яблонского (С.В. Потресова) и Н. Эфроса о постановке пьесы Л. Андреева «Анатэма» (см. Московский художественный театр в русской театральной критике. 1906–1918. М., 2007. С. 215–223) дают ясное представление о спектакле. Но было и другое мнение. Монархистские и церковные круги объявили пьесу Л.Н. Андреева «богохульной» и потребовали снять ее. «Вл. И. Немировичу-Данченко пришлось через двадцать дней после премьеры “Анатэмы” ехать в Петербург за поддержкой премьер-министра П.А. Столыпина» (Там же. С. 214). Но и это, в конце концов, не помогло – после 37-го представления, в январе 1910 г., пьеса была запрещена.

18 октября 1909

¹ Коллежский ассессор, согласно закону о порядке государственной службы, введенному Петром I в 1722 г., чиновник 8 класса (из 14 возможных).

² Парафраз из I главы «Евгения Онегина» А.С. Пушкина: «Имел он счастливый талант / Без принужденья в разговоре / Коснуться до всего слегка, / С ученым видом знатока / Хранить молчанье в важном споре».

11 ноября 1909

¹ Между лидером партии «Союз 17 октября» А.И. Гучковым и в то время членом этой же партии графом А.А. Уваровым были напряженные отношения, вызванные, по-видимому, политическими амбициями обоих. В конце ноября 1909 г. дело дошло до вызова Уварова на дуэль, которая, однако, не состоялась.

13 ноября 1909

¹ И.С. Плотников начинал исследовательскую работу у П.Н. Лебедева, но затем перешел на физико-химическую тематику и занимался вопросами фотохимии.

² Речь идет о статье В.В. Розанова «Чиновники», опубликованной в трех номерах (№№ 244, 248, 260) газеты «Русское слово» (24 и 29 октября, 12 ноября 1913 г.). Общее название и название первой части статьи – «Чиновники», второй – «При Думе и до Думы», третьей – «Как и откуда они появились».

³ Полное название этой одноактной пародии на оперные штампы – «Вампука, невеста африканская, образцовая во всех отношениях опера». Музыка В.Г. Эренберга, либретто его же по фельетону А. Манценилова (М.Н. Волконского).

⁴ «Трудовая копейка» – ежедневная вечерняя газета в Москве. Издавалась, видимо, не регулярно в 1910-е годы РСДРП(б).

7 декабря 1909

¹ Слово означает ловлю, охоту (см.: Ветхий Завет. Быт. 49, 27).

15 декабря 1909

¹ Аксаков К.С. Воспоминания студентства 1832–1835 годов. Впервые опубликованы в двух номерах московской газеты «День» (№№ 39, 40) за 1862 год; Автобиографические заметки Ивана Михайловича Сеченова. М., 1907.

25 декабря 1909

¹ Царские дни – это, во-первых, дни восшествия на престол и коронации российского императора, рождения и тезоименитств его и императрицы, наследника цесаревича и его супруги; во-вторых, торжественные дни рождений и тезоименитств прочих особ царствующего дома. Здесь имеются в виду царские дни в первом значении, так как только они были выходными.

1910

Эпиграф

¹ Свое стихотворение С.И. Вавилов записал на первой отдельной странице.

1 января 1910

¹ Речь идет о XII съезде русских естествоиспытателей и врачей, проходившем в Москве в декабре 1909–январе 1910 г. Значительную работу по организации этого съезда выполнили студенты Московского университета. О съезде см.: *Иоллос А.* XII Съезд русских естествоиспытателей и врачей. Секция физики // Вестник опытной физики и элементарной математики. 1910. № 506 (XLIII семестр, № 2). С. 43–50.

6 января 1910

¹ Дневник XII Съезда русских естествоиспытателей и врачей с 28-го декабря 1909 по 6 января 1910-го г., издаваемый по постановлению Распорядительного комитета Съезда, под ред. Ф.Н. Крашенинникова. № 1–10.

11 января 1910

¹ Двустихие «Сравнение» поэта-сатирика А.Н. Нахимова (1783–1815). Опубликовано по-смертно в 1828 г.

² Строки из пьесы Шекспира «Гамлет» (Действие пятое. Сцена I. Кладбище). Перевод А.[И.] Кронеберга.

³ Неточно воспроизведенные слова Бориса Годунова, обращенные к сыну (*Пушкин А.С.* Борис Годунов. Вторая сцена («Царские палаты»): «Учись, мой сын: наука сокращает нам опыты быстротекущей жизни».

19 января 1910

¹ С.И. Вавилов в дневнике 1910 г. трижды (19 января, 31 мая и 4 августа) цитирует эту часть разговора ученика Фауста с Мефистофелем (который предстает в облике Фауста), каждый раз несколько меняя первую строку. Точнее всего к тексту Гёте он воспроизводит ее в записи от 4 августа.

26 февраля 1910

¹ По-видимому, речь идет о постановке пьесы Г. Ибсена (1828–1906) «Бранд» на сцене Московского художественного театра. Премьера состоялась 20 декабря 1906 г. (по ст. стилю).

13 марта 1910

¹ Речь идет о книге И.И. Мечникова «Этюды оптимизма». 15 июля 1939 г. С.И. записал в дневнике: «Лет пятнадцати я писал трактат “О мировоззрении”, “о цели жизни” etc., вдохновившись главным образом Мечниковым и воспевая науку. Сейчас 49-й год “и дурак ожидает ответа”». (Сергей Иванович Вавилов. Дневники. Кн. 2. С. 72). А 18 июля того же года он отмечает, что поддержание «удачливого творческого состояния для сознающего человека – это, по-видимому, единственный рецепт оптимизма, а не кислое молоко и долголетие Мечникова» (там же. С. 74).

8 апреля 1910

¹ Возможно, речь идет о К.А. Тарновском.

28 апреля 1910

¹ Отходник – крестьянин, уходящий на сезонные работы в город в дореволюционной России.

30 апреля 1910

¹ Второй всероссийский съезд писателей состоялся в Петербурге 22–29 апреля 1910 г. по старому стилю. Подробнее о съезде см.: Вестник второго Всероссийского Съезда Писателей. № 1–10. 2 апреля 1910–21 мая 1910.

4 мая 1910

¹ В.М. Пуришкевич был деятелем крайне правого толка; он один из создателей черносотенных организаций – «Союза русского народа», а затем «Союза Михаила Архангела».

² М.О. Меньшиков после 1900 г. придерживался сходных с Пуришкевичем взглядов.

10 мая 1910

¹ Вавилов приводит разговор Фауста и Мефистофеля («Сцена из «Фауста»» А.С. Пушкина). И далее следуют еще две цитаты из этого стихотворения.

² В поэтическом пересказе Пушкина (см. «Сцена из «Фауста»») это звучит так: «Мефистофель / Доволен будь / Ты доказательством рассудка. / В своем альбоме запиши: / Fastidium est quies – скука / Отдохновение души».

31 мая 1910

¹ Эпиграмма А.С. Пушкина «Русскому Гесснеру» на поэта В.И. Панаева (1792–1859). Впервые опубликована в 1828 г.

² Из стихотворения Я.П. Полонского (1856).

³ См. примеч. к записи от 19 января 1910 г.

14 июня 1910

¹ Строки из «Илиады» Гомера (Песнь одиннадцатая. Подвиги Агамемнона, строки 90–93). Перевод Н.И. Гнедича.

16 июня 1910

¹ Первая строка песни Миньоны (*Гёте И.В.* Годы учения Вильгельма Мейстера. Кн. третья, гл. первая). Приведем первую строфу (из трех): Ты знаешь край? – Лимоны там цветут. / К листве, горя, там померанцы льнут. / И нежный ветер над синевой летит. / Там тихо мирт и гордо лавр стоит. / Ты знаешь их? – Туда, туда / Умчаться б нам, о милый, навсегда!» (Пер. С.Г. Займовского).

27 июля 1910

¹ См. примеч. к записи от 6 января 1909 г.

30 июля 1910

¹ Речь идет о путеводителях, публикуемых издательством Карла Бедекера.

4 августа 1910

¹ В 1582 г. Галилей установил изохронность колебаний маятника (т.е. время колебаний его не зависит от амплитуды этих колебаний), наблюдая, согласно легенде, за раскачиванием паникадила (люстры) в Пизанском соборе.

² См. примеч. к записи от 19 января 1910 г.

³ См. примеч. 2 к записи от 11 января 1910 г.

⁴ Существует легенда, что Галилей производил опыты, бросая различные тела с Пизанской башни.

15 августа 1910

¹ Слова из монолога Бориса Годунова из одноименной оперы М.П. Мусоргского (либретто по драме А.С. Пушкина М.П. Мусоргского).

21 сентября 1910

¹ Строки из стихотворения поэта, драматурга, мемуариста И.М. Долгорукова (1764–1823) «Хижина на Рпени».

16 октября 1910

¹ Скорее всего С.И. имел в виду обоих братьев Аксаковых – Константина Сергеевича и Ивана Сергеевича, известных славянофилов и их отца писателя С.Т. Аксакова.

² «Русское слово» – ежедневная газета либерального направления. Издавалась в Москве в 1895–1917 гг.

³ Видимо, речь идет о ежедневной газете «Утро России», органе торгово-промышленных кругов. Издавалась в 1907–1918 гг. (с перерывами).

7 ноября 1910

¹ См. стихотворение Е.А. Баратынского «На смерть Гете» (1832).

15 ноября 1910

¹ См. Goethe J.W. Faust. Teil II. Paralipomena. Bruchstück 117. В оригинале отсутствует в первой строке имя Семирамида (Semeramis).

² «Русское знамя» – газета, орган «Союза русского народа». Издавалась в Петербурге с ноября 1905 г. по март 1917 г.

³ По-видимому, речь идет о первой неподцензурной общественно-политической газете «Колокол», распространявшейся в России. Издавалась А.И. Герценом и Н.П. Огаревым. Печаталась в Лондоне (1857–1865) и в Женеве (1865–1867). Были попытки ее реанимировать в 1867–1869 гг.

18 декабря 1910

¹ «О музыке прежде всего» – первая строка стихотворения П. Верлена «Art poétique» («Искусство поэзии») (1874).

26 декабря 1910

¹ У Гёте: «Zwei Seelen wohnen, ach!...»

1911

5 января 1911

¹ Небулезный – имеющий отношение к туманностям (от лат. nebula – туман). В космогонической гипотезе И. Канта происхождение Земли и других планет Солнечной системы объясняется их образованием из туманности.

12 января 1911

¹ Das Volksbuch vom Doktor Faust (Народная книга о докторе Фаусте) – сочинение о немецком алхимике, астрологе XVI века.

² Речь идет о драматической поэме А.К. Толстого «Дон Жуан» (1862).

³ «Я проклял знания ложный свет» – неточная цитата из трагедии А.С. Пушкина «Моцарт и Сальери» (правильно: «знаний»).

⁴ «Воскресшие боги. Леонардо да Винчи» – роман Д.С. Мережковского (1900).

20 января 1911

¹ См. примеч. 3 к записи от 11 января 1910 г.

16 февраля 1911

¹ С.И. Вавилов пишет о так называемом «деле Кассо» – ряде репрессивных мер, предпринятых в январе–феврале 1911 г. министром просвещения Л.А. Кассо (1865–1914), приведших к массовой отставке профессоров и фактическому разгрому Московского университета.

24 марта 1911

¹ Строки из стихотворения Е.А. Баратынского «Последний поэт» (1835).

² Строки из стихотворения Е.А. Баратынского «Небо Италии, небо Торквата» (1831).

3 апреля 1911

¹ Отрывок из стихотворения Е.А. Баратынского «Живи смелей, товарищ мой» (1821); в последней строке у Баратынского – «Кто был счастливей, кто умней».

² «Кто жил и мыслил, тот не может / В душе не презирать людей» – цитата из «Евгения Онегина» А.С. Пушкина.

26 апреля 1911

¹ Строки из стихотворения А.С. Пушкина «Чаадаеву» (1821).

5 июня 1911

¹ Цитата из поэмы «Евгений Онегин» А.С. Пушкина (гл. первая, строфа V).

² Строка из оды Г.Р. Державина «Бог» (1784).

20 июня 1911

¹ Парафраз популярной «арестантской» песни; в очерке А.И. Куприна (1874–1938) «Вор» (1898): «Погиб я, мальчишка, погиб навсегда. / А годы проходят, проходят лета».

15 июля 1911

¹ «В одну телегу впрячь неможно / Коня и трепетную лань» – строки из поэмы А.С. Пушкина «Полтава» (песнь вторая) (1829).

11 августа 1911

¹ См. примеч. к записи от 7 декабря 1913 г.

12 сентября 1911

¹ Убийство премьер-министра П.А. Столыпина 1 сентября 1911 г.

21 октября 1911

¹ Строки из стихотворения А.С. Пушкина «Послание Дельвигу» (1827).

19 ноября 1911

¹ Московский городской народный университет имени А.Л. Шанявского работал в Москве в 1908–1920 гг. После «дела Кассо» в нем стали преподавать многие ушедшие из Московского университета профессора, в их числе П.Н. Лебедев.

31 декабря 1911

¹ II Менделеевский съезд по общей и прикладной химии прошел 21–28 декабря 1911 г. в Петербурге.

² «Для поступления в Лабораторию Лебедева требовалось, чтобы будущий практикант проработал в университетской мастерской, руководимой П.И. Грозовым, в качестве слесаря и помощника механика и сделал сам какой-нибудь несложный прибор. Только после этого искусства практикант допускался в лабораторию» (*Лазарев П.П.* Петр Николаевич Лебедев / Труды Ин-та истории естествознания и техники. Т. 28. М.: АН СССР, 1959. С. 18).

1912

29 февраля 1912

¹ На Пресне С.И. Вавилов жил, на Моховой находился физический факультет университета, на Волхонке (в доме Голицына, затем его занимал Институт философии Академии наук) – физическая, в основном, учебная, лаборатория народного университета им. А.Л. Шанявского, официальным руководителем которой был П.Н. Лебедев, а фактическим – П.П. Лазарев.

² Немного неточно процитированные строки из стихотворения А.С. Пушкина «Брожу ли я вдоль улиц шумных» (1829).

1 марта 1912

¹ Немного неточно процитированные строки из стихотворения В.А. Жуковского (1783–1852) «Торжество победителей» (1828) (перевод баллады Ф. Шиллера «Das Sigesfest»).

² Немного неточно процитированные строки из стихотворения В.А. Жуковского «Из альбома, подаренного Ростоичиной (Пушкин)» (1837).

8 июня 1912

¹ Триполитания – историческая область и бывшая провинция Ливии, в 1912 г. отошла к Италии.

9 июня 1912

¹ Фьезоле – небольшой город вблизи Флоренции, расположенный на вершине одноименного холма. Основан этрусками в VII в. до н.э.

² См. примеч. к записи от 30 июля 1910 г.

10 июня 1912

¹ Строка из стихотворения А.С. Пушкина «Если жизнь тебя обманет» (1825).

15 июня 1912

¹ См. примеч. 2 к записи от 24 марта 1911 г.

² Строка из стихотворения Е.А. Баратынского «Живи смелей, товарищ мой» (1821).

³ Вилла Фарнезина, памятник архитектуры и искусства, росписи стен – кисти Рафаэля и других известных художников.

16 июня 1912

¹ Строка из басни И.А. Крылова «Кот и повар» (1812).

19 июня 1912

¹ См. примеч. 1 к записи от 30 июня 1913 г.

23 июня 1912

¹ Чентезимо – разменная монета Италии, одна сотая итальянской лиры (centesimo).

24 июня 1912

¹ Пестум – латинизированное название греческой колонии в южной Италии, основанной в конце VII в. до н.э. Окончательно разрушен Пестум (по-итальянски Песто) в XI в. Открыт в XVIII в. как археологический объект.

26 июня 1912 (на пароходе)

¹ См. примеч. 1 к записи от 24 марта 1911 г.

26 июня 1912 (около Ливорно)

¹ Слова из оды Г.Р. Державина (1743–1816) «Бог» (1784).

16 июля 1912

¹ Неточно процитированные строки из стихотворения М.Ю. Лермонтова «И скучно и грустно» (1840): «И жизнь – как посмотришь с холодным вниманьем вокруг – / Такая пустая и глупая шутка».

6 октября 1912

¹ «Пер Гюнт» – пьеса Г. Ибсена (1828–1906). Далее в этой записи Пер Гюнт, Доврский дед, Сольвейг, Пуговичник – персонажи пьесы.

31 октября 1912

¹ Несколько неточная цитата из «Ревизора» Гоголя (Хлопов об учителе истории): «как хотите, для науки я жизни не пощажу».

31 декабря 1912

¹ Строки из стихотворения А.С. Пушкина «Я пережил свои желанья» (1823).

1913

Эпиграф

¹ Не вполне точно процитирована строка стихотворения «Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит» (1834): «На свете счастья нет, но есть покой и воля».

23 января 1913

¹ Неточность у С.И. – Лебедев любил музыку, но музыкантом не был.

9 февраля 1913

¹ В 1911–1912 гг. Николай Иванович Вавилов работал в Петербурге в качестве практиканта в Бюро по прикладной ботанике и в Бюро по микологии и фитопатологии. В 1913 г. он был командирован за границу – в лаборатории Великобритании, Франции и Германии.

26 февраля 1913

¹ Речь идет о первой статье С.И. Вавилова – «Фотометрия разноцветных источников». Опубликовано в Журнале Русского физико-химического общества. (Часть физич. 1913. Т. 45. Вып. 6. С. 207–216).

28 марта 1913

¹ «Старые годы. Ежемесячник для любителей искусства и старины». Издавался в Петербурге в 1907–1916 гг.; «Аполлон» – ежемесячный иллюстрированный журнал. Издавался в Петербурге в 1909–1917 гг.

1 апреля 1913

¹ П.Н. Лебедев в марте 1911 г. ушел из Московского университета (вместе со 111 профессорами, приват-доцентами и ассистентами) в знак протеста против вмешательства министра народного просвещения Л.А. Кассо в дела университета. Подробнее см., например, в книге: Научная переписка П.Н. Лебедева. (Научное наследство. Том 15). М.: Наука, 1990. С. 358–359.

² Изменения, о которых думал С.И., произошли после Февральской революции 1917 г., когда в Московский университет вернулись многие из покинувших его в 1911 г. профессоров и преподавателей.

26 апреля 1913

¹ Книга В. Фогта «Магнитооптика» произвела на С.И. настолько сильное впечатление, что по его замечаниям можно было бы предположить, что он сам побывал в лабораториях Физического института Геттингенского университета.

1913 – ПУТЕШЕСТВИЕ

¹ Это единственный дневник С.И. Вавилова, имеющий заголовок, притом данный ему после окончания путешествия С.И. Таким образом, заголовок имеет символическое значение: во время поездки С.И. окончательно определился с будущим – он будет физиком. В это время С.И. проучился на математическом отделении Московского университета уже четыре года.

Оригинал дневника находится в Архиве Российской академии наук (АРАН. Ф. 596, оп. 2, № 1. 102 л.). Записная книжка в черном кожаном переплете с золотым обрезом.

2 июня 1913

¹ Несколько строк из стихотворения А.С. Пушкина «Вновь я посетил», написанного под впечатлением поездки в Михайловское (сентябрь–октябрь 1835 г.). Впервые опубликовано в 1837 г.

² Строка из стихотворения С.И. Вавилова.

3 июня 1913

¹ Речь идет о пьесе в четырех действиях «Ведьма» В.О. Трахтенберга, написанной не позднее 1909 г.

5 июня 1913

¹ Написано по возвращении из Пушкинских мест в Москву.

12 июня 1913

¹ После экскурсии в пушкинские места – Псков, Михайловское, как следует из дневниковых записей С.И. Вавилова, он вернулся в Москву и уже оттуда отправился в заграничное путешествие. Поэтому запись за 12 июня сделана им в тетради, которую он начал 1 января 1913 г.

14 июня 1913

¹ «Судьба проказница, шалунья / Определила так сама: / Всем глупым счастье от безумья, / А умным – горе от ума» – эпиграф неуставленного автора к некоторым изданиям второй половины XIX – начала XX в. пьесы «Горе от ума» А.С. Грибоедова.

17 июня 1913

¹ Ныне музей Боде на Острове музеев в Берлине.

² Неясно, о ком идет речь. В дальнейшем С.И. о нем не упоминает.

³ 26 марта 1909 г. в Пскове, в Поганкиных палатах, была открыта первая общедоступная комната Псковского археологического музея. В ней разместились коллекция А.Н. Мицкевича, которая включала собрание русского и западноевропейского искусства – картины, скульптуры, предметы прикладного искусства. Как единая коллекция просуществовала до 1910 г.

18 июня 1913

¹ С 18 июня по 23 июня С.И. писал ошибочно июль. И это легко объяснимо. Он вел дневник по юлианскому календарю, принятому тогда в России, а остальная Европа пользовалась уже григорианским календарем, т.е. по нему 18 июня по ст. стилю это 1 июля.

19 июня 1913

¹ Немецкий музей – один из первых в мире историко-научных музеев. Основан в 1903 г. Первая экспозиция открыта в 1906 г. во временных помещениях.

21 июня 1913

¹ Сецессион (от нем. Sezession – отделение, обособление) – объединение художников конца XIX – начала XX в., отвергавших академическое искусство. Первый Сецессион возник в Мюнхене в 1892 г., затем в Вене и Берлине. Предтеча стиля «модерн», а иногда и название этого стиля.

² Речь идет об И.Е. Евсееве.

23 июня 1913

¹ Тузис – старинный городок в Швейцарии, расположенный в долине недалеко от впадения р. Альбула в Рейн, на высоте 722 м над уровнем моря. Популярное место летнего отдыха; служит также как пункт перехода к горным курортам.

² Вотан, Зигфрид – герои скандинавского эпоса VIII–IX вв. «Эдда» и средневерхне-немецкого эпоса XIII в. «Песнь о нибелунгах», положенных в основу либретто тетралогии Р. Вагнера (1813–1883) «Кольцо нибелунга»; Возможно С.И. имел в виду Рюбезаля (Rübezahl) – духа гор Силезии и Богемии, описанного в сагах как привидение, монах в облике великана или зверя.

24 июня 1913

¹ Бергюн – летний и зимний курорт Швейцарии на высоте 1371 м над уровнем моря.

² Индукторий (индукционная катушка, спираль Румкорфа) – трансформатор с разомкнутой магнитной цепью, питаемой прерывистым постоянным током. Его использовал, работая в Лебедевской лаборатории, сокуратор С.И. – Н.Я. Селяков.

25 июня 1913

¹ Самаден – центр Верхнего Энгадина (см. примеч. 3 к записи от 26 июня 1913 г.). Городок расположен на высоте 1728 м над уровнем моря.

² Понте-Кампоставо – деревня в Швейцарских Альпах.

26 июня 1913

¹ С.И. проехал от Сан-Морица, курорта на берегу одноименного озера, где находятся «Энгадинский музей народного искусства» и музей Сегантини, до озера Сильс, на берегу которого расположены климатические курорты Сильс Маря и Сильс Басеглиа.

² Малойя – городок в самой высокой части Верхнего Энгадина. Расположен на высоте 1817 м над уровнем моря.

³ Энгадин – горная долина в Швейцарских Альпах. В 1914 г. там организован национальный парк. «Весь цивилизованный мир восхищается волшебными красотами Энгадина» (Швейцария. Иллюстрированный путеводитель. СПб., 1911. С. 82).

27 июня 1913

¹ Киавенна – первый итальянский городок по дороге из Швейцарии к озеру Комо.

² В 1330-х гг. Ф. Петрарка был уже настолько знаменитым, что три города – Париж, Неаполь и Рим – предложили его короновать лавровым венком. Он выбрал Рим и в 1341 г. на Капитолийском холме произошло «венчание Петрарки».

³ Промонтаньо – швейцарский городок по пути к озеру Комо. Около него резко меняется характер растительности – от северной к южной.

28 июня 1913

¹ Варенна – коммуна региона Ломбардия (северная Италия); Менаджо – коммуна региона Ломбардия (северная Италия).

29 июня 1913

¹ А. Вольта – уроженец г. Комо. В 1799 г. он сконструировал первый в мире источник длительного электрического тока – вольтов столб, который состоял из 20 пар медных и цинковых кружков, разделенных кружками из сукна, смоченного соленой водой.

² Видимо, С.И. имел в виду базилику Сант-Амброджо (S.Ambrogio), которая считается шедевром романской архитектуры и прообразом всех романских церквей.

30 июня 1913

¹ Caffè Greco – знаменитое римское кафе на виа Кондотти. Открыто в 1773 г. Его посещали многие знаменитости, в их числе Гёте, Стендаль, Н.В. Гоголь. В начале XX в. место встречи богемы. И сейчас пользуется большой популярностью.

² Mascheroni (*ит.*) – макароны. Здесь речь идет о масчеронеа – стихотворении (С.И. имел в виду песню) шуточного содержания.

³ См. примеч. к записи от 15 июля 1911 г.

1 июля 1913

¹ Строки из стихотворения А.А. Блока «Равенна» (1909).

3 июля 1913

¹ С.И. описал два города из своего последнего итальянского путешествия. См.: *Вавилон С.И.* Города Италии. 1. Верона // Известия Об-ва преподавателей графических искусств. № 4–5. 1914. С. 15–24; Города Италии. 2. Арrezzo // Там же. № 4–6. 1916. С. 43–52. В первом случае вместо фамилии автора указано: В.

² В росписи церкви Санта-Корона принимали участие такие крупные итальянские мастера, как Дж. Беллини («Крещение Христа») и П. Веронезе («Поклонение волхвов»).

³ Имеется в виду конный памятник (один из первых в Европе) кондотьеру Эразмо Нарни по прозвищу Гаттамелата (льстивая кошка) работы Донателло (1443). Установлен в Падуе перед базиликой Св. Антония, где похоронен Нарни. Слепок с памятника в натуральную величину экспонируется в Музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина (Москва).

5 июля 1913

¹ Школа св. Рокко (*ит.*). В Венеции школой (скуолой) назывались объединения по профессии. Они избирали своим покровителем какого-либо святого. В случае удачного ведения дел школа строила собственное здание, для оформления которого часто приглашались крупные художники.

6 июля 1913

¹ См. примеч. к записи от 15 июля 1911 г.

² Намек на «цветистость» поэзии В.Г. Бенедиктова: она «отличалась виртуозностью формы, вычурностью образов и выдуманностью настроений» (Энциклопедический словарь Гранат. Изд. 11. Т. 5. С. 335).

7 июля 1913

¹ Строки из стихотворения А.С. Пушкина «Пир Петра Первого» (1835).

² Церковь Реденторе – одна из двух церквей в Венеции, построенных в благодарность за избавление (откуда и название) от чумы. Праздник, связанный с основанием этой церкви, проходит в третье воскресенье июля.

8 июля 1913

¹ Так называется один из парадных залов во Дворце дождей; следующий за ним зал называется Коллегия.

² Возможно, речь идет о картинах Я. Тинторетто, находящихся по сторонам от главного алтаря церкви Сан-Джорджо Маджоре.

³ Цитата из пьесы В. Шекспира «Гамлет» (сцена 2). Перевод А.[И.] Кронеберга.

10 июля 1913

¹ Дворец Скифаноя («Изгнание тоски») – один из летних дворцов семейства д’Эсте, правившего Феррарой в 1240–1597 гг.

11 июля 1913

¹ А. Риги занимался исследованиями в различных областях физики. П.Н. Лебедев в работе «О двойном преломлении лучей электрической силы» (1895) использовал предложенный Риги метод генерирования коротких электромагнитных волн и достиг рекордной для того времени длины волны – 0,5 см (Риги получил $\lambda = 20$ и 7,5). Эта работа Лебедева стала отправной точкой исследований его учеников – В.И. Романова, А.Р. Колли, Н.К. Щодро, В.К. Аркадьева, что хорошо знал С.И. Вавилов. К тому же Риги был одним из учителей Г. Маркони (1874–1937), который в 1909 г. получил (вместе с Ф. Брауном) Нобелевскую премию по физике («За развитие беспроволочной телеграфии»).

12 июля 1913

¹ Сейчас принято название Сиена.

² Наборный пол Сиенского собора создавали два века – с 1367 г. по 1562 г. – примерно 50 мастеров.

13 июля 1913

¹ Uffizi (*um.*) – «присутственные места»; административное здание, где первоначально размещались всевозможные службы управления Великого герцогства Тосканы. Видимо, поэтому С.И. использовал здесь и в дальнейшем такую форму названия галереи.

² Монастырская церковь Сан-Миниато-аль Монте (XI в.) относится к лучше всего сохранившимся великолепным романским сооружениям Флоренции.

³ Река Арно (Arno), протекающая через Флоренцию и Пизу, берет начало в Апеннинах и впадает в Лигурийское море. Ее длина 248 км.

⁴ Палаццо Веккьо (Старый дворец) – правительственное здание (1299) Флоренции. Первоначально назывался Палаццо-Ново (Новый дворец), с 1565 г. получил свое теперешнее название.

⁵ См. примеч. 1 к записи от 27 августа 1909 г.

14 июля 1913

¹ Часы (греч. *ώρα*) – христианские богослужения, освящающие определенное время суток.

² Галерея Питти находится во дворце Питти, который строился по проекту Брунеллески с середины XV до середины XVI в. Однако семья Питти разорилась, и дворец достраивали постоянные их оппоненты Медичи.

³ Речь идет о музее, расположенном в замке (castello) Сфорца в Милане.

⁴ Сад Боболи (сер. XVI в.) располагается на одноименном холме позади палаццо Питти.

⁵ Элизий (Елисейские поля) – в греческой мифологии место вечного пребывания душ умерших. А.С. Пушкин и другие русские поэты XIX в. использовали это понятие как символ красоты и покоя.

⁶ Баттистеро (сейчас принято Баптистерий) – часовня, в которой совершается обряд крещения. Здание приняло свой нынешний облик в XI в.

⁷ С.И. перечисляет знаменитые римские достопримечательности – Пантеон, станцы Рафаэля в Ватикане, собор Св. Петра.

⁸ Сейчас это Музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина в Москве.

⁹ Кашине – сад во Флоренции на берегу реки Арно.

¹⁰ В начале XX в. Царицыно – одно из живописнейших мест Подмосковья, дворцовая усадьба XVIII в. (архитектор М.Ф. Казаков). Описано в романе И.С. Тургенева «Накануне». Сейчас в черте г. Москвы.

15 июля 1913

¹ Скифаноя (прочитано по смыслу) – дворец в Ферраре, известный своими фресками, признанными самым значительным нерелигиозным циклом эпохи Возрождения.

² См. примеч. 1 к записи от 17 июня 1913 г.

³ «The Mask» («Маска») – журнал, посвященный искусству театра. Издавался во Флоренции в 1908–1929 гг.

⁴ «Je sais tout» («Знаю все») – французский журнал, издававшийся в 1905–1939 гг.

16 июля 1913

¹ С.И. предполагает, что Орканья принадлежит к последователям или ученикам Джотто (Giotto).

² Речь идет о соборе Санта-Мария-дель Фьоре (на момент завершения постройки в 1434 г. он был крупнейшим в Европе), красный купол которого и его колокольня (campanile) и по сей день остаются символами Флоренции.

³ В капелле дворца Медичи – Риккарди находится знаменитая фреска Б. Гоццолли «Шествие волхвов в Вифлеем», на которой, как принято считать, изображены многие участники Ферраро – Флорентийского собора 1439 г., попытавшегося объединить католическую и православную церкви. См. также примеч. 1 к записи от 15 июля 1913 г.

⁴ Дом Буонаротти – музей и кафе при нем во Флоренции.

⁵ См. примеч. 1 к записи от 9 июня 1912 г.

⁶ Несколько измененные слова «Молитвы» (1839) М.Ю. Лермонтова: «В минуту жизни трудную / Теснится ль в сердце грусть / Одну молитву чудную / Твержу я наизусть».

⁷ См. примеч. 1 к записи от 27 августа 1909 г.

17 июля 1913

¹ Арещо – средневековый город (население около 100 тыс. человек) на холмах, недалеко от Флоренции. Город произвел такое впечатление на С.И., что он написал очерк о нем, опубликованный в 1916 г. (см. примеч. 1 к записи от 3 июля 1913 г.).

² Автохром, автохромные пластинки – фотографические пластинки, на которых при одной съемке после специальной химической обработки получается многоцветное изображение. Сохранившиеся автохромы Вавилова дают представление об их высоком качестве.

³ Имеется в виду киножурнал, основанный братьями Пате в 1908 г. Его слоган: Все видим, все знаем.

18 июля 1913

¹ Цитата из Вступления к поэме «Медный всадник» А.С. Пушкина: «На берегу пустынных волн / Стоял он, дум великих полн, / И вдаль глядел».

19 июля 1913

¹ В 1720 г. на площади Св. Марка Флориано Франческони открыл кафе «Триумф Венеции». Вскоре его стали называть просто Флориан. Оно пользовалось большой популярностью еще и потому, что это было первое кафе, которое могли посещать женщины. Работает и сейчас.

21 июля 1913

¹ Речь идет о Картинной галерее, расположенной на первом этаже Художественно-исторического музея (Kunsthistorisches Museum).

² Румянцевский музей (официальное название – Московский публичный музей и Румяновский музей) был открыт 9(21) мая 1862 г. и состоял из пяти отделов, в их числе библиотека и отделение изящных искусств. В последнем были представлены произведения русских художников XVIII–XIX вв., а также картины, по преимуществу копии, мастеров западноевропейского искусства.

22 июля 1913

¹ Имеется в виду спуск на воздушном шаре (баллоне).

25 июля 1913

¹ См. примеч. 1 к записи от 17 апреля 1913 г.

² См. примеч. 1 к записи от 9 февраля 1913 г.

28 июля 1913

¹ Имеется в виду международный журнал «Il Nuovo Cimento», издававшийся в 1855–1965 гг. Итальянским физическим обществом. После 1965 г. название журнала «Il Nuovo Cimento della Società italiana di fisica».

² По-видимому, имеется в виду статья супругов Эренфест – Т.А. Афанасьевой-Эренфест и П. Эренфеста «Begriffliche Grundlagen der statistischen Auffassung in der Mechanik» (О концептуальных основаниях статистической механики) // Encyclopedie d. mathematischen Wissenschaften. Bd. IV, Teil 2, Heft 6. Leipzig, 1912.

³ Речь идет о книге: *Moeller van den Broeck*. «Die italienische Schönheit» («Итальянская красота»). «С этой толстой книгой проходил через Альпы итальянскую границу в 1912 г. Она при всей ее нелепости определила всю дальнейшую итальянскую философию». Эту запись С.И. сделал 28 апреля 1941 г. (*Вавилов С.И.* Дневники. Кн. 2. С. 119).

31 июля 1913

¹ Речь идет о механике, работавшем в лаборатории П.Н. Лебедева – А.И. Акулове.

² Строка из оды Г.Р. Державина «Бог», 1784 г.

13 сентября 1913

¹ О родителей С.И. см. первые две записи в его заметках «Начало автобиографии» (Сергей Иванович Вавилов. Очерки и воспоминания. Изд. 2. С. 80–81). Публикуемой в наст. изд.

29 октября 1913

¹ Это начало «Божественной комедии» Данте (Ад. Песнь первая): «Земную жизнь пройдя до половины, / Я очутился в сумрачном лесу, / Утратив правый путь во тьме долины». (Перевод М.Л. Лозинского).

² В этой и двух следующих фразах (см. примеч. 3) Вавилов спорит с утверждением Данте (см. Ад. Песнь первая): Да, этот лес, где я сейчас очутился, так горек, что смерть едва ль не слаще (*ит.*).

³ Есть много случаев, когда я, к сожалению, убежден в обратном – что смерть менее горька. Думаю даже всерьез о смерти как об истинном выходе из положения (*ит.*).

7 декабря 1913

¹ Картина Леонардо да Винчи была похищена из Лувра 21 августа 1911 г. Как выяснилось впоследствии, похитителем оказался итальянец В. Перуджо, который в конце 1913 г. предложил ее директору галереи Уффици. В январе 1914 г. после выставок в городах Италии картина возвращена в Лувр.

² Речь, возможно, идет об А.А. Койранском, человеке разносторонних интересов, известном московском театралье.

31 декабря 1913

¹ Видимо, первоначально научная работа С.И. имела заголовок «Фотометрия цветных источников». См.: *Вавилов С.И.* Фотометрия разноцветных источников // ЖРФХО. Ч. физич. 1913. Т. 45. Отд. 2. Вып. 6. С. 207–216. Также: Собр. соч. Т. IV. М., 1956. С. 255–261.

² Цитата из стихотворения А.С. Пушкина «Предчувствие» (1828).

1914

Этиграф

¹ Строки из стихотворения А.С. Пушкина «Предчувствие» (1828).

8 января 1914

¹ По-видимому, Вавилов сравнивает П.Л. Лазарева с Мефистофелем, который так характеризуется в драме И.В. Гёте «Фауст».

² Ал.Ал. – не удалось установить, о ком идет речь.

14 января 1914

¹ День памяти святой мученицы Татианы Римской, считающейся в России покровительницей Московского университета, студентов. В этот день императрица Елизавета Петровна подписала указ об открытии Московского университета (1755 г.). В настоящее время отмечается 25 января.

² Тип объектива. Запатентован в 1902 г. фирмой «Carl Zeiss».

20 февраля 1914

¹ Речь идет о сестре С.И. Вавилова.

² Н. Ал. – не удалось установить, о ком идет речь.

12 марта 1914

¹ Строки из стихотворения Ф.И. Тютчева «И чувства нет в твоих очах» (1836).

² Строки из стихотворения А.С. Пушкина «Если жизнь тебя обманет» (1825): «Сердце в будущем живет; / Настоящее уныло: / Все мгновенно, все пройдет; / Что пройдет, то будет мило».

³ См.: *Пушкин А.С.* «Евгений Онегин» (глава осьмая, строфа XI).

27 марта 1914

¹ Опера М.П. Мусоргского, завершенная Н.А. Римским-Корсаковым.

30 марта 1914

¹ Эолова арфа – музыкальный инструмент со струнами одинаковой длины, но разной толщины, натянутыми над продолговатым ящиком-резонатором. Инструмент устанавливают на открытом воздухе, где ветер колеблет струны.

² См. примеч. 2 к записи от 16 октября 1910 г.

³ Пролог к поэме А.А. Блока «Возмездие» (1910–1921). Этот вариант незначительно отличается от публикуемого в собраниях сочинений Блока.

⁴ Строка из стихотворения А.С. Пушкина «Герой» (1830).

4 июня 1914

¹ Казанова Джуакомо: Приключения (Приключения Казанова) 2-е изд. СПб. 1902. 373 с.

12 июня 1914

¹ См. примеч. 1 к записи от 3 июля 1913 г.

16 июня 1914

¹ Таким образом, в метрической системе мер С.И. Вавилов весил почти 71 кг при росте 177,3 см, объем груди – 91 см.

² Вероятно, речь идет о книге двух авторов – Р. Поля и П. Принсгейма: *Pohl P., Pringsheim P.* «Die lichtelektrische Erscheinungen (Braunschweig, 1914. 114 S.)

26 июня 1914

¹ См. примеч. 2 к записи от 28 марта 1913 г.

Этиграф к новой записной книжке 1914 г.

¹ Коль вы выдаете себя за ученых, так и командуйте над наукой (*нем.*). Так Вавилов перефразировал слова директора театра из «Фауста» Гёте (сцена «Пролог в театре»): «Gebt ihr euch einmal für Poeten / So kommandiert die Poesie». (Коль вы выдаете себя за поэтов, так и командуйте над поэзией». Пер. П. Вейнберга).

² Ср. строки стихотворения М.Ю. Лермонтова «Я к вам пишу: случайно! право» («Валерик», 1840 г.): «И жизнь всчасно кочевая, / Труды, заботы ночь и днем, / Всё, размышлению мешая, / Приводит в первобытный вид / Большую душу: сердце спит, / Простора нет воображенью... / И нет работы голове».

28 июля 1914

¹ С.И. Вавилов взял с собой в армию либо Нобелевскую речь В.И. Вина (*Die Gesetze der Wärmestrahlung. Leipzig, 1912. 21 S.*), либо, что вероятнее, – *Vorlesungen über neue Probleme der theoretische Physik (Leipzig, 1913. 76 S.)*. Это лекции, прочитанные в апреле 1913 г. в Колумбийском ун-те (Нью-Йорк).

² Речь идет, по-видимому, о книге Д.А. Гольдгаммера (*Goldhammer D.A. Dispersion und Absorption des Lichtes in ruhenden isotropen Körpern. Leipzig u. Berlin, 1913. 144 S.*).

3 августа 1914

¹ Хелм (Chełm) – город на востоке Польши. Известен с XI в. Архитектурные памятники XVII–XVIII вв.

5 августа 1914

¹ Палладиум (*лат.*) – статуя богини Афины Паллады, охранявшая, по верованиям древних греков, безопасность города.

² Замостье, Замосць – город на юго-востоке Польши. Основан в 1580 г.

8 августа 1914

¹ См. примеч. к записи от 4 июня 1914 г.

² Вероятно имеется в виду ежемесячный историко-литературный журнал «Исторический вестник»; издавался в Петербурге с 1880 по 1917 г.

³ «Русская мысль» – ежемесячный литературно-политический журнал, выходивший в Москве с 1880 до 1918 г.

⁴ По-видимому, имеется в виду журнал «Русский библиофил» – иллюстрированный вестник для собирателей книг и гравюр; издавался в Петербурге с 1911 по 1916 г.; выходил по 8 книжек в год и был посвящен вопросам библиографии, книжного коллекционирования и книговедения.

⁵ См. примеч. к записи от 28 марта 1913 г.

12 августа 1914

¹ Фурманка – небольшая фура, фургон, бричка.

² Вавилов вспоминает драму И.В. Гёте «Фауст». В сцене «У городских ворот» Мефистофель появляется в облике черного пуделя перед Фаустом и Вагнером.

17 августа 1914

¹ Здесь и далее в этой записи С.И. цитирует поэму А.С. Пушкина «Полтава» (1828–1829).

² Фанагорийский гренадерский полк сформирован в 1790 г. А.В. Суворовым из гренадерских рот разных полков. В 1864 г. полку присвоено имя 11-го гренадерского Фанагорийского генералиссимуса князя Суворова полка. С 1891 г. шеф полка – великий князь Дмитрий Павлович.

19 августа 1914

¹ «Киевская мысль» – ежедневная политическая и литературная газета либерального направления; издавалась в Киеве в 1906–1918 гг. большим тиражом. Ежедневно выпускала иллюстрированное приложение в виде небольшого по объему и по формату журнала, тираж которого поднялся к 1916 г. до 70 тысяч экземпляров.

² См.: Лермонтов М.Ю. «Бородино» (1837).

³ Баклага – дорожный сосуд типа плоской фляги с узким горлышком.

20 августа 1914

¹ См.: Пушкин А.С. «Полтава».

² Уния (лат. Unio – союз) – объединение православной церкви западных областей Украины и Белоруссии с католической. Произошло в 1596 г. на соборе в Бресте. По условиям Брестской унии православная церковь подчинилась папе Римскому и приняла католическую догматику, сохранив православную обрядность и местный язык при богослужении.

³ См. примеч. 2 к записи от 12 марта 1914 г.

21 августа 1914

¹ Неточная цитата из стихотворения А.С. Пушкина «Художнику» (1836): «Здесь зачинатель / Барклай, а здесь совершитель / Кутузов».

23 августа 1914

¹ Пушкин А.С. «Полтава» (песнь третья).

24 августа 1914

¹ В августе 1914–марте 1915 г. С.И. служил в шестовой роте, задачей которой была прокладка проводов, часто на шестах, для телефонной связи между штабами.

25 августа 1914

¹ Неточно процитированные слова Глафиры Фирсовны из пьесы А.Н. Островского (1823–1886) «Последняя жертва» (1877): «у меня, что больше тысячи, то и миллион».

26 августа 1914

¹ Речь идет о книге, изданной по лекциям, прочитанным У. Томсоном (лорд Кельвин) в университете Джона Гопкинса (США) в октябре 1884 г.: *Lord Kelvin. Baltimore lectures on molecular dynamics and the wave theory of light. London, 1904. 703 p.*

² «Афинская школа» – роспись Рафаэля в станца делла Сеньятура (комната в Ватикане, где подписывали и скрепляли печатью папские указы).

28 августа 1914

¹ Стодол – рига, овин (сарай, навес для повозок и скота).

² См. примеч. 2 к записи от 8 августа 1914 г.

³ И.Ф. Горбунов – писатель и актер, в 1850-е годы получил широкую известность как автор и исполнитель остроумных рассказов-зарисовок сцен повседневной жизни. Первый его рассказ был опубликован в литературном журнале «Отечественные записки» (1853); в дальнейшем они публиковались во многих периодических изданиях того времени – «Современнике», «Русском вестнике», «Русской старине», «С.-Петербургских ведомостях», «Новом мире» и др.

⁴ «Травиата» (1870), «Блонден» (1872) рассказы И.Ф. Горбунова.

⁵ «Русская старина» – ежемесячное историческое издание; выходило в Петербурге с 1870 г. до 1918 г.

⁶ Арно – река в Италии; на ее берегах расположены Флоренция, Пиза.

29 августа 1914

¹ Парландовская фальсификация – по имени архитектора А.А. Парланда (1842–1919), автора петербургского собора Воскресения Христова (Спас-на-Крови), имитирующего «русский» стиль.

1 сентября 1914

¹ Строки из поэмы А.С. Пушкина «Руслан и Людмила» (песнь третья) (1820).

3 сентября 1914

¹ «Однообразная картина, болото, глина и песок», «север мой родимый» – неточно процитированные строки из стихотворения К.Р. (Великий князь Константин Константинович Романов, 1858–1915) «Вчера мы ландышей нарвали» (1885): «Обыкновенная картина: / Кой-где березовый лесок, / Необозримая равнина, / Болото, глина и песок».

² В начале 1880-х гг. швейцарский кулинар и предприниматель Юлиус Магги (1846–1912) изобрел способ сохранения бульона в высушенном и прессованном виде. Созданная им фирма до настоящего времени производит кубики Магги.

³ См. примеч. 1, 2 к записи от 26 июня 1913 г.

⁴ Латеранский дворец (*ит.* Palazzo del Laterano) – дворец в Риме, служивший с IV в. до начала XIV в. резиденцией римских пап, в XX в. там расположен музей истории Ватикана.

5 сентября 1914

¹ Газета «Киевлянин» издавалась в 1864–1919 гг. в Киеве.

² «Биржевка» – распространенное наименование петербургской газеты «Биржевые ведомости». Издавалась в 1861–1879 гг., 1880–1917 гг.

³ Начало одноименного стихотворения Н.А. Некрасова (1821–1877).

8 сентября 1914

¹ Войт (*польск.* wojt) – выборный староста в сельском округе (гмине) в Польше и некоторых западных районах Российской империи.

² Строка из оды Г.Р. Державина «Бог» (1784).

10 сентября 1914

¹ Бальник – в революционной России ведомость с отметками об успехах в учебе и поведении ученика.

² Ландкарта (*устар.*) – географическая карта.

11 сентября 1914

¹ Брандер (от *нем.* Brander) – судно, нагруженное горючим материалом, который поджигают и направляют на неприятельские суда. Но, скорее всего, здесь речь идет о судне, затопляемом у входа в порт, а в данном случае – в шлюз.

12 Листопада 1914

¹ В польском, украинском языках листопад – название ноября.

14 сентября 1914

¹ Тютюн – табак, преимущественно низкого сорта (*тутун, туркск.*).

16 сентября 1914

¹ Имеется в виду Собор Непорочного Зачатия Пресвятой Девы Марии в Москве на Малой Грузинской улице – Римско-католический кафедральный собор, строительство которого велось в 1901–1911 гг., отделочные работы продолжились до 1917 г. Храм был освящен в 1911 г.

19 сентября 1914

¹ *Revue des deux mondes* («Обозрение двух миров») – двухнедельный французский журнал, издавался в Париже с 1829 г. В 1945–1981 гг. выходил под разными другими названиями. С 1982 г. вернул себе первоначальное наименование.

² Каморра – самая старая и большая криминальная организация Италии. Известна с XVIII в.

21 сентября 1914

¹ Ср.: «Пимен. Недаром многих лет / Свидетелем Господь меня поставил» (*Пушкин А.С.* Борис Годунов. Сцена 3. Ночь. Келья в Чудовом монастыре (1603 год)).

22 сентября 1914

¹ «Еще польска не згинела» – польский национальный гимн.

² «Граф Люксембург» (1909) – оперетта Ф. Легара.

³ Ольга Вархоловна выдала за свои стихи фрагмент стихотворения «К Элизе» польского поэта-романтика Зигмунда Красинского (1812–1859).

⁴ В старославянском языке – две носовые гласные: юс большой (обозначал звук «о» носовое) и юс малый (обозначал звук «е» носовой).

28 сентября 1914

¹ Неточная цитата из оды Г.Р. Державина «На смерть князя Мещерского» (1779): «Глагол времен! Металла звон! / Твой страшный глас меня смущает; / Зовет меня, зовет твой стон, / Зовет – и к гробу приближает».

² Ошибки в латинском тексте, вызванные, по-видимому, плохим состоянием надписи, не позволяют дать его точный перевод. Поэтому в подстрочном примечании приведен не перевод, а пересказ текста надгробия.

Речь идет о том, что надгробие (столп) поставлено безуспешной вдовой Барбарой Маестафи мужу, «некоему Новине», прозванному Андреем Козла, которого отличали благочестие, твердость нрава, верное служение отечеству. Его вдова надеется на воссоединение с мужем, умершим в 1589 году.

29 сентября 1914

¹ Суккот, куши – осенний земледельческий праздник древних евреев. В иудаизме связан с исходом евреев из Египта. В последний день праздника совершаются торжественные процессии со свитками Торы в руках. В этот день заканчивается годичный цикл чтения Торы в синагогах и начинается ее повторное годичное чтение.

² См. примеч. 1 к записи от 15 июля 1911 г.

1 октября 1914

¹ Вероятно, вольное цитирование Евангелия: «Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человецех благоволение» (Лук. 2, 14).

² «Летучая мышь» – театр-кабаре, основан в 1908 г. Один из лучших театров-миниатюр, возникший из пародийно-шуточных представлений актёров Московского Художественного театра под руководством Никиты Балиева.

5 октября 1914

¹ Неточно процитированная строфа стихотворения А.К. Толстого «История государства Российского от Гостомысла до Тимашева» (1868): «Я грешен: летописный / Я позабыл свой слог; / Картине живописной / Противостать не мог».

² «Русские ведомости» – газета, издававшаяся в Москве в 1863–1918 гг. С 1905 г. – орган правых кадетов.

³ См. примеч. 2 к 30 марта 1914 г.

⁴ «Новое время» – ежедневная газета. Выходила в Петербурге с 1868 г. по 1917 г.

⁵ «Речь» – ежедневная газета, центральный орган партии кадетов. Издавалась в Петербурге с февраля 1906 г. по 26 октября (8 ноября) 1917 г. Впоследствии выходила под разными названиями. Окончательно закрыта в августе 1918 г.

⁶ Т.е. книги немецкого издательства Reclam-Verlag (основано в 1828 г. А.Ф. Рекламом), выпускающего с 1867 г. дешевую серию карманных изданий в бумажных обложках.

⁷ Комета Делавана («Комета войны») – комета была впервые замечена перед Первой мировой войной Пабло Делаваном.

⁸ Леденцы, монпансье; по имени Ф.М. Ландрина (1817–1882), фабриканта.

⁹ Известная фраза Галилея «*Errur si muove*» (Все-таки она вертится).

6 октября 1914

¹ Строки из стихотворения Ф.И. Тютчева «Есть в осени первоначальной» (1857).

² Локомотив – передвижной паровой двигатель для сельскохозяйственных нужд и выработки электричества в полевых условиях.

7 октября 1914

¹ См. примеч. 1 к записи от 19 сентября 1914 г.

8 октября 1914

¹ Неточная цитата из «Сцены из “Фауста”» А.С. Пушкина: «В глубоком знанье жизни нет».

9 октября 1914

¹ Название Новая Александрия (Ново-Александрия) дано в 1842 г. административному центру Пулавы на юго-востоке Польши после конфискации царским правительством владений князей Чарторыйских. Дворцово-парковый ансамбль в духе классицизма (1785–1810 гг.) –

один из крупнейших в Восточной Европе. В 1860-е гг. там начал работу Новоалександрийский институт сельского хозяйства и лесоводства. В 1892 г. приравнен к университетам России. В 1914 г. эвакуирован в Харьков.

10 октября 1914

¹ «Земледельческая газета» – издавалась в Петербурге, с 1834 по 1860 г. выходила два раза в неделю, с 1860 г. – один раз в неделю.

² «Труды Императорского Вольного экономического общества» – периодическое печатное издание, выходящее в виде книг с 1766 г. до 1915 г. под патронажем Вольного экономического общества.

³ Стихи Ленского (см.: *Пушкин А.С.* Евгений Онегин (глава шестая, строфа XXI)).

⁴ *Вавилов С.И.* Города Италии. 1. Верона // Известия Об-ва преподавателей графических искусств, 1914. № 4–5. С. 15–24.

11 октября 1914

¹ Молекулярный насос – название и устройство предложил Геде (Gaede) в 1912 г.

² См.: *Пушкин А.С.* Евгений Онегин (глава вторая, строфа XXXI).

³ Вавилов приводит закон всемирного тяготения Ньютона.

⁴ Стихи С.И. Вавилова, ср. вариант в записи от 5 октября 1914 г.

⁵ В лаборатории П.Н. Лебедева было хорошо известно о его резко отрицательном отношении к научным трудам Н.П. Мышкина. Подробнее см.: Письма №№ 320 (и комментариев к нему), 324, 393 // Научная переписка П.Н. Лебедева (Научное наследство. Т. 15). М.: Наука, 1990.

12 октября 1914

¹ Вольно цитированные строки из поэмы М.Ю. Лермонтова «Демон» (часть I, строфа XV).

² Имеется в виду гимназический учебник истории Д.И. Иловайского.

14 октября 1914

¹ После массового ухода профессуры из Московского университета в марте 1911 г. министр народного просвещения Л.А. Кассо назначил профессора физики Новороссийского (Одесса) университета Б.В. Станкевича на аналогичную должность в Московский университет. Однако по положению это должно было произойти либо по конкурсу, либо «по рекомендации». Поэтому «положение Станкевича было неприятное» по свидетельству В.Д. Зёрнова, ученика П.Н. Лебедева.

18 октября 1914

¹ Ср.: *Баратынский Е.А.* «В глуши лесов счастлив один» (1824): «Всех благ возможных тот достиг, / Кто дух судьбы своей постиг».

² Великий князь Николай Николаевич-мл. с начала войны и до 23 августа 1915 г. по ст. стило – Верховный главнокомандующий.

19 октября 1914

¹ «День всех святых» – большой христианский праздник, отмечаемый католиками 1 ноября (по н. ст.).

20 октября 1914

¹ С.И. Вавилов автоматически претендовал на офицерское звание как выпускник университета. См. также записи от 3 октября, 30 декабря 1914 г.

21 октября 1914

¹ См.: *Пушкин А.С.* «Полтава» (песнь вторая).

23 октября 1914

¹ 6 июля 1948 г. С.И. Вавилов записывает в дневнике: «Видение с того света: Гордейчук из телеграфной роты 25-го сап[ерного] батальона... Седой, был тогда с роскошными черными усами. Вспоминает про меня: всегда за книжкой, беспомощный, еле волочивший ноги, под общий смех учившийся верховой езде» (*Вавилов С.И.* Дневники. Кн. 2. С. 357).

² Имеется в виду различная по ширине железнодорожная колея в России и Австрии.

24 октября 1914

¹ См.: *Пушкин А.С.* Евгений Онегин (глава пятая, строфа XI). У Пушкина: «положены через поток».

² От фамилии немецкого художника-пейзажиста Вальтера Лейстикова (1865–1908).

28 октября 1914

¹ Журнал «Annalen der Physik» (первоначально – «Annalen der Physik und Chemie») самый авторитетный научный журнал по физике XIX – начала XX в. Издается с 1799 г.

² Berliner Tageblatt – ежедневная газета. Издавалась в 1872–1939 г.

³ Дирижабли жесткой конструкции были названы по имени их изобретателя графа Цепелина (Zepelin).

29 октября 1914

¹ Пьеса И.В. Гёте «Стелла» (ее подзаголовок: пьеса для любящих) окончена в 1775 г. и напечатана в 1776 г. В 1806 г. Гете переработал финал, и второй вариант пьесы он назвал трагедией.

31 октября 1914

¹ На улице Никольской в Москве располагался в 1892–1919 гг. известный букинистический и антикварный магазин П.П. Шибанова (1864–1935).

² См. примеч. 6 к записи от 5 октября 1914 г.

³ В мае 1914 г. был опубликован указ Николая II «О мерах против потребления алкоголя в армии». В августе того же года был введен запрет на продажу спиртного до окончания военных действий.

1 ноября 1914

¹ Трагедия в 5-ти действиях «Эгмонт» И.В. Гёте издана в 1788 г.

6 ноября 1914

¹ Надписи, видимо, плохо сохранились, к тому же Вавилов не знал польского языка. Все это затрудняет расшифровку надписи, в которой предположительно речь идет о происхождении названия имения Злота и о наблюдениях за погодой.

8 ноября 1914

¹ Л.И. Вавилова (в замужестве Макарова) умерла от чёрной оспы, которой заразилась во время экспедиции. См. также запись от 26 ноября 1914 г.

² Стихи С.И. Вавилова, см. запись от 8 августа 1914 г.

10 ноября 1914

¹ Строка из стихотворения А.С. Пушкина «Герой» (1830).

18 ноября 1914

¹ Селифан – кучер П.И. Чичикова (*Гоголь Н.В.* Мертвые души).

20 ноября 1914

¹ Ср.: «Добро, строитель чудотворный! – / Шепнул он, злобно задрожав, – / Ужо тебе!..» (*Пушкин А.С.* Медный всадник).

21 ноября 1914

¹ Здесь имеется в виду драма И.В. Гёте «Торквато Тассо» (1790).

22 ноября 1914

¹ Строки из стихотворения А.С.Пушкина «Предчувствие». В тексте Вавилова не точна первая строка: Сохраню ль к судьбе презренье? Кавычки в первой строке принадлежат Вавилову.

23 ноября 1914

¹ Антонио – один из персонажей пьесы И.В. Гёте «Торквато Тассо»; в финале пьесы он сравнивает себя с волной.

24 ноября 1914

¹ «Клавиго» – драма И.В. Гёте (1774).

28 ноября 1914

¹ Терцина – стихотворный ритм; терцинами написана «Божественная комедия» Данте.

² По всей видимости, незавершенная драма И.В. Гёте «Магомет» (1772–1774).

4 декабря 1914

¹ «Nature» – один из самых старых и авторитетных общенаучных журналов, публикующий исследования, посвященные широкому спектру вопросов, в основном естественнонаучной тематики. Издается в Лондоне с 1868 г.

² «Philosophical Magazine» – один из старейших научных журналов. Издается с 1798 г. в Великобритании.

5 декабря 1914

¹ Цитата из стихотворения Н.А. Некрасова «Поэт и гражданин» (1856).

6 декабря 1914

¹ Т.е. получение офицерского чина. Прапорщик – первый офицерский чин. Восстановлен в Первую мировую войну.

13 декабря 1914

¹ Каббала – средневековое религиозно-мистическое учение, получившее распространение среди приверженцев иудаизма.

26 декабря 1914

¹ Католическая церковь отмечает Рождество 25 декабря по новому стилю, т.е. 12 декабря по старому стилю, по которому жила Российская империя.

² Возможно, подразумевается Николай Николаевич-мл., великий князь.

31 декабря 1914

¹ Строки из стихотворения М.Ю. Лермонтова: «Я к Вам пишу: случайно! Право» (1840). Третья строка там: «За все я ровно благодарен».

1915

Эпиграф

¹ См. примеч. к записи от 31 декабря 1914 г.

1 января 1915

¹ Т.е. получить офицерский чин.

² Немного искаженная строка из стихотворения М.Ю. Лермонтова «И скучно и грустно» (1840): «И скучно и грустно, и некому руку подать / В минуту душевной невзгоды...».

³ Строки из стихотворения М.Ю. Лермонтова «Выхожу один я на дорогу» (1841).

⁴ Строки из стихотворения М.Ю. Лермонтова «Ангел» (1831).

3 января 1915

¹ Речь идет о статье С.И. Вавилова: Beiträge zur Kinetik des thermischen Ausbleichens von Farbstoffen // Zeitschrift für physikalische Chemie. 1914. Bd. 88. Heft 1. S. 35–45.

5 января 1915

¹ Строка из стихотворения А.С. Пушкина «Если жизнь тебя обманет» (1825).

6 января 1915

¹ Терцина – стихотворный ритм; терцинами написана «Божественная комедия» Данте. См. примеч. 1 к записи от 28 ноября 1914 г.

10 января 1915

¹ «Gradita è la vita fra Vasso ed Amog» – «Приятная жизнь с Вакхом и Амуром» – строка из ариетты для голоса и фортепиано Дж. Россини (1792–1868) на стихи поэта, политика, либреттиста князя Карло Пеполи (1796–1881) «Оргия» (входит в сборник ариетт и дуэтов Россини «Музыкальные вечера», 1835).

21 января 1915

¹ Имеется в виду помещение на радиотелеграфной станции, где был установлен буквопечатающий аппарат Юза.

24 января 1915

¹ Эта книга с записями С.И. Вавилова на вpletенных листах сохранилась.

3 февраля 1915

¹ *Immermann K. Merlin. Eine Mythe.* (1832).

6 февраля 1915

¹ См. примеч. 1 к записи от 1 марта 1909 г.

8 февраля 1915

¹ Розанов В.В. Война 1914 г. и русское возрождение. Пг., 1915.

10 февраля 1915

¹ Наиболее вероятно, что С.И. Вавилов имеет в виду трагические события русско-японской войны: гибель броненосца «Петропавловск» 31 марта 1904 г.

16 февраля 1915

¹ «Праснышская операция» – успешная военная операция русской армии в феврале-марте 1915 г. близ города Прасныш в северной Польше.

19 февраля 1915

¹ Что день грядущий мне готовит? – строка из «стиха Ленского» (Пушкин А.С. «Евгений Онегин». Гл. 6, стих XXI).

22 февраля 1915

¹ Мартын Иванович – по всей видимости, Мартин Лютер (1483–1546).

² Пассии (от *лат.* passio – страдание) – особый южнорусский церковно-богослужебный обряд, связанный со Страстями Христовыми и проводимый в церквях в период Великого поста. См. примеч. к записи от 1 ноября 1914 г.

³ «Тебе одеующагося» – одна из стихир (церковных песнопений) Великой Пятницы. Стихира – песнопение, текст которого – стихи, написанные одним размером.

⁴ «Кресту твоему» – один из антифонов (церковных песнопений) Великой Пятницы.

26 февраля 1915

¹ «Стогна града» – выражение из стихотворения А.С. Пушкина «Воспоминание (Когда для смертного умолкнет шумный день)» (1828); стогна – широкие улицы, площади (*старосл.*).

² «кирпич Хвольсона» – большой по объему каждый из вышедших к этому времени четырех томов «Курса физики» О.Д. Хвольсона.

27 февраля 1915

¹ Строки из заключительного монолога Сирано де Бержерака из одноименной пьесы Э. Ростана. «А!.. Здесь похоронен поэт, брeтер, философ, / Не разрешивший жизненных вопросов; / Воздухоплаватель и физик, музыкант, / Непризнанный талант, / Всю жизнь судьбой гонимый злобой; / Любовник неудачный и бедняк – / Ну, словом, Сирано де Бержерак. / Почтим его мы надписью надгробной: / Он интересен тем, / Что всем он был – и не был он ничем!..» (Пер. Т.Л. Щепкиной-Куперник).

² «Письма Чехова» – вероятно, один из томов шеститомного собрания писем А.П. Чехова, издававшихся в 1912–1916 гг.

11 марта 1915

¹ См. примеч. к записи от 10 октября 1914 г.

14 марта 1915

¹ «Плод питического рвенья» – слова Светлейшего (князя Потемкина) из комико-фантастической оперы П.И. Чайковского «Черевички» (либретто Я. Полонского по повести Н.Гоголя «Ночь перед Рождеством»).

20 марта 1915

¹ «Лукоморье» – еженедельный иллюстрированный литературно-художественный и сатирический журнал, «ставящий своей задачей художественное отражение жизни во всех областях». Издавался при газете «Новое время» в 1914–1917 гг.

² Karczówka (*польск.*) – гора на юго-западе от Кельцев с монастырем; далее С.И. транскрибирует этот топоним как «Корчувка».

28 марта 1915

¹ Мережковский Д.С. Было и будет: Дневник 1910–1914. Пг., 1915.

² Мережковский Д.С. Две тайны русской поэзии – Некрасов и Тютчев. Пг., 1915.

7 апреля 1915

¹ В.О.Ф. – «Вестник опытной физики и элементарной математики», научный журнал, издавался в 1886–1917 гг. Заметка С.И. Вавилова была опубликована: «Об одном возможном выводе из опытов Майкельсона и других» // Вестник опытной физики. 1915. № 634. С. 251–252.

² Нида – река в Польше, по которой в 1915 г. проходила линия фронта.

16 апреля 1915

¹ «Наполеон и Жозефина» – неясно о какой пьесе идет речь.

² «Предложение» – короткая пьеса («шутка в одном действии») А.П. Чехова.

20 апреля 1915

¹ «Универсальная библиотека» – общедоступная массовая книжная серия, издававшаяся в 1906–1918 гг. в Москве В.М. Антиком (1882–1972).

23 апреля 1915

¹ Вислок (*польск.* Wisłok) – река в юго-восточной части Польши; в то время по ней проходила линия фронта между войсками Австро-Венгрии и России.

29 апреля 1915

¹ Стодол – рига, овин.

² Солтыс – сельский полицейский, сотский в западных губерниях Российской Империи.

30 апреля 1915

¹ «Пир во время чумы» – название четвертой из «Маленьких трагедий» А.С. Пушкина.

² Неточная цитата (правильно: «две вещи несовместные») из трагедии А.С. Пушкина «Моцарт и Сальери».

³ Вольная цитата из поэмы М.Ю. Лермонтова «Демон»; последняя строка у Лермонтова: «И беспечна, как они!»

4 мая 1915

¹ Имеется в виду богатый военными событиями август 1914 г.

5 мая 1915

¹ По всей видимости, вольная переработка строки из поэмы А.С. Пушкина «Полтава» (1828–1829): «И грянул бой, Полтавский бой!».

6 мая 1915

¹ Фурманка – небольшая фура, фургон, бричка.

² Отсылка к первой строке польского гимна: «Jeszcze Polska nie zginęła» – «еще Польша не погибла».

9 мая 1915

¹ По всей видимости, Вавилов пишет о пьесе Н. Макиавелли «Мандрагора» (1518). Перевод А.В. Амфитеатрова опубликован в 1913 г.

12 мая 1915

¹ Полифем – циклоп из «Одиссеи» Гомера. Цитера – одно из имен Афродиты.

² См. примеч. к эпиграфу этой книжки дневника.

³ Вавилов размышляет здесь над выходом нейтральной ранее Италии из Тройственного союза и вступлением в войну на стороне Антанты в мае 1915 г.

14 мая 1915

¹ Четырехтомный эпический роман «Мужики» (1904–1909) польского писателя В. Реймонта (1867–1925).

15 мая 1915

¹ Отсылка к «Евгению Онегину» Пушкина (гл. 1, строфа XV); но у Вавилова это в первую очередь обозначение старинной мужской одежды (широкополой шляпы).

18 мая 1915

¹ Крокус – порошок красного цвета, оксид железа, употребляется для полировки металлов и изделий из камня.

21 мая 1915

¹ «Эзопов лик» – сборник рассказов, вышедший в 1914 г. 27-й том собрания сочинений А.В. Амфитеатрова (1862–1938).

24 мая 1915

¹ Неточная цитата из пьесы А.С. Грибоедова «Горе от ума»: «Ах! Франция! Нет в мире лучше края!».

28 мая 1915

¹ «Гром победы, раздавайся!» – неофициальный русский национальный гимн конца XVIII–начала XIX в.

30 мая 1915

¹ «Роман с контрабасом» – рассказ А.П. Чехова (1886), где на берегу реки происходят кражи.

4 июня 1915

¹ Имеется в виду знаменитое высказывание П.С. Лапласа о гипотетическом уме, которому «были бы известны для какого-либо данного момента все силы, одушевляющие природу, и относительное положение всех её составных частей» и который в результате постиг бы все прошлое и все будущее вселенной (*Лаплас П.С. Опыт философии теории вероятностей*. М., 1908. С. 9).

² Учебник Ф.Ф. Зелинского «История античной культуры». М., 1915.

³ Кидрил-обжора – Кедрил-обжора, персонаж народного театра.

6 июня 1915

¹ Thomson J.J. Rays of positive electricity and their application to chemical analysis. London, 1913.

² Отсылка к словам Сальери из трагедии «Моцарт и Сальери» А.С. Пушкина: «Все говорят: нет правды на земле. / Но правды нет – и выше».

7 июня 1915

¹ Возможно, аллюзия на стихотворение А.С. Пушкина «Поэт» (1827), заканчивающееся строкой: «В широкошумные дубровы...»

² По-видимому, С.И. Вавилов на слух принял за фамилию должность прадеда: каштелян Леженицкий – управляющий замком в поселке Леженицы.

9 июня 1915, д[ережня] Ярошко

¹ «Русский Инвалид» – газета, издававшаяся в Петербурге в 1813–1917 гг.

10 июня 1915

¹ Санский прорыв – по всей видимости, иное название (по названию реки Сан) или один из эпизодов известного Галицкого прорыва немецких войск весной-летом 1915 г., сопровождавшегося значительным отступлением российской армии («Великое отступление 1915 г.»).

² Вольное цитирование стихотворения А.С. Пушкина «Если жизнь тебя обманет» (1825): «что пройдет, то будет мило».

³ Эринии – в древнегреческой мифологии богини мести.

⁴ Самоцитата, см. запись от 10 февраля 1915 г.

13 июня 1915

¹ Любуцкий лагерь для мобилизованных на военную службу на р. Оке, где С.И. Вавилов 29 июня 1914 г. начал военную службу.

15 июня 1915

¹ Деревня в Радомском уезде Польши называется Раец-Подуховны, но везде далее (в записях за 15–26 июня 1915 г.) сохранено авторское написание С.И. Вавилова – «Раец Духовный».

² В московской газете «Русское слово» (1895–1918) было опубликовано (позже опровергнутое) сообщение об обнаружении пяти картин П.П. Рубенса в коллекции живописи Михалковых-Голицыных в имении Назарьево-Троицкое в Звенигородском уезде Московской губернии.

22 июня 1915

¹ См. записи в дневнике за 15–19 августа 1914 г.

23 июня 1915

¹ Вероятно, роман «Псоглавцы» («Psohlavci», 1884) Алоиса Йирасека (Jirásek A., 1851–1930).

25 июня 1915

¹ См. примеч. 1, 2 к записи от 10 мая 1910 г. Оттуда же и следующая далее фраза: «Все утопить».

² С.И. вспоминает поездку в Пушкинские места (см. записи от 2, 3 июня 1913 г.).

26 июня 1915

¹ Вальпургиева ночь и Маскарад – сцены из «Фауста» И.В. Гёте.

27 июня 1915

¹ См. примеч. 2 к записи от 31.10.1914 г.

29 июня 1915

¹ Брянским назывался до 1934 г. Киевский вокзал в Москве.

² Слова из стихотворения «Песнь о вещем Олеге» (1822) А.С. Пушкина.

2 июля 1915

¹ Неточная цитата из стихотворения В.А. Жуковского «Торжество победителей» (1829).

Это перевод баллады Шиллера «Das Siegesfest»: «Все великое земное / Разлетается как дым».

3 июля 1915

¹ Цитата из стихотворения М.Ю. Лермонтова «Бородино»: «Уланы с пестрыми значками, / Драгуны с конскими хвостами, / Все промелькнули перед нами, / Все побывали тут».

5 июля 1915

¹ Фашина – связка хвороста, прутьев; в военном деле применяется для заполнения рвов, пересечения топей.

8 июля 1915

¹ Этот экземпляр с пометками С.И. Вавилова сохранился в семье.

² Войт – выборная административная должность в сельской общине в Литве, Польше, Белоруссии, Украине.

9 июля 1915

¹ Гмина – волость; в Польше в 1815–1954 гг. низовая сельская административно-территориальная единица, объединявшая ряд общин.

² «Бубновый валет» – известное творческое объединение художников (1911–1917).

14 июля 1915

¹ Современное написание для упоминаемого несколько раз С.И. Вавиловым города Межиречь – Мендзыжец-Подляский (Międzyrzec Podlaski).

19 июля 1915

¹ Комета Делавана («Комета войны») – яркая комета, обнаруженная перед Первой мировой войной Пабло Делаваном в конце 1913 г.

20 июля 1915

¹ Речь идет о романе Н.Г. Помяловского «Очерки бурсь» (1862–1863).

21 июля 1915

¹ Строка из оды Г.Р. Державина (1743–1816) «Бог».

² Строка из Песни 4 поэмы «Илиада» Гомера.

30 июля 1915

¹ Реплика Арбенина из первого действия, первой сцены, второго выхода драмы М.Ю. Лермонтова «Маскарад» (1835).

² Антиминс – четырехугольный шелковый или льняной платок, необходимая принадлежность для совершения православной полной литургии.

3 августа

¹ Строки из стихотворения Андрея Белого «Пепел. Россия. Отчаянье» (1908); вместо «в пространство» С.И. пишет «в пространстве».

5 августа 1915

¹ Берендеевка – место действия пьесы А.Н. Островского «Снегурочка» и оперы Н.А. Римского-Корсакова по этой сказке. Впоследствии С.И. так называл Йошкар-Олу, где находился в эвакуации. См. запись от 16 августа 1941 г. (*Вавилов С.И. Дневники. Кн. 2. С. 126–127*).

7 августа 1915

¹ Строки из стихотворения М.Ю. Лермонтова «Бородино» (1837).

8 августа 1915

¹ По всей видимости, речь идет о книге «Распределение звезд в пространстве и их движение». С.-Пб., 1914. 160 с. Подзаголовок: «Непериодическое издание, выходящее под редакцией профессора А.А. Иванова. Четвертый сборник серии “Новые идеи в астрономии” посвящен звездам, их движению и распределению в пространстве».

² Роман К.Л. Иммермана «Мюнхгаузен» (1838).

12 августа 1915

¹ Беловежский дворец – охотничий дворец русских императоров в Беловежской Пуще у деревни Беловежа (Польша); построен в 1889–1894 гг., практически разрушен в годы Великой Отечественной войны, окончательно снесен не позже начала 1960-х гг.

² Самоцитата С.И., см. запись от 25 марта 1915 г.

³ Н. Георгиевск – Новогеоргиевская крепость, расположенная в 30 км от Варшавы, в месте слияния Вислы и Наревы, была захвачена немцами 7 (20) августа 1915 г.

20 августа 1915

¹ Имеется в виду походная кровать, разработанная М.Е. Грум-Гржимайло.

21 августа 1915

¹ Имеется в виду гибель физика Пьера Кюри в Париже 19 апреля 1906 г. под колесами экипажа.

25 августа 1915

¹ «С природой одною он жизнью дышал» – строка из стихотворения Е.А. Баратынского «На смерть Гете» (1832).

28 августа 1915

¹ См. примеч. к записи от 2 июля 1915 г.

30 августа 1915

¹ Слова Симеона Богоприимца (Евангелие от Луки. 2, 29); речь идет о возможности спокойно умереть.

2 сентября 1915

¹ «Доколе хотя один неприятель будет в наших пределах – мира не будет» – вольное цитирование манифеста императора Александра I о войне 1812 г.: «...обнажить свой меч и обещать царству нашему, что мы не опустим оный во влагалище, доколе хотя один из неприятелей оставаться будет вооружен на земле нашей».

6 сентября 1915

¹ Эрг – единица работы и энергии в физике.

² «Ключи счастья» – роман модной писательницы начала века А.А. Вербицкой (1868–1921).

³ «Виктория Павловна» – роман А.В. Амфитеатрова (1862–1938).

7 сентября 1915

¹ «Графиня де Монсоро» – роман А. Дюма (отца).

16 сентября 1915

¹ Бим-Бом – популярный клоунский дуэт, исполнявший злободневные комедийные диалоги, перемежавшиеся игрой на музыкально-эксцентрических инструментах.

17 сентября 1915

¹ Выражение «как Орест и Пилад», по именам героев греческих мифов, применялось для обозначения дружбы между мужчинами.

18 сентября 1915

¹ «Переводина» – перекладина, брус, на который кладется настил.

19 сентября 1915

¹ Пьер Безухов, Анна Павловна Штерн – персонажи романа Л.Н. Толстого «Война и мир».

20 сентября 1915

¹ «Преосвященный» – титул епископа, а также лицо, носящее этот титул.

² «Дикирий и трикирий» – принадлежности богослужения в Православной церкви, «двусвечник» и «трёхсвечник».

22 сентября 1915

¹ Речь идет о статье С.И. Вавилова «Об одном возможном выводе из опытов Майкельсона и других», опубликованной в журнале «Вестник опытной физики и элементарной математики» (1915. № 634. С. 251–252).

6 октября 1915

¹ Лемниската – разновидность алгебраических кривых.

² Библейский сюжет о попытке соблазнения юного Иосифа женой Пантефрия (Бытие, 39: 7-12).

³ Записки С.М. Соловьева. С.-Пб.: Прометей, 1907.

9 октября 1915

¹ Слова Фамусова из комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума».

13 октября 1915

¹ Вольная цитата из пятой главы (I строфа) «Евгения Онегина» А.С. Пушкина: «Проснувшись рано, / В окно увидела Татьяна / Поутру побелевший двор, / Куртины, кровли и забор».

16 октября 1915

¹ Цитата из четвертой главы (XLII строфа) «Евгения Онегина» А.С. Пушкина.

² Немного неточно (в оригинале везде «не» вместо «ни») процитированное стихотворение А.С. Пушкина «Поэт и толпа» (1828).

22 октября 1915

¹ Голубиная (есть предположение, что правильно – глубинная) книга – книга, содержащая сведения о происхождении мира, его устройстве, объясняющая различные явления из жизни природы. В XVIII в. она была запрещена.

² Известное выражение из стихотворения А.С. Пушкина «Герой» (1830): «...Тьмы низких истин мне дороже / Нас возвышающий обман...».

23 октября 1915

¹ *Крэмб Дж.* Германия и Англия. Пер. с англ. М.: Скоропечатня А.А. Левенсон, 1915.

² Слова Сальери из трагедии А.С. Пушкина «Моцарт и Сальери», сцена I.

28 октября 1915

¹ Строка из «Евгения Онегина» А.С. Пушкина (гл. осьмая, строфа XLVII).

29 октября 1915

¹ *Бобров С.П.* Новое о стихосложении Пушкина. М.: Мусaget, 1915.

30 октября 1915

¹ По всей видимости, одна из книг: *Садовской Борис.* Узор чугунный. Рассказы. М.: Альциона, 1911; либо: *Садовской Борис.* Адмиралтейская игла: Рассказы, 1909–1914. Пг.: кн-во б. М.В. Попов, [1915].

12 ноября 1915

¹ См. стихотворение А.С. Пушкина «Бесы» (1830).

14 ноября 1915

¹ Из стихотворения А.С. Пушкина «Бесы».

16 ноября 1915

¹ По всей видимости: «Я — Куропаткин, / Меня все бьют, / Во все лопатки / Войска бегут. // Я как стратег и генерал / Японцам Порт-Артур отдал... // Я – Куропаткин, / Я все сказал» (цит. по интернет-версии книги: *Темирязев Б.* «Повесть о пустыжах». Берлин, 1934).

17 ноября 1915

¹ Строки из стихотворения Ф.И. Тютчева «Silentium!» (1830).

26 ноября 1915

¹ Цитата из «Евгения Онегина» А.С. Пушкина (гл. первая, строфа V).

27 ноября 1915

¹ Калевала – карело-финский поэтический эпос.

² *Гиппиус В.* Пушкин и христианство. Петроград: Сириус, 1915.

³ С.И. обыгрывает строки стихотворения А.С. Пушкина «19 октября 1825»: «Служенью муз не терпит суеты; / Прекрасное должно быть величаво».

1 декабря 1915

¹ Цитата из стихотворения А.С. Пушкина «Демон» (1824).

² Перье «Франция и Германия» (фр.); *Perrier Edmond. France et Allemagne. 1915.* У Вавилова ошибочно: «Perriet».

4 декабря 1915

¹ Строка из «Евгения Онегина» А.С. Пушкина (гл. первая, строфа I).

26 декабря 1915

¹ Обыгрывание строк из «Евгения Онегина»: «...Всегда восторженную речь / И кудри черные до плеч».

² Строки из стихотворения А.С. Пушкина «Поэт и толпа» (1828).

29 декабря 1915

¹ *Mickiewicz A. Les Slaves. Course professe au College de France (1842–1844).*

² *Edmondo De Amicis. La vita militare (1868).*

30 декабря 1915

¹ Возможно: *Леффлер-Эдгрэн А. III. Софья Ковалевская. Воспоминания.* СПб., изд. журн. «Сев. Вестник», 1893. На тит. л.: А.К. Леффлер.

31 декабря 1915

¹ Строки из стихотворения А.С. Пушкина «В.Ф. Раевскому» (1822).

1916

3 января 1916

¹ Вольное цитирование стихотворения Пушкина «Воспоминание» (1828): «... Теснится тяжких дум избыток; / Воспоминание безмолвно предо мной / Свой длинный развивает свиток».

² *Nomini novi* – устойчивое латинское выражение, обозначающее провинциала, пробившегося в ряды староримской знати.

5 января 1916

¹ Речь идет о привязных дирижаблях.

7 января 1916

¹ Здесь: конструктивный элемент шрапнельного снаряда.

10 января 1916

¹ 10 января началась успешная эрзерумская операция русской Кавказской армии.

15 января 1916

¹ *Вавилов С.И.* Об одном возможном выводе из опытов Майкельсона и других // *Вестн. опытно. физики.* 1915, № 634. С. 251–252. См. также: *Шапошников К.* По поводу заметки С. Вавилова «Об одном возможном выводе из опытов Майкельсона и других», помещенной в № 634 «Вестника» // Там же. № 639–640. С. 91–92.

22 января 1916

¹ Слова Фамусова из комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» (1824), действие II, явление 5-е.

24 января 1916

¹ Города Италии. 2. Ареццо. – Изв. Об-ва препод. граф. искусств. 1916, № 4–6. С. 43–52.

27 января 1916

¹ В Мертвом переулке находилась лаборатория П.Н. Лебедева.

² Строки из «Путешествия Онегина» А.С. Пушкина.

1 марта 1916

¹ Цитата из «Евгения Онегина» А.С. Пушкина (вторая глава, XXXI строфа).

13 марта 1916

¹ Строка из поэмы А.С. Пушкина «Медный всадник» (вступление).

² Пинские вешние воды – от названия «Пинские болота».

18 марта 1916

¹ См. примеч. к записи от 5 августа 1915.

22 марта 1916

¹ «Пусть неудачник плачет» – слова из арии Германна в опере «Пиковая дама».

9 апреля 1916

¹ Немного измененные («беспечен» вместо «беспечна») строки из поэмы Лермонтова «Демон».

10 апреля 1916

¹ По всей видимости, гимн «Сколь славен наш Господь в Сионе» (стихи М.М. Хераскова, музыка С.Д. Бортнянского).

² По всей видимости, книга А. Эддингтона «Движение звезд и строение Вселенной» (Stellar Movements and the Structure of the Universe. 1914).

26 апреля 1916

¹ *Энгельгардт Б.М.* Историзм Пушкина: К вопросу о характере пушкинского объективизма // Пушкинист / Под ред. С.А. Венгерова. Пг., 1916. В. 2. С. 1–158.

² По всей видимости, Петровский А.А. Научные основания беспроволочной телеграфии. Ч. 1. 2-е изд., СПб., 1913.

28 апреля 1916

¹ Строка из стихотворения А.К. Толстого (1818–1875) «Колокольчики мои».

29 апреля 1916

¹ Искаженные строки из второй главы (XIV строфа) «Евгения Онегина»: «...Мы почитаем всех нулями, / А единицами – себя. / Мы все глядим в Наполеоны; / Двуногих тварей миллионы / Для нас орудие одно...»

² Вероятно, искаженная цитата из «Вечеров на хуторе близ Диканьки» («Страшная месть», глава X) Н.В. Гоголя: «Чуден Днепр при тихой погоде (...) Ни зашелохнет; ни прогремит».

7 мая 1916

¹ *Евгений Трубецкой.* Два мира в древнерусской иконописи. М., 1916.

25 мая 1916

¹ 5 июня 1916 г. (или 22 мая по юлианскому календарю) в начале визита военного министра Великобритании фельдмаршала Г. Китченера в Россию крейсер «Хэмпшир» подорвался на немецкой мине, погибли почти все находившиеся на борту.

27 мая 1916

¹ 7 июня 1916 г. немцы захватили французский форт Во (Vaux) под Верденом.

² Отсылка к поэме А.С. Пушкина «Полтава»: «И грянул бой, Полтавский бой».

³ См. примеч. к записи от 19 июля 1915 г.

30 мая 1916

¹ Речь идет о начале Брусиловского прорыва.

11 июня 1916

¹ По всей видимости, речь о генерале Алексее Ермолаевиче Эверте, командующем 4-й армией.

12 июня 1916

¹ См. примеч. 2 к записи от 27 января 1916 г.

23 июня 1916

¹ «Русское общество беспроволочных телеграфов и телефонов» (РОБТиТ), крупнейший отечественный производитель средств радиосвязи (1908–1918). До июня 1910 г. – «Акционерное об-во беспроволочных телеграфов и телефонов системы С.М. Айзенштейна».

27 июня 1916

¹ Тернополь, Трёмбовля – прежние, до 1944 г., названия гг. Тернополь и Терембовля.

8 июля 1916

¹ Строки из стихотворения А.С. Пушкина «Другу»: «Тьмы низких истин мне дороже / Нас возвышающий обман».

13 июля 1916

¹ Т.е. Новоград-Волынский.

17 июля 1916

¹ Имеется в виду крупное Красноставское сражение в июле 1915 г.

4 августа 1916

¹ Цитата из «Записок сумасшедшего» Н.В. Гоголя.

5 августа 1916

¹ См. примеч. 1 к записи от 21 июля 1915 г.

7 августа 1916

¹ Доктор Dapertutto (от *ит.* dappertutto – везде, повсюду) – колдун, персонаж четвертой главы «Истории об утраченном зеркальном изображении» («История о пропавшем изображении» – в другом переводе) повести Э.Т.А. Гофмана «Приключение в ночь под Новый год». По мотивам этой главы написано либретто третьего действия оперы Ж. Оффенбаха «Сказки Гофмана».

8 августа 1916

¹ Тиккер (от *англ.* ticker) – механический прерыватель тока, применяемый для приёма радиотелеграфных сигналов.

9 августа 1916

¹ *Shaw P.E. The Newtonian constant of gravitation as affected by temperature / Phil. Trans. Roy. Soc. London, 1916. Ser. A. T. 216. P. 349–392.*

19 августа 1916

¹ Стихотворение Джорджа дю Морье (Du Maurier G.L.P.B., 1834–1896), английского писателя и карикатуриста; цитировано с небольшим искажением – вторая строка взята Вавиловым из второй строфы.

24 августа 1916

¹ Вавилов описывает надежно задокументированный эпизод из биографии известного летчика К.К. Арцеулова (1891–1980), когда по ошибке было широко объявлено о его гибели 24 августа 1916 г. (хотя на самом деле погиб другой летчик).

25 августа 1916

¹ Начало стихотворения «Милый друг, иль ты не видишь» В.С. Соловьева (1853–1900).

² В этом абзаце дважды цитируется «Моцарт и Сальери» А.С. Пушкина.

³ 24 августа 1916 г. немецко-болгарские войска разгромили румынскую армию при Туртукае (совр. Туртукан, Болгария).

26 августа 1916

¹ См. примеч. к записи от 14 июня 1913 г.

30 августа 1916

¹ Строки из второй песни поэмы А.С. Пушкина «Полтава» (1828).

31 августа 1916

¹ Из «Маленьких трагедий» А.С. Пушкина.

3 сентября 1916

¹ Строка из стихотворения К.Ф. Рылеева (1795–1826) «Державин».

7 сентября 1916

¹ Слова Пимена из трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов» (1825), сцена «Ночь. Келья в Чудовом монастыре».

10 сентября 1916

¹ См. примеч. к записи от 7 сентября 1916 г.

² «Металлуржик» – марка автомобиля начала XX века.

11 сентября 1916

¹ Сосуд Дьюара – сосуд с двойными стенками, воздух между которыми откачан до высокого вакуума; стенки покрываются тонким слоем серебра или меди и полируются. Используются, главным образом, для хранения и перевозки сжиженных газов.

16 сентября 1916

¹ «Земскими гусарами» называли несущих полувоенную службу в организациях по снабжению армии.

17 сентября 1916

¹ Цитата из второй песни поэмы А.С. Пушкина «Полтава» (1828).

22 сентября 1916

¹ Лемниската – разновидность геометрической кривой.

25 сентября 1916

¹ Вольная цитата из драмы А.С. Пушкина «Борис Годунов» (1825): «Так точно дьяк, в приказах поседельей, / Спокойно зрит на правых и виновных, / Добру и злу внимая равнодушно, / Не ведая ни жалости, ни гнева».

27 сентября 1916

¹ Зауряд-военный чиновник – в российской армии с 1891 г. звание лица без соответствующего чина, но с образованием, занимавшего в военное время классную должность (до 8-го класса включительно по Табели о рангах).

1 октября 1916

¹ Строки из стихотворения А.С. Пушкина «19 октября 1825». Из него также и две следующие цитаты в записи за этот день.

² Целиком стихотворение см. в записи от 12 июня 1916 г.

Эпиграф к 1 октября 1916, Луцк

¹ Немного искаженные строки из стихотворения А.С. Пушкина «Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит...» (1834): «Летят за днями дни, и каждый час уносит / Частичку бытия».

² Строки из стихотворения А.С. Пушкина «19 октября 1825».

³ Строки из стихотворения А.С. Пушкина «Погасло дневное светило» (1820).

9 октября 1916

¹ Добруджа – историческая область на севере Балканского полуострова, на территории современных Румынии и Болгарии. Осенью 1916 г. русско-румынские войска вынуждены были отступить из Добруджи.

13 октября 1916

¹ Премия Мошнина была учреждена в 1887 г. на средства, пожертвованные его вдовой. Ежегодно (до 1917 г.) присуждалась Обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ) при Московском университете «за самостоятельные научные исследования в области физики и химии, а также за выдающиеся изобретения и усовершенствования по практическому приложению этих наук с соблюдением очередности между ними». Премию неоднократно получали ученики П.Н. Лебедева: Т.П. Кравец (1901), В.Я. Альтберг (1903, 1907), В.Д. Зернов (1904). С.И. продолжил эту традицию.

15 октября 1916

¹ Неточная цитата из арии Германна из оперы П.И. Чайковского «Пиковая дама» (либретто М.И. Чайковского по мотивам одноимённой повести А.С. Пушкина): «...Кто прав, кто счастлив здесь, друзья, / Сегодня ты, а завтра я. / Так бросьте же борьбу, / Ловите миг удачи...»

28 октября 1916

¹ В 1915 г. Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ) присудило С.И. Вавилову Золотую медаль за работу по изучению теплового выцветания красителей.

4 ноября 1916

¹ Неточная цитата из «Евгения Онегина» Пушкина: «А счастье было так возможно» (слова Татьяны Лариной).

² Строки из стихотворения А.С. Пушкина «19 октября 1825» – см. «эпиграф» к этой книжке дневника перед записью от 1 октября.

4 декабря 1916

¹ В конце октября под Верденом французские войска перешли в наступление.

20 декабря 1916

¹ См. запись от 12 июня 1916 г.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

- Абу Эдмон Франсуа Валентин (About E.F.V., 1828–1885) – французский беллетрист и публицист. 389
- Августин Аврелий (354–430) – философ, проповедник, христианский богослов и политик. Святой католической и блаженный православной церковью. 165
- Авенариус Михаил Петрович (1835–1895) – физик. Чл.-корр. Петербургской АН (1876). Окончил Петербургский ун-т (1858). Работал в Киевском ун-те (1865–1890, с 1866 г. профессор). Работы по молекулярной физике, термоэлектричеству. 81
- Агриппа Неттесгеймский (Agrippa von Nettesheim, 1486–1535) – немецкий натурфилософ, богослов, гуманист эпохи Возрождения. 254, 263
- Адлер – кожевник из Восников. 374, 377
- Айзенштейн Семен Моисеевич (1884–1962) – радиотехник, основатель и член совета директоров главного радиопредприятия России «Русского общества беспроволочных телеграфов и телефонов» (РОБТиТ). 546, 547, 549, 565
- Аксаков Иван Сергеевич (1823–1880) – общественный деятель, публицист, поэт, видный славянофил. Брат К.С. Аксакова. 96
- Аксаков Константин Сергеевич (1817–1860) – публицист, историк, писатель, видный славянофил. 65, 96
- Аксаков Сергей Тимофеевич (1791–1859) – писатель, литературный и театральный критик, общественный деятель. Отец И.С. и К.С. Аксаковых. 96
- Акулов Алексей Иванович – механик лаборатории П.Н. Лебедева, помогал ему при магнитометрическом исследовании вращающихся тел в Московском ун-те, затем в 1911 г. перешел вместе с ним в лабораторию при Народном ун-те им. Шанявского. Умер не ранее 1939 г. 206
- Александр III (1845–1894) – российский император с 1881 г. 183, 584
- Александр III (в миру Орландо Бандинелли, 1105–1181) – папа римский с 1159 г. Он пережил трех антипап. Известен борьбой с императором Священной Римской империи Фридрихом I Барбаросса, который в 1178 г. наконец признал Александра III папой. В Палаццо публично в Сиене есть фреска Аретино Спинелли «Фридрих Барбаросса признает власть Александра III». В результате папа добился перемирия Фридриха I на 15 лет с королевством Сицилии и на 6 лет – с Ломбардийской лигой (союз североитальянских городов). 167
- Александра Ивановна – см. Ипатьева А.И.
- Александра Фёдоровна (урожд. принцесса Гессен-Дармштадтская, 1872–1918) – российская императрица, супруга Николая II (с 1894 г.). 440, 562, 587, 588
- Алексей Ермолаевич – см. Эверт А.Е.
- Амфитеатров Александр Валентинович (1862–1938) – прозаик, публицист, фельетонист, литературный и театральный критик, драматург. 382, 389
- Анастасий (Грибановский) Александр Алексеевич, 1873–1965) – митрополит Восточноамериканский и Нью-Йоркский. Первоиерарх Русской православной церкви за границей. Окончил Московскую духовную академию (1897). С 1901 г. ректор Московской духовной семинарии, архимандрит. Епископ Московской епархии (1906), с мая 1914 г. переве-

* В указатель имен включены все упоминаемые в дневниках лица. Об известных людях даны краткие сведения, если только они не важны для понимания событий, о которых идет речь в дневниках, о малоизвестных (тем более если они имели отношение к С.И. Вавилу) – все, что удалось о них выяснить.

- ден на самостоятельную Холмскую и Люблинскую кафедру, с мая 1916 г. архиепископ. С 1918 г. – за границей. 301
- Аначенко – солдат из подразделения С.И. Вавилова. 376
- Андерсен Ганс Христиан (Andersen H.H., 1805–1875) – датский писатель. 137
- Андреев Константин Алексеевич (1848–1924) – математик. Чл.-корр. Петербургской АН (1884). Окончил Московский ун-т (1871). Работал в Харьковском (1873–1898 гг., с 1879 г. – профессор) ун-те, профессор (1898–1921) Московского ун-та. Основные работы по проективной геометрии и математическому анализу. 56
- Андреев Леонид Николаевич (1871–1919) – писатель, драматург. 55, 451
- Андреев Николай Андреевич (1873–1932) – скульптор. 46
- Анджелико, монах (fra) Джованни да Фьезоле, прозванный Беато Анджелико (Angelico Beato, 1387–1455) – итальянский художник. 127, 128, 180, 181, 183, 186–189, 198
- Аничков Евгений Васильевич (1866–1937) – историк литературы, критик, фольклорист, прозаик. Окончил Петербургский ун-т (1892). Работал в различных ун-тах, с 1908 г. – профессор Петербургского психоневрологического ин-та. В 1914 г. ушел добровольцем в ополчение, работал военным цензором. В 1917 г. отправлен с русским отрядом во Францию. С 1920 г. профессор Белградского ун-та, с 1926 г. – ун-та в Скопле (Югославия). 346
- Анна Петровна – сестра милосердия. 512
- Аннунцио – см. Д'Аннунцио Г.
- Антоний Великий, преподобный (около 251–356) – раннехристианский подвижник и пустынно-ник. 525
- Антоний Падуанский (1195–1231) – католический святой. Проповедник–францисканец. 165
- Антонов – случайный знакомый, спутник по поездке. 572
- Арапов Петр Иванович (1871–1930) – генерал, командующий 3-й гвардейской кавалерийской дивизией. 550, 551, 553, 560
- Аретино Пьетро (Aretino P., 1492–1556) – итальянский поэт и драматург. 182
- Аристотель (384 до н.э.–322 до н.э.) – древнегреческий философ и учёный. 78, 165, 169
- Аргоболевский Иван Алексеевич (1872–1938) – церковный историк и философ. Окончил Московскую духовную академию. В 1905 г. принял сан священника и получил место законоучителя в Московском коммерческом училище. В 1911–1918 гг. профессор богословия Московского сельскохозяйственного ин-та (Сельскохозяйственная академия им. Тимирязева). Одновременно настоятель храма святых Петра и Павла при ин-те, в 1924–1933 гг. настоятель других московских храмов. Прославлен в сонме новомучеников Российских (2000 г.). 32
- Архип Авл Лициний (Ἀρχίας, ок. 121–61 до н.э.) – греческий поэт. 247
- Архимед (ок. 287–212 до н.э.) – древнегреческий механик и математик. 195
- Архипенко Петр Петрович (1876–1940) – полковник, в 1916 г. исполняющий должность начальника инженеров IV Армии. 532
- Арцеулов Константин Константинович (1891–1980) – летчик. 567
- Ася – сестра милосердия. 480, 481
- А.Ф. – см. Александра Федоровна.
- Афанасьева-Эренфест Татьяна Алексеевна (1876–1964) – математик. Окончила математическое отделение физико-математического факультета Высших женских (Бестужевских) курсов в Петербурге. Работала там ассистентом на кафедре математики. Осенью 1902 г. командирована в Геттингенский ун-т. В 1904 г. вышла замуж за П. Эренфеста. Ею написано несколько работ совместно с мужем. 206
- Базаити Марко (Basaiti M., ок. 1470–после 1530) – итальянский художник. Жил и работал в Венеции. 168
- Байрон Джордж, лорд (Byron G.N.G., 1788–1824) – английский поэт. 161, 193
- Бакалович Степан Владиславович (Стефан–Александр Бакалович, BaKałowicz S., 1847–не ранее 1936, или же в 1947 г.) – польский и русский художник, представитель академизма. 352, 510
- Балашов – солдат, сослуживец С.И. Вавилова по саперному батальону. 233, 258, 259, 268, 277, 325
- Бальдовинетти Алессо (Baldovineti A., 1427–1499) – итальянский художник и искусствовед. 187, 190–194, 198–199
- Бальмонт Константин Дмитриевич (1867–1942) – поэт, переводчик. 33, 214
- Банг Иван Леонгардович – учитель немецкого языка в младших и средних классах Московского коммерческого училища в начале XX в. 44

- Баратынский (Боратынский) Евгений Абрамович (1800–1844) – поэт. 111, 112, 169, 264, 309
- Барклай де Толли Михаил Богданович (1761–1818) – генерал-фельдмаршал, русский полководец. Командующий русской армией на начальном этапе Отечественной войны 1812 г. и командующий объединенной русско-прусской армиями во время заграничного похода 1813–1814 гг. 244
- Барков Иван Семенович или Иван Степанович (ок. 1732–1768) – переводчик, поэт. 310
- Барнетт Сэмюэл Джексон (Barnett S.J., 1873–1956) – американский физик. 508, 523, 531
- Барт Фердинанд Георгиевич де ля, граф (1870–1915) – историк западной литературы. 421
- Бартенев Александр – начальник отделения телеграфной роты, в которой в 1914–1915 гг. служил С.И. Вавилов. 280, 291, 331, 334, 336, 339, 342, 424, 443
- Басанько – штабс-капитан. 481
- Батюшков Константин Николаевич (1787–1855) – поэт. 211
- Бах Иоганн Себастьян (Bach J.S., 1685–1750) – немецкий композитор и органист. 130, 188, 189, 193, 198
- Беато – см. Анджелико Беато.
- Бедекер (погиб в 1914) – не удалось найти данных об этом (по сведениям С.И. Вавилова) немецком профессоре из Иены. 248
- Бедекер Карл (Baedeker K., 1827–1859) – немецкий книготорговец, книгоиздатель. С 1839 г. издатель путеводителей. Сыновья продолжили его дело. Имя Бедекера стало нарицательным для обозначения путеводителей. 89, 91, 129, 127, 184, 477
- Безобразов Владимир Михайлович (1857–1932) – генерал, в 1915–1916 гг. командующий войсками Гвардии. 549, 566, 567
- Беклин – см. Бёклин
- Бекфорд Уильям (Beckford W., 1760–1844) – английский писатель. 122
- Белинский Виссарион Григорьевич (1811–1848) – литературный критик, публицист. 33
- Беллини Джентиле (Bellini Gentile, ок. 1429–1507) – итальянский художник. Брат Джованни Беллини. 169
- Беллини Джованни (Bellini G., ок. 1430–1516) – итальянский художник, заложивший основы искусства Высокого Возрождения в Венеции. 155, 164–168, 171, 172, 188, 204
- Белый Андрей (наст. имя Борис Николаевич Бугаев, 1880–1934) – писатель, поэт, критик, один из ведущих деятелей русского символизма. 55, 541, 544
- Бен Макс, фон (Boehn M.U., von, 1860–1932) – немецкий историк культуры, историк костюма. 141
- Бенедиктов Владимир Григорьевич (1807–1873) – поэт. 169
- Бенрат Альфред (Benrath A.H., 1878–1969) – немецкий химик. Доктор философии Гейдельбергского ун-та (1901). В 1905–1913 гг. работал в Кенигсбергском ун-те, с 1913 г. – в Боннском ун-те, в 1923–1945 гг. – профессор неорганической химии и электрохимии Высшей технической школы в Аахене. 141
- Бенуа Александр Николаевич (1870–1960) – художник, историк искусств, художественный критик. Один из создателей объединения «Мир искусства», театральный художник. С 1926 г. в эмиграции. 173, 176, 184, 305
- Бенуа Анна Карловна (урожд. Кинд, 1869–1952) – жена А.Н. Бенуа. 176
- Бердяев Николай Александрович (1874–1948) – философ. 503
- Бержерак Сирано де (Bergerac H.S.C. de, 1619–1655) – французский писатель, драматург. 361, 427, 504
- Бетховен Людвиг ван (1770–1827) – немецкий композитор. 101, 198, 250, 325, 326
- Бёклин Арнольд (Böcklin A., 1827–1901) – швейцарский живописец, график, скульптор. 127
- Бик Альфред (Buk A., 1878–?) – немецкий физик. Учился в Берлинском (1896–1902) и Фрайбургском ун-тах. С 1906 г. работал в Берлинском ун-те, профессор там же (1921–1933). Дальнейшая судьба неизвестна. Работы по кинетической теории газов, термодинамике, квантовой теории газов и жидкостей. 206
- Бисмарк Отто, фон (Bismarck O.E.L. von, 1815–1898) – германский государственный деятель, первый канцлер Германской империи. 349
- Блинов – сослуживец, начальник Вавилова по военно-дорожному отряду. 518, 519, 533, 535, 584
- Блок Александр Александрович (1880–1921) – поэт-символист. 224
- Боборыкин Петр (ок. 1890–?) – соученик С.И. Вавилова по Московскому коммерческому училищу. 39
- Боборыкин Петр Дмитриевич (1836–1921) – писатель. 214
- Бобров Сергей Павлович (1889–1971) – поэт, литературный критик, переводчик, математик и стиховед. 477

- Бобровский Григорий Михайлович (1873–1942) – художник, ученик И.Е. Репина. 221
- Богданович – не удалось установить, о ком идет речь. 206
- Боговик – солдат из подразделения С.И. Вавилова. 376
- Бойль Роберт (Boyle R., 1627–1691) – английский химик, физик, философ. Член Лондонского королевского об-ва (1663). 249, 393
- Боккаччо Джованни (Boccaccio G., 1313–1375) – итальянский писатель и поэт, один из первых гуманистов Возрождения. 127, 190, 191, 227, 310, 383
- Больтраффьо Джованни Антонио (Boltraffio G.A., 1467–1516) – итальянский живописец. 163, 182, 198
- Бонифацио де Питати по прозвищу Бонифацио Веронезе (Bonifacio de'Pitati, 1487–1553) – венецианский художник школы Пальма-старшего. 177
- Бонони Карло (Bononi C., 1569–ок. 1632) – феррарский художник болонской школы. 175
- Боргонье (Borgogne) – не удалось установить, о ком идет речь. 199
- Борецкий (1885–?) – пленный офицер австрийской армии. 246
- Борис – см. Васильев Б.
- Боттичелли Сандро (Botticelli S., 1445–1510) – итальянский живописец флорентийской школы. 136, 139, 140, 179, 181–183, 186, 188, 189, 191, 192, 194
- Браманте Донато (Bramante D., 1444–1514) – итальянский архитектор. 176, 440
- Брамс Иоганнес (Brahms J., 1833–1897) – немецкий композитор, пианист, дирижер. 417
- Браунинг Роберт (Browning R., 1812–1889) – английский поэт. 193
- Брейгель Питер (Старший) (Bruegel P. de Oude, ок. 1525–1569) – нидерландский художник. 470
- Бричка – солдат из подразделения С.И. Вавилова. 377
- Бронзино Аньоло (Bronzino A., 1503–1572) – итальянский художник. 182, 199
- Броня – знакомая С.И. Вавилова из Минска. 519
- Броунинг – см. Браунинг Р.
- Брук – см. Меллер ван ден Брук Артур.
- Брунеллески Филиппо (Brunelleschi F., 1377–1446) – итальянский архитектор, скульптор, изобретатель и инженер эпохи Раннего Возрождения; один из создателей научной теории перспективы. 181, 183, 191, 196, 263
- Брюсов Валерий Яковлевич (1873–1924) – поэт, критик, переводчик. 214, 286
- Булгарин Фаддей Венедиктович (1789–1859) – писатель, критик. Редактор газеты «Северная пчела». 88
- Буонаротти – см. Микеланджело.
- Буонджованни (Buongiovanni) – итальянский физик. Работал в начале XX в. в Феррарском университете. 175
- Буонконсильо Джованни (Buonconsiglio G.) – итальянский живописец. Сведения о его работе относятся к 1497–1537 гг. 165
- Бурхановский – сослуживец С.И. Вавилова, капитан. 560, 566
- Буханов – однополчанин С.И. Вавилова в 1914–начале 1915 г. 233, 246, 255, 256, 258, 259, 275, 302, 342
- Быков – один из двух офицеров (второй – Карпович), совершивших спуск на воздушном шаре в Профау летом 1913 г. 204–206
- Быховский – хозяин поместья (Царство Польское). 320
- Вавилов Иван Ильич (1863–1928) – коммерсант. Отец С.И. Вавилова. Прошел путь от подмастерья до торговца тканями. Был гласным Московской городской думы (1908–1916). В 1918 г. покинул Россию, пытался наладить собственное дело за границей, но неудачно. Его старший сын – Н.И. Вавилов встречался с ним в Берлине в 1927 г. и тогда же начал хлопотать о разрешении отцу вернуться на родину. И.И. приехал в СССР в 1928 г. и жил в Ленинграде у Н.И. Вавилова. 38, 133, 153, 211, 212, 356, 591**
- Вавилов Илья Иванович (1898–1905) – младший брат С.И. Вавилова. 122, 325, 326
- Вавилов Николай Иванович (1887–1943) – ботаник, растениевод, генетик, географ, организатор науки. Старший брат С.И. Вавилова. Академик АН СССР (1929, чл.-корр. 1923). Член Лондонского королевского об-ва (1942). Премия им. В.И. Ленина (1926). Арестован 6.08.1940 г. 8.07.1941 г. ВК ВС СССР приговорен к расстрелу. Приговор не был приведен в исполнение. Умер в тюрьме 26 января 1943 г. 64, 108, 142, 143, 149, 205, 326, 336, 354
- Вавилова Александра Михайловна (урожд. Постникова, 1868–1938) – мать С.И. Вавилова. 108, 142, 149, 211, 212, 374, 442, 445, 447, 465, 502, 505, 506, 591, 592

- Вавилова Екатерина Николаевна (урожд. Сахарова, 1887–1963) – агроном, педагог, референт. Жена Н.И. Вавилова в 1912–1921 гг. 270, 354
- Вавилова Лидия Ивановна (1893–1914) – микробиолог. Сестра С.И. Вавилова. Жена экономиста Н.П. Макарова. 74, 108, 142, 143, 149, 220, 324–326, 328–331, 333, 334, 336, 344, 349, 350, 354, 367, 374, 444, 474, 480, 502, 506, 583, 590, 591
- Валентинер Зигфрид (Valentiner R.W.S., 1876–1971) – немецкий физик. Доктор философии Гейдельбергского ун-та (1900). В 1910–1947 гг. профессор физики Горной академии в Клаустале. 116
- Ван Дейк Антонис (Dyck A. van, 1599–1641) – фламандский художник. 182, 184
- Ванни Андреа (Vanni A., ум. в 1414 г.) – итальянский художник и политический деятель г. Сиены. 179
- Варламов – знакомый С.И. Вавилова. 481
- Вархолowna Ольга (Warholowna O.) – хозяйка из Низко (Царство Польское Российской империи). 278, 279
- Васильев Борис Н. (1890 – после 1950) – троюродный брат С.И. Вавилова по материнской линии. 51
- Васильев – родственник С.И. Вавилова по материнской линии. 212
- Ватто Антуан (Watteau J.A., 1684–1721) – французский художник. 179, 384, 481
- Вейгерт Фриц (Weigert F., 1876–1947) – немецкий физик. Окончил Берлинский ун-т (1899). Работал там же с 1908 г. приват-доцентом. В 1914–1935 гг. – профессор фотохимии и научной фотографии Лейпцигского ун-та. С 1936 г. – директор Физико-химического департамента Ин-та исследования рака в Норвуде (Великобритания). 150
- Веласкес Родригес де Сильва Диего (Velasquez Rodrigez de Silva, 1599–1660) – испанский художник. 182, 204
- Вельц (ок. 1890–?) – соученик С.И. Вавилова по Московскому коммерческому училищу. Сын воспитателя училища Евгения Романовича Вельца. 39
- Вендорф – ротмистр в отставке. Житель местечка Савичи. 492, 493, 498, 500, 512, 514, 564
- Вентури Адольфо (Venturi A., 1856–1941) – итальянский историк искусства. 205
- Вера – сестра милосердия. 480, 481
- Вергилий (Vergilius, 70–19 до н.э.) – римский поэт. 45, 48, 82
- Верди Дж. (Verdi G., 1813–1901) – итальянский композитор. 198
- Верлен Поль (Verlain P., 1844–1896) – французский поэт. 101
- Вермеер Ян (Vermeer J., 1632–1675) – голландский живописец. 156, 187, 195
- Верн Жюль (Verne J.G., 1828–1905) – французский писатель, географ. 310, 408, 409
- Вернон Ли (Vernon Lee; наст. имя Вайолет Паже, Violet Paget, 1856–1935) – английская писательница, переводчица. 482
- Веронезе Паоло (Veronese P., 1528–1588) – итальянский живописец венецианской школы. 125, 127, 136, 140, 164–166, 168, 169, 171, 182, 188, 283
- Верроккьо Андреа дель (Verrocchio A. del, 1435–1488) – итальянский ювелир, скульптор, живописец. 187, 188, 199
- Верховный Главнокомандующий (до 23 августа 1915 г.) – см. Николай Николаевич (младший) Романов.
- Верховный Главнокомандующий (после 23 августа 1915 г.) – см. Николай II.
- Верховцев Геннадий (1887–?) – друг Н.И. Вавилова, а затем С.И. Вавилова. Долгое время жил в семье Вавиловых. 51, 80, 81, 108, 116, 208, 210, 213, 305, 318, 355, 401, 409
- Вильгельм I (1797–1888) – германский император (кайзер) с 1871 г. 286, 457
- Вильгельм II (1859–1941) – германский император и прусский король в 1888–1918 гг. 286, 306, 359, 429, 445
- Вин Вильгельм (Wien W., 1864–1928) – немецкий физик. Чл.-корр. Берлинской АН. Лауреат Нобелевской премии (1911 г.). Окончил Берлинский ун-т (1886). В 1890–1902 гг. – ассистент Г. Гельмгольца в Физико-техническом ин-те (Берлин), в 1900–1920 гг. – профессор Вюрцбургского, в 1920–1928 гг. – Мюнхенского ун-тов. Работы по теории теплового излучения, оптике, термодинамике, гидродинамике. 229
- Виноградов Николай Иванович (1860–1918) – педагог, писатель. Автор романа и нескольких эссе. Писал под псевдонимом Н. Раменский. Преподавал русский язык и литературу в Московском коммерческом училище, затем директор 3-й мужской гимназии (Москва). 35, 339, 535
- Витковский – техник, сослуживец С.И. Вавилова. 457–459, 460, 462
- Витоль – прапорщик, сослуживец С.И. Вавилова. 494

- Витте Ганс (Witte H., 1881–1922/1924) – немецкий физик. Приват-доцент Высшей технической школы в Брауншвейге. 510
- Витторио (Виктор Эммануил) Эммануэль II (Vittorio Emanuele II, 1820–1878) – король Сардинии (1849–1861) и первый король объединенной Италии с 14 марта 1861 г. 129, 131, 135, 161, 173, 175, 180, 185
- Владимир Святославич (Святой Владимир) (ок. 960–1015) – князь. 270, 572
- Войлошникова Александра Ивановна – учительница, совладелица частной начальной школы на Малой Грузинской, в которой учился С.И. Вавилов. Соседка Вавиловых по Пресне. 208
- Войлошникова Варвара Ивановна (ум. в 1902 г. или 1903 г.) – соучредительница и педагог частной начальной школы на Пресне (Москва); первая учительница С.И. Вавилова. Сестра А.И. Войлошниковой. 307
- Волынский Аким Львович (наст. фамилия Флексер, 1863–1926) – литературный критик, литературовед, искусствовед. 136
- Вольта Алессандро (Volta A., 1745–1827) – итальянский физик, химик, физиолог. Член Лондонского королевского об-ва и Парижской АН. 162
- Вольтер (Voltaire, 1694–1778) – французский философ-просветитель XVIII века, поэт, прозаик, историк, публицист. 393
- Вонлярлярские – старинный дворянский род (от немецко-польского: фон Ляр-Лярские; также Вонлярские), одно из поместий которых находилось в пос. Козеницы Радомской губернии. 388
- Воробьев (ок. 1889–?) – соученик С.И. Вавилова по Московскому коммерческому училищу. 39
- Воронин Степан Александрович (1858–1926) – генерал-лейтенант. 361
- Врангель Николай Николаевич (1880–1915) – искусствовед, младший брат П.Н. Врангеля. 305
- Врубель Михаил Александрович (1856–1910) – художник. 307
- Вуазен Габриэль (Voisen G., 1880–1973) – французский пионер авиации, конструктор. 568
- Вуд Роберт (Wood R., 1868–1955) – американский физик-экспериментатор. Член Национальной АН (1912), иностранный член АН СССР (1930), почетный член многих других академий наук и научных обществ. 116
- Выжга – хозяин поместья (Царство Польское). 236
- Вьяльцева Анастасия Дмитриевна (1871–1913) – популярная певица, исполнительница цыганских романсов. 457
- Вятлин Павел Иванович (ум. в 1947 г.) – сослуживец С.И. Вавилова по армии. Затем служил в Красной армии. По-видимому, поддерживал связь с С.И. на протяжении всей своей жизни. (См. Дневники С.И. Вавилова. Кн. 2). 255, 311, 317–320
- Гааз Федор Петрович (1780–1853) – московский врач и филантроп. 481
- Габер-Вльнский Адам Мечиславович (1883–1921) – польский авиатор. Летному мастерству обучался во Франции. Работал как летчик-испытатель. 289
- Гайдн Йозеф (Haydn J., 1732–1809) – австрийский композитор. 193
- Галилей Галилео (Galilei Galileo, 1564–1642) – итальянский физик, механик и астроном, один из основателей естествознания Нового времени. 78, 90, 92, 96, 103, 126, 139, 175, 196, 197, 199–201, 208
- Галкин Михаил Сергеевич (1866–1920) – полковник, начальник штаба 46-й пехотной дивизии, затем исполняющий должность начальника штаба 25-го армейского корпуса. 275, 280
- Ганибал (247–183 до н.э.) – карфагенский полководец. 333
- Гарибальди Джузеппе (Garibaldi G., 1807–1882) – народный герой Италии. 173, 385
- Гарофало – см. Тизи Б.
- Гартинг – жена инженера из польского местечка Песочная. 458, 460
- Гаусс Карл Фридрих (Gauss C.F., 1777–1855) – немецкий математик, астроном, геодезист. 139, 151, 200, 233, 249, 393
- Гауфф Вильгельм (Hauff W., 1802–1827) – немецкий писатель. 583
- Гварди Франческо (Guardi Fr., 1712–1793) – итальянский художник, представитель венецианской школы. 163, 173, 189
- Гвасто (Guasto) – не удалось установить, о ком идет речь. 179
- Гейгер Ханс Вильгельм (Geiger H.W., 1882–1945) – немецкий физик-экспериментатор. Член Берлинской АН (1937), Академии «Леопольдина» (1935). 206
- Гей-Люссак Жозеф-Луи (Gay-Lussac J.-L., 1778–1850) – французский химик и физик. 218, 220, 344, 535

- Гейне Генрих (Heine H., 1797–1856) – немецкий поэт и публицист. 181, 341
- Геккель Эрнст (Haeckel E., 1834–1919) – немецкий зоолог, философ, пропагандист учения Ч. Дарвина.
- Гельмгольц Герман (Helmholtz G., 1821–1894) – немецкий естествоиспытатель. Член Петербургской АН (1868), Берлинской АН (1871) и многих других академий и научных обществ. 209, 396
- Генаша, Геннадий – см. Верховцев Г.
- Георгий Александрович (1871–1899) – великий князь, третий сын Александра III, брат Николая II. 470
- Гёльдерлин Иоганн Христиан Фридрих (Hölderlin J.C.F., 1770–1843) – немецкий поэт. 391
- Гёте Иоганн Вольфганг фон (Goethe J.W., 1749–1832) – немецкий писатель, поэт, государственный деятель, мыслитель и естествоиспытатель. Почетный член Петербургской АН (1826). 88, 10–102, 106, 109, 113, 119, 127, 139, 141, 142, 147, 154, 157, 181, 197, 204, 215, 233, 264, 289, 294, 295, 310, 316–319, 332, 353, 356, 364, 365, 395, 396, 398, 400, 406, 407, 411, 465, 468, 486, 495, 526
- Гинденбург Пауль фон (Hindenburg P.L.H.A. von, 1847–1934) – германский военный и государственный деятель, генерал-фельдмаршал (1914). С конца августа 1914 г. командовал 8-й германской армией в Восточной Пруссии, с ноября войсками всего Восточного фронта, с августа 1916 г. начальник Генштаба, фактически главнокомандующий. С 1925 г. – президент Германии. 530, 548, 562–564
- Гиппиус Владимир Васильевич (1876–1941) – поэт, литературовед. 486
- Гирляндай – см. Гирляндайо
- Гирляндайо Доменико (Ghirlandaio D., 1449–1494) – итальянский художник. 181–183, 186, 190, 192, 194, 196
- Гиршман – московский купец(?), уполномоченный в русской армии в 1915–1916 гг. 498
- Глокеро Арриго (Glocher A.) – не удалось установить, о ком идет речь. 175
- Гоголь Николай Васильевич (1809–1852) – писатель. 33, 42–46, 48, 97, 131, 150, 376, 493, 514, 547, 573
- Гойя Франсиско (Goya Fr., 1746–1828) – испанский художник, гравёр. 476
- Головин (погиб в 1914 г.) – однополчанин С.И. Вавилова. 243
- Голомудько – солдат из подразделения С.И. Вавилова. 439
- Голубчиков (ок. 1891–1914) – соученик С.И. Вавилова по Московскому коммерческому училищу. Убит на Первой мировой войне. 39
- Гольбейн Ганс Младший (Holbein G., 1497–1543) – немецкий живописец. 137
- Гольдгаммер Дмитрий Александрович (1860–1922) – физик, геофизик. Окончил Московский ун-т (1882). В 1885–1887 гг. работал у А. Кундта в Страсбурге, с 1887 г. – в Московском ун-те. С 1893 г. – профессор Казанского ун-та (в 1916–1917 гг. – ректор). Работы по электромагнетизму, оптике, метеорологии. 229
- Гомер (Hómēros) – легендарный древнегреческий поэт, автор «Илиады» и «Одиссеи». 87, 88, 169, 251, 354
- Гончарова Наталья Сергеевна (1881–1962) – художник. 417
- Гораций Флакк (Nogatius F., 65–8 до н.э.) – римский поэт. 45, 48, 49
- Горбатовский Владимир Николаевич (1851–1924) – генерал от инфантерии, командир 19-го армейского корпуса. 238, 248, 249
- Горбунов Иван Федорович (1831–1895) – писатель и актер. 251
- Гордейчук (ум. не ранее 1948) – телеграфист телеграфной роты 25-го саперного батальона, в котором С.И. Вавилов воевал в 1914–1915 гг. 250, 286
- Гордин Яков Михайлович (1853–1909) – еврейский драматург. 451
- Гордичук – см. Гордейчук.
- Горемыкин Иван Логгинович (1839–1917) – государственный деятель. Председатель Совета министров Российской империи в 1914–1916 гг. 502
- Горкуша – солдат из подразделения С.И. Вавилова. 376
- Горшков Сергей Николаевич (1890–?) – соученик С.И. Вавилова по Московскому коммерческому училищу. Окончил его в 1910 г. Учился на естественном отделении физико-математического факультета Московского ун-та (1910–1914). 39
- Горячев (ок. 1891–?) – соученик С.И. Вавилова по Московскому коммерческому училищу. 39
- Государыня – см. Александра Федоровна.
- Гофман – богатый минский еврей, у которого квартировал С.И. Вавилов. 536
- Гофман – житель Варшавы. 413

- Гофман Эрнст (Hoffmann E.T.A., 1776–1822) – немецкий писатель, композитор, художник романтического направления. 118, 141, 146, 471, 476, 584, 586
- Гоццолли Беноццо (Gozzoli B., 1420–1497) – итальянский художник. Работал преимущественно во Флоренции. Ученик Фра Анджелико. 191–193
- Гребенников – прапорщик, сослуживец С.И. Вавилова. 507, 508, 523, 524, 529–533, 535
- Греко – см. Эль Греко.
- Григорович Дмитрий Васильевич (1822–1900) – писатель. 574
- Григорьев Аполлон Александрович (1822–1864) – поэт, критик. 472
- Громов Петр Иванович – мастер-механик. В 1905–1911 гг. работал в Физическом ин-те Московского ун-та. После разгрома ун-та работал в лаборатории П.Н. Лебедева в Мертвом переулке, в 1919–1931 гг. – в Ин-те физики и биофизики. 119
- Грум–Гржимайло Михаил Ефимович (1861–1921) – военный, путешественник, изобретатель; специалист по армейскому снаряжению. 441
- Гурко Василий Иосифович (1864–1937) – генерал, в конце 1916 г. командовал Особой армией. 566, 576
- Гурьев Иван (ок.1891–?) – соученик С.И. Вавилова по Московскому коммерческому училищу. 41
- Гучков Александр Иванович (1862–1936) – политический деятель, лидер партии «Союз 17 октября». Депутат Государственной думы (1907–1912). Председатель III Государственной думы (1910–1911). 62, 82
- Гучков Николай Иванович (1860–1935) – предприниматель, политический и общественный деятель. Окончил Московский ун-т (1886). В 1905–1913 гг. московский городской голова. Непременный член Совета Московского коммерческого училища. В 1908 г. содействовал открытию Народного ун-та им. А.Л. Шанявского. До 1911 г. совладелец торгового дома «Ефима Гучкова сыновья». С 1920 г. – в эмиграции. 45, 46, 82
- Гуйю Альбер (Guyot A., 1881–1947) – французский авиатор. Первый летчик, совершивший полет на аэроплане в Петербурге (октябрь–ноябрь 1909 г.). Затем переехал в Москву, где также выполнил несколько демонстрационных полетов. В дальнейшем занялся автоспортом, работал в фирме Ситроен. 61
- Давидов Август Юльевич (1823–1885) – математик, педагог. Окончил Московский ун-т (1845). С 1850 г. читал лекционные курсы там (с 1853 г. – экстраординарный, с 1859 г. – ординарный профессор). Один из учредителей Московского математического общества. Автор многих учебников по математике, в том числе для средних учебных заведений. 206
- Дандоло Маттео (Dandolo M., XVI в.) – венецианский дипломат. 75
- Д’Аннунцио Габриэле (d’Annunzio G., 1863–1938) – итальянский поэт, писатель. 200
- Данте Алигьери (Dante A., 1265–1321) – итальянский поэт, один из создателей литературного итальянского языка. 178, 181, 183, 187, 196, 197, 200, 212, 213, 256, 349, 468, 492
- Дантес Жорж (d’Anthès, 1812–1895) – французский монархист. В 1830-е гг. жил в России. Смертельно ранил А.С. Пушкина на дуэли (1837). Сенатор Франции при Наполеоне III. 251
- Дарвин Чарльз Роберт (Darwin Ch.R., 1809–1882) – английский естествоиспытатель. Основоположник учения об эволюционном развитии органического мира (дарвинизм). 69, 76, 300
- Дебьерн Андре-Луи (Debierne A.-L., 1874–1949) – французский физик и химик, первооткрыватель химического элемента актиний (1899). 505
- Дедюхина (?–1912) – знакомая С.И. Вавилова. 142
- Декарт Рене (Descartes R., 1596–1650) – французский математик, философ, физик и физиолог, создатель аналитической геометрии и современной алгебраической символики. 254
- Делаван Пабло (Delavan P.T.) – аргентинский астроном. Открыл в конце 1913 г. комету, наблюдавшуюся в течение нескольких месяцев, т.н. «комету войны». 290, 296, 422, 539
- Делла Робиа (Della Robia) – семья итальянских скульпторов: Лука (1399/1400–1482), его сын Джованни (1469–1529), его племянник Андреа (1435–1528). 190
- Демокрит из Абдеры во Фракии (ок. 470/60–360-е гг. до н.э.) – древнегреческий философ, основоположник атомистического учения. 118
- Демосфен (Δημοσθένης, ок. 384–322 до н.э.) – афинский оратор и политический деятель. 30
- Державин Гаврила Романович (1743–1816) – поэт. 97
- Джамбеллино – см. Беллини Джованни
- Джамболонья, или Джованни Болонья (Giambologna, Giovanni Bologna, 1529–1608). Настоящее имя Жан Булонь (Jean de Boulogne) – фламандский скульптор, работавший преимущественно во Флоренции. 173

- Дженга Джироламо (Genga G., 1476–1551) – итальянский архитектор и художник. Друг Рафаэля. 180, 198
- Джентиле да Фабриано (Gentile da Fabriano, ок. 1370–1427) – итальянский художник. Работал в Риме и Флоренции. 199
- Джованни ди Падова (Giovanni di Padova) – итальянский художник. 179
- Джорджоне (Giorgione, ок. 1477–1510) – итальянский живописец, представитель венецианской школы, один из основоположников искусства Высокого Возрождения. 125–127, 130, 136, 139–141, 145, 148, 155, 165–169, 171, 173, 174, 182, 187–189, 192, 194–196, 198–205, 207, 211, 250
- Джотто ди Бондоне (Giotto di Bondone, 1266/1267–1337) – итальянский живописец, скульптор, архитектор. 126, 127, 165, 166, 177, 181, 183, 186, 191, 194–198
- Дмовский – хозяин поместья (Царство Польское). 254
- Докторович – корнет, сослуживец С.И. Вавилова по гвардейской кавалерийской дивизии. 557
- Дольче – см. Дольчи К.
- Дольчи Карло (Dolci C., 1616–1686) – итальянский художник. Работал во Флоренции. 136, 180, 199
- Доменико Венециано (Domenico V., до 1410–1461) – итальянский живописец. Работал преимущественно во Флоренции (с 1439 г.). Учитель Пьеро делла Франческа. 155, 199
- Донателло (Donatello, наст. имя Донато ди Никколо ди Бетто Барди; 1386–1466) – итальянский скульптор флорентийской школы. 127, 165, 178, 191, 192, 196
- Дони Аньоло (Doni A., II половина XIV–I половина XV в.) – богатый торговец тканями во Флоренции. 182, 184
- Дони Маддалена, урожденная Строцци (Doni M.) – жена А. Дони. 182, 184
- Доницетти Гаэтано (Donizetti G., 1797–1848) – итальянский композитор. Автор опер и комических опер. 174
- Досси Джованни Лютери по прозвищу Доссо (Dossi G.L., ок. 1489–1542) – итальянский художник. Работал преимущественно в Ферраре. 175
- Достоевский Федор Михайлович (1821–1881) – писатель, чл.-корр. Петербургской АН (1877). 33, 37, 50, 51, 81, 85, 97, 118, 122, 146, 215, 476, 544, 588
- Дрейфус Альфред (Dreyfus A., 1859–1935) – французский офицер, несправедливо обвиненный в государственной измене (1894). Только в 1906 г. был признан невиновным. 470
- Друде Пауль (Drude P., 1863–1906) – немецкий физик. Профессор Лейпцигского (с 1894 г.), Гисенского (с 1900 г.) и Берлинского (с 1905 г.) ун-тов. Основные труды по приложениям классической электронной теории. 116, 119
- Дубинин Алексей Яковлевич – учитель музыки. Домовладелец. В его доме в начале 1890-х годов квартировала семья Вавиловых. Около 1894 г. они купили у него этот дом. 38
- Дурасов (ум. в 1914 г.) – поручик, однополчанин С.И. Вавилова по телеграфной роте. 230, 241, 244, 409
- Д’Эсте Леонелло (d’Este L.) – член семьи герцога Феррары, Модены и Реджии. 136
- Дьюар Джеймс (Dewar J., 1842–1923) – английский физик и химик. 572
- Дюма Александр (Dumas-pere A., 1802–1870) – французский писатель (Дюма-отец). 87, 88, 142, 343, 532–533, 454, 472
- Дюрер Альбрехт (Durer A., 1471–1528) – немецкий живописец, график и гравер. 137, 190, 198, 209
- Дюруа – генерал-квартирмейстер штаба гвардии, полковник. 546
- Дягилев – сослуживец С.И. Вавилова по гвардейской кавалерийской дивизии. 560
- Евгеньичи – см. А.Е. и Н.Е. Успенские.**
- Евклид (ок. 340–ок. 287 до н.э.) – математик эпохи эллинизма. 195
- Евсеев – поручик, сослуживец С.И. Вавилова. 348
- Евсеев Иван Евсеевич (1865–после 1947) – учитель рисования в Коммерческом училище, где учился С.И. Вавилов. Известны экскурсионные поездки С.И. Вавилова с И.Е. Евсеевым в Новгород, Ярославль, Кострому, Крым; с ним же Сергей Иванович впервые посетил Италию. Евсеев активно сотрудничал с журналом «Известия об-ва преподавателей графических искусств», который выходил с 1907 г. 49, 50, 52–54, 80, 88, 113, 114, 143, 153, 156, 157, 162, 163, 171, 185, 197, 207, 208, 225–227, 231, 249, 286, 299, 300, 366, 375, 503–505, 591
- Евсейч – см. Евсеев И.Е.
- Егер (Йига) Густав (Jager G., 1865–1938) – австрийский физик. Окончил Венский ун-т (1888). Работал там в 1897–1905 гг. и там же профессор с 1918 г. Написал учебник «Теоретической физики» в шести томах. До 1930 г. вышло 6 изданий этого труда. 478

- Егоров (ок. 1891–?) – соученик С.И. Вавилова по Московскому коммерческому училищу. 40
- Ежик – солдат из подразделения С.И. Вавилова. 376
- Е.Н., Ек. Ник. – см. Вавилова Е.Н.
- Екатерина II (1729–1796) – российская императрица с 1762 г. 451
- Екатерина Николаевна – см. Вавилова Е.Н.
- Елизавета Петровна (1709–1762) – российская императрица с 1741 г. Дочь Петра I. 573
- Ефремов – прапорщик, знакомый С.И. Вавилова. 553
- Ечеистов – знакомый С.И. Вавилова. 268
- Жерве Владимир Федорович** (1872–не ранее 1917) – в 1916 г. полковник, заведующий радио-телеграфом Западного фронта. 535, 538, 544, 564
- Жозефина Богарне (Joséphine de Beauharnais, 1763–1814)** – императрица Франции в 1804–1809 гг., первая жена Наполеона I. 373
- Жох** – волостной старшина в деревне Огородники. 450
- Жуковский Василий Андреевич** (1783–1852) – поэт. 155, 456
- Жуковский Николай Егорович** (1847–1921) – механик, основоположник современной аэродинамики. Чл.-корр. Петербургской АН (1894). Организатор и первый руководитель (с 1918 г.) ЦАГИ. 200, 275
- Зайц Рудольф, фон (Seitz R. von, 1842–1910)** – немецкий рисовальщик, иллюстратор. 364
- Замойский** – польский граф, хозяин поместья в Леженице. 392
- Замойский Владислав (Zamoyski W.S., 1803–1868)** – польский государственный и военный деятель, дипломат. 417
- Зверев** – хорунжий, сослуживец С.И. Вавилова по гвардейской кавалерийской дивизии. 553, 557, 560
- Зейдлиц** – см. Зайц.
- Зелинский Фаддей Францевич** (1859–1944) – филолог-классик. 395, 398
- Зина** – знакомая С.И. Вавилова в Куренце. 525
- Зина** – знакомая С.И. Вавилова в Минске. 519
- Зоммерфельд Арнольд (Sommerfeld A.J.W., 1868–1951)** – немецкий физик-теоретик. Основатель мюнхенской школы теоретической физики. Чл.-корр. Берлинской АН (1920), иностранный член АН СССР (1929). Также член многих других академий наук и научных обществ. 206
- Зяблов** – однополчанин С.И. Вавилова. 244, 258, 259, 275
- Ибсен Генрик (Ibsen H.J., 1828–1906)** – норвежский драматург. 84, 137
- Иван Евсеевич** – см. Евсеев И.Е.
- Иван Грозный** (1530–1584) – великий князь (с 1533 г.), русский царь (с 1547 г.). 461
- Иванов Александр Андреевич** (1806–1858) – художник. 480
- Иванов Вячеслав Иванович** (1866–1949) – поэт-символист, философ, переводчик, драматург, литературный критик. 503
- Ивашкевич** – офицер 25-го батальона. 511
- Игнатьев Николай Николаевич, граф** (1872–1962) – генерал-майор, исполняющий должность начальника штаба войск Гвардии (с 17.05.1916). 558
- Иисус Христос** – основатель христианства. 136, 168, 173, 180, 186, 224, 337, 267, 366, 399, 480.
- Иловайский Дмитрий Иванович** (1832–1920) – историк, публицист. В 1860–1890-е годы издавал учебники по российской и всеобщей истории для средних учебных заведений. В 1897–1916 гг. редактор-издатель крайне правой литературно-политической газеты «Кремль». 91, 227, 303
- Ильин Борис Владимирович** (1888–1964) – физико-химик. Окончил Московский ун-т (1910). Работал в лаборатории П.Н. Лебедева под руководством П.П. Лазарева. С 1911 г. работал в ун-те им. Шанявского. Затем стажировался в Лейдене у В. Кеезома. С 1914 г. занимался вопросами радиотелеграфии. Участник Первой мировой войны. В 1920–1932 гг. работал в Ин-те биологической физики (с 1925 г. – Ин-т физики и биофизики), затем создал физико-химическую лабораторию в Ин-те строительных материалов, заведовал кафедрой физической химии в Московском текстильном ин-те. С 1940 г. – профессор МГУ. 573
- Ильин Николай Ерменъельдович (Ермолаевич)** (ок. 1891–?) – соученик С.И. Вавилова по Московскому коммерческому училищу, инженер. Работал в Центральном НИИ торфяной промышленности (Москва). 40, 41

- Илюша – см. Вавилов Илья Иванович.
- Иммерманн Карл Лебрехт (Immermann K.L., 1796–1840) – немецкий писатель. 342, 434, 443
- Ингирами Томмазо (Inghirami T., 1470–1516) – кардинал, ученый-гуманист. 182
- Иоанн Кронштадтский (настоящее имя Иван Ильич Сергиев; 1829–1908) – священник, настоятель Андреевского собора в Кронштадте; проповедник, духовный писатель, общественный деятель правоконсервативных монархических взглядов. 440, 457, 482
- Иодко – хозяин имения, художник, агроном из польского местечка Песочная. 458, 460
- Ипатьев Александр Николаевич (1911–1969) – биолог. Чл.-корр. АН БССР. Сын А.И. Ипатьевой (Вавиловой), племянник С.И. Вавилова. 209
- Ипатьев Николай Александрович? – первый муж А.И. Ипатьевой (Вавиловой), отец двух ее детей. Из дворян, компаньон Ивана Ильича Вавилова. Работал в Ростове-на-Дону. 208, 209
- Ипатьева Александра Ивановна (урожд. Вавилова, 1886–1940) – врач. Доктор медицинских наук. Окончила Московские высшие женские медицинские курсы, обучение в которых проходило по программе медицинских факультетов императорских ун-тов. С 1917 г. работала сельским врачом в Алабине (Подмосковье), с 1921 г. в Москве. С этого времени предмет ее исследований – бактериология. Сестра С.И. Вавилова. Вторым браком за Василием Тимофеевичем Костиным. 149, 209
- Ипатьева Татьяна Николаевна (1909–1978) – дочь А.И. Ипатьевой. Окончила Ветеринарную академию. Работала в ветеринарной лаборатории на Пресне, затем на мясокомбинате им. А.И. Микояна (Москва). 209
- Каблук – см. Каблуков И.А.
- Каблуков Иван Алексеевич (1857–1942) – физикохимик. Окончил Московский ун-т (1880). С 1884 г. работает там же (с 1903 г. – профессор). Почетный член АН СССР (1932). Работы по физико-химической теории растворов, термехимии, неорганической химии. Автор учебников по химии. 82, 83, 100, 222
- Кавачи (Cavaci) – не удалось установить, о ком идет речь. 175
- Каган – солдат из подразделения С.И. Вавилова. 376
- Казанова Джакомо (Casanova G., 1725–1798) – итальянский авантюрист, путешественник и писатель, автор мемуаров. 225, 227, 228, 229, 233, 264, 266, 312, 344
- Каледин Алексей Максимович (1861–1918) – генерал, с весны 1916 г. командующий 8-й армией. 569
- Калинин – прапорщик, сослуживец С.И. Вавилова. 549, 551, 574, 581, 584
- Канкрин – сослуживец С.И. Вавилова по гвардейской кавалерийской дивизии. 552
- Каннингем Элмер Т. (Cunningham E.T., ум. не ранее 1921) – английский математик. Работал в Лондонском ун-те. 548
- Канова Антонио (Canova A., 1757–1822) – итальянский скульптор-классицист. 170
- Кант Иммануил (Kant E., 1724–1804) – немецкий философ, родоначальник немецкой классической философии. Иностранный почетный член Петербургской АН (1794). 61, 81, 105
- Карамзин Николай Михайлович (1766–1826) – историк, литератор. 456
- Карандин – не удалось установить, о ком идет речь. 163
- Караччи (Caracci) – семья болонских художников XVI–XVII вв.: Агостино (1557–1602) – художник; Анибале (1560–1609) – живописец и скульптор; Людовико (1555–1619) – художник, основал Болонскую академию (1582). 176, 186
- Карно Сади (Carnot N.L.S., 1796–1832) – французский физик и математик. 308
- Карпаччо Витторе (Carpaccio V., 1455/1456–1525/1526) – итальянский художник. Ученик Джованни Беллини. 175
- Карпович – один из двух офицеров (второй – Быков), совершивших спуск на воздушном шаре в Профау летом 1913 г. 204–206
- Каррачи – см. Караччи
- Кассо Лев Аристидович (1865–1914) – юрист, государственный деятель. В 1910–1914 гг. министр народного просвещения. 117
- Кастаньо Андреа дель (Castagno A. del, 1410–1457) – итальянский живописец. 186, 189, 194, 195
- Катена Виченцо (Catena V., ок. 1470–1531) – итальянский художник. Работал в Венеции. 201, 203
- Катон Старший (Cato Superior, 234–149 до н.э.) – римский консул 195 г. до н.э., цензор 184 г. до н.э. Стронник войны с Карфагеном. 72
- Кельвин – см. Томсон У.
- Кеплер Иоганн (Kepler J., 1571–1630) – немецкий математик, астроном, оптик и астролог. 561, 576

- Керженевский – см. Коржениовский
- Кехель – поручик, сослуживец С.И. Вавилова. 424
- Китченер Герберт (Kitchener H.N., 1850–1916) – английский военный деятель, фельдмаршал. Военный министр Великобритании в 1914–1916 гг. 538
- Клейст (Kleist) – не удалось установить, о ком идет речь. 206
- Клингер Фридрих Максимилиан фон (Федор Иванович) (Klinger F.M., von, 1752–1831) – немецкий поэт и драматург. Генерал российской армии. 106
- Ковалевская Софья Васильевна (1850–1891) – математик и механик. 294, 295, 496
- Ковальский – техник, сослуживец С.И. Вавилова. 470, 472–474, 477, 480
- Козлов – сослуживец С.И. Вавилова. 483, 484
- Козырев Константин Николаевич (ум. в 1918 г.) – педагог, коллекционер. В 1898–1905 гг. директор Московского коммерческого училища. Один из инициаторов создания Московского об-ва любителей астрономии, а затем его член. В 1913 г. пожертвовал Костромскому музею коллекцию гравюр (более 4000 листов). 535
- Козьма Александр Иванович (1871–?) – полковник, командир радиодивизиона в Двинске. 573
- Койранский Александр Арнольдович (1884–1968) – литератор, журналист, театральный критик, искусствовед. Окончил юридический факультет Московского ун-та. Учился в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. После революции – в эмиграции. Редактор первого издания книги К.С. Станиславского «Моя жизнь в искусстве» (Бостон, 1924). 215
- Коллеони Бартоломео (Colleoni B., 1400–1476) – итальянский кондотьер. Большую часть жизни провел на службе у Венеции. По его завещанию и на его деньги в Венеции в 1496 г. ему был воздвигнут памятник (скульптор А. Верроккьо). 147, 165
- Колокольников – подпоручик, сослуживец С.И. Вавилова. 422
- Комаровская – польская помещица. 274
- Комиссаржевская Вера Федоровна (1864–1910) – актриса. В 1904 г. создала свой театр. 97
- Константин I, или Константин Великий, Флавий Великий (Flavius Valerius Constantinus Magnus, ок. 285–337 гг.) – римский император в 306–337 гг. 195
- Контарени Гаспар (Contareni G., 1483–1542) – итальянский дипломат, ученый, теолог. 75
- Корженевский – см. Коржениовский.
- Коржениовский – подпоручик, сослуживец С.И. Вавилова. 488, 500, 501, 507, 512, 515–518, 520, 522, 523, 528–530, 540
- Кормер М. (ок. 1887–?) – военный врач. Товарищ Н.И. Вавилова. 380
- Корреджо – см. Корреджо
- Корреджо (Correggio, наст. имя Антонио Аллегри, ок. 1489 или 1494–1534) – итальянский художник. 203
- Косминов – однополчанин С.И. Вавилова в 1914 г. 244
- Косса Франческо дел (Cossa F. del, ок. 1436–1478) – итальянский художник. 175
- Коста Лоренцо (Costa L., ок. 1460–1535) – итальянский художник. После Мантеньи занял место художника при дворе герцога Гонзаго в Мантуе. 176
- Костя Леонтьев – см. Леонтьев К.А.
- Коханов Николай Васильевич (1854–?) – генерал-лейтенант, инспектор артиллерии 25-го армейского корпуса, затем 4-й армии. 448
- Красавин – не удалось установить, о ком идет речь. 151
- Кривокобыла – солдат из подразделения С.И. Вавилова. 377
- Крылов Иван Андреевич (1769–1844) – писатель, драматург, баснописец. 587
- Крэмб Джон Адам (Cramb J.A., 1862–1913) – британский историк и публицист. 475, 476
- Крючков Козьма Фирсович (1890–1919) – донской казак, первым с начала войны был награжден георгиевским крестом, стал характерным «лубочным» персонажем того времени. 355
- Кузьмичев (ок. 1890–?) – соученик С.И. Вавилова по Московскому коммерческому училищу. 40, 43
- Курепин – соученик С.И. Вавилова по Московскому университету. 144
- Курников Иван (Иванович?) (ок. 1891–?) – соученик С.И. Вавилова по Московскому коммерческому училищу. Сын главы известной торговой фирмы. 40
- Куропаткин Алексей Николаевич (1848–1925) – генерал. В 1898–1904 гг. военный министр России. В русско-японскую войну (1904–1905) главнокомандующий русской армией в Маньчжурии. В Первую мировую войну командовал Северным фронтом (1914–1916). 483, 490
- Кутузов Михаил Илларионович (1745–1813) – генерал-фельдмаршал, полководец. Командующий русской армией во время Отечественной войны 1812 г. 244, 316

- Кюри Пьер (Curie P., 1859–1906) – французский физик, один из первых исследователей радиоактивности. Работы также по физике кристаллов и магнитным свойствам твердого тела. Член Французской АН (1905). Нобелевская премия по физике совм. с М. Склодовской-Кюри и А. Беккерелем (1903). 442
- Лазарев Пётр Петрович (1878–1942) – биофизик, физик и геофизик. Академик РАН/АН СССР (1917). Окончил Московский ун-т по двум специальностям – медицине и физике (1901, 1903). С 1903 г. работал в лаборатории П.Н. Лебедева, с 1907 г. также преподавал там. Работал и в других вузах Москвы. Ушел из ун-та вместе с более чем 100 профессорами и преподавателями в марте 1911 г. Остался в Лебедевской лаборатории, находившейся уже при Народном ун-те им. А.Л. Шанявского. В 1919 г. создал Ин-т биологической физики (впоследствии Ин-т физики и биофизики), закрытый в марте 1931 г. сразу после его ареста. Вернулся в Москву в феврале 1932 г. и назначен зав. Биофизической лабораторией, переданной в 1938 г. из Всесоюзного ин-та экспериментальной медицины в ведение АН СССР. Организовал выпуск новых журналов, в частности в 1918 г. «Успехи физических наук». Стоял во главе Комиссии по исследованию Курской магнитной аномалии (1919–1926). Создал советскую школу биофизиков, сыграл значительную роль в организации советской науки. 121, 144, 148–150, 152, 206, 209, 217, 218, 220, 227, 299, 351, 353, 355, 371, 394, 401, 502, 505, 506, 508, 530, 535, 564, 565, 582, 584, 591
- Лаланд Жозеф Жером де (Lalande J.J. de, 1732–1807) – французский астроном, член Парижской АН (1753). 94
- Ландрин Федор Матвеевич (1817–1882) – русский фабрикант. 291
- Лаплас Пьер Симон (de Laplace P.S., 1749–1827) – французский астроном, физик, математик. Член Парижской (1795) и Петербургской (1802) академий наук. 78, 105
- Ласкер Эмануэль (Lasker E., 1868–1941) – немецкий шахматист и математик. Второй в истории чемпион мира по шахматам (1894–1921). Почетный член Ин-та математики АН СССР (1936). 519
- Лахтин Леонид Кузьмич (1863–1927) – математик. Доктор чистой математики Московского ун-та (1897). В 1889–1892 гг. преподавал в Московском ун-те, затем профессор Юрьевского (Дерптского), с 1896 г. – Московского ун-тов. В 1904–1905 гг. ректор, в 1912–1918 гг. – декан физико-математического факультета Московского ун-та. Ученик Н.В. Бугаева. 141
- Лебедев Петр Николаевич (1866–1912) – физик. Работал в Московском ун-те с 1892 г. (с 1900 г. – профессор). Его вступительная лекция по физике произвела глубокое впечатление на Вавилова-студента. Впервые измерил световое давление на твердые тела (1899) и на газы (1907), своей работой 1895 г. начал исследования физики субмиллиметрового диапазона. Создал первую школу физиков в России. 57, 122, 141, 142, 144, 148, 151, 152, 209, 214, 305, 326, 348, 498, 508, 523, 535, 564, 591
- Лев XII (в миру Аннибале, граф делла Дженга, 1760–1829) – папа римский с 1823 г. 408
- Леверье Урбен Жан Жозеф (Le Verrier U.J.J., 1811–1877) – французский астроном, предсказавший существование планеты Нептун. 563
- Левитан Исаак Ильич (1860–1900) – художник. 312
- Лежнев – сослуживец С.И. Вавилова. 357, 358
- Лейст Эрнест Егорович (1852–1918) – геофизик, метеоролог. Окончил Дерптский ун-т (1879). В 1879–1893 гг. работал в Екатерининском училище (Петербург), с 1880 г. – в Главной физической обсерватории Петербургской АН (параллельно с 1893 г. – профессор Петербургского ун-та). С 1894 г. работал в Московском ун-те (с 1899 г. – профессор). Работы по геомагнетизму, атмосферному электричеству, метеорологии. 291, 298
- Лейстикон Вальтер (Leistikow W., 1865–1908) – немецкий художник-пейзажист. 314
- Лелья – знакомая С.И. Вавилова в Кельцах. 350
- Ленау Николаус (Lenau N., 1802–1850) – австрийский поэт-романтик. 492, 495, 496
- Леонардо да Винчи (Leonardo da Vinci, 1452–1519) – итальянский художник, ученый, инженер. 106, 114, 127, 129, 130, 136, 139, 140, 145, 148, 163, 168, 169, 179, 180, 182, 186–189, 192, 195, 196, 198–201, 224, 250, 251, 253, 254, 264, 353, 395, 496, 529, 541, 562, 586
- Леонкавалло Руджеро (Leoncavallo R., 1858–1919) – итальянский композитор. 129
- Леонтьев Константин Александрович (1889–1932) – физик. Ученик П.Н. Лебедева. Окончил Московский ун-т (1911). Научную деятельность начинал в лаборатории П.Н. Лебедева под руководством П.П. Лазарева. С 1918 г. – профессор Саратовского ун-та. 148, 210, 286, 504
- Леонтьев Константин Николаевич (1831–1891) – религиозный философ, писатель, публицист. 118, 147, 185

- Леопольд Баварский, Леопольд Виттельсбах (L. von Wittelsbach, 1846–1930) – принц Баварский, германский военный деятель, генерал-фельдмаршал Баварии и Германской империи. Один из руководителей Восточного фронта. 548
- Лермонтов Михаил Юрьевич (1814–1841) – поэт, прозаик, драматург, художник. 33, 97, 229, 303, 345
- Лесаж Жорж Луи (Lesage G., 1724–1803) – швейцарский физик, чл.-корр. Парижской АН (1761). В 1784 г. построил механическую теорию тяготения. 347
- Лессинг Готтольд Эфраим (Lessing H.E., 1729–1781) – немецкий мыслитель, литературный критик, писатель. 106
- Леффлер Анна-Шарлотта (Leffler A. Ch., 1849–1892) – шведская писательница. 496
- Лжедмитрий I – царь московский в 1605–1606 гг. Происходил из боярского рода Отрепьевых. 274
- Ливий Тит (Livius T., 59 до н.э. – 17 н.э.) – римский историк. 45, 48, 49
- Лида – см. Вавилова Л.И.
- Лидерт Николай Федорович – владелец книжного магазина и библиотеки при нем. 477
- Линниченко (Линиченко) Николай Антонович – лаборант Варшавского политехникума (1910–1917). 286
- Липинский – управляющий фольварком Восники. 374, 375
- Липпи Лоренцо (из Флоренции) (Lippi L., 1606–1665) – итальянский художник и поэт. 187
- Липпи Филиппино – Филиппо Липпи, прозванный Филиппино Липпи (Lippi Filippino, 1460–1505) – итальянский живописец эпохи Возрождения. Работал во Флоренции и некоторое время в Прато и Риме. 136, 176, 183, 190, 198
- Лист Ференц (Liszt F., 1811–1886) – венгерский композитор, пианист, дирижёр, педагог, музыкальный писатель, общественный деятель. 185
- Литвинов Александр Иванович (1853–1932) – генерал от кавалерии, командир 5-го армейского корпуса. 249
- Лихтенберже Андре (Лиштенберже, Lichtenberger A., 1870–1940) – французский историк, публицист и писатель. 467
- Личинио Джанантонио (Licinio G., ок. 1515–1576) – венецианский художник. 173
- Л.Н. – неизвестный автор книги «Этюды» (1916). 488, 489
- Лобачевский Николай Иванович (1792–1856) – математик. Ректор Казанского университета (1827–1846). Создатель неевклидовой геометрии (геометрии Лобачевского). 96, 103, 251
- Лобоб – прапорщик, радист. 566
- Лодж Оливер Джозеф (Lodge O.J., 1851–1940) – английский физик и изобретатель. 211, 515, 516, 528
- Ломоносов Михаил Васильевич (1711–1765) – естествоиспытатель, поэт. Академик Петербургской АН (1745). 209, 251
- Лонги Пьетро (Longhi P., 1702–1785) – венецианский художник-бытописатель. Друг К. Гольдони. 169
- Лопай – солдат из подразделения С.И. Вавилова. 376
- Лоренц Хендрик (Гендрик) Антон (Lorentz H.A., 1853–1928) – нидерландский физик, лауреат Нобелевской премии по физике (1902). 141, 371
- Лоренцетти Амброджо (Lorenzetti A., умер в Сиене ок. 1348) – итальянский художник. 179, 180
- Лоренцо Великолепный – см. Медичи Лоренцо.
- Лоррен Клод (Lorraine C.; наст. фамилия Желле или Желе (Gellée, Gelée), 1600–1682) – французский живописец и гравёр, мастер классического пейзажа. 456
- Лоти Пьер (Loti P., настоящее имя Julien Viand, 1850–1923) – французский писатель. 362, 469, 479
- Лотто Лоренцо (Lotto L., 1480–1556) – итальянский художник. 182
- Луини Бернардино (Luini B., 1480/90–1532) – ломбардский художник, ученик Леонардо да Винчи. 136, 198
- Лысак – офицер. 241, 242, 244
- Людвик XIII (Lui XIII, 1601–1643) – французский король с 1610 г. Сын Генриха IV и Марии Медичи. 175
- Лютенсков – капитан, лектор по радиотелеграфии. 537
- Лютер Мартин (Luther M., 1483–1546) – христианский богослов, инициатор Реформации. Его именем названо одно из направлений протестантизма. 359
- Лютомский – подполковник (до 17 июня 1916), затем полковник, командир 3-й истребительной роты. 545, 546, 559–561
- Ляскер – см. Ласкер Э.

- Магги Юлиус (1846–1912) – швейцарский кулинар и предприниматель. 256
- Магомет (Мухаммед) (571–632) – основатель ислама. 337
- Маевский – техник, сослуживец С.И. Вавилова. 462, 463
- Барбара – жена польского дворянина Новины. 284
- Мазарини Жюль (*ит.* – Mazzarino, *фр.* – Mazarin G., 1602–1661) – французский политический деятель итальянского происхождения. Кардинал (1641). С 1643 г. – первый министр Франции. 175
- Мазепа Иван Степанович (1644–1709) – гетман Украины в 1687–1709 гг. 161
- Майкельсон Альберт Абрахам (Michelson A.A., 1852–1931) – американский физик. Член Национальной АН (1888), ее президент в 1923–1927 гг. Иностраннный член АН СССР (1926). Нобелевская премия по физике (1907). 371, 404
- Майн Рид Томас (Maupе Reid T., 1818–1883) – английский писатель. 515
- Макаров Николай Павлович (1887–1980) – экономист-аграрник. Муж младшей сестры С.И. Вавилова Лидии. Окончил Московский ун-т (1911). В 1914–1918 гг. заведующий кафедрой политической экономии и статистики Воронежского сельскохозяйственного ун-та. В 1919–1920 гг. профессор МГУ и Московского кооперативного ин-та. Затем вграничной командировке в США и Западной Европе. С 1924 г. профессор, затем декан экономического факультета Московской сельскохозяйственной академии им. К.А. Тимирязева. В 1930 г. репрессирован (реабилитирован в 1987 г.). После освобождения работал в 1935–1947 гг. агрономом в совхозах и МТС. С 1948 г. профессор сельскохозяйственного ин-та (Ворошиловград, ныне Луганск), в 1955–1973 гг. – Всесоюзного сельскохозяйственного ин-та заочного образования. 326
- Макиавелли Никколо ди Бернардо (Machiavelli N. di B., 1469–1527) – итальянский политический деятель и историк. 197
- Маковский Сергей Константинович (1878–1962) – историк искусств, художественный критик, поэт. Сын художника К.Е. Маковского. Основатель и редактор-издатель журналов «Аполлон» (1909–1917) и «Русская икона» (1914). После 1917 г. – в эмиграции. 33
- Макс – сослуживец С.И. Вавилова. 584, 590
- Максвелл Джеймс Клерк (Maxwell J.C., 1831–1879) – английский физик. Член Эдинбургского (1855) и Лондонского (1861) королевских об-в. Создал теорию электромагнитного поля. Фундаментальные результаты также в молекулярной физике, механике, теории упругости. 114, 141, 215, 293, 546, 547
- Мама, мать – см. Вавилова А.М.
- Мамонтов Владимир Петрович (1866–1916) – генерал. 568
- Мантенья Андреа (Mantegna A., ок. 1431–1506) – итальянский живописец и гравер. 165, 166, 169, 184, 186, 188, 203
- Маныч – прапорщик, заместитель (сменщик) С.И. Вавилова по радиостанции в гвардейской кавалерийской дивизии. 559, 560
- Марков Леонид Александрович (ок. 1891–ок. 1912) – соученик С.И. Вавилова по Московскому коммерческому училищу. 41
- Марков Николай (ок. 1890–?) – соученик С.И. Вавилова по Московскому коммерческому училищу. 30, 32, 41
- Маркони Гульельмо (Marconi G., 1874–1937) – итальянский физик, инженер и предприниматель. Член Национальной академии деи Линчеи (1912), с 1930 г. – ее президент. Нобелевская премия (1909). 547, 548
- Мартанов (ок. 1891–?) – соученик С.И. Вавилова по Московскому коммерческому училищу. 41
- Мартини Симоне (Martini S., ок. 1283–1344) – сиенский художник и миниатюрист. 180
- Марто – французский издатель XVIII в.
- Мартын Иваныч – см. Лютер М.
- Мартьяныч – московский знакомый С.И. Вавилова. 504
- Мастрюк или Масюр (1888–не ранее 1916) – солдат, денщик С.И. Вавилова. 375, 387
- Маттео ди Джованни (Matteo di Giovanni, ок. 1430–1495) – итальянский художник. 179
- Матэ Василий Васильевич (1856–1917) – гравёр. 440
- Мах Эрнст (Mach E., 1838–1916) – австрийский физик, механик и философ. 29, 34, 66, 78, 81, 84, 99, 107
- Медичи Ипполито (Medici I., вторая половина XV – первая половина XVI в.) – кардинал. В 1523–1527 гг. стоял (совм. с Аллесандро Медичи) во главе Флорентийской республики. 182
- Медичи Козимо Старший (Medici C., 1389–1464) – правитель Флоренции с 1434 г. 191

- Медичи Лоренцо Великолепный (Medici L., 1449–1492) – флорентийский государственный деятель. Покровитель наук и искусств, поэт. 128
- Мезинг – преподаватель Московского коммерческого училища (Москва). 44
- Мейзнер (Meisner) – московский знакомый С.И. Вавилова. 207, 213, 225
- Мейсонье Эрнст (Meissonier E., 1815–1891) – французский живописец и график.
- Мелдолла Андреа по прозвищу Андреа Скьявоне (далматинец) (Meldolla A. detto A. Schiavone, ок. 1500–1563) – живописец и гравер из Далмации. Работал в Венеции. 173
- Менделеев Дмитрий Иванович (1834–1907) – ученый и общественный деятель. Чл.-корр. Петербургской АН (1876). Одно из наиболее известных открытий – Периодический закон химических элементов. 209
- Мендельсон-Бартольди Феликс (Mendelson-Bartoldi F., 1809–1847) – немецкий композитор, общественный деятель, дирижер, пианист, органист. 98
- Меньшиков Михаил Осипович (1859–1918) – публицист, общественный деятель. 82, 400
- Мережковский Дмитрий Сергеевич (1865–1941) – писатель и критик. После 1917 г. эмигрировал во Францию. 30, 33, 81, 84, 91, 106, 136, 288, 370
- Мечников Илья Ильич (1845–1916) – биолог, один из основоположников сравнительной патологии, микробиологии, иммунологии. Почетный член Петербургской АН (1902). С 1888 г. работал в Пастеровском ин-те в Париже. Нобелевская премия по физиологии и медицине (1908). 48, 76
- Мёллер ван ден Брук Артур (Moeller van den Bruck A., 1876–1925) – немецкий историк культуры, писатель. 160, 162, 173, 174, 178, 180, 184, 187–190, 192, 195, 208, 257, 296
- Микеланджело Буонаротти (Michelangelo B., 1475–1564) – итальянский скульптор, живописец, архитектор и поэт. 127, 131, 136, 140, 167, 172, 173, 175, 176, 178, 180, 183, 187, 189, 192–193, 196, 198, 263, 457, 531
- Милкин Абрам Семенович – военный врач. 412
- Милюков Павел Николаевич (1859–1943) – историк, политический деятель. Работал в Московском ун-те (1886–1895). С 1907 г. – бессменный председатель ЦК Конституционно-демократической партии (кадеты). В первом составе Временного правительства – министр иностранных дел. С конца 1918 г. в эмиграции. 82, 400
- Минаев Дмитрий Дмитриевич (1835–1889) – поэт-сатирик, эпиграмматист. 87
- Минц Е. – см. Минц И.
- Минц Иосиф Менделевич (?) (1890–?) – московский купец. Соученик С.И. Вавилова по Московскому коммерческому училищу. 268
- Миронов (ок. 1891–?) – соученик С.И. Вавилова по Московскому коммерческому училищу. 41
- Митюшин Николай Леонидович (ок. 1891–после 1951) – инженер-текстильщик. Соученик С.И. Вавилова по Московскому коммерческому училищу. 41
- Михаил Александрович, великий князь (1878–1918) – российский военачальник и государственный деятель. Четвёртый сын Александра III, младший брат Николая II. 508
- Михневич – капитан. 515, 517
- Мицкевич Адам (Mickiewicz A.B., 1798–1855) – польский поэт. 269, 277, 279, 366, 413, 496, 498–500, 509
- Мицкевич Аркадий Николаевич (1831–1909) – правительственный чиновник, коллекционер. Окончил юридический факультет Петербургского ун-та. Работал в различных российских министерствах, с 1878 г. – в Министерстве финансов. 156
- Мишов – однополчанин С.И. Вавилова. 286
- Мищенко Павел Иванович (1853–1918) – генерал от артиллерии, войсковой наказной атаман Войска Донского. 244
- Моисей (XIII в. до н.э.) – еврейский пророк и законодатель, основоположник иудаизма. 78, 167, 198, 199, 202, 456, 457
- Молóдый Трофим Кононович (1889–1929) – физик, педагог. Окончил Московский ун-т (1913). Преподавал физику в средних учебных заведениях, с 1914 г. – в ун-те им. Шанявского (научно-популярное отделение, с 1915 г. – в Академическом отделении). С 1919 г. работал в I Московском ун-те (МГУ) и в Ин-те биологической физики, созданном П.П. Лазаревым. В 1920–1924 гг. преподавал также в Московском высшем техническом училище (МВТУ им. Баумана). Научную работу начал под руководством П.П. Лазарева. С момента организации «Комиссии по улучшению быта ученых врачей» (КУБУВ) в 1921 г. – секретарь этой комиссии. С 1921 г. его основная работа – издательская. С 1924 г. – фактический редактор научно-популярного журнала «Искра» и редактор научно-популярной серии Госиздата «Наука и техника». 148, 208

- Молоствов Константин Владимирович (1869–?) – ротмистр 3-й гвардейской кавалерийской дивизии. 550, 560
- Моммзен Теодор (Mommsen T., 1818–1903) – немецкий историк античности. Член Прусской АН (1858). Основные работы по истории Древнего Рима. 91
- Момсен – см. Моммзен Т.
- Монтанья Бартоломео (Montagna B., ок. 1450–1523) – итальянский живописец и гравер. 165
- Монтень Мишель де (Montaigne M. de, 1533–1592) – французский философ и писатель. 125, 381–383, 392, 395, 418
- Морган Джон Пирпонт (Morgan John Pierpont, 1837–1913) – американский банкир. Свое состояние вложил в художественные и книжные собрания, которые в 1924 г. стали основой библиотеки его имени в Нью-Йорке. 190, 191
- Морель (ок. 1891–?) – соученик С.И. Вавилова по Московскому коммерческому училищу. 41
- Морзе Сэмюэл (Morse S., 1791–1872) – американский изобретатель и художник. Предложил телеграфный код, который с начала Первой мировой войны стали называть азбукой Морзе. 230, 341, 343
- Морозов (ок. 1891–?) – соученик С.И. Вавилова по Московскому коммерческому училищу. 41
- Морозов Николай Александрович (1854–1946) – революционер, учёный, писатель, почётный член АН СССР по химическому и физико-математическому отделению (1932). 80
- Морони Джованни Баттиста (Moroni G., 1522–1578) – итальянский художник-портретист. 188
- Морштович (Морштвен) – польская графиня. 458
- Мости Томазо (Mosti T., II половина XV–I половина XVI в.) – секретарь герцога Феррары, Модены и Реджо. 182
- Мошнин Владимир Петрович (ум. ок. 1886 г.) – московский купец. На его деньги Императорским Московским об-вом любителей естествознания, антропологии и этнографии присуждались премии за работы по физике и химии. 582
- Моцарт Вольфганг Амадей (Mozart W.A., 1756–1791) – австрийский композитор. 323, 378, 396, 397, 406, 407, 468, 568, 570, 587
- Мрозовский Иосиф Иванович (1857–1934) – генерал от артиллерии, командир гренадерского корпуса в Первую мировую войну. 421, 449
- Мулье (?) (Mulic) – не удалось установить, о ком идет речь. 182
- Муравьев-Амурский – граф, сослуживец С.И. Вавилова по гвардейской кавалерийской дивизии. 560
- Муравьев Михаил Никитич (1757–1807) – государственный деятель, писатель. 210
- Муратов Павел Павлович (1881–1955) – искусствовед, писатель. Автор трехтомника «Образы Италии» (1911–1912, 1924). 188
- Мурильо Бартоломе Эстебан (Murillo B.E., 1617–1682) – испанский художник. 255, 383
- Муромцев Сергей Андреевич (1850–1910) – политический и общественный деятель. Один из руководителей партии кадетов. В 1906 г. – председатель I Государственной думы. Участвовал с 1897 г. в земском движении. В 1877–1884 гг. профессор Московского ун-та. 95, 97, 470
- Мухин – однополчанин С.И. Вавилова. 244, 272, 322, 589
- Мышкин Николай Павлович (1864–1936) – физик, метеоролог. Окончил Казанский ун-т (1887). Тогда же начал работать в Петровской сельскохозяйственной академии. С 1896 г. профессор кафедры физики и метеорологии Новоалександровского ин-та сельского хозяйства и лесоводства. С 1924 г. заведующий метеобюро при Наркомземе Белоруссии и профессор Белорусского ин-та сельского и лесного хозяйства (Минск). 301, 303
- Мясоедов Сергей Николаевич (1865–1915) – полковник Русской армии, повешенный в начале Первой мировой войны по ложному обвинению в шпионаже. 390
- Назаров – корнет, сослуживец С.И. Вавилова по 3-й гвардейской кавалерийской дивизии. 551, 553, 558–569
- Назимов – полковник. 574
- Назини Джузеппе Никола (Nasini G.N., 1657–1736) – итальянский художник. Работал преимущественно с сыном Аполлолио (1692–1786). 179
- Наполеон Бонапарт (Napoleon B., 1769–1821) – французский политический деятель и полководец. Император Франции (1804–1814 и 1815). 146, 268, 276, 316, 373, 444, 445, 449, 529, 541
- Нарежный Василий Трофимович (1780–1825) – писатель. 141
- Настасья Петровна (ум. в 1912 г.) – знакомая семьи Вавиловых. 142
- Натуля – знакомая С.И. Вавилова по Кельцам. 350

- Натчесон – см. Хели-Хатчинсон.
- Нахимов Аким Николаевич (1782–1814) – поэт-сатирик. 107
- Негрбецкий – однополчанин С.И. Вавилова. 379, 380
- Некрасов Николай Алексеевич (1821–1877) – поэт, писатель и публицист. 109, 370
- Некрасевич Георгий Михайлович (1865–1942) – генерал, командующий 1-й Туркестанской стрелковой дивизией в Первую мировую войну. 574
- Немирович-Данченко Василий Иванович (1848–1936) – писатель. Военный корреспондент во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг., принимал участие в боевых действиях (награжден двумя солдатскими Георгиевскими крестами). Работал на театре военных действий русско-японской, первой балканской (1912–1913) и Первой мировой войн. 470
- Нернст Вальтер (Nernst V.F.H., 1864–1941) – немецкий физик и физикохимик, член Берлинской АН (1905), иностранный член АН СССР (1926), Лондонского королевского об-ва (1932). Нобелевская премия по химии (1920). 150, 209
- Нероччо (Neruccio di Bartolomeo di Benedetto d'Landi, 1447–1500) – художник и скульптор сиенской школы. 179
- Нери ди Бичи (Neri di Bicci, 1418/1420–1492) – флорентийский художник. 186
- Нестор Летописец (вторая половина XI – начало XII в.) – монах Печерского монастыря, вероятный автор «Повести временных лет». 270
- Нестеров Петр Николаевич (1887–1914) – военный летчик, штабс-капитан. 261
- Никитин Павел Андреевич (1863–1916) – генерал-майор, с весны 1915 г. начальник штаба 25-го армейского корпуса. 372
- Никифоров – сослуживец С.И. Вавилова. 483
- Никиш Артур (Nikisch A., 1855–1922) – венгерский дирижер. Окончил Венскую консерваторию (1874). Работал в Европе и в 1889–1893 гг. – в США. 214
- Николаев – однокурсник С.И. Вавилова. 152, 153
- Николаев – прапорщик. 469
- Николаи Фридрих (Nicolaï F.Ch.F., 1733–1811) – немецкий писатель и издатель. 149
- Николай – см. Вавилов Н.И.
- Николай I (1796–1855) – российский император с 1825 г. 457
- Николай II (1868–1918) – российский император (1894–1917). 258, 434, 436, 440, 447, 449, 474, 479, 481, 485, 491, 562, 587
- Николай Иванович – см. Виноградов Н.И.
- Николай Николаевич (младший) Романов (1856–1929) – великий князь. Окончил курс Николаевской академии генерального штаба. Верховный Главнокомандующий всеми сухопутными и морскими силами Российской империи до 23 августа 1915 г. 309, 342, 361, 369, 390, 396, 427, 447, 449
- Новалис (Novalis, наст. имя Georg Philipp Friedrich von Hardenberg, 1772–1801) – немецкий поэт-романтик. 141
- Новина, по прозвищу Андрей Козла (ум. в 1589) – польский дворянин. 283, 284
- Ньютон Исаак (Newton I., 1642/43–1727) – английский физик, механик, астроном, математик. 92, 94, 96, 103, 109, 114, 116, 117, 139, 151, 224, 233, 300, 338, 347, 393, 478–480, 482, 497, 516, 517, 544, 561
- Олег Константинович (1892–1914) – сын великого князя Константина Константиновича (Романова) (поэта К.Р.). Окончил Александровский лицей (1913). Подготовил к печати издание автографов А.С. Пушкина (1912), занимался литературным творчеством. 303
- Оливари – подполковник из радиодивизиона в Двинске. 573
- Олизар – сослуживец С.И. Вавилова по гвардейской кавалерийской дивизии. 552
- Ольга Константиновна (1851–1926) – великая княжна, первая королева эллинов. 503
- Оранский – прапорщик, сослуживец С.И. Вавилова. 386, 389, 412, 424, 430, 438, 441–443, 447, 451, 452, 456, 457, 461, 466, 467, 473, 475, 476
- Орканья Андреа (Orgagna A., собств. Андреа ди Чione; после 1308–1368) – итальянский живописец, мозаичист, скульптор. 190
- Орлов Петр Петрович (1874–1929) – генерал, командир 2-й бригады 3-й гвардейской кавалерийской дивизии. 550, 560
- Оствальд Вильгельм (Ostwald W., 1853–1932) – немецкий физикохимик и философ. Чл.-корр. Петербургской (1896) и Берлинской АН (1905). Нобелевская премия по химии (1909). 150
- Острожский Константин Иванович (1460–1530) – князь, великий гетман Литовский. Его надгробье уничтожено в 1941 г. во время подрыва Успенского собора Киево-Печерской лавры. 282

Отец – см. Вавилов И.И.

Отрепьев – см. Лжедмитрий I.

Оффенбах Жак (Offenbach J., 1819–1880) – французский композитор и музыкант. 412

Павел Иванович – см. Вятлин П.И.

Павлов – однокурсник С.И. Вавилова. 148

Паккьяротти Джакомо (Pacchiaretti G., 1474–1540) – художник сиенской школы. 179

Палладий – см. Палладио

Палладио Андреа (Palladio A.; наст. фамилия – делла Гондола, 1508–1580) – итальянский архитектор и теоретик архитектуры. Работал в г. Виченца. 125, 164, 165, 171, 172

Пальма Джакомо иль Веккьо (старший) (Palma J. il Vecchio, 1480–1528) – итальянский художник. 125, 141, 164, 168, 169, 179, 201, 203

Панетти Доменико (Panetti D., 1460–1530) – итальянский художник. Работал в основном в Ферраре. 175

Панфилов – однополчанин С.И. Вавилова (1914). 233, 286

Парацельзий – см. Парацельс.

Парацельс Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм (Paracelsus P.A.Th. Bombast von Hohenheim, 1493–1541) – немецкий врач и естествоиспытатель. 395

Парланд Альфред Александрович (1842–1919) – архитектор. 252

Пармиджанино Франческо (Parmigianino F., собств. имя Mazzola, 1503–1540) – итальянский живописец, один из ведущих представителей маньеризма. 255

Паскаль Блез (Pascal B., 1623–1662) – французский математик, физик и философ. 209

Патер Уолтер Горацио (Pater W.H., 1839–1894) – английский эссеист, литератор, художественный критик. 196

Пате Шарль (Pathé Ch., 1863–1957) – французский изобретатель и предприниматель. В 1896 г. вместе с братом Эмилем организовал в предместье Парижа студию для съемки, обработки и печати фильмов, в 1905 г. создал первую лабораторию для тиражирования фильмов, в 1909 г. начал выпускать киножурнал. 197

Пате Эмиль (Pathé E., 1860–1937) – французский предприниматель. Брат Ш. Пате. 197

Пашко (возможно, Матрюк – см.) – денщик С.И. Вавилова. 373

Пегу Адольф (Pégoud C.A., 1889–1915) – французский пионер авиации. 289

Перегатко – солдат из подразделения С.И. Вавилова. 439

Перрье Эдмонд (Perrier E., 1844–1921) – французский зоолог. Президент Зоологического об-ва Франции (1879). Автор популярных работ по разным вопросам науки и общества. 487

Перуджино (Perugino, наст. имя Пьетро Вануччи, ок. 1446–1523) – итальянский художник, учитель Рафаэля. 177, 179, 181, 182, 198

Перцов Петр Петрович (1868–1947) – поэт, прозаик, публицист, литературовед, литературный критик, журналист, издатель. 288

Петр I (1672–1725) – русский царь (с 1682 г.), российский император (с 1721 г.). 108, 143, 209, 224, 246, 251, 400, 431

Петрарка Франческо (Petrarca F., 1304–1374) – итальянский поэт, гуманист. 161, 170

Петровский Алексей Алексеевич (1873–1942) – радиотехник, электротехник. 528

Петроний Арбитр (Petronius Arbitr, ок. 14–66) – римский писатель. Автор романа «Сатирикон». Придворный императора Нерона. 525

Пизано Никколо (Pisano N., около 1220–между 1278 и 1284) – итальянский скульптор. 176

Пико делла Мирандола Джованни (Pico della Mirandola G., 1463–1494) – итальянский мыслитель-гуманист. 186

Пимоненко Николай Корнильевич (1862–1912) – украинский живописец. 554

Пинтуриккио (наст. фамилия Бернардино ди Бетто, Pinturicchio, 1454–1513) – итальянский художник. 179

Пиранези Джованни Баттиста (Piranesi G.B., 1720–1778) – итальянский гравер и архитектор. 440

Питирим (в миру Окнов Павел Васильевич, 1858–1920) – епископ, митрополит Петроградский и Ладожский (1915–1917), член Святейшего Синода (с 26 июня 1914 г.). 587, 588

Пифагор (ок. 570–ок. 500 до н.э.) – древнегреческий математик и философ. 96, 118

Планк Макс (Planck M., 1858–1947) – немецкий физик-теоретик. Основатель квантовой теории. Член Берлинской АН (1894), иностранный член АН СССР (1926), Лондонского королевского об-ва (1926). 77, 99, 116, 142, 146, 150, 301, 316

Платон (428 или 427 до н.э.–348 или 347 до н.э.) – древнегреческий философ, ученик Сократа, учитель Аристотеля. Ок. 387 г. основал в Афинах школу (Академия платоновская). 148

- Плеве Павел Адамович (1850–1916) – генерал от кавалерии, командующий 5-й армией. 244
- Плойи дю (du Plooy) – генерал. Участник англо-бурской войны 1899–1902 гг. 339
- Плотников Иван Степанович (1878–1955) – физикохимик. Окончил Московский ун-т (1901). Работал в лаборатории П.Н. Лебедева. В 1911–1918 гг. – профессор Московского, с 1920 г. – Загребского ун-тов. 62, 150
- По Эдгар (Рое Е.А., 1809–1849) – американский писатель, поэт-романтик, критик. 476
- Побуковский – сослуживец С.И. Вавилова. 483, 484
- Погоуляй – полковник, сослуживец С.И. Вавилова. 547
- Пойда – солдат из подразделения С.И. Вавилова. 376
- Покровский Алексей Викторович – преподаватель истории Московского коммерческого училища. Работал также в 10-й мужской гимназии. 30
- Поллайоло Антонио дель (наст. имя Якопо Венчи; Pollaiolo del Antonio, 1429–1498) – итальянский скульптор, художник, гравер. 182, 198
- Полонский Яков Петрович (1819–1898) – поэт. 82
- Поль Роберт (Pohl R., 1884–1976) – немецкий физик-экспериментатор. Окончил Берлинский ун-т (1906). В 1905–1914 гг. – ассистент Физического ин-та Берлинского ун-та, с 1911 г. – в Геттингенском ун-те (в 1920–1952 гг. – профессор и директор Физического ин-та там). Работы по рентгеновскому излучению, электрооптическим эффектам, физике твердого тела. 227, 233
- Помирский – польский помещик. 493, 514
- Помяловский Николай Герасимович (1835–1963) – писатель. 423
- Понсон дю Террай Пьер Алексис (Pierre Alexis, vicomte Ponson du Terrail, 1829–1871) – французский писатель. 342, 344, 346, 478
- Понтий Пилат (Pilatus Pontius) – римский префект Иудеи в 26–36 гг.
- Попов – см. Серафимович А.С.
- Поповичи – см. Успенские.
- Поройков – капитан, командир (?) 25-го саперного батальона в 1914 г. Однополчанин С.И. Вавилова. 288, 375, 387, 394, 397
- Порт Гербгарт Брунович (1882–1919 или 1920) – физик, ученик П.Н. Лебедева. Окончил Московский университет, работал там же, с 1911 г. – в лаборатории П.Н. Лебедева при ун-те им. А.Л. Шанявского, после 1917 г. – в Московском ун-те. Преподавал в Московском сельскохозяйственном ин-те. 148
- Потоцкая – графиня, хозяйка имения в Тулилуве. 426
- П.П. – см. Лазарев П.П.
- Превитали Андреа (Previtali A., ок. 1470–1528) – итальянский художник. 166, 171
- Привалов Иван Иванович (1891–1941) – математик. Чл.-корр. АН СССР (1939). Однокурсник С.И. Вавилова. 117
- Прингсгейм Петер (Pringsheim P., 1881–1964) – немецкий физик. Окончил Мюнхенский ун-т (1906). В 1908–1933 гг. работал в Берлинском ун-те (с 1924 г. – профессор). В 1933–1940 гг. – профессор Брюссельского ун-та, где его в 1935 г. посетил С.И. Вавилов. В 1941–1942 гг. – профессор Калифорнийского (Беркли), 1942–1944 гг. Чикагского ун-тов. В 1947–1955 гг. работал в Аргоннской национальной лаборатории. Основные работы по физической оптике. Один из пионеров в исследовании люминесценции. 227, 233
- Пролубников – однополчанин С.И. Вавилова (1914). 286
- Прохоровы – предприниматели. С 1799 по 1918 г. владельцы Прохоровской (Трехгорной) мануфактуры. 221, 222
- Прушак – хозяин фольварка Восники. 375
- Пуанкаре Анри (Poincaré H., 1854–1912) – французский математик, механик, физик, астроном, философ. Член Французской АН (1887), чл.-корр. Петербургской АН (1895) и многих других научных учреждений. 137, 142, 151, 177
- Пугачев Емельян Иванович (1742–1775) – донской казак. Предводитель крестьянского восстания 1773–1775 гг. 274
- Пуделевич – помещик в Савичах. 493, 514
- Пурвиц – барон, знакомый С.И. Вавилова. 508
- Пуришкевич Владимир Митрофанович (1870–1920) – политический деятель. 79, 82, 485
- Пуссен Никола (Poussin N., 1594–1665) – французский живописец. Работал главным образом в Риме. 140, 169, 173, 456
- Пушкин Александр Сергеевич (1799–1837) – поэт, драматург, прозаик. Член Российской академии (1833). 31, 33, 45, 46, 81, 88, 92, 97, 106, 109, 111–113, 116, 117, 127, 139–142, 144, 147, 148, 150, 154–155, 157, 166, 169, 189, 195, 197, 200, 209, 211, 217, 218, 228, 233, 239,

- 240, 247, 251, 256, 264, 269, 277, 294, 308, 332, 353, 356, 361, 406, 407, 465, 468, 477, 486, 495, 525–529, 584, 586
- Пьеро делла Франческа (Piero della Francesca, 1420–1492) – итальянский художник. 184, 190–202, 205, 207, 208, 285, 366, 503
- Пьеро ди Козимо (Piero di Cosimo, 1462–ок. 1521) – итальянский художник. Автор картин на мифологические сюжеты и портретист. 198
- Пюви де Шаван Пьер (Puvis de Chavannes, 1824–1898) – французский живописец, ученик Э. Делакруа. Один из создателей арт нуво (стиля модерн). 179, 186, 194
- Рагоза Александр Францевич (1869–1919) – генерал-поручик, в 1915–1917 гг. – командующий 4-й армией. 275, 424, 448, 449, 488, 523, 530, 538
- Радзивиллы – литовский княжеский род. 452, 493
- Радко-Дмитриев Радко Дмитриевич (1859–1918) – генерал. В 1914 г. командующий 3-й армией, в 1915 г. 2-м Сибирским и 7-м Сибирским армейскими корпусами. 447
- Раздунин – однополчанин С.И. Вавилова (1914). 258, 259
- Разсохин (ок. 1891–?) – соученик С.И. Вавилова по Московскому коммерческому училищу. 30, 41
- Разумовский – телеграфист, сослуживец С.И. Вавилова по телеграфной роте (1914–1915 гг.). 275, 277, 372
- Распутин (Новых) Григорий Ефимович (1864/1865–1916) – крестьянин Тобольской губернии. Заметная фигура в политической жизни России в последнее десятилетие царствования Николая II. 553, 587, 588
- Рафаэль Санти (Raffaello Santi, 1483–1520) – итальянский живописец, график и архитектор, представитель флорентийской школы. 114, 127, 129, 136, 169, 174, 176, 177, 180, 182–184, 186, 188, 192, 194, 196, 198, 199, 203, 205, 250, 294, 366, 586
- Реймонт Владислав Станислав (Reymont W.S., 1867–1925) – польский писатель. Лауреат Нобелевской премии по литературе 1924 г. 384, 388
- Рейнсон Николай Федорович – преподаватель бухгалтерии и коммерческой арифметики Московского коммерческого училища в 1900-е гг. 39
- Рембрандт Харменс ван Рейн (Rembrandt H. van Rijn, 1606–1669) – голландский живописец, рисовальщик, офортист. 114, 127, 140, 182
- Рени Гвидо (Reni G., 1575–1642) – итальянский живописец болонской школы. 168, 169, 175–177, 179, 182, 186, 187, 192, 198, 203, 382
- Ренненкампф Павел Карлович (1854–1918) – генерал. С начала Первой мировой войны и до ноября 1914 г. командующий первой армией Северо-западного фронта. Отстранен от командования из-за неудач на фронте. В отставке с октября 1916 г. 280
- Рентген Вильгельм Конрад (Roentgen W.K., 1845–1923) – немецкий физик-экспериментатор. Первый лауреат Нобелевской премии среди физиков (1901). 156
- Рерих Николай Константинович (1874–1947) – художник, путешественник, философ, общественный деятель. 441
- Решетников – знакомый С.И. Вавилова. 573
- Ржевкин Сергей Николаевич (1891–1981) – физик-акустик. Доктор физ.-мат. наук (1934). Окончил Московский ун-т (1914). Ученик П.П. Лазарева. В 1919–1923 гг. работал в Военной радиотехнической лаборатории (Москва), Петровской с.-х. академии и МВТУ. С 1924 г. – в МГУ (профессор – с 1935 г., основатель и зав. кафедрой акустики в 1943–1975 гг.). Работал также в ФИАНе (1934–1945 гг.), в 1945–1954 гг. – в Морском гидрофизическом ин-те АН СССР. Член, зам. председателя акустической комиссии АН СССР (1936–1950). Участник Первой мировой войны. 299, 503, 504
- Риги Аугусто (Righi A., 1850–1920) – итальянский физик. Окончил Инженерную школу в Болонье (1872). Преподавал в Технической школе там же (1873–1880), в ун-те Палермо (1880–1885). В 1885–1889 – профессор Падуанского ун-та, с 1889 – Ин-та физики Болонского ун-та. Член Петербургской АН (1896), Академии деи Линчеи (1898) и других научных обществ. Работы по электромагнетизму, физике диэлектриков, оптике, атомной физике. 177
- Рихтер Жан-Поль (Richter J.P.F., настоящее имя Иоганн Пауль Фридрих Рихтер, 1763–1825) – немецкий писатель. 479
- Ричард Франц (Richard F., 1860–1920) – немецкий физик, физикохимик, метеоролог. Доктор философии Берлинского ун-та (1884). С 1901 г. – профессор Марбургского ун-та. 141
- Риччи Корrado (Ricci C., 1858–1934) – итальянский писатель и историк искусств. 175

- Родзянко Михаил Владимирович (1859–1924) – политический и государственный деятель. Председатель Государственной думы IV созыва и лидер партии октябристов. 502
- Роза, Роза Моисеевна – хозяйка квартиры в Куренце в мае 1916 г. 525, 533
- Розанов Василий Васильевич (1856–1919) – прозаик, публицист, критик, эссеист, религиозный мыслитель. 62, 88, 122, 131, 146, 255, 288, 356, 357
- Романов Вячеслав Ильич (1880–1954) – физик. Ученик Н.Е. Жуковского и П.Н. Лебедева. Окончил Московский ун-т (1902). В 1903–1911 гг. – ассистент Физического ин-та Московского ун-та, в 1908–1920 гг. – профессор Высших женских курсов (Москва). В 1911 г. покинул ун-т вместе с П.Н. Лебедевым. В 1911–1918 гг. преподавал в Народном ун-те им. А.Л. Шанявского, в 1914–1919 гг. также в Московском ин-те инженеров путей сообщения. В 1918–1938 гг. – профессор Московского ун-та. Один из организаторов и в 1920–1923 гг. директор Физико-технического ин-та (с 1925 г. – Всесоюзный электротехнический ин-т). В 1938 г. репрессирован: в 1938–1943 гг. находился в лагере (Коми АССР). В 1943–1949 гг. – профессор Башкирского педагогического ин-та, в 1944–1949 гг. также профессор Уфимского авиационного ин-та. 155, 156, 220
- Романовы (Romanoff) – династия, правившая Россией с 1613 г. по 1917 г. 180, 470
- Росси Карл Иванович (Rossi C., 1775–1849) – русский архитектор итальянского происхождения. 176
- Россини Джоакино (Rossini G., 1792–1868) – итальянский композитор. 196, 198
- Ростан Эдмон (Rostand E., 1868–1918) – французский поэт и драматург. 361
- Ротг – белорусская помещица. 432
- Рубенс Петер Пауль (Rubens P.P., 1577–1640) – фламандский живописец. 182, 199, 265, 403
- Руденко – солдат. 425, 427
- Рузский Николай Владимирович (1854–1918) – генерал, крупный военный деятель. С 18 августа 1915 г. Главнокомандующий армиями Северного фронта. 447
- Ручеллаи (Rucellai) – известная флорентийская семья, давшая деньги на постройку часовни (капеллы) Ручеллаи в церкви Санта-Мария-Новелла. 190
- Рыдзевский Николай Георгиевич (1873–?) – полковник, командир 25-го саперного батальона. 241, 490
- Рычков Василий Иванович (1888–?) – соученик С.И. Вавилова по Московскому коммерческому училищу. 30, 32, 41
- Рэскин Джон (Ruskin J., 1819–1900) – английский писатель, историк искусства. Преимущественно занимался историей итальянской живописи и архитектуры. 196, 206
- Рябушинский Владимир Павлович (1873–1955) – литературный деятель и писатель. Участник Первой мировой войны: отправился на фронт добровольцем во главе автомобильной дружины и организовал службу связи при одном из штабов на собственные средства. За отличие произведен в офицерский чин. Ранен в 1915 г. Эмигрировал из России во Францию в связи с революцией. Оставил значительное литературное наследство, отчасти собранное в его книге «Старообрядчество и русское религиозное чувство»; основал парижское общество изучения древнерусского искусства «Икона». 275
- Савинская – помещица в деревне Малявщина. 480
- Савонарола Джироламо (Savonarola G., 1452–1498) – итальянский религиозно-политический деятель, проповедник, монах-доминиканец. В 1494–1498 гг. диктатор Флоренции. По приговору суда предан сожжению. 186, 187
- Савостьянов (ок. 1891–?) – соученик С.И. Вавилова по Московскому коммерческому училищу. Сын поставщика двора его императорского величества (булочник). 41
- Садовский Петр Александрович (1881–1945) – поэт, прозаик, критик. Писал под 9 псевдонимами, в т.ч. Борис Садовский. 477
- Сазонов Сергей Дмитриевич (1860–1927) – государственный деятель, министр иностранных дел Российской империи в 1910–1916 гг. 553
- Сальери Антонио (Saliery A., 1750–1825) – итальянский и австрийский композитор, дирижёр и педагог. 378, 379, 396, 397, 406, 407, 468, 475, 568, 570, 587
- Санмикели Микеле (Sanmicheli M., 1484–1559) – итальянский архитектор. 165
- Сано ди Пьетро (Sano di Pietro, 1406–1481) – сиенский художник. 179, 180
- Сарто Андреа дель (Sarto A. del, 1486–1531) – итальянский художник-маньерист. 136, 183, 184, 193
- Саттиг – немецкий капитан. 526
- Сассети Франческо (Sasseti Fr., 1421–1490) – глава банка Медичи. 181

- Сахарова Е.Н. – см. Вавилова Е.Н.
- С. ди Мардино (S. di Martino) – не удалось установить, о ком идет речь. 199
- Себенцов Борис Михайлович (1891–после 1951) – специалист-ихтиолог. Соученик С.И. Вавилова по коммерческому училищу. Окончил естественное отделение физико-математического факультета Московского ун-та (1914). 30, 32, 42, 51, 132, 139, 210, 225
- Сегантини Джованни (Segantini G.; 1858–1899) – итальянский художник-пейзажист. 156, 160, 197, 257
- Селяков Николай Яковлевич (1889–?) – физик. Окончил математическое отделение физико-математического факультета Московского ун-та (1912 или 1913). В 1920-е годы работал в Ин-те физики и биофизики. 148, 159
- Семен – однополчанин С.И. Вавилова. 271
- Семенов – однополчанин С.И. Вавилова. 258, 259, 275
- Семирадский Генрих Ипполитович (Siemiradzki H.H., 1843–1902) – польский и русский художник, представитель позднего академизма. 91, 510
- Сенека Анней Луций (Seneca A.L., ок. 4 до н.э. – 65 н.э.) – римский политический деятель, философ, писатель. 221
- Сенкевич Генрик (Sienkiewicz G., 1846–1916) – польский писатель. Нобелевская премия по литературе (1905). 277
- Сен-Симон Клод Анри (Saint-Simon H.C., 1760–1825) – французский социалист-утопист. 101
- Серафим Саровский (в миру Мошнин П.И., в некоторых источниках – Машнин, 1754 (или 1759)–1833) – иеромонах Саровского монастыря, один из наиболее почитаемых русских святых. 441
- Серафимович Александр Серафимович (наст. фамилия – Попов, 1863–1949) – писатель, журналист, публицист. 503
- Сеченов Иван Михайлович (1829–1905) – естествоиспытатель, основоположник русской физиологической школы. Почетный член Петербургской АН (1904). 65
- Сименс Вернер фон (Siemens W. von, 1816–1892) – немецкий инженер, изобретатель, учёный, промышленник, основатель фирмы Siemens. 548
- Симоне ди Мартини – см. Мартини Симоне
- Синегуб – однополчанин С.И. Вавилова по телеграфной роте. 443
- Синьорелли Лука (Signorelli L., ок. 1445/1450–1523) – итальянский художник Умбрийской школы. 179, 188
- Сиротин – московский физик. 504
- Скалигеры (Скалиджеро, Scaligere) – правящий род Вероны в XIII–XIV вв. 163, 165
- Скалясинский (Скалясинский) – помещик в Савичах. 512, 514
- Скернежецкий Т. – леженицкий солтыс (сельский староста). 390
- Скотницкий – арендатор в имении Иодко. 460
- Скотт Вальтер (Scott W., 1771–1832) – английский писатель, создатель жанра исторического романа. 485
- Скрипка – солдат из подразделения С.И. Вавилова. 376, 377
- Словацкий Юлиуш (Slowacki J., 1809–1849) – польский поэт. 277, 279
- Сломинский – инженер, сослуживец С.И. Вавилова. 440, 474
- Смерчевский – хозяин поместья (Царство Польское). 244
- Смит Роберт Вильямович (1889–?) – соученик С.И. Вавилова. Окончил Московское коммерческое училище (1909), историко-филологический факультет Московского ун-та (1914). В 1917 г. (?) покинул Россию. Жил в Великобритании. По сведениям С.И. Вавилова в конце 1940 – начале 1950-х годов – английский посланник в Индии. 72, 73, 210, 220, 318, 328, 333, 351, 417, 503, 505, 591
- Смыслов – прапорщик. 531
- Смыслов Петр Адрианович (Андрианович) (1890–?) – соученик С.И. Вавилова. Окончил Московское коммерческое училище (1909), затем естественное отделение физико-математического факультета Московского ун-та. 32, 43
- Содома (Sodoma) – итальянский художник. Ученик Л. да Винчи. 179, 180
- Сокольский – прапорщик. 519
- Сократ (469–399 до н.э.) – древнегреческий философ, один из родоначальников диалектики; учитель Платона. 209, 452
- Соловьев (ок. 1891–?) – соученик С.И. Вавилова по Московскому коммерческому училищу. 43
- Соловьев Всеволод Сергеевич (1849–1903) – писатель. Автор большого числа исторических романов. 88

- Соловьев Сергей Михайлович (1820–1879) – историк. 467
- Сорн Андерс Леонард (Zorn A.L., 1860–1920) – шведский живописец, график, скульптор. 137
- Сотников Евгений Самуилович (1855–?) – полковник 9-го гренадерского Сибирского полка, комендант 25-го корпуса. 432
- Спинелли – династия итальянских художников: Спинелло Арретино (Spinello A., 1346?–1410) – его фрески находятся в Ареццо, Флоренции, Пизе и Сиене; Парри (Spinelli P. di, 1387–1453). 196
- Спиноза Бенедикт (урожд. Барух Спиноза; впоследствии лат. Benedictus de Spinoza, 1632–1677) – нидерландский философ-материалист, пантеист. Один из главных представителей философии Нового времени, оказал большое влияние на развитие атеизма и материализма.
- Спилов Яков – взводный в батальоне, в котором служил С.И. Вавилов в 1914–начале 1915 г. 237, 260–262, 268
- Станкевич Александр Владимирович (1821–1912) – писатель. 85, 142
- Станкевич Борис Вячеславович (1860–1924) – физик, геофизик. В 1891–1902 гг. профессор Варшавского, в 1908–1911 гг. Новороссийского (Одесса), в 1911–1917 гг. Московского, в 1924 г. – Пермского ун-тов. 116, 305
- Стессель Анатолий Михайлович (1848–1915) – генерал-лейтенант, комендант Порт-Артура во время русско-японской войны. За его сдачу приговорен в 1908 г. к расстрелу, замененному на заключение в крепости. В мае 1909 г. освобожден. 542
- Столетов Александр Григорьевич (1839–1896) – физик. Профессор Московского ун-та с 1873 г. Организовал первую физическую лабораторию в России (1872). 348
- Столыпин Петр Аркадьевич (1862–1911) – государственный деятель. Министр внутренних дел России с апреля 1906 г., председатель Совета министров с июля 1906 г. Автор аграрной реформы. 117
- Столярек Юзеф – лежнецкий житель. 390
- Страмуччи (Stramucci) – учитель итальянского языка С.И. Вавилова. 160, 163, 206, 213, 220, 286, 291, 299, 314, 328, 481
- Страхов – сослуживец С.И. Вавилова по телеграфной роте (1914–1915 гг.). 342
- Суворин Александр Сергеевич (1834–1912) – журналист, писатель, издатель. 142
- Сулоага Игнасио (Zuloaga I., 1870–1945) – испанский художник. 218
- Султан-Гирей – князь, сослуживец С.И. Вавилова по гвардейской кавалерийской дивизии. 552, 558, 560
- Сурин Станислав-Сильвестр Онуфриевич (1858–?) – генерал-майор, командир бригады 8-й пехотной дивизии. 486
- Сустерманс Юстус (Джусто) (Sustermans J., 1597–1681) – фламандский живописец. С начала 1620-х гг. работал во Флоренции. 182, 183, 200
- Сухомлинов Владимир Александрович (1848–1926) – генерал от кавалерии. В 1909–1915 гг. военный министр. 574
- Сысоев – соученик С.И. Вавилова. 32
- Таддео ди Бартоло (Taddeo di Bartolo, ок. 1363–1422) – художник сиенской школы. 180
- Тарновский Константин Августович (1826–1892) – драматург. 79
- Тассо Торквато (Tasso T., 1544–1595) – итальянский поэт. 110, 332, 465
- Татьяна Григорьевна – московская знакомая С.И. Вавилова. 221
- Темерин Алексей Алексеевич (1889–?) – соученик С.И. Вавилова. Окончил Московское коммерческое училище (1909), естественное отделение физико-математического факультета Московского ун-та (1914). В советское время работал в театре им. Мейерхольда. 30, 32, 43, 51, 503, 506
- Тенирс Давид (Teniers D., 1582–1649) – фламандский художник. Автор картин на религиозные темы. 203, 476
- Теньер – см. Тенирс.
- Теребихина Л.В. – знакомая семья Вавиловых по Пресне. 64
- Теснер – офицер 25-го батальона. 511
- Тизи Бенвенуто, по прозвищу Гарофало (Tisi B., detto Garofalo, 1481–1559) – итальянский художник. 175
- Тим – не удалось выяснить, о ком идет речь. 443
- Тимирязев Аркадий Климентьевич (1880–1955) – физик. Ученик П.Н. Лебедева. Окончил Московский ун-т (1904). В 1904–1911 гг. и 1917–1955 гг. работал там же (с 1918 г. – профессор). Сын К.А.Тимирязева. Работы по кинетической теории газов, истории физики. 148

- Тимирязев Климент Аркадьевич (1843–1920) – естествоиспытатель, один из основоположников русской школы физиологии растений. Чл.-корр. Петербургской АН (1890), член Лондонского королевского об-ва (1911) и других научных учреждений. 63, 148, 199
- Тимофеев Иосиф Панфилович (1891–?) – соученик С.И. Вавилова. Окончил Московское коммерческое училище (1909) и естественное отделение физико-математического факультета Московского ун-та (1914). 43
- Тинторетто (Tintoretto; наст. имя Робусто Якопо, 1518–1594) – итальянский живописец. Работал в Венеции. 127, 155, 156, 164–169, 171–173, 182, 183, 186, 188, 190, 201, 203, 204
- Тит Флавий (Titus Flavius, 39–81) – римский император в 79–81 гг. 92
- Титушин Михаил Иванович (1890–?) – одноклассник С.И. Вавилова по Московскому коммерческому училищу и математическому отделению физико-математического факультета Московского университета. В 1911 г. продолжил образование за границей. 152, 153, 205, 207, 208, 210
- Титушкин – см. Титушин М.И.
- Тихомандрицкий – поручик, сослуживец С.И. Вавилова. 439
- Тициан Вечеллио (итал. Tiziano Vecellio, ок. 1476/77–1576) – итальянский живописец. 127, 130, 140, 148, 167, 169, 170, 182–184, 189, 192, 203
- Товий – сын праведника Товита; история его и отца изложена в «Книге Товита» (неканоническая книга Ветхого Завета). 187
- Толстой Алексей Константинович (1817–1875) – поэт и драматург. 106
- Толстой Лев Николаевич (1828–1910) – писатель. Почетный академик Петербургской академии наук (1900). 33, 62, 81, 85, 88, 96–98, 109, 162, 180, 232, 251, 276, 391, 452, 480
- Тома Ганс (Thoma H., 1839–1924) – немецкий художник. 289
- Томиловский Евгений Петрович (1860–1919) – генерал-майор, командир Гренадерского саперного батальона. 509, 510, 511
- Томпсон Сильваниус Филипп (Thompson S.Ph., 1851–1916) – английский физик. Член Лондонского астрономического об-ва (с 1874), Физического об-ва. С 1876 г. профессор экспериментальной физики ун-та Бристоль, с 1878 – Лондонского технического колледжа, затем его директор. В последние годы профессор Лондонского ун-та. 31
- Томсон Джозеф Джон (Thomson J.J., 1856–1940) – английский физик. Член Лондонского королевского об-ва (1884), член многих академий наук, в том числе АН СССР (1925). 301, 397
- Томсон Уильям (лорд Кельвин) (Thomson W., 1824–1907) – английский физик. Один из основоположников термодинамики. Член Лондонского королевского об-ва (1851), Петербургской АН (1896) и других многих академий и научных обществ. 301, 109
- Торкват – см. Тассо Т.
- Торричелли Эванджелиста (Torricelli E., 1608–1647) – итальянский математик и физик. Ученик Г. Галилея. Изобрел ртутный барометр, открыл существование атмосферного давления и вакуума. 52, 520
- Трахтенберг Владимир Осипович (1860–1914) – драматург, журналист. 155
- Трегуб – солдат из подразделения С.И. Вавилова. 376
- Трубецкой Евгений Николаевич (1863–1920) – религиозный философ, публицист, общественный деятель. Окончил Московский ун-т (1885). Профессор Киевского и в 1906–1918 гг. Московского ун-тов. 46, 531, 532
- Туманов (Туманишвили) Георгий Александрович, князь (1856–1918) – военный. Генерал-лейтенант (с 1910), генерал от кавалерии (1916). С 1910 г. – командир 13-й кавалерийской дивизии. Отличился в битве при Краснике (август 1914 г.). 322
- Тун де – леженицкая помещица. 394
- Тургенев Иван Сергеевич (1818–1883) – писатель. 97, 467
- Турнье Анжель Лукьянович – воспитатель и преподаватель французского языка в Московском коммерческом училище. Работал также в мужской гимназии Л.И. Поливанова. 30
- Турчин – один из непосредственных начальников С.И. Вавилова в 1914–1916 гг. 480–483, 487–490, 500
- Тьеполо Джованни-Батиста (Tiepolo G. B., 1696–1770) – итальянский живописец, гравер. 169, 189, 283
- Тэб де, мадам (наст. имя и фамилия Анна-Виктория Совари, 1865–1917) – французская гадалка, популярная в России. 347
- Тютчев Федор Иванович (1803–1873) – поэт и дипломат. 29, 31, 33, 67, 169, 264, 265, 370, 456
- Уайльд Оскар (Wilde O., 1856–1900) – английский писатель, литературный критик. 169, 185

- Уваров Алексей Алексеевич (1859–1913) – общественный деятель и политик. 62
- Удалой Н.Я. – не удалось установить, о ком идет речь. 275
- Умов Николай Алексеевич (1846–1915) – физик. Окончил Московский ун-т (1867). Преподавал в Новороссийском ун-те (Одесса) в 1871–1893 гг. (с 1875 г. – профессор), профессор Московского ун-та (1893–1911). Создал учение о движении энергии. Одним из первых оценил значение теории относительности. 348
- Усков Василий Петрович (1890–?) – юрист. Соученик С.И. Вавилова по Московскому коммерческому училищу. Затем обучался на юридическом факультете Московского ун-та (1909–1912 или 1913). 43
- Успенские – см. А.Е. и Н.Е. Успенские.
- Успенский – однополчанин С.И. Вавилова. 286, 490
- Успенский Александр Евгеньевич (ум. в 1965) – ботаник. Профессор. Брат А.Е. и Н.Е. Успенских. 503, 506
- Успенский Алексей Евгеньевич (1886–1957) – химик. Профессор. Работал в Москве. Брат Н.Е. Успенского и Александра Е. Успенского, сын настоятеля храма Николы Ваганькова Е.П. Успенского, почитавшегося за строгость, благонравность и ум прихожанами, в том числе и Вавиловыми. 503, 506
- Успенский Николай Евгеньевич (1885–1949) – физик, ученик П.Н. Лебедева и Г.В. Вульфа. Брат Александра Е. и Алексея Е. Успенских. Окончил Московский ун-т (1910). Затем преподавал в Московском коммерческом ин-те (Ин-т народного хозяйства им. Г.В. Плеханова). Организовал там первую в Москве рентгеновскую лабораторию. Работы по рентгеноструктурному анализу. 156, 185, 258, 302, 351, 391, 502, 503, 506, 508
- Уччелло Паоло (Uccello P., 1397–1475) – итальянский живописец. 189, 191, 194, 195, 199
- Уэллс Герберт Джордж (Wells H.G., 1866–1946) – английский писатель и публицист. 405, 406
- Фалькевич – сослуживец С.И. Вавилова. 409, 420, 451, 457, 458, 466, 469–471, 473–478, 485, 490, 500, 507, 509**
- Фаня – жительница местечка Куренец. 525
- Фарината дельи Уберти (Farinata degli Uberti, 1212–1264) – глава флорентийских гибеллинов. 186
- Фаруффино Алекс (Faruffino A.) – сведений о нем найти не удалось. 177
- Федор Никитич (ум. 3.V.1909) – знакомый семьи Вавиловых. 46
- Федотов Павел Андреевич (1815–1852) – художник. 488
- Феокрит (*др.-греч.* Θεόκριτος, ок. 300–ок. 260 до н.э.) – древнегреческий поэт, известный преимущественно своими идиллиями. 292, 386, 472, 523
- Ферзиков – сослуживец С.И. Вавилова. 230
- Фет Афанасий Афанасьевич (1820–1892) – поэт, переводчик, мемуарист. Чл.-корр. Петербургской АН (1886). 264
- Филимонов Сергей Алексеевич (1889–?) – соученик С.И. Вавилова по Московскому коммерческому училищу. 30, 32, 44
- Филин Степан – московский портной. 592
- Филипп II (1527–1598) – король Испании с 1555 г. 186
- Филипп Испанский – см. Филипп II.
- Фогт Вольдемар (Voigt W., 1850–1919) – немецкий физик. Доктор философии Кенигсбергского ун-та (1874). Работал там же (1875–1882). Ординарный профессор Геттингенского ун-та (1883–1914). Создал там отлично оборудованный Физический ин-т. Почетный доктор ун-тов Падуи, Глазго, Кембриджа, Манчестера, Гента. 142, 150, 152, 301, 316
- Фолиньо Николо да (Nicolo da Foligno, ок. 1420–1502) – итальянский художник. 176
- Фохт – см. Фогт В.
- Фра Бартоломмео (Fra Bartolommeo, 1469–1517) – итальянский художник. 181, 187
- Франс Анатолий (France A.; наст. имя Франсуа Анатолий Тибо, François-Anatole Thibault, 1844–1924) – французский писатель и литературный критик. Нобелевская премия (1921). 55, 127, 412, 487
- Франц-Ёзеф, Франц круль – см. Франц Иосиф.
- Франц Иосиф (Franz Joseph, 1830–1916) – австрийский император (1848–1867), с 1867 г. – император Австро-Венгрии. 250, 258, 262, 270, 306
- Франц Фердинанд Карл Людвиг Йозеф фон Габсбург (Franz Ferdinand von Österreich-Este, 1863–1914) – австрийский эрцгерцог. 274
- Францевич – сведений о ней найти не удалось. 389
- Франча (Francia, наст. имя – Francesco Raibolino; 1450–1517) – итальянский ювелир, медальер. Основные работы находятся в музеях Болоньи и Мюнхена. 176, 177, 187

- Франческа Пьеро делла – см. Пьеро делла Франческа.
- Франчия – см. Франча.
- Фредерикс Владимир Борисович (1838–1927) – государственный деятель, приближенный императора Николая II. 588
- Фумиани Джанантонио (Fumiani G., ок. 1645–1710) – итальянский живописец флорентийской школы. 167
- Хальс (Гальс) Франс (Hals Fr., между 1581 и 1585–1666) – голландский художник-портретист. 140, 199
- Хаппел Эберхард Вернер (Happel E.W., 1647–1690) – немецкий писатель. 219
- Харьков – неизвестный, ночевавший у С.И. Вавилова в Луцке. 581
- Хаустон Роберт Александр (Houstoun R.A., 1883–19?) – английский физик. Доктор философии Геттингенского ун-та (1906). С 1908 г. преподавал физическую оптику в ун-те Глазго. Автор нескольких учебников по физике. Работы по физической оптике, люминесценции, цветовому зрению. 206, 208, 211
- Хвольсон Орест Данилович (1852–1934) – физик, автор знаменитого 5-томного «Курса физики». 361, 366, 371, 536, 538
- Хели-Хатчинсон Джон (Hely-Hutchinson J., 1757–1832) – военный и политический деятель Британии, генерал-лейтенант. Отличился в сражении при Александрии (1801) в войне с Наполеоном. В 1820 г. в серии, посвященной битвам Британии, была отчеканена в память об этом событии медаль «Генерал Хатчинсон». 396
- Хеопс – египетский фараон (III тысячелетие до н.э.). 407
- Хоменко – солдат из подразделения С.И. Вавилова. 376
- Хомутов – сведений о нем найти не удалось. 239
- Хрипунов – прапорщик, сослуживец С.И. Вавилова. 443
- Хростицкий Анатолий Владимирович (1867–1919) – полковник, начальник штаба Отдельного Гренадерского корпуса его императорского величества. 500
- Хрушев – прапорщик, сослуживец С.И. Вавилова. 551–553
- Худяков Николай Николаевич (1866–1927) – микробиолог. Доктор философии (1894), магистр ботаники (1898). С 1894 г. (или 1896 г.) – профессор Петровской земледельческой и лесной академии (Сельскохозяйственная академия им. К.А. Тимирязева). Параллельно преподавал в Московском ун-те, который покинул в 1911 г. («дело Кассо»). Профессор там в 1919–1927 гг. 64
- Хупка Эрих (Нурка Е., 1884–1919) – немецкий физик. Доктор философии Берлинского ун-та (1909). Работал в Физико-техническом ин-те в Шарлоттенбурге, в 1914 г. – в Немецкой технической высшей школе в Тшингтау (Китай). Погиб, возвращаясь из австралийского пятилетнего плена. Основные работы по физике рентгеновского излучения. 206
- Ц**
- Цветаев Дмитрий Владимирович (1852–1920) – историк. В 1906–1914 гг. директор Московского коммерческого училища. 30, 535
- Цезарь Гай Юлий (Caesar G.I., 100 или 102 до н.э. – 44 до н.э.) – римский государственный и политический деятель, полководец. 45, 48, 49, 68, 92, 128, 129
- Цейс (Цейсс) Карл (Zeiss C.F., 1816–1888) – немецкий оптик, основатель известной фирмы оптических инструментов в Йене (с 1846 г.). 218
- Ценнек Джонатан (Zenneck, J.A.W., 1871–1959) – физик, радиоинженер. 528, 533, 534, 536, 538
- Цеппелин Фердинанд фон, граф (Zeppelin F. von, 1838–1917) – немецкий инженер, изобретатель. В 1899 г. построил первый дирижабль жесткой конструкции, к 1906 г. усовершенствовал его (цеппелин). В 1913 г. цеппелины были приняты на вооружение германской армии. 457, 536, 549, 561, 563, 565, 569
- Церетели Зиновий Филимонович (1881–1920) – подполковник, исполняющий должность начальника штаба 3-й гвардейской кавалерийской дивизии. 551
- Цицерон Марк Туллий (Ciceron M.T., 106–43 до н.э.) – оратор, писатель, политический деятель Древнего Рима. 247
- Цорн – см. Сорн.
- Ч**
- Чабан – солдат из подразделения С.И. Вавилова. 376
- Чайковский Пётр Ильич (1840–1893) – композитор, дирижёр, педагог. 214
- Чебышев Николай Владимирович (убит в сентябре 1916 г.) – поручик, однополчанин С.И. Вавилова по 25-му саперному батальону. 342, 347, 353, 362, 367, 432, 443, 575

- Челлини Бенвенуто (Cellini B.; 1500–1571) – итальянский скульптор, ювелир, живописец, писатель. 191, 192
- Челпанов Георгий Иванович (1862–1936) – философ, логик, психолог. 56
- Чемоданов Михаил Михайлович (1856–1908) – стоматолог, художник-карикатурист. 200
- Черни – однополчанин С.И. Вавилова. 379, 380, 382, 383, 387, 443, 452, 455, 482, 484–488, 491, 492, 515–518, 520–522, 590
- Чернов – прапорщик, сослуживец С.И. Вавилова. 482
- Черновы – семья московского купца Ивана Ивановича Чернова, владевшего магазином колониальных товаров на ул. Б. Пресня. 482
- Чехов Антон Павлович (1860–1904) – писатель, драматург, врач. 33, 97, 144, 150, 362, 373, 533
- Чечот – хозяин поместья в Савичах, внук Яна Чечота (1796–1847), польского, белорусского, литовского фольклориста и этнографа. 509
- Чигорин Михаил Иванович (1850–1908) – шахматист, победитель ряда международных и все-российских турниров. 519
- Чимабуэ Джованни (Cimabue G., 1240–1302) – флорентийский художник. Учитель Джотто. 187, 190
- Чима да Конельяно Джанбатиста (Cima da Conegliano, наст. имя Conegliano; ок. 1459–1517/18) – итальянский живописец. 155, 177
- Чубарев – однополчанин С.И. Вавилова. 383, 455
- Чувилляев (ок. 1890–?) – соученик С.И. Вавилова по Московскому коммерческому училищу. 44
- Чуковский Корней Иванович (наст. имя и фам. Николай Васильевич Корнейчуков, 1882–1969) – поэт, публицист, критик, переводчик и литературовед. 33, 62
- Чурлянис – см. Чюрлёнис М.К.
- Чюрлёнис Микалоюс Константинас (Čiurlionis M.K., 1875–1911) – литовский художник и композитор. 257, 453
- Ш**
- Шалапин Фёдор Иванович (1873–1938) – певец. 62, 69, 176, 388
- Шанявский Альфонс Леонович (1837–1905) – генерал, общественный деятель народного образования. На его деньги был организован в Москве Народный университет и построено для него здание (1908). 117
- Шапошников Константин Николаевич – физик. В 1910-е гг. преподавал в 1 и 5 московских женских гимназиях. 502
- Шах-Назаров – сослуживец С.И. Вавилова по гвардейской кавалерийской дивизии. 552
- Шахнова Мария – хозяйка (?) имения в Шахновщине. 523
- Шварц – однополчанин С.И. Вавилова в 1914–начале 1915 г. 286, 374, 377, 379, 380, 383, 455, 481, 483, 484, 486, 517–519, 522
- Шекспир Уильям (Shakespeare W., 1564–1616) – английский драматург и поэт. 109, 154, 393
- Шенкнехт – капитан, сослуживец С.И. Вавилова. 561, 566, 577, 590
- Шереметевский – сослуживец С.И. Вавилова по телеграфной роте. 443, 490
- Шибанов Павел Петрович (1864–1935) – букинист-антиквар, автор работ по истории антикварной книжной торговли в России, библиофил. 317
- Шиллер Фридрих фон (Schiller F. von; 1759–1805) – немецкий поэт, философ, историк, теоретик искусства и драматург. 101, 102, 209, 319, 468
- Шилов – участник Первой мировой войны. 508
- Шимов – прапорщик, однополчанин С.И. Вавилова. 306
- Шиховский (Шиховской) – подпоручик, сослуживец С.И. Вавилова. 385–387, 389, 392, 395, 398, 400–402, 404, 407, 408, 410, 414–416, 418–420, 424, 426–428, 430, 431, 433, 435, 438–443, 446, 447, 450–455, 457, 461, 472, 473, 476, 477, 479–482, 484–486, 488–493, 495, 496, 500, 501, 503, 507, 517–519
- Шляхтин – штабс-капитан, сослуживец С.И. Вавилова. 518, 535, 469
- Шмидель Валерьян Валерьянович – управляющий лесом в поселке Косцюшков. 402
- Шопен Фредерик (Chopin F.; 1810–1849) – польский композитор и пианист. 98, 282, 326, 483
- Штарк Иоганн (Stark J., 1874–1957) – немецкий физик. Член Берлинской АН. Нобелевская премия (1919). 116
- Штур (Stur) – не удалось установить, о ком идет речь. 181
- Штюрмер Борис Владимирович (1848–1917) – государственный деятель. 588
- Шура – сестра милосердия. 480, 481

- Щёголев Павел Елисеевич (1877–1931)** – историк литературы и общественных движений в России. Пушкинист. 251
- Эверт Алексей Ермолаевич (1857–1926)** – генерал, командующий 4-й армией, с 20 августа 1915 г. – главнокомандующий армиями Западного фронта. 372, 503
- Эвелин (Evelyn)** – автор книги о Пьеро делла Франческо. 208
- Эвклид** – см. Евклид.
- Эддингтон Артур Стэнли (Eddington A.S., 1882–1944)** – английский астроном и физик. Член Лондонского королевского об-ва (1914), иностранный чл.-корр. Российской АН (1923) и многих других академий и научных обществ. В 1906–1913 гг. работал в Гринвичской обсерватории, в 1913–1944 гг. профессор Кембриджского ун-та, в 1914–1944 гг. также директор университетской обсерватории. 521, 522
- Эдмондо Де Амичис (Edmondo De Amicis, 1846–1908)** – итальянский писатель, поэт и журналист. 496
- Эзоп** – полубогендарный древнегреческий баснописец. 398
- Эйлер Леонард (Euler L., 1707–1783)** – математик, механик, физик, астроном. В 1727–1741 гг. и с 1766 г. работал в России. 94
- Эйнем Фердинанд Теодор фон (Einem F.Th. von, 1826–1876)** – основатель «Товарищества Эйнем», впоследствии кондитерской фабрики «Красный Октябрь». 289
- Эйнштейн Альберт (Einstein Al., 1879–1955)** – физик-теоретик, один из создателей современной физики, иностранный чл.-корр. Российской АН (1922). Лауреат Нобелевской премии (1921). 371
- Эйхенвальд Александр Александрович (1863/64–1944)** – физик и инженер. Академик АН Украины (1919). Окончил Петербургский ин-т инженеров путей сообщения (1888). С 1897 г. работал в Московском инженерном училище (Московский ин-т инженеров транспорта), в 1905–1908 гг. – первый выборный директор его. Преподавал также в других вузах Москвы, в частности в Московском ун-те (1906–1911 и 1917–1920). С 1918 г. член Коллегии научно-технического отдела при Высшем совете народного хозяйства, с 1920 г. работал в Берлине. В 1922 г. вышел в отставку. В 1923 г. переехал в Прагу, с конца 1920-х гг. жил в Милане. Исследования по электромагнетизму, оптике, акустике. 116
- Эккерман Иоганн Петер (Eckermann J.P., 1792–1854)** – немецкий писатель. Наибольшую известность ему принесли трехтомные «Разговоры с Гете в последние годы его жизни». 141
- Эль Греко (El Greco; наст. фамилия Теотокопули Доменико, 1541–1614)** – испанский художник греческого происхождения. 140, 164–167, 186, 190, 204, 245, 282, 283, 285, 381, 382, 420, 456, 476
- Эмар Гюстав (Aimard G., 1818–1883)** – французский писатель. 515
- Энвер-паша (Enver Pasa, 1881–1922)** – османский военный и политический деятель, идеолог и практик пантюркизма, глава триумvirата, управляющего Турцией в годы Первой мировой войны, поэт, художник. 342
- Энгельгардт Борис Михайлович (1887–1942)** – литературовед. 527
- Энрикес** – см. Энрикес Ф.
- Энрикес Федерико (Enriques F., 1871–1946)** – итальянский математик. С 1896 г. – профессор Болонского, с 1902 г. – Брюссельского, с 1923 г. – Римского ун-тов. В 1908 г. основал журнал «Scienta». 177, 211
- Эразм Роттердамский (Erasmus Rotterdamus, 1469–1536)** – нидерландский ученый-гуманист, писатель, филолог, богослов. 117, 590
- Эренфест Пауль (Ehrenfest P., 1880–1933)** – физик-теоретик. Окончил Венский ун-т (1904). С 1907 г. профессор Петербургского политехнического ин-та, с 1912 г. – Лейденского ун-та. 206
- Юз (Хьюз) Дэвид Эдвард (Hughes D.E., 1831–1900)** – физик и изобретатель в области электротехники, член Лондонского королевского об-ва (1880). В 1855 г. получил патент на буквопечатающий телеграфный аппарат («аппарат Юза»), нашедший применение с 1856 г. в США, а затем с 1862 г. во многих странах Европы, в том числе в России. 352, 363, 372, 373
- Юрек** – мальчик из Леженице. 397
- Юсти Карл (Justi C., 1831–1912)** – немецкий историк искусства. 205
- Юшкевич Семён Соломонович (1868–1927)** – писатель, драматург. 451, 540

Яковлев Михаил Иванович (1889–?) – инженер. Соученик С.И. Вавилова по Московскому коммерческому училищу. 30, 32, 44, 51
Янина – знакомая С.И. Вавилова по Савичам. 492, 493, 507
Яницкий – помещик в Уленже-Гурном. 416

Adamovi – см. Мицкевич Адам
Agostino – см. Августин Аврелий
Amicis de – см. Эдмондо де Амичис
Andrea di Vanni – см. Ванны Андреа
Arrigo Glochero – см. Глокеро А.

Baedecker – см. Бедекер К.
Balaszow – см. Балашов
Barbara – см. Барбара.
Barnett – см. Барнетт С.Дж.
Barocci (Barochio) – см. Бароччи Ф. (Барокио)
Basaiti Marco – см. Базайти М.
Beato – см. Анджелико
Beckford W. – см. Бекфорд У.
Bellini G. – см. Беллини Джованни
Beltrami Z. – см. Белтрами Л.
Billard M. – см. Биллар М.
Boehn M.U. – см. Бен М.У.
Bonifazio – см. Бонифацио
Borgogne – см. Боргонье
Bouchanow – см. Буханов
Boyle – см. Бойль
Brunelleschi – см. Брунеллески Ф.
Buonconsiglio – см. Буонконсильо
Buongiovanni – см. Буонджованни
Byck (правильно: Вук) – см. Бик

Cardano – см. Кардано Дж.
Carno – см. Карно
Caraccio – см. Карпаччо
Caracci (правильно: Сагасси) – см. Караччи
Casanova – см. Казанова
Castagno – см. Кастаньо
Catena – см. Катена
Caton – см. Катон Старший
Christo – см. Иисус Христос
Cimabue – см. Чимабуэ
Contareni – см. Контарени Г.
Corrado Ricci – см. Риччи К.
Corregio – см. Корреджо
Cunningham – см. Канингем
Cyrano – см. Бержерак С.

Dandolo M. – см. Дандоло М.
Debierne – см. Дебьерн А.-Л.
Descartes – см. Декарт Р.
di Giovanni – см. Матео ди Джованни
Dolci – см. Дольчи К.
Donizetti – см. Доницетти Г.
Dumas – см. Дюма А.
Dürer – см. Дюрер

Eckermann – см. Эккерман
Eddington – см. Эддингтон А.

Ehrenfest – см. Афанасьева-Эренфест Т.А.,
Эренфест П.
Einstein – см. Эйнштейн
Enriques F. – см. Энрикес Ф.

Faruffino A. – см. Фаруффино А.
Fiori F. – см. Фьори Ф.
Fra Bartolommeo – см. Бартоломео
Franz-Joseph – см. Франц Иосиф

Garofalo – см. Тизи Б.
Gauss – см. Гаусс
Gay-Lussac – см. Гей-Люссак
Geiger – см. Гейгер
Genga G. – см. Дженга Дж.
Gentile da Fabriano – см. Джентиле да Фабриано
Ghirlandajo – см. Гирландайо
Giacomo Pacchiarotti – см. Паккьяротти Дж.
Giambellino – см. Беллини Джованни
Giorgione – см. Джорджоне
Giotto – см. Джотто
Giovanni di Padova – см. Джованни ди Падова
Goethe – см. Гете
Goldhammer – см. Гольдгаммер
Gozzoli – см. Гоццолли Б.
Greco – см. Эль Греко
Guardi – см. Гварди Ф.
Guasto – см. Гвасто
Guglielmo Vittorioioso – см. Вильгельм II
Guido – см. Рени Г.

Hals – см. Хальс Ф.
Happel – см. Хаппел
Harting – см. Гартинг
Hauff – см. Гауфф В.
Heine – см. Гейне Г.
Helmholtz G. – см. Гельмгольц Г.
Hölderlin – см. Гёльдерлин
Hoffmann – см. Гофман Э.
Holbein – см. Гольбейн
Houstoun – см. Хаустоун
Hupka – см. Хупка

Immermann – см. Иммерманн
Inghirami T. – см. Ингирами Т.

Jaeger – см. Егер
Justi C. – см. Юсти К.

Kaiser – см. Вильгельм II
Kelvin – см. Томсон У.
Kleist – см. Клейст
Klinger – см. Клиндер Ф.М.

Lazareff P.P. – см. Лазарев П.П.
Lenau – см. Ленау Н.
Leonardo da Vinci – см. Леонардо да Винчи
Lessing – см. Лессинг Г.Э.
Lichtenberger – см. Лихтенберже А.
Licinio G.A. – см. Личинио Дж.А.
Lodge – см. Лодж О.Д.
Longhi – см. Лонги П.
Loren[t]z – см. Лоренц Х.А.
Lorenzetti A. – см. Лоренцетти А.
Lorenzo Lippi – см. Липпи Л.
Loti P. – см. Лоти П.
Lotto – см. Лотто Л.
Luigi XIII – см. Людовик XIII
Luther – см. Лютер

Mantegna – см. Мантенья А.
Marconi – см. Маркони Г.
Matteo di Giovanni – см. Маттео ди Джованни
Maxwell J.C. – см. Максвелл
Mazzarini – см. Мазарини Ж.
Meisner – см. Мейзнер
Meldola Andrea Schiavone – см. Мелдола А.
Michel Angelo – см. Микеланджело
Mick[j]ewicz – см. Мицкевич А.
Moeller van den Bruck – см. Мёллер ван ден Брук А.
Montagna – см. Монтанья Б.
Mulie – см. Мулье

Nasini – см. Назини
Nerco di Bicci – см. Нери ди Бичи
Nicolai – см. Николаи Ф.
Nicolo da Foligno – см. Фолиньо Николо да
Nietzsche F. – см. Ницше Ф.
Novalis – см. Новалис
Novina – см. Новина

Orkagna (правильно Orcagna) – см. Орканья А.
Ostwald W. – см. Оствальд В.

Palma – см. Пальма Старший
Pacchiarotti G. – см. Паккьяротти Дж.
Pascal – см. Паскаль Б.
Perrier E. – см. Перрье Э.
Perugino – см. Перуджино
Peter, könig – см. Петр I
Pico della Mirandola – см. Пико делла Мирандола
Piero del Pollaiuolo – см. Поллайоло П.
Piero di Cosimo – см. Пьеро ди Козимо
Pinturicchio – см. Пинтуриккио

Poe – см. По Э.
Pohl R. – см. Поль Р.
Poincaré – см. Пуанкаре
Poussen – см. Пуссен Н.
P.P. – см. Лазарев П.П.
Previtali A. – см. Превитали А.
Pringsheim P. – см. Прингсгейм П.
Puvis – см. Пюви де Шаван

Rembrandt – см. Рембрандт
Richarz – см. Ричарц
Richter J.P. – см. Рихтер Ж.-П.
Righi A. – см. Риги А.
Rostand – см. Ростан Э.
Ruskin – см. Рэскин Дж.
Rucellai – см. Ручеллаи

Sanmicheli – см. Санмикели
Sano di Pietro – см. Сано ди Пьетро
Sattig – см. Саттиг
Schiller F. – см. Шиллер Ф.
Signorelli – см. Синьорелли
Simone de Martini – см. Мартини С.
Sirano – см. Бержерак С.
Sommerfeld – см. Зоммерфельд А.
Spinelli – см. Спинелли
Stramucci – см. Страмуччи
Stuhr – см. Штур
Susterman (правильно: Sustermans) – см. Сустерманс Ю.

Terrail du Ponson – см. Понсон дю Террай
Thoma Hans – см. Тома Ганс
Thun de – см. Тун де
Tiepolo – см. Тьеполо
Tolstoy – см. Толстой Л.Н.

Uccello – см. Уччелло П.

Venturi A. – см. Вентури А.
Verne J. – см. Верн Ж.
Verrocchio (правильно: Verrocchio) – см. Верроккьо

Warcholowna Olga – см. Вархоловна Ольга
Wien – см. Вин
Wilhelm – см. Вильгельм II
Witte – см. Витте Г.

Zamoiskiego – см. Замоиский В.
Zeiss – см. Цейсс
Zenneck – см. Ценнек
Zuloaga – см. Сулоага

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ ВАВИЛОВ (биографический очерк)	13
1909.....	29
1910.....	67
1911.....	104
1912.....	120
1913.....	147
1914.....	217
1915.....	345
1916.....	498
ПРИМЕЧАНИЯ.....	593
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	624

Научное издание

СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ
ВАВИЛОВ

ДНЕВНИКИ, 1909–1951

В двух книгах

К н и г а 1

1909–1916

(Научное наследство. Т. 35, кн. 1)

*Утверждено к печати
Редколлекцией серии «Научное наследство»*

Редактор *Е.А. Жукова*
Художник *В.Ю. Яковлев*
Художественный редактор *Ю.И. Духовская*
Технический редактор *З.П. Павлюк*
Корректоры *А.Б. Васильев, Р.В. Молоканова,*
Е.Л. Сысоева, Т.И. Шеповалова

Иллюстрации воспроизведены в соответствии
с представленными архивными оригиналами

Подписано к печати 04.02.2016
Формат 70 × 100¹/₁₆. Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл.печ.л. 55,4. Усл.кр.-отг. 57,9. Уч.-изд.л. 58,1
Тираж 850 экз. Тип. зак.

ФГУП «Академиздатцентр «Наука»
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
www.naukaran.ru

Отпечатано в ФГУП «Академиздатцентр «Наука»
(Типография «Наука»)
121099, Москва, Шубинский пер., 6

ISBN 978-5-02-039172-7

9 785020 391727

